

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ

**ОПАСНАЯ
ПРОФЕССИЯ**

Очередной том Собрания сочинений Жореса и Роя Медведевых составили воспоминания Жореса Александровича, завершённые им незадолго до кончины в ноябре 2018 г., на 93-м году жизни. В «Опасной профессии» нашли отражение не только этапы собственной биографии знаменитого диссидента, биолога и писателя (фронт, учеба, научная работа, правозащитная деятельность, психиатрическая больница, эмиграция), но и практически вся послевоенная история страны. Перед читателем пройдет галерея портретов выдающихся современников и соратников автора (Николай Тимофеев-Ресовский, Владимир Дудинцев, Петр Капица, Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Юрий Домбровский, Лидия Чуковская...). Огромное число малоизвестных (а то и вовсе прежде не известных) подробностей сообщает автор о политических событиях и деятелях, о формировании в СССР сначала «экономической независимости от капиталистического окружения», а затем «потребительского общества с упрощенной экономикой и коррупцией на высшем уровне». Воспоминания Жореса Медведева, безусловно, станут важным свидетельством эпохи.

- [Жорес Медведев](#)

-

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)

- [Таманский фронт](#)
- [Биология, медицина или агрономия?](#)
- [Трофим Денисович Лысенко](#)
- [Петр Михайлович Жуковский](#)
- [Никитский ботанический сад](#)
- [Августовский переворот](#)
- [Другая академия](#)
- [Кандидат биологических наук](#)
- [Послесловие](#)

- [Глава 2](#)

- [Возвращение из Крыма в Москву](#)
- [Смерть Сталина](#)
- [Радиоактивные изотопы](#)
- [Париж. Международная конференция по радиоизотопам](#)
- [Первая книга](#)
- [Геронтологический конгресс в Сан-Франциско](#)
- [Семь бед – один ответ](#)

- [Глава 3](#)

- [Генетика в СССР](#)
- [Террор в науке](#)
- [Вторая волна репрессий](#)
- [Рождение научного самиздата](#)
- [Последние недели в Москве](#)
- [Новосибирск, Киев и Обнинск](#)

- [Глава 4](#)
  - [Новая лаборатория, новый отдел](#)
  - [Наука требует жертв](#)
  - [Книжные проблемы](#)
  - [Вмешательство ЦК КПСС](#)
  - [На высшем уровне](#)
  - [Идеологический пленум](#)
  - [Первая публикация книги, или Ищи ветра в поле](#)
  - [Вторая публикация «исправленной» книги](#)
- [Глава 5](#)
  - [Вольный город Обнинск](#)
  - [Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в Обнинске](#)
  - [Угроза суда](#)
  - [Андрей Дмитриевич Сахаров](#)
  - [Падение Хрущева](#)
  - [Падение Т. Д. Лысенко](#)
- [Глава 6](#)
  - [Институт медицинской радиологии](#)
  - [Столетие открытия Менделя](#)
  - [Михаил Лернер](#)
  - [Александр Исаевич Солженицын](#)
- [Глава 7](#)
  - [Секреты Обнинска](#)
  - [Петр Леонидович Капица](#)
  - [Ежегодная лекция по старению](#)
  - [«К суду истории»](#)
- [Глава 8](#)
  - [Генетика и радиобиология](#)
  - [Кимберовская премия](#)
  - [Владимир Дмитриевич Дудинцев](#)
  - [Борис Львович Астауров. Владимир Александрович Энгельгардт](#)
  - [Международная конференция, посвященная памяти Н. И. Вавилова](#)
- [Глава 9](#)
  - [Юбилейный год](#)
  - [Юбилейный год в Институте медицинской радиобиологии](#)
  - [Политический поворот](#)
  - [Валерий Алексеевич Павлинчук](#)
  - [Юбилейный год в геронтологии и Алекс Комфорт](#)
  - [Начало правозащитного движения](#)
- [Глава 10](#)
  - [По Протве в Пушино](#)
  - [Можно ли вылечить лейкемию?](#)
  - [Август 1968 г](#)
  - [«К суду истории» издается в США](#)
  - [«В круге первом» издается в США](#)

- [Необходимое пояснение](#)
- [Увольнение Тимофеева-Ресовского](#)
- [Тайна переписки. Законы и реальность](#)
- [Глава 11](#)
  - [Ликвидация отдела генетики и радиобиологии](#)
  - [Нелегальная безработность](#)
  - [Макс Дельбрюк, ученик Тимофеева-Ресовского, получает Нобелевскую премию](#)
  - [Тайна переписки охраняется законом](#)
  - [Судьба новых книг](#)
- [Глава 12](#)
  - [Ученый-единоличник](#)
  - [Сценарий для Жореса Медведева](#)
  - [Насильственная госпитализация](#)
  - [Медицина наоборот](#)
- [Глава 13](#)
  - [Калужская психиатрическая больница](#)
  - [Проблема становится международной](#)
  - [Вот как мы живем](#)
  - [Последняя неделя в Калуге](#)
  - [Кто сумасшедший?](#)
  - [Нобелевская премия по литературе присуждается Солженицыну](#)
  - [Новая работа](#)
- [Глава 14](#)
  - [Новое направление исследований](#)
  - [Подготовка к Геронтологическому конгрессу в Киеве](#)
  - [Публикация книг в Англии и в США](#)
  - [Рой скрывается от ареста](#)
  - [Кончина Александра Твардовского](#)
- [Глава 15](#)
  - [Лекция для Геронтологического конгресса в Киеве](#)
  - [Приглашение из Лондона](#)
  - [Первое интервью Солженицына для американских газет](#)
  - [Приглашение на Нобелевскую церемонию](#)
- [Глава 16](#)
  - [Встреча с Дэвидом Гершоном в Киеве](#)
  - [Встреча с Натаном Шоком](#)
  - [2 июля. «Пройдемте с нами, гражданин»](#)
  - [А между тем в Киеве](#)
  - [Встречи в Москве](#)
- [Глава 17](#)
  - [Трудность выбора](#)
  - [Подготовка к отъезду в Англию](#)
  - [Прощальные визиты](#)
  - [Последняя встреча с Сахаровым](#)

- [Прощальный визит к Солженицыну](#)
- [Виза и отъезд](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава 18](#)
    - [Приезд в Лондон](#)
    - [Английская ферма Холлидея](#)
    - [Начало жизни в Лондоне](#)
    - [Национальный институт медицинских исследований](#)
    - [Советские приоритеты начинаются с Астаурова и Солженицына](#)
    - [Издательство «Flegon Press»](#)
    - [Проблемы А. Д. Сахарова](#)
    - [Дела житейские, но английские](#)
    - [Приглашение на Международный генетический Конгресс](#)
    - [Давайте сохраним это в тайне](#)
  - [Глава 19](#)
    - [Переезд в новый дом](#)
    - [Начало экспериментальной работы](#)
    - [Удар по «черному кабинету» советской почты](#)
    - [Григорий Цезаревич Свирский](#)
    - [Визитер из Советского Союза](#)
    - [Попытка получить международный иммунитет](#)
    - [«Опустелый дом» Лидии Чуковской](#)
    - [ЮНЕСКО и политика](#)
  - [Глава 20](#)
    - [Лишен советского гражданства](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава 21](#)
    - [Временные резиденты Великобритании](#)
    - [Поправка Джексона](#)
    - [Владимир Максимов против братьев Медведевых](#)
    - [Экономический кризис](#)
    - [Кризис в советской оппозиции](#)
  - [Глава 22](#)
    - [Секреты долгожительства](#)
    - [«Архипелаг ГУЛАГ»](#)
    - [Высылка Солженицына](#)
    - [Русское издание книги Роя «К суду истории»](#)
    - [Приглашения в США](#)
  - [Глава 23](#)
    - [Виза в США](#)
    - [«Письмо вождям Советского Союза»](#)
    - [Академик В. А. Энгельгардт в Лондоне](#)
    - [Письмо отца, прочитанное через 34 года](#)
    - [Круиз в Америку](#)
  - [Глава 24](#)

- [Нью-Йорк](#)
- [Мичиган, Иллинойс и Массачусетс](#)
- [Глава 25](#)
  - [Геронтологический центр в Балтиморе](#)
  - [Книга рекордов Гиннеса](#)
  - [Сенатор Генри Джексон и его поправка](#)
  - [Калифорния](#)
  - [Длинная дорога домой](#)
- [Глава 26](#)
  - [Испания – 1974](#)
  - [Мстислав Ростропович в Париже](#)
  - [Подготовка к новой поездке в Америку](#)
  - [«Архипелаг ГУЛАГ», том 2](#)
  - [Старший научный сотрудник отдела генетики](#)
  - [Нобелевский институт](#)
  - [Открытое письмо Солженицына](#)
- [Глава 27](#)
  - [Доклад для сената](#)
  - [Сенат, комната 4221](#)
  - [Дарем. Университет Дьюка](#)
  - [Гарвардский университет](#)
  - [Поправка Джексона. Соглашение, которого не было](#)
  - [Буффало – Кливленд](#)
  - [Портленд](#)
  - [Итака. Корнеллский университет](#)
  - [Открытое письмо Чуковской и Копелева](#)
- [Глава 28](#)
  - [Лидия Чуковская и Лев Копелев](#)
  - [Работа в институте. 10-й Геронтологический конгресс](#)
  - [Появление журнала «Континент»](#)
  - [Атака на книгу Роя Медведева «К суду истории»](#)
  - [Почему обеспокоилась британская контрразведка?](#)
- [Глава 29](#)
  - [Снова геронтология](#)
  - [Попытка покупки дома](#)
  - [«Бодался теленок с дубом»](#)
  - [Раиса Львовна Берг](#)
  - [Рита на родине](#)
  - [Международный геронтологический конгресс в Иерусалиме](#)
  - [Борис Цукерман и Михаил Агурский](#)
- [Глава 30](#)
  - [Журнал Роя Медведева «Двадцатый век»](#)
  - [Валентин Турчин – предсказатель Интернета](#)
  - [Париж, июль 1975](#)
  - [Ефим Эткинд и Жан Катала](#)

- [«Ленин в Цюрихе» Солженицына](#)
- [Издательство «Т.С.D. Publications»](#)
- [Обыск у Роя](#)
- [Глава 31](#)
  - [Дом в Лондоне](#)
  - [Книга «Хрущев. Годы у власти»](#)
  - [Зарубежные издания альманаха «Двадцатый век»](#)
  - [М. П. Якубович в «Архипелаге ГУЛАГ»](#)
  - [Самая трудная миссия](#)
- [Глава 32](#)
  - [НАТО – Бумажный тигр](#)
  - [«Архипелаг ГУЛАГ», том 3](#)
  - [Исторический побег с Соловков](#)
  - [Биохимический конгресс](#)
  - [Евгения Гинзбург и Василий Аксенов](#)
- [Глава 33](#)
  - [Третий раз в Америке](#)
  - [Трагедия Леонарда Хейфлика](#)
  - [Геронтологическая конференция и профессор Хейфлик](#)
  - [Принстонский университет. Профессор Роберт Такер](#)
  - [Коннектикут и Иллинойс](#)
  - [Солт-Лейк-Сити](#)
  - [Индиана, Вашингтон и Вермонт](#)
  - [Американцы выбирают Джимми Картера](#)
  - [Уральская ядерная катастрофа](#)
- [Глава 34](#)
  - [В Лондоне](#)
  - [В Италии](#)
  - [Владимир Яковлевич Лакшин поднимает перчатку](#)
  - [Конец «секретного круга» Солженицына в США](#)
  - [Английский Кембридж меняем на американский](#)
  - [Уральская ядерная катастрофа – сообщение из Иерусалима](#)
- [Глава 35](#)
  - [Юрий Осипович Домбровский](#)
  - [Озера в зоне Уральской ядерной катастрофы](#)
  - [Юбилейный 1977-й](#)
  - [Вторая поездка Риты на родину](#)
- [Глава 36](#)
  - [Мой новый статус](#)
  - [Книга Роя об Октябрьской революции](#)
  - [Приглашение в Ок-Ридж и в другие атомные центры](#)
  - [Радиоактивные перелетные птицы](#)
  - [Таинственное озеро](#)
  - [ЦРУ протягивает руку помощи](#)
- [Глава 37](#)

- [США 1977. Новый курс](#)
- [Нью-Йорк в 1977-м](#)
- [Брукхейвен и Принстон](#)
- [Вашингтон](#)
- [Техас. Первая диссертация об экспедициях Николая Вавилова](#)
- [Окридская национальная лаборатория](#)
- [ЦРУ раскрывает секреты](#)
- [Глава 38](#)
  - [Почему мы стареем](#)
  - [Раиса Львовна Берг в Мэдисоне](#)
  - [Мэдисонский музей сталинского искусства](#)
  - [Конференция по геронтологии в Сан-Франциско](#)
  - [Юрий Трифонов и советский авангард в Сан-Франциско](#)
  - [Лев Наумович Ланда в Нью-Йорке](#)
- [Глава 39](#)
  - [Новые гистоны, новый лаборант](#)
  - [Венецианский биеннале](#)
  - [Семейные новости и проблемы](#)
  - [Булгакиада Владимира Лакшина и Фолкера Левина](#)
- [Глава 40](#)
  - [Николай Иванович Вавилов и Лондонское королевское общество](#)
  - [Долгая реабилитация Н. И. Бухарина](#)
  - [Вена – 1978](#)
  - [Речь Солженицына в Гарварде](#)
- [Глава 41](#)
  - [Проблемы Конгресса по генетике в Москве](#)
  - [Юрий Орлов](#)
  - [Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский](#)
  - [Приглашение в Лос-Аламос](#)
  - [Неизвестные ликвидаторы Уральской катастрофы](#)
  - [Я лечу в США, Рита в СССР](#)
- [Глава 42](#)
  - [США – 1978](#)
  - [В Нью-Йорке](#)
  - [Коннектикут и другие штаты. Александр Некрич в Гарварде](#)
  - [Даллас](#)
  - [Лос-Аламос](#)
  - [Будет ли издаваться моя книга?](#)
- [Глава 43](#)
  - [Иранская революция изменила мир](#)
  - [Оборванная повесть Бориса Пильняка](#)
  - [Александр Зиновьев в эмиграции](#)
  - [Рой Медведев – кандидат в депутаты](#)
- [Глава 44](#)
  - [Религиозные диссиденты](#)

- [Чрезвычайные полномочия КГБ](#)
- [Моральный террор и провокации](#)
- [Книга «Атомная катастрофа на Урале» издается в ФРГ, Италии, Англии и США](#)
- [Гипотеза Лос-Аламоса](#)
- [Открытия ученых Ок-риджа](#)
- [Не одна, а три радиационных проблемы](#)
- [Советский Союз накапливал радиоактивный цезий-137](#)
- [Механизм взрыва](#)
- [Глава 45](#)
  - [Сибирская язва в Свердловске](#)
  - [Дэвид Флорид, Андрей Вознесенский и Булат Окуджава](#)
  - [Оккупация Афганистана и зерновой бойкот](#)
  - [Горьковская ссылка А. Д. Сахарова](#)
  - [Василий Аксенов – Отъезд в США](#)
- [Глава 46](#)
  - [Постоянная работа](#)
  - [Как получить британское гражданство](#)
  - [Проверка на лояльность](#)
  - [Айова – кукурузная столица мира](#)
  - [Сан-Диего и Институт Солка](#)
  - [Проект новой книги](#)
- [Глава 47](#)
  - [Предисловие к главе о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском](#)
  - [Похороны в Обнинске](#)
  - [Проблемы с некрологом](#)
  - [Николаус Риль и 120 тонн урана](#)
  - [Тимофеев-Ресовский встречается с Завенягиным, заместителем Берии](#)
  - [Вклад Николауса Рилия в советский атомный проект](#)
  - [Арест Тимофеева-Ресовского. Карлаг, Электросталь и Сунгуль \(1945–1947\)](#)
  - [Некролог для Genetics](#)
- [Глава 48](#)
  - [Новый вызов из М15](#)
  - [Барон Каган и Гарольд Вильсон](#)
  - [Юбилей А. Д. Сахарова](#)
  - [Новый кризис](#)
  - [Запросы на статьи об эпохе Брежнева](#)
  - [Лев Копелев в ФРГ](#)
- [Глава 49](#)
  - [Желтый дождь](#)
  - [«Ученые и ядерная война» – конференция в Нью-Йорке](#)
  - [Мэтью Мезельсон и «желтый дождь»](#)
  - [Открытия Питера Эштона и Томаса Сили решают проблему](#)
  - [Моя поездка в США и новая встреча с Мезельсоном](#)

- [Желтый дождь продолжается](#)
- [Новое открытие](#)
- [Глава 50](#)
  - [Уолтер Кронкайт в хрущевской пятиэтажке](#)
  - [Борис Кагарлицкий и Лен Карпинский](#)
  - [Смерть генерала Цвигуна](#)
  - [Смерть Михаила Сулова](#)
  - [Роберт Максвелл и «Pergamon Press» – издатели для членов Политбюро](#)
- [Глава 51](#)
  - [Rule, Britannia!](#)
  - [О хлебе насущном](#)
  - [Смерть Брежнева](#)
  - [Конец эпохи застоя](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
-

Жорес Медведев

Опасная профессия

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© Жорес Медведев, 2019

© «Время», 2019

* * *

Таманский фронт

Наша семья встретила войну в Ростове-на-Дону. Мне было тогда пятнадцать лет. И уже через три месяца немецкая армия захватила Таганрог – в ста километрах от Ростова. Мы, бросив все, уехали в Тбилиси – город, где я родился. Когда пришла повестка из военкомата, предписывавшая явиться туда 1 февраля 1943 года с вещами и документами, я еще учился в десятом классе и мне лишь недавно исполнилось семнадцать лет. В войне уже произошел поворот: Советская армия, освобождая Северный Кавказ, приближалась к Краснодару. Армии срочно требовалось пополнение, и призывной возраст был сдвинут на год младше и на два года старше. Молодых новобранцев отправили на обучение в Кутаиси. Там за городом располагался запасной полк, в котором новобранцев ускоренно обучали военному делу: стрелять, метать гранаты, ползать по-пластунски, колоть штыком, бить прикладом, орудовать саперной лопаткой. Я попал в первую русскую маршевую роту нашего призыва, которую отправляли в действующую армию в конце апреля. Грузинские новобранцы, преобладавшие среди призванных, особенно из деревень, обучались медленно из-за плохого знания русского языка. Они оставались в Кутаиси для дальнейшей подготовки. Наш эшелон двигался из Кутаиси до Краснодара через Баку и весь недавно освобожденный Северный Кавказ. На станциях местные жители приносили нам молоко и хлеб, иногда вареные яйца и сало. Из Краснодара на машинах мы доехали до станицы Крымская на Таманском полуострове. Эту станицу освободили лишь неделю назад в боях по прорыву «Голубой линии» немецкой армии, защищавшей подступы к Новороссийску и Керчи. С моря, недалеко от Новороссийска, был высажен десант, потеснивший немцев и создавший плацдарм. То была знаменитая Малая Земля, а одним из политработников десанта был подполковник Леонид Брежнев. По плану командования, который нам объявили после зачисления в 169-й стрелковый полк 1-й особого назначения дивизии 56-й армии, наш полк был включен в группу прорыва второго рубежа «Голубой линии» и освобождения станицы Киевская. Для поддержки пехоты была стянута мощная техника, в основном артиллерия – не менее двухсот стволов на километр фронта. Пехотным частям предстояло, прорвавшись через немецкую оборону, взять с ходу и следующий рубеж «на плечах отступающего противника», как говорилось в зачитанном приказе. У немецкой армии на подступах к Новороссийску было множество укрепленных пунктов.

Военные операции на Таманском полуострове почти не отражены в западной литературе по истории войны, хотя там оказалась наивысшая концентрация войск по сравнению с другими фронтами. На линии фронта протяженностью немногим больше 100 км была дислоцирована 17-я немецкая армия, имевшая шестнадцать пехотных и две танковых дивизии и четыре отдельных полка. Из Крыма немецкую армию прикрывали более тысячи самолетов. Почти такое же количество живой силы и техники имела 6-я армия фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. С советской стороны на Таманском полуострове действовали три армии, состоявшие из двадцати одной дивизии и пяти отдельных бригад. На линии прорыва в 30 км перед 56-й армией, которой командовал генерал Гречко, в глубокой обороне стояли пять немецких дивизий. Прорыв немецкой обороны после мощной артподготовки и ударов с воздуха произошел довольно быстро. Проволочные заграждения

были размечены по сторонам. В немецких траншеях, которые шли в несколько рядов, мы, держа винтовки с примкнутыми штыками наготове, пробегали в основном по трупам немецких солдат. Главной опасностью на подступах к траншеям были противопехотные мины – не менее тысячи на каждый километр фронта. Мы приближались к немецким окопам рядами, друг за другом. Тот, кто шел впереди, нередко наступал на мину.

За немецкими позициями была уже степь, очень холмистая. Вдали зеленела садами станица Киевская. Но перед ней немцы заранее построили еще одну линию многослойной обороны с колючей проволокой и минными полями. Взять ее с ходу «на плечах отступающего противника» наш полк уже не смог. Противник не отступал и строчил из пулеметов. Мы залегли и начали окапываться. Мне посчастливилось – поблизости оказалась воронка от бомбы, которую я быстро превратил в глубокий окоп. Стало смеркаться. В темноте приехала ротная полевая кухня на конной тяге, подвезли хлеб, махорку, сахар и бутылки с водкой. Во время боев каждому бойцу полагались знаменитые наркомовские сто грамм. Горячей едой наполняли котелки. Пшенная каша с американской тушенкой. Но очередь к ротной кухне выстроилась небольшая. Днем раньше, в лесочке перед началом прорыва, в роте, которой командовал капитан Петров, было 150 стрелков. Она была полностью укомплектована. К вечеру первого дня боев в строю осталось 30 человек. После кухни подвезли боеприпасы. Я взял себе ящик патронов и шесть гранат. Другие бойцы тоже запасались надолго.

На следующий день немцы неожиданно предприняли контратаку. Их командование знало, что сильно разреженные части противника укрылись в беспорядочных индивидуальных окопах и управлять такой обороной трудно. Каждый солдат действует самостоятельно. Главный удар контратаки немцы направили на ближайший советский полк, который располагался ниже нас, в 400–500 метрах левее наших позиций. Мы видели ползущие вдали немецкие танки, их было около двадцати. Сразу за ними – маленькие фигурки солдат. Из штаба полка прибежал связной, младший лейтенант, и передал приказ поддержать соседей огнем. Вместо того чтобы вернуться в штабной блиндаж, он спрыгнул в мой окоп – у меня было достаточно места на двоих. Прицельный огонь по бегущим немецким солдатам на таком расстоянии вести невозможно, я стрелял в направлении танков, быстро меняя обойму за обоймой. Патронов было много. Младший лейтенант вдруг попросил: «Дай пострелять». Я отдал ему винтовку и присел отдохнуть. Он высунулся из окопа, прицелился, но выстрелить не успел. Раздался какой-то булькающий звук, и мой сосед стал сползать вниз. Он был мертв, пуля пробита ему шею. Прежде чем встать, я поднял на штыке наружу свою каску. Дзинь! – каска пробита навывлет. Каски наши были очень тонкими и защищали лишь от осколков мин и гранат. Стало понятно, что где-то поблизости наши позиции уже держал под прицелом немецкий снайпер.

И все-таки контратака противника была отбита. Индивидуальные окопы не дают возможности маневра, но из них в открытой степи никто не побежит. Нужно биться до конца. Патронов и гранат у каждого бойца было много. На поле боя остались три немецких танка. Ночью бойцов соседнего полка отвели в тыл, заменив резервным батальоном. Многих выносили на носилках.

Следующие несколько дней немецкий снайпер увеличивал число наших потерь. Индивидуальные окопы сильно ограничивали возможности активной обороны. Связистка Оля, обеспечивавшая телефонную связь между командиром роты и командиром батальона, была убита при очередной попытке восстановить поврежденный минометным обстрелом

провод, тянувшийся в тыл по поверхности земли. Связистом назначили меня. Две первые миссии по восстановлению связи я проводил в темноте, это было относительно безопасно. Взяв под локоть телефонный провод, а в руки моток изоляционной ленты, нужно было идти в тыл, находить разрывы, зачищать концы, соединять их и изолировать липкой лентой. На всей линии в полкилометра до блиндажа комбата случилось по пять-шесть разрывов.

31 мая после утренней бомбежки с воздуха, повредившей и телефонные провода, командир приказал мне восстановить связь немедленно. Схватив провод и пригнувшись, я побежал в тыл. Первый разрыв нашел метрах в двадцати от наших позиций и быстро соединил провод. Но, вскакивая для следующей пробежки, ощутил сильный удар в правую стопу, уже приподнятую над землей. Я упал и быстро пополз назад, поняв, что это ранение. В санитарном окопе роты две медсестры перевязали сквозную рану, которая почти не кровоточила. Кровь пошла, лишь когда я дополз до своего окопа. Бинтовал ногу обмотками, но остановить кровотечение не мог. Что было потом, не помню. Очнулся утром после переливания крови в полевом госпитале, расположенном в роще. Выносить раненых с позиций можно было только ночью.

Подробности госпитальной жизни помню плохо – это не те острые впечатления фронтовой жизни, которые я потом часто вспоминал. Жизнь в госпитале не требовала усилий и напряжения воли, один день был похож на другой. Операций мне не делали, обработали входную и выходную раны, забинтовали ногу и уложили в гипс. Затем отправили в эвакогоспиталь в Краснодар, через два дня – в другой госпиталь в Баку, а затем на стационарное лечение в Тбилиси. Там меня уже могли навещать мама, Рой, тети, кузины и друзья. Выписывала из госпиталя врачебная комиссия, которая и решала, куда тебя отправить: обратно в строй, на нестроевую службу или на инвалидность третьей, второй или первой группы. Первая группа – это потеря конечностей и полная нетрудоспособность, вторая – потеря одной руки или ноги, третья – сохранение ограниченной трудоспособности. Мне дали вторую группу инвалидности, но временно, на три месяца, так как у меня еще не прекратился остеомиелит (воспаление надкостницы), требовались перевязки и осмотры. В 1944 году перевели в третью группу, уже в Москве. Основным документом у всех покидавших госпиталь была выписка из истории болезни, на основании которой уже по месту жительства назначалась пенсия и выдавались документы – в моем случае паспорт и свидетельство военкомата об освобождении от воинской обязанности.

Биология, медицина или агрономия?

В январе 1944 года я приехал из Ростова-на-Дону в Москву с намерением поступить на биологический факультет МГУ. Приема студентов зимой нет, но у меня не было другого выхода.

В декабре 1943 года раздробленные пулей кости стопы срослись достаточно прочно, что позволило мне сменить костыли на палочку. Брат Рой служил в тыловых частях. Как демобилизованный из армии по инвалидности я имел право вернуться в Ростов, освобожденный от немцев весной 1943 года. Действовали указы, гарантировавшие возвращавшимся в освобожденные города жителям право на жилплощадь.

Ростов-на-Дону, который был дважды оккупирован (осенью 1941-го и летом 1942-го), подвергся сильным бомбардировкам. Но пятиэтажный дом № 78 на Пушкинской улице, в котором была наша двухкомнатная квартира, стоял невредимым. Квартира эта принадлежала

тете Наде с бабушкой. Мы переехали к ним после ареста в Москве нашего отца Александра Романовича, профессора военной академии. Он был осужден как «бухаринец» и умер в марте 1941 года в одном из лагерей Магаданской области. Отец был очень сильным мужчиной и физически закалял нас с братом с раннего детства. Но каторжной работы на Колыме не вынес и он.

В нашей двухкомнатной ростовской квартире жили теперь сразу три семьи, переселенные из разрушенных домов. Хлопотать о ее возвращении не имело смысла. Никаких принадлежавших нам вещей там не осталось. Пропала и большая библиотека отца которой мы дорожили больше всего. Моя двоюродная тетя, хорошо известный в Ростове зубной врач с собственным кабинетом в центре города на проспекте Буденного, не уехавшая из города, была расстреляна вместе с мужем при ликвидации немцами всех ростовских евреев. (Вторичная оккупация Ростова произошла 24 июля 1942 года. Но уже 11–12 августа все оставшиеся в городе евреи – около 15 тысяч человек, включая детей, – были расстреляны в Змиевской балке за городом.) Мы убеждали тетю уехать, но она не хотела все бросать, надеясь на свою русскую фамилию Сахарова и на то, что хорошие зубные врачи нужны при любом режиме. Своих детей у нее не было. В ее замечательную квартиру вселился при оккупации офицер гестапо. Теперь там тоже жили несколько семей.

В Ростове я прожил около недели. Меня приютила мать школьного друга Кости Рагозина, который воевал где-то в Белоруссии. Его отец пропал без вести летом 1942 года на подступах к Сталинграду. Делать в городе мне было нечего, и я пошел на вокзал, чтобы уехать в Москву. В то время в каждом пассажирском поезде был вагон для раненых, в который человеку в солдатской шинели можно было сесть без билета. Контролеры в эти обычно переполненные вагоны не заходили. Ехали в большой тесноте. Мне досталось место лишь в тамбуре. Моим соседом оказался тяжелораненый капитан. Его сопровождала медсестра. Прямого сообщения между Ростовом и Москвой еще не было, и поезд проезжал через руины Сталинграда. В Москве я оказался лишь через шесть дней. На железнодорожных станциях были специальные столовые для возвращавшихся из госпиталей демобилизованных. Четверть пассажиров вагона составляли тяжелораненые, нередко без ног. Их сопровождали санитары или медсестры.

Декан биофака МГУ принял меня приветливо и был готов зачислить кандидатом в студенты, с тем чтобы начать учебу в октябре. Инвалидов войны принимали в то время в вузы вне конкурса и без вступительных экзаменов. Студентов-мужчин было немного. Но университет, только недавно вернувшийся из эвакуации в Казань, не имел пока студенческого общежития. Во втором медицинском институте также оказались проблемы с общежитием. Все прежние общежития были заняты под военные госпитали. Директора института явно удивила моя эрудиция в области медицины (основанная на книгах И. И. Мечникова, Поля де Крюи и А. А. Богомольца, прочитанных еще до войны). Он был готов зачислить меня в студенты сразу, но лишь на санитарный факультет. «Вы пропустили анатомию человека, без нее на лечебном факультете делать нечего. Нужно ждать до осени», – объяснил он.

В Москве я жил уже пять дней, ночуя либо на Казанском, либо на Ленинградском вокзалах. При карточной системе на продукты питания купить еду можно было лишь на вокзалах в буфетах специальных залов для военных и демобилизованных. Кое-где были и столовые для раненых. Сотни тысяч инвалидов войны, выписанных из госпиталей, перемещались по стране, не имея возможности вернуться домой. Власти просто не знали,

что с ними делать, и вокзалы стали для них общежитиями. Их родные города и деревни были сильно, а часто и полностью разрушены либо еще не освобождены. В январе 1944 года Крым и Одесса оставались оккупированными немецкой армией, бои шли за Кривой Рог. Именно в это время произошел разгром немецких войск, окружавших Ленинград. Всю Белоруссию, Прибалтику и Молдавию еще предстояло освободить.

В Петровско-Разумовское, где раскинулись на большой территории красивые учебные корпуса, общежития, опытные поля, пруды и лес Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, я приехал на пригородном поезде с Ленинградского вокзала. Декан агрономического факультета профессор Николай Александрович Майсурян оказался моим земляком, он родился и окончил университет в Тбилиси. Я снова получил предложение стать кандидатом в студенты. Но до начала нового учебного года мне предложили работу и общежитие. Работа была простая, но опасная – промывка белого кварцевого песка концентрированной соляной кислотой, чтобы освободить его от всех минеральных солей. В подвале, где стояли промывные баки, приходилось надевать противогаз. Этот песок, который затем надо было отмывать и от соляной кислоты простой и дистиллированной водой, тоннами использовался для агрохимических и физиологических опытов с разными комбинациями удобрений. Весной, как рабочему опытной станции, мне предложили две сотки уже распаханного поля подмосковного учхоза «Отрадное» под огород. В октябре, когда я наконец стал студентом, под моей кроватью в общежитии лежали два больших мешка с картошкой.

Трофим Денисович Лысенко

Мои научные интересы в области проблем старения сложились, когда мне было еще пятнадцать-шестнадцать лет. Зимой 1942 года я часами просиживал в публичной библиотеке Тбилиси, конспектируя монографию А. В. Нагорного «Проблема старения и долголетия» изданную в Харькове в 1940 году. В Тимирязевской академии этой темой занимались на кафедрах зоологии, ботаники, химии и физикохимии, физиологии и биохимии. То, что их исследования относились к растениям и животным, а не к человеку, не имело значения. Растения и животные тоже стареют, хотя и неодинаково. Для животных необходимость старения тела достаточно логично объясняла теория Вейсмана о смертности сомы и бессмертии зародышевой плазмы. Но у растений явно не было отдельного от сомы зародышевого пути. Они были способны к неограниченному вегетативному бесполому размножению. Из соматических клеток можно было получить новое растение. Растения размножаются клубнями, черенками, корневыми отводками. Точка роста стебля, состоящая из быстроделющихся вегетативных клеток, которые образовывали листья, неожиданно весной, летом или в теплых краях осенью, а иногда и через год вдруг начинала формировать цветок с полным набором мужских и женских репродуктивных органов. Первая теория, которая сложилась у меня, была попыткой объяснить именно эту загадку. Я предположил, что в точках роста растений среди в основном соматических клеток есть и потенциально зародышевые. Соматические клетки, замедляя свои деления из-за старения, постепенно замещаются зародышевыми, и именно поэтому точка роста начинает формировать не листья, а цветок с половыми органами. Иногда это замедление делений соматических клеток может вызываться низкой температурой, как у озимых растений. Иногда – сменой фотопериодов от весны к лету. Моя гипотеза в чем-то дополняла теорию стадийного

развития растений, которая прославила Трофима Денисовича Лысенко еще в 1929 году, когда он впервые на практике смог довести озимую пшеницу до репродукции при весеннем посеве, продержав проросшее зерно две недели под талым снегом. Я изложил свою гипотезу на пяти страницах каллиграфическим почерком и послал в апреле 1945 года по почте один экземпляр академику Лысенко, президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), а другой передал заведующему кафедрой ботаники нашей Тимирязевской академии профессору Петру Михайловичу Жуковскому, яркие лекции которого для нас, студентов первого курса, были наиболее увлекательными. Недели через две я получил письмо в конверте ВАСХНИЛ. Ответ Лысенко был кратким: «Уважаемый Жорес Александрович! Ваши идеи кажутся мне интересными. Будете в Москве – заходите. Академик Т. Д. Лысенко».

ВАСХНИЛ в Большом Харитоньевском переулке в центре Москвы занимала здание старинного дворца князей Юсуповых. Табличка сбоку от входа извещала, что это памятник архитектуры XVII века, охраняемый государством. В обширной приемной у кабинета президента уже сидели около тридцати человек. Многие явно приехали издалека и из деревень. Встречали посетителей секретарша и помощник, спрашивали о причинах визита. Я показал помощнику письмо. Лысенко начинал прием в 11.00. Нам объяснили, что академик принимает не по очереди, а всех сразу. Он будет беседовать сначала с агрономом, который приехал из Сибири. Но мы будем сидеть в кабинете и можем задавать вопросы и подавать реплики. Нередко, как нам сказали, люди приходят к академику с одними и теми же проблемами, никаких ограничений на запись на прием нет. Интересные мысли приходят академику часто именно в ходе таких бесед.

Точно в 11.00 посетители стали входить в большой кабинет президента. Лысенко уже сидел за своим огромным столом (он вошел через отдельную дверь). Кабинеты крупных советских администраторов всегда состояли из двух комнат: одна, большая, – для приемов, вторая – «личная», с диван-кроватью для отдыха, буфетом и санузлом. Стол Лысенко был завален сельхозпродукцией: несколько снопиков пшеницы и ржи, крупные картофелины, початки кукурузы. Большие снопы пшеницы, привезенные из разных концов страны, стояли у стены недалеко от письменного стола. Стулья для посетителей располагались вдоль боковых стен. Книжных шкафов, обычных для кабинетов деканов, директоров и профессоров, не было видно.

«Садитесь, – обратился к нам Лысенко неожиданно громким, но очень хриплым голосом, – я буду говорить с агрономом из Омской области. – Он назвал фамилию. – У него вопрос по поводу посевов озимой пшеницы по стерне».

В 1943–1944 годах посевы озимой пшеницы по стерне в Сибири по методу Лысенко, то есть по необработанному, невспаханному полю, были главной темой дискуссий в сельскохозяйственных кругах. В 1942 году наступление немцев на Северный Кавказ и на Сталинград началось лишь в конце июля, когда уборка урожая озимой пшеницы была завершена. Большую часть зерна успели вывезти в Закавказье и за Волгу. Но сеять озимую пшеницу для урожая 1943 года оказалось негде. В Сибири озимую пшеницу не сеяли, она вымерзала. Лысенко предложил сеять озимую пшеницу в Омской и в Новосибирской областях по стерне от убранной яровой, то есть по невспаханым полям. По его теории, проверять которую не было времени, ростки гибнут зимой не от самих морозов, а от образования кристаллов льда и уплотнения и перемещений замерзающей рыхлой земли, в результате чего происходит разрыв узла кущения злаков и корней, находящихся под землей.

В плотной не вспаханной земле таких разрывов не будет и ростки не погибнут. Если узел кущения цел, растения регенерируют весной боковые почки и все побеги. Стерневая щетина, остающаяся от скошенного урожая, лучше сохранит снег, защищая почву. В августе-сентябре 1942-го в Челябинской, Новосибирской и Омской областях были засеяны озимой пшеницей по стерне сотни тысяч гектаров. Результаты оказались противоречивыми: в одних колхозах был урожай, в других посевы вымерзли.

Агроном из Сибири был из тех, у кого урожай пострадал. Начался спор. Сидевшие вдоль стен активно в нем участвовали. Около часа дня в кабинет вошли официантки с подносами и раздали посетителям крепкий сладкий чай в стаканах с серебряными подстаканниками и большие бутерброды с красной икрой и семгой. Это было приятным сюрпризом. К трем часам дня прием закончился. Лысенко сказал, что его ждут на совещании в Кремле. До обсуждения моей гипотезы дело не дошло. Но я возвращался в общежитие вполне удовлетворенным.

Петр Михайлович Жуковский

Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным ученым нашей академии – академик ВАСХНИЛ, лауреат Сталинской премии и автор считавшегося лучшим учебника ботаники. В экспедициях в Малую Азию, Сирию, Месопотамию он собрал тысячи образцов культурных растений, написал книгу «Земледельческая Турция» и открыл в Закавказье новый вид ранее неизвестной пшеницы, уникальной по своему высокому иммунитету к грибковым заболеваниям. Этот вид пшеницы, названный Жуковским в честь своего учителя Тимофеева *Triticum timopheev Zhuk*, использовался селекционерами для скрещивания пшениц во многих странах для усиления иммунитета у выводимых ими сортов.

Жуковскому не требовалось отвечать мне письменно. Ботаника являлась одним из главных предметов первого курса, и каждую неделю наша учебная группа приходила на кафедру ботаники в учебный корпус № 17 для практических занятий. Из двадцати членов группы я был единственным мужчиной, и Жуковский меня уже знал. После очередного семинара мне сказали, что Петр Михайлович ждет меня в своем кабинете. Он встретил меня приветливо, даже сердечно. Лаборантка принесла нам чай и бутерброды с сыром. Жуковский похвалил мой почерк и стиль: «Ваша рукопись написана хорошим научным языком». Расспросил немного про мою биографию и сказал: «Мой сын Алешка сейчас тоже на фронте, уже в Германии, надеюсь, что он не погиб». (В это время, в конце апреля, шли бои уже за Берлин.) Затем продолжил: «Давайте вместе проверять вашу теорию. У нас на кафедре есть лаборатория эмбриологии и цитологии растений. Мы дадим вам хороший микроскоп. Но нужно еще многому научиться...»

На следующий день я пришел в эту лабораторию. Ею руководила опытный цитолог Анаида Иосифовна Атабекова, доцент. Как оказалось, она была женой декана Майсурия и тоже родилась в Тбилиси.

Через две недели война закончилась. Сын Жуковского Алеша, военный летчик, не погиб, и через год я с ним познакомился. Мой ростовский друг Костя Рагозин был убит в уличных боях в Берлине. Об этом я узнал от его матери, когда побывал в Ростове в 1946 году.

Никитский ботанический сад

Я учился и работал очень интенсивно. Из Германии по репарациям в конце 1945 года привезли в Тимирязевскую академию новейшие микроскопы и лабораторную посуду. Я освоил работу на микротоме – приборе для получения тончайших срезов тканей для их изучения под микроскопом, научился окрашивать срезы с точек роста растений, делать микрофотографии. В Германии еще в 1940 году было опубликовано исключительно интересное исследование Ф. Мевуса (F. Moevus) и Р. Куна (R. Kuhn), показавшее, что у зеленой водоросли хламидомонады половая дифференцировка гамет на мужские и женские клетки зависит от фотохимических реакций света с разными каротиноидами. При этом мужские и женские гаметы содержали разные наборы каротиноидных пигментов. Эти пигменты почти всегда присутствуют в пестиках и в рыльцах цветков растений. Жуковский поручил мне собрать по этому вопросу всю возможную литературу на английском. Он свободно владел немецким и французским, но не английским. Я сделал для него переводы с английского большого числа публикаций, и в начале 1948 года он подготовил под двумя нашими фамилиями обзор «Значение световой энергии и каротиноидов для развития бесполого и полового поколений в растительном мире», который был вскоре опубликован в журнале «Успехи современной биологии» (1948. Т. 26, вып. 4. С. 501–514). К нашему удивлению, редакция журнала по требованию цензуры удалила из списка литературы – важнейшего раздела любого обзора – очень много ссылок на иностранные публикации. С 1946 года действовало нелепое цензурное правило, требовавшее, чтобы количество ссылок на иностранные источники не превышало количество ссылок на отечественные работы.

Весной этого же года Жуковский предложил мне командировку в Государственный Никитский ботанический сад в Крыму для экспериментального изучения состава каротиноидных пигментов в мужских и женских органах растений. (Название сада происходило от села Никитское, расположенного на склоне выше площадки, выбранной ботаниками в начале прошлого века.) Мне пришлось досрочно сдать зачеты и экзамены за четвертый курс, чтобы выехать в Крым как можно раньше, большинство растений цветет весной. По теории Жуковского некоторые продукты обмена каротиноидов могли играть роль растительных половых гормонов. У растений существует большее разнообразие форм половой репродукции, чем у животных, и гормональная регуляция этих процессов была мало изучена. Мне предстояло освоить методику разделения желтых пигментов растений распределительной и разделительной хроматографией и изучить состав этих пигментов в репродуктивных органах некоторых видов растений, имеющих крупные тычинки и пестики ярко-желтого цвета.

Лаборатория биохимии Никитского ботанического сада, расположенного недалеко от Ялты, имела отличное оборудование, привезенное из Германии по репарациям, и обширный набор химических реактивов. Заведующий лабораторией профессор Василий Иванович Нилов был другом Жуковского. Никитский ботанический сад, основанный как Императорский в начале XIX века, имел богатую коллекцию южных и субтропических растений. Я приехал туда в середине апреля и быстро приступил к работе.

Главной проблемой для всего побережья Крыма оказалась, однако, нехватка воды. В период оккупации полуострова немецкой армией в 1941–1944 годах на склонах гор вырубали все леса – для борьбы с партизанами. В лесах скрывались и остатки нескольких советских дивизий, отрезанных быстрым немецким наступлением летом 1941 года, и немалое число участников многомесячной обороны Севастополя. Боеприпасы и продовольствие им сбрасывали с самолетов.

При отсутствии лесов на склонах гор дождевая вода не питала родники, обеспечивавшие в прошлом водопроводную систему Ялты, а смывала почву со склонов в море. После каждого дождя море становилось коричневым на 2–3 км от берега. Сильно страдал и Никитский ботанический сад, многие редкие растения которого требовали полива. Питьевую воду для жителей Ялты и всего побережья доставляли по морю танкерами. На одном из холмов возле Никитского сада находился лагерь для немецких военнопленных, их было около двухсот человек. Они занимались работами по созданию на склонах плоских террас водосборных сооружений, чтобы уменьшить смыв почвы в море и накапливать воду для поливов.

Недалеко от Никитского сада на приморской «пушкинской» тропе в Гурзуф стоял небольшой монумент с надписью: «На этом месте 17–18 декабря 1942 года были расстреляны немецкими оккупантами более пяти тысяч советских граждан – жителей Ялты». Я понимал, что это были ялтинские евреи – мужчины, женщины и дети.

Моя работа увлекла меня. Регулярно я посылал подробный отчет о ее результатах П. М. Жуковскому. Он неизменно отвечал, давая различные советы. (Эти очень теплые письма с датами 1948 года сохранились у меня до настоящего времени.) Почти каждое утро я плавал в море. Жил в отдельной комнате Дома для приезжих ученых. Получал даже небольшую зарплату в дополнение к студенческой стипендии и пенсии инвалида 3-й группы, которую мне еще сохраняли, хотя я мог уже и бегать. Действовала директива правительства – выплачивать пенсии ветеранам-студентам независимо от состояния их здоровья. Идиллия была нарушена 1 августа, когда «Правда» и другие центральные газеты опубликовали обширный доклад академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке», сделанный им на сессии ВАСХНИЛ, открывшейся 31 июля 1948 года.

Августовский переворот

Излагать здесь содержание этого доклада нет необходимости. В истории СССР не было прецедентов, чтобы научные доклады ученых любого ранга публиковались в таком формате и одновременно во всех центральных газетах. Такое было возможно лишь для отчетных или директивных докладов на пленумах или съездах ВКП(б). Следовательно, доклад Лысенко был директивным, одобренным Политбюро и лично Сталиным, и это означало, что рекомендации доклада будут незамедлительно внедряться всеми административными и политическими методами. Между тем основные положения доклада Лысенко были примитивнейшими и псевдонаучными, возвращавшими биологию и все связанные с ней дисциплины на 150 лет назад к теориям Ламарка о наследовании благоприобретенных признаков. В СССР отменялись или запрещались как реакционные буржуазные и идеалистические сразу несколько важнейших дисциплин, прежде всего генетика с ее хромосомной теорией наследственности, теорией генов, мутаций и др. Запрещалась как реакционная наука медицинская генетика, потому что якобы австрийский монах Мендель просто ошибался, формулируя «гороховые законы», Вейсман со своей теорией зародышевой плазмы был реакционным идеалистом, а хромосомная теория наследственности Моргана служила интересам американских расистов.

В прениях по докладу Лысенко Жуковский выступил с наиболее резкой критикой, защищая в основном хромосомную теорию наследственности и приводя яркие примеры (постоянство числа хромосом у каждого вида, редукционное деление хромосом при формировании гамет, связь мутаций с изменениями в хромосомах и др.). Но на

заключительном заседании сессии 7 августа, после того как Лысенко информировал участников о том, что его доклад был одобрен Центральным Комитетом ВКП(б), Жуковский снова взял слово и объявил, что он понял свои ошибки и заблуждения и будет в дальнейшем работать для развития «мичуринской биологии». Двое других ученых, в прошлом критиковавших Лысенко, также публично «раскаялись».

Для меня Августовская сессия ВАСХНИЛ напоминала февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) в 1937 году, решения которого положили начало террору 1937–1938 годов. Репрессии принесли СССР колоссальный политический, экономический и моральный ущерб и лишили страну наиболее способных людей, в том числе военачальников и ученых. Но этот террор сделал Сталина абсолютным диктатором. Августовская сессия делала Лысенко диктатором в биологических и сельскохозяйственных науках. Для всей страны такой поворот был катастрофой. Он сильно ослаблял авторитет и позиции самого Сталина как мирового лидера. В руководстве страны явно шла какая-то политическая борьба, мишенью которой был Андрей Жданов, секретарь ЦК и главный идеолог страны, второй в партийной иерархии человек после Сталина. Он по линии Политбюро поддерживал критику Лысенко, но в начале июля 1948 г. был смещен с поста «главного идеолога». Юрий Жданов, его сын (в 1949 году он женился на дочери Сталина Светлане), заведовал в это время отделом науки ЦК ВКП(б). В марте 1948 года он выступил с докладом на совещании пропагандистов, охарактеризовав идеи Лысенко как псевдонаучные, но 7 июля «Правда» опубликовала письмо Юрия Жданова Сталину, в котором он признавал свои ошибки. Покаяния Жуковского и Юрия Жданова явно были частью сценария. Им «разрешили» покаяться, и это означало, что их не будут трогать в намечавшемся общем погроме. Я сознавал, что переворот в науке не мог осуществляться без каких-то корней в партийно-государственном руководстве. Было очевидно, что следует ожидать массовых репрессий не только среди биологов. Но понять всю картину ближайшего будущего я еще не мог.

Много лет спустя я узнал, что Андрей Жданов, бывший партийным лидером Ленинграда, не давал согласия на арест академика Николая Ивановича Вавилова, директора Всесоюзного института растениеводства, который готовился еще в 1937 году. Жданов относился к Вавилу с большим уважением. Арест Вавилова был поэтому произведен 6 августа 1940 года во время экспедиции в Западную Украину. Найденное в архиве постановление на арест за подписью старшего лейтенанта госбезопасности Рузина, которое, судя по стилю и содержанию, было лишь проектом, заготовленным в конце 1937-го, датировано 5 августа 1940 года. Его утвердил 6 августа того же года Л. Берия. Санкция прокурора датирована 7 августа^[1].

Вавилова арестовали в поле недалеко от Черновиц (Львовская обл.). Спецгруппа для ареста прибыла из Москвы. Совершенно очевидно, что арест Вавилова осуществлялся на основании устных приказов, отданных 3 или 4 августа, а все документы подписывались после телефонных сообщений спецгруппы. В Ленинграде об аресте Вавилова узнали лишь через несколько дней от членов вернувшейся экспедиции.

Неожиданно в Никитский ботанический сад 10 или 11 августа приехал Петр Михайлович Жуковский. Ему требовался отдых. Никитский сад имел статус института в системе ВАСХНИЛ. Жуковский, как единственный академик-ботаник, представлял в академии научные интересы сада и рецензировал его отчеты и планы. В том же Доме для приезжих ученых ему предоставили лучшую комнату с верандой и видом на море. Мы

встретились как старые друзья. Он меня обнял, на глазах у него были слезы, когда он произнес: «Я заключил с Лысенко Брестский мир... Поганый мир... Я сделал это ради моих учеников».

Другая академия

Когда я вернулся в Москву в конце сентября, Тимирязевская академия была уже другой. Ректор академии, крупный экономист-аграрник, академик В. С. Немчинов, был смещен. Новым ректором академии стал В. Н. Столетов, кандидат биологических наук, давний сотрудник Лысенко. Был снят с должности заведующий кафедрой генетики и селекции растений академик А. Р. Жебрак, и эту кафедру возглавил сам Лысенко, которому предстояло теперь читать курс «мичуринской генетики» прежде всего студентам пятого курса, которые раньше учились «морганизму-менделизму». Были смещены со своих постов два декана и уволено много других преподавателей. На кафедре ботаники уволили доцента А. И. Атабекову. Жуковский сохранил свой пост, но на кафедру к нему назначили без его согласия немолодого «аспиранта», демобилизованного из какого-то спецподразделения. Жуковский сразу понял, что это осведомитель из МГБ, и менял тему разговора, когда в лабораторию входил тот самый аспирант. От Жуковского он получил «мичуринскую» тему: ему предстояло изучить возможность переноса иммунитета к грибкам с помощью вегетативной гибридизации. (Аспирант работал очень много, сделал сотни прививок, но успеха не добился.) Ректор Столетов своими приказами менял темы исследований аспирантов. Так, мой друг Вася Земский, тоже инвалид войны с протезом руки, начавший при кафедре физиологии растений тему по гормонам роста, получил теперь тему по физиологии «ветвистой пшеницы», полудикого вида с низким процентом белка, с помощью которого Лысенко обещал удвоить урожай. (В особых условиях и при очень разреженных посевах колос у этой пшеницы ветвился и превращался в гроздь, производя впечатление на людей, незнакомых с ботаникой пшениц.)

В новых условиях у меня было мало шансов остаться в аспирантуре для получения ученой степени. Студенты, кончавшие академию, получали так называемое распределение по спискам вакансий в колхозах и совхозах. Свободное трудоустройство дипломированных специалистов не практиковалось. Направление в аспирантуру требовало особых характеристик и рекомендаций. Работать по «мичуринским» темам я не мог. У меня возник другой план. Прежде всего я решил продлить срок своего обучения на год и кончать не в 1949-м, а в 1950 году. Для этого я перевелся с агрономического факультета на факультет агрохимии и почвоведения. Декан Н. А. Майсурян, сохранивший свой пост ценой покаяния и обещания перейти на «мичуринские» позиции, помог мне и в этот раз. На новом факультете мне предстояло изучать несколько новых, необходимых для агрохимика-почвоведа дисциплин, и поэтому я оставался на том же четвертом курсе, то есть впереди было еще два года учебы, а не один. За эти два года можно не только подготовить дипломную работу, но и написать диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук и сдать кандидатские экзамены. Я уже имел две публикации в научных журналах, и три статьи по каротиноидам растений находились в печати в «Докладах Академии наук СССР». (Они были опубликованы в 1949 году.)

В новом корпусе общежития факультета агрохимии и почвоведения моими соседями по комнате были старые друзья – Коля Панов и Борис Плешков, оба инвалиды войны. Панов

был ранен в ногу в Сталинграде. Борис Плешков, поступивший в академию в 1945-м, был контужен при взрыве снаряда в Чехословакии. В соседней комнате жили четыре студентки. Одной из них была Рита Бузина, моя будущая жена.

Политическая ситуация в стране между тем с каждым месяцем становилась все мрачнее и мрачнее. Андрей Жданов умер от инфаркта в конце августа. Главным идеологом ВКП(б) стал Георгий Маленков, консерватор, антисемит и покровитель Лысенко. Начались гонения на Вячеслава Молотова, второго после Сталина человека в правительстве. В январе 1949 года арестовали жену Молотова Полину Жемчужину, обвиненную в сионизме (она была еврейкой). Теперь «наследником» Сталина становился Маленков, союз и дружба которого с Лаврентием Берия не сулили ничего хорошего. Николай Вознесенский, молодой член Политбюро, способный экономист и организатор и первый заместитель Сталина в правительстве, вдруг тайно «исчез» без всяких объяснений. 1 мая 1949 года его портрета не оказалось среди портретов членов Политбюро, которые вывешивались в центре Москвы. Как выяснилось позднее, он был арестован в начале 1949 года по «ленинградскому делу», о котором знали лишь в Ленинграде, и тайно расстрелян в 1950-м вместе со своим братом и ленинградскими партийными лидерами: председателем Совета министров РСФСР М. И. Родионовым, секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым, секретарем Ленинградского обкома П. С. Попковым и др. В Ленинграде были арестованы около двух тысяч человек. (Смертную казнь отменили в СССР в 1947 году в честь тридцатилетия Октябрьской революции, но 12 января 1950 года восстановили по отношению к «изменникам родины, шпионам и подрывникам-диверсантам».) Шли аресты и в Ленинградском университете, где в то время учился на философском факультете мой брат Рой. О событиях в Ленинграде я узнавал от него и очень беспокоился о его судьбе. В Ленинграде жила сестра мамы Сима, пережившая блокаду. В Москве также арестовывали в связи с «ленинградским делом» крупных чиновников в правительстве РСФСР. Суды были закрытыми, и приговор приводился в исполнение немедленно. Расстрелянных кремировали и тайно хоронили. Террор начался, но шел по секретному сценарию без открыто предъявленных обвинений и открытых судов. Причина нового террора казалась мне очевидной. Но я ни с кем не делился своими предположениями. Сталин на торжественном заседании, проходившем в Большом театре по случаю семидесятилетия вождя 21 декабря 1949 года, выглядел больным, не промолвил ни одного слова, не мог встать с кресла и подойти к микрофону. Но он готовил себе на смену людей, которые не станут заниматься разоблачением его преступлений и террора прошлых лет. Они сами были активными участниками этого террора. Новые репрессии были направлены против молодых членов руководства, выдвинувшихся в годы войны.

Кандидат биологических наук

На летнюю практику в 1949 году я остался в Москве. Анализы можно было проводить на кафедре агрохимии и биохимии растений, которая также располагалась в 17-м корпусе, в его старой части. В подвале этого же здания я в 1944 году промывал соляной кислотой песок именно для сотрудников кафедры агрохимии, ставивших опыты в вегетационном домике за корпусом. В то время еще был жив академик Д. Н. Прянишников, ученик К. А. Тимирязева и учитель Н. И. Вавилова, самый в то время знаменитый ученый академии и основатель советской агрохимии. Он имел звание Героя Социалистического Труда и много других наград. Его настойчивость в создании в СССР нескольких заводов по производству

химических удобрений, особенно азотнокислого аммония и калийной селитры, была оценена во время войны. Эти заводы быстро переоборудовались на производство пороха и взрывчатых веществ. Прянишников умер весной 1948 года в возрасте 83 лет. Профессоров кафедры агрохимии оргмеры 1948 года не коснулись, хотя Прянишников был известным противником Лысенко. Причины их неприкасаемости я вскоре понял. В одной из лабораторий кафедры агрохимии, имевшей отдельный вход с улицы и считавшейся секретной (там изучалось действие радиации на растения), работала уже почти десять лет Нина Теймуразовна Берия, кандидат сельскохозяйственных наук и жена Лаврентия Павловича. Она была ученицей Прянишникова и защитила диссертацию на тему «Способы внесения фосфоритной муки». Ее обычно привозила к подъезду лаборатории «победа» с шофером. В штате сотрудников кафедры она числилась под своей девичьей фамилией Гегечкори. Ее непосредственным руководителем был доцент В. М. Клечковский. На семинары на кафедре и конференции на факультете она не приходила, но присутствовала на собраниях партгруппы. (Я случайно познакомился с ней в 1952 году в кабинете заведующего кафедрой профессора А. Г. Шестакова.)

В небольшом ботаническом саду кафедры ботаники я начал опыты по изучению биохимических различий мужских и женских экземпляров конопли (*Cannabis sativa*). Это двудомное (раздельнополое) растение. Я старался биохимическими и физико-химическими методами определить, существует ли в этом случае какой-либо диморфизм пыльцы и можно ли определить, какие пыльцевые зерна являются мужскими и какие женскими. У некоторых двудомных растений мужские и женские пыльцевые зерна различаются по величине. У конопли они имели одинаковый размер. Однако при некоторых видах окрашивания, с изменением цвета в зависимости от небольших сдвигов кислотности (рН), мне удалось обнаружить диморфизм пыльцы конопли. Результаты этой работы были опубликованы в моей статье «Физико-химический диморфизм пыльцы двудомных растений» в «Докладах Академии наук СССР» (1949. Т. 68, вып. 4. С. 777–780).

Осенью 1949 года я начал готовить свою диссертацию. Работал в основном в библиотеке академии. Нередко приходилось ездить и в Государственную публичную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. В ней был более широкий выбор журналов по биохимии и физиологии растений. К концу февраля 1950 года работа была закончена. Тема диссертации «Физиологическая природа формирования половых признаков у высших растений» давала простор для теоретических обобщений. Последняя глава диссертации – «Опыты 1949 года с коноплей» – могла быть представлена и как дипломная работа. Объем диссертации в то время составлял обычно 200–250 страниц, дипломной работы – 40–50. Никто, даже Жуковский, не знал о моих планах. Случаев представления диссертаций студентами в истории академии не было. Может быть, их не было и во всей Москве. Я понимал, что новый ректор академии мог возражать: Жорес Медведев как ученик Жуковского имел репутацию противника Лысенко, во всяком случае, он явно не «мичуринец». Нужно было всех ставить перед свершившимся фактом. Работа сделана, представлена – теперь решайте. Это как в спорте: преодолел атлет хотя бы один раз более высокую планку – уже результат не отнимешь. В одну секунду появляется новый чемпион. Я оплатил перепечатку диссертации на машинке на хорошей бумаге. Получилось 260 страниц. Одновременно готовился к сдаче экзаменов по предметам кандидатского минимума: марксизм-ленинизм, английский и физиология растений. Я уже решил, что представлю диссертацию для защиты не в ученый совет факультета, а в Институт физиологии растений

АН СССР. Директор этого института академик Николай Александрович Максимов был также заведующим кафедрой физиологии растений в Тимирязевской академии и хорошо меня знал. Он был другом Жуковского, и именно он представлял в «Доклады АН СССР» наши статьи. У него шел давний спор с Лысенко о приоритете в формулировании теории стадийного развития растений. Максимов опубликовал свою версию теории на два года раньше, в 1927 году, но в «Трудах Всесоюзного института растениеводства». Он в то время работал в ВИРе вместе с Н. И. Вавиловым. Лысенко опубликовал свою версию теории в газете «Правда».

Демократическая процедура открытых, публичных защит диссертаций на ученых советах факультетов и научных институтов была унаследована в Советском Союзе от традиций императорской России. В других странах присуждение научных степеней происходит иначе – в узком кругу нескольких экспертов, и главную роль играет профессор, под руководством которого данная работа выполнялась. Российский вариант позволял Институту физиологии растений АН СССР самостоятельно назначать оппонентов по диссертациям и присуждать степень кандидата и доктора наук тайным голосованием тринадцати членов своего ученого совета. Мой руководитель мог присутствовать, но участия в голосовании не принимал. Результаты голосования считались окончательным решением. По кандидатским диссертациям в 1950 году не требовалось утверждения решений институтов министерством высшего образования. Туда, в Высшую аттестационную комиссию, поступали на экспертизу лишь докторские диссертации. Я хорошо знал тогда противников всей школы П. М. Жуковского. Ими были декан факультета агрохимии профессор В. В. Вильямс и В. Н. Столетов. Школа академика В. Р. Вильямса, умершего в 1939 году (В. В. Вильямс – его сын), находилась в непримиримом конфликте со школой академика Прянишникова почти тридцать лет. Это был принципиальный спор о путях развития советского сельского хозяйства. Прянишников считал, что нужно идти по европейскому пути и расширять производство и применение минеральных удобрений. В. Р. Вильямс был против минеральных удобрений, разрушающих якобы структуру почвы, и пропагандировал травопольную систему земледелия и преобразование природы степей путем создания лесозащитных полос. В 1948 году на волне побед «мичуринской биологии» травопольная система была признана единственно правильной. Был принят сталинский план преобразования природы и создания государственных лесных полос по всему югу СССР.

В. Н. Столетов в начале 1950 года уже не являлся ректором Тимирязевской академии. Его назначили заместителем министра сельского хозяйства СССР, а вскоре министром высшего образования СССР. Он теперь переводил все образование в стране на «мичуринские» позиции.

В марте 1950 года я защитил дипломную работу, сдал государственные экзамены по марксизму и английскому. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 10 марта мне была присвоена квалификация «ученый-агроном» по специальности «агрохимия и почвоведение». Но сами дипломы выдавались лишь после определения места работы. Списки вакансий были вывешены в деканате. В конце марта я принес первый экземпляр рукописи диссертации П. М. Жуковскому. Он удивился, но был обрадован. Мое будущее беспокоило и его. Рукопись он прочитал в течение нескольких дней и, ничего не изменив, подписал представление на защиту в Институт физиологии. Я отвез три экземпляра диссертации ученому секретарю этого института, который был расположен на юге Москвы. Работу приняли и поставили в очередь. Защиту обещали осенью. Очередь дошла до меня

только 1 декабря 1950 года. В этот день состоялась публичная защита с тайным голосованием. Решение «достоин» было единогласным. На следующий день я получил выписку из протокола: «Решением Ученого совета Института физиологии растений им. К. А. Тимирязева от 1 декабря 1950 г. гражданину Медведеву Жоресу Александровичу присуждена ученая степень кандидата биологических наук».

Послесловие

В 1990 году, через сорок лет после той защиты, «вновь я посетил тот уголок земли». Улица, на которой стоял 17-й корпус, старый и новый, стала улицей Прянишникова. В сквере перед корпусом стоял во весь рост бронзовый памятник Д. Н. Прянишникову. Возле была мемориальная доска в память о профессоре П. М. Жуковском, умершем в 1975 г. в возрасте 87 лет. В сквере у главного здания академии стоял бронзовый памятник В. Р. Вильямсу. На стене главного корпуса появилась еще одна мемориальная доска, самая большая: «Здесь в 1908–1911 годах учился великий советский ученый Николай Иванович Вавилов». Мой друг Борис Плешков, ставший профессором и деканом факультета агрохимии в 1965 году, умер несколькими годами позже. На посту декана в 1972 году его сменил Николай Панов, также профессор и академик ВАСХНИЛ. В 1990 году он был в добром здравии. Мы обнялись, и начались воспоминания. Его секретарша вскоре принесла нам бутерброды с икрой и бутылку водки. Чтобы отметить такую встречу, чая было недостаточно.

Возвращение из Крыма в Москву

Отдав в июне 1950 года три экземпляра кандидатской диссертации в Институт физиологии растений АН СССР, я получил назначение на работу младшим научным сотрудником в лабораторию биохимии растений Никитского ботанического сада. По договоренности с профессором В. И. Ниловым, заведующим лабораторией, мне была предоставлена свобода в исследовании процессов старения растений и синтеза белков в растительных клетках. В течение лета я собирал оборудование для изучения аминокислотного состава белков и подбирал возможные модели среди растений. Листья разных ярусов вечнозеленых субтропических растений функционируют много лет и подвергаются реальному старению, а не сезонному увяданию и опадению, как это происходит в более северных широтах. Однако развернуть исследования по старению растений мне не удалось. 12 сентября 1950 года было опубликовано Постановление Правительства СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве Главного туркменского канал Амударя – Красноводск протяженностью 1100 км, пересекающего пустыню Каракумы^[2]. С помощью каскада плотин на реке и канале планировалось обеспечить орошение 1,3 млн га и обводнение 7 млн га земель. Орошаемые земли предполагалось отводить в основном под хлопковые плантации, а обводняемые – под многолетние засухоустойчивые культуры. Никитский ботанический сад вскоре получил правительственную директиву о подборе культурных растений для зоны Туркменского канала. Одним из главных кандидатов на интродукцию в Туркмению была олива. Плантации оливковых деревьев требуют очень мало воды, так как их мелкие и плотные листья могут усваивать ночную влагу из воздуха. В Ливии и на Аравийском полуострове ареал культивации олив подходит очень близко к пустыне. В Никитском ботаническом саду культивировалось несколько их разновидностей. Некоторым оливковым деревьям было по 400–500 лет, они были посажены на Южном берегу Крыма задолго до основания Никитского сада и даже до завоевания Крыма Россией в XVIII веке. Директор Никитского сада Анатолий Сафронович Коверга обязал лабораторию биохимии переключиться на изучение водного баланса олив и некоторых других растений, чтобы оценить их пригодность для обводняемых туркменских земель. Профессор В. И. Нилов вскоре уволился и перешел на должность главного биохимика во Всесоюзный институт виноделия, который располагался в Ялте и находился в подчинении министерства пищевой промышленности. Мне с весны 1951 года нужно было разрабатывать методику определения водного баланса листьев олив. Позанимавшись этим три или четыре недели с разными самодельными приборами, я тоже подал заявление об увольнении. Навязанная мне приказом новая работа не имела научной ценности. Масличные деревья в Крыму – им было уже за сто лет – не имели ничего общего с теми, которые могли быть посажены на песках вдоль Туркменского канала. После тяжелых разговоров с директором, грозившим самой плохой характеристикой, мне все же удалось уволиться. Характеристика была в то время необходимым документом для поступления на любую новую работу. Единственным местом, куда был шанс устроиться без характеристики, оставалась Тимирязевская академия.

В Москве заведующий кафедрой агрохимии и биохимии профессор Александр Григорьевич Шестаков предложил мне должность младшего научного сотрудника и

свободный выбор темы для исследований.

В октябре 1951 года возвратилась в Москву Рита, работавшая в Прикаспийских степях в экспедиции Академии наук по полезащитному лесоразведению. Создание государственных лесных полос для борьбы с засухой во всех степных районах России было еще одним из «великих сталинских проектов» строительства коммунизма, начатым в октябре 1948 года. Но в Прикаспийских степях деревья не росли из-за сухого климата и засоленности тонкого почвенного слоя.

Мы с Ритой сняли комнату в Химках и стали жить вместе. Вскоре Рита уволилась из экспедиции и тоже устроилась на работу в Тимирязевскую академию. Свидетельство о браке мы получили в местном отделении ЗАГСа, никакой свадьбы не устраивали. Жизнь была нелегкой, но сейчас мы вспоминаем то время с ностальгией. Молодость всегда лучшее время жизни.

Смерть Сталина

Сообщение о смерти Сталина, которое было передано по радио утром 6 марта 1953 года, застало меня в подмосковном городке Химки, где мы с Ритой снимали комнату в частном деревянном доме на берегу канала Москва – Волга. Нашему первому сыну Саше был лишь один месяц, и Рита находилась в декретном отпуске. Я с осени 1951 года работал младшим научным сотрудником в одной из лабораторий кафедры агрохимии и биохимии Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Рита работала там же старшим лаборантом кафедры молочного дела. На работу мы обычно ездили вместе пригородной электричкой, до платформы Петровско-Разумовское доезжали на ней за пятнадцать минут. Возвращались домой тем же путем, но порознь, так как я работал обычно до позднего вечера. На кафедре, занимавшей отдельный трехэтажный корпус, в моем распоряжении были лабораторная комната и небольшой кабинет.

Наша комната в Химках отапливалась модифицированной русской печкой. Раз в два-три месяца я покупал в экспериментальном лесу академии «Лесная дача» два кубометра бревен разных пород деревьев и пилил и колол их на дрова во дворе дома. Это была моя физзарядка и летом и зимой.

Смерть Сталина мы встретили без эмоций, даже с некоторым облегчением. Политическая обстановка в стране в последние три года все время ухудшалась. Наиболее серьезная репрессивная кампания, начавшаяся после «ленинградского дела», имела отчетливый антисемитский характер. Были арестованы все члены и активисты Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданного в начале войны. Евреев массово увольняли из редакций газет и журналов, из партийных органов и министерств. В августе 1952 года все члены ЕАК были приговорены к смертной казни, немедленно приведенной в исполнение. Среди расстрелянных были Соломон Лозовский – бывший заместитель наркома иностранных дел и член ЦК КПСС, писатель Исаак Фефер – председатель ЕАК, профессор Борис Шимелович – главный врач знаменитой Боткинской больницы в Москве, Вениамин Зускин – директор Еврейского театра в Москве и другие известные фигуры советской интеллигенции. Была арестована и сослана в Ташкент всемирно известный ученый, академик и директор Института физиологии АН СССР Лина Соломоновна Штерг единственная тогда женщина среди академиков. Она была членом ЕАК, но ее помиловали, учитывая преклонный возраст, 74 года. В том же году возникло злое «дело врачей», по

которому начались аресты врачей Кремлевской больницы и других правительственных больниц. Врачей-евреев увольняли из многих других больниц и с кафедр медицинских институтов. Обвинительное заключение по делу группы врачей, опубликованное как «Сообщение ТАСС» 13 января 1953 года в центральных газетах, не оставляло сомнений в неизбежности смертного приговора и широкой волны последующих репрессий. Среди лично мне известных ученых были арестованы агрохимик Иван Георгиевич Дикусар – ученик Прянишникова и генетик Владимир Павлович Эфроимсон. Профессор Дмитрий Анатольевич Сабинин, блестящий физиолог растений, уволенный с биофака МГУ, летом 1951 года покончил жизнь самоубийством. Большинство ученых, уволенных с должностей в августе и сентябре 1948 года, все еще не могли найти работу по специальности.

«Мичуринская» биология выходила за пределы здравого смысла. Стали отвергаться постулаты не только генетики, но и теории Дарвина о внутривидовой борьбе и естественном отборе. Лысенко создал новую теорию происхождения видов путем превращения одних видов в другие не постепенно, отбором мелких мутаций, а скачками: пшеницы сразу в рожь, овса в ячмень, сосны в ель и т. д. Книга О. Б. Лепешинской с предисловием Т. Д. Лысенко, вообще отрицавшая клеточную теорию, была удостоена Сталинской премии и предложена как учебник для университетов. Ареал псевдонауки все время расширялся. Новые псевдоучения возникали и в Тимирязевской академии. У растений стали находить нервную систему (И. И. Гунар). В агротехнику пробовали внедрить «коренную переделку почв», вспашку на метровую глубину (профессор В. П. Бушинский). В медицинских науках начали критиковать гормональные теории, объясняя регуляцию всех функций высшей нервной системой. В органической химии отвергалась квантово-резонансная теория химической связи. В физике была объявлена идеалистической теория относительности Эйнштейна. В реакционные науки попала и кибернетика. Успехи советской науки в атомной физике, космонавтике и в некоторых других областях можно было объяснить лишь тем, что эти отрасли были засекречены и развивались в закрытых городах и в «почтовых ящиках» (то есть в организациях, имевших вместо названия номер почтового ящика) изолированно от академий, институтов и министерств.

Сменившее Сталина так называемое коллективное руководство не изменило положение дел в науке. Хотя «дело врачей» быстро закрыли и преследование евреев прекратили, в самом «коллективном руководстве» сразу началась острая борьба за власть. Берия был арестован уже в июне 1953 года. Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС в февраль 1956-го о культе личности Сталина вызвал вскоре конфликт между Хрущевым и другими соратниками Сталина. Удаление летом 1957 года из руководства страны Маленкова, Молотова, Кагановича и Ворошилова привело к появлению в СССР нового диктатора. Однако Хрущев, ставший теперь не только первым секретарем ЦК КПСС, но и председателем Совета министров СССР, был малообразованным человеком. Он стал поддерживать Лысенко еще более открыто и активно, чем Сталин. Приоритет в СССР именно «мичуринской» биологии вошел и в новую Программу КПСС.

Радиоактивные изотопы

В конце 1951 года я занимался в основном теоретической работой, пытаюсь понять возможный характер возрастных изменений белков. Господствующим в то время было представление, разработанное еще в конце 1930-х годов А. А. Богомольцем и А. В.

Нагорным, о том, что возрастные изменения сосредоточены в структурах стабильных межклеточных белков типа коллагена и эластина, волокна которых годами функционируют без обновления. В цитоплазматических белках, которые постоянно и активно обновляются, какие-либо возрастные изменения не должны накапливаться. Однако эти теории не могли объяснить причины видовых различий скорости старения. Почему коллагеновые волокна, например, кожи или артерий, одинаковые по структуре у всех млекопитающих, инактивируются у мышей и крыс в течение двух-трех лет, а у человека в течение 70–80 лет? Моя гипотеза предполагала, что старение связано с изменениями внутриклеточных, активно обновляемых белков, которые накапливают изменения, возникающие в результате ошибок при непрерывном распаде и ресинтезе этих белков. Эти ошибки меняют сложную структуру части молекул белков ферментов, снижая их удельную активность (активность в расчете на одно и то же число молекул фермента). Скорость старения, таким образом, определялась уровнем точности синтеза белков. Но сам механизм синтеза белков был в то время еще неизвестен. Эту гипотезу я в начале 1952 года изложил в своей статье «Проблема старения и самообновления внутриклеточных белков», которая в мае 1952 года была опубликована в журнале «Успехи современной биологии» (Т. 33. № 2. С. 202–217).

Однако экспериментальная проверка этой теории оказалась исключительно трудной. Для этого нужно было выделять в чистом виде какие-то индивидуальные белки, ферменты или гормоны и определять их специфическую удельную активность. Теоретически в этом случае, например, 1 мг фермента каталазы или гормона инсулина, выделенных из тканей старых животных, по своей активности был бы ниже, чем 1 мг этих же белков, выделенных из тканей молодых животных. Проведение таких анализов в условиях кафедры агрохимии было нереальным. В качестве экспериментальной темы на 1952–1953 годы я выбрал лишь изучение активности синтеза белков в листьях бобовых культур в зависимости от возраста листьев и возраста растений. Этот синтез можно было связать и с действием азотных удобрений. Это был простой проект, не суливший каких-либо открытий.

Направление моих теоретических исследований существенно изменилось летом 1953 года после сенсационных открытий – двуспиральной структуры ДНК и механизма ее репродукции, сделанных в Кембридже Дж. Уотсоном (J. Watson) и Ф. Криком (F. Crick). Стало очевидным, что синтез белков контролируется нуклеиновыми кислотами каким-то сложным путем переноса информации и что «ошибки синтеза» могут происходить именно в этой фазе самообновления.

В мае 1954 года меня и аспиранта Евгения Федорова пригласил к себе в кабинет заведующий кафедрой А. Г. Шестаков и с видом конспиратора сообщил: «Ребята, я достал немного радиоактивного фосфора... нужно придумать какие-то новые опыты с использованием меченых атомов... – И он достал из жилетного кармана довольно большую ампулу. – Здесь 30 милликюри. Период полураспада четырнадцать дней. В течение двух-трех месяцев можно проводить измерения активности. Счетчики Гейгера мы на днях закажем и привезем». С этими словами он передал ампулу мне. Я был очень рад такому повороту в работе. Использование радиоактивных изотопов в биохимии растений создавало множество новых возможностей. Можно было начать и изучение синтеза нуклеиновых кислот, которые содержат в своей структуре атомы фосфора.

В моей библиотеке уже имелось несколько переводных руководств по использованию меченых атомов в исследованиях по физиологии и биохимии. Радиоактивный фосфор (P32) имел жесткое бета-излучение большой энергии, которое проникало на один-полтора

сантиметра внутрь тканей. 30 милликюри – очень большая доза, в жилетном кармане эта ампула могла за короткий срок вызвать радиационный ожог, повредив у Шестакова подкожные слои как раз в районе сердца. Я мог слегка повредить кожу на кончиках пальцев, держа ампулу в руках несколько минут. Но каких-либо средств защиты или дистанционной манипуляции у нас в то время еще не было. Шестаков, возможно, принес ампулу из соседней засекреченной лаборатории биофизики. Она входила в состав нашей кафедры, и в ней, как мы знали, работы с радиоактивностью и излучениями велись уже несколько лет. Для этого была своя, «закрытая», секция вегетационного домика. Этой лабораторией руководил профессор Всеволод Маврикиевич Клечковский, который совмещал работу в ней с преподаванием агрохимии студентам.

У меня к тому времени в вегетационном домике за корпусом кафедры росли на разных режимах азотного питания около тридцати молодых растений фасоли. Вегетационный домик для агрохимических опытов – это, по существу, большое, высокое, застекленное, но хорошо вентилируемое помещение, в котором в стеклянных сосудах, установленных на вагонетках, выращиваются на разных смесях удобрений те или иные растения. Перемещение вагонеток обеспечивает равномерный световой режим. Единственное, что можно было быстро сделать с радиоактивным фосфором в форме фосфата натрия, это внести его в разных дозах в вегетационные сосуды с поливной водой и затем следить, каким образом он утилизируется в листьях разных ярусов растений и в течение всего периода роста и развития растений.

Париж. Международная конференция по радиоизотопам

Первые опыты с радиоактивным фосфором были довольно простыми. Федоров занимался вопросами утилизации фосфорных удобрений при разных уровнях кислотности почвы, меня интересовал синтез нуклеиновых кислот, РНК и ДНК, в листьях разного возраста и в репродуктивных органах растений. Мы разделили ампулу на двоих. Для этого ее нужно было открыть, срезав оплавленный конец обычным напильником, и развести в небольшом объеме дистиллированной воды в мерной колбе. Никаких защитных костюмов, экранов или масок не было, все делали вручную. Вскоре радиоактивные фосфор и серу (S^{35}) стали получать и другие сотрудники. Меня назначили ответственным за работы с радиоактивностью на кафедре. Эксперименты с применением радиоактивных изотопов начинались и на других кафедрах, где-то в СССР вступил в строй засекреченный завод по производству радиоактивных изотопов для научных исследований.

Первыми опытами с применением радиоактивного фосфора, а вскоре и радиоактивной серы, которую я смог получать не только в виде сульфатов, но и в форме меченого S^{35} метионина (аминокислоты, входившей в состав почти всех белков), было изучение распределения радиоактивности по листьям разных ярусов (молодые вверху, более зрелые внизу) через разные сроки после внесения радиоактивных изотопов в питающую корни среду. Это можно было делать непосредственно на растущем растении счетчиком Гейгера, а также с помощью радиоавтографии, путем контакта растений или только листьев с рентгеновской пленкой.

В 1954 году я в основном осваивал различные методики, читал литературу и обдумывал возможности использования меченых аминокислот для изучения механизма синтеза белков и нуклеиновых кислот. В США и в других западных странах биохимии, применявшие

радиоактивные изотопы, опережали нас благодаря техническим преимуществам. Они могли получать меченые по углероду, причем в определенной позиции, любые аминокислоты и нуклеотиды, а не только метионин. Они также имели в своем распоряжении суперцентрифуги и ультрацентрифуги, которые позволяли им осуществлять более полное фракционирование внутриклеточных образований, необходимое для выделения отдельных типов белков или нуклеиновых кислот. На продажу всех этих препаратов и центрифуг в СССР было наложено эмбарго, преодолеть которое путем покупки приборов через дружественных посредников в нейтральных странах (в Австрии и Финляндии) могли лишь некоторые особо важные институты, имевшие доступ к иностранной валюте. Посредники получали свои комиссионные. Бюджет Тимирязевской академии формировался только в рублях.

В 1955 году я разработал новый оригинальный метод препаративной радиоавтографии листьев растений, позволявший точно определять не только общую радиоактивность листьев, но и локализацию в них радиоактивных белков или нуклеиновых кислот. Для этого листья растений прессовывались под большим давлением (от 50 до 150 атмосфер) с помощью гидравлического пресса в фильтровальную бумагу. На фильтровальной бумаге появлялся зеленый отпечаток листа, клетки которого были разрушены. Растворами некоторых кислот можно было удалять из отпечатка листа неорганические соединения, органическими растворителями – липиды и жиры, оставляя в отпечатке лишь белки и нуклеиновые кислоты, которые в результате денатурации прочно связывались целлюлозными волокнами бумаги. С этих отпечатков, уже сухих, можно было легко получать радиоавтографы, экспонируя их в рентгеновских кассетах в течение разных периодов времени. Количественно радиоактивность белков или нуклеиновых кислот можно было определять и в импульсах (распадах) в минуту счетчиком Гейгера.

Новизна и наглядность этой методики позволили мне опубликовать в 1956 году несколько статей в журналах и в сборниках конференций. Методика была впоследствии зарегистрирована как изобретение. С 1955 года я уже работал не один. Под мое руководство перешли два аспиранта. К ним вскоре добавились один дипломник и два практиканта из Китая. Меня утвердили в должности старшего научного сотрудника.

Важное влияние на нашу семейную жизнь оказало и то, что мне предоставили в академии жилую площадь – комнату в корпусе, где жили в основном профессора и преподаватели. В этой комнате (примерно 14 кв. м) мы разместились без проблем. Две другие комнаты в квартире занимала другая семья. Но на кухне имелась газовая плита, в ванной – горячая вода и в комнате – центральное отопление. В придачу ко всему этому комфорту в передней был еще и телефон. Ходить на работу мы могли пешком, а зимой на лыжах. В 1956 году в нашей семье появился еще один сын – Дима.

В том же году после секретного доклада Хрущева началась реабилитация жертв сталинского террора. Вернулись из заключения И. Г. Дикусар, В. П. Эфроимсон и талантливый биохимик А. А. Баев. Был посмертно реабилитирован мой отец. Больше двадцати крупных селекционеров, генетиков и биохимиков, арестованных в 1937–1941 годах (Н. И. Вавилов, Г. К. Мейстер, А. А. Сапегин, Г. Д. Карпеченко, С. Г. Левит, Н. М. Тулайков, Г. А. Левитский, А. Р. Кизель и др.), были реабилитированы тоже посмертно. Но даже эти посмертные реабилитации имели очень большое значение для советской науки, так как возвращали в научный оборот огромный массив достижений, о которых в недавнем прошлом нельзя было писать. Цензура просто вычеркивала все упоминания этих имен. Советские

исследования в естествознании на рубеже 1934–1935 годов были значительно глубже и шире, чем американские. Молодые ученые и студенты об этих прошлых достижениях часто ничего не знали. Мои собственные первые познания в биохимии были почерпнуты в 1942 году из книги А. Р. Кизеля «Химия протоплазмы», изданной в 1940 году. Она освещала проблему полнее и глубже, чем любая иностранная монография того времени. Кизель первым предположил возможное участие нуклеиновых кислот ядра клетки в явлениях наследственности. Он основал кафедру биохимии растений в МГУ. Кизель был арестован в начале 1942 года и в сентябре того же года расстрелян.

В конце 1956-го было объявлено, что очередная Международная научная конференция ООН по проблемам атомной энергии состоится в Париже 9–20 сентября 1957 года по общей теме «Применение радиоизотопов в научных исследованиях». Проведение этой конференции было возложено на ЮНЕСКО – Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, штаб-квартира которой находилась в Париже. Советский Союз получал на конференции ООН такую же квоту на количество делегатов, как и США. В данном случае это означало, что с докладами на конференции из СССР могли приезжать 70–80 ученых. Общее число участников приближалось к двум тысячам. Для того времени это было грандиозное собрание ученых. Но в СССР исследования с применением радиоизотопов в биологии, медицине, химии и сельскохозяйственных науках еще только разворачивались. Представить на парижскую конференцию даже семьдесят качественных работ оказалось крайне трудно. Отбор заявок на доклады по сельскохозяйственному сектору, который включал и физиологию растений, был поручен профессору Клечковскому, руководителю лаборатории биофизики на нашей кафедре. Для выбора докладов в Москве срочно созывалась Всесоюзная конференция по применению изотопов и ядерных излучений. Я выступил на этой конференции с докладом «Новый метод препаративной радиоавтографии для изучения локализации и скорости синтеза белков и нуклеиновых кислот в растениях», для которого были подобраны очень понятные и оригинальные иллюстрации. Клечковский вскоре сообщил, что мой доклад отобран для представления в Париже, причем не на секционном, а на пленарном заседании. Мне предложили быстро представить текст для перевода на английский. В Париже доклад предстояло читать на русском, который был, наряду с французским и английским, официальным языком конференции. Однако публикация трудов конференции в нескольких томах планировалась лишь на английском. Доклады на международных конференциях ООН обеспечиваются синхронным переводом на родной язык участников. Рефераты всех докладов, а это сотни работ, нужно было срочно издать на английском и раздать всем участникам конференции.

Летом 1957 года мне выдали множество разных анкет, которые следовало заполнить для получения заграничного паспорта. Часть этих бумаг шла в Министерство иностранных дел СССР, где готовились паспорта и выдавались визы. Другая часть анкет и справок шла в особую Выездную комиссию ЦК КПСС, входившую в отдел агитации и пропаганды, который возглавлял тогда секретарь по идеологии М. А. Суслов. Именно этот отдел являлся связующим звеном между ЦК КПСС и КГБ. В. М. Клечковский тоже входил в состав советской делегации. Его доклад был посвящен применению радиоактивных изотопов в опытах с удобрениями. Для Клечковского это была не первая поездка за границу. Два раза членов советской делегации вызывали на инструктаж в МИД и в ЦК КПСС. Ученым из Харькова, Киева или Ташкента приходилось приезжать для этого в Москву. Многие, как и я, никогда не выезжали за пределы СССР. Нам объясняли правила поведения, рекомендовали

не выходить на улицу по одному, только вдвоем или группами. Запрещалось посещать в Париже особый район кабаре, стриптиза и «красных фонарей». Не рекомендовалось разговаривать в номерах гостиниц на профессиональные темы, так как там могли быть установлены подслушивающие устройства, как и в телефонах. Около половины членов советской делегации работали в режимных институтах с засекреченной тематикой. Каждого из нас обязали фиксировать все контакты с иностранными коллегами и написать детальный отчет о поездке, впечатлениях и встречах. Руководителем советской делегации в Париж был назначен А. В. Топчиев, ученый секретарь Президиума АН СССР.

Заграничные паспорта с готовыми визами нам выдали в обмен на внутренние только перед отлетом 7 сентября вместе с билетами в каком-то помещении аэропорта Внуково. Командировочные во франках, сразу на две недели, мы получили уже в Париже. На конференциях ООН все расходы делегаций обеспечиваются их правительствами.

И вот, наконец, небольшой винтовой двухмоторный самолет финской авиакомпании поднял одну из групп делегации в воздух и направился к Копенгагену. Прямых беспосадочных рейсов из Москвы в Париж тогда еще не было. Из Копенгагена, пообедав в аэропорту, мы полетели в Париж вместе с другой группой в более солидном самолете «Скандинавских авиалиний». В Париже приземлились вечером.

В гостинице на берегу Сены в Латинском квартале я оказался в одной комнате с Клечковским. Он уже бывал в Париже два раза. При выходе из гостиницы на прогулку нас остановил невысокий человек: «Вы надолго?..» Клечковский объяснил. «Возвращайтесь не позже одиннадцати». Это был один из четырех агентов КГБ, входивших в состав делегации под видом ученых.

Впечатления о Париже и конференции я записывал в дневнике-блокноте каждый день. Но дневник этот утерян со многими бумагами того периода. Больше всего меня интересовала просто жизнь города и французов. В 1957 году здания Парижа еще не были очищены от десятилетиями наслаивавшейся копоти угольного отопления и улицы выглядели мрачными. Франция вела войну в Алжире и страдала от сильной инфляции. Удивляло лишь обилие разнообразных потребительских товаров, ресторанов и кафе и плотность автомобильных потоков на улицах. Для советской делегации были организованы экскурсии в Лувр, Версаль и другие музеи. Но для меня и многих моих коллег музеем был весь Париж, его проспекты, бульвары, набережные Сены. Весь стиль жизни в Париже был иной, сильно отличаясь от жизни в Москве или в Ленинграде.

Во время конференции я познакомился с коллегами-биохимиками из Великобритании и США. Стало очевидным, что мой разговорный английский весьма слаб. Поэтому после возвращения в Москву я поступил на вечернее отделение для дипломированных специалистов в Институт иностранных языков. В течение двух лет три раза в неделю ездил на занятия, каждое по четыре часа, для улучшения письменного и разговорного английского. Так получилось, что моим соседом «по парте» оказался Александр Евгеньевич Голованов, легендарный главный маршал авиации и командующий авиацией дальнего действия. Он был любимцем Сталина и в период войны подчинялся только ему. В 1953 году Хрущев уволил Голованова в запас, в гражданскую авиацию. Ему тогда было лишь 49 лет. В 1957 году Голованов руководил службой аэропорта Внуково, которая обеспечивала работу и быт иностранных пилотов, прилетающих в Москву из многих стран. Внуково был тогда главным международным аэропортом Москвы. Голованову поэтому срочно потребовалось знание английского языка, и он учил его очень упорно.

Весной 1958 года я начал писать свою первую книгу «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза». Понятие «онтогенез», сейчас мало применяемое, объединяет процессы развития и старения. В 1956 году после поездки в Англию Хрущева и Булганина, взявших с собой срочно рассекреченного академика Игоря Курчатова, удивившего британских ученых докладом о разработках в СССР проблем термоядерной энергии, были значительно облегчены условия переписки советских ученых с иностранными коллегами и обмен результатами научных исследований. До этого любые письма или оттиски публикаций, посылаемые коллегам из капиталистических стран, нужно было в открытом виде сдавать в так называемые спецотделы, где они подвергались цензуре и поступали на почту с особыми «разрешительными формами». Письмо, например, в США, отправленное не по официальным каналам, а брошенное в почтовый ящик, обычно не доходило до адресата. С осени 1956 года я неожиданно стал получать письма из-за границы, чаще всего это были стандартные запросы с просьбой прислать оттиск той или иной статьи. Во всем мире ученые разных стран ведут активный обмен оттисками публикаций своих работ – этой традиции, наверное, больше 150 лет. Для советских ученых запреты на зарубежную переписку стали вводить в 1936 году. Я быстро воспользовался новыми свободами и, начав обширную переписку с коллегами, по интересующим меня проблемам мог теперь получать оттиски публикаций, вместо того чтобы конспектировать их в библиотеке.

В раскрытии механизма синтеза белков к началу 1958 года было сделано много открытий. Была идентифицирована информационная РНК, воспроизводившая структуру отдельных участков ДНК. Синтез любых белков происходил, как оказалось, на поверхности рибосом в цитоплазме с помощью еще двух форм РНК, транспортной и рибосомальной. Информация гена каким-то образом передавалась в этой системе. Возникла теория «один ген контролирует синтез одного белка», быстро ставшая доминирующей. Работа над книгой давала возможность обобщить весь новый материал и использовать его для понимания молекулярных механизмов старения клеток и тканей. «Мичуринская» биология стояла в стороне от этих исследований и была совершенно беспомощной в объяснении механизмов наследственности. Некоторые ведущие биохимики – А. И. Опарин, Н. М. Сисакян, А. В. Палладин – по-прежнему отрицали возможную роль ДНК в явлениях наследственности и вообще существование генов в форме молекул. Другие – А. Н. Белозерский, С. Е. Северин, А. Е. Браунштейн – рассматривали взаимодействие между ДНК, РНК и синтезом белков как чисто биохимическую проблему, не имеющую отношения к генетике. Единственным академиком-биохимиком, пытавшимся разгадать механизм генетической роли ДНК, был В. А. Энгельгардт, директор недавно созданного Института физико-химической биологии. В СССР в 1958–1959 годах не появилось ни одной обзорной работы или книги, которые можно было бы отнести к биохимической генетике или к молекулярной биологии. Термин «ген» был исключен из научного оборота. Не было и учебников генетики.

Поток новой информации в области биосинтеза белка оказался в 1958 году таким широким, что, завершив к концу года первый вариант книги, я видел, что он уже устаревает и требует переделки, и начал писать весь текст заново. Закончив в конце 1959 года третий вариант книги, я понял, что она получилась. Мне казалось, что эта книга с обзором и анализом современного состояния проблемы обеспечит оживленную дискуссию и объединит концепции генетики, цитологии и биохимии с анализом проблем развития и

старения. Я не вел полемику с «мичуринской» биологией, просто не упоминал о ней в тексте. И рад был бы поспорить с Лысенко, но цензура не позволяла. Несколькими годами ранее «Ботанический журнал», издававшийся в Ленинграде, открыл полемику с Лысенко по проблемам эволюционного учения и видообразования. Однако в декабре 1958 года на заседании пленума ЦК КПСС Хрущев сделал резкое заявление по этому поводу, и редколлегию «Ботанического журнала» немедленно заменили новой, «мичуринской».

Рукопись книги (тогда я писал все от руки на больших листах бумаги) мне перепечатала профессиональная машинистка. Получилось почти шестьсот страниц. Их сопровождали более пятидесяти рисунков и графиков. Список литературы включал около двух тысяч публикаций. Только после этого я задумался об издательстве.

До 1935 года в России и в СССР было много разнообразных многопрофильных издательств. Но затем начались слияния и специализация, что облегчало работу цензуры. Цензоры Главлита работали теперь непосредственно в издательствах, но общались лишь с главным редактором и его заместителями. Все специализированные издательства были к 1959 году не самостоятельными учреждениями, а находились в подчинении разных министерств и ведомств. Издательское дело потеряло коммерческую основу и стало одной из финансируемых госбюджетом форм деятельности министерств и ведомств. Благодаря этому цены на книги были очень низкими. Профиль издательств отражался в их названиях: Госполитиздат, Издательство художественной литературы, Сельхозгиз, Учпедгиз, Детгиз и т. д. Во всем Советском Союзе существовало лишь три издательства, в которые можно было отдать рукопись по теоретической биологии: Издательство Академии наук СССР, издательство «Высшая школа» и Государственное издательство медицинской литературы.

Я, естественно, выбрал академическое, которое публиковало преимущественно научные монографии. В небольшом старинном особняке в Подсосенском переулке в неопикуемой тесноте размещалось самое большое в СССР научное издательство. Немалое число сотрудников работало за своими столами не только в коридорах, но и на лестнице. В редакции биологии мне сразу отказали, не взяв рукопись для рассмотрения. Оказалось, что это издательство вообще не принимает рукописей от авторов, которые не работают в системе Академии наук. Весь годовой лимит бумаги распределялся по отделениям Академии, а затем по институтам. Издательство принимало рукописи от институтов, одобренные их учеными советами, а не от авторов. Вторым издательством, куда я отправился через несколько дней, была «Высшая школа». По ведомственной принадлежности наша сельскохозяйственная академия входила в систему Министерства высшего образования. Поэтому мою книгу должны были принять хотя бы для рецензирования. У меня имелось письмо в издательство от ректора академии профессора Г. М. Лозы, который и при Немчинове, и при Столетове был заместителем ректора по научной работе и знал и поддерживал меня еще с 1944 года.

Дирекция издательства «Высшая школа» размещалась в небольшом коридорчике инженерно-экономического учебного института, а его редакции по различным отраслям науки нашли приют в здании бывшей церкви в районе Красной Пресни. Одно из помещений занимала редакция биологической литературы, где и работали ее сотрудники, человек пятнадцать. Одни читали рукописи, другие что-то печатали или объяснялись с авторами. В углу за письменным столом сидела заведующая редакцией Ольга Григорьевна Гольцман. Она приняла меня очень приветливо. Две недавно изданные книги по проблемам старения были быстро проданы. Белки и нуклеиновые кислоты входили в моду. Просмотрев

оглавление, Гольцман сразу согласилась принять рукопись и попросила привезти еще один экземпляр. На принятую рукопись требовалось два рецензента. Автору их имена не сообщали. Однако одно из них стало мне известно очень быстро, так как он сам написал мне письмо. Это был профессор Харьковского университета Владимир Николаевич Никитин, ученик А. В. Нагорного. Мы были с ним знакомы, я два раза принимал участие в семинарах по старению в Харьковском университете. Никитин был серьезным ученым, биохимиком и физиологом. Я вполне доверял его объективности. Вскоре он прислал краткий, весьма положительный, но предварительный отзыв, который требовался не для издания, а пока только для включения книги в план издательства на 1961 год.

Второй рецензент долго был мне неизвестен. Но где-то в марте 1960 года знакомый биохимик из Московского университета рассказал мне, что видел рукопись моей книги на столе заведующего кафедрой генетики МГУ В. Н. Столетова. Эта новость меня сильно огорчила. Столетов я тоже знал достаточно хорошо, так как в августе 1948 года он был назначен ректором Тимирязевской академии и проводил там «чистку» от менделистов-морганистов. Столетов являлся главным комиссаром Лысенко, и в 1950 году, еще при Сталине, его назначили министром высшего образования СССР. В 1954-м несколько понизили, переведя на пост министра высшего образования РСФСР. Кафедрой генетики в МГУ он руководил по совместительству. Столетов занимал множество влиятельных постов одновременно: он был заместителем председателя Высшей аттестационной комиссии, присуждавшей докторские степени и звания профессоров, членом Комитета по Ленинским премиям, членом ученых советов многих институтов, даже Института биохимии АН СССР. По узкой специальности он был растениеводом и автором нескольких публикаций по переделке озимых пшениц в яровые условиями среды, то есть по яровизации. В биохимии он не разобрался и дать квалифицированный отзыв на мою книгу не мог. Но для издательства требовалось в данном случае одобрение, а не отзыв. Столетов, имея столько высоких должностей, просто не имел времени, чтобы читать толстую рукопись по биохимии. Но ему принадлежало право «вето». Таков был механизм административной монополии Лысенко. В 1958 году, благодаря политике большей кооперации с мировой наукой, Советский Союз послал делегацию отечественных генетиков на Международный конгресс по генетике в Канаду. В состав советской делегации были включены только «мичуринцы», и именно Столетов был ее руководителем. От СССР не оказалось ни одного экспоната для выставки достижений генетики. Все доклады советских ученых попали лишь на секцию прививочных гибридов и производили жалкое впечатление. Может быть, эта поездка в Канаду научила чему-то и Столетова?

Труд «внутреннего» рецензента издательства неплохо оплачивался. Сроки рецензирования зависели от объема рукописи. В моем случае они составляли три-четыре месяца. Одной предварительной рецензии В. Н. Никитина оказалось достаточно для включения книги в план издательства, о чем меня и известили письмом главного редактора П. Иванова от 23 марта 1960 г. Тематический план издательства «Высшая школа», довольно толстая книга аннотаций, рассылался по всей стране книжным магазинам, библиотекам, вузам и научным учреждениям. В этом плане одна страница посвящалась и моей книге. Аннотация была очень доброжелательной: «...Громадный фактический материал, приведенный автором, и актуальность книги, несомненно, привлекут к ней внимание широкого круга читателей...»

Тираж издания определили в 10 000 экз. Выход книги в свет намечался на последний

квартал 1961 года. По тематическому плану начали поступать заказы. По общему количеству заказов обычно уточнялся и тираж. К декабрю 1960 года я узнал, что количество предварительных заказов на мою книгу только от Книготорга превысило 10 000. «Международная книга» заказала 600 экземпляров для продажи за границей – их должны были печатать отдельно, на лучшей бумаге, с суперобложкой и без указания цены.

В декабре 1960 года поступил развернутый отзыв профессора В. Н. Никитина. К этому времени у меня уже был готов новый, четвертый дополненный вариант рукописи. Никитину для рецензии на тринадцати страницах потребовалось тринадцать месяцев. Рецензия давала книге очень высокую оценку и рекомендовала ее к изданию. Однако, касаясь центральной в книге главы о биохимических основах наследственности, связывавшей проблему биосинтеза белков с проблемами развития и старения, Никитин осторожно писал:

«Автор излагает проблему наследственности несколько односторонне, приводя в своей главе фактический и теоретический материал только одного, противоположного мичуринскому, направления... Поэтому я считаю целесообразным рекомендовать автору несколько переработать эту главу, сделав ее более объективной путем включения в нее материалов и положений других направлений генетики...»

Это был, можно сказать, смертный приговор для моей книги, так как перерабатывать главу о наследственности я не мог. Но от издательства, вопреки моим опасениям, такой рекомендации и не последовало. О. Г. Гольцман ждала вторую рецензию, так как по данной проблеме мнение Столетова было решающим. Но торопить министра издательство не решалось. Между тем критическая дата приближалась. Чтобы успеть с книгой к последнему кварталу 1961 года, нужно было заключить договор и сдавать рукопись в набор. Меня также защищал и закон. В СССР действовал Кодекс по авторскому праву, который обязывал издательство заплатить автору 60 % гонорара, если рукопись пролежала в редакции два года без решения об издании или без «мотивированного и обоснованного отказа». Этот гонорар считался компенсацией автору. Случаи получения таких компенсаций имели место. Но юриконсульт издательства тоже не дремал. Незадолго до истечения двухлетнего срока с моего первого визита в издательство курьер доставил мне прямо в лабораторию один экземпляр рукописи и письмо, подписанное и. о. директора В. Дубровской:

*«Уважаемый Жорес Александрович!
Издательство “Высшая школа” возвращает Вам рукопись “Биосинтез белков и проблемы онтогенеза”, так как издательство в настоящее время не имеет возможности публиковать труды монографического характера ввиду перегрузки плана учебной литературой».*

Второй экземпляр рукописи с рисунками так и остался у Столетова.

Геронтологический конгресс в Сан-Франциско

В конце марта 1960 года я получил из Калифорнии официальное письмо от Международной ассоциации геронтологии:

*«Д-ру Ж. А. Медведеву
Кафедра агрохимии и биохимии
Тимирязевская сельскохозяйственная академия
Москва, СССР
Март 22, 1960*

*Уважаемый доктор Медведев,
как Президент Пятого международного конгресса по геронтологии я имею честь и удовольствие направить Вам официальное приглашение участвовать в конгрессе, который состоится в августе текущего года в Сан-Франциско. Мы все уверены, что Ваше участие будет способствовать успехам геронтологии благодаря взаимному обмену опытом и знаниями... Через несколько дней я вышлю Вам предварительную программу и регистрационные формы...*

Искренне Ваш

Луис Каплан, Президент Международной ассоциации геронтологии».

Это письмо меня очень удивило. После моих двух теоретических статей по молекулярным проблемам старения в 1952 и в 1953 годах я никаких исследований в этой области не публиковал, хотя выступал с докладами на семинарах в Харькове и в Киеве, а также на заседаниях секции геронтологии Московского общества испытателей природы (МОИП). Последний такой доклад («Теоретические проблемы молекулярного уровня старения») я сделал на конференции МОИП по проблемам долголетия, проходившей 31 января – 2 февраля 1959 года, но труды этой конференции еще не были опубликованы. Через несколько дней я получил еще одно письмо – от президента Американского геронтологического общества Натана Шока (Nathan Shock), – которое сделало понятным неожиданное приглашение. Н. Шок стал президентом общества только в 1960 году, этот пост в США обновляется каждый год. Шок был директором Геронтологического центра в Балтиморе и автором обстоятельных библиографических справочников по геронтологии, в которые включались публикации по старению из всех стран. Я уже несколько лет вел с Шоком переписку и обмен отписками. В первом томе капитального библиографического справочника по геронтологии и гериатрии, объединившего все публикации в этой области 1949–1955 годов, который автор прислал мне в 1959 году, были упомянуты три моих работы. В области молекулярной геронтологии в США в то время не было никаких исследований. Письмо Н. Шока, датированное 1 апреля, предполагало, что я мог бы участвовать в работе секций «Клеточные структуры» и «Клеточная физиология». Кроме того, Шок сообщал, что особый грант Геронтологического общества позволяет оплатить мой перелет в Сан-Франциско и обратно. К тому времени я уже получил пакет с материалами конгресса, программы и темы сессий и симпозиумов, регистрационные бланки и четыре чистых бланка для реферата. Текст реферата, не более шестисот слов, должен был быть впечатан на английском в особый квадрат на бланке для прямого воспроизведения. Крайним сроком для этого назначалось 1 мая. С учетом скорости доставки авиапочтой у меня оставалось лишь две недели. Между тем оформление зарубежных поездок с 1957 года нисколько не упростилось. По-прежнему нужно было решение множества инстанций, дирекции моей

Академии, Министерства высшего образования СССР, МИДа (для визы в уже имевшийся у хранившийся у них паспорт) и Выездной комиссии ЦК КПСС. Я вскоре узнал, что приглашения для участия в этом конгрессе, но без грантов, получили еще в январе несколько сотрудников Института геронтологии в Киеве и его директор Дмитрий Федорович Чеботарев. Они оформляли свое участие через Академию медицинских наук и Министерство здравоохранения.

Несколько дней спустя я получил письмо от организатора работы секции по клеточной физиологии Бернарда Стрелера (Bernard Strehler). Со Стрелером у меня также была переписка, начавшаяся в 1959 году после публикации его теоретической статьи о сходстве нормального и радиационного старения. Стрелер просил срочно прислать реферат моего возможного доклада к 10 мая, так как для публикации всего сборника тезисов требовалось не меньше двух месяцев. Ему также хотелось подготовить дискуссию.

Кафедрой агрохимии и биохимии в 1960 году заведовал В. М. Ключковский, сменивший умершего от инфаркта А. Г. Шестакова. Ключковский сразу поддержал мой план поездки на Геронтологический конгресс и направил представление о целесообразности поездки ректору академии Г. М. Лозе. Из ректората представление ушло в международный отдел Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Здесь оно быстро обросло всеми нужными резолюциями, включая согласие министра В. П. Елютина. Министр был по специальности металлург и не разбирался в биологии. В Тимирязевскую академию поступило указание готовить на Ж. А. Медведева «выездное дело». В Министерстве здравоохранения такие же действия проводились в отношении киевских геронтологов, среди которых был мой хороший знакомый Владимир Вениаминович Фролькис. Директор института геронтологии Д. Ф. Чеботарев и его заместитель профессор П. Д. Марчучи оформляли поездку как командировку, остальные члены делегации ехали как туристы за собственный счет. Меня тоже включили в состав делегации, чтобы я ехал вместе с группой.

Подготовив четыре экземпляра реферата «Aging at the Molecular Level» («Старение на молекулярном уровне») и формы регистрации, я поехал на Главный почтамт, чтобы отправить эти бумаги заказным экспресс-авиаписьмом с уведомлением о вручении. Это стоило тогда пять или шесть рублей.

«Что это у вас?» – взглянув на обратный адрес, спросила меня сотрудница почтамта, сидевшая за окном под вывеской «Международная корреспонденция». Мой большой конверт был уже заклеен. Я объяснил. «Материалы для публикации мы принимаем только от учреждений и с формой 103а, – сказала дама в окошке, возвращая мне конверт, – и сдавать его на почту следует незапечатанным... Частным лицам пересылка машинописных текстов за границу запрещена».

Вернувшись в академию, я пошел в канцелярию, ведавшую служебной корреспонденцией. Здесь мне объяснили, какую процедуру необходимо пройти, чтобы отправить за границу материалы для публикации: сначала подготовить акт об отсутствии в рукописи сведений секретного характера за подписью трех экспертов; получить одобрение рукописи ученым советом факультета и дирекцией академии и сдать ее в иностранный отдел министерства для получения визы Главлита, то есть цензуры. Только после этого готовится для почты форма 103а за подписью директора академии и заверенная гербовой печатью, причем в трех экземплярах: два остаются на почте, а один, заверенный почтой, отдается отправителю вместо квитанции. При этом все материалы, отправляемые за границу, представляются с заверенным дирекцией переводом на русский язык, так как работники

Главлита не проверяют иностранные тексты. Но до 10 мая оставалось лишь две недели. Ближайшее заседание ученого совета факультета ожидалось через десять дней.

Я поехал на Международный почтамт у Ленинградского вокзала, чтобы ознакомиться с Почтовым кодексом СССР. Мой план был отправить реферат Стрелеру не в отпечатанном на бланке конгресса виде, а как рукописное письмо, чтобы он, отредактировав мой текст на более совершенном английском, вставил его в нужные бланки. Шестьсот слов – это займет у моего коллеги не более часа. Свое согласие на участие в конгрессе я также решил послать Каплану и Шоку не в форме заполненных анкет по почте, а международными телеграммами на английском с Главного телеграфа на улице Горького, который работал круглосуточно. Я приехал туда в четыре часа утра и оказался единственным клиентом. Телеграммы-молнии должны были по правилам отправляться сразу. И они были получены в тот же день.

Весь Почтовый кодекс СССР оказался документом лишь «для служебного пользования». Мне дали для ознакомления небольшую книжку «Почтовые правила». В этих правилах был один параграф, в котором говорилось, что к пересылке по почте за границу запрещаются рукописи, «содержащие государственную или военную тайну и могущие нанести СССР политический или экономический ущерб». Определение такой возможности возлагалось на Главлит. Цензура всех рукописей была, следовательно, правилом. Мое письмо Стрелеру в обычном международном авиаконверте было принято как заказное без проблем. Оно весило меньше двадцати граммов. На всякий случай я послал дубликат, опустив его в почтовый ящик. Текст реферата был частью личного письма. Стрелер получил в Балтиморе оба письма через шесть или семь дней. Я начал готовить текст доклада. Это был первый текст научной статьи на английском, который я готовил сам. Работа шла медленно, каждую фразу сверял по построению с текстами из британского *Biochemical Journal* или *Nature*.

Подготовка выездного дела между тем шла своим чередом. В него включались: подробная автобиография, копии брачного свидетельства и метрических свидетельств на детей, справки о здоровье и характеристика, которая утверждалась не только партийным комитетом Тимирязевской академии, но и бюро райкома КПСС. В ЦК КПСС это дело шло через международный отдел министерства. В конце мая мне сообщили, что министр В. П. Елютин подписал приказ о командировке Ж. А. Медведева в США сроком на две недели. Однако В. М. Ключковский объяснил мне, что главным является решение Выездной комиссии при ЦК КПСС, которую по-прежнему возглавлял М. А. Сулов. Только члены этой комиссии могли знакомиться с моим досье в КГБ. В том, что такое досье есть в КГБ на всех сотрудников кафедры, ни у меня, ни у Ключковского не было сомнений. Одного из осведомителей на кафедре мы знали. Это был ассистент Б., который в 1958–1959 годах получил возможность в течение года поработать по обмену в Англии на знаменитой Ротамстедской сельскохозяйственной опытной станции. В то время была обычной практикой вербовать для сотрудничества с КГБ именно в связи с длительными зарубежными командировками.

24 июля 1959 года в Москве в Сокольниках открылась Американская национальная выставка с множеством интересных павильонов. Именно там вице-президент США Ричард Никсон и Хрущев вступили в день открытия в историческую полемику на кухне типичного американского домика – одного из экспонатов. Выставка имела необычайный успех, посетители шли толпами. Многочисленные гиды весьма активно вели пропаганду американского образа жизни. Для наблюдения за советско-американскими контактами у КГБ явно не хватало агентов со знанием разговорного английского языка. Был мобилизован

на эту миссию и ассистент Б. с нашей кафедры. Простая задача подслушивать, высматривать и ежедневно доносить его возмущала, оскорбляла и унижала. Вечером, усталый и подавленный, он приходил в мою лабораторию (я обычно был уже один) и просил стакан спирта, после этого говорил много лишнего. Я хорошо знал его еще студентом, мы были друзьями, и он понимал, что я не наивный человек. Вскоре Б. был назначен на пост атташе по сельскому хозяйству в посольство СССР в Вашингтоне.

20 или 21 июня меня вызвали в отдел международного сотрудничества Министерства высшего образования к Ю. С. Самохину, ведавшему делами США. Он сказал, что моя поездка на Геронтологический конгресс, очевидно, не состоится. Причины мне не объяснили. Самохин порекомендовал заблаговременно известить об этом моих американских коллег, копии приглашений лежали в моем деле. Он сказал, что я должен в качестве причины указать занятость, болезнь или семейные обстоятельства. Я ответил достаточно прямо, что никаких отказов от приглашений я посылать не буду. На следующий день я попросил аудиенции у министра, но был переадресован к его заместителю профессору М. А. Прокофьеву. В качестве причины Прокофьев назвал задержку в передаче моего выездного дела в Выездную комиссию – нужно было сделать это не менее чем за два месяца до отъезда. Это объяснение меня не удовлетворило, я знал, что дела моих коллег из Киева уже рассматривались в ЦК КПСС. Объяснение отказа от поездки я должен, по рекомендации Прокофьева, взять на себя, сославшись на болезнь. Я ответил, что напишу только правду. Прокофьев пришел в негодование и заявил, что «честный советский ученый никогда не станет обвинять перед иностранцами государственное учреждение». На этом мы расстались. Однако Прокофьев сразу позвонил ректору Тимирязевской академии и распорядился применить по отношению ко мне «воспитательные меры».

На следующий день я подготовил докладную записку на имя секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова, которую отвез в Приемную ЦК КПСС на Старой площади. Ответа не последовало. После этого я послал заказное экспресс-авиаписьмо Натану Шоку, дополнив его международной телеграммой. Я сообщил Шоку, что Министерство высшего образования, необходимая инстанция для оформления зарубежных поездок, отказалось от оформления моей поездки в США. Я попросил его аннулировать сделанную Геронтологическим обществом оплату моего полета в США. Как мне было известно, бельгийская авиакомпания «Сабена» уже забронировала для меня билеты, получив платежные гарантии на тысячу долларов. Но Натан Шок тоже не сдавался. В начале июля я получил от него письмо, в которое была вложена копия его обращения к министру высшего образования СССР.

Между тем мой доклад (двадцать страниц английского текста) был готов и отпечатан на машинке. Теперь нужно было найти надежную оказию для его отправки в США. Удача в этом деле пришла случайно. С 1956 года официальная политика поощряла связи советских ученых с иностранными коллегами. В Москве стали регулярно проводиться международные симпозиумы и конференции. Создавались общества дружбы с разными странами. Я уже был членом общества дружбы «СССР – Великобритания» и иногда ходил на его заседания, которые проводились в знаменитом особняке на улице Калинина, недалеко от Государственной библиотеки им. Ленина. В этом уникальном здании с 1959 года располагался Союз советских обществ дружбы с народами зарубежных стран (ССОД), в который входило уже больше сорока обществ. У меня был членский билет этого Союза. Раз в неделю я обычно до вечера работал в Ленинской библиотеке. Там была очень плохая столовая, почти без выбора блюд, поэтому в свой библиотечный день я ходил обедать в

здание ССОД с небольшой, но отличной столовой-буфетом и комнатой отдыха с удобными креслами. Как я сейчас понимаю, ССОД превратил построенный в мавританском стиле особняк Морозова в копию типичного английского клуба. Иностранные ученые, которые нередко бывали в Ленинке, тоже приходили сюда на ланч или на ужин. К тому же здесь можно было почитать некоторые зарубежные газеты и журналы.

В последней декаде июля, отдыхая там после ланча в библиотеке, я увидел неподалеку в кресле профессора Честера Блисса (Chester Bliss), с которым был знаком с 1954 года. Он тогда выступал с лекцией в Московском обществе испытателей природы (МОИП) по проблемам биологической статистики. Председатель секции геронтологии МОИП, зоолог, профессор В. В. Алпатов был другом Блисса. Алпатов в 1927–1928 годах работал в США по стипендии Рокфеллера. Ч. Блосс был создателем Международного биометрического общества. Он в молодости занимался генетикой и работал в лаборатории Моргана. В 1936–1938 годах Блосс работал в Ленинграде во Всесоюзном институте защиты растений. Он дружил с Николаем Ивановичем Вавиловым и в 1954 году в беседах со мной расспрашивал о его судьбе. Блосс знал русский язык, но сейчас мой английский оказался лучше его русского. Во время беседы я рассказал ему про свои проблемы с конгрессом по геронтологии и спросил, не смог бы он взять текст доклада и отправить его в США Натану Шоку. Блосс без всяких колебаний согласился помочь. Мы договорились, что я привезу ему рукопись в гостиницу «Метрополь». Встречу назначили в ресторане, открытом для всех через вход на площади Революции.

Н. Шок, бывший одним из основателей Международной ассоциации геронтологии, издал в США в 1988 году книгу по истории этой организации. Излагая главные достижения Пятого конгресса в Сан-Франциско, Шок вкратце касается и эпизода, связанного с моим приглашением на конгресс. Привожу отрывок в переводе с английского:

«Как председатель Программного комитета по биологии я принял решение пригласить д-ра Медведева и предоставить ему стипендию для оплаты дорожных и других расходов во время конгресса... Сейчас очевидно, что я совершил серьезную ошибку, послав приглашение непосредственно ему... Как я узнал позже, советская система требует, чтобы приглашение направлялось в министерство или ведомство, а не самому ученому. Моя ошибка вызвала множество проблем... В конечном итоге Медведев не смог приехать на конгресс. Однако он сумел прислать мне свой реферат, который был опубликован в сборнике тезисов для участников. Полный доклад был опубликован несколько позже. Таким образом, идея о том, что ошибки синтеза белков и РНК в большей степени определяют возрастные изменения, чем стабильная ДНК, была представлена как теория старения именно на конгрессе в Сан-Франциско» (Shock N. W. The International Association of Gerontology. A Chronicle – 1950 to 1986. N. Y.: Springer Publishing Company, 1987. P. 75–76).

Семь бед – один ответ

В конце июля 1961 года в Московском государственном университете собирался 5-й Международный биохимический конгресс, для участия в котором зарегистрировались более двух тысяч ученых. Для СССР это был самый крупный съезд иностранных ученых за всю его

историю. Организация конгресса была возложена на Академию наук. Была выпущена специальная серия почтовых марок, посвященных этому событию. Программа включала множество пленарных и секционных заседаний и симпозиумов. Ожидалось прибытие в Москву легендарных открывателей структуры ДНК, нобелевских лауреатов Дж. Уотсона и Ф. Крика. Незадолго до этого в СССР было создано Всесоюзное биохимическое общество, и я стал его членом. Получив регистрационные бланки, я сделал заявку на участие в одной из секций по биохимии растений. В течение трех месяцев перед конгрессом я посещал организованные Биохимическим обществом курсы переводчиков. Биохимиков со знанием разговорного английского языка для всех секций и симпозиумов не хватало. По окончании курсов мне выдали служебное удостоверение переводчика, дававшее мне право на организацию экскурсий для членов конгресса. Многие иностранные ученые оставались еще на неделю после его закрытия для экскурсий в музеи, посещения научных институтов, балетных и оперных спектаклей. Заключительный концерт для участников конгресса в Большом театре был великолепным, некоторые его номера я помню до сих пор.

Мой собственный доклад на секции по азотно-белковому обмену у растений был посвящен пептидам и пептидно-нуклеотидным комплексам у растений, функции которых были тогда неизвестны. Другой доклад по пептидам растений сделал известный британский биохимик Ричард Синг (Richard Syngе), работавший в Абердинском университете в Шотландии. Я познакомился с Сингом еще летом 1957 года на Международном симпозиуме по происхождению жизни, который организовал Институт биохимии АН СССР. Директор этого института академик А. И. Опарин был автором книги «Происхождение жизни на Земле», которая считалась главным трудом в этой области. Синг приехал тогда в Москву в мини-автобусе с женой Анной и семьей своими детьми. Они привезли палатки и рассчитывали жить где-нибудь в лесу под Москвой. Невозможность осуществить такой план создала множество проблем, так как жить в дорогих гостиницах всей семьей они не хотели или не могли. В итоге большое семейство Сингов разместили в подмосковном пионерском лагере для детей работников Министерства иностранных дел. Многие дети в этом элитном поселке знали английский.

Р. Синг вместе с Дж. П. Мартином (Archer John Poster Martin) разработал в 1944 году метод распределительной хроматографии, получивший широкое применение в аналитических исследованиях, особенно в изучении аминокислотного состава белков. Эта работа была в 1952 году удостоена Нобелевской премии по химии.

После окончания конгресса я пригласил Синга на экскурсию в Тимирязевскую академию. Синг в то время работал в области сельскохозяйственной химии и изучал белковый обмен злаков и кормовых растений. Экскурсия продолжалась весь день и включала обед на плодоовощной станции, приготовленный из местных продуктов, и чай с медом на пасеке академии. На кафедре агрохимии и биохимии я рассказал ему о своих проблемах с книгой «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», показав рукопись. Синг немного знал русский язык, а его жена Анна, как оказалось, была профессиональным переводчиком с русского для издательства «Oliver and Boyd» в Эдинбурге. Она перевела на английский и книгу Опарина «Происхождение жизни на Земле». Ричард и Анна были социалистами, друзьями Бертранда Рассела (Bertrand Russell). Синг сам предложил: «Давайте я возьму вашу рукопись... мы ее посмотрим и предложим хорошему издательству в Эдинбурге...» Я выразил опасение, что две толстые папки могут вызвать подозрение при проверке в аэропорту. «Ерунда, – ответил Синг, – мой багаж – это всё книги, да и проверить

меня никто не будет». Так моя книга в августе 1961 года уехала в Шотландию.

Основной сенсацией московского Биохимического конгресса стал доклад Маршалла Ниренберга (Marshall Nirenberg) о начале разгадки генетического кода ДНК, который шифрует последовательность аминокислот в белках. Это исследование кардинально меняло представления о механизмах синтеза белков. Мне снова нужно было переделывать некоторые главы книги. В последующем я переделывал ее еще два раза, посылая все изменения Сингам. Когда книга наконец была издана в Эдинбурге в переводе Анны Синг, это был уже седьмой вариант. Но произошло это лишь через четыре года. Имея семерых детей, Анна не могла работать очень быстро.

Центральная пресса в Москве полностью замалчивала открытие генетического кода, которое явилось сенсацией в других странах. Лысенко незадолго до Биохимического конгресса был переизбран на пост президента ВАСХНИЛ. В биохимии мы просто не могли работать на современном уровне и действительно решать какие-то проблемы. Но необходимые изменения должны были произойти в политике советского руководства. Система власти, существовавшая в СССР, позволяла ученому открыто выступить против политики ЦК КПСС только один раз. Второго шанса у него просто не могло быть. Ученые не уничтожали, как при Сталине, но удаляли из науки, лишали возможности заниматься научными исследованиями или преподавать. Альтернативы государственно-партийной бюджетной системе образования, академий и институтов просто не было. Об этом все еще напоминал мне мой друг В. П. Эфроимсон, блестящий теоретик медицинской генетики, работавший в 1961 году рядовым библиографом в Библиотеке иностранной литературы. Знаменитый Иосиф Абрамович Рапопорт, инвалид войны, награжденный девятью боевыми орденами, открывший в 1939–1940 годах химический мутагенез, работал лаборантом в каком-то институте нефтегазовой промышленности. Легендарный Антон Романович Жебрак, подписывавший от имени СССР в 1945 году Устав ООН в Сан-Франциско, в недавнем прошлом профессор генетики Тимирязевской академии и президент Академии наук Белоруссии, преподавал ботанику в Фармацевтическом институте, получив эту должность лишь после формального покаяния на страницах «Правды».

Но я свой единственный шанс все же решил не упустить, и время для него, судя по всему, пришло. В моем небольшом кабинете на кафедре все еще был большой запас отличных, большого формата листов бумаги. Два вагона немецкой бумаги, которую привезли в нашу академию в конце 1945 года из Германии, обеспечили нас на много лет. Положив перед собой стопку листов, я написал на верхнем заголовке новой книги:

«Биологическая наука и культ личности».

Генетика, как и другие отрасли естествознания, очень быстро развивалась в СССР в 1922–1930 годах. После гибели миллионов людей, разрухи и массовой эмиграции, вызванных Мировой и Гражданской войнами и разрушительной практикой «военного коммунизма», переход к новой экономической политике (нэп) означал либерализацию всех областей жизни страны. Преимущество социалистической системы можно было доказать миру лишь ее успехами, прежде всего в развитии образования, науки и экономики. Именно в это время стали быстро возникать новые научно-исследовательские институты, были созданы Академии медицинских и сельскохозяйственных наук и Академия наук Украины. По всей стране расширялась сеть селекционных и опытных станций. Система высшего образования, в прошлом сосредоточенная в Петербурге и Москве, распространилась на всю страну. Для всемирно известных русских ученых, И. П. Павлова, В. И. Вернадского, Л. А. Орбели, В. Н. Сукачева, А. Н. Баха, В. Л. Комарова и некоторых других, были созданы новые научные институты. «Классовое происхождение», игравшее большую роль в течение нескольких лет после революции, потеряло в период нэпа свое значение при выдвижении на академические посты. Профессор Н. К. Кольцов, в прошлом член кадетской партии, возглавил Институт экспериментальной биологии АН СССР и кафедру в МГУ. Именно Кольцов в 1929 году, первым в мировой науке, сформулировал теорию о существовании генов в форме макромолекул, которые способны к самовоспроизведению по принципу матриц. Неизбежным в то время было предположение о том, что эти макромолекулы имеют белковую природу. Строение нуклеиновых кислот еще не было установлено. Н. И. Вавилов, отец которого, крупный промышленник в Саратове, эмигрировал в 1917 году в Германию, создал в 1924 году в Ленинграде Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, будущий ВИР, получив для института два красивых здания бывшего министерства государственных имуществ в центре города возле Исаакиевского собора и большой земельный участок в окрестностях Царского Села для коллекций растений. В 1925 году по инициативе Вавилова в Москве была создана Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) и в 1930 году Институт генетики АН СССР. Вавилов был назначен президентом ВАСХНИЛ и директором Института генетики. В системе ВАСХНИЛ было создано более десяти научных институтов. Одним из них был Всесоюзный институт зернового хозяйства в Саратове, который возглавил профессор Н. М. Тулайков. Основные положения популяционной и эволюционной генетики были сформулированы в 1926 году С. С. Четвериковым, работавшим в Институте экспериментальной биологии в Москве. В 1928 году профессор С. Г. Левит создал в Москве кабинет наследственности человека, который в 1935 году был преобразован в Медико-генетический институт, первый в мире научный центр по изучению генетики человека. Не было в этот период и политических ограничений на поездки советских ученых за границу. Профессор А. Р. Жебрак, о судьбе которого я писал в первых двух главах, в 1930–1931 гг. стажировался в США в Колумбийском университете в лаборатории Т. Моргана. Лидирующее положение советской генетики не только в Европе, но и в мире было общепризнанным. Еще более значительными казались ее перспективы. Именно поэтому 6-й Международный генетический конгресс в США в 1932 году принял

предложение Н. И. Вавилова, сделанное по поручению Правительства СССР, о проведении следующего конгресса в 1937 году в Москве.

В 1961 году в СССР генетика как научная дисциплина уже практически не существовала. Гены как материальные носители наследственности не упоминались ни в ботанике, ни в зоологии, ни в медицинской или сельскохозяйственной литературе. Селекционеры могли говорить о признаках, но не о генах. Врачи диагностировали болезни, но не наследственные синдромы или патологии. У представителей животного и растительного мира можно было фиксировать изменения, но не мутации. За чистотой научных текстов следили теперь не только редакторы журналов и издательств, но и всесильная цензура. Единственным местом на территории СССР, где осуществлялось преподавание классической генетики, включавшее и практикум по дрозофиле, была биологическая станция Уральского филиала АН СССР, размещившаяся в деревянном доме бывшей даче, принадлежавшей до революции уральскому золотопромышленнику Симонову. Эта дача была расположена на живописном берегу озера Миассово в Ильменском геологическом заповеднике, протянувшемся на 40 км вдоль Уральского хребта. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, ученик Кольцова и Четверикова, освобожденный из заключения в 1955 году после отбытия десятилетнего срока, основал здесь в 1956 году летнюю школу по генетике. Сюда приезжали, соблюдая правила конспирации, обычно во время отпусков, молодые и немолодые биологи из разных городов. Про эту подпольную генетику власти в Москве, по-видимому, ничего не знали.

Террор в науке

Моя рабочая рукопись «Биологическая наука и культ личности», получившая более спокойный подзаголовок «История биологической дискуссии в СССР», по привычной для меня схеме проходила стадии первого, второго и третьего вариантов. Первые главы давали обзор успехов генетики и связанных с ними практических достижений сельскохозяйственных и медицинских отраслей. При этом неизбежно выделялась фигура Николая Ивановича Вавилова, так как его планы по глубине и масштабу замыслов улучшения качества и урожайности культурных растений в то время, безусловно, превосходили все проекты, которые существовали в США и в некоторых других странах. Программа Вавилова по изучению и использованию мирового генофонда обещала через 10–20 лет «зеленую революцию», причем значительно более широкую, чем та, которая по рису и пшенице была осуществлена через много лет группой американского селекционера Нормана Борлоуга (Norman Borlaug) для Индии и сопредельных с нею стран и отмечена в 1970 году Нобелевской премией мира.

В условиях Советского Союза, в котором с переходом от нэпа к принудительной коллективизации крестьян устанавливалась тотальная диктатура, кампании репрессий в административно-политической сфере распространялись и на науку, на поиски и в ней врагов «единственно правильного» учения. Т. Д. Лысенко в одной из своих речей в 1935 году ясно отразил эту тенденцию:

«...хотя яровизация, созданная советской действительностью, и... смогла отбить все нападки классового врага... вредители-кулаки встречаются не только в... колхозной жизни... не менее они опасны, не менее они закляты и для науки...»

Политический террор, развязанный Сталиным в 1937 году, был настолько жестким, массовым и обеспеченным пропагандой и «открытыми» судами, стенограммы которых публиковались во всех центральных газетах, что его распространение в другие сферы жизни общества, включая науку, производство и образование, стало неизбежным. Можно было предвидеть, что к политическим обвинениям начнут прибегать те стороны в научных дискуссиях, у которых не хватает убедительных аргументов для укрепления своих позиций. Научный противник становился врагом, которого нужно уничтожить. Дискуссии и диспуты деградировали в доносы.

Изучая этот период репрессий в биологии по газетам того времени, включая и областные, я детально раскрыл стадии физической ликвидации нескольких выдающихся ученых. Кроме подробного изложения истории гибели академика Вавилова и репрессий среди его соратников я выделил раздел об аресте академика Николая Максимовича Тулайкова и многих его учеников. Как оказалось, причем к большому удивлению и для меня самого, главное обвинение против Тулайкова выдвинул в 1937 году В. Н. Столетов. Основным поводом для разгрома «вредительской группы» Тулайкова явилась статья Столетова «Против чуждых теорий в агрономии», напечатанная в «Правде» 11 апреля 1937 года и обвинявшая Тулайкова в подрывной деятельности. Академик Тулайков, уже пожилой ученый (62 года), вице-президент ВАСХНИЛ и друг Вавилова, был директором Института зернового хозяйства в Саратове. Столетову в то время было лишь 29 лет, и он работал редактором в московском Сельхозгизе, опубликовавшем совсем недавно две книги Тулайкова, посвященные вопросам развития сельского хозяйства. Столетов не имел ни теоретических знаний, ни практического опыта, ни авторитета, чтобы громить столь выдающегося ученого и получить для этого страницу «Правды». Не вызывало сомнения, что автору эта статья была кем-то заказана сверху именно для ликвидации Тулайкова, которого вскоре арестовали. Статьи в «Правде» в то время считались директивными. Потом стали арестовывать и «тулайковцев». Тулайков умер в Беломорском лагере в 1938 году. Сотрудничество Столетова со следствием по тулайковским делам было неизбежным. Обвинителя и обвиняемого нередко вызывали в то время на очные ставки^[3].

В своей рукописи я рассматривал также судьбу медицинской генетики в период террора (арест и расстрел профессора С. Г. Левита и его коллег) и закрытие Медико-генетического института и Института экспериментальной биологии. Н. К. Кольцов был уволен и из МГУ. Лишенный всех постов, он умер в 1940 году в возрасте 68 лет. С. С. Четверикова арестовали еще раньше и приговорили к ссылке, которую он отбывал в Свердловске. В последующие годы он открыл и описал в Уральском регионе 60 новых видов бабочек. Основатель популяционной генетики умер, забытый всеми, в Горьком в 1959 году.

Вторая волна репрессий

Вторая волна репрессий в науке, начавшаяся в августе 1948 года и свидетелем которой я был в студенческие годы, имела менее четкую связь с политическим террором. Она была одним из эпизодов начавшейся в 1946 году «холодной войны», кампании против «буржуазных космополитов» и общего антиамериканизма. В 1948 году политический террор осуществлялся с советской помощью главным образом в восточноевропейских странах

«народной демократии», скатывавшихся к коммунистической диктатуре. Репрессии, начавшиеся в 1948 году по отношению к противникам Лысенко, происходили в форме массовых увольнений, а не арестов. Кампания увольнений прошла очень быстро и оформлялась приказами министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова, которые в виде брошюр распространялись 23 и 24 августа 1948 года. В начале сентября массовые увольнения были произведены в АН СССР, ВАСХНИЛ, в Академиях медицинских педагогических наук и в издательствах. Было очевидно, что все эти списки готовились какими-то комиссиями заранее, еще до Августовской сессии ВАСХНИЛ. Большинство уволенных в августе были в это время в отпусках и узнавали о своем смещении лишь в сентябре. Никаких законных оснований для таких увольнений не было. По скромным подсчетам, из учебных и научных институтов уволили более трех тысяч «антимичуринцев». Многие должности долгое время оставались незамещенными. Аппарат госбезопасности не вмешивался, так как просто не был готов к быстрому производству стольких новых дел. Аресты, однако, применялись по отношению к тем ученым, которые уже подвергались заключению и ссылкам в довоенный период. В это же время производились повторные аресты людей, получивших в 1936–1938 годах максимальный, тогда десятилетний, срок, выживших в лагерях и освобождавшихся по истечении срока. Им предстояло выживать еще много лет. В 1947 году максимальный срок был увеличен до 25 лет. Среди этого контингента был друг моего отца Иван Павлович Гаврилов. Он вышел на свободу лишь в 1956 году.

Описание событий 1948–1953 годов и хрущевской «оттепели» было в моей рукописи основано на собственных наблюдениях, подкрепленных свидетельствами коллег и друзей. Наибольшую помощь мне оказали Владимир Павлович Эфроимсон и Александр Александрович Любищев, которые уже нескольких лет были известны как авторы обширных трудов с критикой всех аспектов «мичуринской биологии». Любищев, энтомолог, заведовавший кафедрой зоологии в педагогическом институте в Ульяновске, был в 1961 году на пенсии и часто приезжал в Москву. Эфроимсон, автор книги по иммуногенетике, лишь в 1961 году в возрасте 53 лет получил научную должность в Московском институте вакцин и сывороток. Труды Любищева и Эфроимсона были намного обширнее и обстоятельнее той рукописи, над которой я в то время работал. Однако именно по причине своей обширности они были малоизвестны за пределами узкого круга коллег. Оба автора сосредоточили внимание на научной критике теорий и практических рекомендаций Лысенко и его сторонников, а не на истории всего феномена псевдонауки. В процессе работы я показывал предварительные варианты рукописи профессору Н. А. Майсуряну, который, будучи деканом факультета, принимал меня в ТСХА в 1944 году, Ф. Х. Бахтееву, сотруднику Н. И. Вавилова и свидетелю его ареста в Западной Украине в 1940 году (именно рассказ Бахтеева воспроизводился в разделе об аресте Вавилова), П. М. Жуковскому и А. Р. Жебраку, которые жили в том же доме, что и моя семья. П. М. Жуковский в то время уже не работал в ТСХА. В 1952 году он был неожиданно назначен директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР) в Ленинграде. Он сохранял данное в 1948 году обещание быть лояльным по отношению к «мичуринской биологии» и был вознагражден повышением и возможностью экспедиций в Южную Америку, откуда привозил новые разновидности картофеля, кукурузы и других культур, для которых этот континент был родиной. Но со мной он оставался полностью откровенен. Мы встречались во время частых приездов Петра Михайловича в Москву и вели обстоятельную переписку. Благодаря Жуковскому я смог две недели работать в архиве ВИРа, где сохранились стенограммы многих дискуссий вавиловского периода.

Подробности пребывания Вавилова в тюрьмах в Москве и в Саратове, а также следствия, приговора и смерти от голода в январе 1943 года стали известны в основном в период пересмотра дела Вавилова в 1955 году, начатого по инициативе жены и сына ученого. В то время, до XX съезда КПСС, пересмотр дел многих тысяч людей шел медленно и включал снятие всех обвинений, вызовы в Прокуратуру СССР авторов доносов, участников «экспертиз» и допросы следователей. Впоследствии реабилитация осуществлялась быстро, по спискам, и сопровождалась уничтожением архивных дел. Но это уже были сотни тысяч дел людей, которые все еще томились в лагерях и тюрьмах. Их реабилитировали выездные комиссии прямо в местах заключения и немедленно освобождали. Посмертная реабилитация растянулась на более длительный срок, ведь счет шел на миллионы человек. Младший сын Н. И. Вавилова Юрий собирал любую информацию об отце. Он надеялся найти в архивах КГБ множество неопубликованных рукописей, дневников путешествий, переписку с зарубежными коллегами, альбомы фотографий, конфискованные на квартире ученого после его ареста. Однако все эти бумаги были уничтожены.

В Ленинграде большую помощь в сборе материалов оказали профессора В. Я. Александров, цитолог, и В. С. Кирпичников, генетик.

Рождение научного самиздата

Работа над третьим вариантом рукописи была закончена в феврале 1962 года. Моя доверенная машинистка отпечатала сначала четыре копии, а вскоре еще четыре. Я отдавал их на отзыв и для критических замечаний в первую очередь тем, кто помогал мне в работе: Майсуряну, Бахтееву, Эфроимсону, Юрию Вавилову, В. М. Ключковскому и другим. Через месяц, сделав некоторые добавления, я передал рукопись в журналы «Нева», «Новый мир» и в газету «Комсомольская правда». В каждой из редакций этих изданий мне вскоре были заказаны статьи или очерки. Рукопись не оставляла людей равнодушными. После XX и недавнего XXII съездов КПСС, открывших ранее неизвестные страницы сталинского террора, многим казалось, что истина уже торжествует. Но на съездах раскрывались преступления, являвшиеся частью политической борьбы за власть и происходившие в ясно обозначенный период 1936–1938 годов. О распространении террора на науку почти никто не знал и не говорил. Журнал «Нева» заказал очерк «страниц на 50», «Комсомольская правда» определила объем очерка в 20–25 страниц, на две полосы. «Новый мир» выделил редактора, которому было поручено сжать материал до 100 страниц. Но ни в одной из этих редакций не планировали прямой публикации, это было невозможно по цензурным причинам. Рукопись, однако, обсуждали на редколлегиях и посылали рецензентам. Первым принял решение ленинградский журнал «Нева». Сотрудники редакции, безусловно, взволновала судьба Вавилова и других ленинградских ученых. Большая часть фактов и событий, о которых я писал, не была известна. Я получил письмо главного редактора С. А. Воронова и члена редколлегии А. И. Хватова. Они попросили меня ограничить материал научной дискуссией и оценкой практических достижений. Кроме того, они просили подготовить очерк совместно с авторитетным ленинградским генетиком – региональные журналы создавались для публикаций преимущественно местных авторов. Выполнить эти просьбы было нетрудно. Моим соавтором стал Валентин Сергеевич Кирпичников, крупный генетик, работавший в прошлом и с Вавиловым, и с Кольцовым. Кирпичникову удалось избежать репрессий и увольнений, так как он был единственным в СССР специалистом по генетике рыб. Работая и

Институте рыбного хозяйства в Ленинграде, он вывел несколько перспективных пород карпов и изучал также генетику тихоокеанского лосося, работая в филиале института на Камчатке. «Мичуринцев» для замены должностей Кирпичникова просто не было. Валентин Сергеевич подготовил и сдал в редакцию «Невы» наш совместный большой очерк «Перспективы советской генетики», который был опубликован, но только в марте 1963 года.

«Комсомольская правда», получив мой очерк, решила для гарантии собрать на него максимальное число отзывов авторитетных ученых. Для этого они отпечатали оригинал рукописи в 25 экземплярах и вместе с намеченной для публикации статьей развезли академикам, включая физиков, химиков и математиков. Из биологов, как мне стало вскоре известно, эти материалы получили академики Б. Л. Астауров и В. А. Энгельгардт. Получили рукопись несколько работников аппарата ЦК КПСС, имевших репутацию либералов и попавших в партийную элиту именно из «Комсомольской правды» или «Известий» (Лен Карпинский, Федор Бурлацкий и Александр Бовин). Их журналистский талант пригодился для написания речей и статей партийных лидеров. Никаких отзывов я не увидел, так как редактор «Комсомолки» был вскоре за такую вольность освобожден от должности решением Секретариата ЦК КПСС. В сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС, который возглавлял бывший сотрудник Лысенко Д. Ф. Утехин, редактора обвинили в распространении клеветнических материалов.

Я подготовил еще четыре экземпляра с новыми добавлениями. Размер рукописи вырос до 210 страниц, отпечатанных на машинке через полтора интервала. Один экземпляр я передал Роману Хесину-Лурье, биохимику и генетику, работавшему в биологическом отделе Института атомной энергии, а другой – писателю Владимиру Дудинцеву, который в это время начал писать роман из жизни биологов-генетиков (этот роман «Белые одежды» увидел свет лишь в 1987 году). Вскоре стало очевидным, что количество ходивших по рукам экземпляров достигло критической массы и рукопись стала размножаться по типу цепной реакции. Процесс шел исключительно быстро. Уже в мае 1962 года я начал получать отклики, замечания и дополнения из Ташкента, Новосибирска, Киева, Дубны, Свердловска Риги и других городов. Большая часть писем передавалась через знакомых, а не приходила по почте.

Рукопись стала хорошо известна и в ТСХА, и там я получил поддержку как на своей кафедре, так и на других. Вся Тимирязевская академия боролась с 1961 года за свое существование, и большая часть ученых ТСХА была очень критически настроена по отношению не только к Лысенко, но и к Хрущеву. В 1961 году Хрущев, постоянно занимавшийся разными реорганизациями в сельском хозяйстве, предложил в ЦК КПСС проект перевода всех сельскохозяйственных учебных заведений, институтов и техникумов из столиц и крупных городов в сельские районы. Для Тимирязевской академии выделили большую территорию в 150 км от Москвы. Там предполагалось построить кампус по американскому образцу. Однако денег для финансирования этого проекта в бюджете не было. Личной директивой Хрущева с осени 1961 года был прекращен прием студентов на первый курс всех семи факультетов академии. В 1962 году академия продолжала существовать, но без студентов первого курса. Соответственно сокращался персонал кафедр по тем дисциплинам (ботаника, зоология, неорганическая химия, физика и др.), которые входили в программу первого курса. Осенью 1962 года должен был исчезнуть соответственно и второй курс. Умирание академии растягивалось на пять лет. Возникла совершенно нелепая ситуация. Академию вытесняли из пригорода Москвы, но никакой

альтернативы, даже в виде проекта, не создавалось. (В 1865 году, когда Петровская академия была открыта, от нее до Москвы нужно было ехать на извозчике почти десять верст. Вокруг «Петровки» находились только поля, деревни и усадьбы.) Территорию академии с ее корпусами, общежитиями и опытными полями правительство предполагало отдать на расширение университета им. П. Лумумбы, созданного Хрущевым для обучения студентов из Африки, Азии и Южной Америки. Ученые академии составляли коллективные протесты, направлявшиеся в ЦК КПСС, в правительство и в прессу.

Термин «самиздат» как пародию на названия официальных издательств Политиздат, Госиздат и т. д. в 1962 году еще не использовали. Существовало старое понятие – «хождение в списках», вошедшее в употребление еще во времена Грибоедова и Пушкина. Тогда и «Горе от ума» Грибоедова много лет распространялось только в списках. Но еще раньше, в середине XVIII века, в Санкт-Петербурге и Москве таким же образом распространялись некоторые сатирические произведения Александра Сумарокова, первого русского драматурга. Наличие цензуры, введенной Екатериной Второй после книги Радищева, неизбежно порождало распространение тех или иных произведений в списках. В СССР до 1960 года таким способом распространялись только стихи и небольшие прозаические произведения. Публицистики и научных работ в широкой циркуляции «в списках» не было. Возможности самиздата, конечно, быстро расширились благодаря пишущей машинке, хотя до 1953 года пишущие машинки в СССР относились к «средствам производства» и были запрещены для свободной продажи. Определить возможный тираж моей рукописи, ходившей по всей территории СССР, было очень трудно. Но можно сказать, что к концу 1962 года это были тысячи экземпляров, и каждый из них прочел не один читатель.

Последние недели в Москве

В конце июля 1962 года моего шефа по кафедре В. М. Клечковского вызвали на заседание партийного комитета академии для обсуждения вопроса об «антипартийной, антинаучной, антисоветской и клеветнической» рукописи Ж. А. Медведева. Клечковский пытался как-то меня защищать, но получил за это строгий партийный выговор. Предложений о моем увольнении пока не было, однако кто-то уже высказал мысль перевести меня с кафедры агрохимии в один из подмосковных учхозов, чтобы «сочинитель пасквилей познакомился с практической работой». Клечковский был готов к сопротивлению, несмотря на партийные взыскания. В 1962 году ему шел 61-й год, но его имя не было широко известно за пределами ТСХА. Влияние его было довольно высоким, не скрытым, так как определялось оно руководящей работой в секретной лаборатории биофизики ТСХА и по сверхсекретной программе экологической и сельскохозяйственной реабилитации огромной территории (21 тыс. кв. км) на Южном Урале, которая оказалась загрязненной долгоживущими радиоактивными изотопами в результате произошедшего в сентябре 1957 года взрыва хранилища ядерных отходов от производства плутония для атомных и водородных бомб. Клечковский входил в состав различных комиссий, где с ним советовались все сильные физики-атомщики. Он мог посещать закрытые атомные городки, где велся мониторинг радиоактивного загрязнения территории и сбросов радиоизотопов в природные и искусственные водоемы. Заменить его на этих постах никто бы не смог. В некоторых районах, где работал Клечковский с сотрудниками, был очень высокий радиоактивный фон. Правильно следить за дозами облучения тогда еще не умели. Опасность

облучения и радиоактивного загрязнения недооценивалась, причем прежде всего из-за отсутствия генетического мониторинга. Все подобные работы в настоящее время относятся к высшей категории вредности. Клечковский получил два ордена Ленина и много других наград и премий, но и он, и его сотрудники заплатили за эту работу своим здоровьем.

Я уже понимал, что моя рукопись, которая была прямо направлена против Лысенко, но косвенно и против политики и действий Хрущева, могла осложнить борьбу Тимирязевской академии за свое выживание. И мне нужно было покинуть столь дорогую мне Тимирязевку. Каких-либо предложений о научной работе из других мест не поступало, но возможных вакансий за пределами Москвы было много. Именно в тот период Москву «разгружали» от переполнявших ее научных институтов, переводя их в другие области и регионы. Был взят общий курс на децентрализацию науки и экономики. Но перевести институт в другой город намного легче, чем обеспечить переезд туда его сотрудников, и это создавало за пределами Москвы множество вакансий. В то время приобретала большую популярность именно молекулярная биология, изучение белков и нуклеиновых кислот.

Хрущев проводил неверную и даже губительную политику в области сельского хозяйства и в агрономических науках, считая себя здесь самым крупным авторитетом. Так уж сложилось в нашей истории, что каждый лидер Коммунистической партии должен стать непререкаемым авторитетом в каких-то научных областях. Для Ленина это были стратегия революции, марксизм, философия и политэкономия, для Сталина – ленинизм, история ВКП(б), языкознание и слава «великого полководца». Для Хрущева, не отличившегося ни в одной из этих областей, сферой внедрения собственных идей стало сельское хозяйство. Он родился в селе Калиновка Курской губернии и в детстве был пастухом. Этим его непосредственный сельскохозяйственный опыт и ограничивался. Но научные разработки в других сферах Хрущев поддерживал. Он хорошо понимал, что именно успехи в науке, прежде всего в атомной физике, авиа- и ракетостроении и освоении космоса, обеспечивали Советскому Союзу международный авторитет.

Новосибирск, Киев и Обнинск

Уволившись из ТСХА «по собственному желанию», я послал запросы друзьям в несколько новых научных центров, которые формировались именно в 1962 году и в которых имелись вакансии для биохимиков. В первую тройку входили Новосибирский академгородок, лаборатория молекулярной биологии Академии наук УССР в Киеве и Институт медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске (в Калужской области). В академгородке в Новосибирске со времени его основания в 1957 году существовал Институт генетики и цитологии, который возглавил профессор Н. П. Дубинин, уволенный в 1948 году из Института генетики в Москве. Дубинин выступал против Лысенко и вел себя достаточно смело. В 1959 году по личному распоряжению Хрущева Дубинин был уволен и в Новосибирске. Теперь он работал в отделе биологии Института атомной энергии им. И. В. Курчатова в Москве. Создатель этого отдела легендарный академик И. В. Курчатов умер в феврале 1960 года в возрасте 57 лет. (Хотя непосредственной причиной смерти стал инфаркт, было известно, что Курчатов страдал и хронической лучевой болезнью.) Институт в Новосибирске возглавил Д. К. Беляев, генетик, но специалист по сибирским соболям, которых разводили в питомниках. Замены ему в этой области не было, и он не боялся увольнения. Именно поэтому Беляев был готов взять и меня в создаваемый отдел биохимии.

Академгородок, куда я приехал поездом, произвел на меня очень хорошее впечатление как перспективный научный центр. Живописное место на берегу огромного водохранилища было уже застроено корпусами научных институтов, их было около двадцати, и жилыми домами для сотрудников. Планировалось и создание филиала Новосибирского университета. Для профессоров и академиков строились отдельные коттеджи с садами. Однако здание биохимического отдела Института генетики и цитологии еще не было построено, поэтому некоторые уже зачисленные сотрудники создавали временные лаборатории в квартирах незаселенного жилого дома. Главная проблема состояла в том, что в системе Академии наук меня не могли зачислить сразу даже исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. Мне предложили подать заявку на замещение какой-нибудь вакансии, чтобы пройти по конкурсу. Процедура эта была длительной и открытой для разных вмешательств. Я оставил этот вариант в резерве и поехал в Киев.

В Академии наук Украины создавалась лаборатория молекулярной биологии с перспективой на институт. Этот проект возглавлял Сергей Михайлович Гершензон, талантливый генетик, биохимик и зоолог, объектом исследований которого были насекомые. Он первым в мире обнаружил еще в 1939 году мутагенное действие экзогенной ДНК (под действием ДНК из тимуса происходили мутации у дрозофил), что логически вело к признанию приоритета именно ДНК в явлениях наследственности. Однако это исследование, опубликованное на русском и украинском языках, прошло незамеченным в западных странах, уже объятых пожаром Второй мировой войны. (В 1935–1937 годах Гершензон работал в Москве в Институте генетики, который тогда возглавлял Н. И. Вавилов. В августе 1948 года Гершензон был уволен с заведования кафедрой генетики Киевского университета.) Он пообещал мне быстрое утверждение в должности Президиумом академии без всякого конкурса. Однако жилищные проблемы нужно было решать самому. Ожидание квартиры могло растянуться на много лет, и пока пришлось бы снимать комнату.

В Обнинске меня ждали хорошие новости. Институт медицинской радиологии (ИМР) основанный в 1958 году и входивший в состав Академии медицинских наук (АМН), планировался как крупнейший научный институт этого профиля в Европе. Здесь должны были работать в клиническом и экспериментальном секторах около двух тысяч человек. Клинический центр уже функционировал и занимался радиационным лечением больных раком и ранней диагностикой рака с применением радиоизотопов. Экспериментальный сектор только строился в ближайшем лесу в 4 км от города и формировался. Лабораторный корпус уже был построен, но не оборудован. Корпус, предназначенный для работы с радиоактивными изотопами, и виварий еще только строились. В структуре института предусматривался большой отдел радиационной генетики и радиобиологии, в его состав должна была войти лаборатория молекулярной радиобиологии, которую мне и предложили создать. Не было проблемы и с жильем: очередной принадлежавший институту жилой четырехэтажный, добротный построенный кирпичный дом должны были сдавать в эксплуатацию через месяц. Мне в нем пообещали трехкомнатную квартиру. Во главе всего проекта стоял профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе, член АМН СССР и генерал-полковник медицинской службы. Он родился и получил медицинское образование в Тбилиси. Мы были земляками, это очень важно для грузин. Во время войны и до 1958 года Зедгенидзе был начальником кафедр рентгенологии Военно-морской медицинской академии и Военно-медицинской академии в Ленинграде и имел особую должность главного (флагманского) рентгенолога Военно-морских сил СССР. Как генерал Зедгенидзе

привык решать проблемы быстро и самостоятельно. На должности заведующего лабораторией радиобиологии уже работал в институте мой знакомый Владимир Иванович Корогодина, кандидат биологических наук. Он был моложе меня на четыре года. Генетике он учился у Тимофеева-Ресовского в летней школе на берегу озера Миассово. Рекомендации Корогодина для Зедгенидзе было достаточно. На должность руководителя всего отдела, состоявшего из четырех лабораторий, Зедгенидзе уже пригласил Тимофеева-Ресовского, несмотря на его статус бывшего заключенного, не получившего реабилитации. Тимофеев-Ресовский был всемирно известным генетиком и радиобиологом, и Зедгенидзе хорошо понимал, что его переезд в Обнинск сразу придаст институту международную репутацию. Мое зачисление на должность старшего научного сотрудника не требовало избрания по конкурсу. По правилам конкурс был бы нужен, но у ИМР еще не было дееспособного ученого совета, который бы мог решать такие проблемы тайным голосованием. Назначения научных сотрудников проводились приказом директора. Но назначения заведующих лабораториями и отделами дополнительно утверждались Президиумом АМН СССР. Именно это задерживало переезд в Обнинск Тимофеева-Ресовского. А у меня не было таких проблем. В конце сентября 1962 года мне под будущую лабораторию выделили восемь пока еще пустых помещений в лабораторном корпусе. Еще через неделю я получил ключи и от квартиры в доме № 13 на улице Красных Зорь.

Обнинск был небольшим городом (около 30 тыс. жителей) в 105 км от Москвы по Киевской железной дороге. В недавнем прошлом там располагался лагерь заключенных и немецких военнопленных, а затем возник «закрытый» город, начало которому положило строительство в 1954 году первой в мире атомной электростанции мощностью 5 тысяч киловатт. С 1955 года в Обнинске разместился закрытый Физико-энергетический институт (ФЭИ), который специализировался на создании небольших атомных реакторов для подводных лодок и атомных ледоколов. В 1962 году там функционировал и Физико-химический институт, в котором велись работы по технологии переработки отработанного топлива атомных реакторов и выделению плутония для атомных бомб. Под кодовым названием «Институт экспериментальной метеорологии» в Обнинске существовал центр не только для изучения атмосферы, но и для мониторинга радиоактивных изотопов в атмосфере, которые выбрасывались при испытательных взрывах атомных бомб в разных странах. При взрыве атомной бомбы на испытательном полигоне радиоактивное облако распространяется по всей земной атмосфере. По изотопному составу проб из воздуха можно определить тип бомбы (урановая или плутониевая, атомная или водородная) и ее примерную мощность. Дополнительные анализы дают представление о локализации и дате взрывов. Институт метеорологии имел для этих целей знаменитую Обнинскую вышку (мачту) – серебристую стальную трубу диаметром 2,3 м и высотой 310 м, которую удерживали четыре яруса оттяжек. Через каждые 25 м на вышке были расположены площадки метеорологического и радиологического мониторинга проб воздуха. Микроскопические аэрозольные радиоактивные частицы оседали на липкой поверхности особых фотопленок и фильтров и подвергались тщательному исследованию. Внутри стальной трубы работал лифт, доставлявший исследователей на разные площадки. Благодаря этой вышке можно было обнаруживать аварийные выбросы из реакторов на территории самого Обнинска и из реакторов атомных электростанций в Европейской части СССР. Ночью башня хорошо освещалась и была видна за десятки километров от города. В Обнинске в 1962 году кроме небольшой атомной электростанции, ток от которой шел в городскую сеть,

функционировали 20 экспериментальных ядерных реакторов разного типа.

Переезд в Обнинск прошел без проблем. Переход в систему Министерства здравоохранения обеспечил мне еще одно преимущество. Я мог теперь отнести рукопись книги по биосинтезу белков (это был уже пятый вариант) в Медгиз, что я вскоре и сделал, отдав ее в редакцию теоретической литературы вместе с отзывом профессора В. Н. Никитина, написанным им для «Высшей школы». В медицинских науках от теорий Лысенко уже отказались, но возрождение медицинской генетики затруднялось отсутствием квалифицированных кадров. Никто в медицинских институтах не умел проводить даже диагностику распространенных хромосомных болезней типа синдрома Дауна и других наследственных патологий. Это требовало построения карт 46 человеческих хромосом в делящихся клетках – ювелирная работа даже для опытного цитолога-генетика. Рукопись моей книги была сразу принята и направлена на второй отзыв директору Института медицинской химии и вице-президенту АМН СССР В. Н. Ореховичу. Его положительный отзыв поступил в редакцию очень быстро, и в ноябре издательство заключило договор со мной. Книгу включили в план издания на 1963 год. Однако это оказалось лишь затишьем перед бурей. Хождение моей самиздатской книги продолжалось с ускорением, и это не могло обойтись без последствий. Постоянно росло не только число моих скрытых друзей, но и число более явных недоброжелателей.

Новая лаборатория, новый отдел

В начале 1963 года я в основном занимался созданием лаборатории, разработкой ее перспективной тематики и формированием научного коллектива. Последняя задача была наиболее трудной. Предусмотренный проектом института штат лаборатории молекулярной радиобиологии включал двух старших и шесть младших научных сотрудников, инженера, лаборантов и аспирантов. Заполнять эти вакансии предполагалось постепенно, в течение двух-трех лет. Первыми пришли на должности лаборантов две девушки-медсестры, Галя и Тамара, – окончив в Калуге медицинское училище, они попали к нам по распределению. Затем я согласился на рекомендованного мне инженера Андрея Стрекалова, который в придачу к своим техническим талантам оказался еще и прекрасным фотографом. Объявления о вакансиях научных сотрудников публиковались дирекцией института в обнинской газете и в общесоюзной газете «Медицинский работник». Однако заявок из Москвы или из Ленинграда, которые предполагалось «разгружать» от избытка ученых, почти не поступало. Приходили заявки из Ташкента, Уфы, Баку и других городов, даже из Хабаровска. Близость Обнинска к Москве явно привлекала специалистов из далеких от столицы городов, но не москвичей. Первого научного сотрудника мне прислали, тоже по распределению, из 2-го Московского медицинского института. Однако отдел кадров ИМР, которым руководила очень энергичная женщина в чине подполковника КГБ в отставке, бывший начальник женского лагеря заключенных на Колыме, не утвердил это назначение. Для зачисления в штат института требовался медицинский осмотр. Молодой специалист страдал от рождения диабетом. В Институт радиологии и в любой другой, где велись работы с радиоизотопами и излучениями, прием сотрудников с таким диагнозом был запрещен. Гормональные нарушения относились и к профессиональным заболеваниям учреждений этого профиля. Первым научным сотрудником, которого я принял, стала Оля К., приехавшая с мужем из Сухуми. Ее муж Анатолий, кандидат медицинских наук, был зачислен в клинический сектор института. Оля, биолог, уже разрабатывала собственную тему, которую было легко включить и в работу нашего отдела.

В экспериментальном секторе института одновременно с моей лабораторией формировались и другие. Николай Викторович Лучник, известный своим открытием пострадиационного восстановления в клетках растений и работавший в Уральском филиале АН СССР вместе с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, возглавил отдел биофизики. Профессор А. А. Войткевич, крупный ученый и автор монографии «Перо птицы», приехавший из Киева формировал отдел радиационной патоморфологии. Профессор И. А. Ойвин, в недавнем прошлом заведующий кафедрой в Ташкентском медицинском институте, создавал отдел радиационной патофизиологии. Мой студенческий друг Виктор Гуляев, тоже ученик П. М. Жуковского, талантливый микроскопист, ботаник и цитолог, приехал в Обнинск из Ленинграда, чтобы создавать здесь лабораторию электронной микроскопии. Два инженера этой лаборатории в недавнем прошлом работали бортмеханиками самолетов-бомбардировщиков. Кадры института собирались, что называется, с бору по сосенке. Но другого варианта не могло быть. Радиология и радиобиология были для СССР новыми дисциплинами. Тормозилось лишь утверждение в должности заведующего отделом

радиационной генетики Тимофеева-Ресовского, безусловно именно потому, что это был всемирно известный ученый. И вовсе не статус бывшего заключенного, причем нереабилитированного, оказался главной причиной. Директор института Г. А. Зедгенидзе, приглашая Николая Владимировича, знал об этом. Он помнил свое посещение лаборатории радиационной генетики Тимофеева-Ресовского в пригороде Берлина в 1945 году и с восхищением рассказывал: «У него был такой прибор, который регистрировал мутации зажиганием лампочки». Николай Лучник тоже находился в заключении и не был реабилитирован. Но утверждение Тимофеева-Ресовского в должности в обнинском институте требовало согласия не только областного комитета КПСС, но и каких-то отделов КГБ и ЦК КПСС. Обнинск, где все институты, кроме нашего, были секретными, считался «режимным» городом, закрытым для посещения иностранцами. Свердловск, где Тимофеев-Ресовский работал и в период заключения, и после освобождения, тоже входил в категорию «режимных» городов. Но в Свердловск не приедешь на пригородной электричке или на такси из Москвы. В органах госбезопасности, видимо, боялись, что известные иностранные ученые, приезжающие в Москву, будут стремиться повидать и Тимофеева-Ресовского. В 1963 году классическая генетика, которую теперь называли «формальной», находилась еще под запретом и сторонники Лысенко по-прежнему занимали ключевые посты в ЦК КПСС и в Министерстве высшего образования. Они, безусловно, не хотели, чтобы Тимофеев-Ресовский, лекции которого стали знаменитыми, обосновался в такой близости от Москвы.

Сам Тимофеев-Ресовский несколько раз в 1963 году приезжал в Обнинск и обсуждал текущие дела с Корогодиным и мною. Весь отдел занимал длинный коридор второго этажа лабораторного корпуса. Справа по фасаду располагалась моя лаборатория, слева – Корогодина. Среднюю часть, десять больших комнат, занимала лаборатория радиационной генетики. Одного из учеников Тимофеева-Ресовского по проблемам радиационной экологии, Анатолия Тюрюканова, работавшего в Институте общей гигиены в Москве, зачислили на должность старшего научного сотрудника в эту лабораторию еще в начале 1963 года, и теперь он занимался ее оборудованием и принял на работу нескольких лаборантов. Вскоре стали приезжать из Свердловска и другие ученики Николая Владимировича. Для него был готов кабинет с телефоном с московским номером. Приезжая в Обнинск, наш будущий заведующий отделом любил походить по длинному коридору, а потом приглашал Корогодина, Тюрюканова и меня к себе в кабинет «попить чайку». Чай готовила на всех жена Николая Владимировича Елена Александровна, тоже генетик. Для нее держали в резерве должность младшего научного сотрудника, хотя по опыту и по числу публикаций она превосходила всех старших научных сотрудников нашего института. Тимофеев-Ресовский, конечно, понимал причины задержки утверждения в должности, но относился к этому спокойно, даже с юмором. Другого заведующего отделом найти было бы все равно невозможно.

В один из своих приездов в Обнинск, кажется это было в июне 1963 года, Николай Владимирович пригласил Корогодина, Тюрюканова и меня в свой кабинет. «Серьезная проблема, – сказал он, – мне в лабораторию зачислят старшего научного сотрудника, которого я не знаю. Он не генетик... Звонил Зедгенидзе и сказал, что это директива. В отделе нет ни одного члена партии, а парторг обязателен при нашем числе сотрудников... Калужский обком не утвердит отдел, если не будет парторга... Наверное, нужно согласиться». После этих слов Тимофеев-Ресовский дал нам прочитать справку-резюме на нового сотрудника, которую доставили с курьером из отдела кадров.

«Б. родился в Тамбовской области... Окончил 2-й Московский медицинский институт... Защитил кандидатскую диссертацию по восстановительным процессам в тонком кишечнике. Ученый секретарь и заведующий лабораторией в Институте экспериментальной патологии...»

Корогодин и я не имели возражений. Было понятно, что к Тимофееву-Ресовскому должны «прикрепить» члена КПСС. Это понимал и директор ИМР, решение принималось где-то выше него.

Я не был уверен, что это назначение связано только с необходимостью иметь парторга отдела. Этика научного сотрудника не должна была позволить Б., не имевшему квалификации генетика или радиобиолога, внедряться в уже сплоченную группу Тимофеева-Ресовского, не встретившись и не побеседовав с ним самим. Следовательно, он был не только научным сотрудником, ему тоже где-то давали директивы и какие-то гарантии. Он уже работал над докторской диссертацией по регенерации и имел по этой теме немало публикаций, но «жертвы», на которые он пошел, ему в будущем щедро компенсировали. Нельзя исключить и того, что Б. зачисляли в качестве «резервного» заведующего отделом на случай окончательного отвода кандидатуры Тимофеева-Ресовского. Б. приехал в Обнинск и приступил к работе очень быстро. Тимофеев Ресовский ждал своего утверждения еще год. Его переезд в Обнинск состоялся лишь в 1964 году.

Наука требует жертв

Весной 1963 года я наметил основные направления исследований в своей лаборатории. Общая тема формулировалась как «сравнительный генетический и молекулярный анализ нормального и радиационного старения». Конкретной проверке следовало подвергнуть популярную в то время теорию накопления соматических мутаций в клетках тканей и органов как главной причины старения. Мои собственные разработки об ошибках синтеза белков и нуклеиновых кислот как первичных факторах накопления возрастных изменений не противоречили теории соматических мутаций. Старение – это в конечном счете накопление изменений на всех уровнях: молекулярном, клеточном, тканевом, физиологическом и т. д., и объяснить его какой-либо одной теорией невозможно. Облучение, вызывающее изменения генетического аппарата в зародышевых клетках, ведет к наследственным изменениям в следующих поколениях, из которых формируется популяция. Эти популяционные изменения в течение многих лет являлись предметом исследований Н. В. Тимофеева-Ресовского. Главным объектом для его опытов была дрозофила, а в прошлом и божья коровка. В Обнинске он планировал включить в исследования и растительный объект – арабидопсис (*Arabidopsis thaliana*), небольшое цветковое растение с очень коротким вегетационным периодом и легко выращиваемое под лампами дневного света в лабораторных условиях.

Следует подчеркнуть, что человеческое общество – тоже генетическая популяция, которая подчиняется законам природы. Однако в классической генетике, признающей существование генов, с 30-х годов прошлого столетия сложилось два направления. Представители одного из них утверждали, что у людей уже не происходит естественный отбор и на формирование личности человека действуют лишь социальные условия, а не генетические факторы. В Советском Союзе эту концепцию поддерживал в основном академик Н. П. Дубинин. Она была популярной и в США, где 20–30 лет назад было бы

невозможно изучать генетическое разнообразие в человеческих популяциях. Политический тезис «все люди равны» распространялся в США и на генетическую наследственность. В настоящее время, когда геномы человека и многих животных и растений уже расшифрованы, популяционная генетика человека стала доминирующей. Наличие отбора разных, полезных в определенных условиях признаков доказано многими исследованиями и для человека.

В качестве белков для изучения я выбрал белки клеточных ядер – гистоны. Это низкомолекулярные щелочные белки, которые связаны в комплексах с ДНК и играют роль регуляторов для избирательного выражения генетической информации в разных тканях. Опыты предполагалось проводить на чистопородных лабораторных мышах. Однако виварий института пока еще строился. Завозить животных стало возможным лишь в 1964 году. Поэтому первые опыты я начал с лягушками. Мы создали два небольших водоема, в которых облученные и контрольные икринки лягушек проходили все стадии развития от головастиков до молодых лягушат. Лягушки растут в течение всей своей жизни, поэтому их размер пропорционален возрасту. Профессор А. А. Войткевич, опытный зоолог и натуралист, приглашал меня на экскурсии по болотистым окраинам города. Здесь мы вылавливали самок со зрелой икрой и лягушек всех размеров и собирали уже отложенную икру. Облучение икринок или лягушек проводилось кобальтовой пушкой, гамма-излучение которой применялось тогда и для лучевой терапии. Для меня главное было начать работу с животными объектами. По «лягушачьей» внеплановой тематике появились в последующем лишь две моих публикации – о способности сохраняющих ядра эритроцитов земноводных к синтезу белков и нуклеиновых кислот.

Летом 1963 года мне позвонил приятель, профессор Г., работавший в одном из институтов АН СССР, и рекомендовал принять на работу в лабораторию молодого способного биохимика С., который заканчивал аспирантуру, но не смог пока написать диссертацию. Задержка была вызвана годичной командировкой в США, не имевшей прямого отношения к теме диссертации. С., энергичный и приятный молодой человек, приехал в Обнинск уже на следующий день. Я с ним поговорил около двух часов, но решения не принял по той причине, что ему нужно было еще года два работать по теме своей диссертации, руководителем которой был профессор Ленинградского университета. Темой диссертации было изучение какого-то редкого пигмента у мутанта дрожжевой клетки. Ни меня, ни наш отдел, ни ИМР в целом эта тема не интересовала. Гарантии, что С. останется в институте после защиты и переключится на радиобиологию, не было. Но молодой биохимик мне понравился, и вакансии были. Однако долго раздумывать не пришлось – в тот же день С. был принят директором института и зачислен приказом в штат моей лаборатории. Через несколько дней ему дали в Обнинске квартиру, в которой он поселился со своей женой. Английский язык с американским выговором он знал блестяще, и его часто приглашали в Москву для синхронного перевода лекций европейских или американских ученых, приезжавших в СССР, которых он нередко и сопровождал. «Необходимо прирабатывать», – объяснял он мне свои отлучки. Зарплата младшего научного сотрудника без ученой степени была действительно очень маленькой.

Книжные проблемы

Между тем моя книга «Синтез белков и проблемы онтогенеза» успешно прошла все

стадии общего и научного редактирования. В последнем варианте рукописи я учел замечания рецензента В. Н. Никитина и добавил в главу о наследственности раздел «Дискуссия вокруг генетических функций ДНК», в котором вкратце излагал взгляды Лысенко и его сторонников и их попытки объяснить возможность наследования приобретенных признаков. Моя рукопись пошла в набор в самом конце 1962 года, и с января 1963-го я уже мог читать и править верстку-корректуру. Однако это еще не было успехом. В недавнем прошлом цензоры Главлита проверяли всё дважды – на стадии рукописи и на стадии верстки. С 1961 года для сдачи в набор нужна была лишь виза редактора. Объем печатных произведений сильно увеличился, и Главлиту оставили лишь подпись в печать. Верстка, которую разрешено править и дополнять, не считалась прошедшей цензуру работой и готовилась в трех экземплярах: один для автора, второй для научного редактора и третий для корректора издательства. После внесения в верстку всей правки – авторской, редакторской и корректорской – ее возвращали в типографию, где печатались четыре экземпляра уже чистой верстки для так называемой сверки. Три экземпляра этой верстки поступали тем же автору, редактору и корректору, а четвертый шел в Главлит, где его читал цензор. Для книги такого объема, как моя, на сверку отводилось не больше двух-трех недель. Резолюцию «в печать» ставит сначала автор, затем научный редактор и главный редактор издательства или директор. Последним ставит свою подпись цензор, официально именуемый «редактором Главлита». После этого типография могла печатать весь тираж.

Мои опасения насчет возможной задержки книги цензурой, к счастью, не оправдались. Она прошла цензуру сравнительно легко. Цензор по медицинской литературе, по-видимому, уже не имел инструкций, запрещавших генетическую терминологию. Цензурные ограничения в наибольшей степени касались средств массовой информации. В апреле 1963 года цензор Главлита поставил свою подпись, и московская типография № 5 начала печатать тираж моей книги. Он был небольшим, всего четыре тысячи экземпляров. Печатали книгу на плохой бумаге. По какой-то не известной мне причине был перебой с поставками бумаги из Финляндии, и всем издательствам приходилось сокращать тиражи. Но для меня небольшой тираж ускорял все процессы, и я быстро стал получать так называемые чистые листы – готовую книгу, но пока не сброшюрованную и без переплета. Эти «чистые листы» автор и научный редактор получают в полную собственность и уже не должны их возвращать. В выходных данных издания ставился гриф Главлита, в моем случае это был знак «Т-03201». Однако то была еще не окончательная победа. Тираж, находившийся в типографии, требовал визы «в свет» от той же четверки. 14 мая такая виза появилась на двух сигнальных экземплярах. Далее большая часть тиража уходила в Книготорг для рассылки по книжным магазинам и в Книжный коллектор для рассылки по библиотекам. Небольшая его часть отправлялась в Книжную палату, где проводилась библиографическая обработка всех печатных изданий в СССР. Какое-то количество экземпляров поступало в агентство «Международная книга», которое выполняло заказы из-за рубежа. А около 30–40 экземпляров любой книги из первых сброшюрованных в типографии отправлялось «в разноску» – должностным лицам разного уровня. Эти партийные и государственные чиновники могли считать полученные книги своей собственностью. И каждый из них обладал правом добровольного цензора. Но срок их цензорских полномочий ограничивался длительностью производственного процесса. Как только он заканчивается, книга уходит «в свет» и процесс ее распространения приобретает необратимый характер. Печатать большие тиражи, например сто тысяч экземпляров, типография может около месяца. При моих

четырёх тысячах угрозы от «разноски» (она так называется потому, что эти экземпляры действительно разносят по адресатам в Москве курьеры) продолжают не дольше семи – десяти дней. 20 мая я узнал, что моя книга пошла в Книготорг, в Книжный коллектор и в Книжную палату. Очередной выпуск еженедельника этой палаты «Новые книги» анонсировал и «Биосинтез белков».

Вмешательство ЦК КПСС

Утром 25 мая мне в Обнинск позвонили из Медгиза и попросили срочно привезти в издательство «чистые листы» книги. Я понял, что случилось что-то непредвиденное, но не поинтересовался причиной. Оставив «чистые листы» дома, я поехал сначала к научному редактору, профессору В. С. Шапоту, работавшему в Институте медицинской химии. Он сказал, что его тоже просили вернуть «чистые листы», не объяснив причины. Я взял у него папку с этими «листами», сказав, что еду в издательство. Второй экземпляр книги мог пригодиться. После этого я поехал не в редакцию, а в отдел реализации Медгиза, куда должен был поступить тираж из типографии. Оттуда тиражи отправляют в Книготорг, Коллектор библиотек и в другие сети. В отделе реализации мне объяснили, что весь тираж был развезен по спискам три дня назад. Осталось лишь десять экземпляров для автора, которые полагались ему по договору. Однако 24 мая приехал курьер из издательства и взял все авторские экземпляры «для исправлений». Стало ясно, что поступил какой-то серьезный звонок из «разноски». В литературных издательствах и массовых журналах звонки из «разноски» нередкое явление. Однако в Медгизе подобных случаев, наверное, давно не было. Мою книгу мог спасти теперь ее малый тираж, то есть относительно короткий производственный процесс, в течение которого цензурно-контрольная функция «разноски» успевает сработать. Пока «разносят» по номенклатурным адресатам первые «сигнальные» экземпляры, работа с остальным тиражом продолжается по существующему производственному плану.

В обязательную «разноску» включены центральная контора Главлита, Госплан, Совет министров, КГБ и ЦК КПСС. Для изданий Медгиза в список для «разноски» попадают министр здравоохранения и его заместители, президенты АН и АМН СССР. Как я узнал позже, наибольшее количество сигнальных экземпляров, около десяти, поступает в аппарат ЦК КПСС.

Поскольку Книготорг фиксирует дату выхода книг определенным числом, то первые партии книг по ранее поступившим заказам отправляются в отдаленные регионы, начиная с Сибири и Дальнего Востока. По такой же схеме действует и Книжный коллектор, распределяющий книги по заявкам республиканских и областных библиотек. Туда я и поехал в первую очередь. В зале старинного здания на Петровке лежали груды книг, работники коллектора вели их разборку. Я с трудом нашел небольшой сектор медицинской литературы. Один из сотрудников рассказал мне, что они получили три дня назад 400 экземпляров моей книги и начали обработку партии по заказам на следующий день. Однако вчера в коллектор приехал представитель издательства и, тщательно пересчитав все экземпляры, увез их на грузовике. Я сразу поехал в Книготорг, центральная контора которого находилась на Ленинском проспекте. Сотрудник Книготорга, ведавший медицинской литературой, сам был в недоумении. «Что вы там написали, что нам звонят из ЦК?» – спросил он. Как оказалось, на первый звонок из ЦК КПСС в Книготорге ответили, что книги у них уже нет, е

отправили по заказам облкниготоргов. Здесь работали явно быстрее, чем в Коллекторе. После этого директору Книготорга позвонил заведующий отделом печати Идеологической комиссии ЦК КПСС и распорядился собрать и задержать тираж моей книги. Ответственный сотрудник Книготорга вместе с заведующим отделом реализации Медгиза отправился на станцию Москва-товарная со списком разверстки книги по областям и союзным республикам. Там они проработали почти весь день, снимая пломбы с товарных вагонов и выискивая мою книгу. Иногда оказывалось, наверное, лишь несколько ее экземпляров на вагон, нагруженный пакетами книг из разных издательств. Работа всего Книготорга была парализована на несколько часов. Но собрать все не удалось. Около двадцати партий книги уже убыли из Москвы в дальние областные книготорги. А это около тысячи экземпляров, почти четверть тиража. Во все эти областные книготорги полетели телеграммы с предписанием «под личную ответственность» их начальников по получении книги Ж. А. Медведева вернуть ее в Москву на центральную базу «для внесения исправлений». Таким образом выход книги в торговую сеть был заблокирован.

На высшем уровне

На следующий день я снова приехал в Москву и пришел в издательство для беседы с главным редактором Г. Е. Островерховым. Он относился к моей книге очень хорошо и был сильно огорчен возникшими проблемами. По его словам, на очередном заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС заместитель председателя товарищ Снастин заявил что Медгиз напечатал книгу, порочащую передовую мичуринскую биологию, и охарактеризовал это как «идеологическую диверсию». В Идеологическую комиссию по этому вопросу обратились секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству В. И. Поляков и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Д. А. Утехин. Давать прямые команды Медгизу они не могли. Что произойдет с книгой дальше, Островерхов не знал.

Поляков и Утехин попали в ЦК КПСС благодаря Лысенко. Они оба были сотрудниками Лысенко в его одесском Институте селекции и занимались в 1935–1937 годах практическим внедрением разработанного Лысенко агроприема яровизации, состоявшего в выдерживании намоченных семян пшеницы на холоде перед их высевом. По теории Лысенко, это могло ускорить созревание растений и увеличить урожай. От этого агроприема вскоре отказались из-за трудностей посева сеялками набухших и начинавших прорастать семян. В. И. Поляков в 1946 году был назначен главным редактором газеты «Социалистическое земледелие», которая под его руководством стала рупором Лысенко. Я объяснил Островерхову эти подробности, предположив также, что арестом тиража книги дело, наверное, не ограничится. Ее попытаются отправить в макулатуру. Островерхов объяснил, что издательство уже не контролирует процесс, он перешел на более высокий уровень.

Попытка ликвидации книги «Биосинтез белков», как я понимал, была связана с циркуляцией в самиздате моей рукописи «Биологическая наука и культ личности», которая продолжалась уже больше года. Островерхов о ней не знал, но Утехин и Поляков, безусловно, знали. Для них было важно не просто ликвидировать тираж моей совершенно для них не опасной книги, а предотвратить повышение авторитета и статуса «клеветника» Жореса Медведева в результате публикации им большой научной монографии. На июнь 1963 года намечалось проведение в Москве специального, идеологического пленума ЦК КПСС, и делались попытки включить в доклад секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева тезис о

идеологической реакционности менделизма-морганизма. Именно поэтому конфликт по поводу монографии, посвященной синтезу белка и процессам старения, имевшей очень малый тираж, выходил на высший уровень.

27 мая секретарь ЦК КПСС Поляков позвонил министру здравоохранения СССР С. И. Курашеву и потребовал от него принятия мер по изъятию моей книги и уничтожению ее тиража. Для Курашева проблема оказалась неожиданной, и он немедленно вызвал к себе президента Академии медицинских наук Н. Н. Блохина, вице-президента В. В. Парина и своего заместителя генерал-лейтенанта А. И. Бурназяна, который по линии министерства отвечал за работу Медгиза и Института медицинской радиологии в Обнинске. Бурназян был также начальником Третьего управления Минздрава, которое обеспечивало медицинское обслуживание засекреченных «атомных», «ракетных» и «космических» городов. Большая часть медицинских служб в Обнинске также входила в эту элитную систему. Курашев попросил Блохина, Парина и Бурназяна срочно просмотреть книгу Медведева и доложить свои соображения на следующий день. Уже утром 28 мая вся группа собралась снова. Блохин сообщил Курашеву, что ни он, ни Парин не видят оснований для уничтожения тиража. Они считают, что содержащаяся в книге критика теорий Лысенко дана в корректной академической форме и не выходит за пределы допустимой научной дискуссии. Курашев к тому времени и сам в этом убедился. Ему приходилось заниматься вопросами возрождения в СССР медицинской генетики. Проблемы, подобные моей, возникали для Курашева и Блохина при издании Большой советской и Медицинской энциклопедий и решались в пользу классической генетики. Мичуринская биология исчезала из медицины.

Еще через день Поляков снова позвонил Курашеву и просил сообщить о принятых мерах. Курашев ответил, что министерство и АМН СССР не видят оснований для уничтожения тиража научной книги. Курашев напрямую Полякову не подчинялся. Идеологическая комиссия ЦК КПСС тоже не имела полномочий давать Минздраву какие-то директивы. Тираж книги – это материальная ценность. Книготорг и Коллектор библиотек уже перечислили за нее деньги издательству. При уничтожении тиража, что время от времени в СССР неизбежно происходило, иногда с массовыми учебниками для школ и вузов, составляются акты о списании и выявляются виновные, которые компенсируют убытки Книготорга и Коллектора. В данном случае виновной стороной могло быть лишь издательство, и приказ о ликвидации тиража должен был подписывать министр здравоохранения. ЦК КПСС – это директивная, а не исполнительная инстанция.

Но Поляков тоже не сдавался. Он, как стало вскоре известно, доложил о проблеме Н. С. Хрущеву и добился включения ее в повестку ближайшего заседания Секретариата ЦК КПСС. Высшим органом власти в СССР был в то время Президиум ЦК КПСС, выполнявший функции недавнего Политбюро. Президиум ЦК заседал раз в неделю и решал какие-то важные государственные проблемы. Вторым уровнем власти был Секретариат ЦК КПСС, на который собирались секретари ЦК, их было девять или десять. Хрущев обычно не участвовал в заседаниях Секретариата, и на них председательствовал М. А. Суслов, секретарь ЦК по идеологии. Суслов был очень консервативным политиком. Известно, что именно Суслов задержал тираж трехтомника воспоминаний маршала Г. К. Жукова. На вопросы о материальных потерях Суслов обычно отвечал: «На идеологии не экономят». На заседания Секретариата, где решались конфликтные вопросы, приглашали и членов правительства. Вопрос о моей книге был одним из многих пунктов повестки. Однако специально по этому пункту заседания были вызваны Курашев и президент АН СССР М. В. Келдыш. Дл

Келдыша, прикладного математика, авторитет которого в СССР как главного теоретика космических программ был очень высок, вызов в ЦК КПСС по делу о книге в Медгизе стал неожиданным и ничем не обоснованным. Ни автор, ни издательство не зависели от АН СССР. Келдыша поставили в известность о его роли в решении судьбы книги Медведева, экземпляр которой ему прислали, только 29 мая. Он пригласил к себе биохимика академика А. Н. Белозерского и попросил его сверхсрочно, отложив все дела, прочитать мою книгу и составить справку-рецензию. Белозерский, заведующий кафедрой биохимии растений МГУ незадолго до этого перенес инфаркт, и врачи запретили ему работать больше четырех часов в день. Выполнить самостоятельно задание Келдыша он просто не мог. Взяв сигнальный экземпляр книги на кафедру, он собрал у себя в кабинете коллег и попросил их составить коллективный отзыв. Эта справка-рецензия была очень хорошей, компетентной и обоснованной.

Проект решения для Секретариата ЦК КПСС, подготовленный В. И. Поляковым, был радикальным. В нем моя книга характеризовалась как «идеологическая диверсия», которая могла принести вред воспитанию научной молодежи. Предлагалось книгу изъять и списать в макулатуру. По части наказания виновных предлагалось освободить от занимаемой должности главного редактора Г. Е. Островерхова и расформировать редакцию теоретической литературы Медгиза.

Заседание Секретариата ЦК КПСС, на котором помимо множества других вопросов обсуждалась и судьба моей книги, состоялось 5 июня. Докладывал Поляков. Слишком академичное название книги вызвало некоторые колебания. Кто-то задал вопрос: «Какие отзывы ученых, были ли рецензии?» Поляков молчал. Взгляд Сулова обратился к Келдышу. Президент АН СССР сказал, что академики Н. Н. Блохин, В. В. Парин и А. Н. Белозерский дали о книге весьма положительные отзывы. Это и определило судьбу книги. Секретариат принял решение отложить вопрос и поручить Курашеву и Келдышу составить новый проект решения и заказать детальные отзывы авторитетных ученых. Президиум АН СССР вскоре утвердил трех рецензентов, это были академики А. Н. Белозерский, А. Е. Браунштейн и Н. М. Сисакян. Им предлагалось тщательно прочитать весь текст книги и выявить спорные или ошибочные положения. Это означало, что ликвидации тиража уже не будет, но какие-то отдельные изменения могут оказаться неизбежными. Новая комиссия рецензентов была компромиссной. Браунштейн, специалист по белковому обмену, относился к Лысенко с крайним презрением, Белозерский, главный авторитет в СССР по нуклеиновым кислотам занимал компромиссную позицию, Сисакян, специалист по фотосинтезу, был активным сторонником Лысенко.

Идеологический пленум

Идеологический пленум ЦК КПСС, который открылся в Москве 17 июня основным докладом секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева, был для 1963 года анахронизмом. Партийные пленумы по идеологии не проводили с 1946 года. В то далекое уже время главным идеологом был А. А. Жданов, который выбрал мишенью своей критики сатирика Михаила Зощенко, поэтессу Анну Ахматову и композитора Дмитрия Шостаковича. Вводились серьезные ограничения и в науку, в основном на контакты с иностранными учеными и на публикации за границей. В 1963 году подчеркивать особый, «социалистический» характер советской литературы, музыки и науки было уже неуместно. Однако именно в 1963 году

положение Хрущева как лидера партии и страны пошатнулось, и он хотел ввести какие-то ограничения на права и свободы, которые сам же и стимулировал в 1956 году своим «секретным докладом», разоблачившим сталинизм.

18 июня на пленуме с большой речью выступил первый секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев. Говоря в основном о высокой идейности москвичей, он привел лишь один пример «идейных вывихов»:

«Ж. А. Медведев, бывший старший сотрудник кафедры агрохимии Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, подготовил к печати монографию “Биологическая наука и культ личности”. В этой работе неправильно освещаются основные вопросы развития советской биологии, охаивается мичуринская наука, захваливаются те буржуазные исследования, которые не являются последовательно материалистическими. Получив отпор от коллектива академии, Медведев не сложил оружия, перебазировался в Калужскую область и подготовил к печати, а Медгиз издал, книгу “Биосинтез белков и проблемы онтогенеза”, содержащую подобные ошибки. За ширмой наукообразности пречтутся идейные вывихи...» (Московская правда. 20 июня 1963)

На это заявление, высказанное в прениях, никто не обратил особого внимания. Однако присутствовавший на пленуме первый секретарь Калужского обкома КПСС А. А. Кандренков не мог не принять по такому делу необходимых мер. Срочно по всей территории Калужской области начались телефонные поиски Медведева, который «перебазировался» из ТСХА и «не сложил оружия». Некий Медведев был обнаружен в Боровске, старинном городе в 10 км от Обнинска, в Институте физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных. Обком КПСС распорядился немедленно его уволить. Приехавший в Калугу для объяснений директор этого института уладил конфликт, объяснив, что его Медведев, хотя он тоже окончил ТСХА, является тихим и спокойным человеком и членом КПСС. Жореса Медведева долго не могли найти. Поскольку большинство институтов в Обнинске являются секретными, списки их научных сотрудников не разглашаются, во всяком случае по телефону.

Первая публикация книги, или Ищи ветра в поле

Процесс принятия решения по моей книге перешел в затяжную фазу. В конце июня меня вызвал заместитель министра здравоохранения генерал А. И. Бурназян. Как военный, он все решал быстро и просто: «Главу о наследственности нужно исключить... Я позвоню директору Медгиза, прикажу ему срочно провести все работы в типографии... Эту главу мы вынем, конец книги можно снова набрать, даже расширить. Сделаем все за две недели...» Я пытался возражать, объясняя, что глава о наследственности является ключевой и связывает механизмы синтеза белков с анализом процессов развития и старения. Но научные аргументы были бесполезны. Договорились подождать официальной рецензии трех академиков. Случайно в Институте молекулярной биологии АН СССР я встретил в эти дни А. Н. Белозерского. Он отвел меня в какую-то пустую комнату и конфиденциально объяснил, что на рецензентов оказывается давление. Как минимум требуют удаления из книги главы о наследственности.

Согласиться на удаление ключевой главы я, конечно, не мог. Эта глава XVII занимала 45 страниц, и без нее последние две главы о развитии и старении требовали полной переработки. В производственном отделе типографии мне объяснили, что замена

нескольких страниц текста (выдирка одних и вклейка других) не представляет трудностей и достаточно частое явление в работе. Удаление всей главы затрагивало большой объем текста и требовало нового набора и следующих за ней глав. Неизбежно требовалась переделка обложки. Вся эта работа в типографии делается вручную, вне плана, сверхурочно, или нанимаются временные сотрудники. Проще и быстрее сделать всю книгу заново в нормальном производственном цикле.

В начале июля знакомый физиолог, которого я не видел больше года, встретив меня в Центральной медицинской библиотеке, стал горячо поздравлять с выходом книги. Я удивился, откуда он вообще знает о ней. Он ответил, что видел ее у своего коллеги, который купил ее недавно в Мурманске, куда ездил в командировку. Мой знакомый точно описал внешний вид книги (темно-синий переплет) и ее примерное содержание. Я поехал с ним в институт, чтобы расспросить покупателя книги. Он мне сразу ее показал. Я объяснил ему проблему с изданием и попросил одолжить мне купленный экземпляр. Он охотно разрешил взять его даже навсегда, если это поможет делу. Дома в Обнинске, спокойно обдумав случившееся, я понял причину. Моя книга продавалась в Мурманске в конце июня. Про телеграмму, отправленную по областным книготоргам в конце мая, могли уже забыть. В Мурманск отправляют, наверное, мало книг, и моя книга могла оказаться в одной упаковке с другими. Могли подумать, что прибыл столь поздно уже исправленный вариант книги. Но то, что произошло в Мурманске, могло произойти и в других городах, далеких от Москвы. Может быть, в Чите или в Хабаровске книга вообще не дошла еще до местных книготоргов.

Я срочно выписал из книготорговой рекламы медицинских книг адреса магазинов, торгующих медицинской литературой в крупных городах, отдаленных от Москвы более чем на тысячу километров, и послал в каждый из них авиапочтой запрос на покупку от одного до трех экземпляров своей книги по обычной системе «Книга почтой» с оплатой наложенным платежом. Один из запросов, причем телеграммой, я послал и в Мурманск. Первый ответ пришел из мурманского книжного магазина № 2. «Уважаемый тов. Медведев, – извещала меня открытка магазина, – Ваша книга была в продаже в июне месяце 1963 года и продавалась по предварительным заказам покупателей. К сожалению, помочь Вам не можем, не осталось ни одного экземпляра...» Из Оренбурга пришел ответ на бланке облкниготорга: «Оренбургский книготорг ставит Вас в известность, что три экземпляра книги “Биосинтез белков и проблемы онтогенеза” проданы. Оставшееся количество непроданных книг мы возвратили по адресу: г. Москва, Малая Лубянка, 8, отделу реализации Медгиза, поэтому выполнить Вашу просьбу не можем».

Книга продавалась также и в магазине медицинской книги в Баку.

Во второй половине июля я получил почтовое извещение, в котором сообщалось, что на мое имя пришла бандероль с наложенным платежом из Новосибирска. Я сразу отправился на почту, оплатил бандероль и тут же ее распечатал. Моя книга в целости и сохранности! Я дал телеграмму в Новосибирск и попросил выслать наложенным платежом еще пять экземпляров. Телеграмма была с оплаченным ответом. На следующий день новосибирский магазин сообщил мне, что все поступившие к ним экземпляры книги уже проданы. В новосибирском Академгородке у меня было несколько знакомых среди генетиков и биохимиков. Я написал им письма, изложив вкратце проблему, и попросил прислать мне еще несколько экземпляров книги. Кроме того, просил узнать, сколько всего экземпляров было продано в Новосибирске. Через несколько дней я получил от друзей еще три экземпляра и два письма. Коллеги сообщали, что моя книга была в продаже с 13 по 17 июля.

В Академгородке было продано 35 экземпляров, в основном по предварительным заказам. Непосредственно в Новосибирске было продано 50 экземпляров.

Взяв с собой купленную наложенным платежом книгу, я поехал в Центральный книготорг. Мне удалось выяснить, что операция по сбору ушедшей из Москвы в конце мая части тиража прошла не совсем успешно. Из тысячи книг, отправленных из Москвы, вернулось обратно 670. 330 экземпляров были проданы. Полученный мною экземпляр я отправил заказной авиабандеролью Ричарду Сингу в Шотландию. Там уже медленно шел перевод на английский, начатый по рукописи.

Вторая публикация «исправленной» книги

В начале августа меня снова вызвал в министерство А. И. Бурназян. У него лежали две рецензии, написанные академиками Браунштейном и Белозерским. Третий рецензент, Сисакян, рецензии не написал, но сообщил, что присоединяется к мнению коллег. К рецензиям было приложено сопроводительное письмо Курашева и Келдыша, адресованное издательству и предлагавшее руководствоваться замечаниями рецензентов при исправлениях. Рецензенты давали книге высокую оценку, считая ее, безусловно, полезной и своевременной. Однако оба считали (Браунштейн рекомендовал, Белозерский настоятельно советовал), что дискуссионный раздел публиковать нецелесообразно, и перечисляли страницы с абзацами, в которых содержалась, по их мнению, ненужная полемика. Бурназян опять повторил свое предложение об удалении всей главы и написании ее заново. Я не согласился, объяснив, что замене подлежат лишь несколько страниц. Показал ему экземпляр книги, которая продавалась в Новосибирске, и объяснил, что часть тиража раскуплена в провинции. Это была для него большая новость. В итоге он со мной согласился, после этого отправил рецензии в издательство и дал нужные распоряжения. Эти рецензии заказывались по поручению Секретариата ЦК КПСС и были, таким образом, директивными.

Я решил, что замена нескольких страниц не нанесет книге большого вреда, нужно было лишь их переписать. Удалить и заменить отдельные страницы в готовой книге несложно: заменяемую страницу вырезают, сохранив полоску у корешка, и на эту полоску приклеивают новую, исправленную. Ссылки на литературные источники у меня были в тексте пронумерованы. Чтобы не править большой библиографический список, я оставлял в тексте те же номера, но удалял имена. Имя Лысенко и имена его последователей (И. И. Презент, Н. И. Нуждин и др.) я убрал из текста, но оставил в списке литературы к главе о наследственности. Дискуссия поэтому сохранялась. Для объяснения любого сложного процесса всегда существуют разные теории. Но полемику между разными теориями старения можно было давать с указанием имен их авторов в тексте, полемику же по проблемам наследственности приходилось излагать в более общей форме. Я очень быстро внес в текст отмеченных рецензентами страниц необходимые изменения. Иногда на той или иной странице достаточно было заменить лишь одну фразу.

Однако противник тоже не дремал. 18 августа в газете «Сельская жизнь» была опубликована большая статья президента ВАСХНИЛ М. А. Ольшанского «Против фальсификации в биологической науке», которая объявляла «идеологической диверсией» очерк Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова «Перспективы советской генетики», опубликованный в ленинградском журнале «Нева» еще в марте 1963 года. 21 августа эта же статья Ольшанского появилась в газете «Правда», что было весьма необычным. «Правда»,

главный печатный орган ЦК КПСС, как правило, не перепечатывала статьи из других газет. Вскоре стало известно, что главный редактор журнала «Нева» С. А. Воронов освобожден от занимаемой должности и вся редакционная коллегия расформирована и заменена новой. Такие решения принимает Правление Союза советских писателей, но лишь после соответствующих директив из ЦК КПСС.

Работа в Медгизе тем не менее продолжалась. Бурназян и Островерхов, несомненно, уже знали глубинные причины конфликта. Блохин и Келдыш, возможно, знали также и о моей рукописи по истории генетической дискуссии. Браунштейн и Белозерский были в числе тех академиков, которые получили копии этой работы из редакции «Комсомольской правды» еще в 1962 году. Написанные мною новые варианты нескольких страниц книги были направлены на отзыв академику АМН СССР Н. Н. Жукову-Вережникову, микробиологу и одному из немногих ученых-медиков, которые были последователями Лысенко. Рецензент подготовил длинный отзыв на девяти страницах с множеством замечаний «мичуринского» характера, из коих нельзя было принять ни один. Я написал подробный ответ.

Как оказалось, издательство не имело права осуществлять работу по замене страниц и повторному выпуску арестованного тиража без новой резолюции Секретариата ЦК КПСС. В повестке дня заседания этого директивного органа 18 сентября стоял проект какой-то новой резолюции. Подробностей этого второго обсуждения «на высшем уровне» я не знаю. Главным его итогом стало то, что издательству разрешили начать работу над книгой, связанную с подготовленными мною исправлениями. Новый текст был набран, сверстан, откорректирован по объему и затем вклеен во все собранные издательством 3670 экземпляров на место удаленных тринадцати страниц в главе о наследственности и двух страниц в других главах. Поскольку все это делалось вручную, работа шла медленно. К декабрю операция с «выдиркой» была закончена и книга снова пошла на одобрение в Главлит. Затем мы ее вторично подписали «в свет». Тираж еще десять дней продержали в типографии и отправили в Книготорг в канун Нового года. Одновременно я получил десять авторских экземпляров. 3 января 1964 года я уже покупал свою книгу в фирменном магазине «Медицинская книга» на Комсомольском проспекте в Москве, сразу 150 экземпляров. Отбирая их для себя в магазине, я неожиданно нашел уникальный экземпляр. Выдирка в нем была сделана неполно, а вклейка полностью. В результате в книге оказались продублированными страницы 336–340 – в одном случае по-старому, с упоминанием Лысенко, в другом без него.

В последующие годы с этой книгой ничего неприятного не происходило. Рецензии были хорошими. В 1965-м президент МОИП при МГУ академик В. Н. Сукачев известил меня письмом, что на проводимом МОИП ежегодном конкурсе научных книг по естествознанию книга «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза» получила Первую премию. Вскоре лично Сукачев вручил мне диплом МОИП и денежное вознаграждение. Представление меня на премию поступило от секции геронтологии МОИП, и мы отпраздновали это событие в Музее зоологии МГУ на улице Герцена.

Вольный город Обнинск

В конце 1963 года небольшой Обнинск неожиданно прославился. Произошло это не благодаря первой атомной электростанции или уникальной радиологической мачте-трубе высотой 310 м, а благодаря телетурниру двух команд Клуба веселых и находчивых (КВН) – Дубны и Обнинска. Телевизионные игры КВН вышли на экраны в 1961 году и быстро стали исключительно популярными. Эти интеллектуальные состязания команд, представляющих разные коллективы – вузы, предприятия и др. и города, шли тогда, как известно, в прямой трансляции. Члены команд – студенты, молодые ученые, инженеры, поэты и музыканты – проявляли свое остроумие и творческие способности в решении различных задач в основном путем импровизации. Предвидеть заранее ход всей игры, соревнования умов и умений, было невозможно, и именно эта свобода от цензуры, спонтанность действия и появившиеся на ходу политические шутки, импровизации, пародии и остроумные куплеты определяли интерес, а нередко и восхищение аудитории. Аналогов КВН в других странах не было. 8 ноября 1963 года на сцену Телевизионного театра на площади Журавлева в Москве вышли сборные команды Обнинска и Дубны, двух городов науки. Игра продолжалась около четырех часов.

Знаменита Дубна,
всем известно, где она.
А о том, где мы живем,
знают лишь за рубежом.

Эту шутку из приветствия обнинской команды сегодня понял бы не каждый. Ее соль заключалась в иронии по поводу «секретности» Обнинска. Дубна, город в 125 км от Москвы на границе Московской и Калининской (Тверской) областей, примерно равный Обнинску по числу жителей (около 30 тысяч), был известен своим международным Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ), основателями которого были СССР, его восточноевропейские союзники по СЭВ, а также Югославия, Вьетнам, Монголия и Куба. ОИЯИ стал социалистическим вариантом Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН) в Женеве, в которую входили семнадцать стран. Синхрофазотрон в Дубне с длиной вакуумной камеры ускорителя 500 м и с магнитом весом 36 тысяч тонн был в то время самым крупным в мире физическим прибором. Это обеспечивало советским физикам приоритет в синтезе атомов новых трансурановых элементов.

Командам КВН не было заранее известно, какие именно задания придется выполнять в ходе игры. В данном случае, в частности, потребовалось собрать из деталей импортный кухонный комбайн, чудо бытовой техники США, который никто из участников игры никогда не видел, и приготовить с его помощью гоголь-моголь и яблочный сок. Обнинские ученые с этой задачей справились. Соперники из Дубны собрать комбайн не смогли. Они проиграли и на других этапах.

Капитаном обнинцев был Валентин Турчин – математик, руководивший теоретическим

отделом Физико-энергетического института (ФЭИ). В конкурсе капитанов на игре 8 ноября он одержал впечатляющую победу над оппонентом. Турчин и другие члены обнинской команды КВН (Александр Круглов, Валерий Нозик и Валерий Павлинчук), таланты которых сразу оценили зрители, стали в Обнинске знаменитостями.

В начале 1964 года в Обнинске в клубе ФЭИ заработал Дом ученых. Он быстро приобрел популярность, организуя встречи с известными людьми того времени. Владимир Дудинцев, Константин Паустовский, Евгений Евтушенко, Владимир Тендряков читали там отрывки из своих неопубликованных произведений. Владимир Высоцкий пел под гитару, и его песни в записях расходились по стране. Михаил Ромм рассказал о том, как создавался фильм «Девять дней одного года», показ которого в СССР не прекращался с момента выхода в 1961 году. Это была одна из лучших кинолент того времени. Событием стал приезд в обнинский Дом ученых опального тогда маршала Г. К. Жукова. Поселок Угодский Завод, близ которого в деревне Стрелковка родился и рос Георгий Константинович, находился недалеко от Обнинска. Выступая с воспоминаниями перед переполненной аудиторией, гость рассказал о боях осенью 1941 года именно в районе, где теперь находился Обнинск. Немецкая армия была на короткое время задержана обороной на Протве и окончательно остановлена в 70 км от южных окраин Москвы.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в Обнинске

Тимофеева-Ресовского утвердили в должности заведующего отделом радиационной генетики и радиобиологии Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске в марте 1964 года. Ему была предоставлена стандартная трехкомнатная квартира в доме недалеко от моего. Экспериментальный сектор института располагался в лесу в 4 км от города; сотрудники приезжали туда на служебных автобусах. Рабочий день начинался в восемь утра. Городского транспорта в Обнинске тогда не было.

Тимофеев-Ресовский считался крупнейшим в мире авторитетом в популяционной и радиационной генетике. К 1964 году у него было около двухсот публикаций по этой теме, в основном на немецком. Большинство исследований проводилось с классическим генетическим объектом – плодовой мушкой дрозофилой (*Drosophila melanogaster*), преимущества которой (короткий цикл репродукции, измеряющийся двумя-тремя неделями, легкость содержания и размножения в пробирках на питательных средах в термостате, наличие в клетках небольшого количества хромосом и многие другие) привели к тому, что почти все основные законы наследственности животных были впервые открыты именно в опытах на дрозофиле. Не стану касаться сложной и во многом трагичной биографии Н. В. Тимофеева-Ресовского. Она к настоящему времени отражена в нескольких книгах, наиболее известной из которых является документальный роман Даниила Гранина «Зубр». Удивительным было то, что такой уникальный человек жив и работает, сохранив свой характер и талант при двух тоталитарных режимах. Но он понес тяжкие личные потери. В Советском Союзе в 1937-м арестовали его младших братьев, одного из них, Владимира, директора небольшого завода в Ленинграде, в том же году расстреляли, второй провел десять лет в лагерях. В Германии был арестован гестапо в 1943 году и казнен в 1945-м старший сын Дмитрий. Здесь следует отметить, что в 1949 году правительственная директива о прекращении в СССР всех исследований с дрозофилой достигла и тогда засекреченного тюремного института в Челябинской области, «объекта 0211», где Николай

Владимирович руководил отделом радиобиологии. В связи с этим он переключился на исследования по радиационной экологии, изучение закономерностей распространения радиоактивных изотопов в естественных средах. В Обнинске Тимофеев-Ресовский возобновил эксперименты с дрозофилой и продолжил исследования по радиационной экологии. Основные трудности для Николая Владимировича в этой работе были связаны со значительной потерей зрения вследствие дистрофии и тяжелого авитаминоза (пеллагры), которые он перенес, находясь на общих работах в Карагандинском лагере (Карлаг) в 1946–1947 годах. Он не мог читать и работать с микроскопом. Используя сильную и большую четырехугольную лупу, изготовленную специально для него, Николай Владимирович читал по строчкам лишь художественные произведения. Но научные статьи, в которых главные результаты даются в виде таблиц, схем, графиков, рисунков, фотографий и формул, он не мог читать. Ему их пересказывала жена Елена Александровна. Она же занималась изучением популяций дрозофилы.

Никаких ученых степеней и дипломов Тимофеев-Ресовский не имел. Его отправили в бессрочную командировку в Германию в 1925 году для создания в берлинском Институте мозга генетической лаборатории, когда он еще не успел закончить Московский университет. В Германии у него дипломов не требовали. Но в СССР после 1946 года высокие оклады ученых законодательно привязывались к ученым степеням и званиям, подтверждаемым дипломами Высшей аттестационной комиссии (ВАК). В исключительных случаях не имеющим таких дипломов ученым устанавливали «персональные» оклады, но всегда лишь по решению Совета министров СССР. В 1962 году Тимофеев-Ресовский в конце концов решил преодолеть этот барьер и защитил в Уральском филиале АН СССР докторскую диссертацию в виде автореферата «Некоторые проблемы радиационной биоценологии», к которому были приложены отски публикаций по этой теме. Такая форма защиты «по совокупности работ» была разрешена для ученых старшего поколения, сформировавшихся до реформ в науке в 1946 году. Однако ВАК, в которой биологический сектор возглавлял В. Н. Столетов, не утверждала решение Уральского филиала АН СССР. В результате в Обнинске Тимофееву-Ресовскому могли установить лишь зарплату на уровне младшего научного сотрудника без ученой степени – около ста рублей в месяц. Елена Александровна тоже была зачислена на должность младшего научного сотрудника.

Николай Владимирович обладал уникальной способностью излагать устно свои мысли, воспоминания или научные тексты в максимально ясной и точной форме. Его устные лекции или рассказы можно было записывать на магнитофон, что нередко и делали, и воспроизводить затем в виде письменного текста без всякого редактирования. Гранинский «Зубр» – в основном запись устных рассказов Николая Владимировича. В то время я думал, что способность формулировать окончательный текст в уме, а не на бумаге развилась у него в процессе адаптации к ограниченности зрения. Однако через много лет немецкие друзья и коллеги Тимофеева-Ресовского, К. Циммер (K. G. Zimmer) и М. Дельбрюк (M. Delbrück) рассказывали мне, что он удивлял всех и в берлинском институте, диктуя на немецком языке свои статьи и обзоры.

Тимофеев-Ресовский, безусловно, страдал из-за невозможности общения со своими немецкими, британскими и американскими друзьями и коллегами, некоторые из них были его учениками. Прежний круг общения включал немало знаменитостей – кроме упомянутых Карла Циммера и Макса Дельбрюка это были Феодосий Добжанский, Ганс Штуббе, Георгий Гамов, Герман Мёллер и др. Теперь он не мог вести с ними даже переписку. В

Биологическом отделении Академии наук СССР и в Академии медицинских наук сохранялось скрыто-недоброжелательное отношение к Тимофееву-Ресовскому, и все попытки его выдвижения в члены-корреспонденты этих академий не доходили до обсуждения. Система избрания в любые академии в Советском Союзе находилась под строгим контролем ЦК КПСС и обеспечивала их пополнение лишь теми учеными лояльность которых была надежно проверена. Среди действительно крупных биологов в СССР Тимофеев-Ресовский общался лишь с академиком-лесоводом Владимиром Николаевичем Сукачевым, который ввел в науку концепцию биоценозов.

Угроза суда

Приезд Тимофеева-Ресовского и группы его уральских сотрудников в Обнинск сразу превратил наш отдел в полноценный научный центр. Лаборатория В. И. Корогодина проводила радиобиологические эксперименты в основном на дрожжевых клетках. Корогодин открыл явление пострадиационного восстановления, то есть способность клеток быстро восстанавливать нормальный рост и размножение после радиационных повреждений. Это противоречило прежним теориям о необратимости радиационных мутаций и в последующем было объяснено действием ферментов, способных удалять и заменять поврежденные участки ДНК. Возникла новая отрасль биохимической генетики. Были также пересмотрены в сторону снижения уровня опасности малых доз радиации. Лаборатория Тимофеева-Ресовского развернула работу с дрозофилой и оборудовала теплицу для изучения радиационной генетики растений. На небольшом огороженном участке леса, недалеко от лабораторного корпуса, был начат долгосрочный опыт по распределению радиоактивных изотопов в лесных биоценозах. Я все еще ограничивался опытами на головастиках и лягушках, планируя перейти на мышей в конце 1964 года, когда ожидалось завершение строительства вивария и радиоизотопного корпуса. Лаборатория молекулярной радиобиологии была по тому времени уже хорошо оборудована. Особенно важным приобретением стали две американские суперцентрифуги.

Рита тоже начала работу в лаборатории, сначала на добровольных началах, а затем в должности младшего научного сотрудника. В Обнинске для биологов и биохимиков не было альтернативных возможностей трудоустройства, поэтому «семейственность» не преследовалась.

В июне 1964 года Лысенко потерпел крупное поражение при попытке обеспечить избрание двух своих преданных сотрудников – Н. И. Нуждина в действительные члены и В. Н. Ремесло в члены-корреспонденты Академии наук СССР. При обсуждении кандидатуры Нуждина (его представил академик Н. В. Цицин) на общем собрании АН СССР состоявшемся 26 июня, против его избрания выступили академики В. А. Энгельгардт, И. Е. Тамм и, неожиданно для всех, притом очень темпераментно, А. Д. Сахаров. Андрей Дмитриевич был в то время малоизвестным физиком, так как работал в глубоко засекреченном институте в Горьковской области, который занимался разработкой моделей водородной бомбы. Он был трижды Героем Социалистического Труда, но о его наградах и званиях, включая и избрание в академики, в прессе не сообщалось. (В стране в то время шесть академиков – физиков-атомщиков были засекречены, и их имена и институты не были включены в справочники Академии наук.)

В итоге 114 академиков из 137 участвовавших в голосовании проголосовали против

Нуждина, хотя все участники общего собрания знали, что его кандидатура была ранее одобрена в ЦК КПСС и успешно прошла через Отделение биологии, и на общем собрании АН СССР присутствовал секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев. Это означало, что перевес голосов против Нуждина обеспечили в основном физики, химики, астрономы, математики и представители других точных наук. Непокорность академиков оказалась совершенно новым явлением в жизни страны, вызовом руководству КПСС и прежде всего политике Хрущева.

В начале июля, взяв отпуск сразу за два года, я с семейством уехал отдыхать в Крым в Никитский ботанический сад. Во время отдыха газет почти не читал, а, возвращаясь 29 августа через Москву в Обнинск, перед посадкой на электричку на Киевском вокзале заглянул в газетный киоск. Было уже поздно, на прилавке осталась лишь «Сельская жизнь», которую москвичи обычно не покупают. Развернув ее в вагоне, сразу увидел большую статью президента ВАСХНИЛ М. А. Олышанского «Против дезинформации и клеветы». Начал читать, быстро обнаружил, что речь в ней идет в основном о моей рукописи «Биологическая наука и культ личности» (название которой Олышанский не приводил):

«В последнее время ходит по рукам составленная Ж. Медведевым объемистая “записка”, полная грязных измышлений о нашей биологической науке... В высокомерно-издевательской форме он походя “ниспровергает” теоретические основы мичуринской биологии... автор прибег к политической клевете, что не может не вызвать гнева и возмущения... Ж. Медведев доходит до чудовищных утверждений, будто бы ученые мичуринского направления повинны в репрессиях, которым подвергались некоторые работники науки... Политическая спекуляция Ж. Медведева производит впечатление на некоторых малосведущих и не в меру простодушных лиц. Чем иначе можно объяснить, что на одном из собраний Академии наук СССР академик А. Д. Сахаров, инженер по специальности, допустил в своем публичном выступлении весьма далекий от науки оскорбительный выпад против ученых...»

И далее Олышанский заявлял: «...пришло время, чтобы Ж. Медведев ответил перед судом за распространение клеветы».

Приступив к работе в лаборатории, я быстро почувствовал, что отношение ко мне партийной организации и администрации института изменилось. Сначала зашел ко мне парторг отдела Б., чтобы «поговорить по-дружески» о том, что я «ставлю всех в трудное положение». Затем последовал вызов на партбюро для объяснений. Столь быстрая реакция на статью в «Сельской жизни» была непонятна. Лишь через много лет из изданной в Ленинграде книги «Репрессированная наука» (1991) я узнал, что Олышанский еще 14 июля написал для Хрущева «Докладную записку» с объяснениями:

«В связи с выступлением академика А. Д. Сахарова на сессии Академии наук СССР считаю своим долгом довести до Вашего сведения... Многие противники Лысенко пользуются недостойным приемом – клеветой... Более двух лет распространяется перепечатываемая на машинке объемом в 210 страниц книга Ж. Медведева “Культ личности и биологическая наука” – ворох грязных клеветнических выпадов, имеющих целью скомпрометировать Т. Д. Лысенко как

ученого, гражданина, человека. В числе других обвинений здесь на десятках страниц муссируется клевета о виновности Т. Д. Лысенко в гибели академика Н. И. Вавилова и ряда других советских ученых... Лысенко угнетен и обескуражен. Ни один голос на сессии Академии не раздался в его защиту, он вынужден был сам заявить на сессии Академии, что он не преступник, что он честный человек. Где же найти защиту от гнусной, оскорбительной, с грязью смешивающей достоинство советского человека клеветы? Ведь есть же Закон, ограждающий советского человека. Почему же он не распространяется на академика Т. Д. Лысенко?»

«Докладная записка» Ольшанского вызвала гнев Хрущева. Президент АН СССР М. Е. Келдыш был приглашен к нему для объяснений. Потребовали объяснительную записку в ЦК КПСС и от академика Сахарова. Он написал ее в резкой форме, чем вызвал еще большее раздражение Хрущева. Были созданы комиссии по проверке деятельности Академии и отдельно для проверки Института физико-химической биологии, который возглавлял академик В. А. Энгельгардт. Естественно, какие-то директивы поступили и в АМН СССР, в Калужский обком в отношении Ж. А. Медведева.

Однако для Хрущева в то время главной проблемой был плохой урожай по всей стране. В 1963 году сильный неурожай привел к необходимости, впервые в истории СССР, закупок зерна в США и в других странах, вплоть до Австралии, причем с оплатой из золотого запаса. Повторение этого в 1964 году становилось угрозой для самого Хрущева. Проехав по стране, он решил, что необходима новая реорганизация. Написав проект доклада о перестройке всей сельскохозяйственной отрасли СССР, Хрущев уехал в Крым для осмотра импортных птицефабрик, а оттуда в Пицунду. Там у них с Микояном были дачи в реликтовом сосновом лесу на берегу Черного моря. Морской воздух, смешанный с испарениями хвои и смол, оказался целебной комбинацией, и правительственные дачи отгородили бетонным забором от остальных отдыхающих, захватив большую часть этого уникального леса-заповедника. В своем проекте Хрущев предлагал ликвидировать Министерство сельского хозяйства и заменить его двенадцатью Государственными комитетами по отраслям: животноводству, птицеводству, производству зерна, по техническим культурам, химизации и т. д. Проект был разослан не только членам Президиума ЦК КПСС, но и всем секретарям обкомов.

Я ожидал, что статья Ольшанского в «Сельской жизни» приведет к письмам и телефонным звонкам домой или в институт от генетиков и других ученых, готовых выступить в мою защиту. Но ни звонков, ни писем в первую неделю после моего возвращения не было. Лишь 5 сентября я обнаружил в почтовом ящике письмо без обратного адреса, отправленное, судя по штампу, из Рязани. Распечатав конверт, с удивлением и радостью обнаружил: от Солженицына.

«Многоуважаемый Жорес Александрович! – писал Александр Исаевич. – Этим летом я прочел Ваши “Очерки”. За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта Ваша. Ее искренность, убедительность, простота, верность построения и верно выбранный тон – выше всяких похвал. О современности ее нечего и говорить. Я знаю, что многих читателей она очень волнует, хотя бы они были далеки от биологии... Ваша книга состоит из одних неопровержимостей, и тот суд, который приемчиками старого

времени накликает Ольшанский, будь он широкий и гласный, – на его же голову и обрушится...»

В конце письма был и обратный адрес: г. Рязань, 1-й Касьяновский пер., 12, кв. 3.

Андрей Дмитриевич Сахаров

В начале сентября мне позвонил профессор Б. Л. Астауров, с которым я был хорошо знаком, и передал, что со мной хотел бы встретиться академик М. А. Леонтович. Леонтович был очень уважаемым физиком старшего поколения, специалистом в области радиофизики и физики плазмы. В 1964 году он возглавлял кафедру на физфаке МГУ. Как оказалось на следующий день, Леонтович просто должен был мне сообщить, что со мной хочет встретиться академик А. Д. Сахаров, который жил в одном с ним доме. Сахаров был взволнован статьей Ольшанского и хотел обсудить эту проблему. Поскольку как руководителю проектов по созданию водородной бомбы ему требовалось разрешение спецслужб на все контакты с людьми, не имеющими допуска к секретным работам, то договорились, что я приду в гости к Леонтовичу и уже от него зайду в соседнюю квартиру к Сахарову. Леонтович дал мне адрес и телефон Андрея Дмитриевича, и в назначенный день я приехал к их дому на такси. Какой-либо заметной охраны в подъезде не было.

Точную дату этого визита я сейчас не помню. В своих «Воспоминаниях», изданных в США в 1990 году издательством имени Чехова, сам Сахаров излагает по памяти этот визит неверно, перенеся его на конец июня:

«Через несколько дней (после Собрании АН СССР) ко мне домой пришел незнакомый мне раньше молодой биолог Жорес Медведев... Он попросил меня подробно повторить, по возможности точнее, что именно я говорил, и всю обстановку. Все это он записал в блокнот для включения в его книгу...» (с. 316).

Все было иначе. Стенограмма обсуждения на общем собрании АН СССР кандидатурь Нухдина распространялась по рукам среди биологов почти сразу после его провала на общем собрании, и я уже имел ее копию. Адреса Сахарова я не знал, да и прийти к нему домой без сложной подготовки было невозможно. Этот трехэтажный жилой дом для академиков находился в глубине жилого квартала возле курчатовского Института атомной энергии и был под особым наблюдением.

Квартира Сахарова состояла из четырех больших комнат. С ним жили его жена Клавдия Алексеевна, дочь Люба и сын Дима, ровесник нашего Димы. Андрей Дмитриевич был лишь на четыре года старше меня, он родился в 1921 году. Ему было 44 года, но выглядел он, наверное, на 50. Его избрали в АН СССР в 1953 году в возрасте 32 лет сразу после успешного испытания водородной бомбы, оригинальная конструкция которой, отличная от американской, была им разработана. Наша беседа началась со статьи Ольшанского, которую Сахаров прочел тоже случайно и тоже 29 августа, купив «Сельскую жизнь» в Симферопольском аэропорту, когда возвращался из санатория. «Других газет не было», – объяснил он. За себя он не беспокоился, но угрозу судебной расправы над мной считал серьезной. Мою рукопись он читал еще в 1963 году. (Ее привез «на объект» физик Виктор Борисович Адамский. Сам Адамский в книге воспоминаний физиков о Сахарове «Он между

нами жил», изданной в 1996 г., описал сильную эмоциональную реакцию Сахарова.) Я привез Андрею Дмитриевичу новый текст своей работы, которая, постоянно обновляясь, уже почти вдвое превышала по объему первый вариант, циркулирующий в самиздате. Я объяснил, что угроза суда меня не беспокоит. Реализация ее просто невозможна, так как потребует экспертной проверки фактов репрессий и изучения архивов КГБ. А анализ документов лишь подтвердит и дополнит ту картину, которая дается в моей книге. Статья Ольшанского была в большей степени свидетельством паники, а не силы. Хрущева Сахаров знал лично и несколько раз участвовал в спорах с ним на заседаниях Президиума ЦК по поводу, по словам Сахарова, «политических» испытаний сверхмощных водородных бомб.

Узнав, что я работаю в новом Институте медицинской радиологии, Сахаров начал задавать вопросы о радиационных мутациях и лучевой болезни. Вопросы были очень компетентными. Он, безусловно, изучил немало публикаций в этой области. Я к тому времени прочитал множество обзоров по действию облучения на организм человека, радиационное старение было общей темой моих исследований в институте. У Сахарова наблюдались некоторые признаки преждевременного старения. Беседуя, как-то очень вяло, он явно думал одновременно о чем-то еще, писал на листе бумаги разные математические формулы. Я провел у него около полутора часов.

Мы условились снова встретиться ровно через месяц, в заранее оговоренный день и час, чтобы оценить развитие ситуации. Однако через месяц обстановка в стране значительно улучшилась, и Сахаров был менее сдержан. Он уже прочитал новый вариант моей рукописи и сказал, что работа значительно улучшена. Я также узнал и обстоятельства его переоблучения. Оно произошло 12 августа 1953 года при испытании на казахстанском атомном полигоне первой советской водородной бомбы. Руководителем всех атомных и ракетных проектов после ареста Л. П. Берия стал В. А. Малышев, возглавлявший до этого Министерство транспортного машиностроения. Он же руководил испытаниями первой водородной бомбы. Мощность взрыва превзошла ожидания. Когда радиоактивное облако унесло ветром в сторону, Малышев, находившийся в состоянии эйфории, предложил Сахарову и другим руководителям испытания (среди них был и Игорь Курчатов) поехать на машинах в эпицентр и посмотреть, что там получилось. Подъехав довольно близко к остаткам оплавленной башни, Малышев вышел из машины, Сахаров, сидевший рядом, вышел вслед за ним. Остальные участники этой безумной экспедиции остались в машинах. Малышев подошел к остаткам стальной башни. Мощное нейтронное облучение от атомного взрыва создает так называемую наведенную радиоактивность у любых металлов. Малышев облучился, по-видимому, больше всех. У него развилась хроническая лучевая болезнь, и он умер от лейкоза в 1957 году в возрасте 55 лет. Курчатов, который переоблучался несколько раз и до этого, особенно при работе на первом экспериментальном реакторе, запущенном еще в 1946 году и не имевшем нужной защиты, и при ликвидации аварии на втором промышленном реакторе в 1948 году, тоже имел признаки лучевой болезни и умер в 1960 году в возрасте 57 лет. У Сахарова наблюдался стабильно повышенный уровень лейкоцитов, и он боялся возможности лейкоза. Его иммунная система была ослаблена, и любые инфекции он переносил очень тяжело.

Падение Хрущева

Последняя декада сентября прошла спокойно. Никто не требовал от меня каких-либо

объяснений. Было известно, что Пленум ЦК КПСС для обсуждения доклада Хрущев планировался на ноябрь. Газета «Сельская жизнь» продолжала кампанию, начатую Ольшанским. 11 сентября в ней появилась статья В. Ремесло, который поддержал предложение о привлечении клеветников к ответственности. 2 октября в той же газете была напечатана большая статья «Вдали от производства», в которой критиковались ученые, ведущие многолетнюю борьбу с «мичуринской» биологией. По слухам, стало известно, что проект доклада Хрущева содержал энергичную поддержку Лысенко и критику его противников.

Существенные изменения в политике руководства страны стали очевидными для московских генетиков утром 13 октября. В этот день известному генетику Иосифу Абрамовичу Рапопорту, открывшему в 1940 году химический мутагенез и подвергавшемуся в недавнем прошлом разным гонениям, позвонил ответственный работник ЦК КПСС и от имени ЦК попросил очень быстро, «за 24 часа», подготовить статью для газеты «Сельская жизнь» о достижениях классической генетики. Рапопорт ответил, что так быстро написать столь серьезную статью он не может. Однако руководящий товарищ настаивал и сказал, что на квартиру Рапопорта придет стенографистка, чтобы записать устный текст, который будет отредактирован. Рапопорт стал звонить коллегам, чтобы получить помощь и советы. Первым, к кому он обратился, был В. Я. Эфроимсон, у которого на эту тему имелось несколько неопубликованных рукописей. Эфроимсон позвонил мне в Обнинск.

На следующий день вечером русская служба Би-би-си со ссылкой на московского корреспондента лондонской газеты *The Evening News* Виктора Луи передала сообщение о смещении Хрущева со всех постов. Виктор Луи был советским журналистом, связанным с КГБ и выполнявшим некоторые деликатные миссии. Сенсационные новости к тому же очень высоко оплачивались западными информационными агентствами.

Официальное сообщение о принятии отставки Хрущева «в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья» было опубликовано в «Правде» лишь 16 октября. Подробностей о заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября и Пленума ЦК 14 октября не приводилось. Как стало вскоре известно, основной доклад и на Президиуме, и на Пленуме делал секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Текст этого доклада, как и прения по нему, никогда не публиковались. Судя по всему, оба этих заседания вообще не стенографировались, чтобы обеспечить полную свободу высказываний. Однако в последующем историки смогли по воспоминаниям участников Пленума восстановить основные обвинения, выдвинутые против Хрущева в докладе Суслова. Эти обвинения затрагивали почти все сферы государственной политики и экономики. Одно из них состояло в том, что Хрущев единоличным решением закрыл в 1961 году прием студентов в Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева, обрекая это важное столетнее учебное заведение и научный центр на умирание. Это решение было охарактеризовано как «самодурство». Были отмечены как крупные ошибки Хрущева его безоговорочная поддержка Лысенко и его конфликт с Академией наук СССР в связи с попыткой избрания в академики Нуждина. Хрущев, как оказалось, грозил вообще закрыть Академию, которая стала якобы заниматься политикой.

Судя по известным сейчас данным, заговор против Хрущева готовился в глубокой тайне давно. Инициатива, по-видимому, принадлежала Суслову, который был одним из немногих членов партийного руководства, не обязанных Хрущеву своим выдвижением. Л. И. Брежнев как председатель Президиума Верховного Совета СССР был в курсе дела, как и главные чины армии и КГБ.

Заседание Президиума ЦК КПСС, на котором стоял вопрос о смещении Хрущева началось 11 октября. Были приглашены около двадцати секретарей обкомов. Выявилось полное единодушие. От непрерывных реорганизаций Хрущева все устали. Партийная и государственная элита хотела стабильности. Однако формальное решение отложили на два дня в связи с запуском с космодрома Байконур 12 октября космического корабля Восход-1. Это был первый в истории полет в космос группы космонавтов (В. М. Комарова, К. П. Феоктистова и В. Г. Егорова). До этого и в СССР, и в США космические корабли были рассчитаны лишь на одного человека. Полет продолжался 24 часа 17 минут, и в день запуска 12 октября был заранее запланирован телефонный разговор командира корабля Владимира Комарова с Хрущевым, который должен был транслироваться по радио и телевидению. Менять программу было слишком поздно. Все мы этот разговор видели и слышали, радуясь успеху страны. Комаров ритуально докладывал: «Готовы выполнить любое задание советского правительства...» Однако рапорт о полете, традиционно на Красной площади, принимали от Комарова и его товарищей лишь 19 октября уже Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин. Тут же родился и первый анекдот новой эры: «Готовы выполнить любое задание любого правительства».

Падение Т. Д. Лысенко

16 октября ректор Тимирязевской сельскохозяйственной академии Г. М. Лоза был вызван в ЦК КПСС. Его проинформировали о том, что решение о прекращении приема студентов в ТСХА отменено, и предложили объявить, хотя и с опозданием, набор на первый курс. 17 или 18 октября Тимофееву-Ресовскому позвонил министр высшего образования РСФСР В. Н. Столетов и поздравил его с присуждением ученой степени доктор биологических наук.

Газета «Сельская жизнь» опубликовала большую статью И. А. Рапопорта о практических и теоретических успехах классической генетики 21 октября. 23 октября в газете «Комсомольская правда» был напечатан большой очерк Владимира Дудинцева «Нет, истина неприкосновенна». Дудинцев, автор романа «Не хлебом единым», литературной сенсации 1956 года, дал в очерке отрывок из своего нового романа о генетиках, боровшихся с псевдонаукой. Очерк был написан больше года назад, кочевал по разным редакциям, несколько раз набирался (у меня в коллекции было три верстки, подаренные автором), но публикацию всегда запрещала цензура. Теперь он наконец увидел свет и его прочитали миллионы людей. Статья Рапопорта не была дискуссионной, она освещала успехи генетики, но не критиковала теории Лысенко. Очерк Дудинцева называл виновников трагического периода советской генетики, обличал их беспринципность, эгоизм, их опору на политическую демагогию.

События развивались очень быстро, и мы узнавали новости почти каждый день. В субботу 24 октября (субботы тогда были еще рабочими днями) на совещании пропагандистов в Московском городском комитете КПСС докладчик назвал Т. Д. Лысенко лжеученым. 26 октября Президиум Академии наук СССР начал обсуждение проблемы «улучшения руководства» Института генетики АН, директором которого был Лысенко, а его заместителем Н. И. Нуждин. Был поднят вопрос о снятии их с этих постов, создана комиссия Академии по проверке работы института. Процесс восстановления классической генетики и связанных с ней областей селекции, животноводства, ботаники, цитологии и др. нарастал,

как цунами. В ноябре статьи с критикой Лысенко и его сторонников появились во многих газетах. Вскоре стало известно, что два бывших «яровизатора», на которых держалась поддержка Лысенко в аппарате ЦК КПСС, – секретарь ЦК по сельскому хозяйству В. И. Поляков и заведующий сельхозотделом ЦК А. А. Утехин – лишились своих постов. Поляков перевели в заместители редактора «Экономической газеты», а Утехина отправили на пенсию. М. А. Ольшанский тоже получил отставку. Президентом ВАСХНИЛ стал П. П. Лобанов, фигура компромиссная, в прошлом министр совхозов СССР, администратор, а не ученый. Однако широкой замены кадров в институтах и университетах все же не происходило. Это оказалось невозможным по многим причинам. В стране в 1964 году просто не было ученых необходимой квалификации в биологии. Восстановление большой и важной области естествознания – дело весьма сложное и длительное. Для выхода советской биологической и сельскохозяйственной наук на мировой уровень требовались многие годы или даже десятилетия. Научные направления и школы создаются очень медленно на основе традиций и передачи знаний из поколения в поколение. В 1948 году Лысенко и его сторонникам было значительно легче проводить свои реформы. Они главным образом разрушали и упрощали. Псевдонауки не базируются на прочном фундаменте фактов и знаний. Восстанавливать науку невозможно. Ее нужно созидать заново, сначала образованием, развитием творческих потенциалов и талантов, которые встречаются нечасто, а затем и многолетними экспериментальными исследованиями. Науку нельзя развивать только финансовыми и административными мерами, науке прежде всего нужны генераторы идей.

В начале февраля 1965 года стало известно о снятии Лысенко с поста директора Института генетики. Реформировать этот институт оказалось невозможно. Его ликвидировали, создав вместо него в том же здании новый Институт общей генетики, директором которого вскоре стал Н. П. Дубинин.

«Мичуринская» биология после 1948 года насаждалась и в странах Восточной Европы, входивших в СЭВ. Это был болезненный процесс, особенно в Чехословакии, на родине Грегора Менделя, основоположника учения о наследственности, названного менделизмом. Он был биологом-любителем. В 1843 году после окончания университета Мендель стал монахом августинского монастыря в Брюнне (сейчас Брно). В саду при монастыре он в 1856 году начал свои знаменитые опыты по гибридизации разных сортов гороха, впервые применяя для анализа потомства вариационно-статистическую обработку. Его книга «Опыты над растительными гибридами» была опубликована на немецком языке в 1865 году. Столетие открытия законов Менделя генетики всего мира отмечали симпозиумами и конференциями. Реабилитация в СССР Г. Менделя стала большим событием именно для Чехословакии. Чехословацкая Академия наук срочно решила созвать именно в Брно международный симпозиум по генетике. Одновременно были утверждены двадцать золотых медалей Г. Менделя, которые присуждались Чехословацкой академией наиболее выдающимся генетикам мира. Среди советских ученых золотая медаль Менделя была присуждена Б. Л. Астаурову, Н. П. Дубинину, М. Е. Лобашеву, Н. В. Тимофееву-Ресовскому И. А. Рапопорту и Н. В. Цицину. Для участия в мемориальном симпозиуме в Брно, с продолжением его в Праге, формировалась большая группа советских ученых, почти семьдесят человек. Как обладатель медали Менделя в эту группу сразу вошел Тимофеев-Ресовский. По рекомендации академика Б. Л. Астаурова в состав делегации включили и меня. Тимофееву-Ресовскому и мне предложили быстро сформулировать темы наших

докладов и представить тезисы для включения в сборник рефератов. Почти все награжденные золотой медалью Менделя ученые из ГДР, ФРГ, Великобритании и США были друзьями Тимофеева-Ресовского, с которыми он в последний раз общался на Международном генетическом конгрессе в Эдинбурге в 1939 году, почетным (но отсутствовавшим) президентом которого был Николай Иванович Вавилов.

В начале 1965 года Институт медицинской радиологии (ИМР) сформировался как крупнейший в Европе лечебный и исследовательский центр в области радиобиологии. Непосредственно в Обнинске находились администрация института, библиотека и большая клиника на 500 коек, которая специализировалась на применении различных видов радиации для лечения больных раком. Одно из отделений этой клиники разрабатывало методы радиоизотопной диагностики онкологических заболеваний.

Начальные стадии появления злокачественных опухолей в любых тканях состоят в изменении лишь одной клетки, которая в результате соматической мутации теряет специализацию и начинает быстро делиться. Ни сам больной, ни врач не замечают этот процесс до тех пор, пока растущая опухоль не начнет влиять на физиологические функции органа. Но радиоактивные изотопы, например йод-131 при начальной стадии рака щитовидной железы, продуцирующей йодсодержащие гормоны, или фосфор-32 в начальной стадии рака печени, ткани которой богаты нуклеиновыми кислотами, при введении в организм в небольших и безвредных дозах накапливаются прежде всего в быстро делящихся клетках опухоли. Эти точки роста опухоли можно обнаружить приборами. Степень злокачественности обычно коррелирует и со скоростью деления клеток.

Применение радиации для лечения рака в недавнем прошлом ограничивалось рентгеновскими лучами – электромагнитным излучением с высокой энергией. Появление атомной промышленности, сначала военной, а затем и гражданской, сделало доступными для медицины несколько других видов излучения радиоактивных изотопов. Гамма-излучение высокой энергии от радиоактивных кобальта или цезия стало вытеснять применение рентгеновских аппаратов. Можно было создавать меченые радиоактивными изотопами соединения, которые избирательно накапливались в тех или иных опухолях, разрушая их клетки. В экспериментальном секторе ИМР был установлен первый медицинский линейный ускоритель – прибор, создающий ионизирующее излучение в широком диапазоне энергий и электронное излучение, применяемые для лечения раковых опухолей. В начале 1960-х годов все эти радиационные технологии, сейчас широкодоступные, были еще экспериментальными. В клинику ИМР из многих онкологических больниц СССР привозили пациентов обычно уже в тяжелом состоянии, после хирургического удаления опухолей, которое оказалось неэффективным из-за метастазов. Применение радиационного лечения продлеvalo им жизнь. Но случаев полного выздоровления было немного. Пациенты с начальными формами заболевания приезжали в основном из Обнинска и других городов Калужской области. В клинике было создано и хирургическое отделение.

В январе 1965 года завершилось строительство экспериментального сектора института. Вступили в строй корпус, оборудованный для работы с радиоактивными изотопами, виварий и здание для современного по тому времени компьютера. Предполагалось, что с помощью компьютера по результатам разнообразных тестов диагностики можно будет ставить быстрее и точнее. В то время в СССР еще не производили полупроводники и один компьютер с ламповой электроникой занимал несколько больших комнат. Его обслуживали почти

двадцать человек.

По первоначальному проекту в экспериментальном секторе института планировалось построить небольшой исследовательский урановый реактор с графитовыми замедлителями нейтронов. Этот реактор должен был обеспечить применение нейтронного облучения, радиобиологические аспекты которого были мало изучены. Критическая масса природного урана, в котором делящийся изотоп-235 составляет около 0,7 %, находится на уровне 40 тонн. Первые реакторы военного назначения для получения плутония, работавшие на природном уране, были поэтому очень большими. Небольшой реактор, подобный тем, которые ставились на подводных лодках, требовал обогащения уранового топлива изотопом-235 до 25–40 %.

В 1963 году для строительства реактора начали готовить площадку. Однако новые правила строительства реакторов, введенные в 1964 году, требовали очистки вокруг него слишком большой защитной территории. Было принято решение отменить опасное строительство и приспособить для радиобиологических и медицинских целей один из четырех реакторов, уже работавших на находившейся поблизости Карповской площадке – так назывался расположенный также в лесу, за глухим бетонным забором, но по другую сторону Калужского шоссе секретный Обнинский филиал Физико-химического института имени Л. Я. Карпова. В этом филиале разрабатывались технологии выделения плутония, стронция-90, цезия-137 и других радиоактивных изотопов из отработанного ядерного топлива. В ИМР в новом радиоизотопном корпусе была создана лаборатория нейтрон-захватной терапии, которую возглавил Ю. С. Рябухин, молодой радиохимик.

В марте 1965 года ИМР провел свою первую научную конференцию, на которой были представлены более 70 докладов от лабораторий клинического и экспериментального секторов. Шесть докладов на конференции представил наш отдел радиобиологии и генетики. Мой доклад был посвящен разработке количественного определения удельной активности ряда ферментов. Эта новая методика в перспективе могла быть использована для определения возрастных аномалий структуры ферментативных белков. Тимофеев-Ресовский сделал доклад по генетике популяций.

В марте 1965 года завершилось также формирование лаборатории молекулярной радиобиологии и был объявлен конкурс на должность заведующего. Ученый совет принял мою кандидатуру единогласно. Конкурентов у меня на этом конкурсе не было. Решение ученого совета утверждалось в Президиуме АМН СССР заочно, а в Обнинском горком КПСС с персональным вызовом. Члены Бюро горкома около часа задавали мне различные вопросы, но возражений не прозвучало.

Столетие открытия Менделя

Инициативу Чехословацкой Академии наук о проведении в Брно мемориального симпозиума, посвященного столетнему юбилею открытий Грегора Менделя, быстро поддержала ЮНЕСКО. Масштаб мероприятий был расширен до того уровня, на котором в 1959 году отмечалось столетие выхода книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов». Хотя главная работа Г. Менделя была опубликована в феврале 1865 г., Международный мемориальный симпозиум запланировали на август 1965 г., так как большие научные конференции принято проводить в летнее время. В соответствии с предварительной программой в первой части симпозиума, которая должна была проходить в Брно,

намечались доклады лауреатов золотой медали Г. Менделя. Вторая часть программы, уже в Праге, предполагала большую международную конференцию по всем проблемам генетики. Она проводилась по типу международного конгресса, и для участия в ней приглашались генетики со всего мира. Отдельный симпозиум на этой конференции был посвящен мутациям, и председательствовать на нем было предложено Тимофееву-Ресовскому.

Все три академии СССР – АН, АМН и ВАСХНИЛ – приняли решения об участии менделевских торжествах. Делегацию в Чехословакию от ВАСХНИЛ возглавил В. Н. Столетов, министр высшего и среднего специального образования РСФСР. Оформление зарубежных командировок советских ученых в соцстраны СЭВ проходило проще, нежели в капстраны. Тимофеев-Ресовский, однако, мало верил, что он сможет поехать в Чехословакию. Президент Академии наук Чехословакии профессор Ф. Шорм (F. Šorm) направлял всем лауреатам золотой медали Г. Менделя личные приглашения. Однако, зная реалии нашей страны, для советских лауреатов (Астаурова, Дубинина, Лобашева, Рапопорта, Тимофеева-Ресовского и Цицина) он послал отдельное приглашение и в Президиум АН СССР. Но главный ученый секретарь АН академик Н. Б. Сисакян, недавний активный критик «менделизма», ответил Шорму, что АН СССР займется оформлением командировок лишь для собственных членов. В отношении М. Е. Лобашева, как он объяснял, следует писать в Ленинградский университет, а в отношении Тимофеева-Ресовского – в АМН СССР. Вскоре в АМН СССР было получено письмо с приглашением Тимофеева-Ресовского, а копии его поступили к директору ИМР Г. А. Зедгенидзе и самому лауреату медали Менделя. Николая Владимировича приглашали в Чехословакию с супругой.

Помимо персонально приглашенных и лиц, командируемых академиями, из которых формировалась делегация, на менделевские торжества в качестве туристов могли поехать и другие специалисты, самостоятельно оплатив расходы на дорогу и гостиницу. Оформление в этом случае было значительно проще. Обдумав ситуацию и представив все трудности «делегатского» оформления, я решил ехать в Чехословакию как турист, взяв на это время очередной отпуск. Так было надежнее. Визы и заграничные паспорта не требовались, достаточно было заплатить в каком-то отделе Интуриста 600 рублей, заполнить две или три анкеты и получить «путевку-удостоверение». Характеристика все же требовалась, но по упрощенной форме, с места работы, без утверждения в горкоме и в обкоме КПСС. Сложное «выездное дело» не заводилось. Туризм в страны СЭВ уже поощрялся, и Прага среди восточноевропейских столиц была наиболее популярным городом. Там советских граждан встречали очень радушно. Туристами собирались ехать в Чехословакию в основном молодые генетики из разных институтов и вузов. Набиралась группа почти в сто человек.

В марте или в апреле 1965 года в дирекцию ИМР пришло письмо из международного отдела АМН СССР, в котором директору института предлагалось подготовить и выслать в АМН «выездные дела» на Н. В. Тимофеева-Ресовского и Е. А. Тимофееву-Ресовскую. Одновременно предлагалось провести медицинское обследование командируемых за границу и представить письменное заключение о состоянии их здоровья. Требовались и характеристики, которые нужно было утверждать сначала на партийном бюро института, затем в горкоме КПСС Обнинска и в Калужском обкоме. Анкеты для «выездного дела» отправлялись в международный отдел АМН СССР, а оттуда в иностранный отдел Министерства здравоохранения. Характеристики из обкома шли туда же. Где принималось окончательное решение – неизвестно. Это, безусловно, зависело от личности командируемых. Среди других лауреатов медали Менделя я хорошо знал Б. Л. Астаурова. Он

был специалистом по генетике тутового шелкопряда. В прошлом руководил исследованиями в Среднеазиатском институте шелководства в Ташкенте и вывел несколько новых высокопродуктивных гибридов шелкопряда. Он первым открыл возможность гибридизации путем пересадки ядер в яйцеклетки, у которых было предварительно удалено собственное ядро. Эта цитологическая технология в последующем развилась в современное клонирование. Астауров убедительно доказал, что наследственные признаки и пол потомства гусениц шелкопряда полностью зависели именно от ядра яйцеклеток, а не от их цитоплазмы. В 1965 году Астауров работал в Москве в Институте морфологии животных АН СССР. К началу мая он уже прошел все этапы оформления поездки в Чехословакию и готовил свой доклад. Труды юбилейного симпозиума предполагалось печатать на английском. Тимофеев-Ресовский и его жена в это же время заполняли обширные и сложные для них анкеты «выездного дела». Им нужно было перечислить всех близких родственников, живых и покойных, – детей, родителей, братьев и сестер. И не просто перечислить, а указать, когда и где родился, когда и где умер, где работал, кем работал и последний адрес каждого. Следовало также указать: все места и даты собственной работы, была ли судимость, если была, то по какой статье, был ли за границей, когда, с какой целью, есть ли родственники за границей, где живут, когда уехали, жили ли на оккупированной территории, если жили, чем занимались, социальное происхождение (оба из дворян, чем и гордились), есть ли репрессированные родственники, по какой статье. У Тимофеева-Ресовского были репрессированы два брата, у Елены Александровны брат и две сестры. Их старший сын тоже был репрессирован, но в Германии.

Я помогал Николаю Владимировичу и Елене Александровне составлять эти анкеты и выслушивал при этом, что они об этой нашей системе думают, сравнивая с тем, как такие вопросы решаются в цивилизованных странах. Николай Владимирович иногда доходил до гневного состояния и поносил своим могучим басом всё и вся, невзирая на лица. Хотелось ему послать эту канитель с анкетами куда подальше, но велико было желание на склоне лет поехать в европейскую страну, встретить старых друзей, блеснуть среди равных ему по калибру ученых. Сейчас я уже понимаю, что действительно равных Тимофееву-Ресовскому по способности сжатой, логичной, яркой устной презентации научных данных и идей не было, наверное, во всем мире. Его лекции были искусством.

Характеристику на Тимофеева-Ресовского довольно долго обсуждали в партийном бюро института. Только в июне она ушла в горком, а оттуда в обком. Выездную комиссию международного отдела по социалистическим странам возглавлял в 1965 году секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов. Теоретический журнал этого отдела «Проблемы мира и социализма» выходил на русском и множестве других языков именно в Праге, и мы с братом знали одного из сотрудников этого журнала, талантливого журналиста и литературного критика Юрия Карякина, имевшего квартиры в Москве и Праге. Карякин обратил на себя внимание несколькими очень смелыми по тому времени статьями о произведениях Солженицына. Его очерки появлялись и в «Правде» в рубрике «От специального корреспондента». Карякин помогал мне наводить справки о прохождении бумаг Тимофеева-Ресовского по разным инстанциям. В конце июня я узнал, что эти бумаги застряли в международном отделе АМН и не поступили в Министерство здравоохранения. Калужский обком КПСС тоже еще не утвердил характеристики. Каждая из этих инстанций не была «директивной» и не могла принимать самостоятельные решения по вопросам международного сотрудничества. Явно какие-то более высокие инстанции не принимали

«выездные дела», остановив их на полпути телефонными звонками. Это делалось для того, чтобы не объяснять впоследствии причину отказа позицией ЦК КПСС.

Тимофеев-Ресовский между тем готовил два доклада, один из которых – «Генетика дрозофилы» – был по ранее отправленным в Чехословакию тезисам включен в программу пленарных заседаний в Брно, а второй – «Индукция мутаций» – в программу конференции в Праге. Оба доклада Тимофеев-Ресовский диктовал сразу на английском языке, Елена Александровна записывала. Программы симпозиума и конференции уже рассылались по всему научному миру, и Николай Владимирович начал получать письма от друзей и коллег из разных стран, ожидавших встретить его в Чехословакии. Сомнений у них не могло возникнуть – Тимофеев-Ресовский не только должен был сделать два доклада, но и председательствовать на одном из заседаний в Праге, намеченном на среду 11 августа. Председатель Оргкомитета конференции в Праге обратился к Тимофееву-Ресовскому с просьбой сделать еще один, третий доклад о генетических проблемах эволюции. Он писал, что благодаря участию Тимофеева-Ресовского они надеются привлечь к заседаниям большее международное внимание.

Секретариат юбилейных заседаний так пока и не получил от Тимофеева-Ресовского анкету участника, в которой лауреатам золотой медали Менделя следовало указать, какой из списка отелей в Брно и Праге они выбрали и в каких экскурсиях, визитах и обедах будут участвовать. Лауреатов приглашал на прием в свою резиденцию президент Чехословакии Антонин Новотный (Antonin Novotny). В таких случаях для главы государства готовятся краткие справки на каждого гостя. Группа заведующих лабораториями и отделами нашего института в начале июля обратилась в ЦК КПСС со специальным письмом, в котором энергично ходатайствовала о скорейшем и положительном решении об участии Тимофеева-Ресовского в юбилейных научных заседаниях в Чехословакии. В письме говорилось о роли Тимофеева-Ресовского в возрождении советской генетики. Письмо было достаточно обосновано, и его было трудно проигнорировать. Через несколько дней сотрудник, ответственный за Чехословакию в международном отделе ЦК КПСС, заверил представителя нашего института, что вопрос об участии Тимофеева-Ресовского в мемориальном симпозиуме будет решен положительно. Но это было устное заверение. Официального ответа не последовало. При наличии такого поездка в социалистическую страну могла быть оформлена за несколько часов.

Вскоре наиболее многочисленная группа ученых, отправляющихся в качестве «научных туристов», получив удостоверения, выехала в Брно поездом. Делегаты от академий и лауреаты медали Менделя, которые считались почетными гостями Чехословацкой академии, вылетели в Прагу за сутки до начала заседаний. А Николай Владимирович и Елена Александровна в тот же день выехали поездом... на Урал, к озеру Миассово в Ильменский заповедник...

Золотые медали Менделя лауреатам вручал президент Чехословацкой академии наук Ф. Шорм в торжественной обстановке непосредственно в том храме в Брно, где Мендель много лет работал как ученый и служил как священник. Н. В. Тимофеев-Ресовский получил свою награду и диплом лишь через несколько месяцев из рук Ярослава Никла (Jaroslav Nikl), второго секретаря посольства Чехословакии в Москве. Никакой церемонии по этому случаю не устраивалось, и я был единственным свидетелем этого события.

Поехав в Чехословакию как турист, я много выиграл. Наша программа оказалась разнообразней и интересней официальной и продолжалась не одну, а две недели. Кроме

Брно и Праги, мы посетили Братиславу и Карловы Вары. В Праге в какую-то знаменитую пивную меня пригласили Юрий Карякин и несколько его коллег из журнала «Проблемы мира и социализма». Мы пили черное пиво, вкус которого я помню до сих пор, и дискутировали о социалистической демократии.

Михаил Лернер

В Брно я познакомился с профессором отдела генетики Калифорнийского университета Михаилом Лернером (Michael Lerner). Знакомство произошло по его инициативе, он хотел передать некоторые материалы Тимофееву-Ресовскому от Феодосия Добжанского, его американского друга. Феодосий Григорьевич Добжанский, в то время наиболее знаменитый генетик, основатель синтетической теории эволюции и автор лучшего в мире учебника генетики, не удостоился золотой медали Менделя, что было совершенно необъективно и несправедливо. Но Чехословацкая академия наук не была полностью независима от политических влияний. Добжанский был советским генетиком, получившим в 1927 году стипендию Рокфеллера для годичной поездки в США в лабораторию Томаса Морган, и из этой поездки не вернулся, оставшись работать с Морганом. В 1965 году он был профессором Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке. После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года сделавшей Лысенко диктатором в советской биологии, Добжанского объявили изменником родины, его книги, хотя и на английском языке, подлежали изъятию из библиотек и уничтожению, научные журналы с его статьями передавались в спецхраны библиотек, а цензура удаляла из публикаций советских авторов все ссылки на работы Добжанского.

Профессор Лернер был русским, но никогда не жил ни в России, ни в СССР. Он родился в 1910 году в русской колонии в Харбине, которая возникла там при строительстве Транссибирской железной дороги в конце XIX столетия. В 1928 году поступил в университет в Ванкувере, а затем в аспирантуру по генетике в Калифорнийском университете в Беркли. Там он и остался работать по генетике сельскохозяйственных животных. К 1965 году Лернер был уже известным ученым и членом Американской национальной академии наук в Вашингтоне. Он был заслуженно удостоен Золотой медали Менделя. Селекционно-генетические исследования Лернера изменили систему разведения кур и индеек в США и во многих других странах и способствовали переходу к искусственному осеменению в скотоводстве. (Я прочитал одну из его книг по генетическим основам селекции животных в 1962 году.)

Лернер пригласил меня в ресторан. Мы беседовали на русском и быстро перешли на обращение по именам – Жорес и Майкл. Лернер сразу мне рассказал, что и он и Ф. Добжанский читали мою рукопись «Биологическая наука и культ личности», несколько вариантов которой хранилось в фондах Гуверовского института в Стэнфордском университете. Гуверовский институт, как мне было известно, являлся наиболее крупным за пределами СССР хранилищем документов по истории России и СССР. Там хранились архивы А. Керенского, Л. Корнилова, Н. Юденича и других «белых» генералов Гражданской войны, а также архив Л. Троцкого. Как оказалось, Гуверовский институт активно собирал в последние годы и весь советский самиздат, в нем возникла особая секция самиздатской поэзии, прозы и публицистики. О том, что моя работа попала за границу, я знал давно, отрывки из нее печатались в 1963 году в эмигрантском журнале «Грани», выходившем в Мюнхене (в связи с чем я отправил редактору этого журнала протест). Поэтому сообщение

Лернера меня не очень удивило. Как объяснил мне мой коллега, через американских корреспондентов, туристов и по многим другим каналам в США поступает из Советского Союза очень много различных произведений и документов. В ЦРУ их сортируют и проводят экспертизу на достоверность, литературные и другие достоинства. Там же принимаются решения об их дальнейшей судьбе. Большинство материалов обнаружится лишь на русском языке в передачах радиостанции «Свобода» и русских служб «Голоса Америки» и Би-би-си, а также публикуется в эмигрантских русских журналах и газетах. Некоторые произведения рекомендуются для перевода на английский и другие языки, так как среди них попадаются шедевры. Лернер напомнил мне историю с романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго» изданным в Италии на русском в 1957 году и в переводах на многие языки уже в 1958-м. Он попал за границу по тем же каналам и проходил экспертизу в США. Рукопись моей книги, уже с датой 1964, поступила сравнительно недавно на экспертизу к Добжанскому, и он был склонен рекомендовать ее к публикации и переводу на английский. Однако Добжанский хотел получить мое личное согласие, так как после этого можно было заключить официальный договор с хорошим издательством, в данном случае с издательством Колумбийского университета.

Я был поставлен в трудное положение. Рукопись моей книги с датой 1964, законченная весной 1964 года, составляла более 400 машинописных страниц и в самиздате почти не распространялась. Чем больше работа, тем труднее ее распространение. Ее читали немногие, среди них были Рой, Андрей Сахаров, сотрудники «Нового мира», Б. Л. Астауров, В. П. Эфроимсон и несколько генетиков и биологов в Ленинграде, которые помогали мне в сборе материалов и которые получали экземпляры рукописи от меня лично. Два экземпляра было в Киеве, один в Ташкенте. Читали эту работу и сотрудники нашего отдела, папка с рукописью всегда лежала у меня в кабинете. Я ее постоянно дополнял. Для спецслужб, конечно, не представляло трудности получить ее копию, если бы они этого захотели.

Я объяснил Лернеру, что моя рукопись, датированная 1964 годом, могла попасть к Добжанскому по сложному каналу. Напомнил ему о существовании таких международных посредников, как Виктор Луи, который первым сообщил на Запад о смещении Хрущева. К настоящему времени публикация авторизованного издания на русском или на английском может лишь скомпрометировать автора и иметь малый эффект, так как положение в генетике кардинально изменилось. В моей работе 1964 года показан взлет Лысенко. В настоящее время произошло его падение, и лишь описание обоих этих этапов стало бы логичным и актуальным. Поэтому мою работу следует считать незаконченной. Она могла попасть в США и в результате какой-то провокации, цель которой была мне не ясна. Эти мои объяснения заблокировали публикацию в то время. Однако я пообещал Лернеру, что снова обращусь к нему или к Добжанскому, если в будущем ситуация изменится. Разъяснив Лернеру существующие проблемы, я рассказал, что планирую написать еще две-три главы о событиях 1964–1966 годов, включая и симпозиум в Чехословакии.

Александр Исаевич Солженицын

В предыдущей главе я писал о письме Солженицына из Рязани, полученном мною в сентябре 1964 года. Я на него сразу ответил. 20 сентября от Александра Исаевича пришло еще одно письмо, в котором он предлагал встретиться в Москве в ноябре. Он намеревался провести весь ноябрь в столице и сообщал мне номер телефона своих родственников, у

которых он обычно останавливался. Наша встреча состоялась в середине ноября. Родственники Солженицына – двоюродная сестра его жены Натальи Решетовской Вероника Туркина и ее муж Юрий Штейн с двумя дочерьми – жили недалеко от метро «Сокол». Я ожидал увидеть больного и мрачного человека, соответственно фотографии на обложке издания его повести «Один день Ивана Денисовича» в «Роман-газете» (1963). Однако меня приветствовал обаятельный, высокий, красивый, вполне здоровый и очень жизнерадостный человек. Его лицо было обрамлено аккуратной короткой, «голландской», бородкой, появившейся, по-видимому, недавно.

Из беседы выяснилось, что Солженицын знал Тимофеева-Ресовского. Он познакомился с ним в 1946 году в большой общей камере Бутырской тюрьмы в Москве, где они провели вместе около двух месяцев. После освобождения и возвращения из ссылки в 1956 году Солженицын наводил справки о судьбе Тимофеева-Ресовского, но найти сокамерника не мог. Ему сказали, что тот работает в засекреченном институте на Урале. О том, что Николай Владимирович уже жил в Обнинске, Солженицын не знал. (В «Архипелаге» Солженицын описал эту встречу в Бутырке:

«Ко мне подошел человек нестарый, ширококостный (но сильно исхудавший), с носом, чуть-чуть закругленным под ястреба:

– Профессор Тимофеев-Ресовский, президент научно-технического общества 75-й камеры. Наше общество собирается ежедневно после утренней пайки около левого окна. Не могли бы вы нам сделать какое-нибудь научное сообщение?»
(Paris: YMCA-Press, 1973. С. 590).

Смещение Хрущева в октябре 1964 года, столь благоприятно отразившееся на положении в генетике, имело совершенно противоположное влияние на литературу и на более общее политическое положение в стране. Переворот усилил позиции консерваторов и сталинистов, прежде всего М. А. Сулова. Сразу прекратились разоблачения Сталина. Лагерная тематика в литературных журналах была остановлена. Уже объявленный в проспекте «Нового мира» на 1965 год роман Солженицына «В круге первом», который мы все ждали с нетерпением, – замысел писателя был ясен из заглавия, – не имел теперь шансов на публикацию. В «Литературной газете» с лета 1964 года стали появляться негативные разборы повести и рассказов Солженицына. Это означало существование новых директив на отражение прежде всего положительных и героических аспектов советской истории.

Александр Исаевич на мой вопрос о судьбе романа, помрачнев (его очень подвижное лицо ясно отражало все эмоции), подтвердил, что публикация в «Новом мире» отложена. Но пообещал, что я смогу прочитать роман в рукописи. (Я действительно прочитал рукопись этого романа в январе 1965 года на квартире генетика В. П. Эфроимсона. Солженицын был с ним знаком и относился к нему с доверием как к побывавшему не только в «первом круге», но и ниже.) Солженицын подробно расспросил меня о Тимофееве-Ресовском и передал ему большой привет. Он был очень рад, что судьба бывшего узника Бутырки сложилась благоприятно.

В Обнинске я рассказал Николаю Владимировичу о встрече с Солженицыным и о том что он помнит их встречу в Бутырке. Тимофеев-Ресовский с трудом, но тоже вспомнил попавшего в камеру советского офицера: «Он тогда участвовал немного в нашем коллоквиуме. Сделал доклад об атомной бомбе... у нас участвовало человек семнадцать, три

попика были, четыре физика, четыре инженера, два энергетика, один экономист. Биолог – один я».

Имя офицера он не помнил и очень обрадовался, узнав, что это был знаменитый теперь Солженицын.

В начале 1965 года я встречался с Солженицыным в Москве несколько раз. Он рассказал, что намерен уехать из Рязани, так как условия жизни там очень плохие – деревянный дом, «без удобств», на шумной улице, возле гаража грузовиков. Но жена работает доцентом на кафедре химии Рязанского сельскохозяйственного института, и с ними живет ее мать. Детей у них не было. (Семейная жизнь прерывалась на 15 лет с 1941-го до 1956-го и включала развод и вторичный брак Решетовской в 1951–1954 годы, в период, когда Солженицын находился в лагере в Казахстане.) Они уже с прошлого года ездят по Подмосковию, хотят купить дом или квартиру. Финансовых проблем нет, но нигде не могут найти работу по специальности для жены. Узнав о желании Солженицына покинуть Рязань и поисках работы для Решетовской, Тимофеев-Ресовский сразу предположил, что Обнинск был бы подходящим местом для них. Для химика здесь всегда можно найти вакансию. Он думал, конечно, о какой-то простой аналитической работе.

Весной Солженицын с женой отправились в очередное путешествие по стране. У них был «москвич», купленный на гонорары, и они оба научились водить машину. 10 мая я получил от Александра Исаевича письмо, в котором он сообщал, что маршрут их путешествия включает в последних числах мая и Обнинск:

«Надеюсь, что мы Вас застанем? И Николая Владимировича? Сердечный ему привет. Мы с женой тронуты и заинтересованы высказанным им намерением в отношении ее работы».

Тимофеев-Ресовский вполне серьезно предполагал, что Солженицын мог бы поселиться в Обнинске. Это было бы полезно и для самого города, писатель уже стал мировой знаменитостью. Еще до приезда писателя мы с Николаем Владимировичем договорились с директором ИМР Г. А. Зедгедидзе о том, что Решетовской можно предложить должность младшего научного сотрудника в нашем отделе. Институт только недавно получил под новые корпуса экспериментального сектора 70 вакансий научных сотрудников и 100 вакансий инженеров, техников и лаборантов. Их следовало заполнить до конца 1965 года – почти невозможная задача. А по существовавшей тогда практике все не заполненные до конца года вакансии сокращались безвозвратно. Их передавали в другие институты. Заканчивалось также строительство двух жилых домов, распределение квартир в которых осуществляла дирекция института.

О подробностях пребывания Солженицына и его жены Натальи Решетовской в Обнинске я уже рассказывал в прежних публикациях и повторяться здесь не буду. Но о некоторых важных деталях я по понятным причинам прежде умалчивал. Сведения о слежке КГБ за Солженицыным в 1965 году стали известны лишь сравнительно недавно. В то время с том, что за писателем уже ведется плотное наблюдение, ни он сам, ни мы не подозревали. Супруги провели в Обнинске три дня, расположившись на это время в нашей квартире. Обнинск им очень понравился. Встреча с Тимофеевым-Ресовским и Еленой Александровной была очень теплой, и беседа и воспоминания продолжались до ночи. На следующий день осматривали город. Решетовская пожелала посетить и магазины. Мы зашли в гастроном на

проспекте Ленина. Удивление Солженицына и его жены было искренним. Десятки видов колбас, разные сыры, свежая рыба... «Здесь снабжение лучше, чем в Москве», – суммировал свои впечатления Александр Исаевич.

Конкурс почти на 60 новых научных вакансий объявили в мае. Наш отдел получил одну вакансию старшего сотрудника и несколько младших. На должность старшего сотрудника Тимофеев-Ресовский выдвигал своего ученика А. Д. Абатурова, приехавшего с ним из Свердловска и уже работавшего в отделе по проблемам радиационной экологии. Жена Солженицына срочно подготовила свои документы. По моей оценке, проблем не могло возникнуть. Решетовская была кандидатом химических наук, доцентом кафедры химии. У нее было мало публикаций, и все давние, и она не имела опыта самостоятельной экспериментальной работы, но для должности младшего научного сотрудника достаточно высшего образования по специальности.

Когда я приехал в Москву на квартиру Туркиной, чтобы взять конкурсные документы, меня ждала неожиданность. Решетовская решила, что она могла бы претендовать на должность старшего научного сотрудника, а не младшего. В этом случае ее зарплата оказалась бы на уровне доцентской. Солженицын ее в этом отношении поддерживал. Я откровенно объяснил им, что могут возникнуть сложности и задержки. Младших сотрудников директор института сразу после голосования зачисляет на должность собственным приказом. Утверждение старших сотрудников осуществляется Президиумом АМН СССР в Москве и горкомом КПСС в Обнинске. Это будет происходить лишь в сентябре, и результаты не гарантированы. В горкоме КПСС, безусловно, поймут, что в Обнинск переезжает не Решетовская, а Солженицын. Рассмотрение перейдет на уровень Калужского обкома, а может быть, и выше. Однако Решетовская и не хотела приступать к работе в институте в июле. На все лето у них были другие планы.

Тимофеев-Ресовский, когда я принес ему на визу конкурсные бумаги Решетовской и сообщил о ее желании иметь более высокий статус, пришел в негодование. Для него были характерны такие приступы, он мог сдержаться, лишь быстро закурив. Но в данном случае сдержаться не было необходимости. «Я Абатурова на эту дамочку не променяю, – гремел он своим басом, быстро ходя по кабинету, – и на кой хрен она нам вообще нужна!.. Наши жены работают младшими и не жалуются. Решетовская и в младшие к нам не годится, что она понимает в генетике? Ей синекура нужна... Солженицын хочет сплавить нам в хорошую компанию и в удобную квартиру свою жену, а сам смоемся к другой... Вы заметили, Жорес Александрович, какие у них отношения? Все показуха... Он наверняка окружен поклонницами, у писателей и артистов это всегда... А мы с вами останемся здесь с Решетовской...»

Во многом Николай Владимирович был, безусловно, прав, хотя и забыл, что идея переезда Солженицына в Обнинск принадлежала ему самому. За те три дня, что Решетовская и Солженицын провели в нашей квартире, мы с Ритой смогли заметить, что их супружеская жизнь переживает кризис, возможно не первый. Но я все же решил осуществить план, хотя и в новом варианте. Единственную нашу вакансию, уже обещанную Абатурову, отдавать Решетовской было, конечно, нельзя. Но было несколько вакансий старших сотрудников во вновь создаваемой лаборатории химических методов дозиметрии, расположенной в радиоизотопном корпусе. Эта лаборатория создавалась с нуля, и отбор кандидатов проводил Ю. С. Рябухин, молодой радиохимик, эксперт по нейтронному облучению. У меня с ним были хорошие отношения. Я не стал скрывать, что весь план с приемом на работу

Решетовской связан с возможностью переезда в Обнинск Солженицына. Ученые, недавно сами пережившие мрачный период, для Солженицына готовы были в то время сделать очень многое.

На следующий день в Москве я сообщил Решетовской, что претендовать на должность старшего научного сотрудника она может лишь в лаборатории химической дозиметрии. В нашем отделе таких вакансий нет. Она тут же переписала заявление, даже не спросив, что такое химическая дозиметрия.

Ответить на этот вопрос я тогда и сам бы не смог. Под действием радиации происходят и некоторые химические реакции, например радиолиз воды на водород и кислород, скорость которых фиксируется. Эта дозиметрия, в отличие от знакомых нам счетчиков Гейгера или сцинтилляционных, применялась лишь для регистрации очень мощных потоков облучения, например, в линейных ускорителях или в реакторах. Решетовская работать в этой области явно не смогла бы. Здесь требовалось знание физики и высшей математики. Она также не представляла, что в научно-исследовательском институте нужно работать каждый день и что старший научный сотрудник должен руководить группой младших. Преподаватель сельхозинститута работает в свободном режиме и без подчиненных. Лично я не решался тогда ее остановить. Рябухин был даже доволен, что на вакантную должность есть какой-то кандидат. Конкурентов все равно не было. Заполнение вакансий, хотя и временное, сохраняло их в штате отдела на будущее.

Заседание ученого совета ИМР по избранию новых научных сотрудников происходило в конце июня. Заполнялось сразу около шестидесяти вакансий, и кандидаты на должности были отобраны и рекомендованы конкурсной комиссией. О том, что Решетовская – жена Солженицына, знали лишь четверо из двадцати членов ученого совета. Обсуждения кандидатур почти не было, при таком их числе это невозможно. Директор института торопился завершить прием нового пополнения до начала летних отпусков. По итогам голосования Решетовская получила восемнадцать голосов «за» и два «против». Младших научных сотрудников, избранных по конкурсу, директор сразу зачислял в штат. Документы по старшим были отправлены на утверждение в Президиум АМН СССР. На 12 или 13 июля директор института Г. А. Зедгенидзе, согласовав вопрос в обнинских и калужских партийных инстанциях, пригласил Решетовскую и Солженицына к себе, поздравил с избранием и попросил подготовиться к началу работы в сентябре. Он также обещал выделить для них трехкомнатную квартиру в новом доме. Зедгенидзе, как оказалось, тоже был поклонником Солженицына.

Переезд в Обнинск казался настолько реальным, что Солженицын и Решетовская тут же поехали на своем «москвиче» по окрестным деревням и поселкам вдоль Калужского и Киевского шоссе, чтобы снять или купить какую-нибудь дачку недалеко от Обнинска. Солженицын в то время уже начал писать «Архипелаг ГУЛАГ» (под зашифрованным названием Архип), и эту работу он мог продолжать лишь в полной изоляции. Писал свой труд по частям, материалы для которых возил с собой в машине в большом чемодане. Возле деревни Рождество, примерно в 20 км от Обнинска по Киевскому шоссе в сторону Москвы, Солженицын с Решетовской случайно нашли даже не деревню, а садовый поселок-кооператив, состоявший из небольших летних дачек с участками земли 10–12 соток. Туда на лето приезжали отдыхать на короткие сроки не больше 20–30 человек. Одна из дач с большим фруктовым садом, на дальнем от шоссе краю поселка, на берегу небольшой речки Истья, продавалась. Владелец Борзов просил за нее три тысячи рублей, Солженицын

предложил две. Согласились на 2600. Сделку завершили 25 июля в местном Нарофоминском сельсовете. Садовые домики не имеют адреса и не требуют прописки в милиции. Это было идеальным, как называл Солженицын, «укривищем» и первой его собственностью. С одной стороны домик прикрывал большой сад, с другой – речка. Полная изоляция и тишина. Сюда Солженицын в последующие три года приезжал и зимой, «печи топя и готовя сам». Половину одной из двух комнат теперь занял большой письменный стол, подаренный писателю одним из его поклонников. (Этот знаменитый стол совершил впоследствии путешествие в Швейцарию, в США и обратно в Россию. В настоящее время он является музейным экспонатом.)

Однако с оформлением Решетовской в лабораторию химической дозиметрии вскоре возникли разные осложнения. Президиум АМН СССР отменил результаты конкурса в ИМР проведенного в конце июня. Это, скорее всего, не было связано с Решетовской, хотя Солженицын думал иначе. Дирекция института, не имея приличных кандидатов на многие вакансии, заполняла их для спасения штатных единиц случайными людьми. Был объявлен повторный конкурс, в котором Решетовская продолжала участвовать. 17 июля Солженицын был приглашен в ЦК КПСС для беседы с новым секретарем ЦК по вопросам культуры, науки и литературы П. Н. Демичевым. Эта беседа подробно изложена в очерках «Бодался теленок с дубом». Солженицын пожаловался на проблемы с переездом в Обнинск. Демичев тут же позвонил в Калужский обком и дал указание обеспечить оформление жены Солженицына на работу. (Такие телефонные директивы быстро реализуются как решения отдела или даже Секретариата ЦК.) На следующий день первый секретарь обкома А. А. Кандренков приехал к директору института, и они вместе обсудили и решили положительно все проблемы. Однако формальности с повторным конкурсом переносились на октябрь.

В начале сентября я уехал в Тбилиси на похороны тети Руси и вернулся в Обнинск 13 сентября. Именно в мое отсутствие произошло несколько неожиданных событий. Солженицын 4 или 5 сентября был чем-то сильно напуган, запаниковал и решил срочно забрать из «Нового мира» все экземпляры рукописи романа «В круге первом». 6 сентября он приехал на дачу к А. Т. Твардовскому с этой просьбой, а 7 сентября взял из сейфа «Нового мира» четыре экземпляра рукописи, три из которых отнес своему другу В. Л. Теушу, бывшему учителю математики в Рязани, а четвертый – Юрию Карякину, с которым он дружил с 1964 года. У Теуша Солженицын хранил и часть своего архива, увезенного из Рязани. На следующий день, 8 сентября, были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, издававшие свои произведения за границей (в основном во Франции) под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. (Разгадка псевдонимов заняла у КГБ несколько лет.) Об этих арестах сообщали в передачах западных радиостанций. Но ни Синявского, ни Даниэля, ни их псевдонимов мы тогда не знали. Причины ареста были еще не известны. 11 сентября опергруппа КГБ явилась с ордером на обыск к Теушу и конфисковала часть архива Солженицына и рукописи романа. Это событие также в то время прошло незамеченным и не комментировалось даже в передачах западных радиостанций. О конфискации я узнал лишь 14 сентября, когда приехал в «Борзовку». Супруги были дома, но в очень угнетенном состоянии. Возможность переезда в Обнинск уже не казалась им реальной. Решетовская, однако, настаивала на участии в повторном конкурсе.

Вторичного голосования по избранию Решетовской не произошло. В октябре секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев отменил все свои июльские директивы. Президиум АМН СССР распорядился изъять конкурсное дело Решетовской для отдельного рассмотрения, которое

закончилось предсказуемым решением, что ее квалификация не соответствует той должности, на которую она претендует.

Детали, важные для понимания этих событий, стали известны лишь 30 лет спустя после публикации журналом «Источник» сборника «Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» (М.: Родина, 1994). В этой большой книге (620 стр.) приведены тексты докладных записок КГБ в ЦК КПСС, обобщающих оперативные материалы, то есть прослушанные разговоры Солженицына в московских квартирах. Прослушивание началось, по-видимому, в июне 1965 года, так как в первом меморандуме КГБ «По оперативным материалам о настроениях писателя А. Солженицына», отправленном в ЦК КПСС 5 октября 1965 г. председателем КГБ В. Семичастным, главным является рассказ Солженицына о его поездке в Обнинск и встрече с Н. В. Тимофеевым-Ресовским:

«Делясь своими впечатлениями о недавнем посещении г. Обнинска Калужской обл. и о встречах с научными работниками, СОЛЖЕНИЦЫН говорил: "...Там сейчас такой стиль – не вступать в партию..." ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ сказал: "У нас не было ни одного партийного среди 725 младших сотрудников. Потом вступили двое. Когда они вступили, то они как-то безнадежно оторвались от коллектива – их все презирали, высмеивали..."» (с. 10).

Тимофеев-Ресовский ничего подобного говорить не мог, у нас в отделе было не больше двадцати младших научных сотрудников, и никто из них в КПСС не вступал.

Из записи разговоров в КГБ узнали и о работе над «Архипелагом»:

«...Я сейчас должен выиграть время, чтобы написать "Архипелаг". Я сейчас бешено пишу, запоем... Я обрушу целую лавину... Наступит время, я дам одновременный и страшный залп... Первая часть "Фабрика тюрьмы". Я все написал, 15 печатных листов. Вторая часть "Вечное движение". Это этапы и пересылки. Я ее закончил... Написана "Каторга" – 12 глав... Полная картина "Архипелага" ... прямо лава течет, когда я пишу "Архипелаг", нельзя остановить. Думаю, что к будущему лету я закончу "Архипелаг".

Солженицын также раскрывал свои планы о публикации произведений за границей:

"...Я пишу здесь по рукам все и там опубликую (смеется). Что будет не знаю. Сам, наверное, буду сидеть в Бастилии, но не унываю".

На высказанную в разговоре мысль о возможности передачи рукописей за границу СОЛЖЕНИЦЫН ответил: «Так там оно и есть»» (с. 12–14).

Судя по записи, Солженицын говорил все это двум людям, отвечая на их вопросы. Столь полная откровенность Солженицына непонятна. «Архипелаг ГУЛАГ» он в то время скрывал от всех. Лично я об этой работе тогда не знал. С докладной запиской КГБ, судя по примечаниям составителей сборника, познакомились Суслов, Шелепин, Демичев, Андропов, Косыгин, Подгорный, Микоян, Устинов и Мазуров. Для членов ЦК КПСС в этой записке были и аннотации романа «В круге первом» и других конфискованных рукописей. Можно лишь догадываться о том, какие чувства могли вызвать у партийных лидеров такие,

например, строчки из стихотворной пьесы «Пир победителей»:

С-С-С-Р! Ведь это лес дремучий!
Дремучий лес!
Законов нет! – есть ВЛАСТЬ –
хватать и мучать
По конституции и без.

До недавнего времени не было точно известно, в какой именно квартире проводилась прослушка. В то время Солженицын уже боялся откровенно говорить по телефону, но о квартирных прослушках еще не подозревал. После возвращения в Россию из США в 1994 году он сам впервые прочитал свои разговоры, приведенные в докладной КГБ. В период подготовки в 2006 году новой биографии писателя (она вышла уже после его смерти в серии «ЖЗЛ» (М.: Молодая гвардия, 2009) он, подтвердив достоверность записи, объяснил автору книги Людмиле Сараскиной, что там объединены два разговора, один, о посещении Обнинска, у Теушей, другой, с раскрытием замыслов по «Архипелагу» и по отправке рукописей за границу, у Кобозева. Н. И. Кобозев, известный ученый, профессор химии МГУ был в 1947–1949 годах руководителем диссертации Н. А. Решетовской. Он читал первые произведения Солженицына еще тогда, когда никому не известный писатель преподавал астрономию в рязанской средней школе.

«Спустя десятилетия, – пишет Сараскина, – Солженицын прочтет “меморандум” в печати, опознает свой рассказ – в квартире у Кобозева, прикованного к постели. А. И. любил и жалел старика, делился с ним впечатлениями и замыслами, считал, что здесь уследить за ним невозможно. Уследили» (с. 339).

Все это свидетельствует о том, что за Солженицыным с лета 1965 года осуществлялось постоянное, плотное наблюдение. Бывший председатель КГБ В. Семичастный написал в 2002 году книгу своих воспоминаний «Беспокойное сердце» (М.: Вагриус), в которой признал, что за Солженицыным велась слежка с конца 1964 года. «Мы не занимались тотальным прослушиванием, – пишет он, – слишком дорогое удовольствие, только кого надо». Плотная слежка должна осуществляться большой группой квалифицированных оперативников, и она может включать не только прослушивание квартир, но и установку радиомаячка на машину, в которой наблюдаемый перемещается. Солженицынская опергруппа КГБ была обязана всегда знать, где он находится. «Укрывище» писателя в Рождестве-на-Истье не могло в таком случае оставаться тайной для госбезопасности. Квартира Тимофеева-Ресовского, возможно, тоже прослушивалась, но уже в интересах обнинского отдела КГБ. В этой квартире происходили традиционные «timoфеевские среды» для разных дискуссий. Однако КГБ в то время принимало какие-то конкретные репрессивные меры лишь с одобрения Президиума ЦК КПСС. Санкция на обыск у Теуш наверняка была получена в ЦК. В последующем стало известно, что Теуш, в то время уже пенсионер, не соблюдал необходимой конспирации и часть архива Солженицына, уезжая в отпуск, передал на хранение своему другу Илье Зильбербергу. Обыск у Зильберберга с конфискациями был проведен в тот же день.

В ноябре 1965 года в отдел кадров ИМП пришло письменное распоряжение из отдела

кадров АМН СССР до конца года уволить на пенсию Н. В. Тимофеева-Ресовского «в связи с достижением им 65-летнего возраста» и Е. А. Тимофееву-Ресовскую «в связи с достижением ею 67-летнего возраста». Основания для увольнения были законными. Постановления Совета Министров СССР от 1960 года ограничивали срок пребывания ученых на административных постах 65-летним возрастом. Для научных сотрудников-женщин перевод на пенсию был возможен с 60 лет. Были ли за этим распоряжением из АМН СССР какие-то политические мотивы или нет – неизвестно. Практика обязательного увольнения на пенсию ученых, достигших возраста 65 лет, существовала во многих странах Западной Европы. В Великобритании эта процедура была автоматической и оговаривалась в контракте. В СССР законодательно ввели такую же практику, но с исключениями лишь для «выдающихся ученых» – членов-корреспондентов и действительных членов академий наук, которые могли продолжать работу без возрастных ограничений.

Для института увольнение Тимофеева-Ресовского оказалось большим ударом, а для него лично – трагедией. Ни у Николая Владимировича, ни у Елены Александровны для оформления пенсии не было установленного законом минимального стажа работы: 25 лет для мужчин, 20 лет для женщин. Поэтому после увольнения они лишались всех средств к существованию. Директор института срочно собрал ученый совет, на котором было единогласно принято решение – представить Тимофеева-Ресовского на выборы в члены-корреспонденты АМН СССР, а также к званию профессора. Профессорам разрешалась работа по подготовке аспирантов до 70 лет. В декабре Президиум АМН СССР продлил срок работы Тимофеева-Ресовского на должности заведующего отделом на один год. Елене Александровне срок работы не продлили. Она осталась работать в институте на добровольных началах, без зарплаты и без пенсии.

Небольшой и новый город, большинство жителей которого работали в расположенных здесь же научных институтах, создавал особую дружелюбную атмосферу. В Обнинске практически не было преступности. Велосипеды летом, лыжи и санки зимой можно было оставить у подъездов домов без всякого риска. Вдоль южной окраины города протекала река Протва, левый приток Оки. На берегу Протвы в черте города был благоустроенный пляж с лодочной станцией. Ширина реки в этом месте была около 100 м, глубина доходила до 5 м. Мы с Сашей еще летом 1964 года купили в спортивном магазине в Москве разборную байдарку, сделанную в ГДР, и начали байдарочные походы вверх по течению Протвы. Вниз по течению путь был ограничен: в двух-трех километрах от городского пляжа реку перекрывала металлическая сетка с надписью: «Запретная зона». За сеткой разливалось водохранилище, созданное бетонной плотиной высотой 10–12 м. За плотиной Протва была уже не так многоводна и широка, но более живописна.

Вдоль берегов Протвы справа располагались старинные деревни, иногда с сохранившимися церковными постройками, слева – садово-огородные кооперативы сотрудников институтов. Самым большим и близким к городу, с высокими яблонями и хорошими дачками, был кооператив Физико-энергетического института (ФЭИ) и первой в мире атомной электростанции. Относительно отдаленным, в 4 км от города, и маленьким был садово-огородный кооператив нашего института. Каждому сотруднику здесь отводилось лишь четыре сотки. Мы с Ритой тоже получили участок, посадили яблони, груши и кусты черной смородины, отвели грядки для овощей и построили небольшой фанерный домик. Воду для полива носили ведрами из реки.

Походы на городской пляж летом не всегда, однако, оказывались удачными. Иногда можно было обнаружить у воды объявление: «Купаться запрещено!» – без всяких объяснений причины. Но жители знали: произошел аварийный сброс радиоактивности в реку.

В Обнинске действовало около двадцати экспериментальных ядерных реакторов разного типа и несколько радиохимических производств. Аварийные сбросы радиоактивных растворов в Протву разрешались как неизбежность, и через спецканализацию они сбрасывались в Протву постоянно. При высоких концентрациях их сначала разводили и выдерживали в железобетонных отстойниках за городом, после чего сливали в реку. Даже маленькая «первая» АЭС на 5000 киловатт расходовала 190 тонн воды в час для конденсации пара, вращавшего турбины. Эту воду качали мощными насосами из водохранилища, созданного плотиной на Протве, а затем, уже нагретую, сбрасывали сюда же. Экспериментальные реакторы на быстрых нейтронах, разработка которых была главной задачей ФЭИ, имеют настолько интенсивное тепловыделение, что для переноса тепла из активной зоны первого контура вода уже не подходит. Непосредственно в реакторе циркулирует жидкий натрий, имеющий значительно большую теплопроводность, чем вода. Производство пара для турбин осуществляется в этом случае во втором контуре через теплообменники, а конденсация пара – в третьем. Расход воды, забираемой из водохранилища на Протве и сбрасываемой туда же в нагретом виде, у таких реакторов еще выше. В Обнинске генерировались энергией распада и синтеза атомов тысячи тонн горячей

воды каждый час, поэтому вода в водохранилище и на сто километров вниз по течению реки до самой Оки не замерзала и зимой. Часть горячей воды из третьего контура охлаждения некоторых реакторов шла на теплоснабжение самого города – это было предметом гордости коммунальных служб.

Основателями города заслуженно считались Игорь Васильевич Курчатов и Николай Антонович Доллежал, которые предложили в 1951 году проект первой атомной электростанции, и Александр Ильич Лейпунский, создатель первых в СССР и в Европе реакторов на быстрых нейтронах (BR-1 и BR-2). Лейпунский жил в Обнинске и был научным руководителем ФЭИ. До 1956 года новый городок, невидимый за лесом и «закрытый» объект, имел лишь кодовое название Малоярославец-10 по принятому в то время обычаю именовать секретные центры номерами, добавляемыми к названию ближайшего известного города (Челябинск-40, Арзамас-16, Свердловск-44 и т. д.). Эти секретные города, их было в СССР около двадцати, не обозначались на картах. Запуск первой в мире АЭС, который проводил И. В. Курчатов 26 июня 1954 года, оказался столь крупным достижением, что изменил вскоре и статус секретного объекта. 1 июля 1954 года, когда правительственное сообщение о запуске в СССР первой в мире атомной электростанции было опубликовано в «Правде», место расположения АЭС еще не было указано. Никто не подозревал, что она находится столь близко от Москвы. Поскольку иностранных корреспондентов на запуск не приглашали, это событие не стало международной сенсацией. В марте 1955 года в Великобритании было начато строительство атомной электростанции на 50 тысяч киловатт. Расположенная на берегу моря в Шотландии, эта АЭС тоже была объявлена первой в мире, так как ее электроэнергия предназначалась для местных электросетей. Журналисты могли посещать строительную площадку и знакомиться с проектом этой АЭС. В результате приоритет СССР в мирном использовании атомной энергии оказался под угрозой. Хрущев, очень заботившийся о престиже, принял решение рассекретить наш «объект». Нужно было выбрать и название для нового города. Ближайшая к городу платформа Киевской железной дороги называлась Обнинское, по названию ближайшей крупной деревни слева от железной дороги по ходу поезда из Москвы. На правую сторону платформы здесь выходили из московских электричек, идущих на Малоярославец и Калугу, все приезжавшие на «объект» и пересаживались на служебные автобусы. До «первой в мире» и до ФЭИ нужно было проехать около двух километров. Первоначально новый город хотели назвать именем какого-нибудь великого ученого. Но всеисильное атомное ведомство не имело права менять название железнодорожной платформы и маленького вокзальчика на окраине деревни. В итоге платформу повысили до разряда станции, а новый город назвали Обнинском. Таким образом увековечили имя помещика Обнинского, купившего здесь имение, землю и крестьян с деревней в 1840 году, а также сэкономили средства – не нужно было срочно строить городской вокзал. С этим не спешили и позже. Все время шел спор о том, кто должен его строить: Киевская железная дорога или городская администрация? (Небольшой вокзал по правую сторону от железной дороги построили лишь в 2009 году.)

Обнинск появился на картах за три года до запуска первой британской АЭС, строившейся почти четыре года. Комиссия МАГАТЭ признала приоритет СССР, убедившись, что электричество Обнинской АЭС действительно поступает в городскую электросеть, а отработанное топливо не используется для выделения плутония.

В середине октября 1965 г. мне передали, что академик Петр Леонидович Капица хотел бы обсудить вопрос о положении Н. В. Тимофеева-Ресовского в новом институте в Обнинске. Капица был первым крупным ученым, пригласившим Тимофеева-Ресовского еще в 1956 году прочитать лекцию о достижениях генетики на одном из очень популярных тогда регулярных семинаров Института физических проблем АН СССР. Капицу лишь незадолго до этого восстановили на посту директора созданного им института после десяти лет опалы, вызванной его отказом участвовать в работах по созданию атомной бомбы. Лекция Тимофеева-Ресовского в переполненном актовом зале института 8 февраля 1956 года, дополненная докладом академика И. Е. Тамма о роли ДНК в наследственности, стала очень крупным событием того периода, пробившим первую крупную брешь в монополии Лысенко. Тимофеева-Ресовского начали после этого приглашать на лекции и в другие институты.

С Петром Леонидовичем я познакомился в конце 1962 года, после того как он прочитал мою самиздатскую рукопись «Биологическая наука и культ личности». Я был приглашен к нему на вечерний обед. Других гостей не было. Жена Петра Леонидовича Анна Алексеевна принимала активное участие в беседе. Как я понял позже, приглашение на обед к Капице было его оригинальным способом продемонстрировать властям свою поддержку тому или иному попавшему в трудное положение человеку. Двухэтажный дом Капицы, примерная копия его английского коттеджа в Кембридже, находился в парке на территории института. Для входа туда с Воробьевского шоссе нужно было получить пропуск по заявке от дирекции института, с указанием времени прихода и ухода, и предъявить паспорт. Однако Капица настоял на том, чтобы его личные гости могли проходить без всяких проверок и документов. Он, конечно, сообщал в бюро пропусков имена и время прихода посетителей. На подходе к дому Капицы была установлена система фотоэлементов, гость пересекал невидимый луч света, подвергаясь, по-видимому, фотографированию. Так что имена и фото входящих в дом Капицы гостей оказывались в распоряжении спецслужб КГБ. Но это шло посетителям лишь на пользу. Способность Петра Леонидовича вставать на защиту своих коллег и друзей была легендарной. В годы сталинского террора он сумел добиться освобождения из тюрьмы нескольких талантливых физиков, вступая в острую полемику по поводу их судебных дел не только с Вышинским и Берией, но и со Сталиным. Капица спас от неминуемой гибели Льва Ландау и Владимира Фока, арестованных в 1937 году. Оба ученых уже «признались» в предъявленных обвинениях и были приговорены «судом» к десяти годам лишения свободы. Капица добился того, чтобы этих талантливых физиков отдали ему «на поруки» без снятия судимости.

16 октября я пробыл в гостях у Капицы около четырех часов. Мы обсуждали множество проблем, но главной из них была причина продолжавшейся научной дискриминации Тимофеева-Ресовского, судьба которого была близка судьбе самого Капицы. Петр Леонидович, так же как и Тимофеев-Ресовский, прославился как ученый, работая за границей. У них были общие друзья среди знаменитых физиков того времени. Капица отлично понимал, что по своему авторитету и реальному вкладу в науку Тимофеев-Ресовский был намного выше большинства членов биологического отделения Академии, но тем не менее попытка выдвижения его в члены-корреспонденты АН СССР в начале 1965 г. не дошла даже до конкурсной комиссии, представление, подписанное несколькими академиками, включая Петра Леонидовича, было просто проигнорировано. Сейчас у Капицы

возник новый план – выдвинуть Тимофеева-Ресовского в члены-корреспонденты АН не по отделению биологии, а по отделению физики и по специальности «биофизика». Положительное голосование в отделении физики не вызывало сомнений, а общее собрание АН для членоров было формальностью. Нужно только составить убедительное представление, отразив в нем в первую очередь радиационные аспекты работ кандидата: его теорию мишеней, открытие корреляции «доза – эффект», теоретический расчет молекулярных размеров гена и т. п. Это был вполне реалистичный план, и его вскоре поддержали академики И. Е. Тамм, А. П. Александров и Я. Б. Зельдович. Тамм был лауреатом Нобелевской премии, Александров и Зельдович – трижды Героями Социалистического Труда.

Я конечно же рассказал Капице и о проблемах, возникших с планом переезда в Обнинск Солженицына и конфискацией его архива и рукописей романа «В круге первом». Капица об этих конфискациях ничего не знал. Он не был лично знаком с писателем и просил меня передать ему приглашение на вечерний обед в удобный для него день. Капица, таким образом, брал под свою защиту и Солженицына.

Вечером 28 октября мы с Александром Исаевичем пересекли в парке института ту же систему фотоэлементов. От них, очевидно, шел какой-то сигнал и в коттедж директора – Петр Леонидович открыл дверь, не дожидаясь звонка.

В Обнинске я не стал рассказывать Тимофееву-Ресовскому о плане Капицы, чтобы не дать повод для ожиданий, которые могли и не сбыться. Поддержка крупными физиками была важным фактором успеха, но не главным. Академии наук в СССР – это государственные учреждения, а не самостоятельные научные элитные общества, как в Англии, США, Швеции или Франции. В этих западных странах члены академий (в Англии члены Королевского общества) платят членские взносы. В СССР, как и в царской России, действительный член или член-корреспондент – пожизненные почетные должности, обеспеченные большими окладами за звание. Императорская академия могла благодаря этому приглашать на работу в основном иностранных ученых. В АН СССР в 1965 году Тимофеев-Ресовский, будь он избран членом-корреспондентом, получал бы до конца жизни 350 рублей в месяц, сумму почти в три раза большую, чем максимальная в то время пенсия.

Выборы в АН СССР проводились раз в год на освобождаемые в связи со смертью ее членом вакансии, а также на новые – выделявшиеся академии по решению Совета министров СССР. В газете «Известия» объявлялись вакансии по разным отделениям АН, после чего научные институты, университеты или группы академиков могли представлять в Президиум АН СССР своих кандидатов. Эта открытая часть выборов в АН СССР была хорошо известна. О закрытой стороне выборов знали немногие, и Петр Леонидович не был, возможно, в их числе. Он слишком долго жил в Англии. Капица был избран членом-корреспондентом АН СССР еще в 1929 году, когда уже восьмой год работал в Кембридже в лаборатории Резерфорда. Он, однако, оставался гражданином СССР, приезжал ежегодно с семьей отдыхать в Крым и читал в Москве лекции. Избрание в Академию означало тогда лишь то, что за его исследованиями внимательно следили и на родине. Капица, безусловно, полагал, что его свободу защищает международная слава. Об этой своей ошибке он узнал слишком поздно. В 1934 году ему, уже знаменитому сорокалетнему ученому, члену Королевского общества и руководителю большой лаборатории в Кембридже, приехавшему из Англии в СССР читать лекции, неожиданно сообщили, что его командировка кончилась и выездная виза аннулирована. Живя в гостинице, Капица не знал, что делать. Протестов за рубежом не

было, да тогда и не могло быть. В Европе страны враждовали между собой и свободы передвижения для людей не было. Противостояние продолжалось около трех месяцев. Жена Капицы Анна, из семьи русских эмигрантов во Франции, имела французское подданство, двое сыновей, родившихся в Англии, – британское. Капица неизбежно сдался. Для него в том же году создали в Москве новый институт и закупили в Кембридже все оборудование прежней лаборатории. Но с тех пор, уже больше тридцати лет, Капица не мог ездить за границу.

Выборы в АН СССР каждый год проходили по сценарию, который готовился в отделе науки ЦК КПСС и утверждался Президиумом ЦК. Только после этого Совет министров СССР принимал решение о новых вакансиях по отделениям и одновременно об увеличении годового бюджета АН СССР. Новые вакансии выделяли ей и другим академиям под конкретных людей и вновь создаваемые лаборатории и институты, не полагаясь на стихию тайного голосования самих ученых. На каждую вакансию выдвигалось обычно не менее десяти кандидатур. Когда отделение физики АН по ходатайству четырех академиков запросило новую вакансию по профилю «биофизика», в отделе науки ЦК должны были знать, для кого именно эта вакансия предназначена. В начале 1966 года в печати опубликовали список свободных вакансий для выборов в АН СССР. У отделения физики вакансии по биофизике не оказалось.

Ежегодная лекция по старению

В 1964 году американское научное издательство «Academic Press» добавило к своей серии обзорных ежегодников по разным областям науки ежегодник «Advances in Gerontological Research» («Достижения в геронтологических исследованиях»), первый том которого выходил под редакцией Бернарда Стрелера, известного геронтолога и биохимика, работавшего в Геронтологическом центре в Балтиморе. Я переписывался со Стрелером с 1959 года и встречался с ним в Москве летом 1961 года во время Международного конгресса по биохимии. В конце 1963 года Стрелер предложил мне написать для первого тома ежегодника аналитический обзор о роли нуклеиновых кислот в развитии и старении. Я, естественно, согласился, хотя понимал, что английский текст этого обзора необходимо будет отправлять в США не почтой, а с какой-либо оказией и соответственно с некоторым риском. Такую оказию в данном случае мне обеспечил профессор Дэвид Журавский (David Joravsky), специализацией которого на кафедре истории Северо-Западного университета в Эванстоне (Northwestern University, Evanston) была история советской науки. Первая книга Журавского «Soviet Marxism and Natural Sciences. 1917–1932» («Советский марксизм и естественные науки»), изданная в 1961 году, подводила анализ событий к появлению теорий Лысенко. Теперь Журавский работал над книгой о Т. Д. Лысенко и в связи с этим каждый год приезжал в СССР на полтора-два месяца, чтобы изучать первоисточники и доступные архивы. Меня познакомил с Журавским в 1962 году в Ленинграде П. М. Жуковский, когда Журавский получил разрешение на работу в архиве Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Жуковский, которому в 1962 году исполнилось 74 года, уже не был директором ВИРа, но оставался наиболее авторитетным консультантом института и возглавлял кафедру ботаники в ЛГУ. Его также назначили главным редактором нового академического журнала «Генетика». Бывая в Ленинграде, обычно на конференциях и семинарах в Институте цитологии, я всегда встречался и с Жуковским. Журавский свободно владел русским. Его

отец родился в Западной Белоруссии и эмигрировал с семьей из России в США в 1906 году. В Москве Журавский обычно работал в Государственной библиотеке им В. И. Ленина, где мы и встречались в мои библиотечные дни. О датах приезда в Москву он извещал меня открыткой из США, которая отправлялась на мой абонентский почтовый ящик в Москве. Я уже знал, что письма, даже заказные, нередко пропадали, открытки приходили быстрее и надежнее. У меня был абонентский почтовый ящик и в Обнинске. Это помогало избегать в переписке служебного и домашнего адресов. По правилам того времени письма сотрудников института за границу нужно было сдавать сначала в дирекцию в открытом виде, а не опускать в почтовый ящик. Я это правило игнорировал. Мой международный адрес в Обнинске был крайне прост: USSR, Obninsk, Post Office No. 1, Ab. p/b 25. В Москве он бы еще короче: Moscow G-19, p/b 14. Письма на институтский или домашний адрес могли пропадать не только из-за почтовой цензуры, но и нередко из-за красивых марок и страсти к ним филателистов. Именно в это время я начал изучать проблемы международной корреспонденции.

Бернард Стрелер получил мой обзор вовремя. Он также рекомендовал пригласить меня на ежегодную конференцию по геронтологии в Европе в 1966 году. Исследования проблем старения быстро развивались прежде всего в СССР и в США, где уже работали большие институты геронтологии с клиниками для изучения долгожителей. Основным международным журналом в этой области стал основанный в 1946 году Натаном Шоком «Journal of Gerontology», выходивший в США.

В Западной Европе геронтология как самостоятельная отрасль науки еще не сформировалась, и там не было не только институтов геронтологии, но даже и лабораторий геронтологии или гериатрии при медицинских факультетах. Исторически изучение проблем старения стимулировалось в США и СССР в связи с надеждой людей на продление жизни тогда как в Западной Европе оно велось под влиянием увеличения доли старых людей в составе населения и их проблем. Непосредственно возможностью продления жизни в Европе интересовались мало. Медицина в европейских странах была государственной и финансировалась из бюджета. Пожилая часть населения в каждой стране является основным потребителем различных лекарств. Чем выше средняя продолжительность жизни, тем выше и бюджетные расходы на лекарства для лечения хронических болезней. Это привело в Европе к парадоксальной ситуации, когда исследования в области геронтологии субсидировались в основном не государством, подобно другим областям науки, а фармацевтическими компаниями и корпорациями, выделявшими на эти работы большие гранты. Для правительств долгожительство означало расходы, для фармацевтических компаний – прибыли. Одной из наиболее крупных фармацевтических компаний в Европе была в то время Ciba, создавшая большой фонд (Ciba Foundation) для поддержки медицинских исследований, и особенно исследований в области старения. Это объяснение необходимо для понимания письма из Лондона от директора Ciba Foundation доктора Гордона Волстенхолма (Gordon Wolstenholme), которое я получил в апреле 1965 года. Письмо было длинным, и я привожу здесь в переводе на русский лишь его начало:

*«Дорогой д-р Медведев,
как Вы, может быть, знаете, между 1954 и 1959 гг. Ciba Foundation имел специальную программу для вовлечения молодых исследователей в изучение проблем старения. В 1959 году мы пришли к выводу, что уже достаточно сделано*

в этой области, но решили поддерживать интерес к этой теме одной ежегодной специальной лекцией.

С тех пор стало традицией организовывать эту особую лекцию в связи с конференцией Британского общества по изучению старения в каком-либо из научных центров Великобритании. ...

В 1966 году мы планируем провести такую лекцию при Шеффилдском университете на совместном заседании Британского общества по изучению старения и Британского общества экспериментальной биологии в период между 6 и 12 сентября. Лекция будет приурочена к симпозиуму по биологии старения.

Я пишу Вам в надежде, что Вы, может быть, смогли бы приехать в нашу страну для прочтения этой традиционной 10-й лекции по проблеме старения. Лекции обеспечиваются небольшим гонораром в 35 фунтов стерлингов, и в дополнение мы оплатим Ваш авиабилет, гостиницу и все другие расходы в течение 5–7 дней Вашего визита.

Мы предоставляем Вам свободный выбор темы лекции, однако полагаем, что Вы будете рассматривать проблемы молекулярной биологии старения. Лекция будет напечатана в трудах конференции...»

В письме приводился список всех предыдущих девяти ежегодных лекций. Эта серия была начата в 1957 году Натаном Шоком, директором Геронтологического центра в Балтиморе. В последующие годы для прочтения лекций приглашались ученые из Великобритании, Франции, Голландии, ФРГ, Чехословакии и других стран. Теперь подошла очередь СССР.

Годичные научные чтения по разным отраслям науки – давняя традиция. Получить такое приглашение большая честь, которой редко можно удостоиться дважды в жизни. От подобных предложений не отказываются. Я незамедлительно ответил Волстенхолму благодарным согласием, но с оговоркой, что оформление поездок за границу зависит от многих инстанций и решения принимаются в конечном итоге на уровне Министерства здравоохранения. Лично я могу пока гарантировать лишь то, что текст самой лекции будет получен Ciba Foundation задолго до конференции.

В течение нескольких месяцев после моей докладной записки в дирекцию института я не получал никаких анкет для оформления выездного дела. Устное согласие на мой положительный ответ Волстенхолму было, однако, дано и в институте, и в международном отделе АМН СССР. Но необходимого решения Министерства здравоохранения пока не поступало. Между тем программа симпозиума с моей вводной лекцией уже рассылалась в декабре 1965 г., и Волстенхолм сообщил мне, что «согласно традиции, годичной лекции предшествует особый обед. На этот обед во вторник вечером 6 сентября приглашены несколько человек...» Заседания симпозиума начинались 5 сентября и заканчивались 9-го. Моя лекция «Молекулярные аспекты старения» планировалась на 6 сентября в Большой аудитории университета. Я был рад увидеть в числе участников симпозиума нескольких известных мне коллег. Среди них был и Бернард Стрелер с докладом «Возрастные изменения клеток».

В начале 1966 года я решил, что пора идти в иностранный отдел Минздрава, чтобы прояснить ситуацию. Заместитель начальника этого отдела М. А. Ахметелли как-то расплывчато заговорил о том, что договор о научном сотрудничестве с Англией на 1966 год

еще не подписан и поэтому неясно, сколько «человеко-дней» командировок будет иметь в текущем году их отдел. Папку с моей перепиской, в которой были копии приглашения, в отделе не смогли найти, хотя ранее она здесь была. Между тем по срокам подготовка выездного дела должна была уже начаться, его следовало передавать в выездную комиссию ЦК КПСС не менее чем за четыре месяца до отъезда. Ciba Foundation организует множество разнообразных симпозиумов, и трудности с оформлением поездок в Англию из СССР и других социалистических стран не стали, очевидно, новостью для Волстенхолма. Мое сообщение о том, что решение проблемы задерживается в Минздраве, вызвало быструю реакцию. В феврале я получил копию официального письма от Ciba Foundation министру здравоохранения СССР Б. В. Петровскому. Письмо было на особом бланке, в котором перечислялись все попечители фонда, лорды и члены Королевского общества, а также советские члены Консультативного совета организации: академики В. А. Энгельгардт, А. И. Опарин и М. М. Шемякин. Излагалась также история поддержки исследований в области старения. И наконец, непосредственно о моем участии в письме сообщалось:

«Мы теперь хотим пригласить д-ра Медведева, руководителя лаборатории молекулярной радиобиологии в Обнинске, прочитать 10-ю ежегодную лекцию по проблеме старения на тему “Молекулярные аспекты старения”... Копия этого письма отправлена директору Института медицинской радиологии в Обнинске... Мы были бы очень благодарны за Ваш быстрый и благоприятный ответ по этому вопросу, который, как мы верим, усилит взаимное уважение и сотрудничество британских и советских ученых...»

Через три недели после получения этого письма меня вызвали в иностранный отдел министерства к тому же М. А. Ахметелли. Он принял меня не слишком любезно и сообщил, что министр здравоохранения вопрос о моей поездке в Великобританию решил отрицательно. Министр считает, что англичане оказали мне «слишком большую честь». Ахметелли также сказал, что Петровскому неудобно самому отвечать на письмо Волстенхолма отказом, поэтому я должен взять эту миссию на себя, найдя подходящую причину. Если я этого не сделаю, то их отдел не станет в будущем иметь со мной никаких дел. Это была явная угроза. Мне оставалось лишь высказать свое мнение и об Ахметелли, и о его отделе, который выполняет не те функции, которыми ему следовало бы заниматься.

Спустя несколько дней в министерство был вызван директор ИМР Г. А. Зедгенидзе. Ему, очевидно, уже в более ясной форме предложили подписать короткое письмо Волстенхолму, чтобы избавить от этой миссии министра. Возможно, директору сообщили, что решение принято еще выше. Зедгенидзе мне ничего не сказал, хотя у нас были достаточно хорошие отношения и я с ним встречался еженедельно на заседаниях ученого совета. О его письме с отказом я узнал лишь несколько недель спустя, когда получил из Лондона копию этого письма, написанного на очень хорошем английском языке. Привожу его в переводе:

«9 марта 1966

Дорогой профессор Волстенхолм,

Я был очень рад получить копию Вашего письма, в котором Вы просите содействия в осуществлении приезда в Англию д-ра Медведева из нашего

института, с тем чтобы прочитать лекцию по проблемам старения. Однако я выражаю свое сожаление и полагаю, что д-р Медведев не будет в состоянии приехать в Англию в этом году ввиду огромной загруженности работой в его лаборатории.

*Искренне Ваш
профессор Г. А. Зедгенидзе,
директор Института медицинской радиологии».*

К этой копии был приложен и очень скорый ответ Волстенхолма:

*«Дорогой профессор Зедгенидзе,
Ваше письмо от 9 марта принесло глубокое разочарование. В прошлом годовичные чтения по проблеме старения в нашей программе были сделаны учеными из США, Франции, Голландии, Израиля и других стран, и мы будем очень сожалеть, если СССР не будет представлен в этой серии... Если д-р Медведев так сильно занят, то проезд на 2–3 дня был бы, несомненно, лучше, чем ничего. Неужели Вы сочтете невозможным разрешить ему на 2–3 дня оторваться от своих обязанностей, тем более что он, может быть, согласится компенсировать этот ущерб за счет своего отпуска...*

Я посылаю копию этого письма профессору Петровскому, министру здравоохранения СССР, а также академикам Энгельгардту, Опарину и Шемякину, которые представляют Ciba Foundation в Вашей стране.

Искренне Ваш...»

Судя по ответу, Волстенхолм не был настроен сдаваться^[4].

В. А. Энгельгардт, А. И. Опарин и М. М. Шемякин, директора трех институтов АИ СССР, получили копии всей переписки и личные письма Волстенхолма с просьбой поспособствовать согласию Минздрава на мою командировку. Опарин, как и следовало ожидать, проигнорировал эту просьбу, а Энгельгардт и Шемякин активно включились в решение проблемы. Об этом я узнал позднее, когда Энгельгардт, директор Института молекулярной биологии, с которым я был хорошо знаком, передал мне копию всей переписки. Энгельгардт и Шемякин подготовили для Петровского докладную записку, причем Энгельгардт, добившись приема у министра, вручил ее Б. В. Петровскому лично и в беседе настоятельно рекомендовал принять положительное решение. Энгельгардт сам несколько раз участвовал в симпозиумах Ciba Foundation и был в дружбе с Волстенхолмом.

Докладная записка академиков Петровскому была достаточно подробной. Они давали высокую оценку «ряду серьезных работ Ж. А. Медведева по проблемам биологических основ старения» и объясняли, что Ciba Foundation находится в очень хороших деловых отношениях с Академией наук СССР.

Но вмешательство двух известных академиков лишь осложнило ситуацию. Меня на этот раз вызвал срочной телефонограммой начальник иностранного отдела Минздрава Новгородцев и в категорической и высокомерной форме потребовал прекратить и переписку с Волстенхолмом, и все действия, связанные с лекцией.

Я, конечно, снова написал Волстенхолму, сообщив, что весьма энергичные усилия Энгельгардта и Шемякина не принесли положительного результата. Между тем по линии

спецотдела из Министерства здравоохранения в ИМР было направлено письмо, которое требовало «указать Медведеву на недопустимость его поведения и принять необходимые административные меры». Вслед за этим в институт пришло письмо из международного отдела АМН СССР, в котором предлагалось сообщить, «какие конкретные меры были приняты партийной организацией и дирекцией института по отношению к Ж. А. Медведеву в связи с нарушением им норм переписки и контактов с иностранцами». Спецотдел нашего института (спецотделы, или «первые отделы», ведали секретностью, и в них обычно работали отставные профессионалы КГБ) потребовал от меня объяснений в письменном виде. Я написал краткое объяснение, приложив к нему русский текст лекции.

До конференции в Шеффилде оставалось два с половиной месяца. Нужно было найти оказию для отправки Волстенхолму текста лекции на английском, которая (около 40 машинописных страниц) была уже готова. В июле в МГУ собирался Международный конгресс микробиологов, в работе которого принимали участие и несколько сотрудников ИМР. Среди британских микробиологов, приехавших на конгресс, я хорошо знал Ральфа Купера (Ralf Cooper), который в 1958–1959 годах в рамках обмена аспирантами между Московской сельскохозяйственной академией им. К. А. Тимирязева и Ротамстедской сельскохозяйственной станцией в Англии работал под моим наблюдением на кафедре агрохимии и биохимии. Его темой были азотфиксирующие бактерии, и меня попросили ему помогать просто потому, что я владел английским языком. Но мы стали друзьями, ходили вместе в лыжные походы зимой и за грибами летом и впоследствии переписывались. В июле 1966 года Р. Купер, работавший теперь в Хэтфилдском колледже, приехал в Москву с сыном не только на конгресс микробиологов, но и как турист. Вместе с сыном Паулем тринадцати лет Ральф побывал в гостях и у нас в Обнинске. Когда он уезжал на заседания конгресса, Пауль оставался с нами в Обнинске. Мы с ним ходили купаться, плавали на байдарке, собирали в лесу грибы и ягоды. Сам Ральф немного говорил по-русски и хорошо знал все наши проблемы. В 1959 году я уже отправлял с ним в Англию небольшую статью, которая была напечатана в журнале *Nature*. Он пообещал отредактировать текст лекции, улучшив мой английский, перепечатать его и передать Волстенхолму. Я также попросил его отправить один экземпляр в США Бернарду Стрелеру.

В конце августа пришло письмо от Ральфа, в котором он сообщал, что Волстенхолм попросил его быть моим представителем на конференции и объяснить аудитории причины отсутствия лектора. Ральф выполнил эту просьбу. Мою лекцию зачитал для собравшейся аудитории Б. Стрелер. Вскоре я получил письмо и от Волстенхолма, в котором он подробно рассказал мне о том, как прошла лекция и кто присутствовал на обеде в честь лектора. Среди них были Р. Купер, Б. Стрелер и Алекс Комфорт (Alex Komfort). А. Комфорт, ставший вскоре знаменитостью не только в области геронтологии, был тогда известен как автор книги «*The Biology of Senescence*» («Биология старения»), которая считалась лучшим учебным пособием по геронтологии. Я получил также письма от Стрелера, Купера, вице-канцлера Шеффилдского университета, и некоторых участников симпозиума. Наконец – в полной сохранности – пришла по почте магнитофонная запись всего заседания, продолжавшегося около двух часов. Пришло также и поразившее меня письмо от научного редактора эдинбургского издательства «*Oliver and Boyd*». Это издательство уже давно готовило английский перевод моей книги «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», изданной в Москве в 1963 году. Для английского издания текст ее несколько раз дополнялся. Редактор издательства сообщал, что они приняли меры к тому, чтобы выход английского издания был

приурочен к началу симпозиума в Шеффилде и сигнальные экземпляры экспонировались для участников симпозиума.

В Обнинске в начале сентября меня ждала более суровая действительность. Осенью, как известно, работников всех городских организаций отправляли на уборку картофеля. И надо было так случиться, что именно 6 и 7 сентября очередь дошла до нашего отдела общей радиобиологии и генетики. Нам отвели поле в два гектара в совхозе в 25 км от города. Картофель нужно было не только собирать, но и сортировать по размеру клубней.

«К суду истории»

Мой брат Рой в конце 1962 года начал работу над книгой под условным тогда названием «К суду истории» – о происхождении и последствиях сталинизма. В то время, после XX и особенно после XXII съездов КПСС, это была вполне легальная тема, обсуждаемая в множестве газетных и журнальных статей. Продолжалась реабилитация арестованных и погибших партийных и государственных работников и командиров Красной Армии. Публикация в «Новом мире» повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» стала частью этого процесса и стимулировала поток новых произведений и воспоминаний, направлявшихся в журналы и в издательства. Однако систематического исторического исследования всего феномена сталинизма пока не было. Какую-то работу по этой теме начинали, возможно, и другие историки в СССР и за рубежом, но Рой не был тогда официальным историком и не имел доступа к архивам. Он работал заместителем главного редактора издательства «Просвещение», выпускавшего учебники для школ. После окончания в 1951 году факультета философии и истории ЛГУ Рой был распределен на работу учителем истории в одну из школ Свердловской области. Через несколько лет он получил назначение на должность директора средней школы в поселке Ключевое недалеко от Выборга. Уже как директор школы Рой поступил в заочную аспирантуру одного из институтов Академии педагогических наук, а после защиты кандидатской диссертации работал в издательстве в Москве. Всех подробностей начала работы Роя над книгой о сталинизме я не касаюсь, это тема для него самого. К концу 1964 года рукопись была уже довольно большой, работа над ней шла без всякой конспирации. Брат был членом КПСС, и некоторые из его студенческих друзей и приятелей занимали ответственные посты в Ленинграде, Москве и в других городах. Первые варианты рукописи читали секретари ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и Ю. Е. Андропов. Материалы для книги Рой собирал в открытой прессе и в неопубликованных воспоминаниях реабилитированных людей, выживших в тюрьмах и лагерях. В то время сотни бывших заключенных писали воспоминания, дававшие новую картину лагерей Воркуты, Норильска, Урала, Колымы, Караганды и многих других мест. Как мне ясно сейчас, в книгах Р. Медведева «К суду истории» и А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» нередко использовались одни и те же свидетельства.

Смещение Хрущева в октябре 1964 года оказало весьма благотворное влияние на положение советской генетики и естественных наук в целом. Однако на изучение истории СССР приход к власти новых лидеров оказал противоположное действие. Возобладало влияние М. А. Суслова с его призывом: «Не будем сыпать соль на наши раны». Десятки, а может быть, и сотни книг, очерков и воспоминаний, уже находившихся в печати или объявленных к публикации, подверглись ликвидации. Рассыпались наборы в типографиях, готовые тиражи отправлялись в макулатуру. Судьба романа Солженицына, о которой я писал

в предыдущей главе, была лишь одним из эпизодов новой политики, направленной на реабилитацию Сталина. На жалобы издателей и редакторов, заявлявших об экономическом ущербе от ликвидации тиражей, повторялась еще одна фраза Сулова: «На идеологии не экономят».

В этих условиях Рой продолжал свою работу, хотя объем доступной информации сильно уменьшился. Одновременно значительно расширился переход этой информации в «списки», в самиздат, в циркуляцию между друзьями. Рукопись Роя к 1966 году прочитали Александр Твардовский, Константин Симонов, Юрий Трифонов, Владимир Лакшин и некоторые другие известные писатели. Осенью 1966-го к Рою через своего знакомого публициста Эрнста Генри (псевдоним Семена Николаевича Ростовского, в прошлом советского разведчика-нелегала, жившего в 30-е годы в Германии, тоже прошедшего через лагерь) обратился академик А. Д. Сахаров с просьбой предоставить ему возможность прочитать рукопись «К суду истории». Э. Генри, автор важного исследования о репрессиях в Красной Армии, знавший Роя, читал рукопись и рассказал о ней Сахарову. К этому времени труд Роя, обновлявшийся и дополнявшийся каждые полгода, составлял почти 800 машинописных страниц. Для самиздата это слишком большой объем, поэтому в свободной циркуляции текста не было. Один экземпляр рукописи всегда хранился у меня в Обнинске. Кроме того, я сделал два микрофильма. В 1964 году у меня дома появилась очень хорошая установка для микрофильмирования, ее смонтировал инженер лаборатории А. Стрекалов. Особая, высококачественная мелкозернистая пленка позволяла фотографировать две страницы в одном кадре.

Рой тогда еще не был знаком с Сахаровым, «секретным» академиком, работавшим в основном на «объекте» в Горьковской области. На первую просьбу Андрея Дмитриевича Рой не откликнулся. В своих воспоминаниях о Сахарове он пишет: «Обстановка в стране изменилась, и мне пришлось внести в свою деятельность элементы конспирации. Круг знакомых Сахарова был мне не известен, и я опасался, что обсуждение моей рукописи среди столь необычных людей может в чем-то осложнить мое положение».

Сахаров, однако, повторил свою просьбу, Рой не смог отказать и передал ему папку с рукописью через Э. Генри. Спустя месяц Сахаров, также через Генри, передал Рою приглашение и телефон той же квартиры в Москве, которую я посещал дважды в 1964 году. Сам Сахаров пишет в своих «Воспоминаниях»: «Книга Медведева о Сталине была для меня в высшей степени интересной» (Париж, 1990. С. 360).

Опасения Роя в отношении Сахарова, к сожалению, оправдались, в своих воспоминаниях он пишет:

«В кабинете Сахарова был еще один человек – академик Виктор Борисович Адамский, которого хозяин представил как своего друга... На столе в кабинете лежала не только моя рукопись, но и несколько ее машинописных копий, что меня встревожило. Видимо, Андрей Дмитриевич это заметил и тут же сказал, что он попросил перепечатать рукопись только для самого себя, остальные я могу увезти. Я не стал возражать, так как не предупредил заранее Сахарова о нежелательности перепечаток» (Рой Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове // Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. Два пророка. М.: Время, 2004. С. 50).

Для академика Сахарова перепечатка рукописи даже в 800 страниц не была проблемой. По его просьбе в машинописном бюро секретного объекта (фактически тогда города с 60 тысячами жителей, известного лишь немногим как Арзамас-16, в котором производились и атомные и водородные бомбы, и боеголовки к межконтинентальным баллистическим ракетам) могли быстро перепечатать и более объемный труд. Однако ни Сахаров, ни Рой не знали тогда о строгих правилах для машинисток в секретных учреждениях. Они обязаны всегда печатать на одну копию больше, чем их попросили те или иные сотрудники. Эта «лишняя» копия уходила в спецотдел секретного объекта. Так что Сахаров получил из машбюро четыре экземпляра рукописи Роя, а пятый пошел в КГБ. Такая практика была мне известна давно из объяснений В. М. Ключковского, руководителя секретной лаборатории биофизики в ТСХА. Он все свои работы на внеплановые темы перепечатывал сам.

Сахаров узнал об этом правиле лишь в 1968 году, когда перепечатывал собственную работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Недели через две после перепечатки, вспоминает Сахаров, научного руководителя Арзамаса-16 академика Ю. Б. Харитона вызвали к председателю КГБ Ю. Андропову. Андропов открыл сейф и показал Харитону рукопись Сахарова, которая, по словам Андропова, уже распространялась в Москве. Андропов попросил Харитона поговорить с Сахаровым и обеспечить изъятие рукописи из распространения.

Рукопись Роя Медведева в 1966 году поступала в КГБ, по-видимому, тем же путем, но по частям, она была почти в десять раз больше «Размышлений». И тоже, наверное, шла к председателю КГБ, тогда это был В. Семичастный.

К началу 1966 года определились основные научные направления экспериментальных и теоретических исследований нашего отдела в институте. Владимир Корогодина, открывший ранее явление пострадиационного восстановления клеток, начал изучать зависимость этого восстановления от пloidности дрожжевых клеток. Двойной (диплоидный) набор хромосом значительно увеличивал устойчивость этих клеток к облучению по сравнению с гаплоидными. Тетраплоидность (клетки с четырьмя наборами хромосом) повышала резистентность клеток к облучению еще больше. Это открытие противоречило признанной в радиобиологии теории, согласно которой главной мишенью облучения являлось клеточное ядро. Крупные клеточные ядра обычно повреждаются облучением сильнее, чем мелкие, так как являются более легкой мишенью для альфа-, бета- или гамма-частиц облучения. Возникла новая теория радиочувствительности клеток и тканей, которая обращала внимание не столько на размеры ядра или хромосом, сколько на роль повторяемости важных генов в обеспечении устойчивости клеток к повреждениям. Мишенью для облучения было не клеточное ядро, а каждый отдельный ген.

Я быстро оценил значение этого открытия и для геронтологии, предположив, что повторяемость одних и тех же генов и в форме лишних наборов хромосом (диплоидность, триплоидность, тетраплоидность), и в составе ДНК (амплификация) может увеличивать и потенциальную продолжительность жизни клеток и тканей. Экспериментально это можно было показать, например, при исследовании печени молодых и старых мышей. Старение печени сопровождается уменьшением количества, но увеличением пloidности ее клеток и одновременным увеличением их устойчивости к облучению. Полиплоидные клетки могли накапливать больше молекулярных изменений, не теряя при этом способности выполнять, хотя и более замедленно, свои функции. У них был большой резерв важных для жизни генов. Стали намечаться контуры молекулярно-генетической теории старения.

Тимофеев-Ресовский начал готовить книгу по генетическим основам эволюционного процесса, которая объединяла его прежние исследования по популяционной генетике и биоценозам.

В конце 1965 года я тоже приступил к работе над новой книгой, которую озаглавил «Молекулярно-генетические механизмы развития». За ней в перспективе должна была последовать и книга по старению. На 1966 год мы планировали начать исследование возрастных изменений спектра белков клеточных ядер (гистонов) у двух линий мышей, короткоживущей и долгоживущей, в результате старения и под действием облучения. В геронтологии такие планы составляются обычно на много лет.

Кимберовская премия

В конце декабря 1965 года Тимофеев-Ресовский получил из США заказное письмо с обратным адресом Национальной академии наук в Вашингтоне. Когда письмо принесли из администрации института, Николай Владимирович был в кратковременном отъезде, а Елена Александровна и мы с Корогодиным сидели в его кабинете, обсуждая текущие дела. Кризис

с увольнением Николая Владимировича на пенсию только что миновал. Елена Александровна была уже уволена, но продолжала работать на добровольных началах. Она все письма читала вслух, а ответ нередко составлялся коллективно всеми, кто находился в кабинете. Обычно Николай Владимирович соглашался с содержанием и подписывал его. Сам писать он не мог из-за плохого зрения. То письмо из США оказалось необычным. Секретарь по международному сотрудничеству Национальной академии США Гаррисон Браун (Harrison Brown) сообщал, что Совет академии принял решение о присуждении Н. В. Тимофееву-Ресовскому Международной Кимберовской премии «За выдающийся вклад в генетику», а именно за его достижения в изучении мутаций. «Премия, – сообщал Браун, – состоит из золотой медали и денежной награды в сумме 2000 долларов. И медаль, и денежная премия по традиции вручаются ежегодно на специальном премиальном заседании Национальной академии ее президентом». Президент Национальной академии США профессор Фредерик Зейц (Frederick Seitz), по словам Брауна, уже обратился с письмом к президенту АН СССР М. В. Келдышу и просил его передать Тимофееву-Ресовскому официальное приглашение приехать в Вашингтон 25–28 апреля 1966 года для участия в ежегодной конференции и получения Кимберовской премии. Все расходы по этой поездке в США Национальная академия брала на себя.

Письмо Брауна очень нас обрадовало, хотя ни Корогодина, ни я никогда не слышали о существовании Кимберовской премии. Когда через два дня Тимофеев-Ресовский вернулся в отдел, оказалось, что и он ничего не знает ни о Кимбере, ни о Кимберовской премии. Среди московских генетиков, которым мы позвонили, тоже никто понятия не имел о ее существовании. Но Б. Л. Астауров вспомнил, что в аудитории мемориального Менделеевского симпозиума в Брно он видел стенд с надписью: «Лауреаты Кимберовских премий». А я, будучи начинающим фотолюбителем, много снимал своим «Зенитом» в Брно. Просмотр чехословацкой коллекции снимков неожиданно дал результат. На одном из них была видна часть Кимберовского стенда, на котором можно было различить очертания необычно большой барельефной медали с изображением Дарвина, Менделя, Моргана и Бетсона и несколько фотографий лауреатов. Был виден портрет Курта Штерна (Kurt Stern), крупного специалиста в области генетики человека, Г. Мёллера, открывшего радиационный мутагенез, и Дж. Бидла (Beadle J.), создателя биохимической модели работы гена и автора теории «один ген – один фермент». Мёллер и Бидл были также лауреатами Нобелевской премии.

Мы, сотрудники отдела, ждали, что М. В. Келдыш пришлет Тимофееву-Ресовскому поздравление письмом или телеграммой. Но к середине января никаких посланий из АН СССР не было. Тимофеев-Ресовский написал личное письмо Келдышу, которое один из сотрудников отдела отвез в Президиум АН СССР. В это письмо была вложена фотокопия послания от Брауна. Ответа опять не последовало. Зная уже мои способности преодолевать бюрократические преграды, Николай Владимирович попросил меня заехать в Президиум АН СССР и узнать положение дел. В свой ближайший библиотечный день я приехал в старинный особняк, построенный П. А. Демидовым в середине XVIII века, где размещался Президиум АН. За этим зданием раскинулся Парк культуры и отдыха им. Горького. Секретарша Келдыша, почтенная дама, тут же открыла письмо Тимофеева-Ресовского и, просмотрев его, отправила меня в иностранный отдел АН, находившийся в бывшем флигеле. Там никакого письма президента Американской национальной академии Зейца от 9 декабря 1965 года не было зарегистрировано, и сотрудники отдела ничего о нем не знали. Они

предположили, что письмо могло быть передано главному ученому секретарю АН, академику Н. М. Сисакяну. Сисакян, физиолог растений, бывший лысенковец, которого я знал уже очень давно, потеряв лоб, вспомнил: «Да, было такое письмо Зейца, но мы переслали его Н. Н. Блохину в Академию медицинских наук». Там-то я и нашел послание Зейца. Н. Н. Блохин, президент АМН СССР, пока на него не ответил, поручи международному отделу АМН прежде выяснить статус Кимберовской премии, установить список всех ее лауреатов и узнать, кем был сам Кимбер и каким образом он создал свое состояние. Поручение Блохина пока не выполнили, так как про Кимберовские премии не было никаких сведений ни в Большой советской, ни в Британской, ни в Американской энциклопедиях. Не имея сведений о статусе премии, Блохин не стал принимать никаких решений. Заведующая международным отделом АМН В. Г. Захарова очень просила меня узнать что-либо о Кимберовской премии. Кимберовская медаль, хотя и золотая, не вызывала у нее эмоций, но 2000 долларов были в то время приличной суммой. В СССР именно в 1964 году изменилась валютная политика правительства и появились магазины «Березка», где можно было покупать товары за иностранную валюту. За 2000 долларов там можно было купить автомобиль «Волга».

Я сразу послал телеграмму в Калифорнийский университет профессору М. Лернеру. Ответ, отправленный экспресс-почтой, пришел очень быстро. В письме от 1 февраля 1966 года Лернер объяснил:

«Кимберовская генетическая премия была учреждена Джоном Кимбером, одним из наиболее успешных животноводов и птицеводов США. Он был пионером в применении точных генетических и статистических методов для улучшения пород животных и, начав с небольшой фермы в 20 милях от Беркли, здесь в Калифорнии, превратил ее со временем в многомиллионное всемирно известное дело, способствовавшее улучшению селекции животных во всем мире... В соответствии с пожеланиями Кимбера было решено, что Золотая медаль и денежная премия будут присуждаться не за отдельные, даже крупные, открытия, как Нобелевские премии, а за общий вклад ученого в генетику... Премия была установлена в 1955 году... Лауреатами премии в прошлые годы стали: В. Е. Касл, Г. Мёллер, С. Райт, А. Стертевант, Ф. Добжанский, Т. Сонненборн, Г. Бидл, М. Демерец, Дж. Холдейн, К. Штерн, М. Дельбрюк и А. Херши...»

Вскоре бандеролью прибыли и печатные материалы о Кимберовской премии, общее описание ее статуса и серия листовок с портретами, биографиями и научной характеристикой лауреатов этой премии. Сам Кимбер был тогда жив, его ферма процветала и рассылала материалы о присуждении премий в научные музеи и институты многих стран. Кимберовская медаль, необычно большая и отлитая из чистого золота (весом 400 г), несомненно, представляла собой произведение искусства работы всемирно известного скульптора Мальвины Гоффман, ученицы Огюста Родена. Скульптуры Мальвины Гоффман были выставлены во многих музеях мира. На лицевой стороне медали были выгравированы слова: «Кимберовская Генетическая Премия Национальной Академии Наук» и «За выдающийся вклад в генетику». Имя лауреата гравировалось на обратной стороне медали. Это была единственная в мире премия специально по генетике. Один из лауреатов премии Макс Дельбрюк был учеником Тимофеева-Ресовского и работал вместе с ним в Германии в

1934–1939 годах. Позже он эмигрировал в США.

Все полученные материалы о Кимберовской премии были переданы в международный отдел АМН СССР. В феврале 1966 года секретарь по иностранным делам Национальной академии направил письмо президенту АМН СССР Н. Н. Блохину и копию этого письма Обнинск лауреату премии. Однако ответа из АМН СССР не последовало. Сам Николай Владимирович отправил в США письмо, в котором благодарил за присуждение ему премии. Однако в отношении приезда в США лауреату пришлось ограничиться выражением туманной надежды, которая гасла с каждым днем.

Прошел март, за ним апрель. В конце июня Тимофеева-Ресовского вызвали в АМН СССР вместе с директором ИМП Г. А. Зедгенидзе. Их принял Н. Н. Блохин. В довольно сухо форме он сообщил, что «по мнению авторитетных инстанций, присуждение премии Тимофееву-Ресовскому является провокацией американцев». Под «авторитетными инстанциями» явно подразумевались инструкторы из ЦК КПСС. Блохин настоятельно рекомендовал отказаться от этой премии и заявил, что Президиум АМН СССР премии Кимбера не признает и вступать в переписку с американской академией по этой проблеме не будет. Блохин считал, что в СССР есть более заслуженные генетики и что Тимофеев-Ресовский был выделен американцами по политическим соображениям.

Нелепость такой позиции Блохина была вопиющей. Равным Тимофееву-Ресовскому по международному статусу в генетике был в СССР лишь покойный Н. И. Вавилов. Николай Владимирович, естественно, отверг рекомендации Блохина.

Мы с В. В. Корогодиным решили, что выходом из создавшегося тупика может быть только публикация в научном журнале сообщения о присуждении Тимофееву-Ресовскому Кимберовской премии, а также краткого описания ее статуса и заслуг ученого. К статье прилагались две фотографии – самого лауреата и Кимберовской медали. Цель была – срочно опубликовать эту заметку в разделе «Новости и хроника» журнала «Генетика». Редактор журнала профессор П. М. Жуковский поддержал эту идею. Заметка была напечатана в августе, но Главлит почему-то не разрешил публиковать фотографии. Номер журнала «Генетика» с краткой статьей о присуждении Кимберовской премии по генетике Тимофееву-Ресовскому был сразу выслан в США профессорам Зейцу и Лернеру, что быстро продвинуло решение проблемы. Тимофееву-Ресовскому снова прислали приглашение приехать в США, но одновременно предложили провести церемонию вручения в Москве. Николай Владимирович выбрал второй, более надежный вариант. «Мне было бы исключительно приятно вновь посетить Вашу страну, – писал Н. В. в ответном письме, – встретить там моих старых друзей и завязать новые знакомства. Но мне кажется, что в ближайшие годы подобное желание неосуществимо реально...»

Его письмо было отправлено в США как заказное и с уведомлением о вручении. Уведомление вернулось в Обнинск с личной подписью Зейца. После этого наступило долгое молчание, хотя какие-то действия со стороны американской академии, безусловно, предпринимались. Видимо, между академиями и их президентами шел какой-то спор. Но это лишь поднимало проблему на более высокий уровень. В конечном итоге в Москву для вручения Кимберовской премии Тимофееву-Ресовскому приехали секретарь Национальной академии в Вашингтоне Гаррисон Браун и ее вице-президент профессор Г. Б. Кистяковский.

Приезд в Москву Георгия Богдановича Кистяковского для вручения Кимберовской премии был символическим. Знаменитый химик и специалист по цепным реакциям, он был не только вице-президентом американской академии, но и официальным советником

президента США по вопросам науки. Этот пост был создан президентом США Эйзенхауэром, и Кистяковский сохранил его в период президентства Кеннеди и Джонсона. Георгий Богданович был русским, он родился в 1900 году в Киеве, учился в Петрограде и эмигрировал в США в 1920 году из Одессы во время Гражданской войны. По дипломатическому статусу его в Москве должны были встречать посол США в СССР и представитель МИД СССР. Церемония вручения Кимберовской премии перешла на уровень дипломатических отношений двух стран и могла быть лишь торжественной и публичной. Н. Н. Блохин первоначально хотел ее бойкотировать, но где-то решили иначе. 31 марта 1967 года в кабинете президента АМН СССР собрались около шестидесяти человек, в основном московские и обнинские ученые. Большинство из них пришли или приехали без всяких приглашений. Это стало неожиданным для Блохина, он планировал короткую деловую процедуру. Прибыли Кистяковский и Браун и еще четыре американца, двое из них – журналисты. Обнинские сотрудники по просьбе Тимофеева-Ресовского принесли несколько бутылок шампанского, хотя никакого банкета не предусматривалось. Вводное, очень формальное выступление Блохина для американцев не переводили. Затем Кистяковский зачитал адрес президента американской академии Фредерика Зейца и вручил лауреату сначала зачитанный адрес, затем диплом, золотую Кимберовскую медаль, ее настольный бронзовый дубликат и чек на 2000 долларов. Ответную речь Тимофеев-Ресовский произнес на английском языке. От имени советских генетиков теплую речь произнесла А. А. Прокофьева-Бельговская, профессор МГУ. Официантки буфета разнесли бокалы шампанского, и церемония закончилась.

Как стало известно позже, Кистяковский и Браун приехали в Москву главным образом для подписания договора о научном сотрудничестве США и СССР. В Москве их принимал М. В. Келдыш. Что Кистяковский везет в Москву Кимберовскую медаль для Тимофеева-Ресовского, ни Келдыш, ни Блохин не предполагали и попытались заблокировать эту часть программы визита. Но это означало бы проведение торжественной церемонии в посольстве США, на которую американцы могли пригласить большое число известных советских ученых. Ни Келдыш, ни Блохин не смогли бы бойкотировать эту церемонию, это был бы слишком плохой старт для договора о научном сотрудничестве. Пришлось уступить. Но теперь нельзя было и замалчивать присуждение премии. На следующий день, 1 апреля, в «Комсомольской правде» на первой странице появилось сообщение о заседании Президиума АМН СССР под заголовком «Главная премия по генетике – советскому ученому». Большой очерк о Н. В. Тимофееве-Ресовском опубликовал в журнале «Природа» академик Б. Л. Астауров. Цензура уже не убрала из этой статьи ни фото лауреата, ни фото Кимберовской медали. Опубликовали и фото ее вручения. В благодарственном письме профессору Зейцу сам Тимофеев-Ресовский, по своему обычаю, пошутил по поводу сопутствовавших проблем: «Я ведь был тринадцатым лауреатом...»

Владимир Дмитриевич Дудинцев

На церемонии вручения Кимберовской премии в АМН СССР присутствовал лишь один московский писатель – В. Д. Дудинцев. Он уже много лет работал над романом из жизни генетиков и дружил с многими из них. Дудинцев прославился в 1956 году своим романом «Не хлебом единым» – о проблемах изобретателей в бюрократической системе СССР. Этот роман, напечатанный в «Новом мире», был первой литературной сенсацией хрущевской

оттепели. Однако очень быстро его объявили «клеветой на советскую действительность», и Хрущев в одном из своих выступлений назвал его публикацию «серьезной ошибкой» журнала. Главного редактора «Нового мира» Константина Симонова сняли и поставили на его место Александра Твардовского, который считался более лояльным и которого Хрущев знал лично. Твардовский был очень популярным тогда поэтом. Он уже занимал должность главного редактора «Нового мира» в 1950–1954 годах, тогда это было связано с тремя полученными им Сталинскими премиями по литературе (1941, 1946 и 1947), а не с его редакторскими способностями. Впоследствии Твардовский оказался еще более радикальным и либеральным редактором, чем Симонов. Тогда не все понимали, что литературный журнал – это не только редактор, но и редколлегия, сформировавшийся вокруг журнала авторский коллектив и сотни тысяч его подписчиков и читателей, которые выбрали «Новый мир» за его литературные достоинства.

После партийной критики новые произведения Дудинцева никто не решался печатать. Не было и переизданий романа «Не хлебом единым», несмотря на читательский спрос. Не печатали роман и областные издательства. Это фактически лишало писателя средств к существованию, а у него было четверо детей, и все еще школьники. Однако Дудинцев не сдавался, он имел твердый характер. Жизнь его закалила.

Владимир Дмитриевич родился в 1918 году уже после смерти отца. Его отец, дворянин и офицер русской армии, был расстрелян в Харькове в 1918 году только за то, что не снял погоны, возвращаясь с фронта домой к беременной жене. В. Д. Дудинцев окончил юридический институт в 1940 году. В 1941-м был призван в армию и воевал под Ленинградом. Командовал ротой. Имел награды. Был несколько раз ранен. Сюжет его нового романа, начатого в 1958 году, основывался на конфликте двух направлений в генетике. Подобно тому, как главный герой романа «Не хлебом единым» инженер Лопаткин не мог внедрить в практику свое новаторское изобретение в металлургии, в новом романе генетик-растениевод, работавший в Ленинграде, не мог внедрить в сельскохозяйственную практику, даже в сортоиспытание, новый очень высококачественный и иммунный сорт картофеля только потому, что он был создан методами классической генетики с применением полиплоидии (удвоения числа хромосом). Сюжет основывался на реальной истории.

Работа над романом привела Дудинцева к знакомству с генетиками и селекционерами в Москве и Ленинграде. Я встретился с ним в 1961 году у Майсуриянов, еще во время работы в ТСХА (профессор Н. А. Майсуриян был деканом факультета, его жена А. И. Атабекова – ботаником-цитологом, и я под ее руководством пытался создать в 1947 году полиплоидную фасоль). В 1962 году Дудинцев стал одним из первых читателей моей рукописи «Биологическая наука и культ личности». Мы очень быстро подружились. Живя в Обнинске, я почти в каждый свой приезд в Москву навещал и Дудинцева, он жил недалеко от станции метро «Университет» – всего несколько остановок по прямой от станции «Библиотека им. Ленина».

Перед визитом к Дудинцевым я обычно заходил в гастроном на Арбате. Холодильник в квартире моего друга почти всегда был пуст. Наталья Федоровна, жена писателя и тоже литератор, ставила чайник, и мы обсуждали текущие дела.

Работа над новым романом шла медленно. Дудинцеву с женой приходилось зарабатывать редактированием переводов на русский язык произведений узбекских, таджикских и киргизских писателей. Переводы на русский в союзных республиках обычно

делались так плохо, что нередко нужно было весь текст переписывать заново. Между тем роман «Не хлебом единым» имел огромный успех за рубежом: в Англии он переиздавался два раза, в США – три, в ФРГ – двадцать раз! В Германии он стал бестселлером. Однако СССР не входил во Всемирную конвенцию об авторском праве и защите интеллектуальной собственности. Книги иностранных авторов издавали в СССР без разрешений, договоров и без выплаты авторских гонораров. Соответственно и советских авторов могли издавать за границей без договоров и без гонораров. Существовало радикальное различие и в системах авторского вознаграждения. В СССР оно рассчитывалось по объему книг (количеству авторских листов) и «ранга» издательств (было три категории), за рубежом – в зависимости от тиража, как процент доходов от продажи. В СССР были фиксированные тиражи, в западных странах они зависели от спроса и могли допечатываться. В СССР первые издания произведений почти всегда выходили в «толстых» журналах, в других странах – сразу в виде книг. Писательские гонорары зависели не столько от спроса читателей и тиражей, сколько от престижа издательств. Вторые издания оплачивались ниже первых, третьи еще ниже. Это, как предполагалось, стимулирует создание новых произведений. Советская система осуществляла политический контроль за литературой. Существование Союза писателей, подчиненного отделу культуры ЦК КПСС, было одной из форм такого контроля. Через Союз писателей шло и распределение благ: получение квартир, дач, предоставление творческих командировок, путевок в санатории и медицинское обслуживание. Зарубежная система отражала успех самих книг. Советская литература была «воспитательной», а писатели – «инженерами человеческих душ». Такие различия влияли на характер и качество самой литературы. В СССР, например, не появлялось хороших и острых детективов, на Западе почти не было интересных исторических романов; для их создания требуется много времени, и они обычно имеют большой объем и уже круг читателей.

Однажды, когда долги Дудинцева достигли критического уровня, я предложил ему начать какие-то действия по получению денег от зарубежных издателей. В кабинете Дудинцева стоял книжный шкаф, набитый иностранными изданиями его романа – немецким, английским, шведским, датским и множеством других. «Ты даешь мне согласие на переписку, – сказал я, – но ответы будут присылать на твой адрес и копии на мой абонентский ящик». Так мы и начали эту кампанию. Первые письма, обычно на английском, заказные и с уведомлением о вручении, я послал в издательство «Dutton» в Нью-Йорк и в издательство «Hutchinson» в Лондон, адреса которых были указаны в выходных данных их книг. Это были очень солидные и известные фирмы. К письмам прилагались фотокопии титульного листа переведенного издания. Мои послания дошли до адресатов, но ответов не поступало. Я отправлял новые письма. Мои аргументы сводились обычно к тому, что автор в трудном положении и не может в связи с этим продолжать литературную работу – и все это по причине пиратства западных издательств и ограничений, существующих для литературы в СССР. Западные издательства, писал я, лишь затрудняют положение советских авторов, так как успех книг в других странах оборачивается нуждой и бесправием на родине. Я просил от имени автора прислать хотя бы копии рецензий (издательства их получают и обязаны высылать автору) и отчетов о тиражах. Прямого требования гонораров в моих посланиях не было, но в качестве примера я приводил практику издательства «Oliver and Boyd» в Эдинбурге, которое, не имея со мной официального договора на книгу о синтезе белков, все же прислало отчет о тираже и выплатило гонорар. (О том, что тираж в этом случае составлял 1000 экземпляров, а гонорар около 300 фунтов, я, естественно, умалчивал.) Мне

надо было создать впечатление, что спор по поводу романа «Не хлебом единым» только начинается, ведется опытным автором и может выйти на страницы прессы.

Не помню уже, как долго шла эта письменная кампания. Полученные ответы говорили о том, что во многих случаях зарубежные издательства переводили для автора какие-то денежные суммы через советское агентство «Международная книга», которое, однако, оставляло эти переводы на своих зарубежных счетах, не сообщая о них автору. «Международная книга» обладала монополией на иностранные доходы всех советских авторов. Но в один прекрасный день в апреле 1967 года Дудинцев позвонил в Обнинск: «Жоресик... приезжай, есть новости...» Голос радостный. На следующий день он показал мне короткое письмо из Нью Йорка и в нем чек на 500 долларов. Дудинцев был счастлив, я разочарован. Сумма за три издания была слишком маленькой и не сопровождалась отчетом о продажах. Что делать с американским чеком, я уже знал по примеру с чеком, который вручили Тимофееву-Ресовскому. Мы с Дудинцевым поехали в Банк внешней торговли СССР, кажется на Неглинной, и открыли валютный счет. Новые финансовые правила, введенные в СССР лишь в 1965 году из-за дефицита валютных резервов, позволяли это не только иностранцам, как раньше, но и советским гражданам, имевшим законные валютные заработки. По тому времени 500 долларов все же приличная сумма. Однако советские граждане, у которых были счета в иностранной валюте, могли получать в банке не реальные доллары, фунты или франки, как иностранцы, а так называемые рублевые валютные сертификаты, на которые в магазинах торговой сети «Березка» продавались по сильно сниженным ценам продовольственные и промышленные товары.

Переписка с немецким издателем Генри Нанненом (Henry Nannen), который лично встречался с Дудинцевым в 1957 году и просил его написать предисловие, продолжалась несколько дольше. Изданное авторское предисловие позволяло Наннену утверждать, что их издание авторизовано, что, безусловно, способствовало успеху книги. Прямой контакт с автором и устные обещания издателя были юридически равноценны договору. Но успех книги, продававшейся много лет, превзошел ожидания Наннена, и теперь он не хотел высылать автору полный отчет о продажах. И все-таки какой-то компромисс был неизбежен. В мае 1967 года Дудинцеву позвонили из Внешторгбанка и сообщили, что на его счет пришел перевод из Гамбурга на 20 000 немецких марок. Эта сумма составляла, наверное, меньше 10 % общего гонорара, но для самого автора была неожиданно большой. Директор издательства прислал также Дудинцеву личное письмо, информируя о переводе. Когда я приехал в очередной раз к Владимиру Дмитриевичу, он, счастливый, повел меня в коллективный гараж при доме и усадил в только что купленную «Волгу». Мы проехали по Ломоносовскому проспекту, свернули на Ленинский и зашли в магазин «Березка». «Коммунизм – это советская власть плюс сертификация всей страны» – вот такая трансформация знаменитого ленинского лозунга сопровождала появление в СССР легальной валютной торговли.

Борис Львович Астауров. Владимир Александрович Энгельгардт

Борис Львович Астауров, один из наиболее уважаемых советских генетиков, был избран действительным членом Академии наук СССР в июле 1966 года. Он принадлежал к той же московской школе генетиков Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова, из которой вышел и Н. В. Тимофеев-Ресовский. Устав АН СССР обеспечивал академиков привилегией создавать

собственные институты, и Астауров, которому было в то время 62 года, быстро этим воспользовался, основав Институт биологии развития и получив здание для него на улице Вавилова, рядом с Институтом молекулярной биологии, директором которого был академик Владимир Александрович Энгельгардт. Астауров основал также академический журнал «Онтогенез», в котором можно было публиковать статьи по проблемам развития и по теоретическим проблемам старения. К тому времени выходил и новый журнал «Молекулярная биология», главным редактором которого был В. А. Энгельгардт. (Научные журналы в условиях жесткой цензуры в массовой печати приобретали в СССР не только научный, но и политический вес.) Соседи-академики часто встречались, обсуждая различные планы и события. Их, конечно, раздражало то, что в работе биологического отделения АН все еще приходилось считаться с академиком Т. Д. Лысенко и его последователями. Лысенко сохранял все свои академические привилегии, был директором большой экспериментальной базы АН «Горки Ленинские», представлял статьи своих сотрудников для публикации без рецензий и вмешивался во многие научные программы. В одну из таких встреч в конце 1966 года, подробностей которой я не знаю, у Астаурова и Энгельгардта возникла мысль о том, что в новых условиях книгу Ж. А. Медведева «Биологическая наука и культ личности» можно было бы напечатать в издательстве Академии наук под более нейтральным названием и в серии «История науки». Это предложение было сформулировано как докладная записка президенту АН СССР М. В. Келдышу. Совершенно неожиданно Келдыш отнесся к идее положительно и создал своим приказом комиссию АН по этому вопросу из двенадцати академиков и членов-корреспондентов. Главой комиссии был назначен академик Н. Н. Семенов, лауреат Нобелевской премии, директор Института химической физики и вице-президент АН СССР.

С Владимиром Александровичем Энгельгардтом я познакомился еще в 1953 году в созданном тогда в Москве Государственном издательстве иностранной литературы. Энгельгардт, уже знаменитый биохимик, возглавлял в этом издательстве научный совет по биологии, который решал, какие книги иностранных авторов важно перевести на русский язык. Я в то время был еще младшим научным сотрудником, жил за городом и для дополнительного заработка и практики в английском брал работу в издательстве по редактированию переводов обзоров и книг по биохимии белков и нуклеиновых кислот. Не только заработок, но и сами книги представляли для меня интерес. У каждой из них кроме переводчика и титульного редактора, обычно известного ученого, писавшего предисловие, был и редактор, который проверял точность перевода и терминологию. Нельзя было не заметить, что биологическая редакция этого издательства выпускает много переводов очень важных книг по биохимической и медицинской генетике и цитологии, которые в условиях господства «мичуринской биологии» в СССР советские авторы не могли бы ни написать, ни опубликовать. Издательство иностранной литературы обеспечивало биологов сведениями, которые цензура и редакторы-лысенковцы удаляли из работ советских авторов. В условиях диктатуры Лысенко все эти переводы имели неопределимое значение. Однажды, насколько я помню в 1954 году, я приобрел книгу по биохимической генетике, на титуле которой значилось: «Перевод с английского А. А. Баева. Под редакцией и с предисловием академика В. А. Энгельгардта». Я спросил в редакции, кто такой А. А. Баев. Мне по секрету объяснили что Баев – в прошлом аспирант Энгельгардта, арестованный в 1937 году и отбывавший срок в Норильске. После досрочного освобождения по ходатайству Энгельгардта Баев, отбывая ссылку, два года работал в Сыктывкаре и защитил там кандидатскую диссертацию в филиале

АН. Но в 1948 году он был повторно арестован и возвращен в Норильск, где работал в больнице. (В 1948 году все освобожденные жертвы террора 1936–1938 годов были повторно арестованы.) В Норильске вместе с Баевым жили его жена и двое детей. Заключая с Баевым договора на переводы с английского, которые очень хорошо оплачивались, Энгельгардт старался помочь его семье материально и поддерживать интерес своего ученика к науке. Он считал Баева своим наиболее талантливым аспирантом. На такой благородный поступок в то время редко кто был способен. (А. А. Баева реабилитировали в 1956 году, а в 1966-м избрали членом-корреспондентом АН СССР.)

В начале 1967 года меня пригласили к директору Института химической физики Н. Н. Семенову. Институт размещался на Воробьевском шоссе рядом с институтом П. Л. Капицы. Капица и Семенов были друзьями еще со студенческих лет в Петрограде. Семенов, которого я раньше не знал, принял меня очень приветливо. О работе комиссии по изданию моей книги я тогда почти ничего не знал. Возможно, что формальных заседаний и не было, все решалось телефонными разговорами. Через Б. Л. Астаурова я передал в комиссию последний вариант рукописи, которая не обновлялась с 1965 года. Семенов сообщил мне, что комиссия единодушно рекомендовала мою книгу к публикации, но при условии, что я напишу заключительный «оптимистический» раздел о тех изменениях, которые произошли в советской генетике и биологии в 1964–1966 годах. Я с большой радостью согласился и в течение двух месяцев интенсивно работал, отложив все дела. В итоге книга была дополнена Частью III «Последняя фаза дискуссии (1962–1966)», которая освещала обострение конфликтов в 1963–1964 годах, падение Хрущева и Лысенко и реформы в биологии в 1965 году. Дополнил я книгу и большим количеством фотографий участников дискуссий. Заключительный раздел был посвящен мемориальному Менделевскому симпозиуму в Брно. Однако, анализируя причины, по которым господство псевдонауки в биологии оказалось в СССР столь длительным, неизбежно приходилось перечислять некоторые факторы, например деление наук на «советские» и «буржуазные», которые не исчезли и в 1967 году.

Новый, дополненный и переработанный, вариант книги пошел в издательство Академии наук с решением комиссии, утвержденным президентом АН СССР. Однако в издательство меня не вызывали и подписать договор не предлагали. Прождав три месяца, я сам поехал туда. Меня принял заместитель главного редактора и объяснил, что планы издательства на 1968 и 1969 годы уже утверждены и рассмотрение моей рукописи в обычном порядке отложено на более поздний срок. Ускорить издание может лишь официальное постановление Президиума АН СССР, а решение комиссии Н. Н. Семенова является рекомендательным. Оно избавляет рукопись от рецензий, но не от цензуры Главлита. Это был вежливый отказ. Я оставил оба экземпляра книги в издательстве, они, возможно, лежат там в архиве и до сих пор.

В июле я написал открытку Михаилу Лернеру о том, что работа, о которой мы беседовали в Брно, завершена и что он, вероятно, сможет ее прочесть. Моя большая рукопись с иллюстрациями не годилась для самиздата. В основном это действительно была уже история, хотя и трагическая. И ее многочисленные жертвы заслуживали не только юридической реабилитации. Необходимо было рассказать про их борьбу с псевдонаукой, про их часто уже забытые достижения и показать значение их исследований в развитии советской и мировой науки. Поэтому решение об издании книги на английском я принял без всяких колебаний.

Николай Иванович Вавилов родился в Саратове 25 ноября 1887 года. Всесоюзное общество генетиков и селекционеров, созданное сравнительно недавно и избравшее своим первым председателем Б. Л. Астаурова, приняло решение отметить 80-летний юбилей рождения Вавилова организацией международной мемориальной конференции в Ленинграде. А Академия наук СССР и ВАСХНИЛ решили учредить премию им. Вавилова: золотую медаль Н. И. Вавилова. Единственной беспорной кандидатурой на эту премию в 1967 году был Петр Михайлович Жуковский, который наиболее активно продолжал исследования центров происхождения культурных растений и восстанавливал в ВИРе вавиловские традиции. На мемориальную конференцию было решено пригласить не только советских генетиков и селекционеров, продолжавших традиции Вавилова, но и некоторых зарубежных ученых, с которыми Вавилов встречался и сотрудничал во время своих многочисленных экспедиций, и тех, кто приезжал в СССР для работы в ВИРе или в Институте генетики. Однако выбор иностранцев из числа друзей Николая Ивановича оказался весьма избирательным. Известным коллегам Вавилова из США, Великобритании, ФРГ и Франции приглашений не послали. На конференцию приехали лишь знавшие Вавилова генетики и селекционеры из ГДР, Болгарии, Югославии, Финляндии, Швеции, Мексики и Чили, которых пригласили не для серьезных научных докладов, а для того, чтобы они поделились своими воспоминаниями о встречах с Николаем Ивановичем. Мировая коллекция культурных растений, собранная во время экспедиций Вавилова и его учеников, играла все большую и большую роль в исследованиях по генетике и селекции растений в разных странах, так как в течение своей недолгой жизни Николай Иванович поработал во множестве природных зон и климатических поясов мира. Приглашение на мемориальную вавиловскую конференцию получил и Н. В. Тимофеев-Ресовский, который несколько раз принимал Вавилова в своей лаборатории в Берлине и встречался с ним в США на Генетическом конгрессе в 1931 году. Был приглашен и В. Д. Дудинцев. Благодаря П. М. Жуковскому официальное приглашение получил и я. Местом для заседаний, проходивших 11–15 декабря, стал, естественно, Институт растениеводства, знаменитый ВИР, которому недавно присвоили имя Н. И. Вавилова. Приехал на симпозиум и сын Николая Ивановича Юрий Николаевич – физик. Приглашенных ученых, советских и иностранных, разместили в знаменитой гостинице «Астория», находившейся рядом с ВИРом.

Я всегда радовался приездам в Ленинград. Здесь прошло мое детство, наша семья жила в Ленинграде до 1937 года. В 1967-м в Ленинграде жили две мои тети, Сима и Надя, и двоюродная сестра Веточка, ей было тогда тринадцать лет. Из Обнинска в Ленинград я привез две копии микрофильма книги по истории генетической дискуссии в надежде, что именно здесь на юбилейных торжествах может представиться случай для отправки ее Лернеру в США.

Сам мемориальный симпозиум и связанная с ним конференция стали для меня большим разочарованием. Председательствовал на заседаниях П. П. Лобанов, президент ВАСХНИЛ. Никто не забыл, что, будучи в то время министром совхозов, Лобанов был председателем разгромной сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, которая установила монополию Лысенко. Несколько выступлений о вкладе Н. И. Вавилова в науку создали впечатление, что он был вполне счастливым и заслуженным советским ученым. О борьбе в генетике и селекции, как и о трагедии Вавилова и других ученых ВИРа в 1937–1940 годах, никто не вспоминал. Обща-

установка программы, очевидно, «сверху» была на примирение, по пословице «кто старое помянет...», что соответствовало еще одному указанию М. А. Сулова: «Не будем обнажать наши язвы». Но примирить науку с псевдонаукой невозможно. Это относится и к истории науки. Труды конференции были вскоре опубликованы (Н. И. Вавилов и сельскохозяйственная наука. М.: Колос, 1969).

Тимофеев-Ресовский не делал на этой конференции доклада, и не было на ней никакой свободной дискуссии и прений. Реальный обмен мнениями происходил вне зала заседаний. Николай Владимирович был рад встретить своих старых друзей: профессора Ганса Штуббе президента Сельскохозяйственной академии ГДР, Оке Густафссона (Åke Karl Gustafsson) шведского генетика, известного своими исследованиями мутаций у растений, и других. У каждого иностранного ученого, их было около двадцати, все пожилые, но достаточно известные, были советские переводчицы, сопровождавшие их повсюду, включая обеды, театры и концерты. Во всех случаях это были молодые женщины, безупречно владевшие английским, немецким или французским, а в двух случаях и испанским языком и знавшие при этом научную терминологию. Тимофеев-Ресовский первым предположил, что столь совершенное знание немецкого и английского у молодой дамы, прикрепленной к Густафссону, можно было получить лишь в каких-то специальных школах, где обучали не только основным языкам, но и местным диалектам.

Мне несколько раз удалось поговорить с Густафссоном, шведским профессором генетики Лундского университета. Он был членом нескольких академий, в том числе и Национальной академии наук США. На конференции он сделал короткий доклад о пребывании Н. И. Вавилова в Швеции в сентябре 1931 года, Густафссон сопровождал его в поездке по опытным станциям и фермам страны. Вавилов тогда пообещал, что в Советском Союзе скоро будут такие же тучные поля, как и в Швеции. Во время обеда в ресторане гостиницы, кажется, 14 декабря мы с Густафссоном оказались вдвоем. Я спросил его, знает ли он Добжанского и Михаила Лернера. Он ответил утвердительно. «У вас есть какая-то просьба?» – догадался Густафссон. Я объяснил ему проблему. На свободном стуле лежали наши пальто. «Положите ваш пакет в карман моего пальто, – сказал Густафссон, – и через неделю он будет у Лернера». Я начал говорить что-то о его переводчице, но он лишь засмеялся: «Это слишком очевидно... ее готовили к работе именно со мной... она хорошо знает и мою биографию».

За несколько дней мы стали друзьями, встречаясь за завтраками, ланчами и ужинами. По окончании конференции я все же решил проводить Густафссона в аэропорт. К гостинице была подана «Волга», «переводчица» сидела рядом с водителем. Когда Густафссон, имевший лишь ручной багаж, прошел паспортный контроль и исчез в зале для отлетающих, я предложил нашей сопровождающей отправиться по домам. Ее ждала «Волга», услугами которой я надеялся воспользоваться. «Я пока не могу уехать, – ответила она, – у нас строгое правило ждать до отлета самолета».

Через две недели Михаил Лернер сообщил мне открыткой, что получил шведский подарок.

Юбилейный год

1967-й был годом юбилейным – 50 лет Великой Октябрьской революции. Перед СССР стояла задача убедительно доказать всему миру преимущества советской модели социализма, а значит, продемонстрировать собственные достижения во всех областях жизни. Главным достижением стало с 1957 года освоение космоса. Советский спутник и Юрий Гагарин стали символами СССР. В 1966 году был создан, еще по проектам покойного главного конструктора Сергея Павловича Королева, имя которого почти все узнали лишь из некролога^[5], новый космический корабль «Союз», рассчитанный на трех космонавтов и способный к стыковкам с другими космическими кораблями.

Соккрытие имен главных разработчиков военной техники было продуманной политикой. Оно переносило славу их достижений на руководителей партии и правительства. На 1967 год были запланированы запуск пилотируемого космического корабля «Союз-1» и стыковка его с «Союзом-2». Общение двух экипажей в космосе должно было поразить весь мир. В экипаж «Союза-1» готовили не только Владимира Комарова, уже опытного космонавта-инженера, дважды Героя Советского Союза, но и Юрия Гагарина, который хотел вернуться к космическим полетам. Три проведенных испытания беспилотных «Союзов» оказались неудачными, но, несмотря на неудачи, которые, как обычно, скрывались, было принято решение отправить пилотируемый «Союз-1» с одним Владимиром Комаровым, оставив Юрия Гагарина дублером. Резервных космических кораблей уже не осталось. «Союз-2» в случае успешного запуска должен был состыковаться на следующий день с «Союзом-1». Корабль с Владимиром Комаровым успешно вышел на орбиту 23 апреля. Однако солнечные батареи по неизвестным причинам не раскрылись. Необходимой энергии для стыковки и жизнеобеспечения не было. Программа полета «Союза-2» была отменена, и Комаров получил команду спускаться на Землю. При входе в плотные слои атмосферы не раскрылся основной парашют, а запасной запутался в стропах, раскаленная капсула с космонавтом внутри ушла глубоко в землю. Гибель Комарова потрясла всех.

Юбилейный год в Институте медицинской радиобиологии

В научных институтах юбилейный год отмечался конференциями, и ИМР не стал исключением. Сборник трудов конференции ИМР «Радиация и организм: 50-летию Советской власти посвящается» хранится в моей библиотеке до сих пор. Первый доклад, «Радиационная генетика популяций», сделал Н. В. Тимофеев-Ресовский, второй, «Радиочувствительность организма млекопитающих», – В. И. Корогодин с сотрудниками. Наш отдел уже явно доминировал в экспериментальной работе института. Из восьмидесяти опубликованных докладов почти двадцать вышли из трех лабораторий отдела радиобиологии и генетики. Мой доклад «Действие облучения на биосинтез гемоглобина» обобщал результаты опытов, начатых еще в 1963 году.

В январе 1967-го я закончил новую книгу «Молекулярно-генетические механизмы развития». Ее быстро одобрили в издательстве «Медицина» и в редакционно-издательском совете при Президиуме АМН СССР. В марте рукопись была сдана в набор, и я стал получать

листы корректуры. Был обеспечен и перевод книги на английский в нью-йоркском издательстве «Plenum Press», уже без моего непосредственного участия. «Медицина» (бывший Медгиз) имела право продавать права на перевод с рукописей или версток, обеспечивая иностранных партнеров качественными копиями иллюстраций. (Пятитысячный тираж моей книги на русском языке поступил в продажу в начале 1968 года, на хорошей бумаге и с суперобложкой, а на английском – в 1970-м.)

Юбилейный год, однако, был омрачен не только трагедией в космосе. Как-то поздно вечером в мой институтский кабинет прибежал возбужденный Станислав Харлампович – мой друг и старший научный сотрудник отдела радиационной патоморфологии, расположенного этажом выше: «Жорес!.. Срочно нужны двадцать литров абсолютного спирта... Для фиксации легких... Меня вызвали из дома для неотложной работы...» В железном шкафу в комнатке при кабинете я хранил токсичные реактивы и большой запас спирта. Я взял десятилитровую бутылку, Станислав понес вторую. В отделе патоморфологии уже никого не было, рабочий день давно закончился. В препараторской комнате в целлофановых или полиэтиленовых пакетах лежали на льду двенадцать пар свежих человеческих легких, еще желто-серых, с обрезками трахей, явно отпрепарированных совсем недавно у погибших людей, вдохнувших очень концентрированный радиоактивный аэрозоль. В каком-то реакторе (их собирали и испытывали в Обнинске для подводных лодок) произошло, очевидно, расплавление топливной сборки и повреждение герметизации. Предотвратить более крупную аварию кто-то пытался без необходимой защиты. Деталей Харлампович не знал, и я его не расспрашивал. Ему поручили срочно зафиксировать ткани легких для последующей радиоавтографии и микроавтографии, которые могли бы установить природу «горячих» радиоактивных частиц, осевших в альвеолах. Ткани легких явно были источником внешней радиации, но мы ее не измеряли. Закончив фиксацию, мы уехали домой на «москвиче» Харламповича. Впоследствии мы с ним никогда не обсуждали этот случай. Гибель людей и ее причины оставались тайной даже в Обнинске. Сколько еще человек получили различные дозы облучения при этой аварии и куда их отправили, оставалось неизвестным. Все сотрудники пострадавшего «объекта» и члены их семей дают подписку о неразглашении – это обязательное условие денежной компенсации и пенсионных выплат. Я тоже не рассказывал никому об этом эпизоде и не пытался выяснить его причины. Заведующие лабораториями и отделами в ИМР давали обязательную подписку о неразглашении государственных тайн на срок 25 лет. От чтения секретных документов я всегда отказывался, объясняя в спецотделе, что моя работа этого не требует, и допуск к секретным материалам не оформлял.

Забегая вперед, стоит сказать, что в сентябре 2011 года в интервью на разные темы для обнинской «Новой газеты» я упомянул и этот эпизод. Перед публикацией материала редакция попыталась проверить информацию. Харлампович умер несколько лет назад, но его жена Людмила Уклонская сказала, что она «смутно припоминает, как однажды мужа срочно вызвали для работы с легкими, но, по ее мнению, это могли быть легкие животных, умерших во время какого-то эксперимента» (Новая газета. 7 окт. 2011. С. 6). Станислав, по понятным причинам, не рассказывал дома про свою экстренную работу. Экспериментальными животными в то время могли быть лишь мыши, крысы, морские свинки или кролики. Спутать легкие грызунов с человеческими невозможно.

Но о том, что Жорес Медведев случайно узнал секрет произошедшей аварии, нигде не было известно. Харлампович не имел права обращаться ко мне за помощью и, несомненно,

никому об этом не докладывал. У него поздним вечером в тот день просто не было другого выхода. Все это облегчило мою жизнь и в будущем. Жизнь секретноносителей в СССР была слишком сложной и имела множество ограничений^[6].

Политический поворот

Главной политической сенсацией марта 1967 года стал побег в США Светланы Аллилуевой, дочери Сталина. Сорокалетняя женщина, мать двоих детей, кандидат исторических наук, член КПСС и научный сотрудник Института мировой литературы, Аллилуева, приняв фамилию своей матери, не привлекала особого внимания, живя зимой в элитном Доме на набережной, а летом в не менее элитном дачном поселке Жуковка. О том, что она писала мемуары, никто не знал. Побег через Индию был спланирован, очевидно, задолго и с редкой изобретательностью. Рукопись воспоминаний Светлана провезла в урне с прахом своего последнего мужа Баджеша Сингха, престарелого индийского коммуниста, тяжело болевшего уже при вступлении в брак с дочерью Сталина, у которой он был четвертым или пятым супругом. Похоронить мужа по религиозной традиции и его завещанию обязательно следовало на родине, прах покойного развеять над водами Ганга. Вернувшись в Нью-Дели с похорон, Аллилуева сумела войти в американское посольство и попросить политического убежища. При переезде из Индии в США агенты КГБ в Италии по приказу В. Семичастного пытались ее похитить, но операция провалилась. США предоставили дочери Сталина политическое убежище. Ее пресс-конференцию в апреле 1967 года передавали все радиостанции. Я слушал ее по «Голосу Америки». Глушение иностранных радиостанций, эффективное в Москве, было заметно слабее в Калужской области.

Столь крупный провал КГБ привел к неизбежному смещению Семичастного и переводу его на другую работу – министром спорта Украины. На пост председателя КГБ был назначен Юрий Андропов, для которого это стало повышением. Еще в 1966 году Президиум ЦК КПСС получил прежнее наименование – Политбюро, а первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев вернул себе титул генерального секретаря. Эта реформа психологически усиливала власть Брежнева, которой он, однако, не злоупотреблял. Он больше всего любил спокойную комфортную жизнь, охоту, застолья и прочие земные удовольствия. Его гордостью стала большая коллекция спортивных и представительских автомобилей, новые модели которых он получал в подарок от лидеров разных стран. Второй его страстью были ордена и медали, их было у него теперь больше, чем у многих боевых маршалов. Но большинство из них он получил после окончания войны. (Конец войны политработник Брежнев в ранге генерал-майора встретил с семьей боевыми наградами.)

Переход Андропова на пост председателя КГБ сопровождался вводом его и в состав Политбюро, сначала кандидатом. Соответственно происходило и значительное расширение этого ведомства, особенно его политических функций. Постепенно начали создаваться отделы и группы КГБ для борьбы с «идеологическими диверсиями» – таким расплывчатым термином стали обозначать почти все формы политической оппозиции или просто критики властей. Эти отделы объединились в новое, Пятое управление КГБ, получившее название Управление по организации работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. Впоследствии его переименовали в Управление по защите конституционного строя СССР. Штат управления, имевшего областные и региональные отделы, был определен в 2500

человек. Все эти подробности стали известны лишь в 1992 году после рассекречивания переписки между КГБ и ЦК КПСС. Именно из этих рассекреченных документов я узнал впоследствии, что Жорес Медведев попал под более плотное наблюдение КГБ в 1967 году.

31 июля 1967 года КГБ в докладной с грифом «Совершенно секретно» сообщал в ЦК КПСС:

«Комитет госбезопасности докладывает, что, по полученным данным, проживающие в Обнинске Калужской области кандидат биологических наук МЕДВЕДЕВ Жорес и его близкий знакомый Павлинчук Валерий приступили к размножению на пишущей машинке неопубликованного романа А. Солженицына “В круге первом” с целью распространения его среди научных сотрудников в г. Обнинске. Для этой же цели планирует свою поездку в Обнинск научный сотрудник Института истории АН СССР ЯКИР Петр Ионович, который известен как участник ряда антиобщественных проявлений и выступающий с политически вредными заявлениями.

Учитывая, что роман А. Солженицына “В круге первом” является политически вредным произведением, в случае выезда Якира П. И. в Обнинск и получения им экземпляров романа считаем необходимым Якира П. И. задержать и изъять у него эти рукописи, а в отношении Медведева Жореса поручить Обнинскому горкому КПСС принять меры к пресечению его антиобщественной деятельности.

Прошу рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности Андропов» (Росс. гос. архив новейшей истории. Коллекция. Ф. 89, перечень 17, док. 45).

Судя по подписям, документ прочитали Суслов, Кириленко, Пономарев и другие члены Политбюро (кроме Брежнева). Общая резолюция была: «Согласиться».

Эта докладная в ЦК КПСС была основана на ложной информации, полученной, по видимому, в результате прослушивания разговоров Якира, который никогда не отличался осторожностью. Роман «В круге первом» я прочитал еще в январе 1965 года на квартире генетика В. П. Эфроимсона в Москве. Он был знаком с Солженицыным и получил от него рукопись на хранение. Друзья могли читать, но без выноса из квартиры. Я тогда провел у Эфроимсона почти сутки. Роман по советским стандартам был очень интересен, но слишком перегружен многочисленными отступлениями и рассуждениями. Это было почти 900 страниц машинописи. Для самиздата такой большой объем не годился. Вообще никаких рукописей самиздата я не перепечатывал и не распространял. Павлинчук, молодой, талантливый физик-теоретик, был в 1967 году моим хорошим другом. Он, как я уже упоминал, являлся одним из главных членов обнинской команды КВН.

Валерий Алексеевич Павлинчук

Валерий Павлинчук в середине 60-х годов был наиболее яркой фигурой в Обнинске среди молодых физиков. В 1964 году, когда я с ним познакомился, ему исполнилось лишь 27 лет. Но, будучи уже сотрудником теоретического отдела Физико-энергетического института (ФЭИ), он возглавлял и парторганизацию отдела. Чем конкретно он там занимался, я не

знал, вопросов об этом работникам секретных институтов обычно не задают. Именно Павлинчук стал инициатором создания обнинской команды КВН. Ему принадлежала и идея организации Дома ученых в клубе ФЭИ, в котором он стал председателем Программного совета. От имени Дома ученых Павлинчук приглашал многих известных тогда писателей, артистов и ученых, большинство которых соглашались приехать в Обнинск для встреч, выступлений и дискуссий. Власть партийных и местных городских организаций в Обнинске была слабой просто потому, что институты были секретными и «московского» подчинения. Даже секретарь Калужского обкома Кандренков не мог, например, пройти на территорию ФЭИ, где каждое здание имело собственную систему пропусков.

В 1965 Павлинчук, Валентин Турчин, Николай Работнов и Юрий Конобеев, все из теоретического отдела ФЭИ, начали готовить небольшую книжку «Физики шутят», которая после публикации в 1966 году в издательстве «Мир» быстро оказалась советским бестселлером. Научный юмор стал новым жанром. В книжке были собраны различные юмористические, шутливые высказывания, необычные случаи из жизни и карикатуры знаменитых зарубежных и советских физиков. Некоторые имели политический подтекст.

Благодаря многочисленным контактам в Москве, у Павлинчука появилась возможность добывать и привозить в Обнинск и некоторые работы самиздата для прочтения, главным образом, сотрудниками ФЭИ. На его деятельность, по-видимому, обратили внимание и в Москве. Для выступления в Доме ученых удалось пригласить Анастаса Ивановича Микояна, ставшего пенсионером в 1965 году. Сталинского наркома встретили сначала настороженно. Но он, опытный оратор, подробно рассказал, как именно ему удалось, прилетев на Кубу в 1962 году, уладить без серьезных конфликтов известный Карибский кризис, грозивший миру атомной войной. Его характеристики Хрущева, Кастро и Кеннеди оказались исключительно интересными. Отношение к Микояну сразу изменилось. В честь гостя в клубе ФЭИ устроили обед. Один из сопровождавших Микояна, пожилой человек, быстро нашел с молодыми физиками общий язык. Он пригласил Павлинчука к себе домой в Москве и показал ему продукцию не только *самиздата*, но и *тамиздата* – книги на русском, изданные за границей. Он разрешал Павлинчуку брать некоторые из них в Обнинск, но по возвращении книг всегда интересовался, кто именно прочитал ту или иную работу. (Впоследствии я узнал, что он оказывал такие же «услуги» и некоторым московским диссидентам.) Среди диссидентов такие вопросы обычно не задавались. Но Павлинчук был доверчив и неопытен. Однажды он привез из Москвы книги Милована Джиласа «Новый класс» и «Три встречи с Сталиным». Это была формально запрещенная литература. Она служила приманкой для многих. Обыск, вскоре проведенный в теоретическом отделе ФЭИ, обнаружил книги Джиласа, письмо Ф. Раскольникова Сталину и некоторые другие нелегальные издания. Была создана комиссия горкома КПСС, в которую 14–17 ноября 1967 года вызывали «на собеседование» работников теоретического отдела. Павлинчук, признанный зачинщиком, был исключен из КПСС и лишен допуска к секретным работам, что означало автоматическое увольнение из ФЭИ. Вскоре он попал в больницу. У него обострился хронический нефрит. Пересадок почек в то время еще не делали, но почечный диализ, который уже был освоен, мог бы спасти жизнь Валерия. На всех больных диализных аппаратах, однако, не хватало, и решение о том, кого именно следует лечить этим методом, принималось в Министерстве здравоохранения СССР. Павлинчук не попал в число привилегированных пациентов. Похороны Валерия Павлинчука превратились в Обнинске в демонстрацию. Приехало много москвичей. Был среди них и тот пожилой партиец, который

обеспечивал ФЭИтамиздатом. Процессию с гробом через город по проспекту Ленина снимали видеокамерами, фиксировались и прощальные речи на кладбище.

В это время готовилось второе, расширенное издание книги «Физиики шутят». Ее подписывали к печати уже после смерти Павлинчука. В новом названии «Физиики продолжают шутить» был ясный для всех намек, который цензура не смогла уловить.

Юбилейный год в геронтологии и Алекс Комфорт

Всесоюзное геронтологическое общество и киевский Институт геронтологии АМН СССР отмечали полувековой юбилей Октябрьской революции организацией международного симпозиума в Киеве по теме «Биология старения», который был запланирован на начало июня. Я выступил на нем с докладом «Генетические аспекты старения». Иностранцев ученых приехало немного. Среди них была Анна Аслан (Anne Aslan) из румынского Института геронтологии, утверждавшая, что их институт создал препарат геровитал, способный омолаживать стариков. Приехал и 86-летний Фриц Верзар (Friz Verzar), директор небольшого швейцарского частного Института геронтологии, автор теории старения, связывавшей этот процесс с ростом числа сшивок между волокнами коллагена. Принял приглашение и Алекс Комфорт, автор лучшей в то время книги по биологии старения «The Biology of Senescence», второе издание которой было как раз в то время переведено на русский язык. А. Комфорт в 1965 году основал в Англии новый международный журнал *Experimental Gerontology*, что расширяло возможность публикации статей по проблемам старения, не относящихся к медицине.

Киевский Институт геронтологии АМН СССР, созданный в 1956 году по инициативе старейшего тогда члена ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. Е. Ворошилова, стал крупнейшим в этой области не только в Европе, но и в мире. Стареющие члены советского руководства верили, что продление жизни теми или иными препаратами возможно, и не скупилась на финансирование работ института. Здесь была создана довольно большая клиника, в которую помещали только долгожителей, людей, достигших возраста не менее 95 лет. Научная задача состояла в том, чтобы раскрыть секреты их долгой жизни, исследовать их физиологию, биохимию, питание и образ жизни. К 1967 году, когда Ворошилову было уже 84 года, институт все еще не выработал для него никаких рекомендаций и не подтвердил полезные свойства геровитала.

Алекса Комфорта я знал уже давно, но лишь по переписке. Я прочитал еще первое издание его книги, вышедшее в Лондоне в 1956 году. Второе издание, появившееся в 1964-м, было явно лучшей в мире книгой по общей биологии старения, хотя автор не старался пропагандировать какую-либо главную теорию. Я рекомендовал книгу Комфорта к переводу в Издательстве иностранной литературы, только что переименованном в издательство «Мир», и русский перевод появился именно в начале 1967 года. Несколько экземпляров я привез в Киев вместе с небольшим гонораром в рублях, который издательство выплачивало в случае приезда дружественных авторов в СССР по приглашению. В то время я не знал, что А. Комфорт является не только геронтологом. Его интенсивная и плодотворная деятельность в этой области, казалось, не оставляла времени для других занятий. Он читал курс сравнительной геронтологии на кафедре зоологии Лондонского университета и был, безусловно, наиболее авторитетным геронтологом не только в Англии, но во всей Европе. А в Киеве во время наших с ним бесед и прогулок по городу я обнаружил, что он в первую

очередь писатель и поэт. Алекс написал и опубликовал двенадцать романов (первый – когда ему было всего 18 лет), четыре поэтических книги и несколько пьес. По политическим убеждениям Комфорт был анархистом. Он не занимал оплачиваемых штатных должностей и вел научную работу по небольшим грантам, не создавая лаборатории. К тому же Алекс был пацифистом и активным противником атомного оружия. Он участвовал в демонстрациях против ядерных испытаний и за ядерное разоружение, за участие в одной из них он поплатился месяцем тюрьмы, деля камеру с лордом Бертраном Расселом, лауреатом Нобелевской премии по литературе, инициатором этого протеста. Но я также не знал, что Комфорт был еще и авторитетом в области эротики. После визита в Индию в 1964 году он перевел на английский с санскрита знаменитую книгу древней эротики «Камасутра». Необычной особенностью Комфорта, возможно объяснявшей столь большую продуктивность (к 57 годам он написал больше пятидесяти книг по многим темам), была его исключительная быстрота мышления, отражавшаяся и в очень быстрой разговорной речи. К медицине он относился скептически, называя ее «индустрией болезней».

Но при всей широте интересов и кругозора Комфорт почти совсем не знал СССР, куда приехал первый раз. Киев произвел на него большое впечатление. Красивый, хорошо спланированный город с прекрасным метрополитеном. Современные здания и старинные соборы, удобный транспорт, обеспеченное население, отсутствие трущоб, множество парков и бульваров, величественный Днепр. Ему хотелось посмотреть в Киеве и квартал «красных фонарей», обязательную часть любой западноевропейской столицы, и он был удивлен отсутствием здесь этого привычного признака «свободного мира».

В беседах мы затрагивали и политические темы, в частности цензуру и контроль переписки. В Лондон Комфорт увез по моей просьбе «Письмо Солженицына IV Всесоюзному Съезду Советских Писателей». Я получил его по почте 15 мая, за три дня до открытия съезда писателей. Солженицын отправил до начала этого форума делегатам и друзьям 250 копий, каждую с собственноручной подписью и обратным рязанским адресом. Текст письма при его составлении в начале мая он обсуждал с Тимофеевым-Ресовским. В это время Солженицын жил в «Борзовке», возле Обнинска, интенсивно писал (как сейчас известно, заканчивая) «Архипелаг» и часто приезжал к Тимофееву-Ресовскому записывать его образные рассказы об аресте, допросах, следствии, Карлаге, этапах и пересылках. Многие из этих рассказов вошли в «Архипелаг», я их впоследствии узнавал даже по стилю. Солженицын записывал их без магнитофона, по памяти, и в них, особенно в биографии Николая Владимировича, есть неточности. Но о том, что Солженицын писал тогда эпопею ГУЛАГа, ни Тимофеев-Ресовский, ни я ничего не знали. Это был большой секрет автора. Столь широкая рассылка Солженицыным письма съезду означала фактическую передачу его в самиздат и в *тамиздат*. Не будучи приглашенным на съезд, он этого и хотел. Когда Комфорт спросил, кому передать письмо Солженицына в Лондоне (я отправлял оригинал с подписью), я ответил: «В Бушхауз». В здании с таким названием (Bush House) размещалась русская служба Би-би-си.

Начало правозащитного движения

Реальное правозащитное движение в СССР началось в результате судебного процесса над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, который был формально открытым и продолжался с осени 1965 до февраля 1966 года. Этих авторов литературных произведений,

иногда сатирических, обвиняли по статье 70 УК РСФСР, предусматривавшей лишение свободы до семи лет «за антисоветскую агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления советской власти». Литературные произведения, опубликованные во Франции, под эту статью явно не подходили, и сам по себе суд в значительно большей степени мог служить и служил антисоветской пропагандой. Синявского приговорили к пяти, Даниэля к семи годам лишения свободы. В движение за освобождение писателей включились сотни людей. Но власти решили не сдаваться. Поскольку ни литературу, ни публицистику нельзя было считать антисоветской пропагандой и агитацией, в конце 1966 года был принят дополнительный закон (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г.) 190.1, рассматривавший как преступление «систематическое распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Сроки по этой статье, до трех лет, были немного скромнее. Именно по этой статье предполагалось преследовать авторов и распространителей самиздата и *тамиздата*, и нам с Роем необходимо было теперь это учитывать.

Лично я примерно в тот период решил сосредоточиться, в дополнение к научным исследованиям, на работе по защите прав ученых. Советская практика резко ограничивала возможность сотрудничества советских ученых, даже в полностью открытых областях, со своими коллегами в других странах. Существовало множество ограничений на переписку, обмен литературой, участие в международных конференциях и симпозиумах. Все еще доминировало представление, что большинство научных дисциплин можно разделить на «материалистические» и «идеалистические». Ученые не могли подписываться на иностранные журналы, а лишь на их копии, которые изготовлялись и подвергались цензуре во Всесоюзном институте научной и технической информации. При этом некоторые статьи оригинальных изданий в копии не включали и их заголовки удаляли из содержания. Публикация тех или иных результатов исследований в иностранных журналах соответствующего профиля была почти нереальна для тех советских ученых, которые хотели следовать всем действующим правилам. Публикации же в советских журналах не имели мировой научной аудитории. Существование научных журналов на украинском, армянском или грузинском языках было вообще напрасной тратой средств в угоду национальному престижу. (Кстати, научных академических журналов нет ни на голландском, ни на греческом, ни на каких других языках небольших наций, есть лишь научно-популярные.)

Особенно раздражало наличие почтовой цензуры личных писем, отправляемых за границу и получаемых оттуда. Случаи пропажи писем участились в 1967 году. Именно в тот период я начал собирать фактический материал по теме «Международное сотрудничество ученых и национальные границы». Основной целью этой работы было показать, что развитие науки ведет к ее международной интеграции. В определенной степени это относилось и к другим сферам деятельности, не только творческим (литература, музыка, живопись), но и к техническим. Я не идеализировал капитализм – свободную рыночную экономику, слишком зависимую от ограниченных ресурсов планеты. Именно борьба за ресурсы вела к войнам. Плановая экономика казалась мне логичной и оправданной. Но государственная идеология советской системы, которая вводила жесткий контроль не только в экономическую, но и в интеллектуальную деятельность людей, в их духовное развитие и творческую активность, становилась чем-то вроде политической религии. Разочаровывал низкий культурный уровень советских лидеров. Лидеры стран с государственной

коммунистической идеологией, подобно лидерам религиозных обществ, оправдывали свою власть доктринами, которые невозможно обосновать. Монархии были пережитком прошлого. «Великая культурная революция», которая развернулась в Китае в 1966 году без какого-либо объективного повода и начала использовать массовый террор хунвейбинов против интеллигенции именно в 1967 году, стала ярким примером опасности тоталитарной коммунистической диктатуры. С другой стороны, в Греции, на родине демократии, власть в 1967 году захватила хунта полковников, установившая военную диктатуру и применявшая террор против коммунистов. Неограниченный рост потребительства не имел перспектив для людей, живущих в условиях ограниченных ресурсов биосферы Земли. Но рост культурных ценностей, как я считал, не может иметь пределов. Данте, Леонардо да Винчи, Моцарт и Пушкин сделали для будущего всего человечества больше, чем освоение космоса.

Одним из главных событий 1967 года была короткая израильско-арабская «шестидневная» война, завершившаяся полным разгромом египетской, сирийской и иорданской армий. Под контроль Израиля перешли Иерусалим, Голанские высоты и вся территория Синайской пустыни до Суэцкого канала. Победа Израиля стала дипломатическим и политическим поражением СССР, который поддерживал и вооружал арабские страны. Но эта победа послужила одновременно мощным стимулом движению советских евреев, а это миллионы людей, за свободу эмиграции на «историческую родину». Во многих отношениях правозащитное движение, порожденное арестами писателей и цензурой, сливалось с более массовыми требованиями права на свободу эмиграции. Это слияние заслоняло патриотический характер правозащитной деятельности. В то же время закрытие Суэцкого канала, ставшего границей между Израилем и Египтом, вызвало экономическую депрессию в Западной Европе, потерявшей короткие морские торговые пути в Индию, Китай и, главное, к арабским и иранским источникам нефти. В связи с этим резко возросла роль СССР как поставщика нефти для Европы. Сильно пострадала и японская экономика. Супертанкеров (500 тысяч тонн и выше) тогда еще не было. Суэцкий канал был жизненно важным для мировой торговли.

В таких условиях какая-либо борьба за демократические реформы в СССР становилась крайне сложной. Наши аргументы состояли в том, что расширение творческой свободы может лишь усилить страну и что знание всей исторической правды служит надежной опорой для правильной национальной и государственной политики, гарантией неповторения ошибок прошлого. Между политическими лидерами и народом должно быть доверие и взаимопонимание.

Политическое развитие стран происходит не только в результате экономических процессов, постепенно меняющих классовый состав общества. Важную роль играют и идеи. Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами, – этот тезис Маркса полностью отражал реальную действительность. В 1967 году, при всей противоречивости происходивших событий, массами людей в СССР и в странах СЭВ начинали овладевать идеи социалистической демократии, или демократического социализма («социализма с человеческим лицом»), и идеи свободы интеллектуального творчества, не ограниченного политической цензурой. В наиболее яркой и убедительной форме критика открытой и тайной цензуры литературного творчества была сформулирована Солженицыным в его ставшем знаменитым письме IV съезду Союза советских писателей.

Процесс проникновения новых политических идей вылился в массовое народное движение в конце 1967 года в Чехословакии и привел к событию, получившему название

«Пражская весна». Существовало множество причин для того, чтобы политическая цензура в социалистических странах впервые была отменена именно в Чехословакии. Событие это не было исключительно чехословацким феноменом, ему способствовало множество международных исторических факторов и даже то, что наиболее либеральный международный политический журнал «Проблемы мира и социализма» выходил на многих языках именно в Праге и не подвергался, благодаря авторитетной редколлегии, дополнительной цензуре. Сказалось и то, что Чехословакия была очень молодой страной, возникшей лишь в 1919 году как социал-демократия после подписания Версальского договора, пережила нацистскую оккупацию и была насильно реформирована с применением террора в 1945–1948 годах в коммунистическую диктатуру. У Чехословакии не было длительной национальной и политической истории. Чехи и словаки, объединение которых в одной стране было искусственным, все еще искали для себя национальную идею. Другой ключевой фактор состоял в том, что именно в Чехословакии выдвинулся новый популярный коммунистический лидер Александр Дубчек, пользовавшийся доверием народа. И как лидер он сформировался не в «номенклатурном» партийном или государственном аппарате, а пройдя путь рабочего, воина, подпольщика-антифашиста и получив впоследствии юридическое и партийное образование. «Пражская весна» воодушевляла и советскую интеллигенцию, которая воспринимала события в Чехословакии как начало нового этапа в развитии социализма. Мы надеялись, что такой процесс начнется и в СССР.

По Протве в Пущино

В первых числах июня 1968 года, в начале школьных каникул, мы со старшим сыном Сашей решили совершить байдарочный поход из Обнинска в Пущино, новый город, построенный как научный биологический центр Академии наук СССР. Строительство его началось в 1962 году на правом берегу Оки в очень живописном месте, и к 1968 году здесь уже работали пять научных институтов: биофизики, белка, биохимии и физиологии микроорганизмов, почвоведения и фотосинтеза. Существовал и проект создания там филиала МГУ.

В Пущине в вычислительном центре работал инженером мой старый школьный друг Юра Седов, тоже оказавшийся в Тбилиси в эвакуации в 1942 году. Впоследствии он закончил Институт связи в Баку. Мне хотелось посмотреть новые научные институты.

Нескольких ученых, работавших в Пущине, я знал давно. В Москве строительство новых институтов и даже расширение старых было уже затруднительно – для них просто не было места. Но уезжать далеко от Москвы известные ученые не хотели. Пущино же находилось в Московской области, и директора институтов и некоторые заведующие лабораториями могли работать там, а жить в Москве, получив при этом в Пущине вторую, «служебную» квартиру.

Запланированный маршрут составлял почти 120 км по Протве и еще около 30 км по Оке. Собрав нашу трехместную байдарку на садово-огородном участке, расположенном на берегу реки, ниже по течению, но уже за плотиной Обнинского водохранилища, взяв два одеяла, запас продовольствия и воды, мы отправились в поход. Ночевать мы надеялись в прибрежных деревнях, тогда это было просто. За пять рублей легко можно было снять комнату в какой-нибудь избе. Одинокие вдовы военных лет с пенсиями 15–20 рублей радовались любым гостям. Колхозы здесь были бедные, половина жителей в деревнях – пенсионеры, дети которых, закончив школу, любыми способами стремились уехать в города. К 1968 году крестьян для работы на полях и на животноводческих фермах не хватало, поэтому, как я уже рассказывал, в напряженные сезоны местные власти отправляли городских жителей – служащих, а также школьников и студентов и даже солдат из военных частей для временных работ на полях, уборки картофеля и овощей. Животноводство все больше переходило на импортные корма и создание промышленных птицефабрик и свиноферм вокруг городов. Бригады комбайнеров, закончившие сбор урожая в южных областях, перебрасывались с июля по сентябрь по железным дорогам на север и на восток – на целинные земли. Деревни в средней полосе России беднели, и сельское хозяйство требовало все больших и больших субсидий.

Путешествие по Протве оказалось для нас огромным удовольствием. Места вокруг были очень красивые. Но на быстрой Протве немало перекатов. В одном месте, где когда-то была плотина для водяной мельницы, мы перевернулись и потеряли запасы продовольствия. Вскоре, возле деревни Дракино, севернее знаменитой Тарусы, взгляду открылось величественное впадение Протвы в полноводную Оку. На правом высоком берегу Оки мы развели костер, испекли картошку и здесь же переночевали.

На следующий день путешествия часам к пяти вечера увидели вдали высокие дома

научного города Пущино. Большие здания институтов строились там по проектам известных архитекторов. Недалеко в небольшом городке Протвино строился на большой глубине под землей самый длинный тогда в мире ускоритель элементарных частиц. Его кольцо по диаметру было почти равно кольцу Московского метро.

На следующий день мы с Юрой Седовым пошли осматривать город. Все институты выстроились по обе стороны широкой Институтской улицы. Вокруг стояли жилые дома. Городского транспорта не было, на работу все ходили пешком. Население Пущина уже приближалось к 25 тысячам. На берегу Оки были пляж и лодочная станция. На противоположном берегу раскинулся уникальный Приокский заповедник, где сочеталась растительность доисторических времен, тайги и южных степей. Там же создали огороженный заповедник для зубров.

Гордостью Института белка были американские ультрацентрифуги, скорость вращения которых позволяла разделять белки по их молекулярному весу. Закупленные через посредников в нейтральных странах за крупные суммы валюты еще в 1960 году, они стали уже анахронизмом. За это время для тех же целей был разработан метод электрофореза белков в гелях, более простой, надежный и, главное, доступный в любой лаборатории. Устаревших импортных приборов было в Пущине множество. Их заказывали еще в период проектирования самого города. Но наука развивалась намного быстрее, чем шло строительство научных городов.

К 1968 году был, в основном в США, расшифрован весь генетический код ДНК, но ни один из 64 кодов не был раскрыт в СССР. Мы могли похвастаться новыми красивыми научными центрами, но до реализации их потенциала, а для этого в основном нужны талантливые ученые, было еще далеко.

В Обнинск мы вернулись через три дня на «Опеле» 1929 года, принадлежавшем когда-то немецкому полковнику или генералу. Этот разбитый при отступлении немецкой армии зимой 1942 года автомобиль нашел в придорожном лесу друг Юры, инженер и бывший танкист. Он восстанавливал его в своем гараже более трех лет, собирая детали вдоль дорог среди разбитой немецкой техники. Капитально ремонтировал он и разбитые немецкие мотоциклы. Поиск и коллекционирование бывшей в боях военной техники, даже римской и средневековой, были, как оказалось, интернациональным хобби, и за рубежом даже выходило несколько специальных журналов. Такую технику покупали военные музеи и киностудии.

Можно ли вылечить лейкемию?

Вернувшись из байдарочного похода, я узнал от Тимофеева-Ресовского, что меня просил приехать к себе на дачу возле Обнинска Солженицын, живший там уже с начала апреля. Александр Исаевич приезжал в Обнинск за продуктами, закупая их обычно сразу на неделю, и иногда заходил к Николаю Владимировичу. На следующий день с утра я поехал в «Борзовку» на частном такси. В Обнинске городского такси еще не было, такого рода транспортные услуги перешли в частный сектор и стоили недорого. До Рождества-на-Истье по Киевскому шоссе в сторону Москвы было около 20 км. Солженицын приехал туда один. Зимой он очень много работал, по 12–14 часов в день, по его словам. Он приехал на дачу в весенний разлив Истья, чтобы побороть неожиданную болезнь, не обращаясь к врачам. В своих воспоминаниях он впоследствии писал:

«К марту у меня начались сильные головные боли, багровые приливы – первый наступ давления, первое предупреждение о старости... Я очень надеялся, что вернутся силы в моем любимом Рождестве-на-Истье – от касания с землей, от солнышка, от зелени». (Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 222).

Я застал Александра Исаевича в бодром и внешне вполне здоровом состоянии. Мы разговаривали, сидя на скамейке у самодельного стола в саду на берегу Истья. Этот стол в хорошую погоду был главным рабочим местом Александра Исаевича. Самочувствие его улучшилось, и он интенсивно работал. Однако мучила бессонница, он не мог спать, да и просто находиться в горизонтальном положении с одной подушкой под головой. В этом случае кровь прилиwała к голове, начиналось головокружение и могла произойти потеря сознания. Нужно было несколько подушек. Электричества в садовые кооперативы не проводили, и Александр Исаевич работал от рассвета до заката. Нередко спал полулежа в кресле. Я сказал, что ему необходимо обследоваться в больнице. Гипертония как возрастная патология была одной из проблем старения человека, по которой я собирал литературу. Симптомы у Солженицына свидетельствовали о том, что у него ослабли функции гладкой мускулатуры артерий и вен мозга и наблюдалось высокое нижнее, диастолическое, давление крови. Верхнее иногда доходило до 180–190 мм ртутного столба. К этому заболеванию привели длительный недостаток сна при интенсивной работе мозга и постоянное беспокойство за судьбу рукописи «ГУЛАГа». Без восстановления нормального кровообращения в мозге могло наступить ослабление «короткой» памяти. Давление крови в артериях повышается в результате сокращения сердечной мышцы. Но при расслаблении этой мышцы кровь гонят назад в сердце при лежащем положении тела сокращения гладких мышц в стенках сосудов венозной системы. (При стоячем положении кровообращению в мозге помогает и просто сила тяжести. Кровообращению в ногах сила тяжести, наоборот, мешает.) Солженицыну требовалось интенсивное систематическое лечение и регулярный профессиональный шейно-воротниковый массаж. Но он о больничном лечении не хотел даже говорить. Лечиться в то время можно было лишь по месту жительства, то есть в Рязани, или в больнице Союза писателей в Москве. Он казенным больницам не доверял и пока лечился настойками трав и отказом от соленых блюд. В Москве друзья приводили к нему знакомых врачей, но эффективных лекарств для лечения гипертонии в СССР в 1968 году еще не было. Я предупредил его, что внезапно наступившая гипертония без быстрых мер лечения и длительного отдыха может перейти в хроническую и необратимую форму.

Солженицын, однако, просил меня приехать к нему на дачку совсем по другому поводу. В семье его рязанских друзей, учителей той средней школы, в которой он учительствовал до 1962 года, дочь Алла, десяти или одиннадцати лет, заболела острым лейкозом, раком костного мозга. Врачи считали летальный исход неизбежным. Мать девочки делала все возможное, чтобы узнать о новых средствах лечения, читала научную литературу и доставала для лечащих врачей разные новые зарубежные лекарства. Но болезнь прогрессировала. В 1968 году в еженедельнике «За рубежом» появилась перепечатка статьи из какой-то американской газеты о том, что в США открыто принципиально новое средство для лечения лейкоза – фермент аминокислотного обмена аспарагиназа, выделяемый некоторыми бактериями. Систематическое введение в кровь аспарагиназы избирательно уничтожало только лейкозные клетки. Но аспарагиназа являлась экспериментальным препаратом, не поступившим еще в медицинскую практику. Проводились, однако, достаточно широкие

клинические испытания с предварительными положительными результатами.

Солженицын знал от Тимофеева-Ресовского, что я в 1967 году смог «разморозить» некоторые зарубежные гонорары В. Д. Дудинцева. За издание за рубежом повести «Один день Ивана Денисовича» Солженицыну много раз обещали гонорары, но никто их так и не присылал. Теперь Александр Исаевич попросил меня узнать о возможности покупки в США аспарагиназы, за которую он готов заплатить из своего американского гонорара. В США «Один день» издавался в 1963 году двумя разными издательствами и имел большой успех.

Выполнить просьбу Солженицына, причем крайне срочно, – острый лейкоз развивается очень быстро, – было чрезвычайно сложно. Но меня привлекала не только возможность спасти девочку и легализовать гонорар для Солженицына, но и сама научная проблема лечения лейкемии. Эта болезнь является профессиональной для людей, имеющих дело с радиацией, и ее лечение было одной из важных тем в работе клинического сектора нашего института. Именно в это время в институте обсуждался вопрос о создании особого депозитария образцов здорового костного мозга, взятых у работников обнинских институтов, образцы предполагалось сохранять при температуре жидкого азота. В результате облучения именно костный мозг, прежде всего стволовые клетки для образования лимфоцитов, является критическим органом. Гибель этих клеток или их перерождение в раковые приводит к смерти от острой лучевой болезни. Пересаженный здоровый костный мозг от донора не приживается. Но собственный костный мозг из депозитария, клетки которого быстро размножаются, регенерируя всю ткань, мог спасти переоблученных людей. Такая возможность была доказана в опытах на животных.

В Центральной медицинской библиотеке в Москве я в ближайшие два-три дня получил, просматривая журналы по онкологии, необходимые сведения. Публикаций о применении аспарагиназы для лечения лейкемии было уже много, но производила этот лечебный препарат лишь одна фармацевтическая компания и продавала его только научным институтам и клиникам. Для меня это не было проблемой, так как я мог заказать препарат для клиники нашего института. Но цена могла оказаться очень высокой. Списавшись с коллегами из Национального института рака в Вашингтоне, я узнал, что аспарагиназу можно купить по цене от 20 до 75 долларов за 1000 международных единиц активности. На курс лечения внутривенными вливаниями длительностью до четырех недель требовалось от 150 до 200 тысяч международных единиц, что стоило бы несколько тысяч долларов. Однако и законный гонорар от бестселлера мог достигать в то время до 100 или даже до 200 тысяч долларов. Так что деньги были бы не проблема, если заставить издателей реально выплачивать гонорар, даже в том случае, когда его обещали при издании. Официально подписанных договоров не было. Директор лаборатории, производящей аспарагиназу, прислал мне прејскурант на разные партии и был готов срочно выслать посылку при условии гарантий оплаты от издательства. Переписка велась с двумя издательствами, оба находились в Нью-Йорке. Но мне отвечали только секретарши, сообщая, что их шефы обещают рассмотреть эту проблему. В течение трех месяцев я так и не получил положительных ответов. Дело затягивалось, и Солженицын уже выражал недовольство, что втянулся в это дело, обнадежив родителей девочки, состояние которой продолжало ухудшаться. В декабре Алла снова оказалась в больнице с очередным обострением. По рекомендации доктора Брума (J. D. Broome), открывшего антилейкозное действие аспарагиназы, я обратился с письмом к доктору Арнольду Д. Уелчу (Arnold D. Welch), директору института медицинских исследований в городе Нью-Брауэвик (штат Нью-

Джерси), где по заказу Национального института рака производили аспарагиназу не для коммерческих целей, а для клинических испытаний, в которых участвовали несколько клиник и сотни, а может быть, и тысячи больных лейкемией. Для одобрения нового препарата в практику необходимы обширные клинические испытания, которые могут продолжаться несколько лет. В конечном итоге в начале января 1969 года срочная посылка с 150 000 единиц аспарагиназы в нескольких десятках ампул была выслана в наш институт рейсовым самолетом. Рязанскую девочку Аллу включили в программу клинических испытаний, поэтому препарат выслали бесплатно. В посылке была подробная инструкция по применению. Врачи в Рязани должны были представить отчет о результатах лечения. Я передал посылку Солженицыну, мы встретились с ним в редакции «Нового мира». В связи с уникальностью случая Аллу перевезли из Рязани в Институт рака в Москве, где лечение проводил врач А. И. Воробьев. Это был первый случай применения в СССР аспарагиназы против лейкемии. В результате лечение привело к ремиссии, но не к полному выздоровлению. После двух ремиссий Алла умерла в 1970 году. Клинические испытания в США также не сделали этот препарат радикальным средством от лейкемии. Надежного лекарства от этой болезни нет и до сих пор. Перспективными остаются лишь пересадка костного мозга от близких родственников и применение стволовых эмбриональных клеток.

Август 1968 г

Оккупация Чехословакии Советской армией и частями армий других стран Варшавского договора стала поворотным событием в истории СССР. Солженицын переживал этот поворот и в связи с публикацией своих произведений за рубежом, поскольку его первый опыт в этом плане начинался через Братиславу. Письмо Солженицына IV съезду Союза советских писателей, распространявшееся в СССР лишь в самиздате, было открыто зачитано на съезде чехословацких писателей.

Мы всей семьей отдыхали в августе в Латвии на берегу Балтийского моря и возвращались домой именно 20 августа. Наш рейс был задержан в аэропорту на четыре часа, так как взлетно-посадочная полоса использовалась для отправки на запад военных самолетов. 21 или 22 августа по всем предприятиям, организациям и учреждениям СССР была разослана секретная директива Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР проведения срочных общих собраний коллективов. Предписывалось обеспечить всенародную поддержку акции советского правительства и его союзников «по оказанию интернациональной помощи братскому чехословацкому народу». Общие собрания в ИМР проводились по отдельности в клиническом и экспериментальном секторах. Явка на собрания была обязательна. Но я не пошел, мой отпуск еще не кончился. Парторг отдела даже не пробовал меня уговаривать. Мое отсутствие было для него облегчением, он больше боялся не моего отсутствия, а моего присутствия, оно могло нарушить единогласие по резолюции. Тимофеев-Ресовский не мог последовать моему примеру. Сделай он так, его бы уволили на следующий же день, и весь отдел оказался бы под угрозой. Мой друг Анатолий Васильев, заведующий лабораторией в соседнем Карповском институте радиохимии, не пошел, и на следующий день его лишили допуска к секретным работам, что означало увольнение. (Впоследствии он смог найти работу лишь водопроводчиком жилотдела.) Всего в Обнинске за сознательную неявку на такие собрания уволили шестнадцать человек. В Москве аналогичное собрание прошло и в редакции «Нового мира». Его проводил Владимир

Лакшин, заместитель редактора. Твардовский в редакцию не приехал, сославшись на болезнь. Отказ от одобрения привел бы к разгону редколлегии. Это все понимали. Лес рубят, щепки летят... В СССР по-прежнему государственные служащие имели шанс проявить смелость и независимость, открыто критикуя директивные решения ЦК КПСС, лишь один раз, второго уже не могло быть. Семеро смельчаков, среди которых я знал лишь Павла Литвинова, внука бывшего сталинского наркома иностранных дел, организовали 25 августа демонстрацию на Красной площади с плакатами «Позор оккупантам» и другими, которые они не успели развернуть. Оперативники КГБ их избили и увезли. В октябре участники этой акции получили разные сроки тюремного заключения.

Неожиданно ко мне в те дни приехал Солженицын. Он все лето жил в «Борзовке» и работал над романом «В круге первом», возвращая ему «первородный» вид, – вариант, находившийся в 1964 г. в «Новом мире» и впоследствии конфискованный у Теуша, был «облегчен» изъятием некоторых глав, которые не могли бы получить одобрение редколлегии и пройти цензуру. Была изменена и фабула сюжета. Солженицын, конечно, не знал о директивах ЦК КПСС, требовавших обеспечить «всенародную поддержку». Поэтому подготовил короткий протест против оккупации Чехословакии под неудачным названием «Стыдно быть советским!». Мне он не предложил его подписать, ему требовались громкие, известные на Западе имена. В своих очерках «Бодался теленок с дубом» он пишет:

«Сердце хотело одного – написать коротко, видоизменить Герцена... Бумага сразу сложилась. Подошвы горели – бежать, ехать. И уже машину заводил (ручкой).

Я так думал: разные знаменитости, вроде академика Капицы, вроде Шостаковича... еще Леонтовича, а тот с Сахаровым близок... еще Ростроповича, да и к Твардовскому же, наконец, – и перед каждым положу свой трехфразовый текст...

Зарычал мотор – а я и не поехал. Если подписывать такое – то одному. Честно и хорошо...

В такой момент – я способен крикнуть! Но вот что: главный ли это крик? Крикнуть сейчас и на том сорваться... Надо горло побережь для главного крика...» (Париж, 1975. С. 242–243).

Но это были уже поздние размышления и оправдания.

В те дни Солженицын решил приехать все же со своим протестом к Тимофееву-Ресовскому. Он почему-то думал, что Николаю Владимировичу, прошедшему все круги ГУЛАГа, терять нечего. По моим личным наблюдениям, бывшие заключенные, особенно те, кто прошел через пытки на следствии, были намного осторожнее, чем другие, «небитые». Память о страданиях в лагерях остается навсегда. (В советскую психиатрию вошел термин «лагерный страх».) Свобода и наличие каких-то прав кажутся бывшим зэкам временными, люди, творившие террор, и доносчики живут свободными вокруг них и нередко – занимают высокие посты. Система не изменилась. Я пытался отговорить Солженицына от визита к Тимофееву-Ресовскому, но он не слушал. Ему хотелось узнать мнение человека, которого нельзя было, как всех нас, причислить к числу «советских».

Открыв дверь и увидев нас вдвоем, Тимофеев-Ресовский сразу, конечно, понял, зачем мы пришли. Других разговоров в те дни не было. После ставших традицией теплых объятий

сокамерников Николай Владимирович сам начал разговор, не дав Солженицыну и рта раскрыть.

«А ведь здорово наши немцев опередили, – сказал он довольно громко, – чехи им продавались под видом демократии... Открыли границу для свободного выезда из ГДР в ФРГ. Знаю я этих чехов, для них австрийцы и немцы ближе русских... не православные они, культура у них германская, католическая... Россия для них страна дикая, азиатская...»

Тимофеев-Ресовский говорил громко, он был давно уверен, что его квартира прослушивается. Такое мнение Тимофеева-Ресовского о чехах не было конъюнктурным. Он действительно считал, что восточноевропейские страны – Венгрия, Чехословакия и Польша, а тем более ГДР – страдают от своей насильственной изоляции от Западной Европы и не рассматривают СССР как образец для своего будущего. Для Солженицына вершиной европейской культуры была именно русская культура. Он как бы окаменел сразу, нахмурился, глаза потемнели. Сел на стул и слова не мог вымолвить. «Лелька, – крикнул Николай Владимирович, – чайку нам приготовь!» Это был обычный ритуал во время визитов Солженицына, сопровождавшихся долгими беседами. Но Александр Исаевич уже встал, заторопился... «Забегал лишь на минутку, дела еще есть срочные...» Вышел не прощаясь, сел в свой «москвич» и уехал.

После этого визита Солженицын к Тимофееву-Ресовскому никогда не приходил и даже не спрашивал о нем. Но в автобиографических записях он продолжал причислять Николая Владимировича к своим близким друзьям. Ссоры не было. Произошло как бы полное одностороннее отмежевание. Это тем более удивительно, что во взглядах на будущее России ни Тимофеев-Ресовский, ни Солженицын не были демократами. Оба считали просвещенный авторитаризм лучше классической демократии. У Солженицына этот взгляд дополнительно переплетался с разными православно-религиозными ограничениями и признанием важного значения церкви, что в последующем отразилось в его знаменитом «Письме вождям Советского Союза», фрагменты которого уже содержались в его нередких письмах членам Политбюро, которые он отправлял в 1967 и 1968 годах. Тимофеев-Ресовский, прочитав в мае 1968 года кем-то принесенный ему «Меморандум» академика Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», высказывался о нем крайне критически:

«...Вы представляете, что будет, если у нас вдруг демократия появится?.. Ведь это будет засилье самых подонков демагогических! Это чёрт знает что! Прикончат какие бы то ни было разумные методы хозяйствования, разграбят все что можно, а потом распродадут Россию по частям... В колонию превратят... Вы читали это знаменитое письмо академика Сахарова? Почитайте. Оно по Москве ходит... Такая наивная чушь, какая-то устарелая технократия предлагается... человек не знает, что делается в мире, не понимает в политике, в экономике» (Магнитофонные записи бесед Тимофеева-Ресовского «Из воспоминаний». М.: Прогресс, 1995. С. 349).

«К суду истории» издается в США

Подготовленный сценарий быстрых перемен в руководстве Чехословакии осуществить, однако, не удалось из-за тотального сопротивления всего населения республики. Дубчек

оставался лидером партии. Была перекрыта лишь граница с ГДР и ФРГ, чтобы остановить поток выезжающих из страны и переезды немцев из Восточной Германии в Западную. Наиболее активным сторонником вмешательства в чехословацкие реформы считался лидер ГДР Вальтер Ульбрихт (Берлинскую стену построили в 1961 году именно по его инициативе). Но мы ожидали мер по подавлению всех форм оппозиции и в СССР.

И Роя и меня, естественно, беспокоила теперь судьба книги «К суду истории», объем которой приближался к тысяче страниц, и неизбежным стало наше решение опубликовать ее за границей. Для этого я отснял две копии микрофильма. В сентябре у меня еще продолжался отпуск (в институтах, имеющих дело с радиацией, рабочий день сокращен до семи часов, а отпуск увеличен до шести недель).

Наши опасения не были преувеличенными. Рассекреченные после распада СССР документы ЦК КПСС показывают, что 4 августа 1968 года председатель КГБ Андропов докладывал в ЦК КПСС (Записка № 2095-А с грифом «Секретно»):

«Комитетом госбезопасности оперативным путем получен новый вариант рукописи МЕДВЕДЕВА Р. А. “Перед судом истории” (фотокопия прилагается). Медведев дополнил рукопись материалами о репрессированных в прошлом ученых-физиках с анализом их научных возможностей, школ, которые они представляли в науке, и тех идей, которые не были осуществлены ими. Указанные данные МЕДВЕДЕВ получил от академика САХАРОВА, с которым в настоящее время близких отношениях... Книга МЕДВЕДЕВА, после того как она будет закончена, безусловно, пойдет по рукам, вызовет много нежелательных толков, так как основана на тенденциозно подобранных, но достоверных данных, снабженных умело сделанным комментарием и броскими демагогическими выводами. В связи с этим представляется необходимым вызвать МЕДВЕДЕВА в Отдел пропаганды ЦК КПСС, провести с ним обстоятельный разговор и, в зависимости от его результатов, решить вопрос о дальнейших мерах, которые предотвратили бы появление этой книги...

Прошу рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ».

Рассмотрение записки Андропова и фотокопии рукописи почти в тысячу страниц дело не быстрое. Заключение ЦК КПСС «О рукописи Р. А. Медведева “Перед судом истории”» подписанное зав. отделом пропаганды В. Степановым, зав. отделом науки С. Трапезниковым и зав. отделом культуры Е. Шауро и направленное в КГБ, было датировано 11 февраля 1969 года. Читали рукопись, конечно, не эти высокопоставленные партийные чиновники, а какие-то их консультанты и эксперты.

ЦК КПСС предлагало суровые меры:

«Все содержание рукописи Р. А. Медведева носит четко антисоветский характер. Целесообразно принять все меры, чтобы воспрепятствовать переправке этой клеветнической рукописи за границу. На наш взгляд, приглашать Р. А. Медведева на беседу в Отдел пропаганды нет необходимости... считали бы

целесообразным поручить соответствующим партийным органам рассмотреть вопрос о пребывании Р. А. Медведева в партии».

Директива об исключении Р. А. Медведева из КПСС поступила, как и следует по уставу, в первичную организацию, где она рассматривалась в присутствии членов райкома КПСС. Юридические меры против членов партии, по правилу, введенному после XX Съезда КПСС могли приниматься лишь после исключения «обвиненного» из партии. Роя Медведева начали вызывать для объяснений в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС. Формальное исключение состоялось лишь в августе 1969 года. За исключением из партии не последовало, однако, увольнение с должности заведующего сектором Института профессионального обучения АПН СССР. Наоборот, пришла инструкция из ЦК КПСС поручить Р. А. Медведеву дополнительно инспекцию еще нескольких школ. Цель состояла в том, чтобы оставить ему меньше свободного времени для исторических исследований. Но предотвратить отправку рукописи за границу все эти меры не помогли. Отснятый микрофильм увезла в начале 1969 года в Вену Елизавета (Лиза) Маркштейн (Elizabeth Markstein), член австрийской компартии, в прошлом работник Коминтерна. Отец Лизы был одним из основателей Коммунистической партии Австрии. После оккупации Австрии Германией семья Маркштейнов жила в СССР, и Лиза, тогда еще школьница, имела двойное гражданство. У нее было много друзей среди бывших австрийских и немецких работников Коминтерна. Некоторые из них прошли через сталинские тюрьмы и лагеря. В этот кружок входили и Лев Копелев, друг Солженицына, и Екатерина Фердинандовна Светлова, мать Наталии Светловой, которая в 1969 году стала фактически женой Солженицына. У Роя тогда еще не было опыта заграничных публикаций. Но его книга была в то время (а возможно, и сейчас) лучшим и наиболее полным в мировой литературе историческим исследованием всего феномена сталинизма, преступлений Сталина и их последствий. Она основывалась на первичном фактическом материале, документах, десятках неопубликованных воспоминаний, сопровождалась обширной библиографией и открывала множество неизвестных ранее страниц в истории СССР. Эту книгу не следовало, конечно, запускать в самиздат или печатать в случайных издательствах Италии или Австрии, на нее необходимо было заключить, с соблюдением всех формальностей, договор с наиболее уважаемым американским издательством политической и исторической литературы. Нужен был и авторитетный западный редактор-историк, свободно владеющий русским языком. Издание должно было соответствовать лучшим международным стандартам. Обсудив эту проблему, мы с Роем решили попросить участвовать в этом проекте профессора Дэвида Журавского, заведующего кафедрой истории университета в Иллинойсе. Журавский был моим другом, он часто приезжал в СССР, и я ему полностью доверял. Он только что закончил свою академическую книгу о Лысенко. Для ускорения всех процессов мы решили, что перевод, заказанный опытному профессиональному переводчику, и все редакционные расходы будут оплачиваться за счет авторского гонорара. Нельзя было допустить, чтобы издательство сэкономило на столь важной работе. Автор отказывался и от традиционного аванса, что было необычно для американцев. Нам нужно было показать, что издание книги не преследует коммерческих целей. (Вскоре Журавский заключил договор на издание книги Роя с нью-йоркским издательством «Alfred A. Knopf», которое считалось наиболее авторитетным и престижным в США, что обеспечивало перевод книги и во многих других странах. Отредактированная книга на английском, с именным и предметным указателями, составила

около 700 страниц. Все переводы в других странах делались в последующем с английского издания, а не с русской рукописи. Но это лишь способствовало успеху книги. Она вышла одновременно в США и Англии очень быстро, уже в 1971 году, и переводилась на многие языки. (В США в 1989 году вышло новое, дополненное издание объемом 900 страниц. С русского расширенного издания переводились недавно лишь китайское и сербохорватское.)

«В круге первом» издается в США

Роман «В круге первом» был передан Солженицыным за границу «на хранение» еще в 1964 году. Но этот вариант романа 1964 года, содержащий 87 глав, был «облегченным», он готовился как «проходной» специально для возможной публикации в «Новом мире». В самиздате роман не циркулировал, в отличие от «Ракового корпуса». За границей Солженицын хотел теперь опубликовать полную первоначальную версию, о которой никто не знал, то есть не «Круг-87», а «Круг-96» – с другим сюжетом и главами о Сталине. В августе и в сентябре 1968 года. Александр Исаевич жил один на дачке возле Обнинска и срочно «гнал, кончал “Круг-96”».

Публикация «Круга-87» в США, а затем и в Европе явилась результатом решения Солженицына, принятого им в 1967 году. Отправляя свое знаменитое «Письмо IV Съезду Советских Писателей» и не зная возможных последствий конфронтации, вызванной публикацией этого письма за границей, он решил укрепить свое положение изданием сразу двух больших романов, приносящих ему репутацию «великого» писателя. Эта стратегия оказалась успешной.

В воскресенье 22 сентября 1968 года Солженицын приехал ко мне утром в Обнинск, как обычно, без предупреждения, с необычной просьбой. Он хотел, чтобы я тут же, в его присутствии, сделал микрофильм нового варианта романа, объяснив вкратце, что это и есть истинный «Круг». В рукописи было примерно 900 страниц машинописного текста через полтора интервала. Солженицын уже знал по прежним визитам, что у меня дома была профессиональная установка для микрофильмирования с лампами дневного света. Я применял специальную мелкозернистую пленку, используемую для микрофильмирования радиоактивных аэрозольных частиц в воздухе, рулон такой пленки подарили мне друзья-физики. Эта пленка обеспечивала четкое изображение текстов, по две страницы в кадре. В обычную кассету можно было вкрутить 42–44 кадра. Большой чулан при кабинете служил мне фотолабораторией с запасами проявителя и фиксажа. (В прошлом микрофильмы для Солженицына делала Решетовская «с рук», с нестабильным освещением и на обычных пленках. Это затрудняло фокусирование, и каждый кадр нужно было проверять с лупой, повторяя фотографирование при неудачах. Как мне стало известно позднее, многие кадры этих микрофильмов все же оказались почти слепыми и требовали замены. Этим, возможно, объяснялось и столь неожиданное обращение к моей помощи.) Я работал с фотоаппаратом «Зенит», он прочно фиксировался на штативе на точном фокусном расстоянии от фотографируемого текста.

Без лишних слов мы сразу взялись за работу. Я делал снимки, Солженицын менял страницы. Отсняв несколько кассет, я шел в чулан, проявлял, промывал и быстро сушил пленки сначала спиртом, потом на воздухе (при длительной сушке на воздухе на пленках оседает много пыли). Работал при темно-красном свете. После последней промывки спиртом вывешивал пленки в комнате, и Солженицын проверял их с лупой. Пропуска

страниц и брака не было. Я тем временем готовил новую серию кассет. На всю рукопись их потребовалось 27 штук. Работа продолжалась шесть часов без перерыва. Свернув все пленки в коробочки и выпив чаю, Солженицын уехал, отказавшись от обеда. Во время работы мы не разговаривали, объясняясь знаками. Солженицын боялся, что моя квартира прослушивается, что было маловероятно, так как дома у нас велись только семейные разговоры. Я, конечно, понимал, что микрофильм делался для отправки за границу. («Круг-96» был впервые опубликован на русском издательством YMCA-Press в Париже лишь в 1978 году, но не переводился почти 30 лет. Двух вариантов этого романа с разными сюжетами в переводах на европейские языки до 2009 года не появилось.) По словам Солженицына получалось, что сокращенный вариант романа оказался на Западе случайно, через самиздат. В действительности именно этот вариант анонсировался в 1964 году «Новым миром», а его рукопись была конфискована в сентябре 1965 года у Теуша. Никто тогда не знал, что это «куцый Круг-87». Но еще в 1964 году микрофильм этой рукописи по просьбе Солженицына был вывезен «на хранение» во Францию Вадимом Леонидовичем Андреевым, сыном известного русского писателя Леонида Андреева. В начале 1967 года Солженицын встретился в Москве с его дочкой Ольгой Вадимовной и просил ее немедленно опубликовать роман в США. От его имени был заключен договор с издательством в Нью-Йорке «Harper & Row», и русское издание вышло в США в феврале 1968 года с мировым копирайтом. Маловероятно, что Солженицын об этом не знал. Мне это издание привез американский друг Дэвид Журавский. В городе Эванстон, где он жил, было отделение этого издательства. Готовя микрофильм «Круга-96» к отправке за границу и изданию в YMCA-Press Солженицын, очевидно, надеялся на возможность замены текстов. Но было уже поздно. В этом издательстве уже печатался сокращенный вариант романа, который вышел в Париже в 1969 году. И главной проблемой для писателя оказалось плохое качество поспешных переводов. Американское издание романа «В круге первом» не подходило для издания в Англии. Между американским английским и классическим английским существует заметная разница. Англичане не любят американизмов, американцы не любят англицизмов. В Лондоне весь перевод этого романа делался заново сразу тремя переводчиками и вышел в 1968 году. Солженицынские тексты вообще было крайне трудно переводить, особенно лагерные сюжеты. Многих слов, употребляемых Солженицыным, не было ни в каких словарях. Ему следовало кончать с самиздатом и брать все издания и переводы под жесткий юридический контроль. В этом помогла ему та же Лиза Маркштейн, порекомендовавшая писателю солидного швейцарского адвоката Фрица Хееба (Fritz Heeb), специалиста по интеллектуальной собственности. Лиза дружила с Екатериной Фердинандовной Светловой, матерью Наталии Дмитриевны. Екатерина Фердинандовна тоже входила в круг бывших работников Коминтерна. Хееб был швейцарским коммунистом, но перешел к левым социалистам после событий в Венгрии в 1956 году. Его отец, один из основателей швейцарской компартии, был знаком с Лениным и Троцким. В этот же круг входил и Лев Копелев. В Германии они были связаны с Генрихом Бёллем. У этой группы имелись контакты и с Вилли Брандтом, левым социал-демократом, в то время мэром Западного Берлина. Для Солженицына эта связь именно с левыми социалистическими немецкими группами была в тот период весьма полезной.

Необходимое пояснение

Роман «В круге первом» я прочитал в начале 1965 года в квартире В. П. Эфроимсона, который был знаком с Солженицыным и получил от него экземпляр без разрешения на перепечатку. Это был «Круг-87». «Круг-96» я смог купить в Лондоне в 1978 году. В новом предисловии автор писал:

«...чтобы дать роману хоть слабую жизнь, сметь показывать и отнести в редакцию, я сам его ужал и искажил, верней – разобрал и составил заново...

...Впрочем, восстанавливая, я кое-что и усовершенствовал: ведь тогда мне было сорок, а теперь пятьдесят.

написан – 1955–1958

искажен – 1964

восстановлен – 1968».

Эта новая для меня версия имела совершенно другой сюжет, принципиально менявший отношение читателей к главным героям повествования. В том варианте, который был предложен «Новому миру» в 1964 году как «только что законченный», композиция детективного сюжета («завязка») строится вокруг телефонного звонка дипломата Иннокентия Володина ученому-медику, профессору Доброумову, бывшему в прошлом их семейным доктором, недавно открывшему средство от рака и хотевшему сообщить об этом французским коллегам. Разгадкой личности говорившего по голосу занимался по сюжету секретный институт МГБ («шарашка»), в котором работали заключенные. В «Круге-96» тот же дипломат Володин звонил в посольство США в Москве военному атташе, чтобы срочно сообщить ему государственную тайну советской разведки – «важные технологические детали производства атомной бомбы».

В первом случае Иннокентий Володин совершал гуманный поступок, стараясь предупредить друга семьи о возможной опасности. Симпатии читателя были на его стороне. Во втором случае тот же Володин легкомысленно и неумело совершал акт предательства, измены родине, который наказуем по законам любой страны. По свидетельству Льва Копелева (прототип Льва Рубина в романе), опубликовавшего воспоминания «Утоли моя печали» (Анн Арбор: Ардис, 1981), сюжет с атомной бомбой и агентом по имени Коваль соответствовал реальным фактам. Однако эти факты и на 1968 год составляли все еще государственную тайну. Тайной было и имя агента Жоржа Абрамовича Ковалья (George Koval), который работал под собственным именем ведущим научным сотрудником, с допуском ко всем секретам, в Окриджской национальной лаборатории в Теннесси, где велась работа по созданию атомных бомб. Коваль был американцем, родившимся в США в 1913 году в еврейской семье, эмигрировавшей в США в 1910 году из Витебска. В 1948 году он тайно переехал в СССР и жил скромно и незаметно, занимаясь научной работой в одном из институтов АН СССР. Он умер в 2006 году. Посмертно, 27 октября 2007 года, ему было присвоено звание Героя России. Именно эта награда и заявление В. В. Путина о том, что Коваль очень существенно ускорил советскую атомную программу, вызвали сенсацию в США. В последующие годы о неизвестном ранее советском агенте в США появилось множество публикаций в печатных изданиях и в Интернете.

Второй вариант «Круга» был напечатан в СССР в «Новом мире» в 1990 году и затем несколько раз переиздавался. Иностранные переводы осуществлялись с первого варианта. Перевод на английский «Круга-96» был сделан лишь в 2009 году. Публикации Копелева и

Солженицына на русском языке, в которых было раскрыто реальное имя советского супершпиона, остались в США не замеченными.

Увольнение Тимофеева-Ресовского

Как я уже рассказывал выше, в 1969 году Н. В. Тимофеева-Ресовского отправили на пенсию с двухнедельным пособием, но, не заработав минимального трудового стажа для пенсии (как и его жена Елена Александровна) и не будучи реабилитированным, он остался без денег. Николай Владимирович шутя говорил, что при острой нужде продаст золотую Кимберовскую медаль, бронзовой копии, мол, вполне достаточно. В конце 1968 года в Обнинск прислали очень консервативного и решительного секретаря горкома КПСС И. В. Новикова, чтобы ликвидировать в городе всякое инакомыслие. Ему особенно не нравилось, что квартира Тимофеева-Ресовского стала центром притяжения для научной молодежи. Здесь каждую среду («Тимофеевские среды») обсуждались проблемы мировой литературы и истории искусства. Особенно популярными были записи на старых грампластинках, вывезенных из Германии: выступления Шаляпина в эмиграции и замечательного хора донских казаков, оказавшихся после Гражданской войны в Калифорнии. Они гастролировали по Америке и пели старинные русские песни с каким-то особым чувством тоски по родине, вызывавшим нередко слезы. Все певцы были явно с Дона и, конечно, немолодые. О русской диаспоре в Европе, США, Канаде и Австралии мы тогда почти ничего не знали. А это были миллионы людей и сотни знаменитостей. Тимофееву-Ресовскому предложили перенести свои «культурные вечера» из квартиры в местный клуб. Он отказался. Уволенный, он продолжал ходить в институт, чтобы консультировать своих аспирантов и обсуждать результаты опытов. Никого в качестве замены на должность заведующего отделом не предлагали. Сам Николай Владимирович никогда ни на что не жаловался и ничего не просил: «Нам с Лелькой хватает на топленое молочко», – отвечал он обычно на вопросы о деньгах. Участились приглашения прочитать лекцию в Москве, в частности из очень престижного Института медико-биологических проблем Минздрава – это был фактически Институт космической биологии. Лекции оплачивались, хотя и очень скромно. Но руководители институтов не присылали за лектором машину, хотя могли бы, и не отвозили его на машине обратно домой. В Москву Николай Владимирович, и в дождь, и в снег, и в мороз с ветром, ехал на электричке, ожидая ее на платформе вечно с непокрытой головой и в легком пальтишке. Электрички нередко опаздывали, иногда на 15–20 минут. Добравшись за два часа до Киевского вокзала, приходилось брать такси. Так же возвращался назад. Электрички не всегда отапливались, туалетов в вагонах не было. С плохим зрением да с привычкой к курению такие поездки на лекции были для Тимофеева-Ресовского нелегким испытанием. Попытка обменять обнинскую квартиру на меньшую московскую провалилась сразу. Неснятая судимость лишала Тимофеева-Ресовского права жить в Москве и ближе ста километров от ее границ.

Тайна переписки. Законы и реальность

Лиза Маркштейн успешно привезла микрофильм рукописи Роя в Австрию и отправила его историку Жоржу Хаупту (Georges Haupt), социалисту и профессору одного из парижских университетов. Ж. Хаупт, которого я не знал, планировал предложить рукопись одному из

хороших французских издательств – «Grasset». Для обычного самиздата это, может быть, было бы и неплохо, но в данном случае первое издание книги на французском, а не на английском было нецелесообразно. Французские издания распространяются в основном во Франции, переводить с французского на другие языки намного труднее, чем с английского, и книга не получает столь быстро международного статуса. У меня была генеральная доверенность Роя на ведение всех его дел. Поэтому я срочно отменил этот план телеграммой Маркштейн и Хаупту, а в заказных экспресс-письмах все объяснил и попросил переслать все материалы Журавскому в США. При таком варианте Хаупт становился вторым редактором английского издания. Это обеспечивало ему 8 % авторского гонорара за возможную редакционную работу. Маркштейн и Хаупт, безусловно, понимали преимущества первого издания книги на английском и с копирайтом Alfred A. Knopf. Поэтому они сразу выполнили мои рекомендации. Хаупт обеспечил быстрый французский перевод уже с английского, а не с русского текста и как редактор французского издания написал обширное (21 страница) предисловие. Книга вышла во Франции в 1972 году под названием «Le Stalinisme» в одном из лучших издательств Парижа «Editions du Seuil».

Вопросы, связанные с изданием рукописи «К суду истории» за границей, неизбежность чего стала очевидной для нас уже в конце 1968 года, требовали от меня довольно обширной переписки. Сначала я послал Журавскому полное оглавление. Это был обычный текст, микрофильмы я по почте никогда не отправлял. Оглавление требовалось Журавскому для переговоров с издательством. Я уже знал, что переписка за границу перлюстрируется. Но пропадала лишь часть писем, многие доходили. Все письма я отправлял заказными и с уведомлениями о вручении. За пропажу таких писем, согласно международному почтовому кодексу, отправитель мог бы получать приличную компенсацию. Но в СССР получение компенсации требовало судебного разбирательства, так как почта всегда отрицала свою вину. У меня не было времени на судебные разбирательства. Но при каждой пропаже я писал жалобу начальнику Международного почтамта Б. Асланову. Судя по последующим событиям, стало ясно, что многие из моих писем попадали в различные отделы КГБ. В конце концов там, наверное, поняли, что братья Медведевы планируют публикацию книги «К суду истории» в США или во Франции. Однако в их досье на нас накапливались только мои письма. О существовании микрофильмов никто не знал. Почти все машинописные толстые копии оригинала были, возможно, уже на учете.

В начале 1969 года я ожидал выхода в США своей книги о Лысенко на английском. При почтовой отправке из США такая книга неизбежно была бы задержана почтовой цензурой и поступила бы прежде всего в КГБ и затем в ЦК КПСС. Какие могут быть «оргвыводы», я лишь предполагал, поэтому попросил Лернера не присылать мне отпечатанные экземпляры почтой, а ждать оказии.

Главным риском в то время была переписка по поводу книги Роя «К суду истории». Оказий не было, и приходилось пользоваться услугами почты. Солидные издательства не издают книг без официальных договоров и копирайта. С самиздатом не хотелось рисковать, так как не было гарантий, что у других издательств нет копий («Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына в 1963 году вышел в шести разных издательствах только на английском, и они спорили и судились по поводу копирайта.) Поэтому между мной, имеющим советскую генеральную, нотариально заверенную доверенность от Роя, и издательством нужно было заключить договор через адвоката-посредника, который составил бы обстоятельный документ, передававший права Журавскому и Хаупту, а те в свою очередь

издательству. Все это неизбежно приводило к обширной переписке. Услуги адвоката тоже оплачивались из авторского гонорара. С помощью адвоката создавался особый фонд, как счет в банке, на который перечислялся гонорар, а затем происходило распределение гонорара между автором, редакторами, адвокатом, наблюдавшим за фондом, и переводчиком, что теоретически делало переводчика заинтересованным в успехе книги и гарантировало добросовестность перевода. Адвокаты в США стоят дорого. Но игра стоила свеч. Главным было все же качество перевода и значимость самой изданной книги. В этом были заинтересованы все, и в первую очередь само издательство. Параллельные «пиратские» издания, иногда организуемые даже КГБ (как это было с «Воспоминаниями» Хрущева книгой Светланы Аллилуевой и даже с «Размышлениями» А. Д. Сахарова, а впоследствии с «Письмами вождям» Солженицына), в таком случае маловероятны. Издатель-пират мог потерять через суд больше. (Пиратским изданием, часто через Виктора Луи, КГБ перехватывал инициативу по книге, уже ушедшей за рубеж, мог поменять содержание и обеспечивал заработок своим оперативникам. Виктор Луи был самым богатым в Москве журналистом.)

Но моей перепиской интересовались и другие. 11 февраля 1969 года меня вызвал к себе начальник первого отдела (ведавшего «секретностью») ИМП А. М. Шевалдин. Все такие отделы вместе с их начальниками курировались каким-то отделом КГБ. Шевалдин вынул из сейфа три конверта с погашенными марками, но распечатанные. Это были мои письма Журавскому и Хаупту, отправленные как заказные экспресс-почтой с Международного почтамта у Ленинградского вокзала, а не из Обнинска (для быстроты). С содержанием писем Шевалдин был ознакомлен, получив их лично спецпакетом от начальника Международного почтамта Асланова. По этим письмам, уже переведенным на русский, мой собеседник мог понять, что обсуждается публикация книги. Но полной картины он не знал и хотел устроить мне допрос. Я с возмущением ответил, что и он и тем более Асланов нарушают не только закон, но и Конституцию СССР, гарантирующие свободу и тайну переписки. Мои письма были частные, имели обратным адресом мой почтовый ящик и не относились к моей работе в институте. Отвечать на его вопросы я отказался и пообещал, что подам на Асланова в суд. На следующий день я написал заявление, потребовал вернуть мне мои письма и процитировал статьи Уголовного кодекса РСФСР, Конституции СССР и Почтового кодекса СССР, которые показывали, что начальник Международного почтамта и начальник первого отдела ИМП совершили уголовно наказуемые действия. Аналогичное заявление я написал в Министерство связи СССР.

Около десяти дней прошли относительно спокойно. В прокуратуру с жалобами на нарушение законов я пока не обращался, ожидая дальнейших событий. В один из этих дней без телефонного предупреждения за мной из административного корпуса прислали машину. Вызывал директор. Но, когда я прибыл, он сразу ушел на срочные медицинские процедуры. В его кабинете сидели: замдиректора В. П. Балуда, секретарь партийного бюро К. С. Шадурский, начальник первого отдела А. М. Шевалдин и секретарь горкома КПСС по вопросам идеологии С. Н. Копылов. Копылов был главным, так как только перед ним лежала папка с какими-то бумагами. Мне объяснили, что беседа будет касаться моей переписки с иностранцами. Я сразу перебил, что готов обсуждать здесь лишь мою служебную переписку, которая отправлялась через канцелярию института и готовилась в рабочее время. Свои частные письма я обсуждать не буду, это мое конституционное право. Мне начали задавать разные другие вопросы: о событиях в Чехословакии, о Павлинчуке, о Лысенко и т. д.

Копылов неожиданно спросил о Солженицыне. Я ответил, что у нас дружеские отношения, которые никого здесь не касаются. Многие вопросы были несерьезными, и я на них отказывался отвечать («Какие общественно-политические издания вы выписываете?» – «Проверяйте на почте», – ответил я). Разговор длился почти три часа.

На следующий день мне в лабораторию привезли пакет, за который я расписался. В пакете был приказ директора: на основании таких-то и таких-то параграфов положения о конкурсах и приказа министра здравоохранения об упорядочении количественного состава лабораторий ИМР освободить Ж. А. Медведева от должности заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии. Лабораторию молекулярной радиобиологии сливали с лабораторией радиационной генетики. Копию приказа мне не оставили. Приказ был датирован днем вчерашнего заседания, его, очевидно, там же и составили. Приказ был незаконным и противоречил многим нормам Кодекса законов о труде (КЗоТ). Через десять дней я получил свою трудовую книжку. В ней было записано: «Уволен как не соответствующий занимаемой должности». В КЗоТе для научных работников имелась такая статья, но подобное решение принималось лишь на основании выводов институтского ученого совета. Для завершения общей картины я уже составил заявление о незаконном увольнении из ИМР на имя прокурора г. Обнинска Ф. Я. Митрофанова. В прокуратуре меня принял помощник прокурора. Он показал мне «Разъяснения» к КЗоТу «для служебного пользования», утвержденные Верховным судом СССР. Согласно этим разъяснениям, суды могли рассматривать жалобы о незаконных увольнениях лишь рядовых работников, а увольнение руководящих работников могло быть опротестовано только в административном порядке. Еще около двух недель я занимался передачей оборудования и имущества лаборатории в другие отделы, в основном в лабораторию биохимии и в отдел биофизики. Штат лаборатории радиационной генетики Тимофеева-Ресовского тоже сокращался, но постепенно. Риту и двух лаборанток перевели в лабораторию радиационной биохимии. Инженер Стрекалов перешел в лабораторию радиобиологии, младший научный сотрудник Оля К. – в лабораторию биофизики. Мой первый научный сотрудник С., о котором я писал выше, перешел на работу в биохимическую лабораторию при Кремлевской больнице в Москве. Еще один сотрудник предпочел перевод в лабораторию иммунологии. Все были устроены. С середины марта 1969 года я впервые оказался в положении безработного. Но тут подоспело сообщение от Михаила Лернера из США о том, что моя книга «The Rise and Fall of T. D. Lysenko» опубликована в Нью-Йорке и что все первые рецензии оценивают ее очень высоко.

Ликвидация отдела генетики и радиобиологии

Увольнение в марте-апреле 1969 года сразу двух заведующих лабораториями, Тимофеева-Ресовского и Медведева, практически разрушало работу всего отдела радиационной генетики и радиобиологии, которая только начинала приносить значимые научные результаты, обобщенные в виде книг и научных публикаций. В течение 1964–1968 годов наши две лаборатории уже имели в своем активе четыре новых монографии и около сорока статей о проведенных экспериментах и обзоров в научных журналах и сборниках. Намеченная тематика только начиналась.

Исследовательская работа во вновь создаваемых лабораториях разворачивается в СССР всегда очень медленно, поскольку научные руководители не имеют возможности самостоятельно распоряжаться финансовыми фондами и штатными единицами, которые планируются в академиях на каждый год. При системе грантов, уже доминировавшей в то время в США и во многих других странах, руководитель того или иного проекта, одобренного на конкурсной основе, получал финансирование своей работы сразу на пять-шесть лет, открывал счет в банке и сам определял расходы на персонал и оборудование. Получение гранта обеспечивало независимость ученого от административных вмешательств, подобных тем, которые имели место в Обнинске в 1969 году. Рисками для ученого при системе грантов могли быть лишь плохая работа, неудачи в получении ожидаемых результатов и отсутствие серьезных публикаций. В этом случае у него не было шансов получить следующий грант. В университетах профессор, не имевший важных публикаций, потеряв свою грантовую лабораторию, мог остаться работать в качестве лектора и преподавателя. В США для профессоров не существовало фиксированного пенсионного возраста. В разных странах условия для завершения научной работы неодинаковы, но ни в одной из цивилизованных стран не могло бы произойти ликвидации двух продуктивных лабораторий по директивам партийно-политических чиновников из-за того, что один из заведующих слишком увлекательно в собственной квартире рассказывал молодым ученым о своей работе и жизни в других странах, а другой стал жертвой перлюстрации спецслужбами своих частных писем.

Лаборатории могут долго жить и продуктивно работать лишь на основе преемственности. Взамен уходящего, в связи с возрастом или по другим причинам, лидера выдвигается кто-либо из его учеников, способных сохранить уже созданную научную школу. В моем случае такой школы еще не было, было лишь четко сформулированное направление исследований. Планировалось провести за пять-шесть лет сравнение радиационных изменений у молодых и старых мышей. Первые популяции старых мышей стали только появляться в 1969 году. С моим увольнением лаборатория просто переставала существовать. Но одна из тем – по белкам клеточных ядер – сохранилась. Ее вела Рита с двумя лаборантами уже в лаборатории радиационной биохимии. За Тимофеевым-Ресовским давно была всемирно известная международная школа и были талантливые ученики. Большинство из них самостоятельно работали за рубежом, возглавляя лаборатории и кафедры в ГДР, ФРГ, Италии, США, Дании и в других странах. Но с 1955 по 1968 год у Тимофеева-Ресовского сформировалась не только генетическая, но и радиационно-экологическая школа в СССР, и

большинство его уральских учеников приехали с ним в Обнинск. С его уходом не по своей воле на пенсию предполагалось, что лабораторию возглавит кто-то из его учеников. Наибольшие шансы имелись у Владимира Иванова, недавно защитившего докторскую диссертацию.

Однако в 1968 году в Академии медицинских наук СССР был создан новый Институт медицинской генетики. Его первым директором стал академик В. Д. Тимаков, специалист по генетике микробов и бактериофагов. Профессиональных медицинских генетиков в СССР в то время еще не было, всю отрасль предстояло создавать заново. Тимакова вскоре избрали президентом АМН СССР, он начал переводить генетиков из Обнинска в Москву в свой новый институт, и В. И. Иванов возглавил там лабораторию. Туда же перешли и другие генетики из Обнинска. В. И. Корогодин тоже переехал в Москву в Институт дрожжей, а затем в Дубну, где возглавил биологический отдел. Исследования по радиационной экологии в ИМП также постепенно прекратились.

Нелегальная безработность

Получить работу по биохимии где-либо, кроме Института медицинской радиологии, в Обнинске было невозможно. Материальная сторона этой проблемы нас с Ритой поначалу не беспокоила. Гонорары за две книги, изданные Медгизом в 1963 и 1968 годах, мы хранили на сберкнижке. Рита работала младшим научным сотрудником. Зарплата была небольшая, но мы всегда жили экономно. Овощи и фрукты нам обеспечивал участок в садово-огородном кооперативе, где я мог проводить теперь больше времени. В перспективе с 1970 года я мог рассчитывать и на гонорары из США за книгу «The Rise and Fall of T. D. Lysenko», которая оказалась очень востребованной и успешной. По сообщениям Михаила Лернера, редактора книги, права на перевод с английского были уже проданы почти во всех европейских странах и в Японии. Получать зарубежные гонорары в СССР через Внешторгбанк в то время уже не составляло проблемы.

В стадии подготовки у меня были две новые книги, также рассчитанные на хождение среди ученых и на возможное издание за рубежом. Одну из них, «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», я начал писать еще в 1968 году с целью обосновать и развить идею о том, что фундаментальные науки, такие как физика, химия, биология, генетика и другие, развиваются как единое целое, вне зависимости от национальных границ. Эта общеизвестная истина, которая никем не оспаривалась, например, в Голландии или в Англии, отрицалась в СССР. У нас все еще считалось, что в каждой отрасли знания существует идеологическая основа и что советская наука имеет какие-то особые преимущества. На практике внедрение такой лжетеории приводило к тому, что членство в КПСС оказывалось для научной карьеры важнее таланта. Для научных исследований в современном обществе нужны лаборатории, приборы и, естественно, финансирование. Обеспечение этих условий на основе политических соображений лишало науку оригинальности, обрекало ее на копирование чужих достижений. В моей книге особо подчеркивалась необходимость общения ученых разных стран посредством конференций, конгрессов, симпозиумов и свободного обмена научными идеями. Все это иллюстрировалось конкретными примерами, которые показывали, что попытки ограничить советскую науку рамками соцлагеря и контролем партийных чиновников способствуют лишь расцвету всевозможных псевдоучений вроде лысенкоизма. Эта работа была

впоследствии опубликована в Англии, и поэтому нет необходимости подробно пересказывать здесь ее содержание. Вся система международного сотрудничества СССР не только в области науки, но и в области литературы, искусства и обычного туризма была порочной и конфликтной и не отражала тех традиций, по которым Россия успешно развивалась как нация в течение столетий.

Издание моей книги по истории генетической дискуссии в СССР «Взлет и падение Т. Д. Лысенко» и книги Роя «К суду истории» о происхождении и последствиях сталинизма не через стихию самиздата, независимо от воли или контроля автора, а на основе непосредственного сотрудничества с иностранными издательствами и с обеспечением международного авторского права стало открытым вызовом существовавшей в СССР практике взаимоотношений между КПСС и научной и творческой интеллигенцией. Эта практика была установлена еще при участии Ленина и Троцкого в начале 1921 года вместе с введением государственной монополии внешней торговли. Главное правило состояло в том, чтобы писатели, поэты, музыканты, драматурги материально зависели исключительно от советской власти, от советских издательств, читателей или слушателей. Только это, по мнению большевистского руководства, могло привести к появлению и развитию действительно социалистической литературы и искусства. «Если мы позволим нашим писателям получать гонорары в других странах, – заявил Ленин, – то богатая буржуазия у нас их перекупит». Система оплаты писательского труда, формировавшаяся постепенно еще в 20-е годы, определялась не тиражами книг, они обычно устанавливались заранее, а некой «художественной ценностью» (политическими и идейными достоинствами) и объемом самой книги. Первоначальная публикация была обязательной в «толстом» журнале. Размер оплаты определялся, таким образом, фиксированным тиражом, чтобы писатель не мог жить дольше двух-трех лет на гонорар от одной, даже очень успешной книги. Он должен искать новые темы и создавать новые работы. За переиздание платили меньше, чем за первое издание, а после третьего не платили вообще. Понятия «бестселлер» в СССР не было. Именно такими методами создавалась особая, по многим параметрам, советская литература, социалистический реализм, лучшие образцы которого («Железный поток» А. Серафимовича, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Поднятая целина» Михаила Шолохова и другие) включались в школьные программы как советская классика. Представителей этого жанра поощряли дополнительно щедрыми Сталинскими премиями по литературе. Такая избирательность губила множество независимых талантов и шедевров литературы. (При жизни Сталина она губила и самих писателей.) Вся эта система модифицировалась с годами, и я не могу подробно обсуждать здесь эту проблему. Мы с Роем и Солженицын в 1969 году, пытаясь преодолеть сложившиеся правила и проявить независимость, столкнулись с сопротивлением огромного аппарата советской цензуры (Главлита) – подразделений советских издательств, сросшихся с идеологическими отделами ЦК КПСС и КГБ.

Против меня лично невозможно было применить ни статью 70 УК РСФСР, ни 190.1, так как в моей книге о Лысенко не было никакой «заведомой клеветы». Она была документальной. Однако в каких-то инстанциях решили использовать против безработного Медведева статью 209 УК РСФСР «о бездельниках, тунеядцах и паразитах», живущих на «нетрудовые» доходы. Именно по этой статье, введенной в Уголовный кодекс Указом Президиума ВС СССР от 4 мая 1961 г., был осужден в Ленинграде в феврале 1964 года талантливый молодой поэт Иосиф Бродский. Его талант был природным и очень ярким. Он много писал, но мало печатал и зарабатывал на жизнь в основном переводами. При этом он

не состоял в членах Союза советских писателей. «Кто причислил вас к поэтам? – спросила судья. – Где вы учились этому?» «Я думаю, что это от Бога», – ответил подсудимый. Приговор был суров – пять лет ссылки и принудительного труда. (После отбытия всего срока наказания Иосиф Бродский вынужден был эмигрировать в США и впоследствии получил Нобелевскую премию по литературе, причем за произведения не только на русском, но и на английском языке.)

Этот закон знал и я. Именно из-за угроз по поводу «тунеядства» мой друг Анатолий Васильев, кандидат химических наук и заведующий лабораторией радиохимии, уволенный из Карповского института, вынужден был согласиться на работу водопроводчика жилуправления. Собрав все свои документы (копии дипломов и удостоверений, список научных публикаций, характеристики и т. д.) и заполнив необходимые анкеты, я подал заявление на объявленный именно в это время конкурс на должность старшего научного сотрудника по биохимической генетике в новый Институт медицинской генетики АМН СССР, получивший хорошее здание в Москве. Конкурентов на этом конкурсе у меня не оказалось, биохимиков-генетиков с каким-то опытом в стране еще не было.

Ровно через четыре месяца после моего увольнения из ИМР меня вызвала А. Антоненко, председатель исполкома Обнинского горсовета, потребовала объяснить, почему я не устраиваюсь на работу, и напомнила, что отказ от работы подходит под статью «о тунеядстве». Я ответил, что советские законы о труде гарантируют работу по специальности, и представил ей уведомление о том, что мои документы приняты для рассмотрения на конкурс в Институте медицинской генетики и голосование там должно состояться в ближайшее время. Голосование, однако, было отложено еще на три месяца: администрация института срочно занималась поисками конкурента Жоресу Медведеву. До конца 1969 года такого конкурента все еще не нашли.

Макс Дельбрюк, ученик Тимофеева-Ресовского, получает Нобелевскую премию

8 или 9 октября 1969 года было опубликовано сообщение о том, что Нобелевская премия по медицине и физиологии за 1969 год присуждена американскому генетику Макс Дельбрюку и двум его коллегам за исследования бактериофагов и вирусов. Это сообщение, почти не замеченное в Москве, вызвало большую радость в Обнинске. Дело в том, что Макс Дельбрюк был одним из наиболее ярких учеников Тимофеева-Ресовского и работал с ним в Бухе под Берлином в 1930–1937 годах вместе с К. Циммером, Г. Борном (Hans Born) и А. Качем (Catch A.). В 1937 году Дельбрюк эмигрировал из Германии в США, и это спасло его от судьбы Циммера и Борна, которых в 1946 году вывезли в СССР для работы в секретной лаборатории на Урале. Они вернулись в Германию лишь в 1951 году. Считается общепризнанным, что совместная работа Тимофеева-Ресовского, Циммера и Дельбрюка «О природе генных мутаций и структуре гена», опубликованная на немецком языке в 1935 году, явилась основой для развития молекулярной генетики и молекулярной биологии. Изучая мутации дрозофил под влиянием облучения (Циммер обеспечивал дозиметрию, Дельбрюк – математическую обработку, Тимофеев-Ресовский – изучение характера и динамики мутаций дрозофил), авторы доказали, что гены имеют молекулярные размеры, равные примерно 1000 атомных радиусов. Это стало первым убедительным доказательством того, что гены – это крупные макромолекулы. В клетках только молекулы ДНК имеют такие размеры. И именно

эта работа трех авторов стимулировала изучение ДНК как возможной молекулы наследственности. Один из авторов открытия структуры ДНК, американец Д. Уотсон, был учеником Дельбрюка. В своей нобелевской лекции Дельбрюк особо отметил влияние, которое оказал на него Тимофеев-Ресовский.

Вручение Нобелевских премий, как известно, происходит в Стокгольме в декабре, и вручает премии сам король Швеции. Однако Макс Дельбрюк решил лететь в Стокгольм через Москву, чтобы встретиться в СССР со своим учителем. Они не виделись тридцать лет после Генетического конгресса в Эдинбурге в 1939 году. Дельбрюк считал своим долгом встретиться с Николаем Владимировичем и поблагодарить его за ту роль, которую он сыграл в судьбе молодого физика, сотрудника Нильса Бора, убедив его применить свои таланты в генетике, а не в атомной физике. Никакого официального приглашения и плана визита Макса Дельбрюка в Москву не было. Он получил в посольстве СССР транзитную туристическую визу для полета в Стокгольм с остановкой в Москве. В аэропорту его официально не встречали, но номер в гостинице «Метрополь» был забронирован «Скандинавскими авиалиниями».

Прибытие лауреата Нобелевской премии в Москву не могло, безусловно, остаться в тайне. На следующий день (кажется, это было 30 ноября) для Дельбрюка срочно устроил небольшой и короткий прием президент АН СССР М. В. Келдыш. Дельбрюку собирались показать некоторые институты в Москве, в частности Институт вирусологии АМН. Но гость, пребывание которого в Москве было рассчитано всего на несколько дней, просил лишь одного – встречи со своим учителем Тимофеевым-Ресовским. Ни Келдыш, ни Дельбрюк еще не знали, что Тимофеев-Ресовский отправлен на пенсию и что его отдел в ИМР больше не существует. В АМН, где это знали, срочно возник план привезти Тимофеева-Ресовского в Институт медицинской генетики и устроить там нечто вроде банкета в честь двух корифеев. Но Дельбрюк, уже давно знавший от общих друзей, Циммера и Борна, о судьбе Николая Владимировича в 1945–1955 годах, хотел навестить учителя у него в доме, повидать его жену и вручить им подарки из Калифорнии. Он настаивал только на частном дружеском визите. Первым, вполне естественным, желанием Дельбрюка было позвонить Тимофееву-Ресовскому, сообщить ему о своем приезде и наметить дату встречи. Американскому немцу казалось, что все это очень просто. Я тогда о приезде Дельбрюка в Москву не знал, а ни у кого из ученых, встречавшихся с Дельбрюком в Москве, номера домашнего телефона Тимофеева-Ресовского не было. В недалеком прошлом отдел генетики ИМР имел прямой московский номер. Теперь Тимофеевым-Ресовским можно было звонить лишь через междугороднюю станцию, а для этого следовало знать код Обнинска и местный номер телефона. Этот номер удалось получить у академика Б. Л. Астаурова. Именно таким образом Николай Владимирович узнал о приезде Дельбрюка и о том, что его друг намеревается приехать к нему в гости на следующий день, 1 декабря.

Гостиницы высшего разряда предоставляют своим гостям автомобиль с водителем, включая, естественно, плату за эту услугу в счет. Гостиничные автомобили парковались на большой стоянке справа от здания «Метрополя», в основном это были черные «Волги». Многие водители немного говорили по-английски и наверняка рапортовали «куда надо» о поездках своих пассажиров. Дельбрюк, уже поездив на этих черных «Волгах» по Москве, полагал, что на такой же машине отправится и в Обнинск. Сто километров по шоссе для жителя Калифорнии представлялись сорока-пятидесятиминутной поездкой.

1 декабря днем мне позвонил Тимофеев-Ресовский и попросил зайти к нему, не

объяснив зачем. Это означало что-то конфиденциальное, по телефону серьезных разговоров уже не велось. «Макс Дельбрюк приехал в Москву, – сказал он сразу, как только я сел в его небольшом кабинете, – он хотел приехать сегодня в Обнинск, но это ему не удастся...» Николай Владимирович сообщил, что иностранцам запрещено отъезжать от Москвы дальше, чем на 50 км. Я об этом уже давно знал – на 55-м километре по Киевскому и Калужскому шоссе стояли дежурные посты дорожной милиции, которые проверяли транспортные потоки, останавливая автомобили с определенными номерами. Иностранцы не имели права приезжать в Обнинск без сопровождения и разрешения. «Что нам делать? – в растерянности спросил Николай Владимирович. – Лелька болеет, у нее плохо с ногами. В Москву мы ехать не можем...» (Елена Александровна ходила уже с трудом.) Встреча с Дельбрюком была для Тимофеева-Ресовского очень важной. Обсудив варианты, мы пришли к выводу, что нужно привезти Дельбрюка в Обнинск на электричке, желательно калужской, она шла от Москвы лишь с тремя остановками и доезжала до Обнинска за полтора часа. Те, что ходили чаще, на Малоярославец, со всеми остановками, шли переполненные до Обнинска два часа. Я понял, что Тимофеев-Ресовский просит у меня помощи, да и сам я знал, что никто другой не сможет привезти Дельбрюка в Обнинск. И опыт такой у меня имелся – я привозил к Тимофееву-Ресовскому в 1967 году его друга Г. Штуббе. Но Штуббе был из ГДР, его визит согласовали в АМН СССР и выделили служебную машину. В 1966 году я привозил в Обнинск, уже неофициально и на электричке, моего английского друга Ральфа Купера с сыном. Для них поездка на электричке оказалась весьма интересной.

В тот же день я выехал в Москву. Из расписания на вокзале я узнал, что ранняя калужская электричка уходит из Москвы около восьми утра. В «Метрополь» поздно вечером я вошел не через главный вход (там швейцар натренирован отличать иностранцев от простых советских граждан), а через ресторан. В холле я заговорил уже на английском: «У меня встреча с профессором Дельбрюком, прилетевшим из США», затем по внутреннему телефону пригласил его в холл, не называя себя, сказав, что просит друг Добжанского. Мы с ним зашли в маленькое кафе на втором этаже. Дельбрюк все понял: ему следовало выйти завтра из гостиницы и свернуть на площадь в семь часов утра. В Москве в это время в декабре еще темно. На Киевский вокзал мы поедем на метро. Дельбрюк уже читал мою книгу о Лысенко и полностью мне доверял. Теплая одежда у него была, он ведь ехал в Швецию. Но в сувенирном магазине «Метрополя» я посоветовал ему купить все же русскую шапку-ушанку, чтобы не привлекать к себе внимание.

Ночевал я у Роя. Он жил на окраине города, недалеко от станции метро «Речной вокзал». До станции «Площадь Свердлова» в центр города я доехал за тридцать минут. Вскоре вышел Дельбрюк. К Киевскому вокзалу ведут две линии, я выбрал ту, что идет поверху. Американец был удивлен тем, что проезд с любыми пересадками стоит всего пять копеек и что стоимость проезда не менялась с 1935 года. Для Дельбрюка московское метро было объектом восхищения. Рано утром в центре города пассажиров в вагонах немного, никто не стоит, все сидят. Пригородные электрички гостя тоже удивили. Я тогда еще не знал, что железные дороги США в то время находились в состоянии упадка и что метро, «подземка», существовавшее только в Нью-Йорке, было намного хуже и сложнее московского. Оно строилось в разное время несколькими компаниями.

Калужская электричка уже стояла у платформы. Мы зашли в один из первых вагонов, он был почти пустой. Я объяснил гостю, что рано утром пассажиры в основном приезжают в Москву на работу и за покупками. Зимний пейзаж вдоль дороги был очень красив, в

основном леса, покрытые снегом. Пассажирам разносили мороженое. Я выбрал пломбир в шоколаде, мой спутник не решился на это в декабре. Электропоезд шел быстро. Апрелевка, Нара, Балабаново, следующая – Обнинское. Выход с платформы сразу в город. Улица, где жил Тимофеев-Ресовский, начиналась от Вокзальной площади. Но самого вокзала в Обнинске все еще не построили. Мы приехали в 9.30, но Тимофеев-Ресовский ждал нас рано. Не буду описывать встречу, она была бурной и трогательной с обеих сторон. Елена Александровна еще лежала, ей недавно сделали операцию, которая прошла успешно. Тимофеев-Ресовский и Дельбрюк разговаривали, естественно, на немецком. Я их оставил, предупредив, что мы с гостем должны уехать около четырех часов. К этому времени кончается рабочий день во многих институтах, и с пяти часов электрички на Москву будут переполнены.

Я вернулся в дом Тимофеева-Ресовского около трех. Елена Александровна встала с постели, на столе стоял самовар, тот самый, который хозяйка получила в наследство от своих родителей, и он все еще исправно служил хозяевам после Берлина и Урала. Через полчаса стали прощаться, объятия, поцелуи, слезы. Все понимали, что эта неожиданная встреча может оказаться последней.

В Москву мы ехали в одном из последних вагонов уже малоярославской электрички. Здесь было меньше пассажиров. Малоярославец – небольшой городок, это следующая остановка после Обнинска. Дельбрюк был очень рад поездке, но сильно удручен состоянием своего учителя. Николай Владимирович не мог писать и читать без сильной лупы. Для Дельбрюка было очевидно, что Тимофеевы-Ресовские живут в большой нужде, о чем свидетельствовала и обстановка в квартире, слишком маленькой не только по американским, но и по европейским стандартам (в Германии у Тимофеевых-Ресовских был дом). Из трех комнат с низкими потолками самую маленькую, около восьми квадратных метров, занимал кабинет Николая Владимировича со старым диваном и письменным столом, которые Елена Александровна привезла еще из Буха в 1956 году, когда ей разрешили приехать к мужу на Урал. Дельбрюк этот диван помнил новым. Полки с книгами и папки с оттисками также были привезены из Германии. В столовой, служившей и гостиной, самой большой комнате квартиры, на стенах висели картины русского художника Олега Александровича Цингера, уехавшего из Москвы еще мальчиком двенадцати лет с родителями в 1922 году и жившего до 1945 года в Берлине. (После войны он уехал в Париж, где прославился, и в 1969-м был уже знаменитым художником.) Цингер близко дружил с Тимофеевым-Ресовским и подарил ему много картин. Он написал и портрет Николая Владимировича, каким тот был в 1945 году. Некоторые из этих картин Дельбрюк уже видел в доме Тимофеева-Ресовского в Берлине. В 1969 году они все еще были без рам.

Макс был очень озабочен тем, как бы помочь Тимофееву-Ресовскому и улучшить его быт и материальное положение. Он считал, что нужен переезд в Москву. Я объяснил ему все сложности и рассказал об отказах академий даже рассматривать кандидатуру Тимофеева-Ресовского для избрания членом-корреспондентом, что могло бы сразу изменить его статус. В Москве, куда мы вернулись около шести вечера, я отвез Дельбрюка в гостиницу по другой линии метро, с «Киевской» кольцевой, чтобы показать еще несколько станций. Он предложил мне поужинать, но я отказался, объяснив, что хотел бы вернуться в Обнинск не слишком поздно. Он и сам очень устал, ему в то время исполнилось уже шестьдесят четыре года. Как оказалось, его в тот день разыскивали для приемов в АМН СССР и в Госкомитете по науке и технике. Были неоднократные звонки в Академию и в гостиницу из посольства

США – посол тоже рассчитывал на встречу с лауреатом. Американцы не понимали, как в Москве на весь день мог «исчезнуть» нобелевский лауреат, первый раз приехавший в СССР. На следующий день Дельбрюк в разговорах на неизбежных приемах говорил в основном о том, чтобы советские академии и разные научные комитеты приняли меры для улучшения жизни и работы самого выдающегося в мире генетика классической школы. От банкетов и посещений институтов он отказался и 4 декабря улетел в Стокгольм.

Тайна переписки охраняется законом

Таким был заголовок новой книги, которую я начал готовить с конца 1969 года. Однако материалы для нее накапливались постепенно в течение нескольких лет. Книга «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», над которой я работал в 1968–1969 годах, к этому времени уже была закончена, объем ее составил около 250 страниц. Я отпечатал восемь экземпляров, сделал микрофильм и давал читать рукопись друзьям, но без разрешения на перепечатку и фотокопирование. Самиздат, уже явно взятый под контроль американскими спецслужбами, обеспечивал теперь материалом для передач радиостанции «Свобода», «Свободная Европа» и другие, а также русские службы «Голоса Америки», Би-би-си, «Немецкой волны» и пр. Публикации самиздата заполняли и эмигрантские газеты и журналы: «Русскую мысль» (Париж), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Грани» и «Посев» (Мюнхен), «Новый журнал» (Нью-Йорк) и другие. Русские журналы стали выходить и в Израиле. Я не хотел вливаться в этот поток и предполагал печатать свои работы в независимых издательствах, в основном на английском языке и по договорам как исследования.

Статья 128 Конституции СССР, принятой в 1936 году и остававшейся в силе в 1970-м, утверждала, что «тайна переписки охраняется законом». В соответствии с этим Уголовный кодекс РСФСР предусматривал, что нарушения тайны переписки частными лицами и государственными учреждениями подлежат преследованию по закону (УК РСФСР, статья 135).

Положение о соблюдении тайны переписки было включено во Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, и в Пакт о гражданских и политических правах, также принятый ООН и ратифицированный СССР (статья 17 этого Пакта).

В 1969 году работавшая в кооперации с почтой таможенная служба имела право проверять печатные произведения, отправляемые по почте. Они пересылались почтой по сильно сниженному, льготному тарифу по сравнению с письмами. Поэтому для отправки оттисков статей или журналов и газет существовали особые, большие и плотные конверты с зажимами, которые можно было легко открыть для проверки содержимого. Некоторые печатные издания, например порнографию, таможенная служба могла конфисковывать, составив акт и указав причину. Правила в этом отношении были неодинаковы в разных странах.

Я вел тщательные наблюдения за судьбой всех своих писем с 1961 года. Примерно с 1965-го моя корреспонденция стала довольно обширной и составляла часть научной работы. Все деловые письма отправлялись авиапочтой заказными и с уведомлениями о вручении, которые возвращались назад с подписью адресата. Если уведомление о вручении не возвращалось в течение двух месяцев, что в то время случалось редко, я составлял

официальную жалобу-рекламацию и запрос о судьбе письма, к которому прилагал квитанцию, выписанную в окне заказных писем. Моя книга «Тайна переписки охраняется законом» о всех существующих проблемах была опубликована на разных языках (на русском в 1972 году в Лондоне и в 2003-м в Москве), поэтому не буду повторять здесь описания даже очень интересных казусов. Важно лишь отметить, что деятельность в этом направлении в конечном итоге, правда через несколько лет, изменила систему отправки заказных писем в СССР и из СССР. Пропажи писем при этом не прекратились, но появилась возможность выяснить, в какой стране пропала произошла.

Каждое заказное письмо, согласно почтовым правилам, регистрируется в особых списках в стране, откуда оно отправлено, и в той стране, в которой оно было получено. Если заказное письмо не было получено адресатом и получатель или отправитель составили жалобу, проверка которой подтвердила пропажу письма, то отправитель или адресат (тот, кто подал жалобу) должен получить денежную компенсацию. Эта компенсация составляла, в соответствии с Конвенцией Всемирного почтового союза, 25 золотых франков. При подготовке текста конвенции европейские валюты имели золотое обеспечение. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1959 года, утвердившим вхождение СССР во Всемирный почтовый союз, и Уставом почтовой службы СССР компенсация отправителю за пропажу международного заказного письма была снижена до 7 рублей 35 копеек, что в 15 раз больше компенсации за пропажу внутреннего заказного письма.

Крупная компенсация за пропажу международных заказных писем в западных странах существовала потому, что пропажи были исключительно редким явлением. Цензура почтовых отправок, несмотря на все законы о тайне переписки, существовала давно и получила международный термин «перлюстрация».

Перлюстрация – это прочтение чужих писем, но не их конфискация. В СССР и в 1970-е годы разрешалась перлюстрация корреспонденции лиц, подозреваемых в преступлении, но обязательно с санкции прокурора. Письма вскрывались, читались, нередко копировались, но их оригиналы доставляли адресатам. Подозреваемый в преступлении или лицо, за которым ведется наблюдение, не должны были знать, что их корреспонденция подвергается проверке. В этом была элементарная логика следственных действий. Копии писем могли затем фигурировать в качестве документальных доказательств. Уничтожение писем противоречило целям перлюстрации, как и главной функции почты. К нарушению тайны переписки, особенно международной, можно было приспособиться. Не так уж много людей в эту тайну переписки вообще верили. Перлюстрация относилась к той же серии явлений, что и прослушивание телефонных разговоров. Получить разрешение прокурора на перлюстрацию, очевидно, не было в СССР большой проблемой. Но пропажи заказных писем были недопустимы, так как это означало реальные кражи. (При конфискации из писем таможенной службой «недозволенных вложений», например коллекционных марок, составлялся акт, копию которого вместе с письмом вручали адресату. Международный обмен марками в СССР разрешался лишь через филателистические общества.)

Мои жалобы на пропажу заказных писем принимались к рассмотрению в обычном порядке. «Черными кабинетами» служили, по-видимому, секретные спецлаборатории, которые не входили непосредственно в систему почтовой службы. Многие почтовые работники о них, очевидно, не знали. Так же как и Главлит, они подчинялись другим органам, но были гораздо глубже засекречены. Работникам (или «редакторам») Главлита приходилось по характеру их работы общаться с главными редакторами (или их

заместителями) издательств, газет и журналов. Работники почтовой цензуры общались только с секретными спецслужбами КГБ и ЦК КПСС. Существование Главлита поэтому не отрицалось. Существование «черных кабинетов» являлось государственной тайной. Расследование на Международном почтамте причин пропажи того или иного письма заканчивалось обычно сообщением о том, что оно было отправлено по адресу. В процедуру расследования входил официальный запрос в ту страну, куда письмо было отправлено. Если ответ на такой запрос обнаруживал отсутствие факта его прибытия, то следовал вывод, что «письмо пропало в пути», то есть где-то между СССР и Англией или США. Виновным признавалось средство доставки, то есть самолет, службы аэропорта, морское судно или почтовый вагон. В таких случаях финансовая ответственность за пропажу письма должна была делиться поровну между двумя странами. Почта СССР при этом должна была выплатить 3 рубля 67 копеек, а почта, например, Англии – в фунтах, в пересчете на 3,65 г золота, что составляло приличную сумму. Требование на получение компенсации мог составлять либо отправитель, либо получатель. Последняя Всемирная почтовая конвенция 1964 года установила максимальный срок для розыска заказных писем шесть месяцев. Если за это время письмо не найдено, оно объявляется «пропавшим». Все процедуры расследования были крайне сложными, и поэтому судьбой своих пропавших писем практически никто в СССР не занимался.

В 1969–1970 годах главными проблемами для служб перлюстрации были приходившие в СССР десятки тысяч писем из Израиля с приглашениями на эмиграцию или с обсуждением этой темы. Контроль этой переписки позволял выявлять потенциальных эмигрантов. Пропажи приглашений и высылаемых в Израиль анкет и копий документов были обычным явлением. В почтовой цензуре существовала острая необходимость в работниках, знавших идиш и иврит, пригодных для сверхсекретной работы и способных на доносы, решавшие судьбы людей. Это была почти невыполнимая задача.

Перлюстрация и изъятие писем, как я узнал в последующем, действительно не являлись секретной функцией самой почтовой службы. Этим занимались цензурные службы и службы разведки НКВД, затем МГБ, а после 1956 года КГБ.

Существует немало исторических исследований работы «черных кабинетов» в разных странах и в России до 1917 года. Работа советских «черных кабинетов» почти не изучена. Деятельность такого кабинета в Читинской области в 1946–1956 годах была описана в опубликованной в Израиле в 1987 году книге-исповеди бывшего его сотрудника лейтенанта МГБ Леопольда Авзегера. Он, еще комсомольцем, затем членом ВКП(б), начал работать в разведке на оккупированной советской армией в 1939 году Западной Украине. Он знал немецкий, польский, украинский, русский и еврейские языки, поэтому и получил назначение в почтовую цензуру. В 1956 году, после семнадцати лет работы в СССР, он был переведен в Польшу, и оттуда, уже выйдя в отставку, сумел переехать в Израиль. В 1987-м он опубликовал в Тель-Авиве книгу «Я вскрывал ваши письма», экземпляр которой прислал мне в Лондон.

«Все международные письма не только вскрывались, – пишет автор, – и регистрировались... но также подвергались химической обработке... Для международных писем не существовало принципа выборочного контроля – вскрывалось и проверялось все, что должно было уйти за границу, а также все, что поступало из-за границы в Читинскую область...» (с. 159).

Пропажи заказных писем случались и у других известных мне людей. Наиболее

характерным был пример Солженицына, который показывал мне свою переписку с Министерством связи СССР. Он в довольно резкой форме писал заявления, но называл эти пропажи более точно: «перехват моей корреспонденции». Такие «перехваты» у Солженицына в 1969 году случались не только с письмами, но и с бандеролями и даже с телеграммами, как внутрисоюзными, так и международными.

Собрав необходимую документацию о пропаже двадцати пяти моих заказных писем, отправленных в 1969 году, по которым срок расследования рекламаций превысил шесть месяцев, я подготовил и обосновал иск к Международному почтамту примерно на двести рублей. На этом почтамте, находящемся слева от Ленинградского вокзала, есть особое Бюро рекламаций. На мое письменное заявление ответа не последовало. В конце декабря 1969 года я решил поехать в Москву и разобраться во всем на месте. Меня приняли лично начальник Центрального бюро рекламаций Кравцова и начальник эксплуатационного отдела Данин. На столе перед Кравцовой лежала довольно большая папка с надписью «Медведев» и с материалами исключительно по моей переписке. Кравцова начала знакомить меня с документами расследований. Я смог убедиться, что по каждой моей рекламации действительно составлялся запрос на типовом бланке, с копиями и на двух языках, с указанием дат отправки и номеров заказных писем. Эти запросы отправлялись в международные почтовые службы США или Великобритании с просьбой подтвердить получение заказного письма с таким-то номером. Данин высказал предположение, что мои корреспонденты просто не желали отвечать на мои письма, как миллионы получателей не отвечают на присланную по почте рекламу или письма с просьбой о пожертвовании от благотворительных организаций. Я ответил, что мои письма были заказными и их прибытие в США или Великобританию должно регистрироваться. Между тем на запросы по моим рекламациям из почтовых ведомств США и других стран поступал ответ, что заказные письма с такими номерами не были получены и не зарегистрированы. Поэтому они фиксировались как «пропавшие на пути следования» – то есть в самолете, на морском судне, в почтовом вагоне или в почтовом автофургоне. Известно, например, что и в почтовых вагонах, и в почтовых отделениях при морских перевозках сортировка писем по адресам (по штатам, городам или по кодам) может продолжаться. Заказные авиаписьма в ту или иную страну, поступающие в отдел сортировки Международного почтамта, разбирают по странам, по времени поступления (например, с 11 до 13 часов), укладывают в особые мешки, пломбируют и отправляют почтовыми фургонами в аэропорты. Поскольку мои письма действительно попадали (судя по документам) в такие почтовые мешки, то они не могли пропадать в СССР. Каждый мешок с заказной корреспонденцией имел бирку с номером и указанием страны назначения. Характера моей переписки Кравцова и Данин не знали, и он их не интересовал. Обычные, не заказные, письма сортировали по странам и собирали в более крупные мешки без номеров, но с указанием страны назначения. Писем было много, и большой почтовый мешок с корреспонденцией в США наполнялся, наверное, каждые несколько минут.

Все казалось надежным. Но заказные письма регулярно пропадали. Моя гипотеза состояла в том, что на пути из отдела сортировки к аэропорту мешки с почтой, обычной и заказной, проходили еще одну проверку, особую почтовую цензуру, или «черный кабинет». По характеру его работы можно было предположить, что это очень большое помещение с множеством служащих и современной аппаратурой.

Изучая в течение некоторого времени почтовые штемпели на полученных письмах и

бандеролях, я смог установить, что почтамт слева от Ленинградского вокзала, где со мной беседовали Кравцова и Данин, называется официально Международный почтамт № 2. Он открыт для посетителей и для приема почтовых отправок. Три моих вскрытых заказных письма, отправленных в США в начале 1969 года и поступивших в первый отдел ИМР, что и явилось главной причиной моего увольнения из института, сопровождалось письмом Асланова, начальника Международного почтамта № 1. Штемпель «Международный почтамт № 1» я также видел на пакетах с газетами и журналами из США в редакции «Известий». Это были журналы (например, *Newsweek*), которые не поступали в СССР в открытую продажу и не были доступны простым гражданам в библиотеках.

Где же он, этот таинственный Международный почтамт № 1, закрытый для посетителей? Некоторые очень тонкие иностранные реферативные журналы в Центральную медицинскую библиотеку приходили из США без конверта. Адрес и почтовый штемпель ставились на наклейке прямо на обложке. Поступив в СССР, такие журналы получали штемпель «Международный почтамт № 1». Через этот почтамт, следовательно, проходила и подвергалась цензуре иностранная печатная продукция. Но там же были задержаны и мои заказные письма, которые я отправлял из разных почтовых отделений, включая Международный почтамт возле Ленинградского вокзала. В 1969 году через издательство Колумбийского университета, продававшее мою книгу о Лысенко, я оформил себе подписку на американский журнал *Science*. На прибывающих конвертах с этим журналом стоял штемпель Международного почтамта № 1, на котором был и телефон коммутатора: 294-62-72. На бланке письма Асланова, сопровождавшего мои перехваченные письма, номер телефона тоже начинался с 294. В Справочнике служебных телефонов Москвы с 294 начинались номера отделов и должностных лиц прижелезнодорожного почтамта Казанского вокзала, расположенного напротив Ленинградского. Этот почтамт оказался гигантским зданием в двенадцать этажей с рядами окон. Зачем привокзальному почтамту двенадцать этажей? Видимо, нужны большие рабочие площади для разборки почты и погрузки ее в вагоны. В этом здании без вывески и приемной, возможно, и размещался Международный почтамт № 1, в котором находился и «черный кабинет». Продолжать свои расследования я пока не стал, сочтя это опасным. Это была государственная тайна, и мне не обязательно ее знать. У меня был уже готов материал для небольшой книги под названием «Тайна переписки охраняется законом», и я решил сосредоточиться на срочном ее написании, а уж затем обдумать дальнейшие свои действия.

Судьба новых книг

Рукопись книги «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» я уже сумел отправить в Англию в начале 1970 года. В Москву приезжал на конференцию по теоретической физике профессор Джон Займан (John Ziman), заведующий кафедрой физики университета в Бристолле. Он был известным ученым и членом Королевского общества. Еженедельный научный журнал *Nature* попросил Займана взять у меня интервью в связи с публикацией рецензии на книгу о Лысенко, которая выходила в Англии с некоторым опозданием^[7].

Журнал *Nature*, недавно отпраздновавший свое столетие, был наиболее авторитетным, известным и многотиражным. Поэтому я отправил свою рукопись именно в этот журнал, который печатался издательством «Macmillan», одним из старейших в Англии. В Москве я

встретился с профессором Займаном в Доме обществ дружбы с зарубежными странами. Займан охотно согласился мне помочь и написал впоследствии предисловие к моей книге. Он смог привезти в Лондон не только микрофильм, но и машинописную копию рукописи и стал редактором этого издания. К апрелю 1970-го, когда я закончил небольшую (около двухсот страниц) книгу «Тайна переписки охраняется законом», рукопись о международном сотрудничестве ученых уже переводилась. Она получила название «Fruitful Meetings Between Scientists of the World». Переводчиком была Вера Рич (Vera Rich), писавшая в *Nature* о проблемах советской науки. Я довольно часто получал от нее письма с вопросами, связанными с переводом.

Рукопись «Тайна переписки охраняется законом» увез в Англию один из ответственных редакторов издательства «Macmillan» Джеймс Райт (James Wright) – тоже в виде микрофильма и машинописного текста. Это ускоряло работу. Райт привез мне на проверку несколько уже переведенных Верой Рич глав. В переводе оказалось немало терминологических ошибок, и в апреле-мае 1970 года я занимался их исправлением и часто переписывался с Верой. Райт приехал в Москву по дешевому туру Интуриста и остановился в скромной гостинице. На самом деле целью его приезда было решение моих и Роя издательских проблем. Мы договорились, что «Macmillan» издаст две мои книги и на русском языке в одном томе (русское издание тиражом 2000 экземпляров и объемом 597 страниц вышло в 1972 году и было довольно быстро распродано). Это же издательство купило у американского издательства «Alfred Knopf» права на публикацию в Великобритании, Канаде и Австралии книги Роя «К суду истории» («Let History Judge»).

Поддержка, оказываемая журналом *Nature* и издательством «Macmillan» в выпуске двух моих книг и книги Роя, была для нас исключительно важной. Дж. Райт привез в Москву проекты договоров с «Macmillan», которые первым, как это принято, уже подписал генеральный директор издательства. Им был в то время один из его владельцев Гарольд Макмиллан, недавний премьер-министр Великобритании (1957–1963), политик, который считался дружественно настроенным по отношению к СССР. Издательство было семейной собственностью потомков Даниеля Макмиллана, основавшего его в 1843 году. Оно было крупнейшим в мире и имело свои отделения в тридцати странах.

Близилась годовщина моего существования в статусе свободного ученого. Еще с 1960 года, благодаря заочному участию в Международном конгрессе по геронтологии в Сан-Франциско и последующей публикации моего доклада в собрании трудов этого конгресса, я оформил с помощью профессора Натана Шока членство в Американском геронтологическом обществе. Первые членские взносы, тогда – всего десять долларов в год, заплатил за меня Бернард Стрелер, которому я в порядке обмена оплатил рублями некоторые экскурсии после Биохимического конгресса в Москве в 1961 году. Все члены общества получали два наиболее важных в то время журнала: *The Journal of Gerontology* и *The Gerontologist*. Регулярно приходили каждую неделю журналы *Nature* и *Science*. Раз в неделю я работал в зале периодики Государственной библиотеки им. Ленина, где читал или просматривал журналы по генетике и биохимии, а затем запрашивал у авторов интересовавших меня статей бесплатные оттиски. Вся эта корреспонденция продолжала приходить на мои абонентские почтовые ящики в Обнинске и в Москве.

Условия для теоретической работы были хорошими, и главной задачей в этой работе стала для меня попытка объяснить, каким образом регулируется специфическая для разных видов животных максимально возможная продолжительность жизни. Причины разной скорости старения, даже у близкородственных видов, оставались главной загадкой геронтологии. Было очевидно, что существует генетический контроль скорости старения. Однако его биохимический и физиологический механизмы не были известны, тем более что они проявлялись неодинаково в разных тканях и органах. Никто пока не мог объяснить, почему у весьма сходных по общему анатомическому, физиологическому и биохимическому строению и эволюционно близкородственных, но разных видов, например, мышей наследственная видовая максимальная продолжительность жизни, определяемая скоростью старения их органов, могла варьировать от одного года (некоторые виды австралийских мышей) до 12–20 лет (лесные мыши в Южной Америке). У разных видов обезьян максимальное долголетие варьирует от 15 до 70 лет. Было очевидно, что все эти различия возникали постепенно в результате эволюции и отбора и определялись генетическими изменениями. Но механизм действия генов на скорость старения разных органов и тканей был неизвестен. Поскольку в этом состояла ключевая проблема молекулярной геронтологии, я и взялся за ее теоретическое исследование. То, что я продолжал эту работу не в институте, а как свободный ученый, было не вполне нормально. Но, в конце концов, для занятия наукой, и особенно теоретической, не обязательно находиться на государственной службе и получать зарплату. Если у исследователя есть какие-то другие вполне законные источники дохода и обеспечения семьи, то его творческая деятельность может быть совершенно свободной. Чарльз Дарвин, получив наследство, проводил наблюдения и исследования и писал книги вне университетов, живя со своей большой семьей в родовом имении. Карл Маркс жил в Лондоне и интенсивно работал, в основном в Библиотеке Британского музея, благодаря финансовой помощи Энгельса, владельца полученной в наследство от отца текстильной фабрики в Манчестере. Так, по принципу самозанятости или индивидуальной трудовой деятельности, работают миллионы людей. В Советском Союзе индивидуальная

трудовая деятельность была разрешена в период нэпа (1921–1929 годы), а запрещать ее стали с началом коллективизации сельского хозяйства. Постепенно законной становилась лишь работа «в коллективе». Такая система сильно снижала экономические и творческие возможности общества, но упрощала централизованное управление государством и политический контроль за населением. Занятие органически свободной профессией писателя, поэта, композитора, эстрадного артиста или художника становилось законным в качестве основного лишь в составе официальных творческих союзов, имевших свои президиумы, секретариаты и парторганизации. Это и была система тоталитаризма, которая сохранилась и даже укрепилась после ликвидации культа личности.

Сценарий для Жореса Медведева

В марте 1970 года издательство Колумбийского университета прислало моему редактору, профессору М. Лернеру, первый годовой отчет, и он смог перевести, по моей просьбе, во Внешторгбанк СССР на мое имя причитающуюся мне сумму долларов. Благодаря торговой сети «Березка» валютные переводы могли обеспечить жизнь нашей семьи на привычном уровне. Я мог даже оказывать некоторую помощь друзьям, оказавшимся в трудном положении, и родителям Риты в Калининне.

Как раз в то время мой друг профессор Валентин Турчин, в недалеком прошлом капитан команды КВН Обнинска, живший теперь в Москве и получивший на отзыв рабочий экземпляр моей рукописи «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», сообщил мне о том, что у его знакомого научного работника, доктора физико-математических наук, сотрудники КГБ произвели обыск и конфисковали некоторые произведения самиздата, в том числе и мою рукопись, которую Турчин дал своему коллеге для ознакомления. Сам я пострадавшего не знал и разрешения на передачу ему моей рукописи не давал. Однако Турчин, работавший в то время в Институте прикладной математики, где директором был М. В. Келдыш, президент АН СССР, не особенно считался с необходимостью конспирации. В это время он сблизился с академиком А. Д. Сахаровым, и они совместно обращались с «меморандумами» в ЦК КПСС о необходимости демократизации страны. В отличие от моего стремления действовать изолированно и единолично, у Сахарова, Турчина, Валерия Чалидзе и некоторых других московских правозащитников существовала убежденность в том, что с помощью определенных документов и работ, широко распространяемых в самиздате и в «тамиздате», в кооперации с рядом западных правозащитных организаций типа «Международной амнистии» можно создать и в СССР относительно организованное демократическое движение, с которым, при наличии в его рядах достаточного числа авторитетных ученых, писателей и журналистов, будет считаться и руководство страны. А. Сахаров, В. Чалидзе и А. Твердохлебов создали Комитет прав человека, состоявший первоначально из трех человек, и широко объявили об этом иностранным корреспондентам. Заявления этого комитета озвучивались теперь зарубежными радиостанциями, создавая впечатление о нем, как о большой и влиятельной организации. Наиболее известных диссидентов без их согласия стали избирать почетными членами-корреспондентами этого комитета, присвоив первые такие звания (несмотря на их несогласие и протесты) Александру Солженицыну и Александру Галичу. На присвоение каких-либо званий комитет не имел никаких прав. Лично я считал, что условий для организованной, открытой и легальной правозащитной деятельности с прямым выходом в

зарубежный эфир в СССР пока еще нет.

Моя книга «Международное сотрудничество ученых...» не могла классифицироваться как «антисоветская», так как основывалась на конкретном фактическом материале. В феврале 1970 года, когда КГБ конфисковал рукопись у приятеля Турчина, она уже переводилась на английский в Лондоне. До конца марта за мной серьезной слежки еще не было. О книге «Тайна переписки охраняется законом», которую я закончил именно в это время, никто еще не знал. Мои встречи в Москве с Джеймсом Райтом, редактором издательства «Mastillon», с которым я в начале апреля подписал договора на издание книг и который увез в Лондон рукопись последней книги, прошли – благодаря мерам предосторожности с обеих сторон – незамеченными. Плотной слежки с прослушиванием квартиры за мной не было потому, что я большую часть времени работал дома за письменным столом и о своих планах никому не рассказывал. Но домашний телефон, возможно, был под контролем.

9 апреля 1970 года меня вызвала к себе председатель горсовета Н. П. Антоненко. Вызов, неожиданно для меня, был связан не с устройством на работу, как первый, а с нашим старшим сыном Сашей, который в это время готовился к выпускным экзаменам в школе. У нас с Ритой тогда действительно были с ним некоторые проблемы. В недавнем прошлом очень хороший ученик, он стал хуже учиться, нередко приходил домой поздно. Все родители, имеющие детей такого возраста (16–17 лет), сталкивались с подобными трудностями, поэтому нет необходимости входить здесь в подробности. Антоненко сказала мне, что на завтра меня вызывают в Калугу в областной отдел образования (облоно) для беседы по поводу сына. При этом она показала официальное письмо из Калуги, подписанное Вовк, заведующей отделом, с просьбой обеспечить приезд Ж. А. Медведева в Калугу к 11.30.

Конечно, я сразу понял, что это какая-то ловушка именно для меня. К тому же на 10 апреля у меня были дела в Москве. Я попросил перенести визит в Калугу на другой день. Но в калужском облоно, куда Антоненко сразу позвонила, настаивали, что следует приехать именно завтра. Я согласился, но сказал, что в облоно приедет моя жена, она член детской комиссии месткома и знает все проблемы лучше меня. Антоненко сразу отклонила этот компромисс, заявив, что в Калуге хотят говорить только со мной. Я пообещал, что постараюсь приехать, отложив дела в Москве. Из горсовета сразу пошел в школу, в которой учился Саша. Как я и ожидал, директрису школы о моем сыне из калужского облоно никто не запрашивал и его «личным делом» или даже успеваемостью никто не интересовался. Она также сказала, что родителей в Калугу никогда не вызывают, все проблемы решаются на местном городском уровне. После этого я дал телеграмму в облоно, что приехать по их вызову не могу в связи с делами в Москве.

Вызов в Калугу именно таким образом был мне понятен. Родители по делам своих детей готовы ехать сразу куда угодно, не задавая лишних вопросов. Через десять дней, 20 апреля, та же Вовк позвонила мне домой и уже лично попросила меня приехать в Калугу на следующий день опять-таки для беседы по поводу сына. Я ответил, что у директора школы нет к сыну никаких претензий и что выпускной аттестат по результатам экзаменов он должен получить. На мой вопрос, в чем состоит проблема, Вовк сначала отказалась отвечать, сославшись на высокую стоимость междугородних телефонных разговоров. Я сказал, что позвоню ей сам, чтобы сэкономить бюджетные деньги. После этого Вовк все-таки объяснила, что меня вызывают на лекцию заведующего калужским психдиспансером доктора Лезненко, который будет рассказывать родителям о проблемах трудных подростков и даст много ценных

советов. Дальнейший разговор с Вовк терял всякий смысл, и я сказал ей, что знаю в Москве значительно более опытных психиатров, чем Лезненко.

Не было никаких сомнений в том, что вызов в Калугу имел целью подвергнуть психиатрической экспертизе лично меня. На этот счет поступила, по-видимому, директива из Москвы.

Использование психиатрических больниц для насильственного заточения некоторых диссидентов, слишком досаждавших властям, началось, пока в ограниченных масштабах, в тех случаях, когда обвинение в антисоветской или клеветнической деятельности (по статьям УК РСФСР 70 и 190.1) оказывалось затруднительным. К апрелю 1970 года в психиатрических больницах томились генерал Петр Григоренко, боровшийся за восстановление прав крымских татар, Иван Яхимович, председатель колхоза, требовавший равных прав для рабочих и колхозников, Владимир Буковский, студент МГУ, включившийся в правозащитную деятельность, и некоторые другие диссиденты в Москве, Киеве, Минске и, очевидно, в других городах. Оснований для ареста этих людей не было. Судебные разбирательства даже по статье 190.1 оказались достаточно сложным делом. Судебная защита еще не имела опыта и умения работать независимо, но прокуроры теряли прежние исключительные права. Сталинский аппарат массового террора, когда «доказательства» добывались пытками, суды заменялись «тройками», «особыми совещаниями» или трибуналами, а подсудимых приговаривали списками даже к высшей мере, нередко без вызова в суд, был демонтирован после XX съезда КПСС. Но новая система следствия и правосудия была пока приспособлена лишь к работе с обычными уголовными преступлениями и правонарушениями на бытовой почве. Медленно возникала система разбора экономических и финансовых преступлений. Для решения дел по политическим статьям (70 и 190.1) нужны особые суды и другой состав судей и народных заседателей. Советский Союз через репрессивную диктатуру (Сталин) и авторитаризм (Хрущев) перешел к однопартийному тоталитаризму, но аппарат управления для этих различных систем менялся медленно. Применение психиатрии в тех случаях, когда человек нарушал не законы, а правила или инструкции, нередко секретные, либо действовал вопреки решениям партийных органов разного уровня, необязательным для беспартийных, власти считали удобной альтернативой. Отправить в психиатрическую больницу значительно проще, чем посадить в тюрьму, а замена приговора «диагнозом» казалась хорошим способом дискредитировать оппонентов.

О практике неожиданных психиатрических экспертиз я знал. Уже было несколько случаев, когда военнообязанных возмутителей спокойствия вызывали на вполне законное медицинское переосвидетельствование в райвоенкомат, а работавшие в медкомиссиях военкоматов врачи отправляли законопослушных граждан на дальнейшую экспертизу в психиатрические больницы, и экспертиза эта могла затянуться на месяцы, а то и на годы. Такой же ход, но не через военкомат, готовили, очевидно, и для меня. Решения по таким вопросам принимались где-то наверху – в КГБ или в ЦК КПСС. Но как житель Калужской области я подлежал медицинскому обслуживанию именно здесь.

Через две недели меня снова вызвала в горсовет Н. П. Антоненко для беседы по поводу трудоустройства. Однако на этот раз в ее кабинете находился незнакомый мужчина, который представился, не назвав своей фамилии, работником калужского облоно. Разговор о возможностях трудоустройства длился довольно долго. Лишь после этого незнакомец вступил в беседу и среди прочих стал задавать вопросы о моем брате-близнеце и его семье.

На эти вопросы я не стал отвечать. Было очевидно, что передо мной сидит психиатр, который хочет знать мою семейную историю и провести так называемый близнецовый анализ.

В начале мая последовали еще два приглашения в Калугу, которые я проигнорировал. Стало ясно, что из Москвы пришло указание – провести психиатрическое обследование Жореса Медведева. О возможности поставить нужный диагноз там не беспокоились, в психиатрии существовало немало скрытых и вялотекущих заболеваний. Даже неадекватность обстановке попала в диагноз генерала Григоренко. Но как обследовать человека без его присутствия в психиатрическом стационаре Калуги, врачи не знали. Для любой подобной экспертизы нужна комиссия из трех-четырех человек (консилиум) и достаточно обстоятельный разговор. Мне стало известно, что в ИМП калужские психиатры расспрашивали обо мне моих бывших коллег.

Насильственная госпитализация

Я был, конечно, озабочен этими сигналами и даже подумывал, не уехать ли на один-два месяца в Астрахань, где жили мои тети Тося и Катя, о которых почти никто не знал. Тося приехала в родную Астрахань из Ленинграда после блокады, Катя жила там всегда. Своих детей у них не было. Переписка с ними была очень редкой. Но спешить я не хотел. Насильственная госпитализация, по существующим правилам, применялась лишь к депрессивным душевнобольным, при угрозе самоубийства, к буйным, представляющим угрозу для окружающих, и к тяжелым наркоманам. По отношению ко мне такая крайняя мера была бы незаконной.

29 мая мне позвонил из обнинского психдиспансера его заведующий Кирюшин и попросил прийти по очень срочному делу, о котором он не хотел говорить по телефону. Я ответил, что к нему придет моя жена, так как мне надо ехать в Москву. «Нет, Жорес Александрович, я хотел бы поговорить именно с вами. Дело такое, что с женой будет неудобно его обсуждать». Я сразу решил, что мне действительно следует уехать в Москву, упаковал портфель, отправил Сашу к друзьям, написал записку Рите, ее в это время не было дома, и послал Диму на велосипеде найти ее. После ухода ребят подошел к шкафу, чтобы надеть пиджак. В этот момент у подъезда послышался скрип тормозов. Я выглянул из-за шторы в окно. Из санитарного микроавтобуса вышли три милиционера, Кирюшин и еще какой-то мужчина. Через несколько секунд в дверь постучали. Я решил дверь не открывать и не реагировать на стук. Неприкосновенность жилища охранялась Конституцией СССР. Стук в дверь повторился, довольно громкий, а потом с еще большей силой. Затем дверь стали трясти, пытаюсь сломать замок. Из-под дверных косяков посыпалась штукатурка. Затем за дверью я услышал голос Димы и звук поворачиваемого ключа.

– Папа, к нам... – начал Дима и осекся, увидев мое лицо.

А за ним уже врывались в квартиру три милиционера.

– Пойдите, – закричал я, – это частная квартира... У вас есть разрешение прокурора? Покажите его.

– Мы не собираемся вас арестовывать, – ответил сержант, – мы только сопровождаем врачей. – Он показал на Кирюшина и его спутника.

Этот спутник по-хозяйски прошел в кабинет и сел на стул возле моего письменного стола. Кирюшин уселся в стороне на диване, показывая, что он тут не главный. Я сел в свое

кресло за стол, напротив незнакомца, пытаясь его разглядеть. Это был интеллигентный человек, очень щуплого телосложения. Лицо его было в нервных пятнах, пальцы рук слегка дрожали. На мой вопрос о причинах столь грубого и незаконного вторжения в мою квартиру он ответил:

– Я главный врач Калужской психиатрической больницы Лифшиц Александр Ефимович.

– В своей квартире я имею право с вами не разговаривать, я вас не приглашал и поводов к вашему визиту не давал.

– Если вы откажетесь с нами беседовать, то мы будем вынуждены сделать соответствующие выводы, – он многозначительно кивнул в сторону стоявших у двери милиционеров.

В этой ситуации целесообразно было продолжить разговор, чтобы дожидаться хотя бы возвращения Риты. Последовали общие вопросы о семье.

Когда в комнату вбежала Рита, она сразу поняла, в чем дело, и забросала Лифшица и Кирюшина возмущенными вопросами. Я быстро решил, что беседа с психиатрами должна происходить при свидетелях, и, отозвав Риту в сторону, попросил ее срочно пригласить нескольких бывших коллег из института, живших поблизости. Вскоре пришли пять или шесть человек. Все они имели медицинское образование и знали основы психиатрии. Разговор стал общим. Лифшиц явно колебался. Оснований для срочной насильственной госпитализации не было. Законных причин для этого он не видел, о моей деятельности его подробно не информировали, и моих работ, вызвавших недовольство «верхов», он не читал. Он хотел обеспечить «добровольное» согласие на «трехдневное» обследование. Я тут же отвечал, что никакой добровольности при наличии милиции не может быть. Разговор продолжался уже около часа.

Неожиданно в комнату вошел майор милиции. Это было странно. Столь высокие чины не участвуют в операциях, в которых нужна лишь физическая сила. Тем не менее майор сразу взял на себя командование операцией.

– Почему вы отказываетесь подчиниться требованиям врача? – спросил он довольно грубым тоном.

– А кто вы такой, я ведь не приглашал вас в свою квартиру, – ответил я тоже не слишком вежливо.

– Майор милиции Немов Николай Филиппович. Прошу вас следовать в машину.

– Если вы майор милиции, то должны знать законы о неприкосновенности жилища граждан, ведь милиция – это орган охраны порядка и законности.

– Мы орган насилия! – Немов ударил себя кулаком в грудь. – Это квартира государственная, и милиция имеет право входить в любую квартиру. Встать! – вдруг скомандовал он. – Я вам приказываю встать!

Не обнаружив никакой реакции с моей стороны, майор распорядился всем выйти из комнаты. Этому не подчинилась только Рита. Майор сделал какой-то знак милиционерам, и они бросились ко мне. Рита, однако, встала на их пути и заявила, что не позволит применять насилие. Милиционеры схватили ее за руки и силой оттащили в другую комнату. Майор Немов припер ногой дверь. Двое сержантов подошли ко мне, опытным приемом выкрутили мне руки назад и приподняли с кресла. С выкрученными руками меня вывели на лестницу, а затем во двор. У машины уже собралась толпа любопытных. Меня втолкнули в автобус, милиционеры сели рядом, и автобус на полной скорости выехал на шоссе.

Меня поместили в общую палату на шесть человек одного из корпусов Калужской областной психиатрической больницы. Здесь было душно, ночью свет полностью не выключался и в палате все время дежурила медсестра. После медосмотра у меня забрали одежду, заменив ее ярко-полосатой «психиатрической» пижамой. Затем Лифшиц еще полтора часа со мной беседовал, он и сам многого в этом деле не понимал, но я не старался его просвещать. Мне тоже нужно было многое понять, и прежде всего – на каком уровне принималось решение об операции, а также какова степень осведомленности местных психиатров.

Утром я познакомился с заведующей отделением Бондаревой Галиной Петровной. Она практически ничего не знала о моем деле. Палата была «спокойной». Один пациент, научный работник, попал сюда с депрессивным психозом. Юношу с подозрением на психопатию обследовали по направлению из военкомата. Третий сосед был направлен из прокуратуры после драки в отделении милиции. Больница должна была определить его вменяемость для привлечения к суду. Четвертый мужчина лечился от алкоголизма. Самым тяжелым считался пятый, приятный молодой человек, находившийся здесь уже несколько лет с диагнозом «вялотекущая шизофрения», признаки которой обычному человеку были вообще незаметны. Больница находилась за городом, была огорожена и состояла из нескольких корпусов. Железные решетки на окнах имелись лишь на трех из них. В нашем корпусе были обычные окна и комната для свиданий с выходом в небольшой сад. Поскольку пациенты направлялись сюда не по решению суда, то им разрешались свидания с родными и друзьями.

Осваиваясь в новой обстановке, я тщательно обдумывал весь сценарий. Главный врач столь большой больницы, возможно кандидат медицинских наук, безусловно, не выезжает лично, да еще в другой город, чтобы руководить насильственной госпитализацией незнакомого ему ученого. Мои данные из отдела кадров, наверное, ему известны. Операция готовилась с апреля. При этом был нажим и на Антоненко, председателя горсовета, Кирюшина и Вовк из калужского облоно. Директивы из горкома или обкома могли быть только вторичными, каких-либо досье на беспартийных здесь не собирают. То, что Лифшиц знал о существовании моей книги о Лысенко и был ознакомлен с несколькими главами из рукописи «Международное сотрудничество ученых...», свидетельствовало о том, что проект «психиатрического сценария» был составлен в Пятом управлении КГБ и согласован с идеологическим отделом ЦК КПСС. Оттуда поступали директивы и в местные калужские и обнинские организации. Лифшиц как главный врач больницы не подчиняется непосредственно обкому или областному КГБ. Общие психиатрические больницы объединены в специализированную службу Министерства здравоохранения РСФСР. Генерал Григоренко, Яхимович и Буковский содержались в совершенно другой системе «судебной психиатрии», входившей в МВД и имевшей «тюремный» статус. Они были отправлены туда по решениям суда после судебных экспертиз. В моем случае суда не было, и мне предстоит лишь борьба с фальшивым диагнозом. Для Лифшица установление диагноза по книгам и рукописям, которые он не читал, может оказаться трудной задачей.

Рита наверняка еще вчера известила брата и многих наших московских друзей о случившемся. Но что они могут сделать в субботу и в воскресенье, когда все учреждения закрыты?

Примерно в час дня меня пригласили на комиссию в кабинет заведующей отделением. Первым, кого я увидел в кабинете, был тот самый безмянный работник облоно, который еще в начале мая пытался беседовать со мной в кабинете председателя горсовета Антоненко. Он сидел за столом и нагло улыбался. «Лезненко Владимир Николаевич, – представил его Лифшиц, – заведующий Калужским психиатрическим диспансером». Третьим членом комиссии была Бондарева. «Сегодня у нас предварительная комиссия, – сказал Лифшиц, – основная будет завтра, и в нее включен психиатр из Москвы».

Беседа была довольно долгой и касалась моей работы в институте, рукописи о Лысенко и первых глав работы о международном сотрудничестве ученых. Было очевидно, что все эти сведения они получили из отрывков в каком-то досье и полного представления о моих проблемах не имеют. Некоторые вопросы они задавали явно по заданию КГБ:

– Как попал к переводчику экземпляр рукописи по генетической дискуссии?

– Хотите ли вы опубликовать книгу о международном сотрудничестве также за границей?

– Знакомы ли вы с переводчиком лично, где и когда с ним встречались?

И так далее. Я эти вопросы отводил как не имеющие отношения к психиатрии. Меня даже порадовало, что в КГБ очень мало знают о моих последних книгах и об их судьбе.

На медицинские вопросы и темы, касавшиеся научной работы, я отвечал более подробно. Бондарева в основном молчала. Информацией, явно исходившей из КГБ, владел Лезненко. Лифшиц, главный в комиссии, был менее осведомлен. Возможно, в КГБ ему просто меньше доверяли.

После комиссии мне разрешили свидание с женой, двумя друзьями, приехавшими из Москвы, и братом. Рой рассказал, что он уже известил о случившемся Сахарова, Астаурова и Дудинцева. Других моих московских друзей известила о случившемся еще 29 мая вечером Рита.

В воскресенье 31 мая меня пригласили на вторую, главную комиссию. Кроме трех прежних членов в нее входил врач, которого мне представили как профессора Шостаковича Бориса Владимировича из Института судебной психиатрии имени Сербского.

– Борис Владимирович приехал сюда не как судебный психиатр, а как консультант по общим вопросам по приглашению больницы, – пояснил Лифшиц.

На этот раз задавал вопросы главным образом Шостакович, который принял на себя функции председателя. Он был лучше осведомлен о моем досье в КГБ и, безусловно, получил там нужные инструкции. Большинство вопросов касалось истории публикации в США книги о Лысенко и книги «Международное сотрудничество ученых...». На мой вопрос, где он мог прочитать эту книгу (как и Лифшиц, он знал лишь первые главы), Шостакович не стал отвечать. Он явно был подготовлен к своей роли заблаговременно и ждал результатов первой комиссии, чтобы не повторяться. Но нередко он задавал точно такие же вопросы, как накануне Лезненко. У них был, очевидно, общий список. Беседа с комиссией продолжалась около двух часов.

Воскресенье было в больнице днем свиданий. В комнате для свиданий я был очень рад увидеть вместе с Ритой и академика Б. Л. Астаурова, моего старого друга. Мы с ним регулярно встречались с 1961 года. Астауров хотел побеседовать и с главным врачом. Лифшиц сначала сослался на занятость, но, обнаружив, что Астауров готов ждать, все же согласился на беседу. На этой беседе присутствовала и Рита. Астауров, хотя и генетик, хорошо разбирался в психиатрии. Отец Астаурова был психиатром, достаточно известным.

Три дня кончались, и прошедшая только что комиссия должна была принять решение. Судя по объяснениям Бондаревой и Лифшица, «резких» нарушений и отклонений психики не было обнаружено, но комиссия сочла целесообразным продлить наблюдение в условиях больницы еще несколько дней. Между тем, как сообщила мне Рита, в Калужскую психиатрическую больницу, в Прокуратуру СССР и в Министерство здравоохранения СССР поступило уже множество телеграмм от моих друзей, знакомых, коллег и немалого числа известных ученых с протестами против незаконного насильственного заключения в психиатрическую больницу здорового человека. В субботу вечером подробности насильственного психиатрического ареста Медведева были изложены в передачах зарубежных радиостанций, причем не только на русском, но и на других европейских языках. Иностранные корреспонденты в воскресенье уже дежурили возле квартиры Роя. Он рассказал им основные подробности.

Вторым днем свиданий был вторник, и от Риты я узнал, что с протестами (в виде телеграмм в ЦК КПСС и Минздрав) по поводу насильственной психиатрической госпитализации Жореса Медведева уже выступили академики А. Д. Сахаров, П. Л. Капица В. А. Энгельгардт, М. А. Леонтович и некоторые другие, а также писатели А. Т. Твардовский, В. А. Каверин и В. Я. Лакшин и кинорежиссер Михаил Ромм. Все они знали меня лично. Сообщения о грубой процедуре ареста были опубликованы и во многих ведущих западных газетах. Некоторые делали обобщения, объединяя мой случай с другими.

В четверг 4 июня стало известно, что вторая комиссия с участием профессора Шостаковича приняла слишком либеральное решение, не найдя у обследуемого признаков, требующих длительной принудительной госпитализации. Резких отклонений от нормы не было обнаружено, и Ж. А. Медведева рекомендовали отправить домой «под диспансерное наблюдение». Однако, как узнал Рой, приехавший в Министерство здравоохранения с группой старых большевиков, это решение комиссии было отменено лично министром здравоохранения Б. В. Петровским. Министр назначил новую комиссию, которая выезжала в Калугу на следующий день, 5 июня. В нее были включены Г. В. Морозов, директор Института судебной психиатрии им. Сербского (председатель), Д. Р. Лунц, заведующий отделением спецэкспертизы этого же института, профессор А. А. Портнов, директор Института психиатрии АМН СССР, и В. М. Морозов, заведующий кафедрой психиатрии Института усовершенствования врачей. От Калужской больницы в комиссию входил А. Е. Лифшиц.

Один из друзей Роя сообщил ему, что семья имеет право назначить в комиссию одного психиатра, которому она доверяет. В качестве такого психиатра от родственников брат включил в комиссию, по рекомендации, профессора Д. Е. Мелехова и потребовал вывести из нее Д. Р. Лунца – как психиатра, имевшего чрезвычайно плохую репутацию в других подобных делах. Мелехов, которому изложили суть дела, дал свое согласие.

Примерно в пять часов вечера, когда я еще продолжал разговаривать с Ритой, меня неожиданно пригласили в кабинет заведующей отделением. Там я увидел Лифшица и еще троих почтенных мужчин. Лифшиц сообщил, что со мной хочет побеседовать новая комиссия.

– Но мне сказали, что комиссия будет в пятницу, – удивился я.

– Да, это было так, но мы решили не затягивать дело и приехали сегодня, – сказал один из членов комиссии.

Я поинтересовался ее составом. В нее теперь входили Г. В. и В. М. Морозовы и Р. А.

Наджаров, заместитель директора Института психиатрии АМН СССР. Членом комиссии оставался и Лифшиц как главный врач больницы. Назначенный семьей профессор Мелехов отсутствовал. Досрочный консилиум был явно связан с желанием избежать присутствия независимого эксперта. До Калуги из центра Москвы ехать на автомобиле не менее трех часов.

Заседание вел Г. В. Морозов. Он задавал вопросы в очень быстром темпе, не дожидаясь часто окончания ответов. Все собеседование продолжалось не дольше 25–30 минут. Вопросы я запомнил и, выйдя из кабинета, сразу продиктовал их Рите. Первым опять был вопрос о цели моей книги о международном сотрудничестве ученых, которую, кстати, Морозов не читал. Несколько вопросов имели чисто биографический характер, другие были пустой формальностью: «Кого из своих детей вы любите больше? С какого возраста интересуетесь биологией?» и т. п. После этого комиссия заседала еще около часа. Затем Лифшиц вышел в комнату свиданий к Рите и сообщил ей, что комиссия нашла возможным выписать меня из больницы. «Сегодня уже поздно, приезжайте завтра днем».

Вечером Лифшиц пришел в палату. «Завтра будете выписываться, – при всех сказал он с некоторым облегчением, – я просил старшую сестру подготовить вашу одежду».

Однако на следующий день меня не выписали и были отменены все свидания. Мне запретили даже прогулку. С Ритой и приехавшим братом мы объяснялись знаками через стеклянную дверь. Как вскоре стало известно, министр здравоохранения Петровский действительно дал указание отправленной столь срочно в Калугу комиссии не проводить полноценной экспертизы и обеспечить быструю выписку Медведева из Калужской психиатрической больницы... как не оборудованной и не подготовленной для содержания столь опасных больных, имеющих политические аномалии. В Калуге не было психиатров, способных находить «скрытые болезни» у диссидентов. Они действительно хотели найти диагностируемое психическое заболевание. Именно поэтому предварительное наблюдение Медведева длилось столь долго. Узнав, что в ИМР заведует одной из лабораторий мой студенческий друг, знавший меня с 1944 года, Лифшиц съездил в институт, чтобы поговорить и с ним. Он поначалу воспринимал все действительно как медицинскую проблему. Лифшицу не решались объяснить, что нужна не реальная диагностика, а профессиональная фальсификация. Меня теперь должны были не просто освободить и выписать домой, а лишь выписать из областной больницы, перевезти в Москву и поместить в больницу Института судебной психиатрии им. Сербского, где я был бы изолирован от всех посетителей и пребывал там бессрочно. Для осуществления этого плана необходимо было предъявить мне по линии КГБ какое-нибудь обвинение в незаконных деяниях по статье 190.1 («преднамеренная клевета») УК РСФСР, которая казалась министру вполне подходящей для данного случая. После этого главный прокурор Калужской области имел законное право просить проведения психиатрической экспертизы уже не в калужской больнице, а в Институте судебной психиатрии, куда поступают лица, находящиеся под следствием. Проблема была лишь в том, что у Медведева уже был диагноз, поставленный второй комиссией, законно оформленный, подписанный ее членами и вошедший в историю болезни. Отмена этого диагноза министром, по профессии хирургом, не имела юридической силы. Решения консилиумов врачей не утверждаются в административном порядке. Решение третьей комиссии, которая рекомендовала выписку пациента, не выносилось по всем правилам и не оформлялось как диагностический документ. Прибывшие столь срочно «врачи в штатском» просто убедились, что Жорес Медведев не может оставаться в Калуге, во

всяком случае долго. Но на столь необходимое обвинение по статье 190.1 УК РСФСР требовалось некоторое время – речь ведь шла о рукописи объемом 250 страниц, которую следовало изучить экспертам и найти в ней «преднамеренную клевету».

Министр Петровский явно не знал существующих юридических норм и полагал, что КГБ все может сделать очень быстро. Но для КГБ первым шагом в таком деле должен был быть обыск в квартире с изъятием бумаг, а затем их изучение. Уверенности в том, что они смогут при этом найти что-либо политически криминальное, не было. Осторожность Медведевых была им известна. Андропову уже звонил по этому делу Мстислав Ростропович, с которым я был знаком. Между тем кампания в мою защиту приобретала международный характер. Само по себе столь непосредственное участие Петровского в этом деле не могло быть его собственной инициативой. То, что весь предварительный материал готовился в КГБ, не вызывало сомнений. Поначалу там не спешили. Дело ускорило после конфискации рукописи о международном сотрудничестве ученых. По характеру этой работы, основанной на фактическом материале, было очевидно, что она готовилась не для публикации в СССР. Но и КГБ не имел полномочий на меры политического характера без санкции Секретариата ЦК КПСС или Политбюро. По общим особенностям событий, как происшедших, так и последующих, мы с Роем пришли к выводу, что относительно меня существовало решение Политбюро, очевидно, по докладу из КГБ. Главную роль в Политбюро в этом деле мог играть М. А. Сулов. Брежнев плохо разбирался в идеологических проблемах. Политбюро в подобных случаях не вдается в медицинские или юридические тонкости. Оно просто могло обязать КГБ или Министерство здравоохранения изолировать Ж. А. Медведева и лишить его доступа к иностранным издательствам. Технические детали должны были разработать сотрудники либо КГБ, либо Минздрава СССР. Кагэбэшники понимали сложность судебного разбирательства по книге, которая только что написана, никому пока не известна, не распространялась и не издавалась. Такое судебное дело могло лишь привлечь к ней повышенное внимание и привести к ее широкому распространению. Поэтому КГБ возложил изоляцию Медведева на Министерство здравоохранения. Так было проще и быстрее. Петровский понял, что фальшивый диагноз трудно обеспечить в обычной больнице и задачу нужно все-таки решать совместно с КГБ через судебную психиатрию. Но это требовало времени. В сложившейся ситуации надежда возлагалась на того же Лифшица. (Ему, как я узнал позже, обещали звание заслуженного врача РСФСР.) Лифшицу следовало держать меня в больнице под разными предлогами как можно дольше. Он не нес за это никакой юридической ответственности. До 1961 года произвол психиатров можно было обжаловать в судебном порядке. Однако при подготовке нового кодекса законов статьи о судебной ответственности психиатров были исключены. Их действия теперь можно было обжаловать или оспаривать лишь в восходящем административном порядке, сначала в облздраве, затем в Министерстве здравоохранения РСФСР, а затем в Минздраве СССР.

Дело, таким образом, затягивалось на неопределенный срок. Его организаторы предполагали, что поток протестов начнет уменьшаться. Но этого не произошло. 6 июня ко мне на свидание приехал на машине мой друг писатель В. Д. Дудинцев с женой. Юрист по образованию, он сразу зафиксировал множество нарушений. Лифшица в больнице не было, он смог поговорить только с Бондаревой.

Труднее всего оказалось положение Риты. Именно в эти дни в Калинин (Твери) умирала от рака ее мама. Отец, брат, сестра и другие родственники ждали нас там. О моих

проблемах в Калуге они не знали, Рита им не говорила, иностранных радиоголосов они не слушали. В Калинин Рита приехала уже на похороны и сразу после поминок ночным поездом вернулась в Москву, а затем в Обнинск и Калугу. В комнате свиданий больницы она увидела меня в той же полосатой пижаме беседующим с Александром Твардовским и писателем Владимиром Тендряковым. Возле стеклянных дверей комнаты свиданий толпились пациенты больницы. Всем хотелось увидеть знаменитого и любимого поэта, которого они знали лишь по портретам.

Калужская психиатрическая больница

В течение первой недели в Калужской областной психиатрической больнице я старался как можно больше узнать об этом учреждении и его пациентах. Почти тридцать лет гонений на генетику привели к серьезному отставанию советской психиатрии от мирового уровня этой науки. Психические заболевания объясняли у нас лишь условиями жизни, а не наследственностью. Это было неизбежным последствием практически ликвидации в СССР медицинской генетики и генетики человека. Психические болезни рассматривались в основном как социальные. Пересмотр таких воззрений, начавшийся лишь в 1965 году, шел медленно. Советский Союз только в 1968 году был принят в Международную ассоциацию психиатрии, очередной конгресс которой ожидался в 1971 году в Мексике.

Поскольку мозг является наиболее сложным и комплексным органом, формирование которого продолжается у человека в течение многих лет и после рождения, то те или иные аномалии в его развитии, очень часто малозаметные и локальные, возникают значительно чаще, чем в других органах. При старении организма неизбежные возрастные изменения тканей и клеток мозга часто проявляются в виде психических расстройств различного типа. Согласно международной статистике, около 1 % детей рождаются с психическими аномалиями, среди которых наиболее распространенными являются аутизм, генетическая природа которого неясна до сих пор, и синдром Дауна, который является результатом хромосомной аномалии в женской яйцеклетке. Синдром Дауна встречается у 0,3 % новорожденных от 18–20-летних матерей, у 1 % от 30-летних и у 3–4 % от женщин, достигших 40-летнего возраста и накопивших в своих яйцеклетках больше генетических изменений. С другой стороны, число психических заболеваний увеличивается и при старении как прямой результат возрастных изменений клеток мозга. Доминирующими болезнями стариков являются старческая деменция (слабоумие, потеря памяти), болезнь Паркинсона и болезнь Альцгеймера. Шизофрения, существующая в очень широком диапазоне различных проявлений, также относится к числу наследуемых болезней. К психическим заболеваниям относятся и наркомания и алкоголизм.

В крестьянской России психиатрических больниц почти не было. Умственно отсталые дети жили в семьях, беспомощные взрослые и старики часто жили в богадельнях при церквях и монастырях. Развитие городов в Европе и в России привело к необходимости создания специализированных психиатрических больниц. В России, а затем в СССР груз психических заболеваний значительно возрос после трех войн в период 1914–1945 годов, а также в результате террора и голода 1921–1922, 1932–1933 и 1946–1947 годов. Церкви и монастыри, принимавшие на себя значительную долю забот о психически больных, слепых и глухих, были в основном ликвидированы. Забота о них перешла в систему здравоохранения. К 1970 году существовало около ста крупных областных психиатрических больниц и множество психдиспансеров. Как правило, эти больницы располагались в 20–30 км от города на большой огороженной территории. Калужская областная психиатрическая больница, расположенная недалеко от села Бушмановка, видимо, мало отличалась от других подобных больниц. В детском корпусе преобладали дети младшего школьного возраста с синдромом Дауна (до 7–8 лет они оставались в семьях) и некоторыми другими синдромами

(аутизм старались лечить в диспансерах), и они содержались в больнице до конца своей жизни, завершавшейся к 15–20 годам. Старческие психические аномалии не лечились. Больных кормили плохо, в каждой палате могло содержаться до двадцати человек, никто из родных их не посещал. В больнице было около десяти отделений и, возможно, более тысячи пациентов. Одно или два отделения предназначались для так называемых беспокойных больных.

Статистика по числу психиатрических больных разных групп в СССР засекречивалась. Согласно ежегодной статистике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), общее число людей с психическими аномалиями постоянно растет. При этом быстрее всего растет число заболеваний, связанных с маниакальными депрессиями (они являются основной причиной самоубийств), старческими аномалиями, алкоголизмом, наркоманией и шизофренией. Экономическое развитие и технический прогресс повсеместно приводят к снижению инфекционных, но к росту психических и неврологических заболеваний, часто требующих госпитализации.

Проблема становится международной

Приезд ко мне в больницу Твардовского и Тендрякова и их довольно-таки острая беседа с главным врачом больницы Лифшицем превратили факт насильственной госпитализации Жореса Медведева в международный скандал. Рассказ Роя об этом визите иностранным корреспондентам появился на следующий день во многих ведущих западных газетах и журналах. *Time*, *Newsweek*, *Spiegel* и другие издания начали готовить более подробные статьи о злоупотреблении психиатрией в СССР. Появились такие термины, как «карательная медицина», «психотюрьмы» и другие.

7 июня на свидание со мной и для беседы с Лифшицем приехали из Москвы мой друг, биохимик, профессор А. Нейфах и писатель В. А. Каверин с женой. На следующий день прибыли старые большевики Иван Павлович Гаврилов и Раиса Лерт. И. П. Гаврилов был другом моего отца еще с Гражданской войны. Он провел в лагерях на Колыме почти восемнадцать лет, но выжил и был реабилитирован в 1956 году. Хотя это был не день свиданий, им разрешили встретиться со мной. Письмо-протест написал президенту АМН СССР Тимакову Петр Михайлович Жуковский. Отдельное письмо он написал моей жене Академик А. Д. Сахаров передал 7 июня в ЦК КПСС обстоятельный протест на имя Л. И. Брежнева, объявив, что считает его «открытым». Выдержки из его письма были опубликованы в западных газетах и зачитывались зарубежными радиостанциями на русском языке. Игнорировать такую кампанию стало уже трудно. Но решить мою судьбу могли лишь те, кто принимал первоначальное решение, еще до приезда Лифшица в Обнинск.

Чтобы я не лежал без дела в палате, начались всевозможные обследования. По команде невропатолога я находил с закрытыми глазами кончик своего носа указательными пальцами левой и правой руки, не реагировал на щекотку и удары молоточком по коленке. Была проведена запись биотоков мозга (энцефалограмма), и продолжались ежедневные беседы с Бондаревой и Лифшицем. Врачи подробно интересовались моей родословной – мне нужно было рассказать о роде занятий и судьбе всех моих близких родственников по материнской и отцовской линиям, от бабушек и дедушек до троюродных племянниц и племянников. Никто из них психическими болезнями не страдал. Вопросы эти перемежались теми, что были явно получены из КГБ.

– Почему вы не соблюдали инструкцию о служебной переписке, за которую расписались? – вдруг спросил главврач.

Я ответил, что никакой инструкции не подписывал и что моя переписка в большинстве случаев не имела служебного характера.

– С чего начались неприятности у Солженицына? – неожиданно спросила Бондарева.

– А правда ли, что ваша первая научная работа называлась «О сущности жизни»? – спросил Лифшиц.

– Полная правда, – ответил я, – но это была не научная работа, а доклад студента первого курса на студенческой конференции в 1945 году с попыткой расшифровать формулу Энгельса из его «Диалектики природы»: «жизнь есть форма существования белковых тел». В 1945 году марксизм считался основой всех наук.

Впоследствии я узнал, что Лифшиц приезжал в Обнинск и расспрашивал соседей по подъезду, не бывает ли у Медведевых скандалов, ссор, крика в квартире. Судя по всему, врачи все еще надеялись найти какие-либо аргументы в пользу того диагноза, который от них требовали. Беседы с ними происходили иногда по два раза в день.

– Оставляете ли вы копии писем, посылаемых за границу? – спросила как-то Бондарева. – Где вы их храните?

Вечером 8 июня Лифшиц долго убеждал меня, что занятие публицистикой, в дополнение к профессиональной научной работе, – это свидетельство раздвоения, или диссоциации, личности. Мысль о моей «плохой адаптации к социальной среде» Лифшиц пытался втолковать жене и брату и получал, естественно, отпор.

Держать меня в больнице без лечения не имело смысла, поэтому 8 июня мне предложили курс химиотерапии трифтазином с галоперидолом – сильнодействующими нейрорепрессантами-депрессантами. Я ответил, что такое «лечение» ничем не будет отличаться от опытов гитлеровских врачей в концлагерях. Врачи имели право и на насильственное лечение, но не решались, так как это могло вызвать бурную реакцию общественности.

Министр здравоохранения Б. Петровский, который наверняка консультировался по моему делу с КГБ и с какими-то инстанциями в ЦК КПСС, получил инструкции «переубедить» ученых. При наличии достаточно серьезного диагноза, свидетельствующего об «общественной опасности» пациента, там, наверное, рассчитывали перевести Медведева в Институт им. Сербского без всякого судебного разбирательства. Продлевать мое пребывание в калужской больнице, открытой для посетителей, становилось слишком трудно. На 12 часов в пятницу Петровский назначил у себя в кабинете совещание, пригласив пятерых академиков, заявлявших наиболее энергичные протесты (А. Д. Сахарова, П. Л. Капицу, Б. Л. Астаурова, Н. Н. Семенова и А. П. Александрова). Четверо из них возглавляли институты АН СССР. Н. Н. Семенов был лауреатом Нобелевской премии. Со стороны министерства были приглашены главный психиатр Минздрава академик АМН А. В. Снежневский и Г. В. Морозов. В приглашении академикам говорилось, что совещание состоится «по делу о больном Ж. А. Медведеве».

Приглашенных ученых попросили считать это совещание конфиденциальным. Но Сахаров предупредил, что этого условия не принимает. Вечером он рассказал о совещании Рою. Основной доклад делал Снежневский, с которым я никогда раньше не встречался. Он обвинял академиков и писателей в том, что они своими заявлениями наносят ущерб репутации советской психиатрии. Диагноз сформулировал Г. Морозов, который, находясь в Калуге, никаких симптомов после нескольких вопросов ко мне не обнаружил. Теперь же он

назвал весьма сложный диагноз – «параноидальная шизофрения с навязчивым бредом реформаторства и раздвоением личности», – относившийся к состояниям, требующим госпитализации. К этому добавлялись «повышенная самооценка» и «отсутствие адаптации». Выписка из больницы могла, по его словам, привести к обострению этих симптомов.

В развернувшейся затем дискуссии Сахаров, Капица, Астауров и Семенов, знавшие меня лично уже немало лет, резко раскритиковали и диагноз и симптомы как смехотворные и полностью надуманные. Повышенная самооценка, как они объяснили, необходима любому ученому, который стремится к каким-либо открытиям. «Раздвоение личности можно было бы назвать синдромом Леонардо да Винчи», – с иронией заметил Капица. Совещание у министра продолжалось около трех часов. Петровский покидал свой кабинет очень мрачным. Изменить позицию ученых (и, следовательно, Академии наук) не удалось. Петровскому и Снежневскому стало ясно, что надо отступить, признав ошибку. Но им предстояло убедить в этом и другие инстанции.

Вот как мы живем

Солженицын, живший в это время на своей дачке недалеко от Обнинска и работавший над новым романом «Август Четырнадцатого», узнал о моей насильственной госпитализации из русской передачи Би-би-си. На следующий день к Рите приехала Решетовская, чтобы узнать все подробности. Солженицын хотел сделать заявление, но решил немного подождать. Простой протест опального писателя не мог оказать особого влияния, следовало обобщить мой случай с другими подобными. Утром в воскресенье 14 июня Александр Исаевич позвонил Рою и предложил встретиться в одном из сквериков недалеко от станции метро «Сокол». Рой рассказал ему, как развивались события, и объяснил, что все обещания о выписке брата из больницы были лживыми, возможно с целью дезинформации, и врачам надо было продлить содержание Жореса Медведева в Калуге, чтобы подготовить его перевод в Институт им. Сербского. Рассказал он и о недавнем совещании у Петровского и оглашенном там «диагнозе».

Рано утром 15 мая Рою домой привезли подписанное Солженицыным открытое заявление «Вот как мы живем», которое к вечеру того же дня стало широко известно и передавалось на русском языке западными радиостанциями:

«...безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача, врачи заявляют, что он – помешанный, майор милиции кричит: “Мы органы насилия! Встать!”, крутят ему руки и везут в сумасшедший дом.

*Это может случиться завтра с любым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым – ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души (лично знаю его бескорыстную помощь безвестным погибающим больным). Именно **разнообразие** его дарований вменено ему в ненормальность: “Раздвоение личности!” Именно отзывчивость его на несправедливость, на глупость и оказались болезненным отклонением: “плохая адаптация к социальной среде!” Раз думаешь не так, как **положено**, значит, ты ненормальный! А адаптированные – должны думать все одинаково. И управы нет – даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются, как от*

стены горюх.

Да если б это был первый случай! Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более – неизвестных. Угодливые психиатры, клятвопреступники, квалифицируют как “душевную болезнь” и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и избыточное хладнокровие, и слишком яркие способности, и избыток их.

*А между тем даже простое благоразумие должно было бы их удержать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем – и то мы клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих в сумасшедшие дома есть **духовное убийство**, это вариант **газовой камеры** и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно.*

И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, где человек переступает в людоеда!

Это – куцый расчет, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

15 июня 1970»

Последняя неделя в Калуге

С 13 июня число посетителей, хотевших встретиться со мной, начало возрастать и особые дни свиданий были отменены. Постоянно звонил междугородний телефон не только в кабинете, но и в квартире Лифшица. В почтовом ящике нашей квартиры Рита обнаруживала конверты с деньгами. На одном было написано: «От ученых Новосибирска». Приехал на свидание ко мне Валерий Чалидзе, председатель неофициального Комитета прав человека. В воскресенье 14 июня приехали обнинские друзья В. Ф. Турчин, А. Г. Васильев и еще несколько ученых из ФЭИ.

Состав моей палаты все время менялся, и было ясно, что «психиатрические аресты» действительно стали правилом. Молодой человек, демобилизованный из армии, попал в нашу палату после обращения в ЦК КПСС о необходимости реорганизовать ВЛКСМ, так как комсомол, по его мнению, превратился в бюрократическую организацию. Средних лет мужчину привезли в больницу, так как он расклеивал листовки с протестом по поводу своего увольнения из училища, где работал преподавателем. Им в качестве лечения назначили инсулиновый шок и нейролептики – для «изменения структурной основы психики». В нашем «спокойном» корпусе третьего отделения неожиданно отменили прогулки. Мне ограничили возможность писать письма. Их теперь полагалось сдавать в открытом виде дежурной сестре.

Однако встреча министра Петровского с академиками 12 июня изменила обстановку. Заявление Солженицына, широко передававшееся в эфире и опубликованное во многих западных газетах 16 июня, безусловно, стало известно и Лифшицу. Днем он пригласил к себе

Риту для «последних наставлений» и убеждал ее, что мне нужно сосредоточиться на научной работе и прекратить занятия публицистикой и социологией. Рита резонно отвечала, что выполнение этого условия требует восстановления меня на работе в институте, хотя бы в должности старшего научного сотрудника.

17 июня, прежде чем разрешить мне переодеться в мой гражданский костюм, меня вызвали к Лифшицу и Бондаревой для заключительных наставлений. Оба врача уверяли меня, что они были полны забот лишь о моем здоровье. Они специально просили, чтобы я не писал никаких записок или статей о пребывании в их больнице. «Если вы будете продолжать занятия публицистикой, то мы, врачи, не сможем вам помочь. – Лифшиц развел руками. – Этим займется другие инстанции».

Я ответил, что мог бы принять эти условия лишь в том случае, если будет формально отменен как ошибочный оглашенный Петровским и Снежневским «диагноз» тяжелого психического заболевания. При устройстве на работу в любое научное или высшее учебное заведение всегда, как известно, требуется справка о здоровье.

Лифшиц ответил, что уже поступила директива Калужского обкома КПСС с предоставлением мне должности старшего научного сотрудника лаборатории биохимии в ИМР.

После этого разговора я, наконец, переоделся и мы с Ритой пошли к автобусной остановке.

Кто сумасшедший?

Первые дни после моего возвращения к нормальной жизни показали, что моя выписка из больницы и возвращение домой могли быть самостоятельным решением больницы, согласованным с обкомом, но не с Москвой. Главный врач Калужской психиатрической больницы и даже заведующие ее отделениями имеют полное право решать вопросы о судьбе пациентов самостоятельно, не согласовывая свои решения с вышестоящими медицинскими организациями и тем более с министерством. Калужский обком КПСС мог быть в этом вопросе на стороне главного врача. Явный перелом в их позиции произошел после приезда в Калугу Александра Твардовского. С писателем такого масштаба, признанным великим, произведения которого входили в школьные программы, изворачиваться, обсуждая проблему Медведева, Лифшицу было нелегко. Как главный редактор журнала Твардовский был если не психиатром, то психологом. Но Лифшиц не решался говорить и всей правды. В Калужском обкоме тоже наконец поняли, что скандал, возникший вокруг этого дела, можно решить только в Москве. Но и в Москве не ожидали всех возникших осложнений, особенно с международной прессой. О моем возвращении домой московские чиновники, занимавшиеся этим делом, не были даже извещены.

18 июня известного кинорежиссера Михаила Ромма вызвали в райком КПСС для «проработки» по поводу его вмешательства в «лечение Медведева». На столе у секретаря райкома лежала медицинская справка, в которой Медведев был объявлен «социально опасным психически больным», нуждавшимся в изоляции. Попастись на стол секретаря райкома в Москве такая справка могла лишь через ЦК КПСС. В тот же день, 18 июня, на 1^й час в Секретариат Союза советских писателей вызвали беспартийного В. А. Каверина, чтобы сделать ему замечание по поводу его визита в Калугу. В Секретариате был список всех писателей, которые посылали телеграммы протеста или лично приезжали в Калугу. Их

«проработка» намечалась на следующие дни. Для таких «проработок» в ССП была создана специальная комиссия. Выписка Медведева из больницы членов этой комиссии крайне удивила (не сама выписка, а то, что они узнали об этом от Каверина). Вызывали в райком КПСС для «замечания» и А. Т. Твардовского. Это говорило о том, что авторы «психиатрического сценария» в Москве не намерены сдаваться. Сдались в Калуге.

А моего брата 18 июня на 15 часов пригласили в КГБ к сотруднику высокого ранга, который, однако, не назвал своей фамилии (да зачастую если сотрудники КГБ и называли свои имена-фамилии, это были псевдонимы). Роя пытались убедить, что вся акция с помещением меня в Калужскую психиатрическую больницу была подготовлена исключительно местными властями и центральный аппарат КГБ не имел к этому никакого отношения. Такую же версию излагали впоследствии и некоторым академикам. Судя по одной из них, референт и спичрайтер Брежнева Александр Бовин, считавшийся либералом, доложил своему шефу о том, что психиатрический арест Медведева вызывает слишком бурную отрицательную реакцию в Академии наук СССР и широко используется западной пропагандой. Брежнев якобы поднял телефонную трубку прямой связи с Андроповым и распорядился срочно освободить Жореса Медведева. Все эти явно наспех придуманные легенды были пущены в оборот уже после 18 июня. Рой известил о моей насильственной госпитализации своих друзей, работавших в аппарате ЦК КПСС, Георгия Шахназарова и Юрия Красина, еще 31 мая. Был информирован и А. Бовин. Он действительно составил для своего шефа докладную в нужном стиле и положил ее на стол генерального секретаря 1 июня. Но у Брежнева были и другие, более влиятельные советники. Данная проблема входила в компетенцию Суслова и Андропова. Именно из КГБ министр здравоохранения Петровский мог получить инструкцию о переводе Жореса Медведева в Институт судебной медицины, а не о выписке домой, а врачи Лифшиц и Бондарева получили большой список вопросов, касающихся моих книг. Никаких прямых указаний Брежнева или Андропова об освобождении Медведева не было. Не был отменен и составленный Г. Морозовым и Снежневским сложный «диагноз», объявлявший Жореса Медведева социально опасным душевнобольным. Мое освобождение стало исключительно результатом широких и решительных протестов ученых и писателей, а также нараставшей кампании в западной прессе. Выступление Солженицына показало, что эта кампания будет и дальше нарастать, а не затухать. Произвол был слишком очевиден и не имел никакой медицинской или юридической базы. Оказались под угрозой бойкота две международные биологические научные конференции в Прибалтике, которые намечались на июль и август. Могло быть отменено и приглашение АМН СССР на Международный конгресс по психиатрии в Мексике в 1971 году. Тихая и незаметная «медицинская изоляция» Жореса Медведева, с тем чтобы лишить его доступа к зарубежным издательствам и контактов с иностранными учеными, не получилась. Но не было и директивного прекращения всего этого «психиатрического дела».

Примерно в середине июля мне позвонил Ю. В. Кирюшин, заведующий обнинским психдиспансером, и попросил прийти к нему на прием. «По какому делу?» – спросил я. «Калужская психиатрическая больница, – ответил он, – произвела вашу выписку под диспансерный учет, с ежемесячным обследованием в нашем диспансере». «С каким диагнозом?» – спросил я. «Диагноз является врачебной тайной и не сообщается пациентам», – ответил Кирюшин. «Доложите Лифшицу, что я на диспансерные обследования являться не буду», – ответил я. История, таким образом, еще не закончилась. Это была попытка шантажа. Существовал лишь один путь ее прекратить – полностью

изложить все факты в виде очерка или книги. При этом следовало поторопиться. Я положил перед собой стопку чистых листов бумаги и на первом из них написал крупными буквами заголовок, который сложился сразу: «Кто сумасшедший?»

По свежим в памяти событиям очерк был написан очень быстро, всего за две недели. Рой, прочитав мой текст, решил добавить четыре главы о событиях, происходивших за пределами Обнинска и Калужской психиатрической больницы. В организации сопротивления извне он играл решающую роль. В итоге к сентябрю 1970 года мы имели небольшую совместную книгу с рядом обобщений и анализом других случаев, вполне подходившую для самиздата. В сентябре в журнале *Nature* (№ 5264) были напечатаны большой отрывок из моей книги «Международное сотрудничество ученых...» (история с ежегодной лекцией по старению в 1966 году) и редакционная статья по этому поводу. Было также объявлено, что вся книга находится в печати на русском и на английском языках. В Москве с ежегодным рабочим визитом находился в это время мой американский друг профессор Дэвид Журавский. Его собственная книга о Лысенко была закончена и издавалась в Гарварде. Для нового проекта он выбрал «позитивную» тему о теориях Сеченова. Как редактор переводившейся книги Роя «К суду истории» он два раза беседовал с ним для обсуждения некоторых вопросов. В КГБ эти встречи, происходившие в библиотеке, не были зафиксированы. Я по-прежнему встречался с Журавским в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Мы обедали в пельменной возле станции метро. Журавский согласился отправить рукопись книги «Кто сумасшедший?» моему редактору Джеймсу Райту в британское издательство «Macmillan» с дипломатической почтой американского посольства. Все свои конспекты и выписки, сделанные в библиотеке, он периодически отправлял домой в Эванстон в Иллинойсе таким же путем. В начале октября наша рукопись уже была в Лондоне в руках одного из лучших переводчиков с русского Эллен Де-Кадт (Ellen de Kadt). Она преподавала на кафедре советологии в Лондонской школе экономических и политических наук. Однако издательство решило опубликовать эту книгу сначала на русском, чтобы иметь полный копирайт. Русское издание, 2000 экземпляров, печаталось ускоренным способом. В начале 1971 года британский профессор Стивен Роуз (Steven Rose), приехавший в Москву на конференцию сторонников атомного разоружения, привез мне большую пачку этих книг. Книга была хорошо издана в небольшом формате и с плотной бумажной обложкой.

Нобелевская премия по литературе присуждается Солженицыну

8 октября 1970 года я находился в Москве в связи с переговорами о возможном трудоустройстве и днем заехал в гости к Веронике Туркиной, двоюродной сестре Н. Решетовской. Около трех часов дня по радио передали сенсационную новость: Александру Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе за 1970 год с формулировкой «За ту этическую силу, с какой он развивает бесценные традиции русской литературы».

Все иностранные корреспонденты конечно же хотели взять интервью у нобелевского лауреата. Но никто не знал номера его телефона. Солженицын только что переехал по приглашению Ростроповича на его дачу в элитном поселке Жуковка. При большой даче музыканта, построенной по его собственному проекту, включавшему даже небольшой концертный зал на пятьдесят человек, имелось два флигеля, один из них – для садовника. В нем и поселился Солженицын, находившийся в это время в крайне угнетенном состоянии

из-за неизбежности бракоразводного процесса. Хотя Наталия (Аля) Светлова ждала от него ребенка, Решетовская все равно отказывалась от добровольного развода, что означало необходимость судебного процесса в Рязани. Солженицын запретил давать кому-либо номер телефона на даче Ростроповича. До этого он с иностранными журналистами не встречался и никаких интервью не давал. Но натиск журналистов был слишком силен, ведь сообщение о присуждении ему Нобелевской премии стало сенсацией дня, поэтому необходимо было получить заявление лауреата. Телефон самого Ростроповича тоже был засекречен. Многие корреспонденты готовы были ехать в Жуковку и искать писателя там. О присуждении Нобелевских премий обычно объявляли 8 и 9 октября. Солженицын, регулярно слушавший иностранные передачи, наверное, уже знал о своем награждении, список номинантов был известен.

Логично было дать первое интервью представителю шведской прессы. Еще в сентябре Дэвид Журавский познакомил меня с журналистом Пером Эгилем Хегге (Per Egil Hegge), с кем мы несколько раз встречались с ним. Пер Хегге был норвежцем, прекрасно говорил по-русски и представлял в Москве не только крупную ежедневную газету *Aftenposten*, но и одну шведскую газету. Он был большим поклонником Солженицына. Мы с Туркиной позвонили ему и дали нужный номер телефона.

Вечером 8 октября, уже по иностранным радиопередачам, я узнал, что Пер Хегге был первым и единственным иностранным журналистом, который поздравил Солженицына с присуждением Нобелевской премии и получил от него интервью по телефону. Александр Исаевич тепло поблагодарил Шведскую академию за оказанную честь и выразил готовность приехать в Стокгольм на традиционную церемонию вручения Нобелевских премий. До этой церемонии, 10 декабря, оставалось два месяца. При всем своем опыте Солженицын полагал, что присуждение Нобелевской премии советскому автору будет позитивно принято в ЦК КПСС и станет основой для его реабилитации. Он действительно хотел поехать в Швецию и немедленно начал составлять письмо М. А. Суслову, секретарю ЦК КПСС и члену Политбюро, выбрав его просто потому, что встречался с ним в 1962 и в 1963 годах и получил от него лестные отзывы о своих произведениях, опубликованных в «Новом мире». Но в то время Солженицына поддерживал и Хрущев. В своем письме Суслову Солженицын ставил ряд совершенно невыполнимых условий для быстрого решения накопившихся проблем:

«В кратчайший срок напечатать (при моей личной корректуре) отдельной книгой, значительным тиражом, и выпустить в свободную продажу повесть “Раковый корпус” (Гослитиздату, если ему будет указано, вся эта работа посылна в две-три недели). <...> Если потребуется личная встреча, беседа, обсуждение – я готов приехать».

Но осуществить издание «Ракового корпуса», объемом 600 страниц, за две-три недели и без цензуры было попросту невозможно. Ошибкой было и обращение к Суслову, наибольшему консерватору в Политбюро. Как свидетельствует сборник изданных журналом «Источник» рассекреченных документов ЦК КПСС («Кремлевский самосуд», 1994), именно Суслов уже 9 октября провел Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах в связи с провокационным актом присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии 1970 года в области литературы» (с. 87–88). Солженицын явно находился в состоянии эйфории, рассчитывая говорить с властями на равных. Вечером 14 октября в Жуковку без

предупреждения приехала Решетовская. Ее планы относительно развода неожиданно изменились. Сначала она «как жена» хотела поехать в Швецию. Получив отпор, очевидно очень крутой, Решетовская попыталась покончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу снотворного – тогда это были барбитураты. Солженицын обнаружил жену без сознания утром 15 октября. Но он позвонил не в скорую помощь, а Туркиной и затем Льву Копелеву и просил их срочно приехать с врачом. Приехавшие через два часа два врача диагностировали коматозное состояние и настояли на вызове скорой помощи. Решетовскую доставили в клиническую больницу № 1 – этот номер присваивался лишь кремлевским клиникам. Через два дня было объявлено, что ее состояние вне опасности.

Жуковка – это правительственный дачный поселок в лесу в 20 км от Москвы по Савеловской ж/д. Здесь были дачи двух членов Политбюро, отставных маршалов, академиков-атомщиков (и А. Д. Сахарова) и нескольких бывших лидеров, в том числе В. М. Молотова. Поселок хорошо охранялся, и Солженицын неизбежно находился там под плотным наблюдением. Из Жуковки скорая помощь доставляла больных сразу в кремлевские больницы. О попытке самоубийства Решетовской конечно же доложили Андропову, что обеспечило в последующем вмешательство КГБ и в бракоразводный процесс.

По директиве Секретариата ЦК КПСС уже 9 октября началась травля писателя 9 октября в вечернем выпуске газеты «Известия» появилась поспешная заметка «Недостойная игра. По поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии». Однако коммунистическая пресса западных стран отнеслась к присуждению Нобелевской премии Солженицыну весьма положительно.

Александр Твардовский в то время был тяжело болен. У него диагностировали рак легких. Сначала он лежал в Кремлевской больнице, но затем его перевезли на дачу в Пахру. Здесь его посетил в конце октября Рой. Когда речь зашла о Нобелевской премии Солженицыну, Твардовский несколько оживился:

– Это и наша премия, – сказал он, имея в виду прежнюю, недавно смещенную редколлегию «Нового мира».

Большое «Открытое письмо» главным редакторам газет «Правда», «Известия», «Советская культура» и «Литературной газеты» отправил 31 октября, вернувшись из зарубежной поездки, Мстислав Ростропович. Он сравнивал преследование Солженицына с преследованиями композиторов Д. Шостаковича и С. Прокофьева, Н. Мясковского и А. Хачатуряна в 1946–1948 годах, произведения которых объявлялись «чуждыми народу».

Письмо Ростроповича быстро распространилось в самиздате и было опубликовано за границей. В связи с этим сразу отменили гастрольные поездки музыканта в Финляндию и во Францию по уже подписанным контрактам. В последующем были отменены и другие заграничные поездки великого виолончелиста. Галина Вишневская, жена Ростроповича, считавшаяся лучшей оперной певицей Большого театра, потеряла вскоре свои первые роли. Супруги, которых раньше приглашали в Кремль на все важные приемы, лишились и этих привилегий.

Личные проблемы и враждебная кампания в советской прессе привели Солженицына к выводу, что ему могут дать разрешение на поездку в Швецию, но лишь с тем, чтобы лишить возможности вернуться на родину. Семейные проблемы делали такую перспективу слишком рискованной. Александр Исаевич решил, что можно провести церемонию вручения ему премии в посольстве Швеции в Москве. В связи с этим он начал готовить текст нобелевской лекции и передал свои предложения послу Швеции Гунмару Яррингу (Gunmar Jarring)

Солженицыну теперь необходим был посредник между ним, Шведской академией и посольством. Я порекомендовал на эту роль Хегге. 20 ноября вечером, уже в Москве, я представил его Солженицыну. Встреча происходила на бульваре возле Арбатской площади. С первых минут разговора стало видно, что Александр Исаевич сразу почувствовал к Хегге искреннее доверие и симпатию. Однако новости, которые сообщил Хегге, оказались неожиданными. Посольство Швеции соглашалось на организацию вручения премии, но лишь в том случае, если не будет никакой церемонии с лекцией и приглашением в посольство друзей лауреата. (Список для приглашений был у Солженицына в кармане, но так и не понадобился.) Солженицына приглашали в посольство Швеции на 27 ноября, чтобы обсудить все детали. Посол и другие сотрудники посольства приняли писателя вежливо, но официально. Ему объяснили, что Шведская академия – это независимая организация, тогда как посольство – государственное учреждение и не вмешивается в подобные конфликты. Посол Ярринг сказал, что он готов содействовать получению диплома и медали, но в своем собственном кабинете. Никакого приема или церемонии по этому поводу посольство без инструкции от своего правительства устраивать не может. Солженицын решил отказаться от такого предложения. Через Хегге он отправил в Стокгольм короткий текст выступления, который был зачитан 10 декабря секретарем академии Карлом Гировым (Karl Gierow) на традиционном банкете в честь лауреатов в Королевском дворце. Из этого текста были, однако, исключены все резкие выражения о судьбе советских политзаключенных.

Новая работа

Однако в событиях, происходивших в Москве в ноябре и декабре 1970 года, я принимал уже ограниченное участие. Калужский обком КПСС, не добившись согласия АМН СССР на восстановление меня на работе в ИМР, убедил директора института, находящегося недалеко от Обнинска в небольшом городе Боровске, принять меня на работу. Это был довольно большой институт с длинным названием – Всесоюзный научно-исследовательский институт физиологии, биохимии и кормления сельскохозяйственных животных (ВНИИФБиК с/з животных). Мне предложили должность исполняющего обязанности (до конкурса) старшего научного сотрудника лаборатории белков и свободный выбор темы исследований. Для меня создавали отдельную группу, в которую входили младший научный сотрудник и два лаборанта. Институтская лаборатория белков имела приличное оборудование. Заведовал лабораторией сам директор института академик ВАСХНИЛ Николай Александрович Шманенков. Он был биохимиком, специалистом по белкам и аминокислотам. Для моей группы выделили две лабораторных комнаты и небольшой кабинет. Предложение было согласовано во всех инстанциях, включая Президиум ВАСХНИЛ. Из медицины я снова возвращался в сельскохозяйственную науку, но мог продолжать исследования по проблемам старения. «Возрастные изменения белков крови» были одной из тем общей программы института. Это предложение я принял без всяких условий и 19 октября 1970 года приступил к новой работе. От Обнинска до Боровска можно было доехать с пересадкой с электрички на автобус за 40–50 минут. Боровск – старинный русский город, известный еще с XV века. Институт физиологии, биохимии и кормления сельскохозяйственных животных занимал за городом большую территорию с полями и лугами. Некоторые корпуса еще строились. Немало сотрудников, работавших здесь, окончили зоотехнический факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Новое направление исследований

Боровский Институт физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных возник в системе ВАСХНИЛ в 1965 году и к концу 1970 года не был полностью укомплектован. Уже функционировали три корпуса, а два еще строились. При институте было много вспомогательных построек, в основном для содержания сельскохозяйственных животных: коров разных пород, лошадей, свиней, овец, а также два или три типа птицеферм и небольшая птицефабрика, импортированная из США. Большое разнообразие сельскохозяйственных животных требовало обширной территории для пастбищ и полевого севооборота, а также силосных башен и траншей. В кооперации с институтом работали два ближайших колхоза и совхоз. Институт находился примерно в трех километрах от Боровска, вверх по течению реки Протвы, и я проезжал город на автобусе по дороге со станции Балабаново. Главной достопримечательностью города был величественный Пафнутьев-Боровский монастырь с высокой крепостной стеной, основанный в середине XV века монахом Пафнутием. Монастырь считался охраняемым памятником архитектуры и имел много красивейших барельефов и фресок. В 1962 году, в период новых хрущевских гонений на православную церковь, это наиболее ценное архитектурное сооружение всей Калужской области, привлекавшее туристов, перешло во владение машинно-тракторного техникума. Фрески на религиозные темы соскоблили с его стен или закрасили. С куполов сняли кресты.

В Боровске стояло еще девять старинных церквей, одна из которых функционировала пока как храм, другие были отданы под склады, хранилища и мастерские. На одной из церквей на месте колокольни поставили водонапорную башню. Население города составляло около 13 тысяч человек, лишь немногим больше, чем в прошлом веке.

Моя научная группа, состоявшая из двух квалифицированных лаборантов, работавших в институте уже много лет, и одного младшего научного сотрудника, Наталии К., назначенной на должность незадолго до меня, была вполне работоспособна. Наталию К. перевели в Боровск из Калуги, где она работала в системе МВД. В правоохранительных органах, как известно, тоже нужны хорошие биохимики и аналитические лаборатории, ответственность которых за точность анализов очень высока. Их данные используются в судебно-медицинских экспертизах. Я не исключал, что Наталию попросили периодически докладывать кому надо и обо мне. Полной уверенности в этом у меня не было, так как моими делами, кроме научных, она не интересовалась.

С начала работы в Боровске я решил сконцентрировать внимание лишь на научных исследованиях, планируя темы на 4–5 лет. Применение радиоактивных изотопов и излучений в новом институте не практиковалось и не предусматривалось. В качестве объектов для исследований следовало выбирать лишь сельскохозяйственных животных. Но геронтолог может изучать проблемы старения в любых условиях. Я выбрал объектами исследований кур и кроликов и решил изучать старение клеток, а не организмов. Для этого очень подходили эритроциты кур, которые постоянно образуются в костном мозге из стволовых клеток, преобразующихся в ретикулоциты с еще активным ядром, а затем в молодые эритроциты, теряющие способность к синтезу белков и пассивно стареющие при постоянной циркуляции крови. Старые эритроциты «узнаются» и разрушаются в селезенке.

Весь процесс продолжается несколько недель. На курах, у которых, как и у всех птиц, эритроциты крови сохраняют клеточное ядро, можно было изучать характер изменений гистонов и негистоновых белков ядра при переходе от активно синтезирующих белки ретикулоцитов к зрелым и старым эритроцитам, теряющим эту способность. У кроликов после рождения происходит смена особого эмбрионального гемоглобина на «взрослый», имеющий другой аминокислотный состав, и ретикулоциты костного мозга теряют ядро при превращении в эритроциты. В этом случае было интересно сравнить состав ядерных белков у эмбриональных и «взрослых» ретикулоцитов. Потеря крови или разрушение старых и зрелых эритроцитов избирательными токсинами (фенилгидразин) продуцирует анемию, которая стимулирует образование ретикулоцитов и выброс их в кровь. Все гемоглобинсодержащие клетки в крови таких животных являются молодыми. Они созревают и стареют уже при циркуляции. Разделение ретикулоцитов и эритроцитов разного возраста легко осуществляется центрифугированием. При старении этих клеток растет и их удельный вес из-за уменьшения содержания воды.

Тему по изучению изменений в составе гистонов и других белков при старении ядерных эритроцитов лягушек мы с Ритой начали еще в ИМР, и она продолжала ее теперь в лаборатории биохимии. Для определения скорости синтеза белков в ретикулоцитах Рита применяла меченый по углероду радиоактивный лейцин. В начале 1971 года она уже отправила первую статью по результатам этой работы в журнал «Онтогенез». Мы в Боровске тоже быстро начали активную экспериментальную работу, и первая статья «Синтез гистонов в ретикулоцитах курицы» была напечатана в журнале института «Бюллетень Всесоюзного Института физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных» уже в апреле 1971 года. Мы обнаружили, что у эритроцитов кур особый эритроцитспецифический гистон F2c образуется в связи с инактивацией клеточного ядра, и наша статья о том, на какой стадии формирования ретикулоцитов в эритроциты у кур появляется этот гистон, была опубликована вскоре в академическом журнале «Молекулярная биология» (Т. 6. № 4). Одновременно я готовил несколько обзорных статей по эволюции смен форм гемоглобинов в онтогенезе позвоночных животных (они были опубликованы в 1972 году) и начал писать книгу «Генетические и молекулярные аспекты старения дифференцированных клеток». В 1970 году в США и Англии вышла в английском переводе моя книга о проблемах развития «Molecular-Genetic Mechanisms of Development» (издательство «Plenum Press»), в которой я обосновывал идею о том, что старение клеток – это процесс, который регулируется генами.

Рабочий день в Боровске был на час длиннее, чем в Обнинске. Ожидая утреннюю электричку, я нередко встречал на платформе Тимофеева-Ресовского. Он обычно без конца курил, как бы впрок на дорогу, – курение в электричках было запрещено. Поэтому зимой на переполненной людьми открытой платформе я находил его по облаку табачного дыма. Три раза в неделю, несмотря на преклонный возраст, Николай Владимирович ездил в Москву читать лекции и консультировать по генетике в Институте космической биологии. Он спрашивал меня о Солженицыне и его проблемах с Нобелевской премией. Я выходил на следующей остановке, в Балабанове, а ему оставалось ехать до Москвы еще полтора часа.

Подготовка к Геронтологическому конгрессу в Киеве

Международные конгрессы по геронтологии собирались каждые три года, и на заключительном заседании принималось решение о месте проведения следующего. Мое

заочное участие в 5-м Геронтологическом конгрессе в Сан-Франциско в 1960 году описано в [главе 2](#). В последующих конгрессах, состоявшихся в Копенгагене, Вене и Вашингтоне, я не пытался участвовать. Однако 9-й Международный конгресс по геронтологии было решено провести в Киеве с 2 по 7 июля 1972 года, и я рассчитывал участвовать в нем без всяких проблем. Я был членом Всесоюзного геронтологического общества и даже членом его правления, что подтверждалось особым удостоверением с фотографией.

На каждом геронтологическом конгрессе президент национального геронтологического общества избирается новым президентом всей Международной геронтологической ассоциации. В Вашингтоне в 1969 году этот пост достался профессору Натану Шоку. В Киеве он должен был перейти к академику Дмитрию Федоровичу Чеботареву, президенту Всесоюзного геронтологического общества и директору Института геронтологии АМН СССР. Чеботарев отвечал и за организацию конгресса в Киеве, но общей программой конгресса и выбором ведущих тем и главных докладчиков по этим темам занимались действующий президент и оргкомитет в Вашингтоне. На научных международных конгрессах обычно бывает два типа участников: ученые, подающие заявки на тот или иной доклад, и ученые, которых оргкомитет конгресса приглашает сделать доклад или прочитать обзорную лекцию на каком-либо симпозиуме или пленарном заседании в рамках программы. Проводят отбор и выносят решения по поступившим заявкам на доклады (на постерные сессии, секции и симпозиумы) национальные оргкомитеты. В данном случае это делалось в Киеве, а президентом конгресса был утвержден Д. Ф. Чеботарев. Выбирал и приглашал ведущих докладчиков по разным темам и лекторов оргкомитет Международной ассоциации, находившийся в Вашингтоне. Все расходы на участие в конгрессе приглашенных, обычно известных ученых, оплачивались из фондов Международной ассоциации. Каждый новый конгресс по числу участников превышал предыдущий. Геронтология развивалась быстрыми темпами. Для участия в конгрессе в Киеве ожидалось прибытие около двух тысяч ученых из множества стран.

В мае 1971 года я получил письмо президента Международной ассоциации геронтологии Натана Шока, который сообщал о решении Ассоциации пригласить меня на конгресс для вводной лекции на одном из заседаний. Я это приглашение принял с благодарностью. У меня с Шоком была постоянная переписка, и он знал, что я теперь работаю в Боровске. 9 июня я получил также официальное письмо от Д. Ф. Чеботарева и председателя советского программного комитета профессора В. В. Фролькиса, в котором они сообщали, что я утвержден докладчиком для вводной лекции «Нуклеиновые кислоты при старении» на заседании секции по молекулярным аспектам старения. Мне предлагалось к началу сентября подготовить и прислать в Киев краткое изложение лекции на русском и английском языках. Я принял приглашение, подготовил краткий вариант и отправил его в Киев, а английскую версию – Н. Шоку. Он сообщил о получении текста и выразил надежду увидеть меня в Киеве в следующем году. О намерении участвовать в конгрессе мне сообщили и несколько знакомых геронтологов. Среди них были и мои друзья, с которыми я вел регулярную переписку и встречался в Москве: Бернард Стрелер из Университета Южной Калифорнии и Леонард Хейфлик (Hayflick Leonard) из Стэнфордского университета. Каждому из них я ответил, что мне предложили лекцию и что я обязательно буду в Киеве.

Между тем книги, договора на издание которых были заключены в 1970 году (см. [главу 11](#)), начали выходить в Лондоне и Нью-Йорке. Первой, весной 1971 года, вышла на русском языке наша совместная с Роем книга «Кто сумасшедший?». За ней в конце июля последовало английское издание книг «Международное сотрудничество ученых» и «Тайна переписки охраняется законом», объединенных в одном томе под названием «The Medvedev Papers». Вскоре появилось и издание этих книг на русском, тоже объединенных в одном томе. Я понимал, что относительной новинкой для КГБ стала прежде всего книга о почтовой цензуре, так как она почти не распространялась в самиздате. Большие отрывки из этих книг звучали в радиопередачах русской службы Би-би-си, но сам я этих передач не слышал.

Директор боровского института Н. А. Шманенков не получал в отношении меня никаких новых директив ни из Калужского обкома, ни из Москвы, но, по собственной инициативе, два раза вызывал меня к себе, возмущался тем, что по Би-би-си передают мои «антисоветские» работы, и интересовался, нельзя ли это как-нибудь прекратить. Его явно смущало, что автора представляли теперь как научного сотрудника института, находящегося в его подчинении. Я объяснял, что попытки остановить эти публикации уже были предприняты в прошлом году с помощью психиатрии. Теперь, пока официально не отменен вынесенный высшими авторитетами «диагноз», на мои публикации за пределами биохимии и геронтологии не следует обращать внимания. Законы любых стран обеспечивали мне юридический иммунитет.

Вышедшие в свет книги широко и очень положительно рецензировались в британской и американской прессе. Я получил лишь небольшую часть рецензий, которую мне передали московские корреспонденты западных газет. Изредка рецензии приходили и по почте. Издательства собирают рецензии для авторов, но советская почтовая цензура не пропускала письма с вырезками из газет. Среди рецензентов были известные историки и советологи – Эдвард Крэнкшоу (Edward Crankshaw), Леонид Шапиро (Leonid Schapiro) и другие, а также ученые-психиатры и мои британские и американские друзья – Алекс Комфорт, Дэвид Журавский, Ральф Купер. Иногда рецензии публиковались в виде очерков в воскресных изданиях газет и в журналах (*Nature*, *The Economist*, *The Observer*, *Spectator*, *The Listener*, *The New York Review*, *Time*, *Newsweek*). Обзоры рецензий иногда звучали и в русскоязычных программах западных радиостанций.

В 5-м Управлении КГБ тоже, по-видимому, собирали эти рецензии и получали русские и английские издания книг. Какой-то сотрудник управления, а может быть, даже и не один, занимался теперь только братьями Медведевыми. Наши издательства, «Macmillan» в Англии и «Alfred Knopf» в США, были теперь известны. Для представителей КГБ в советских посольствах этих стран не представляло большого труда узнать по каталогам издательств, анонсирующих новинки на следующее полугодие, что в их планах есть и книга Роя Медведева «К суду истории. О Сталине и сталинизме». Ее выход под названием «Let History Judge: The Origin and Consequences of Stalinism» анонсировался издательством «А. Кнопф» в январе 1972 года. Для КГБ это стало неожиданностью, Юрию Андропову был известен лишь вариант рукописи 1968 года, который он считал незаконченным и о котором докладывал в ЦК КПСС. В рассекреченных материалах КГБ, направлявшихся в ЦК КПСС, не было найдено каких-либо документов о реакции КГБ или ЦК КПСС на новую ситуацию. Однако оставлять безнаказанным издание такой книги явно сочли недопустимым. В сентябре 1971 года было, как теперь известно, принято решение об аресте Роя Медведева. Но явного юридического повода не возникало. Перед арестами по таким делам всегда проводится

обыск на квартире, конфискуются какие-то материалы, которые могут подойти под статьи 70 или 190.1. Но на обыск, конфискацию и изучение сотен бумаг и книг ушло бы много времени. Поэтому обыск и арест Роя искусственно привязали к уже существовавшему уголовному делу Ш., одной из сотрудниц Академии педагогических наук, обвиненной ранее в краже редких книг из Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Следователь по делу Ш. «предположил», что некоторые из этих книг могли попасть и в библиотеку Роя. Рой знал эту женщину как сотрудницу библиотеки Академии педагогических наук. 13 октября семеро сотрудников КГБ и МВД явились на квартиру брата с ордером на обыск «для поиска книг, похищенных Ш.». Обыск продолжался несколько часов, и прибывшая группа изъяла и увезла семь больших мешков разных рукописей и других бумаг. На следующий день последовал срочный телефонный вызов Роя в Прокуратуру СССР.

Рой скрывается от ареста

Обычно в прокуратуру вызывают повесткой, которую приносит курьер. Вызываемый расписывается в ее получении и обязан явиться к прокурору в назначенный день и час. Неявка по повестке – это уже нарушение закона, оправдывающее арест и принудительную доставку подозреваемого к следователю или прокурору. Отказ подчиниться телефонному вызову ничем не грозит: телефонный разговор – это не документ. Явка в прокуратуру по подобным делам обычно заканчивалась решением об аресте после короткого допроса. Из прокуратуры подозреваемого отправляли в следственный изолятор. Быстрота вызова после обыска говорила о том, что решение об аресте уже есть. (В 1989 году Рой, будучи народным депутатом, узнал, что решение об аресте действительно было принято и осуществить его поручили 5-му Управлению КГБ.)

Брат решил скрыться и перейти на какой-то срок на нелегальное положение. В СССР это крайне трудная задача. Сложив в портфель необходимые вещи, оставив записку жене, работавшей обычно допоздна в Институте эндокринологии АМН СССР, и взяв имевшиеся деньги, Рой вышел из дома. После моего освобождения из Калужской психиатрической больницы и Рой и я имели небольшие финансовые резервы, которые могли бы обеспечить несколько месяцев жизни «в укрытии». Рой жил в Химках недалеко от Речного вокзала, поэтому первой идеей было отправиться в теплоходный круиз Москва – Астрахань, который продолжается десять или двенадцать дней. Купить билет на теплоход или поезд можно было в то время без предъявления паспорта. Имена пассажиров в билеты не вносились. Однако по дороге на Речной вокзал Рой заметил слежку. За автобусом следовала «Волга» с четырьмя пассажирами. Через три остановки на площади перед станцией метро Рой пересел в такси и поехал к друзьям, жившим в высотном доме – двенадцать этажей и тридцать шесть квартир в каждом подъезде. Дом этот был выделен Моссоветом специально для реабилитированных старых большевиков, и Рой знал там очень многих жильцов, поскольку некоторые из них нередко писали воспоминания о репрессиях и лагерях, использованные в книге «К суду истории» (всегда с согласия авторов). Некоторые из них читали или даже хранили рукопись книги Роя.

Следившие за ним оперативники увидели лишь подъезд, в который зашел Рой, но не знали, в какой именно квартире нашел убежище объект их преследования. А это была квартира Сурена Газаряна, и он, сам в прошлом следователь, арестованный в Тбилиси в 1937 году и отбывший пятнадцать лет в тюрьмах и лагерях, понимал, что КГБ сможет достаточно

быстро установить через прослушку телефонных разговоров и другими способами нужную квартиру и не остановится перед проверкой нескольких квартир. Поэтому нужно было спешить. В подъезде на двух этажах уже появились «дежурные», а возле подъезда стояла «Волга» с четырьмя оперативниками, сменявшимися каждые восемь часов. На следующий день невестка Газаряна, театральная работница, пошла за помощью в театр. План спасения Роя был очень прост: нужны были парик, борода, усы и немного грима. Но перевоплощение требовало рук профессионала. Рой был очень удивлен, когда все необходимое для этого обеспечил, не задавая лишних вопросов, Зиновий Ефимович Гердт, известный всей театральной Москве заслуженный артист РСФСР. Когда утром на следующий день из подъезда вышел с палочкой и сумкой для покупок сутулый старик, оперативная «Волга» не сдвинулась с места, как и «дежурные» в подъезде. Большинство жителей этого дома были пенсионеры. Не меняя нового облика, Рой купил билет на скорый поезд Москва – Одесса. В Одессе жил его студенческий друг Леонид Курчиков, у которого кроме квартиры в городе имелась небольшая дачка на берегу Черного моря. Курчиков в это время был профессором философии Одесского университета. Его жена Ирина также знала Роя со студенческих времен. Пожив в Одессе несколько недель, Рой отправился в круиз по Черному морю на теплоходе «Адмирал Нахимов». Посетил Севастополь, Ялту, Новороссийск, Сухуми. Через пятнадцать дней он был в Батуми. Бороду он снял, но усы, уже собственные, оставил. На Кавказе все местные мужчины ходят с усами. Затем Рой вернулся в Одессу обратным рейсом и месяц прожил в доме отдыха – все подобные учреждения в декабре пустовали и были рады любому отдыхающему. В конце декабря Рой переехал в Ленинград, найдя временный приют у Аркадия Райкина. Было уже очень холодно, и Райкин подарил Рою финскую дубленку. Из Ленинграда Рой поехал в эстонский город Тарту, где около недели прожил у своего студенческого друга Леонида Столовича, ставшего к 1970 году профессором университета. Ни жена Роя, ни я не знали, где он скрывался. Первые открытки с сообщением, что он жив и здоров, пришли из Николаева, хотя сам он там не был.

Между тем дело Ш., по которому проводились обыск и конфискации у Роя, пошло в суд, кажется в декабре. Для судов по статьям 70 и 190.1 обычно создавались особые составы из «надежных» судей и народных заседателей городских или областных судов. Мелкие уголовные дела шли в районные суды. По данному делу, начатому еще до обыска у Роя, судьей была сравнительно молодая женщина, давление на которую со стороны КГБ оказалось контрпродуктивным. Она вынесла приговор Ш., специально подчеркнув в нем, что в «деле нет никаких данных, компрометирующих Роя Александровича Медведева». Такое отдельное решение по Медведеву было необходимо, так как Ш. по требованию прокурора и КГБ дала показания против Роя – в обмен на обещание сделать ее наказание условным после апелляции в городской суд.

Оправдание в суде уменьшало риск ареста. Однако Рой вернулся домой лишь после того, как в США вышла книга «К суду истории» и появилось множество рецензий, которые в западных странах принято приурочивать к поступлению книг в продажу. Известные газеты и журналы получают от издательства последнюю верстку книги, сообщение о дате выхода ее в свет и заказывают рецензии заранее. О выходе книги Роя как о сенсации сообщали и зарубежные радиостанции. Арест автора именно в этот период, очевидно, сочли в КГБ нецелесообразным. Он еще больше привлек бы внимание к самому автору и его книге, то есть послужил бы рекламе. Но, вернувшись в Москву, Рой оказался безработным. Шансов на любую должность по специальности у него теперь не было.

С Александром Твардовским я познакомился в 1962 году в период самиздатской циркуляции моей рукописи «Биологическая наука и культ личности», которая не могла миновать и редакцию «Нового мира». Но, бывая в редакции журнала, я в основном беседовал с заместителем главного редактора Алексеем Кондратовичем и членом редколлегии Владимиром Лакшиным, литературным критиком. В то время и сам Твардовский, и все члены редколлегии были поглощены разработкой стратегии и тактики для получения одобрения «сверху» публикации повести Солженицына, которую принес в редакцию весной 1962 г. Лев Копелев, лагерный друг Солженицына. (Повесть была написана в Рязани в 1959 году, но не поступала в самиздат.) Твардовский сумел в нужный момент показать ее Хрущеву, прочитать отрывки и получить его одобрение. Главный редактор имел полномочия заказать типографский набор и отпечатать около сорока экземпляров верстки без санкции цензора. Но для преодоления всех барьеров, и главное – для визы Главлита «в печать», требовались изменения многих цензурных правил, для чего необходимо было официальное решение Президиума ЦК КПСС. Повесть дважды обсуждалась на этом уровне и лишь во второй раз, под сильным нажимом Хрущева, получила одобрение на публикацию. Этот процесс занял несколько месяцев.

Солженицын не был первопроходцем в литературе о сталинских репрессиях и лагерях. Первым, которого тогда уже знали многие, был Варлам Шаламов, начавший писать «Колымские рассказы» в 1954 году – сразу после своего освобождения. Но Шаламов не предлагал их для публикации, понимая невозможность этого, и они циркулировали только в самиздате и производили на читателей огромное впечатление. Из профессиональных писателей тему сталинских репрессий и лагерей первым поднял известный военный корреспондент «Красной звезды», прославившийся репортажами из осажденного Сталинграда, и писатель Василий Гроссман в своем романе «Жизнь и судьба», который он писал несколько лет. (По сюжету романа некоторые герои этой битвы оказались впоследствии в тюрьмах и лагерях.) Гроссман сделал много копий рукописи, прежде чем отнести ее весной 1961 года на рассмотрение в журнал «Знамя». Но главный редактор этого журнала Вадим Кожевников передал рукопись М. А. Сулову, и затем по приказу Сулова все экземпляры рукописи, найденные при обыске в квартире писателя, были конфискованы КГБ. Интенсивный конвейерный допрос пожилой женщины-машинистки, которая перепечатывала рукопись, установил наличие дополнительных копий. Их искали у друзей и родственников писателя. Всего было конфисковано семнадцать экземпляров. До своей смерти в 1964 году Гроссман не знал, что один экземпляр романа все же сохранился. По этому экземпляру он был опубликован за границей в 1980 году и в СССР в 1989-м. На квартире Гроссмана конфисковали все черновики, заметки и даже копировальную бумагу.

Именно Твардовский предложил Солженицыну название повести «Один день Ивана Денисовича» (машинописный оригинал имел названием лагерный номер главного героя – «Щ-854»). Из повести были удалены, с согласия автора, некоторые абзацы как явно «непроходимые», например критика коллективизации и колхозов в некоторых разговорах заключенных и в мыслях главного героя. Было несколько сокращено присутствие лагерного жаргона. Усилен кульминационный момент повествования, особенно понравившийся Хрущеву, где труд, хотя и каторжный – кладка шлакоблоковой стены дома на 25-градусном морозе крестьянином-печником и солдатом Иваном Денисовичем, был все же для него

радостью, а не в тягость – он продолжал работу, чтобы использовать весь заготовленный цементный раствор, даже после конца смены и несмотря на недовольство всей бригады, уже собравшейся в колонне и торопившейся уйти со стройки.

«Вот что такое настоящий рабочий человек», – говорил Хрущев своим партийным товарищам. Без умелых шагов и усилий Твардовского повесть Солженицына не была бы напечатана и могла лишь пополнить самиздат, уступив в этом случае приоритет (психологический и литературный) Шаламову, Гроссману и Евгении Гинзбург (матери Василия Аксенова), двухтомное повествование которой «Крутой маршрут» о женских лагерях на Колыме было выдающимся литературным и документальным произведением, изданным впервые на русском языке в Италии.

Историческим для советской литературы событием стало не столько написание, сколько публикация «Одного дня Ивана Денисовича» именно в «Новом мире». Солженицын не открыл лагерную тему, а первым прошел через ту дверь, которую смог приоткрыть ему Твардовский. За ним пошли и другие. В 1963 году в журналы поступили сотни произведений на лагерные темы. В «Новый мир» после публикации повести Солженицына приходили на его имя и на имя Твардовского тысячи писем от бывших заключенных и множество рукописей. Солженицын увозил из редакции в 1963 году чемоданы с такими материалами. Именно из этого огромного потока откликов начала формироваться в 1964 году эпопея Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

В течение нескольких лет Твардовский писал поэму «По праву памяти» о судьбе своего отца, смоленского крестьянина и кузнеца, арестованного при раскулачивании и сосланного в Сибирь во время коллективизации (он не погиб и через несколько лет смог вернуться в родную деревню). В начале 1969 года, сочтя работу законченной, он подписал ее в набор, намереваясь опубликовать в апреле. Цензура эту поэму не пропустила. Твардовский, будучи главным редактором, включил поэму в майский номер журнала, но она опять была запрещена цензурой. То же самое повторилось и с июньским номером «Нового мира». Твардовский заказал в типографии двадцать экземпляров верстки, чтобы текст поэмы могли обсудить в Секретариате ЦК КПСС. Но при Брежнев там были уже другие порядки. Обсуждать поэму просто отказались, сославшись на то, что такие проблемы решает Главлит.

Летом 1969 года мы с братом ездили к Твардовскому на его дачу в Пахру и прочитали там эту поэму. Рой тогда был в дружбе с поэтом, и в редакции журнала почти все сотрудники прочитали рукопись Роя «К суду истории». Один экземпляр ее теперь хранился в сейфе Твардовского. Секретов между ними не было. Однако в 1969 году ни Твардовский, никто другой в редакции не знали о существовании рукописи Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Она была уже закончена и даже отправлена за границу, в США и ФРГ, но глубоко засекречена. В июне 1969-го Твардовский подарил верстку своей поэмы Рою и некоторым другим друзьям, но не разрешил пока ее распространять. Это было очень сильное произведение. Из текста поэмы было видно, что автор будет бороться за нее до конца:

– Напрасно думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую бль,
Любую боль.
Что так и так – летит планета,

Годам и дням ведя отсчет,
И что не взыщется с поэта,
Когда за призраком запрета
Смолчит про то, что душу жжет...
Нет, все былые недомолвки
Дополнить ныне долг велит. —

.....

А я — не те уже годочки —
Не вправе я себе отсрочки
Предоставлять.
Гора бы с плеч —
Еще успеть без проволоочки
Немую боль в слова облечь.

В руководстве ЦК КПСС к началу 1970 года созрело решение расформировать редакцию «Нового мира». Но принимать его в самом Политбюро не хотели. Был разработан другой план. Секретариат Союза советских писателей не имел полномочий снимать и назначать главных редакторов ведущих журналов. Но он имел право менять членов редколлегии. В феврале 1970 года были неожиданно удалены из редколлегии «Нового мира» А. И. Кондратович, И. И. Виноградов, В. Я. Лакшин и И. А. Сац, руководители основных отделов. Вместо них назначили других литераторов, не согласовав это решение с Твардовским. Твардовский опротестовал такие изменения, написав заявление в Президиум ЦК КПСС, но протест был отклонен. И тогда он, естественно, подал заявление об отставке, которую быстро приняли.

В своем рабочем кабинете в редакции Твардовский хранил в сейфе немало рукописей, которые пока не смог напечатать, и теперь, стараясь сохранить их для будущего, он передал все надежным друзьям. Три или четыре рукописи лагерных воспоминаний уже покойных авторов Твардовский отдал Рою. Когда Александр Трифонович навещал меня в Калужской психиатрической больнице, он уже не был главным редактором, что снимало с него и ряд ограничений. Поэма «По праву памяти» стала распространяться через самиздат. Коллектив авторов, сплотившихся вокруг «Нового мира», не распался, и журнал, с другой уже редколлегией, сохранил свою популярность и многие традиции.

Я случайно встретился с Твардовским в сентябре 1970 года в главном зале Центрального телеграфа на улице Горького. За три месяца после нашей встречи в Калуге он сильно изменился и выглядел очень больным человеком. «Жорес Александрович, вам нужны деньги? — сразу спросил он, — тысячу, две? Вот здесь моя сберкасса», — он показал на правую сторону зала. Я поблагодарил и отказался. «Моя сберкасса тоже здесь», — сказал я и показал ему сберкнижку. Твардовский понял, что меня удивил его нездоровый вид. «Ложусь в больницу, что-то с легкими, трудно дышать...»

В Кремлевской больнице диагностировали рак легких, уже сильно запущенный. Твардовский был давним курильщиком, предпочитая дешевые крепкие сигареты без фильтра. Состояние признали безнадежным уже в октябре. Но Твардовский с большими мучениями продержался больше года. Физически он был очень сильным человеком. «Глыба», — говорили о нем близкие и друзья. В начале 1971 года его выписали из больницы,

и он лежал теперь на даче в Пахре. Родные и друзья навещали его каждый день. Солженицын приезжал и читал отрывки из нового романа «Август Четырнадцатого». В ноябре 1971 года состояние Твардовского сильно ухудшилось, и его снова поместили в Кремлевскую больницу, подозревая метастазы в мозг. В ночь на 18 декабря Александра Трифоновича не стало. Чувство огромной потери для всех друзей поэта было очень острым. Ему шел лишь 61-й год.

21 декабря мы с Ритой приехали на прощание с покойным в Центральный дом литераторов на улице Герцена. Но цензура не оставила поэта в покое и здесь. Траурный митинг был коротким, не дали выступить ни одному из близких Твардовскому литераторов или прежних членов редколлегии. В коротких речах были только слова о поэте, но не о главном редакторе «Нового мира». Когда объявили об окончании церемонии, молодая женщина в центре зала вдруг громко произнесла: «Почему вы закрываете митинг так быстро? Неужели никто не скажет, что мы хороним здесь нашу гражданскую совесть! Что поэту заткнули рот раньше, чем он закрыл его сам?!»

К ней тут же бросились дружинники, но она, закрыв голову платком, смешалась с толпой, вышедшей из зала, и, видимо, смогла уйти без помех. В последующем ни друзья, ни родные Твардовского не смогли узнать ее имени.

Церемония на Новодевичьем кладбище была еще короче. Вдову Твардовского Марию Илларионовну подвели под руки к вырытой могиле Лакшин и Солженицын. Незнакомый мужчина, державший в руке полиэтиленовый пакет с землей, просил пропустить его вперед. Я спросил, что он несет. «Это земля с родины Твардовского... с холма над братской могилой павших за освобождение Смоленска, Холма героев». Мужчина пробился вперед, чтобы посыпать гроб этой землей с родины поэта. Неожиданно к открытому гробу быстро подошел Солженицын и перекрестил и поцеловал покойного. Это было крестное знамение, элемент православного ритуала похорон. Его сразу зафиксировали вспышками фотоаппараты иностранных корреспондентов. Именно эта фотография Солженицына у гроба Твардовского и крестного знамения появилась на следующий день на первых страницах западных газет.

Лекция для Геронтологического конгресса в Киеве

В предыдущей главе я уже упоминал о полученных приглашениях на участие в 9-м Международном конгрессе по геронтологии, который планировался в Киеве на 2–7 июля 1972 года, и об отправке в оргкомитет тезисов моего доклада-лекции на одной из пленарных сессий. Некоторые мои коллеги в Обнинске и Москве, пославшие заявки на участие в конгрессе, получили в начале 1972 года регистрационные формы и проспекты программ. Однако мне не пришло никаких писем от советского оргкомитета в Киеве. Не отвечал на мои письма и председатель программного комитета профессор В. В. Фролькис, с которым я был в дружеских отношениях. Он руководил лабораторией гормонов в Институте геронтологии АМН СССР в Киеве, и в прошлые годы я несколько раз участвовал в организуемых этой лабораторией семинарах. Фролькис был энтузиастом использования гормонов для возможного продления жизни и автором двух книг о нейрогуморальных механизмах старения. Стало ясно, что мое участие в роли одного из ведущих докладчиков на сессии по биохимическим механизмам старения заблокировано, хотя это противоречило традиции геронтологических конгрессов, согласно которой основных докладчиков выбирал и приглашал Международный оргкомитет. Национальный оргкомитет формировал, однако, окончательную программу и рассылал ее по всем странам. Этот оргкомитет возглавлял П. Т. Тронько, заместитель председателя Совета министров Украинской ССР. Вице-председателем и президентом конгресса был академик Д. Ф. Чеботарев, директор Института геронтологии АМН СССР. Одним из членов оргкомитета, состоявшего из тринадцати ученых, оказался профессор А. В. Снежневский, главный психиатр Минздрава СССР и директор Института психиатрии АМН СССР. Именно он был автором псевдонаучной теории о существовании вялотекущей шизофрении, незаметной для окружающих, и этот «диагноз» активно применялся для психиатрических репрессий в политических целях. Заместитель Снежневского по институту профессор Р. А. Наджаров был членом той комиссии, которая в июне 1970 года поставила такой диагноз и мне.

Поскольку полученные мною в 1971 году официальные приглашения на конгресс оставались в силе и никем не отменялись, я в январе-феврале 1972 года подготовил доклад «Повторяемость генетической информации как возможный фактор эволюционных изменений индивидуальной продолжительности жизни» на русском и английском языках. В докладе была сформулирована новая теория молекулярно-генетических механизмов видовой специфики скорости старения. Основная идея этой теории состояла в том, что степень повторяемости важных генов в хромосомах должна коррелировать и со скоростью старения специализированных клеток. Уже было известно, что клетки с одним набором хромосом (гаплоидные) имеют более короткую продолжительность жизни, чем диплоидные клетки с парным набором хромосом. Триплоидные, тетраплоидные и полиплоидные клетки могут функционировать еще дольше. Повреждение одного важного гена, смертельное для гаплоидной клетки, может быть мало заметно для полиплоидной, в которой этот ген дублируется много раз. Повторяющиеся гены могут располагаться линейно. Ген – это участок ДНК, и такие участки могут повторяться. Этот процесс называется амплификацией генов. Поэтому повторяемость генов может встречаться и в отдельных хромосомах. Русский

текст доклада был отправлен в оргкомитет конгресса и в академический «Журнал эволюционной биохимии и физиологии», где он был опубликован, но только в 1973 году. Английский вариант доклада появился незадолго до начала конгресса в журнале *Experimental Gerontology* (Vol. 7. P. 227–238). Краткое изложение этой теории появилось и в еженедельном журнале *Nature* в июне 1972 года (№ 5356). Этот журнал читают почти все западные ученые, поэтому моя короткая статья стала известной многим иностранным участникам конгресса еще до их приезда в Киев, и ко мне в Боровск начали ежедневно приходить десятки просьб прислать оттиски. К этому времени я решил не обращаться в дирекцию своего института по поводу командировки в Киев, а просто взял полагавшийся мне летний отпуск с 27 июня и отправился в Киев как отдыхающий. Мой доклад на конгрессе могли заблокировать, но моему участию в его заседаниях никто не мог помешать – они были открытыми. Объявление о конгрессе, опубликованное в «Медицинской газете», приглашало всех членов Всесоюзного общества геронтологии приехать в Киев и принять участие в работе конгресса. Регистрацию участника можно было оформить на месте, внеся по приезде небольшой взнос.

Приглашение из Лондона

В 1971 году я получил немало приглашений из западных университетов и институтов, в основном из США, для прочтения лекций или для совместной научной работы. Однако я не пытался как-то их реализовать, понимая, что мне будет отказано в оформлении заграничной поездки. Но в начале марта 1972 года на мой институтский адрес в Боровске пришло письмо от директора Национального института медицинских исследований профессора А. С. В Бёрджена (A.S.V. Burgen) с приглашением меня на год в этот институт для совместной работы по генетике старения в отделе, которым руководил Робин Холлидей (Robin Holliday). К этому письму я отнесся со значительно большим вниманием. Привожу его текст в переводе с английского:

«Я имею удовольствие пригласить Вас на один год с января 1973. Исследования доктора Холлидея в области ошибок синтеза белков и аккумуляции мутаций при старении клеток развиваются очень быстро – это та область, которая возникла в результате Ваших теорий... Наш институт очень хорошо оборудован, и Вам будут предоставлены все необходимые условия...»

Результаты исследований Робина Холлидея, публиковавшиеся в *Nature* и геронтологических журналах примерно с 1969 года, сразу привлекли мое внимание, и между нами возникла переписка. Р. Холлидей с 1967 года заведовал отделом генетики в Институте медицинских исследований, переехав в Лондон из Кембриджа. До этого он изучал в основном генетику растений и был автором одной из теорий молекулярного механизма обмена генами при спаривании хромосом в процессах мейоза (редукционного деления хромосом при созревании половых клеток). Процесс старения клеток он начал изучать лишь в 1968 году, но не на животных моделях, а на культурах клеток. Специализированные клетки человека, например фибробласты, поддерживаемые в культуре, имеют ограниченный потенциал делений. После 50 последовательных делений они быстро накапливают изменения, дегенерируют и умирают – этот феномен был открыт в 1963 году американским

биологом Леонардом Хейфликом и назван лимитом Хейфлика (*Hayflick's Limit*). Такое явление не наблюдалось в клетках раковых опухолей, которые способны к неограниченному числу делений в культуре. Робин Холлидей предположил, что лимит Хейфлика является аналогом старения и связан с накоплением ошибок синтеза белков, который самопроизвольно ускоряется. Он обнаружил, что в старых культурах фибробластов некоторые ферменты снижают свою удельную активность, что могло быть результатом накопления аномальных «испорченных» молекул.

Аналогичные исследования проводил в Израиле Дэвид Гершон (David Gershon) основным объектом его исследований были не культуры клеток, а плодовые мушки дрозофилы, которые стареют и умирают в течение нескольких недель. С Гершоном у меня тоже была переписка, возникшая в результате обмена отписками.

Приглашение из Лондона было очень привлекательным, так как давало возможность экспериментально проверить те теории, которые я разрабатывал с 1951 года. Национальный институт медицинских исследований в Лондоне был всемирно известным научным центром, ученые которого трижды удостоивались Нобелевских премий. Я ответил на письмо директора института, сообщив, что с благодарностью принимаю его приглашение и начну шаги по его реализации. Но также сообщал, что окончательное решение зависит не от меня, а от многих инстанций.

Приглашение из Лондона вместе с собственным заявлением о желательности его принятия я, как положено, передал в середине марта директору института Н. А. Шманенкову. Он же заведовал и лабораторией, в которой работала моя группа. От Шманенкова эти бумаги пошли в международный отдел ВАСХНИЛ, а затем и в ЦК КПСС. Оформление зарубежных поездок ученых в западные страны не менялось с 1960 года, и окончательные решения по-прежнему принимались выездной комиссией ЦК КПСС и КГБ. В конце апреля Шманенков пригласил меня в директорский кабинет и сообщил, что «инстанции» признали мою поездку на год в Лондон «нецелесообразной». Мне рекомендовали найти удобный повод для отказа. Я ответил, что у меня нет таких поводов и что сам Шманенков может ответить на письмо из Лондона как директор, ответственный за работу своих сотрудников.

Первое интервью Солженицына для американских газет

В конце октября 1970 года Солженицын вчерне закончил работу над «Августом Четырнадцатого», первым томом эпопеи «Красное Колесо», которую он планировал довести до 1921 года, захватив Февральскую и Октябрьскую революции и Гражданскую войну. До 1972 года Солженицын, несмотря на многочисленные просьбы, не давал никаких интервью западным корреспондентам в Москве. В 1970 году родился его первый сын, названный Ермолаем, и Наталия Светлова ожидала второго ребенка. Солженицын теперь делил свое время между дачей Ростроповича в Жуковке, где он мог работать в изоляции и тишине, и квартирой своей новой семьи на улице Горького. Это была просторная квартира из пяти комнат с высокими потолками. Бракоразводный процесс с первой женой, проходивший в Рязани, остановился на стадии раздела имущества между бывшими супругами. Решетовская теперь требовала для себя четверть Нобелевской премии, обосновывая это тем, что в период с 1956 до 1962 года Солженицын, зарабатывавший в школе преподаванием астрономии лишь 60 рублей в месяц, фактически жил и работал в ее квартире и на ее большую зарплату

доцента сельхозинститута. Его главные опубликованные произведения создавались именно в тот период. Солженицын с этим требованием не соглашался. Между тем в советской прессе была развернута широкая кампания против писателя, распространявшая много клеветы о его семье, отце и деде, о его военной службе и даже о его лагерном прошлом. Ответить на эту клевету в какой-либо советской центральной газете Александр Исаевич не мог. В конце концов он решил дать обстоятельный ответ через западные газеты, справедливо полагая, что в этом случае его отпор клеветникам будет зачитан в русскоязычных программах зарубежных радиостанций.

В середине марта 1972 года я получил конфиденциальное сообщение от Елены Чуковской, внучки умершего в 1969 году К. И. Чуковского, о том, что Солженицын хотел бы поговорить со мной по очень важному для него делу. Мы встретились в ближайшее воскресенье в квартире Елены и Лидии Чуковских тоже на улице Горького. Поскольку и эта квартира, как полагал Солженицын, прослушивалась, то разговор мы вели на кухне, тихими голосами, при открытом кране и частично с помощью карандаша и бумаги. Почему-то считалось, что звук текущей из крана воды мешает прослушиванию. (При беседах в квартирах иностранных корреспондентов включали и душ в ванной.) Солженицын сообщил, что он решил дать развернутое интервью авторитетной британской или американской газете. Он знал, что у меня были дружеские отношения с несколькими иностранными журналистами, которые очень активно помогали моему освобождению из Калужской психиатрической больницы, получая от Роя всю необходимую информацию. Американские журналисты также помогали мне и Рою получать от издателей в США и Англии наши книги, изданные на английском. Солженицын хотел провести интервью как можно скорее и ждал моего совета и помощи.

Я сразу сказал, что такое интервью целесообразно дать одновременно двум московским корреспондентам ведущих американских газет – Роберту Кайзеру (Robert Kaiser) из *The New York Times* и Хедрику Смиту (Hedrick Smith) из *The Washington Post*, с которыми я был в дружеских отношениях. Они оба достаточно хорошо владели русским языком и имели очень высокую репутацию как журналисты. Договорились, что я организую все в течение недели и сообщу Солженицыну дату и время их прихода в квартиру Наталии Светловой. Солженицын хотел встретиться с журналистами именно там и представить американцам свою новую семью.

С Кайзером я обычно встречался по условному телефонному звонку в определенное вечернее время (меньше света) и только по субботам на большой площадке возле входа в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина. Отсюда мы шли в Александровский сад к стенам Кремля. Кайзер, а за ним и Смит сразу же согласились на интервью и были очень рады такой уникальной возможности встретиться со знаменитым лауреатом Нобелевской премии. Мы условились, что они придут к писателю самостоятельно, без меня. На следующий день, в воскресенье (из-за работы в Боровске я мог теперь приезжать в Москву лишь в выходные дни), я встретился с Кайзером и Смитом, они не привели за собой «хвоста», так как пришли в Александровский сад пешком. Обычно американцы ездили на своих больших автомобилях, за которыми шла тоже автомобильная слежка. Возможно, на их машины оперативники ставили и небольшие радиомаячки, ведь стоянки для них были открытыми. Я прошелся с ними по улице Горького до дома № 12, в котором в квартире 169 жила новая семья Солженицына. Дом этот состоит из нескольких корпусов, и квартира 169 находилась в том, который не выходил окнами на главную улицу. Здесь в центре Москвы

между улицами Горького и Пушкинской было очень тихо. Я показал журналистам подъезд, в который им предстояло войти 30 марта (эту дату назначил Солженицын). На следующий после интервью день, 31 марта, когда я снова встретился в том же месте с Кайзером и Смитом, они оба были крайне возбуждены и полны негодования. Оказалось, что Солженицын, не имевший представления о сущности и формате интервью для газет и о работе журналистов, подготовил заранее весь текст, вопросы и ответы, на тридцати машинописных страницах и настаивал на том, чтобы этот текст был напечатан полностью, «до последнего слова», и в определенный день. «Даже президент США, – сказал Кайзер, – не может рассчитывать более чем на одну страницу в нашей газете». Из дальнейшей беседы я понял, как все происходило. Солженицын сначала отказался отвечать на вопросы, подготовленные корреспондентами. Он намеревался передать им напечатанный заранее текст и на этом закончить встречу, разговаривать в квартире не хотел, опасаясь прослушивания. Смит и Кайзер отказались от такого варианта, даже не читая заготовку Солженицына. В конце концов, по совету жены, Александр Исаевич все же ответил на некоторые вопросы, которые были подготовлены в письменном виде журналистами. Его устные ответы они записали на магнитофон. Возможность прослушки в данном случае не волновала, так как интервью планировалось публиковать. Встреча продолжалась более четырех часов, немало времени ушло на то, чтобы договориться, какие из ответов писателя на им же заданные вопросы могли представлять интерес для американских читателей. Таких ответов было немного, и описание того, чем занимались отец, дед и прадед писателя, в их число не входило. Малоинтересными для американцев были и семейные проблемы писателя. Составляя свои вопросы и ответы, Солженицын ориентировался на советских слушателей зарубежных радиостанций. А американцы, естественно, готовили материал, интересный для американских читателей. Когда 4 апреля интервью появилось в американских газетах, негодовал уже Солженицын. На первых их страницах были опубликованы вопросы и ответы того спонтанного интервью, которое было записано на магнитофон. Небольшие отрывки из подготовленного заранее писателем текста были помещены как «продолжение» где-то в приложениях к газетным выпускам, состоявшим обычно из нескольких больших разделов.

Вернувшись на родину через несколько лет, Хедрик Смит и Роберт Кайзер опубликовали в 1976 году книги о России «The Russians» и «Russia. The People and The Power», которые стали бестселлерами и переиздавались несколько раз. Они были переведены на многие языки, а через много лет и на русский. Оба журналиста подробно описали и свою встречу с Солженицыным 30 марта 1972 года. Я даю здесь в переводе лишь небольшие отрывки:

Из книги Х. Смита:

«...Солженицын сам открыл нам дверь, но только на несколько дюймов. Его глаза, темные и пронизывающие, внимательно оглядели нас. Я мог увидеть его большую ржаво-коричневую бороду и под ней мягкий свитер. Он был крупнее и выше, чем я думал. Мы сказали, волнуясь, что нас послал сюда Медведев... Удовлетворенный, он позволил нам войти и быстро закрыл дверь... В самой квартире его приветствие было очень теплым. Он представил нас Наталии Светловой, темноволосой женщине с круглым лицом, большими мягкими глазами, которая была примерно на 20 лет моложе его самого... Солженицын был

приветлив и физически более динамичен, чем я ожидал, передвигаясь с атлетической легкостью по комнате, переставляя стулья. Темное табачное пятно на его указательном пальце показывало, что он много курит... Он вручил каждому из нас папки с напечатанным текстом и с заголовком “Интервью с The New York Times и The Washington Post. Здесь было все, вопросы и ответы, – все написано Солженицыным. Я был поражен. Что за шутки? Таким же путем передают, наверное, материалы из ЦК в “Правду”, а здесь то же самое делает Солженицын, который всю жизнь боролся с цензурой... Он теперь посягал на нашу независимость, предлагая заранее подготовленное интервью. Как он может быть столь слепым или столь тщеславным? Я подумывал о том, чтобы сразу уйти.

“Это возмутительно, – прошептал я Кайзеру. Мы не можем пойти на такое”.

Кайзер был более практичен. “Давай сначала посмотрим, что это такое”, – сказал он» (с. 561–562).

Из книги Р. Кайзера:

«Солженицын представил нас своей жене, красивой женщине тридцати двух лет. Но ее короткие волосы уже седели. У нее пронзительный взгляд карих глаз. Сын Ермолай тоже скоро появился... Отец испытывал гордость за своего первого ребенка. Нас провели в комнату, служившую библиотекой. Вдоль стен стояли полки с книгами, в основном многотомные собрания сочинений. На столе стоял магнитофон Sony. У Солженицына была хорошая улыбка... удивительные глаза, очень яркие, выразительные и темно-синие... Он показал пальцем на потолок – сообщал, что полиция присутствует, но лишь электронным способом... Мы сели за стол... Солженицын передал нам пачку бумаг, имевших заголовки “Интервью с The New York Times и The Washington Post” <...> мы поняли, что у него вообще не было никакого интереса к нашим вопросам. Он намеревался провести интервью с самим собой. Это привело Рика в нервное состояние. Мы были втянуты в дело, которое служило лишь интересам Солженицына, но не нашим... Затем он сказал, что хотел бы получить заверение в том, что каждое слово, им написанное, будет напечатано... Мы сразу ответили, что это невозможно. Документ был слишком длинным... Мы репортеры и не можем предсказать решение главного редактора. Это возмутило Солженицына» (с. 429–430).

Солженицын опубликовал полный текст интервью, подготовленный им самим, в 1975 году в книге «Бодался теленок с дубом» (Париж, 1975. С. 560–578). Это была, по сути, первая публикация полного текста. Из характера вопросов ясно, что они составлены самим писателем, а не корреспондентами газет. Совершенно очевидно, что ни Кайзер, ни Смит не могли задавать Солженицыну вопросы о его отце, деде, матери, о тете Ирине, у которой он мальчиком проводил школьные каникулы. Реальное интервью, напечатанное на первых страницах газет в Нью-Йорке и Вашингтоне, Солженицын никогда не публиковал.

«По внезапности появления и открывшимся мерзостям интервью оглушило

моих противников, как я и рассчитывал. И даже больше, чем я рассчитывал...»
(Там же. С. 357).

Это сильное преувеличение. В действительности интервью прошло незамеченным и его не передавали на русском западные радиостанции. Как теперь известно из книги документов «Кремлевский самосуд», все разговоры в квартире Светловой 30 марта были записаны и КГБ.

Приглашение на Нобелевскую церемонию

1 или 2 апреля, когда я снова встретился с Солженицыным в квартире Елены Чуковской, он вручил мне самодельный пригласительный билет, на котором рукой писателя было написано: «На одно лицо» и «Доктору Жоресу Медведеву. Дорогой Жорес!». Остальная часть текста была отпечатана на машинке. Эти билеты готовила Елена (Люша) Чуковская, а Солженицын их подписывал:

*«Приглашаю Вас присутствовать на Нобелевской церемонии 9 апреля 1972 г.
Начало в 12 часов дня. Сбор гостей с 11.30 до 11.50
/ул. Горького, 12, кв. 169/ А. Солженицын».*

Слева от текста была схема прохода с улицы Горького к подъезду того корпуса № 8, в котором была квартира Наталии Светловой. Пройти к подъезду № 14 можно было либо с улицы Немировича-Данченко, либо с Козицкого переулка, на углу которого находился самый знаменитый в Москве «Елисейевский» гастроном. Солженицын и Светлова очень тщательно готовили список приглашаемых на церемонию, выбирая тех, кто несомненно или даже с радостью принял бы участие в этом историческом событии. 9 апреля было воскресенье, что облегчало возможность присутствовать на церемонии работающим людям. Солженицын подготовил 60 пригласительных билетов, больше народу их квартира не вмещала. Он также пригласил на церемонию нескольких иностранных корреспондентов в Москве (Х. Смит и Р. Кайзер были в их числе), а для объективности освещения – и советских корреспондентов газет «Труд» и «Сельская жизнь». Послал он приглашение и министру культуры Екатерине Фурцевой.

Все это предприятие, в успехе которого я тогда не был уверен, определялось не столько желанием писателя получить Нобелевскую медаль и диплом (денежная часть премии, около ста тысяч долларов, была уже в декабре 1970-го положена в банк на имя Солженицына и могла быть использована через его адвоката), сколько его намерением опубликовать нобелевскую лекцию. Он написал ее еще в ноябре 1970 года и потом переделывал много раз, стремясь к тому, чтобы она «прогремела» на весь мир. По международному резонансу «Письма к IV Съезду Союза советских писателей» в 1967 году Солженицын понял, что короткие, но яркие документы имеют намного большую политическую силу, чем романы и повести, которые читают немногие. Краткие тексты и заявления печатались миллионными тиражами в газетах и журналах и передавались по радио. Текст подготовленной нобелевской лекции Солженицын никому не показывал, опасаясь его распространения. Особенность нобелевских лекций состояла в том, что они должны были быть связаны с какой-либо церемонией, организованной Нобелевским фондом. Право на первую публикацию такой

лекции принадлежит Нобелевскому фонду, ему же принадлежит и мировой копирайт (Copyright – The Nobel Foundation) на всех языках. Первые публикации нобелевских лекций осуществлялись в Стокгольме с 1901 года, и сборники таких лекций и их отдельные оттиски имели определенную стоимость, а выручка от их продажи пополняла фонд и соответственно увеличивала размер денежных премий в последующие годы. Солженицын не имел права самостоятельно обнародовать текст своей нобелевской лекции. Еще в 1970 году посольство Швеции в Москве согласилось на вручение Солженицыну Нобелевской премии, но без публичной церемонии. Солженицын ответил отказом. В начале 1972 года в результате конфиденциальной переписки между Солженицыным и постоянным секретарем Шведской академии Карлом Гировым было решено, что церемония вручения медали и диплома и прочтения лауреатом нобелевской лекции пройдет на квартире, где жила семья Солженицына. Датой было выбрано воскресенье 9 апреля, в 1972 году это был и первый день православной Пасхи.

Карл Гиров запросил въездную визу в посольстве СССР в Швеции примерно за месяц до церемонии. В западных газетах и в беседе Солженицына с Р. Кайзером и Х. Смитом обсуждался вопрос: получит ли Гиров визу или нет? Из рассекреченных в настоящее время документов переписки между КГБ и ЦК КПСС известно, что МИД СССР, по рекомендации Политбюро, принял решение об отказе в визе уже в марте, вскоре после обращения Гирова. Посольство Швеции в Москве не было поставлено в известность об этом и готовилось к приезду Гирова. 3 апреля 1972 года председатель КГБ Ю. Андропов докладывал в ЦК КПСС (№ 854-А. Особая папка. Совершенно секретно):

«Комитетом госбезопасности получены оперативные данные, свидетельствующие о том, что СОЛЖЕНИЦЫН, не зная до настоящего времени о закрытии въезда в СССР секретарю Нобелевского фонда ГИРОВУ, активно готовится к его приезду...

Для приема гостей, приглашаемых на вручение, сожительница СОЛЖЕНИЦЫНА СВЕТЛОВА и ее родственники закупают в большом количестве посуду и продукты питания. В связи с тем, что день вручения 9 апреля приурочен к первому дню религиозного праздника Пасхи, прием одновременно будет носить характер религиозного торжества, для чего готовятся соответствующие реквизиты – пасхальные куличи, крашеные яйца и т. п. СОЛЖЕНИЦЫН, находясь на даче РОСТРОПОВИЧА, разучивает наизусть текст подготовленной им ранее так называемой традиционной лекции лауреата Нобелевской премии...» (Кремлевский самосуд. С. 217–218).

Идея совмещения нобелевской церемонии с празднованием православной Пасхи была мне в то время совершенно неизвестна. Я тогда вообще не знал, в какие дни начинались религиозные праздники. Приглашенные на церемонию близкие друзья Солженицына Лев Копелев и Ефим Эткинд не были религиозными людьми и вряд ли смогли бы серьезно отнестись к пасхальным ритуалам. Академик А. Д. Сахаров получил приглашение на два лица, он теперь никуда не ездил без Елены Боннэр, своей второй жены. И они вряд ли следовали православным ритуалам.

Официальное сообщение об отказе Гирову в визе на въезд в СССР стало известно в Швеции утром 4 апреля. Совпадение этой даты с публикацией в США интервью

Солженицына Кайзеру и Смиту было случайным. Нобелевскую церемонию на квартире Светловой отменил теперь сам Солженицын. Всем приглашенным разными путями сообщили об этом. 9 апреля к 12 часам дня на квартиру писателя пришел лишь корреспондент «Сельской жизни».

Неудача с проведением нобелевской церемонии в Москве привела, однако, Нобелевский фонд к решению опубликовать нобелевскую лекцию Солженицына независимо от ее публичной презентации. На квартире Наталии Светловой был сделан микрофильм текста, который перевез в Стокгольм шведский корреспондент Стиг Фредриксон (Stig Fredrikson).

Сборник Нобелевского фонда, в котором была опубликована среди других лекций 1971 года и лекция Солженицына, вышел в свет в августе 1972-го. Обширные цитаты из этой лекции появились во многих западных газетах. В передачах западных радиостанций на русском языке текст лекции звучал несколько раз. В то время, не имея опыта жизни в западных странах, я рассматривал изложенные в лекции мысли Солженицына как способные оказать какое-то влияние на положение литературы. Я сразу не понял, что это была, по существу, проповедь. Солженицын тогда все еще слишком идеализировал «западные ценности», не осознавая, что литература в формировании русской культуры, продолжавшей православную древнегреческую и византийскую, сыграла значительно более важную роль, чем в западноевропейской культуре, имевшей древнеримские и католические корни. Солженицын призывал людей отказаться от безудержного стремления к материальному благополучию и признать приоритет духовных ценностей. Однако «духовности» именно в «западных ценностях» было немного. За этим призывом Солженицына проглядывало религиозное убеждение в том, что существует вечная душа и именно о ней следует заботиться. Солженицын также считал, что художественная литература – это самая высшая форма человеческой активности. Между тем литературная деятельность – удел немногих, имеющих редкий талант. Она, как музыка или живопись, создает духовные ценности, но не решает многих других проблем наций и обществ. На месте Солженицына-писателя, давшего голос миллионам людей, пострадавших от тирании, в содержании его нобелевской лекции появился Солженицын-пророк, озабоченный судьбой всего человечества.

Встреча с Дэвидом Гершоном в Киеве

Приехав в Киев 29 июня, я сразу отправился в секретариат Международного конгресса по геронтологии, который для советских участников находился в Институте геронтологии АМН СССР на Вышгородской улице. Иностранцев почему-то регистрировали отдельно в Октябрьском дворце культуры в центре города. Как член Всесоюзного общества геронтологов я по своему удостоверению смог без проблем зарегистрироваться в качестве участника конгресса, однако приглашения на его открытие 2 июля во дворце «Украина» выдавали лишь по списку официально приглашенных на этот форум, моего имени там не было. Не смог я получить и направления в какую-либо гостиницу. На конгресс приехало значительно больше участников, чем ожидалось, и номера во всех гостиницах были уже заняты или забронированы. Однако два знакомых биолога, с которыми я давно переписывался, предложили мне остановиться у них, я принял приглашение одного из них, хотя он жил далеко от центра города.

Столь многолюдное международное научное собрание проводилось в Киеве впервые. Только по предварительной регистрации в 9-м Геронтологическом конгрессе участвовали 2510 делегатов из сорока одной страны. Советская делегация численно превосходила все остальные. Американские ученые, их ожидалось около пятисот, преобладали среди иностранцев. Почти по сто человек приехало из Великобритании и Японии, восемьдесят из ГДР и шестьдесят из ФРГ. Большие делегации прибыли из Италии, Польши и Румынии.

Для меня наибольший интерес в программе конгресса представляли пленарные сессии по темам «Современные идеи о существовании старения» и «Регуляция и адаптация механизмов старения», а также симпозиумы по возрастным изменениям ферментов, по сравнению старения в тканях и в культурах клеток, по морфогенетической программе клеточной смерти и сравнительному изучению старения у разных видов животных. Значительная часть докладов была посвящена медицинским и социальным аспектам старения. В отдельные заседания выделялись такие проблемы геронтологии, как атеросклероз, изменения гормональных систем, различия в характере старения у женщин и мужчин, синдромы преждевременного старения и другие. Две сессии конгресса были посвящены нуклеиновым кислотам. На одной из них по первоначальному плану должен был стоять в качестве обзорного и мой доклад или лекция. Секцию по старению на клеточном уровне возглавлял мой друг Бернард Стрелер, симпозиум по старению в культурах клеток координировал Леонард Хейфлик, а симпозиум по возрастным изменениям ферментов – Дэвид Гершон из Израиля.

С Гершоном я прежде не встречался, но мы обменивались письмами и отписками статей. Его исследования возрастных изменений индивидуальных ферментов считались среди геронтологов очень важными для понимания молекулярных механизмов старения.

Всего на конгрессе, судя по трем томам рефератов, было представлено 1218 различных сообщений. Реферат моего доклада, посланный в Киев в сентябре 1971 года, не был включен в эти сборники. Меня это теперь не очень беспокоило, так как основные положения этого доклада в июне были уже опубликованы в журнале *Nature*.

30 июня, еще раз зайдя в секретариат, где происходила регистрация прибывающих

участников, я пытался узнать, остаются ли в силе те официальные приглашения от Международного и Национального комитетов на представление доклада, подписанные президентом Международной ассоциации геронтологии (МАГ) Натаном Шоком и президентом конгресса Д. Ф. Чеботаревым, которые я получил весной 1971 года. Ни В. В. Фролькис как председатель программного комитета, ни Нестор Верхратский, генеральный секретарь оргкомитета, которых я считал своими друзьями, не могли ничего объяснить. Они явно были удивлены наличием у меня официальных приглашений, одно из которых, от советского оргкомитета, по обычаям отечественной бюрократии было подтверждено круглой гербовой печатью. Ни Фролькис, ни Верхратский, ни Чеботарев явно не ждали меня в Киеве. Они полагали, что такой проблемы не могло и возникнуть, ведь неизвестная мне инструкция по поводу Жореса Медведева пришла, по-видимому, из Москвы.

День был очень жаркий. Побродив по городу в пиджаке с галстуком, я почувствовал, что было бы хорошо освежиться в душе. Сначала подумал о бане. Но, по словам прохожих, поблизости такого заведения не было. На одной из улиц я увидел небольшую гостиницу «Театральная», которая, судя по планировке, напоминала Дом колхозника. В таких гостиницах-общежитиях комнаты рассчитаны обычно на несколько человек и в подвальном этаже есть общие душевые. Предположение оправдалось. Спустившись вниз, я обнаружил на одной из дверей табличку: «Душевая для мужчин». В одном конце большого помещения стояли кушетки для одежды, в другом – несколько душей без кабинок. Хорошо помывшись – мыло было среди моих туалетных принадлежностей в портфеле, – я вдруг сообразил, что у меня нет полотенца. Рядом заканчивал мытье невысокий, но мускулистый мужчина лет сорока пяти, с несколько необычной стрижкой очень темных волос. Общие душевые не располагают к особым церемониям...

- Товарищ, нет ли у вас полотенца? – спросил я.
- I am sorry, I do not speak Russian, – ответил мой сосед.
- Are you here for Gerontological Congress? – догадался я.
- Yes, I am from Israel.
- What is your name?
- David Gershon.
- О, Дэвид Гершон, – обрадовался я, – я Жорес Медведев.
- Жорес, – обрадовался теперь мой сосед, – вот это встреча!

Одевшись, мы поднялись в номера израильской делегации. Для двенадцати ученых из Израиля были предоставлены две большие комнаты без телефона и других удобств. Лишь глава делегации и президент Геронтологического общества Израиля профессор С. Бергман (S. Bergman) получил отдельный номер в другой гостинице. Отношения между СССР и Израилем после Шестидневной войны в 1967 году были очень плохими. Советское консульство в Тель-Авиве было закрыто. Гершон и его коллеги получали визы на въезд в СССР через советское посольство во Франции. В очень плохую киевскую гостиницу они, по-видимому, попали не случайно. Но это, судя по всему, их не беспокоило. На столе быстро появились бутылки красного вина и какие-то другие продукты, явно неместные. Некоторые члены израильской делегации приехали с чемоданами, наполненными консервами. Я рассказал Дэвиду Гершону о своих проблемах и показал приглашения 1971 года. Он ничему не удивился. По его словам, президент Международной ассоциации геронтологии профессор Натан Шок приедет в Киев только завтра – 1 июля – и будет жить в гостинице «Днепр» на Крещатике. Из США он сначала полетел в Бухарест для знакомства с знаменитым

румунским Институтом гериатрии и геронтологии Анны Аслан, который уже давно рекламировал препарат «геровитал» для омоложения старых людей. Это был первый синтетический геропротектор.

– Будете ли вы на открытии конгресса послезавтра? – спросил Дэвид.

– У меня нет приглашающего... – ответил я.

– Вот вам мой билет, – Гершон протянул мне карточку с эмблемой конгресса, – они не именные, а мы пройдем все вместе.

Программа открытия Геронтологического конгресса, назначенного на 16 часов 2 июля, судя по приглашению, состояла из приветствий правительств СССР и УССР, а также председателя Киевского горсовета. После этого с докладом об успехах геронтологии выступал профессор Шок. Академик Д. Ф. Чеботарев должен был представить обзор достижений советской геронтологии. Сессия завершалась общим банкетом и большим эстрадным концертом. Мы договорились, что я буду сидеть в зале вместе с израильской делегацией. Гершон, уже прочитавший в 1971 году английское издание нашей с Роем книги «Кто сумасшедший?» («Question of Madness»), был готов к любым неожиданностям. К тому же он был не только геронтологом, но и, в случае угрозы войны, майором израильской армии.

Встреча с Натаном Шоком

С Натаном Шоком я переписывался и обменивался отрывками статей с 1957 года, но лично не встречался. Приезд в Киев стал его первым визитом в СССР. Научные интересы президента МАГ лежали в области физиологии человека, и он изучал динамику изменений различных функций организма (объема легких, силы разных мышц, остроты зрения и слуха, работы сердца, почек и печени, иммунологических реакций, прочности костей и т. д.) с возрастом. Синхронности в этих изменениях не было, и именно разная скорость старения отдельных органов и тканей, специфичная для каждого индивидуума, составляла научную проблему. Предпринимались попытки объяснить, почему одни люди стареют быстрее, другие медленнее. Шок был хорошим организатором, и именно он основал не только первый в США Федеральный центр по изучению старения в Балтиморе, но и Американское геронтологическое общество и ежемесячный *Journal of Gerontology*. По инициативе Шока общества по изучению старения в разных странах объединились в Международную ассоциацию геронтологии, первый конгресс которой состоялся в 1950 году. В 1972 году Шоку было 65 лет.

Н. Шок, безусловно, знал о моих проблемах, связанных с публикацией книг за рубежом. Все эти книги он получал прямо от издателей по моей просьбе (так же, как Леонард Хейфлик, Бернард Стрелер и некоторые другие коллеги). Тем не менее он направил мне приглашение в 1971 году. В последующем, в отчете о конгрессе в Киеве в разделе «Politics and Science», Шок писал:

«Научный комитет Международной ассоциации геронтологии был уверен, что Медведеву будет позволено появиться в программе 9-го Конгресса, так как этот конгресс планировался в Советском Союзе» (Nathan W. Shock. The International Association of Gerontology. A Chronicle – 1950 to 1986. N.Y.: Springer. P. 181).

Увидеть Шока, таким образом, можно было лишь вечером 1 июля. Я уже знал, что с американцами, даже высокопоставленными, можно встречаться без предупреждения и без всяких формальностей. В той же книге Шок пишет:

«Мы (Шок отправился в путешествие с женой. – Ж. М.) получили ключи от нашего номера лишь в 7 часов вечера. Представьте наше удивление, когда оказалось, что ключи не могли открыть дверь. Персонал гостиницы также не смог справиться с этой задачей. Была вызвана команда ремонтников, которая просто выломала дверь. Войдя, мы увидели помещение, состоявшее из кухни с холодильником, столовой, приемной и спальни. Все помещение было лишь недавно оборудовано и обновлено, так как еще оставался запах свежей краски... Вообразите наше удивление, когда после позднего ужина, который нам принесли лишь в 9 вечера, открыв в 10 часов вечера дверь в ответ на стук, я увидел д-ра Медведева, который пришел приветствовать меня в Киеве и сообщить о ряде проблем...» (р. 182).

Поскольку Шок и его жена выглядели очень усталыми, я не стал вдаваться в подробности и лишь сообщил, что советский Национальный оргкомитет, вопреки первоначальному собственному приглашению, исключил мой доклад из программы явно по директиве из Москвы. Шок пообещал, что поговорит об этом с президентом конгресса Чеботаревым и они обязательно найдут для моего доклада место в программе. По его словам, на больших конгрессах всегда кто-то не приезжает и возникают «пробелы». Программа уточняется и меняется каждый день.

2 июля. «Пройдемте с нами, гражданин»

В полдень, за несколько часов до открытия конгресса, меня пригласил на ланч в одном из буфетов Октябрьского дворца культуры Леонард Хейфлик, профессор Стэнфордского университета в Калифорнии. Я с ним давно переписывался и встречался в 1966 году, когда он приезжал в Москву для участия в Международном конгрессе по микробиологии. Хейфлик был известен открытием процесса старения тканевых клеток при выращивании их в культуре. Это открытие сделало не только колонии лабораторных животных, но и культуры клеток удобным объектом для изучения возрастных изменений, что быстро расширило число исследователей биологии и молекулярной биологии старения. В 1970 году Хейфлик приглашал меня на год для работы в своей лаборатории, но я тогда не пытался реализовывать это приглашение, полагая, что такую поездку мне не разрешат. В начале 1972 года Хейфлик отправил мне два письма, извещая о своем намерении приехать в Киев. Но я этих писем не получил, они были, очевидно, перехвачены почтовой цензурой. О том, что Хейфлик уже в Киеве, я узнал случайно по спискам прибывших делегатов, которые вывешивались в секретариате конгресса. Здесь же были и почтовые ячейки делегатов, через которые ученые из разных стран могли обмениваться письмами и записками. Я рассказал Хейфлику о своих проблемах и о встрече с Гершоном и Шоком, а после ланча проводил его до гостиницы, расположенной неподалеку, где он отдал мне копию одного из не дошедших до меня писем. Из гостиницы я пошел на Почтамт, чтобы написать и отправить несколько писем, одно из них Рою. Рите в Обнинск я послал телеграмму – мы договорились, что я буду

извещать ее о своих делах телеграммами каждый день.

От Почтамта до дворца «Украина», где открывался конгресс, я доехал на троллейбусе и вышел на площадь, по которой делегаты уже шли к входу в здание. Неподалеку от меня стояла группа людей в штатском, но без значков конгресса, и милиционер. Заметив меня, один из них сказал: «Это он». Все они быстро подошли ко мне и окружили кольцом. Кто-то из них произнес негромко: «Пройдемте с нами, гражданин». Я, естественно, спросил: «В чем дело?» – «Пройдемте с нами, там все узнаете». Я стал возражать, требуя объяснений. Подошел милиционер: «Пройдите, гражданин, не нарушайте общественный порядок». Я стоял не двигаясь. Тем временем к нам приближалась вышедшая из подземного перехода группа людей со значками конгресса. Увидев это, двое в штатском крепко и профессионально взяли меня за локти и повели к стоявшей неподалеку черной «Волге». Я и не пытался сопротивляться: у державших меня людей были могучие мускулы. Трое сели в машину со мной, остальные пошли к другому автомобилю. Уже после того, как «Волга» тронулась с места, сосед справа спросил мою фамилию. Я поинтересовался, уверены ли они в том, что взяли того, кто им нужен.

– Не беспокойтесь, у нас есть фотография, да и описание примет полностью совпадает.

Меня привезли в отделение милиции. Дежурный – лейтенант милиции – нас, очевидно, ждал. Один из моих спутников, не предъявляя никаких документов, спросил дежурного: «Куда его?» Дежурный провел нас в кабинет начальника, который был не занят. Меня посадили с одной стороны стола, напротив сели трое в штатском. Вскоре пришли еще трое и милиционер. Двое из пришедших, простые на вид мужчины, очевидно из рабочих, сели сзади меня у стены, а милиционер, расписавшись в какой-то бумажке, быстро ушел. Напротив меня теперь сидели четверо, один из них был явно главный. Он спросил, при мне ли паспорт. Я ответил утвердительно и вместе с паспортом передал им служебное удостоверение старшего научного сотрудника Всесоюзного института физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных. Оба документа были тщательно изучены.

– Что вы делаете в Киеве?

– Я приехал для участия в работе 9-го Международного конгресса геронтологов.

– Да, это нам известно, – сказал «главный», – поэтому вас и задержали. У нас есть инструкция ограждать конгресс от посторонних и нежелательных элементов. Вы направлялись на конгресс, не имея для этого никаких оснований. Это мы рассматриваем как нарушение общественного порядка.

– Вы также оказали сопротивление милиции, – добавил другой.

Один из моих собеседников протоколировал допрос.

– Все это совершенно неверно, – ответил я, – никакого сопротивления милиции я не оказывал. Вы были не в форме и не предъявляли мне никаких удостоверений.

– Но у нас есть инструкция допускать на конгресс только делегатов. Вы что, делегат?

Я достал из портфеля и передал им официальное приглашение для участия в конгрессе, написанное на бланке конгресса и подписанное президентом конгресса профессором Д. Ф. Чеботаревым и председателем программного комитета профессором В. В. Фролькисом. Приглашение было датировано 9 июня 1971 года. В нем, в частности, говорилось:

«Глубокоуважаемый Жорес Александрович!

Нам очень приятно сообщить Вам, что Исполком Международной ассоциации геронтологов на своем заседании в Париже 31 марта – 3 апреля

утвердил Вас в качестве приглашенного лектора 9-го Конгресса... Вы утверждены докладчиком для вводной лекции на секционном заседании "Нуклеиновые кислоты при старении..."

Направляем Вам форму для реферата...»

Все члены опергруппы поочередно обстоятельно изучали представленный документ.

– Да, это письмо было, очевидно, послано вам, – признал наконец «главный», – но ведь вашей лекции нет в программе конгресса. Почему же вы приехали в Киев? («Для милиционера он знает слишком много», – сразу подумал я. Программа конгресса включала больше тысячи сообщений.)

Я объяснил, что об отсутствии моей лекции в программе узнал лишь в Киеве: окончательный вариант программы раздавали участникам только по прибытии на конгресс, при регистрации в секретариате. Но как член Геронтологического общества и член его правления я имел право зарегистрироваться. Я извлек из портфеля брошюру предварительной программы с перечислением тем секций и симпозиумов и подчеркнул для «опергруппы» следующий абзац:

«Программный комитет рекомендует всем авторам, вне зависимости от того, включены ли их доклады в программу или нет, приехать на конгресс, чтобы обсудить с коллегами свои работы».

– Но вы ведь не получали вызова для приезда в Киев, – не успокаивался «главный».

– Вызов мне не нужен, он служит основанием для командировок, я же нахожусь в отпуске и могу приехать в Киев без вызова.

– Есть ли у вас документы, доказывающие, что вы получили отпуск?

– Таких документов никто не выдает, вы это знаете. Есть приказ по институту, и при необходимости можете это проверить.

– Мы это проверим сразу, – с этими словами «главный» вышел из кабинета.

Интерес опергруппы к вопросу об отпуске был понятен. В период трудового отпуска граждане СССР имели право проживать без прописки в «режимных» городах, в столицах республик и в курортных местах недалеко от морских границ СССР. Отпускникам не нужно было ставить в паспортах штамп о временной прописке.

Через несколько минут «главный» вернулся и сказал:

– Да, вы в отпуске с 27 июня. Мы это проверили.

– Неужели в институте в воскресенье вечером есть кто-то из администрации? – удивился я.

– Мы не звонили в ваш институт, я узнал обо всем там, где следует. Вы когда приехали в Киев?

– 29 июня.

– Где вы остановились?

– У знакомых.

– Сообщите нам их адрес.

– Этого я могу не делать. Если я задержусь дольше трех дней, то сообщу в милицию того района.

Затем мне начали задавать вопросы на самые разные темы: где я научился английскому языку, давно ли работаю в области геронтологии, даже о том, сколько у меня научных работ, о жизни в Обнинске и т. д. Было ясно, что они просто тянут время, ожидая указаний свыше,

куда доложили о новой ситуации. Что-то шло не по сценарию. Наличие у меня официального приглашения оказалось для них неожиданным. Трое собеседников куда-то вышли. Затем вышел и «главный», видимо для разговоров по телефону с «центром». Я остался с двумя неизвестными, которые до сих пор молча сидели у меня за спиной.

– А вы за что сюда попали? – спросил я.

– Мы свидетели того, что вы сопротивлялись милиции, – ответил один из них, – думали, быстро все закончится, а вот уже почти два часа, дома небось волнуются, куда мы делись.

– Где ж вы видели, что я сопротивлялся?

– Я видел, что вы спорили, а когда вас взяли за руку, то вы пытались ее вырвать.

– А откуда вы знали, что это милиция? Они были в штатском и не предъявляли удостоверений. Да и «Волга» была не милицейская, без красной полосы.

«Свидетели» молчали.

«Значит, готовили арест на десять суток, – подумал я, – а то и больше». Сопротивление милиции наказывается штрафом или арестом на 10–15 суток, а при серьезных случаях – ограничением свободы на срок до года. Эту статью Уголовного кодекса я знал, ее нередко применяли для тех, кто собирался возле зданий судов, где шли политические процессы.

Минут через десять опергруппа вернулась. «Главный» сел напротив меня и спросил более вежливым тоном, чем прежде:

– Как вы отнесетесь к тому, что мы предложим вам покинуть сегодня Киев и вернуться домой?

Я стал настойчиво возражать, объясняя, что мое внезапное исчезновение вызовет беспокойство у моих иностранных коллег. Президент Международной ассоциации уже знает, что я в Киеве, и я встречался с коллегами из США. Это создаст трудности и для Чеботарева.

– С Чеботаревым мы этот вопрос согласуем, – ответил «главный» и вышел.

Через некоторое время он вернулся и сказал:

– Чеботарев сейчас заканчивает доклад. После этого его вызовут из президиума и поговорят.

– По телефону?

– Нет, туда поехал наш человек.

Минут через тридцать «главный» сказал:

– Ну вот, скоро все кончится, Чеботарева пригласили для беседы.

Через некоторое время все оперативники вышли для совещания. Минут через пятнадцать они вернулись, и «главный» сказал почти весело:

– Ну вот теперь все, придется вам уехать. Вы как предпочитаете – поездом или самолетом?

Я стал возражать, сказав, что лучше подождать до понедельника. Высылка такого рода противоречит законодательству.

– Решение о выезде из Киева окончательное, оно согласовано на всех уровнях, изменить его уже нельзя, – ответил «главный», сделав ударение на слове «всех».

– Но ведь я могу сегодня уехать, а завтра прилететь обратно в Киев, – упорствовал я.

– Этого делать не советую. Если снова появитесь на конгрессе, то все повторится. Может быть, и с осложнениями.

– Но ведь инцидент получит огласку. Зачем это нужно?

– Не беспокойтесь, никаких разговоров не будет. Если кто и начнет говорить, то сразу

прекратит.

– Что ж, пожалуй, я предпочел бы поезд. Сейчас уже поздно и дождь.

Через пятнадцать минут мне сказали, что скоро принесут билет на ночной экспресс. Неожиданно вошел еще один сотрудник в штатском, в руке у него был мой чемодан.

– А вот и ваши вещички, – сказал он, – проверьте, все ли на месте. На всякий случай мы составили полную опись.

Я понял, что он разочарован. В моем чемодане были лишь одежда, туалетные принадлежности и бумага. Все печатные материалы имели отношение только к проблемам старения и продления жизни. По их сценарию, очевидно, предполагалось, что я привезу в Киев разный самиздат – это дало бы возможность обвинить меня в распространении клеветы по статье УК 190.1. Кстати, мой киевский знакомый в своем письме просил привезти ему кое-что из самиздата. Возможно, что он уже сотрудничал с КГБ. Поэтому оперативники знали и его адрес. За мной явно следили несколько дней, возможно от самого Обнинска. В день моего отъезда в Киев мне неожиданно позвонили из обнинского отдела КГБ и попросили зайти для важной беседы, связанной с приглашением из Лондона. Я ответил, что уезжаю в Киев на Геронтологический конгресс и смогу прийти лишь после возвращения. Мой телефонный собеседник (я его знал еще с времен работы в Институте медицинской радиологии, он беседовал со мной дважды, приходя в лабораторию) спросил: «Так прямо сразу и уезжаете?» Я ответил, что не сразу, а через несколько часов вечерним поездом. Скрывать эту поездку не было причин.

Со мной на вокзал поехали трое оперативников. Отправляли меня на ночном экспрессе «Киев», который следовал до Москвы лишь с одной остановкой. Дойдя до первого вагона, «главный» поздоровался с проводником. «Вот и мы», – сказал он и вручил проводнику билет. Создалось впечатление, что между ними все уже было согласовано заранее. У КГБ, по-видимому, в каждом поезде был «свой» проводник и свободные места «на всякий случай» в мягких вагонах. В поезде меня никто не сопровождал, я ехал один в двухместном купе. Когда поезд тронулся, оперативники помахали мне на прощание. Я заказал у проводника чай и печенье, после чая принял снотворное и проспал до Москвы. Около часа дня я уже был в Обнинске.

А между тем в Киеве

Не встретив меня на открытии конгресса 2 июля, Дэвид Гершон первым поднял тревогу, сообщив о своих опасениях Хейфлику, Шоку, прибывшему в Киев лишь 3 июля Стрелеру и другим коллегам. Наибольшее беспокойство выражал Хейфлик, мы с ним расстались незадолго до открытия конгресса, условившись встретиться снова на банкете после докладов. Быстро сформировалась обеспокоенная происходящим группа из пятнадцати геронтологов (из Израиля, Италии, Австралии, Канады, США и Великобритании). В цитированной выше книге Натана Шока он пишет:

«Некоторые делегаты видели, как д-р Медведев был схвачен, как им показалось, полицейскими в гражданском и впихнут в черный лимузин перед дворцом “Украина”...

Некоторые делегаты хотели передать Чеботареву ультиматум: либо Медведеву будет предоставлена свобода присутствовать на конгрессе, либо

значительное число членов конгресса, в основном из США, Великобритании и Израиля, покинут конгресс в знак протеста» (р. 183).

Чеботарев, однако, уверял Шока, что ничего не знает о судьбе Медведева.

Я, находясь уже в Обнинске, был уверен, что мое исчезновение будет замечено и создаст немало проблем. Мои друзья, знавшие и о психиатрической госпитализации в 1970 году, могли опасаться худшего. Нужно было сообщить о случившемся и о том, что я, во всяком случае, у себя дома. Поздно, около одиннадцати вечера, я решил послать телеграммы-молнии Шоку, Хейфлику и Гершону, благо знал названия их гостиниц. Телеграфное отделение в Обнинске работало круглосуточно. Тексты я писал по-английски, латинский алфавит можно было использовать в телеграммах и внутри СССР. Гершону я написал, как принято в телеграммах, без знаков препинания и заглавных букв:

«дорогой дэвид сожалею что не могу присутствовать на конгрессе в связи с некоторыми делами возникшими после встречи професс киднэпером жорес».

«Kidnapper» на английском означает «преступник, захвативший заложников». «Професс» – мое сокращение от «профессор» – Гершон правильно перевел как «профессиональным». Ему было ясно, что это работа КГБ. Цензуры телеграмм-молний ночью, очевидно, не было, во всяком случае написанных по-английски. Да и понять, о чем идет речь, мог только получатель. Телеграмма была доставлена в гостиницу и просунута под дверь номера израильской делегации. Будить гостей ночью не стали. Натан Шок получил мою телеграмму рано утром 4 июля. В своей книге он пишет, что был в шоке, и приводит английский текст полностью.

Шок снова обратился к Чеботареву, но тот опять ответил, что не знает ничего о Медведеве и его исчезновении. Прибывший в Киев 3 июля Б. Стрелер был настроен более решительно. Вокруг Стрелера и Хейфлика сразу образовалась группа ученых, которая требовала от Чеботарева как президента конгресса и будущего президента Международной геронтологической ассоциации официального заявления и письменного заверения в том, что Жоресу Медведеву будет предоставлена полная свобода контактов с иностранными коллегами. Прекратить участие в конгрессе в знак протеста против политического вмешательства в его работу были готовы около пятисот иностранных ученых. Они уже ознакомились с текстом моей телеграммы. Стрелер требовал телефонного разговора со мной. Но для этого нужно было узнать номер моего телефона в Обнинске. Оказалось, что его знает профессор А. Эленс (Antoine Elens), бельгийский ученый из Намюра. Он говорил по-русски и в 1968 году несколько месяцев работал в Институте цитологии в Ленинграде. Я с ним встречался и несколько раз разговаривал по телефону. Он также хотел увидеть меня в Киеве и сообщил заранее открыткой, что будет жить в гостинице «Украина».

5 июля в шесть часов утра меня в Обнинске разбудил телефонный звонок. В трубке я услышал неповторимый бас Бернарда Стрелера: «Zhores! Bernard Strehler is speaking... How are you?»

Я рассказал ему вкратце, что случилось. Он ответил, что американцы готовы бойкотировать конгресс, если меня не вернут в Киев. Я объяснил, что это нецелесообразно и что в случае возвращения в Киев мне обещаны «осложнения». Стрелер в то же утро доложил активной группе, возглавляемой Хейфликом, о том, что Жорес Медведев действительно был арестован 2 июля, по-видимому, КГБ и отправлен в Москву с явного согласия Чеботарева, президента конгресса, с которым агенты КГБ были в контакте. Медведев, однако, находится

в добром здравии и возвращаться в Киев не намерен. После этого мои друзья в Киеве решили, что Хейфлик должен встретиться с Чеботаревым и двумя его помощниками (В. В. Фролькисом и Н. Верхратским) для составления официального документа-протокола, в котором будет зафиксировано право Медведева беспрепятственно встречаться со своими иностранными коллегами. От Чеботарева не требовали подписей, а лишь устного согласия с составленным заявлением. Хейфлик и Стрелер понимали, что выполнение такого обещания зависит далеко не только от самого Чеботарева. Однако в тот же день они собрали пресс-конференцию для находившихся в Киеве иностранных корреспондентов и сообщили о событиях, связанных с арестом и высылкой из Киева Медведева, и об обещании Чеботарева. Эпизод с моим арестом и с возможностью бойкота конгресса быстро получил международную огласку. Сообщения агентств Associated Press и Reuter, переданные из Киева 5 июля, были напечатаны 6 июля в сотнях газет в разных странах. В последующем мне прислали вырезку из шотландской газеты *Scotsman*, выходящей в Глазго, с заметкой «Scientist is sent back to Moscow by secret police» («Ученый выслан в Москву тайной полицией»). В ней приводился и текст моей телеграммы. Все эти события вскоре комментировались и в редакционных статьях журналов *Science* и *Nature*.

Встречи в Москве

После окончания Геронтологического конгресса многим делегатам были организованы различные экскурсии. Во все экскурсионные программы входила и Москва, откуда зарубежные геронтологи улетали в свои страны. В Москве я смог, уже без всяких препон (и даже без видимой слежки), встретиться с Хейфликом, Стрелером, Эленсом и другими учеными. Позже, после визита в Абхазию для знакомства с уникальным горным районом долголетия, приехал в Москву с супругой и Натан Шок. (Ему и другим геронтологам представили в Сухуми нескольких абхазских горцев в возрасте 140 лет и старше. Посещение их родных горных деревень становилось теперь особым маршрутом «Интуриста».)

Интересной для меня была встреча с Д. А. Холлом (D. A. Hall), председателем Британского общества по изучению старения. Он рассказал, что как член исполкома Международной ассоциации геронтологов обратил внимание на то, что вводная лекция Медведева на секции по нуклеиновым кислотам была в окончательной программе, предоставленной из Киева в мае 1972 года, замещена лекцией Ричарда Катлера (Richard Cutler), американского биохимика. Имя Катлера стояло без названия темы. Холл хорошо знал, что Катлер изучает ферменты, а не нуклеиновые кислоты. Поэтому он написал письмо Чеботареву с возражениями, подозревая политические причины замены. Чеботарев ответил, что «Медведев не сможет прочитать лекцию, так как изменил несколько лет назад направление своих исследований». Эта выдумка показывала, что на советских организаторов конгресса уже с весны оказывалось давление, с тем чтобы предотвратить мое участие в его работе. Я старался понять, кто был инициатором этой акции, явно нелепой и трудновыполнимой по отношению к научному сотруднику, нормально работающему в исследовательском институте. Обычно в таких акциях подозревают КГБ. Но КГБ все же был исполнительным полувоенным органом. Он выполнял директивы Политбюро или решения Совета министров и по собственной инициативе не стал бы создавать для ареста Медведева большую оперативную группу только для того, чтобы заблокировать строго научный доклад. Арест на 10 или 15 суток, как это явно планировалось (судья, подобно «свидетелям», ждал

своего часа, очевидно, в этом же здании), мог бы вызвать реальную остановку работы всего конгресса. Нелепым с оперативной точки зрения был и сам арест перед входом во дворец «Украина», на виду у иностранцев. Я мог бы действительно сопротивляться и даже позвать людей на помощь. Пришлось бы применять насилие. Вывода или хотя бы гипотезы у меня нет и до сих пор. Очевидно лишь то, что это были те же люди, которые давали команду в 1970 году на проведение «психиатрической» акции. Наиболее вероятно, что инициатива исходила из идеологического отдела ЦК КПСС. Секретарь по идеологии, второй по рангу член Политбюро, М. А. Суслов имел право давать команду если и не всему КГБ, то, по крайней мере, его 5-му Управлению, выполнявшему функции политической безопасности. Неудача этой операции и неоправданный риск срыва работы конгресса и возникновения международного скандала могли теперь вызвать лишь озлобление и какие-то новые акции. Я понимал, что в покое меня не оставят даже в Боровске.

В начале сентября меня пригласил в свой кабинет директор института Н. А. Шманенков и уже почти по-дружески и с явным облегчением спросил:

– Жорес Александрович, вы весной показывали мне письмо из Англии с приглашением на год для работы по проблемам старения. В каком положении сейчас это дело? Вы написали отказ?

– Нет, Николай Александрович, – сказал я, – меня приглашают с января следующего года, еще есть время ответить.

– Вот и хорошо! – обрадовался Шманенков, – в «инстанциях» решили разрешить вам эту поездку. Мне дано указание предоставить вам на год академический отпуск.

Трудность выбора

Сообщение о разрешении годичной поездки в Англию вызвало у меня не только радость, но и озабоченность. Поработать на качественно новом уровне, пусть в течение одного лишь года, безусловно, перспектива привлекательная, поскольку это возможность расширить свой кругозор и совершенствовать знание английского языка. Какие-либо научные достижения в экспериментальной области были менее очевидными. За год в геронтологии открытия не сделаешь. Главную ценность могли представлять встречи с другими учеными и теоретические дискуссии. Теории в науке нередко важнее лабораторных опытов. Основной темой, которую я обдумывал уже несколько лет, был биохимический механизм, обеспечивающий бессмертие генетических систем, которые связывают разные поколения в течение миллионов лет. Теория бессмертия зародышевой плазмы и смертности сомы, сформулированная Августом Вейсманом еще в XIX веке, не имела и через сто лет биохимического объяснения. Ясно было лишь то, что зародышевые клетки при своем формировании перед процессами оплодотворения подвергаются множеству восстановительных перестроек, одной из которых является и перестройка всей системы белков – гистонов и протаминов, обеспечивающих в ядрах клеток нужную для их специализации конфигурацию ДНК. Возрастные изменения спектра гистонов в разных тканях были с 1964 года главной темой наших исследований в Обнинске и в Боровске. Это подводило меня к возможным теориям морфогенетического контроля процессов старения. Теперь я обдумывал теорию периодического морфогенетического омоложения. Этой проблемой занимались лишь несколько ученых в разных странах, и одним из них был Робин Холлидей, который письмом директора Института медицинских исследований приглашал меня на год в свой отдел генетики. Отказаться от такого приглашения я не мог. С другой стороны, я понимал, что в «инстанциях», где принималось решение о поездке, хотели бы избавиться от меня навсегда.

Мои невидимые противники были, очевидно, уверены, что, уехав на год, Жорес Медведев уже не вернется, либо попросив политического убежища, либо став невозвращенцем по истечении годичного срока. Каждый из этих вариантов означал неизбежное лишение советского гражданства. И тот и другой варианты не были редкостью, и каждые два-три месяца имели место случаи невозвращения советских граждан, иногда знаменитых, – то артиста, то писателя, а то и дипломата. Кроме таких известных невозвращенцев, как Рудольф Нуриев, Аркадий Белинков, Анатолий Кузнецов, о которых много писала пресса, гораздо чаще отказывались вернуться на родину технические специалисты, работавшие за границей, работники ООН и ее агентств, моряки, спортсмены, служащие международных линий «Аэрофлота» и просто советские туристы. И эти случаи не получали широкой огласки. Невозвращение на родину всегда квалифицировалось как преступление, нередко как измена родине. Для меня такой поступок был совершенно немислим.

В годичную поездку за границу разрешалось оформлять жену и несовершеннолетних детей. Это означало, что Дима, которому в декабре исполнялось шестнадцать лет, мог поехать с нами, тогда как старший сын Саша, которому уже исполнилось девятнадцать,

должен остаться в СССР. Для нас это была большая проблема, так как для самостоятельной жизни Саша еще не был полностью готов. Это не было его личной проблемой, а отражало всеобщее явление. Новое поколение, выросшее в условиях относительного комфорта и полноценного питания, развивалось быстрее физически, но не психически. Материальная зависимость детей от родителей с ростом благосостояния общества не уменьшалась, а возрастала.

Я знал, что если я поеду в Англию на год, то это будет год, ни днем дольше, Рита тоже в этом не сомневалась. И Рой был в этом уверен. Случаев лишения гражданства при отсутствии для этого какого-либо юридически обоснованного предложения пока не было.

Однако четко вырисовывались случаи вытеснения диссидентов за границу путем приобретаемой значительный масштаб эмиграции в Израиль. При этом почти две трети лиц, покидавших СССР в этом потоке, уезжали в действительности не в Израиль, а в США.

В 1971 году уехал с семьей в Израиль мой друг Борис Цукерман, активный член Комитета по правам человека. Он был кандидатом физико-химических наук, но после увольнения с работы в Москве не мог нигде устроиться и, имея двух детей-школьников, попал в безвыходное положение. В 1972-м уехали через «израильскую эмиграцию» в США родственники и помощники Солженицына Юрий Штейн, кинорежиссер, и его жена Вероника Туркина. Эмигрировал в 1972 году через Израиль во Францию близкий друг Солженицына Дмитрий Панин, который в 1946–1950 годах работал вместе с Солженицыным в заключении в засекреченном институте. Именно Панин послужил прототипом Солодина в романе «В круге первом». Панин написал собственную книгу воспоминаний «Записки Солодина», которую рассчитывал издать за границей. В марте 1972 года уехал тем же путем, сначала в Израиль, а затем в Канаду, наш с Роем друг, писатель и ветеран войны Григорий Свирский, произведения которого отказывались публиковать уже несколько лет. Свирский поддержал в 1967 году письмо Солженицына съезду Союза советских писателей, после чего в типографии были рассыпаны наборы двух его книг. В 1972 году эмигрировали из СССР Иосиф Бродский и Александр Есенин-Вольпин, сын Сергея Есенина. Процедура эмиграции из СССР противоречил международному праву, которое ясно формулировало как право покинуть свою страну, так и право возвращаться в нее. Эмиграция из СССР включала предварительный отказ от советского гражданства, что закрывало возможность возвращения. Семьи эмигрантов отправляли в Израиль без паспортов. Поскольку прямых авиарейсов в Израиль не было, пересадку осуществляли в Вене, где около 70 % прибывших эмигрантов отказывались продолжить путь в Израиль. Тысячи бывших советских граждан, оказавшись людьми без гражданства, получали от ООН статус беженцев и размещались в особых поселениях в Австрии и Италии, оформляя, иногда месяцами, разрешение на въезд в США, Канаду Австралию, иногда в Аргентину. Франция принимала очень немногих, обычно писателей или ученых. Великобритания была закрыта для иммиграции из СССР. ФРГ принимала из Советского Союза только немцев Поволжья. Из СССР сравнительно легко отпускали людей пожилых и больных хроническими заболеваниями, но без сохранения пенсий.

В 1971–1972 годах я сосредоточился на чисто научных проблемах и собирал в московских библиотеках и путем обмена оттисками статей материалы для книги по молекулярным аспектам старения. Неизбежная слежка за мной, безусловно, это фиксировала.

Оппозиционные политические течения в СССР уже в течение нескольких лет были

предметом не только журналистских, но и академических исследований в США и в Западной Европе. Оттуда пришел, примерно в 1967 году, и сам термин «диссиденты». Именно в опубликованных по этой теме исследованиях была произведена классификация разных направлений диссидентства. Одно из них, условным лидером которого был академик А. Д. Сахаров, определялось как правозащитное, либеральное и явно прозападное. Второе, в котором наиболее яркой фигурой был Солженицын, классифицировалось как антикоммунистическое, но имевшее русскую националистическую и религиозно-православную ориентацию. Рой Медведев был отнесен в этих анализах к «лояльной» и «марксистской» оппозиции, которая не считала демократию и социализм несовместимыми. Жорес Медведев не поддавался никакой классификации. Поскольку наиболее известной была моя книга «Взлет и падение Т. Д. Лысенко», то меня относили к противникам псевдонауки и к сторонникам свободы международного сотрудничества ученых. Часто, впрочем, Роя и Жореса Медведевых рассматривали вместе.

Мои политические взгляды в тот период нельзя было охарактеризовать как антисоветские. Я признавал легитимность СССР как суверенного многонационального государства и экономическую оправданность государственной собственности на природные богатства и основные средства производства. Однако считал неоправданной и непроизводительной государственную монополию на все виды производственной и коммерческой деятельности, и особенно на сферу услуг, и введенную Сталиным и охраняемую госбезопасностью монополию КПСС на все формы политической активности. Я также считал, что советская колхозная система является принудительной и неэффективной. Мои взгляды не выходили, однако, за пределы личного мнения. У меня не было ни времени, ни достаточно знаний, чтобы детально формулировать какие-либо политические или экономические концепции. Никаких обращений к советским политическим лидерам я никогда не писал и не подписывал.

Подготовка к отъезду в Англию

В октябре я написал директору нашего института заявление о предоставлении мне с января 1973 года академического отпуска сроком на один год для научной работы по приглашению из Англии. Вскоре мой отпуск был оформлен и в ВАСХНИЛ. Мне разъяснили, что общегражданские заграничные паспорта мне и членам семьи должны оформляться не Министерством иностранных дел, а Министерством внутренних дел через ОВИР (Отдел виз и регистраций) Калужского областного управления внутренних дел. В Калуге в областном ОВИРе мне выдали все необходимые анкеты и правила. Нужны были характеристики, справки о медицинском освидетельствовании, фотокарточки и много других бумаг, содержания которых я сейчас уже не помню. Все нужные документы мы готовили, наверное, недели две. Но ни мы сами, ни наши друзья пока не готовились к отъезду, в реальность которого было трудно поверить. После сдачи всех документов в калужский ОВИР в течение почти полутора месяцев не было никаких признаков их движения. Мы с Ритой работали, как обычно, а Дима заканчивал первое полугодие девятого класса. В понедельник 4 декабря вечером за ужином мы включили на кухне наш транзисторный радиоприемник «Рига» на волне русской службы Би-би-си. В начале британской новостной программы прозвучало сенсационное известие: «Наш корреспондент сообщает из Москвы, что Жорес Медведев, биолог и диссидент, насильственное заключение которого в психиатрическую больницу в

1970 году вызвало широкие протесты, получил разрешение на поездку в Англию на год с семьей для научной работы и лекций...» Мне сразу же стали звонить друзья и иностранные корреспонденты. Но я не мог комментировать это радиосообщение, так как ничего не знал о каких-либо решениях. Кто сообщил британскому корреспонденту такую информацию, остается для меня загадкой. Но я сразу понял, что это не выдумка, так как знал, что и в «инстанциях» были люди, продававшие иностранным журналистам новости, которые не могли публиковаться в СССР, но представляли интерес для западной прессы. На следующий день эта новость появилась во многих британских газетах, иногда с некоторыми подробностями о событиях на Геронтологическом конгрессе в Киеве.

Только через три дня мне позвонили из калужского ОВИРа и сообщили, что наши заграничные паспорта готовы. Чтобы их получить, я должен приехать в Калугу и сдать в ОВИР все наши внутренние документы – не только паспорта, но и свидетельства с рождением, брачное свидетельство и свидетельство об освобождении от воинской обязанности. Все оригиналы внутренних документов советских граждан запрещено было вывозить за границу.

В начале следующей недели я поехал в посольство Великобритании в Москве, чтобы узнать процедуру получения виз. Мне дали в консульстве несколько разных форм и анкет для всех членов семьи. Каждый из нас должен был заполнять эти анкеты самостоятельно. Все подготовленные документы были сданы в консульство 13 декабря. Но на собеседование меня пригласил не только консул, но и посол Джон Киллик (John Killick), в офисе которого присутствовал и второй советник посольства, по-видимому сотрудник секретных служб. Это были очень обстоятельные беседы с множеством неожиданных вопросов. Был среди них и вопрос о политическом убежище. Я сказал дипломатам, что ни при каких обстоятельствах не буду просить политического убежища и покину Великобританию по истечении срока моего отпуска. Консул интересовался и моим финансовым положением, поскольку приглашение из института не обещало никаких грантов. (Как мне стало известно позже, в британское издательство «Macmillan» звонили и спрашивали о суммах моих гонораров.) Визит в посольство продолжался около трех часов. Я не могу сказать, что он был дружественным. Беседы имели строго деловой характер и скорее напоминали профессиональный допрос. Было очевидно, что британские власти не хотят иметь лишних проблем ни с политическими беженцами, ни с экономическими невозвращенцами. Стало понятно, что решение будет приниматься не в посольстве в Москве, а в Лондоне.

Поскольку мы планировали отправиться на поезде, а не самолетом, то нужно было получить транзитные визы в консульствах ФРГ и Голландии. 16 декабря в лондонской газете *The Daily Telegraph* появилась статья московского корреспондента Тони Кониерса (Tony Conyers), в которой сообщалось, со ссылкой на атташе посольства, что, «хотя въездная виза Жоресу Медведеву и его семье будет выдана в посольстве в Москве, разрешение на визу требует одобрения британского министерства иностранных дел, куда были незамедлительно отправлены все документы». Это свидетельствовало о том, что решение о выдаче визы будут принимать на каком-то высоком уровне.

В советских заграничных паспортах стояла виза-разрешение: «Выезд из СССР до 14 января 1973 г.». После этой даты паспорта теряли силу и требовалась их замена с указанием новых сроков действия. Это означало, что мы должны были выехать из Москвы не позже 12 января 1973 года и пересечь границу в Бресте 13 января. Я купил билеты в жесткий купейный вагон на 11 января. Транзитные визы при наличии билетов были получены быстро

и без проблем. В Обнинске я внес в жилуправлении плату за квартиру и коммунальные услуги на год вперед. Наш дом принадлежал Институту медицинской радиологии. В обнинском горсовете мне, по заявлению, выдали копию «Охранного свидетельства», оригинал которого был направлен начальнику ЖКО НИИМР. Это свидетельство гарантировало, что «за гражданином Медведевым Жоресом Александровичем, занимающим 3-х комнатную квартиру по ул. Красных Зорь, 13 кв. 6, указанная жилая площадь сохраняется на время его и членов семьи отъезда за границу на срок с 15 января 1973 года по 15 января 1974 года». Такие гарантии на год были разрешены лишь для случаев деловых поездок. При поездках за границу по частным приглашениям сохранение ведомственных квартир было возможно лишь в течение шести месяцев. Рита тоже получила в ИМР отпуск на год «в связи с выездом за границу». Теперь наступило время прощаться с родными и друзьями.

Прощальные визиты

Н. В. Тимофеев-Ресовский был одним из тех, кто выражал скепсис по поводу моей поездки в Англию. Он был уверен, что меня никуда не выпустят. Я зашел к нему в субботу 16 декабря. Наши дома были почти рядом, и я часто встречался с ним утром на железнодорожной платформе, но с начала декабря его не видел. Оказалось, что он пролежал почти десять дней в больнице с обострением эмфиземы легких, частой болезни курильщиков в пожилом возрасте. Сильный кашель и одышка мешали ему теперь ездить в Москву, чтобы читать лекции в Институте медико-биологических проблем. Елена Александровна уже не вставала, у нее была тяжелая болезнь сосудов ног, тромбофлебит с разными осложнениями.

В квартире Тимофеева-Ресовского я застал Даниила Гранина, с которым здесь же и познакомился в 1965 году. Гранин писал в последние годы повести и романы об ученых и приезжал из Ленинграда в Обнинск, чтобы пообщаться с ними и записывать диалоги и дискуссии физиков, химиков и биологов. Квартира Тимофеева-Ресовского была для него самым богатым источником «научного фольклора». Он записал и сохранил много рассказов самого Тимофеева-Ресовского о его богатой событиями жизни. Гранин привлекал людей своим открытым характером, дружелюбием и простотой. Он также всегда был готов чем-нибудь помочь. Писатель привозил для Тимофеева-Ресовского из Ленинграда разные деликатесы: икру, копченых угрей, французские сыры и вина. Гранин считался вполне лояльным писателем, был членом КПСС, героем обороны Ленинграда. Он также часто ездил за границу, что было тогда редкой привилегией. Его небольшая книжка об Австралии «Месяц вверх ногами» стала литературным событием 1966 года. Об Австралии мы тогда знали очень мало, и книга открывала для всех много неожиданного, к тому же была написана с большим юмором. Гранин быстро поверил, что моя поездка в Англию реальна. Тимофеев-Ресовский продолжал в этом сомневаться.

Владимир Павлович Эфроимсон, мой старый друг и соратник по борьбе с лысенковской псевдонаукой, стал к 1972-му известным медицинским генетиком, автором трех книг, одна из которых была учебником по наследственным болезням для мединститутков. Но он оставался «скрытым диссидентом». Много лет он работал над книгой по генетике человека, которую невозможно было в 1972 году не только издать, но даже предложить какому-либо издательству. Эфроимсон давал рукопись читать и на хранение лишь близким друзьям, и я зашел к нему в конце декабря, чтобы вернуть ему папку с рукописью, так как не решался оставлять ее в своей квартире в случае отъезда. Эфроимсон тоже был уверен, что моя

поездка в Англию состоится, и просил меня поговорить в Лондоне с издателями о возможности перевода его книги на английский. Я понимал, что книга Эфроимсона – несомненный бестселлер, но одновременно и большой риск для любого издателя.

Ее название «Генетика гениальности» сразу привлекало читателя. Но попытка Эфроимсона связать гениальность не с уникальностью каких-то генетических комбинаций, а с какой-либо хронической болезнью или наследственной патологией была крайне спорной. Сто величайших людей человечества страдали подагрой, и, по теории Эфроимсона, их таланты усиливались до гениальности подагрической (гиперурикемической) стимулирующей умственной активности. Но подагра развивается к старости от несбалансированного питания, а гениальность очень часто проявляется уже в юности. Наиболее яркие гении – среди них Леонардо да Винчи, Микеланджело, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский Толстой, Лютер, Гёте, Моцарт, Диккенс, Хемингуэй, Дарвин и другие – имели, по теории Эфроимсона, в дополнение к подагре, гипоманиакальную депрессивность (именно она приводила их к дуэлям, самоубийствам, азартным играм, любовным страстям, семейным драмам). Как биохимик я знал, что риск подагры возникает при избыточном потреблении животных продуктов, богатых нуклеиновыми кислотами, распад которых создает в крови повышенную концентрацию слаборастворимой мочевой кислоты. Отложение мочекислотных камней в суставах – это и есть подагра. В прошлом подагра была в основном болезнью аристократии и буржуазии. В настоящее время она стала более массовой болезнью, и это никак не коррелировало с числом гениев и талантов. Согласно теории Эфроимсона, выдающийся интеллект даже таких фигур, как Петр I, Отто Бисмарк и Д. Голль, развивался под влиянием наследственных аномалий^[8].

В последнюю неделю декабря я навестил в Москве академика Б. Л. Астаурова, В. Я. Лакшина, Валентина Турчина, семью Майсурянов, семью Дудинцева, Лидию Чуковскую и некоторых других друзей.

Борис Львович Астауров, которому шел 69-й год, лежал в академической больнице, где проходил курс лучевой терапии в связи с раком предстательной железы. На операцию по удалению опухоли врачи не решались, так как Астауров лишь недавно перенес инфаркт. Его лечащий врач дал мне рецепт гормонального препарата для химиотерапии, который купить можно было в Швейцарии. Я обещал сделать все возможное и невозможное, чтобы достать его.

Владимир Яковлевич Лакшин, в недалеком прошлом заместитель Твардовского по «Новому миру», был некоторое время безработным и не мог печататься. Теперь его, талантливого литературоведа и специалиста по русской классике, назначили заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература». Лакшин, как и Гранин, не считался диссидентом. Он был членом КПСС и в редколлегии «Нового мира» отвечал отчасти за проблемы между журналом и Главлитом, освобождая от этих забот главного редактора. (Контакты с цензором требовали допуска к секретным документам.) Твардовский «пробивал» все произведения Солженицына в ЦК КПСС, но их тексты все равно должны были пройти после этого через Главлит. Это обеспечивал Лакшин, спасая в произведениях Солженицына и других авторов не только абзацы, но и отдельные фразы и даже слова.

С Лакшиным мы дружили семьями. Его жена Светлана тоже была редактором и писательницей. Владимир Яковлевич просил меня обследовать книжные развалы Лондона. У него было страстное хобби – коллекционирование первых и прижизненных изданий русских классиков. В книжных шкафах, стоящих вдоль всех стен в его квартире, «собрания

сочинений» прикрывали второй ряд редких и редчайших книг – первые издания Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, Достоевского, Толстого и многих других писателей и поэтов. Были здесь и первые издания Есенина, Маяковского, Булгакова, Пильняка, Мандельштама. Очень многие из этих редких изданий Лакшин находил в старых частных коллекциях, покупал раритеты у наследников умерших литераторов и нередко искал их среди книг, которые из библиотек закрываемых учреждений отправлялись через Книжный коллектор в макулатуру. Множество ценнейших частных библиотек сжигалось в недалеком прошлом вместе с помещичьими усадьбами, выбрасывалось из квартир репрессированных в Москве, Петрограде и в других городах в период Гражданской войны и после нее. Миллионы книг сжигались на оккупированных немецкой армией территориях в 1941–1944 годах. Лакшин знал эти «потоки» и находил в их остатках редкие издания для своей коллекции.

Мой декан и друг профессор Н. А. Майсурян умер от инфаркта в 1967 году. Но мы продолжали дружить с его семьей. Жена Майсурия Анаида Иосифовна Атабекова, обучавшая меня, студента, цитологии растений еще в 1945 и 1946 годах, жила вместе с семьей сына Саши в том же квартале на территории ТСХА, где жили до 1963 года и мы. Ася, жена Саши Майсурия, была в 1960–1962 годах моей аспиранткой на кафедре агрохимии ТСХА. Саша, тоже биохимик, руководил лабораторией в недавно созданном Институте молекулярной генетики растений. Я приехал к ним в конце декабря не только попрощаться перед отъездом в Англию, но и передать на хранение два больших портфеля разных бумаг и рукописей, в основном архив по книге о Лысенко, которые я не хотел оставлять в Обнинске. До этого я всегда держал весь свой архив в собственной квартире, никаких укрытий у меня не было. Но отъезд в другую страну на год создавал новые условия, и помощь друзей была необходима.

Лидия Чуковская, неожиданно для меня, попросила узнать о судьбе двух своих книг, изданных за границей. Одна из них, повесть «Спуск под воду», была издана лишь несколько месяцев назад в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке. Ее уже перевели на английский и только что издали в Лондоне под названием «Going Under». Вторая книга, «Опустелый дом», была издана на русском языке в Париже еще в 1965 году издательством «Пять континентов» и вскоре переведена на французский и английский. Эти книги Лидия Чуковская написала давно, «Опустелый дом», вначале под названием «Софья Петровна», – в 1939 году. В 1937-м был арестован в Ленинграде второй муж Чуковской Матвей Петрович Бронштейн. В феврале 1938-го он был расстрелян. В «Опустелом доме» описаны эти трагические события. Эта книга стала первым известным в советской литературе отражением темы сталинских репрессий, террора 1937 года. Однако Лидия Чуковская, опасаясь ареста как жены врага народа, уехала из Ленинграда и скрывалась до начала войны у родственников в провинции. О своих книгах (вторая была написана в 1949 году) Чуковская почти никому ничего не рассказывала. В самиздате их не было. Вокруг их публикации за границей не случилось никаких сенсаций. Я сам узнал о них впервые. Лидия Чуковская была принята в Союз писателей как поэт. Она решилась на публикацию своих книг за границей, безусловно, под влиянием Солженицына. Но сюжеты Лидии Чуковской по типу «семейной драмы» не давали каких-либо обобщений и прошли малозамеченными, несмотря на очень высокое качество самой прозы. Читателям начала 70-х годов, особенно западным, требовались острые ощущения. Книжный рынок заполнили детективы и триллеры.

Владимир Дудинцев был очень рад моей возможной поездке в Лондон. Его пожелания я знал – надо продолжать столь успешно начатое нами в 1967 году «выбивание» из западных

издательств гонораров за переводы романа «Не хлебом единым». Работа над новым романом о генетиках «Белые одежды» продвигалась у Дудинцева с большим трудом, и семья писателя опять нуждалась.

Последняя встреча с Сахаровым

Большую академическую квартиру Андрея Дмитриевича Сахарова я посещал в последний раз 21 мая 1971 года – в день его пятидесятилетия. Юбилей академиков обычно отмечались в СССР очень широко. Но по поводу юбилея Сахарова в президиум АН СССР поступила, очевидно, какая-то жесткая директива. Сахаров в это время работал старшим научным сотрудником Физического института АН СССР им. Лебедева. Трижды Героя Социалистического Труда и создателя советской водородной бомбы коллеги-академики не поздравляли с юбилеем. Не появилось никаких приветствий и в прессе. Но Комитет прав человека, одним из основателей которого был Сахаров, по инициативе самого активного его члена Валерия Чалидзе решил устроить чествование юбиляра в его собственной квартире. Были приглашены около двадцати человек, среди них Рой и я. Торжеством управляла Елена Боннэр, будущая жена Андрея Дмитриевича. Она лишь недавно познакомилась с Сахаровым, и я увидел ее на юбилее академика впервые. Первая жена Сахарова, Клавдия, умерла в 1969 году от рака желудка. На юбилее присутствовали и трое детей Сахарова, уже взрослые Татьяна и Люба и пятнадцатилетний сын Дима. У Елены Боннэр тоже были уже взрослые дети, Алексей и Татьяна. Вскоре Сахаров покинул свою академическую квартиру, оставив ее детям, и переехал в двухкомнатную квартиру Елены Боннэр на улице Чкалова, где жила и новая теща Сахарова Руфь. Я был там всего один раз, и беседовать там было трудно – в двух комнатах жили шесть человек, дочь Елены Боннэр была замужем.

В конце декабря я позвонил Сахарову и сообщил о возможной поездке в Англию. Он просил меня прийти к ним и рассказать обо всем подробнее. Валерий Чалидзе, в квартире которого Сахаров и Боннэр встретились впервые осенью 1970 года на заседании Комитета прав человека, в это время был в США. Ему, по его просьбе, разрешили эту поездку на один месяц «для чтения лекций по правам человека». В своих лекциях он неизбежно критиковал положение в СССР, работу советского правосудия, преследование инакомыслящих, использование в этих целях психиатрических больниц. Отрывки из его лекций передавали по «Голосу Америки». Существовала опасность, что Валерий будет обвинен в антисоветской деятельности и лишен советского гражданства. Указ Президиума Верховного Совета СССР с лишения гражданства СССР Чалидзе В. Н. действительно был принят 12 декабря. Однако он не был опубликован и стал известен позже, лишь в январе, когда советскому консульскому работнику удалось встретиться с Чалидзе в Нью-Йорке, получить в руки его паспорт и зачитать ему текст Указа. Такие указы вступают в силу лишь после их публикации. Лишение гражданства по законам того времени было возможно, «если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР» (статья 18 Закона «О гражданстве СССР»). Под такие общие формулировки можно было подвести все что угодно. В послевоенный период это был второй известный мне случай лишения советского гражданства выехавшего за границу диссидента по политическим мотивам. Невозвращенцев гражданства не лишали. Их заочно судили и приговаривали к различным срокам. Возможность ареста и выдачи советским властям конечно же ограничивала свободу передвижения этих людей в разные страны.

Лишение гражданства как мера наказания было впервые применено к писателю, лингвисту и переводчику Валерию Тарсису, который первым, уже с конца 1950-х годов, начал публиковать свои сатирические произведения за границей. Его лишили гражданства СССР 17 февраля 1966 года. Поэтому я думал, что Сахаров будет говорить со мной о подобной опасности.

Я приехал к Сахарову 4 января 1973 года. Он и Елена Боннэр подробно расспросили меня о всех обстоятельствах разрешения на поездку. О событиях на Геронтологическом конгрессе в Киеве они не знали. Сахаров выразил удовлетворение по поводу моей поездки. У него не было убежденности, что это запланированная провокация властей, подобная поездке Чалидзе (о случае с Тарсисом он не знал). Андрей Дмитриевич понимал, что, оказавшись в Англии, я не стану просить политического убежища. Он и сам получал много приглашений из США и других стран для лекций и временной работы в университетах. (По одному из них, из знаменитого Принстонского университета, где работали в прошлом многие известные физики, включая Эйнштейна, он в 1973 году попросил Президиум АН СССР разрешить ему поездку для чтения лекций в 1973/74 учебном году. Просьба Сахарова была поддержана госсекретарем США Генри Киссинджером. Однако разрешения он так и не получил.)

Когда я уже надевал пальто перед уходом, Сахаров и Боннэр тоже стали одеваться. Я понял, что они хотят проводить меня, чтобы поговорить о чем-то конфиденциально вне стен своей квартиры. Так оно и оказалось. Уже на лестнице и в лифте начала говорить в основном Боннэр, а Сахаров кивал головой в знак согласия, иногда подтверждая объяснения жены двумя-тремя фразами. Как выяснилось из этой беседы, у них возникли трудности с высшим образованием детей Боннэр, Тани и Алеши. Таню, учившуюся заочно на факультете журналистики МГУ, недавно отчислили из университета под каким-то предлогом. Алеша заканчивал летом 1973-го школу и хотел поступать на физфак МГУ. Но Сахаров не был уверен, что он пройдет по конкурсу. Поэтому Боннэр и Сахаров решили отправить Таню с ее мужем Ефремом Янкелевичем и Алешу для получения высшего образования в США в Гарвардский университет. Помощь в этом, пока конфиденциально, обещали оказать несколько американских сенаторов. Но Гарвардский университет был частным и за обучение в нем следовало платить, причем немало. Весь этот проект требовал денег. Просьба Сахарова ко мне состояла в том, чтобы я постарался выяснить, имеются ли у него какие-либо гонорары от изданий в 1968 и 1969 годах во многих странах его небольшой книги «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Сахарову привозили в подарок издания этой книги из многих стран, и большую коллекцию на разных языках я видел на полке еще в его академической квартире. Книга несколько раз печаталась и на русском издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне. Одно из таких изданий, в карманном варианте, имелось и у меня дома. Книжные издания «Размышлений...», всего около ста страниц, нередко дополнялись обширными предисловиями хорошо известных писателей, журналистов и политиков. Сахаров внимательно следил за этими потоками. В своих «Воспоминаниях» он в последующем писал:

«Я помню, что, по данным Международной книжной ассоциации, общий тираж публикаций “Размышлений” в 1968–1969 годах составил 18 млн экземпляров, на третьем месте после Мао Цзедуня и Ленина и – на эти годы – впереди Ж. Сименона и Агаты Кристи» (Париж, 1990. С. 381).

Просьба Сахарова и Боннэр меня не очень удивила. Мы с Роем вполне легально получали в то время гонорары из-за границы. Однако у нас имелись договоры с издателями. У Сахарова никаких договоров не было, и никто перед ним не отчитывался. СССР не являлся тогда членом Конвенции об авторском праве, и западные издатели могли публиковать книги из самиздата, не спрашивая разрешения у авторов. Однако уважаемые издательства могли вступить в переговоры с автором или с его адвокатом и выплатить хотя бы небольшую часть своих прибылей от продажи книги. Я пообещал Сахарову, что постараюсь выяснить, что можно сделать, начав с американского издания его книги. Оно вышло с большим предисловием, написанным Гаррисоном Солсбери (Harrison Salisbury), известным журналистом и писателем, автором книги о блокаде Ленинграда. Солсбери был одним из редакторов газеты *The New York Times*.

Прощальный визит к Солженицыну

Я сообщил Наталии Светловой через Лидию Чуковскую о полученном мною разрешении на поездку в Англию еще в середине декабря. Солженицын в то время находился на даче Ростроповича в Жуковке, работая над вторым томом «Красного Колеса». Во флигеле, где он жил, не было телефона. Солженицын вообще телефоном почти никогда не пользовался. 8 января, поздно вечером, дочь Лидии Чуковской Елена (Люша) позвонила мне в Обнинск и передала просьбу Светловой срочно приехать в Москву. Я сразу подумал, что у Солженицына есть ко мне какие-то просьбы, связанные с моим пребыванием в Лондоне. Так оно и было. Но Александр Исаевич хотел, чтобы я приехал к нему в Жуковку. Наш поезд в Европу отправлялся с Белорусского вокзала днем 11 января. Срочных дел в связи с этим было очень много. Встретиться с Солженицыным я мог лишь 10 января. Каким образом Светлова договаривалась со своим мужем, я не знаю, но к вечеру 9 января мне сообщили, что приехать в Жуковку надо на определенной электричке. (Названия железнодорожной станции, где следовало выходить, я сейчас не помню. Владельцы дач в Жуковке на электричках не ездили.) Солженицын должен был встретить меня на платформе.

Жуковка, где находилась дача Ростроповича, построенная по особому проекту, кажется, в 1960 году, была правительственным дачным поселком высшей категории. Она находилась всего в десяти километрах от Москвы на небольшой покрытой лесом возвышенности. Это обеспечивало хороший, сухой микроклимат, что было редкостью в болотистом Подмосковье. Дачный поселок был закрыт лесом, огорожен забором и невидим ни со стороны железнодорожной платформы, ни со стороны шоссе. В прошлом я был там всего лишь раз, посетив и Ростроповича. Его дача была самой большой в этом элитном поселке, так как проект постройки включал и концертный зал на полсотни мест. Ростропович с женой, знаменитой оперной певицей Большого театра Галиной Вишневской, иногда устраивали здесь специальные концерты для друзей, приглашая и соседей. Концертный зал использовался и для репетиций. В Жуковке было около ста дач, в которых жили только знаменитости, политические, научные и артистические. Здесь были дачи маршалов К. Е. Ворошилова и Г. К. Жукова, а также Екатерины Фурцевой, Галины и Юрия Брежневых. Сталин подарил дачи в Жуковке главным атомщикам, академикам Я. Б. Зельдовичу, Ю. Б. Харитону и Н. А. Доллежалю. Академиком А. Д. Сахарову и И. Е. Тамму дарил в Жуковку дачи уже Хрущев. Там же была дача Дмитрия Шостаковича, который жил, однако, очень скромно. Наиболее знаменитыми дачниками были здесь В. М. Молотов и А. Н. Косыгин. Для

каждой дачи отводился большой участок леса.

Пребывание в Жуковке Солженицына сильно раздражало местные власти. Но команды о его выселении не поступало. Здесь он находился под жестким наблюдением. Иностранцы корреспонденты сюда не приезжали. На дачах можно было жить и без прописки, и какие-то правила нарушал владелец дачи, а не Солженицын. Но у дачи Ростроповича был особый статус: она строилась на личные средства музыканта и поэтому была не госдачей, а частной собственностью.

Я приехал в Жуковку в назначенный час, и Солженицын проводил меня к своему флигелю. Дачный поселок охраняло какое-то спецподразделение МВД, и если бы я шел к поселку один, то меня, наверное, остановили бы. Все дома в Жуковке имели центральное отопление и другие городские удобства. На окраине поселка находился продовольственный магазин с «кремлевским» снабжением.

Мы провели в разговорах около трех часов, используя длительную прогулку по лесу для беседы, а во флигеле, где была трехкомнатная квартира, сделали некоторые записи. Солженицын был уверен, что весь флигель прослушивается КГБ.

Поводом для столь срочного приглашения в Жуковку была, как оказалось, зачитанная 8 января по радио в переводе на русский язык статья корреспондента АПН Семена Владимирова, опубликованная в газете *The New York Times* и касавшаяся семейных дел и финансового положения Солженицына. Эта статья, распространенная через АПН из Москвы, полностью или в кратком изложении, появилась во многих других западных изданиях. Она с очевидностью показывала, что КГБ решило взять под полный контроль затянувшийся бракоразводный процесс Солженицына и Решетовской, который застрял в Рязани на стадии раздела имущества между бывшими супругами. Почти все требования Решетовской, включая передачу ей четверти денежной части Нобелевской премии, были уже удовлетворены. Теперь, судя по статье Владимирова, Решетовская могла выдвинуть требования о дополнительных выплатах из западных гонораров. В статье утверждалось, что в швейцарском банке у Солженицына есть счет на много миллионов долларов, но он отказывается представить для суда сведения о своем финансовом состоянии.

До статьи Владимирова все финансовые требования, связанные с разводом, основывались на советском законодательстве. Советские законы требовали от бывшего мужа прежде всего выплату алиментов на детей. Алименты жене были предусмотрены лишь в случае ее инвалидности или при отсутствии у неработающей жены права на собственную пенсию. Раздел каких-то заграничных активов вообще не предусматривался советским законодательством. Но западные читатели этого, конечно, не знали. Солженицын просил меня внимательно прочитать статью Владимирова и написать для той же газеты ответ-разъяснение о действительном положении дел, отметив, что бракоразводный процесс превратился в шантаж писателя со стороны КГБ.

Вторая просьба Солженицына касалась недавно опубликованной в Англии и США первой подробной (370 с.) биографии писателя, написанной Дэвидом Бургом (David Burg) и Жоржем Фейфером (George Feifer). Солженицын считал, что в этой книге много ошибок и намеренных искажений. Он просил меня прочитать ее очень внимательно и опубликовать подробные рецензии на нее в Англии и в США. Эту книгу я уже знал, так как Жорж Фейфер несколько раз приезжал в Москву в 1970 и 1971 годах для сбора материала. Он встречался с Львом Копелевым, Натальей Решетовской и ее родственниками Вероникой Туркиной и Юрием Штейном. Солженицын знал об этой работе, но не пытался тогда ее остановить.

Фейфер прислал в Москву верстку книги для возможных исправлений. Туркина и Штейн уже эмигрировали и жили в Нью-Йорке. Верстку, возможно, прочитали Светлова и Елена Чуковская. Сам Солженицын английского не знал. Писатель был недоволен слишком подробным описанием своих семейных проблем и множеством других «личных» деталей. Он также не знал раньше, что соавтор Фейфера, Дэвид Бург, один из переводчиков на английский «Ракового корпуса», в действительности был Александром Дольбергом, советским литературоведом, сбежавшим во время туристической поездки в ГДР в 1956 году через берлинское метро, связывавшее Восточный и Западный Берлин. Это был один из первых побегов на Запад, и Дольберга заочно судили за измену Родине. Поэтому он и взял псевдоним. Ассоциация с Дольбергом была для Солженицына крайне нежелательной. Но, с другой стороны, именно Дольберг как выпускник филологического факультета МГУ и аспирант Института мировой литературы обеспечивал высокое качество перевода солженицынских произведений. Солженицын пытался остановить публикацию своей биографии, сделав по этому поводу специальное заявление для западной прессы и назвав авторов «прохвостами, собирающими подзаборные сплетни». Но когда книга уже пошла в печать, остановить процесс можно было только через британский суд, обвинив авторов в намеренной клевете. А суд можно и проиграть. Адвокат Солженицына не советовал браться за это дело, объяснив, что авторы могут вызвать в суд свидетелями Решетовскую, Туркину и многих других людей. «Ошибки» и «неточности» не могут быть основанием для судебного запрета издания.

Кроме этих двух просьб, выполнить которые требовалось срочно, была также просьба об установлении контакта с швейцарским адвокатом Солженицына Фрицем Хеебом и об оказании ему помощи в некоторых делах. Я получил адрес и телефон адвоката. Главным из этих дел была попытка предотвратить публикацию на Западе «Воспоминаний» бывшей жены Солженицына, которые она готовила в сотрудничестве с профессиональным журналистом из АПН, контролируемого КГБ. У Решетовской оставался обширный архив сотни писем самого Солженицына с фронта и в период заключения, большая коллекция фотографий. Писатель знал о подготовке этой книги, названной позднее «В споре со временем», и справедливо считал ее проектом КГБ, задуманным для его дискредитации.

Завершение бракоразводного процесса являлось для Солженицына абсолютным приоритетом. В 1973 году он готовился к наступлению против властей и не исключал, что его могут выслать из страны. В этом случае бракоразводный процесс могла начать и Решетовская, но уже по западным законам. Наталия Светлова ждала третьего ребенка, и, официально не вступив с ней в брак, Солженицын боялся, что его могут разлучить с семьей. Все эти проблемы были вполне реальными, и я обещал сделать все возможное.

По дороге на станцию мы условились о конфиденциальной связи – через Роберта Кайзера, московского корреспондента *Washington Post*, которого мы оба знали. Американские корреспонденты в Москве имели привилегию пользоваться дипломатической почтой. Журналисты из других стран такой возможности не имели.

Солженицын попрощался со мной по русскому обычаю, с объятиями и поцелуями. «Не стройте иллюзий, Жорес, – сказал он, – не пустят они вас обратно...»

Виза и отъезд

Каждый день в начале января я звонил в консульство Великобритании, чтобы узнать о

получении визы. Ответ был всегда один и тот же: «Пока нет». Между тем мы готовились к отъезду. Научные книги, которые могли мне понадобиться для работы, я отправлял в Англию почтовыми бандеролями. Рита поехала в Калинин, чтобы попрощаться с отцом, сестрой, братом и их семьями. Я попрощался в Москве с тетей Симой, сестрой покойной мамы. Она несколько лет назад переехала из Ленинграда в Москву путем обмена комнат. Тетя Сима, которой было 72 года, не имела своих детей. Две моих тети Тося и Катя, сестры отца, жили в Астрахани. Я написал им письма. Нашу любимую собаку – эрдельтерьера Норда отвезли Рою. Труднее всего нам было оставлять Сашу – заложником, без поддержки родителей, в которой он еще нуждался. Я уже не особенно беспокоился о визе, подумывая иногда о том, чтобы вообще отказаться от поездки.

В понедельник 8 января я приехал около одиннадцати утра в посольство Великобритании. Визы еще не было. Я попросил аудиенции с консулом. Он не мог ничего объяснить. Я сказал ему, что у нас билеты на 11 января и визы нам нужны сегодня, чтобы иметь хотя бы два дня на подготовку к отъезду. Три недели со времени подачи наших документов уже прошли, а это, по правилам, был предельный срок для получения отказа или разрешения. Если сегодня до шести вечера виз не будет, я сделаю заявление для британской и американской прессы о том, что поездка отменяется в результате отказа в получении британской визы. Консул понял, что это серьезно, что так и будет. Вскоре в приемную ко мне спустился посол Джон Киллик. Он был явно обеспокоен и сказал, что после двенадцати позвонит в Лондон в министерство иностранных дел. Там время отставало от московского на три часа. Я устроился в приемной посольства и стал читать британские воскресные газеты. Через час или полтора мне принесли кофе с печеньем. Еще через два часа принесли чай и сэндвич. Около пяти часов вечера в приемную быстро вошел посол с явным облегчением на лице. «Всё в порядке, – сказал он, – давайте ваши паспорта». Причины задержки он не объяснил.

На вокзал нас пришли провожать около сорока человек. Это было неожиданно, я никому не сообщал деталей. Но Рой, наверное, известил друзей. Почти половину из пришедших я не знал.

В Бресте – таможенный досмотр. Всех пассажиров в нашем вагоне проверяли на месте, прямо в купе. Нас попросили выйти с багажом. Мы вышли с тремя небольшими чемоданами. Я вез с собой и портативную пишущую машинку «Эрика» с русским алфавитом. В особой комнате вокзала нас проверяли семь таможенников. Очевидно, осматривали и купе в вагоне. Досмотр длился почти два часа – с раздеванием и ощупыванием. Перелистывали книги. Просматривали все рукописные материалы. Блокнот с адресами и телефонами выносили в другую комнату, очевидно для фотокопирования. У Риты проверяли даже волосы на голове, у всех – обувь, внутри и подметки. Явно искали микрофильмы. Ничего, конечно, не нашли. Отчет об обыске наверняка пошел в КГБ.

На следующий день за окном вагона уже мелькали польские пейзажи...

Приезд в Лондон

Берлин мы проехали ночью, а с утра из окон вагона можно было уже видеть сельские пейзажи Западной Германии. В ГДР вдоль железной дороги тянулись большие, хорошо возделанные и правильной четырехугольной формы поля и пастбища немецких колхозов, в январе покрытые снегом. В ФРГ сельскохозяйственные угодья представляли собой сравнительно небольшие фермерские участки по 10–20 гектаров. Между ними тянулись узкие, но асфальтированные дороги. Деревень не было. Маленькие городки, расположенные недалеко друг от друга, очевидно, служили для фермеров местными центрами различных услуг: банковских, торговых, почтовых и медицинских. Пейзаж дополняли небольшие силосные башни. Естественных природных ландшафтов или лесов, столь привычных вдоль железных дорог в России, в Западной Европе уже не осталось. В пригородах как на западе, так и на востоке страны можно было видеть множество садово-огородных кооперативов, аккуратно разделенных на участки с садами и огородами и небольшими летними домиками, иногда просто сарайчиками для инструментов. В ГДР эти домики были побольше, часто в два этажа, и все участки были огорожены. Садово-огородные кооперативы превратились там в дачные поселки для летнего отдыха. В ФРГ таких дач почти не было, более богатые западные немцы, видимо, уезжали летом в страны Средиземноморья. При въезде в Голландию к вечеру 13 января пейзаж за окном сразу изменился. Семейные фермы были здесь раз в десять меньше немецких, по одному-два гектара каждая, с множеством теплиц. Из-за нехватки земельных площадей под зерновые культуры голландцы специализировались на овощеводстве.

В Роттердаме нам предстояла пересадка на паром – огромный, многопалубный теплоход. Железнодорожный состав остановился у морского вокзала, где проверяли и документы на право въезда в Великобританию. До порта Харвич на восточном берегу Англии мы плыли около семи часов. Там документы на въезд проверяли уже британские службы, а затем до Лондона состав двигался без остановок.

У выхода с Ливерпульского вокзала нас встречали Робин Холлидей, мой будущий шеф по институту, и редактор издательства «Macmillan» Джеймс Райт, с которым я познакомился в Москве еще в 1970 году. Другим британским знакомым я не сообщил детали нашего маршрута. Приехали мы вечером, но о том, где будем ночевать, не имели никакого представления. У меня в кармане было пятьдесят английских фунтов наличными и чек на сто фунтов, обмененных перед отъездом на рубли. Курс рубля по отношению к иностранным валютам был в то время сильно завышен, и отъезжавшим в Англию советским гражданам не разрешали менять в Госбанке больших сумм.

После взаимных приветствий Холлидей сказал нам, что первые два дня мы проведем у него в доме за городом и там обсудим планы на будущее. Райт пообещал, что ко вторнику 16 января в издательстве произведут все расчеты и выплатят мне гонорары за две книги, опубликованные в 1971–1972 годах. Для этого мне нужно будет приехать к ним и заполнить какие-то формы в бухгалтерии. И это была конечно же первоочередная задача.

Робин Холлидей, невысокого роста, сдержанный на эмоции англичанин лет сорока, жил не в городе, а на своей ферме, примерно в тридцати километрах к северо-западу от Лондона. Он быстро вел свою большую машину по прекрасным дорогам, хорошо освещенным желтоватым мягким светом особых ламп, почти невидимых водителям. Робин объяснил, что эти лампы, наполненные парами натрия и более экономичные, чем лампы накаливания, были изобретены в Англии. Левостороннее движение, особенность Англии, ограничивало импорт в страну континентальных машин с рулем слева. Разделительная полоса шоссе ярко светилась – как оказалось, в асфальт вделаны стеклянные шарики, которые отражают свет автомобильных фар и способны выдержать давление даже очень большой машины. В январе снега на полях не было, морской климат Южной Англии оказался намного теплее, чем мы ожидали.

Двухэтажный дом Холлидеев стоял совершенно изолированно посреди поля. Никаких других строений поблизости не было видно. Нас тепло встретили жена Робина Диана и три его дочери – Ребекка, Эмма и Каролайн, старшая, уже студентка. Сын Холлидеев Дэвид оказался ровесником Димы. Рита, усердно изучавшая разговорный английский в течение нескольких месяцев до нашего отъезда, могла немного объясняться, Дима, со своим скудным школьным словарным запасом, предпочитал слушать. Было уже поздно, и после легкого ужина, который в Англии называют обедом, Робин показал нам наши спальни на втором этаже, который в Англии называется первым. А привычный для нас первый этаж англичане называют «ground floor». Дом был очень просторным – три большие комнаты внизу, шесть или семь спален наверху. Но в спальнях было очень холодно, они, по традиции, в Англии не отапливались.

Утром мы увидели за окном зеленое пастбище, на котором паслись две лошадки и пони. Верховая езда, как оказалось, очень популярна у английских девочек. Ферма Холлидеев занимала около пятидесяти акров (метрические единицы измерения в Англии не в ходу, и нам пришлось привыкать к милям, ярдам, футам, дюймам, фунтам, пинтам и галлонам). После традиционного английского завтрака (жареный бекон, немного фасоли в томатном соусе с яичницей и кофе) мы отправились на осмотр владений. О науке пока никаких разговоров не велось. В Англии, как я вскоре понял, вообще о делах говорят только на работе. Кабинетов с полками научных книг в домах английских ученых тоже, как правило, нет.

Имение Дианы и Робина было разделено на две части. Половину полей они сдавали фермеру-соседу под пшеницу и ячмень, остальная часть служила пастбищем для лошадей. К дому примыкал небольшой сарай, который оказался спортивным залом для детей. Там же хранилось несколько велосипедов. На площадке стояли два вместительных автомобиля, в их марках я тогда еще не разбирался. На одной машине Робин ездил в институт, на другой Диана отвозила детей в школу в ближайший городок и привозила домой, а также ездила за покупками.

Я, конечно, понимал, что все это благополучие вряд ли поддерживается только институтской зарплатой. Позже узнал, что бабушка Дианы, которой недавно исполнилось 99 лет, владела шестью книжными магазинами левого направления в центре Лондона, которые ей достались по наследству. Один из них («Collets», возле Оксфорд-стрит) продавал и русские книги, советские и эмигрантские. Вечером вся семья, мы и сосед, фермер-арендатор, собрались у большого камина, который топился дровами. Нас расспрашивали о жизни в СССР и о наших первых впечатлениях об Англии.

Начало жизни в Лондоне

На следующий день утром Холлидей отвез нас в Лондон, в гостиницу, которую он забронировал накануне. Это была дешевая гостиница типа «кровать и завтрак». Нам отвели одну комнату без телефона. Стоило это удовольствие пять фунтов в день. Гостиница располагалась на улице Golders Green, недалеко от станции метро с таким же названием. Это был очень интересный район с множеством магазинов. Оставив Риту и Диму изучать окрестности, я поехал в издательство «Macmillan», находившееся в центре Лондона и занимавшее большое современное здание вблизи станции метро «Strand» на кольцевой линии. Карту Лондона, вместе с картой метро, я купил в ближайшем киоске.

Джеймс Райт встретил меня очень приветливо. Хотя он был старшим редактором и руководителем сектора, его кабинет оказался маленьким, заваленным рукописями и книгами. В этом большом издательстве директор занимался лишь главными финансовыми и организационными вопросами. Старшие редакторы имели полную свободу решений в работе с авторами, среди которых были историки, политики и беллетристы. Особый отдел ведал продажей прав на переводы в другие страны. Бухгалтерия была общей для многих отделов. Папки Роя и Жореса Медведевых лежали у Джеймса на столе. На ланч нас с ним пригласил Джон Мэддокс (John Maddox), редактор журнала *Nature*, который тоже выпускало издательство «Macmillan». Райт вручил мне копии отчетов о продажах, папку с рецензиями и два чека. Один из них на сумму 4400 фунтов стерлингов – за продажи в 1972 году английского издания книги «Кто сумасшедший?», имевшей на английском более спокойное заглавие «Question of Madness», а второй на 1200 фунтов – от более скромных продаж книги «The Medvedev Papers». Гонорары за книгу Роя «К суду истории» собирались в США в издательстве «Alfred Knopf». Отчеты и гонорары за первое полугодие 1973 года планировались в августе. Гонорары в западных странах рассчитывались как определенный процент от количества проданных книг, а не печатных листов в книге, как в СССР.

После ланча Джеймс и Джон (мы уже обращались друг к другу по имени, так принято в Англии сразу после знакомства) объяснили, что обналичивание чеков требует открытия счета в банке. Иностранцу вроде меня для этого нужна письменная рекомендация от уважаемых профессионалов. Все это мы сделали в ближайшем к издательству отделении Midland Bank. Уже через час мне обещали выдать чековую книжку. Отделения банков закрывались тогда очень рано, в 15.30. Но за десять минут до закрытия, уже отправляясь в гостиницу, я получил чековую книжку, различные банковские инструкции и пятьсот фунтов наличными. В то время это была довольно большая сумма, превышавшая месячную зарплату университетского профессора. (Прожиточный минимум семьи в Англии составлял в 1973 году около 100 фунтов в месяц.) По дороге к станции метро у знаменитого моста Ватерлоо я купил для Димы и Риты первый подарок – небольшой японский фотоаппарат и кассеты с пленками. Ужинать мы пошли в ресторан и заказали каждому по бифштексу. Жизнь в Лондоне начиналась, кажется, успешно и в быстром темпе. За год нам предстояло сделать очень много.

Национальный институт медицинских исследований

На следующий день с утра Холлидей заехал в гостиницу посмотреть, как мы устроились, и забрал меня для первого визита в институт, расположенный на северной

окраине Лондона в его «зеленом поясе». Этот район назывался Mill Hill (Мельничный холм), и когда-то здесь действительно стояла ветряная мельница. Большое шестиэтажное здание института с высокой зеленой крышей возвышалось над всем районом, состоявшим в основном из небольших двухэтажных коттеджей. В «зеленом поясе» северного Лондона закон запрещал строить здания выше трех этажей.

Институт в то время не имел ни ограды, ни пропускной системы, и сотрудники входили в здание через разные двери, ближайšie к той или иной автомобильной стоянке. Мы вошли в парадные двери, нас уже ждал в своем кабинете профессор Арнольд Бёрген, директор института и руководитель отдела фармакологии. Он приветствовал меня и просил обращаться к нему по любым вопросам без всяких церемоний, а также сообщил, что мы вскоре сможем переехать в общежитие Медицинского совета для приезжих ученых, там через две-три недели освобождалась небольшая квартира, плата за которую будет намного меньше, чем в гостинице. После этого Холлидей представил меня сотрудникам отдела генетики, который он возглавлял. Их было немного: один старший научный сотрудник, трое младших, инженер, препаратор и несколько лаборантов. Два сотрудника работали в отделе по собственным грантам. Весь отдел занимал большую часть коридора на пятом этаже, доля его с лабораторией биохимии и генетики дрожжевых клеток. Современный сцинтилляционный счетчик радиоактивности, суперцентрифуги и «холодная» комната свидетельствовали о том, что здесь можно вести биохимические анализы и работать с радиоизотопами. Однако, как я понял из беседы с директором и Холлидеем, от меня не ожидали систематической экспериментальной работы. Я был приглашенным ученым из другой страны; такие временные вакансии без зарплат предусмотрены в британских университетах и институтах. Предполагалось, что приглашенному сохраняется зарплата в той стране, откуда он приехал. Во многих западных странах старшие научные сотрудники имели право провести один год из семи в какой-либо другой стране для расширения кругозора. Для меня не были предусмотрены ни должность, ни грант, то есть бюджет, необходимый для любой лабораторной работы. Я мог участвовать в различных семинарах, конференциях, в обсуждении планов и результатов работы аспирантов и сотрудников, выступать с собственными докладами, давать консультации желающим и помогать находить темы и проекты практикантам и стажерам из университетов для изучения проблем старения на уровне клеток, белков и нуклеиновых кислот. Я мог также посещать научные учреждения и кафедры университетов в других городах.

До 1973 года никаких тем по возрастным изменениям клеток и тканей с использованием лабораторных животных не проводилось не только в этом институте, но и во всей Великобритании. Собственная группа Холлидея изучала возрастные изменения лишь в культуре клеток, для этого использовались культуры фибробластов человека, линии которых были получены от профессора Л. Хейфлика из Стэнфордского университета Калифорнии. (Хейфлик вывел несколько линий фибробластов из тканей плаценты человеческих эмбрионов.) Ни в одной лаборатории Англии, как я вскоре узнал, не было колоний мышей или крыс разного возраста. Строгие законы, действовавшие больше ста лет, запрещали ввоз из других стран на Британские острова любых животных без многомесячного карантина. Эти законы уберегли британцев от собачьего бешенства, ящура и нескольких других болезней и эпидемий, которые свирепствовали на континенте во время мировых войн. В Англии, однако, была традиционно очень сильна биохимия. В институтах и лабораториях Медицинского совета, так назывался британский административный аналог

советской Академии медицинских наук, были сделаны важные открытия, заслужившие Нобелевские премии. Именно здесь впервые начали расшифровывать первичную, вторичную и трехмерную структуру белков, была открыта двуспиральность ДНК, разработаны методы очистки пенициллина, открыты хроматография и электрофорез белков. Молекулярная биология как научная дисциплина сформировалась именно в Англии. Первая в мире лаборатория молекулярной биологии была создана в Кембридже.

Мне отвели под кабинет небольшую комнату при библиотеке. (Рядом с большим читальным залом было несколько таких комнат для занятий, где аспиранты могли писать диссертацию.) В кабинете стоял большой письменный стол, несколько стульев, по стенам висели полки с книгами и журналами. Телефонов здесь не было, в библиотеке вообще не разрешалось разговаривать по телефону нигде. Так что звонить сюда мне никто не мог, и это меня вполне устраивало. Ни кабинеты, ни лабораторные комнаты в институте никогда не запирались на ночь. Это было одним из правил пожарной безопасности. Служащие ночной охраны обязательно обходили все помещения, проверяя соблюдение различных правил.

На первом этаже в пристройке к институту имелась большая столовая. Перерыв на ланч начинался в 12.30. Робин и несколько сотрудников отдела пригласили меня перекусить. После ланча в соседнем зале можно было, сидя в креслах, заказать кофе или чай и читать разложенные на столиках свежие газеты. К середине дня, когда я уже познакомился со всеми сотрудниками пятого этажа, секретарша отдела принесла мне огромную пачку писем и разных пакетов. Это была моя почта, приходившая на адрес института, наверное, с середины декабря, когда в английских, американских и прочих газетах, а также в журналах *Nature* и *New Scientist* напечатали сообщения о моем приезде в Лондон для работы в Национальном институте медицинских исследований. Название института уже могло служить адресом для почтовых отправок. Было больше ста писем, часто с оттисками статей. Несколько бандеролей с книгами я сам отправлял в Лондон из Обнинска. Я прочитал лишь письма от друзей и знакомых и сообщения от американских издателей моей книги о Лысенко и книги Роя о Сталине. Остальную почту отложил для ответов на следующие дни. Я решил, что буду отвечать на каждое письмо хотя бы очень кратко. В коридоре недалеко от моей комнаты стоял шкаф со всеми необходимыми канцелярскими принадлежностями, бланками института, пачками чистой бумаги, большими блокнотами для записи протоколов опытов и дневниками-календарями, конвертами всех размеров с адресом института, бланками запросов на оттиски статей, папками для бумаг, шариковыми ручками разного цвета и фломастерами. Всем этим канцелярским изобилием сотрудники института обеспечивались бесплатно. В отдельной комнате библиотеки стояли ксероксы со свободным доступом. В холле института возле главного входа имелось два больших почтовых ящика. Письма с научной или служебной корреспонденцией и оттиски статей можно было опускать в один из них без марок, эти письма и пакеты обрабатывала и отправляла в тот же день канцелярия института. Личные письма, не имевшие отношения к науке, следовало опускать, уже с марками, в другой почтовый ящик. Почтовые машины приезжали в институт три раза в день.

Вернувшись в гостиницу на красном двухэтажном автобусе – десять-двенадцать остановок от института, я обнаружил, что Рита и Дима тоже плодотворно провели день. Они осмотрели две школы, расположенные сравнительно недалеко от гостиницы. Диме предстояло поступить в одну из них, чтобы продолжать учебу.

На следующий день нам надо было всей семьей ехать в британское министерство внутренних дел, в отдел, ведавший новыми резидентами. Там проверили еще раз наши визы

и паспорта и выдали уже британские внутренние удостоверения личности, небольшие зеленые книжечки. Сфотографироваться для них можно было там же, воспользовавшись платными фотоавтоматами. При выдаче удостоверений, действительных на год, каждому присваивался национальный страховой номер, у меня это был WA076997C. Наличие таких номеров обеспечивало нас почти всеми привилегиями настоящих британцев: правом на бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование и даже на участие в местных выборах муниципальных советов. Но, получая такие права, мы становились и британскими налогоплательщиками. Все мои заработки от издания книг, статей или чтения лекций, начиная с нового финансового года (в Британии с 5 апреля), суммировались и облагались прогрессивным налогом. Но ближайший отчет о налогооблагаемых доходах мне надо было представить лишь после 5 апреля 1974 года, когда мы, как ожидалось, уже должны были вернуться в Обнинск.

Советские приоритеты начинаются с Астаурова и Солженицына

Уезжая в Англию, мы договорились с Роем о конфиденциальных каналах связи. Он уже был хорошо знаком с американскими журналистами Х. Смитом и Р. Кайзером, которые нередко приезжали к нему домой, чтобы обсудить ту или иную новость. Без профессиональной помощи иностранным журналистам трудно было правильно комментировать то или иное событие в СССР, особенно в политике. К каждому из них были именно для этих целей прикреплены советские помощники от МИД. Иностранцы называли их «наседками», хотя нередко услуги таких помощников оказывались полезными, особенно при посещении различных учреждений.

В конце первой недели я пошел в самую большую аптеку Лондона на площади Пиккадилли, чтобы выяснить, можно ли купить гормональный препарат для лечения опухолей предстательной железы. Рецепт, который мне дал доктор, лечивший академика Б. Л. Астаурова, был международным, поэтому имел силу во всех странах Европы. Заведующий рецептурным отделом, однако, объяснил мне, что в Великобритании этот препарат не входит в список разрешенных для продажи и это не связано с какой-либо опасностью гормона, просто препарат очень дорогой, а по рецептам в Англии медикаменты отпускались бесплатно. Обеспечивать британских пациентов дорогими импортными препаратами государственное британское здравоохранение просто не могло. В таких случаях предлагались отечественные аналоги. Но в моем случае британского аналога не существовало. Чтобы получить нужный гормон, мне следовало переписать рецепт у частного британского врача и обратиться в аптеку, которая специализируется на индивидуальных заказах более дорогих европейских или американских препаратов.

В двух аптеках в китайском квартале Сохо, рядом с тем уже давно снесенным домом, в котором жил Карл Маркс, кроме торговых залов, где за наличные продавались всяческие восточные лекарства, были и кабинеты врачей, которые выписывали рецепты по справочникам многих стран. Заплатив нужную сумму, я уже через неделю получил там пакет с ампулами на курс лечения и необходимые инструкции для клиники. Еще через две недели этот пакет был у Роя, который отнес его в академическую больницу. Таким образом рак предстательной железы у нашего друга удалось на какое-то время затормозить. (Но спасти Астаурова не удалось, он умер в июне 1974 года от инфаркта в возрасте 69 лет.)

Другим срочным делом было выполнить просьбу Солженицына – то, о чем он просил во

время нашей встречи в Жуковке 10 января, то есть опубликовать мой ответ на статью журналиста АПН Семена Владимировича о бракоразводных делах и финансовом положении писателя. Статья свидетельствовала о том, что первая жена Солженицына Н. Решетовская и уже взявший ее дела под контроль КГБ были настроены на затягивание бракоразводного процесса и шантаж писателя угрозой раздела его заграничных активов. Такие подробности никогда не могли бы обсуждаться на страницах главных советских газет. Но британские и американские газеты, как я уже убедился, очень охотно публиковали скандальные детали личной жизни знаменитостей, не щадя при этом ни писателей, ни политиков, в том числе и собственных лидеров.

В лондонском офисе *The New York Times* я нашел статью Владимировича. Она была крайне примитивной и содержала много ложной информации. Садовый участок «Борзовка», недалеко от Обнинска, он называл имением, а одноэтажный домик из досок – «прочной двухэтажной виллой на берегу живописной реки». Кроме этого, у Солженицына якобы были в собственности еще две квартиры, одна в Рязани, другая в Москве (вместо «четырёх комнат» Владимирович умышленно писал о «четырёх спальнях», что по западным стандартам подразумевало квартиру из семи-восьми комнат). Спекуляции Владимировича о миллионных счетах Солженицына в швейцарских банках намекали на необходимость раздела всех активов между супругами. Я быстро написал ответ «В защиту Солженицына», разъяснив в нем положения советского законодательства о разводах, которые в данном случае нарушались судами под давлением КГБ. В качестве иллюстрации я приложил реальную фотографию «живописной виллы на берегу реки» – одноэтажной хижинки из досок с двумя окнами и асбестовой крышей.

Моя статья, вскоре напечатанная в Нью-Йорке, а также переданная по радио, вызвала почти истерику у Решетовской. Она написала злой ответ, вызвала к себе Семена Владимировича и попросила его обеспечить публикацию своего ответа в той же газете. Однако, переделывая и переводя на английский ответ Решетовской, в АПН удалили все ее рассуждения о том, что именно она сыграла столь большую роль в развитии таланта великого писателя. Моральные элементы из статьи были выброшены, материальные добавлены. В этой статье, полемизировавшей со мной и занявшей почти страницу *The New York Times* от 9 марта, Решетовская предъявляла лишь финансовые претензии к мужу и объявляла его миллионером. Желая войти в историю почти как соавтор писателя, она опять была возмущена и написала заявление уже против АПН, которое якобы исказило ее ответ. Это заявление она привезла в Москву в американское агентство Associated Press и попросила распространить его по телетайпу в редакции разных газет и на радиостанции. Она утверждала, что у нее нет материальных претензий, а лишь моральные. Она также заявляла, что отныне не имеет никаких возражений против развода ради детей Светловой и Солженицына. После этого судебные разбирательства, в которые мог вмешиваться КГБ, были прекращены и развод в середине марта был оформлен простым заявлением в ЗАГС. Через несколько дней был зарегистрирован в Москве брак Солженицына и Светловой. Почти в тот же день в Лондон для встречи со мной приехал швейцарский адвокат Александра Исаевича.

Издательство «Flegon Press»

Первое письмо от доктора Фрица Хееба, адвоката Солженицына, я получил в конце

января. На мой ответ последовало второе письмо от 8 февраля. Проблема, в решении которой хотели получить от меня помощь Хееб и Солженицын («наш друг» – писал Хееб), была достаточно серьезной. В Англии на русском языке еще в 1971 году вышло пиратское издание романа «Август Четырнадцатого» в издательстве «Flegon Press», которое было связано и с Виктором Луи, а возможно, и с КГБ. В то время парижское издательство «УМСА-Press», которое печатало эту же книгу с согласия автора, смогло судебным решением временно приостановить продажу пиратского издания. Но срок запрета уже истек. Издательство Алека Флегона (Alec Flegon), румынского журналиста, появилось в Лондоне в 1962 году, начав свой бизнес с пиратского русского издания повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», спрос на которые среди русских, живущих в Лондоне, был очень велик. В последующем он издавал на русском языке для международного распространения много книг, которые нельзя было издавать в СССР. Флегон вскоре открыл собственный книжный магазин на Greek Street в Сохо. (Одним из его бестселлеров был томик эротических произведений Пушкина.) Солженицын требовал начать судебное дело против Флегона и против тех магазинов, в которых продавалось пиратское издание, предъявив им иск на большую сумму. В Лондоне, как я выяснил по просьбе Хееба, это хорошо сделанное издание в бумажном переплете продавалось в небольшом книжном магазине самого Флегона, а также в отделе русских книг книжного магазина «Foyle» (самого большого в Лондоне и в Европе) и в магазине русских книг «Collets», оба расположены в особом книжном квартале Лондона Charing Cross. Все эти магазины обслуживали не только Лондон, но и всю Англию, а может быть, и много других стран. Пиратское издание было дешевле выпущенного «УМСА-Press», так как с него же и было воспроизведено. Но прибыль от его продажи шла Флегону, а не автору. Хееб предполагал приехать в Лондон для начала судебных дел и ожидал моей помощи и моего участия в качестве свидетеля в судебных разбирательствах. Он почему-то надеялся, что я смогу подтвердить связь Флегона с КГБ в кампании против Солженицына. Я ответил, что никаких пригодных для суда доказательств такой связи у меня нет. Хееб полагал, однако, что моему слову поверят и без доказательств. Это был чисто коммерческий спор, и участвовать в нем и тем более лжесвидетельствовать «ради дружбы» я не собирался, да и не имел времени. Флегон был авантюристом, но не преступником. Судебные дела по таким искам тянутся долго. С Флегоном у меня имелись и собственные проблемы – он продавал в своем магазине пиратское издание моей книги «Тайна переписки охраняется законом» под более прямолинейным названием «Махинации нашей почты». Зайдя как-то в его небольшой магазин, – он сам стоял за прилавком, – я высказал ему устный протест, но этим и ограничился. Русское издание «Тайн переписки» в издательстве «Macmillan» тиражом 2000 экземпляров в общем томе с книгой о международном сотрудничестве ученых было уже распродано. Издание Флегона не наносило мне ущерба. Я даже купил у него один экземпляр для коллекции. Книга была воспроизведена по самиздатской машинописной рукописи 1971 года.

Флегон очень активно собирал советский самиздат, пользуясь в основном услугами иностранных студентов в Москве и Ленинграде и оплачивая их старания. Все намеки о своей связи с КГБ он отвергал. Попадали к нему и очень важные рукописи, например первый, еще не искаженный цензурой вариант «Воспоминаний маршала Г. К. Жукова». Тогда (это было в 1968 году) работники советского посольства в Лондоне уговорили его воздержаться от публикации, ссылаясь на неизбежные неприятности для легендарного маршала, недавно

перенесшего инфаркт.

Тем не менее Хееб, по инструкции своего клиента, решил приехать в Лондон. Он просил меня о встрече 15 марта. Флегон уже получил повестку из Высокого суда Лондона. На судебных заседаниях, которые продолжались несколько дней, я не присутствовал. Солженицын и его адвокат это дело проиграли. Решение суда основывалось на принципах здравого смысла, так как законодательной базы по данному конфликту не было. СССР тогда еще не вошел в Международную конвенцию по авторскому праву, это произошло лишь к концу 1973 года. Книжные магазины «Collets» и «Foyle» аргументировали свои действия тем, что издание «УМСА-Press», названное «авторизованным», не было обеспечено письменным договором с автором. Солженицын в 1970 году давал лишь устные инструкции, и никаких свидетелей «эксклюзивной авторизации» не было. Это издание уже давно распродали, а читательский спрос на роман Солженицына все еще сохранялся. Продажи в «Foyle» и «Collets» поэтому выполняли полезную функцию как для самого автора, так и для его читателей и не наносили никому никакого ущерба. Судебные издержки Хееба по этому делу оказались значительными. Высокий суд в Англии – очень дорогое удовольствие. Чтобы то или иное дело вообще рассматривалось в этом суде, следовало положить на депозит в банке десять тысяч фунтов, которые проигравшей стороне не возвращались. Все судебные расходы истца и ответчика оплачивала проигравшая сторона.

Проблемы А. Д. Сахарова

Как я уже писал в предыдущей главе, А. Д. Сахаров и Е. Боннэр просили меня выяснить есть ли у них возможность получить гонорары за изданные в 1968–1969 годах и позже книги Андрея Дмитриевича. Обычно это были сборники статей и заявлений, включающие в качестве основной части его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Наиболее солидным из изданий сахаровских работ была книга американского издательства «W.W. Norton» под редакцией Гаррисона Солсбери, который написал для нее предисловие и включил свой собственный очерк-предсказание «Мир в 2000 году». Солсбери был известным журналистом, писателем и заместителем главного редактора газеты *The New York Times*. На суперобложке этой книги приводился отзыв Генри Киссинджера. Но копирайт принадлежал не Сахарову, а газете *The New York Times*. Это означало, что издательство отчитывалось о продажах и переводах газете, а не автору.

Договор, очевидно, подписывал Г. Солсбери. 30 января я написал ему на адрес редакции подробное письмо, объяснив суть проблемы. Ответ из Нью-Йорка пришел 23 февраля. Привожу здесь некоторые выдержки в переводе с английского:

*«Дорогой профессор Медведев,
извините за длительную задержку ответа... Но мне потребовалось некоторое время, для того чтобы рассчитать баланс, который находится на счету д-ра Сахарова. Теперь я прояснил картину. Накоплена сумма, немного превышающая 7 тысяч долларов. Вы можете сообщить ему об этом... Или же я могу это сделать сам через нашего корреспондента Хедрика Смита, который, как Вы знаете, имеет конфиденциальные отношения с Сахаровым... Эти деньги могут быть переданы в распоряжение Сахарова...»*

Я ответил, что прямой контакт Солсбери с Сахаровым был бы предпочтительнее, так как моя связь с друзьями в Москве тоже осуществляется через американских корреспондентов.

Семь тысяч долларов в то время были крупной суммой, которая могла бы обеспечить семью Сахарова в Москве на два-три года. Но для отправки детей Боннэр на учебу в Гарвардский университет она, конечно, была недостаточной. Аналогичные сборники статей Сахарова выходили и в других странах. Я написал Андрею Дмитриевичу конфиденциальное письмо, в котором объяснил, что для сбора множества возможных гонораров ему нужно найти в Англии или в США литературного агента либо адвоката по примеру Солженицына. Это было важно прежде всего потому, что Сахаров готовил новый большой сборник своих очерков «О стране и мире», который уже будет защищен копирайтом самого автора.

В январе и феврале Андрей Дмитриевич начал переговоры со знакомыми американскими физиками по поводу приглашения в США детей Боннэр. Его самого тоже приглашали на шесть месяцев в Принстонский университет. Вызов-приглашение для Сахарова и его семьи поддержал Генри Киссинджер – он сам упоминает об этом в своих воспоминаниях «Years of Upheaval» ((1982. P. 989). Но все эти планы оказались в 1973 году нереальными. Для физиков-атомщиков их участие в создании атомных и водородных бомб оставалось пока еще слишком тяжелым якорем.

Дела житейские, но английские

К концу января мы переехали из гостиницы в двухкомнатную квартиру в доме для приглашенных ученых Медицинского совета. Дом находился в хорошем районе, но подальше от института. Теперь мне приходилось ехать на работу сначала на метро, а потом на автобусе. Но экономия была, так как плата за квартиру составляла лишь 64 фунта в месяц. Был здесь и телефон, в который, правда, как в телефон-автомат, надо было опускать десятипенсовые монеты. По такому же принципу подавались газ на кухню и электричество. Питаться в ресторанах и кафе мы перестали.

В школе, которую выбрал Дима, удивились его знаниям по физике, химии и математике. Но для зачисления в класс, предпоследний перед выпуском, как и в СССР, ему рекомендовали поступить на двухмесячные курсы интенсивного обучения английскому языку для иностранцев. Курсы были платные, но действительно очень интенсивные – три-четыре часа каждый день. Уже в марте Дима свободно говорил на английском, и даже с лондонским акцентом. После этого он стал британским школьником.

Рите наши друзья тоже рекомендовали курсы английского языка, но уже бесплатные и не столь интенсивные.

В феврале и в марте я побывал на семинарах в Кембриджском и Оксфордском университетах, а также в Бристоле по приглашению профессора Займана, который помог мне в издании книги «Международное сотрудничество...». Профессор Ричард Синг, который в 1961 году во время Международного биохимического конгресса сумел вывезти из СССР рукопись моей книги по синтезу белков и издать ее затем в Эдинбурге, переехал из Шотландии в Норидж (Norwich), город к северо-востоку от Лондона. Он работал теперь не в университете, а в научно-исследовательском сельскохозяйственном институте. После обмена письмами я поехал к нему в гости. В его большой семье три года назад случилось несчастье: жена Анна, переводчица с русского, в результате инсульта была частично

парализована. Из их семерых детей четверо еще требовали родительской опеки. Теперь сам Ричард, член Королевского общества и лауреат Нобелевской премии, занимался покупками продовольствия и всеми домашними делами. Его социалистические принципы не позволяли нанимать домработницу, то есть прислугу. Уход за больной женой обеспечивала бесплатно медсестра от национальной службы здравоохранения.

Я никак не мог найти Ральфа Купера, моего британского стажера и друга, который провел по обмену как аспирант год в ТСХА еще в 1959–1960 годах и приезжал в Советский Союз с сыном Паулем в 1966-м, посетив тогда и нас в Обнинске. После долгих поисков я нашел только Пауля, он был уже студентом и написал мне, что его отец оставил семью, женился на своей лаборантке и уехал в Австралию.

Очень тепло принял меня Алекс Комфорт, книгу которого по биологии старения я ценил больше всего. Он работал по гранту на кафедре зоологии в одном из университетов Лондона. Мы переписывались с Алексом с 1956 года и встречались на симпозиуме в Киеве. Именно Комфорт обратил мое внимание на публикации Робина Холлидея о возможности ошибок синтеза белков при старении клеток в культуре. Я поехал к Комфорту в университет, но он сворачивал там все свои дела и паковал обширную картотеку. У Алекса возникла другая проблема – он неожиданно сильно разбогател. В середине 1972 года он опубликовал книгу «Радость секса» («Joy of Sex»), которая сразу же стала бестселлером номер один в Англии и в США и переводилась на множество языков. Из-за очень больших налогов на сверхдоходы в Великобритании он и его вторая жена решили переехать в США и поселиться в городке Санта-Барбара на берегу Тихого океана. Политические репрессии выдавливали из СССР диссидентов, впадавших в безвыходную нужду. В Великобритании такую же роль играл прогрессивный налог на богатых, доходивший у миллионеров до 70 % их доходов, и он уже вытеснил из страны почти десять лауреатов Нобелевской премии. Открывший структуру ДНК Фрэнсис Крик, с которым я встречался в феврале в Кембридже, уехал в США в том же году и поселился в Калифорнии. (Сверхналоги склоняли к выезду из Великобритании и других европейских стран, особенно скандинавских, не только знаменитых ученых, но и писателей, спортсменов и вообще «звезд».) Во многом благодаря таким иммигрантам Калифорния превращалась постепенно в мировой центр научного и технического прогресса.

В конце февраля я перевел Рою первую тысячу фунтов в Москву на его счет во Внешторгбанке. Часть этих денег предназначалась нашему сыну Саше и родственникам в Калинин (Твери), Ленинграде и в Астрахани. Отдельно Рою в конце января был сделан перевод и из США. Письма от Роя начали приходить уже с 20 января, и пропаж не было. Мы с ним нумеровали наши письма, что, возможно, и обеспечивало их сохранность.

Приглашение на Международный генетический Конгресс

Очередной, 13-й Международный генетический конгресс собирался 20–29 августа 1973 года в Сан-Франциско и Беркли, и приглашения для участия в нем были разосланы еще в 1972 году. Было известно, что Н. В. Тимофеев-Ресовский и Б. Л. Астауров не смогут приехать в США по болезни. Известные советские генетики А. А. Прокофьева-Бельговская Раиса Берг, Николай Викторович Лучник и некоторые другие не прислали, без объяснения причин, своего согласия, хотя для каждого из них выделялся грант на поездку из фондов оргкомитета. Руководителем советской делегации оказался профессор Н. В. Турбин, недавний активный сторонник Лысенко и автор первого учебника мичуринской генетики.

Турбин, однако, разошелся с Лысенко во взглядах на проблемы эволюции и дарвинизма. Происхождение новых видов растений и животных путем скачков, а не естественного отбора оказалось для него неприемлемым. В 1973 году Турбин был директором Института генетики и цитологии Белорусской Академии наук, и именно он в это время из-за болезни Б. Л. Астаурова возглавлял Всесоюзное общество генетиков и селекционеров.

В марте 1973 года я неожиданно получил письмо от президента конгресса, профессора Спенсера Брауна (Spencer Wharton Brown), известного генетика растений. Он приглашал меня принять участие в работе конгресса, извинялся за столь позднее письмо, но выражал уверенность, что поскольку я нахожусь в Лондоне, то проблем с приездом в США у меня не будет. Мне предоставляли грант на перелет в оба конца, гостиницу в Сан-Франциско и неделю экскурсий по университетам. Отдельно пришло приглашение посетить Гарвардский университет до или после конгресса. С профессором Брауном я не был знаком и понял, что приглашение было сделано по ходатайству Лернера и Добжанского, входивших в оргкомитет и возглавлявших кафедры генетики животных и популяций в том же Калифорнийском университете. Я ответил согласием, но пояснил, что для поездки в США мне требуется разрешение от посольства СССР в Лондоне, так как мой паспорт выдан со штампом «для частной поездки в Великобританию».

Без промедления я отвез оригинал приглашения и паспорт в советское посольство вместе с заявлением на имя посла. В нем я просил разрешения на участие в Генетическом конгрессе, объясняя, что моя годовичная поездка в Лондон была предназначена и оформлена именно для работы в области биохимической генетики. Через три дня меня по телефону «срочно» пригласили в посольство к консулу Кондратьеву и секретарю Абрамову. Беседа с ними состоялась 28 марта. Довольно сухо они объяснили, что, обсудив мое заявление с атташе по науке, посол принял решение об отказе. По его мнению, в Великобритании много ученых и лабораторий, где я могу обсуждать проблемы генетики, и поездка в США отдельно от советской делегации, формируемой в Москве, не считается целесообразной. Я немедленно позвонил Брауну и Лернеру и сообщил им о полученном отказе. Оргкомитет конгресса направил в Москву письмо Н. В. Турбину с просьбой о включении Жореса Медведева в состав советской делегации. Отдельное письмо отправил Турбину президент Генетического общества США, профессор М. М. Грин (M. M. Green), в котором он сообщил что Медведеву предложили возглавить секцию по генетике процессов старения. Копии этих писем были посланы и мне. Ответов от Турбина не последовало.

Практически я мог бы без особых проблем приехать на конгресс вместе с британскими коллегами. Ни в Англии, ни во Франции, ни в других западных странах национальные делегации с руководителем для участия в конгрессах и конференциях не формируют. Каждый ученый принимает решение самостоятельно, тем более в случае оплаты расходов приглашающей стороной. Любая лаборатория записывает такие приглашения в свой актив и упоминает о них в годовых отчетах как о достижениях. Американскую визу в мой паспорт поставили бы на основании письма Брауна, не обращая внимания на советские отметки. Отрицательный ответ посла на мою просьбу я мог бы проигнорировать. Следить за моими научными делами не входило в обязанности посольства. Его необоснованный и нелогичный отказ был явно рассчитан на какую-то мою акцию протеста и конфронтацию. Находясь в Англии уже почти три месяца, я не сделал ни одного заявления, не давал интервью, не написал ни одной газетной статьи, несмотря на множество предложений из разных стран. Одна только русская служба Би-би-си приглашала меня в свою студию больше двадцати раз,

подчеркивая, что все выступления на радио оплачиваются гонораром. Из Телевизионного центра было несколько приглашений на дебаты. Многие университеты заказывали мне лекции о диссидентском движении и о правах человека в СССР. Через две недели после приезда в Лондон мне передали через знакомую большое письмо от сотрудника радиостанции «Свобода», который убеждал меня в необходимости попросить политического убежища. Он объяснял мне, что после неизбежной конфискации в ближайшем будущем моего паспорта просить убежища, дающего множество льгот, включая денежное пособие, уже нельзя. Я воспринял это письмо как запланированную провокацию и не стал на него отвечать. Я понимал и без радиостанции «Свобода», что власти СССР хотели бы от меня избавиться навсегда. Но для легальности указа о лишении гражданства нужен предлог. Моя прошлая активность и публикация книг до приезда в Англию таким предлогом стать не могли. Человека, нарушившего законы, тот же закон не разрешает отправлять за границу. У любого подозреваемого в преступлении в любой стране прежде всего отбирают загранпаспорт и берут подписку о невыезде. Разрешение на легальную поездку в Англию вместе с семьей, обеспеченное положительной характеристикой, было моей полной юридической реабилитацией.

Провокационные письма приходили и из СССР, иногда и от известных правозащитников. Меня с удивлением спрашивали, почему я молчу, почему не рассказываю о преступлениях советского режима, о психиатрических расправах, о преследованиях Сахарова и Солженицына, о задушенной Чехословакии и т. д. Недоуменные вопросы такого рода, хотя и не в столь резкой форме, приходили и от некоторых моих друзей – Льва Копелева, Лидии Чуковской, Валентина Турчина. Солженицын прислал через Хедрика Смита письмо, в котором упрекнул меня в том, что я где-то упомянул «советское правительство», «а надо было бы сказать “советский режим”». Как он узнал о моей фразе, сказанной на английском языке по телефону канадскому журналисту, которому я отказывал в интервью, остается для меня большой загадкой. «Своими ушами слышал», – писал Александр Исаевич, не знавший английского.

Не могли даже мои друзья понять, что я действительно хотел вернуться домой в начале следующего года. Сферой моих интересов была наука, а не политика. Моими противниками были партийные бюрократы, а не Советский Союз, современная реальность исторической России. Я чувствовал себя свободным человеком в любой обстановке. У меня, кроме того, была семья, сын в СССР, брат, родственники и друзья, и все они теперь оказывались заложниками любых моих заявлений. Был и родной дом в Обнинске. Рита и Дима вообще не знали о существовании таких процедур, как конфискация паспорта.

В апреле пришла в Лондон печальная весть из Обнинска о смерти Елены Александровны Тимофеевой-Ресовской. Николай Владимирович оставался без нее совершенно беспомощным. Генетический конгресс в Сан-Франциско единодушно принял в июле послание великому генетику, выразив ему глубокие соболезнования.

Давайте сохраним это в тайне

В середине марта меня пригласил на свой семинар в уважаемой Лондонской школе экономики и политических наук (LSE) Питер Реддавей (Peter Reddaway), известный специалист по советологии. После семинара мы беседовали в его кабинете. Питер свободно говорил по-русски. Он очень похвально отозвался о моей книге, которую лишь недавно

прочитал. «Где вы собираетесь ее печатать?» – спросил он. «Какую книгу вы имеете в виду?» – не понял я. Он снял с полки папку. В ней я обнаружил крупноформатные фотографии с микрофильма множества моих заметок и наблюдений, многие среди них о Солженицыне. Этот микрофильм незадолго до отъезда я оставил у надежного друга, чтобы сохранить черновики в случае пропажи рукописных оригиналов, всего около двухсот машинописных страниц. «Питер, – сказал я, – эта работа не для печати, она не закончена, это лишь заметки на будущее. Как она оказалась у вас? У меня могут быть большие проблемы, и я намерен заявить протест для прессы». Реддавей понял, что я действительно собираюсь это сделать. «Давайте сохраним это в тайне, – сказал он очень смущенно. – Я получил эту папку из госдепартамента США в декабре прошлого года на отзыв». «Это моя работа, – ответил я, – и папку я возьму с собой. У меня в Лондоне этой рукописи нет. Сообщите в госдепартамент, чтобы они собрали все существующие копии, иначе я обвиню их в краже моих черновиков». «Госдепартамент» – явно это было условное название ЦРУ, так как микрофильм наверняка поступил из посольства США в Москве. Но собрать все копии было явно нелегко, с декабря прошло уже три месяца. Сколько у ЦРУ могло быть еще таких же «рецензентов», как Реддавей, я не знал. В США активно велось наблюдение за всем советским самиздатом и основными фигурами среди диссидентов, писателей, поэтов, причем, наверное, не только в Москве, но и в Ленинграде, в Киеве и в других больших городах. Сбор этих материалов шел, безусловно, по всем возможным каналам, особенно через аккредитованных журналистов, туристов, иностранных студентов. Узнать об этом было для меня очень важно. Я теперь понимал, что конфиденциальные письма от Роя, которые он предполагал посылать с помощью иностранных журналистов и через дипломатическую почту, будут, возможно, копироваться. К этим условиям следовало приспособливаться.

Переезд в новый дом

В начале апреля Дима начал учиться в школе, расположенной в районе Hendon между домом, где мы жили, и институтом, где я работал. Поездив две недели на метро и на автобусе, он купил велосипед и отказался от общественного транспорта. Я продолжал ездить в институт на общественном транспорте, и это означало потерю двух часов каждый день.

Мы решили, что тратить время на такие поездки, особенно в часы пик, утомительно и что лучше бы нам снять стандартный английский коттедж рядом с институтом. Все улицы и переулки вокруг него были застроены в основном двухэтажными домами, разделенными на две семьи. Перед каждым домом садик, за ним – тоже, но побольше, обычно от 70 до 100 кв. м, и с оградой. Садики перед домом иногда закрывали живые изгороди из стриженных кустарников. На каждую семью приходилось три спальных комнаты наверху и две комнаты побольше внизу. Общая жилая площадь колебалась от 70 до 90 кв. м с учетом кухни и ванной. В таких условиях, как нам объяснили, жили почти 70 % всех британских семей.

Дома покупались обычно в кредит, проценты по кредиту менялись в зависимости от темпов инфляции. Получив кредит, семья могла жить в купленном доме, выплачивая проценты. Но документы на куплю-продажу находились в собственности у кредитора и передавались жильцам лишь после полного погашения долга, обычно через 20, 25 или 30 лет. Одновременно с кредитом необходимо было получить и страховку «на дожитие» до последней выплаты по кредиту. Это обязательное условие затрудняло получение кредитов пожилым людям. Страховые компании имели возможность получать конфиденциальные сведения о здоровье своих клиентов. Люди, страдающие диабетом, гипертонией или язвой желудка, страховок «на дожитие» не получали. Часть таких домов покупалась для сдачи в аренду.

Прогуливаться по улицам вокруг института в начале апреля было очень интересно и приятно. Была уже середина весны, все деревья и кустарники в цвету. Между тротуарами и проезжей частью росли большие деревья, и каждая улица или переулок походила на бульвар. Пешеходов было мало, встречавшие друг друга люди обменивались приветствиями, даже если они незнакомы. Перед домами, выставленными на продажу, стояли щиты с надписью: «For sale» («Продается») и с телефонами агентства по продаже недвижимости – таких агентств был много. Если дом сдавался в аренду, то на щите было написано: «To let» («Сдается»). В пяти – десяти минутах ходьбы от института сдавались в аренду около десяти домов. Такие дома обычно были полностью меблированы, тогда аренда могла быть кратковременной и подороже. Дома без мебели, по закону, сдавались на срок до пяти лет, и стоимость аренды, внесенная в договор, не могла меняться. При высокой инфляции, ускорившейся в 1972 году, желающих сдавать дома на таких условиях почти не было.

Мы с Ритой ходили по кварталам вблизи института, пытаясь найти дом для аренды в переулке или на тупиковой улице, где нет шума от проезжающих машин, и очень быстро нашли домик на очень тихой, небольшой улице с романтическим названием Hillview Road (что означает «дорога с видом с холма»). И мы сразу же поехали в агентство недвижимости.

На следующий день сотрудник агентства повез нас, чтобы показать выбранный нами дом внутри. Он был недавно построен, имел три спальные комнаты и две комнаты внизу.

Отапливался от газового бойлера, который также обеспечивал кухню и ванную горячей водой. Стоимость аренды была очень умеренная, 134 фунта в месяц, всего вдвое выше, чем плата за две комнаты в доме для приглашенных ученых Медицинского совета. Цены за аренду дома или квартиры повышались по мере их приближенности к основным торговым районам Лондона. Мы тут же согласились со всеми условиями, которые включали и регулярную стрижку газона перед домом и за домом, и поехали с агентом в его контору заключать контракт. Деньги за аренду банк перечислял с моего счета в агентство, а агентство расплачивалось с домовладельцем, у которого могло быть в собственности несколько таких домов. Наш будущий дом был полностью меблирован, обеспечен постельным бельем, посудой, пылесосом и прочими принадлежностями, список которых прилагался к договору. За первые два месяца плата вносилась вперед. Мне не хватало в нем только письменного стола, но старый письменный стол нам подарила библиотека института. Издательство «Macmillan» презентовало мне старую портативную пишущую машинку с английским шрифтом. Наш дом находился так близко от института, что я мог теперь ходить на ланч домой.

Начало экспериментальной работы

После двух семинаров, на которых я изложил основные результаты наших прежних опытов по изучению различий в характере старения эритроцитов в циркуляции у лягушек, птиц и мышей и тканевой и возрастной специфичности гистонов, а также после общеинститутской лекции по молекулярным аспектам старения и нескольких визитов в другие лаборатории мне стало очевидно, что какой-то небольшой эксперимент с комплексным анализом белков клеточных ядер в органах мышей, даже независимо от их возраста, но с применением радиоактивных изотопов, был бы крайне полезен для освоения новых методик работы с белками и с радиоактивными изотопами. Наличие в лаборатории сцинтилляционного счетчика радиоактивности позволяло провести работу с очень низкими дозами и автоматизировало все процедуры. Современный спектрофотометр позволял выполнить более точные измерения концентрации белков или нуклеиновых кислот. В лаборатории биохимии развития был также разработан новый метод электрофореза белков в гелях, применение которого выявляло большее число фракций. В нашем отделе генетики процессы старения изучались лишь на культурах клеток-фибробластов. Но изменения в культурах пересеваемых клеток нельзя было считать реальным аналогом биологического старения тканей. К тому же культуры клеток, пересеваемые в маленьких чашках Петри, не могли обеспечить биохимика достаточной клеточной массой для применения стандартных аналитических процедур. Освоение новых биохимических технологий было одной из целей моего приезда в Лондон. Робин Холлидей согласился выделить для меня лабораторный стол в одной из комнат отдела, имевшей вытяжной шкаф, и разрешил Рите участвовать в экспериментах на добровольных началах. Он понимал, что опытный ассистент необходим для такой работы. Рите как биохимику тоже необходимо было осваивать новые методы.

План нашего эксперимента был разработан для возможной идентификации ошибок синтеза белков. Одна из фракций гистонов ядер клеток мышей (F1) не имела серосодержащей аминокислоты – метионина. Обнаружение радиоактивного метионина в этом белке могло быть результатом ошибок при его биосинтезе. В большом виварии института нам выделили несколько клеток с мышами. Директор института предоставил

скромные средства из своего резерва для закупки реактивов и радиоактивного метионина. Однако серьезная задержка произошла из-за британских законов, определявших все правила экспериментальной работы с млекопитающими, к которым относятся, как известно, и лабораторные мыши. Для проведения любых опытов с мышами была необходима лицензия, выдаваемая особым департаментом британского министерства внутренних дел. Для опытов с разными животными существовали и разные правила. Опыты на собаках вообще запрещались уже больше ста лет. Иван Петрович Павлов, открывший условные рефлексы, никогда бы не смог проводить свои исследования в Великобритании. В США подобных ограничений не вводилось.

Я получил из министерства внутренних дел несколько сложных форм для изложения деталей планируемых экспериментов. Важно было объяснить, что мыши не будут испытывать боли во время опытов и что неизбежный для выделения органов забой животных будет осуществляться с применением анестезии и наркоза, а не физическими методами. Заполненные формы были отправлены в департамент защиты животных, но необходимой для начала работы лицензии пришлось ждать два с половиной месяца.

Удар по «черному кабинету» советской почты

В апреле меня пригласил в гости Леонид Ригерман, которого я знал с 1971 года, когда он жил в Москве. В начале 1972 года Ригерман прославился тем, что сумел получить в Москве американский паспорт, будучи советским гражданином и вопреки протестам и американского и советского правительств. Леонид Ригерман родился в Калифорнии в семье работников советского консульства и поэтому имел свидетельство о рождении, выданное тамошней регистратурой. В Москве он каким-то образом в сопровождении американского корреспондента сумел пройти в посольство США, предъявил там свое американское свидетельство о рождении и попросил оформить ему на этом основании американское гражданство и выдать американский паспорт. Этот случай немедленно стал сенсацией для западной прессы. МИД СССР потребовал выдачи Ригермана – дипломатические соглашения США и СССР запрещали посольству США предоставлять убежище советским гражданам, и в прошлом попытки некоторых советских граждан просить политического убежища в посольствах всегда кончались неудачей. Но здесь был совсем другой случай. По федеральному закону США, принятому еще в XIX веке, родившиеся в США дети автоматически становились американскими гражданами. Этот закон не был отменен и в век самолетов и строгих виз. Беременным женщинам из стран третьего и второго миров просто не давали виз на въезд в США. Американское посольство в Москве отказалось признать Ригермана американским гражданином, ссылаясь на запрет в США двойного гражданства. Дело пошло в суд в Вашингтоне. Суд принял решение, обязавшее посольство США выдать Леониду Ригерману американский паспорт – по праву граждан, имевших американские свидетельства о рождении, в которых гражданство новорожденного или его родителей не фиксируется.

Ныне, в 1973 году, Ригерман с женой жили в Лондоне в соседнем с нашим районе, где снимали квартиру. Леонид хотел начать издание журнала «Общественные проблемы» на русском языке. Как выяснилось из нашей беседы, основным источником его доходов были выплаты компенсаций за пропавшие заказные письма, отправленные в СССР. На эту идею его натолкнула книга «Тайна переписки охраняется законом», в которой была описана

неудача в получении компенсаций за пропавшие заказные письма от советской почты (см. [главу 11](#)). Советская почта отрицала свою вину в пропаже писем, так как даже заказные письма пересекали границы почтовыми пакетами, а не индивидуально. В этом случае проследить судьбу каждого отдельного заказного письма было невозможно. Формальную ответственность за пропажу делили между собой обе страны. Ригерман сообразил, что если за пропавшие письма, отправляемые из СССР, невозможно получить компенсацию, то за заказные письма, отправляемые из Великобритании, но пропадавшие где-то «в пути», британская почта выплатит свою долю компенсации, тогда это было около 20 фунтов за каждое письмо. Леонид начал отправлять заказные письма из Лондона известным советским диссидентам и правозащитникам – Сахарову, Твердохлебову, Амальрику и другим. Хотя в этих письмах обычно были вырезки из газет, не имевшие антисоветского характера, почтовая цензура их задерживала и не доставляла адресатам. Однажды в течение месяца Ригерман отправил только Сахарову сорок заказных писем. По телефону он узнал, что лишь два из них дошли до адресата. В британское отделение связи – в данном случае на Трафальгарской площади – подавались рекламации о пропаже писем с приложением квитанций. Через какой-то срок пропажа письма подтверждалась и Ригерману выплачивалась компенсация. В некоторые месяцы он зарабатывал таким образом до шестисот фунтов и создал группу, которая включилась в этот прибыльный бизнес. Финансовые потери несла не советская почта, виновная в пропажах, а британская, платившая за незаконные действия «черного кабинета», существовавшего вне почты в системе КГБ.

Но бесконечно такие выплаты не могли продолжаться, и я предупредил об этом Ригермана. В системе британской почты была создана комиссия по изучению и расследованию нового феномена. Было решено отказаться от почтовых пакетов для заказной корреспонденции и перейти к индивидуальной регистрации каждого письма не только при сдаче его отправителем, но и в аэропорту перед отправкой в СССР. Письма в СССР отправлялись теперь лишь самолетами «Аэрофлота». Вина именно советской стороны в пропаже заказных писем могла в таком случае быть доказана. Выплату компенсаций Ригерман и его активисты могли требовать только от советской почты. Но это было безнадежным делом. Ригерман подал жалобу в арбитражный суд. Для Советского Союза возникла угроза исключения из Всемирного почтового союза. Но платить «золотые» компенсации в СССР тоже не хотели. Ликвидировать «черный кабинет» Министерством связи СССР не могло, он принадлежал совсем другому ведомству. Какие велись дискуссии на эту тему, я не знаю. Однако к июню 1973 года в КГБ нашли нужное решение. Все заказные письма, отправляемые Ригерманом и его группой советским диссидентам, уже не исчезали, но и не доставлялись по назначению. Они стали возвращаться отправителям со штампом «Адресат не найден». Жаловаться по этому поводу было некуда, кроме прессы. Бизнес, начатый Ригерманом и принесший ему около пяти тысяч фунтов из британской казны, пришел к концу. Вскоре прекратился и выпуск журнала «Общественные проблемы». Платить за квартиру Леонид тоже уже не мог. Он уехал в США, и о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Однако на моей переписке с Роем новые правила для заказной корреспонденции отразились положительно. Пропаж писем не было. Рой получал мои письма, отправлявшиеся не на домашний адрес, а на абонентский почтовый ящик в ближайшем к его дому почтовом отделении. Наклейки «Адресат не найден» использовать в этом случае

Григорий Цезаревич Свирский

Первые письма от ранее уехавших из Советского Союза друзей я начал получать уже в конце января. Вначале пришло из США письмо от Вероники Туркиной, родственницы Солженицына, уехавшей с мужем Юрием Штейном в середине 1972 года. Им удалось переехать из Вены в США, но их положение там оказалось очень трудным. Английским они не владели, работать по специальности не могли и жили на какое-то скромное пособие, сроки выплат которого подходили к концу. Вскоре я получил письмо из Израиля от Григория Свирского, известного в СССР писателя, потерявшего с 1967 года возможность печататься из-за своей поддержки письма Солженицына к съезду писателей против цензуры. Свирского исключили из КПСС, а потом и из Союза писателей. Григорий Цезаревич ветеран и герой войны, награжденный девятью боевыми орденами и медалями, был уже немолод. В 1941–1944 годах он был летчиком на Северном фронте. Его первые произведения рассказывали о жизни военных пилотов и о работниках Севера. Его жена Полина, опытный химик-органик, имевшая двадцать патентов, еще в СССР вышла на пенсию – занятых на вредном для здоровья производстве гербицидов на пенсию отправляли в 45 лет, до неизбежного появления профессиональных заболеваний. Сын Свирских, семнадцати лет, заканчивал школу, и вскоре его ждала в Израиле военная служба.

Григорий писал:

«Здравствуй, Жорес, дорогой мой человек! Поздравляю тебя и твое семейство с глотком воздуха, который, понимаю, жжет твои легкие: будущее неясно... Новости из России скудны, получил весточку лишь от Копелевых да письма от двух-трех писателей, которым нечего терять. Впрочем, это они так думают... Наши дела не наладились вполне. Главная трудность – Полина работает в пустыне в Бер-Шеве, а все семейство живет в Иерусалиме. Температура в лаборатории (кондишена нет) поднималась до 40 градусов. Она измучена до предела... жизнь на два дома мучительна... Она приезжает только на выходной день, а это значит – сын без призора, семья разобщена. Уйти с работы она не может, договоров у меня нет, мы живем на ее зарплату... У жены от работы в пустыне Неgev давление стало 90 на 70, и она лежит пластом – в этой пустыне хорошо себя чувствуют только кактусы... Но я продал свой роман “Заложники”, и мы скоро выйдем из тупика... Этот роман я написал еще в России в 1967–69 гг. Роман пристроил в Париже. Я продал все права “Имке-Пресс”, понравились они мне: единственно идейные люди в этом торгашеском издательском мире...»

Григория Свирского я очень любил – за искренность, смелость и благородство (наверное, эти качества необходимы всем военным пилотам), хотя встречался с ним, живя в Обнинске, редко. Он чаще общался с Роем.

«Мне так недостает Роя, – писал он, – и того ощущения человеческой верности, общности стремлений, дружбы... не грех бы тебе писать мне почаще –

ведь Рою я писать не могу! неразлично близки вы были нашей семье...»

Роман-документ «Заложники» вышел лишь в 1974 году на русском и был переведен на французский. Но гонорары, очевидно, были небольшие, и мечта Свирского послать сына в британский университет оказалась трудноосуществимой. Во втором письме (дат он не ставил) Свирский писал:

«Мы прикинули свои возможности. Пока книга моя еще в производстве и неизвестно, пойдет широко или не пойдет, у нас нет (при израильской зарплате) никакой возможности давать сыну тысячу фунтов в год, особенно в первые два года... И мы решили, пусть первый курс попытается кончить здесь...»

Но расчет на большой гонорар, очевидно, не оправдался:

«Издатели, за редким исключением, мародеры, псы, рвущие друг у друга даже обглоданную кость, а не то что кусок мяса... Я был уже здесь фантастически обманут, за сценарий, который я написал здесь, мне вместо минимума в 20 тысяч лир заплатили 2 тысячи...»

В третьем письме были уже нотки отчаяния:

«Хочу попросить тебя об одной услуге... Нельзя ли поспрашивать в тех кругах, где ты общаешься, о работе для жены? На три или четыре года. Она имеет 60 опубликованных работ и 30 “закрытых”, 20 патентов. Химик-синтетик широкого профиля. Доктор наук. Специализировалась на химии гербицидов... Словом, если бы ей удалось при твоей помощи зацепиться, все бы наши проблемы были решены... Если для тебя это трудно или просто невозможно, скажи прямо, не обижусь, знаю, как мы, чаще всего, беспомощны на Западе...»

Я ответил Григорию откровенно, что и сам и жена работаем здесь без зарплат и что получить даже временную должность в Англии для ученого из России, которому за пятьдесят, и во вредном производстве практически невозможно.

Через год Свирский переехал в Канаду. Ни он, ни Полина не справились ни с овладением ивритом, ни с климатом пустыни. Его сын, окончив школу, занялся в Ванкувере мелким бизнесом и теперь сам смог поддерживать родителей. Писем от Григория из Канады я не получал и даже не знал его адреса. С европейской писательской эмиграцией он не общался. У него в резерве было несколько книг, написанных еще в Советском Союзе. Наиболее известной из них была книга литературно-документального жанра «На лобном месте», которая впервые вышла в СССР в 1990 году и переиздавалась в России.

Визитер из Советского Союза

В начале мая в партийном руководстве КПСС произошли перестановки, которые западные корреспонденты в Москве оценивали как консервативные. Руководитель идеологического отдела ЦК КПСС Александр Яковлев был смещен и отправлен послом в Канаду. Вместе с ним были удалены более молодые и либерально настроенные инструкторы,

консультанты и советники, создававшие модели возможных демократических реформ и дискутировавшие о демократическом социализме. Это означало усиление роли М. А. Сулова, А. А. Громыко и КГБ. Внешняя политика СССР также стала более жесткой.

Неожиданно я получил письмо из Москвы от старого друга – биохимика Г., который планировал приехать в Лондон и хотел со мной встретиться. Еще в 1950-е годы я много ему помогал в обеспечении радиоизотопами. Он был аспирантом в одном из институтов АН СССР и вел тему по нуклеиновым кислотам. Однако по новым правилам для работы с радиоактивностью его лаборатория не прошла необходимого переоборудования и лишилась возможности заказывать радиоактивные изотопы. Моя лаборатория была оборудована лучше, имела спецканализацию и все другие условия. Я поэтому иногда заказывал радиоизотопы и для Г. – он высылал за контейнерами курьера на мотоцикле. Это позволило ему закончить диссертацию в срок. Сейчас он был уже профессором и кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР. Но наше общение в последние пять-шесть лет было очень редким, в основном на конференциях.

Я написал ему, что буду рад его видеть. Целей своего визита он не сообщал. Я пообещал показать ему институт и познакомить с биохимиками, которые тоже работали с нуклеиновыми кислотами.

Точную дату приезда Г. в Лондон я не помню. Гостиница у него не была забронирована, и он приехал на такси сразу в институт. На ночь мы предложили ему остаться в нашем доме. Беседовали обо всем, и я был рад его видеть. Других гостей из СССР у нас еще не было. На следующую ночь он попросил меня найти ему недорогую гостиницу. Мы устроили его там, где жили сами в январе. Ознакомившись с нашим житьем-бытьем, после ужина с вином Г. захотел посмотреть окрестности. Было еще светло. Я пошел с ним на прогулку по ближайшим улицам. Во время прогулки мой друг стал расспрашивать о моих дальнейших планах. Главное, что его интересовало, – собираемся ли мы возвращаться домой по истечении срока визы или планируем остаться в Англии. Я заверил Г., что мы обязательно вернемся, по проблемам старения работа в СССР более полноценна, чем в Англии. «А может быть, тебе лучше переехать в Штаты? – неожиданно сказал Г. – Там тебе могут дать большую лабораторию. Зачем тебе возвращаться обратно в Боровск? Здесь ведь условия намного лучше. Сына тоже сможешь пригласить к себе... Должны отпустить...»

Поздно вечером я на автобусе отвез Г. в гостиницу. На следующий день он планировал визит в Институт рака в центре Лондона. Обдумывая наши беседы, я пришел к выводу, что вопросы о наших планах на будущее и совет переехать в США не были случайными. Они не являлись логическим следствием нашей беседы и не звучали достаточно искренне. Если бы их задавал мне Григорий Свирский, я бы не удивился. Но Г. всегда отличался исключительной осторожностью и лояльностью. От него было слишком странно услышать совет о переезде в Штаты. Где-то в Москве явно интересовались моими планами. Близилась половина нашего срока в Лондоне, и нашим «кураторам» в Москве очень хотелось знать перспективы. Для них было бы весьма желательно, чтобы Жорес Медведев стал невозвращенцем, очевидно была уверенность, что так оно и будет. Тандем Жореса и Роя Медведевых был бы дискредитирован. Но эта уверенность к маю поколебалась. Принятие указа о лишении гражданства – без всякого на то повода – наоборот, дискредитировало бы власть, неспособную ужиться в столь большой стране со скромным научным сотрудником. Подобный указ был бы чистым беззаконием и произволом. Но риск такой возможности после бесед с Г. стал для меня более очевидным. Я решил поэтому готовиться к

осуществлению другого плана, бывшего у меня в резерве. Мой первый план, который состоял в полном ограничении активности в Англии лишь научной работой, мог оказаться, по-видимому, не вполне надежным.

Попытка получить международный иммунитет

Еще в 1964 году мне пришло в Обнинск письмо из Парижа в большом и плотном конверте ЮНЕСКО, сверху которого стоял штамп «конфиденциально». На конверте был мой старый адрес в Тимирязевской академии, откуда мне его переслали в Обнинск. В ЮНЕСКО не понимали, что штамп «конфиденциально» означает лишь то, что конверт будет обязательно вскрыт, письмо прочитано и даже скопировано советской почтовой цензурой.

Послание было кратким и подписано Адриано Буццати-Траверзо (Adriano Buzzati-Traverso), заместителем генерального директора по науке. Мне предлагали принять участие в конкурсе на членство в экспертном совете по биохимии, физиологии и применению радиоактивных изотопов в научных исследованиях. При этом упоминалось, что мое имя было включено в число возможных экспертов еще в 1957 году после моего пленарного доклада на Международной конференции ЮНЕСКО по применению радиоактивных изотопов в Париже (я писал об этой конференции в [главе 2](#)). К письму была приложена довольно обширная анкета с различными вопросами. К заполненной анкете требовалось добавить список опубликованных работ. Подчеркивалось, что Директорат ЮНЕСКО выбирает экспертов самостоятельно, а не на основании рекомендаций правительств тех стран, которые входят в эту организацию.

Я прочитал это письмо Тимофееву-Ресовскому, недавно вступившему в должность заведующего нашим отделом.

«О, Адриано, – воскликнул он с удивлением, – это же мой ученик по дрозофиле!.. Ему было лет двадцать пять, когда он приехал к нам в Берлин из Милана. Очень способный парень. Он эволюционными проблемами занимался и популяционной генетикой, потом его избрали профессором, кажется, в Неаполе...»

Я заполнил полученные анкеты и написал в ответном письме Буццати-Траверзо о Тимофееве-Ресовском и о том, что работаю сейчас в его отделе. Заполненная анкета означала, что я был согласен на рассмотрение моей кандидатуры для экспертных обязанностей. Согласие не означало, что мне необходимо для этого переселиться в Париж. Экспертные задания можно было выполнять и в Обнинске. Однако эксперты любых подразделений ООН (по продовольствию в Риме, по здравоохранению в Женеве, по науке, культуре и образованию в Париже, по атомной энергии в Вене) получали статус «международных служащих» и паспорта ООН, не требующие никаких виз. Они должны были защищать интересы всех стран, а не своих собственных. Точно всех возможностей и привилегий экспертов ООН я тогда просто не знал.

В полученном мною пакете был и конверт для ответа с адресом в Париже и какой-то талон для приоритетной отправки ответа почтой. Я дополнил это регистрацией заказного отправления на почте и уведомлением о вручении. Уведомление ко мне не вернулось, и никаких новых писем от Буццати-Траверзо я не получал. По-видимому, мое письмо просто не дошло до адресата.

Теперь, в июне 1973 года, какой-либо статус в ЮНЕСКО – эксперта, консультанта или рецензента – мог бы защитить меня от произвола КГБ. Такую же защиту могла бы

предоставить и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в структуре которой был и сектор геронтологии и гериатрии, изучавший статистику продолжительности жизни и проблемы старости и возрастных болезней в разных странах. Я навел справки относительно Буццати-Траверзо. Он, как оказалось, совмещал работу в ЮНЕСКО с руководством Международной лабораторией генетики и биофизики в Неаполе. У него было много публикаций по радиационной генетике. Я написал ему письмо, пометив на конверте: «конфиденциально». В письме я передал ему теплый привет от Тимофеева-Ресовского, напомнил о его письме 1964 года, которое, очевидно, отправлялось канцелярией, а не им лично, и просил о встрече в Париже, куда я собирался приехать в июне. Ответ пришел, кажется, дней через десять, причем от его секретарши. Мне сообщили, что офис Буццати-Траверзо находится не в главном здании ЮНЕСКО, а в другом месте, и перечислили номера телефонов, по которым следовало звонить по приезду в Париж. Буццати-Траверзо хорошо знал о моей книге «Взлет и падение Т. Д. Лысенко», так как именно он написал в 1971 году предисловие к ее переводу на итальянский. Упоминание о Тимофееве-Ресовском также означало для него, что наши беседы будут действительно конфиденциальными.

В июне я планировал поездку в Париж. У меня было несколько приглашений посетить небольшой французский Институт геронтологии, а также прочитать лекцию по молекулярным и генетическим аспектам старения дифференцированных клеток в Институте Пастера.

Мой паспорт не давал мне права на въезд в страны, где требовалась виза. Однако в Европе можно было въезжать из Англии без виз и вообще без паспортов в Ирландию и северные провинции Франции. В Великобритании осуществлялась очень серьезная проверка всех документов и виз в тех портах, куда прибывали суда и паромы из Восточной Европы, из Голландии, Бельгии и Германии. Однако пересечение пролива между Дувром и Кале, всего в 21 милю шириной, не требовало виз для людей с европейской внешностью. При проверке документов, что случалось редко, достаточно было любого документа, удостоверяющего жительство в Англии, мое удостоверение личности от британского министерства внутренних дел вполне для этого подходило. Большинство британцев приезжали во Францию на своих автомобилях на больших паромах, и их пропускали просто по английским номерам машин, не задавая вопросов. Причины такого либерализма были чисто экономическими. Сотни тысяч британских граждан пересекали Ла-Манш каждый день (и до миллиона в субботу) для покупки намного более дешевого французского продовольствия и нагружали багажники машин ящиками с французским вином, вкусным хлебом, колбасами и особенно сырами всех сортов. Все эти продукты продавались и в Англии, но в два-три раза дороже. Французы приезжали в Англию значительно реже, покупать здесь им было почти нечего. (Более строгие проверки возникли намного позднее, в связи с нелегальной миграцией.)

Я поделился своими планами с Робинот Холлидеом и несколькими новыми друзьями. Рекомендации для руководства ЮНЕСКО мне дали Макс Перутц (Max Perutz), лауреат Нобелевской премии и директор лаборатории молекулярной биологии в Кембридже, в которой была открыта структура ДНК, Питер Медавар (Peter Medawar), бывший директор нашего института и тоже лауреат Нобелевской премии. Самый знаменитый тогда биолог Джулиан Хаксли (Julian Huxley), которому исполнялось в 1973 году 85 лет, бывший одним из основателей и первым генеральным директором ЮНЕСКО, написал письмо нынешнему генеральному директору этой организации в поддержку моей кандидатуры. В письме мне он

сообщил, что нынешнего генерального директора назначили по его рекомендации.

Я не помню точно, в какой именно день я встретился с Буццати-Траверзо в июне. Он много расспрашивал о Николае Владимировиче и Елене Александровне. Объяснять Адрианс причины моего желания получить должность эксперта или консультанта в ЮНЕСКО не было необходимости, он, живший при Муссолини в Италии и при Гитлере в Германии, понимал мои проблемы намного лучше других, однако просил меня подождать неделю. Вопрос о назначениях решался коллегиально всеми директорами, их было несколько. Генеральный директор любого подразделения ООН назначался обычно из нейтральной страны, нередко из Африки или Азии, и не имел права на единоличные решения. Среди заместителей главное влияние на ЮНЕСКО оказывали представители США, СССР, Китая, Франции, их страны вносили в бюджет организации наибольшие ассигнования. Заместителем от Великобритании был тогда Ричард Хоггарт (Richard Hoggart), лингвист и специалист по социальным проблемам. С ним поговорил обо мне Кен Коутс (Ken Coates), директор фонда Бертрана Рассела.

«Опустелый дом» Лидии Чуковской

В Париже кроме научных дел у меня было одно «диссидентское» – выполнить просьбу Лидии Корнеевны Чуковской. Именно в Париже в малоизвестном русском издательстве «Пять континентов» (Librairie des Cinq Continents) была опубликована повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна», написанная ею еще до войны. Она тайно отправила ее в США в 1964 году в «Новый журнал», издававшийся в Нью-Йорке под редакцией Романа Гуля, известного писателя первой волны российской эмиграции периода Гражданской войны. «Новый журнал» выходил тиражом около тысячи экземпляров и существовал на субсидию. Гонораров он не платил. Но Чуковской по ее просьбе, переданной через привезшую в США рукопись ее близкую подругу Сильву Рубашову, Роман Гуть выплатил гонорар в размере 93 долларов, из расчета доллар за каждую страницу в журнале. Ни Рубашова, получившая чек, ни Чуковская тогда не поняли, что это и был весь гонорар. Они ожидали тысячи долларов и всемирного успеха. Но успех явление редкое, и повесть, описание личной драмы жены арестованного, которая могла бы стать сенсацией в 1939 году, прошла в 1965 году незамеченной. (Реалий жизни в СССР в 1938 году современные американские читатели просто не понимали, и в переводах романа в последующем всегда было множество подстрочных объяснений.) Независимо от «Нового журнала» и даже раньше него повесть неизвестным образом перекочевала в Париж и была издана на русском небольшой книжкой под новым названием. С этого издания были переводы на английский, французский, голландский и даже японский. Копирайт принадлежал издательству «Пять континентов», и оно, следовательно, собирало и гонорары за переводы. Лидия Корнеевна хотела получить эти гонорары – в основном для покупки западных лекарств и канцелярских товаров. Ей были нужны именно французские глазные капли Vita phacol и особые фломастеры – «Penlin Tylon Tip» и «Suisse caran d'Arche», которые продавались лишь в очень больших магазинах. Она также требовала объяснений, почему название повести «Софья Петровна» заменили в Париже на «Опустелый дом». Она была этим крайне возмущена. Поэтому вместе с благодарности я вез в Париж пришедшее с оказией через Италию письмо Чуковской с выражением недовольства и упреками издателю (письмо это я не передал, так как быстро убедился, что все упреки автора повести несправедливы). Чуковская также просила меня в

случае получения денег отправить немедленно 125 фунтов в Израиль ее другу Якобсону (прилагался адрес), желавшему переехать в США. Через Италию она мне также выслала какой-то пакет с микрофильмами четырех романов разных авторов, распоряжение о судьбе которых должно было последовать позже. Об этих микрофильмах я думал с некоторым ужасом, их ведь нужно было где-то воспроизвести на фотобумагу и хотя бы прочесть. Времени для этого у меня не было. Но писатели часто уверены в приоритете собственных нужд. Лидия Чуковская жаловалась также на то, что решение Союза писателей о превращении дачи в Переделкине ее покойного отца Корнея Ивановича, знаменитого детского поэта, в дом-музей не выполнялось в намеченный срок.

Издательство «Пять континентов» оказалось небольшим магазином русских и армянских книг, принадлежавшим пожилому армянину Н. Генджану, который сам стоял за прилавком. Его родителей в 1916 году турки, захватившие часть Армении, депортировали в Ливан. Оттуда он переехал позже в Париж. Генджан хорошо знал русский язык. Он мне объяснил, что действительным издателем книги Чуковской является его друг Сергей Петрович Дубровский, который использует магазин просто как уже зарегистрированный бизнес и для продажи им же изданных книг. На следующий день я встретился и с Дубровским, и он мне сразу очень понравился. Ему было около шестидесяти лет, высокий, красивый и приветливый мужчина. В молодости он был артистом Киевского драматического театра. В 1941 году, когда немцы заняли Киев, население не успели эвакуировать. Зная французский, Дубровский в 1943 году перебрался в Париж и многие годы работал здесь преподавателем русского языка. Сейчас он получал небольшую пенсию и жил одиноко в маленькой чердачной квартире в плохом районе. Я пригласил его в ресторан, и мы долго беседовали о русской диаспоре в Париже. Я постарался как-то сгладить проявленную Чуковской по отношению к нему надменность и даже враждебность, ведь он сделал для нее весьма полезную работу. В последующие годы мы с Ритой встречались с Сергеем Петровичем много раз и стали друзьями.

На претензии Чуковской по поводу изменения названия книги Сергей Петрович ответил, что во Франции нет отчеств и поэтому «Петровна» при любых переводах будет восприниматься как фамилия. Ее будут сравнивать с «Анной Карениной», до которой ей слишком далеко. В текст он внес ряд исправлений либо по чисто грамматическим причинам, либо чтобы улучшить русский язык, который несколько изменился с 1939-го по 1965-й. Он показал мне некоторые исправления, и надо сказать, все они вполне оправданны. Во французском издании книги было сделано еще больше исправлений. Больше всего возмущало Чуковскую то, что имя главной героини Софья Петровна заменили на Ольгу Петровну. «Как они посмели?..» – писала она. Однако Дубровский мне объяснил, что во французском переводе Софья окажется Софи и будет звучать как чисто французское имя, ассоциируясь с именем знаменитой актрисы Софи Лорен. Ольга звучит как классическое русское имя. В английском издании книги, выпущенном в 1967 году, эти изменения сохранили, в других тоже. По поводу выплаты гонораров от продажи прав Дубровский сказал, что всеми расчетами ведает Генджан, формальный владелец этого микроиздательства. С русского варианта повести из «Нового журнала» был сделан лишь перевод на итальянский. Роман Гуль прислал мне позже чек на двести долларов за продажу прав на это издание.

В Париже я также получил небольшой гонорар для Роя и открыл счет в одном из отделений Banque Nationale de Paris. Я хотел добавить туда и имя Чуковской, но мне

объяснили, что без образца ее подписи этого сделать нельзя. Тем не менее Н. Генджан сказал, что моего слова для него достаточно. Через два-три дня он подготовил отчет о продаже прав на «Опустелый дом» и о гонорарах, полученных с 1966 по 1972 год. В данном случае 50 % сумм доставались издателю и 50 % перечислялись автору. Это была добрая воля Генджана, при отсутствии официальных договоров от издателя нельзя требовать ничего, можно лишь просить об одолжении. Книга Чуковской была продана издателям шести стран, и общая сумма платежей составила 32 тысячи франков (что соответствовало тогда трем тысячам английских фунтов). Отчетов о продажах от издательств не поступало. Это означало, что больших тиражей не было. На мой счет для Чуковской перечислили 16 055 франков. Я написал об этом Лидии Корнеевне и сообщил ей адрес издательства. Насколько мне известно, она ни Генджану, ни Дубровскому ничего не написала. Из Парижа я послал ей две большие застрахованные заказные бандероли, одну с глазными каплями (медикаменты по почте можно было отправлять лишь из Франции, но не из Англии) и вторую с канцелярскими товарами, фломастерами двух сортов и линзами для чтения. «Благодаря одной из Ваших линз я иногда читаю книги... фломастеры – это мои любимые», – написала мне впоследствии Лидия Корнеевна. У нее были проблемы со зрением, и она могла читать лишь с лупой, а письма писала фломастерами крупными буквами.

ЮНЕСКО и политика

Через три-четыре дня я позвонил Буццати-Траверзо. Он пригласил меня в свой офис. Хороших новостей не было. Совет директоров ЮНЕСКО отклонил ходатайство и рекомендации о назначении Жореса Медведева экспертом отдела науки. Это было сделано по требованию советских членов Совета директоров В. И. Ерофеева, заместителя генерального секретаря, и А. Г. Евстафьева, директора одного из отделов. Оба советских директора были недавно сотрудниками МИД СССР высокого ранга. Они настаивали на том что у Медведева нет нужной квалификации. Голосования не было, вопросы о назначениях решаются консенсусом. Буццати-Траверзо объяснил мне, что в ЮНЕСКО существуют квоты на экспертов от разных стран. При этом на квоты для Советского Союза имеется много незаполненных вакансий, а приглашения, которые делаются советским ученым, в большинстве случаев отклоняются советскими директорами и руководителями секций, если они не поддержаны МИД СССР. ЮНЕСКО все же не беспристрастна и отражает реалии холодной войны. Сотрудники любых агентств ООН получают сразу постоянную должность и не увольняются до шестидесяти лет. Эта практика назначения на постоянной основе теоретически обеспечивает им независимость от собственных правительств. Чиновник международного агентства должен чувствовать себя гражданином мира. Однако экспертам, назначаемым из Советского Союза, МИД СССР ставит условие обязательной отставки через пять лет. Но не все следуют этому правилу. Считать их невозвращенцами правительство СССР не имеет права – Устав ООН обязателен для всех стран – членов этой организации.

Мой, казалось, надежный план, таким образом, оказался пока нереальным. Но я уже подготовил новый – аналогичную попытку с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Она была менее политизированной, и Советский Союз имел в ней значительно меньшее влияние. Для работы в системе ВОЗ у меня тоже были авторитетные рекомендации. Поехать в Швейцарию я пока не мог, для этого требовалась виза. Но в Лондоне был филиал ВОЗ в большом здании на набережной Темзы, недалеко от здания Парламента. Там

находилась и обширная библиотека. В ближайшие дни я туда поехал, чтобы посмотреть отчеты ВОЗ по странам и лучше узнать о работах этого агентства ООН – прежде всего в области питания, геронтологии и гериатрии. В ВОЗ существовал отдел по гериатрии и отдельно по болезням обмена веществ и старения. Его возглавлял доктор Баррай (I. Barrai), медицинский генетик. Однако вскоре мне сообщили открыткой из Женевы, что на этот пост только что назначен доктор Ахметелли, в недавнем прошлом заведующий иностранным отделом Министерства здравоохранения СССР. Профессор М. Лернер, переводчик моей книги о Лысенко, предложил мне рекомендацию для работы в Организации по продовольствию и сельскому хозяйству ООН в Риме (FAO). Он написал по этому поводу подробное конфиденциальное письмо одному из своих учеников, работавших в FAO, Отто Френкелю (Otto Frankel). Френкель прислал мне тоже конфиденциальное письмо, в котором критиковал FAO и рекомендовал использовать возможности особой Программы ООН по охране окружающей среды (UN Environment Programme) или МАГАТЭ в Вене. Профессор Леонард Хейфлик и Натан Шок, директор Геронтологического центра в Балтиморе, выдвинули меня на стипендию Фогарти (Fogarty International Fellowships) и написали об этом президенту АН СССР. Однако эту стипендию устанавливали ученым разных стран для работы в лабораториях США. Теперь я был уверен, что в сентябре смогу получить какую-то престижную международную должность, статус которой лишит КГБ возможности любого вмешательства.

Лишен советского гражданства

В середине июля я наконец получил лицензию на опыты с животными. Покупка меченого радиоактивной серой (S35) метионина оказалась исключительно простым делом. В Советском Союзе мы заказывали все радиоактивные препараты в планах работ на следующий год. Сколько стоило то или иное радиоактивное соединение, мы не знали. Планы, тем более долгосрочные, как известно, меняются в зависимости от результатов текущей работы, и нередко ампулы с радиоактивными препаратами мы получали то слишком рано, то когда они уже не были нужны. Поэтому всегда приходилось заказывать «на всякий случай» больше, чем реально необходимо для опытов. В нашем лондонском институте радиоактивные препараты нужного типа заказывал инженер лаборатории, распорядившийся бюджетом на оборудование, по телефону непосредственно у фирмы-производителя по одному из нескольких каталогов и к определенной дате. Через неделю после получения лицензии мы с Ритой уже сделали несколько пробных инъекций S35-метионина мышам, чтобы отработать дозировки, технику быстрого выделения органов, гомогенизирования тканей, выделения ядер клеток центрифугированием, экстракцию гистонов, работу на сцинтилляционном счетчике и множество других аналитических процедур. Все это мы уже делали раньше и в Обнинске. Но сейчас нужно было привыкать к новой аппаратуре.

6 августа среди обычной почты на адрес института я получил плотный конверт. В обратном адресе были указаны лишь улица и номер дома, но ни названия учреждения, ни имени отправителя не было. Письмо было отправлено 2 августа вторым классом. (В Англии внутренние письма, отправлявшиеся первым классом, что стоило тогда лишь три пенса, доставлялись, как правило, утром на следующий день в любой пункт страны. Письма второго класса, считавшиеся несрочными, с маркой в два с половиной пенса, прибывали на третий или четвертый день.) Кто отправитель, я понял лишь из содержания письма:

*«Уважаемый Жорж Александрович!
Прошу Вас посетить Консульский отдел по интересующему Вас вопросу.
Мы принимаем посетителей от 10 до 12.30. Если Вы не сможете посетить нас утром, то прошу договориться по телефону о возможности встречи во второй половине дня.*

С уважением

Абрамов

Секретарь».

Жорж вместо Жорес – так было в письме.

С Абрамовым и консулом я встречался при регистрации наших паспортов, а затем в марте при обсуждении возможности поездки в Сан-Франциско на Генетический конгресс.

Я сразу поехал в консульство. Абрамов был очень приветлив:

– Мы решили изменить ваш статус в Англии и разрешить вам поездку в США на Генетический конгресс. Он открывается ведь, кажется, 20 августа, вы можете еще успеть к открытию. Дайте мне, пожалуйста, ваш паспорт, мы проставим в нем новый штамп.

– Извините, – ответил я, – паспорта у меня при себе нет, только британское удостоверение личности.

– Тогда приезжайте завтра в это же время, – сказал Абрамов, – и мы быстро все сделаем.

На следующий день, взяв с собой все три наших паспорта, я снова приехал в консульство. Абрамов провел меня в кабинет консула. Там нас ждал второй сотрудник, который представился Кудрявцевым. Он сказал, что скоро придет и консул. Однако консул не появлялся. Инициативу взял на себя Кудрявцев. Просмотрев три наших паспорта, он положил мой паспорт в стол. И уже без всякой приветливости, а с достаточно суровым выражением лица сказал, что ему поручено зачитать мне Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1973 года:

«За действия, порочащие звание советского гражданина, Президиум Верховного Совета СССР лишил советского гражданства Медведева Ж. А. Лишение гражданства произведено на основании статьи 7-й Закона о гражданстве Союза СССР.»

Медведев в течение ряда лет в Советском Союзе и в настоящее время в Англии, куда он выехал по частному приглашению, занимался фабрикацией, переправкой на Запад и распространением клеветнических материалов, порочащих советский государственный и общественный строй, советский народ».

Кем был подписан этот указ, мне не сообщили. На мой вопрос по этому поводу Кудрявцев не ответил. Председателем Президиума Верховного Совета СССР был в то время Николай Подгорный.

Описать мои чувства в тот момент трудно – какое-то тяжелое месиво внезапно возникшей горечи, возмущения и одновременно стыда за ту ложь, которая содержалась в указе. Я сразу же сказал Абрамову и Кудрявцеву – видимо, представителю КГБ в посольстве, что приехал в Англию не по частному, а по официальному приглашению, которое было принято и моим институтом в Боровске, и в ВАСХНИЛ. Именно на основании приглашения от лондонского института, дававшего мне статус приглашенного ученого, мне были выданы характеристика и годовая бронь на квартиру (при частных поездках за границу на такой срок ведомственные квартиры не бронируются).

– В указе утверждается, – сказал я, – что Медведев в настоящее время в Англии распространяет клеветнические материалы, порочащие советский государственный строй и советский народ. В чем это заключается? Я не опубликовал за полгода никаких статей и не сделал никаких заявлений ни в прессе, ни по радио! Можете ли вы привести мне хоть один пример клеветнических материалов? Что именно вменяется мне в вину?

– У нас в посольстве к вам никаких претензий нет, – ответил Абрамов. Он был явно смущен.

– Но зачем вы придумали предлог с Генетическим конгрессом? – спросил я. – Я бы отдал вам свой паспорт и без этой лжи... Президиум Верховного Совета не может формулировать обвинений – это функция генерального прокурора. Мне нужен полный текст

указа, так как я буду его оспаривать заявлением в Верховный Совет или в Верховный суд.

– Суды не имеют права отменять решения Президиума Верховного Совета, – вступил в разговор Кудрявцев. – Лишение гражданства не является необратимым, если вы возьмете на себя определенные обязательства и будете их выполнять, то это решение может быть пересмотрено.

– Оно будет пересмотрено и без всяких обязательств, – ответил я. – Можете ли вы передать мне копию указа или показать хотя бы его полный текст? Если оно было принято 16 июля, то текст уже есть, наверное, в посольстве? То, что вы мне зачитали, – это не текст указа, реальные указы имеют подпись председателя и секретаря Президиума.

– Указ принят с грифом «без публикации в печати», и у нас нет его полного текста, – ответил Кудрявцев. – Если у вас есть какие-либо ходатайства или заявления, скажите нам, и мы передадим их в Москву.

– У меня есть лишь одно заявление, – ответил я, – можете его передать в Москву. Я считаю недостойным для великой страны отбирать паспорт своего гражданина столь унижительным обманом. Это приемы аферистов, а не государственных деятелей. Гражданство, советское или российское, принадлежит мне по праву рождения, и лишить меня права иметь родину никто не может.

– Ваши жена и сын остаются гражданами СССР, – вступил в разговор Абрамов, – они могут вернуться в СССР, или же мы их зарегистрируем здесь в Англии. Нам будут нужны заявления об их намерениях.

Беседа продолжалась еще около получаса. Я спросил собеседников, смогу ли я приезжать в СССР хотя бы раз в год как лицо без гражданства для встреч с сыном, братом и другими родственниками.

– Эта проблема решается не нами, – ответил Абрамов.

Гриф «без публикации в печати» означал лишь то, что никакого полноценного указа еще просто не было, несколько членов ЦК КПСС, входивших также и в Президиум ВС СССР в рабочем порядке составили проект, который мог быть реализован при определенных условиях. Его могли опубликовать, но позже. Президиум Верховного Совета СССР не имел реальной власти и не проявлял собственных инициатив. В 1973 году он состоял из председателя и пятнадцати заместителей – председателей Президиумов ВС союзных республик и двадцати членов Президиума. В состав Президиума входили генеральный секретарь ЦК КПСС, несколько работников ЦК и Совета министров и несколько известных деятелей культуры, председатели колхозов и рабочие. Собирать полный Президиум, тем более часто, было практически невозможно, решения согласовывались по телефонам техническими сотрудниками. Кворума для решений не существовало, и нередко указы утверждались списком, по множеству за раз, так как даже награждения орденами и лишение гражданства эмигрантов в Израиль оформлялись через указы Президиума. (После 1977 года посты генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума ВС СССР объединили чтобы внести ясность в то, кому в СССР принадлежала реальная власть.)

Выйдя из консульства, я сначала зашел в ближайшее кафе, чтобы спокойно обдумать ситуацию. У Валерия Чалидзе в декабре 1972 года паспорт тоже отобрали путем обманного трюка. Указ, проект которого был составлен три недели назад, очевидно, объявлялся и вступал в силу лишь после конфискации этого документа. Имея его на руках, владелец юридически, по международному статусу, остается гражданином СССР и может вернуться на родину через Москву, Ташкент или Владивосток любыми транспортными средствами. В

этом случае для последующего выдворения необходимо официальное обвинение прокурора, решение суда и согласие какой-либо страны на принятие изгнанника. В моем случае все это могло бы быть достаточно сложно и проблематично.

Я позвонил домой, сообщил о том, что случилось, и сказал, что скоро приеду. Дима был еще в школе. Дома мне нужно было составить какое-то заявление для прессы, для директора института и для британского министерства внутренних дел, а также написать официальный протест в Верховный Совет, единственный орган государственной власти, имевший право на отмену указа. Однако с заявлением для прессы я уже опоздал. Из посольства, очевидно, сразу же позвонили в Москву и сообщили, что паспорт Медведева конфискован, и специальное заявление ТАСС «Лишен советского гражданства», точно повторявшее формулировки зачитанного мне текста, было срочно передано в эфир уже через час после моего разговора в консульстве. Я позвонил в Москву Рою и рассказал ему о случившемся. Рой тут же написал заявление для печати, датированное 8 августа:

«Выражаю решительный протест против лишения моего брата, Медведева Жореса Александровича, советского гражданства и против той лишенной всякой порядочности процедуры, в которую облекло этот акт советское посольство в Лондоне.

Лишение гражданства как мера наказания не предусмотрено Конституцией... Всякому наказанию, по Конституции СССР, должно предшествовать судебное разбирательство, предполагающее и право обвиняемого на защиту...»

Никаких других протестов или заявлений в мою защиту со стороны советских диссидентов не последовало. Они, наверное, не считали лишение гражданства наказанием, хотя, видимо, соглашались с незаконностью такой меры. В последующие дни я не получил из Советского Союза по этому поводу ни одного письма, ни одной открытки или телеграммы.

9 августа сообщение ТАСС о лишении Ж. А. Медведева советского гражданства было напечатано во всех центральных московских газетах с одобрительными, но неопределенными комментариями. Текст самого указа не публиковался. Никаких конкретных примеров клеветы или антисоветской деятельности Жореса Медведева нигде не приводилось. Большинство читателей газет вообще не знали, кто такой Ж. А. Медведев. Обобщенный текст этих комментариев был передан на английском и на других языках Всемирной службой Московского радио. В этом тексте, подготовленном наскоро каким-то совершенно юридически безграмотным сотрудником ТАСС, говорилось:

«Гражданин СССР – это звание, которое могут носить лишь люди его достойные... которые защищают интересы рабочего класса и социализма... наша страна не нуждается в таких индивидуумах, как Ж. А. Медведев, которые нарушают принципы советской морали... Буржуазная пресса подняла шум по поводу решения Президиума ВС СССР, представляя Медведева иногда героем, иногда жертвой. На самом же деле Медведев только клеветник и провокатор. Если он и жертва, то только жертва собственных преувеличенных амбиций... Советский народ приветствует решение Президиума Верховного Совета СССР».

Совершенно противоположными были статьи и комментарии американской, западноевропейской и японской прессы. Я получил в последующие дни сотни вырезок из разных газет, нередко с фотографиями, и на первых страницах. Пришло множество писем от моих западных коллег. Участники Генетического конгресса прислали мне коллективное письмо с выражением солидарности за множеством подписей. Редакционные комментарии, крайне критические в отношении обращения советских властей с учеными, появились вскоре и в научных журналах *Nature*, *Science*, *New Scientist* и др.

9 августа я написал подробное объяснение случившегося директору института Арнольду Бёргену и сообщил ему, что надеюсь работать в институте до окончания намеченного ранее срока (14 января 1974 года) и что не намерен просить политического убежища или британского гражданства.

Аналогичное письмо я отправил в тот же день в отдел миграции и виз британского министерства внутренних дел. 14 августа оттуда пришел ответ. Мне предлагалось обратиться к ним для получения временного удостоверения личности (Certificate of Identity), которое даст мне право получать визы для поездок в другие страны. Такие удостоверения выдаются лицам без гражданства или тем, паспорта которых не дают им этого права.

10 августа я подготовил на английском подробное заявление для прессы. В нем я опровергал ложные заявления некоторых газет (о том, что Ж. А. Медведев создал Московский комитет прав человека, или о том, что Медведев сказал: «Лучше жить в Англии, чем в советской тюрьме»). Наконец, 18 августа я написал подробное заявление в посольство СССР в Великобритании как «Обращение» в Верховный Совет, приложив к нему копии приглашения от директора лондонского института и копию характеристики на получение паспорта. Ответа я не получил. Текст моего протеста в посольство СССР был, уже по моей инициативе, полностью опубликован 30 августа в газете «Русская мысль» в Париже и 4 сентября в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке.

В отделе миграции и виз, куда я приехал в один из этих дней, мне предложили заполнить анкету-заявление. После этого довольно быстро я получил особый документ для поездок в другие страны. «Действителен для всех стран, кроме СССР» – такая красная надпись на английском была напечатана сверху. Документ был действителен до конца 1974 года. Он состоял из двух плотных листов бумаги. На первой странице была моя фотография, роспись, данные о рождении и семейном положении и описание примет: рост 180 см, глаза голубые, цвет волос, форма носа и т. д. Особых примет не было. Этот документ давал мне право возвращения в Соединенное Королевство без визы. Остальные три страницы были чистыми, они предназначались для виз тех стран, которые я намеревался посетить. Особым штампом в этом документе я был ограничен возможностью работать только в Национальном институте медицинских исследований. Никакие другие виды наемного труда, оплачиваемые или неоплачиваемые, мне не разрешались. Не разрешалось мне и заниматься бизнесом без особого одобрения государственного секретаря. У меня не было пока статуса резидента, был лишь статус приглашенного, и он сохранялся еще несколько месяцев. Но писать книги, статьи и получать гонорары мне не запрещалось, этот вид деятельности не относился к понятию «занятость». Отчитываться о доходах и платить налоги я был обязан, так как пользовался в Англии бесплатным медицинским обслуживанием и другими социальными благами, а также защитой полиции и армии и правом на бесплатное образование своих детей.

15 или 16 августа меня пригласил к себе директор института А. Бёрген. Ранее он,

очевидно, полагал, что финансирование моей поездки в Англию осуществлялось институтом в Боровске. Теперь ему стало ясно, что это не совсем так.

– Жорес, – сказал он, – я тут переговорил с Wellcom Trust (это большая частная биотехнологическая компания), и мы решили выделить вам грант на восемь месяцев. С сентября вы будете получать 250 фунтов в месяц (это была в то время примерно зарплата научного сотрудника. – Ж. М.). Потом мы еще что-нибудь организуем. Штатными должностями в институте я не распоряжаюсь, они принадлежат Медицинскому совету. Их возможностей я не знаю, но там много бюрократии и формальностей, так как их вакансии предусмотрены для категории государственных служащих. (Позднее я узнал, что на государственную службу можно принимать только граждан Великобритании. – Ж. М.)

Я пытался возражать, объясняя, что смогу обойтись гонорарами.

– Поберегите ваши гонорары на будущее, вам со временем нужно будет подумать и о покупке дома. Жизнь здесь намного сложнее, чем вам кажется, – ответил директор.

В августе я несколько раз соглашался на интервью русской службе Би-би-си и других радиостанций. Было много разных предложений выступить, иногда странных, например от Лиги защиты независимости Тайваня. Моя большая статья-интервью об академике А. Д. Сахарове была опубликована в британской воскресной газете *Observer*.

Поступило два предложения и на работу по годичным грантам в США – от Леонарда Хейфлика и от Дэвида Журавского (он предлагал работу на кафедре истории). Я искренне поблагодарил своих друзей, но объяснил, что уже принял грант в Англии.

В Советском Союзе мои друзья ждали от меня каких-либо резких заявлений и разоблачений. Однако я привык к более спокойным формам критики, основанным на историческом анализе. За несколько месяцев жизни в Англии я мог убедиться, что и британская демократия не идеальна и распространяется в основном на обеспеченные средние классы. Какой-либо полной свободы прессы здесь не было. Главный редактор и собственник старинной леволиберальной газеты *Observer* Дэвид Астор (David Astor), пригласивший нас с Ритой на обед, объяснил мне, что в действительности цензуру в печати осуществляют рекламодатели, от них зависит рентабельность любой газеты. «Если я изменю редакционную политику, – объяснял он, – то рекламодатели начнут бойкотировать “Observer” и мы сразу разоримся».

Моя книга «Взлет и падение Т. Д. Лысенко» была издана в 1969 году в США, а затем во многих других странах. В Англии права на ее издание купило издательство Оксфордского университета. Лысенко был тогда еще жив и состоял действительным членом АН СССР. Адвокаты оксфордского издательства заблокировали издание на том основании, что ее название «оскорбляет Лысенко» и что «он может подать на издательство в суд». Публикацию книги с таким названием можно было осуществить лишь после смерти псевдоученого. Так она и не вышла в Англии и не продавалась здесь, хотя и поступала в библиотеки по заказам из американского издательства. Книгу на английском продавали только в США, Канаде и Австралии, где за содержание книг несут ответственность перед судом авторы, а не издатели.

Между тем редактор и переводчик этой книги, профессор Михаил Лернер, придумавший и название, вполне адекватное содержанию, приезжал в сентябре в Эдинбург. Эдинбургский университет присвоил ему и еще четверым ученым из США звания почетных докторов. На церемонию, по рекомендации Лернера, пригласили и меня с женой. Принц Филипп, муж британской королевы, имел также титул герцога Эдинбургского и был

почетным ректором Эдинбургского университета. Вручение дипломов почетных докторов – одна из его привилегий. Церемония завершалась большим обедом, на котором принц Филипп произносил речь, насыщенную по традиции британским юмором. О научных заслугах почетных докторов ему не было надобности говорить. Я получил приглашение, в котором оговаривался дресс-код для мужчин: черный смокинг, черные брюки и черные туфли, а также особая белая рубашка и черный галстук-бабочка, каких я никогда не носил. (Поначалу мы купили обычный черный галстук, но нам вовремя объяснили, что такие надевают только на похороны.) Такой дресс-код обязателен для гостей в присутствии королевы и ее родственников. Женщинам следовало явиться в длинных вечерних платьях. На Пиккадилли был специальный магазин церемониальной одежды, где подгоняли одежду по фигуре для продажи или давали напрокат, даже на один день. Но мы решили приобрести все в собственность. Настоящая британская жизнь в Соединенном Королевстве для нас только начиналась.

Временные резиденты Великобритании

Получение нового удостоверения личности, действительного до конца 1974 года, означало, что британское министерство внутренних дел изменило мой статус с приглашенного лица на временного резидента Королевства. Такой же статус получили Рита и Дима, написавшие в советское консульство заявления о том, что они приняли решение остаться здесь вместе со мной, а не возвращаться в СССР после окончания годовичного срока их визы. Временным резидентам, не имеющим гражданства, удостоверения личности возобновляются каждый год. Если в течение трех лет временный резидент докажет свою способность жить без пособий и платить налоги, теперь уже не только с доходов в Великобритании, но и во всех других странах, то ему должны выдать другое удостоверение личности – двухгодичный дорожный документ (Travel Document) розоватого цвета, имеющий размеры и вид паспорта. Право подать заявление на получение британского гражданства появляется лишь после пяти лет безупречного резидентства и требует сложной процедуры натурализации и присяги на верность правящему монарху. Два урожденных британца должны письменно подтвердить «хороший характер» претендента.

Получив статус резидента, я и члены моей семьи приобретали и право на постоянного врача общей практики в ближайшей к нашему дому поликлинике. В Англии система государственного медицинского обслуживания несколько иная, чем в СССР. В московских и обнинских поликлиниках были врачи всех специальностей и пациент сам решал, к какому специалисту ему записаться. В Англии все идет сначала к своему общему практику (GP), и он, расспросив о жалобах и проведя осмотр пациента, дает направление к более узким специалистам, которые работают обычно не в поликлиниках, а в хорошо оборудованных отделениях больниц. Но рецепты все равно выписывает общий практик, к которому поступают отчеты и рекомендации специалистов. Лекарства по рецептам отпускаются в аптеках бесплатно, но за сам рецепт аптеки взимают сбор. В 1973-м он был небольшим – кажется, 20 или 30 пенсов. Аптеки не входят в систему государственной службы здравоохранения (NHS) и за проданные лекарства предъявляют счет NHS. При такой системе дорогие лекарства не включаются в списки NHS и тот же GP выписывает на них особые частные рецепты. За лекарства по частным рецептам нужно было платить полную стоимость, нередко высокую. Жалоб на здоровье у нас пока не было, но прикрепление к GP было необходимо, так как его имя, а также название поликлиники требовалось сообщать дантисту и окулисту – лечение зубов и подбор и продажа очков были в Англии отдельными услугами, обычно платными и не входившими в общую службу государственного здравоохранения. Моей первой медицинской проблемой стал заказ новых очков. Оказалось, что мои зрачки имели разный фокус, я об этом раньше не знал. С новыми очками стало легче читать. Заказ новых очков, главным образом их удобной и легкой оправы, стоил недешево, но жалеть о таких расходах не приходилось.

Второй задачей стало ежедневное получение газеты. Мы, естественно, выбрали *The Times*. Подписка на газеты производилась не на почте, а в ближайшем особом, «угловом» магазине на перекрестке, где продавались газеты, журналы и множество бытовых мелочей. Выбрав газету, надо было оплатить подписку на неделю или месяц и стоимость доставки.

Газеты развозили подписчикам очень рано, часто к семи утра. Почтовых ящиков на дверях не было, только специальная почтовая щель, прикрываемая накладной заслонкой. В эту широкую щель проходили и толстые английские газеты, иногда по 40–50 страниц каждая, половину которых занимали реклама и объявления. Большинство жителей не пользовались услугами платной доставки, а покупали газеты в киосках возле станций метро или остановок автобусов по дороге на работу. У нас, живших рядом с институтом, такой возможности не было.

Телефон в доме уже был переписан на мое имя, но с условием, что он не будет входить в телефонные справочники Лондона и сообщаться по запросам в справочное бюро. Мой телефонный номер и домашний адрес знали лишь друзья, сотрудники и некоторые из корреспондентов. Телефонное обслуживание в Лондоне было прекрасным, но, естественно, платным, даже в пределах города.

С сентября мне уже полагался грант, то есть ежемесячные переводы, за вычетом подоходного налога (около 25 %), в банк. Мы с Ритой открыли для этого специальный совместный счет в ближайшем отделении National Westminster Bank, каждый из нас мог теперь пользоваться чековой книжкой самостоятельно. На этот счет поступали и мои гонорары. Ранее открытый счет в другом банке в центре Лондона я использовал теперь только для Роя по его доверенности.

Получив грант, я стал приходить в институт каждый день и заканчивал работу, как и все, в 18.00. Общий стиль научной работы в Англии, по моей оценке, был неторопливым. В дополнение к перерыву на ланч всем сотрудникам предоставлялось еще два перерыва по пятнадцать минут на чай или кофе через два часа после начала рабочего дня и за два часа до его окончания. Этот режим распространялся на всех рабочих и служащих. Право на чайные перерывы британские трудящиеся завоевали еще в 1840 году.

С грантом я имел возможность пригласить лаборанта. Вакансия на временную работу лаборанта-биохимика была объявлена в разделе «Вакансии» еженедельного научно-популярного журнала *New Scientist*. За неделю поступило около сорока заявлений. Институтский отдел кадров отобрал трех перспективных кандидатов для собеседования с руководителем. Я остановил свой выбор на молодом человеке, недавно окончившем Кембриджский университет. Но он, к сожалению, оказался британцем и членом какого-то профсоюза. Взяв его на работу (с испытательным сроком всего лишь два месяца), уже нельзя было уволить его без пособия. На временную должность он поэтому не подходил. Увольнять без права на пособие можно было только иностранцев. Поэтому лаборантом у меня оказалась австралийская девушка Лиля, недавно закончившая биологическое отделение университета в Мельбурне и искавшая работу в Лондоне.

Большой радостью для меня стало неожиданное приглашение на торжественный обед Королевского общества по случаю приезда в Англию Петра Леонидовича Капицы с женой Анной Алексеевной. Это был их первый визит в Великобританию за сорок лет. В конце 1973 года отмечался пятидесятилетний юбилей с начала работы Капицы в лаборатории Резерфорда и сорокалетний юбилей создания Эрнстом Резерфордом в Кембридже специальной лаборатории для него. По этому случаю устраивался семинар, на который пригласили нескольких других учеников Резерфорда, почти все они были знаменитостями, некоторые лауреатами Нобелевской премии. (Сам П. Л. Капица удостоился Нобелевской премии лишь в 1978 году за открытие сверхтекучести жидкого гелия, сделанное им в 1937 году уже в Москве.)

На этот раз отказать знаменитому ученому, которому недавно исполнилось 79 лет, власти не решились. Кембриджская лаборатория Капицы продолжала работать, но уже без него. В Кембридже у семьи Петра Леонидовича с 1934 года оставался в собственности довольно большой дом. Теперь он хотел подарить этот дом Академии наук СССР.

Юбилейные обеды Королевского общества проходили в самом элитном клубе «The Athenaeum» недалеко от Трафальгарской площади. Его членами становились после отставки и все бывшие премьер-министры Королевства. По какому-то старинному правилу члены Королевского общества не могли приходить на обед с женами. Но для жены Капицы сделали исключение. Ее вводил на мужскую половину клуба президент Королевского общества Алан Ходкин (Alan Lloyd Hodgkin). В конце обеда всем его участникам по устоявшейся традиции раздавали сигары и табакерки с нюхательным табаком.

Оформить дарение своего дома в Кембридже АН СССР Капица в течение своей очень короткой поездки не смог. По принятому бог знает когда закону жилые дома в Кембридже могли принадлежать лишь работникам университета. Академия наук СССР не имела здесь прав на недвижимую собственность. Именно этот закон сохранил Кембридж как старинный город-университет, тогда как в Оксфорде знаменитому университету принадлежит лишь часть города. Спор о судьбе дома Капицы продолжался еще очень долго и решался адвокатами. Просто продать его было нелегко, требовался капитальный ремонт. За сорок лет накопились большие долги по ежегодным местным налогам на недвижимость. Но в гараже при доме стоял личный «Роллс-Ройс» Капицы 1929 года. Петр Леонидович научился водить машину еще в 1927-м. Ценность этого хорошо сохранившегося автомобиля, ставшего коллекционным, за сорок лет возросла во много раз. Чем закончилось дело с продажей, я узнал только в 1978 году, приехав по издательским делам в «Cambridge University Press». Дом к тому времени был уже отремонтирован и превращен в общежитие для аспирантов из СССР и стран СЭВ. Капитальный ремонт и перестройка осуществлялись, оказывается, на средства от аукционной продажи автомобиля. Петр Леонидович приезжал в Англию после того юбилейного года несколько раз.

Поправка Джексона

Проблемы, связанные с поправкой Джексона к заключенному в 1972–1973 годах комплексу соглашений между США и СССР, в который входил не только новый договор о торговле, обеспечивающий СССР режим наибольшего благоприятствования, но и общее соглашение о разрядке, предусматривающее взаимное сокращение количества ядерных боеголовок и межконтинентальных ракет, взорвались в международной прессе сотнями статей и комментариев именно в середине сентября, в связи с «Посланием Сахарова» к американскому конгрессу, переданным Андреем Дмитриевичем западным журналистам. Сахаров рекомендовал конгрессу одобрить поправку Джексона как средство давления на руководство СССР и для обеспечения прав советских граждан на эмиграцию. «Поправка не может быть угрозой советско-американским отношениям, – писал Сахаров, – ...она не ставит под угрозу международную разрядку... Ее условия минимальны и неунизительны». Эти утверждения противоречили всей логике возникшей ситуации. Сам Сахаров в своих «Воспоминаниях» предпочитает не говорить о причинах и обстоятельствах, побудивших его на этот шаг:

«В сентябре или в конце августа (не помню точной даты) я написал письмо Конгрессу США в поддержку поправки Джексона... Письмо о поправке Джексона было одним из самых известных и наиболее действенных моих выступлений. Не случайно Киссинджер в своей книге “Четыре года в Белом доме” упоминает мое имя только в связи с этим письмом – по тону довольно неодобрительно, он, видимо, считает, что поправка Джексона повредила разрядке; на самом деле она сделала основы разрядки более здоровыми, хотя и в недостаточной степени!» (Париж, 1990. С. 542–543).

В действительности Сахаров начал положительно высказываться о поправке Джексона в многочисленных, почти ежедневных интервью иностранным корреспондентам в своей квартире с середины августа. Это привело к активной кампании против Сахарова в советской прессе, причины которой были тогда неясны для многих, так как самих заявлений Сахарова никто не читал. Примеры таких выступлений приводятся в «Приложении» к «Воспоминаниям» Сахарова. Однако текст самого «Послания» в этой книге не публикуется. Для меня очевидно, что этот текст был составлен уже по заказу, чтобы упорядочить в «Послании» различные высказывания Андрея Дмитриевича из интервью, а также прозвучавшие на пресс-конференциях и публиковавшиеся по частям во многих западных газетах. Письмо Сахарова было включено в «Протоколы Конгресса» по просьбе Джексона. Его перевод опубликовали в рамке крупным шрифтом, как рекламу, в газете «The Washington Post» 18 сентября. Такая реклама требует солидной оплаты. По утверждению Солженицына, Сахаров подписал текст, который принесла ему «группа около 90 евреев», написавших «письмо американскому конгрессу о своем: чтоб конгресс не давал торгового благоприятствования СССР, пока не разрешат еврейской эмиграции... Но для придания веса своему посланию они пришли к Сахарову и просили его от своего имени подписать такой же текст отдельно... И действительно, по традиции и по наклону к этой проблеме Сахаров подписал им...» (Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 403–404).

Лично я не верю ни в одну из этих версий, так как текст письма Сахарова по краткости формулировок и отсутствию каких-либо объяснений и аргументации, что не характерно для других текстов А. Д., по стилю был именно рекламой, а не логически обоснованным предложением.

Киссинджер действительно очень неодобрительно высказывался и о самой поправке Джексона, и о «Послании» Сахарова, воскресившего уже угасавшие дебаты по этой проблеме. Анализ существа всех споров содержится не в первом томе мемуаров Киссинджера, который упоминает Сахаров, а во втором – «Переломные годы» (Years of Upheaval. 1982. P. 986–990). Мне придется еще несколько раз возвращаться к этой проблеме с различными пояснениями, так как меня не только привлекли к дискуссии о поправке Джексона в прессе и на разных совещаниях, но и пригласили сделать доклад на специальных слушаниях по разрядке в комиссии по иностранным делам сената США, проходивших в Вашингтоне в 1974 году. Я смог познакомиться и полемизировать по этому вопросу не только с Киссинджером, но и с сенатором Генри Джексоном и подготовить доклад, который вошел в двухтомник слушаний конгресса «Détente 1974».

Суть дела, как ясно лишь сейчас, состояла в том, что поправка Джексона к комплексу соглашений о разрядке, поддержанная в палате представителей Чарлзом Вэником (Charles Vanik) и внесенная еще в 1972 году, в действительности была разработана не для облегчения

эмиграции из СССР (в основном в Израиль). Это был лишь фасад поправки, который позволил вовлечь в дебаты многих либералов, защитников прав человека и в конечном итоге весь американский конгресс и руководителей СССР и придал поправке какой-то гуманитарный уклон, которого у ее спонсоров не было. Само по себе требование Джексона, чтобы советское руководство согласилось выдавать в год не тридцать тысяч эмиграционных виз в Израиль, как это стало реальностью в 1972 году, а сто тысяч, было нелепым. Такого числа желающих уехать из СССР в Израиль просто не было. Давать публичные гарантии и цифры по столь унижительному требованию своего стратегического противника советские лидеры не могли. Это было очевидным для Никсона и Киссинджера. Основными лоббистами поправки Джексона были военно-промышленные корпорации США, в системе которых именно к концу 1972 года были разработаны и поступали на вооружение США новые поколения стратегических межконтинентальных ракет с разделяющимися боеголовками независимого наведения и много других систем, обеспечивавших США военное превосходство на много лет вперед. Договор об ограничении стратегических вооружений был в 1973 году уступкой США Советскому Союзу, необходимой администрации Никсона – Киссинджера в обмен на обеспечение сколь-либо приемлемого выхода США из уже проигранной войны во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

В 1973 году истинные намерения Генри Джексона, находившегося в сенате для лоббирования интересов военно-промышленных корпораций, еще умело прикрывались гуманитарными проблемами, сначала налогом на образование эмигрантов (требованием, чтобы уезжавшие из СССР специалисты компенсировали часть расходов государства на полученное бесплатно высшее образование и стипендии), затем вопросом о количестве ежегодных виз на выезд в Израиль.

Согласие на каждое из этих условий и полная свобода эмиграции, введенная Горбачевым, приводили к новым, все менее и менее приемлемым требованиям. После того, как Советский Союз исчез как супердержава, холодная война закончилась, а Джексон и Вэник умерли (первый в 1983 году, второй в 2007-м), поправка Джексона – Вэника сохранялась и действовала, хотя по тексту была оговорена лишь для стран «не имеющих рыночной экономики». Ее не отменяли, а просто привязывали по крайней мере к десяти разным новым условиям уже для России и стран СНГ. Формально ее отменили лишь для Киргизии, Грузии, Армении и Украины (после «оранжевой революции»). Барак Обама пообещал Путину отменить ее в 2012 году и для России. И это действительно произошло в декабре 2012 года, но с ограничениями, связанными с принятием конгрессом США «закона Магнитского».

Комплекс важных для США и СССР соглашений о разрядке, снижавших и темпы гонки вооружений, поступил на ратификацию в конгресс США в 1973 году. Неожиданное «Послание А. Д. Сахарова Конгрессу США», датированное 14 сентября 1973 года, стало предлогом для замедления этого процесса, продлив его до конца 1974-го, когда Дж. Форд, сменивший на посту президента США дискредитированного импичментом Никсона, не сумел реализовать рекомендаций Киссинджера. Поправка Джексона была принята сенатом США, и это решение продлило на несколько лет гонку ракетно-ядерных вооружений и резко сократило эмиграцию из СССР. Разрядка реально началась лишь тогда, когда и Советский Союз сумел разработать и испытать такие же новые системы ракетно-ядерных вооружений, восстановив стратегический паритет.

Острые дискуссии на тему разрядки, поправки Джексона и беспрецедентной кампании в советской прессе с критикой Сахарова и Солженицына стали главными международными событиями и для британской прессы. Уйти от этой полемики было невозможно. Перечислять здесь все мои выступления и интервью долго и неинтересно. Наиболее тщательно продуманной публикацией была статья в воскресной газете *The Observer* в середине сентября, которую я написал по просьбе ее главного редактора Дэвида Астора. Его заместитель по международным проблемам Эндрю Уилсон (Andrew Wilson) прислал мне в начале сентября письмо, в котором сообщил, что газета выделяет для моей статьи полную страницу на 2500 слов или больше, если понадобится. При этом Уилсон сформулировал серию вопросов, на которые редакция надеется получить ответы в моей статье. Среди них на первом месте был вопрос о Сахарове и Солженицыне:

«Будут ли Солженицын и Сахаров сосланы в отдаленные места, туда, где они окажутся недоступны для визитеров?»

«Правы ли Солженицын и Сахаров, полагая, что советский режим чувствителен к давлению с Запада, – будет ли такое давление способствовать либерализации внутренней политики? Почему они не обращаются к собственным лидерам или к собственному народу?» и т. д.

Были и не совсем обычные вопросы:

«Не является ли Косыгин более мягким человеком, чем Брежнев?»

«Есть ли “центр” в советском политическом спектре?»

Моя статья была готова к назначенному сроку и опубликована после тщательного редактирования. О поправке Джексона я высказался крайне отрицательно, пытаюсь объяснить, что ее принятие конгрессом США приведет к диаметрально противоположным результатам в отношении эмиграции в Израиль и ликвидирует наметившиеся перспективы сокращения стратегических вооружений.

Независимо от меня Рой написал в тот же период более обширную статью «Уроки Уотергейта и перспективы разрядки. Взгляд из СССР», в которой высказывал сходные с моими мысли. Эта статья в виде рукописи передавалась некоторым западным журналистам и была напечатана полностью в ноябре в еженедельной немецкой газете *Die Zeit*, выходившей в Гамбурге, и с сокращениями во многих других газетах.

На эти публикации было много весьма положительных откликов. Я высказывал сомнение в том, что партийные лидеры решатся на арест и ссылку Сахарова и Солженицына, так как это лишь усилит международную кампанию в их защиту. Но поток критических статей в советской прессе против Сахарова и Солженицына внезапно прекратился. Одновременно с этим как-то быстро угасла и в американской прессе дискуссия по поводу поправки Джексона. Причины столь внезапной остановки полемики, когда она только разгоралась, стали понятными через несколько дней. На границе между Израилем и Египтом, проходившей с 1967 года по закрытому Суэцкому каналу, началось передвижение военных частей и техники, свидетельствующее о том, что армия Египта готовится штурмовать позиции Израиля. Разведка со спутников практически не дает возможности осуществить внезапное нападение на широком фронте. Для Советского Союза, который обеспечивал в то время египетскую армию техникой и военными советниками, планы Египта не могли быть секретом. Однако, судя по историческим документам, дата начала

египетской операции, 6 октября, оказалась неожиданной для всех сторон. Но главным, наиболее эффективным и тоже неожиданным оружием в этой войне стало нефтяное эмбарго в отношении всех основных союзников Израиля, введенное уже с середины октября Саудовской Аравией, Кувейтом, Арабскими Эмиратами и Ираном. Цены на нефть на мировом рынке выросли в пять раз в течение двух недель. Это привело к быстрому развитию экономического кризиса во всех странах Западной Европы, в Японии и в США. Одновременно резко возросла для всей Европы роль Советского Союза как независимого от ОПЕК экспортера нефти и нефтепродуктов. Всякое политическое или экономическое давление на правительство СССР с целью либерализации внутренней политики или облегчения эмиграции в Израиль сразу потеряло актуальность.

Внимательно наблюдая за всеми этими событиями в мире, я сосредоточился в то время на экспериментальной работе в лаборатории. Полученный мною грант был слишком краткосрочным, и мое профессиональное будущее зависело не от лекций, семинаров или статей в газетах на политические темы, а от результатов реальных научных исследований. К январю-февралю 1974 года нам с Ритой нужно было провести первую серию опытов по динамике синтеза белков клеточных ядер – гистонов в органах мышей и представить результаты в виде статьи, может быть и очень небольшой, но приемлемой для публикации в научном журнале. Для научных работников во всем мире главным критерием успеха всегда были и есть публикации новых экспериментальных результатов. Теперь я работал в институте до позднего вечера. 16 ноября мне снова пришлось надеть как лектору Королевского института смокинг, чтобы прочесть лекцию по проблемам старения. В этом на самом деле научном институте, основанном в 1800 году, проводил свои опыты по электричеству Фарадей. Работал там и знаменитый Хэмфри Дэви. Но слово «королевский» в названии обязывало всех присутствующих на лекции соблюдать дресс-код.

В ноябре меня отвлекло на короткий срок от научной работы неожиданно резкое выступление против братьев Медведевых писателя Владимира Максимова, переданное по телефону из Москвы в газету *The Daily Telegraph*. Его опубликовали 19 ноября лишь частично, так как оно содержало несколько очень грубых выражений и необоснованных обвинений, которые британская газета не могла давать без проверки. Но полностью и без всякой проверки его напечатали в эмигрантском антикоммунистическом журнале Народно-трудового союза (НТС) «Посев» (Франкфурт-на-Майне) с припиской: «Передано по телефону корреспонденту “Дейли Телеграф” 18 ноября 1973 года». Этим корреспондентом «по делам коммунистических стран» был Дэвид Флойд (David Floyd). Я обратил внимание на Флойда еще 9 августа, так как именно в его сообщении о лишении меня гражданства была якобы сказанная мной по телефону лично ему фраза: «Лучше жить в Британии, чем в советской тюрьме», которой я не произносил. У меня вообще не было 7 и 8 августа никаких телефонных интервью. Флойд, как я тогда выяснил, передал в *The Daily Telegraph* сообщение о лишении меня гражданства уже 7 августа вскоре после того, как я покинул советское консульство. Не исключено, что консульские работники сообщили об этом сначала Флойду и лишь затем в отдел ТАСС при МИД СССР. Поэтому, публикуя эту новость, газеты разных стран в одних случаях ссылались на «Сообщение ТАСС» из Москвы, в других – на *The Daily Telegraph*, сообщившей эту новость утром 8 августа, на день раньше, чем другие западные и центральные советские газеты. 9 августа Флойд опубликовал вторую, более подробную статью, в которой содержались некоторые детали моего разговора с работниками консульства, узнать которые он мог только от моих консульских собеседников. Но он

представил их в виде интервью, причем «эсклюзивного», взятого у меня якобы по телефону. Никакого интервью, разумеется, не было.

Максимов позвонил именно Флойду не случайно. Как корреспондент консервативной *The Daily Telegraph*, свободно владеющий русским, Флойд пользовался полным доверием у московских правозащитников. В Лондоне к нему относились с меньшим доверием. В недавнем прошлом Флойд работал в советском отделе британского министерства иностранных дел, откуда был уволен после женитьбы на чешке. Работникам этого министерства не разрешалось вступать в брак с женщинами из определенных стран. Нарушив это правило, Флойд лишился допуска к секретным материалам по социалистическим странам.

Обращаясь в своем выступлении к братьям Медведевым, Максимов сказал:

«Даже когда один из вас покинул страну, все ваши усилия, как извне, так и изнутри, работали синхронно в одном направлении. Один из вас, спекулируя именем великого писателя, нажил себе состояние за рубежом, тогда как другой, занимаясь историческими изысканиями по принципу “применительно к подлости”, стяжал свой политический капитал среди интеллигентов средней руки, причем известного пошиба... в наше смутное время для такого рода людей открылись самые вольготные возможности, но, видимо, ваш весьма сомнительный успех вскружил вам голову, и вы перешли всякую грань дозволенного... вы не постыдились поднять руку на нравственную гордость России – академика Сахарова... Опомнитесь, господа, не слишком ли! ...на кого вы работаете!.. Обращение Сахарова в конгресс США уже помогло множеству людей обрести родину и воссоединиться со своими близкими... Побойтесь Бога, уважаемые...»
(Посев. 1973. № 12).

Максимов был не очень известным писателем, публиковавшим свои произведения в консервативном журнале «Октябрь». Но два его последних романа – «Карантин», действие которого происходит во время сравнительно недавней вспышки холеры в Одессе, и «Семь дней творения» – отказались публиковать и в «Октябре». В начале августа 1973 года Максимов неожиданно распространил среди западных корреспондентов в Москве «Открытое письмо Г. Бёллю» с неоправданно грубой и резкой критикой канцлера ФРГ Вилли Брандта. Изложение этого письма появилось в *The New York Times* 10 августа, а полный текст – в журнале «Посев» № 10. О Вилли Брандте, получившем в 1971 году Нобелевскую премию мира, Максимов писал: «...сегодня убогим апологетам нового Мюнхена, возомнившим себя великими политиками, вручают уже Нобелевские премии мира», и обещал, что «место на скамье подсудимых Второго Нюрнберга... им обеспечено».

Я сначала намеревался ответить на эти «открытые письма» тоже в резкой форме, но, подумав, решил не торопиться. Стиль этих писем показывал, что Максимов хотел привлечь внимание прежде всего на самого себя, стать молниеносно наиболее непримиримым противником социализма и коммунизма, которым он раньше не был. Это наводило на мысль о том, что он намерен уехать из СССР ради какой-то, пока неясной цели. Как выяснилось из письма Роя, Максимов уже подал заявление о разрешении на поездку во Францию по приглашению ПЕН-клуба и теперь намеренно делал себя «неудобным» для властей. Критиковать Медведевых Максимов мог как угодно, но объявлять военным преступником

лидера дружественного СССР западного государства не имел ни морального, ни законного права. Это делалось по заказу для какого-то сценария на будущее. Я посоветовался с Роем, и он прислал мне через Льва Копелева, у которого был канал для конфиденциальной переписки через немецких дипломатов (Копелев и Генрих Бёлль были друзьями), подробную справку о Максимове:

«С 1963 г. член редколлегии “Октября”... лечился в больнице им. Ганнушкина от запоев... Долгое время дружил с помощником Мазурова (члена Политбюро) Марком Михайловым и участвовал в правительственных “развлечениях”, рыбалках, охотах и т. д. Когда Максимов приходил к Ильину (это был отставной генерал КГБ, руководивший Первым Отделом Союза Писателей), то удалялись все сотрудники и беседа с глазу на глаз продолжалась иногда 5 часов. Ильин объявлял заранее, что никого принимать не будет. ...С 1970 года Максимов получал пенсию Литфонда по справке психбольницы...»

Сам Лев Копелев написал (письмо от 13 декабря 1973):

«Дорогой Жорес Алекс., переправляя письмо Роя, хочу добавить и несколько строк от себя... Максимов, несомненно, по природе – от Бога – очень одаренный (художественно) человек. Но притом чрезвычайно дурно воспитан, прошел полную школу истинно сталинского калечения мозгов и душ и, даже отвергнув идеологию, символы и святыни сталинщины, сохранил в полной мере метод мышления, стиль поведения, основы нравственного сознания – т. е. крайнюю нетерпимость, неспособность даже выслушать иные, чем у него, мысли, нежелание знать того, что не знает... исконно сталинской природы у него обязательное шельмование любого несогласного как врага, негодяя, агента или идиота... Если добавить к этому болезненное самолюбие и тщеславие поздно и почти неожиданно для себя приобретшего известность литератора, а отсюда и фанатическую самоуверенность, а также ту степень малообразованности, когда любая очередная приглянувшаяся книга представляется истиной в наипоследней инстанции, и, наконец, такие немаловажные обстоятельства, как жестокий алкоголизм, то мне представляется, что такого человека со всем его истерическим невежеством следует прежде всего жалеть как жертву нашего великого проклятого времени...»

Сам Копелев прошел ту же «сталинскую школу», включавшую арест и десятилетний срок, но при этом сохранил здравый смысл и способность к принятию аргументов собеседника в нередких спорах.

Поправку Джексона и письмо Сахарова конгрессу Копелев, однако, безоговорочно поддерживал. Он убеждал меня не отвечать на «истерический выпад» Максимова, «во всяком случае, пока он не окажется по ту сторону границы».

В Советском Союзе даже наиболее образованная часть оппозиции, вышедшая из относительно привилегированных слоев общества, быстро забыла, что современный демократический гуманизм Западной Европы был пока еще новым, недавним и, может быть, временным явлением последних двух десятилетий, сменившим жестокость колониализма,

мировых войн, революций, социальных конфликтов и истребления нацистами еврейского населения. Эта смена жестоких форм капитализма на более гуманные основывалась на обеспечении экономического подъема и материального благополучия широких масс населения в относительно ограниченном числе стран. Но процесс гуманизации Европы все еще продолжался. В Испании и Португалии в 1973 году еще правили Франко и Салазар, в Греции – хунта полковников. Во многих странах Африки шли жестокие войны за независимость. В сентябре 1973 года произошел явно поддержанный США военный переворот в Чили. Демократически избранный президент Чили социалист Сальвадор Альенде был убит. Генерал Пиночет установил в республике режим террора и военную диктатуру. (Отношение к этому перевороту тоже разделило диссидентов на два лагеря.) Лишь специалисты по истории экономики могли объяснить, что послевоенный экономический подъем в США и в Западной Европе, обеспечивший благосостояние широких масс населения, базировался на колоссальных объемах производства энергии, которые выросли в результате исторического перехода от использования угля для ее получения к более концентрированной и легко транспортируемой нефти и другим углеводородам. Нефтяное эмбарго, введенное против Западной Европы и США в октябре, вело к неожиданным экономическим дивидендам для СССР и к жестокому энергетическому и общему кризису в западных странах. Это сразу меняло политические приоритеты и усиливало левые социалистические течения.

Экономический кризис

Экономический кризис пришел в Великобританию неожиданно и внезапно. Вся жизнь изменилась в течение двух-трех недель. В 1973 году в стране совершенно не было добычи нефти. Атомная энергетика только начинала развиваться. Гидроэнергетики тоже почти не было. Небольшие гидроэлектростанции существовали лишь в горных районах Шотландии. Почти половина всех тепловых электростанций была уже переведена на импортируемое жидкое топливо, более дешевое и чистое по сравнению с традиционным для Англии углем. Нефть до 1973 года была в мировой торговле столь дешевой (два доллара за баррель), что миллионы домов в небольших городах и деревнях имели отопительную систему на дизельном топливе, а иногда и на сырой нефти. Аналогичные способы отопления широко использовались в Германии и во Франции. Альтернатив жидкому топливу для транспорта не существовало нигде. Личный автомобиль давно перестал быть предметом роскоши, он превратился в предмет первой необходимости и изменил весь стиль жизни как в городах, так и в сельской местности. Природный газ со дна Северного моря тогда еще не добывали. Газоснабжение городов, в том числе и Лондона, обеспечивалось газом, производимым из угля на газогенераторных заводах.

Связанные с экономическим кризисом изменения в повседневной жизни рядовых британцев напоминали, наверное, те, что были во время блокады в 1939 году. Консервативное правительство Хита (Ed. Heath) ввело в стране чрезвычайное положение и трехдневную рабочую неделю. Экономия энергии стала приоритетом. Для научных институтов это означало почти полную остановку работы и бессрочный отпуск сотрудников. Живущим за городом, а таких было большинство, так как дома в окрестных городках были намного дешевле, не разрешалось теперь приезжать в институт без пассажиров. Шеф нашего отдела генетики Робин Холлидей, живший в двадцати милях от Лондона, должен был по

дороге сажать в автомобиль трех-четырех сотрудников института и развозить их по домам после окончания рабочего дня. Полицейские на дорогах следили за заполненностью автомобилей пассажирами. Круто вверх пошла безработица, счет шел уже на миллионы. Но самым заметным явлением для всех стала давно забытая инфляция. К концу года она достигла 10 %, а в 1974-м перевалила за 25 % и продолжала расти. Банк Британии включил печатные станки – другого выхода для поддержания товарооборота пока не смогли найти. Инфляция дополнялась девальвацией фунта стерлингов. Правительство консерваторов, неспособное справиться с кризисом, причины которого лежали за пределами страны, объявило в начале 1974 года досрочные выборы в парламент. С небольшим большинством победили лейбористы. Премьер-министром с 4 марта стал социалист Гарольд Вильсон (Harold Wilson). Он быстро отменил чрезвычайное положение и восстановил пятидневную рабочую неделю. Приоритетом для Вильсона и его правительства, в котором министром промышленности и энергетики стал близкий Вильсону левый лейборист, историк, философ и экономист Тони Бенн, стало улучшение отношений с СССР. Советский Союз был главным источником сырья для Европы и важным рынком сбыта. Сходные изменения в политике происходили в ФРГ и Франции. Нефтепроводы и газопроводы из Сибири в европейские страны уже начали закладывать вопреки возражениям администрации США, запретившей поставку в Европу мощных трубоукладчиков, на производство которых у американских корпораций была в то время монополия. Трубы большого диаметра шли в Советский Союз из ФРГ. Их поставляли в кредит, с оплатой будущим экспортом нефти. В советский бюджет вскоре потекли обильные потоки нефте- и газодолларов. Значительно расширился импорт в СССР потребительских товаров.

Среди диссидентов следующие несколько лет получили определение «период застоя». Но это был застой не в экономике, а в политической жизни. Прозападничество среди диссидентов пошло на убыль. Но резко усилился религиозный русский национализм. Его представители предлагали использовать экспортные прибыли не на рост потребительства, а на возрождение чисто русских православных традиций. Солженицын предложил свой рецепт решения всех проблем в знаменитом «Письме вождям Советского Союза». Оно было написано еще до кризиса. Сначала оно прошло незамеченным, идеи автора были слишком антизападными и казались анахронизмом. Однако с развитием тяжелейшего кризиса в капиталистических странах и в начинавшийся в СССР период брежневского застоя, означавшего длительную стабильность власти, идеи, предложенные Солженицыным не для всего мира, а отдельно для русского народа, стали активно обсуждаться и подвергаться критике среди диссидентов в СССР и в западной прессе.

Кризис в советской оппозиции

Диссидентские течения в СССР пока еще не стали реальной оппозицией существующей власти. Отсутствовали условия для их развития. В здоровых политических системах интеллектуальная оппозиция существующей власти должна быть законной, а не криминализованной деятельностью. Она развивает в общественном организме полезные иммунные системы, улучшает способность политиков к полемике. Не случайно почти все западные лидеры, как правило, прекрасные полемисты и ораторы. Потеря интереса западных политических кругов к советским диссидентам стала в конце 1973 года слишком очевидной. Она началась еще с лета 1973 года, до энергетического кризиса, под влиянием открытого

суда над Петром Якиром и Виктором Красиным, двумя наиболее активными правозащитниками, которые сотрудничали со следователями КГБ. Но для многих уже включившихся в оппозиционную деятельность ученых и писателей возвращение к прежней литературной или научной работе в условиях все больших ограничений и усиливавшихся репрессий стало невозможным. Мой друг Валентин Турчин, звезда обнинского КВН 1963 года, составивший вместе с Сахаровым и Роем Медведевым в 1970 году совместное письмо в ЦК КПСС, не был переизбран на должность заведующего отделом Института прикладной математики АН СССР. Но его оставили пока старшим сотрудником. Набор его научно-популярной книги «Феномен науки» был рассыпан. По конфиденциальным каналам он прислал мне копию верстки своей книги для возможного издания в США. В письме, полученном мною в это же время (оно было без даты), Валентин писал:

«О книге: кибернетический взгляд на эволюцию вообще и эволюцию математики. 15 авторских листов, 100 диаграмм. Книга требует для чтения умственной работы. Что Вы посоветуете?»

Шансов, что дадут нормально работать и печататься, мало. Поэтому у нас появились настроения – тю-тю – (уезжать). Как и куда с Вашей точки зрения лучше: в Англию или в США?»

Еще в августе я получил очень краткое письмо от историка Александра Моисеевича Некрича, работавшего в Институте всеобщей истории АН СССР. Его переслал мне Рой через наши конфиденциальные каналы связи. Рой объяснил также общую ситуацию и давал адрес, на который следовало переслать письмо Некрича. Я сам лично Некрича почти не знал, он лишь один раз приезжал в Обнинск в 1966 году на обсуждение своей книги «22 июня 1941 года». В ней он писал о причинах поражения Красной Армии в начале войны и возлагал главную вину за это на Сталина и на репрессии среди командиров и комиссаров Красной Армии в 1937–1938 годах. Изданная в 1965 году тиражом 50 000 экземпляров, книга стала событием того времени и активно обсуждалась. Ее перевели на английский, немецкий и французский. Некрич, ветеран войны и член КПСС, не был диссидентом. В институте он был старшим научным сотрудником и два срока секретарем партбюро, в 1963 году защитил докторскую диссертацию. Однако политический поворот 1965 года и попытки реабилитировать Сталина сделали Некрича диссидентом вопреки его собственному желанию. Он перестал получать разрешения на поездки за границу, даже в страны СЭВ. Его новые книги и статьи не печатались. В 1967 году «за отказ признать ошибки» Некрича исключили из КПСС, но оставили работать в институте. Несколько лет он мирился с таким положением и даже не пытался контактировать ни со мной, ни с Роем, хотя раньше был с нами в дружбе. Теперь Некрич понял, что в СССР у него нет никаких перспектив, и попросил меня связаться с профессором Джоном Эриксоном (John Erickson), лучшим в Великобритании военным историком и автором двухтомного труда о войне Германии с СССР в 1941–1945 годах. Некрич предполагал, что его могли бы пригласить на какую-то, хотя бы временную, работу в Великобритании, английским он владел свободно. Дж. Эриксон, работая над своей книгой, часто приезжал в Москву, и Некрич помогал ему в сборе материалов для первого тома «Дорога на Сталинград».

Эриксон отнесся к возможности приезда Некрича с большим оптимизмом и, отвечая на мое письмо, сообщил:

«Я не стал терять времени и сделал запрос в нашу School of History, и я буду консультироваться с моими коллегами. Это хорошая идея – пригласить Сашу для лекций здесь и посетить другие институты. Организация такого визита требует некоторого времени, и я напишу Вам, когда картина станет яснее».

Копию этого письма я переслал Некричу. Речь в нем явно шла о кратковременных визитах и лекциях, а не об оплачиваемой работе. Когда Некрич, получив приглашение в ноябре или в декабре, подал в дирекцию своего института просьбу о поездке, ему отказали. Вместе с тем ему дали понять, что он может запросить визу на эмиграцию в Израиль. Некрич в итоге так и сделал, но затем переехал из Израиля в США, где получил грант в Гарвардском университете.

30 ноября А. Д. Сахаров подал в Президиум АН СССР официальное заявление о поездке в Принстон, куда его пригласили для чтения лекций на 1973–1974 учебный год. Он намеревался ехать в США с Еленой Боннэр и ее детьми. В своих «Воспоминаниях» Сахаров писал:

«Мое положение в некоторых отношениях существенно отличается от положения Чалидзе и Медведева, и я надеюсь, что это будет учтено советскими властями. Со своей стороны я заявляю, что желаю сохранить советское гражданство и вернуться на родину» (Париж, 1975. С. 885).

В тот же период, точной даты я сейчас не помню, наша новая знакомая, преподаватель русской литературы одного из лондонских колледжей Ольга Хайг, привела к нам в гости Василия Аксенова. Рой был с ним хорошо знаком. Аксенов хотел посоветоваться насчет переезда в США. В СССР он был очень популярным и успешным писателем и часто печатался в массовом журнале «Юность» без всяких проблем. Однако два его новых и, как он считал, новаторских романа «Ожог» и «Остров Крым» отказались печатать журналы и издательства. Автор полагал, что они могли бы иметь на Западе такой же успех, как и произведения Солженицына. Аксенов не был диссидентом и ездил за границу, в основном во Францию и в Италию, довольно часто. Я его новых романов не читал и не мог высказать ему свое мнение, однако настоятельно рекомендовал обеспечить сначала договор и издание этих романов в США и лишь затем решать вопрос о переезде. В качестве примера я привел ему проблемы Григория Свирского – писателя, которого он знал. Свирский, уехавший в эмиграцию в Израиль в 1972 году, в это время жил уже в Канаде, но не мог добиться перевода своих произведений на английский. На книжном рынке США и Западной Европы наблюдался явный избыток советской тематики, которая не могла захватить широкие круги западных читателей. Многих советских проблем они явно не понимали. Трамплином для успеха того или иного литературного произведения в англоязычном мире оставались известность автора и реклама. Большие тиражи романов в Великобритании обеспечивались лишь тогда, когда их дешевые издания в бумажном переплете поступали в книготорговую сеть «Smith», большие книжные магазины которой имелись в любом городе, а также на всех вокзалах и в аэропортах.

Еще в середине июня пришло письмо «SOS» от Дудинцева. Владимир Дмитриевич был одним из немногих моих друзей, которые посылали письма открытой почтой и после потери мной советского гражданства. Мы с ним давно были на ты, и он всегда писал рукой, а не на

машинке, подписываясь «В. Д.». Теперь письмо было напечатано на машинке и с образцом полной подписи автора:

«Дорогой Жорес Александрович!

Я рискну предположить, что Ваша научная деятельность и широкая известность может привести Вас однажды и в Соединенные Штаты, где, как я думаю, все старики хотели бы послушать Вашу лекцию о том, как прожить двести лет, находясь при этом в лучшей форме.

Был бы признателен Вам, если бы Вы, если такая поездка состоится, навестили в Нью-Йорке издательство “Даттон” и его главу Джона Макрея III. Меня интересует – не причитается ли мне какой-нибудь гонорар за изданные там мои “Н.Х.Е.” и “Новогоднюю сказку”. Поговорите, пожалуйста, с мистером Макреем об этом, передайте ему от меня привет и скажите, что я хорошо помню его отца, с которым у меня была дружественная переписка...

Сердечный привет

В. Дудинцев

12.6.73».

Такое письмо, с образцом подписи, было особой формой доверенности. Советские нотариальные конторы не имели права заверять подписи для операций за рубежом. Это было нелепо, так как нотариус обязан заверять именно подпись, не вмешиваясь в содержание самого письма. Но в Midland Bank, где я открывал в январе первый счет, совместный с Роем, меня уже знали и мне доверяли. После объяснений с менеджером банка, обеспечившим независимый перевод и экспертизу письма, здесь открыли счет и на имя Дудинцева, на который теперь ему могли переводить гонорары. Я сразу написал Джону Макрею (John MacRae). Он отказывался присылать отчеты, уверяя, что все счета закрыть после передачи ему издательства по наследству от отца. Но роман Дудинцева «Не хлебом единым» издавался и в Великобритании в 1958 году крупным издательством «Hutchinson Publishing Group». Оно располагалось в большом здании в центре столицы. Сюда я мог прийти сам и попросить все материалы, даже пятнадцатилетней давности. У меня уже были друзья в издательском мире, которые могли помочь в решении проблемы. Гонорар автору в 1958–1959 годах начислялся, но не выплачивался, хотя были проданы два издания книги. Спор возник не о правах автора, а о том, выплачивать ли гонорар по отчетам или с процентами, накопившимися у издательства на сумму гонорара, лежавшую на общем счету издательства в банке. Издательство получало на свой капитал и банковские проценты. Ева Уилсон, жена Эндрю и профессиональный литературный агент, уверяла меня, что издательство должно автору и проценты. Это удвоило бы сумму выплаты. Но менеджер издательского отдела контрактов и прав возражал. Решить спор мог бы лишь суд, но такие суды тянутся долго и стоят дорого. Я неизбежно уступил. Через короткий срок на счет Дудинцева пришел чек на 1951 фунт стерлингов и 99 пенсов с подтверждением, что это полный гонорар за книгу «Не хлебом единым». По фиксированному тогда курсу эта сумма равнялась примерно 5500 долларам. Дудинцев был очень рад успеху. Но споры с американским и другими издателями были еще впереди.

Владимир Дмитриевич никогда не думал о возможности эмиграции. Как писатель он не смог бы работать за рубежом. Его литературная деятельность и все сюжеты были слишком тесно переплетены с жизнью именно советской интеллигенции.

В начале декабря 1973 года мы с Ритой приехали на неделю в Париж для участия в конференции по клеточным и молекулярным механизмам старения, которая проходила 5–7 декабря и была организована Институтом молекулярной биологии. Меня также приглашали в знаменитый Институт Пастера прочитать 4 декабря лекцию на общую тему «Старение и долголетие», которая повторяла, с рядом дополнений, ту, что я готовил на 16 ноября и для Королевского института в Лондоне. У меня для нее уже была собрана хорошая коллекция иллюстраций, включавшая портреты нескольких знаменитых в то время долгожителей. Старейшим среди них был тогда азербайджанец Ширали Муслимов. Сообщение ТАСС о смерти Муслимова 2 сентября 1973 года в возрасте 168 лет опубликовали многие газеты мира. На сопровождавшей сообщении фотографии, сделанной к 165-летию долгожителя, был запечатлен крепкий бородатый старик в папахе, лет восьмидесяти, слушавший транзисторный приемник, – зрение и слух у него были отличные.

Геронтология как самостоятельная научная дисциплина родилась, как известно, в начале века именно в Институте Пастера, научным директором которого, после смерти великого Луи Пастера в 1895 году, стал Илья Ильич Мечников, приглашенный Пастером в 1888 году для заведования новой лабораторией иммунологии. Мечников работал в 1886–1887 годах директором первой в России бактериологической станции в Одессе. Он был уже знаменитым ученым, открывшим фагоциты (или лимфоциты, по современной терминологии), и основателем фагоцитарной теории иммунитета. В 1908 году Мечников был удостоен Нобелевской премии по физиологии и медицине. В тот период он увлекался идеями продления жизни и создал одну из первых теорий старения, пытаясь объяснить его как результат отравления «благородных» тканей токсическими продуктами бактериального происхождения, образуемыми в толстом кишечнике при гниении непереварившихся остатков пищи. По теории Мечникова, толстый кишечник у человека слишком длинный. Он еще не закончил своей эволюции от преимущественно растительных высших обезьян к предкам человека, начавшим заниматься охотой. Для торможения активности в кишечнике вредных бактерий кислотными продуктами Мечников предлагал обязательное введение в диету йогурта, особенно полученного с помощью болгарских заквасок. По переписи населения европейских стран, проведенной в 1900 году, наибольшее число долгожителей – людей, возраст которых превысил сто лет, было именно в Болгарии. Мечников объяснял этот феномен большим количеством йогурта в болгарской диете.

Директором Института Пастера в 1973 году был Жак Моно (Jacques Monod), его заместителем – Франсуа Жакоб (François Jacob), они в 1965 году разделили с Андре Львовым (Andre Lwoff) Нобелевскую премию по физиологии и медицине за исследования генетического контроля синтеза белков. Инициатором моей лекции был Ф. Жакоб, с которым я познакомился в 1965 году на мемориальном Менделеевском симпозиуме в Брно и в последующем переписывался в основном по специфическим проблемам механизма белкового синтеза.

В этой лекции я документально показал, что особое болгарское долгожительство, зафиксированное в начале века, было не результатом потребления йогурта и активности

лактобактерий, а открытой позднее демографами статистической ошибкой, обычной при переписях малограмотного крестьянского населения в странах, не выдававших документа о регистрации рождения. В тех случаях, когда возраст во время переписей записывался лишь на основании устных показаний, всегда наблюдалось стремление старых людей, особенно мужчин, завышать свой возраст и округлять его – 90, 100, 110 лет и т. д. Во времена господства Османской империи (а Болгария стала полностью независимым государством лишь в 1908 году) крестьяне освобождались от натурального налогообложения лишь по достижении 80-летнего возраста. Этот закон был дополнительным стимулом для завышения реального возраста и вел в последующие годы к росту числа фиктивных долгожителей не только среди болгар, но и среди турок.

В Париже мы встретились с издателем повести Лидии Чуковской «Опустелый дом» Сергеем Петровичем Дубровским (см. [главу 19](#)). Он сообщил нам сенсационную новость: издательство «УМСА-Press» печатает большим тиражом «Архипелаг ГУЛАГ», первый том русского издания которого Солженицын распорядился выпустить к 11 декабря, к своему 55-летию. Издательство «Пять континентов», которым управлял Дубровский, печатало свои книги в той же типографии в Париже, имевшей цех с русскими шрифтами. Сергей Петрович рассказал, что в данный момент типография работает в две смены. По намеченной программе книга готовилась небывалым для русских изданий во Франции тиражом 50 000 экземпляров и в трех вариантах: в твердом переплете, в бумажной обложке на очень тонкой бумаге и карманного формата в коленкоровом переплете. Последнее предназначалось для советских и иностранных туристов как бесплатное. Выпустить книгу к 11 декабря оказалось невозможным, весь тираж должен был поступить на склад издательства только 20 декабря. Днем выхода книги наметили 28 декабря. Солженицын узнал о публикации «Архипелага» в тот же день из вечерней передачи русской службы Би-би-си. Но рассылка сигнальных экземпляров по редакциям многочисленных западных газет и журналов уже шла с середины декабря – для подготовки рецензий. По традиции западной книготорговли рецензии заказываются заранее и публикуются в день выхода издания или близко к нему. Как я узнал лишь после возвращения в Лондон, *The New York Times* и *The Washington Post*, законодатели мод в области книжных рецензий, получили книгу для подготовки обстоятельной рецензии в середине декабря. Ее переслали в Москву корреспондентам Хедрику Смигу и Роберту Кайзеру. Они вместе, уже в начале января, пришли домой к Роя, принесли ему книгу и попросили написать отзыв, желательно обстоятельный, на полную страницу их газет. Конкретного срока не было, так как день выхода все же перенесли на январь 1974 года. Продавать книгу о сталинских лагерях и терроре в период рождественских и новогодних каникул просто нереально, книжные прилавки заполнялись в декабре преимущественно детской литературой, подарочными изданиями и классикой. А в начале января рождественская литература начинает перемещаться с книжных полок в корзины быстрых распродаж, и только тогда на полках появляются книги-новинки. Рой смог закончить свою рецензию лишь к 27 января. Смит и Кайзер, вопреки принятой журналистской этике, отнесли копию очерка Роя на просмотр Солженицыну. Александр Исаевич не сделал ни одного замечания. Он даже удивился объективности и поддержке «марксиста» Роя Медведева.

«Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнивать книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе», – писал Рой во введении к своему очерку. Рецензия

Роя была напечатана в обеих газетах в один и тот же день в феврале. Дату публикации я сейчас не помню, да она и не имела значения. Для американских читателей этот очерк был откликом на событие русской публикации. Английское издание книги, которое ждали также в январе, сильно задерживалось.

«Архипелаг ГУЛАГ»

Публикация «Архипелага», пока лишь первого тома, и была тем «одновременным и страшным залпом» по советской коммунистической системе, которую Солженицын обещал еще в 1965 году в записанном подслушивающими устройствами КГБ разговоре со своим другом в Москве (см. [главу 6](#)).

Микрофильм всех трех томов этой эпопеи был вывезен сначала во Францию, а затем в США с помощью Александра Андреева (внука знаменитого русского писателя Леонида Андреева) еще в 1968 году, и перевод рукописи был начат в 1969 году на основе тогда еще устных договоренностей с крупным американским издательством «Harper & Row». Одновременно с этим издательство «YMSA-Press» получило права на русское издание книги. В США постепенно сформировалась группа, которая в контакте с адвокатом Солженицына в Цюрихе готовила проект одновременного издания книги на русском, французском, немецком и английском языках. Но команду на такую публикацию в нужный момент должен был дать сам автор. До его распоряжения весь план следовало держать в секрете. Подробности этого гигантского проекта к настоящему времени опубликованы его участниками (см: *Ольга Андреева-Карлайл. Возвращение в тайный круг. Москва: Захаров, 2004. Английское издание вышло еще в 1978 году*). Поэтому нет необходимости разбирать здесь все детали. Из воспоминаний самого Солженицына «Бодался теленок с дубом» можно увидеть, что Александр Исаевич предполагал, что «такой удар не выдержит их держава». Именно поэтому он составил в конце августа 1973-го компромиссное «Письмо вождям Советского Союза» (отправленное Брежневу 5 сентября), сформулировав в нем желательные реформы в СССР. Солженицын считал возможным, что советские лидеры согласятся с ним на какие-то переговоры ради сохранения своей власти. Составляя, по обычаю, прогноз собственной судьбы на 1973 год, о вероятности убийства он написал: «Пока закрыто». Относительно высылки за границу: «Возможно». Реальность переговоров: «Не ноль. Но рано». Он также не исключал «уступки» и попытки советских лидеров «отгородиться» от разоблачений «Архипелага» – «до 1956 года были “не мы”. (К тому отчасти и подзаголовок был поставлен: 1918–1956.)» (Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 414).

Теперь «страшный залп» растягивался в редкую перестрелку. 50 тысяч экземпляров русского издания негде было продавать или распределять. Большой лондонский магазин книг на русском языке находился под контролем агентства «Международная книга» и продавал в основном советские издания. В Европе центром продаж книг на русском языке были Мюнхен и эмигрантское издательство «Посев». Два-три небольших магазина русских книг существовали в Париже. В США таких магазинов не было. В Нью-Йорке имелся большой распределитель эмигрантской русской литературы – «Universal Book Exchange» (с отделениями в Лондоне, Париже, Брюсселе и Мюнхене), который бесплатно предлагал книги туристам из СССР и стран Восточной Европы. Рецензии в эмигрантской прессе, в газетах «Русская мысль» в Париже и «Новое русское слово» в Нью-Йорке, которые, возможно, зачитывались в радиопередачах на СССР, не имели какого-либо эффекта.

Солженицын ожидал в январе выхода в США первого тома на английском. Он не сомневался, что «вся Америка» будет его читать. Но серьезная проблема возникла еще в декабре 1973 года при передаче перевода для параллельной публикации в британское издательство «Collins/Harvill Press». Британский издатель пришел к выводу, что перевод, сделанный в США, очень плохой и даже «совершенно негодный». Такая же проблема возникала в 1968 году с американским переводом романа «В круге первом», который в США был сделан тем же переводчиком Томасом Уитни (Thomas P. Whitney). Но в тот раз не было срочности. Британский издатель заказал новый перевод по частям (для быстроты) сразу трем лучшим переводчикам с русского. Книга в Лондоне вышла не в 1968-м, а в 1969 году. Сейчас этот вариант не подходил, нужно было одновременное издание. Совместно с адвокатом Солженицына была создана небольшая группа переводчиков, имевших опыт перевода «лагерной» тематики. Ей было поручено капитально отредактировать уже сделанный перевод. Эта работа затянулась, переводить тексты Солженицына на другие языки вообще очень трудно. Ни в Англии, ни в США не было самой реальности, которая порождала такие слова, как *доходяга, стукач, параша, приварок, блатари, урки, пайка, подкулачник, шмон, карцер, высшая мера, тройка, тюрзак, особое совещание, черный ворон* и десятки или даже сотни других, которые входили в солженицынские тексты без всяких разъяснений. У этих слов не было подходящих английских эквивалентов, понятных читателю. Аналоги, например *common criminal* вместо *блатной*, меняли смысл. *Criminal*, то есть преступником, в СССР мог оказаться и колхозник, осужденный за кражу нескольких картофелин с колхозного поля, чтобы спасти детей от голода. Кроме того, текст «Архипелага» был наполнен эмоциями, сарказмом, негодованием, иронией, множеством намеков, понятных лишь советскому читателю. Передать это «кипение», может быть, и смог бы хороший писатель уровня Хемингуэя. Но для профессионального переводчика воспроизводство эмоций было недостижимым. Зная о традиции западных издательств печатать сначала книги в твердых переплетах, продаваемые по высокой цене, Солженицын ставил через своего адвоката жесткое условие – печатать дешевые издания в мягком переплете и меньшего формата раньше дорогих или одновременно с ними. Он хотел сразу массовых тиражей по доступным для всех ценам. Эти условия были включены в контракты. Синхронизировать выпуск разноформатных изданий было трудно и невыгодно для издательств, заключавших основные договора. На выпуске малоформатных дешевых книг специализируются другие издательства, печатают их часто в небольших типографиях по субдоговорам и продают в других книготорговых сетях. Читатели дорогих и дешевых изданий покупают книги в разных магазинах в зависимости от своих финансовых возможностей.

«Архипелаг ГУЛАГ» на английском был подготовлен издательствами как документальная книга по новейшей истории, и его текст содержал не только обстоятельный именной и предметный указатели, но и краткие справки примерно о 300 государственных, партийных и военных работниках, а также сотрудниках госбезопасности, имена которых упоминаются в книге. Это было бы полезно и для русского издания, так как в Советском Союзе мало кто из читателей даже среднего поколения помнил о таких деятелях, как Агранов, Авербах, Бонч-Бруевич, Енукидзе, Краснов, Крыленко и др. Дополнительный словарь пояснял значение таких слов, как *басмачи, Бутырка, кадет, эсер, шарашка*, и десятков других, а также расшифровывал названия советских и российских учреждений: Совнарком, СМЕРШ, Политбюро, чека, ВЦИК, Верховный Совет, Земство, Дума и т. п. Сорс страниц справочных материалов выводили книгу из разряда «для широкого круга

читателей». Для успешной ее продажи нужны были рецензии и реклама. Появление массовых дешевых изданий одновременно с дорогими, безусловно, могло тормозить продажу последних.

Для покупательского спроса в Англии и в США очень большое значение имеют рекомендательные рецензии в газетах и журналах. Отсрочка английского издания на пять месяцев (оно вышло в июне) привела к тому, что все основные рецензии публиковались на русское издание и были написаны совсем другим контингентом рецензентов – учеными-советологами и историками, а не журналистами, умеющими рекламировать книги, подчеркивая их «читабельность». Историки нередко вступали в полемику с автором, так как потоки репрессий и ГУЛАГ рассматривались в первом томе без исторического фона. Этот фон появлялся лишь во втором и третьем томах, о которых многие вообще ничего не знали. Но и рецензии на русское издание тоже запаздывали, в январе их еще не было. Были лишь отклики на сам факт издания. Слишком мало имелось в США и Великобритании авторитетных историков, изучавших период репрессий и знавших русский язык. Лучшей и наиболее компетентной из всех рецензий, которые я видел, была рецензия-очерк, написанная Роем и опубликованная в феврале не только в США, но и в немецком еженедельнике *Die Zeit*. Перевод этой рецензии, уже с английского или немецкого, полностью или в сокращенном виде, печатали впоследствии газеты и журналы во многих других странах. Публикация рецензий на русское издание за три-четыре месяца до появления иностранных переводов не помогла, а скорее навредила его продаже, лишив выход книги сенсационности и сократив количество рецензий на английское издание. Но именно тот факт, что в январе и в начале февраля 1974 года «Архипелаг ГУЛАГ», объявленный как изданный еще в конце декабря, не породил никакой взрывной реакции общественности в западных странах, позволил «советским вождям», к которым столь доверительно в надежде на диалог обращался в своем «Письме» Солженицын, осуществить высылку писателя за пределы СССР, причем не под возгласы возмущения, а скорее под рукоплескания всей западной прессы, рассматривавшей такую высылку как гуманный шаг. Сотни журналистов устремились во Франкфурт-на-Майне, куда прилетал самолет, чтобы устроить писателю триумфальную встречу.

Высылка Солженицына

Днем 13 февраля в дверь моего дома постучали. На пороге стояли два человека. Один из них вручил мне свою визитку – это был корреспондент газеты *The Daily Mail*. Его сопровождал фотокорреспондент. Мой домашний адрес они узнали у местного дантиста. Корреспондент сообщил мне сенсационную новость: Солженицын находится в самолете, который через два-три часа приземлится во Франкфурте. Об этом объявил секретарь Генриха Бёлля, в доме которого Солженицына уже ждали. Этот корреспондент срочно вылетал во Франкфурт и хотел взять меня с собой. Он предполагал, что Солженицын будет рад встретить в Германии своих русских друзей, и такую встречу газета хотела запечатлеть на фотопленку, надеясь, конечно, и на какое-то интервью. Я сразу отклонил его нелепый план, объяснив, что Солженицын не принимает никаких навязываемых ему сценариев и в любой обстановке действует лишь по собственным планам. Скорее всего, он в первые дни вообще не будет давать никаких интервью.

(Близкий, лагерный, друг Солженицына Димитрий Панин, живший в то время в

Париже, поддался таким же уговорам французских журналистов из «Посева». Он прилетел вечером во Франкфурт-на-Майне и явился вместе с женой в дом к Генриху Бёллю. Его, естественно, провели в комнату Солженицына. Минут через десять – пятнадцать Панин вышел, быстро покинул дом и уехал на такси, не сказав никому ни слова. Что произошло во время этой короткой встречи между двумя узниками ГУЛАГа, знавшими друг друга с 1946 года, остается неизвестным и до сих пор. Панин никому ничего не рассказал. Солженицын в своих подробных воспоминаниях «Угодило зернышко промеж двух жерновов» посвятил этой встрече несколько строчек, представив своего друга лишенным здравого смысла:

«Так вот с чем приехал Митя; немедленно объявить перед этим скопищем прессы наш с ним Блок и Союз против коммунизма, насмерть... Бесплезно прошли все мои доводы, он был больно ранен моим отказом, забрал жену и уехал в обиде, если не в гневе» (Новый мир. 1998. № 9. С. 49–50).

Для высылки Солженицына в ФРГ по международным законам необходимо было согласие правительства этой страны. Как сейчас известно из различных воспоминаний, переговоры в этом направлении между КГБ и спецслужбами ФРГ велись в течение нескольких недель. 2 февраля 1974 года канцлер ФРГ Вилли Брандт, выступая по какому-то поводу в Мюнхене, заявил, что Солженицын может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ. Тогда это заявление Брандта было воспринято как акт поддержки преследуемого писателя. Сейчас очевидно, что это был сигнал согласия на предложение, которое поступило от советского руководства. Именно после заявления Брандта начал срочно осуществляться проект выдворения, который готовился КГБ с 1972 года. Несколько неожиданным лично для меня был тот факт, что Солженицын ни после прилета в ФРГ, ни впоследствии в Швейцарии не сделал ни одного заявления для прессы с протестом по поводу незаконного лишения гражданства и насильственной высылки. Указ о лишении гражданства был объявлен арестованному 12 февраля Солженицыну в Лефортовском СИЗО КГБ, то есть когда он еще находился на территории СССР. В тексте указа были слова: «лишить гражданства... и выдворить...». По Конституции СССР любой приговор должен быть результатом судебного разбирательства, если таковое возможно. До этого случая лишали гражданства лишь тех, кто уже находился за границей и, следовательно, был недоступен для суда.

В Москве друзья Солженицына, собравшиеся в его квартире на улице Горького, делали многочисленные заявления протеста для западной прессы. Солженицын позвонил жене по телефону, но она не предала гласности суть разговора. Кто-то из присутствовавших, кажется Шафаревич, сказал: «Вот он им сейчас врежет!» Но ничего подобного не произошло. Протеста Солженицына, как теперь известно, больше всего не хотел Вилли Брандт. Ему в этом случае пришлось бы объяснять существование сговора с КГБ. Заранее о высылке писателя был осведомлен и Генрих Бёлль. Конечно, сговор был. Специальный представитель немецкого МИДа конфиденциально попросил Солженицына не устраивать пресс-конференцию, которую ждали сотни журналистов. Но альтернатива сговора двух правительств могла быть хуже. Из рассекреченных в 1994 году документов известно, что на заседаниях Политбюро, где несколько раз обсуждался вопрос о Солженицыне, Суслов, Косыгин и Черненко настаивали на его ссылке в пределах СССР, тогда как Андропов и Громыко считали, что такая ссылка приведет лишь к постоянным протестам и новым

осложнениям. Окончательное решение, по их мнению, могло быть достигнуто лишь выдворением писателя за пределы страны. Брежнев на этих заседаниях не присутствовал (см.: Кремлевский самосуд. М.: Родина, 1994).

Через два дня во Франкфурт приехал из Цюриха адвокат Солженицына Фриц Хееб и они вместе покинули Германию. Для Солженицына была арендована в Цюрихе часть дома. Приезд его семьи ожидался только в середине марта. 16 февраля я отправил Александру Исаевичу (на адрес Хееба) подробное письмо. Я понимал, что в сверхнейтральной Швейцарии Солженицын жить не сможет. В этой стране политическая активность иностранцев резко ограничивалась. Разрешались лишь акции, включая даже пресс-конференции, проводимые в интересах самой Швейцарии. Я советовал Александру Исаевичу выбрать для постоянного проживания Великобританию: «...в Великобритании частная жизнь традиционно уважается (мой дом – моя крепость). Это большая страна с большим числом выдающихся людей, очень культурное русское сообщество и английский язык... – писал я. – Я еду в Италию в конце февраля. У меня лекция в университете в Павии. Буду возвращаться в Лондон 3 или 4 марта. В этот период, между 4 и 6 марта, я бы очень хотел навестить Вас». В этом письме я также предупреждал Солженицына (и в отдельном письме – доктора Хееба) относительно корреспондента *The Daily Telegraph* Дэвида Флойда:

«Дэвид Флойд из The Daily Telegraph, наверное, уже много раз хотел Вас видеть. Он прекрасно говорит по-русски, но он все потом изменит на свой лад (с набором сенсационных подробностей). Кроме того, Дэвид Флойд – это бывший совладелец “Флегон Пресс”. Он вышел из кооперации с Алеком Флегоном, когда репутация Флегона стала уже слишком низкой. Флегон только что выпустил пиратское издание “Архипелага”».

Это пиратское издание, скопированное с издания «УМСА-Press», вышло с издевательскими словами на титульном листе: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Издательство политической литературы. Москва, 1972»; «Печатается по постановлению Центрального Комитета КПСС»; «Ордена Ленина типография “Красный пролетарий”» «Тираж 60 000». Цена этой пиратской книги была на фунт меньше, чем на оригинал. Она продавалась в магазине Флегона и в отделе русских книг в большом книжном магазине «Foyle».

Ответ Солженицына на это письмо пришел после моего возвращения из Италии:

«6.3.74.

Жорес Александрович!

Лежат тысячи писем не то что непрочитанных, но даже непросмотренных. Возможно, среди них – и Ваше о поездке в Италию, я этого не знал. В чем я сейчас нуждаюсь – это в совершенно замкнутой жизни (впрочем, как и всегда), уходе в свою работу. Не то что встречи, но даже переписка мне крайне тяжела. Прошу Вас поэтому не выполнять своего намерения приехать в Цюрих.

Жму руку. Добрые пожелания Маргарите Николаевне.

Солженицын».

Самое первое подробное интервью, которое Солженицын дал в конце марта газете *The*

New York Times после приезда в Цюрих всей его семьи, переводил Д. Флойд. Его присутствие не было необходимым, так как Гэрисон Солсбери, заместитель главного редактора газеты, прилетевший из Нью-Йорка, прекрасно говорил по-русски и не нуждался в переводчике. Флойда пригласила жена Солженицына. Она познакомилась с ним еще в Москве и относилась к нему с большим доверием.

Русское издание книги Роя «К суду истории»

Английское издание книги Роя «К суду истории» («Let History Judge») вышло в Нью-Йорке и Лондоне в 1971 году (см. [главу 14](#)). Однако Рой продолжал собирать материалы по темам почти всех глав и постоянно дополнял рукопись. Незадолго до своей отставки с поста главного редактора «Нового мира» в феврале 1970 года Александр Твардовский пригласил Роя в свой рабочий кабинет и передал ему из сейфа несколько рукописей, посвященных темам сталинских репрессий, которые журнал в прошлом получил, но не мог опубликовать. Авторы этих работ умерли, и возвращать их было некому. Твардовский ничего не знал о том, что Солженицын несколько лет писал обширное «художественное исследование» о лагерях, которое к тому времени было уже закончено.

К началу 1973 года русский текст книги Роя увеличился, наверное, на 10–15 %, и это могло быть основанием для нового, дополненного и переработанного издания. Такая практика существовала в СССР. В США и Англии выпуск дополненных изданий почти не практиковался, тем более когда первое издание еще не распродано. Имея на руках с июля 1973 года новый текст, присланный мне Роем, я подумал, что при отказе издательства готовить дополненное издание было бы целесообразно издать его как самостоятельное на русском языке. Переговоры об этом с издательством «А. Кноpf» в Нью-Йорке, владельцем копирайта, начались с конца ноября. Само это издательство не имело опыта русских изданий и не могло бы осуществить ни редактуру, ни корректуру русского текста. Но такие же проблемы были в прошлом и у лондонского издательства «Macmillan» с моей книгой о международном сотрудничестве ученых. Ее русскую версию в 1972 году готовил, печатал и продавал польский издатель Андрей Ступульковский, владевший небольшим издательством «Orbis Books». «Macmillan» обеспечивал издание своим названием на обложке, но продажей занимался Ступульковский через русские отделы в магазинах польских книг и по другим каналам распространения русской эмигрантской литературы. Прибыль с продаж начиналась обычно с 1000 экземпляров, так как эти книги стоили относительно дорого. «Orbis» печатало 2000 экземпляров и продавало их постепенно в течение двух-трех лет.

Такой же план был намечен и для книги Роя «К суду истории». Авторская вычитка верстки ложилась на меня. Однако книга при среднем формате получалась слишком большой – 1136 страниц. Приходилось издавать ее без предметного и именного указателей. (В русском издании «Архипелага» таких указателей, крайне важных для книг по истории, тоже не было.) Поскольку затраты на книгу такого объема велики и могли окупиться лишь через два-три года, то все первоначальные расходы решено было нести совместно. Я выделял на издание из средств автора три тысячи долларов. Столько же вносило в фонд издательство «А. Кноpf». Остальные расходы ложились на «Orbis», его затраты окупались последующими продажами. Тираж книги с бумажной обложкой был определен в 2000 экземпляров. Местом издания был указан Нью-Йорк, хотя книгу печатали в Бельгии. Копирайт оставался за автором. Это позволяло Рою и мне рекомендовать издание для новых переводов в других

странах. Но предложений о переводах не поступало. Однако именно с этого издания книга Роя была в последующем переведена и издана в Китайской Народной Республике. Но издатель в Пекине готовил «закрытое» издание тиражом 10 000 экземпляров для партактива, а не для свободной продажи. Никаких договоров и переписки с ним не было. На титульном листе русского тома было указано, что это «второе, дополненное издание», и годом издания указан 1974-й. В самом конце текста книги Рой сам проставил даты своей работы над ней: август 1962 – март 1973.

В специализированных «советологических» журналах на английском и в русских эмигрантских журналах в 1974 году появилось несколько обстоятельных рецензий сразу на две книги – «К суду истории» Роя Медведева и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. При этом жанр книги Роя обозначался как «книга по истории», то есть документальная литература, а Солженицын определил свой труд в подзаголовке как «опыт художественного исследования». В рецензиях отмечалось, что книга Роя вышла в переводе на другие языки в 1971–1972 годах, то есть раньше, чем «Архипелаг». Эти рецензии одновременно на две книги вызвали у Солженицына очень сильное раздражение и недовольство. Он был категорически против любых сравнений «Архипелага», тем более по приоритету. О проявлениях этого недовольства я буду писать в одной из следующих глав.

Приглашения в США

В ноябре и декабре я получил несколько приглашений из США. Одно из них – от уже известного читателю профессора Натана Шока, директора Геронтологического исследовательского центра в Балтиморе. Он просил меня, если это возможно, подготовить доклад-лекцию об особом феномене кавказского долгожительства, к которому именно в это время в США возник большой интерес. Как доклад только для сотрудников Центра и с обсуждением эта тема предлагалась на 29 апреля в Балтиморе, а как открытая публичная лекция – на 30 апреля в Национальном институте здоровья в Бетесде, недалеко от Вашингтона. Я сразу согласился, так как этой темой уже давно интересовался и сам, и был удивлен тому, что именно в 1973 году она приобрела черты сенсации.

В январе 1973 года в хорошо иллюстрированном и очень популярном журнале *The National Geographic* появилась статья известного ученого Александра Лифа (Alexander Leaf), профессора Гарвардской школы медицины и руководителя отделения одной из крупных клиник в Бостоне. Имея грант от Национального географического общества, профессор Лиф вместе с группой ассистентов проводил в течение двух лет обследование сверхдолгожителей в горных районах Пакистана, в Абхазии и в Андах Эквадора. Он объявил, что открыл два уникальных центра долголетия, одним из которых была Вилькабамба – высокогорная долина в Андах на юге Эквадора, а вторым – еще более высокогорная долина Хунза на севере Кашмира. В одной из небольших деревень Вилькабамбы Лиф обнаружил, обследовал и сфотографировал девятерых долгожителей, старшему из которых было 140 лет, а его брату 122 года. Даты их рождения подтверждались записями в местной католической церкви. Эти открытия, вместе с ранее известными случаями сверхдолгожительства в Грузии, Абхазии и Азербайджане, привели к появлению горной теории долгожительства, обращавшей внимание на такие благоприятные для него факторы, как свойства ледниковой воды, разреженного воздуха и бедной по калориям, в основном растительной, пищи.

Второе приглашение из США было из отделений Калифорнийского университета в Лос-

Анджелесе и Беркли, а также из Стэнфордского университета. Там работали мои коллеги по геронтологии и генетике Бернард Стрелер, Майкл Лернер, Леонард Хейфлик и Феодосий Добжанский, с которыми я давно переписывался и был лично знаком.

Я, безусловно, намеревался повидаться и с Давидом Журавским, Максом Дельбрюком и Алексом Комфортом. Из московских друзей надеялся увидеть в Нью-Йорке Валерия Чалидзе и побывать в его недавно созданном издательстве «Хроника-Пресс». Там же я планировал посетить издательства «Columbia University Press» и «Alfred Knopf».

О жизни в США я знал еще очень мало. Хорошо помнил книгу Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Одноэтажная Америка», вышедшую в СССР в 1937 году. Читал ее еще в детстве и много позже. Мне очень нравился юмор авторов и почти полное отсутствие политики. Ильф и Петров провели в США около двух месяцев в 1935 году, путешествуя на автомобиле. В США они приплыли из Франции на новом, тогда самом крупном трансатлантическом лайнере «Нормандия».

В 1974 году морское сообщение между Европой и США было дешевле воздушного. В период нефтяного эмбарго с октября 1973-го стоимость билета на самолет увеличилась в два раза, тогда как цены на морской транспорт оставались стабильными – суда заправлялись жидким топливом сразу на два-три месяца и делали это в портах США или Азии, где цены на него были намного ниже европейских. Я решил поэтому отправиться в США морем главным образом для того, чтобы отдохнуть перед очень сложной программой в США. В Лондоне я работал без выходных и часто до полуночи, засыпая лишь со снотворным. Никаких поездок в отпуск у нас с Ритой не было уже пять лет. Мой грант заканчивался в марте, и предложений о постоянной работе в Англии пока не было. Поэтому поездка в США позволила бы и изучить возможности для работы там по интересующим нас направлениям.

Организация такой поездки требует совета профессионалов. Большое туристическое агентство «Thompson» находилось недалеко от издательства «Macmillan». В нем меня приняли очень радушно и сразу разложили передо мной несколько рекламных проспектов. Но ни один из вариантов меня не устраивал, поскольку я хотел плыть в Америку, а не лететь. А подходящих дат отплытия и возвращения трансатлантических судов не было. Мне нужно было отплыть в середине апреля и возвратиться в конце июня. Через два дня позвонил сотрудник агентства и сообщил, что есть уникально дешевый вариант. Самый большой в мире пассажирский лайнер «France», завершающий четырехмесячный кругосветный круиз, высадит всех европейских пассажиров в Марселе, а оттуда отправится в Нью-Йорк наполовину пустой, только с американцами. Каюту первого класса с иллюминатором можно купить за половину цены второго класса. Для круизной компании это было лучше, чем оставлять ее пустой. Но рейс продлится на сутки дольше обычного, пять, а не четыре дня, так как запланирована туристическая остановка на Мадейре. Для обратного путешествия мне предложили итальянский лайнер «Leonardo da Vinci», который начинал большой круиз из Нью-Йорка в середине июня и шел полупустой до Европы, где уже наполнялся пассажирами. Билеты на путешествие от США до Европы можно было купить за четверть обычной цены. Все каюты были первого класса. Но высадиться мне придется в Малаге на побережье Испании, чтобы освободить каюту для круиза. В очень скромную стоимость билетов включались и эксклюзивные рестораны на борту, французский – в рейсе на запад, итальянский – в рейсе на восток.

Я сразу согласился и на следующий день поехал в турагентство оформлять мои трансатлантические рейсы.

В январе 1974 года я получил еще несколько приглашений из США, в основном от друзей, которым сообщил о своих планах и о том, что почти весь май еще не заполнен какими-либо программами. Одно из писем было от Джереми Стоуна (Jeremy Stone) – директора Федерации американских ученых (Federation of American Scientists – FAS), которая была создана в 1946 году на основе существовавшей тогда Федерации ученых-атомщиков, прежде всего тех, кто участвовал в создании атомной бомбы. Через эту организацию они стремились разрабатывать идеи мирного использования атомной энергии. Это была специфическая лоббистская организация, имевшая штаб-квартиру в Вашингтоне. В США множество влиятельных групп с разными интересами создают в столице лоббистские центры, комитеты и комиссии, которые работают в контакте с членами палаты представителей, членами сената США, с правительством и нередко с администрацией президента. Они разрабатывают большое количество законопроектов и оказывают влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Национальный совет и комитет спонсоров FAS имели в своем составе более тридцати лауреатов Нобелевской премии. С Джереми Стоуном, молодым энергичным физиком лет тридцати пяти, я познакомился во время его приезда в Лондон в августе 1973 года. Тогда мы обсуждали возможные меры по оказанию поддержки Андрею Сахарову, против которого велась интенсивная кампания в Москве. Одной из таких мер было организованное FAS письмо президенту АН СССР М. Келдышу, отправленное в сентябре и подписанное всеми американскими учеными, которые были почетными иностранными членами АН СССР.

Узнав, что 30 апреля я буду выступать с лекцией в Бетесде, Стоун пригласил меня на 1 мая в Вашингтон для общей дискуссии и обещал экскурсию в гостевые галереи американского конгресса. Вместо гостиницы он предлагал остановиться у него в доме в элитном пригороде Вашингтона.

Но сначала мне предстояло получить визу в посольстве США в Лондоне. Я уже знал по печальному опыту Алекса Комфорта, задумавшего в начале прошлого года переезжать в США, насколько сложна была эта процедура. У Комфорта ушло на это шесть месяцев. В молодости он был анархистом, а все последние годы участником кампании за ядерное разоружение. После одной из демонстраций протеста против атомного оружия Комфорт вместе с Бертраном Расселом попал на месяц в тюрьму. В США была запрещена иммиграция коммунистов, анархистов и людей, имевших судимость. В визе Алексу отказали. Но в дальнейшем ему помогла его книга по проблемам старения и репутация известного геронтолога. В американских правилах въезда в страну существовала секретная оговорка: политические мотивы не должны распространяться на тех ученых и инженеров, которые обладали уникальными квалификациями, отсутствовавшими у ученых и инженеров в США. Эту поправку ввели для приглашения и переправки в США многих тысяч немецких ученых, инженеров и конструкторов, которые в нацистской Германии разрабатывали во время войны ракетное, атомное и химическое оружие, в том числе и знаменитого Вернера фон Брауна (Werner von Braun), создателя тех баллистических ракет, которыми в 1944–1945 годах обстреливали Лондон. В США фон Браун вместе со своей немецкой командой стал главным

разработчиком американской ракетной и космической техники. Немецких ученых и инженеров снабжали в США фальшивыми «чистыми» биографиями и давали американское гражданство.

Группа авторитетных геронтологов США обратилась в госдепартамент с особым ходатайством в отношении Алекса Комфорта, подчеркивая, что он обладает уникальными знаниями для решения проблем старения. Это и обеспечило анархисту и пацифисту иммиграционную визу.

Я, конечно, не ожидал для себя таких же трудностей. Мне к тому же требовалась виза с разрешением лишь на временную работу (лекции с оплатой гонораров считались в США временной работой), а не иммиграционная. Беспокоило меня отсутствие паспорта, ведь я имел лишь сертификат удостоверения личности. При наличии приглашений от университетов я с этим сертификатом получал визы на поездки в Италию, Германию и Голландию в консульствах этих стран без всяких проблем, заполнив относительно простые анкеты. В графе «гражданство» я писал «без гражданства».

В огромном здании посольства США в Лондоне все было по-другому. Два охранника в форме морских пехотинцев, проверив мой портфель и карманы, разрешили пройти в довольно большой зал, где уже сидели, наверное, человек сто пятьдесят. При входе в зал надо было оторвать талон с номером и ждать, когда мой номер появится на экране с указанием бокса, в который следовало пройти. Среди ожидавших в зале большинство составляли азиаты и африканцы. Британцам для туристических поездок в США визы не требовались. Минут через сорок мой номер появился на экране. В боксе мне предстояло интервью с сотрудником консульства. Им оказалась женщина в полувоенной форме. Обнаружив, что я не имею гражданства и являюсь бывшим гражданином СССР, она вызвала другого сотрудника, очевидно рангом выше. Беседа продолжалась около часа, мне нужно было рассказывать биографию, разъясняя некоторые непонятные для них детали. Много расспросов было и о полученных мною приглашениях. В конечном итоге мне дали большую анкету на нескольких страницах и назначили повторный визит на следующей неделе.

Анкеты на американскую визу состояли из разных разделов. В первом следовало указать все адреса жительства с датами проживания после рождения, затем перечислить все места, которые я намеревался посетить в США, и сроки моего там пребывания. В «политической» части анкеты надо было указать все партии, общества и ассоциации, членом которых я состою или состоял в прошлом. Наибольшую опасность представляла, однако, серия медицинских вопросов. Американцы не хотели пребывания в своей стране людей с хроническими заболеваниями, диабетом, гемофилией, гепатитом Б и психическими расстройствами. Нужно было конкретно ответить на вопросы о наличии в прошлом или в настоящем определенных болезней. В том числе и вопрос о том, находился ли я когда-либо в психиатрических больницах и если да, то с каким диагнозом. Тут я и задумался: писать ли про «вялотекущую шизофрению с раздвоением личности и параноидальным бредом реформаторства» – диагноз, вынесенный мне главным психиатром Министерства здравоохранения СССР (см. [главу 13](#))? Я решил оставить эту графу незаполненной, дача ложных сведений могла лишить меня навсегда возможности посещать США.

Через несколько дней я сдал в консульский отдел заявление на получение визы, анкеты и копии приглашений и стал ждать вызова, обещанного через две недели. Прошел месяц, но вызова не было. По телефону справок по этому поводу не давали. Я снова приехал в посольство и добился приема у одного из заместителей консула. «Ваш вопрос решается в

госдепартаменте», – объяснил он. Я сознавал, что и в госдепартаменте вряд ли кто сможет разобраться с моей ситуацией. В какой отдел пошли там мои бумаги, в советский или в британский? Я принципиально никогда не пробовал использовать для решения своих проблем какие-то личные связи. Но в США лоббирование чьих-то интересов было обычной практикой. Поэтому сначала я позвонил в Геронтологический центр Натану Шоку, объяснив сложности с визой. Он обещал срочно помочь. Затем я позвонил Джереми Стоуну – как профессиональный лоббист от влиятельной федерации ученых он знал все тонкости американской бюрократии. Через три дня меня вызвали телефонным звонком в консульство США и без всяких вопросов проштамповали в мой сертификат многократную визу В-1 и В-2 на два года. Позже Стоун рассказал, что он позвонил сразу Генри Киссинджеру, государственному секретарю, который также жил в Chevy Chase. Там многие дома важных чиновников и членов конгресса имели дополнительную охрану и вторую телефонную линию с повышенной степенью безопасности. Стоун тоже был к ней подключен. Главные лоббисты имели все привилегии вашингтонской номенклатуры.

«Письмо вождям Советского Союза»

23 февраля мне позвонил Эндрю Уилсон, заместитель редактора воскресной газеты *The Observer*: «Жорес, Дэвид Астор хочет посоветоваться по важному вопросу... Мы вышлем за вами машину...»

Дэвид Астор был главным редактором и владельцем этой газеты, наиболее уважаемой и старейшей среди воскресных газет. Воскресные газеты в Англии очень толстые, иногда до 70–80 страниц. С *The Observer* я начал сотрудничество с лета 1973 года.

Первый вопрос Астора был неожиданным: знаю ли я что-либо об открытом «Письме вождям Советского Союза», написанном Солженицыным. Я ответил утвердительно, пояснив, что знаю об этом письме из переписки с друзьями, которые читали письмо еще в октябре прошлого года. Оно было написано и передано Солженицыным в ЦК КПСС (сопроводительной запиской для Брежнева в начале сентября. Не получив ответа, Солженицын решил сделать его открытым и передал друзьям для распространения. Однако содержание «Письма» вызвало даже у близких писателю людей, таких как Лев Копелев и Лидия Чуковская, весьма критическую реакцию. Оно почти не распространялось. Суть письма состояла в том, что главная угроза России исходит не от Запада, который слаб и деградирует, а от Китая. Солженицын считал, что существует самостоятельная «русская цивилизация» и что ее можно сохранить и укрепить переносом всего центра культурного и экономического развития страны из ее Европейской части на Северо-Восток, то есть в Сибирь. При этом он предлагал сохранять привычный для России авторитарный режим, отказавшись лишь от идеологии. Идеологию следовало заменить традициями православного христианства. По моему мнению, Солженицын сейчас, после незаконной высылки, наверное, сожалеет о том, что он вообще написал это письмо.

– Не только не сожалеет, – ответил Астор, – а вот предлагает нам опубликовать английский перевод. – Астор передал мне рукопись, около двадцати страниц. – Не могли бы вы быстро просмотреть и высказать нам свое мнение? Эта рукопись предложена адвокатом Солженицына на продажу воскресным газетам Англии по принципу аукциона. Начальная цена 100 000 долларов. Победивший на аукционе должен напечатать весь текст без сокращений, здесь 15 000 слов – это три наших страницы. Публикация должна быть в

воскресенье 3 марта, так как русский текст также публикуется в Париже 3 марта...

Мне предоставили свободную комнату, и я попросил час для работы. Пожалел, конечно, что нет русского оригинала. В английском переводе «Письма» сохранялся стиль манифеста, состоящего из заявлений, четко сформулированных, но чаще всего ничем не обоснованных. Первый раздел, «Запад на коленях», был спорным, так как подразумевал не только современный кризис, а всю западную цивилизацию «которая зачалась в эпоху Возрождения и получила высшие формулировки у просветителей XVIII века». Второй раздел, «Война (Китаем)», был еще более спорным, предсказывая неминуемое поражение: «Против нас – МИЛЛИАРДНАЯ страна...» Причиной войны Солженицын считал намерение Китая отобрать у СССР Сибирь и Дальний Восток. Логический вывод – перенести на Северо-Восток все развитие русской нации. Цитирую здесь по русскому варианту, который я получил неделю спустя:

«...малоллюдными, даже безлюдными лежат эти раскинутые просторы... наш выход один: чем быстрее, тем спасительнее – перенести центр государственного внимания и центр национальной деятельности... из Европы и даже с юга нашей страны – на ее Северо-Восток... но не строить там города и промышленные центры, а лишь деревни и небольшие городки и развивать сельское хозяйство. Построение более чем половины государства на новом, свежем месте позволит не повторить губительных ошибок XX века – с промышленностью, с дорогами, с городами... Все вы по вашему возрасту помните прежние до-автомобильные города – города для людей, лошадей, собак, еще трамваев... Вот такими городами пусть украсится наш растопленный, отмороженный Северо-Восток, а на то растопление пусть грохаются дурные космические деньги...»

Наибольшие споры мог вызвать шестой раздел, в котором Солженицын обосновывал для России преимущества именно авторитарности.

Для либерального духа *The Observer* манифест Солженицына явно не подходил, даже если бы за честь его публикации не требовалось платить столь большую сумму. Я откровенно высказал Уилсону и Астору свое мнение. Воскресная газета, публикуя эксклюзивный материал, может компенсировать свои расходы последующей синдикацией – продажей прав на публикацию отрывков или полного текста в ежедневные газеты, журналы, на радио, изданием брошюры и т. д. Я предположил, что желающих на такие вторичные публикации просто не будет, так как основные резко антизападные тезисы автора приведут к острой критике и со стороны западных, и со стороны советских комментаторов. Экономические предсказания автора были также спорными и неоригинальными. Солженицын все же писатель, литератор, а не философ, экономист или историк. Его попытка выделить именно русскую православную церковь как альтернативу идеологии и опору для государственной авторитарности не могла получить поддержки. «Пусть печатают это “Письмо” ваши конкуренты, – предложил я, – никакой синдикации быть не может».

Газет-конкурентов было только две: *The Sunday Times* и *The Sunday Telegraph*. Вторая, поддерживающая консерваторов, имела большие финансовые ресурсы. 3 марта «Письмо» Солженицына было опубликовано в *The Sunday Times*. Эта публикация немедленно вызвала международный газетный скандал. Оказалось, что американская *The New York Times* тоже опубликовала «Письмо вождям» в тот же день, но с сокращениями, снабдив разделы

другими подзаголовками. Одновременно публиковались критические комментарии самой газеты. При этом американская газета не покупала у адвоката Солженицына никаких эксклюзивных прав. Московский корреспондент этой газеты Хедрик Смит заявил, что он получил русский текст из свободной циркуляции в самиздате и поэтому имел полное право продать его как объявленный открытым, тем более что он был датирован 5 сентября 1973 года и не представлял собой, таким образом, какой-либо новости. Выход в самиздат считался публикацией и делал материал общественным достоянием. Текст «Письма вождям» был у Смита уже с декабря, но он не давал ему хода, считая, что Солженицын передумал опубликовать его. Однако после предложения Фрица Хееба, адвоката автора, купить права на публикацию, причем за большую сумму, редакция нью-йоркской газеты решила печатать текст в переводе Хедрика Смита.

Через два или три дня выяснилось, что Солженицын действительно передумал опубликовать тот текст своего «Письма вождям», который был отправлен Брежневу 5 сентября. Учтя критику друзей и сотрудников «УМСА-Press», он в декабре подготовил новую версию, значительно сократив в ней критику западной цивилизации и современной политики США и западноевропейских стран, а также пропаганду преимуществе авторитарности. Новый текст поступил к его русским издателям в Париже с инструкцией опубликовать 3 марта одновременно в разных странах. Он полагал, что к этому времени иностранные переводы «Архипелага» уже будут напечатаны, подняв авторитет автора. Опубликовать иностранные переводы «Письма вождям» в массовых воскресных газетах до выхода переводов «Архипелага» было нелепо, они кардинально противоречили друг другу. В марте не могло быть никакого доверительного диалога с советскими вождями, которые только что незаконно выслали писателя из родной страны. Но Солженицын не управлял событиями, все шло еще по декабрьскому сценарию. Как впоследствии оказалось, существовали даже не две, а три версии. Все они появились в разных газетах. В ответ на протест адвоката *The New York Times* поместила 5 марта все тексты для сравнения, выделив абзацы, которые Солженицын решил удалить или изменить для западных читателей. Для Европы все эти материалы публиковались в *International Herald Tribune*, международной газете, которую я уже получал по подписке.

«Письмо вождям» вызвало множество откликов. Обстоятельную критическую статью написал Андрей Сахаров. Он продиктовал ее текст по телефону в Нью-Йорк, и она появилась в газетах очень быстро. Критический разбор «Письма» сделал и Рой. Его статья была подготовлена по заказу западногерманского журнала *Der Spiegel*.

Академик В. А. Энгельгардт в Лондоне

В начале марта в Великобритании была восстановлена пятидневная рабочая неделя. В нашем институте возобновились экспериментальные исследования, но всех сотрудников призывали экономить электроэнергию. В марте заканчивался и мой грант. Поэтому мы с Ритой интенсивно работали в лаборатории, чтобы иметь для отчета новые данные о тканевых различиях спектра гистоновых белков. Эти анализы предполагалось расширить в дальнейшем для сравнения тех изменений в составе белков хроматина (комплексов ДНК и белков клеточного ядра), которые могли происходить при старении мышей. В виварии у нас уже были клетки с мышами двух чистых линий, пока еще молодых. Однако в составе гистонов, выделенных из хроматина клеток разных органов (тимус, печень, почки и

селезенка), мы смогли обнаружить разницу. Одна из подфракций лизинбогатого гистона, обозначавшегося тогда символом F1, практически отсутствовала в хроматине быстроделющихся клеток тимуса. Эта субфракция, которая обозначалась как F1₀, была наиболее заметной в хроматине неделящихся (у мышей) клеток печени. Ассоциация какой-то специфической субфракции гистона с делением клеток была ранее неизвестна. Это позволяло нам говорить о первом успехе. Я мог доложить эти результаты на лабораторном семинаре.

В начале апреля The Ciba Foundation, организация поддержки международного сотрудничества в исследованиях по медицинской химии, финансируемая крупной швейцарской фармацевтической компанией Ciba (см. главу 7), проводила в Лондоне симпозиум по структуре и функциям хроматина. Симпозиумы Ciba Foundation отличались тем, что на них приглашали с докладами лишь ведущих специалистов в той или иной области, от двадцати до тридцати человек из разных стран. Труды симпозиумов быстро публиковались в виде хорошо изданных книг. С директором Ciba Foundation доктором Гордоном Волстенхолмом я уже был знаком. В июле 1973 года я участвовал в симпозиуме Ciba Foundation по проблемам клеточного старения. На симпозиум по хроматину меня пригласили в качестве гостя. Докладчиками здесь были известные авторитеты в изучении клеточного ядра. Одним из них был доктор Дж. Тата (J. Tata), заведующий отделом биохимии развития в нашем институте. Именно в его лаборатории мы познакомились с новыми методиками выделения хроматина и разделения гистонов электрофорезом.

В списке участников симпозиума я был очень рад увидеть своих друзей: академика Владимира Александровича Энгельгардта, директора Института молекулярной биологии АН СССР, и Георгия Павловича Георгиева, который заведовал в этом институте одной из лабораторий. Однако до начала заседаний гарантии реального присутствия советских ученых никогда не было. На этот раз проблем не оказалось. На приеме в здании Ciba Foundation перед началом заседаний я увидел и Энгельгардта и Георгиева. Встреча с Энгельгардтом была очень теплой, с Георгиевым – более сдержанной, он считался человеком осторожным. Энгельгардта я не видел с 1971 года. Он заметно постарел, ему исполнилось уже 79 лет. Но держался очень бодро. Однако на первом утреннем заседании обнаружились сложности с его слухом. Из правого уха моего старого друга спускались проводки к кассете с батарейками, крепившейся на поясном ремне. Такое же устройство я видел еще в 1965 году у академика В. Н. Сукачева, приезжавшего в Обнинск к Тимофееву-Ресовскому. Это был давно устаревший слуховой аппарат. Было трудно поверить в то, что за прошедшие десять лет элитные медицинские службы АН СССР не смогли наладить импорт современных моделей, работавших на мини-батарейках и почти невидимых за ухом. Вскоре стало заметно, что Энгельгардт не мог слышать и понимать докладчиков, хотя и старался этого не показывать.

Между утренним и вечерним заседаниями был трехчасовой перерыв на ланч и личные беседы. Большое здание Ciba Foundation в центре Лондона имело на верхних этажах и небольшую гостиницу для зарубежных ученых. Там же находилась и очень хорошая библиотека. После ланча я пригласил Энгельгардта прогуляться, обещая показать интересную достопримечательность. Недалеко от здания Ciba Foundation был самый большой в Лондоне магазин медицинской техники с кабинетами врачей-специалистов – ортопедов, офтальмологов и др., которые предлагали немедленную консультацию. В кабинете с табличкой «Слуховая помощь» консультант, увидев проводок, свисающий с уха

Энгельгардта, сразу понял нашу проблему. Я объяснил, что мой друг находится в Лондоне проездом и ему нужно подобрать и приладить новый слуховой аппарат. «Без проблем», – ответил консультант. Через полчаса Энгельгардт выходил из магазина совершенно преобразившимся. Он все прекрасно слышал, а в качестве подарка от фирмы получил и запас мини-батареек на три года.

Письмо отца, прочитанное через 34 года

В конце марта Рой сообщил мне печальную новость о смерти в Астрахани нашей любимой тети Тоси, сестры отца. Ей было 78 лет. Она жила в нашей семье в Ленинграде в 1932–1937 годах. Отец пригласил ее из Астрахани помогать семье, когда мама поступила в музыкальное училище. С 1935 года Тося работала на одном из военных заводов Ленинграда, изготовлявших артиллерийские снаряды. После нашего переезда в Москву она осталась в Ленинграде, пережила блокаду, а при первой возможности уехала на родину в Астрахань, где жила ее младшая сестра Катя. Тося замуж не выходила и не имела детей.

Последние годы у нее были проблемы с сердцем. Муж тети Кати, капитан рыболовецкого траулера, умер лет пять назад. Рой улетел в Астрахань на похороны и прожил там около недели. Разбирая Тосины бумаги, он неожиданно нашел несколько писем отца нам, маме и самой Тосе с Колымы, из поселка Верхний Сеймчан, где отец работал в 1940 году после больницы, в которую он попал с медных рудников Нижнего Сеймчана. Эти поселки находились в нескольких сотнях километров от Магадана вглубь материка. В Верхнем Сеймчане был совхоз с парниковым хозяйством, обеспечивавший Нижний Сеймчан морковью и свеклой. Никакие другие овощи в этом климате не вызревали, лето продолжалось там менее трех месяцев. Я уже писал в начале книги, что наш отец, профессор Военно-политической академии, работавший на кафедре диалектического и исторического материализма, был арестован в августе 1938 года как бухаринец и осужден на восемь лет, которые он отбывал в Магаданской области. Его не лишали права переписки, и до сентября 1940 года мы могли ему писать и получали от него письма. Тогда мы жили в Ростове-на-Дону. Все наши вещи и бумаги пропали в период первой оккупации Ростова-на-Дону немецкой армией осенью 1941 года. Но, как оказалось, мама делала с некоторых писем отца копии и посылала их Тосе в Ленинград. Одно из этих писем Рой нашел теперь в ее бумагах. Это письмо мы читали, когда нам было по четырнадцать лет. Тогда мы еще не понимали всего масштаба трагедии сталинского террора.

«6 мая 1940 г.

Здравствуйте, дорогие!

Ну вот и к нам дошла, наконец, весна. Она у нас погостит недолго. Долгая зима здесь быстро и бурно переходит в жаркое лето. Природа торопится. Человеку надо угнаться за ее темпами, чтобы получить от нее нужные плоды. С полей еще не сошел снег, но он заметно оседает, темнеет и точится весенними лучами. Скоро начнутся ответственные полевые работы. Пока мы энергично готовим рассаду.

Физически я очень далек от вас. Но в своих мыслях и чувствах я близок к вам, как никогда: вы “главный предмет моих привычных дум”, смысл и цель жизни. Я без усталы перебираю в обострившейся памяти все домашние эпизоды, вплоть до

мелочных, и воспроизвожу ваши милые образы. И в этом моя утеха и радость.

Я вступил в возраст, который древние греки называли “акме”. Это позднее лето и начало осени – период творческого плодоношения. В этот период особенно тянет к философии. И я когда-то дал себе слово – не выступать в научной печати до 42 лет, чтобы выпускать действительно зрелые произведения. Поэтому я и ограничивался научно-популярной и педагогической деятельностью, накапливая и обрабатывая материал – “заготовки”.

Признаюсь, ребята, что здесь был и расчет на вашу помощь, содействие и критику. Именно теперь на пороге вашего вступления в юношеский возраст, в пору цветения жизни, я бы хотел быть подле вас – передать вам свои знания и опыт и, по возможности, уберечь вас от юношеских ошибок. Но судьба решила иначе! И я хотел бы, чтобы разлука не омрачала бы вашей юности и не гнала радости этой счастливой поры жизни. Живите, не думая обо мне, полной жизнью советского молодого человека! Живите так, чтобы о вас нельзя было сказать полермонтовски:

Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет:
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

Главное – учитесь, – учитесь упорно, настойчиво, не ограничиваясь школьной программой. Пользуйтесь временем, когда восприимчивость особенно велика, а память особенно цепка. Не разбрасывайтесь, будьте дисциплинированы в труде. Г. Плеханов любил говорить: “Дисциплина труда – великое дело. При ней и посредственный человек может создать нечто значительное”. А вы способные, талантливые ребята. Учитесь думать и быть организованными, вырабатывайте твердый характер и волю. Терпение и выдержка – вот что вам особенно нужно. Учитесь преодолевать трудности, как бы велики они ни казались.

Горячо рекомендую вам читать книги из серии “Жизнь замечательных людей”: в них вы почерпнете много ценного для себя. Вы убедитесь, что трудолюбие и исключительная трудоспособность – были неременной чертой этих людей. Берите в этом отношении с них образцы. Я вовсе не советую вам сиднем сидеть за книгой: надо жить полной жизнью и сочетать труд и отдых, уединение и товарищеские развлечения.

В чтении будьте систематичны. Читайте со строгим отбором, перечитывайте все значительное, выписывая важное в тетрадь – пригодится в жизни! Начните основательно знакомиться с древнегреческой мифологией и с “Илиадой» и «Одиссеей”. Вы убедитесь (кроме наслаждения от этих произведений), как они облегчат ваше изучение классических произведений нового времени, обогатят ваш язык и обострят художественную восприимчивость.

Извините за поучительный тон – тон “Послания Владимира Мономаха своим детям”. Но зная ваши характеры – достоинства и недостатки его – я считал необходимым высказать все это. Мало того. Я еще продолжу скучную беседу на

эту тему в следующих письмах. Сейчас я жду писем от вас – это оживит и мои послания

Крепко, крепко обнимаю вас, мои бесценные.

А.»

Отец умер весной 1941 года. По официальной справке – «от рака ключицы». По полученным нами позднее свидетельствам – от авитаминоза. Выращенных летом овощей не хватало на всю семимесячную зиму. Охотское море вдоль берегов замерзло, и навигация прекращалась. Цинга была главной причиной смертности заключенных во всех лагерях Восточной Сибири.

Круиз в Америку

Лайнер «France» отплывал из Марселя 11 апреля 1974 года. Из пассажиров четырехмесячного круиза на борту осталось около пятисот американцев. К ним добавилось, наверное, около четырехсот пассажиров, пожелавших плыть из Европы в США. В основном это были пожилые люди. «Вы из России?» – неожиданно спросил меня по-русски во время ужина один из соседей за столом. «Да, а как вы догадались?» – «Чай пьете с сахаром вприкуску, это делают только русские». Сосед оказался врачом, работавшим в Гамбурге. Он плыл в США, чтобы навестить дочь, учившуюся там в университете. Его судьба оказалась для меня очень интересной, так как ни я, ни большинство моих советских сограждан не знали о советских людях, оказавшихся в 1944–1945 годах в Германии, хотя таких, как мой сосед, насчитывалось около миллиона. Мой сосед в 1941 году был молодым хирургом в одной из минских больниц. Немецкая армия захватила Минск к концу первой недели войны. Лишь очень небольшое число жителей из полумиллионного населения города сумело эвакуироваться. Больница продолжала работать и была перегружена, там были и советские раненые солдаты, и немецкие. В течение трех лет немецкой оккупации больница продолжала работать, в основном уже как госпиталь для раненых немецких солдат и офицеров. У молодого хирурга в этих условиях не было выбора. В 1944 году госпиталь вместе с врачами эвакуировали в Гамбург. После капитуляции Германии мой сосед не стал добиваться репатриации в СССР. Он знал, что там его объявят изменником родины и могут приговорить к расстрелу. (Через год я получил от него письмо в Лондоне и узнал его имя – Виктор Яворский.) Почти весь в прошлом советский персонал больницы остался в Германии. Туда в 1944 году уехало из Минска много людей, которые занимались в оккупированном городе каким-то мелким бизнесом или работали в разных учреждениях и на предприятиях. Они не относились к категории «насильственно угнанных на принудительные работы» и поэтому не подлежали обязательной репатриации с территории Западной Германии, оккупированной британскими, американскими и французскими частями. Такое же положение возникало в Киеве, Харькове, Одессе и в других освобождаемых городах. Уехавшие в Германию из оккупированных городов профессионалы и ремесленники, работавшие в период оккупации как частники (сапожники, портные, столяры, повара, колбасники, кондитеры и т. д.), в последующем расселялись по всему миру. Десятки тысяч уехали в Австралию, в Канаду и в Аргентину. Там они считали себя в большей безопасности, чем в Европе. В этих странах впоследствии издавались местные газеты на русском языке.

Много русских и украинцев переселилось во Францию, Испанию и Португалию.

С утра на следующий день я в основном осматривал наш великолепный лайнер. Он был самым длинным в мире морским судном, 316 метров от носа до кормы. Его водоизмещение, 66 тысяч тонн, тоже было рекордным для пассажирских судов. Лайнер был спущен на воду в 1960 году, и с тех пор ни в одной стране мира не было построено более совершенного и быстроходного судна. Максимальная скорость «France» приближалась к 60 км в час. В 1960 году судно предназначалось для трансатлантических пассажирских перевозок. В то время морские маршруты были популярнее и дешевле воздушных. Положение стало меняться в 1970-м с началом регулярных полетов двухпалубных четырехмоторных «Боингов-747». В 1974 году регулярные трансатлантические рейсы совершала лишь британская компания «Cunard», а французская и итальянская переоборудовали свои суда для круизов. Для «France» это означало сокращение числа пассажиров вдвое – лишь около тысячи человек в каждый круиз. Но тот замечательный трансатлантический рейс, который посчастливилось совершить и мне, стал для «France» последним. В Нью-Йорке команда и обслуживающий персонал лайнера объявили забастовку, протестуя против многочисленных увольнений. Пришлось срочно отменить запланированный круиз в Карибское море, каюты на который были уже проданы. Выплаты компенсаций привели к банкротству компании, и «France» осталась на рейде. Быстроходные пассажирские суда расходовали слишком много жидкого топлива, которое стало очень дорогим. (Летом 1974 года «гордость французского мореплавания» выставили на аукцион. Ее очень дешево купила норвежская круизная компания. Переоборудование судна для круизов заняло несколько лет. Как более тихоходный круизный лайнер, переименованный в «Norway», он имел каюты на 2500 человек.)

Утром на шестой день плавания я увидел на горизонте знаменитую статую Свободы и силуэты небоскребов. «France» уже замедляла свой ход, входя в Нью-Йоркский залив.

Во время пятидневного трансатлантического путешествия я просматривал и читал две книги о современной Америке, которые взял в дорогу из Лондона. Хорошая библиотека для туристов имелась и на самом корабле. Карту Нью-Йорка я купил в Лондоне. Моя программа была довольно разнообразной, с дискуссиями и лекциями по нескольким темам. В Нью-Йорке, куда мы прибывали утром 16 апреля, я мог провести лишь два полных дня. Вечером 19 апреля мне уже предстояла первая лекция в небольшом колледже в Мичигане, где я останавливался на пути в Чикаго для встречи с профессором Дэвидом Журавским, редактором английского перевода книги Роя «К суду истории». В Нью-Йорке у меня было запланировано четыре встречи: с Кейт Виттенберг (Kate Wittenberg), старшим редактором издательства Колумбийского университета, с моим московским другом Валерием Чалидзе, который теперь возглавлял небольшое издательство «Хроника-Пресс», выпускавшее книги и журнал по защите прав человека в СССР, с русским писателем первой волны Романом Гулем, главным редактором «Нового журнала», основанного еще в 1942 году, и с Патрицией Блейк (Patricia Blake), известной журналисткой из журнала *Time*, ответственной в нем за советскую тематику.

Морские причалы Нью-Йорка располагаются вдоль левого берега реки Гудзон, отделяющей Нью-Йорк от соседнего штата Нью-Джерси. У компании «France» здесь был собственный причал, который оживал лишь перед прибытием лайнера. После проверок пассажиры выходили за ворота временной ограды сразу в город, где-то неподалеку от его финансового центра. Таможенный досмотр в порту был, однако, очень тщательным. Найдя в моих вещах небольшой складной швейцарский ножик с множеством лезвий, таможенник измерил длину главного лезвия и вернул его мне. Кроме того, нужно было заполнить анкету прибытия, первый вопрос которой был сформулирован так: «Есть ли у вас какая-либо заразная болезнь, физические или умственные нарушения; не злоупотребляете ли вы наркотиками и нет ли у вас наркозависимости?».

Таможенный контроль также интересовался, не собирается ли новоприбывший участвовать в США в преступной или аморальной деятельности, имеет ли он судимость, если да, то за что, на какой срок осуждался. Следовало также сообщить, не занимался ли вступающий на американскую землю шпионажем, не участвовал ли в саботажах, террористических акциях или акциях геноцида и преследований, связанных с нацистской Германией и ее союзниками в 1933–1945 годах.

У выхода из пограничной зоны дежурили таксисты, их большие ярко-желтые машины стояли поблизости. Почти половина таксистов были чернокожими молодыми людьми, одетыми в форму. Я остановил свой взгляд на средних лет мужчине, стоявшем немного в стороне. В руке у меня был небольшой чемодан, и на лице, очевидно, некоторая растерянность.

– Вам куда? – спросил он меня по-английски с сильным русским акцентом.

– Сам пока не знаю, – ответил я сразу по-русски, – в какую-нибудь хорошую, но недорогую гостиницу в центре города.

– Отель «Рузвельт» на Мэдисон-авеню, – посоветовал водитель, беря в руки мой

чемодан. – Если хотите, садитесь впереди, рядом со мной.

Это, как я узнал позднее, был жест доверия. Обычно пассажиры в нью-йоркских такси, так же как и в лондонских, отделены от водителя пуленепробиваемой прозрачной пластиковой перегородкой с выдвижной коробочкой для оплаты по счетчику. Стоимость поездки, за посадку и за каждую милю, была указана на борту машины.

Мой водитель Виктор, инженер по прессам из Ленинграда, приехал в Нью-Йорк с женой и двумя детьми около года назад, отказавшись в Вене лететь в Израиль. Американскую визу он ждал семь месяцев в лагере для перемещенных лиц недалеко от Рима. «Жили в Ленинграде десять лет в одной комнате, и шансов на улучшение не было, – объяснил он, – в Питере все новые дома нужно строить по архитектурным проектам... Почти половина таксистов в Нью-Йорке сейчас русские, работа тяжелая и опасная, особенно ночью... много наркоманов».

Русскими называли в Нью-Йорке всех эмигрантов, приехавших в последние годы из СССР, независимо от их этнической принадлежности. Для легальной эмиграции из СССР нужен был «этнический» повод, который признавался для евреев, греков, немцев Поволжья, турок и испанцев, привезенных в СССР детьми во время гражданской войны 1936–1939 годов.

Я не бронировал заранее ни номеров в гостиницах, ни билетов для переезда из города в город, полагая, что разберусь во всем на месте. Кредитных карточек в Великобритании в 1974 году еще не выпускали, и половина населения вообще не имела банковских счетов. Зарплата рабочим обычно выдавалась за неделю наличными каждую пятницу. У меня были доллары, но не на всю поездку, поскольку я надеялся, что смогу пополнять их запас гонорарами за лекции. Первый небольшой гонорар, около трехсот долларов, ожидал меня в издательстве Колумбийского университета от продаж книги о Лысенко в 1973 году. Ограничил я и свой багаж минимумом вещей, даже фотоаппарат «Зенит» остался в Лондоне. Дима, уже ставший фотолобителем, на мой вопрос насчет подарка из Америки попросил привезти ему «Никон», объяснив, что в США вся японская фототехника стоит в два или три раза дешевле, чем в Англии. «Покупка “Никон” – это инвестиция, – объяснил он, – защита от инфляции».

Гостиница «Рузвельт» оказалась большим красивым зданием в двадцать этажей, занимавшим почти весь квартал на углу 45-й улицы и Мэдисон-авеню. В ней было, наверное, не менее тысячи номеров. Показывать паспорт или другой документ дежурному клерку не требовалось (в Европе это обязательное правило), здесь верили заполненной анкете гостя. Но плату за сутки вперед нужно было внести сразу. Об американских гостиницах я знал по одному из первых романов Артура Хейли, «Отель», который прочитал на английском еще в Обнинске. (Чтение американских бестселлеров в оригинале было моим способом совершенствовать знание английского языка.) Отель «Рузвельт» был чем-то похож на тот, что описан в этом романе, и не был сетевым.

Из своего номера на двенадцатом этаже я позвонил в издательство и друзьям, сообщил о благополучном прибытии и наметил дни и часы визитов. Первый из них был в три часа дня в издательство. Оно располагалось на 113-й улице. После этого я должен был посетить Романа Гуля, который жил на той же улице, в трех кварталах от издательства в сторону реки Гудзон. С Валерием Чалидзе мы назначили встречу на 17 апреля. Издательство «Хроника-Пресс» располагалось в восточной половине 92-й улицы. Патриция Блейк пригласила меня в итальянский ресторан в районе Гринвич-Виллидж на вечер того же дня. Эту часть Нью-

Йорка я тоже знал по бестселлеру 1969 года «Крестный отец», знаменитому роману Марио Пьюзо об итальянской мафии Нью-Йорка. 18 апреля я уезжал из Нью-Йорка поездом с Пенсильванского вокзала.

Издательство Колумбийского университета занимало два этажа одного из университетских зданий. Кейт Виттенберг приняла меня очень приветливо. В каждой комнате издательства работали несколько редакторов. Кейт провела меня в кабинет к директору Роберту Тиллею (Robert Tilley), который несколько лет назад подписал договор с М. Лернером об издании моей книги. Теперь мне предстояло подписать здесь новый вариант договора, переводя всю переписку издательства по книге «The Rise and Fall of T. D. Lysenko» на мой адрес в Лондоне. Издательство было довольно относительным успехом книги, которая переводилась на восемь языков и вышла в 1970 году вторично на английском в дешевом издании, что обеспечило ему какую-то прибыль. Большинство книг университетских издательств, как объяснил Тиллей, выпускаются малыми тиражами, только на английском и за счет субсидий из университетских бюджетов. Издательство Колумбийского университета было практически единственным рентабельным издательством научной литературы за счет очень популярной однотомной Колумбийской энциклопедии, которая обновлялась каждые три года. Ее новые издания заказывали библиотеки всего мира. На прощание Тиллей подарил мне последнее обновленное издание энциклопедии – том большого формата, объемом более трех тысяч страниц и весом около восьми килограммов. Я был рад подарку, но просил отправить его морской почтой на мой институтский адрес в Лондоне.

Роман Борисович Гуль, с которым я с начала 1973 года вел активную переписку, начал свою писательскую деятельность, оказавшись в Германии после поражения белых в Гражданской войне. В 1916 году он был прапорщиком русской армии на Юго-Западном фронте. Линия обороны против немецких и австрийских частей проходила по территории Украины. После Октябрьской революции он служил в армиях Деникина, Корнилова и Скоропадского, но воевал не против Красной Армии, а против армий местных атаманов Махно и Петлюры. В 1919 году Гуль оказался в плену у отступавших из Украины немецких частей и попал вместе с ними в Берлин. После прихода к власти Гитлера был арестован и несколько месяцев провел в концлагере. После освобождения уехал во Францию. Пережил немецкую оккупацию Франции, работая на ферме. В США переехал в 1950 году. В 1974 году Гулю было уже 78 лет. Он сделал «Новый журнал» высококачественным русским литературным изданием за пределами СССР. Журнал выходил четыре раза в год, по 270–300 страниц в каждом номере, но небольшим тиражом, около 2000 экземпляров. Его издание требовало субсидий. В очередном, 114-м номере, вышедшем в марте, публиковался очерк Лидии Чуковской «Прорыв».

Узнав о планах моей поездки в США, Гуль обязательно хотел встретиться со мной в Нью-Йорке. После высылки Солженицына из СССР у него и спонсоров «Нового журнала» появилась идея передать ему бразды правления журналом в надежде, что авторитет всемирно известного писателя повысит авторитет издания и обеспечит его щедрой финансовой поддержкой. За пределами СССР возник бы важный объединяющий центр интеллектуальной деятельности русской диаспоры. В письме, отправленном мне на следующий день после высылки Солженицына во Франкфурт, Роман, в частности, писал:

«Как только Солженицын оглядится на Западе, оправится – так пусть НЖ

превратится в “Журнал А. И. Солженицына”, я же уйду с сознанием по-настоящему выполненного долга (“ныне отпускаеши...”). И у нас на Западе появился бы действительно настоящий “Колокол”. С высылкой А. И. ведь весь центр русской литературы перемещается на Запад. Это событие громадной важности...»

Хотя дом, в котором жил Роман Гуль, находился в пяти-шести минутах ходьбы от Колумбийского университета, это был уже совсем другой район. Мрачные кирпичные нештукатуренные дома в восемь-девять этажей. Подъезд в доме с номером 506 был без консьержа. Лифт старый. Дверь в квартиру Гуля была железной с множеством засовов. Изнутри ее дополнительно подпирала стальная палка, фактически небольшой ломик... «Здесь жить без такой защиты нельзя, – объяснил Роман Борисович, открывая свою крепость, – в подъезде ночуют наркоманы, особенно зимой». После этих объяснений он обнял меня по-русски... «Очень рад видеть вас, Жорес Александрович, в редакцию я теперь езжу редко, машины у меня нет, и гулять вокруг здесь старикам не советуют...» В столовой меня тепло приветствовала жена Гуля. Я пробыл в этой русской семье около трех часов, мы беседовали о многом. Но Роман Борисович постоянно возвращался к теме Солженицына, очень хотелось ему передать «Новый журнал» «великому», как он считал, писателю. Но Гуль был сильно разочарован «Письмом вождям» и эссе «Жить не по лжи», которого я еще не читал. «Зачем ему все это нужно?» – недоумевал Гуль. Я объяснил Роману Борисовичу проблемы Солженицына, связанные с гипертонической болезнью, затронувшей мозговое кровообращение. Солженицын стал очень нетерпелив, забывчив, часто отвлекается на случайные проблемы. Верит в свое «предназначение». Реальности западной жизни его пока раздражают. Он теперь торопится завершить эпопею о войне и революции – «Красное колесо», которую считает своей важнейшей книгой. Стал очень религиозным, даже проповедником, почти апостолом. Я очень сомневался, что он примет предложение стать главным редактором «Нового журнала» и сможет редактировать работы других авторов. Гуль тоже заметил перемены в творческом стиле Солженицына. «Август Четырнадцатого», по его мнению, был, по качеству прозы, написан значительно хуже «Ракового корпуса». «Сюжета нет, слишком много о передвижениях войск...» Однако предложение Солженицыну на редактирование уже было одобрено редакцией и Советом спонсоров журнала. Журналу был очень нужен символ, который привлек бы к нему новых авторов. Текущую работу вели бы другие. Для обсуждения этого проекта главный спонсор журнала Джордж Кеннан (George Kennan), писатель, историк и дипломат, бывший в 1952 году послом США в Москве, готовился к поездке в Цюрих. Кеннан хорошо знал русский язык и русскую литературу. Он был также основателем Института по изучению СССР в Колумбийском университете. Рецензия Джорджа Кеннана на русское издание «Архипелага» под заголовком «Между землей и адом» публиковалась в следующем, 115-м номере «Нового журнала».

Дж. Кеннан, которому в 1974 году исполнялось 70 лет, оставался очень влиятельным политиком. С ним нередко советовались в Белом доме и в комиссиях конгресса. (Я не исключаю, что его идея создания «Журнала Солженицына» как нового «Колокола» в США привела в движение совсем другой проект, завершившийся появлением журнала «Континент», первый номер которого вышел в конце 1974 года в ФРГ. Из ФРГ никакой «колокол» на СССР звонить, безусловно, не мог.)

Спал я очень плохо, мешал шум с улиц, пробивавшийся через закрытые и зашторенные

окна. В Нью-Йорке, как оказалось, машинам разрешались сигнальные гудки, и в потоках автомобилей они сливались почти в грохот. Утром я первым делом купил в ближайшей аптеке восковые затычки для ушей. В открытке, которую я послал Рите с Димой на следующий день, как обнаружилось уже сейчас, при подготовке этого очерка, было написано: «Привет из этого сумасшедшего города! Немного поспал с двойной дозой снотворного и с затычками в ушах».

17 апреля я приехал в гости к Валерию Чалидзе. Скромный и не очень известный основатель Комитета защиты прав человека в Москве, состоявшего из четырех человек и заседавшего обычно в его собственной квартире, жил теперь в элитном доме в восточной части 92-й улицы, очень близко от Центрального парка. Это был район богатых ньюйоркцев. Чалидзе принадлежали в этом доме две квартиры, одна служила редакцией и типографией для издательства «Хроника-Пресс», во второй Валерий жил сам. Современная американская мини-типография сильно отличалась от типографии «Bertrand Russell Foundation» в Ноттингеме, которую я посещал в 1973 году. Здесь не было никаких печатных машин, продукцию выпускали с помощью каких-то модификаций копировальных аппаратов «Хегох» с текстов, подготовленных на электрических пишущих машинках. Все издания делались с бумажными обложками. В редакционный совет «Хроники-Пресс» входили Эдвард Клайн (Edward Kline) и Питер Реддавей (Peter Reddaway). Клайн имел репутацию мецената. Он был миллионером, владельцем Kline Brothers Company – сети универсальных магазинов в Чикаго и в соседних с ним городах. Он свободно говорил по-русски, и советские проблемы входили в сферу его дополнительных интересов. Он был также основателем и собственником издательства имени Чехова в Нью-Йорке. По объяснениям Чалидзе, именно Э. Клайн обеспечивал грант на работу издательства «Хроника-Пресс».

С Патрицией Блейк я встретился в небольшом парке на Washington Park Square, в центре знаменитой Greenwich Village, где не строили небоскребов. Здесь были лишь не очень длинные и не всегда прямые улицы, имевшие названия, а не номера. Дома в большинстве своем классической европейской архитектуры, четырех– или пятиэтажные. Встречались и дома английского типа, рассчитанные на одну семью. Это был богемный, очень дорогой район, в котором жили знаменитые артисты, писатели, художники. Дом, где жила Блейк, выходил окнами на парк. Как объяснила мне Патриция, за порядком в «деревне» следила итальянская мафия. Здесь в 1974 году царил апартеид, чернокожих жителей не было. В итальянских ресторанах, которые доминировали на улицах, отходящих от площади, их не обслуживали. Все попытки ввести равноправие рас кончались провалом. В открытке домой я писал: «Патриша Блейк повела меня в ресторан – она сказала, что он очень хороший, т. к. принадлежит итальянской мафии...»

С Патрицией я познакомился в Лондоне еще в феврале 1973 года и активно переписывался. Это опять-таки было связано с проблемами Солженицына, над биографией которого Блейк работала с 1971 года. Патриция знала русский язык, два или три года она работала в Москве корреспондентом журнала *Time*. Теперь работа над биографией писателя остановилась, так как для ее продолжения важно было иметь личные контакты с самим Солженицыным. Но он пока вообще отказывался от встреч с журналистами. Патриция надеялась, что я смогу как-то помочь ей в этом деле.

18 апреля, это был четверг, получив из обслуживания номеров свой отглаженный костюм, я приехал на метро, которое здесь называлось «подземкой», на Пенсильванский вокзал, занимавший весь квартал между Седьмой и Восьмой авеню и расположенный в основном под землей. Напротив вокзала на Восьмой авеню находилось большое красивое здание Центрального почтамта. Там я купил запас марок для открыток, писем и бандеролей и справочник почтовых правил и цен, а также отправил письма в Лондон.

Подземный вокзал был грандиозным сооружением с множеством залов и выходов к поездам разных направлений. На изучение всей этой системы ушло около двух часов. Мне нужен был билет до Чикаго, но с возможностью прервать путешествие на сутки в небольшом городе Альбион штата Мичиган, расположенном между тремя Великими озерами. В колледже Альбиона вечером в пятницу я должен был читать общеуниверситетскую лекцию на тему «Положение науки и ученых в СССР». Темы лекций заказывала приглашающая сторона, обычно кафедра, руководитель которой что-то знал о моих возможностях. Предложения о лекциях, связанных с какими-либо персонами, например с Сахаровым или Солженицыным, а также о политике правительства или о положении религии в СССР, я отклонял. Решил я отложить на будущее и предложенные мне в Йельском и в Корнеллском университетах лекции о разных диссидентских течениях в Советском Союзе. После ряда судебных процессов в Москве (дело Якира и Красина) и высылки Солженицына ситуация постоянно менялась, и беспристрастный анализ диссидентства был невозможен. Многие известные на Западе диссиденты покидали СССР и переезжали в США, Израиль и другие страны. Но тема о политических преследованиях инакомыслящих достаточно полно освещалась в моей лекции о положении науки и ученых в Советском Союзе.

В Чикаго ежедневно отправлялись из Нью-Йорка несколько поездов. Наиболее удобным оказался вечерний, который доставлял меня к месту назначения часам к десяти утра. В ночных поездах были сидячие вагоны с креслами, как в салоне самолета, и вагоны с одноместными купе, по 22 купе на вагон. В каждом мини-купе была не только кровать, которую днем можно было сложить в кресло, но и умывальник и унитаз, которые выдвигались из стены и задвигались обратно. Во всех поездах работал вагон-ресторан. Купив нужный мне билет до Чикаго с возможностью задержаться в Альбионе, я до вечера бродил по окружающим улицам. Их геометрически правильные пересечения, продольные авеню и перпендикулярные улицы, все просто пронумерованные, были удобны для туриста. Первая авеню, на которой располагается знакомое всем здание ООН, была, так сказать, витриной процветающей Америки. Десятая авеню, которая шла параллельно реке Гудзон, была бедной и запущенной, со всеми атрибутами портовой улицы большого города, небезопасной для пешеходов.

На Пенсильванском вокзале платформы для посадки на поезд находятся под землей и пассажиры спускаются к ним на эскалаторах. Отъехав от вокзала, поезд километров двадцать или тридцать шел по тоннелю и лишь далеко за городом вышел на поверхность. Но к тому времени было уже темно, и я решил разложить кровать, а на пейзажи посмотреть утром. Альбион оказался небольшим университетским городком-кампусом, где даже не построили вокзала. Поезд делал остановку «по требованию», так как нередко там никто не выходил и не садился. Колледж, на самом деле небольшой частный университет, основанный около 150 лет назад, имел всего около 1500 студентов. Моя лекция была назначена на восемь вечера, и я, сейчас уже не помню, каким образом, нашел профессора биологии Рассела Алуто (Russell Aluto), который пригласил меня в Альбион. Он был очень

удивлен, что я самостоятельно справился с таким путешествием. По кампусу были развешаны объявления о лекции, и сообщения о ней публиковались в местных газетах – городской и еженедельной университетской – с подробной биографией лектора. Это обеспечило неожиданно большую аудиторию, свыше девятисот человек. Лекционным залом служила местная церковь.

На следующий день утром я уезжал в Чикаго. Поезд в Альбионе останавливали с помощью плаката с просьбой об остановке. Мое второе выступление, 22 апреля, уже с докладом на научном семинаре, состоялось в знаменитой Аргоннской национальной лаборатории в сорока километрах от Чикаго. Эта лаборатория, фактически к тому времени большой научно-исследовательский институт, была с 1940 года частью Манхэттенского проекта по созданию атомной бомбы. Сюда Энрико Ферми (Enrico Fermi) перенес первый урановый реактор (Chicago Pile-1), собранный первоначально под трибунами стадиона в Чикаго, где его довели до критичности 2 декабря 1942 года. Дальнейшие экспериментальные работы велись на поляне большого леса, вдали от города, и это место окрестили Argonne – по названию окружающего леса. Именно в Аргонне в последующем начались и исследования по созданию реакторов для производства электроэнергии.

Однако мой приезд в Аргоннскую национальную лабораторию был связан не с атомной физикой, а с геронтологией. Биологический отдел лаборатории возглавлял известный геронтолог Джордж Сейчер (George A. Sacher), который уже много лет пытался разгадать причины и механизмы видовых различий максимальной продолжительности жизни. Я пытался решать эту же проблему как биохимик и генетик, но пока только теоретическим путем (см. [главу 15](#) и [главу 16](#)). Сейчер, изучая как анатом и физиолог сравнительные анатомо-физиологические особенности короткоживущих и долгоживущих близкородственных видов млекопитающих, пытался определить, какие конкретно особенности их анатомии, физиологии и обмена веществ (метаболизма) коррелируют с увеличением продолжительности жизни (среди приматов – от 10 до 100 лет, среди мышей – от одного года у некоторых степных австралийских видов до 20 лет у лесных бразильских видов).

В Аргоннскую лабораторию я приехал на такси, других вариантов не было. Дж. Сейчер, с которым я раньше переписывался и обменивался отпечатками, но лично не встречался, предложил мне остановиться в его доме. Это был большой двухэтажный дом, в подвальном этаже которого Сейчер держал собственный виварий с коллекцией мышей со всех континентов, около тридцати разных видов. Разгадки их разной скорости старения, от года до двадцати лет, все еще не было. В природных условиях продолжительность жизни определялась генетическим отбором на условия среды. Направление отбора выделяло признаки, которые обеспечивали сохранение всего вида, а не отдельных особей. Долгоживущие виды в тропических лесах жили в такой растительной гуще, где у них не было врагов-хищников, птиц или крупных млекопитающих и змей. Им также не угрожали зимние морозы и летние засухи. Для сохранения вида поэтому не требовалось больших и частых пометов. Короткая жизнь и быстрое размножение австралийских или североамериканских видов были результатом отбора и приспособлением к условиям среды. Мыши этих видов умирали не от старости. Они гибли молодыми от других причин – от хищников, недостатка пищи при засухе и от морозов. Но какие физиологические системы менялись в результате отбора, было пока неясно.

Из Аргоннской национальной лаборатории я поехал в Эванстон по приглашению моего

друга, историка Дэвида Журавского, с которым несколько раз встречался в Москве. Он обеспечил перевод и издание в США книги Роя «К суду истории», я о нем уже писал в прежних главах. Дэвид был профессором кафедры истории Северо-Западного университета, кампус которого расположен в Эванстоне, небольшом городке на берегу озера Мичиган, примерно в двадцати километрах к северу от Чикаго. Сюда Дж. Сейчер довез меня на своей машине за тридцать или сорок минут. Я мог провести в Эванстоне лишь один день, и Дэвид предложил мне комнату в своем доме. На четверг 25 апреля была назначена моя лекция-семинар в Гарвардском университете. Поэтому мне нужно было к вечеру 24 апреля прибыть поездом из Чикаго в Бостон. Американцы, как я понял уже в США, такие переезды совершали обычно самолетами. Однако поезда казались мне тогда более надежным средством передвижения.

Приезд в Эванстон был просто дружеским визитом. Никаких выступлений или интервью у меня здесь не было. Дэвид Журавский и его жена Дорис были нашими с Ритой ровесниками, но поженились на три или четыре года раньше. Их взрослые дети, сын и дочь, только недавно покинули родительский дом и начали самостоятельную жизнь. Сын, чью комнату отвели мне, стал репортером местной газеты. Дэвид повел меня на экскурсию в университет на кафедру истории. Он читал здесь курс по истории России и СССР, а также по истории Византийской империи. У него была большая коллекция слайдов с фотографиями картин российских художников и образцов российской и советской архитектуры. Вечером Журавские устроили прием, пригласив около двадцати сотрудников кафедры истории и двух профессоров-лингвистов, специалистов по славянским языкам. Еще позже, перед сном, мы с Дэвидом и его собачкой вышли на прогулку на берег озера Мичиган. Там не было ни пляжей, ни рыболовных судов, берег был пустынен. Журавский объяснил мне, что это гигантское озеро (больше 50 000 кв. км) сильно загрязнено промышленными отходами и рыбу в нем давно не ловят.

Утром на следующий день Дэвид и Дорис повезли меня на экскурсию в Чикаго, чтобы показать некоторые районы города. Именно здесь в 1974 году было закончено строительство самого высокого в мире здания Sears Tower, имевшего 110 этажей. После этого они помогли мне купить на вокзале билет на экспресс в Бостон. Я опять предпочел одноместное купе.

В четверг 25 апреля мне предстояло выступить с лекцией о советской науке в одном из колледжей Гарвардского университета, кампус которого расположен в Кембридже, небольшом городке возле Бостона. На следующий день, в пятницу, был запланирован мой доклад о молекулярных аспектах старения в Школе медицины Бостонского университета. Первая лекция была практически повторением в более академической версии той, что я прочел в Альбионе. Но в Гарварде она не была общеуниверситетской, и моя аудитория состояла не столько из студентов, сколько из специалистов. В Гарвардском университете был большой центр по изучению России и СССР и всех славянских стран Восточной и Южной Европы. Наиболее известный специалист в этой области Ричард Пайпс (Richard Pipes), директор Института по изучению России, представил меня аудитории. В 1939 году шестнадцатилетним юношей Пайпс бежал с семьей в Италию из Польши после ее оккупации немецкой армией. Из Италии в 1940 году переехал в США. Он был автором нескольких книг по истории России. Я с ним не был знаком и никогда не переписывался. Меня пригласил в Гарвардский университет профессор Пол Доти (Paul Doty), известный биохимик, изучавший ДНК и другие макромолекулы. Я познакомился с ним еще на Биохимическом конгрессе в Москве в 1961 году. Доти был очень активен и в изучении проблем разоружения и занимал

пост советника президента США по проблемам национальной безопасности. В Гарварде он кроме кафедры биохимии возглавлял Центр по международным проблемам. Однако 19 апреля Доти улетел на срочную конференцию в Москву, в которой принимали участие и несколько американских сенаторов. Его письмо от 2 апреля об этой поездке я получил еще в Лондоне. Именно поэтому я оказался под опекой Ричарда Пайпса, человека противоположных Доти взглядов, противника всякой разрядки и советника сенатора Генри Джексона. Пайпс к тому же был явным русофобом, он считал, что менталитет русских сформировался в период монгольского ига и коренным образом отличается от менталитета народов остальной Европы. Русские, по его теориям, искренне предпочитают авторитарную систему и склонны к захватнической, агрессивной политике. Их следует относить к азиатам.

В Бостон для доклада по молекулярным аспектам старения меня пригласил коллега-геронтолог, профессор Марот Сайнекс (Marott Sinex), директор отдела биохимии Медицинской школы. Он также изучал возрастные изменения белков, главным образом волокнистых, типа коллагена.

В субботу 27 апреля я отдыхал и осматривал Кембридж и кампус Гарвардского университета. По улицам во всех направлениях бегали студенты – в США все увлекались бегом трусцой на длинные дистанции. Именно в 1974 году телевизионные программы Джеймса Фикса (James Fixx), пропагандировавшие бег трусцой как средство продления жизни, приобрели максимальную популярность. Стали бегать и стар и млад, в Нью-Йорке – по Центральному парку, в Бостоне и Кембридже – по улицам и бульварам. Самому Фиксу было в 1974 году лишь 42 года, и его убеждение, что многочасовой бег каждый день продлевает ему жизнь, не имело никаких доказательств. Но американцам доказательства не были нужны, они свято верили телевизионной рекламе. (Дж. Фикс умер в 1984 году в возрасте 52 лет от инфаркта во время своего ежедневного многомильного забега. Вскрытие показало наличие массивного атеросклероза во всех сердечных артериях, гипертрофию сердечной мышцы и множество других аномалий. Бег трусцой не является естественным для человека и не имеет для здоровья преимуществ перед ходьбой. В последующем оказалось, что бег трусцой часто ведет к разнообразным повреждениям коленных суставов.)

В воскресенье 28 апреля я выезжал из Бостона экспрессом в Балтимор в знаменитый Исследовательский центр геронтологии Национального института здоровья, приглашение из которого и послужило основным поводом для моей поездки в США. Доклад о кавказских долгожителях и о теории горных центров долгожительства я готовил в течение нескольких месяцев. Он был оформлен и как статья для публикации в *Journal of Gerontology*.

В Бостоне я наконец купил фотоаппарат для Димы и запас пленок и теперь мог снимать все интересное во время путешествия и фотографировать своих американских друзей.

Геронтологический центр в Балтиморе

Из Бостона в Балтимор дневной поезд шел около семи часов по железной дороге, возрожденной в 1971 году благодаря созданию государственной национальной корпорации «Амтрак». Необходимость в такой корпорации возникла в связи с упадком и банкротством многочисленных частных железнодорожных компаний, которые не выдерживали конкуренции с автомобилями и авиацией. Даже американская почта отказалась от почтовых вагонов. Правительство, однако, решило, что железные дороги, даже убыточные, являются стратегически важным средством коммуникации, и взяло железнодорожное сообщение под свой контроль, закупив большое количество локомотивов в Европе. В 1974 году нефтяной кризис и резко возросшие цены на бензин и дизельное топливо для автомобильного транспорта привели к увеличению пассажиро- и грузопотоков по железным дорогам. Железнодорожный транспорт снова стал рентабельным.

В Балтиморе, как я уже говорил, у меня была назначена на 29 апреля дискуссия-семинар в Исследовательском центре геронтологии по проблеме долгожителей Кавказа. Эта же тема, но в виде открытой лекции была объявлена в Бетесде, где расположен Национальный институт здравоохранения (National Institute of Health, или НИИ), состоявший из нескольких больших национальных институтов (Институт рака, Институт сердца, Институт здоровья детей, Институт инфекционных болезней и другие, в 1974-м их было пятнадцать, в настоящее время около тридцати). Некоторые из этих институтов находились в других штатах. НИИ был американским аналогом АМН СССР. Именно в 1974 году начал осуществляться проект преобразования балтиморского Геронтологического центра в Национальный институт по изучению старения (NIA), что означало создание новых отделов и лабораторий.

Я прибыл в Балтимор вечером в воскресенье 28 апреля и сразу поехал в забронированную для меня гостиницу. Из номера позвонил домой Натану Шоку, директору центра, и сообщил о благополучном прибытии. На следующий день утром за мной должна была приехать машина. Геронтологический центр находился за городом в комплексе медицинских учреждений и больниц города.

С Натаном Шоком я переписывался с 1956 года, как только начал читать первый, созданный незадолго до этого *Journal of Gerontology*, главным редактором которого и был Н. Шок. В то время выходило шесть номеров журнала в год и в конце каждого номера был раздел «Текущая библиография по старению» с перечнем опубликованных во всем мире статей и книг по разным проблемам экспериментальной и клинической геронтологии. Составителем этих перечней был Натан Шок, по-видимому с несколькими помощниками, просматривавшими журналы на французском, немецком, итальянском и других европейских языках. Знающих русский язык тогда среди ассистентов Шока не было. Я написал ему письмо, обратив внимание на отсутствие в библиографии работ советских авторов, и послал список основных публикаций по проблемам старения в СССР в период 1953–1955 годов с переводами заголовков статей и названий журналов и сборников на английский язык. В моем списке было около тридцати публикаций из журналов, сборников и трудов университетов и медицинских институтов. Они показывали достаточно высокий уровень

интереса к проблемам старения в СССР. Шок поблагодарил меня за помощь и включил присланный мною список в свою библиографию. После 1956 года я продолжал информировать его о публикациях по этой теме. Я уже писал выше о приглашениях для участия в Международных конгрессах по геронтологии в 1960 и в 1972 годах, которые я получал от Натана Шока, и о нашей встрече в Киеве в 1972 году (см. [главу 2](#), [главу 15](#) и [главу 16](#)). Теперь пришло время посетить этот созданный Шоком знаменитый геронтологический центр.

Утром за мной пришла машина, и минут через тридцать мы остановились перед зданием центра. Шок и гостивший в Балтиморе директор Австралийского центра по изучению старения Гари Эндрюс (Gary Andrews) приняли меня очень тепло. Расспрашивали о моих впечатлениях от Америки и о жизни и работе в Англии.

Семинар был назначен на три часа пополудни, и до его начала я успел ознакомиться с Геронтологическим центром, по существу уже большим институтом геронтологии. По приоритетным направлениям работы он сильно отличался от известного мне Всесоюзного института геронтологии в Киеве прежде всего отсутствием интереса к долгожителям и к методам активного продления жизни какими-либо препаратами.

В Балтиморе изучали главным образом нормальное старение, подчеркивая, что это не болезнь, которую можно лечить. Старение здесь изучали не на экспериментальных животных с короткой продолжительностью жизни, а на людях – пациентах местной городской больницы, мониторинг физиологических функций которых велся десятки лет. Еще в 1950–1951 годах была выделена группа добровольцев, состоявшая из 1400 здоровых мужчин и женщин в возрасте от 20 до 90 лет, которые согласились каждые два года подвергаться разнообразным тестам, состоявшим примерно из сотни разных измерений уровня физиологических функций их мускулов, сердца, легких, почек, печени, мозга (память), органов чувств, реактивности иммунной системы, состава крови и т. д. Полученные данные обрабатывались в виде графиков и таблиц. На основании результатов, накапливавшихся уже более двадцати лет, можно было отделить нормальное старение от возрастных заболеваний, таких как остеопороз, подагра, диабет-2, болезнь Альцгеймера, и других, дающих резкий сбой отдельных систем, которые появляются лишь у некоторых наблюдаемых и могут иметь генетическую природу или отражают особенности питания и образа жизни. Даже повышенный холестерин оказался симптомом наследственного синдрома, гиперхолестеринемии, которая появлялась лишь у одного человека из каждых пятисот. Активность всех физиологических функций снижалась с возрастом, и долголетие коррелировало с равномерностью и синхронностью такого снижения. Преждевременное старение было часто связано с появлением дефектов в какой-то одной физиологической системе, которые распространялись и на другие, зависимые от нее.

Мой доклад на семинаре пришли обсудить около семидесяти сотрудников центра. Каких-либо введений здесь не требовалось. Я сразу показал график возрастной пирамиды, составленной по данным переписи населения в СССР в 1926 году, которая выделила Кавказ как особую зону долголетия. Обычно в таких пирамидах или таблицах сравниваются возрастные когорты за каждые пять лет (51–55; 56–60; 61–65 и т. д.). В моей пирамиде, основанной на данных, которые публиковалась в СССР не в кратком, а в полном многотомном отчете о переписи, сравнивались возрастные когорты за каждый год. В этом случае было сразу видно, что при устных опросах, на основании которых суммируются данные переписей населения, резко выделяются округленные возраста. В СССР, например, в

1926 году регистрировалось около 50 тысяч 79-летних и 34 тысячи 81-летних, тогда как число 80-летних было равно 369 000. Реально такого распределения не могло быть. Особенно заметным было стремление пожилых людей объявить свое столетие. До 98 лет дожили в СССР 4000 человек, до 99 лет – 3000, а до ста и выше – 29 000! При этом большинство столетних регистрировалось на Кавказе и в Алтайских горах, в основном в сельских районах. Для Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов такое стремление округлить и увеличить собственный возраст не было характерно. Причин, побуждавших сельчан прибавлять лишние годы к своему возрасту, было несколько: традиционное почитание старцев среди кавказских народов, ассоциация старости с мудростью (советы старейшин), намеренная фальсификация возраста молодыми еще в старой России, чтобы избежать призыва на военную службу, стремление крестьян избавляться от натурального продовольственного налога и другие. Сельские жители и в России и в СССР не имели удостоверений личности типа паспортов. В мусульманских районах, особенно горных (Дагестан, Абхазия), рождения детей не документировались. В христианских нациях (Грузия, Армения, Осетия) производилась церковная регистрация рождений при крещениях. Однако после революции большинство церквей и храмов перестали выполнять свои функции или были разрушены, и проверка регистрационных списков стала невозможной. Документирование населения, которое проводилось лишь с 1932 года в связи с коллективизацией крестьян, осуществлялось на основании устных показаний. Большинство долгожителей были людьми неграмотными. Для доказательства сверхдолголетия следовало изучать не документы, а родословные. Нередко взрослые люди присваивали себе идентичность своих умерших родителей или старших братьев и сестер. (В Японии это иногда делалось ради получения пенсии.) Как один из факторов я также отметил убеждение Сталина, часто им повторяемое, в том, что грузины и горцы живут долго. Именно по инициативе Сталина академик Александр Богомолец, директор киевского Института физиологии, организовал в 1939 году экспедиционные исследования в Абхазии, в которых были «открыты» сверхдолгожители, достигшие возраста 110, 120 лет и даже больше. Эти данные докладывались Сталину. Он и сам в последние пять лет жизни подолгу жил в горной резиденции в Абхазии у озера Рица.

Книга рекордов Гиннеса

На следующий день моя лекция «Кавказ и Алтай как центры долголетия – биологическое или социальное явление?» была объявлена в Бетесде как открытая для всех. Мое выступление состоялось днем в большой аудитории клинического центра. Повторив с наглядными иллюстрациями те аргументы, которые обсуждались накануне в Геронтологическом центре, я также подверг сомнению и общую теорию о горных центрах долголетия, последними «открытиями» которой были высокогорный район Хунза в Пакистане и высокогорная долина Вилькабамба в Эквадоре. Поскольку эти якобы открытия были сделаны американской экспедицией под руководством профессора Александра Лифа из Бостона, к ним относились с доверием. Уже появились американский и японский проекты строительства в долине Вилькабамба гостиничного оздоровительного комплекса. Горные условия, три-четыре тысячи метров над уровнем моря, действительно оказывают физиологическое воздействие на организм, снижая из-за недостатка кислорода интенсивность окислительных реакций в тканях и увеличивая общую концентрацию

эритроцитов и гемоглобина в крови. Но то, что такие адаптационные изменения физиологии способны продлевать жизнь людей, живущих к тому же в очень трудных условиях и обычно в бедности, не было доказано на больших территориях. Население Тибета, например, не отличается долголетием.

Вечером того же дня я уже переезжал в Чевингтон, пригород Вашингтона. В столице моя программа переходила под контроль Джереми Стоуна, директора Американской федерации ученых (FAS), в просторном доме которого мне предстояло провести три дня. Утром 1 мая Джереми сообщил, что о моей лекции в Бетесде подробно сообщила *The Washington Post* как о сенсации в статье под заголовком «Medvedev Hits Age Claims» («Медведев наносит удар по заявлениям о возрасте»), снабженной портретом Сталина. Именно причастность Сталина к пропаганде кавказского долгожительства придавала этой теме сенсационность. На следующий день уже со ссылкой на *The Washington Post* эта статья печаталась во многих других американских и европейских газетах. Ее неизбежно зафиксировали и в издательстве «Книги рекордов Гиннеса», которое находилось в небольшом городе Энфилд недалеко от Лондона. Один из двух знаменитых близнецов, создавших этот ежегодный бестселлер в 1955 году, Норрис Макуиртер (Norris D. McWhirter) бывший теперь директором издательства, связался по телефону с моим институтом, а потом через Риту передал мне приглашение на ланч в июне, после моего возвращения в Лондон. Получив по той же линии мое согласие, он подтвердил приглашение письмом на институтский адрес, в котором с удивлением отметил, что близнецы Медведевы, Рой и я, и близнецы Макуиртеры, Норрис и Росс, родились в одном и том же 1925 году. Обсудив мои аргументы, изложенные в газетах, издательство начало пересмотр раздела «Долголетие» в своей «Книге рекордов», удаляя из списка рекордов несколько имен грузин и других кавказцев, проживших якобы дольше 120 лет. (В новых ежегодных изданиях этой книги, выходящей на двадцати языках во многих странах миллионными тиражами, в разделе о долгожителях приводилась цитата из мой лекции 30 марта в Бетесде.)

На ланче, уже в июне, я познакомился и с братом-близнецом Норриса, Россом (Ross), он жил недалеко от нашего института в соседнем районе Finchley. Для меня было шоком, когда осенью 1975-го Росс был убит выстрелами в упор террористами Ирландской республиканской армии на пороге собственного дома, открыв дверь на звонок. В гражданской войне, которая велась в то время между католиками и протестантами – в основном террористическими методами – в Северной Ирландии, Росс занимал крайне антиирландскую позицию и требовал взять на полицейский учет всех ирландцев, проживавших в Лондоне. За это ему и отомстили. Однако таких актов индивидуального террора в Лондоне в прошлом не было. Лондон и Англия в целом всегда считались наиболее безопасными в Европе местами для политических беженцев из многих стран.

Сенатор Генри Джексон и его поправка

Джереми Стоун, руководивший моей программой в Вашингтоне, уже несколько раз в апреле разговаривал по телефону с сенатором Джексонем, рассчитывая устроить нашу общую встречу. К этому времени стало очевидно, что позицию академика Сахарова, энергично поддержавшего поправку Джексона к торговому законодательству США, по которому предстояло голосование в сенате, одобряют далеко не все советские диссиденты. Но Джексон пока не находил удобного времени для такой встречи. Неожиданно для меня 28

апреля *The Washington Post* и *The New York Times* опубликовали довольно обширное заявление Солженицына, который отклонял приглашение конгресса США выступить на слушаниях по разрядке в палате представителей, запланированных на май – июль 1974-го. Заявление Солженицына было очень грубым и даже оскорбительным для американских законодателей. Он критиковал США за вывод своей армии из Южного Вьетнама и саркастически заявлял, что американцы с такой же легкостью пожертвуют и всей Западной Европой:

«И я не думаю, что я слишком парадоксально выражусь или слишком далеко шагну к абсурду, предположив, что если в некие ненастные 10–14 дней остаток Европы будет без больших усилий оккупирован победоносными армиями, – то гнев вашей заокеанской страны и даже крутые решения вашего правительства прекратят тогда культурный обмен балетными и оперными спектаклями будут вскоре опротестованы негодующими и рассудительными голосами в прессе и в сенате; что надо считаться с реальностью, что происшедшему нельзя придавать значения большего, чем прежним эпизодам в Восточной Европе, что противостояние агрессору может только ожесточить его и укрепить реакционные силы, – а надо вдвойне и втройне приложить усилия к новой “разрядке напряженности”» (Solzhenitsyn’s View of «Pseudo-Detente» // The Washington Post, 28 April 1974).

Это заявление было включено в слушания в палате представителей (93rd Congress, Second Session, 1974).

На следующий день, 29 апреля, те же газеты опубликовали подробные сообщения своих корреспондентов из Москвы с изложением статьи Роя, посвященной поправке Джексона и проблемам разрядки. Обе газеты отмечали, что Рой Медведев высказывает серьезные сомнения в эффективности этой поправки. Он подчеркивал, что в тактике давления есть определенные границы, за которыми может наступить «неуправляемое усиление взаимного недоверия и соперничества... которое вызовет не увеличение, а резкое сокращение эмиграции».

Мое пребывание именно в эти дни в Вашингтоне было случайным. Я сам не планировал каких-либо встреч с сенаторами или конгрессменами. На 1 мая у меня была объявлена открытая лекция о советской науке в вашингтонском отделении Университета Джона Гопкинса. Однако Джереми Стоун как профессиональный лоббист, защищавший в Вашингтоне интересы американских ученых, воспользовался ситуацией, созданной публикациями заявлений Солженицына и Роя Медведева, позвонил сенатору Джексону и договорился о встрече с ним 2 мая (до этого планировалась лишь моя встреча с одним из помощников сенатора). В программу, которую составил для меня Дж. Стоун, входили посещение заседания сената и Верховного суда США и беседы с некоторыми сенаторами и конгрессменами.

Перед встречей с Джексонем я сумел узнать основные детали его политических интересов. В США, где от каждого штата избираются в сенат по два представителя, их политические позиции определяются не столько партийной принадлежностью (демократ или республиканец), сколько способностью защищать в конгрессе главным образом экономические интересы собственных штатов. Сенаторы, например, от Айовы – основного

производителя кукурузы, неизбежно проголосуют против торговых ограничений для Советского Союза – главного импортера американского зерна. Сенатор, в данном случае Генри Джексон, от индустриального западного штата Вашингтон, главная продукция которого – гражданские и военные самолеты, межконтинентальные ракеты, крылатые ракеты среднего радиуса действия и плутоний для атомных бомб, неизменно стоит на страже интересов военно-промышленного комплекса.

Джексон, как объяснил мне Стоун, был против ратификации в сенате договора между США и СССР об ограничении стратегических вооружений и противоракетной обороны подписанного в Москве Никсоном и Брежневым 26 мая 1972 года. Джексон возглавлял подкомитет сената по вооружениям. Этот договор, известный как SALT-1 (ОСВ-1), создавал проблемы для американской военной промышленности, которая именно в это время закончила разработку нового поколения межконтинентальных ракет МХ-1, имевших несколько боеголовок независимого наведения, дававших США значительные преимущества. Намечался ввод нового поколения межконтинентальных ракет для подводных лодок «Трайдент».

Либерализация торговых отношений между США и СССР была лишь дополнением к стратегическому договору. Заключая между собой историческое соглашение под условным названием «разрядка напряженности», каждое из правительств сталкивалось с попытками влиятельных групп с разными интересами привязать к нему несколько других условий – чтобы подсластить пилюлю либо, наоборот, сделать ее еще более горькой. Советские лидеры добавили к договору проект нового торгового соглашения со статусом наибольшего благоприятствования. С другой стороны, израильское лобби в Вашингтоне присовокупило к проекту торгового договора требование о снятии ограничений на эмиграцию в Израиль. Сенатор Джексон, ранее не интересовавшийся проблемами эмиграции, в свою очередь добавил к проекту торгового соглашения поправку, которая была заведомо неприемлемой для лидеров СССР, так как требовала конкретной, очень высокой численности эмигрантов в Израиль (сто тысяч в год) и отмены ряда ограничений на эмиграцию для работников секретных учреждений, на которые правительство СССР не могло согласиться. Целью Джексона было заблокировать весь пакет соглашений, главной частью которого был ОСВ-1. Именно из-за поправки Джексона, внесенной в сенат 4 октября 1972 года, президент Никсон отложил внесение договоров, подписанных ранее в Москве, на ратификацию в сенат. Большинство людей, вовлеченных в эту полемику, не понимали сложности проблемы. Однако для Дж. Стоуна как директора Федеральной ассоциации ученых (FAS), принимавшей участие в разработке ОСВ-1, цель Джексона была достаточно ясной. Была очевидной эта цель и для Генри Киссинджера, государственного секретаря. Однако процедура импичмента президента Никсона уже была начата, и смена администрации Белого дома ожидалась летом. Никто еще не знал, какой будет структура власти в стране осенью, когда могло состояться голосование в сенате по торговым соглашениям с СССР.

Моя встреча с сенатором Джексонном состоялась в его офисе 2 мая и продолжалась около трех часов. На беседе присутствовали Дж. Стоун и один из помощников сенатора.

Беседа началась с обсуждения статьи Роя. Джексон ее прочитал, но не мог понять, почему СССР не может пойти на уступки в решении проблем эмиграции. Я объяснил, что в этой области правительство СССР уже сделало с 1971 года несколько очевидных уступок: был отменен налог на образование для эмигрантов, и общее количество выданных эмиграционных виз возросло с 10 тысяч до 35 тысяч. В 1974 году число эмиграционных виз

уменьшилось не из-за ограничений, а из-за войны Израиля с Египтом и как следствие потери территории, а также из-за трудностей в получении виз на въезд в США, куда реально стремится не менее 70 % уезжающих по израильским визам. Лагеря перемещенных лиц в Австрии и Италии, находящиеся под управлением ООН, в то время были переполнены именно эмигрантами из СССР. (Один из таких лагерей я посетил в марте во время поездки в Италию.) Требование Джексона о ста тысячах ежегодных эмиграционных виз было абсолютно нереальным. Другие требования его поправки, например отмена согласия престарелых родителей на эмиграцию их взрослых детей, противоречили советскому законодательству, которое обязывало детей помогать престарелым родителям, если у них нет пенсионного обеспечения. В США дети не имели юридических обязательств перед родителями. В более патриархальной России были другие традиции и в понятие «семья» входили три поколения. Власть советских лидеров основывалась не только на насилии, как это считалось в США, но и на пропаганде преимуществ социалистической системы. Это делало их очень чувствительными к сохранению престижа. Любое открытое давление было бы неизбежно отвергнуто как вмешательство во внутренние дела. Торговля с США и американские кредиты не имеют жизненно важного значения для СССР. Потеря престижа более опасна для партийных лидеров, чем утрата возможных кредитов. Эмиграция в существующей форме сопровождается предварительным лишением гражданства и является на практике депортацией.

Джексон ответил, что он получил тысячи писем, как от граждан США, так и от граждан СССР, в которых приветствуется его инициатива. Он также подчеркнул, что его поправку считает важной и Сахаров. Отвечать Джексону было нелегко, так как обращавшиеся к нему люди, включая и Сахарова, безусловно, не знали, что за общими словами «свобода эмиграции» стоял и протокол о том, какие именно действия должно было бы предпринять правительство СССР, чтобы удовлетворить требованиям поправки. При этом эти требования могли постоянно меняться. Познания Джексона о Советском Союзе были крайне ограниченными и тенденциозными. Он никогда не посещал Москву. Мне приходилось объяснять ему множество элементарных вещей, включая даже то, что название Красной площади происходит не от политического термина «красный», а от старинного слова «красна» в смысле «красивая». (В США очень многие думали, что названия Кремля и Красной площади появились лишь после Октябрьской революции.) Джексон в итоге сказал, что дело с его поправкой зашло слишком далеко: она уже одобрена в палате представителей по представлению конгрессмена Вэника. Джексон, безусловно, мог бы модифицировать свои формулировки, но только в том случае, если его об этом попросят представительные группы еврейских активистов из СССР. (К осени он изменил некоторые требования, уменьшив, в частности, контрольную цифру эмиграционных виз со ста до шестидесяти тысяч.)

В этот же день я побывал в зале заседаний сената США. Шло обсуждение какого-то законопроекта о здравоохранении. На прениях присутствовали восемь сенаторов. Стоун объяснил мне, что этот законопроект обсуждается в сенате уже четырнадцать лет.

Вечером 2 мая меня пригласил на обед Дэн Морган (Dan Morgan), один из редакторов *The Washington Post*. Я познакомился с ним еще в Москве летом 1972 года. На обеде я встретился и с другими сотрудниками этой знаменитой газеты. В США не существовало какой-либо общенациональной газеты, и особое влияние столичной газеты определялось не только ее близостью к центру законодательной и исполнительной власти, но и высоким

уровнем ее аналитических статей. Именно эта газета сумела раскрыть те злоупотребления властью, которые привели к импичменту Ричарда Никсона.

Калифорния

В открытке от 3 мая я писал в Лондон Рите и Диме: «Пишу в поезде по дороге из Вашингтона в Нью-Йорк – это Metroliner^[9] – три часа от В. до Н. Днем еду в Калифорнию...»

Планируя поездку в США, я предполагал в первую очередь встретиться с теми друзьями и коллегами, с которыми вел длительную переписку или уже познакомился на конференциях и конгрессах в СССР, и с теми, кто помогал мне и Рою в публикациях наших работ. Предложения о лекциях или семинарах были обычно инициативой с их стороны. Таковой оказалась американская традиция, определявшаяся тем, как я понял уже в США, что основные университеты и научные центры располагаются здесь не в городах, имеющих какие-либо туристические, исторические или культурные достопримечательности, а в обособленных кампусах, где, кроме аудиторий, лабораторий, общежитий и домов для персонала, ничего нет. Университеты являются обычно и собственниками той земли, на которой они расположены, и университетские уставы не допускают на эту территорию посторонних. В Европе визит в университет – это приезд в какой-то интересный город: Оксфорд, Кембридж, Бристоль, Эдинбург, Париж, Амстердам, Рим, Милан, Неаполь и другие. Встречи с друзьями – это обеды в знаменитых ресторанах и совместные экскурсии. Приглашение прочитать лекцию – это уже редкость. Публичная лекция в университете считается особым почетом и гонорарами не вознаграждается. В американских же университетских городках лекция, семинар или просто интервью гостя из Европы, гонорар за лекцию и прием с множеством гостей – часть обычного ритуала гостеприимства. Это вносит разнообразие и в жизнь студентов, замкнутых в академической среде. Без такого ритуала просто частный, дружеский визит иностранного гостя даже в знаменитые кампусы не имеет большого интереса, тем более для такого гостя, как я, не умеющего водить машину. Любые достопримечательности и развлекательные заведения вокруг кампусов, включая рестораны, клубы или кинотеатры, приспособлены главным образом для посещения их автомобилистами. Кинофильмы на большом экране можно смотреть, не выходя из машины. В США, как оказалось, были университеты и в городах, самым большим из них был в 1974 году Городской университет Нью-Йорка (The City University of New York). Они входили в систему бесплатного государственного высшего образования со свободным доступом. При поступлении в них не было конкурса и вступительных экзаменов. В таких университетах учились сотни тысяч студентов, половину из которых составляли афроамериканцы, латиноамериканцы, азиатские меньшинства и молодежь из развивающихся стран. В этих университетах научных центров обычно не было. Государственными являлись и университеты штатов, но в них были вступительные экзамены и конкурсы, обучение было бесплатным для жителей данного штата и платным для жителей других штатов и иностранцев. За счет платного обучения пополнялись бюджеты университетов, и в них велись научные исследования, а уровень образования считался высоким. Однако наиболее престижными и богатыми в США всегда были частные университеты, которые нередко носят названия по имени своих основателей. Старейший среди них, Гарвардский, был основан в 1636 году Джоном Гарвардом. Хорошо известны Университет Джона Хопкинса, Рокфеллеровский университет, Университет Вандербильта, Стэнфордский университет и

ряд других. Их, с отдельными небольшими частными колледжами, больше ста. Поступление в такой университет требует сдачи сложных экзаменов, а учеба – достаточно высокой оплаты. Многие научные лаборатории, а иногда и факультеты в таких университетах основываются независимо и получают названия по имени того или иного магната, желающего увековечить свою благотворительную деятельность. Почти каждый знаменитый американский миллиардер оставил стране новый университет или колледж. Эта особенность американской системы высшего образования была для меня очень интересна. В Великобритании частных университетов нет и высшее образование было бесплатным для всех жителей страны, являющихся ее гражданами. Иностранцам, желавшим получить образование в Великобритании, приходилось полностью оплачивать обучение. Частное обучение в Англии допускалось в ограниченном объеме лишь в системе среднего образования.

Из Нью-Йорка я в тот же день выехал в Калифорнию, но с остановкой в Канзас-Сити, столице сельскохозяйственного штата Канзас, главного производителя американской пшеницы. В школе медицины Канзасского университета у меня был запланирован семинар по проблемам старения. Столица штата оказалась большим, но малоинтересным для туриста городом. Деловой центр состоял из высотных зданий, а обширные жилые кварталы – из семейных домов. Промышленный район города специализировался на переработке сельскохозяйственной продукции. На улицах в центре почти не было пешеходов. Большой клуб «Плейбой» был единственным публичным местом развлечения для местных жителей.

В открытке, отправленной в Лондон во время стоянки поезда уже в Колорадо, я писал Рите и Диме: «От Канзас-Сити мой вагон находится в составе особого туристического поезда – в двух вагонах есть специальный второй стеклянный этаж с креслами для обозрения. Да и природа интересная, уже горы, пустыни, Wild West, ковбои. Но поезд все равно наполовину пустой, торопливые американцы в основном летают. В поезде есть и комната отдыха, где можно писать за письменным столом, что я сейчас и делаю. После Калифорнии я начну двигаться уже в сторону Лондона...»

С кресла обозрения я мог увидеть не только знаменитые Лас-Вегас и Санта-Фе, но и пустыню Аризоны. Утром 6 мая наш поезд прибыл в Лос-Анджелес. В этот же день, ранним вечером, планировался мой доклад-семинар о молекулярных аспектах старения в Геронтологическом центре Университета Южной Калифорнии. Этот центр (полное его название Ethel Percy Andrus Gerontology Centre) был основан в 1965 году первым в США ректором университета – женщиной. Меня пригласил для этого доклада профессор Бернард Стрелер, мой старый друг, с которым я переписывался с 1959 года и встречался в Москве в 1961 и в 1972 годах. Я также редактировал перевод на русский язык второго издания его книги «Время, клетка, старение», которая вышла в Москве в 1967 году. Я всегда считал Стрелера наиболее выдающимся геронтологом-теоретиком не только в США, но и в мире. Бернард, или Берни, как и я, родился в 1925 году. Во время войны он служил во флоте. После окончания университета увлекся биохимией растений и сделал несколько важных открытий механизма биолюминесценции, идентифицировав особое вещество люциферин, которое, как оказалось, определяло способность к люминесценции у бактерий и некоторых насекомых. В области геронтологии, интерес к которой появился у Стрелера в 1955 году, он пытался разгадать механизм видовой специфичности старения. В 1966 году он основал новый геронтологический журнал *Mechanisms of Ageing and Development*, который стал лучшим в геронтологии по так называемому индексу цитирования. В состав редколлегии он включил и

меня. Это означало, что я должен рецензировать статьи, которые журнал получал от советских ученых. (За несколько лет было только две таких работы.)

Мы оба были рады этой встрече. После моего доклада и короткого приема Бернард повез меня к себе домой. Он жил в ста километрах к югу от Лос-Анджелеса в горном поселке, построенном вокруг живописного озера. Это был типичный для Калифорнии поселок-кооператив, на частной земле которого новые жители могли селиться лишь с согласия здешних обитателей. Всего было не больше трехсот семейных домов, жили в них лишь относительно состоятельные представители среднего класса: профессора, бизнесмены, актеры Голливуда. Рядом с поселком была и школа для детей. На всем побережье и на горных склонах Калифорнии разбросаны сотни таких элитных поселков большего или меньшего размера. Непосредственно в больших городах жили бедняки и иммигранты из Мексики и Китая (железную дорогу из Чикаго в Сан-Франциско и вдоль побережья на юг и на север строили в конце XIX века в основном китайские рабочие, которые здесь и остались).

Весь дом Стрелера был фактически редакцией журнала, который делался самим Бернардом и его женой Теодорой. Трое их взрослых детей жили отдельно в разных районах Калифорнии. Адресом журнала, куда присылались рукописи, был именно их поселок Agoura, которого нет на географических картах. На следующий день Бернард повез меня на своей машине в Пасадену, город, расположенный недалеко от Лос-Анджелеса. Там в Калифорнийском технологическом институте (частный исследовательский университет) работал Макс Дельбрюк, ученик Тимофеева-Ресовского, которого в 1969 году я привозил в Обнинск на встречу с учителем (см. [главу 11](#)). Дельбрюк жил с женой недалеко от Пасадены в большом доме с садом тоже в элитарном поселке-кооперативе. Вечер прошел в беседах. Для гостей у Дельбрюков была не отдельная комната в доме, а небольшой гостевой домик в саду. Главной проблемой даже здесь, вдали от Лос-Анджелеса, был отравленный выхлопными газами миллионов автомобилей воздух. Южное побережье Калифорнии прикрывалось от остальной части континента высокими горами и поэтому не продувалось морскими ветрами. Здесь почти не было дождей. Автомобильные выхлопы и промышленные выбросы городских предприятий при тихой погоде отравляли воздух в окрестности на десятки километров. Даже в центре Лондона было намного легче дышать. В этом благодатном краю оказался наиболее высокий в мире уровень хронических заболеваний верхних дыхательных путей, вызванных смогом. Я увозил отсюда не только приятные воспоминания, но и воспаление носовых пазух, которое в Лондоне пришлось лечить хирургическим путем.

Из Пасадены 8 мая я выехал автобусом в Санта-Барбару, курортный городок примерно в 150 километрах к югу от Пасадены. Там у меня была встреча с Алексом Комфортом, уехавшим, как я писал ранее, в 1973 году в США от слишком высоких британских налогов на свои гонорары за бестселлер «Радость секса». В Санта-Барбаре Комфорта избрали пожизненным членом особого клуба знаменитостей с респектабельным названием «Центр по изучению демократических институтов». Эта гуманитарная организация, «мозговой центр», была основана в 1959 году на грант от фонда Форда, она издавала свой журнал. Члены этой организации, вносящие вклад в ее бюджет, имели здесь свои квартиры и офисы. Был там и бесплатный (для членов клуба) ресторан. Среди постоянных и временных резидентов числились бывшие работники ООН и других международных организаций, бывшие послы США, философы, ученые, писатели. Здесь они жили и общались с равными

по рангу. Сообща велась разработка политических и экономических программ и рекомендаций. Два раза в неделю на общую дискуссию приглашали политика или ученого извне, иногда иностранного. Мне предстояло здесь вечером 8 мая выступление на тему «Наука в СССР». 9 мая Комфорт показывал мне окрестности. Центр был расположен на склоне с красивым видом на город и океан.

Из Санта-Барбары я на автобусе вечером 9 мая приехал в знаменитый Стэнфордский университет, большой кампус которого находился недалеко от города Пало-Альто. Этот университет, основанный в 1891 году миллиардером и владельцем железных дорог Леландом Стэнфордом (Leland Stanford), считался самым богатым в США. Он расположен в долине Санта-Клара, которую в 1974 году уже стали часто называть Силиконовой или Кремниевой долиной, так как именно здесь, в значительной степени на базе Стэнфордского университета, развивалась американская электронная промышленность. Однако мой визит сюда был связан с геронтологией. В Медицинской школе университета заведовал одной из кафедр профессор Леонард Хейфлик, открывший процесс старения в культурах клеток. О его исследованиях я уже рассказывал в [главе 16](#). Здесь у меня планировалось две лекции, одна – о различных течениях в советской политической оппозиции (которая в США обозначалась общим термином *dissent*) и вторая – о советской науке, особенности которой я теперь пробовал сравнивать с наукой в США и в Западной Европе. Интерес к советской науке в США был очень высок, поэтому именно эта тема предлагалась мне для лекций чаще всего. Американцы не могли понять, каким образом, по их мнению, отсталая коммунистическая Россия, вышедшая из тяжелейшей войны с огромными потерями, сумела быстро догнать США по атомному и термоядерному оружию, запустить первый в мире спутник, отправить в космос Юрия Гагарина и сделать фотографии обратной стороны Луны. Американцы обычно считали, что их научно-технические достижения недоступны для других стран. Моя лекция о советской науке, формировавшаяся и менявшаяся от одной презентации к другой, включала обзор перемен, связанных с историей СССР. Я давал картину научно-технических достижений России в период до 1917 года, потерь в науке, связанных с революцией и Гражданской войной, быстрого возрождения в 1921–1935 годах и новых потерь, связанных с террором и появлением псевдоучений не только в биологии (Т. Д. Лысенко), но и в других областях науки. Атомные и космические проекты имели приоритет и неограниченное финансирование. В США, как я мог уже убедиться, ученые наиболее независимы от политического вмешательства и разных государственных институтов. Но псевдоучения появлялись и здесь, в частности в геронтологии (попытки радикального продления жизни мегадозами витаминов и другие). В Англии, Германии и Франции так же, как и в СССР научные исследования в основном финансировались из государственного бюджета и были под более строгим экспертным контролем. В таких условиях очень сильны иерархия научных степеней и званий и стремление ученых к членству в академиях. Эти традиции вели к формированию научной аристократии, которой почти не было в США. Здесь большая часть исследований во всех областях науки финансировалась грантами от многочисленных независимых частных фондов. Это позволяло молодым талантам начинать важные проекты и создавать собственные лаборатории намного раньше, чем европейским и особенно советским ученым. В Стэнфорде я посетил и Гуверовский институт, где находился самый большой за пределами СССР архив по истории России и Советского Союза.

Следующей остановкой на моем пути по побережью был не менее знаменитый, но не столь богатый Калифорнийский университет, один из многих кампусов которого находится

в Беркли, университетском городке близ Сан-Франциско. Там я встречался с профессором Майклом Лернером. С ним можно было переходить на родной язык. Лернер, о котором я писал в прошлых главах, заведовал в Беркли кафедрой генетики сельскохозяйственных животных. Вместе с ним мы поехали на следующий день в Дэвис, второй по величине после Беркли кампус Калифорнийского университета, расположенный между Беркли и Сакраменто, столицей штата. В Дэвисе жил в отставке как «почетный профессор» Феодосий Григорьевич Добжанский, заслуженно считавшийся великим ученым. Его книга «Genetics and the Origin of Species» («Генетика и происхождение видов»), первое издание которой вышло в 1937 году, переиздавалась много раз. Добжанский объединил эволюционное учение Дарвина с генетикой, создав новую теорию эволюции. С 1963 года я вел с ним регулярную переписку. Как я писал раньше, Добжанский и Лернер обеспечили перевод и издание в 1969 году моей книги «The Rise and Fall of T. D. Lysenko». Добжанский родился в Немирове в 1900 году и окончил Киевский университет в 1921-м, где и работал до 1924 года. С 1924-го по 1927 год он провел серию блестящих исследований на кафедре генетики в Ленинградском университете, заслужив грант от фонда Рокфеллера для годичной работы в лаборатории Томаса Моргана в Колумбийском университете. Из этой поездки в США Добжанский не вернулся.

Как объяснил мне Лернер, в 1968 году у Добжанского была диагностирована лейкемия, эффективного лечения которой все еще не было. Болезнь стала причиной отставки ученого, бывшего в то время профессором Колумбийского и Рокфеллерского университетов в Нью-Йорке. Жена Добжанского, Наталья, умерла в 1969 году, и в Дэвисе он находился на попечении своих учеников. Одного из них, Франциско Айала (Francisco J. Ayala), я встречал на Менделевском мемориальном симпозиуме в Брно в 1965 году, он, как и Майкл Лернер, был удостоен золотой медали Менделя.

Добжанский встретил нас на кафедре генетики. Выглядел он неважно, но болезнь не повлияла на его память. Он рассказал, как в 1935 году Николай Иванович Вавилов, только что создавший в Москве Институт генетики АН СССР, убеждал его вернуться в Москву чтобы занять пост директора. «Вдвоем мы одолеем Лысенко», – писал Вавилов. Этот рассказ очень меня удивил. В 1935 году, вернись Добжанский в СССР, его бы сразу арестовали «за измену родине». Дело на него, тогда еще в ОГПУ, наверное, было заведено сразу после его отказа вернуться домой в конце 1928 года. Союз Добжанского с Вавиловым, имевшим репутацию советского патриота, мог бы лишь ослабить позиции Николая Ивановича. Конфликт с Лысенко не был научным спором.

В Беркли у меня была очень насыщенная программа на неделю: два доклада на семинарах и одна открытая лекция. Кроме того, я встречался с коллегами, которых знал по переписке. Общеуниверситетская лекция о диссидентах в Советском Союзе была назначена на вечер во вторник 14 мая. Это был несколько модифицированный вариант моего выступления на аналогичную тему в Стэнфорде. Какого-либо готового текста у меня не было, я обычно выступал спонтанно. Всегда задавали много вопросов. Просматривая сейчас сохранившиеся в моем архиве местные газеты, я обнаружил, что *Berkeley Daily Gazette* от 15 мая посвятила моей лекции большую статью, в которой описан такой эпизод:

«Медведеву наиболее горячо аплодировали, когда женщина из аудитории спросила его, почему советский лидер Леонид Брежнев был столь очаровательным во время его прошлогоднего визита в США и столь жестким у

себя дома в Советском Союзе. “Он показался вам очаровательным только потому, что вы видели его всегда в компании с американским президентом Никсоном”, – ответил Медведев».

В один из этих дней Лернер повез меня на экскурсию в Сан-Франциско. Здесь был не только знаменитый Чайна-таун, но и «русская деревня», населенная в основном потомками беженцев времен Гражданской войны – в большинстве своем солдат и офицеров армии Врангеля. Эта экскурсия закончилась в русском ресторане в порту. Недалеко от нашего столика несколько пожилых мужчин, явно бывших русских офицеров, спорили о причинах проигранного сражения с Красной Армией где-то под Херсоном.

Длинная дорога домой

Моя программа в Калифорнии заканчивалась 20 мая. Однако итальянский лайнер, на котором я должен был возвращаться в Европу, «SS Leonardo da Vinci», отплывал из Нью-Йорка 2 июня. На оставшиеся до этой даты дни я запланировал, еще при подготовке всего путешествия, много разных визитов, чаще всего однодневных. Из Сан-Франциско поездом и автобусом я проехал вдоль побережья в Ванкувер. Это была уже Канада, однако никакого паспортного контроля при пересечении границы не было. Меня еще в конце 1973 года пригласил туда знаменитый, хотя малоизвестный в СССР профессор физики Григорий Михайлович Волков, декан факультета науки Университета Британской Колумбии. Волкова, родившегося в Москве, еще десятилетним мальчиком родители увезли в Канаду в 1924 году. После окончания Университета Британской Колумбии он несколько лет работал в США в Калифорнийском университете под руководством Роберта Оппенгеймера. Оппенгеймеру и Волкову принадлежал приоритет в предсказании существования нейтронных звезд, которые были действительно открыты позднее. Темой моей лекции здесь снова была советская наука. Для этой лекции, как и для лекции о долгожителях, у меня была подобрана коллекция наглядных иллюстраций.

Из Ванкувера туристическим поездом с удобными для обзора креслами я почти два дня через горы и лесные массивы двигался в канадский штат Онтарио, чтобы прочитать лекцию в Университете Ватерлоо, уже о долгожителях. Здесь моим патроном был профессор Вильям Форбс (William Forbes), декан факультета математики. Он также занимался и геронтологией, применяя к изучению процессов старения статистические методы. Ему принадлежала главная заслуга в статистическом доказательстве того, что рак легких у человека напрямую связан с курением. Именно статистические исследования Форбса привели к широкой кампании против курения и к судебным искам к производителям табачной продукции, закончившимся победой пострадавших.

Через мост, соединявший канадский город Виндзор с американским Детройтом, я вернулся в США. Посылать в Лондон открытки с впечатлениями о канадском путешествии я не мог – в Канаде проходила всеобщая забастовка почтовых работников. В США мне предстояли еще две лекции в Миннеаполисе (штат Миннесота) и одна лекция о советской науке в Йельском университете (штат Коннектикут). Здесь я встречался с профессором Честером Блиссом, который в 1960 году помог доставить из Москвы в США текст моего доклада о молекулярных аспектах старения на Геронтологический конгресс в Сан-Франциско (см. [главу 2](#)). Я вернулся в Нью-Йорк 29 мая и снова остановился в отеле

«Рузвельт». В открытке, которую я послал в Лондон на следующий день, было написано:

«Привет из Нью-Йорка! Вчера я был на ежегодном обеде ПЕН-клуба Америки, это происходило на последнем этаже какого-то небоскреба. Познакомился с Артуром Миллером и многими другими писателями. Сегодня у меня ланч с R. Tilley (Columbia Press) и обед с A. Green (A. Knopf). Завтра буду гулять по городу и покупать подарки. Все время пасмурно, а в Нью-Йорке в этом случае мало света даже для фотографирования. Остался один визит в редакцию газеты “Новое русское слово”...»

Через три дня я снова проплывал мимо статуи Свободы, на этот раз на замечательном итальянском лайнере. Он не был полностью укомплектован пассажирами, многие участники круиза начинали свой тур в портах Средиземного моря. Каждый вечер капитан приглашал нескольких пассажиров на обед в свою каюту. Я удостоился этой чести где-то посередине Атлантического океана.

6 июня я сходил на испанский берег в Малаге на юге Андалусии. Об Испании мое поколение советских людей знало намного больше, чем о других европейских странах, в основном благодаря гражданской войне 1936–1939 годов. Советский Союз активно поддерживал республиканцев оружием и опытными кадрами, тогда как Италия и Германия еще активнее помогали армии генерала Франко. Школьником в Ленинграде (а затем в Москве) я читал в газетах ежедневные сводки с фронтов, переживал многомесячную осаду Барселоны и Мадрида. Начиная с 1937-го в СССР пошел большой поток испанских детей беженцев из северных баскских провинций, подвергавшихся бомбардировкам, главным образом с германских самолетов. Юные беженцы прибывали по морю в Ленинград. Уже в 1965 или в 1966 году я прочитал в оригинале на английском знаменитый роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», сюжет которого давал очень ясную картину гражданской войны в Испании. Сцены из этого романа в 1974 году еще прочно держались в моей памяти.

В Малаге, большом курортном и портовом городе со смешанной мавританско-испанской архитектурой, я провел лишь один день, просто прогуливаясь по улицам. Я тогда не знал, что Андалусия почти семь веков, до 1492 года, была мусульманским халифатом. Однако меня удивили не столько архитектурные шедевры прошлого, сколько явные признаки и символы современного фашистского государства. Повсюду висели портреты генерала Франко. В некоторых витринах можно было увидеть не только испанскую, но и немецкую фашистскую символику. В конце Второй мировой войны в Испанию из гитлеровской Германии переехали сотни тысяч человек, многие из них селились на ее южном побережье, другие уплывали через Малагу в страны Южной Америки. В антикварных магазинах встречались и российские вещи прошлого века, явно военные трофеи. В одной из витрин в центре города стоял старинный самовар.

По дороге в Мадрид я остановился на один день в Толедо, средневековой столице Испании. Здесь было много памятников архитектуры прошлых эпох. Над всем городом доминировала огромная крепость-дворец, превращенная в музей одного из решающих сражений гражданской войны, в котором силы восставших националистов и пришедшей им на помощь из Марокко армии генерала Франко одержали победу над республиканцами.

В Мадриде я пробыл неполных два дня. Ходить по музеям не стал, для меня музеем был сам город. Главное удивление и здесь вызывали открытая фашистская пропаганда и культ каудильо – лидера Испании генерала Франко, оставшегося диктатором с 1939 года. В витринах книжных магазинов стояли многочисленные издания биографии Франко, книги о подвигах Голубой дивизии испанских добровольцев, воевавшей в составе гитлеровского вермахта под Ленинградом в 1941–1943 годах, и откровенно антисемитская литература. Судя по всему, некоторые испанцы даже гордились тем, что они участвовали в давно закончившейся войне на стороне друзей Франко, Гитлера и Муссолини. Было очень странно встретить в 1974 году в Европе столь откровенный фашизм. Самому каудильо исполнилось уже 82 года, и по установленному декретами порядку его в случае смерти должен был сменить принц Хуан Карлос, становившийся королем.

Я, конечно, понимал, что сохранению власти фалангистов (по названию испанской фашистской партии Falange Española) способствовало то, что в условиях холодной войны Франко стал надежным союзником США, хотя Испания не входила в НАТО. В Испании были созданы военные базы США, и американские бомбардировщики В-52 могли патрулировать воздушное пространство над Испанией, имея на борту атомные и термоядерные бомбы. (Эта практика постепенно прекратилась после знаменитой катастрофы 17 января 1966 года, когда при дозаправке над Альмерией В-52 потерпел крушение. Три водородные бомбы упали на землю и одна в море. Взорвались от детонации только обычные заряды, но не ядерные. Плутоний и тритий загрязнили несколько квадратных километров территории, очистка которой продолжалась много лет.)

В Испании у меня не было встреч, связанных с наукой или политикой, и я был рад вернуться наконец в Лондон.

Мстислав Ростропович в Париже

В конце июня мы с Ритой поехали в Париж для участия в трехдневном симпозиуме по проблемам старения. Еще в 1971 году Европейский парламент при утверждении ежегодного бюджета на научные исследования выделил большой грант на исследования старения. Обоснованием для выделения гранта послужил быстрый рост в Европе доли населения пожилого возраста и как следствие обострение проблемы, связанной с болезнями старости. Благодаря этому гранту в Голландии, Франции, ФРГ, Италии и Австрии возникли новые геронтологические институты, в основном при больницах и клиниках, а не при университетах. (В Западной Европе институтом часто называют отдельную лабораторию.) Грант был быстро дополнен ассигнованиями фармацевтических компаний, которые хотели определить возрастные особенности в действии лекарств. Наличие фондов привело к появлению новой межнациональной геронтологической организации, названной Eurage. Поездка в Париж была вторым случаем моего участия в работе Eurage и четвертым визитом во Францию. Зашел я, по обыкновению, и в редакцию газеты «Русская мысль». Это была единственная в Западной Европе качественная русская газета-еженедельник. С ее главным редактором, писательницей княгиней Зинаидой Шаховской, у меня установились дружеские отношения и переписка.

На этот раз Зинаида Алексеевна сразу спросила меня, знаком ли я с Ростроповичем. А услышав утвердительный ответ, сказала:

– Поезжайте к нему обязательно... у него большие проблемы с въездом в Англию. Может быть, чем-либо можно помочь. Он в отеле «Кинг Джордж».

Я спросил номер телефона.

– Поезжайте сразу, – ответила Шаховская, – он не выходит из номера, все время находится там.

Я взял такси, заехал за Ритой, и мы быстро приехали к Ростроповичу в пятизвездочный отель, который располагался недалеко от Булонского леса.

Мстислав Леопольдович был необычайно рад, увидев нас. Последовали объятия. Ростропович всегда был очень эмоционален. Но его первый вопрос оказался неожиданным:

– Жорес, что случилось с Саней?

Саней многие близкие называли Солженицына.

– А в чем дело? – спросил я.

– Да вот звоню им в Цюрих. Подходит Аля. Приветствую ее, позови Саню, говорю, я в Париже... «Саня работает, – отвечает она, – подойти к телефону не может». (Алей была для друзей Солженицына его жена Наталия Светлова. – *Ж. М.*) Вчера звоню снова, то же самое: «Саня работает, к телефону подойти не может». Сегодня утром опять только Аля. «Звони, звони, – говорит, – всегда рады слышать твой голос». Я дал ей мой телефон в Париже, думал, Саня позвонит, но пока никаких звонков.

Время было уже предвечернее.

– Солженицын не любит говорить по телефону, – сказал я, – это у него давно... он считает, что все его разговоры по телефону прослушиваются. Из «Нового мира» к нему в Рязань не мог позвонить даже Твардовский.

– Но мне срочно, у меня большие проблемы, а главное, нет денег, я хотел у него подзанять.

Я сразу руку в карман, вынимаю бумажник. Из Лондона я всегда выезжал с запасом наличности.

– Спасибо, Жорес, – остановил меня жестом Ростропович, – мне много нужно, у вас столько нет!

– Увы, действительно нет, – подтвердил я, услышав названную сумму. – Но зачем вам столько? – спросил я невольно.

– Хочу срочно застраховать свою жизнь на миллион долларов, чтобы обеспечить семью на случай неожиданностей, – ответил Мстислав Леопольдович.

Я не удивился ответу. Страх за собственную жизнь появлялся у многих известных или знаменитых людей, покинувших Советский Союз и оказавшихся в «свободном мире». Западные артисты тоже страхуются: танцоры от переломов, певцы от простуд, пианисты от повреждения пальцев. Страхуют музыканты и свои уникальные инструменты.

Когда мы сели, чтобы продолжить беседу, к Ростроповичу подошел огромный пес породы сенбернар – это очень крупные собаки с коричнево-белой длинной шерстью. Ростропович свою собаку Кузю очень любил. Номер в гостинице состоял из трех комнат, одна из них была отведена Кузе. Постепенно Мстислав Леопольдович рассказал и свою историю. Предысторию я знал, и некоторые ее эпизоды упоминались в предыдущих главах этих воспоминаний.

Вместе с женой Галиной Вишневской, ведущей солисткой Большого театра, Ростропович в прошлом очень часто ездил за границу на гастроли и концерты, иногда надолго. Но после 1970 года, когда супруги поселили на своей даче в Жуковке Солженицына, эти поездки за границу почти прекратились. Великому виолончелисту разрешали поездки на гастроли в Венгрию, Чехословакию и даже в Финляндию, но не в Англию или в США. Советское агентство Госконцерт, через которое должны были заключаться все контракты, тоже находилось под контролем идеологического отдела ЦК КПСС. Ни Ростропович, ни Вишневская не относились к числу диссидентов. Они были лично знакомы с Брежневым, Косыгиным, с министром культуры Фурцевой и нередко выступали на особых концертах в Кремле. У них было множество наград, премий и орденов, и звания народных артистов. Но заграничные паспорта нужно было возвращать в МИД после каждой поездки, а любое новое турне в западные страны требовало решения выездной комиссии ЦК КПСС.

После высылки Солженицына в ФРГ в феврале 1974 года Ростропович и Вишневская сумели в конце марта передать через П. Н. Демичева, секретаря ЦК КПСС по культуре

письмо лично Брежневу. Они просили Брежнева разрешить им выезд за границу с двумя детьми на два года. Неожиданно Брежнев распорядился удовлетворить просьбу супругов.

В семье решили, что Мстислав Леопольдович поедет первым в Лондон, где у него много друзей и постоянных приглашений, снимет дом или квартиру, после чего туда придет Вишневецкая с дочками-старшеклассницами Еленой и Ольгой. Две виолончели и множество других вещей Ростропович погрузил в свой микроавтобус «мерседес» и отправил в особом контейнере по морю из Ленинграда в Англию. Сам полетел в Лондон вместе с собакой. Пассажирам первого класса это разрешалось, для животных в больших воздушных лайнерах есть особый отсек. Удивительным было то, что ни при покупке билетов, ни при посадке в самолет никто не предупредил Ростроповича о том, что ввоз собак и кошек на Британские острова запрещен особым Актом парламента, принятым еще в 1901 году и неукоснительно соблюдавшимся без всяких исключений. Это было сделано для предотвращения распространения собачьего бешенства. Собаки, кошки и некоторые другие животные, владельцы которых переселялись в Англию, должны были пройти шестимесячный карантин, в течение которого каждое животное содержалось изолированно от других. Все расходы на карантин оплачивали владельцы этих домашних животных. Возможно, Ростроповича и предупреждали об этом, но знаменитые люди часто не могут поверить в существование правил без исключений.

В лондонском аэропорту Хитроу таможенный контроль объяснил музыканту правила. Он рассказывал об этом с явным возмущением. Встречавший русского виолончелиста в аэропорту его друг Бенджамин Бриттен (Benjamin Britten), знаменитый английский композитор, ничем не мог помочь. Собаку оставили в карантинной зоне и Ростроповичу объяснили, по каким дням он может ее посещать. Когда через несколько дней он приехал на свидание с Кузей, оказалось, что пес в депрессии и отказывается от еды. Собак содержали в больших клетках в особых питомниках и на прогулки не выводили. Для очень крупной собаки, и особенно для сенбернаров, выведенных для спасения людей в горах, условия были слишком тяжелыми. Добрая душа Славы не могла этого выдержать, и он вместе с Кузей улетел в Париж, не дожидаясь прибытия контейнера с виолончелями. Однако и в Париже, плотно застроенном многоквартирными домами, без скверов, существовали очень строгие правила для выгула собак. В парках висели объявления на французском и английском, запрещающие вход с собаками даже на поводке. Крупных собак нельзя было выводить из дома без намордника. В отеле запрещалось входить с собакой в лифт, а так как номер Ростроповича находился на верхнем этаже, то для прогулок оставался лишь балкон.

Мы пробыли у Мстислава Леопольдовича около двух часов, я оставил ему наш телефонный номер в Лондоне и номер нашего нового друга в Париже Сергея Петровича Дубровского, издателя и преподавателя русского языка (см. [главу 19](#)). Он был надежным и опытным человеком и, как бывший артист Киевского драматического театра, переживший немецкую оккупацию, мог найти выход из любой ситуации. Через несколько дней, позвонив Ростроповичу, я узнал, что проблема с деньгами решена: французская студия музыкальной записи предложила ему контракт и выплатила аванс. Контейнер с «мерседесом» и вещами был переадресован в Париж. Французские друзья подыскивали для Ростроповича квартиру в пригороде, где не было ограничений на выгул собак.

Галина Вишневецкая с дочерьми прилетела в Париж, когда Ростропович жил уже в квартире. Им удалось в сентябре посетить в Цюрихе и Солженицына. В воспоминаниях-хронике «Угодило зернышко промеж двух жерновов» Солженицын написал об этой встрече

очень кратко:

«...Ростроповичей понесло изгоняющим восточным ветром – куда-то в Европу, они сами еще не знали куда... В таком растерянном, смущенном, неприкрепленном состоянии они и посетили нас в Цюрихе. Улыбались – а горько. Стива пытался шутить, а невесело. В нашем травяном дворике сидели мы за столом до сумерек...» (Новый мир. 1998. № 9. С. 75).

В последующие годы я встречался с Ростроповичем лишь три раза, всегда после его концертов: осенью 1978 года в Вашингтоне и два раза в Лондоне. В последний раз – на его благотворительном концерте в Лондоне в пользу жертв землетрясения в Армении в декабре 1988 года. На этом концерте было собрано для Армении около миллиона фунтов стерлингов.

Ростропович и Вишневецкая были лишены советского гражданства в марте 1978 года после их второго обращения в посольство СССР в Вашингтоне с просьбой о продлении срока действия своих паспортов. Им предъявили совершенно нелепые и вздорные обвинения в том, что «в 1976–1977 годах они дали несколько концертов, денежные сборы от которых пошли в пользу белоэмигрантских организаций» (Известия. 16 марта 1978 года). К 1978 году Ростропович дал около семидесяти благотворительных концертов, он никогда не отказывался от подобных предложений. Один из них, в Сан-Франциско в сентябре 1976 года, был «в пользу русских инвалидов Первой мировой войны». Несколько десятков русских инвалидов жили в Сан-Франциско в домах для престарелых. Никаких «белоэмигрантских организаций» в 1976–1977 годах, через 60 лет после Октябрьской революции, не существовало.

Подготовка к новой поездке в Америку

Еще в январе 1974 года я получил из США письмо от президента Геронтологического общества Этель Шанас (Ethel Shanas), приглашавшей меня прочитать одну из четырех вводных лекций на симпозиуме, открывавшем 27-ю ежегодную конференцию Американского геронтологического общества 28 октября 1974 года в Портленде, штат Орегон. Поскольку на открытие ежегодных конференций приглашались не только геронтологи, Этель Шанас, предложив мне тему «Биологические перспективы долголетия», попросила сделать ее доступной для широкой аудитории. Текст лекции следовало выслать заранее, так как его должны были опубликовать в журнале *The Gerontologist*. Геронтологическое общество оплачивало мои расходы на дорогу в оба конца и гостиницу.

Я ответил согласием, так как программа всей конференции, продолжавшейся до 1 ноября, была для меня очень интересной. Американское геронтологическое общество, членом которого я был с 1961 года, избирало своих президентов лишь на годичный срок. Этель Шанас, профессора социальной геронтологии Иллинойского университета, я не знал. Но в Портленде пост президента общества переходил к другому ученому, и одним из кандидатов был биолог Джордж Сейчер, с которым я познакомился в апреле. Он был организатором симпозиума по эволюции долголетия и старения, на участие в котором я также получил приглашение.

Подготовку новой поездки в США, таким образом, нужно было готовить почти сразу по возвращении в Лондон. В конце июня мне позвонили из лондонского бюро известной

американской газеты *The Christian Science Monitor*, выходящей в Бостоне, и попросили принять их корреспондента для интервью на общую тему о разрядке и советско-американских отношениях. На следующий день ко мне приехали два журналиста, и мы беседовали на разные темы довольно долго. Это интервью заняло страницу газеты 9 июля. Неизбежно обсуждалась и поправка Джексона. «Мистер Медведев предполагает, – излагали мою позицию журналисты, – что государственный секретарь Генри Киссинджер может добиться больших уступок от советских лидеров, чем Джексон, потому что когда Киссинджер оказывает на них давление, это не носит характера ультиматума».

10 июля мне позвонил один из беседовавших со мной журналистов и сказал, что хочет через их лондонское бюро соединить меня для разговора по телефону с Вашингтоном. На проводе будет Сет Тилман (Seth Tillman), помощник сенатора Фулбрайта (J. William Fulbright), председателя комитета сената по иностранным делам.

Тилман сообщил мне, что в комитете по иностранным делам в августе начнутся специальные слушания по широкой проблеме отношений США с коммунистическими странами. Его шеф прочитал интервью со мной и хочет пригласить меня на эти слушания в качестве одного из докладчиков. Предполагается, что я представлю в более развернутом виде те же тезисы. Первым на слушаниях 15 августа будет выступать Аверелл Харриман (Averell Harriman), вторым, 20 августа, – Джордж Кеннан, оба бывшие послы США в СССР. Одним из докладчиков будет также Генри Киссинджер. В качестве его оппонента приглашается Джордж Мини (George Meany), лидер американских профсоюзов. Проблема с моим приглашением состояла в том, что по каким-то законам еще прошлого века приглашения экспертов в сенат из-за границы не предусматривались, поэтому мои дорожные расходы не могут быть оплачены. Из фондов конгресса мне будут выделены лишь суточные на один день – на гостиницу и питание в размере 25 долларов. При этом я должен подготовить свой доклад на английском и переслать заранее 50 экземпляров в комитет для раздачи присутствующим. Слушания, с открытыми для прессы заседаниями два раза в неделю, будут продолжаться до октября. Если я соглашусь выступить в сенате на этих условиях, то председатель комитета вышлет мне официальное приглашение. Я ответил, что принимаю их приглашение с благодарностью как большую честь и что, независимо от слушаний, я предполагал приехать в США для участия в Геронтологической конференции в конце октября.

Через несколько дней я получил на институтский адрес официальное письмо сенатора Фулбрайта от 12 июля 1974 года. Оно начиналось с объяснения традиции возглавляемого им комитета проводить открытые слушания по важным международным проблемам (отношения Востока и Запада, война во Вьетнаме, американо-китайские отношения и др.). Такие слушания в качестве информационно-образовательных открыты не только для прессы, но и для радио и телевидения. Тексты выступлений будут опубликованы в Докладах конгресса. Фулбрайт спрашивал меня, готов ли я принять приглашение на участие в слушаниях. Я ответил благодарным согласием. Фулбрайт, представлявший в сенате штат Арканзас уже почти тридцать лет, был известным и уважаемым политиком, противником маккартизма и критиком американского участия в войне во Вьетнаме.

Во втором письме, от 26 июля, Фулбрайт выразил удовлетворение моим согласием и сообщил о формате заседания. Мое вступительное «свидетельское показание» рассчитано на тридцать минут, после чего я должен отвечать на вопросы членов комитета. Предварительную дату моего выступления наметили на 22 октября. В третьем письме, уже в

августе, Фулбрайт просил моего согласия на перенос заседания на 8 октября. К нему была приложена и полная программа слушаний, которые начинались 15 августа и заканчивались 9 октября выступлениями сенатора Джона Стенниса (John C. Stennis) и адмирала Томаса Морера (Thomas H. Moorer).

В центре Лондона на улице Charing Cross есть магазин, в котором продаются свежие газеты разных стран. Здесь можно купить «Известия» и «Правду», но также и *The Washington Post*. В номере этой газеты от 16 августа я нашел отчет о заседании комитета сената, на котором делал свое заявление Аверелл Гарриман. Начиная свое выступление, Гарриман, которому было уже 83 года, объяснял:

«Я участвовал в переговорах с советскими лидерами в течение почти 50 лет, начиная с Льва Троцкого по поводу магниевых концессий. Я имел множество встреч со Сталиным по военным и политическим проблемам во время войны. Я вел переговоры с Никитой Хрущевым по проблемам ядерных вооружений. Я знаю Алексея Косыгина с 1942 года, и недавно я встречался с мистером Брежневым».

Далее в отчете было написано, что «по мнению Гарримана, приоритетом для США должно быть соглашение SALT-1 о сокращении стратегических вооружений. “Если поправка Джексона станет законом, то это будет контрпродуктивно и приведет к нежелательным результатам”».

«Архипелаг ГУЛАГ», том 2

Второй том знаменитой книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» был выпущен в Париже издательством «УМСА-Press» в июне 1974-го, и я смог купить его в Лондоне в начале июля. Для многих моих знакомых выход второго тома стал неожиданностью, так как по содержанию и объему первый том производил впечатление вполне законченного произведения. Ничто в изданной в конце 1973-го книге, включая краткое предисловие автора, датированное сентябрем этого года, не указывало, что за ней должен был последовать второй том, а за ним еще и третий. Во вводной фразе «В этой книге нет вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами» Солженицын давал понять читателю первого тома, что перед ним завершённое произведение. Он передал за границу в 1968 году микрофильм всей рукописи, в которой было больше полутора тысяч страниц плотно напечатанного текста. К ним впоследствии добавились вставки и фотографии. Дав указание издателям «немедленно публиковать», Солженицын ожидал, что русское издание и уже сделанные за четыре года переводы будут опубликованы в полном объеме. По замыслу писателя книга должна быть неделимой, выйти «залпом», и многие важные обобщения, особенно по более близкому читателям послевоенному периоду 1945–1956 годов, входили именно в третий том, которого пришлось ждать еще два года. В это же время, летом 1974 года, публиковались и переводы на английский, немецкий и другие европейские языки первого тома этой монументальной работы. Ни в самой книге, ни в рецензиях на нее не говорилось, что это лишь начало трилогии. Летом 1974-го рецензии в большинстве западных газет и журналов были посвящены еще первому тому «Архипелага» и рассматривали его как законченное произведение. Вторым том русского издания не становился поэтому сенсацией. На русском

языке он издавался в том же формате, что и первый, тиражом 50 тысяч экземпляров, и отдельным карманным изданием на очень тонкой бумаге. Но реализация тиража шла медленно. Через международную, субсидируемую из США, сеть книжных распределителей для коммунистических стран «Universal Book Exchange» первый и второй тома «Архипелага» раздавались бесплатно. Меня пригласила в лондонское отделение этой сети ее управляющая Жоан де Балкар (Joan de Balcar) и предложила брать для друзей любое число экземпляров. Печатать сразу весь «Архипелаг», как я узнал позднее, было технически трудно и нецелесообразно, хотя набор был сделан. В этом случае пришлось бы увеличить формат, уменьшить шрифт и выпускать очень толстый том в твердом переплете. Работа затянулась бы на год, и высокая продажная стоимость тома могла сильно сократить тираж. Слишком большой объем книги, в трех вышедших томах было 1844 страницы, не увеличивал, а уменьшал ее эмоциональный и политический эффект.

Рой, как и в прошлом году, получил от газет *The New York Times* и *The Washington Post* заказ на рецензию, которую он подготовил лишь к середине августа. Его рецензия на второй том была гораздо более критичной, чем на первый, хотя, по его признанию, во втором томе было меньше неточностей или искажений. Но сам Солженицын был уже за границей, вне опасности, и это позволяло давать его произведениям более беспристрастную оценку. Рецензии Роя на каждый том «Архипелага» опубликованы на русском сравнительно недавно, в 2004 году, и я поэтому не буду воспроизводить здесь детали.

Лев Зиновьевич Копелев, сыгравший ключевую роль в организации контактов между Солженицыным и Твардовским в 1962 году, прислал мне через немецких друзей свою очень критическую, но поспешно написанную рецензию. Он просил опубликовать ее анонимно, не раскрывая его имени.

«Простите, что посылаю в таком получерновом виде, – писал он, – но не могу найти доверенной машинистки – ведь лето, но не хочу дольше задерживать. Очень, очень прошу, чтобы о подлинном авторе кроме Вас узнала только графиня Марион Денхоф (из Ди Цайт, Гамбург) и знала бы, что это только ей должно быть известно. Так до весны-лета 1975 г., тогда “подниму забрало” и объясню, почему должен был опускать его...»

Эта рецензия была с сокращениями опубликована в еженедельнике *Die Zeit*. Копелев, находившийся в заключении с 1945 до 1954 года, был достаточно компетентен для анализа проблем «ГУЛАГа». Наибольшую критику у него вызвала глава 3 «Архипелаг дает метастазы», в которой появление и распространение исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) Солженицын связывал не с усилением политического террора и раскулачиваниями в период ликвидации НЭПа и начала коллективизации и индустриализации в 1929 году, а с инициативой Нафталия Френкеля, одесского коммерсанта и нэпмана, арестованного ОГПУ в 1926 году. «Мучительно было читать в “Архипелаге”, – писал Копелев, – заведомо неправдивые страницы о блатных, о коммунистах в лагерях, о Горьком, о Френкеле – очередной образ сатанинского иудея, главного виновника всех бед...»

Эти страницы второго тома о Френкеле вызвали сразу и у меня сомнения в достоверности, тем более что и имя было ранее мне не известно.

«На Архипелаге живет упорная легенда, что “лагеря придумал Френкель”», – писал Солженицын. Далее на нескольких страницах следовали подробности, являвшиеся

результатом исследований самого автора:

«Нафталий Аронович Френкель, турецкий еврей, родился в Константинополе. Окончил коммерческий институт и занялся лесоторговлей. В Мариуполе он основал фирму и скоро стал миллионером, “лесным королем Черного моря”... В 1916 году учуял грозу... еще до Февральской революции перевел свои капиталы в Турцию и следом за ними сам уехал в Константинополь... Но какая-то роковая сила влекла его к красной державе... в годы НЭПа он приезжает в СССР».

В отношении «роковой силы» Солженицын делает сноску:

«У меня есть личное предположение, я выскажу его в другом месте» (с. 75).

Во время НЭПа за скупку золота Френкель попадает в тюрьму.

«Его привозят в Соловки в 1927 году, но сразу от этапа отделяют... разрешают свободное передвижение по острову... С 1928 года... он создает выгодное подсобное предприятие...

Как-то, году в 1929-м, за Френкелем прилетает из Москвы самолет и увозит на свидание к Сталину. Лучший Друг заключенных... с интересом беседует с Френкелем три часа. ...Френкель разворачивает перед Отцом Народов ослепительные перспективы построения социализма через труд заключенных. Многие из географии Архипелага, послушным пером описываемое нами теперь вослед, он набрасывает смелыми мазками на карту Союза под пыхтение трубки своего собеседника...» (Там же. С. 73–76).

Н. А. Френкель – реальная фигура. Он родился в 1883 году в Одессе. Окончил строительный техникум. Разбогател в основном в период НЭПа. Был арестован и осужден в 1926 году. Он был досрочно освобожден в 1930 году за успехи в организации местных производств и в строительстве бани, остался на Соловках одним из начальников и выдвинулся в организаторы работ при строительстве Беломоро-Балтийского канала. Беломоро-Балтийский ИТЛ, в котором числилось более ста тысяч заключенных, был создан в ноябре 1931-го именно на базе Соловецкого ИТЛ. Однако эпизоды с вызовом тогда еще неизвестного заключенного к Сталину в 1929 году и отправка за ним самолета показались мне недостоверными. Они не могли оставаться неизвестными до 1974 года. В прибытие Френкеля самолетом в Москву, минуя все инстанции ОГПУ, было трудно поверить.

Заканчивая описание головокружительной карьеры Френкеля, который «умер в Москве в 50-е годы в звании генерал-лейтенанта, в старости, в почете и покое», Солженицын почему-то дополнил от себя: «Мне представляется, что он ненавидел эту страну» (с. 140). Это заявление производило впечатление незаконченной мысли. Так оно и было. В то время Солженицын просто не решился ее закончить. Объяснение этой фразы он перенес в свою книгу «Двести лет вместе», опубликованную лишь в 2001 году, уже в Москве:

«О Нафталии Френкеле, неутомимом демоне “Архипелага” особая загадка... Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России не могу объяснить ничем. Пусть объяснит кто может». (Двести лет вместе (1795–

Солженицын, пообещав высказать свое предположение о мотивах действий Френкеля «в другом месте», сделал это в книге, материалы для которой он собирал более тридцати лет.

Проверка информации о встрече Сталина и Френкеля в 1929 году стала возможной лишь после публикации, начиная с 1996 года, в журнале «Исторический архив» списков всех посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина в 1924–1953 годах. По этим спискам составлялись в 1998 и в 2008 году аннотированные алфавитные справочники. В 1929 или в 1930 годах Н. А. Френкель в кремлевском кабинете Сталина не появлялся. Он в составе группы ведущих начальников НКВД, вместе с наркомом внутренних дел Генрихом Ягодой, первый раз побывал в кабинете Сталина 21 марта 1936 года. Тогда Френкель в звании дивизионного инженера был уже начальником Байкало-Амурского ИТЛ. Второй раз Френкель встречался со Сталиным 5 мая 1940 года. На приеме присутствовал и Лаврентий Берия. Френкель был уже начальником Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР (Исторический архив. 1998. № 4. Специальный выпуск «Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина»). С появлением Интернета о генерал-лейтенанте Френкеле, трижды награжденном орденом Ленина, умершем в 1960 году в Москве, появилось множество разных историй и исследований не только на русском, но и на иностранных языках. Многие из них были стимулированы именно «Архипелагом». Френкель, судя по другим источникам, родился не в Турции, а в Одессе, в семье служащего. Там нашлись и родственники. Была найдена и его соловецкая карточка заключенного. В ней местом рождения упоминалась Хайфа, в 1883 году это была Османская империя. Внутренних паспортов в 1920-е годы в СССР еще не было. Сведения о месте рождения в то время обычно записывались со слов самого заключенного, и достоверность их сомнительна. Серьезные западные исследователи ГУЛАГа не подтверждают обобщений Солженицына о Френкеле (См: *Anne Applebaum. Gulag. A History of the Soviet Camps. London: Penguin Books 2004*).

Старший научный сотрудник отдела генетики

В конце июля мне прислали из Медицинского совета, под управлением которого находился и наш институт, толстый пакет. В нем я обнаружил официальное письмо, в котором мне предлагали зачисление на должность старшего научного сотрудника в отдел генетики Национального института медицинских исследований сроком на один год. К письму была приложена брошюра с перечнем правил и обязанностей для работников Медицинского совета, которые относились к категории государственных служащих. В пакет был вложен и проект договора между Медицинским советом и мною на тот случай, если я приму предложение. Никаких документов, типа копий дипломов об образовании или об ученых степенях, от меня не требовалось. Для зачисления на должность мне следовало подписать проект договора и проставить дату, с которой я смогу приступить к работе. Поскольку в сентябре мне предстояла поездка в Скандинавию, а в октябре в США, откуда я возвращался лишь к 10 ноября, то я поставил датой начала своей научной работы в штате института 15 ноября.

Заполнения вакантных научных должностей на основе конкурса, подобно советской

практике, в Англии не было. Институты здесь не имели и ученых советов в отличие от советских, на которых проходили защиты диссертаций и избирались сотрудники по объявленному конкурсу. Зачисление на один год было испытательным. По окончании годичного срока Медицинский совет мог предложить продление работы еще на пять лет. Если такое предложение не поступало, договор считался завершённым. Такая же процедура предстояла и после пятилетнего срока пролонгации. Зачисление на постоянную должность становилось возможным лишь после пяти лет работы по первоначальному договору. Присуждение ученых степеней производилось в Англии не публично учеными советами институтов или факультетов, а небольшими комиссиями из трех-четырёх человек, признанных специалистами в той области знания, которой была посвящена диссертация. Для всех фундаментальных наук существовала лишь одна степень – доктор философии (Ph.D). В Советском Союзе ее приравнивали к кандидатской, так как эта степень завершала учебу в аспирантуре. Эквивалента советской степени доктора наук в Западной Европе и в США не было. За пределами аспирантуры были важны репутация и научные публикации, а не степени. Не было в Англии и раздельного дипломирования ученых степеней и ученых званий, а также утверждения всех степеней и званий в каких-то государственных инстанциях типа советской Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

В конце июля я получил от Роя печальную новость. Умер от инфаркта в собственной квартире мой друг и покровитель академик Борис Львович Астауров. Ему было 69 лет. Я послал телеграмму его жене. Через месяц Рой в конфиденциальном письме сообщил мне:

«Астауров вышел из больницы с улучшением проблем с аденомой. Но в апреле в Риме на каком-то конгрессе остался невозвращенцем зав. отделом института Шапиро, бросив в Москве две семьи. Как водится, была Комиссия, которая нашла идеологическую работу в институте неудовлетворительной и предложила ряд мер, в том числе смещение с руководящей работы трех заведующих-евреев, включая твоего друга А. А. Нейфаха. В Комитете по Ленинским премиям работа Астаурова была снята по требованию Цицина и Дубинина, которое поддержал и Келдыш...»

Илью Моисеевича Шапиро я знал, но историю с его отказом возвращаться из Италии пропустил, в апреле – июне я был в США. Из Италии он переехал в Швецию, где сразу получил должность в Каролинском институте. Академик Н. П. Дубинин стал требовать смещения Астаурова с поста президента Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. Астауров был смелым и принципиальным человеком, но это были удары в спину.

Нобелевский институт

Вернувшись из США в начале июня, я нашел среди накопившихся за два месяца писем несколько приглашений из Скандинавии. Меня приглашали для лекций на общие темы и по проблемам старения. Главным среди них было письмо от профессора Иогана Фогта (Johan Vogt), президента норвежского ПЕН-клуба. Он от своего имени и от имени бывшего премьер-министра Норвегии Эйнара Герхардсена (Einar Gerhardsen) приглашал меня в Осло для лекции 2 сентября об оппозиционных политических и демократических течениях в СССР. Лекция предназначалась для широкой аудитории. Местом для нее был выбран

большой зал Нобелевского института. Что такое Нобелевский институт в Осло, я тогда не знал. По телефону профессор Фогт объяснил мне, что Нобелевский институт – это прежде всего большая библиотека книг по международным и гуманитарным проблемам. Однако именно в Нобелевском институте проводятся ежегодно церемонии вручения Нобелевских премий мира, присуждение которых осуществляется особым комитетом норвежского парламента. Одним из выдвинутых кандидатов на Нобелевскую премию мира был с 1973 года Андрей Сахаров. Это, однако, не означало, что его кандидатура была включена в список для голосования. Фогт заверил меня, что мое приглашение не имеет никакого отношения к проблемам этой премии. Более того, список кандидатов на премию является конфиденциальным, никаких публичных дебатов в пользу или против выдвинутых фигур не допускается. Различные лекции и семинары по международным проблемам в Нобелевском институте проходят еженедельно. Дополнительно меня пригласили и в университет в Осло для лекции о проблемах старения и долголетия.

В Осло я приплыл на пароме 31 августа. Меня встречал Пер Эгил Хегге, журналист, с которым я подружился еще в Москве в 1970 году, где он работал корреспондентом норвежской газеты *Aftenposten*. Он очень много сделал для организации протестов в период моего насильственного заточения в психиатрическую больницу. Хегге отвез меня к себе домой. Он с женой Биргит и пятерыми детьми жил за городом в большом деревянном доме. При доме были сад и сауна.

На следующий день я познакомился с профессором Фогтом и его другом Эйнарсом Герхардсеном, бывшим премьер-министром. Хегге объяснил мне, что Герхардсен является наиболее популярным политиком в Скандинавии, отцом скандинавской модели социализма. Он был премьер-министром от лейбористской партии три срока, почти семнадцать лет. Вышел в отставку в 1965 году. В молодости он был коммунистом.

Предварительное сообщение о моей лекции было напечатано в понедельник 2 сентября в *Aftenposten* и в *Dagbladet*. Нобелевский институт размещался в красивом здании на небольшой центральной площади города. Рядом с ним расположен Королевский дворец, напротив на площади – посольство США.

Большая аудитория института была полна. Я читал лекцию на английском. Перед лекцией директор института предупредил меня о том, что вопросы, связанные с ежегодным присуждением Нобелевских премий мира, в стенах института не должны обсуждаться, так как список кандидатов является конфиденциальным. Однако полностью уклониться от этой темы мне все же не удалось. Когда после лекции перешли к вопросам, один из присутствовавших из второго ряда задал мне прямой вопрос: считаю ли я, что академик Сахаров является наиболее достойным кандидатом на премию мира? (Позже мне сказали, что этот вопрос задал сотрудник эмигрантского издательства «Посев» и член русской эмигрантской организации НТС Гунар Мое, живший в Осло.) Я ответил, что затрудняюсь делать какие-либо сравнения, так как не знаю статуса премии и имен кандидатов, которые рассматриваются Комитетом по премиям.

4 сентября у меня была встреча с Тругве Иогансеном (Trugve Johansen), директором норвежского издательства «Tiden», издавшего еще в 1957 году роман «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева. По доверенности автора я уже больше года вел переписку, но не сумел добиться перевода небольшого гонорара на счет автора в Лондоне. Личный визит в издательство уже ставшего известным в Осло Жореса Медведева принес плоды. 2960 норвежских крон были вскоре переведены автору, превратившись в Лондоне в 229 фунтов и

30 пенсов.

После лекции о старении на кафедре генетики университета в Осло 5 сентября я уехал на поезде в шведский город Лунд, чтобы посетить профессора Айка Густафссона, возглавлявшего Институт генетики в Лундском университете. Он, как я писал раньше (см. [главу 8](#)), помог мне в декабре 1967 года отправить микрофильм рукописи по истории генетической дискуссии в США Михаилу Лернеру. Здесь была также запланирована лекция по генетическим аспектам старения. Из Лунда, через небольшой пролив, я приплыл на пароме в Копенгаген. Меня пригласил в Данию профессор Олав Андерсен (Olav Andersen) президент Биологического общества. В среду 11 сентября я прочитал там лекцию тоже по генетике старения. В Копенгагене, кроме всего прочего, я выполнял роль доверенного лица Дудинцева. Ему причитался гонорар и в Дании от издательства «Fremad». Датских крон было больше, 9080, что составляло в то время около 800 фунтов. Открыткой я рапортовал об этом успехе своему другу и из Лондона сразу же выслал ему подарочный перевод во Внешторгбанк. (Подарочные переводы в то время выдавались получателю в виде валютных сертификатов, которые принимались в магазинах «Березка». Обычные переводы банк выдавал в рублях по сильно заниженному курсу.)

Открытое письмо Солженицына

В Лондон я вернулся 12 сентября. На следующий день мне позвонил Хегге и сообщил, что их газета получила «открытое» письмо Солженицына по поводу моей лекции в Нобелевском институте. Письмо было адресовано в газету *Times*, но Солженицын просит опубликовать его и в *Aftenposten*. По словам Хегге, письмо явно основано на ложной информации, но редактор все же хочет его напечатать, предоставив мне возможность ответить на него. Хегге выслал копию письма экспресс-почтой.

Среди советских диссидентов отправка разного рода «открытых писем» входила в моду. Но между лично знакомыми людьми было принято посылать первый экземпляр тому, кому оно адресовано. Я решил поэтому позвонить в Цюрих на конфиденциальный номер, по которому отвечала жена Солженицына. Сам Солженицын никогда первый не снимал телефонную трубку. На мою просьбу прислать копию «Открытого письма» ответила Наталия Дмитриевна: «...читайте английские газеты», – и положила трубку.

На следующий день пришло экспресс-письмо из Норвегии с русским текстом «Открытого письма» и его переводом на норвежский. Хегге сообщал, что они его на днях опубликуют, но предоставят мне для ответа место на той же странице. Письмо воспроизводилось как «копия письма в лондонскую *Times*». Между тем в Лондоне оно не публиковалось. По русскому тексту, полученному из Осло, я сразу понял почему. Солженицын писал:

«Удивительным образом Ж. Медведев всегда знает, что сейчас приятно советскому правительству, и именно то и говорит, так уместно и умно, как не умеет весь платный аппарат агитпропа ЦК. <...> И Нобелевские премии мира давали бы только такие, какие приятны советскому правительству, или уж тогда совсем никаких. И если требуется опорочить нашего национального героя, то избирается самое удобное место – Нобелевский институт. Напоминает Ж. Медведев: “Вы должны проанализировать и взвесить, насколько велик был вклад

В *Aftenposten* это письмо было опубликовано 20 сентября. Первым на него ответил профессор И. Фогт, заявивший, что Нобелевский институт для лекции Медведева был выбран норвежским ПЕН-клубом и что фраза, приведенная Солженицыным, в лекции не произносилась. Мой ответ был напечатан 26 сентября. В Лондоне сообщение о письме Солженицына, но без его текста, было опубликовано Дэвидом Флойдом в газете *The Daily Telegraph* 17 сентября. Русский текст «Письма Солженицына в газету *Times*» печатался в «Русской мысли» (Париж) и в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), а также в журнале «Посев» (Франкфурт-на-Майне). Эти же газеты опубликовали и мой ответ. В «Посев» я ответа не посылал.

Путем интенсивной переписки и телефонных разговоров с друзьями в Париже и ФРГ, смог до конца сентября выяснить, что в Норвегии по заданию НТС (Народно-трудовой союз, правление которого находилось во Франкфурте) по всем итогам моего пребывания в Норвегии (лекция, телевизионное интервью и газеты в Осло) была составлена на русском языке анонимная записка на шести страницах «Конспект выступлений Жореса Медведева в Осло», датированная 5 сентября. Именно в этой записке были слова о разжигании войны, но без выделения их крупным шрифтом и без восклицательного знака. Эту записку разослали в русские издания на Западе, на радиостанцию «Свобода» и нескольким известным советским эмигрантам. Среди них был и Владимир Максимов, который позвонил в Цюрих Солженицыну и попросил его дать ответ именно в *Times*. Дэвид Флойд, каждый день приходивший в дом Солженицына для переводов с английского, взялся продиктовать письмо в Лондон на английском. В конечном итоге и я смог получить копию записки. Ее составлял явно русский человек, но много лет живший за границей. (Аналогичная записка для НТС была составлена и об итогах турне Ж. Медведева в США в апреле – мае.)

Подтверждение этой версии появилось через много лет, когда Солженицын опубликовал автобиографические воспоминания «Угодило зернышко промеж двух жерновов»:

«В сентябре 1974 Владимир Максимов звонит мне тревожно в Цюрих – просит моего заступничества Сахарову: Жорес в Стокгольме назвал Сахарова “едва ли не поджигателем войны” и возражал против Нобелевской премии мира ему... Как всегда, в таких поспешных передачах и нервных просьбах отсутствует достоверность, отсутствует текст, стенограмма – да где и когда их добудешь?.. И я – ввергаюсь еще в одну передрагу: написать газетный ответ Жоресу на не слышанное и не читанное мною выступление... А все тот же угодник Флойд (еще не заподозренный, – это до “Шпигеля”) берется поместить его в “Таймс”. Я пишу в Штерненберге, Аля шлет телефонами в Лондон – проходит день, второй, третий – что-то застряло, новые волнения, новые перезвоны, вдруг заявление появляется в “Дейли Телеграф” в ослабленном, искаженном виде, – значит, уже в “Таймс” не будет, почему? “Таймс” опасается слишком прямых выражений о Ж. Медведеве, которые могут быть опротестованы через суд...

И надо сказать что “Таймс” почувствовала верно... по западным правилам, Жорес вполне мог и судиться. Но правоты-то за ним не было, и он не решился» (Новый мир. 1998. № 9. С. 84–86).

В этом позднем объяснении нет логики. Не мог ведь я судиться по поводу «Письма», которое не было напечатано именно из-за опасений возможности суда. Стокгольм перепутан с Осло. «Вот в таких издержках проходит первое лето на Западе», – суммировал Солженицын историю со своим «Открытым письмом».

Мне же теперь стало ясно, что Дэвид Флойд и Владимир Максимов ведут совместную кампанию против братьев Медведевых в союзе с НТС. Для Флойда это была четвертая попытка моей дискредитации, для Максимова – вторая. Других участников этой кампании я смог определить позднее. Но кто являлся заказчиком, мне было еще не ясно. Я смог с этим разобраться лишь через несколько месяцев после многочасовой «беседы» с двумя сотрудниками британской контрразведки, пригласившими меня письмом из министерства иностранных дел в комнату 055 в здании министерства обороны Соединенного Королевства.

Доклад для сената

Вернувшись из Скандинавии, я сосредоточился на подготовке доклада для слушаний в комитете по иностранным делам сената США, намеченных на 8 октября. Выезд в США был 2 октября, снова по морю. Перед началом сложного американского турне нужно было отдохнуть. Дату отъезда определяло расписание трансатлантических рейсов британского лайнера «Queen Elizabeth 2», единственного пассажирского судна, которое еще регулярно курсировало между Великобританией и США. Рейс из Саутгемптона в Нью-Йорк продолжался четверо суток.

Доклад под общим заголовком «О перспективах отношений между США и СССР» я написал сначала на русском, это было около тридцати страниц. При переводе на английский я сократил его до двадцати пяти страниц и передал нескольким друзьям для замечаний и редактирования. Мой английский не был еще достаточно идиоматичен для политических тем. Окончательный текст был перепечатан в частном машинописном бюро. Сенатор Фулбрайт в письме от 26 июля просил: «...если это возможно, мы были бы благодарны получить 50 копий вашего заявления по крайней мере за три или четыре дня до заседания...» Перенос этого заседания с 22 на 8 октября оставлял мне мало времени. Однако я успел все закончить в срок и отправить размноженный текст в Вашингтон экспресс-почтой в самом конце сентября.

Я, естественно, полагал, что вопрос о принятии сенатом поправки Джексона еще не предопределен и мои аргументы могут повлиять на характер окончательного решения. Ричард Никсон подписал 9 августа заявление о своей отставке, и его немедленно сменил вице-президент Джералд Форд (Gerald Ford), который продолжал ту же политику разрядки и обещал наложить вето на закон о торговле, если он будет дополнен политическими поправками. Однако возможность президентского вето пропадает в том случае, когда поправки принимаются больше чем двумя третями сенаторов. Наибольшее внимание на слушаниях привлекли показания Генри Киссинджера, главного архитектора разрядки, одним из компонентов которой был и подписанный в 1973 году мирный договор с Северным Вьетнамом, отмеченный в том же году Нобелевской премией мира. Киссинджер выступал в сенатском комитете 19 сентября, и я по американским газетам смог познакомиться с его главными аргументами.

Государственный секретарь давал в своем выступлении общую, глобальную картину разрядки, подчеркивая, что подписанные в Москве в 1972 году соглашения уже позволили США завершить свое участие в конфликтах во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже мирным договором. Следующим шагом во взаимоотношениях с СССР должен стать договор об ограничении стратегических вооружений и прежде всего атомного оружия, чтобы уменьшить опасность ядерной войны. От холодной войны нужно постепенно переходить к нормальным экономическим отношениям с СССР, и это будет обеспечено предоставлением Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования, которым пользуются уже больше ста стран. Конкретно о проблемах свободы эмиграции из СССР или с специфических вопросах эмиграции в Израиль Киссинджер не говорил. Он также не обсуждал поправку Джексона и ее возможный эффект. Поэтому мне целесообразно было

ограничить свое выступление разъяснением эмиграционной проблемы и возможным влиянием разрядки на политическую ситуацию в СССР. Главный тезис моей аргументации заключался в том, что холодная война, гонка ядерных и ракетных вооружений и участие в международных конфликтах на сторонах противоборствующих сил являются основными факторами и репрессивной политики коммунистического руководства СССР. Переход к нормальным экономическим отношениям между супердержавами лишает однопартийные диктатуры СССР и Китая возможности оправдывать репрессивную политику внутри своих стран существованием внешнего врага. Я также решил подвергнуть особой критике поправку Джексона, которая основывалась на том, что именно свобода эмиграции является главным демократическим правом и признаком открытого общества. Эмиграция как явление исторически всегда была признаком неблагополучия, чаще всего экономического, но нередко и политического. Наиболее ярким примером этого была именно царская Россия, в которой абсолютная монархия не только не препятствовала любой эмиграции, но и стимулировала ее, прежде всего – эмиграцию евреев, иногда путем поощрения погромов.

Сенат, комната 4221

Мое новое трансатлантическое путешествие не имело такой круизной роскоши, как первое. Это был регулярный рейс, на борту «Queen Elizabeth 2» находилось около 1800 пассажиров. Я купил себе одноместную каюту второго класса с душем и всеми необходимыми удобствами. Но маленький иллюминатор в ней не открывался, так как был расположен ближе к ватерлинии, чем иллюминаторы кают первого класса и окна «люксов». Завтраки, обеды и ужины в ресторанах второго класса предлагались не по меню, но были достаточно изобильными и разнообразными. К услугам всех пассажиров имелись кинотеатр, плавательные бассейны, спортзалы, казино и множество других развлечений. На верхней палубе находилась особая площадка для выгула собак, их на корабле оказалось, наверное, около сорока. Из Великобритании в США собак разрешалось вывозить без всяких проблем. Ежедневно на лайнере выходила собственная газета, сообщавшая о новостях в мире. Было еще тепло, и я большую часть времени проводил в удобном кресле на открытой палубе, читая недавно вышедший сенсационный триллер Фредерика Форсайта «День шакала» («The Day of the Jackal»). Эту книгу подарил мне сам автор. Сюжет одного из следующих его триллеров был основан на событиях, происходивших в Советском Союзе, и он приезжал ко мне несколько раз, чтобы прояснить неизвестные ему особенности жизни в СССР. Его интересовали функции Политбюро и колхозно-совхозная система. Характер его расспросов стал для меня понятен лишь через несколько лет, когда появился его новый бестселлер «Дьявольская альтернатива» («The Devil's Alternative»), сюжет которого включал последствия катастрофически низкого урожая в СССР. Насколько я мог понять, среди авторов бестселлеров Форсайт достиг исключительного успеха именно благодаря точности деталей быта, жизни, традиций и обстановки той страны, в которой происходило действие его романов.

Неожиданно на третий день плавания меня по корабельному громкоговорителю срочно вызвали в рубку помощника капитана. Оказалось, что на мое имя пришла радиограмма из сената США, которая требовала немедленного ответа. Помощники сенатора Фулбрайта меня потеряли и хотели убедиться, что я действительно появлюсь 8 октября в зале заседаний. Из института им по телефону сообщили, что Медведев уехал в США несколько дней назад. А

поскольку в США, по данным спецслужб госдепартамента, Медведев к 4 октября еще не прибыл, это их встревожило. Помощники нашли мой домашний телефон, и Рита или Дима объяснили американцам, что я нахожусь на борту «Queen Elizabeth 2». Я ответил радиogramмой, что все в порядке, что вечером 6 октября прибуду в Вашингтон, и попросил забронировать мне номер в отеле «Хилтон», о чем впоследствии пожалел, так как оплата гостиницы приглашенному эксперту сенатской бухгалтерией не предусматривалась.

7 октября я в основном готовил устный доклад. Письменные тексты, объемы которых не регламентировались, и стенографируемые устные доклады входили в протоколы слушаний независимо друг от друга. По моей просьбе мне привезли копии докладов на слушаниях, состоявшихся 24 и 25 сентября и 1 октября. На последнем из них, широко обсуждаемом в прессе, выступал Джордж Мини, президент Американской федерации труда и Конгресса промышленных организаций (AFL–CIO). Джордж Мини был известным консерватором и антикоммунистом. В своем выступлении он подверг критике разрядку и всю политику Киссинджера, Никсона и Форда. Он не хотел расширения торговли с Советским Союзом и предоставления СССР статуса наибольшего благоприятствования. Дешевые товары из СССР полученные «рабским трудом», подрывали, по его мнению, борьбу американских профсоюзов за повышение оплаты труда. В то же время Мини был и против всякой свободы эмиграции. Он хорошо знал, что большая часть эмигрантов из СССР направлялась не в Израиль, а в США, соглашаясь работать здесь за низкую плату. В выступлении Мини было очень много примитивной демагогии. Но она произвела должный эффект на американцев. К концу 1974 года мировой экономический кризис продолжал нарастать. США страдали от очень высокой инфляции, и жизненный уровень рабочих действительно снижался второй год подряд. Эмбарго на продажу арабской нефти резко увеличивало цены на бензин и дизельное топливо, а значительный импорт американского зерна в СССР повышал цены на продовольственные товары для американских семей. Впервые в истории граждане США начинали понимать свою зависимость от других стран, и это совсем их не радовало.

Заседание 8 октября, на котором слушались мои показания, началось в 10 часов утра. Зал заседаний комитета по иностранным делам оборудован таким образом, что эксперт, дающий показания, сидит отдельно лицом к столу председателя и других членов комитета. Между экспертом и сенаторами стоит стол для двух стенографисток. Заседания открытые, но публика и пресса, около пятидесяти – шестидесяти человек, сидят за спиной эксперта, и он их не видит. Кроме сенаторов вопросы эксперту никто не задает. В составе комитета Фулбрайта числилось шестнадцать сенаторов, но кворума не требовалось, так как никакие решения не выносились. Даже если присутствует один председатель, заседание должно состояться. (На слушаниях 21 августа во время дачи показаний Киссинджера присутствовали семь сенаторов.) В заседании 8 октября кроме Фулбрайта участвовали сенаторы С. Пелл (C. Pell) и К. Кейз (C. Case).

Уильям Фулбрайт, пожилой (ему шел семидесятый год), благородного вида джентльмен, тепло представил меня аудитории. Письменный текст доклада вместе с биографической справкой был роздан присутствующим.

В устном вступлении я объяснил, что могу представлять лишь некоторую часть либеральной советской интеллигенции, людей, которые не заинтересованы в эмиграции, а хотят жить в своей стране, имея при этом те же свободы и права, которыми пользуются граждане других, хотя пока еще далеко не всех, стран Востока и Запада. Первые несколько минут я говорил о проблемах эмиграции, объясняя, что Всеобщая декларация прав человека

ООН, на которую ссылаются в этой дискуссии, не подразумевает эмиграцию или иммиграцию, так как эти явления имеют разные причины и регулируются внутренним законодательством любой страны. Правовой для каждого человека является свобода выезда и возвращения. Поправка Джексона, которая настаивает лишь на свободе эмиграции из СССР, реально обеспечивает только интересы Израиля и реализуется в виде необратимой высылки с предварительной потерей гражданства. Более 50 % всех семей, покинувших в последние два года СССР, – это в настоящее время лица без гражданства, живущие на правах беженцев в лагерях ООН для перемещенных лиц и ожидающие разрешения на въезд в США, Канаду, Францию, Австралию и в другие страны.

Вторым разделом моего выступления являлась критика поправки Джексона к американскому торговому договору с СССР. Я объяснил, что многие требования Джексона – например, сокращение сроков охлаждения для пожелавших покинуть СССР работников секретных и военных учреждений и освобождение от призыва на обязательную военную службу членов семей потенциальных эмигрантов – являются слишком очевидным вмешательством во внутренние дела независимой страны и поэтому неизбежно будут отвергнуты. Торговля с США составляет в настоящее время менее 1 % внешней торговли СССР и не является жизненно важной для советской экономики. Я предсказывал, что в случае принятия поправки Джексона к торговому договору этот договор будет просто аннулирован правительством СССР. Вместе с ним потеряют силу и все другие договорные проекты, и холодная война возобновится. Разрядка будет забыта, но от новой конфронтации США могут пострадать больше, чем СССР. Эмиграция из СССР будет сразу же и значительно сокращена. В иной форме об этом говорил ранее и Киссинджер. В моем выступлении были затронуты и многие другие проблемы: цензура прессы, репрессии, возможность политической оппозиции и т. д. Во всех случаях я давал историческую перспективу.

После выступления начались вопросы, часто в форме заявлений, они касались структуры власти в СССР, роли марксистской идеологии, полномочий послов, отношений СССР с Кубой и Китаем, высылки Солженицына и его «Письма советским вождям» и множества других тем. Было задано несколько вопросов по проблемам старения и питания, поводом для них оказалась, видимо, биографическая справка о докладчике. В ходе слушаний общая дискуссия заняла впоследствии больше двадцати страниц.

Слушание закончилось в 12.35. Фулбрайт пригласил меня, двух своих коллег и еще нескольких человек на ланч в служебном ресторане сената. В неофициальной беседе он объяснил, что Джексон очень плохо разбирается в международной политике, но намеренно выдвигает именно невыполнимые условия. Какова в этом случае реальная цель Джексона, оставалось неясным.

Вечер 8 октября я провел с Джереми Стоуном, директором Федерации американских ученых, который организовал в мае мою встречу с сенатором Джексоном. По мнению Стоуна, опытного, профессионального лоббиста, всем процессом изменений во взаимоотношениях США и СССР реально управлял в Вашингтоне американский военно-промышленный комплекс в союзе с Пентагоном.

О моем выступлении в сенате сообщили в вечерних газетах в тот же день: «Советская эмиграционная политика – это высылка, говорит ученый», под таким заголовком вышел репортаж в *The Washington Star-News*. Утренние газеты я покупал уже на междугородной автобусной станции перед отъездом в соседний штат – Северную Каролину. Главной

новостью дня было сообщение из Осло. Нобелевская премия мира за 1974 год присуждена Комитетом норвежского парламента бывшему премьер-министру Японии Эйсаку Сато (Eisaku Sato) и бывшему министру Ирландии Шону МакБрайду (Sean MacBride). Газеты отмечали, что такое решение было неожиданным. Бывший премьер Японии был отмечен премией за присоединение в 1971 году его страны к Договору о нераспространении ядерных вооружений, а МакБрайд – как один из основателей «Эмнести Интернэшнл» и верховный комиссар ООН по беженцам и по Намибии.

Дарем. Университет Дьюка

Между слушаниями в сенате и конференцией Геронтологического общества в Портленде в конце октября образовался разрыв в три недели в результате переноса даты слушаний с 22 на 8 октября. Образовавшийся интервал я смог достаточно быстро заполнить разными визитами и лекциями по приглашениям, которые поступали в течение всего года. Выбор темы обычно предоставлялся лектору, и теперь я исходил из тех, по которым готовился для поездок в Вашингтон и Портленд. В четверг 10 октября у меня было сразу две лекции, днем и вечером, в Университете Дьюка (Duke University), большой кампус которого находился возле Дарема, центра американской табачной индустрии Северной Каролины. Джеймс Дьюк, разбогатевший на табачных плантациях и производстве сигарет, был также знаменитым меценатом. Он создал в 1925 году большой фонд для объединения нескольких местных колледжей в университет.

Первая лекция «Генетические аспекты старения» планировалась днем в университетском Центре по изучению старения и развития человека совместно с Программой по генетике. Приглашение посетить этот университет я получил в начале сентября от директора Центра международных проблем Маргарет Белл (Margaret Bell), основным спонсором в этом случае был профессор кафедры экономики и председатель Русской и Восточно-Европейской программы Владимир Тремл (V. Tremel), с которым мы переписывались с 1973 года. Он был одним из крупных авторитетов в США по советской экономике. Его узкой специализацией были теневая экономика и экономическое значение торговли алкоголем. Тремл был русским и писал мне на русском языке. Но его биографии я не знал. Поскольку он оказался моложе меня, то я понял, что он родился в США. Его интерес к России был, очевидно, семейной традицией. В США, как я убедился позднее, не было полноценных специалистов, глубоко знающих советскую экономику. В действительности изучались лишь ее негативные стороны. Поддержка всех исследований грантами приводила к одностороннему политическому уклону в гуманитарных областях. На изучение каких-либо положительных аспектов социализма получить грант было нереально. Всестороннее изучение экономики СССР осуществлялось лишь в Европе при госбюджетном финансировании университетов.

Вторая, уже общеуниверситетская, лекция «Интеллектуальная жизнь в Советском Союзе и проблемы разрядки» была назначена на вечер того же дня.

На следующий день проводились встречи и обмен мнениями в Центре, которым руководил Владимир Тремл, а также экскурсия по университету и городу. Политическая атмосфера в Университете Дьюка была либеральной, что отражало сельскохозяйственную экономику всего штата, которая специализировалась на выращивании табака, а дальше к югу и хлопка. Промышленность в сравнительно небольших городах была преимущественно

табачной и текстильной. Благополучие населения штата зависело от международной торговли. Советский Союз был одним из важных импортеров американского табака, а с недавнего времени и текстиля. Особую, джинсовую, грубую хлопковую ткань (деним) умели делать пока только здесь.

12 октября к вечеру я приехал из Северной Каролины в Нью-Йорк, остановившись, как и при первом посещении этого города, в отеле «Рузвельт». Моя следующая лекция, опять о проблемах разрядки, политической оппозиции в СССР и поправке Джексона, планировалась в Гарвардском центре науки и международных проблем по приглашению профессора Пола Доти на четверг 17 октября, поэтому несколько дней я мог провести в Нью-Йорке. Каким-либо встреч здесь я не планировал. Все русские издательские центры в Нью-Йорке, ежедневная газета «Новое русское слово», «Новый журнал» и «Хроника прав человека», занимали в текущем политическом диспуте сторону сенатора Джексона, а не Киссинджера, и я не хотел терять время на бесполезные споры. Эмигрантская пресса не умела спорить корректно, по существу, и быстро переходила к обвинениям и оскорблениям. На моем выступлении в сенате 8 октября неизбежно присутствовали сотрудники русской службы «Голоса Америки», радиостанции «Свобода» и, возможно, корреспондент от «Нового русского слова», которые, несомненно, уже подвергли мои показания острой критике. Как я узнал впоследствии, на слушаниях присутствовал и специальный эмиссар от Народно-Трудового союза солидаристов из Франкфурта Авраам Шифрин. В мае в Стэнфордском университете он пытался прервать мою лекцию. Поэтому я навел о нем справки у друзей. Шифрин был ветераном войны. Окончил после войны юридический институт и работал до эмиграции следователем в Тульской области. Он был осужден в 1954 году, по его словам, «за шпионаж в пользу Израиля и США» и после освобождения эмигрировал в Израиль, оттуда переехал в ФРГ и вступил там в НТС. Шифрину, наверное, поручили задать мне на слушаниях несколько вопросов, но регламент заседания не позволил ему этого сделать.

В Нью-Йорке я посетил две выставки, побывал в кинотеатрах и встретился с Патрицией Блейк, журналисткой *Time*, ответственной в нем за проблемы советской культуры и литературы. Я писал в [главе 24](#) о ее работе над биографией Солженицына. Она рассказала, что Солженицын согласился встретиться с нею в Цюрихе в прошедшем августе, однако от регулярного сотрудничества, так необходимого биографу, отказался. В качестве своего биографа он выбрал редактора журнала *Index on Censorship* Майкла Скэммела (Michael Scammell). Преимуществом Скэммела было свободное владение русским разговорным языком. Патриция читала на русском свободно, но разговорным языком владела плохо. Отличное владение русским Скэммел приобрел, по словам Патриции, после двухлетнего обучения в секретной британской школе разведчиков. Патриция, продолжавшая следить за всеми публикациями Солженицына, была сильно разочарована его философско-историческими очерками «Раскаяние и самоограничение» и «Образованщина», опубликованными в сборнике «Из-под глыб» (Париж: YMCA-Press, 1974).

Я не забыл, однако, просьбы Владимира Дудинцева в его письме в июне прошлого года. Он тогда просил меня посетить в Нью-Йорке издательство «Dutton» и поговорить с его новым директором Дж. Макреем III относительно гонорара за американское издание романа «Не хлебом единым». Эта встреча состоялась 14 октября в помещении издательства на Парк-авеню. Макрей, однако, отказывался поднимать старые архивы своего отца. Он подготовил лишь чек на 384 доллара за рассказ «Новогодняя сказка», напечатанный в журнале, но был готов заключить договор с крупным авансом на будущий новый роман.

Моя следующая остановка планировалась в Гарвардском университете в Кембридже. Снова, как и в апреле, меня пригласил в университет профессор Пол Доти, директор Центра международных проблем. Я познакомился с ним еще в 1961 году на Биохимическом конгрессе в Москве. В Гарвардском университете он руководил кафедрой биохимии и молекулярной биологии, однако очень серьезно и профессионально занимался проблемами сокращения ядерных вооружений и был официальным советником президента США. Показаниям профессора Доти и его коллеги профессора химии Гарвардского университета Джорджа Кистьяковского (George Kistiakowsky) было посвящено отдельное заседание слушаний комиссии Фулбрайта 12 сентября по гарантиям разоружения, которые обеспечивались проектом договора SALT-1.

Моя лекция 17 октября в восемь вечера была из серии *Jodidi Lecture*, которую основал меценат, выделив на это какой-то грант, и состоялась она в аудитории Открытого дома (Open House). Присутствовало около двухсот человек, в основном сотрудники, а не студенты. Местная газета *The Harvard Crimson* поместила на следующий день отчет о ней на первой странице под не очень точным заглавием: «Soviet Scientist Blasts Jackson on Trade Bill» («Советский ученый обрушился на Джексона и закон о торговле»).

В субботу и воскресенье я оставался в Кембридже. Отсюда мне предстояла поездка поездом в Буффало, индустриальный город на северной границе штата Нью-Йорк вблизи Ниагарского водопада.

Утром в субботу позвонил в гостиницу профессор Доти. «В “Нью-Йорк Таймс” опубликован обмен письмами между Киссинджером и Джексоном, – сообщил он, – кажется, проблема с разрядкой разрешена. Посмотрите, я хочу знать ваше мнение, вечером встретимся...» Я вышел, чтобы купить газету. Но нашел ее не сразу. *The New York Times* – безусловно, лучшая и самая большая газета мира. В субботу она выходила, наверное, на ста страницах, а в воскресенье еще больше (весила до трех килограммов). Но ее развозили в багажном отделении автобусов и продавали не по всей Америке, а в основном в штате Нью-Йорк и по Восточному побережью. В Бостоне и Кембридже она появлялась поэтому позже местных газет. Газеты в США продавались не в киосках, а в полуавтоматах. В обычные дни надо было опустить в них 10 центов, в субботу – 25, в воскресенье – 50, затем открыть окошко и взять верхний номер из стопки.

Сообщение об обмене письмами между Киссинджером и Джексоном публиковалось на первой странице, но полные тексты писем мелким шрифтом воспроизводились в международном разделе. Я их вырезал и храню до настоящего времени.

Поправка Джексона. Соглашение, которого не было

Обмен письмами между государственным секретарем и сенатором Джексоном произошел 18 октября, однако по содержанию письма Киссинджера видно, что оно было подготовлено несколько раньше. 9 октября Киссинджер улетал в Египет, это было началом его поездки по Ближнему Востоку. Ему предстояло посетить семь стран, и он возвращался в Вашингтон лишь 17 октября. Может быть, он и смог прочитать уже в пятницу ответ Джексона, но вряд ли успел одобрить публикацию текстов писем, создававшую впечатление согласованного обмена. По содержанию этого обмена необходимо было бы и третье

письмо – проясняющий ответ Киссинджера Джексону, так как между двумя письмами от 18 октября наблюдалось явное несоответствие.

Киссинджер в общих чертах информировал Джексона о том, что советское руководство обещало прекратить какую-либо дискриминацию в отношении лиц, высказавших намерение эмигрировать из страны, и будет действовать в строгом соответствии со своими законами. Подавших заявления на эмиграцию не будут увольнять с работы или понижать в должности. Однако эта практика не может распространяться на тех, кто работает в секретных или военных учреждениях, так как существует законная система лишения потенциальных эмигрантов допуска к секретной информации. Эмиграционный налог, уже отмененный ранее, не будет реактивирован. Общее количество выдаваемых эмиграционных виз будет увеличиваться от уровня 1973 года, когда оно достигло максимума в 34 000, пропорционально числу заявлений на эмиграцию.

Киссинджер выражал уверенность в том, что уступки, которые сделаны руководством СССР в результате действий сената и администрации США и сформулированы в настоящем письме, «приведут к нормальным торговым отношениям между США и СССР ко взаимной пользе обеих стран». Выполнение условий соглашения будет проверяться каждый год.

Ответ сенатора Джексона, опубликованный газетой, был сформулирован, однако, в виде условий, конкретизирующих необходимые уступки.

«...Наше понимание отказа от репрессивных мер состоит в том, что по отношению к желающим эмигрировать и членам их семей не будет осуществляться призыв на военную службу... взрослые люди, желающие эмигрировать, не должны будут получать на это согласие своих родителей или других родственников... для тех, кто пожелал эмигрировать, но имел доступ к действительно секретной информации, задержка в получении разрешения на эмиграцию не будет превышать трех лет с того момента, когда они утратили доступ к такой информации... Мы понимаем, что число эмиграционных виз будет быстро расти... минимальным количеством выданных виз, которое будет считаться выполнением условий договоренности, должно быть 60 000 в год... причем этот контрольный показатель не должен включать лиц, которые эмигрируют в страны Европы по договоренности с их правительствами...» (Это был намек на относительно свободную эмиграцию советских немцев Поволжья в ФРГ. Потенциальное число таких эмигрантов приближалось к миллиону.)

П. Доти пригласил меня на вечер в ресторан, чтобы обсудить значение этого прорыва. Он был уверен, что поправка Джексона теперь не пойдет на утверждение в сенат как излишняя и что все договоренности по сокращению стратегических вооружений, достигнутые Никсоном и Киссинджером, будут ратифицированы. Я, напротив, попытался объяснить, что обмен письмами – это попытка Джексона и его спонсоров вызвать досрочный протест со стороны советских лидеров, которые условий Джексона не принимали и принять не могут. По тактическим соображениям Джексону было важно, чтобы руководство СССР публично отвергло те ранее не публиковавшиеся конкретные условия для разрядки, которые не расшифровывались в самой поправке. Такой протест советских лидеров делал неизбежным голосование в сенате и увеличивал большинство в пользу поправки. Письмо Джексона означало похороны разрядки с возможностью обвинить

в этом советское руководство.

Между тем обмен Киссинджера и Джексона письмами, опубликованными 19 октября, вызвал ликование в Израиле и среди советских диссидентов. Правительство Израиля начало обсуждать срочную программу строительства домов и поселений для размещения большого потока эмигрантов из СССР.

Академик Сахаров, бывший одним из главных сторонников поправки Джексона, продиктовал 21 октября по телефону в «Хронику Пресс» в Нью-Йорке «Открытое письмо Генри Джексону и Генри Киссинджеру», которое публиковалось под заголовком «Благодарность моих соотечественников». Сахаров ошибочно воспринимал обмен письмами 18 октября как «соглашение между конгрессом и правительством США о принципах предоставления статуса наибольшего благоприятствования», назвал это соглашение «историческим актом, крупной победой свободолюбивых традиций американского народа», которое, заявляет он, «вызывает у меня и многих моих соотечественников огромное восхищение...» (Посев. 1974. № 12. С. 14–15).

Однако никакого соглашения не было. Возник лишь повод для отмены всех прежних, действительно исторических соглашений. Принятие сформулированных Джексоном минимальных требований потребовало бы изменения советского законодательства. Обязательная военная подготовка для всех граждан мужского пола с восемнадцати лет традиционно являлась в СССР конституционной нормой. Право престарелых или больных родителей на помощь от взрослых детей определялось законодательством. Для работников некоторых секретных отраслей, например в области военной авиации и ядерных технологий, статус невыездного лица, независимо от эмиграционных намерений, сохранялся для них по закону шесть лет. Допуск к документам с грифами «Государственная тайна» или «Совершенно секретно» создавал ограничения для выезда из страны и на проживание в СССР в пограничных районах в течение десяти, а иногда и пятнадцати лет. В некоторых секретных учреждениях и в государственных и партийных архивах вообще не существовало сроков давности. Менять все эти нормы в связи с поправкой Джексона никто не собирался.

Западная пресса рассматривала обмен письмами как результат какого-то соглашения, о котором вскоре будет сообщено. Между тем советская пресса хранила по этому поводу полное молчание.

Как стало известно, позже Андрей Громыко направил Киссинджеру письмо с решительным протестом по поводу интерпретации Джексоном уступок СССР, однако оно было помечено как конфиденциальное. Громыко резонно отмечал, что конкретное число эмигрантов в Израиль никогда не было предметом переговоров. Киссинджер молчал, полагая, очевидно, что Москва выдвинет свои возражения открыто. Был в растерянности и Джексон, он не знал, следует ли оставлять поправку в торговом билле или нет. В итоге закон о торговле и поправка Джексона к этому закону принимались сенатом 20 декабря отдельно. Джексон в своем выступлении в сенате заявил, что советская сторона приняла сформулированные им условия. Это была ложная информация, но она обеспечила поддержку сената. За новый торговый закон голосовали 77 сенаторов, против него только 4. За поправку Джексона голосовали 88 сенаторов. Президент Форд не имел права на вето и подписал закон, вводя его таким образом в силу. Лишь через три недели, 12 января 1975 года, госдепартамент США получил заявление правительства СССР о том, что оно считает соглашение о торговле и кредитах, подписанное в 1972 году Никсоном и Брежневым, недействительным в связи с добавленной к нему поправкой Джексона. *The New York Times*

прокомментировала 19 января такое развитие событий как «торговое фиаско». В редакционной статье ответственность за это фиаско возлагалась на Джексона, который переиграл и связал руки администрации, единственно уполномоченной на ведение международных переговоров.

От поправки Джексона пострадала прежде всего эмиграция из СССР. В 1973 году из СССР эмигрировали 34 700 человек. В 1975 году был разрешен выезд лишь 13 000. На этом уровне эмиграция продолжалась до 1978 года. Сильно пострадали и все другие сферы сотрудничества СССР и США: почти прекратился культурный обмен, упал торговый оборот и холодная война приобрела новые, более конфронтационные формы. Усилилась и гонка вооружений. Новые возможности переговоров возникли только между президентом Рейганом и Горбачевым в 1985 году. Однако поправка Джексона оказалась настолько крепко вопреки здравому смыслу привязана к торговому законодательству США, что даже в апреле 2012 года, когда я написал эту главу, она сохраняла силу в отношениях между США и Россией. После распада СССР эту поправку распространили на Беларусь, Узбекистан, Казахстан и другие страны СНГ, кроме Украины, Грузии и Армении.

Буффало – Кливленд

Из Кембриджа я уезжал в понедельник 21 октября в Буффало, индустриальный город на северо-западе штата Нью-Йорк. В местном филиале Нью-Йоркского университета кафедрой клеточной и молекулярной биологии заведовал профессор Мортон Ротштейн (Morton Rothstein), с которым я переписывался и обменивался отпечатками статей с 1960 года. Ротштейн был наиболее крупным в США специалистом в области биохимии старения. Он как и я, обращал особое внимание на возрастные изменения белковых ферментов и нуклеиновых кислот. Объектом исследований Ротштейна были простейшие черви, нематоды. Их преимущество состояло в том, что весь цикл жизни, от рождения до смерти, продолжался лишь четыре недели. Ротштейн давно приглашал меня в Буффало, и в конце августа я сообщил ему, что удобной для меня датой может быть последняя декада октября. Мой семинар по молекулярным аспектам старения был назначен на 22 октября.

Буффало, о котором я раньше почти ничего не знал, оказался довольно крупным индустриальным городом и портом на восточном берегу озера Эри. Здесь был крупный металлургический комплекс, однако сталелитейный завод недавно закрылся из-за кризиса, население страдало от безработицы. На следующий день Ротштейн повез меня на экскурсию к Ниагарскому водопаду, главной туристической достопримечательности Северной Америки, которую делили между собой США и Канада. Незримо для туристов, этот очень высокий водопад крутил где-то в нижней своей части турбины самой большой в мире гидроэлектростанции.

Утром 24 октября по железной дороге вдоль южного берега озера Эри я отправился в Кливленд, расположенный на том же берегу, но уже в соседнем штате Огайо. В Кливленд меня еще с 1973 года приглашал профессор медицинской генетики Артур Штейнберг (Arthur Steinberg), с которым я встречался в Москве в 1963 году. Он тогда приезжал в СССР, чтобы познакомиться с состоянием медицинской генетики, в то время еще не легализованной. В тот приезд Штейнберг помог мне переслать в США большой обзор по нуклеиновым кислотам и старению для первого тома новой серии обзоров «Advances in Gerontological Research» («Достижения в геронтологических исследованиях») издательства «Academic

Press», который должен был выйти в 1964 году. Второй раз Штейнберг приезжал в Москву с женой в 1965 году, когда положение в области медицинской генетики в Советском Союзе уже значительно изменилось к лучшему. Характеристика состояния генетики в СССР и возрождение исследований по наследственным болезням человека были теперь предметом моей лекции в Медицинском центре университета. Название университета, Case Western Reserve, стоявшее на письмах, было мне непонятно. Лишь приехав в Кливленд, я узнал, что это частный, в основном исследовательский, университет, основанный в 1826 году Леонардом Кейсом (Leonard Case). Супруги Штейнберги поселили меня в своем доме. Трудности для развития медицинской генетики существовали, к моему удивлению, и в США. Проблема состояла в том, что некоторые очень редкие наследственные болезни и аномалии и прирожденные инфекции встречались преимущественно у отдельных этнических групп, прежде всего у выходцев из Африки и Азии. Редкие генетические болезни крови были распространены лишь у афроамериканцев, наследственный диабет – у индийцев из бенгальских штатов Индии, гепатит, цирроз и рак печени преобладали среди китайских иммигрантов и индейских аборигенов. В то же время в США в это время было политически неприемлемо связывать те или иные хронические дефекты здоровья с этническим происхождением. Многочисленные генетические аномалии гемоглобина крови являлись результатом тысячелетнего отбора на устойчивость к малярии. Аномалии гемоглобина хуже переносили кислород, но создавали иммунитет к малярийному плазмодию. Это обеспечивало выживание людей во влажных тропиках, но оказывалось дефектом в Северной Америке. Однако религиозные американцы хотели распространить принцип равенства всех рас и на проблемы наследственности.

Портленд

Из Кливленда через Чикаго я уже следовал в Портленд. Во время первого турне по Америке я пересекал ее с востока на запад по южному маршруту, мой поезд прибывал в Лос-Анджелес. Теперь я двигался по северной линии, проезжая через Северную Дакоту, Монтану, Вашингтон и часть Орегона. На юге были пустыни и прерии, здесь – леса, горные склоны и быстрые реки. В штате Вашингтон железная дорога шла вдоль берега знаменитой реки Колумбия. В Москве еще в 1946 году был переведен и издан отдельной книгой и большим тиражом официальный американский отчет «Атомная энергия для военных целей», известный как отчет Смита. Я, тогда еще студент, купил эту книгу и с большим интересом прочитал. Глава о производстве плутония, нового элемента, и об урановых котлах была особенно интересной. Теперь я вспоминал, что главный центр производства плутония был построен именно на берегу многоводной реки Колумбия, чтобы быстро выносить загрязненную радионуклидами воду, охлаждавшую котлы, в океан. Наш поезд шел вдоль левого берега. На правом берегу находилась знаменитая секретная Хэнфордская резервация, главный центр США по производству плутония для атомных бомб. Плутоний, нарабатанный в первом построенном здесь реакторе, разрушил Нагасаки. К концу 1945 года здесь работали на полную мощность три больших реактора, тогда называвшиеся котлами. К 1970 году в Хэнфорде находились десять реакторов и радиохимические заводы по выделению плутония. К началу переговоров Никсона и Брежнева о сокращении количества атомных и термоядерных бомб и зарядов в США имелось почти 50 тысяч плутониевых зарядов, в СССР больше 30 тысяч, произведенных в секретных центрах на Урале и в Красноярском крае. От

штата Вашингтон был избран в сенат и Генри Джексон, ставший председателем сенатского подкомитета по вооружениям. Ни Джексону, ни атомной промышленности штата никакая разрядка не была нужна, тем более во время экономического кризиса. Потеря работы была для них намного страшнее.

27-я ежегодная конференция Американского геронтологического общества открывалась в Портленде 28 октября в отеле «Хилтон». Большие отели США приспособлены для различных конференций и других собраний, нередко с участием тысяч человек. Конференц-залы и специальные аудитории для симпозиумов предусмотрены в проектах при строительстве крупных отелей. В СССР и Европе большие конференции проводятся обычно в зданиях университетов, и поэтому назначают их на летнее время, в период студенческих каникул. В США, где различные массовые собрания происходят намного чаще, гостиницы оказались для них более удобной базой, так как большинство американских университетов, расположенных в изолированных кампусах, не приспособлены для массовых мероприятий. Большой конференц-зал, в котором состоялось открытие геронтологической конференции, был пристройкой к зданию «Хилтона». В полутора тысячах номеров отеля разместились ее участники. Аудитории для заседаний секций и симпозиумов занимали первые три-четыре этажа здания. Такая система облегчала участникам переход из одного зала заседаний в другой. Ресторан со стеклянными стенами и крышей находился на верхних этажах, что позволяло посетителям обозревать бухту и морской порт. Портленд вышел победителем в конкуренции с портами Западного побережья благодаря введению контейнерной погрузки и отобрал весь бизнес у Сан-Франциско.

Мой доклад по проблемам долголетия на открывавшем конференцию симпозиуме прошел успешно. Его краткое изложение с фотографией докладчика появилось на следующий день в местных газетах. Во вторник 29 октября я выступал на симпозиуме по эволюционным вариациям видовой продолжительности жизни. Это был единственный на конференции симпозиум по биологическим проблемам, на большинстве заседаний обсуждались медицинские и социальные аспекты старения. Я был очень рад встретить на конференции и многих старых друзей. Геронтологический центр в Балтиморе уже превратился в Национальный институт старения (NIA), и геронтология как научная дисциплина выходила на новый уровень. 1 ноября я отправлялся на восток, но немного другим маршрутом. Один день был отведен на осмотр знаменитого Сиэтла, куда я приехал на автобусе по прибрежной автостраде. В начале ноября у меня в программе были еще две лекции: «Генетические аспекты старения» и «Интеллектуальная оппозиция в СССР» в Корнеллском университете в Итаке. После этого я отплывал из Нью-Йорка в Европу, на этот раз на лайнере «Raffaello» итальянской линии.

Итака. Корнеллский университет

В понедельник 4 ноября мне предстояла первая лекция в Корнеллском университете по приглашению директора Колледжа сельскохозяйственных и биологических наук, профессора Р. Д. О'Брайена (R. D. O'Brien). Вторая лекция (предложение прочитать ее поступило от президента университета Дейла Корзона (Dale R. Corson) перед самым моим отплытием из Англии), об интеллектуальных диссидентских течениях в СССР, планировалась на 6 ноября как общеуниверситетская в серии лекций по эволюции цивилизаций. Между ними было несколько менее формальных бесед и дискуссий. Железная дорога не подходила близко к

Итаке, поэтому мне пришлось выйти в крупном городе Рочестер, на берегу озера Онтарио, и добираться до Итаки автобусом с двумя пересадками. Итака относится к штату Нью-Йорк, но находится от нью-йоркского порта не менее чем в 250 км. На карте, которую я купил давно еще в Лондоне, Итаки вообще не было. В этом университетском городке насчитывалось тогда около 25 тысяч жителей. Моя непредусмотрительность создавала проблему, так как лайнер «Raffaello» уходил из Нью-Йорка в Италию утром 7 ноября. Я, однако, успокоился, когда узнал, что поздно вечером из Итаки отправляется в Нью-Йорк рейсовый автобус.

Корнеллский университет, основанный более ста лет назад не слишком богатым Эзрой Корнеллом (Ezra Cornell), подарившим под университет свою ферму, был давно мне известен по многим важным биохимическим открытиям и монографиям, издававшимся университетским издательством.

Лекция-коллоквиум по старению прошла спокойно. А вот лекция об интеллектуальных диссидентских течениях в Советском Союзе вызвала активную дискуссию. Общеуниверситетские лекции, открытые для публики, назначаются обычно на вечер, а обед в честь лектора предшествует лекции. Хотя тема была той же, что и в Стэнфордском университете в мае, теперь я несколько переставил акценты. Подготовка доклада по разрядке в сенатском комитете и вся дискуссия по поправке Джексона, безусловно, оказали влияние. Поэтому я расширил общее понятие «интеллектуальные диссиденты», включив в эту категорию не только писателей и знаменитостей, таких как Солженицын и Сахаров, но и ученых, которые отстаивали не столько политические, сколько моральные и этические принципы, часто в одиночку, не имея международного публицити, которое могло бы обеспечить им защиту. Такие люди известны в народе как правдолюбцы, праведники или добролюбцы. Само понятие «диссидент» рождено в США и не отражает реальностей и возможностей идеологического однопартийного общества. В СССР государство являлось монопольным работодателем не только на заводах и фабриках, но и в университетах, академиях и институтах. Альтернатив государственной службе не существовало. Я привел в качестве примера судьбу своего обнинского друга, профессора Анатолия Анатольевича Войткевича, заведующего лабораторией нейроэндокринологии в Институте медицинской радиологии, члена-корреспондента АМН СССР и автора восьми книг. Он очень часто конфликтовал с местной администрацией в Обнинске по поводу нарушений норм выбросов в окружающую среду радиоактивных отходов из Радиохимического и Физико-энергетического институтов. Таких случаев было много, но они скрывались благодаря секретности. Партийная и городская администрация, включая и службу радиологического контроля, их игнорировала, чтобы «не портить репутацию города». Войткевич справедливо конфликтовал и с Киевской железной дорогой по поводу отсутствия безопасного подземного перехода через нее со стороны растущего города, что приводило к жертвам. В частности, погиб под скорым поездом заведующий отделом физиологии нашего института В. С. Черкасов. «Можно ли называть Войткевича диссидентом? – спрашивал я аудиторию. – Он не обращался ни в ООН, ни в конгресс США, не собирал пресс-конференций». Но местное диссидентство могло быть более опасным, чем московское. Войткевича в итоге уволили из института. Уволили и его жену, старшего научного сотрудника. Заодно упразднили и лабораторию, которую он создал. Сокращение штатов и реорганизацию нельзя, согласно закону, оспаривать в суде. В издательстве «Медицина» рассыпали набор монографии Войткевича. Конец этой истории был весьма печален: осенью 1969 года, продержавшись без

работы около года, профессор Войткевич покончил жизнь самоубийством.

Аудитория была большой, вопросов задавали много. Слушатели явно ожидали проамериканскую лекцию и хотели разъяснений. Между тем стрелка часов в зале приближалась ко времени отправления последнего автобуса. В гостиницу я вернулся очень поздно. Пришлось вызвать такси.

До Нью-Йорка мы ехали больше четырех часов. Для экономии бензина скорость всех машин, даже на магистральных шоссе, была ограничена 55 милями в час. В Нью-Йорке автобус подъезжал прямо к причалу Итальянской линии. Посадка на лайнер еще не начиналась.

Открытое письмо Чуковской и Копелева

К вечеру 7 ноября, устроившись в кресле на верхней палубе, я включил негромко небольшой транзисторный радиоприемник, который брал с собой во все путешествия, и на короткой волне 19 м настроился на «Последние известия» Би-би-си. После сообщений о параде на Красной площади в Москве вдруг услышал знакомые имена:

«...Агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл сообщает, что 6 ноября ведущие диссиденты и писатели Лидия Чуковская и Лев Копелев в открытом письме Жоресу Медведеву заявили, что он, вступив в полемику с Сахаровым, стал пособником гонителей, пособником тех, кто разрушает надежды нашей интеллигенции... Писатели заявляют, что Медведев приехал в сенат США и в Нобелевский институт, чтобы лоббировать против присуждения Сахарову Нобелевской премии мира...»

Я был изумлен. Я был доверенным лицом и Чуковской и Копелева, помогал им в получении гонораров, выполнял разные просьбы и постоянно посылал им лекарства и книги. Копелев был близким другом Роя. Оба они эмоциональны, нетерпеливы и способны на резкие высказывания, но только в личных спорах. Написать «открытое письмо» Медведеву и передать его западным журналистам они не могли, тем более вдвоем. Я стал искать программы на русском языке, радиостанция «Свобода» не могла пройти мимо такого материала. Минут через тридцать нашел и передачи «Свободы» из Мюнхена:

«...передаем специальный комментарий и пересказ содержания письма писательницы Лидии Чуковской и литературоведа Льва Копелева, в котором они подвергли критике некоторые высказывания проживающего в Англии советского биолога Жореса Медведева... Письмо было получено нами от агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл... распространено среди аккредитованных в Москве иностранных журналистов... мы передаем письмо в обратном переводе с английского... “Многоуважаемый Жорес Александрович!.. Мы исходим из того, что вы сказали в вашей речи перед сенатом США 8 октября... Текст ваших показаний в сенате США подтвердил наши печальные опасения... Вы не сказали ни в Осло, ни в США, что Сахаров – капитан спасательной станции единственной спасательной экспедиции, действующей в нашей стране, что он достойнейший кандидат на премию мира. А заявить это, когда речь зашла о Сахарове, был ваш

долг. Вы от этого долга уклонились...”»

«Свобода» два раза повторяла это сообщение на следующий день, 8 ноября. Комментировал текст Анатолий Кузнецов, бывший советский писатель, автор романа «Бабий яр», попросивший политического убежища в Великобритании во время командировки в 1969 году.

Понять, что произошло, я не мог. Копелев часто присылал мне конфиденциальные письма с разными просьбами, которые приходили в институт с марками ФРГ. Ему обеспечивали этот канал связи немецкие друзья. У Чуковской таких каналов не было. Она вела переписку обычной почтой, отправляя свои письма как заказные. Получить ответ на возникшие вопросы и загадки можно было лишь по возвращении в Лондон. С итальянского лайнера я сошел на берег 11 ноября в Генуе.

Лидия Чуковская и Лев Копелев

В Лондон я вернулся в среду 13 ноября. 15 ноября начиналась моя штатная работа. В институте меня ждало множество писем и бандеролей. Рой продолжал пересылать в Лондон книги из нашей научной и общей библиотеки, к ноябрю 1974 года мы получили уже около пятисот книг. Почта на мое имя приходила обычно в институт, письма для Риты и Димы доставляли на наш домашний адрес.

Среди писем, пришедших в институт, я нашел и конверт от Копелева с маркой ФРГ. Письмо, датированное 19 октября, было отправлено из Франкфурта-на-Майне 25 октября и пришло в Лондон 27 октября.

У Льва Зиновьевича Копелева была давняя дружба с Генрихом Бёллем, который в 1972 году удостоился Нобелевской премии по литературе. Копелев, ветеран войны и реабилитированный узник лагерей, был литературоведом-германистом, автором книг о Генрихе Гейне, Генрихе Манне, Бертольте Брехте и о других немецких классиках. Однако осенью 1968 года его исключили из КПСС и Союза писателей за открытую критику вторжения советской армии в Чехословакию. Теперь его работы никто не публиковал. К 1973 году Копелев со своей женой Раисой Орловой, тоже литератором, сильно нуждались, и немецкие друзья регулярно присылали им посылки, приходившие в посольство ФРГ в Москве. Атташе посольства по культуре присылал Копелеву формальные приглашения, которые позволяли ему посещать посольство без всяких проблем. Тот же атташе отправлял письма Копелева друзьям в Германию дипломатической почтой. По этому каналу Копелев обеспечивал и конфиденциальную переписку Солженицына с его адвокатом и немецкими издателями.

Я познакомился с Копелевым в 1962 году, в связи с хождением моей рукописи «Биологическая наука и культ личности». В том же году и по той же причине я познакомился и с Лидией Корнеевной Чуковской. Рой знал Копелева с 1964 года и регулярно с ним встречался. Лев Зиновьевич, в отличие от Чуковской, был очень общительным человеком. Копелева и Чуковскую объединяла в основном дружба с Солженицыным. Активной правозащитной деятельностью, за пределами литературных кругов, они не занимались. С Сахаровым Чуковская и Копелев познакомились лишь осенью 1973 года, когда против академика началась газетная кампания. После моего отъезда в Лондон у нас продолжалась переписка, письма от Копелева приходили из ФРГ, а от Чуковской – обычной почтой, но как заказные.

Письмо от моих друзей на шести страницах оказалось необычным во многих отношениях. Вместо прежнего «Дорогой» они писали «Многоуважаемый». Письмо было ответом на то, что, как пишут его авторы, они прочитали в тексте моей речи перед сенатом США 8 октября. Однако из письма было видно, что подлинного текста моего выступления в одном из комитетов сената они не видели и действительно полагали, что я выступал с речью перед всеми сенаторами. Оскорбившие меня фразы: Медведев оказался «пособником гонителей Сахарова» и «разрушает надежды нашей интеллигенции», «Сегодня Вы помогаете не жертвам, а палачам» – в письме присутствовали. Были и высокопарные фразы о Сахарове: «один из величайших людей, когда-либо рожденных Россией», «в политическом споре с

Сахаровым нельзя забывать о нравственном величии оппонента» – совершенно ненужные в частном письме, тем более что я знал Сахарова намного дольше и вел с ним переписку до осени 1973 года.

«Мы написали это письмо непосредственно Вам и только Вам – и покажем его лишь немногим из своих близких друзей... Нам было бы больно, если бы Ваши новые выступления вынудили и нас выступить против Жореса Медведева открыто». Последняя фраза была совершенно неприемлемой угрозой и делала продолжение дружеских отношений невозможным. Это тем более относилось и к их рекомендации: «Ваш разум и Ваша совесть помогут Вам с достоинством исправить ошибки, совершенные Вами в запальчивости или из-за отсутствия сведений».

Для частного письма такая декларативность была излишней.

Письмо, судя по стилю, было написано Чуковской, но не без внешнего влияния, и отпечатано на ее пишущей машинке. Лев Копелев его подписал и отправил. Я ответил обычной почтой, в умеренно резкой форме, отметив, что их якобы конфиденциальное письмо уже передавалось, и на английском и на русском, западными радиостанциями 7 ноября. Изложение «Открытого письма», «переданного в Москве западным корреспондентам», было опубликовано 7 ноября и в газетах, в частности в лондонской *The Guardian* под заголовком «Nobel award Discouraged by Medvedev» («Нобелевскую премию не поддерживает Медведев»). Каким образом частное письмо стало «открытым», я выяснить не смог. Я подчеркиваю, что реального текста моего выступления в комитете Фулбрайта они явно не читали. О Сахарове я нигде, ни в Осло, ни в Вашингтоне, не говорил и проблемы Нобелевской премии не обсуждал. Но это не значит, что я одобряю сахаровское «Письмо конгрессу» и другие его заявления по поводу разрядки и поправки Джексона.

В накопившейся в институте почте было и конфиденциальное письмо от Роя, датированное 25 октября и с австрийской маркой. Это указывало на то, что Рою помог его отправить дипломатической почтой Питер Оснос (Peter Osnos), московский корреспондент газеты *Washington Post*, сменивший в середине 1974 года Роберта Кайзера. Рой отвечал на мою открытку из Вашингтона, отправленную 9 октября:

«Л. З. и Л. К. послали тебе частное письмо по поводу доклада в Конгрессе. Мне они дали прочесть это письмо, я считаю, что оно неприемлемо ни по форме, ни по содержанию. Это истерическое дамское письмо вполне в духе жены Сахарова, из разговоров с которой и почерпнуты, вероятно, его основные идеи. Я сказал все это Л. З. (Л. К. я вообще не знаю и никогда не встречал). От Л. З. я не ожидал подобных писем».

Я написал Рою письмо и приложил к нему копию моего ответа Чуковской и Копелеву. Открытый конверт, подписанный «Для Роя», я обычно вкладывал в письмо, адресованное Питеру Осносу, но не в Москву, а в Хельсинки. Конверт (или в других случаях бандероль) надписывались так: «Peter Osnos, The Washington Post, Post Box M. American Embassy, Helsinki, Finland». Обратным адресом ставился лондонский офис той же газеты. Для бандеролей Роберт Кайзер, часто бывавший в Лондоне, оставил мне пачку фирменных адресных наклеек своей газеты. Это облегчало прохождение писем и бандеролей через американскую посольскую цензуру. Из Хельсинки в Москву почти каждый день отправлялся запломбированный железнодорожный вагон с почтой и посылками, нередко

продовольственными, от родных и друзей сотрудников посольства США в Москве. Из Вены дипломатическая почта отправлялась в Москву самолетом в сопровождении дипкурьера. Разгрузка американского вагона в Москве производилась советскими рабочими, и кое-что поэтому могло пропадать.

Рой ответил мне в письме от 29 ноября, что Копелева увидеть не смог, так как он лежал в больнице с воспалением легких. Далее Рой писал:

«Его жена Раиса Орлова объяснила мне по телефону, что сообщение об открытом письме пошло в эфир от агентства Франс Пресс, причем это агентство получило в Москве текст на одной странице (вместо шести) без начала и конца и без всяких оговорок. Это было чье-то изложение, составленное по памяти после прочтения. Я почему-то думаю, что это сделала жена А. Д. (Андрея Дмитриевича. – Ж. М.) – у нее связь со всеми корреспондентами...»

Ответ от Лидии Корнеевны, датированный 5 декабря, пришел заказным письмом. Это был целый памфлет на семи страницах с множеством высокопарных фраз и с уверениями в том, что с текстом подготовленного Медведеву письма они «ни разу не разлучались. Если выносили из дому, то давали читать при себе и сами уносили обратно. Ни один экземпляр никем не был скопирован». «Я лично, – писала Чуковская, – показала свой четверем людям, включая А. Д. и его жену...

Что же случилось?.. Случилось несчастье. Мы и Вы – преданы, проданы, обмануты и вываляны в грязи...

Подслушавшие аппараты? Они умеют подслушивать, но не умеют вставлять того, о чем не говорилось. Стало быть – люди... Возле». Это «возле» означало, что Лидия Корнеевна имела в виду кого-то из своих знакомых.

Объяснительное письмо от Копелева, датированное 10 декабря, пришло из ФРГ. Он сообщал, что распространителем «фальшивки» «был некто Владимир Вишневский, французский гражданин русского происхождения, сотрудник Франс Пресс...» «Текст фальшивки, – пишет Копелев, – мы тоже прочли и убедились, что в нем присутствуют лишь несколько отрывков фраз из подлинного письма: остальное – нарочито грубый искажающий пересказ».

Копелев предположил, что вся эта история является провокацией КГБ, который подслушал их разговоры при подготовке «Письма Медведеву».

Я не стал отвечать ни Чуковской, ни Копелеву. Моя переписка с ними полностью прекратилась. Оправдываясь, они вводили меня в заблуждение. Агентство Франс Пресс и его бывший корреспондент Вишневский не имели к передаче в эфир и в прессу текста Чуковской и Копелева никакого отношения. Весь этот материал распространялся вечером 6 ноября на английском языке американским агентством Юнайтед Пресс Интернэшнл (UPI) самым крупным в мире агентством новостей, штаб-квартира которого находилась в Вашингтоне. В Лондоне репортаж в *The Guardian*, лейбористской газете, подготовил Джонатан Стил (Jonathan Steel), с которым я уже был знаком. В Англии подобного рода материалы проверяются на достоверность, чтобы избежать возможного суда за клевету.

Я позвонил Джонатану, прежде чем отправить ответы Копелеву и Чуковской. Он мне объяснил, что получил текст из лондонского отделения UPI 6 ноября и его заверили, что у них есть русский оригинал, полученный 6 ноября их московским корреспондентом от

надежного источника. Имена источников агентствами новостей никогда не раскрываются. В репортаже *The Guardian* также сообщалось: «Меньше года назад Чуковская, автор преимущественно книг для детей, назначила д-ра Медведева своим агентом на Западе и просила, чтобы все ее гонорары поступали к нему». Эти сведения могли исходить только от Чуковской. Три цитаты из письма Чуковской и Копелева, которые Дж. Стил приводил в своей статье, полностью соответствовали оригиналу. Это относилось и к последней фразе-рекомендации, которую я процитировал выше.

Станным для меня казалось вообще обсуждение этой мелкой, частной истории в радиопередачах и в серьезных газетах, читатели которых не могли знать ни Копелева, ни Чуковскую. Их письмо – это не событие для международной прессы, тем более 7 ноября. Протоолкнуть ее в разряд сенсаций дня могли лишь заинтересованные и известные люди, пожелания которых западные корреспонденты в Москве привыкли выполнять.

В *The Guardian* я написал короткое письмо, которое было опубликовано 4 декабря в разделе «Письма в редакцию» под заголовком «Nobel Noble or ignoble?». Я не спорил с содержанием статьи Дж. Стила, а лишь отметил, что письмо моих друзей, датированное 19 октября, было сугубо конфиденциальным, а не открытым и попало через две недели к журналистам в Москве странным путем.

Полной разгадки этой истории нет и до настоящего времени.

С Л. З. Копелевым Рой, а затем и я восстановили отношения. Он был благородным человеком и принес мне свои извинения. У него, кроме того, как сообщал Рой, обострилась аденома предстательной железы, и ему срочно требовались лекарства. Сыграло некоторую роль и распространявшееся в самиздате стихотворение о Копелеве, написанное Евгением Евтушенко летом 1974 года в Коктебеле:

Допотопный человек

Человек седой, но шумный,
очень добрый, неразумный,
отчего он, молодой,
с громогласными речами,
с черносливными очами
и библейской бородой?

Раскулачивал в тридцатых,
выгребая ржи остаток
по сараям, по дворам.
Был отчаянно советский,
изучал язык немецкий
и кричал: «No pasarán!»

В рупор, треснувший в работе,
сыпал Шиллера и Гёте,
агитируя врага.
Защитил однажды немку

и почувствовал системку,
ту, которой стал слуга.

Но остался он вчерашним
на этапах и в шарашке.

.....

Он постукивает палкой,
снова занят перепалкой.
Распесочить невтерпеж
и догматика, и сноба.
Боже мой, он верит снова,
а во что – не разберешь.

Ребе и полуребенок,
бузотер, политработник,
меценат, но без гроша,
и не то чтоб золотая,
но такая заводная,
золотистая душа!

20 мая 1974

Коктебель

Работа в институте. 10-й Геронтологический конгресс

Работа в отделе генетики института, уже в статусе штатного сотрудника, отодвигала все остальные проблемы на второй план. Эксперименты и анализы не прекращались и во время моих отъездов, но на минимальном уровне освоения методик. Я постоянно следил за литературой, участвовал в лабораторных семинарах и готовил обзоры и теоретические статьи. Теперь я имел право на бюджетные фонды отдела и мог увеличить для нашей группы колонии мышей и крыс в виварии и заказать меченые радиоактивными изотопами аминокислоты. Это позволяло дополнить изучение состава белков клеточных ядер в разных органах и тканях (тканевая и возрастная специфичность) определением динамики их синтеза и распада. Через год-два все сравнения можно будет осуществлять и в связи с возрастом. В 1974 году старых лабораторных мышей и крыс у нас еще не было. Из экспериментальных методик теперь добавлялись хроматография на колонках, определение радиоактивности и радиоавтография.

В лаборатории белка в Боровске, где я работал в 1971–1972 годах, использование радиоактивных изотопов не предусматривалось и объектами исследований были не лабораторные, а сельскохозяйственные животные. В Обнинске работа с радиоактивными изотопами была возможна, и мы ее проводили. Но в СССР еще не производили радиоактивных аминокислот с мечеными атомами в определенном положении в структуре

их молекул. В Лондоне в нашем отделе применялись сцинтилляционные счетчики, обеспеченные системой автоматической записи результатов. Очень малые количества белков, разделенных хроматографией на биогеле, смешивались со сцинтиллирующей жидкостью (продуцирует световые сигналы на электроны) и помещались в особые кюветы на конвейере в счетную камеру. Вся система включалась на ночь, и утром экспериментатор получал ленту цифровых записей. При радиоавтографии разная радиоактивность белковых фракций и субфракций фиксируется визуально и может быть определена количественно и относительно с помощью спектрофотометрического сканирования. Идею нашего первого опыта я уже упоминал. Один из пяти основных гистонов (F1), по данным прежних анализов, вошедших уже в учебники биохимии, не содержал метионина – аминокислоты, в состав которой входила сера. В 1973 году мы смогли показать, что этот белок можно было разделить электрофорезом в гелях на субфракции F1 и F1o. При этом фракция F1o оказалась тканевоспецифичной. Она присутствовала в органах со стабильным составом клеток (печень, почки) и не появлялась в тканях, клеточный состав которых активно обновлялся (вилочковая железа, или тимус).

Повторение этих анализов на крысах, которым делались инъекции радиоактивного по сере (S35) метионина и радиоактивного по водороду (H3) лейцина, быстро обнаружило, что радиоактивная сера присутствует не только в гистонах F2A, F2B, F3 и F4, но и в субфракции F1o. Гистон F1 не включал при своем синтезе метионина. Этот результат был обнаружением метионинсодержащей субфракции лизинбогатого гистона F1. Для общей биохимии или генетики этот новый факт ничего серьезно не менял. Но для более узкой области, биохимии гистонов, щелочных кислотнорастворимых белков клеточного ядра, контролирующей конфигурацию структуры ДНК, наши данные имели определенное значение. Они могли привлечь интерес и стимулировать дополнительные исследования в других лабораториях, изучавших преимущественно гистоны. Таких лабораторий в мире было около ста. Эти результаты можно было оформить в статью для солидного биохимического журнала. По договору с Медицинским советом моя работа научного сотрудника оценивалась почти исключительно по публикациям именно результатов экспериментальных исследований.

В июне 1975 года в Иерусалиме планировался 10-й Международный геронтологический конгресс, президентом которого был председатель Геронтологического общества Израиля Давид Даннон (David Dannon). Однако общую подготовку конгресса осуществлял Дмитрий Чеботарев, ставший в 1972 году в Киеве президентом Международной ассоциации геронтологии (IAG). По традиции, Международная ассоциация приглашала лекторов и руководителей симпозиумов, а национальный израильский оргкомитет ведал организацией секций конгресса и постерных сессий, открытых для участия всех геронтологов. Как член Американского геронтологического общества я получил приглашение и регистрационные формы и, заплатив регистрационный взнос, мог приехать на конгресс либо как участник без доклада, либо сделав заявку на доклад на той или иной секции. Я выбрал второй вариант и отправил в Израиль для секции биохимии реферат о возрастных изменениях спектра гистонов в органах мышей. Хотя старых мышей у нас еще не было, сравнение состава фракций этих белков у молодых и взрослых животных все-таки стало уже возможным. Начиная с 5-го Геронтологического конгресса в Сан-Франциско (см. [главу 2](#)), я делал попытки личного участия во всех последующих – 6-м в Копенгагене, 7-м в Вене, 8-м в Вашингтоне и 9-м в Киеве. Но все они кончались неудачами. 10-й конгресс мог стать первым удачным в этом плане. Да и сама поездка в Израиль была для меня очень интересна.

Поэтому я запланировал трехнедельную поездку, которая включала сначала посещение Института геронтологии в Хайфе, затем Тель-Авива и, наконец, участие в конгрессе в Иерусалиме, назначенном на 22–27 июня.

Мы с Ритой собирались поехать в Израиль вместе. Однако в конце 1974 года из Калинина пришло тревожное сообщение. У отца Риты, Николая Александровича, случился инсульт, вызвавший частичный паралич. Ему недавно исполнилось 72 года. Нужно было организовать поездку Риты к нему. У нее был советский, но уже «консульский» паспорт, который не давал права на свободный въезд в СССР без визы. Для такой визы в консульстве требовали справку из больницы и формальное приглашение от родственников через ОВИР МВД. Для возвращения в Великобританию нужна была возвратная виза от британского МИДа. Все эти формальности могли растянуться на два-три месяца, да и сроки возможного пребывания Риты в СССР зависели от многих непредсказуемых обстоятельств.

Появление журнала «Континент»

За пределами СССР к концу 1974 года существовало лишь три ежеквартальных толстых журнала на русском языке, в которых публиковались литературные и публицистические произведения. Я уже рассказывал о «Новом журнале» в Нью-Йорке, который был основан в 1942 году представителями первой эмиграции из России и сейчас редактировался писателем Романом Гулем. В Европе издательство НТС «Посев» во Франкфурте выпускало журнал «Грани», главным редактором которого была Н. Б. Тарасова. В Париже под редакцией Никиты Струве издавался «Вестник русского христианского движения». Тиражи каждого из этих журналов не превышали обычно 2000 экземпляров. Каких-либо талантливых или просто заметных литературных произведений в них в последние два года не появлялось, и интерес к ним в СССР был минимальным. Рой, Валентин Турчин, Владимир Лакшин, Василий Аксенов, Владимир Дудинцев и другие друзья, с которыми у меня была открытая или конфиденциальная переписка, иногда просили прислать для них некоторые книги, а журналов не просили. Я был подписан на «Новый журнал». Наибольшей и постоянной популярностью среди моих друзей пользовались произведения Михаила Булгакова, Владимира Набокова, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Евгения Замятина, Бориса Пильняка, Бориса Пастернака, Николая Бердяева, Михаила Зощенко, Осипа и Надежде Мандельштамов. Эти книги многократно переиздавались эмигрантскими издательствами, так как на них существовал постоянный спрос и в западных странах. Из современных авторов популярностью пользовалась документальная повесть Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» о женских лагерях на Колыме. Она жила в Москве, ее сын Василий Аксенов мог выезжать за границу без проблем. Книга Гинзбург, изданная на русском в Италии, не считалась, по-видимому, антисоветской, хотя повествовала о тех же проблемах, что и «Архипелаг ГУЛАГ». Многие книги я посылал по дипломатическим каналам с помощью иностранных корреспондентов, в основном американских и скандинавских.

Но произведения Бунина, Зощенко, Булгакова, Цветаевой и некоторых других авторов можно было посылать и обычной почтой заказными бандеролями. Почтовая цензура («черный кабинет») работала с 1973 года совместно с таможенным контролем. Для ликвидации или конфискации нежелательных заказных бандеролей следовало составлять акт, указывая причину. Таможенный контроль почтовых бандеролей существует во всех странах. В СССР, безусловно, был какой-то постоянно обновляемый список запрещенных

антисоветских книг, но произведения Булгакова, Замятина или Пильняка в него не входили. Отправка книг друзьям была одной из форм материальной помощи. Поэтому я посылал в Москву, Ленинград и Тбилиси много западной классики и альбомов с репродукциями знаменитых художников. Существовал спрос и на английские детективы.

Журнал «Грани» как орган НТС считался в СССР криминальным. «Вестник» отдавал приоритет религиозным проблемам. «Новый журнал», в литературном отношении лучший из трех, почти не доходил до СССР. Для уехавших за границу советских писателей все эти три журнала имели общий недостаток: они не платили авторских гонораров. У них не было щедрого финансирования.

Владимир Максимов, приехавший с женой в Париж весной 1974 года и не собиравшийся возвращаться, сразу взялся за создание многотиражного журнала на русском языке, который был бы по своей тематике и качеству произведений интересен и на родине, а также имел бы достаточно большую финансовую базу для выплаты приличных авторских гонораров. Проект предусматривал, что этот журнал должен выходить не только на русском, но и на основных европейских языках и публиковать произведения не только русских авторов, но и оппозиционных писателей из Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран Восточной Европы. Главный редактор журнала, его заместители и некоторые члены редколлегии должны были получать зарплату, а авторы – приличные гонорары.

Но для запуска этого проекта и на первые два-три года разгона требовалась значительная субсидия. Важно было получить ее от какого-нибудь богатого, но независимого издательства.

Весь этот проект возник, безусловно, в связи с высылкой Солженицына, – по мнению многих, журнал стал бы новым антикоммунистическим центром развития русской литературы в Западной Европе. Однако надежды на то, что Солженицын станет «объединителем русских писателей в эмиграции», казались мне утопическими. Я знал, что Солженицын, психологически сугубый индивидуалист, в составе редакционной коллегии работать не сможет. Сам Максимов был человеком конфликтным, малообразованным, нетерпимым и нетерпеливым и не имел качеств, необходимых главному редактору журнала. Толстые литературные журналы как форма реализации писательских талантов были исторической русской традицией. В английской, французской или немецкой литературе такой не было. Читать роман с продолжением через каждые два или три месяца в Англии и США не умели. Литература в высокоразвитых странах Европы и США была все же одной из форм развлечения и не имела политического веса. Конкуренция между разными видами развлечений, прежде всего между книгами и телевизионными сериалами, вызвала интерес к остросюжетным произведениям, триллерам, насыщенным невероятными событиями приключениям. Возможность переработать сюжет литературного произведения в телевизионный сценарий становилась заманчивой. В Советском Союзе эволюция литературного творчества шла в другом направлении. Успех определялся не столько качеством прозы и точностью зарисовок, сколько политической актуальностью темы. Литература стала одной из форм пропаганды.

Осуществление проекта Максимова требовало щедрого финансирования. Поиском богатых спонсоров в ФРГ занялся один из лидеров НТС Евгений Романов (настоящая фамилия Островский). Именно НТС организовал поездку Максимова по странам Западной Европы, а затем и встречу с Акселем Шпрингером (Axel Springer), немецким газетным магнатом и миллиардером. Однако нереально было, чтобы Шпрингер выделил средства

Максимову, которого в Германии не знали. Для успеха проекта следовало привлечь Солженицына. Через много лет в «Зернышке» Солженицын подтвердил то, что я знал по рассказам французских друзей еще в то время:

«...чтобы Шпрингер дал на журнал деньги, весьма значительные, он должен был получить основательную рекомендацию, письменное поручительство, и Максимов не видел другой возможности, как от меня. С этим он и приехал в Цюрих...

Но как не поддержать заведомо противобольшевицкое мероприятие?.. И – я написал Максиму требуемую бумагу, так и заложив помощь от Шпрингера» (Новый мир. 1998. № 9. С. 76).

Название нового журнала «Континент» также было предложено Солженицыным.

Шпрингер к 1974 году владел в Европе 230 газетами и журналами. Среди серьезных немецких газет ему принадлежала *Die Welt*, среди массовых – таблоид *Bild-Zeitung*, выходящий в ФРГ тиражом 10 миллионов экземпляров. Финансирование журнала «Континент» было для него мелочью, однако он не намеревался терять контроль над этим изданием, тем более что предполагалась публикация и его немецкого перевода.

Максимов поселился в Париже, и первоначальный проект предполагал, что новый журнал будет издаваться там. Однако концерн Шпрингера, не желая терять финансовый и организационный контроль за изданием, тем более что тираж немецкой версии мог превышать тираж русского оригинала, передал весь проект под управление издательству «Ullstein», тоже принадлежавшему Шпрингеру и расположенному в Дармштадте. Подписку на русское издание (40 немецких марок на год) принимала книготорговая и издательская фирма «A. Neimanis» в Мюнхене. Русское издание «Континента» печаталось во Франкфурте в типографии НТС, принадлежавшей издательству «Посев». Адрес редакции или редактора в первых русских выпусках журнала не был указан. Позже возникло отдельное издательство для «Континента» – «Kontinent Verlag GmbH», также принадлежавшее Шпрингеру. Оно находилось в Западном Берлине. Этот факт не афишировался, так как новый «Колокол» не мог звонить на СССР ни из Мюнхена, ни из Западного Берлина.

Я оформил подписку для получения двух экземпляров каждого номера (один для Роя) и получил первый номер журнала в ноябре. Полиграфическое качество издания было очень высоким, объем составил 410 страниц, журнал выглядел весьма респектабельным. Редколлегия состояла из двадцати человек, больше половины из них – авторы из стран Восточной Европы, мне не знакомых. Из русских писателей в редколлегию включили Виктора Некрасова и Александра Галича, недавно приехавших в Париж, а также Андрея Синявского, жившего в Париже с 1973 года. Александра Солженицына в составе редколлегии не было. Это означало, что он отказался от наверняка сделанного ему приглашения. Но для первого номера он дал одну из глав, не включенных в первое издание романа «В круге первом». Журнал объявлялся как «литературный, общественно-политический и религиозный». Среди целей его издания выделялся «безусловный антитоталитаризм, борьба против марксистского, национального и религиозного тоталитаризма». Первый русский номер журнала разошелся по миру общим тиражом 7000 экземпляров. Половину тиража покупала американская сеть бесплатного распределения книг на русском и восточноевропейских языках «Universal Book Exchange». Эта оптовая

закупка также была формой финансовой поддержки журнала. В последующем тираж не увеличивался, а несколько снижался. В Советский Союз, по заявлениям Максимова, попадало разными путями около трехсот экземпляров. Лично я рассматривал появление «Континента» как очень полезное, прежде всего для формировавшейся в Западной Европе новой русской литературной эмиграции.

Выход первого номера «Континента» приветствовался западной прессой: «Для критиков и ученых это было одним из важнейших событий года, – писала *The Washington Post* 30 декабря, – возможность того, чтобы такие знаменитые писатели в изгнании, как Александр Солженицын, Андрей Синявский и Иосиф Бродский, появились под одной обложкой... И здесь же опубликованы произведения крупнейших фигур из других стран, румынского автора Э. Ионеску, югославского Милована Джиласа, венгерского кардинала Миндсенти».

Однако «медовый месяц» нового журнала продолжался не более двух недель. Солженицын, опубликовавший в первом номере приветственное «Слово к журналу», датированное июнем, был крайне возмущен очерком Андрея Синявского (Абрама Терца) «Литературный процесс в России» и сделал по этому поводу особое заявление. (На пятидесяти страницах довольно интересного текста о проблемах русских писателей в СССР Синявский ни разу не упомянул Солженицына. Это был явный ответ Синявского на отказ Солженицына подписать в 1966 году коллективный протест шестидесяти писателей по поводу суда над Синявским-Терцем и Даниэлем-Аржаком.)

А в начале октября вышел 1-й номер “Континента”, – писал позже Солженицын, – я вскипел от развязно-щегольской статьи Синявского, от его “России-суки”. Увидел в том (и верно) рождение целого направления, злобного к России, – надо вовремя ответить, не для эмиграции, для читателей в России» (Новый мир. 1998. № 9. С. 87).

Главное возмущение Солженицына вызвало спорное, но правомерное наблюдение Синявского о характере русского человека:

«Русский человек не в силах допустить, что какое-то зло от него, от русского человека, исходит. Потому что внутри, в душе он – хороший. Он не может представить, что в Русском государстве русские люди чувствуют себя плохо по вине таких же русских или по своей собственной вине. Русский – это свой. От своих зла не бывает, зло всегда от чужих. Российский антисемитизм – это форма отчуждения зла, это стихивание собственных пороков на козла отпущения» (Континент. 1974. № 1. С. 183–184).

В дополнение к первым проблемам «Континента» Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс (Günter Grass) опубликовали в немецкой прессе «Открытое письмо» Солженицыну и Максимова с критикой обращения за помощью в издании журнала к концерну Шпрингера. У Грасса и особенно у Бёлля с газетной империей Шпрингера была давняя вражда. Солженицын и Максимов, по отдельности, но очень резко, ответили немецким писателям. На русском языке этой полемики я не нашел. Дружба советской писательской эмиграции с немецкими социал-демократами закончилась.

13 декабря 1974 года мне позвонил Рой. «По “Свободе” передавали пресс-конференцию Солженицына в Стокгольме по случаю вручения ему Нобелевской премии, – сказал он, – я не слушал, но мне сказали, что он ругал мою книгу “К суду истории”... узнай, если можно, что там было...»

Я в Лондоне не слушал русских передач «Свободы» и не знал об этой пресс-конференции. О вручении Солженицыну медали Нобелевского лауреата 10 декабря были публикации в лондонских газетах вместе с фотографией. Но о пресс-конференции Солженицына, которая состоялась 12 декабря, никаких подробностей не сообщалось. Однако лондонского корреспондента «Свободы» Леонида Владимировича Финкельштейна, выступавшего под псевдонимом Владимир, я знал. Он в прошлом работал в журнале «Знание – сила» и не возвратился в Москву из командировки в Лондон в 1966 году. Несколько раз он разговаривал со мной по телефону, просил об интервью, я обычно отказывался. Теперь я сам позвонил ему относительно пресс-конференции Солженицына в Стокгольме. Дня через три или четыре Финкельштейн прислал мне копию машинописного текста магнитофонной записи этой пресс-конференции, которую «Свобода» рассылала по эмигрантским русским газетам и журналам. Пресс-конференция продолжалась около четырех часов и состояла из двух частей. В первой, наиболее продолжительной, Солженицын отвечал на вопросы, которые были заданы ему ранее в письменном виде. (Кто задавал вопросы, осталось неизвестным.) Солженицын их суммировал и формулировал по-своему. Некоторые вопросы он явно задавал сам себе. Ответы на них он заготовил заранее. Во второй, короткой, части Солженицын отвечал на устные вопросы аудитории. О Рое Медведеве он сказал в начале пресс-конференции, отвечая на общий вопрос: «Верите ли вы в возможность какого-либо коммунизма?»:

«Сегодня есть в Советском Союзе небольшая группа старых большевиков... Выразителем этой группы является молодой сравнительно Рой Медведев, отец которого тоже погиб вот в этом самом коммунизме, в сталинском лжесоциализме...»

Рой Медведев написал огромный толстый том, исследующий сталинские времена... В этом томе чего только нет, каких только поразительных утверждений нет! О нем в западной печати по принципу симпатии говорят как о научном труде. Я совершенно не вижу там никаких признаков научности... Это сборник, ну книга, где со злорадством говорится о других социалистических партиях – так, например, страница русского издания 878: “Их агитация не имела успеха в народе. Они, их агитаторы, легко вылавливались органами ОГПУ”.

На странице 905 он пишет: “Великие цели социалистической революции оправдывают применение насилия”. Он о палачах ЧК-ГПУ говорит: “Это были субъективно честные люди...”

Сейчас Рой Медведев будет новое издание этой книги печатать, вероятно он эти места исправит и уже не будет оправдывать насилие».

«Она вышла на русском и на английском, да?» – спросил кто-то из аудитории.

Но на этот вопрос Солженицын не ответил, продолжая читать заготовленный текст:

«Вот эта книга претендует быть марксистской, и вот там на 1200 или 1400 страницах излагается такая теория, что все шло закономерно и правильно, но попался плохой характер Сталина и из-за этого характера история пошла не так.

Так может сказать автор немарксистского направления... Но марксист, если так сказал, то он зачеркивает свой труд от начала и до конца...

По принципу симпатии западная левая печать называет Роя Медведева не иначе как ученым-историком... Для того чтобы эта книга была работой ученого, она должна быть построена иначе; автор должен взять исходные положения Ленина... Ленин говорит, что Парижская коммуна погибла потому, что не уничтожала массами своих врагов... Пролетариат может победить, только уничтожая своих врагов массовым образом...»

Далее на нескольких страницах стенограммы приведено пространное объяснение Солженицына о Ленине, о Троцком, о Марксе и Энгельсе. Все они якобы требовали массового террора. После слов: «Я буду цитировать первое русское издание Маркса...» в зале, согласно стенограмме, возникло движение и шум. Далее запись: «неразборчиво из-за технических помех». Присутствовавшие журналисты поняли, что это не ответ на вопрос, а выступление.

Солженицын, тем не менее, продолжал, уже и о Французской революции 1793 года, о Марате и других. Затем он начал рекламировать сборник «Из-под глыб», вышедший под его редакцией.

Не прерывая своей длинной, почти на час, речи, Солженицын обрушился и на рецензию Роя на первый том «Архипелага», которая публиковалась еще в феврале:

«Собственно говоря, Рой Медведев потому выступил по сути против "Архипелага" (хотя там есть слова и в пользу его), он выступил для того, что ему надо спасти Ленина, идею коммунизма и защитить тех самых большевиков старых, которые уцелели после всех лагерей. Это тех самых большевиков, которые до самого последнего дня ареста своего были в рядах палачей, уничтожали других...

Рой Медведев не относится к инакомыслящим или диссидентам, ему ничто не угрожает лично, потому что он, в общем, наилучшим образом защищает режим...»

Говоря о «книге Роя Медведева в 1200 или 1400 страниц», Солженицын имел в виду не английское издание, вышедшее в 1971 году объемом около 600 страниц, а, очевидно, русское, изданное в США в начале 1974 года. В нем было 1136 страниц меньшего формата. Фраз, которые Солженицын процитировал, ни в каких изданиях книги Роя не существовало. Они были кем-то придуманы. На страницах 878, 905 и 961 в книге Роя обсуждались события Второй мировой войны. Рой предположил, что Солженицын мог как-то получить в издательстве «Кноpf» оригинал первой русской рукописи, воспроизведенной с микрофильма и перепечатанной для переводчика. В нем также было больше 1000 страниц. В последующем мы запросили в издательстве этот текст. В нем, но не на 905-й странице, резко критиковалось применение насилия и злоупотребление насилием, которые продлили Гражданскую войну. Критиковалось совершенно неоправданное применение насилия

против казачества и крестьянства.

В несколько сокращенном виде пресс-конференция Солженицына была опубликована через месяц в парижском еженедельнике «Русская мысль» 16 января 1975 года и в полном виде – в издательстве «УМСА-Press». Отвечать на этот нелепый выпад, хотя и сделанный с столь высокой трибуны, было нецелесообразно, и его причины остались для нас неясными. Кто снабдил Солженицына этими фальшивками, тоже неизвестно. Книгу Роя Солженицын никогда не видел и не читал. Я говорил ему о рукописи, с согласия Роя, в 1966 году и в 1968-м, когда он приезжал в Обнинск. В последний раз это было в нашей квартире. Просмотрев оглавление, он отказался читать, сказав: «У меня по этой теме другая концепция, и я не хочу ее менять...» О существовании «Архипелага» я тогда не знал.

Почему обеспокоилась британская контрразведка?

В конце декабря мне позвонил из британского МИДа мистер Маллет (J. H. Mallett) чиновник, с которым я уже встречался в 1973 году при получении британского удостоверения личности для лиц без гражданства. (Процедура сопровождалась обстоятельным «интервью».) Очевидно, он ведал моим досье. Маллет сказал, что со мной хотел бы поговорить один из сотрудников министерства обороны. Я сразу понял, что речь идет о контрразведке, известной по сокращению MI5, что расшифровывалось как Military Intelligence, Section 5. Я ответил согласием. На следующий день пришло официальное письмо от Маллета из отдела миграции и виз, датированное 23 декабря. Привожу его в переводе:

«Один из сотрудников нашего министерства обороны был бы очень рад возможности встретиться с вами и надеется, что 22 января будет удобной для вас датой.

Имя сотрудника мистер Бакстон (Buxton), и он хотел бы видеть вас в комнате 055 министерства обороны Whitehall Place в 10 часов утра.

С наилучшими пожеланиями в 1975.

Искренне Ваш».

Большой спешки в этой встрече не было. 22 января я приехал в правительственный квартал недалеко от Трафальгарской площади. У входа в здание министерства обороны предъявил письмо Маллета. Дежурный полицейский, осмотрев содержимое моего портфеля, объяснил, где находится нужная комната. Здесь меня ждали два сотрудника, один из них был Бакстон, имя другого я не запомнил. Он знал русский и принимал активное участие в беседе, которая шла на английском.

Первые вопросы были обычными: как работа, как мы живем, есть ли проблемы и т. д. Меня предупредили, что беседа носит конфиденциальный характер и что я не должен никому о ней рассказывать. Моего устного согласия было достаточно. (Здесь я пишу об этом в первый раз, в Англии такие секреты ограничены сроком в тридцать лет, который давно прошел.) Весь разговор, очевидно, записывался на скрытый диктофон. Многие из этой беседы я уже забыл, наша встреча продолжалась семь часов с короткими перерывами на ланч и чай. Первые минут двадцать я отвечал на вопросы биографического характера.

Неожиданно второй из собеседников спросил: «Знакомы ли вы с Джералдом Бруком?» Я ответил положительно, пояснив, что встретился с ним больше года назад на вечернем

приеме, на который пригласили около двадцати человек, так или иначе связанных с проблемами СССР. Брук хорошо говорил по-русски. Это была наша единственная встреча.

Интерес к встрече с Бруком был мне понятен, так как я знал его историю, она освещалась в советской прессе в 1965 или в 1966 году. Джералд Брук (Gerald Brooke), школьный учитель русского языка, приехал в Москву с женой как турист. Однако один из членов НТС, живший в Великобритании, уговорил супругов взять с собой издания «Посева» на русском и какие-то листовки и брошюры, которые были спрятаны в их багаже и в одежде. Кроме этого, Брук по наивности согласился взять и спрятать в одежде какие-то пленки и письма, некоторые в зашифрованном виде, содержания которых он и сам не знал. Супругам сказали, что в гостинице к ним придет надежный человек и заберет все это. Такой человек действительно пришел. Но во время передачи в номер ворвались сотрудники КГБ и арестовали всех троих. Жену Брука вскоре отпустили. Судьба человека, пришедшего за литературой, осталась неизвестной. Никто его не знал. Он выступал впоследствии на суде как свидетель обвинения под именем Константинов, но его имя могло быть в этом случае фальшивым. Брука судили и приговорили к пяти годам тюрьмы за шпионаж. К концу этого срока прибавили еще пять лет – «по новым обстоятельствам». В советской печати появилось тогда несколько статей о «поимке шпиона» и о «подрывной и шпионской активности НТС». В 1969 году британское правительство, пожалев учителя, обменяло Брука на двух действительно крупных советских шпионов Морриса и Лону Коэнов (они же Питер и Елена Крогеры), сидевших в британской тюрьме уже девять лет из полученных двадцати.

После возвращения в Москву супругам Крогерам присвоили звание Героев Советского Союза. Эта история вызвала множество комментариев в британской прессе. Многие считали, что вся операция была задумана и проведена КГБ в сотрудничестве с НТС именно для освобождения Крогеров.

Как оказался Брук на том приеме, я не знал. Было, однако, очевидно, что о моей встрече с ним кто-то сообщил в МИ5. За мной в 1973 году уже наблюдали. Я, впрочем, тогда догадывался об этом и о личности осведомителя, основываясь на характере вопросов, которые задавал мне новый «друг».

Несколько вопросов сотрудников МИ5 в комнате 055 было связано с моим выступлением в сенатской комиссии Фулбрайта. Мои собеседники были уверены в том, что это произошло по моей собственной инициативе и было каким-то образом связано с обсуждением Нобелевской премии мира. По характеру вопросов можно было понять, что их сведения получены от нью-йоркской группы «Хроника Пресс» и попали в МИ5 как донос или рекомендация «обратить внимание». Информация о моем выступлении в сенате, которой располагали мои собеседники, была крайне неточной. Я объяснил все обстоятельства и предложил прислать копию текста.

Беседа (или допрос) велась по традиционной схеме. Среди множества банальных, нередко дружеских вопросов появлялся неожиданно специфический, который мог, как ожидалось, вызвать некоторое замешательство. Таким, по замыслу собеседников, был вопрос: «Каким образом вам стало известно о финансовых средствах профессора Сахарова на Западе?» Я сразу ответил, что Сахаров и его жена Боннэр перед моим отъездом в Лондон пригласили меня к себе домой и попросили выяснить наличие у Сахарова гонораров за изданные в Европе и в США работы. Им нужны были деньги для отправки детей Боннэр в американский частный университет. Я сделал все возможное, но суммы гонораров, которые издатели были готовы выплатить, не оправдывали надежд Боннэр. Могу показать при случае

копии конфиденциальной переписки, в частности, с Гаррисоном Солсбери, редактором *The New York Times*, издателем первой книги Сахарова. Мой ответ собеседников удовлетворил. Но вопрос раскрыл их осведомителей, хотя они, может быть, этого не поняли. Этими осведомителями явно были Мария Васильевна Олсуфьева, переводчица с русского на итальянский, потомок древнего дворянского рода Олсуфьевых, жившая в Италии, и лорд Николас Бетелл (Nicolas Bethell), переводчик «Ракового корпуса» Солженицына. С Н Бетеллом я был знаком. (Он стал лордом недавно, унаследовав титул от рано умершего дяди, не имевшего детей.) Летом 1974 года Бетелл и Олсуфьева обратились ко многим людям, в том числе и ко мне, для сбора денег на срочную поездку Елены Боннэр в Италию для операции глаукомы. Я отказался посылать чек в этот фонд, объяснив инициаторам, что в распоряжении Боннэр есть в США счет, созданный отчасти и с моей помощью, на который поступают гонорары от трех небольших книг Сахарова, изданных в США. Поездку в Италию и операцию этот счет вполне мог бы обеспечить. В обоих случаях я пометил свои письма «конфиденциально», но мои понятия о конфиденциальности явно устарели – лорд Бетелл передал копию моего письма Боннэр.

Моя беседа в министерстве обороны затягивалась и приобретала странный характер. Я решил взять инициативу в свои руки. «Мы взрослые люди, – объяснил я Бакстону. – Я полагаю, что буду беседовать о проблемах, которые имеют какое-то отношение к безопасности Соединенного Королевства. А мы беседуем о личных отношениях между советскими диссидентами. Почему вас это так интересует? У вас нет опыта и знаний, чтобы понять и сделать выводы. Насколько я могу судить, многие темы для разговора, кроме Джералда Брука, пришли из США, а тема моего выступления в сенате, очевидно, от Авраама Шифрина, представителя НТС, который там был и, наверное, написал какой-то отчет о моих поездках в США. Почему британские спецслужбы могут заботиться мои споры с Сахаровым или Нобелевская премия?..»

На прощание Бакстон дал мне номер телефона, по которому просил звонить, если возникнут какие-либо проблемы или вопросы. Я им не воспользовался.

(Однако через два года он пригласил меня снова в ту же комнату. На этот раз беседа продолжалась не семь часов, а два дня. Причиной беспокойства стали две моих статьи – о ядерной Кыштымской аварии на Урале, взрыве в 1957 году хранилища отходов от выделения плутония для атомных бомб. Британские и американские атомщики обвинили меня тогда в «научной фантазии» и «запугивании» людей с целью задержать развитие атомной энергетики в Великобритании и в США.)

Дома я записал некоторые подробности беседы и много дней обдумывал ее содержание. Интересным было то, что мои и Роя конфликты и споры с Солженицыным собеседников из британской контрразведки не интересовали. На него в идеологической борьбе между Востоком и Западом уже не возлагалось, по-видимому, никаких надежд. К западным демократиям Солженицын относился не менее критично, чем к коммунизму. В США были явно озабочены лишь судьбой одной правозащитной группы, которая считала американскую демократию образцом справедливого общества и создала – на американские гранты – свою издательскую базу в Нью-Йорке. Судьбу этой группы администрация США, наверное, уже включила в сферу своих национальных интересов. Это был вполне прагматичный шаг. Альтруизма в политике не могло существовать. Я не был готов работать в интересах США. Но Великобритания стала теперь и моей собственной страной, и ее судьба была для меня безразлична.

Моя официальная тема исследований, теперь уже как штатного научного сотрудника отдела генетики, была сформулирована так: «Возрастные изменения и тканевая специфичность белков клеточного ядра».

Со мной с конца 1973 года оставалась работать лаборантка Лиля Гуца, австралийская девушка русского происхождения. Ее отец, до начала войны школьный учитель в Белоруссии, попал в оккупацию и в 1944 году был увезен в Германию. Он подлежал репатриации, но уже знал, что школьных учителей, работавших на оккупированной территории, по прибытии в СССР обвиняли в измене родине. Это и стало причиной его отъезда в Австралию.

Рита тоже оставалась в моей группе, но на добровольных началах, без зарплаты, хотя большую часть всей лабораторной биохимической работы выполняла именно она.

Комплекс препаративных процедур по выделению клеточных ядер и хроматиновых белков из небольших количеств тканей, с последующим их разделением электрофорезом или хроматографией и с измерениями радиоактивности образцов, продолжается несколько дней, требует большого внимания, знания многих приборов и химических соединений, умения работать с гомогенизаторами, суперцентрифугами, микроскопом и спектрофотометром. Необходимая для этого квалификация приобретает в течение пяти-шести лет и далеко не каждым. Биохимия – тоже искусство. За колониями наших лабораторных мышей и крыс следили в виварии, где нам выделили отдельное помещение, оборудованное по правилам работы с радиоактивностью.

Хотя я стал по профсоюзной принадлежности государственным служащим, мой первый договор с Медицинским исследовательским советом (Medical Research Council – MRC) подписывался всего лишь на один год и считался, таким образом, испытательным. Следующий договор в конце 1975 года мог быть уже на пять лет. Каким образом и на основании каких критериев принимались эти решения, я не знал, никаких открытых обсуждений не предполагалось. Мне было ясно лишь одно – в текущем, 1975 году необходимо сосредоточить основное внимание именно на научной работе и иметь к осени достаточно оригинальные результаты и публикации. Первую статью с экспериментальными результатами, авторами которой стали все три члена нашей группы, я отправил в конце февраля в биохимический журнал быстрых публикаций Федерации европейских биохимических обществ, и она была напечатана в начале мая (FEBS Letters. 1975. Vol. 53. № 2. P. 253–257). Вторая работа, в виде реферата и постера, представлялась на одну из секций Международного геронтологического конгресса в Иерусалиме. Кроме того, я получил приглашение на Международный симпозиум по теориям старения, который организовывал небольшой новый Институт геронтологии в ФРГ в начале 1976 года. Директором этого института был профессор Гессенского университета Д. Платт (D. Platt). Мне предложили подготовить для обсуждения доклад по молекулярным теориям старения. Труды своих симпозиумов институт обычно издавал отдельной книгой.

С января 1975 года при заключении нового годового контракта на аренду дома нам повысили ежемесячную плату сразу на 40 %. В месяц мы теперь платили около двухсот фунтов, что больше четверти зарплаты старшего научного сотрудника. Повышение арендной платы делало целесообразной покупку дома, так как по кредиту или ипотеке, взятым на двадцать или на двадцать пять лет, ежемесячные выплаты не превышали двухсот фунтов. Но в конце этого срока мы бы становились собственниками дома. Стандартный полукоттедж, имевший три спальные комнаты на втором этаже и столовую и гостиную внизу, стоил в начале 1975 года в пригороде Лондона от 13 до 20 тысяч фунтов, в зависимости от улицы, близости к станции метро, школам, торговым центрам и от размеров комнат, садилов перед домом и за ним, а также наличия гаража. Именно в таких домах жили около 60 % всех лондонцев и не менее 80 % всех британцев. В течение ста лет планировка полукоттеджей почти не менялась, однако площади комнат и садилов уменьшались. Привычкой населения жить и в городах в домах с садом, а не в городских квартирах многоэтажных домов Британия и Ирландия отличались от всех стран континентальной Европы. Еще пять-шесть лет назад дома, по отношению к заработкам, стоили в Англии значительно дешевле. Намного ниже была и стоимость аренды квартир и домов, договора на которую заключались, как правило, на пять лет, а не на год, как после 1971 года. Стоимость стандартного полукоттеджа находилась примерно на уровне годовой зарплаты государственного служащего. Цены на дома росли, однако, быстрее общей инфляции на потребительские товары и к 1975 году находились уже на уровне двухгодичной зарплаты.

Экономический кризис во всех западных странах, развившийся в результате резкого роста цен на нефть из-за военного конфликта на Ближнем Востоке, продолжал нарастать и в 1975 году. Все программы по решению возникших проблем – добыча нефти и газа со дна Северного моря и развитие атомной энергетики – были долгосрочными. Для жителей Великобритании, как и для всей Западной Европы, главными проблемами оставались рост безработицы и инфляция. В феврале 1975 года инфляция в Англии достигла рекорда, 22 % в год, и продолжала расти. К июню предсказывали 27 % или выше. Это были наихудшие показатели среди стран Западной Европы и США. Слишком высокая инфляция приводила к утечке капиталов из страны. Нарушалась работа кредитных учреждений, так как финансовое законодательство не позволяло банкам выдавать займы под столь высокие проценты. Кредитные операции, бывшие основной функцией банков, становились для них невыгодными. Должники, получившие займы или ипотечные кредиты до 1973 года, оказывались в лучшем положении, так как их долги уменьшались инфляцией. Напротив, денежные сбережения быстро таяли, так как банковские проценты по ним были значительно ниже инфляции. Жить в долг стало выгодно, сберегать – невозможно. Индексация зарплат рабочих и служащих к уровню инфляции оказалась частичной, и покупательная способность населения падала.

Купить дом мы хотели где-нибудь недалеко от института, чтобы ходить на работу пешком. Это сохраняло бы нам время и здоровье. На окрестных улицах продавалось немало домов, и два раза мы уже осматривали подходящие полукоттеджи в тихих переулках. Один из них, на который обратил внимание мой новый друг, профессор Тата, заведующий одной из лабораторий института, живший в соседнем доме, мы и выбрали для оформления. Дом был построен в 1921 году и оказался больше среднего, более современного полукоттеджа, но стоил дешевле из-за трещины в фундаменте. Где-то неподалеку взорвалась в 1944 году немецкая бомба и повредила многие дома на близлежащих улицах. В этом доме было шесть

комнат общей площадью около 90 кв. метров, и продавался он всего лишь за 13 тысяч фунтов, причем с мебелью. Владелица дома умерла, дожив почти до ста лет, а ее наследники жили в Шотландии. По обычным правилам я должен был сразу внести двести фунтов в агентство недвижимости, чтобы забронировать покупку на две недели, получить копии всей документации и возможность осмотра дома с нанятым мною экспертом. На объявлении о продаже, выставленном перед домом, появилась табличка с надписью: «Сделано предложение». Документы проверял адвокат, рекомендованный агентством. Следующий взнос, который осуществляется уже через адвоката, составлял 10 % стоимости. После этого на плакате появлялась надпись: «Продан». Остальные 90 % можно было вносить в течение трех-четырех месяцев, которые обычно требуются на получение кредита из одного или нескольких источников.

Оформление ипотеки начинается в местном агентстве по продаже и аренде домов, через которое продается тот или иной дом. Название и телефон агентства указаны в объявлении о продаже. На следующий день после разговора с профессором Татой я уже был там, оказавшись первым и единственным посетителем. Выписав чек на двести фунтов, я смог получить первичные документы на дом. Но ипотечных кредитов ни от крупных, ни от мелких банков в резерве агентства не было. Купить дом можно было, лишь уплатив всю сумму сразу. Вторым вариантом могла стать уплата 10 %, которые сохраняли покупку за мной в течение четырех-пяти месяцев. Но при неудаче с кредитом внесенный залог покупателю не возвращался. Третьей возможностью мог стать краткосрочный кредит в том отделении банка «NatWest», где находились мой текущий счет и наши гонорарные сбережения. Я написал письмо директору отделения, и через два дня меня пригласили для беседы. Я просил в банке кредит в 10 тысяч фунтов на пять лет на любых условиях. После выяснения моих финансовых возможностей в выдаче кредита мне отказали. Главным мотивом отказа, насколько я понял, были не только финансовые причины. Мой трудовой договор заканчивался в конце года, а его продление не было гарантировано. Разрешение министерства внутренних дел на проживание в Великобритании тоже продлили лишь на год, а не на три, как я просил, обновляя удостоверение личности, – «до 14 января 1976 года», как сообщалось в письме от 28 января из иммиграционной службы.

С новой попыткой купить дом мне следовало торопиться. Ипотечные кредиты выдавались лишь лицам моложе пятидесяти лет. Проблему с домом надо было поэтому решить до ноября 1975 года.

«Бодался теленок с дубом»

Для русской диаспоры в Западной Европе публикация в феврале 1975 года в Париже книги очерков Солженицына «Бодался теленок с дубом» стала большим событием. Я получил ее в виде верстки из редакций нескольких газет и журналов, куда она поступает для подготовки рецензий, и быстро прочитал все 627 страниц. Рецензии появляются далеко не на все новые книги, и публикация рецензий, даже критических, – это уже признак успеха. Книги на русском языке в английской прессе не рецензируются, за редчайшим исключением сенсационных. Опубликованная рецензия – это сообщение о важном событии, а не рекомендация для читателей. Литературная автобиография Солженицына, ставшего мировой знаменитостью после Нобелевской премии и «Архипелага», попадала в категорию сенсации и вызывала интерес не только у русских читателей. Особенно настойчивыми были просьбы

из литературного еженедельника *The London Book Review*. Им рецензия была просто необходима, а в Англии среди тех, кто мог прочитать эту русскую книгу, лишь я знал лично и ее автора, и ее персонажей. Редактор, идя на компромисс, был готов ограничиться интервью. (В США для журнала *Time* рецензию-эссе написала Патриция Блейк.) Однако ни одной рецензии или интервью на «Теленка», ни на русском, ни на английском, я так и не смог написать или наговорить, несмотря на многочисленные просьбы. Причиной тому стали прежде всего боль и обида за фальшивый образ Александра Твардовского, память о котором была мне дорога, хотя многое сказанное о нем в «Теленке» было списано с натуры. Мою обиду вызывало не только то, что не было о нем сказано, но и то, как он был показан читателям, лично его не знавшим. Не всякую ведь натуру принято обнажать – это известно каждому.

Все в «Новом мире» да и в Союзе писателей знали, почему Александр Трифонович периодически не появлялся в редакции, иногда по две недели. Эта проблема – неизбежный результат шести лет работы фронтовым корреспондентом и комиссаром в звании подполковника начиная еще с советско-финской войны 1939–1940 годов. Все свои стихи и поэмы Твардовский сначала печатал во фронтовых армейских газетах. Печатал сразу написанное от руки, так как не знал, доживет ли до продолжения. Это видно по текстам. Боевой дух армии столь же важен для победы, как и артиллерия. Твардовский много лет был самым любимым поэтом не только фронта, но и всей страны. И оставался до 1970 года, хотя писал уже мало.

Как бывший краткосрочный фронтовик в чине рядового пехоты, а потом и как генетик и биохимик я знал, что такое несчастье случалось со многими фронтовиками, и связано оно с физиологией, а не с характером человека. Наркомовские сто грамм водки, входившие в рацион солдат на передовой, – от них почти никто не отказывался, а у комсостава ограничений в граммах не было. Алкоголь вызывает индукционное усиление одного из ферментов окислительного цикла. От этого и чувство теплоты зимой в окопах. Алкоголь сгорает в клетках в калории намного быстрее, чем углеводы. Но у некоторых людей возникает зависимость. Это же относится и к табаку. Мне было очень тяжело узнать, что после приезда ко мне в Калужскую психиатрическую больницу в начале июня 1970 года и бурного разговора с главврачом Твардовский исчез на две недели у себя на даче.

В ноябре 1971 года, перед последней операцией диагностированного метастаза в мозг от запущенного рака легких (он всегда курил дешевые крепкие сигареты без фильтра), Александр Трифонович позвал своих уже взрослых дочерей Валентину и Ольгу, чтобы попрощаться навсегда. Передаю со слов Валентины:

«Не вспоминайте меня пьяного, вспоминайте только трезвого, – сказал отец нам, плачущим, и рассказал притчу, которой мы не знали: – Посмотрите про Ноя в Библии... Он начал возделывать землю, насадил виноградник... выпил вина и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. Хам, сын его, увидев наготу отца своего, посмеялся, вышел и рассказал братьям... Шем и Иафет взяли одежду... пошли задом и покрыли наготу отца своего, лица их были обращены назад... наготы отца своего они не видели...»

Книга Солженицына начиналась историей публикации «облегченного» варианта повести «Щ-854» (название «Один день Ивана Денисовича» предложил позже Твардовский), принесенной Львом Копелевым в «Новый мир» в конце 1961 года и отданной редактору отдела прозы Анне Самойловне Берзер, чтобы она передала рукопись лично Твардовскому. Анну Самойловну хорошо знала жена Копелева Раиса Орлова. Повесть была «облегчена»

удалением нескольких страниц, разделов и фраз, которые, как понимал автор, не могли пройти цензуру и быть приняты даже Твардовским.

«Я решился. Вот тут и сгодился неизвестно для какой цели и каким внушением “облегченный” Щ-854. Я решился подать его в “Новый мир”... Сам я в “Новый мир” не пошел: просто ноги не тянулись, не предвидя успеха...»

Долгохраняемая и затаенная моя рукопись пролежала на столе у А. С. Берзер целую неделю неприкрытая, даже не в папке, доступная любому стукачу или похитителю... А. С. определила, что любой из членов редколлегии... непременно эту рукопись перехватит, зажмет, заглочит, не даст ей дойти до Твардовского. Значит, надо было исхитриться перебросить рукопись через всех них, перешвырнуть через топь осторожности и трусости, – и в первые руки угодить – Твардовскому... Ушло на это время. Еще ушло – на ожидание, пока Твардовский вернется из очередного приступа своей слабости (несчастных запоев, а может быть, спасительных, как я понял постепенно)» (с. 22–25).

Последняя фраза меня удивила, она явно была лишней и недостоверной. Повесть была написана в 1960 году и облегчена, конечно, с определенной целью – для «проходимости». Больше всего времени ушло у самого автора на то, чтобы решиться на передачу рукописи в «Новый мир». Повесть была отпечатана на машинке через один интервал на обеих сторонах листа, без полей, автором не подписана – он все еще боялся тогда раскрывать свое имя и адрес. В таком виде передавать ее главному редактору Берзер не решилась, и машинистку редакции попросили перепечатать текст через два интервала и с полями в трех или четырех экземплярах. Был поставлен и псевдоним автора – Рязанский. На эту перепечатку тоже ушло время.

Особенно горько было мне читать не известные раньше никому детали приезда Твардовского в Рязань весной 1964 года, куда пригласил его Солженицын читать у него дома рукопись романа «В круге первом», написанного в 1955–1958 годах и только что укороченного на восемь глав в «проходной» вариант. (В современных изданиях указано: «написан – 1955–1958, искажен – 1964, восстановлен – 1968».) Не доверял тогда Солженицын даже сейфу редактора «Нового мира» и соглашался дать рукопись на прочтение лишь у себя дома:

«...Александр Трифонович! Роман готов. Но что значит для писателя отдать в редакцию роман, если всего за жизнь думаешь сделать только их два? Все равно что сына женить. На такую свадьбу уж приезжайте ко мне в Рязань.»

И он согласился, даже с удовольствием... уникальный случай в его редакторской жизни... Он и приехал-то простым пассажиром местного поезда и билет взял сам... не через депутатскую комнату...» (с. 84).

«Как я понимаю работу, ему нужно было быть трезвым до ее конца, но гостеприимство требовало поставить к обеду и водку и коньяк. От этого он быстро потерял выдержку, глаза его стали бешеноватые, белые, и вырывалась из него потребность громко изговариваться...» (с. 86).

«Второй день чтения проходил насквозь в коньячном сопровождении...»

Досадным образом чтение романа переходило в начало обычного запоя А.

Т., – и это я же подтолкнул, получается...

Ночью проснулись от громкого шума: А. Т. кричал и разговаривал, изображая сразу несколько лиц... зажег все лампы и сидел за столом, уже безбутылочным, в одних трусах. Говорил жалобно: “Скоро я умру”. То кричал рёвом: “Молчать! Встать!!” – и сам перед собой вскакивал, руки по швам...

На вокзале с поспешностью рванул по лестнице в ресторан, выпил пол-литра, почти не заедая, и уже в блаженном состоянии ожидал поезда....

Все эти подробности по личной бережности, может быть, не следовало бы освещать...» (с. 88–90).

Понимал Солженицын, конечно, что нельзя было обнажать болезнь великого поэта столь натурально, но в его книге мог оставаться лишь один выдающийся безгрешный человек – только сам автор.

Неизбежно возникал у меня и вопрос: а как доехал в тот день Твардовский до своего дома в писательском поселке в Пахре? Три часа поездом до Москвы, а затем еще 36 км от Москвы по Калужскому шоссе на такси или автобусе. Совершить такое путешествие после вокзального ресторана в Рязани Твардовский не мог.

Еще больше ошеломила меня сцена на даче Твардовского в сентябре 1965 года, куда Солженицын приехал внезапно, чтобы получить разрешение на вынос из сейфа «Нового мира» рукописи романа «В круге первом». Хотя знал, почему Твардовского не было в редакции:

«6 сентября я был у Твардовского на даче вопреки его вернувшейся болезни. Тяжелыми шагами он спустился со второго этажа, в нижней сорочке, с несветлыми глазами. Даже с трезвым мне было бы сейчас трудно объясняться с ним, а тем более с таким. <...>

Расплывчатый пьяный прищур, заменяющий многознание и догадку...» (с. 113–114).

И таких натуральных зарисовок, совершенно ненужных, лишних, но явно намеренных, а иногда и ложных, в книге было немало не только о Твардовском, но и о других достойных людях, членах редколлегии журнала (И. А. Сац – «собутыльник Твардовского, мутный», А. И. Кондратович – «с ушами настороженными и вынюхивающим носом» и т. д.). Таким путем Солженицын хотел подчеркнуть, что для выхода на литературную орбиту у него не было мощной ракеты-носителя, редактора «Нового мира» и всей редколлегии журнала. Не упоминал Солженицын и о том, что его повесть публиковалась на основании специального решения Президиума Центрального Комитета КПСС, собиравшегося для ее обсуждения два раза.

«Конечно, я был обязан Твардовскому – но лично... Как Троя своим существованием все-таки не обязана Шлиману, так и наша лагерная залегающая культура имеет свои заветы» (с. 60).

Но ведь без раскопок Генриха Шлимана гомеровская Троя могла бы оставаться легендой и до настоящего времени.

Иносказательно объяснил в «Теленке» Солженицын и главную цель своего творчества:

«Из моих любимых образов – пушкинский царевич Гвидон. Чтобы верно погубить, засадили, засмолили младенца с матерью в бочку и пустили по морю-океану. Но – не потонула бочка, а аршинный младенец рос по часам, поднатужился, выпрямился,

Вышиб дно и вышел вон! –

правда на берегу чужеземном. И сам вышел и, заметим, выпустил свою мать.

Не до точности чужого берега должен образ сойтись, и непомерно честь велика выпустить на свободу Мать, – а вот как донья трещат у меня под подошвами и над макушкой, как из бочки вываливаются клёнки – это я ощущаю уже несколько лет и только точного момента не ухватил, когда ж я именно донья выпер, уже ли? <...> Или еще это впереди?» (с. 320).

В этом месте меня осенило. «Мать» – это ведь для автора **«Россия – мать, Русь – матушка»**. Ее он освободил или собирается освободить. Для этого писались и «Письмо вождям», «Мир и насилие», «Жить не по лжи», «Раскаяние и самоограничение», «Великопостное письмо Патриарху Пимену». «Архипелагом» – разрушить идеологию, а затем создать новую веру, улучшенный вариант православия. Ведь и все другие вероучения создавались книгами или проповедями. Попытка стать новым пророком становилась вполне очевидной.

Посылая конфиденциальными путями «Теленка» в Москву (многие друзья хотели получить книгу), я просил Роя уберечь от нее Марию Илларионовну Твардовскую. Но отрывки уже регулярно читали на радиостанциях «Свобода», «Немецкая волна» и по «Голосу Америки».

Дочери Твардовского получили вскоре книгу Солженицына какими-то другими путями. Рой, сообщая мне об этом уже в июне, писал:

«Младшая дочь, знавшая Солженицына лучше, не раз плакала, читая “Теленка”, конечно, от обиды... Вспоминая об этом, Оля все время спрашивала меня: какой же он – Солженицын – христианин?»

Раиса Львовна Берг

Еще в октябре 1974 года я получил письмо из Ленинграда от Раисы Львовны Берг специалиста в области популяционной генетики, с которой у меня были дружеские отношения. Она сообщала о своем намерении эмигрировать и спрашивала о возможности найти работу по генетике в Западной Европе или в США. Я написал ей откровенно, что серьезных шансов для ученых ее возраста (61 год), даже заслуженных, получить какую-либо должность нет. Раиса Львовна была дочерью выдающегося зоолога, географа и создателя новой теории эволюции – номогенеза, академика Льва Семеновича Берга, президента Всесоюзного географического общества. (С 1931 до 1940 года президентом этого общества был академик Н. И. Вавилов.)

Р. Л. Берг была в 1945–1954 годах женой моего друга, генетика Валентина Сергеевича Кирпичникова, помогавшего мне в 1961–1962 годах в сборе материалов для книги по истории конфликта в советской генетике (см. [главу 3](#)). Причины их развода мне не известны.

У Раисы Львовны и Валентина Сергеевича были две дочери – Елизавета и Мария.

Раиса Львовна окончила Ленинградский университет в 1935 году, специализируясь на кафедре генетики и экспериментальной зоологии. Там же она защитила кандидатскую диссертацию, а потом работала доцентом кафедры зоологии Ленинградского педагогического института. В 1948 году была уволена как морганист-менделист и смогла снова начать работу как генетик лишь в 1954-м. После организации в Новосибирске нового Научного центра АН СССР и создания в нем Института цитологии и генетики Раиса Львовна возглавила в нем лабораторию генетики популяций и получила ученую степень доктора биологических наук и звание профессора Новосибирского университета. Именно там я с ней познакомился в 1962 году, когда приезжал в новосибирский Академгородок узнать о возможности устроиться на работу. В 1966 году Раиса Львовна включилась в правозащитную деятельность и подписывала коллективные письма ученых в защиту Иосифа Бродского, Андрея Синявского, Юлия Даниэля, А. И. Гинзбурга и других. Политический климат в Академгородке был относительно либеральным. Усиление репрессивных мер в СССР в 1968 году в связи с событиями в Чехословакии привело к неизбежному увольнению Р. Л. Берг на пенсию, тем более что в Советском Союзе пенсионный возраст у женщин начинался с 55 лет. Она вернулась в Ленинград и до 1974 года трудилась на разных временных должностях. Раиса Львовна была исключительно одаренной женщиной, художницей, поэтом, очеркистом и лектором. Она владела немецким, французским и английским языками. Я с ней снова встретился в декабре 1967 года в Ленинграде на конференции, посвященной восьмидесятилетию со дня рождения Н. И. Вавилова. Она хорошо знала Николая Ивановича и выступала на конференции с воспоминаниями о великом ученом. В 1968 и в 1969 годах Берг приезжала в Обнинск, встречалась с Тимофеевым-Ресовским и читала мою рукопись «Международное сотрудничество ученых» у нас в квартире.

Моих советов Раиса Львовна не послушалась, и следующее письмо я получил от нее уже из Вены. Она, как и многие другие эмигранты, отказалась лететь оттуда в Израиль и теперь ждала переезда в Италию, в лагерь перемещенных лиц в Остии. Я посоветовал ей найти в Италии ученика Тимофеева-Ресовского профессора Адриано Буццати-Траверзо, популяционного генетика и в недавнем прошлом одного из заместителей генерального директора ЮНЕСКО, с которым я познакомился в 1973 году (см. главу 19). В январе 1975 года от Раисы Львовны пришло письмо уже из Италии, в ответном письме я сообщил ей адрес Буццати-Траверзо в Неаполе и вложил в конверт рекомендательное письмо на английском на бланке отдела генетики нашего института. Ответ от Р. Л. Берг от 18 февраля был более оптимистичен, чем прежние письма:

«Дорогой Жорес Александрович... Большое спасибо за хлопоты. Я встретила с Буццати-Траверзо. Очень он замечательный, очень многое понимает, смотрит на мир с грустью, но без отчаяния, не считает положение безнадежным, как и я. Настроение у меня от встречи с ним немного улучшилось, а то я совсем было приуныла – получила письма от Корсона, Ауэрбах и Дельбрюка с полнейшим “поворотом от ворот” – ничего нет, и не просите.

Буццати все мгновенно понял про Грина, Лернера и Добжанского с их неодолимым желанием ласкать Беляева во имя посещения Москвы в 1978 году, когда будет конгресс. Сейчас Буццати разрабатывает план устройства меня в Штатах. Сам он нигде не работает, богат на мой масштаб ужасно,

Дмитрий Константинович Беляев, упоминаемый в письме, – академик и директор института в Новосибирске, где работала Берг. После смерти Б. Л. Астаурова Беляев был избран президентом Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, и ему предстояла организация Международного генетического конгресса в Москве в 1978 году. Однако замечания Берг о западных ученых, отказавшихся якобы ей помочь, несправедливы. Шарлота Ауэрбах, британский генетик, была давно на пенсии, ей исполнилось 76 лет, Дельбрюк занимался вирусами и бактериофагами. Добжанский и Лернер были тяжело больны и на Генетический конгресс в Москву не собирались. Они до него и не дожили.

Раиса Львовна, как оказалось, подавала заявление об эмиграции вместе с дочерью Машей, имевшей ребенка, но разведенной. В таких случаях необходимо разрешение отца на выезд девочки, которого он не дал. Берг считала, что он «чинил препятствия в альянсе с КГБ». Она решилась на эмиграцию, не имея никаких приглашений, связанных с работой.

Интересными для меня были и первые впечатления Р. Л. Берг об Италии:

«Кризис у них какой-то игрушечный. Италия считается бедной страной. Так у нее всего завались. Что это за инфляция такая, когда все сыты и очередей в помине нет... Все вежливые. Люди работают. Никто не надрывается... А забастовки на забастовках. Сама попала в студенческую заваруху, и полицейские в меня стреляли патронами со слезоточивым газом. Все бежали прочь, а я стояла... Со стороны полиции идиотизм какой-то...»

Я написал Раисе Львовне, что смогу увидеть ее в Италии в июне по дороге на конгресс в Израиль, поскольку собирался добираться в Хайфу морем из Италии. Но в июне она уже находилась в США, а я не знал ее адреса и места работы. Как выяснилось позднее, Р. Л. Берг подключил на три года к одному из своих грантов профессор Джеймс Кроу (James F. Crow), известный популяционный генетик, также работавший с дрозофилой. Он руководил отделом генетики в Университете штата Висконсин в Мэдисоне. Я побывал там в 1977 году и нашел Раису Львовну вполне довольной своим положением. Ее дочь Маша и внучка к тому времени тоже выехали из СССР и поселились во Франции.

Рита на родине

В марте все формальности с визами и документами на поездку Риты в Советский Союз для встречи с заболевшим отцом были завершены, и я мог уже покупать билеты на самолет. Запланировали поездку на месяц, отлет – утром 21 апреля, возвращение – вечером 21 мая. При непредвиденных обстоятельствах дату возвращения можно было и отодвинуть. Нельзя сказать, что «были сборы недолги». Конечно, главное было повидать отца и сына, но хотелось встретиться и со многими другими людьми, а планировать программу визитов заранее трудно. По просьбе родных и друзей нужно было достать несколько препаратов для лечения рака груди и простаты, купить два слуховых аппарата, привезти новые средства от гипертонии и новые снотворные. Советская медицина все еще сильно отставала от западной именно в области фармакологии. Первая неделя отводилась на пребывание в Калининне. Там в квартире младшей дочери Раи лежал парализованный отец Риты. За ним следил и сын

Валентин. Четыре племянника и две племянницы Риты учились еще в школе. И всем жилось нелегко. В Москве Рой и друзья готовили свою программу встреч. Хотелось побывать и в Обнинске. Дима собирался послать подарки своим школьным друзьям. Но вес багажа в самолет ограничивался двадцатью килограммами. Нельзя было не навестить Тимофеева-Ресовского. Владимир Дудинцев, Валентин Турчин, Владимир Лакшин, студенческие друзья тоже готовили встречи. Но все решения можно было принимать только на месте. Пока главное – долететь и пройти пограничный и таможенный контроль, там ждала, как оказалось, именно Риту специальная группа для досмотра, личного обыска и расспросов.

В аэропорту ее встречали Рой с другом Алешей Чеботаревым, имевшим машину, и Дудинцев на своей «Волге». Рита вышла к ним с задержкой – каждую вещь багажа и содержимое сумочки осматривали эксперты. Проверили волосы, прощупали одежду, сосчитали деньги, сумму записали в декларацию (при отлете проверят, сколько осталось). Первая, самая горячая встреча оказалась неожиданной. Наш любимый эрдельтерьер Норд, не видевший хозяйку два с половиной года, скатился кубарем с последнего этажа хрущевской пятиэтажки. До него, ждавшего на балконе, донеслись какие-то знакомые запахи или голос. Не успела Рита выйти из машины, как Норд уже облизывал ее, поднявшись на задние лапы и разорвав при этом бусы. Слышно было, как стучит от волнения его сердце.

По телефону я вечером узнал с облегчением, что все в порядке. На следующий день Рита поехала в Калинин, звонить туда я не мог, у сестры Раи не было телефона. Но открытки из Калинина приходили в Лондон быстрее, чем из Москвы. Первая была от 22 апреля, с краткими сведениями о Саше и всех родных («папа стал очень слабым»). Отец Риты был частично парализован, говорил с трудом, но был в полном сознании. Открытка от 24 апреля сообщала о процедуре прописки. Прибывшим из-за границы проставляли в местной милиции в паспорте особый штамп со сроками пребывания. Без такого штампа нельзя было улететь обратно. Открытка от 25 апреля была уже спокойнее: «Калинин такой же красивый, а Волга – и сказать не могу». 26 апреля: «Посылаю две книжки. От книжек в восторге и зашлю вас ими, не удержусь». Первое более подробное письмо было датировано 27 апреля. Следующее письмо от 29 апреля писалось в электричке. В нем подробно сообщалось обо всех семейных делах в Калинине. Через несколько дней пришло письмо от 3 мая, уже из Москвы:

«Были в “Современнике” – днем. Смотрели четыре маленькие пьески... Очень хорошо, современно, интересно. После театра поехали к Лакишиным на обед. Они счастливые, второй сын родился, еще малюсенький, не растает с соской, которую я ему привезла. Ее теперь называют “англичанка”. Света стала почти как две Светы прежних, но она от счастья этого не замечает...»

Письмо от 4 мая:

«...побывали сегодня на Новодевичьем – навестили Александра Трифоновича, Бориса Львовича и Ромма. Памятника пока нет ни у Ал. Тр. ни у Бориса Львовича, все еще в проекте... На этой неделе увижу Владимира Дмитриевича и их всех и Владимира Павловича... Завтра вышлю три бандероли с книгами...»

Следующее письмо датировано Днем Победы (все друзья слали мне приветы):

«Вчера первый раз походила немного по Москве... от площади Маяковского... зашла в пельменную, полакомилась пельменями со сметаной (настоящей!!), потом переулочками и улочками до Столешникова и, конечно, соблазнилась пирожными. Была еще раз в театре. Посмотрела “Деревянные кони” и “Пелагея и Алька” Ф. Абрамова на Таганке. Очень хорошо. На метро – одно удовольствие – поезда идут один за другим, не то что в Лондоне. Тимирязевку не узнать, застроено все...»

В тот же день еще одно письмо:

«Я снова в дороге, еду к папе... дорога красивая, березовые леса кругом... уже загорают и даже купаются в Химках... Только что появилась в вагоне мороженщица с тележкой. “Ленинградский пломбир” все такой же и стоит все те же 22 к. – не то что в Лондоне».

Потом еще четыре письма из Калининна:

Были сегодня с Валею на кладбище у мамы... тихо, спокойно и грустно... Погуляли на набережной... До чего же Волга красивая!..»

От 14 мая:

«Была в Обнинске. Всех повидать не смогла, конечно. От Николая Владимировича привет большой и сердечные объятия... Встретила Диминых друзей... Саша Нивенчин поступает в военное училище. Других тоже призывают в армию. Ждут Диминых писем... Обнинск расстроился сильно – за Белкино, где ты ловил лягушек, – целый квартал. Со всеми из лаборатории нашей встретилась, и просидели до глубокой ночи, а потом с Ирой и Виктором у Нади чуть не до утра... Сейчас опять еду к папе, уже так мало остается дней...»

Хотелось поехать и в Ленинград, хоть на пару дней. Там ждали Риту моя тетя Надя и Веточка, двоюродная сестра. Хотел расспросить о нашей жизни и Петр Михайлович Жуковский. Ему недавно исполнилось 87 лет, но он заканчивал второй том третьего издания книги «Культурные растения». Времени на Ленинград не оставалось. От Анаиды Иосифовны Атабековой, его ученицы и жены моего первого декана Н. А. Майсурына, передали ему привет по телефону.

Вечером 21 мая мы с Димой поехали в аэропорт Хитроу встречать Риту. У Димы уже была своя машина, старый «фиат», купленный у школьного друга Тони, который первым начал давать Диме уроки вождения. Экзамен на водительские права Дима сдал еще в прошлом году. Самолет немного задерживался, как оказалось – из-за Риты. Ее слишком долго обыскивали перед посадкой в самолет, отведя в особую комнату. В результате вылет задержался на полчаса.

И вот наконец в зале ожидания мы увидели Риту, усталую, сильно похудевшую, но счастливую. Она толкала перед собой тележку с двумя большими чемоданами и сумками, заполненными, как оказалось, подарками от друзей: книгами, бородинским хлебом, сушками, копченой колбасой, шпротами, икрой и бутылками лучшего грузинского вина, «Чхавери» и «Хванчкара», которые прислала из Тбилиси в Москву Алла, моя двоюродная

сестра.

Через две недели пришла из Калинина печальная телеграмма, скончался Николай Александрович, отец Риты.

Международный геронтологический конгресс в Иерусалиме

10-й Международный геронтологический конгресс в Иерусалиме открывался 22 июня. Мой доклад о возрастных изменениях состава белков в клетках при старении (The changes of macromolecular information in aging cells) был включен в заседания первого пленарного симпозиума 23 июня. Полную программу конгресса вместе с несколькими томами рефератов обычно выдавали участникам при личной регистрации в оргкомитете. Регистрационный взнос я оплатил уже давно, и номер в гостинице был для меня забронирован с 20 июня. Я записался лишь на экскурсию в Вифлеем – в недавнем прошлом иорданский город, где родился Иисус Христос. Из советских геронтологов я получал иногда письма и запросы на оттиски только от Геннадия Дмитриевича Бердышева из Киева, который в прошлые годы работал в Хабаровске и изучал особый тип быстрого морфогенетического старения тихоокеанских лососей. Другие мои коллеги из Киева, Харькова и Москвы переписываться не решались и на мои письма и редкие запросы оттисков не отвечали. Бердышев в письме от 20 января сообщил, что послал в оргкомитет конгресса заявку на доклад «Возрастные изменения структуры и функций хроматина» и реферат. Регистрационный взнос он предполагал оплатить уже после прибытия в Израиль. Конгресс в Иерусалиме открывал, согласно программе, директор Всесоюзного института геронтологии в Киеве академик Дмитрий Федорович Чеботарев, который с 1972 года был президентом Международной ассоциации геронтологии. В Иерусалиме планировалась церемония передачи этого поста профессору Дэвиду Даннону. Чеботарев как президент Ассоциации проводил с другими ее членами подготовительную работу, составлял программу, подписывал приглашения ведущим лекторам и докладчикам, а также председателям симпозиумов и секций. Естественно, что после 9-го конгресса в Киеве в 1972 году (см. [главу 16](#)), в работе которого из 2510 зарегистрированных участников 1143 были советскими учеными (436 из США и только 13 из Израиля), ожидалось, что советская делегация будет представительной и на 10-м конгрессе. По размаху исследований и количеству публикаций в области геронтологии Советский Союз в 1975 году занимал второе место в мире после США.

Я прибывал в Израиль 13 июня круизным лайнером из Сиракуз в Хайфу, с однодневной остановкой в порту Лимасол на Кипре. В Хайфу меня приглашал Дэвид Гершон, геронтолог, изучавший возрастные изменения ферментов. Я переписывался с ним давно и встретился в Киеве в 1972 году (см. [главу 16](#)). Гершон руководил отделом биологии в израильском Институте технологии. Здесь мне предстояло сделать доклад на семинаре и познакомиться с работой сотрудников отдела.

В 1974 году изучением возрастных изменений индивидуальных ферментов тканей занимались во всем мире лишь Робин Холлидей – в нашем институте на культурах тканей, Мортон Ротштейн – в США на нематодах и Дэвид Гершон – на дрозофилах. Я начинал работу в этом же направлении, но не с ферментами, а с хромосомными белками – гистонами.

Из Хайфы через три дня я приехал на поезде в Тель-Авив, уже как турист, а 20 июня –

на автобусе в Иерусалим. До открытия конгресса у меня в Иерусалиме были намечены две встречи со старыми московскими друзьями – Борисом Цукерманом, уехавшим в Израиль в 1971 году, и Мэликом Агурским, приехавшим туда лишь в апреле 1975 года и в данный момент проходившим ассимиляцию в ульпане.

Два дня я гулял по Иерусалиму, в то время не очень большому городу (население около 300 тысяч человек), но с множеством исторических памятников и храмов трех основных религий. Каждый день я заходил и в оргкомитет конгресса. Списки ученых, прибывавших из разных стран, и их регистрационные номера для внутриконгрессной переписки обновлялись для обозрения три или четыре раза в день. Наиболее длинным к 21 июня был список американских ученых. Среди них оказалось много знакомых имен. За ним следовали списки британцев и геронтологов из Западной Германии. Из Советского Союза не появилось ни одного человека. В секретариате я узнал, что официально предварительную регистрацию прошли лишь три советских геронтолога, одним из них был Геннадий Бердышев. Но никто из них к 22 июня не смог приехать в Израиль. Ждали прилета президента IAG профессора Чеботарева. 21 июня от него пришла телеграмма, сообщавшая, что он болен и не может сделать отчетный доклад. Он просил профессора Натана Шока, бывшего президента IAG зачитать готовый доклад и провести церемонию передачи полномочий Д. Даннону.

По числу участников (1271 из 37 стран) 10-й конгресс отставал от 9-го (делегаты из 41 страны), но исключительно из-за отсутствия советских ученых и геронтологов из Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. Безусловно, это могло быть лишь результатом секретной директивы Политбюро и правительства СССР, запрещавшей поездку в Израиль советским ученым. Другие страны Восточной Европы, кроме Румынии, последовали этому примеру. Восточный Иерусалим не признавался Советским Союзом городом, принадлежавшим Израилю. Этот бойкот, крайне неразумный для данной области биологии и медицины, далекой от политики, оборачивался весьма значительным ущербом для советской геронтологии, которая надолго выбывала из системы международного научного сотрудничества, изолируя себя от других стран. В ближайшем будущем никто не мог решиться отправлять приглашения советским ученым и включать их доклады в программу заседаний. Полный бойкот (на конгресс в Израиле не приехал ни один из советских членов международных геронтологических организаций) был равноценен выходу СССР из Международной ассоциации геронтологии.

(Следующий, 11-й Международный геронтологический конгресс планировался в 1978 году в Токио. Туда из 1840 участников лишь четверо прибыли из СССР. На 12-й в Гамбурге смогли приехать только семь советских ученых. На самом большом, 13-м конгрессе в Нью-Йорке в 1985 году среди 3100 зарегистрированных участников присутствовало лишь два человека из СССР, меньше, чем из Таиланда или Португалии, где не было геронтологических обществ. Я в последний раз участвовал в работе 14-го конгресса в 1989 году в Акапулько в Мексике. Из Советского Союза туда никто не смог приехать.)

Борис Цукерман и Михаил Агурский

С Борисом Исааковичем Цукерманом, физико-химиком, жившим в Москве, я был в дружбе с 1967 года, познакомившись в связи с нашей общей кампанией против нарушения советскими властями Всемирной почтовой конвенции. Я рассказывал о действиях Цукермана в книге «Тайна переписки охраняется законом», изданной в Лондоне и Нью-

Йорке в 1972 году. Если я изучал в основном причины пропаж обычных и заказных писем и бандеролей в результате перлюстрации – незаконного вскрытия международных и внутренних почтовых отправок, осуществлявшегося секретной почтовой службой КГБ («черным кабинетом»), то Борис Цукерман, убедившись, что его заказные международные письма пропали, составлял обоснованные требования о выплате положенной в таких случаях компенсации. Я тоже составлял и отправлял на Международный почтамт такие требования, но дальше этого не шел. Цукерман, как участник правозащитного движения (группа законников), начал предъявлять судебные иски к Международному почтамту, требуя компенсации. При этом он составлял эти иски столь убедительно с юридической точки зрения, что их приходилось рассматривать на судебных заседаниях с вызовом ответственных работников Международного почтамта. Решения народного суда, однако, всегда были: «в иске отказать».

Цукерман, однако, не сдавался. Поскольку Всемирная почтовая конвенция предусматривала равные права на компенсацию для отправителя и получателя, он передавал право на иск пострадавшим получателям в Англии и в США, которых знал. Там решения почтовых служб, не доходя до судов, были всегда в пользу пострадавших от советского «черного кабинета» и им выплачивались приличные суммы компенсаций, половину которых должна была платить советская почта. Эта проходившая незаметно борьба сыграла историческую роль, изменив со временем всю систему пересылки международной заказной и застрахованной корреспонденции. КГБ утратил возможность безнаказанно и бесследно конфисковывать заказные письма. Перлюстрация, конечно, сохранялась, но необъяснимые пропажи заказных писем почти исчезли. Для объяснения причин конфискации нужно было составлять акт с характеристикой недозволенных вложений.

Борису Цукерману «черный кабинет» не простил своего поражения. Вскоре его вызвали в военкомат как офицера запаса и направили на медицинское обследование. Ему грозила психиатрическая экспертиза на синдром кверулянтная паранойя, или патологическое сутяжничество. Не дожидаясь завершения обследования, семья Цукермана подала заявление на эмиграцию в Израиль. Они жили в Иерусалиме с начала 1972 года. Я писал ему из Лондона, но на письма всегда отвечала его жена, сам Борис почему-то молчал.

Я планировал повидать Цукерманов 21 июня, за день до открытия конгресса. Но Шура сказала по телефону, что суббота у них занята другими делами. Договорились на вечер 20 июня. Дом, где они жили, находился за чертой города на территории бывшей Иордании. В прошлом нерелигиозный, Борис стал ортодоксальным иудеем, прошел необходимые обряды, регулярно посещал синагогу и соблюдал все правила. Его жена Шура была русской и православной христианкой, посещавшей службы в церкви. Борис теперь не мог есть блюда, которые она готовила. Кошерную еду для него готовила дочь Аня, учившаяся в еврейской школе при синагоге. Вся посуда на кухне была отдельной для каждого члена семьи и типа диеты. Сын оставался неверующим и собирался поступать в университет во Франции. Советские проблемы теперь Бориса совершенно не интересовали.

Кибуц, в котором жила семья Мэлика Агурского (его жену Веру я не знал), находился за городом, и к нему нужно было добираться на такси. А по субботам работали только таксисты-арабы, для них это был обычный рабочий день.

Агурский был другом Роя и Турчина. Я знал его плохо и в прошлом встречался с ним лишь несколько раз. Один раз, в 1971 году, он приезжал в Обнинск. Агурский имел техническое образование, был инженером и несколько лет работал в Институте

металлорежущих станков. Аспирантуру закончил в Институте автоматики и телемеханики АН СССР. Опубликовал несколько работ в области кибернетики.

С середины 1960-х годов Агурский под влиянием проповедника Александра Меня стал серьезно интересоваться христианской религией. У него появилось много друзей среди православных священников, и в результате он официально принял православное христианство и прошел необходимые для этого обряды. В то же время в ряде своих уже самиздатных работ Агурский пытался как-то объединить христианство с иудаизмом, объясняя, что у этих религий общие корни.

Эта сторона деятельности Агурского меня не интересовала. Но Мэлик Самуилович был интересным и оригинальным мыслителем и в области истории и социальных проблем. Он умел излагать свои мысли ярко и парадоксально, вызывая этим дискуссии.

Неожиданно для меня и Роя, более близко знавшего Агурского, он в 1971 году уволился с работы и подал заявление на эмиграцию в Израиль. Поскольку его институт имел какое-то отношение к секретным исследованиям, Мэлику Самуиловичу нужно было пройти так называемый период охлаждения в течение трех или более лет. Освобожденный от работы, он занялся активной правозащитной деятельностью, сблизился с Сахаровым, а впоследствии и с Солженицыным. (Для статей Мэлик изменил свое имя на Михаила. Его имя по паспорту складывалось из заглавных букв имен Маркс, Энгельс, Ленин и Коминтерн. Отец Мэлика был известным революционером и партийным деятелем.)

Моя встреча с Агурским в Израиле состоялась по просьбе, изложенной в письме Роя от 20 марта:

«Агурский получил визу на выезд, и срок ее до 4 апреля... У него очень большая библиотека, и часть книг он продает... некоторые я у него куплю. Но он хотел бы, чтобы оплату произвел ты из Лондона, здесь ему деньги сейчас ни к чему. Он все хочет увезти, но не на все дают разрешение. Такой порядок, что редкие и антикварные издания могут продаваться через букинистов, но только в пределах СССР. Я думаю купить у него Энциклопедию Брокгауза и Эфрона. Также хотел бы купить Энциклопедию Гранат – это почти 60 томов. Энциклопедии и справочники лучше всего иметь дома, под рукой, особенно для историка...»

Так что теперь мне нужно было выполнить просьбу Роя и оплатить его покупку.

Агурский принял меня очень тепло. Он приехал в Израиль с женой и дочерью, студенткой биофака МГУ. Что-то им в Израиле уже сильно не нравилось. Дочь хотела переехать в США или в Англию, чтобы продолжить образование. Агурский понял, что его православное христианство станет главной трудностью для жизни и работы в Израиле.

Уже 20 июня я обнаружил недалеко от моей гостиницы хороший грузинский ресторан «Кавказ». Владелец, грузин по внешности, ответив на мое «Гамарджоба, генацвале!», принял меня очень радушно. На моем пиджаке уже был приколот бейджик с эмблемой Геронтологического конгресса, который стал событием для Иерусалима. В последующие дни я приглашал сюда американских и британских друзей. Они часто говорили, что никогда не ели столь вкусных блюд. С 1968 года грузинские евреи, потомки еврейских переселенцев, которые начали перебираться в Грузию из завоеванного Иерусалима почти 2500 лет назад, стали возвращаться на свою историческую родину. В течение многих веков жизни в Грузии они ассимилировались, приняли грузинские имена и стали говорить на грузинском. Они

сохраняли религию, но не диету. Наиболее популярными у американцев и британцев были суп харчо, чахохбили, сациви, аджапсандали, хачапури и закуски из баклажан. Грузинские вина в Израиль доставляли из Грузии.

Журнал Роя Медведева «Двадцатый век»

В начале 1975 года Рой сообщил мне в конфиденциальном письме, что решил готовить в Москве самиздатный ежеквартальный журнал под условным названием «Двадцатый век». Из его объяснений можно было понять, что появление в Германии журнала «Континент» под редакцией Владимира Максимова, альманаха «Из-под глыб» под редакцией Солженицына и подготовка к выходу в Израиле ежемесячного русского журнала «Время и мы» под редакцией Виктора Перельмана, в недавнем прошлом известного журналиста «Литературной газеты», создавало определенный форум для религиозных и антисоциалистических течений в среде оппозиционной интеллигенции, основные представители которой уже эмигрировали в западные страны или в Израиль. В то же время в Советском Союзе появилась социалистическая или социал-демократическая интеллектуальная оппозиция однопартийной коммунистической системе, настроенная на реформы, а не на эмиграцию. В состав этой, никак еще не оформленной, оппозиции вошли писатели, журналисты, историки, научные работники, которые считали возможной постепенную демократизацию и либерализацию советской системы. Только реформы, по их мнению, могли снизить уровень конфронтации в холодной войне и гонки вооружений, который стал слишком тяжелым грузом для развития экономики во всем мире. Эти идеи левого крыла оппозиции, выразителями которой можно было бы считать «Новый мир» до 1970 года и Театр на Таганке Юрия Любимова, требовали нового политического анализа и теоретической разработки.

«У нас сейчас выходят несколько самиздатных журналов, – писал Рой. – Православные националисты распространяют журнал “Земля”. Более крайняя группа из русских националистов с антисемитским уклоном “издает” альманах “Московский сборник”, вышло, наверное, три или четыре номера. Печатается на папирсной бумаге журнал “Евреи в СССР”, вышли 9 номеров.

Мой “Двадцатый век” будет в этом самиздате представлять что-то вроде социалистического левого журнала с широким диапазоном. Главная цель журнала – дать какой-то выход накопившейся интеллектуальной энергии и сохранить часть хорошей литературы и вести обмен мнениями».

В марте Рой уже сообщал мне об отправке микрофильмов первых двух номеров. Они включали очерки Р. Б. Лерт «Из истории борьбы против космополитизма», М. П. Якубовича «1917-й год. Из жизни идей», Сергея Елагина (псевдоним) «Кровожадное христианство Вл Максимова», А. Красикова (псевдоним) «Товар номер один» (о торговле водкой), Льва Копелева «Модернизм без берегов» и «Из воспоминаний» Бориса Ямпольского, известного писателя, друга А. Т. Твардовского. Ямпольский умер в 1972 году, оставив своим родным и друзьям несколько неопубликованных произведений. Все эти работы и несколько других, которые я вскоре получил, были исключительно интересными как публицистические и литературные произведения. Рою обещали сотрудничество Валентин Турчин, начавший книгу «Инерция страха», Евгения Гинзбург (главы из третьей книги «Крутого маршрута»),

Василий Аксенов, Владимир Войнович, закончивший сатирическую повесть «Иванькиада», и Юрий Домбровский, известный писатель, печатавший в прошлом свои произведения в «Новом мире». «Есть предложение о публикации превосходного детектива о жизни Зощенко», – писал Рой в письме от 17 апреля. Он также предполагал, что я мог бы обеспечить публикацию сборников лучших материалов из его журнала на русском языке в Англии и их переводы на основные европейские языки уже на коммерческой основе, чем и обеспечить оплату литературного секретаря. Я вскоре стал получать и рекомендации по поводу гонораров. Евгения Гинзбург, в то время тяжелобольная, прислала что-то вроде доверенности или завещания, написанного от руки, но никем не заверенного, в котором сообщала, что ее гонорары следует переводить ее сыну Василию Аксенову.

В какой-то мере Рой по западной классификации советских диссидентов считался лидером социалистической оппозиции. (Андрея Сахарова объявляли лидером борцов за права человека и западником, а Солженицына записывали в религиозно-славянофильскую группу.) Классификация эта была крайне условной, никаких реальных лидеров среди диссидентов не существовало и не могло существовать.

В 1970–1971 годах, после отправки в США для публикации рукописи книги «К суду истории», Рой завершил работу над рукописью «Книга о социалистической демократии», которая была достаточно быстро издана уже в 1972 году на русском в Амстердаме (издательством «Фонд имени Герцена») и на французском в Париже («Editions Grasset & Fasquelle»). Редактор русского издания профессор русской литературы Карел ван хет Reve (Karel van het Reve) и редактор французского издания профессор политических наук Джордж Хаупт присылали мне множество рецензий, появившихся в 1972–1973 годах в различных газетах и журналах. Основное внимание почти во всех рецензиях обращалось на тезис автора о том, что в период 1964–1970 годов в партийном руководстве СССР сформировалось левое, относительно либеральное крыло антисталинистов, боровшихся за восстановление политического курса XX и XXII съездов КПСС, свернутого после смещения Хрущева. Им противостояли неосталинисты Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин и М. А. Суслов, стремившиеся к реабилитации Сталина.

Рой в своей книге, по понятным причинам, не называл ни имен, ни должностей основных представителей либерального крыла в КПСС. Но у рецензентов, особенно из числа западных политологов, таких ограничений не было. Среди партийных либералов они чаще всего называли А. Н. Яковлева, заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, и А. М. Румянцева, члена ЦК КПСС, в недавнем прошлом главного редактора «Правды», академика и вице-президента АН СССР и директора им же созданного Института социальных исследований. (До 1965 года социология считалась в СССР буржуазной наукой.) Вокруг них сгруппировалось немалое число либеральных ученых, экономистов, историков, политологов (Лен Карпинский, Георгий Арбатов, Абель Аганбегян, Татьяна Заславская, Георгий Шахназаров и другие), приобретающих известность в основном благодаря своим публикациям. По инициативе А. Яковлева были созданы новые средства массовой информации: радиостанция «Маяк» и журнал «За рубежом», которые быстро приобрели необычайную популярность. Еженедельник «За рубежом», печатавший переводы статей из западных газет и журналов, невозможно было подвергать цензуре.

В 1973 году эта неоформленная группа партийных либералов была разгромлена. Поводом к тому послужила статья Яковлева «Против антиисторизма», опубликованная 15 ноября 1972 года в «Литературной газете» и обсуждавшаяся в начале 1973 года на заседании

Секретариата и Политбюро ЦК КПСС. (Повод был, можно сказать, искусственный, так как статья, разбиравшая произведения некоторых писателей, не стала в то время сенсацией.) Александра Яковлева назначили послом СССР в Канаду, а Алексея Румянцева освободили с поста директора института. Немало ведущих сотрудников института было уволено. В результате этих крайне консервативных акций много способных людей, вполне лояльных социалистической идеологии и членов КПСС, оказалось в положении диссидентов. Некоторые из них удовлетворились назначениями на менее влиятельные посты и переходом на работу в провинциальные города, другие, однако, пополняли круг авторов самиздата, иногда анонимно. Самиздат, лишившийся таких фигур, как Солженицын, Бродский, Галич, Синявский, Максимов, Агурский, расширился за счет новых и весьма компетентных левых авторов. Они-то и могли теперь стать основой нового журнала.

В конце марта я получил от Роя короткую записку от 21 марта, пересланную через западных журналистов в Москве:

«Вечер 21-го

Сегодня был по вызову в Прокуратуре Москвы. “Беседа” продолжалась пять часов. Кроме прокурора присутствовал еще один человек с моим “досье”. Мне после беседы было предъявлено предписание, в котором было сказано примерно следующее: “Гражданину без определенных занятий Медведеву Р. А. предлагается прекратить клеветническую деятельность, направленную против интересов советского государства, и заняться общественно полезным трудом”.

Я отказался подписать это “предписание”, сказав, что не считаю себя “человеком без определенных занятий” и не считаю свою деятельность “клеветнической”».

В конце апреля я получил от Роя некоторые материалы для третьего номера «Двадцатого века» и письмо, сообщавшее об обыске группой из КГБ квартиры Валентина Турчина, который делал микрофильмы материалов журнала и некоторых других работ самиздата:

«У Турчина взяли много всяких материалов, протокол обыска на 50 страницах... Так были изъяты многие твои письма, не все, конечно, но не меньше 6–7 из последних. Были изъяты вообще все книги и статьи, и твои и мои. Конфисковали и все издания “Посева”, которые перешли Турчину от Агурского... Забрали у него и все фотоаппараты и фотоустановку для микрофильмирования...»

Валентин Турчин – предсказатель Интернета

Валентин Федорович Турчин стал моим близким другом в Обнинске в 1964 году. Я уже писал о нем (см. [главу 5](#)) как о капитане обнинской команды КВН, победившей в телевизионном турнире команду Дубны. Эта победа сделала Турчина известным не только в Обнинске. В то время он работал в теоретическом отделе Физико-энергетического института (ФЭИ), где изучал проблемы, связанные с работой реакторов на быстрых и медленных нейтронах. К тридцати трем годам (он родился в 1931-м) Турчин защитил

докторскую диссертацию и мог рассчитывать на блестящую академическую карьеру. В 1964 году, после публикации монографии «Медленные нейтроны», он увлекся кибернетикой и решил изменить направление своей научной деятельности. До 1964 года кибернетика в СССР почти не развивалась и считалась буржуазной наукой. Реабилитация классической генетики, после смещения Хрущева, помогла и реабилитации кибернетики и некоторых других научных отраслей. Научные дисциплины перестали делить на идеалистические и материалистические. Кибернетика возникла как научная дисциплина лишь после войны, вместе с появлением компьютеров, или электронных вычислительных машин, первоначально изобретенных в Великобритании для расшифровки германских военных кодов. Кибернетика развивалась как наука об общих закономерностях передачи информации (в машинах, в живых организмах и даже в обществе). Однако быстро появилась и другая крайность – кибернетику стали называть наукой наук. Специалисты в области кибернетики нередко считали возможным для себя выдвигать и разрабатывать концепции и идеи в политэкономии, социологии, истории, биологии и множестве других наук, не обращаясь к трудам и открытиям основоположников.

В 1965 году Турчин перешел на должность старшего научного сотрудника в Институт прикладной математики АН СССР, который возглавлял президент Академии М. В. Келдыш и вскоре сделал крупный по тому времени вклад в науку о компьютерах – создал новый компьютерный язык, названный РЕФАЛ. Он стал заведующим лабораторией института. В Москве у Турчина, человека яркого и общительного, быстро появилось много новых друзей, среди них Рой и Владимир Лакшин. Физик Юрий Живлюк познакомил в 1970 году Турчина и с А. Д. Сахаровым. В то время я встречался с Валентином редко, и история со знаменитым «Открытым письмом А. Д. Сахарова, В. Ф. Турчина и Р. А. Медведева руководителям партии и правительства», составленным в феврале или в марте 1970 года, стала для меня неожиданностью. Инициатором этого письма был именно Турчин, который подготовил основной текст. Главная идея письма, вполне лояльного по стилю и содержанию, состояла в том, что демократизация общества коррелирует с научно-техническим прогрессом. Демократизация советской системы, к которой призывали авторы, должна привести и к ее быстрому экономическому развитию: «Демократизация должна способствовать сохранению и укреплению советского социалистического строя, социалистической экономики и наших культурных достижений и социалистической идеологии...»

По замыслу Турчина, как пишет А. Сахаров в своих «Воспоминаниях», «подписать письмо должны были пользующиеся влиянием люди либеральных взглядов – академики, писатели, кинорежиссеры и т. п.» (Париж, 1990. С. 397). Сахарову идея понравилась, но он серьезно изменил первоначальный текст и, как сам потом признавал, довольно неудачно. Первые академики, к которым обратился Сахаров, – Л. А. Арцимович, П. Л. Капица и М. А. Леонтович – подписывать «Письмо» отказались. В итоге этот документ подписали лишь Сахаров, Турчин, а затем по их просьбе и Рой Медведев. Этот шаг и стал началом активного диссидентства Турчина.

К этому времени он написал научно-популярную книгу «Феномен науки», в которой рассматривались история науки и эволюция с позиций кибернетики. Книга была одобрена издательством «Советская Россия», и в 1973 году уже планировался ее выход в Москве. Автор получил и отредактировал верстку. Однако после подписания Турчиным протестов по поводу начавшейся в прессе кампании против Сахарова издательство, по директиве сверху, расторгло договор и рассыпало набор книги. Сам Турчин вскоре был уволен из института

через лишение допуска к секретным материалам. Я уже писал (см. [главу 21](#)), что Валентин сумел переслать микрофильм верстки своей книги мне в Лондон. Я предложил ее для издания сначала издательству «Macmillan», но получил отказ. Издательство «Oxford University Press» после трехмесячного рассмотрения вернуло рукопись. Я отправил ее в США в «Columbia University Press». Там книга получила хороший отзыв от крупного ученого и историка науки профессора Лорена Грехема (Loren R. Graham), читавшего в Колумбийском университете лекции по истории науки. По доверенности Турчина я вскоре подписал договор на издание этой книги, который предусматривал и выплату небольшого аванса. Перспектив получить работу по специальности, во всяком случае в Москве, у Турчина не было. В конце 1974 года он запросил разрешение на поездку в США для чтения лекций. Его приглашал директор Федерации американских ученых (FAS) Джереми Стоун, приехавший Москву в 1973 году. В разрешении было отказано уже при рассмотрении характеристики с последнего места работы. В ней отмечалась заслуга Турчина в создании метаязыка РЕФАЛ но в заключительном пункте говорилось, что заявления Турчина «для представителей буржуазной прессы, оправдывавшие поведение академика Сахарова, были единодушно осуждены общим собранием работников института».

У меня с Валентином Турчиным велась активная переписка, и я старался помочь его семье, в основном отправкой книг-альбомов по живописи и русской классики, но и нескольких посылок с разными вещами. В Лондоне в 1974 году (и позже) существовал небольшой польский торговый центр, который специализировался на отправке вещевых посылок в Восточную Европу и СССР. В этом центре, купив товар (в основном одежду и обувь), обычно недорого, можно было его упаковать для отправки и тут же оплатить не только почтовые расходы, но и пошлину. Доставка гарантировалась, а получатель в СССР уже ничего не должен был платить. Такие посылки я периодически отправлял нашему Саше, Рою, Турчину и некоторым другим родственникам и друзьям.

Положение Турчина, не имевшего работы, было трудным. Как научный сотрудник режимного института, обслуживавшего советские космические программы, нередко секретные, он не мог получить визу на эмиграцию или просто на поездку в западную страну, не пройдя период охлаждения, срок которого не был определенным.

В возникших среди диссидентов дебатах, связанных с поправкой Джексона и разрядкой, которые я обсуждал в предыдущих главах, Турчин выступал с поддержкой позиции Сахарова. У него, конечно, были для этого и личные мотивы. Трудно представить, что он действительно верил в способность сенатора Джексона изменить внутреннюю политику СССР.

Совершенно неожиданно в ноябре 1974 года я получил от Валентина длинное, на восьми страницах, письмо, отпечатанное на машинке и явно подготовленное для распространения. Вместо обычного «Дорогой Жорес» оно начиналось сухим «Жорес Александрович!»:

«Я слушал краткий отчет о Вашем выступлении в сенате, передававшийся по “Голосу Америки”. Впечатление остается тяжелое, не только у меня... Если разделение среди диссидентов существует, то это лишь разделение шеренги по росту на две части. Это разделение видит человек, стоящий где-то посередине шеренги. Этот человек – Рой. Когда Рой смотрит направо, он видит людей более высокого роста, и в первую очередь – Сахарова и Солженицына; когда он

смотрит налево, он видит тех, кто пониже его, а дальше в хвосте идут и совсем согнутые и скрюченные... Вот и все разделение. В этой ситуации мы должны восхищаться теми, кто выше ростом, и поддерживать их, ибо они прикрывают и нас, они задают масштаб для оценки нашего поведения... А вы с Роем ругаете их... Если у Сахарова или Солженицына есть “экстремизм”, то есть крайность, то это крайность величины. Благодаря тому, что Сахаров защищен своим международным авторитетом, он проявляет, скажем, тысячу единиц свободомыслия. Поэтому со стороны других начальству приходится терпеть хотя бы десять-двадцать единиц, а безвестным Ивановым не позволяют и одной десятой единицы...»

Далее на четырех страницах шли какие-то сложные политико-кибернетические рассуждения с попыткой доказать, что марксизм – это Зло, ведущее к разрушению общечеловеческих ценностей, и что никакой классовой борьбы не существует:

«...западные политики более дальновидны, они мыслят в масштабе поколений и, следовательно, в масштабе общечеловеческом, учитывая интересы всех людей и опираясь на этические и философские понятия... Джексон – наш союзник, он заботится не только о советских гражданах, желающих эмигрировать, но и об американцах, в том числе – еще не родившихся».

В конце этого длинного письма Турчин добавлял, уже как нормальный человек, а не политический кибернетик:

«Дорогой Жорес! Я надеюсь, что наши дружеские отношения не пострадают от взаимной критики...»

Копию этого письма Турчин передал Рою. В самиздат оно не пошло – возможно, из-за кибернетической запутанности. Ни Рой, ни я на это письмо не ответили. Рассуждать на столь абстрактном теоретическом уровне мы не были способны.

Между тем издание книги Турчина «Феномен науки» в Нью-Йорке задерживалось, как мне объясняли, из-за трудностей перевода. Книга, которая относилась в СССР к научно-популярной литературе, была все же написана хотя и легким, но кибернетическим языком, с включением в некоторые главы сложных графиков, логарифмов и формул высшей математики, которые и я не мог понять. (Турчин советовал их просто пропускать. Это мог сделать читатель, но не переводчик.) Издательство вскоре привлекло к редактированию профессионального кибернетика. Законченный в конце 1975 года перевод прислали мне для передачи автору на проверку. (Турчин свободно владел английским.) Я сумел отправить эту рукопись в Москву с бывшим корреспондентом *The New York Times* Хедриком Смитом, который летел через Лондон в Москву для каких-то доработок к новому изданию своей ставшей бестселлером № 1 книги «The Russians». Смит знал Турчина лично и писал о нем в своей книге. На обратном пути из Москвы, опять через Лондон, Смит привез мне микрофильм новой книги Турчина «Инерция страха» – примерно на триста страниц. Я быстро сделал в фотосалоне репродукцию и отправил две копии в то же издательство Колумбийского университета.

Семья Турчина оказалась в тяжелейших условиях. Валентина не брали даже учителем

физики в школу. Он устроился на какую-то стройку, но быстро простудился и слег в больницу. Небольшие заработки давали частные переводы, репетиторство (подготовка абитуриентов к экзаменам по математике и физике) и внештатное редактирование. Турчин написал письмо Брежневу с просьбой разрешить эмиграцию. В каких-то инстанциях Валентину объяснили, что его отпустят, но не в США, а только в Израиль. Объявить себя евреем он, по матери грек, на четверть турок и на четверть русский, не мог. Фамилия Турчин шла каким-то сложным путем от русского солдата, вернувшегося более ста лет назад из турецкого плена. Отец Валентина, Федор Васильевич Турчин, умерший в 1965 году, был профессором агрохимии, учеником академика Д. Н. Прянишникова. Он работал в Институте удобрений ВАСХНИЛ. Заявление об эмиграции в Израиль стало бы для Валентина моральным поражением. Пришлось бы искать фиктивных родственников в Израиле, чтобы получить от них приглашение. Такой «сервис» был уже налажен, но прибегать к нему Турчину не хотелось.

Забегая вперед, скажу, что осенью 1977 года Валентину пришлось сдать и он подал заявление на эмиграцию в Израиль. Другого выхода у него не было. В феврале 1977-го ему предъявили письменное уведомление о возможности привлечения к уголовной ответственности «за клеветнические заявления в иностранной прессе». Он отнесся к этому серьезно и поэтому стал готовить эмиграцию в Израиль. В октябре 1977-го Валентин с женой Таней и двумя сыновьями-школьниками вылетели в Вену, а оттуда в Лондон, и мы их принимали у себя дома и знакомили с друзьями. К тому времени его книга «The Phenomenon of Science» вышла в США, и рецензии были очень хорошие.

В США издательство «Khronica Press» опубликовало на русском новую книгу Турчина «Инерция страха». Рукопись попала туда от самого автора без моего участия. Он был уверен, что книга будет иметь в США большой успех. В ней, как он считал, опровергались марксизм, теория классовой борьбы и теория прибавочной стоимости. Из Америки, куда Турчины прилетели в январе 1978 года, писем ни от Валентина, ни от Тани не было больше года. Не получали писем от Турчина и его московские друзья Рой и Владимир Лакшин. По опыту других я знал, что его молчание означало трудности и разочарования. Для Турчина дело осложнялось и тем, что компьютерные науки в США опережали уровень советских на два поколения компьютеров. Быстро преодолеть этот разрыв было, очевидно, нелегко. Возникали, по-видимому, трудности с работой, с жильем, с продолжением учебы сыновей. Старшему сыну Пете нужно было продолжать учебу в университете. Арендная плата за квартиру в Нью-Йорке в хороших районах очень высока. Качественным в США считалось только частное, то есть платное, среднее образование. Желтые школьные автобусы, развозившие учеников в отдаленные государственные школы – для соблюдения расового равноправия детей, пугали всех новоприбывших из СССР, привыкших к тому, что их дети ходят пешком в ближайшую школу. Особенно болезненным для бывших граждан СССР оказывалось отсутствие бесплатной государственной медицины. Получить медицинскую страховку, не имея постоянной работы, было невозможно. Только летом 1979 года Турчин получил должность профессора Университета города Нью-Йорка и немного ожил. Обучение в этом государственном университете было бесплатным, а поступление – без экзаменов. Но главным для Турчина была стабильная должность. Первое письмо от него из Нью-Йорка я получил лишь в мае 1979 года. Оно было заказным и весьма лаконичным:

«Жорес Александрович,

Я возвращаю долг: 500 долларов 1974 года. Согласно журн. Harpers № 6, нынешний доллар=0.73 от доллара 1974. 500/073=685. Спасибо.

В. Турчин».

О деталях своей жизни и работы он не сообщал. В письме был чек на 685 долларов. К советским проблемам Турчин потерял интерес, с эмигрантами из СССР в Нью-Йорке почти не общался, в эмигрантскую русскую прессу ничего не писал и не переписывался с московскими друзьями, что очень их удивляло. Не возвращал и московских долгов, которых было немало. Но я знал, что это был особый эмигрантский синдром разочарования в Америке. Он проявлялся у многих эмигрантов из числа ученых, не сумевших приспособиться к соревновательному образу жизни американцев. Советские дипломы в США не признавались. (Это создавало особые проблемы для медиков, которые не получали доступа к врачебной практике.) К европейскому образу жизни ученые приспосабливались значительно легче. В Израиле такие же изменения психологии в новых условиях я наблюдал у Бориса Цукермана и некоторых других друзей и знакомых (см. [главу 29](#)).

Книга Турчина «Инерция страха» («The Inertia of Fear and the Scientific Worldview») была издана на английском в Нью-Йорке лишь в 1981 году, опять в издательстве Колумбийского университета. В Великобритании ни первая, ни вторая книги параллельно не издавались и не продавались. Не было и их переводов на другие европейские языки. Для западных читателей они попадали, из-за обилия высшей математики и кибернетики, в разряд академических, имели малые тиражи и не обеспечивали гонораров.

Некоторая известность оригинального мыслителя все же пришла к Валентину Турчину, хотя и очень поздно. Как обнаружил в 1997 году кто-то из крупных программистов, готовивших книгу по истории Интернета, Турчин в своей книге «Феномен науки», написанной в 1970 году, предсказал появление Интернета как глобальной системы обмена информацией и описал его возможные характеристики. Он также предвидел возникновение глобального суперинтеллекта, бессмертного киберсознания – научного варианта религиозного бессмертия души. Благодаря неожиданной славе первооткрывателя Валентин Турчин, выйдя на пенсию, основал в 1998 году частную компанию по разработке компьютерных программ «Superscompliers LLC». Книга Турчина «Феномен науки» была издана и в России в 2000 году.

Валентин Турчин умер в апреле 2010 года. В газете города Обнинска 13 апреля поместили короткий некролог в разделе «Объявления». Газета «30 октября» общества «Мемориал», выходящая шесть раз в год, отметила смерть Турчина большой статьей «О русском интеллигенте Валентине Турчине» (№ 97, 2010), автором которой был Эдвард Клайн, в прошлом спонсор «Хроники Пресс» в Нью-Йорке. 30 октября, дата, ставшая названием газеты, – это установленный правительством РФ День памяти жертв политических репрессий. Оба сына Валентина полностью ассимилировались в США и стали крупными учеными в кибернетике.

Париж, июль 1975

С 20 по 25 июля в Париже собирался очередной Европейский биохимический конгресс, организуемый Федерацией европейских биохимических обществ (FEBS). Я уже был членом

Биохимического общества и подал заявку на постер – доклад, текст которого с иллюстрациями выставляется для чтения в зале вместе с другими. Автор должен дежурить возле своего постера в определенный день и отвечать на вопросы. Биохимическое общество было британским, но поскольку оно появилось в истории биохимии первым, то в его названии не было национальной идентификации. В то время, в начале века, французские или итальянские биохимики считали его международным и могли становиться его членами. Французское, Голландское, Польское или Всесоюзное биохимические общества появились позднее, после 1945 года, и Европейская федерация, их объединившая, сформировалась сравнительно недавно. Никаких приглашений участникам постерных сессий не требовалось, и оплата всех расходов на такую поездку целиком ложилась на них или обеспечивалась их университетами или институтами. Мы поехали в Париж вместе с Димой, для него это была первая поездка за пределы Великобритании. После Парижа мы все отправлялись на две недели отдыхать в Биарриц, французский курорт на юго-западе Франции близ границы с Испанией. Это был наш первый отпуск после отъезда из Советского Союза.

Заседания конгресса FEBS проходили в нескольких зданиях Парижского университета, и поиском гостиницы где-нибудь поблизости от него я занялся лишь по прибытии в Париж – за день до начала заседаний. Из номера я позвонил нашему новому другу Сергею Петровичу Дубровскому, издателю книг Лидии Чуковской (см. [главу 19](#)), и пригласил его на ужин. Он сразу осудил нас за выбор дорогой гостиницы и не в том районе, где могли бы спокойно гулять Рита с Димой, когда я буду занят на сессиях. После ужина Дубровский повез нас в Латинский квартал на берегу Сены и показал несколько небольших семейных гостиниц. В одной из них мы забронировали со следующего дня два небольших номера. В этом четырехэтажном отеле, отмеченном двумя звездочками, мы в последующие годы всегда останавливались, приезжая в Париж. Лувр и все основные музеи были на другом берегу Сены, в десяти – пятнадцати минутах ходьбы. Прогулки по набережным оказались наилучшим способом знакомства с Парижем. В результате предварительной переписки нам с Ритой предстояли два новых знакомства, связанных с моими делами. Нас приглашали в гости профессор Ефим Григорьевич Эткинд, недавний эмигрант из Ленинграда, и Жан и Люся Катала, переехавшие из Москвы в Париж в 1972 году. Их нельзя было назвать эмигрантами, так как Жан Катала (Jean Cathala) был французом. Я знал их в Москве с 1967 года. Они перевели на французский роман В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Ефим Эткинд и Жан Катала

Ефим Григорьевич Эткинд, доктор филологических наук и профессор Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, был вынужден эмигрировать в конце 1974 года, так как его за открытую поддержку Иосифа Бродского и Александра Солженицына, двух будущих нобелевских лауреатов по литературе, с которыми он был в дружбе, не только уволили с работы и исключили из Ленинградского отделения Союза писателей, но и лишили ученых степеней и званий, что было полным беззаконием. В Ленинграде борьба с диссидентами всегда была более жесткой, чем в Москве. Мне нет необходимости объяснять здесь детали, так как Ефим Эткинд осветил период своей работы и борьбы в прекрасной автобиографической книге «Записки незаговорщика», изданной в Лондоне (Overseas Publication, 1977). (Эта книга в настоящее время доступна в Интернете.) Благодаря знанию

французского языка Эткинд, которому было уже 57 лет, смог получить должность профессора в одном из парижских университетов. Его семья снимала скромную квартиру в пригороде Парижа.

Наш приезд к Эткиндам был также и первым знакомством с ними. Мне предстояло передать Ефиму Григорьевичу досье Лидии Корнеевны Чуковской. После ее «Письма Жоресу Медведеву» с рядом оскорбительных заявлений, ставшего «открытым» (см. главу 28), я попросил ее найти другого доверенного литературного агента, которому я мог бы передать два ее банковских счета, один в Париже, другой в Лондоне. Она сначала ответила, что не хочет никого «обременять своими проблемами», но в апреле 1975 года, получив через Роя очередную посылку с лекарствами, сообщила, что ее представителем на Западе согласился стать Ефим Эткинд. После передачи Эткинду полномочий представителя Чуковской никаких новых контактов с нею у меня уже не было. С Ефимом Эткиндом, напротив, возникли дружеские отношения и переписка. В тот первый раз он с горечью рассказал нам о своей попытке встретиться в Цюрихе с Солженицыным, с которым был в дружбе с 1963 года и для которого в Ленинграде собрал обширную документацию к эпопее «Красное Колесо», многие сцены которой происходили в Петрограде. Солженицын назначил Эткинду встречу, но предварительно строго ограничил ее во времени и даже, посмотрев на часы, упрекнул своего друга за опоздание на несколько минут.

С Жаном Катала и его женой Люсей (Lucie Cathala) я встречался в Париже и раньше, но для Риты это было первое знакомство. Они жили в уважаемом квартале, в большой квартире, с консьержкой в подъезде, и всегда были рады гостям. Жану недавно исполнилось 70 лет, и он передвигался с большим трудом. Люся была моложе мужа, наверное, лет на двадцать. Детей у них не было. Жан курил трубку и увлекался коллекционированием трубок. Его жизнь была очень трудной, с множеством неожиданных поворотов.

В 1929 году 24-летний Жан Катала начал дипломатическую карьеру. Его назначили атташе по культуре в посольство Франции в Таллине. В 1940 году, когда Эстонию вместе с остальной Прибалтикой присоединили к СССР, Франция была уже разгромлена, а с Германией у СССР был подписан Пакт о ненападении. Сотрудников французского посольства арестовали и интернировали в Горький. В 1942 году, после признания Сталиным правительства Де Голля, всех французов освободили. Жан Катала стал пресс-атташе при миссии Де Голля в Москве. В 1944-м он вступил во Французскую компартию, лидеры которой находились тогда в Москве. После окончания войны Жан остался в Москве и стал представителем нескольких французских издательств. Он обеспечивал переводы ряда французских авторов на русский и русских – на французский. Люся, с которой он познакомился в то время, работала редактором в издательстве «Иностранная литература». Когда я первый раз встретился с ними в Москве в 1967 году для обсуждения проблем с получением гонорара за французское издание книги В. Д. Дудинцева, супруги жили в большой квартире в одном из тихих арбатских переулков. Они приняли меня очень радушно. Во время войны Люся пошла на фронт санитаркой-добровольцем и теперь хромала от последствий ранения в ногу. После войны она окончила Московский институт иностранных языков.

В 1972 году, когда Жан оформил себе французскую дипломатическую пенсию и выплату оклада атташе за 1940–1943 годы, супруги решили переехать во Францию. В Париже Люся возглавила отдел русской литературы крупного издательства «Albin Michel».

Знавшая все издательские новости Люся сообщила мне очередную сенсацию – в Париже

«УМСА-Press» печатало новую книгу Солженицына «Ленин в Цюрихе». На следующий день я позвонил Дубровскому и попросил достать для меня сигнальный экземпляр, а лучше два. Он, будучи русским издателем, имел доступ в типографию. Еще до нашего отъезда в Биарриц Сергей Петрович принес мне два экземпляра, один обычного формата, второй карманный, для советских туристов. Карманный я отправил в Москву диппочтой Питеру Осносу, американскому корреспонденту, для передачи Рою. Второй взял с собой, чтобы прочитать во время отпуска.

«Ленин в Цюрихе» Солженицына

Французский, явно аристократический, курорт нам не понравился. В Крыму в прошлом мы отдыхали намного лучше и спокойнее. Во Франции по экономическим соображениям стало принято закрывать почти все предприятия и учреждения на август и отправлять работников в отпуск. Париж и другие города отдавались на откуп туристам, а курортные районы наводняли миллионы отдыхающих из северной части страны. Многие жили в палатках, перемещаясь на автомобилях (почти каждая семья имела автомобиль) по побережью. Номера в гостиницах, расположенных близко к морю, стоили очень дорого. Насколько я помню, мы провели в Биаррице не две недели, а одну. Я успел за это время прочитать книгу о Ленине и написать Рою о своих впечатлениях. Он сам уже занялся своим следующим проектом по истории – книгой с анализом первых двух лет революции, 1917-го и 1918-го, поэтому мог лучше меня оценить материал Солженицына. Однако ни Рой, ни кто-либо из его друзей не написали в последующем рецензий. Обвинять книгу «Ленин в Цюрихе» в искажении фактов или в каких-то вымыслах не имело смысла, так как то был лишь сборник из отдельных глав эпопеи «Красное Колесо», вырванных из контекста. Автор художественного произведения имеет право на вымысел, Наполеон у Льва Толстого в «Войне и мире» тоже мало похож на реального императора Франции.

Карикатурность фигуры Ленина и придуманность его диалогов и мыслей были для меня очевидными. Писатель в данном случае может опираться на свою фантазию или интуицию. Удивляло другое – попытка исказить реальные исторические события Февральской революции, начавшейся в Петрограде стихийно 23 февраля 1917 года (8 марта по новому календарю) протестами женщин, мерзнувших на морозе в очередях за хлебом. Эти протесты быстро переросли в забастовки и массовые демонстрации рабочих и солдат, требовавших прекращения войны. Процесс развивался столь стремительно, что уже через неделю царь Николай II был вынужден отречься от престола. Свержение монархии привело к восстанию в деревнях и к повсеместному захвату помещичьих усадеб и земельных владений, переходивших к крестьянским общинам. Эта крестьянская экспроприация десятков тысяч помещичьих имений, сопровождавшаяся массовым дезертирством вооруженных крестьян из Действующей армии, шла стремительно, чтобы закончиться к началу посевной кампании. Никакой организации этой народной революции не было.

В книге «Ленин в Цюрихе» дается фиктивная картина этих же событий как заранее спланированных и организованных Александром Парвусом (Израилем Лазаревичем Гельфандом), коммерсантом и социалистом, сказочно разбогатевшим в Турции, который якобы секретно готовил и финансировал из собственных средств восстание через служащих принадлежавшей ему экспортно-импортной компании:

«...Гениальность соединения торговли и революции в том и состояла, что революционные агенты под видом торговых... ездили от Парвуса совершенно легально и в Россию и назад... Вот был гений Парвуса: импорт товаров, таких нужных для России, чтобы вести войну, давал деньги выбить ее из этой войны!»

При этом Солженицын постоянно подчеркивает еврейство Парвуса и его физические дефекты. Он появился перед Лениным в октябре 1916-го, как черт, из принесенного в комнатку Ленина баула:

«Тр-ресь!! – распёрло наконец баул, и, освобождая локти и выпрямляя спину, разогнулся, поднялся в рост во всю свою тушу... Стоял с непотягаемым пузом, удлинненно кукольная голова, мясисто-бульдोजья физиономия... и блеклым внимательным взглядом рассматривал Ленина... Дышал болотным дыханием, близко в лицо...» (Ленин в Цюрихе. Париж: УМСА-Press, 1975. С. 107–111).

Некоторые детали встреч и бесед Парвуса с Лениным были непонятны. Я думал, что неясность возникала из-за отсутствия контекста «Узлов» «Октябрь Шестнадцатого» и «Март Семнадцатого». Как он вдруг появился из баула? Откуда «болотное дыхание», если до этого упоминалось, что Парвус курил лишь самые дорогие сигары? Только через много лет в солженицынском дневнике «Угодило зернышко промеж двух жерновов» я нашел объяснение:

«Из горы собравшихся материалов рос и рос, вровень Ленину, прежде не задуманный Парвус, с его гениальным планом разломать Россию... Но возникла для меня трудность: как встретить Парвуса и Ленина в 1916, дать им прямой диалог... в 1916 в Цюрихе не было личной встречи, только обмен письмами. Тогда – изневоли – я отступил от обычного реализма и применил фантастический приём... ввёл чертовщину: посланец не только привёз письмо, но и самого уменьшенного Парвуса в бауле. Приёмом его распухания, вылезания, а после разговора исчезновением – фантастика и исчерпывалась... столкновение их мыслей и планов даны в полном соответствии с исторической истиной» («Новый мир». 1998. № 9. С. 103).

«Ленин в Цюрихе» не мог, однако, пройти незамеченным, прежде всего среди эмигрантов из СССР в Израиле. Их первый журнал на русском языке «Сион» выходил уже несколько лет. Рецензии появились и в основных израильских газетах, включая *The Jerusalem Post*, выходившую на английском. Я тогда не собирал этих материалов и в своем архиве нашел сейчас лишь письмо с вырезкой из газеты от Симона Маркиша. Симона (Шимона) Перецовича Маркиша, литературоведа и переводчика, я несколько раз встречал в Москве в 1960-х годах. Он эмигрировал в 1970 году и обосновался сначала в Венгрии, а затем в Швейцарии. В 1974 году Маркиш стал профессором лингвистики и филологии Женевского университета. С ним дружила наша хорошая лондонская знакомая, советолог Марго Лайт (Margot Light), свободно владевшая русским, и Маркиш несколько раз приезжал в Лондон. В своей статье Симон писал:

«Оставляя в стороне концепцию русской революции как стопроцентно

чуждой русскому народу и навязанной ему бандою инородцев, в первую голову и по преимуществу евреев, взгляды в главаря банды, еврея Парвуса, опять-таки как в художественный образ, выражающий определенную авторскую позицию. Образ этот чудовищен, и каждая его черточка, каждая деталь восходит к юдофобской мифологии еврея... От тошнотворного “болотного дыхания”, варианта “еврейского смрада”, пресловутого foetor judaicus, до предательства и злопамятной мстительности».

(Эта рецензия вошла в том «Избранное» Шимона Маркиша, доступный в Интернете.)
Рой прислал мне свое мнение о книге только в ноябре:

«Книга удивила меня, в первую очередь, своим крайне низким художественным уровнем, она просто плохо написана с писательской точки зрения. Истина перемешана в ней с тенденциозным “художественным вымыслом”, который легко отслаивается при знакомстве с источниками... В описаниях Парвуса, Ганецкого, Скларца ясно виден и антисемитизм, революция устраивалась даже не на немецкие, а скорее на еврейские деньги – тут вообще много вздорных выдумок... Никакой общероссийской организации во время войны у Парвуса не было... Рецензий на эту книгу я писать не буду...»

Издательство «Т.С.Д. Publications»

Возвратившись в Лондон, я нашел здесь несколько писем от Роя, в которых он сообщал о подготовке четвертого и пятого номеров его самиздатного журнала «Двадцатый век». Пришел также микрофильм сатирического произведения Владимира Войновича «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» с копией письма автора Рою, в котором он просил опубликовать эту повесть в его журнале. Рой просил согласовать эту публикацию с американским адвокатом Войновича Шройтером (Leonard Schroeter), офис которого находился в Сиэтле. Я навел справки и обнаружил, что в Сиэтле действительно существует адвокатская контора «Schroeter, Jackson, Goldmark & Bender, P.S.», которая получила копию той же «Иванькиады» и уже предложила издательству «Ardis Publishers» в Анн-Арборе выпустить ее на русском языке. Директором этого издательства был профессор русской литературы Карл Проффер (Karl R. Proffer).

Шройтер сообщил, что ему поручили вести дела по своим публикациям Василий Аксенов, Евгения Гинзбург и некоторые другие московские писатели. Я сразу написал Рою, что не буду заниматься рукописями авторов, которые не предоставили ему официальные доверенности и гарантии копирайта. Такие писатели, как Войнович или Аксенов, готовы были публиковать свои произведения на русском в нескольких местах, но планировали отдавать права на их переводы по договорам крупным издательствам. Заниматься их делами – для меня лишь трата времени и денег.

Издавать в Англии ежеквартальный журнал на русском языке было нереально. У меня для этого не было финансовых ресурсов. Нанять какого-то литературного секретаря я не мог по тем же причинам. Да и никто среди моих немногих русских или русскоговорящих друзей в Лондоне не смог бы редактировать журнал. Реально можно было подготовить в 1976 году первый сборник, по типу альманаха, наиболее интересных материалов и затем возмещать

расходы за счет продажи за очень небольшие деньги прав на переводы иностранным издательствам левой ориентации, в большинстве своем бедным.

Моим консультантом в практических делах по выпуску журнала стал Анджей Стыпульковский (Andrzej Stypulkowsky), владелец и директор издательства польских книг «Overseas Publications», который в прошлом печатал по заказам издательства «Macmillan» русскоязычные версии моих и Роя книг. Его небольшое издательство располагалось в его собственном доме в польском квартале Лондона. Недалеко находился польский клуб с рестораном, где можно было заказать борщ и пельмени. В Лондоне в 1975 году проживало около 200 тысяч поляков, делившихся на две волны эмиграции: 1939–1940 годов (военные, дворянство, священники и дипломаты, связанные с эмигрантским правительством) и 1946–1948 годов (предприниматели и интеллигенция, уезжавшие от навязанного Польше сталинистского режима во главе с президентом Болеславом Берутом и советским маршалом Рокоссовским в качестве военного министра). Анджей был сыном Збигнева Стыпульковского (Zbigniew Stypulkowsky), одного из министров польского правительства в изгнании и автора знаменитой книги «Invitation to Moscow» («Приглашение в Москву») о событиях 1945 года и о встрече со Сталиным. (Английское издание книги автор подарил мне при встрече в клубе. В Польше она переиздается до настоящего времени и очень важна для понимания всей проблемы катынского расстрела.)

Стыпульковский объяснил, что для издания ежегодного альманаха на русском я должен сначала зарегистрировать собственную компанию с названием, не дублирующим названия других. При этом самому мне надо зарегистрироваться в качестве ее директора и включить в компаньоны жену или друзей. Компания должна иметь собственный счет в банке, отдельный от личного счета владельца, и о своих прибылях и расходах отчитывается перед налоговой инспекцией. Регистрацией новых компаний занимался специальный департамент при каком-то правительственном учреждении. Периодическое издание также следовало зарегистрировать в Британской библиотеке. В Лондоне на русском языке могли печатать альманах несколько небольших типографий, две или три из них могли осуществлять и корректуру. Стоимость изготовления 1000 экземпляров книги объемом 250–300 страниц в мягкой обложке могла составить от 2000 до 2500 фунтов, в зависимости от формата и качества бумаги.

Я быстро получил и заполнил все необходимые бланки и анкеты и заплатил 100 фунтов за регистрацию в Лондоне нового издательства под названием «T.C.D. Publications Ltd» (T.C.D. – Twentieth Century Digest). Став его директором, я открыл счет в Барклайс Банке и положил на него для начала 500 фунтов. Мне выдали крупноформатную чековую книжку. Первый подготовленный к печати номер общественно-политического и литературного альманаха «Двадцатый век», который я вскоре отвез в типографию («Multilingual Printing Services»), открывался статьей Роя Медведева «Вопросы, которые волнуют каждого» и завершался автобиографической повестью Дмитрия Витковского «Полжизни». (Эти полжизни автор, инженер-химик, провел в заключении в северных лагерях с 1926 по 1955 год.) В 1964 году он принес свою повесть в журнал «Новый мир». Твардовский принял ее и подписал договор, но опубликовать не смог. Покидая свой кабинет в 1970 году, Александр Трифонович передал рукопись умершего в том же году автора Рою Медведеву с просьбой сохранить и напечатать ее, когда для этого появится возможность. Другим посмертным произведением в альманахе была документальная повесть Бориса Ямпольского «Из воспоминаний» (о Василии Гроссмане и Юрии Олеше, двух выдающихся русских

писателях). В той же типографии мне отпечатали и тысячу экземпляров рекламных листовок, сообщавших о выходе альманаха и его содержании. Годом издания значился 1976-й, цена одного экземпляра высокая – 3 фунта, или 7 долларов. Пересылка за счет покупателя. Коммерческим распространителем альманаха стал магазин польской книги в Лондоне «Orbis Books», имевший и русский отдел.

Обыск у Роя

В начале октября я получил от Роя тревожное письмо, отправленное с оказией:

«Ко мне вчера явилась оперативная группа из 6 человек с ордером на обыск. Задача обыска состояла “в изъятии антисоветской литературы и материалов”. Наиболее важные документы и материалы у меня дублировались и хранились в разных местах... Однако невозможно все дублировать и прятать... Сразу взяли все книги Солженицына. Пошли в опись некоторые (но не все) русские эмигрантские издания... Изъяли книги Троцкого, изданные за границей в 1929–1940 гг. <...> В КГБ, безусловно, ожидали, что я составлю какое-то заявление об обыске для западной прессы... Но я решил молчать из-за соображений, связанных с новым журналом. Ничего серьезного, что относилось к журналу, у меня не пропало... были забраны два тома мемуаров людей уже умерших – было что-то в заголовках, что дало повод для “конфискации” <...> Я решил подождать и дать протест, если придут снова...»

Это была явная попытка остановить выход журнала «Двадцатый век». Вызова в прокуратуру после обыска не последовало. Ничего антисоветского или клеветнического для возбуждения судебного дела в конфискованных материалах, очевидно, не нашли.

В середине октября меня остановил в коридоре директор института Арнольд Бёрджен: «Жорес! У меня для вас хорошая новость. Медицинский совет предлагает продлить ваш контракт еще на пять лет...»

Дом в Лондоне

Продление контракта с Медицинским советом еще на пять лет было для нас действительно хорошей новостью. Кроме возможности перейти наконец к изучению реальных возрастных изменений белков хроматина клеточных ядер (старые животные появлялись в колониях мышей и крыс в виварии лишь в 1976 году), мы теперь могли получить долгосрочный банковский кредит и купить дом. Это меняло наш статус. Именно покупка дома являлась в Англии главным событием в жизни любой семьи.

На следующий день после окончания рабочего дня мы с Ритой пошли осматривать дома поблизости от института, перед которыми были выставлены объявления «Продается». Мы хотели найти дом в радиусе одного километра от института, чтобы ходить на работу пешком. Большинство наших коллег в отделе генетики жили в 20–30 км к северу от Лондона и приезжали на работу на своих машинах. Это объяснялось главным образом тем, что дома в небольших городках-спутниках стоили намного дешевле и имели садики больших размеров. Местные школы были меньше, но часто лучше лондонских, и добираться до них можно, не пользуясь городским транспортом.

В нескольких кварталах, которые нам предстояло обойти, было, наверное, около двух тысяч двухэтажных коттеджей. Пять относительно широких улиц с автобусными остановками соединялись между собой более тихими переулками, по которым не было транзитного движения машин. Один из таких переулков, почти на границе «километрового ареала», куда мы попали на третий день поисков, нам особенно понравился. Он соединял широкую улицу-бульвар с другим переулком. До станции метро «Mill Hill East», конечной на одной из северных линий, можно было дойти за десять-двенадцать минут, до автобусной остановки за семь-восемь, а до института за двадцать. К югу в сторону Лондона весь квартал отделяли от густо застроенных районов большая территория гольф-клуба (почти тридцать гектаров зеленого газона, окруженного дубовыми аллеями) и соседнее с ним кладбище. Переулок был коротким – около десяти коттеджей на каждой стороне. Все они были одинаково простой архитектуры, каждый разделен на две семьи. Возле одного из домов в тихом конце переулка стоял щит с надписью: «Продается». Предупреждения о том, что осмотреть дом можно лишь по предварительной договоренности, на щите не было. Это означало, что надо постучать в дверь, что мы и сделали. Нам открыл пожилой джентльмен, он сразу понял, что пришли потенциальные покупатели, и представился как мистер Вебстер. Дома была и его жена. Я объяснил, что мы начали работу в Институте медицинских исследований (все окрестные жители знали его здание, возвышавшееся, как океанский корабль, своими шестью этажами и высокой позеленевшей медной крышей с множеством вентиляционных труб) и теперь ищем дом поблизости.

Как оказалось, дом Вебстеров был выставлен на продажу лишь три дня назад и мы были первыми покупателями. Осмотр дома и сада занял немного времени. По площади и по расположению комнат он мало отличался от того, в котором мы жили. Но поскольку он был более ранней постройки, комнаты в нем были побольше и садики перед домом и за ним тоже. В Англии принято классифицировать дома не по количеству комнат или по общей площади, а по количеству спален. Наиболее распространенными являются семейные дома

(полукоттеджи), имеющие три спальных комнаты: одну большую для родителей и две поменьше для детей. В этом доме большая спальня была около 17–18 кв. м. Внизу одна из двух комнат, рядом с кухней, могла стать рабочим кабинетом, другая – столовой. Дом был построен в 1934 году с каминным отоплением – два больших камина внизу и два поменьше в спальнях. Впоследствии, после запрета в Лондоне угольного отопления, каминны были заштукатурены и стали лишь выступами в стене. Теперь дом отапливался электричеством с помощью трех нагревателей ночного действия. Электричество в Англии в ночное время стоило в три раза дешевле, чем в дневное. Поэтому в домах ставилось обычно два счетчика, ночной и дневной, с автоматическим переключением в десять вечера и в восемь утра. Ночное дешевое электричество нагревало через спирали особые, тяжелые теплоемкие кирпичи, упрятанные в батареи под окнами, и они сохраняли тепло до вечера. Горячая вода в доме также обеспечивалась электричеством, нагреваясь в бойлере, тоже обычно ночью. Газ на кухню поступал через счетчик, который включался при опускании в него десятипенсовых монет.

После осмотра дома и сада Вебстеры пригласили нас в гостиную на чай. Они владели этим домом с 1961 года и теперь продавали его в связи с выходом на пенсию, так как собирались переехать в небольшой городок где-то на южном побережье, купив дом получше и за меньшую цену. Такова была общая тенденция среди лондонцев-англичан – в провинции жить спокойнее, чем в столице. Разница в ценах на дома служит им хорошей добавкой к пенсии.

Дом Вебстеров продавался за 14 750 фунтов, цену обычно предлагал агент по продажам, а не владелец дома. Это была средняя цена домов такого типа в данном районе. Мы не стали особенно раздумывать и сказали Вебстерам, что согласны на все условия.

На следующий день с утра я приехал в местное агентство по продажам, название которого «Blade & Co» было указано на объявлении возле дома. Здесь я внес небольшой задаток – 200 фунтов, чтобы дом оставался за мной на три-четыре недели, пока мой адвокат проверит всю документацию на дом у его владельца и в архиве местного совета, а нанятый адвокатом эксперт тщательно обследует дом (все помещения, фундамент, чердак, крышу и территорию садилов) и представит мне подробный отчет – нет ли каких-либо структурных дефектов, трещин в стенах или фундаменте, сырости на стенах, зараженности деревянных полов и штукатурки насекомыми-паразитами. Обнаружив подобные недостатки, он может дать рекомендацию просить о снижении цены или отказаться от покупки. Сама сделка купли-продажи осуществляется между адвокатом продавца и адвокатом покупателя. Агент по продажам получает свои комиссионные от продавца – два-три процента от суммы сделки.

Адвоката – специалиста по купле-продаже недвижимости, Хью Коартса, нам рекомендовали друзья. Он и нанятый им эксперт сделали свою работу очень быстро. Через две недели я уже получил подробный отчет на 25 страницах с полным описанием дома. Собственность, по заключению профессионала, была в хорошем состоянии и не требовала ремонта, дезинфекции и других затрат. По документам, которые проверял в местном совете адвокат, дом был построен в 1934 году, вместе со всеми домами в этом переулке, и продан в 1935 году первому собственнику за 600 фунтов. Нынешние владельцы купили его в 1961 году за 3800 фунтов. За прошедшие сорок лет инфляция увеличила стоимость дома, с учетом амортизации, почти в 25 раз.

К этому времени агент по продажам, заинтересованный в успешности сделки, сообщил мне, что небольшой местный банк одного из городов предлагает выдать через страховую

компанию «T.Reed & Co» кредит в 10 тысяч фунтов с выплатой в течение 20 лет. Условием получения кредита являлось мое согласие застраховать свою жизнь на 20 лет на ту же сумму, но по более дорогой схеме дожития, при которой ежемесячные выплаты выше, чем у стандартных страховок, обязательных для любых кредитов. Однако эта схема имела и свои преимущества. При обычном страховании жизни назначенная сумма выплачивается лишь в случае смерти застрахованного человека. При страховании на дожитие она также выплачивается и при дожитии до обусловленного возраста, в моем случае это могло произойти в 1995 году. Я, конечно, сразу согласился. Вслед за этим я заплатил агенту по продажам 10 % стоимости дома. Это означало, что купля-продажа состоялась. Перед домом на объявлении появилась надпись: «Продан». Я успел все это сделать вовремя – за неделю до своего юбилея. По всем британским правилам, страховым и банковским, страхование жизни и получение долгосрочных кредитов сильно усложняется для лиц старше пятидесяти лет. После 14 ноября мне пришлось бы до оформления сделки пройти обстоятельное медицинское обследование и представить в страховую компанию сертификат об отсутствии хронических факторов риска вроде гипертонии или диабета. Срок погашения кредита уменьшился бы тогда до 10–15 лет. Вскоре адвокаты сторон произвели обмен: Хью Коартс получил документацию на дом, адвокат Вебстера – особый банковский чек. Дополнительный месяц после полного расчета предоставлялся покупателю и продавцу для различных формальностей. Вебстеры, продававшие дом в Лондоне, одновременно покупали на вырученные от продажи деньги новый дом в другом городе. Им требовалось время для перевозки имущества и погашения коммунальных счетов, переводимых на имя нового владельца.

В начале декабря я получил от Вебстера заказное письмо в плотном конверте. В нем была короткая записка с добрыми пожеланиями и ключи от дома.

Кредит, который я получил, был выдан под 10 % годовых, хотя инфляция в конце 1975 года все еще находилась на уровне 25 %. Убытки от инфляции несли в основном вкладчики банков, проценты на сбережения которых были ниже кредитных. (В конце 1979 года инфляция в Великобритании все еще находилась на уровне 18 %.) Жить в долг, но в собственном доме было действительно выгодно. Ежемесячные выплаты, которые кредитор снимал с моего банковского счета, варьировался от 70 до 90 фунтов в месяц. Это было в два-три раза ниже арендной платы за меблированный дом такой же площади. Но в долг в то время жила и вся страна, выравнивая бюджет с помощью печатных станков Британского банка.

Книга «Хрущев. Годы у власти»

Русское издание нашей с Роем наиболее успешной совместной книги «Хрущев. Годы у власти» вышло в Нью-Йорке в конце 1975 года. Эта книга возникла стихийно на основе серии статей о реформах Хрущева и об эпизодах острой внутрипартийной борьбы, начавшейся после смерти Сталина. Часть этих статей публиковалась анонимно в начатом именно после смещения Хрущева самиздатном журнале «Политический дневник», который Рой готовил как ежемесячный для узкого круга единомышленников. О существовании этого журнала знали немногие, и он не был известен КГБ. В 1970 году, когда Рой был вынужден в течение нескольких месяцев скрываться от ареста (см. [главу 14](#)), составление журнала прекратилось. В тот период я микрофильмировал все его выпуски. В начале 1971 года,

отобрав одиннадцать наиболее интересных выпусков – с № 3 (декабрь 1964) по № 72 (сентябрь 1970), – я передал микрофильмы для возможной публикации журнала на Западе. Первый том был издан относительно большим тиражом в 2500 экземпляров как анонимный еще в 1972 году издательством «Фонд имени Герцена» в Амстердаме (до моего приезда в Лондон). Этот довольно большой том (838 страниц), в котором было много интересных материалов, ранее неизвестных, вызвал множество комментариев и гипотез в прессе. Второй том «Политического дневника» был выпущен тем же издательством в 1975 году, но уже с моим предисловием, где было названо имя редактора и рассказана история журнала. Этот том оказался еще большим по объему (864 страницы).

В журнале «Политический дневник» в конце 1964-го и в 1965 году было несколько написанных Роем (но публиковавшихся анонимно) статей об обстоятельствах и причинах смещения Хрущева в октябре 1964 года и очерков об ошибках его экономических реформ. В начале 1975-го Рой прислал мне для возможной публикации микрофильм рукописи с анализом неудачных реформ Хрущева в сельском хозяйстве. В этой рукописи было много статистических материалов, но мало пояснительного текста. По объему (около 120 страниц) рукопись была велика для статьи и слишком мала для книги. Несколько ее разделов – о химизации сельского хозяйства, об изменениях системы налогообложения, о положении в совхозах и другие – были слишком «техническими» и малоинтересными для западных читателей. О самом Хрущеве как лидере и личности говорилось очень мало. Рой предполагал, что я смогу ее дополнить и переработать в книгу. Между тем к 1975 году на Западе не было издано ни одной биографии Хрущева, хотя его решающая роль в изменении всей мировой политики и снижении уровня конфронтации великих держав считалась общепризнанной. В 1970 году в США публиковались воспоминания самого Хрущева: «Khrushchev Remembers», дополненные в 1974 году книгой «Khrushchev Remembers: The Last Testament». Это, собственно, были изданные в виде книг реальные устные воспоминания Хрущева, записанные на магнитофонную ленту в 1966–1967 годах и переданные американским издателям сыном Хрущева Сергеем. Как предполагали эксперты – не без помощи КГБ. (В этой передаче участвовал известный «открытый» международный эмиссар КГБ Виктор Луи, выполнявший некоторые деликатные задания Юрия Андропова.) Изданные воспоминания Хрущева имели большой успех и переводились на многие языки. В этих книгах, профессионально смонтированных и отредактированных американским советологом Стробом Тэлботом (Strobe Talbott), не было никакой самокритики. Но не было и критики соратников Хрущева – Брежнева, Косыгина и других, устроивших против него заговор. Именно это рождало предположения о том, что первая редакция воспоминаний могла быть проведена еще до отправки магнитофонных лент американским издателям.

Сложившаяся ситуация создавала потребность в объективной и независимой оценке периода правления Хрущева без какой-либо привязки к его полной биографии. Детали раннего периода жизни Хрущева мало интересовали западных читателей. Когда в начале 1975 года я написал в издательство Колумбийского университета, что следующим нашим с Роем проектом может быть книга о политике Хрущева, новый директор этого издательства Джон Мур (John Moore) отнесся к этому с большим энтузиазмом.

Я взялся за подготовку текста летом 1975 года, работая в основном по выходным дням и поздними вечерами, а нередко и рано утром до начала рабочего дня. Все необходимые материалы были у меня под рукой, и лишь три или четыре раза мне пришлось поработать в библиотеке Лондонской школы экономики и политических наук, имевшей в свободном

доступе подшивки основных советских центральных газет за много лет. Окончательный текст (всего 190 страниц, напечатанных на машинке через два интервала) был готов в октябре и правился от руки. В таком виде я послал его в издательство, переведя на английский лишь оглавление. В книге было девятнадцать глав, первая из которых рассказывала о борьбе за власть после смерти Сталина, а последние две раскрывали неизвестные детали смещения Хрущева осенью 1964 года и основные положения никогда не публиковавшегося доклада М. А. Сулова, главного инициатора смены руководства. В каждой из остальных шестнадцати рассматривалась та или иная ключевая реформа Хрущева: кукурузная революция, освоение целинных земель, секретный доклад на XX съезде КПСС ускоренное жилищное строительство в городах, значительное повышение пенсий, ликвидация машинно-тракторных станций с передачей техники колхозам, упразднение отраслевых министерств и замена их комитетами, создание областных совнархозов, попытка догнать Америку по производству мяса и молока, нелепое разделение областных партийных структур на промышленные и сельскохозяйственные обкомы и другие – с объяснением причин их редких удач или более частых провалов. Рой прислал мне много фотографий, некоторые из них ранее на Западе не публиковались.

Издательство Колумбийского университета приняло рукопись к срочному изданию без предварительных рецензий. Хрущева еще хорошо помнили, и это было важным обстоятельством. Русский текст был размножен с машинописи, вставлен в хороший переплет и приобрел вид книги, которая продавалась и распространялась уже в конце 1975 года. Пока делался перевод, мы с Роем отправили переводчику Эндрю Драбкину (Andrew Drabkin) несколько новых вставок. Небольшие добавления я внес и при проверке перевода. Была несколько изменена структура трех глав. Перевод был сделан очень быстро. Первое английское издание книги в твердом переплете с суперобложкой вышло в Нью-Йорке в июне 1976 года. Параллельное издание в Великобритании готовило издательство «Oxford University Press». Результатом стала красиво изданная книга среднего формата, объемом 198 страниц, с именованным и предметным указателями. Издательство «Columbia University Press», имевшее мировой копирайт, получило много предложений на переводы. В последующие годы книга была издана в десяти странах, включая Японию. В Китае она публиковалась «закрытым» тиражом и без договора.

То, что наша книга о Хрущеве не была биографией и имела небольшой объем, оказалось ее достоинством. Важно и то, что она была написана как свидетельство очевидцев, а не как историческое исследование, и в ней рассматривалась внутренняя политика Хрущева, о которой на Западе мало знали. Книга оказалась полезной для студентов и вскоре вышла в США в более массовом дешевом издании с бумажной обложкой. Эта книга оказалась и наиболее долгоживущей. Отчеты о ее продажах, сейчас уже очень скромных, я получаю до настоящего времени. Появившиеся в последующем обширные полные биографии Хрущева (самая большая – в двух томах, написанная его сыном Сергеем, эмигрировавшим в США) не повлияли на судьбу нашей книги. Полный ее текст доступен сейчас и в Интернете.

Зарубежные издания альманаха «Двадцатый век»

Тираж в 1000 экземпляров первого номера альманаха «Двадцатый век» я получил в декабре, незадолго до нашего переезда в новый дом. Это была аккуратная книжка, объемом 237 страниц, небольшого формата, на хорошей бумаге, со светло-оранжевой обложкой. Под

названием на обложке сообщалось, что в книгу вошли избранные материалы из самиздатного журнала «Двадцатый век». Среди них было три очерка и два литературных произведения, о которых я писал в предыдущей главе. 700 экземпляров альманаха я отвез в польский книжный магазин «Orbis Books», куда уже поступали заказы на основе листовки-рекламы и объявлений в эмигрантских газетах и журналах, а 300 экземпляров оставил себе для последующей постепенной отправки в Москву и для раздачи друзьям. Заказы на альманах шли в первую очередь от радиостанций, ведущих передачи на русском языке, кафедр славистики и советологии университетов, от разных библиотек и от эмигрантских газет и журналов. Большой заказ поступил также из лондонской конторы распространителя эмигрантских изданий «Universal Book Exchange», который субсидировался через радиостанцию «Свобода». Небольшое количество заказов пришло и от частных лиц, живущих в Израиле, Австралии, Канаде, Аргентине и в других странах. К концу января 1976 года «Orbis Books» сумел продать 400 экземпляров, выручив за них почти 1100 фунтов. Из заработанных средств 25 % оставалось польскому книжному магазину и 75 % перечислялось на счет «T.C.D. Publications». Эта сумма далеко не покрывала моих затрат на типографию, не говоря уж о производстве крупноформатных фотоотпечатков с микрофильмов и на их ксерокопирование. Между тем я уже получил от Роя микрофильмы пятнадцати рукописей, среди которых были очерки по истории, экономике, литературная критика, рассказы и повести и полемические статьи. Рой прислал и собственный большой очерк об Октябрьской революции, который представлял собой первую часть начатой им новой книги. Чрезвычайно интересным было уникальное публицистическое исследование А. Красикова (псевдоним Михаила Байтальского) «Товар номер один» – очень ярко написанная история торговли водкой в России и в СССР. На меня произвел большое впечатление очерк Михаила Петровича Якубовича «Из жизни идей» – около ста страниц личных воспоминаний о событиях 1917 года. Якубович, правнук декабриста А. И. Якубовича и племянник поэта и народовольца П. Ф. Якубовича, был одним из руководителей фракции меньшевиков в РСДРП. Он родился в 1891 году и с шестнадцати лет участвовал в революционном движении. В марте 1917-го Якубович, тогда делегат от солдат Западного фронта, был избран председателем смоленского совета рабочих и солдатских депутатов. Он стал смоленским делегатом Первого Всероссийского Съезда Советов и вошел в состав его ВЦИК. Хорошо знал Троцкого, Каменева, Зиновьева и других большевистских лидеров. О Якубовиче известно очень мало по той простой причине, что он был арестован как бывший меньшевик в 1930 году по полностью фальшивому делу Союзного бюро меньшевиков и с 1931 до 1956 года находился в заключении в разных исправительно-трудовых лагерях. Освобожденный из Карлага, но с ограничениями ссылки, уже как инвалид, в возрасте шестидесяти пяти лет, без реабилитации и без пенсии, он жил под Карагандой в доме инвалидов и писал воспоминания. (Этот дом инвалидов сами заключенные и построили на обширной территории лагеря. Условия жизни в домах инвалидов в СССР были крайне тяжелыми.) Рой познакомился с Якубовичем во время его приезда в Москву в 1964 году и в последующем встречался много раз и использовал его документальные материалы при написании книги «К суду истории. О Сталине и сталинизме». Якубович также передал Рою для альманаха «Двадцатый век» свои очерки-воспоминания о Троцком, Каменеве, Зиновьеве и других большевиках. Хотя Якубовичу было уже 84 года, его тексты, которые он писал по памяти, а иногда диктовал на магнитофонную ленту, были очень выразительными и детальными. Среди полученных мною микрофильмов была и рукопись с полемикой Льва Копелева с

солженицынским «Письмом вождям Советского Союза», а также критическая статья Германа Андреева (псевдоним Германа Фейна) о сборнике «Из-под глыб», который был опубликован в 1974 году под редакцией Солженицына. Часть этих материалов можно было бы включить во второй номер альманаха, но я не планировал его выпуск до конца 1976 года. В ближайшее время мне надо было попытаться заинтересовать изданием сборника иностранных издателей, чтобы получить от публикаций переводов хотя бы скромные финансовые средства для продолжения проекта.

В Великобритании у меня сложились дружеские отношения с двумя социалистическими издательствами, которые были готовы осуществить перевод на английский и публикацию сборников выбранных ими статей и очерков из того уже довольно большого комплекта рукописей, которые я предлагал. Одно из этих издательств, «Verso», возникшее на базе толстого, выходившего шесть раз в год социалистического теоретического журнала *The New Left Review*, издавало много книг и имело свой офис в центре Лондона. Второе издательство, «Bertrand Russell House», находилось в Ноттингеме. Оно издавало ежеквартальный социалистический журнал *The Spokesman* и до двадцати разных книг каждый год. Это издательство купило ранее у издательства «Macmillan» права на дешевые издания моей книги «The Medvedev Papers» и книги Роя «Let History Judge». С директором фонда Бертрана Рассела Кеном Коутсом я был в дружбе и часто разговаривал по телефону. Он встречался и с Роем во время поездки в Москву.

Оба издательства были готовы принять предложенный им проект сборника, но без официального договора с отчетами о продажах и без гонораров. Как объяснил мне Коутс, социалистические издательства не получают прибыли, так как продают свои журналы и книги лишь по подписке, через заказы по каталогам с аннотациями, а также с помощью рекламы в «левых» журналах и университетских книжных магазинах благодаря спросу среди студентов, а не через общую книготорговую сеть. Учет продаж и финансовые расчеты ведут в Англии три основные сетевые книготорговые фирмы, имеющие большие книжные магазины в центральных районах городов, на вокзалах и в аэропортах. От сумм продаж 75 % перечисляются в издательства, которые, в свою очередь, рассчитываются с авторами, выделяя для этого от 6 до 15 % доходов, в зависимости от тиражей. (При больших тиражах процент растет.) Книготорговые сети Великобритании не заключают договоров на продажу книг социалистических и вообще мелких «левых» издательств, и именно это является барьером для их распространения, который действует не хуже любой цензуры.

Для меня издание переводов материалов из журнала «Двадцатый век» без договоров было бы весьма трудным делом, так как требовало много времени и финансовых затрат. Финансировать проект из собственных средств или скромных фондов Роя я не мог. Кроме того, сами авторы ожидали каких-то гонораров, хотя бы небольших. В Советском Союзе авторские гонорары не зависят от тиражей, а большинство издательств субсидируется из государственного бюджета. Получая хорошо изданный том на английском или на французском, любой советский автор будет неизбежно предполагать, что за его статью, очерк или рассказ, в нем напечатанный, причитается какой-то гонорар.

Кен Коутс посоветовал мне обратиться в небольшое социалистическое издательство «The Merlin Press», которое было известно выпуском своего международного толстого ежегодника *The Socialist Register* – наиболее авторитетного в мире теоретического социалистического журнала. Этот ежегодник был основан в 1965 году Ральфом Милибандом (Ralph Miliband), автором нескольких важных книг по теории марксизма и проблемам

социалистической демократии. Милибанд был и его главным редактором. Ежегодник стал особенно популярным в США среди студентов и «новых левых», и издательство «The Merlin Press» заключило договор с крупным частным либеральным издательством «W.W. Norton & Co» в Нью-Йорке, покупавшим права на публикацию и продажу многих его изданий в США (Я уже писал о том, что по каким-то соглашениям британские издательства не могли самостоятельно продавать свои книги в США, а американские – в Великобритании. Мировой книжный рынок изданий на английском был разделен на британский (Великобритания, Ирландия и Австралия) и американский – США. В Канаде можно было продавать и британские и американские издания. Популярны авторы могли заключать независимые договоры в Лондоне и в Нью-Йорке.) Если бы «The Merlin Press» согласилось публиковать на английском избранные вещи из альманаха «Двадцатый век», то от продажи прав на распространение этого альманаха в США была бы переведена на счет моего издательства половина заработанной суммы.

Офис «The Merlin Press» находился в бедном, пролетарском районе восточного Лондона, где всегда голосовали за лейбористов. Директор и основатель издательства Мартин Ив (Martin Eve) принял меня очень приветливо. На столе у него лежала недавно изданная и на английском книга Роя «On Socialist Democracy». Для английского издания она была значительно переработана и дополнена автором, а прекрасный перевод, сделанный Эллен де Кадт (Ellen de Kadt), как отмечал один из рецензентов, «превратил сухой язык автора в английскую прозу». Теперь это был солидный том в 420 страниц, в твердом переплете, с суперобложкой и фотографией автора, изданный «Macmillan», самым крупным лондонским издательством. Мартин Ив немного знал русский язык, что не редкость для тех социалистов, которые в молодости были коммунистами-троцкистами. (Идеи Троцкого о перманентной революции были в прошлом более популярны среди западных левых, чем идеи Ленина или Сталина.) Он просмотрел названия работ в содержании и пообещал, что вместе с коллегами прочитает рукописи и выберет материалы для перевода. Чисто литературные произведения его издательство не интересовали, но работы по истории и экономике, а также полемика по текущим политическим проблемам представляли для них интерес. Было очевидно, что Мартин Ив уже принял положительное решение и хотел лишь посоветоваться с активом издательства. Он тут же предложил сборнику другое название – «Samizdat Register», русский термин «самиздат» уже вошел в английский политический лексикон.

Примерно через месяц я подписал с Ивом договор на английское издание сборника. Он выбрал для перевода восемь очерков, среди них, как я и ожидал, были очерки Р. Медведева, М. Якубовича, А. Красикова и Л. Копелева, которых в моем первом русском издании еще не было. Они готовились для второго номера, вышедшего лишь в 1977 году. Я написал для сборника предисловие со справкой об авторах. Вскоре Мартин сообщил мне, что его американский партнер покупает права на продажу книги в США. Это был первый успех. (С Мартином Ивом и его женой Пат у меня установилась длительная дружба. В их доме и в издательстве я познакомился с многими известными в Англии марксистами: Тамарой Дейчер (Tamara Deutscher), Эдвардом Томпсоном (Edward Thompson) и Ральфом Милибандом. Ральф был лишь на год старше меня и имел российские корни. Семья его отца эмигрировала в начале века из России в Бельгию, спасаясь от еврейских погромов, а из Бельгии они бежали в Англию в 1940 году, спасаясь теперь уже от немецкой оккупации. Ральф умер рано, в 1994 году. Его старший сын Дэвид стал секретарем по иностранным

делам в лейбористском правительстве Гордона Брауна. Младший сын Эд, похожий на своего отца, стал лидером Лейбористской партии. Он ушел в отставку после поражения лейбористов на парламентских выборах 2015 года.

В начале 1976 года я получил также согласие парижского социалистического издательства «François Maspéro». В их изданный в том же году том под названием «Une Opposition Socialiste en Union Soviétique» вошли семь очерков. Мой новый итальянский друг профессор Витторио Страда (Vittorio Strada) написал подробное предисловие для итальянского издания альманаха, получившего название «Dissenso e Socialismo», выпущенного большим левым издательством «Gulio Einaudi editore» в Турине. Договор, предполагавший и небольшой аванс, я подписывал во время поездки в Италию. Особым успехом было согласие широко известного и старого немецкого издательства «Hoffmann und Campe» в Гамбурге на издание нашего сборника. Том на немецком (310 страниц, в твердом переплете с суперобложкой, с именованным указателем) вышел через несколько месяцев под названием «Aufzeichnungen aus dem sowjetischen Underground». В немецкое издание вошли восемь очерков и литературные воспоминания Бориса Ямпольского. Еще одно издание альманаха на основе договора вышло вскоре и в Японии.

К концу 1976 года мой баланс по всему проекту стал положительным. Первый гонорар в виде застрахованной продовольственной посылки (чай, растворимый кофе, сгущенное молоко, мясные консервы, оливковое масло, шотландское печенье и шоколад) я отправил из польского торгово-посылочного центра в Лондоне по адресу: СССР, 470001. Караганда, Тихоновский дом инвалидов, Михаилу Петровичу Якубовичу. За получение продовольственных посылок из-за границы таможенная пошлина в СССР не взималась. Второй небольшой гонорар был передан по просьбе Михаила Байтальского его дочери Нине Байтальской, эмигрировавшей в 1974 году в Израиль. Михаил Давидович Байтальский, очерк которого «Товар номер один» был напечатан во всех иностранных изданиях альманаха под псевдонимом А. Красиков, стал известен уже после смерти в Москве в 1978 году своей книгой мемуаров «Тетради для внуков» с документальным описанием первых воркутинских трудовых лагерей, создававшихся с 1928 года. Этого талантливого журналиста, участника троцкистской Рабочей оппозиции арестовывали три раза.

М. П. Якубович в «Архипелаге ГУЛАГ»

Рой познакомился с Якубовичем в Москве в 1964 году. В то время у Роя был уже готов первый вариант книги «К суду истории. О Сталине и сталинизме» (тогда около 400 машинописных страниц), и он давал ее читать некоторым близким друзьям и бывшим заключенным. О Якубовиче Рою рассказал наш общий друг Марлен Кораллов, литератор и филолог, который был арестован в 1949 году и провел шесть лет в Карлаге. Якубович находился в этом же лагере с довоенного времени. (В 1950 году, согласно «Справочнику по ИТЛ» общества «Мемориал», в Карлаге было 65 673 заключенных.)

Рой начал работать над своей книгой в октябре 1962 года, и свидетельства, рукописи и воспоминания бывших заключенных обеспечивали ему постоянный приток нового фактического материала. В этом же круге людей циркулировала с начала 1962 года и моя рукопись «Биологическая наука и культ личности», и новый проект Роя воспринимался иногда как продолжение общей работы братьев Медведевых.

Когда Солженицын после неудачи с получением Ленинской премии по литературе в

1964 году стал собирать материалы для «Архипелага», он, естественно, встречался с теми же людьми и пользовался теми же источниками. В Москве реабилитированные и вернувшиеся из заключения создали нечто вроде общества взаимной поддержки. Солженицын впервые встретился с Якубовичем в 1966 году в двухкомнатной квартире Александра Улановского [\[10\]](#), недалеко от Курского вокзала, и в последующие годы беседовал с ним много раз, записывая рассказы о 1917 годе и лидерах революции на магнитофон. Это делалось уже не только для «Архипелага», но и для «Красного Колеса». По свидетельству Марлена Кораллова, прощаясь, Солженицын обнимал и целовал своего нового друга.

Главная проблема Якубовича в тот период заключалась в том, что сфабрикованный в 1931 году процесс над Союзным бюро не пересматривался и его жертв, включая Якубовича, не реабилитировали. Реабилитация важна была не только морально. При реабилитации срок заключения в ИТЛ прибавлялся к трудовому стажу, что увеличивало размер пенсии, и выдавалась двухмесячная зарплата «с последнего места работы», но по текущим ставкам окладов. Снимались и ограничения на выбор места жительства, а также предоставлялось право на квартиру в том городе, где она была потеряна, так что в случае реабилитации Якубович мог бы получить комнату или квартиру в Москве.

Массовая посмертная и прижизненная реабилитация политических заключенных после XX и XXII съездов КПСС не распространялась, вопреки элементарной юридической логике на тех, наиболее известных, жертв сталинского террора, которые были осуждены и чаще всего расстреляны по приговорам, вынесенным на «открытых показательных» процессах, проходивших обычно в Колонном зале Дома Союзов. Сотни тысяч зиновьевцев, рыковцев или бухаринцев были реабилитированы, как правило, посмертно, тогда как сами Г. Зиновьев, А. Рыков, Н. Бухарин и десятки их ближайших соратников оставались (даже в 1976 году) в списках «изменников родины и врагов народа». Такое нелепое положение было связано с тем, что эти лица имели международный статус, были знаменитыми марксистами и революционерами. По требованию Сталина все коммунистические партии, входившие в Коминтерн, особыми резолюциями одобряли вынесенные смертные приговоры и клеймили осужденных как «изменников и шпионов». Против них с «разоблачениями» и обвинениями в предательстве интересов рабочего класса после каждого из приговоров выступали на съездах и собраниях такие деятели, как Пальмиро Тольятти, Морис Торез и Гарри Поллит. Такая открытая поддержка западными коммунистами сталинского террора стала после 1956 года угрозой самому существованию ряда западноевропейских компартий. Между тем было уже известно, что «показания» жертв террора добывались для «открытых судов» с помощью самых изощренных пыток и истязаний.

Отсутствие реабилитации у М. Якубовича объяснялось тем, что процесс по делу «С Союзном бюро меньшевиков» Сталин решил сделать открытым и показательным. Он, по своему обычаю, хотел показать народу, что неудачи в экономике и в коллективизации были вызваны не ошибками руководства страны, а подрывной деятельностью «иностранных агентов», «врагов народа» и «вредителей». Процесс в таких, уже опробованных, случаях проводился по заранее разработанному сценарию, а ложные показания для сценария и его «репетиций» добывались пытками.

В 1967 году Якубович по настоятельной рекомендации московских друзей составил письмо генеральному прокурору СССР с подробными объяснениями фальсификаций на «процессе» и с рассказом о невероятных пытках, которым подвергались арестованные для дачи ложных показаний. Копии этого письма Михаил Петрович передал друзьям, среди

которых был и Рой. Он включил полный текст этого уникального свидетельства в свою книгу. Таким образом этот документ и попал полностью в английское издание книги Роя в 1971 году (Jakubovich's Deposition // Let History Judge. N.Y.: Knopf, 1971. P. 125–131). В 1972 году он был опубликован во французском, немецком, итальянском и испанском изданиях этой книги.

Якубович свидетельствует:

«пытавшихся сопротивляться вразумляли физическими методами воздействия – избивали (били по лицу и голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, лежавших на полу душили за горло, пока лицо не наливалось кровью, и т. д.), держали без сна, сажали в карцер, выводили босиком на мороз».

Далее Михаил Петрович пишет:

«Я дошел до такой степени мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно: какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и других, лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания...»

Письмо было датировано 5 мая 1967 года.

Якубович передал это письмо в середине мая и Солженицыну, которого считал своим другом. Между ними установилась переписка. Я об этом тогда знал и два раза встречался в мае с Якубовичем на квартире Марлена Кораллова. Солженицын с начала мая жил в Переделкине на даче Чуковских и занимался подготовкой и распространением 250 экземпляров своего знаменитого «Письма Четвертому Всесоюзному Съезду Союза Советских Писателей», которое с помощью друзей рассылалось 15–16 мая, за два дня до съезда.

Как стало известно лишь несколько лет назад, к маю 1967 года первый том «Архипелага» был уже закончен и находился на хранении в Эстонии и в Ленинграде. Но ни Чуковские, ни я о существовании этой работы тогда не знали. В этой рукописи в главе «Закон созрел» рассказывалось и о процессе Союзного бюро, о котором Солженицын узнал исключительно из рассказов Якубовича. Все другие участники процесса были либо приговорены к высшей мере, либо умерли в лагерях. Якубович был среди них самым молодым. Однако Солженицын в своей версии умалчивал о пытках на следствии, решив показать Якубовича энтузиастом и скрытым большевиком, готовым давать ложные показания добровольно «для пользы дела». Изложение революционной биографии Якубовича Солженицын давал по прежним рассказам, но без ссылки на источник и очень недружественно, с сарказмом:

«Якубович не меньшевиком, а большевиком был всю революцию, самым искренним и вполне бескорыстным... Когда же в 1930 году таких вот именно “пролезших” меньшевиков надо было набрать по плану ГПУ – его и арестовали.

И тут вызвал на допрос Крыленко, который организовывал стройное следствие из хаоса дознания... И вот что сказал теперь Крыленко:

– Михаил Петрович, скажу вам прямо: я считаю вас коммунистом! (Это очень подбодрило и выпрямило Якубовича.) Я не сомневаюсь в вашей

невинности. Но наш с вами партийный долг – провести этот процесс (Крыленке Сталин приказал, а Якубович трепещет для идеи, как рьяный конь, который сам спешит сунуть голову в хомут.) ...

И Якубович – обещал. С сознанием долга – обещал. Пожалуй, такого ответственного задания еще не давала ему Советская власть...»

Однако в мае 1967 года, прочитав копию заявления Якубовича в Генеральную прокуратуру, Солженицын понял, что изложенный им ход следствия слишком сильно отличался от действительности. Скрывать применение пыток на предварительном следствии было теперь нельзя. Но менять нарисованный раньше портрет энтузиаста-сталиниста Солженицын не захотел. Дав сцену добровольного согласия Якубовича на ложные показания, Солженицын добавил к ней абзац, основанный на новом документе:

«И можно было на следствии не трогать Якубовича и пальцем! Но это было для ГПУ слишком тонко. Как и все, достался Якубович мясникам-следователям, и применили они к нему всю гамму – и морозный карцер, и жаркий закупоренный, и битье по половым органам. Мучили так, что Якубович и его подельник Абрам Гинзбург в отчаянии вскрыли себе вены... После поправки их не пытали, только была двухнедельная бессонница...» («Архипелаг ГУЛАГ». Париж, 1973. С. 404–405).

Нелепость этой последовательности событий совершенно очевидна. Арестованный Якубович добровольно и с энтузиазмом сразу соглашается стать ключевым свидетелем обвинения, а его после этого долго и без нужды пытаются, доводя до попытки самоубийства, рискуя сорвать этим всю постановку судебного спектакля. В дальнейшем изложении Солженицыным всего этого дела (с. 405–408) также много намеренных искажений с попыткой распространить модель добровольного сотрудничества со следствием на другие показательные процессы:

*«Ну разве не находка для прокуратуры?
И разве еще не объяснены процессы 1936–38 годов?
А не над этим разве процессом понял и поверил Сталин, что и главных своих врагов-болтунов он вполне загонит, он вполне организует вот в такой же спектакль?»*

Самая трудная миссия

Первый том «Samizdat Register» со своим очерком «From the History of Ideas. Part I» («История идей». Часть 1) Якубович получил от меня через Роя. Возможно, что это была его первая публикация за 45 лет. Очерк занимал в книге сорок страниц и был переведен на английский Тамарой Дейчер, вдовой писателя и историка Исаака Дейчера (Isaak Deutscher), автора знаменитой трехтомной биографии Льва Троцкого, изданной в 1954–1963 годах и известной на Западе почти каждому марксисту. На очереди у меня были вторая часть воспоминаний и еще два очерка Якубовича – о Зиновьеве и Каменеве, которых он хорошо знал. Рой послал Якубовичу и копию своей рецензии на второй том «Архипелага». Ответ

Михаила Петровича пришел с некоторым опозданием, он писал:

«Дорогой Рой Александрович!

Постараюсь на днях отправить Вам некоторые материалы. Для меня эта отправка нелегкое и непростое дело. Надо добираться до почты два километра. Автобус не ходит – надо идти пешком. А у нас – то бураны, то гололед. Постараюсь добраться. С трудом хожу. Состарился тотально и неизвестно почему до сих пор не умираю...

Подробно не могу сейчас написать по поводу Ваших статей. Скажу только кратко. У меня другое впечатление от “Архипелага”. Я воспринимаю его не как “художественное исследование” системы и практики сталинских лагерей, а как политический манифест, обоснованный примерами из этой системы и практики. “Архипелаг Гулаг” для Солженицына вовсе не потому интересен, что он вскрывает преступления сталинской эпохи, а потому, что дает ему возможность идентифицировать практику “Архипелага” с идеей социализма и идеей всякой революции вообще...»

Почерк у Якубовича был очень мелкий, но четкий, без всяких следов дрожания руки, характерного для людей этого возраста. Он сообщил в письме:

«...ко мне в Дом инвалидов приезжали корреспонденты АПН: брали интервью по поводу “Архипелага” и о том, что в нем написано обо мне. Кроме того, заказали мне статью и очень с ней торопили. Будет ли где-нибудь напечатана, я не знаю...»

Статья Якубовича, по-видимому, не публиковалась, и копий он Рою не присылал. Была у него одна главная просьба ко мне и Рою – написать и опубликовать в альманахе «Двадцатый век» опровержение той версии следствия по делу Союзного бюро, которое вошло в «Архипелаг».

Рой эту просьбу выполнил и вскоре прислал мне очерк «М. П. Якубович и А. И. Солженицын», десять машинописных страниц. В нем рассказывалась история взаимоотношений этих двух людей и сравнивались тексты из реального письма Якубовича в прокуратуру и той искаженной версии, которая была в книге Солженицына. Однако Рой в своем очерке приводил и цитату из письма Якубовича, в котором Михаил Петрович обсуждал признание Солженицына в разделе «Стук-стук-стук» во втором томе «Архипелага», где автор рассказывает, как был завербован в первом своем лагере в 1946-м в качестве осведомителя, получив псевдоним Ветров (Париж, 1974. С. 347–367). Среди бывших советских заключенных обсуждение этой проблемы было тогда очень острым, выходя и в западную прессу. Но я не хотел в нем участвовать. От публикации очерка Роя во втором номере «Альманаха», выход которого ожидался в конце 1976 года, я поэтому отказался. Сам Солженицын с августа 1976 года жил уже в США, в северном штате Вермонт почти в полной изоляции в лесном имении, обнесенном высоким забором. Швейцарский адвокат писателя Фриц Хееб был уволен и теперь судился со своим бывшим клиентом, требуя компенсации за потерянную практику.

Я решил, что никакие статьи не могут быть действительными. Рассказ о Якубовиче в главе

«Закон созрел» был ложным и мог классифицироваться как клевета. Исправить искажения должен был только сам автор. Чтобы Солженицын это действительно сделал, существовал лишь один путь – об этом его должны попросить издатели. Но только просьба британского издателя могла иметь реальный эффект.

Публикацию клеветы, как известно, можно оспаривать через суд. Однако и в США, и в других странах ответственность несет автор клеветнических заявлений и иск через суд предъявляется к нему. В Великобритании же ответственность за клевету несет издатель, он обязан проверять достоверность публикуемых материалов. Иск предъявляется поэтому издателю. Я как директор микроиздательства «T.C.D. Publication» был теперь официальным издателем М. П. Якубовича и приобретал права его юридического представителя. Это позволяло мне обращаться на равных к британскому издателю «Архипелага» «Collins & Harvill Press» и к его партнеру «Fontana Books», публиковавшему одновременно дешевое издание той же книги в бумажной обложке. Мне надо было довести до их сведения, что в опубликованной ими в 1974 году книге «The Gulag Archipelag» на страницах 401–405 содержится клевета на Михаила Петровича Якубовича, издателем и представителем которого в Великобритании я в настоящее время являюсь. Я сообщил им адрес Якубовича, на случай если они захотели бы убедиться, что он жив и дееспособен. Поверить в то, что человек, о революционной деятельности которого начиная с 1906 года и об аресте и пытках которого в 1930 году рассказывалось в напечатанной ими книге, был еще жив и может обращаться в британский суд, было, конечно, нелегко. Возможными экспертами по данному эпизоду я называл профессора Лондонской школы экономических и политических наук Леонида Шапиро, главного авторитета в Англии по советской истории, и профессора Роберта Конквеста (Robert Conquest), в книге которого о сталинском терроре («The Great Terror») был раздел и о Якубовиче.

Я предлагал основному издателю «Архипелага» («Collins & Harvell») внести необходимые изменения в текст, которые ясно покажут, что М. П. Якубович не добровольно давал показания, а был сломлен длительными пытками и бессонницей. К моему письму прилагались ксерокопии заявления Якубовича генеральному прокурору (на английском – из книги Роя) и страниц 401–405 из книги Солженицына. Юрист издательства и любой из его редакторов могли в этом случае легко убедиться в наличии преднамеренной клеветы. Я предлагал издателям внести исправления во все новые издания книги. Это предложение относилось в основном к дешевому массовому изданию «Fontana Books», пятый тираж которого ожидался в 1977 году. Я также писал, что изложенная тема остается конфиденциальной и я не собираюсь предавать спор какой-либо огласке. Однако советовал издателям принести пострадавшему от клеветы извинения и выплатить скромную компенсацию, желательно из гонорара автора.

Вскоре мне позвонил исполнительный директор издательства Роберт Книттел (Robert Knittel). Он, насколько я помню, сказал, что в издательстве к моему письму отнеслись с полной серьезностью и что он на днях отправит мне официальный ответ, копию которого я могу послать и заинтересованному лицу, то есть Якубовичу. Из ответа, который я действительно получил, стало понятно, что мне придется подождать.

Цитирую его фрагмент в переводе с английского:

«Мы публиковали “Архипелаг Гулаг” по лицензии от Harper & Row в Нью-Йорке. Наш контракт был с ними, а не с Солженицыным. Текст был получен из

США в виде микрофильма, и с него печаталось наше издание. Вы можете понять поэтому, что у нас нет возможности изменить текст без одобрения “Харпер энд Роу”. Я напишу им сегодня и попрошу рассмотреть проблему очень срочно и вступить в контакт с Александром Исаевичем как можно быстрее».

Книттел даже благодарил меня за то, что я не требую от издательства изъять из оборота экземпляры, которые уже отпечатаны или находятся в продаже. Такое право, по британским законам о клевете, у меня было.

Примерно через месяц Книттел сообщил мне: «Солженицын готов в последующих изданиях книги сделать сноску с поправкой, и мы, конечно, включим ее в наши издания...»

Исправить текст с помощью сноски было невозможно. Не станет же автор опровергать самого себя. Поэтому я не удивился, когда вице-президент американского издательства Эдвард Миллер (Edward A. Miller) сообщил британскому издателю: Солженицын заявляет, что он с письмом Якубовича генеральному прокурору не был знаком и все, что им написано в книге, основано на устных рассказах самого Якубовича. Я ответил, что это неверно, на странице 401 в их издании автор говорит, что излагает факты на основе сообщения самого Якубовича. В русском издании говорится конкретно о ходатайстве Якубовича в прокуратуру. Якубович передавал Солженицыну текст при свидетелях, их встреча в 1967 году происходила в квартире друзей Якубовича, Александра Петровича и Надежды Марковны Улановских, в присутствии Марлена Кораллова. Да и сама последовательность событий нелепа, и это легко можно доказать. Решение конфликта явно затягивалось. Какие-то контакты, оставшиеся в Москве у Солженицына, не помогли установить связь с Якубовичем. Он не отвечал на письма Роя и не приезжал в Москву. Удалось узнать, что он лежит в больнице, перенеся сначала инфаркт, а затем и инсульт. Для человека 86 лет прогноз был очевидным. Оспаривать клевету мог лишь живой человек. «Мертвым не больно». В 1977 году продолжения этой истории не последовало.

Неожиданно в июле 1978 года я получил от Роя по нашим конфиденциальным каналам оригинал письма Якубовича от 12 июня 1978 года:

«Дорогой Рой Александрович!

Очень меня порадовало Ваше письмо. Некоторые мои старые друзья от меня отвернулись. Хотя я ничего дурного или противоречащего общественной этике не совершал. Не в первый раз происходит подобное в моей жизни. Такова, видно, моя судьба. Я читал в зарубежной прессе, как нападали там на Вас и Вашего брата за то, что Вы напечатали в Вашем журнале первую часть “Из жизни идей”... Я был и остаюсь глубоко благодарным Вам за это понимание и за то отношение ко мне в трудную для меня психологически минуту. Долго не отвечал Вам, так как сильно болею. Ведь и пора... В этом году два раза была пневмония... Все предпосылки, чтобы умереть. Но нет. Почему-то до сих пор не умираю... Не принимают и обещанное решение о реабилитации. Пересмотр дела был. Но я до сих пор не имею ответа из прокуратуры... Как я полагаю, более высокая и решающая инстанция не дала санкции на приведение в исполнение решения Генпрокуратуры... Теперь АПН заказывает мне продолжение работы – написать 3-ю часть “Из жизни идей”. Для выполнения этого заказа мне дают путевку в шахтерский санаторий или профилакторий в Караганде, обещают предоставить спокойные условия для

литературной работы. Это действительно необходимо, так как в доме инвалидов я не имею элементарных условий для литературной работы...»

В конце письма Якубович писал о Солженицыне и об «Архипелаге»:

«...Мое дело дано в освещении врага, проникшего ко мне в облике “друга”».

Далее шли выражения с использованием лагерной лексики, которые я не могу здесь воспроизвести, и заканчивалось письмо словами:

«Шлю мой сердечный привет брату. Сожалею, что не имею надежды увидеться. М. Якубович».

Почерк Михаила Петровича был столь же ясным и твердым, как и в 1975 году. В нем не было никаких признаков дряхлости, даже после стольких болезней.

Я послал еще одно письмо британскому издателю «Архипелага», приложив к нему ксерокопию письма Якубовича. Пусть их юристы и эксперты изучают и решают. Из письма Якубовича можно было догадаться, что вместо Жореса и Роя Медведевых к ним могут вскоре обратиться те «добрые люди из АПН», которые направили Якубовича в шахтерский санаторий, где он получил отдельную комнату и услуги машинистки для продолжения записи своих воспоминаний. Британские и американские издатели могли этого и не понять, но Солженицын, если ему послали копию, безусловно, понял. Он, кроме того, был несколько суеверен. Ему пришлось сдать и переписать заново одну страницу «Архипелага». Однако новых изданий первого тома на английском не было. Исправленный автором текст был напечатан в вермонтском издании «Архипелага» в 1980 году и через девять лет, в 1989 году, при первой публикации «Архипелага» в СССР в «Новом мире» (№ 9. С. 124–125). Картина добровольного согласия на лжесвидетельство против товарищей исчезла. Якубович «... достался мясникам-следователям, и применили они к нему всю гамму...» сразу после ареста. Фраза «И можно было на следствии не трогать Якубовича и пальцем!» была из текста исключена. Вызов к Крыленко (Н. В. Крыленко был тогда генеральным прокурором, и к нему, естественно, арестованных могли вызывать лишь в конце следствия) перенесен к окончанию следствия. Кроме этого, дана более понятная ссылка не на «ходатайство о реабилитации», а на «Письмо М. Якубовича Генеральному Прокурору СССР. 1967» Оскорбительные и иронические замечания о самом Якубовиче остались, но читателю ясно, что это уже «художественное творчество».

Однако, когда после 1991 года в Москве и в областных издательствах, а позже и в Интернете стали появляться новые издания «Архипелага», все эти исправления вдруг исчезли и первоначальная нелепая последовательность событий была восстановлена. Я тогда не мог понять почему. Сейчас понимаю. Типографского набора уже не было, для новых изданий издатели просто сканировали прежние тексты. А сканировать удобнее, видимо, было с первого издания «УМСА-Press» 1973 года, чем из «Нового мира». Журнальные страницы большего формата, на каждой из них больше строк, чем в книге, и строчки длиннее. Качество журнальной бумаги хуже. Большинство версий этой книги, которые можно найти и прочитать в Интернете, также отсканированы с первого издания 1973 года. Но с 2000 года стали появляться и воспроизведения с вермонтского исправленного издания 1980 года, в котором меньше страниц (в нем есть исправления и изменения и в других

главах). Таким было, например, издание «Архипелага» в Екатеринбурге в 2004 году с предисловием автора. Однако именно та, исправленная автором «новомировская» версия остается и сейчас доминирующей. Журнал в 1989 году печатался тиражом 1 625 000 экземпляров! Таких тиражей впоследствии уже никогда не было. «Архипелаг ГУЛАГ» в Собрании сочинений Солженицына (издательство «Время») вышел в 2010 году тиражом 3000 экземпляров.

Якубович умер в 1980 году после двадцати шести лет тюрьмы и лагерей и двадцати четырех лет казахстанской ссылки. Его друг Марлен Кораллов нашел впоследствии запись 1980 года в дневнике старосты Тихоновского дома инвалидов: «11 октября в 10.30 ушел от нас навсегда дорогой Михаил Петрович...»

НАТО – Бумажный тигр

С начала 1976 года экономический кризис в США и в Западной Европе, вызванный резким повышением цен на нефть после арабо-израильской войны в октябре 1973 года, пошел на спад. Стабильно высокие цены на нефть, а следовательно, и на все виды энергии стали двигателем технического прогресса. Начали развиваться новые технологии, появилась возможность использования более дорогих источников энергии, которые прежде, при наличии дешевой арабской нефти, были нерентабельны. У стран Северной Европы появилась перспектива добычи нефти и газа со дна Северного моря, Франция и Бельгия, не имевшие углеводородных ресурсов вдоль своих берегов, выбрали путь быстрого развития атомной энергетики. Италии и Испании оставалось надеяться лишь на солнечную энергию и новые гидростанции, в основном в горных районах.

О наличии значительных запасов нефти и газа на дне Северного моря было известно давно, однако их промышленная эксплуатация началась в Шотландии с двух морских платформ лишь в конце 1975 года. В это же время нефть и газ, добываемые с морских платформ в Норвегии, стали поставляться в Швецию, ФРГ и Австрию.

Экономический кризис отступал, сменяясь, однако, политическим. В Великобритании в марте 1976-го неожиданно объявил о своей немедленной и ничем не аргументированной отставке премьер-министр Гарольд Вильсон. В США начавшаяся президентская предвыборная кампания не давала никаких шансов на победу республиканцам. Основным претендентом на пост президента становился Джимми Картер (Jimmy Carter), фермер, занимавшийся производством арахиса, и бывший губернатор южного штата Джорджия, человек мягкий и нерешительный. В Италии, Испании и Португалии коммунистические партии получали возможность участия в коалиционных правительствах.

О всех этих проблемах я постоянно размышлял, привыкая постепенно к жизни в Лондоне. Но приоритетом для нас была теперь работа в лаборатории. Неожиданно в начале мая пришло письмо из Брюсселя на бланке Северо-Атлантического альянса от Мичела Бошера (Michel Boscher), председателя Политического комитета:

«Уважаемый д-р Медведев, ...мы хотели бы пригласить Вас сделать доклад на весенней сессии нашего Комитета в Брюсселе в субботу 29 мая... Мы особенно хотели бы услышать Вашу оценку статус отношений Востока и Запада и Вашу интерпретацию советских перспектив и современной политики разрядки... Доклад обычно продолжается 40 минут, и после него 30 минут отводится на дискуссию...»

Я ответил согласием, хотя по обычным стандартам такое приглашение следовало посылать не за три с половиной недели до заседания, а значительно раньше. 6 мая я уезжал в Вену для участия в симпозиуме по биохимическим аспектам старения и должен был вернуться в Лондон 11 мая. Следующее письмо из штаб-квартиры НАТО, уже от директора комитетов Симона Лунна (Simon Lunn), я получил в середине мая. Лунн сообщал, что мой доклад включен в повестку заседаний на три часа дня. Для меня был забронирован номер в

гостинице с пятницы 28 мая, и вечером того же дня меня приглашали на прием, который устраивали президент Альянса и его генеральный секретарь. От меня не требовали никаких письменных текстов, и формат заседания был неясен. Я не знал даже, кто будет на нем присутствовать. Эти детали выяснялись уже по телефону, после возвращения из Вены. Как оказалось, моими слушателями будут группы парламентариев из стран – членов НАТО, приглашенных на сессию, от пятидесяти до шестидесяти человек. В 1976 году избираемого Европейского парламента еще не было, он появился лишь в 1979-м. Но на заседания ежегодных сессий НАТО (предыдущая состоялась в сентябре 1975 года в Копенгагене) приглашались члены национальных парламентов, входившие в комитеты, связанные с обороной. В Брюсселе они одобряли те или иные резолюции, подготовленные обширным постоянным чиновничьим аппаратом Альянса.

Я приехал в Брюссель днем 28 мая и позвонил Симону Лунну, как он и просил в своем письме. Лунн пришел в гостиницу около шести часов вечера, принес большую папку различных бумаг и отчетов, программу заседаний на субботу, разные приглашительные билеты и пропуск на заседания, который надо было приколоть к лацкану пиджака. Затем мы отправились на прием во дворец (The Palais D'Egmont), где в 1976 году располагалось бельгийское министерство иностранных дел. Я оказался на этом приеме единственным русским и из разговоров с Лунном, Бушером и другими сотрудниками НАТО наконец понял, что они хотели бы узнать от меня и почему я был приглашен столь срочно на заседание Политического комитета.

1975-й считался среди европейских политиков годом крупных провалов Запада, ответственность за которые возлагалась на США, и прежде всего на американский конгресс, выбравший курс конфронтации с Советским Союзом и погубивший разрядку и все связанные с ней проекты договоров об ограничении стратегических вооружений. Разгром Южного Вьетнама и драматическое бегство американцев из Сайгона вместе с их быстрой эвакуацией из Лаоса и Камбоджи означали потерю для США всей Юго-Восточной Азии. Возникшие там маоистские коммунистические режимы оказались необыкновенно жестокими, и от их репрессий сотни тысяч, а может быть, и миллионы беженцев спасались в основном по морю на лодках, баржах и любых плавучих средствах, отдавая себя «на волю волн». Их находили в океане суда разных стран чаще всего в состоянии крайнего истощения. Десятки тысяч погибали. (Число погибших, по современным оценкам ООН, составило от двухсот до четырехсот тысяч человек.) Это была трагедия колоссальных масштабов. Однако особое беспокойство НАТО вызывало быстрое поражение в ноябре 1975 года всех проамериканских и прозападных сил в гражданской войне в Анголе, бывшей португальской колонии. Они были разгромлены кубинской военной бригадой, срочно доставленной в Анголу советскими кораблями и самолетами на помощь социалистическому Движению народного освобождения, провозгласившему марксизм-ленинизм своей доктриной. Ангола была богата нефтью, которая шла в основном в Европу.

Для политиков НАТО было не ясно, кто руководил этой более решительной и успешной международной стратегией в Советском Союзе. Западным спецслужбам было известно, что Брежнев, активно участвовавший во всех переговорах 1972–1974 годов с Никсоном и Киссинджером, тяжело болен и потерял работоспособность после инсульта. Во второй половине 1975 года он надолго исчез с телеэкранов, где прежде появлялся почти каждый день. И на Западе не могли понять, кто принимает решения в Кремле и как это меняет перспективы на будущее. В Европе очень надеялись именно на разрядку как эффективное

средство преодоления экономического кризиса и на расширение торговли с СССР для обеспечения поставок нефти и газа независимо от ОПЕК.

Этой теме я и посвятил свое выступление 29 мая. Поскольку название доклада – «East-West Relations – A Soviet Perspective» («Отношения Востока и Запада – советская перспектива») – было сформулировано недостаточно четко, я подготовил и официальный текст на английском, копии которого (20 страниц) передал председателю заседания. Время ответов на вопросы и на обсуждение было продлено. Никаких записей о существовании дискуссии я по горячим следам не делал, сочтя ее конфиденциальной. Никто о конфиденциальности меня не предупреждал, однако отсутствие каких бы то ни было представителей средств массовой информации на всех заседаниях свидетельствовало о том, что они не считались открытыми. Благодаря этому я избежал нападков в эмигрантской русской прессе и разных «открытых писем», которые последовали за моим выступлением в сенате США в октябре 1974 года.

Прежде всего я разъяснил в своем выступлении те изменения, которые произошли в системе принятия решений в СССР в 1975 году вследствие серьезной болезни Брежнева нарушившей его речь и повлиявшей на память. При аналогичной ситуации, возникшей в 1922 году после инсульта и паралича у Ленина, сформировалась система «престолонаследия», по которой власть в стране, по крайней мере на период до нового съезда партии, переходила ко второму лицу в партийной, а не в государственной иерархии. В 1924 году такой фигурой был именно Сталин, генеральный секретарь Политбюро, который в государственном управлении СССР не играл тогда большой роли. Но такая система обеспечивала доминирующую роль партийного аппарата и коммунистической идеологии в стране. В 1953 году вторым в партийной иерархии был Маленков, который и оказался «наследником» Сталина. Он утратил свое положение в 1955 году, теперь уже в результате внутрипартийной борьбы. В 1975 году отставка или смерть Брежнева выдвинули бы на роль лидера КПСС Михаила Суслова, главного идеолога, которому фактически подчинялся через Секретариат ЦК весь партийный аппарат. Замены Брежнева на Суслова большинство членов Политбюро не хотело. Поэтому было решено сохранять видимость дееспособности Леонида Ильича, избавив его при этом от публичных выступлений, поездок по стране и за границу. Фактически власть перешла к «тройке», в которую вошли Алексей Косыгин, премьер-министр, маршал Дмитрий Устинов, его первый заместитель по военно-промышленному комплексу и с марта 1976 года министр обороны, и Юрий Андропов, председатель КГБ. Вместе с Андреем Громыко эта группа стала также известна как «малое Политбюро». Громыко, однако, не пользовался абсолютным доверием в партийных верхах, так как слишком долго жил и работал в США, сначала как советник (с 1939 года), затем как посол и представитель СССР в ООН (до 1949 года). «Малое Политбюро» было очень компетентным оперативно действующим и не подверженным коррупции, характерной для более близкого окружения Брежнева. Его решения выполнялись сразу. Американская администрация, по сравнению с советской «тройкой», оказывалась слишком громоздкой и неэффективной. Успеху советской политики способствовало и то, что высокие мировые цены на нефть и газ обеспечивали Советский Союз очень большими валютными ресурсами. Был сильно расширен именно в 1974–1975 годах импорт в СССР западных потребительских товаров и продовольствия, и уровень жизни населения начал постепенно расти. В таких условиях любые американские попытки давления с политическими целями оказывались бесполезными.

После окончания сессии НАТО группе парламентариев, принимавших участие в ее работе, предлагалась экскурсия по южным военным базам в Тулоне, Неаполе, Афинах и в Измире. Желавшие могли также посетить Шестой американский флот в Средиземном море.

Я выехал из Брюсселя в воскресенье утром с толстой папкой различных, явно конфиденциальных или «для служебного пользования», отчетов и документов. В Международном секретариате НАТО, как я понял, не было принято ставить какие-либо грифы непосредственно на документах. Документы открытого характера, которые могли передаваться и в прессу, печатались на белой бумаге, более конфиденциальные и явно не для прессы – на светло-зеленой.

«Архипелаг ГУЛАГ», том 3

Третий том «Архипелага» появился в русском отделе польского книжного магазина «Orbis» в Лондоне в декабре 1975 года и одновременно у бесплатного распространителя эмигрантских книг «Universal Book Exchange», существовавшего без вывески в подвальном помещении одного из жилых домов в богатом районе Лондона Белгравия. Из «Universal Book Exchange» о появлении третьего тома мне уже в январе 1976 года сообщила по телефону его менеджер Жоан де Балкар. Клиентов у них в Лондоне было немного, так как советские туристы приезжали в Англию редко, да и вели себя здесь более осторожно, чем раньше. Поэтому распространитель был готов не только дарить книги желающим, но и отправлять их по почте через надежные дипломатические адреса. Об эффективности своей работы Жоан отчитывалась перед спонсорами количеством реализуемых книг. Но на третий том «Архипелага» заказов было мало, и она не понимала почему. Этот том очень плохо продавался и в «Orbis», и в знаменитом «Foyles», самом большом книжном магазине Европы, имевшем отдел русских книг, советских и эмигрантских. В отличие от первого и второго тома эпопеи, третий том в карманном варианте не печатался. Мне было известно, что издательство «УМСА-Press» терпело большие убытки. Огромным коммерческим успехом пользовался лишь первый том, вышедший в начале 1974 года. Весь его тираж в 50 тысяч был реализован в течение нескольких месяцев. Но уже второй том расходился плохо, и большая часть такого же тиража лежала на складе издательства. Третий том, судя по всему, ожидала та же судьба. По содержанию он не был самостоятельной книгой, поэтому его могли покупать в основном те, кто прочитал первые два тома и ждал завершения эпопеи. Для эмигрантских русских книг и самиздата тираж 2–3 тысячи экземпляров был оптимальным. В СССР, в основном в Москву, попадало не более 200–300 экземпляров. Благодаря Жоан де Балкар я отправил два экземпляра Рою, он планировал обстоятельную рецензию.

Я читал третий том очень медленно. В конце тома, на стр. 580, стояли даты и место написания всей эпопеи: 27.4.58–22.2.67. Рязань – Укрывище. (Под укрывищем подразумевались несколько мест, в которых, как считал Солженицын, за ним не было постоянного наблюдения.) Под коротким «Послесловием» на стр. 581 написано: «Май 1968. Рождество-на-Истье». «Архипелаг», как сейчас известно, был действительно закончен в 1968 году. В июне 1968 года микрофильм всей рукописи привез в Париж Александр Владимирович Андреев, брат Ольги Андреевой-Карлайл, которая была тогда главным доверенным лицом Солженицына в США. Все эти детали стали известны позднее из книги Ольги Андреевой-Карлайл «Возвращение в тайный круг» (М.: Захаров, 2004), изданной не

английском в 1978 году. Читая третий том, я, однако, видел, что его текст явно переделывался уже в Цюрихе, очевидно, в конце 1974-го и в начале 1975 года. Этим, видимо, и объяснялся столь большой интервал после публикации второго тома. К такому же выводу пришел и Рой в рецензии, текст которой я получил только летом 1976 года. В третьем томе, при наличии множества тематических повторов из первого и второго, вероятно для того, чтобы сделать его более самостоятельным, были заметно изменены некоторые ключевые исторические концепции первого тома. Отдельные описания, приводимые как фактические, были в действительности мифами, которые создавались не в СССР, а в послевоенной Германии такими организациями, как НТС, пополнившимися за счет людей, активно сотрудничавших в прошлом с оккупационными властями.

В первом томе глава «Та весна» посвящена попавшим в ГУЛАГ в 1945 году бывшим солдатам власовской армии, воевавшей на стороне вермахта. Солженицын достаточно подробно пытался объяснить, почему советские военнопленные, оказавшиеся в плену в июне-июле 1941-го и в июне 1942-го в период блицкрига, завербовывались на службу в Русскую освободительную армию (РОА) генерала Андрея Власова. Главными причинами он считал истощение от голода и надежду на более легкую возможность побега из этой армии:

«Тому, кто не голодал, как наши военнопленные, не обгладывал летучих мышей, залетавших в лагерь, не вываривал старые подметки, тому вряд ли понять, какую необоримую вещественную силу приобретает всякий зов, всякий аргумент, если позади него, за воротами лагеря, дымится походная кухня и каждого согласившегося тут же кормят кашею от пуза – хотя бы один раз! хотя бы в жизни еще один только раз!» (Париж, 1973. Т. 1. С. 251).

В третьем томе, уже в первой главе «Обреченные», формирование РОА и других русских и украинских соединений, воевавших на стороне вермахта, объяснялось массовым крестьянским недовольством колхозами и совхозами:

«Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943 – и кто даст его аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами, – только бы не остаться у победивших своих, – обозы, обозы, обозы, в лютую январскую стужу с ветрами!»

*Вот здесь и лежат общественные корни тех добровольческих сотен тысяч, которые даже при гитлеровском уродстве отчаялись и надели мундир врага. Тут приходит нам пора снова объясниться о власовцах. В 1-й части этой книги читатель еще не был подготовлен принять правду всю... ему выставлена была только насторожка, приглашение **подумать**. <...> В 1-й части я говорил о тех власовцах, какие взяли оружие от отчаяния, от пленного голода, от безвыходности. <...> А теперь отодвигать дальше некуда, надо же и о тех сказать, кто еще до 41-го ни о чем другом не мечтал, как только взять оружие и **бить** этих красных комиссаров, чекистов и коллективизаторщиков <...> естественно было повторить прием самого большевизма: как он сам вгрызся в тело России, ослабленное Первой мировой войной, так и бить его в подобный же момент во Второй!» (Париж: YMCA-Press, 1975. Т. 3. С. 30–31).*

Здесь с самого начала неизвестно кем придуманные события, которых не было и не могло быть. Никакого «великого исхода населения с Северного Кавказа в январе 1943 – обозы, обозы, обозы в лютую январскую стужу» не существовало. Я сам, тогда еще семнадцатилетним юношей, весной 1943 года с эшелоном новобранцев маршевой роты для пополнения Таманского фронта двигался в эшелоне, составленном из товарных теплушек с нарами, вдоль всего Северного Кавказа (см. [главу 1](#)). От Моздока, недалеко от Грозного, до Краснодара по недавно освобожденным районам эшелон шел неделю, железную дорогу еще полностью не восстановили, и поезд часто и подолгу стоял на станциях возле станиц. Местное население, в основном женщины, девушки, старики и дети, приходили к составу, приносили молоко, сало, жареных цыплят, вареный или печеный картофель, кукурузные початки, местный табак. Иногда просили подвезти их до следующей станции или в город, одна девушка ехала в нашем вагоне целый день. До сих пор в памяти эти сцены. Местные жители знали, что у новобранцев нет денег. Мы им давали соль, которой наполнили котелки на какой-то станции при подъезде к Махачкале, – там соль с местных каспийских разработок нам дарил местное население. Никакого «исхода» обозами с этой территории не могло быть. Свою армию они приветствовали, нас жалели: «...таких совсем молодых уже берут...» Это я слышал чаще всего. Большинство моих товарищей тоже были семнадцатилетними. Немецкая армия в январе отступала от Моздока слишком стремительно, без боев. Вся территория от Моздока до Армавира была освобождена за десять дней. В начале февраля Красная Армия готовилась к форсированию Дона, приближаясь к Ростову-на-Дону. Оккупация немцами Северного Кавказа была в августе – ноябре 1942 года слишком короткой. В большинстве станиц и сел Ставропольского края немецкую администрацию не успели установить. Колхозы и совхозы продолжали существовать на всей оккупированной территории, никто землю не делил. Крестьяне не имели в январе 1943-го лошадей с телегами или санями для обозов и не смогли бы уехать, даже если бы и пожелали. Лошадь вообще не могла в то время быть личной собственностью. Значительную часть колхозных лошадей мобилизовали в армейскую службу тыла еще в начале войны. Да и не стали бы крестьяне массами уходить из станиц на санях в «январскую стужу с ветрами». Куда? Где они получат землю?

Другой вымышленной историей является легенда о «добровольческих сотнях тысяч, которые... надели мундир врага». РОА к началу 1945 года состояла из трех дивизий, лишь одна из которых имела полный состав в 22 тысячи. Она как вспомогательная принимала участие в нескольких оборонительных боях в начале 1945 года уже на территории Германии. Немецкое командование планировало использовать РОА лишь в карательных операциях в Чехословакии и в Польше, опасаясь массового дезертирства в случае дислокации РОА на территории СССР. В Красной Армии в это же время в боях участвовало около четырехсот дивизий. В завершающие дни войны, 6, 7 и 8 мая 1945 года, дислоцированная в Праге 1-я дивизия РОА выступила по призыву чешского Сопротивления и по приказу Власова против элитной германской группировки Waffen SS, заняла центр города и предложила немцам сдаваться. Это спасло Прагу от боев и разрушений, но не спасло самого Власова и его командиров. Советские танки вошли в Прагу утром 9 мая, уже после капитуляции Германии.

Исторический побег с Соловков

В середине апреля 1976 года я получил на институтский адрес необычное, написанное

на английском, письмо от Сары Безсоновой из небольшого городка Brentford, недалеко от Лондона. Безсонова сообщила, что прочитала статью Роя в *The Sunday Times* и не знает, известна ли нам с братом или другим русским книга ее покойного мужа «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков», которая была опубликована в 1928 году на русском, на французском и на английском. Далее Сара пишет: «Я посылаю копии Предисловия и Эпилога, так как некоторые комментарии, которые делает ваш брат, совпадают с мыслями моего мужа, которые он высказывал много лет назад...»

Я опускаю здесь страницу с изложением идей Юрия Безсонова о возможности совмещения социализма с христианской религией. Более подробно автор развивал эти идеи во второй своей книге, опубликованной в 1942 году, о ней тоже писала Безсонова. Главный повод для ее письма состоял в другом. Она думала, что я смог бы убедить Солженицына изменить раздел во втором томе «Архипелага», где он написал, что нет никаких письменных свидетельств о ранних лагерях 1918–1925 годов, и упомянуть о книге Юрия Безсонова. Она также хотела, чтобы в описание ранних Соловков Солженицын внес бы дополнения на основании свидетельств ее мужа. Солженицын, как она мне напоминала, ошибочно утверждал, что с Соловков был только один успешный побег. Ее замечание было справедливым. По тексту «Архипелага»:

«...Этот смельчак (его фамилия нам не известна, вот кругозор!) знал английский язык и скрывал это. Ему удалось попасть на погрузку лесовоза в Кеми – и он объяснился с англичанами. Конвоиры обнаружили нехватку, задержали пароход почти на неделю, несколько раз обыскивали его – а беглеца не нашли...» (Париж, 1974. Т. 2. С. 57).

Безсонова хотела, чтобы Солженицын добавил к этой фразе рассказ об успешном побеге ее мужа. К тому же побег Юрия Безсонова был групповым, с тремя товарищами. Так что упоминание о нем (после успешного перехода беглецов через границу Финляндии об этом широко писала европейская пресса) было бы вполне оправданным. Безсонова еще не знала, что в третьем томе книги, недавно вышедшем на русском, имелась особая глава о побегах, и Безсонов и Соловки там не упоминались.

Сара не знала русского языка. Она была француженкой и стала женой Юрия в Париже. В Англию супруги переехали в 1939 году, в начале войны. О своем муже она писала: «недавно умерший».

Возможно, у нее были русские друзья-эмигранты, так как она вела переписку и с «УМСА-Press» с просьбой внести правку и дополнения в текст, но, пишет она:

«Несмотря на мои большие усилия включить корректирующие сноски и добавить свидетельство очевидца к истории ранних лагерей, у меня ничего не вышло, ни русский, ни французский, ни английский, ни американский издатели не отвечали на мои письма».

Безсонова сообщила, что у нее нет ни одной копии оригинального издания книги, но русское и английское есть в Библиотеке Британского музея. «Может быть, Вы или Ваши друзья помогут мне в публикации нового издания на русском».

Я сразу ответил Безсоновой и признался с извинениями, что ничего не знал ни о ее

муже, ни о побеге с Соловков, ни о книге Безсонова, изданной в 1928 году. Объяснил, что мог бы написать об этой истории небольшой очерк для следующего выпуска альманаха «Двадцатый век», который планировался на конец года, но для этого мне нужна копия книги.

Следующее письмо Безсоновой от 26 апреля пришло в большом пакете, в который она вложила и ксерокопию русского издания книги ее мужа. Сама она уезжала в Париж на два-три месяца и сообщала адрес для переписки.

Книга Безсонова, изданная в Париже в 1928 году издательством «Imperie de Navarre» на русском, но со старой орфографией, оказалась исключительно интересной, трагической и захватывающей. Побег из островного лагеря всей группы бывших офицеров русской армии был намного драматичнее и сложнее, чем у Дюма в «Графе Монте-Кристо». Инициатором и организатором побега был Юрий Безсонов, ротмистр Черкесского полка, воевавший три года на германском фронте, но к октябрю 1917-го оказавшийся в Петрограде. Его главными сообщниками стали С. А. Мальсагов, офицер Ингушского кавалерийского полка, и тоже офицер поляк Мальбродский. Заключенных периодически с конвоем посылали с острова в тайгу для заготовки дров. Кадровые офицеры планировали разоружить двух конвоиров-охранников. Но для длительного похода через тайгу нужен был и помощник-профессионал. В побеге согласился участвовать охотник и таежник Сазонов. У Мальбродского имелся компас, спрятанный в куске мыла. Подготовка началась в марте. Выбрали для побега май – белые ночи и распутица, затруднявшая погоню с собаками. В то время граница с Финляндией в районе озер и болот не охранялась. Беглецы пересекли ее лишь на 36-й день своего побега, после множества приключений и двух перестрелок с искавшими их отрядами. (У беглецов имелись две винтовки, отобранные у охранников, и тридцать патронов.) В то время, летом 1925 года, этот побег стал мировой сенсацией. Советский Союз требовал выдачи «преступников». В Финляндии и в других странах были созданы группы их защиты. Публиковалось множество репортажей, интервью, статей и о Соловках, и о советской системе тюрем и лагерей. Первую небольшую книгу об этом, «Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере», опубликовал уже в 1926 году Мальсагов, но она вышла только на английском языке. (*S. A. Malsagoff. An Island Hell. A Soviet Prison in the Far North. L. Philpot, 1926*). Более обстоятельная книга Безсонова, опубликованная в 1928 году, рассказывала и о том, что в то время представляла собой русская эмиграция в Европе.

Месяца через два или три, когда Сара Безсонова вернулась в Англию, я по телефону рассказал ей, что Солженицын упоминает в «Архипелаге» книгу о Соловках Мальсагова «Адский остров»:

«И вышла в Англии книга, даже, кажется, не одно издание, (Очевидно, на «Адском острове» С. А. Мальзагова.) И ее вы тоже не читали, сэр Бертран Рассел?..

Эта книга изумила Европу и, вероятно, автора-беглеца упрекнули в преувеличениях, да просто должны были друзья Нового Общества совсем не поверить этой клеветнической книге...» (Париж, 1974. Т. 2. С. 57).

Безсонова сказала, что книга Мальсагова не издавалась на русском. Автор был верующим мусульманином, и русские эмигрантские издательства, поддерживаемые православной церковью, не хотели брать рукопись. Мальсагов, как и другие два беглеца,

Мальбродский и Сазонов, поселился после побега в Польшу. Впоследствии он служил в польской кавалерии командиром эскадрона. Попал в плен к немцам, бежал, участвовал в польском Сопротивлении в 1940–1943 годах. В 1944-м перебрался в Англию как беженец из Польши. Он умер в начале 1976 года.

Книгу Мальсагова я нашел в Библиотеке Британского музея. Она написана просто, но очень увлекательно, явно в сотрудничестве с Безсоновым, который вел дневник, записывая события дня на полях Евангелия, которое он всегда имел при себе. В книге Мальсагова этот дневник частично воспроизводится. Невероятность сюжета впечатляет читателя. Из текста обеих книг стало совершенно очевидно, что часть главы «Архипелаг возникает из моря» из второго тома написана на основании материалов, опубликованных ранее Мальсаговым и Безсоновым. Других материалов по теме ранних Соловков просто не было. С книгой Мальсагова в «Архипелаге» было несколько текстовых совпадений. Предварительные заготовки для главы делал, по-видимому, для Солженицына один из его помощников, знавший английский язык. Солженицын, однако, имел право не называть все свои источники и не сообщать имена помощников. В специальном объяснении в начале первого тома он писал:

«Эту книгу непосильно было создать одному человеку... материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах – (перечень 227 имен). Но не настала та пора, когда я посмею их назвать...» (Париж, 1973. С. 10).

Солженицын привел полный список своих вольных или невольных соавторов лишь через 32 года после этой публикации, в трехтомном издании 2005 года, вышедшем с предисловием Наталии Солженицыной. Список был и во всех последующих изданиях, включая Собрание сочинений, выпущенное в 2010–2011 годах издательством «Время». В этом списке в алфавитном порядке приводятся 257 имен. Имен Ю. Безсонова и С. Мальсагова там нет.

Феноменальность побега группы Безсонова (один из охранников, Приблудин, у которого отобрали винтовку, присоединился к побегу, объяснив, что в лагере, если он вернется, его ждет расстрел) не могла быть предана забвению. Созерко Артаганович Мальсагов, которого ингуши всегда помнили как национального героя, был посмертно реабилитирован в 1990 году по ходатайству из Ингушетии. Его книга «Адские острова» была переведена с английского на русский Яндиевым и издана в Нальчике в 1996 году. Книга Ю. Безсонова была переиздана в Москве. С появлением Интернета и Рунета книги эти стали общедоступными. Экспозиции, посвященные их побегу, созданы в обществе «Мемориал» и в Сахаровском центре в Москве. В 2011 книга Мальсагова была переведена на французский и издана в Париже.

Из русского издания книги Мальсагова:

«...мы встретили двух карелов. Они рассказали, что вся республика оповещена по телефонам и телеграфу о том, что с Соловков сбежали пять человек. За поимку каждого беглеца обещали десять пудов муки. Они видели десять чекистов с собаками. Кроме того, катер из Кемь с шестью военными на борту патрулирует реку...»

По этой глубокой реке проходила граница с Финляндией. В операции по поимке беглецов участвовали два пограничных полка, больше тысячи красноармейцев. Во всех карельских деревнях были засады. Сазонов как опытный таежник дважды спасал товарищей, первый раз – устроив переправу на самодельных плотках через озеро, и второй – поодиночке на спине переправив вплавь товарищей через глубокую после весеннего разлива пограничную реку. 23 июня 1925 года беглецы оказались на финской земле. В 2005 году в этот день в Ингушетии отмечался 80-летний юбилей этого великого побега.

Биохимический конгресс

В конце июля нам с Ритой предстояла поездка в Гамбург и в Копенгаген для участия в 10-м Международном биохимическом конгрессе. Из-за большого числа участников (более восьми тысяч) заседания симпозиумов, секций и постерных сессий происходили в этих двух близко расположенных городах. Наш доклад о возрастных изменениях в соотношении гистоновых субфракций в клетках разных тканей крыс при старении был включен в постерную сессию одной из секций, заседания которой проходили в Копенгагене. Это была первая работа, в которой были зафиксированы специфические возрастные изменения состава белков клеточного ядра. Результаты, кратко изложенные в первом томе рефератов конгресса, были вскоре опубликованы в журнале *Gerontology* (Vol. 23. P. 334–341).

Сенсацией 10-го Биохимического конгресса стал доклад британца Ф. Зангера (Frederick Sanger) и американца У. Гилберта (Walter Gilbert), которые разработали метод расшифровки последовательности нуклеотидов в ДНК. Была начата расшифровка самого простейшего генома одного из бактериофагов, состоявшего из нескольких тысяч генов. Эта методика вскоре изменила многие отрасли биохимии и генетики и привела к появлению разнообразных биотехнологических компаний. Благодаря этой методике можно было составлять генетические карты различных организмов, глубже изучать эволюцию и использовать генетические карты ДНК во множестве практических областей: в криминалистике, медицине, гибридизации растений и животных. (Ф. Зангер и У. Гилберт были удостоены в 1980 году Нобелевской премии. Для Ф. Зангера, сотрудника знаменитой лаборатории молекулярной биологии в Кембридже, это была вторая Нобелевская премия. Первую он получил в 1958 году за расшифровку структуры некоторых белков, в частности инсулина.)

Делегация биохимиков из Советского Союза была малочисленной. К нашему постеру никто из русских коллег не подходил. Прогуливаясь по широкому приморскому бульвару Копенгагена, мы с Ритой неожиданно встретили Александра Сергеевича Спирина. Я хорошо знал его с 1955 года, когда он был еще аспирантом Института биохимии АН СССР. В 1970 году он стал академиком, самым молодым в Отделении биологии, и директором Института белка в Пущине. Спирин был талантливым ученым и блестящим лектором, умевшим очень понятно объяснить сложные биохимические проблемы. От своего учителя, академика А. Н. Белозерского, умершего в 1972 году, Спирин унаследовал и кафедру биохимии растений МГУ. Саша был рад неожиданной встрече. Мы сели на скамеечку, чтобы поговорить. Судя по рассказу Спирина, ездить за границу для советских ученых стало намного труднее, чем несколько лет назад.

С Евгенией Гинзбург я познакомился, благодаря Рою, в конце 1966 года и тогда же прочитал уже ходившую в самиздате рукопись ее воспоминаний «Крутой маршрут», которая произвела на меня очень сильное впечатление. В ней рассказывалось о колымских женских лагерях в довоенный период, не менее жестоких, чем мужские. Некоторые женщины находились в лагере со своими малолетними детьми. Мощное воздействие на читателя обеспечивалось не только несомненным литературным талантом автора, но и строгим изложением лишь событий и фактов, без комментариев, эмоций, негодования, иронии или сарказма, которые почти всегда присутствовали в уже немалом количестве подобных произведений. Почти протокольный рассказ создавал эффект абсолютной достоверности и превращался в документальный роман, который, однако, заканчивался событиями 1940 года, как бы в середине сюжета, и требовал продолжения. Это продолжение поступило ко мне через десять лет, в мае 1976 года, в виде письма от Элизабет Стивенсон (Elizabeth Stevenson), лондонского представителя крупного миланского издателя А. Мондадори (Arnoldo Mondadori). Она сообщала мне о том, что американский адвокат Леонард Шройтер из Сиэтла получил микрофильм второго тома воспоминаний Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», но не может пока прислать фотокопию в Милан, так как почти половина страниц отснята столь плохо, что их невозможно прочитать. К письму Элизабет была приложена срочная телеграмма из США от американского представителя Мондадори за подписью некой Марии, копия телеграммы была послана и в Милан директору издательства Донато Барбоне (Donato Barbone). Мария сообщала, что Шройтер отказывается передать ей фотокопию в том виде, в каком она есть, и вообще старается затянуть дело. Просьба ко мне от итальянского издательства была непростой: не могу ли я обеспечить их в течение трех-четырех недель новым микрофильмом всей рукописи, чтобы они могли решить проблемы со вторым томом независимо от американского адвоката? Обращение ко мне не было случайным. Арнольдо Мондадори был и моим издателем. В 1971 году он опубликовал на итальянском в переводе с английского книгу «Взлет и падение Т. Д. Лысенко» и недавно заключил договор на издание в Италии нашей с Роем книги «Хрущев. Годы у власти». Во время поездки в Италию в конце 1975 года я встречался в Милане с владельцем и президентом издательства Арнольдо Мондадори и с его директором Донато Барбоне. Итальянское гостеприимство оказалось очень теплым, и между нами сразу установились дружеские отношения. А. Мондадори издал еще в 1967 году первый том «Крутого маршрута» по самиздатной рукописи. Книга была первым в западной литературе документальным описанием сталинских лагерей, причем колымских, самых суровых. Она имела большой успех и переводилась на многие языки. Поэтому второй том мог быть предложен только этому издательству. Американский адвокат об этом, вероятно, не знал и рассчитывал объявить издательский аукцион – прием, практиковавшийся для потенциальных бестселлеров. Принцип таких аукционов, устраиваемых на международных книжных ярмарках, очень прост: право на издание получает тот, кто предложит наибольшую сумму, 20 % которой идет адвокату или его компании.

Для Евгении Гинзбург мы с Роем готовы были сделать очень многое, выполняя, конечно, ее собственные пожелания. Она была выдающейся женщиной и принадлежала к поколению нашего отца. В возрасте двадцати лет Е. Гинзбург окончила Казанский университет по специальности история и вскоре защитила кандидатскую диссертацию. От первого брака в Ленинграде (муж – Дмитрий Федоров, врач) у нее был сын Алексей. В то время браки обычно не регистрировались и легко распадались. Вторым мужем Евгении

Семеновны стал председатель Казанского горсовета Павел Аксенов. Их сыну Васе исполнилось в 1937 году лишь пять лет, когда родителей арестовали, причем мать раньше, чем отца. Ей предъявили тяжкие обвинения, а вскоре арестовали и ее родителей. Все эти события подробно описаны в первых главах «Крутого маршрута». Старшего сына Евгении Семеновны Алексея отец забрал в Ленинград (где мальчик погиб во время блокады). Василий Аксенов, оставшийся без родителей, был отправлен в детский дом для детей заключенных в Костроме. В 1948 году, после окончания срока, Евгения Гинзбург была переведена на положение ссыльной в Магадане, и сын Василий, будущий писатель, переехал к ней и прожил в Магадане несколько лет до поступления в 1951 году в Ленинградский медицинский институт. После реабилитации в 1956 году Евгения Гинзбург восстановилась в членах КПСС, но до 1966 года жила во Львове, где втайне от всех писала свои воспоминания. В Москве, купив квартиру в кооперативном доме недалеко от станции метро «Аэропорт», Гинзбург вела очень активную жизнь и приобрела много новых друзей.

Главная трагедия состояла, однако, в том, что в 1974 году у нее диагностировали неоперабельный рак груди с метастазами. Состояние ее ухудшалось. Развитие болезни было остановлено французским гормональным препаратом из группы синтетических тестостеронов, который друзья привозили из Франции. Наибольшую помощь в этом оказывал Евгений Евтушенко, часто ездивший в зарубежные творческие командировки. Нередко бывал за границей и Василий Аксенов. Очень дорогой гормональный препарат для ежедневного приема и заочные рецепты частных французских врачей требовали уймы денег, и именно поэтому встала проблема получения хотя бы части гонорара от итальянского издательства. В 1975 году мы с Роем принимали, по просьбе Василия Аксенова, участие в переговорах по этому поводу. Я вел переписку с директором издательства Д. Барбоне. Василий Аксенов почему-то решил нанять для этой цели американского адвоката. В конфиденциальном письме от 7 марта 1975 года Рой писал:

«...Вася действительно разрешил одному американскому адвокату вести дела по причитающимся гонорарам, но тот пока не прислал Аксенову ни копейки. Этого адвоката Аксенов выбрал по рекомендации Максимова. Адвокат из Сиэтла, зовут его Леонард Шрейтер. Письменной доверенности у него нет, да и сама Гинзбург не даст никогда никакому иностранцу письменную доверенность. Но устное согласие на все это она дала и мне подтвердила свое желание, чтобы Леонард Шрейтер высылал Аксенову деньги... Мондадори ты можешь сказать, что новая книга Гинзбург, вторая и третья части, по объему в полтора раза больше того, что уже было опубликовано... К сожалению, состояние Евг. Семеновны плохое, и, по прогнозам врачей, ей будет трудно дожить до конца года...»

Столь пессимистичный прогноз объяснялся тем, что в СССР не существовало тогда эффективной химиотерапии разных форм рака.

Схема получения денег от Мондадори за первую часть «Крутого маршрута», ставшую бестселлером 1967 года, была слишком сложной и нереальной. В письме ко мне от 15 мая 1975 года Д. Барбоне объяснял, что они уже давно положили на имя Евгении Гинзбург 25 тысяч долларов в швейцарский банк. Они готовы выплачивать и реальный гонорар, но только при условии заключения официального договора с автором или с его агентом,

имеющим доверенность. Без договора они посылать деньги не могут ни в СССР, ни в США:

«Для нас совершенно невозможно посылать деньги кому-либо за границу... любой перевод за границу должен быть оправдан наличием контракта. При отсутствии контракта правительство Италии будет рассматривать это как нелегальный экспорт итальянской валюты и запретит такие операции. Если Евгения или ее представитель хотят получить гонорар, то они должны обязательно подписать с нами контракт...»

Барбоне был прав. Итальянские финансы находились в последние годы в очень плохом состоянии, и существовали жесткие ограничения на вывоз лир из страны. Для получения гонораров требовалось открыть счет в итальянском банке, что для иностранцев было непросто. Прямые переводы за границу запрещались.

Состояние Евгении Семеновны, однако, улучшилось благодаря лечению. Она стала выходить и даже работать. Весной 1976 года она передала Рою копию своей книги, завершавшей эпопею «Крутой маршрут», для возможной публикации отрывков в самиздатном варианте журнала «Двадцатый век». Рой написал мне, что он постарается обеспечить микрофильмирование и отправку рукописи, так как об этом его попросила и лично Е. С. Гинзбург. У него появилась возможность отправлять не только микрофильмы, но и рукописи сразу в Италию через итальянского журналиста Пьеро Остеллино (Piero Ostellino), московского корреспондента газеты *Corriere della Sera*, с которым Рой часто встречался. Эта известная римская газета публиковала иногда статьи и интервью Роя на разные актуальные темы. Одновременно Рой сообщал, что состояние Евгении Семеновны настолько улучшилось, что они с Василием планируют на лето поездку в Париж, оформив туристическую визу на лечение на неопределенный срок. Для Евгении Семеновны это была бы первая в жизни поездка за границу.

2-го или 3 сентября я получил из Парижа письмо от Васи Аксенова:

«Дорогой Жорес!

...Мы в Париже... Сейчас мы ждем человека от Мондадори, который придет в Париж 4–6 сентября с рукописью. Потом я хочу повезти мать куда-нибудь в деревню отдохнуть на неделю. Я очень боюсь, как бы все эти сверхобычные эмоции не выбили ее из равновесия. Сейчас она чуть-чуть успокоилась, но первые дни просто дрожала от возбуждения... Шройтер прислал нам сюда огромную кучу разных бумаг, в которых я с большим трудом разобрался... В общем, все идет нормально. Здесь я арендовал маленький “пежо” и возжу мать по Парижу... Мы надеемся увидеть Вас в Лондоне, куда, возможно, приедем в конце сентября. Конечно же опять встает вопрос о визах... не могли бы Вы, как в прошлом году, походатайствовать в Home Office или где-нибудь еще... Сердечный привет Рите и тому молодому англичанину, который ходит у Вас в сыновьях...

Ваш Вася... Мама присоединяется с поцелуем.

30. VIII.76».

Их визит в Лондон, однако, не состоялся. Евгения Семеновна не решилась подписывать

прямой договор с издательством, который сразу упростил бы все проблемы. Она думала, что ее могут в этом случае в чем-то обвинить и исключить из КПСС. Советский Союз вступил в 1973 году во Всемирную конвенцию об авторском праве. Получение иностранных гонораров стало легальным. Но нужно было докладывать о подписанных договорах в какой-то комитет, отчитываться о доходах и выплачивать с полученных сумм прогрессивный подоходный налог. Пожилая и больная женщина не хотела открытого нарушения правил. Она состояла в парторганизации при домоуправлении, ходила на собрания и платила членские взносы. Это был психологический комплекс многих старых партийцев, прошедших через пытки следствия и лагеря. С партийным билетом они чувствовали себя спокойнее. Страх перед органами безопасности у переживших столько мучений и испытаний нельзя было искоренить и с помощью парижских бульваров. Синдром лагерного страха был уже давно известен врачам, причем не только советским.

В начале октября я улетал в США и потерял контакт с Гинзбург и Аксеновым. Во Франции они провели больше двух месяцев и возвратились в Москву в ноябре. Состояние здоровья Евгении Семеновны стало быстро ухудшаться в феврале 1977 года. Она умерла в мае в возрасте 72 лет.

В письме от 27 мая Рой сообщал:

«...3 дня назад умерла Евгения Семеновна. Вчера были похороны и поминки... За два дня до смерти я у нее был, а раньше приходил каждую неделю... В больнице она не скрывала, что давно приняла католичество. За два дня до смерти она вызвала католического священника для особого обряда... Будет отслужена на днях месса в католическом храме, в Москве есть только один...»

Новая книга с продолжением «Крутого маршрута» вышла в Милане на русском и итальянском языках только в 1979 году. Кто подписывал контракт, Аксенов или его адвокат, я не знаю.

Васю Аксенова мы принимали в Лондоне в 1980 году. Он с женой Майей направлялся в США в творческую командировку, не планируя возвращаться на родину. В США печатались на русском и на английском два его новых романа – «Ожог» и «Остров Крым», которые отказались публиковать в Москве.

Третий раз в Америке

В начале октября 1976 года мне предстояла новая поездка в США в связи с приглашением, полученным в конце 1974 года из Университета штата Юта, прочитать лекцию в их серии ежемесячных лекций «Горизонты науки». Из двух прошлых поездок в США я уже знал о традиции американских университетов приглашать ученых, нередко из других стран, для открытых публичных лекций – либо по определенной проблеме, либо известного специалиста в той или иной области знаний, практической или теоретической. Вместе с приглашением, которое прислал мне глава отдела физики профессор Питер Гиббс (Peter Gibbs), я получил также и список лекций, прочитанных в 1972–1974 годах. Спектр тем был очень широк: «Физика и счастье», «Энергия от звезд», «Лимиты экономического роста», «Свобода и физиология мозга», «Изменения климата» и другие. Среди лекторов звездочкой были помечены лауреаты Нобелевской премии, их оказалось шесть или семь. Двух ученых из Великобритании, Питера Медавара, в прошлом директора моего института в Лондоне, и Сиднея Бреннера (Sydney Brenner), биохимика Лаборатории молекулярной биологии в Кембридже, я уже знал. Отказаться от этого приглашения было, конечно, невозможно. Но в 1975 году я просто не имел темы для лекции такого уровня. Среди перечисленных тем серии мое внимание привлекла лекция «Наука в Китайской Народной Республике», прочитанная 4 декабря 1972 года С. Н. Янгом (Chen-Ning Yang), знаменитым китайско-американским физиком и лауреатом Нобелевской премии. Я ответил профессору Гиббсу согласием и предложил темой для лекции «Положение науки и ученых в Советском Союзе» или просто «Советская наука», но при этом отметил, что для подготовки такой лекции требуется время и я смогу осуществить этот проект лишь в 1976 году. В начале октября 1976-го в Нью-Йорке планировалась ежегодная конференция Американского геронтологического общества, поэтому именно с нее мне было удобно начинать это турне. А 2 ноября в США предстояли выборы президента и половины конгресса. Возможность наблюдать заключительную стадию американской избирательной кампании в разных штатах была для меня исключительно привлекательной. Лекцию в Университете штата Юта назначили на 22 октября, к 2 ноября я планировал вернуться в Нью-Йорк, чтобы наблюдать там за выборами, которые могли стать поворотным событием не только для США, но и для всего мира.

С начала 1975 года я постепенно собирал новые материалы для предстоящей лекции, фотографии выдающихся российских и советских ученых разных поколений, пополняя уже имевшуюся коллекцию от лекций 1974 года на ту же тему. Со времени моей последней поездки в США пришло много новых приглашений из разных университетов, в которых я очень хотел бы побывать. Но слишком удлинять предстоящую поездку я не мог, поскольку, будучи штатным научным сотрудником института, путешествовал в счет положенного отпуска, составлявшего шесть недель в год. Две недели из них мы с Ритой планировали использовать для отдыха. От поездок по США на большие расстояния автобусом или поездом пришлось отказаться ради экономии времени. В Солт-Лейк-Сити, столицу штата Юта, я планировал прилететь из Чикаго. Мой друг Д. Журавский, историк, работавший в одном из университетов Иллинойса, о котором я уже не раз писал ранее, обещал помочь в

освоении американских внутренних авиалиний. В США, как он объяснил, рейсы множества авиакомпаний дублируют друг друга по одним и тем же маршрутам, соединяя в общую сеть не только крупные, но и маленькие города и университетские кампусы.

Трагедия Леонарда Хейфлика

На ежегодной конференции Американского геронтологического общества я планировал присутствовать не только ради научных докладов на секциях или симпозиумах, но и для участия в работе особого комитета, в который входили 26 известных ученых – геронтологов, микробиологов и цитологов – и который был создан в июле для разрешения конфликта, возникшего между Национальным институтом здоровья (аналогом советской Академии медицинских наук) и моим другом профессором Стэнфордского университета Леонардом Хейфликом, который столь решительно и умело обеспечил мне защиту при аресте в Киеве на Геронтологическом конгрессе в 1972 году (см. [главу 16](#)). Во время первой поездки в США (см. [главу 24](#)) по приглашению Хейфлика я выступил в Стэнфорде с двумя лекциями и жил два дня в его большом доме. Леонард (для друзей в США просто Лен, но тогда я еще не привык к американской манере сокращать имена – Боб, Рон, Рик вместо Роберт, Рональд или Хедрик. Эта мода еще не достигла Англии. В СССР имя Лен существовало как сокращенное от Ленин). У Леонарда и его жены Руфи было пятеро детей, четверо из них жили с родителями. Я уже писал о том, что Хейфлик открыл процесс старения специализированных клеток человека, прежде всего фибробластов, в культуре тканей, расширив таким образом базу исследований в геронтологии. Однако главным следствием открытий Хейфлика стал переворот в вирусологии. До 1962 года, когда Хейфлик опубликовал свои результаты, никому не удавалось поддерживать культуру клеток человека таким образом, чтобы они не теряли своей специализации и сохраняли человеческий диплоидный набор из 46 хромосом. Клетки, взятые из печени, из селезенки, из соединительной ткани (фибробласты) или из костного мозга и помещенные в культуру, начинали или продолжали делиться, но быстро теряли специализацию и меняли число хромосом (становились анеуплоидами). В культуре они переставали быть человеческими и сильно упрощались. Хейфлик разработал новые условия культуры клеток, при которых они сохраняли свою специализацию, но не могли поэтому делиться и размножаться бесконечно долго. Фибробласты в культуре постепенно замедляли свои деления и старели и умирали после 50 делений (митозов). Этот феномен получил название лимит Хейфлика.

Медицина к 1962 году научилась разрабатывать эффективные лекарства и вакцины для прививок от инфекционных болезней, вызываемых бактериями, так как культуры бактерий для исследований можно поддерживать на искусственных питательных средах. Но культура вирусов на искусственных средах невозможна. Вирусы способны размножаться лишь в живых клетках. Поэтому для большого числа вирусных заболеваний все еще не существовало ни вакцин, ни лекарств. Открытие Хейфлика изменило это положение, так как появилась возможность поддерживать размножение вирусов в культуре человеческих клеток. К 1975 году в культурах фибробластов линии WI-38 (она была создана из эмбриональных фибробластов послеродовой плаценты человека в 1961 году) размножались в разных странах и институтах вирусы полиомиелита, бешенства, рубеллы, эболы, аденовирусы, вирусы гепатита и многие другие и началось производство новых вакцин. Прививки от вирусных болезней стали реальностью. Большинство лабораторий вирусологии в мире хотели

получить ранние пассажи фибробластов для их размножения именно линии WI-38 у Хейфлика, а не выводить новые культуры, так как в таких работах важна стандартизация. Для того чтобы выполнять эти заказы, Леонард и Руфь создали в Сан-Франциско небольшую биотехнологическую компанию. Клетки фибробластов этой линии седьмого или восьмого пассажа, замороженные в жидком азоте, рассылались по всему миру. Все культуры вирусов в США и Европе поддерживались в 1976 году именно на фибробластах линии WI-38. Друзья и коллеги Хейфлика ожидали, что его достижения будут удостоены Нобелевской премии. Случилось, однако, совсем другое. В марте 1976 года Хейфлик оказался под федеральным следствием. Он был уволен из Стэнфордского университета, потерял свой дом из-за невозможности выплачивать проценты по кредиту и жил у друзей в Беркли без денег и без работы. Во влиятельном американском научном журнале *Science* 9 апреля появилась редакционная статья «The Rise and Fall of human cell line» («Взлет и падение клеточной линии человека»), которая порочила имя выдающегося ученого и искажала фактическую сторону конфликта. Именно поэтому и был создан комитет в защиту Хейфлика, который занимался и сбором денег для помощи его семье. Председателем комитета стал профессор Уоррен Стинебринг (Warren Stinebring), заведующий отделением медицинской микробиологии Университета штата Вермонт.

В письме от 26 августа 1976 года Уоррен сообщил мне, что возникшие проблемы можно решить только судебным разбирательством, «вплоть до Верховного суда». Но судебные разбирательства в США, как известно, могли тянуться годами и требовали сотен тысяч долларов на оплату адвокатов. Американское правосудие приводилось в движение по гражданским искам лишь крупными денежными суммами.

Катастрофа в судьбе Хейфлика произошла именно из-за его успехов. В 1975 году небольшие частные биотехнологические компании были еще редкостью. Огромный рынок медицинских услуг поделили между собой несколько транснациональных фармацевтических гигантов, одним из которых была «Merk & Company». Изучив новые перспективы производства вакцин от вирусных болезней, руководство этой компании предложило Хейфлику продать весь его мелкий биотехнологический бизнес, которым управляла Руфь, за относительно скромную сумму в миллион долларов. Хейфлик был склонен согласиться, чтобы сосредоточиться на науке. Предложение от «Merk & Company» рассматривалось в прессе как успех ученого. В этот момент и произошло неожиданное событие. Глава финансового отдела американского минздрава Джеймс Шривер (James Schriver) заявил, что право собственности на столь популярную линию фибробластов WI-38 принадлежит не Хейфлику, а правительству, так как в 1958–1963 годах, когда она появилась, Леонард Хейфлик работал в государственном институте в Филадельфии (The Wistar Institute of Anatomy and Biology) и его исследования финансировались из госбюджета. Стало быть, результаты этих исследований принадлежат правительству. Продавать фибробласты Хейфлик не имел права, и теперь он должен представить федеральному следствию полный отчет, ликвидировать свою компанию в Сан-Франциско и вернуть в бюджет всю прибыль за два или три года в размере 90 тысяч долларов. Счета компании были заморожены. Из Вашингтона в Стэнфордский университет пришла директива о создании комиссии по расследованию незаконной деятельности их профессора. Альтернативой расследованию (Хейфлик называл его гестаповским) могла стать лишь отставка.

Позиция Дж. Шривера была нелепой. Главным в открытии «лимита Хейфлика» являлись не конкретные клетки, в данном случае фибробласты линии WI-38, а разработка

специфических сложных сывороточных культур для их размножения. Полученная в 1962 году линия была уже в Стэнфордской лаборатории разделена на сотни или тысячи сублиний. Это потомство от клеток, выделенных в 1962 году, нельзя считать собственностью того или иного учреждения. Поскольку все основные данные по технологии получения этой линии публиковались в научных журналах в 1962–1963 годах, то они считались открытым достоянием науки и, подобно пенициллину или генетическому коду, не могли патентоваться как чья-то собственность. Отделы вирусологии и генетики нашего института в Лондоне тоже работали с линией фибробластов WI-38, получив ее бесплатно в 1969 году от Хейфлика. Питательные среды для этой культуры продавались через каталоги реактивов. Наш институт бесплатно распространял эту линию фибробластов по просьбам других лабораторий. Однако многим хотелось получить ранние пассажи культуры именно от Леонарда Хейфлика. Но для реабилитации самого Хейфлика все эти научные истины следовало подтвердить решением суда.

Геронтологическая конференция и профессор Хейфлик

Ежегодная конференция Американского геронтологического общества открывалась 6 октября в нью-йоркском отеле «Хилтон». Я встретил здесь многих старых друзей. Леонард Хейфлик на конференцию не приехал. Но разговоров о его проблемах среди геронтологов было очень много. Продолжался и сбор пожертвований для ведения судебного процесса. Бернард Стрелер, наш общий друг, сообщил мне, что Лен смог найти работу микробиолога в детской больнице Окленда, небольшого города недалеко от Сан-Франциско. Но его зарплата там в три-четыре раза ниже профессорской, поэтому возникло много проблем с прежними долгами. Я к тому времени уже знал, что высокий уровень жизни в США обеспечивается прежде всего легкими кредитами. Для Хейфлика возможность получения банковских кредитов стала почти нулевой. Уоррен Стинебринг, председатель комитета защиты Хейфлика, приехал в Нью-Йорк на конференцию для обсуждения некоторых проблем. Он был настроен оптимистически и уверен в быстрой победе в суде.

Выборы председателей отделений и президента Геронтологического общества происходили по традиции путем голосования по почте до ежегодной конференции, но церемония передачи полномочий по их результатам проходила во время ежегодных собраний. Каждый пост, многие из них с небольшими окладами и бюджетом, предоставлялся выбранному лицу на один год. При обсуждении кандидатур на пост председателя биологического отделения Леонард Хейфлик стал одним из двух кандидатов. Избрание, в котором никто не сомневался, открывало для него и возможность стать в ближайшем будущем президентом общества, имевшего шесть тысяч членов и штаб-квартиру в Вашингтоне. Алекс Комфорт, наш общий друг (см. [главу 18](#)), уступил Хейфлику пост главного редактора международного журнала *Experimental Gerontology*. На одном из заседаний биологической секции Хейфлик был выдвинут на ежегодную Климмейеровскую премию (Kleemeyer Award) Геронтологического общества, что означало получение золотой медали и двадцати тысяч долларов.

Надеждам друзей Хейфлика и комитета его защиты на быструю победу в суде не суждено было сбыться. Ответчиком в этом деле оказалось не только министерство здравоохранения, но и правительство США, для которого возможность затягивать рассмотрение иска в судах любого уровня была безграничной. Лишь через пять лет, когда

Леонарда Хейфлика действительно избрали президентом американского Геронтологического общества, тяжелая машина американского правосудия сдвинулась с места. Но допустить дело до рассмотрения в открытом суде вашингтонская администрация (президентом стал Рональд Рейган) не хотела. В сентябре 1981 года Хейфлику предложили внесудебный компромисс, на который он, устав от бесплодной борьбы и жизни в Окленде, неохотно согласился.

В соответствии с этим внесудебным компромиссом Хейфлику и его жене размораживали счет и возвращали прибыль их компании в 90 тысяч долларов с накопившимися процентами. Линия фибробластов WI-38 делилась на две группы. Хейфлик получал право продавать или рассылать бесплатно образцы культуры для изучения процессов старения, тогда как рассылка этих клеток для размножения вирусов становилась монополией государственного Национального института здоровья. Рассматривать это решение как победу Хейфлика нельзя. Он остался пострадавшей стороной. В случае выигрыша в суде он получил бы большую компенсацию. Теперь же реально прибыльная часть понерной биотехнологической компании оказалась конфискованной государством. Все ученые, входившие в комитет защиты Хейфлика, к тому времени уже 85 человек, подписали письмо в *Science*, критиковавшее позицию правительства. Проект письма составили Б. Стрелер и А. Комфорт, и оно было опубликовано в этом журнале 15 января 1982 года. В 1982 году Хейфлик смог наконец возобновить и научную работу в качестве профессора зоологии Университета штата Флорида и директора Центра геронтологических исследований в Гейнсвилле (Gainesville). Однако восстановить фронт своих экспериментальных исследований он уже не смог. Утрата прежних сотрудников, ассистентов, аспирантов, всей научной школы ученого оказалась невозможной.

Принстонский университет. Профессор Роберт Такер

После Нью-Йорка мне предстоял визит в Принстонский университет, один из самых старых и знаменитых в США. Этот университет был основан в 1746 году, когда Северная Америка еще входила в состав Британской империи. Ныне этот сравнительно небольшой, но исключительно богатый частный университет выделялся среди других большим числом среди его воспитанников и сотрудников лауреатов Нобелевской премии, а также знаменитых политиков, имевших его дипломы. По американской традиции прославившиеся или разбогатевшие люди, что часто одно и то же, обязательно жертвуют какую-то сумму родному университету. Поэтому хорошие частные университеты со временем все больше процветают, а неудачники, не обеспечившие себе богатых спонсоров, могут перейти в разряд колледжей среднего образования, так как их дипломы не дают права на какие-то ученые степени. Университет в Принстоне, имевший не больше семи тысяч студентов и аспирантов, владел большим капиталом, чем два государственных университета в Нью-Йорке, городской и штата, где общее число студентов и аспирантов превышало 400 тысяч.

Для меня Принстонский университет представлял интерес в связи с существованием там наиболее серьезной в США так называемой Русской программы (Program in Russian Study), руководителем которой был профессор истории Роберт Такер (Robert C. Tucker). Он справедливо считался лучшим в мире специалистом по истории СССР. В 1973 году Такер опубликовал первый том трилогии о Сталине, «Stalin as Revolutionary (Сталин как революционер). 1879–1929», и теперь работал над подготовкой второго тома «Stalin in Power

(Сталин во власти). 1929–1941». Особенностью книг Такера была не только глубина анализа и обобщений, но и яркость стиля, приближавшего текст к художественной прозе, что, безусловно, расширяло и круг его читателей. Из общего ряда западных советологов Такера выделяло прежде всего то, что он свободно владел русским, хорошо знал Советский Союз и любил русскую культуру. Почти десять лет, с 1944 по 1953 год, он работал атташе и переводчиком в посольстве США в Москве и несколько раз присутствовал в качестве переводчика на встречах американских послов и дипломатов со Сталиным и Молотовым. Такер начал работу в Москве, когда ему было 26 лет, и в 1946 году он женился на московской студентке Евгении Пестрецовой.

Моя переписка с Такером началась в конце 1974 года в связи с его планом поездки в Москву по академическому обмену на два месяца – для сбора материалов о Сталине. Он планировал несколько встреч с Роем, работу в открытых архивах и в фотоархивах ТАСС. Узнав о моем намерении приехать в США по приглашению из Юты, Такер пригласил меня в Принстон, чтобы провести коллоквиум на тему «Советская наука при Сталине и Хрущеве» («Soviet Science under Stalin and Khrushchev»), и предложил переночевать в его доме.

С одним из бывших учеников Такера, ныне молодым профессором в его отделе, Стивенем Коэном (Stephen F. Cohen), я был хорошо знаком и несколько раз встречался в Москве в 1971–1972 годах и в Лондоне. Продолжая тему своей диссертации, он готовил книгу о Николае Бухарине. В Москве Коэн подружился с вдовой Бухарина Лариной и его сыном Юрием. Он часто бывал у Роя и помогал нашей конфиденциальной переписке через дипломатическую почту. Фундаментальная книга Коэна о Бухарине «Bukharin and the Bolshevik Revolution» была издана в Нью-Йорке в 1974 году издательством «Alfred Knopf». В октябре 1976 года С. Коэн находился в Москве с двухмесячным визитом в Институте истории СССР. Его новый проект был связан не столько с историей, сколько с современностью – исследование судьбы реабилитированных большевиков, сумевших выжить в сталинских лагерях.

В течение уже почти двадцати лет существовала парадоксальная ситуация, когда основные академические исследования истории СССР велись не в Советском Союзе, а в США и Великобритании. В СССР можно было объективно изучать историю Древнего Египта или Римской империи, но не самой России и тем более СССР. История Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, НЭПа, индустриализации и коллективизации, Второй мировой войны, биографии Ленина, Сталина, Троцкого и других деятелей фальсифицировались или вообще отсутствовали. Эта пустота заполнялась американскими и британскими историками, разделившимися на три основные группы, которые я условно мог обозначить как научно-объективную, антикоммунистическую и просоветскую. В состав последней входили обычно теоретики западных коммунистических партий. Особо существовали школы историков с троцкистским уклоном. Главными центрами объективного изучения истории СССР были в США Принстонский Колумбийский, Калифорнийский университеты и Университеты штатов Индиана и Вермонт. «Русские институты» в Гарвардском, Йельском, Стэнфордском, Корнеллском университетах, в Университете Дьюка, в Рутгерсовском университете и в Университете штата Коннектикут можно было отнести к идеологически антикоммунистическим. Это не означало, что здесь намеренно фальсифицировали историю, как это делалось в советских школах и университетах. Необъективность выражалась обычно в одностороннем выборе тем и проблем (изучение голода, репрессий, поражений в войне, оппозиций, диссидентов,

национальных и религиозных меньшинств, антисемитизма, алкоголизма и т. п.).

12 октября я за час с небольшим доехал на автобусе из Нью-Йорка в Принстон. Такер был занят, он вел занятие по марксизму. Мой коллоквиум намечался на 16.30, и у меня оставалось почти три часа на осмотр кампуса и Русского центра, провести который Такер поручил одному из своих студентов. Кампус, расположенный вблизи города, занимал территорию около двухсот гектаров, занятую колледжами, спортивными площадками и парками. Здание колледжа политических наук производило внутри впечатление музея марксистско-ленинской литературы. На стендах стояли, наверное, сотни книг знаменитых авторов-социалистов и их предшественников, все на английском: сочинения Гегеля, Фейербаха, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Троцкого, Карла Каутского, Розы Люксембург, Клары Цеткин, Луиса Дюпре, Георга Лукаса, Герберта Маркузе, Милована Джиласа и множества других, менее известных. Некоторые из них здесь же и продавались в киоске. В продаже были также левые, социалистические и коммунистические журналы и газеты. Я купил только одну, *Workers Vanguard*, орган «спартаковцев», неизвестной мне группы радикально левых. На первой странице была статья о всеобщей забастовке рабочих во Франции с требованием отмены программы экономии. Две страницы занимала статья о союзе Сталина и Рузвельта «The Truth about Stalin and FDR» («Правда о Сталине и Рузвельте»).

Мой коллоквиум прошел при полной аудитории и в дружеской обстановке. После его окончания Такер повел меня к себе домой на обед с друзьями. Здесь я впервые увидел его русскую жену Евгению, или просто Женю. Как оказалось, она была московской студенткой в те же годы, что и я.

С Робертом и Женей Такерами я в последующие годы встречался много раз, и мы сохраняли дружбу и переписку. Второй том его трилогии о Сталине появился лишь в 1990 году и был быстро признан выдающимся произведением. Однако третий том, в котором предполагалось освещение роли Сталина как военного и политического лидера в период Второй мировой войны, Такер не смог не только закончить, но и довести хотя бы до пригодных для публикации отрывков. В этой книге пришлось бы сравнивать Сталина как полководца и международного стратега с Гитлером, Черчиллем и Рузвельтом, а сталинский террор – с гитлеровским геноцидом. Решиться на подобное сравнение американский профессор не смог. Коллеги в шутку стали называть Такера последней жертвой Сталина. В 2006 году Роберт и Евгения приехали в Москву, чтобы отметить именно здесь шестидесятилетний юбилей своего счастливого супружества. Рой был приглашен на торжественный обед. Роберт Такер умер в 2010 году.

Коннектикут и Иллинойс

В Коннектикуте я уже был во время первой поездки в США в 1974 году (см. [главу 25](#)). Тогда это было посещение частного Йельского университета, расположенного близ приморского города Нью-Хейвен. Теперь мне предстоял визит в государственный Университет штата Коннектикут, который находится в небольшом городе Storrs. Туда я тоже добрался на автобусе. В этом университете при одном из колледжей существовал Центр славянских и восточноевропейских исследований, директором которого был Рудольф Токес (Rudolf L. Tökés). Главным предметом его исследований служили различные

направления оппозиционных течений в СССР. Он был автором первой большой книги о советских диссидентах «Dissent in the USSR: Politics, Ideology and People» (John Hopkins University Press, 1975), которую подарил мне во время визита в Лондон в 1975 году и на которую, по его просьбе, я написал рецензию для лондонского журнала *Spectator*. Токес был венгром, он бежал из Будапешта в 1956 году от советской оккупации страны. Эти обстоятельства определяли и тему предложенной мне в предварительной переписке лекции об оппозиции. Через год название темы заменили на «Современные интеллектуальные и философские течения в Советском Союзе». Лекцию предлагали прочитать либо на русском для группы, изучавшей русский язык, либо на английском и открытую для всех. Я выбрал второй вариант. Лекция прошла хорошо, хотя о философских течениях я говорил мало, заменив эту тему рассказом о разных течениях в литературе. Русская литература все еще сильно отличалась от американской и могла характеризоваться как искусство в категории соцреализма. Американская литература, ориентированная на бестселлеры и вытесняемая телевидением, в значительной степени трансформировалась в массовый потребительский продукт. Талантливые мастера художественной прозы нередко поддерживались в США университетскими грантами и получали должность писателя, преподающего литературу. Гранты оказались необходимы и поэтам. Программа приглашения творческих работников для преподавания в университетах и колледжах («Artist-in-residence»), стартовавшая в США в 1960 году, приобрела популярность и в Великобритании.

Из разговоров с Рудольфом и его коллегами (заместитель директора Центра Борис Белокур был русским) я понял, почему тема о диссидентах, столь популярная в 1974 году, стала в конце 1976-го уже немодной. Главные фигуры советской оппозиции, о которых постоянно писала в недавнем прошлом американская пресса (Андрей Амальрик, Мэлик Агурский, Владимир Максимов, Александр Галич, Павел Литвинов, Наум Коржавин, Борис Шрагин и другие), уже уехали из Советского Союза и жили в США, Израиле или в Западной Европе. Несколько хорошо известных диссидентов, среди них генерал Петр Григоренко, Людмила Алексеева и Валентин Турчин, подали заявления на эмиграцию. Оценку этого явления – исхода оппозиции – американская советология от своих спонсоров еще не получила. Советские лидеры, как я предполагал, сознательно стимулировали эмиграцию диссидентов, причем чаще всего по фиктивным приглашениям из Израиля, чтобы облегчить свою жизнь в юбилейном 1977 году.

Из Сторрса на следующий день я поехал в Эванстон, что недалеко от Чикаго. Здесь меня ждала встреча со старым другом, историком науки профессором Дэвидом Журавским, с которым я познакомился в Москве в 1961 году. О нем я уже несколько раз писал в предыдущих главах. Американское гостеприимство почти всегда включало организацию для гостя лекции или семинара. На этот раз Дэвид сообщил мне, еще в июне, что «диссиденты, ставшие новыми эмигрантами, не вызывают большого интереса» и что он договорился с отделом биохимии и молекулярной биологии о семинаре по молекулярной генетике старения.

20 октября Дэвид повез меня в аэропорт Чикаго, обслуживающий внутренние авиалинии, он оказался намного крупнее международного. Большие авиакомпании имели здесь собственные терминалы. В Солт-Лейк-Сити можно было улететь в любой час самолетами разных авиаперевозчиков, как прямым рейсом, так и с остановками в других городах. При отсутствии регистрируемого багажа я, купив билет, сразу пошел на посадку в самолет. Через час мы летели уже над живописными горными хребтами. Вскоре вдали

показалось Большое Соленое озеро, на берегу которого среди заснеженных гор американские мормоны выбрали в прошлом веке защищенное от их противников место для своей столицы.

Солт-Лейк-Сити

За всю жизнь у меня еще не было лекций или докладов, к которым я готовился бы столь долго и тщательно, составляя не только конспект, но и весь текст заранее. Объяснялось это не только тем, что почти все докладчики в этой серии лекций были учеными с мировой известностью, но и форматом самой лекции. Уже в первом письме-приглашении, которое я получил в конце 1974-го, профессор Петер Гиббс писал (даю в переводе с английского):

«Лекции получили огромную популярность с тех пор, когда эта серия была начата семь лет назад... Лекция рассчитана на общую аудиторию в лекционном зале на четыреста человек, который не может, однако, вместить всех желающих... Поэтому лекция через видеосистему транслируется университетской телевизионной станцией. Через связанные с ней региональные системы лекцию могут видеть и слушать во всем штате Юта и в соседних штатах Вайоминг, Монтана, Айдахо и Дакота... Лекции и дискуссии записываются на цветные видеокассеты Sony, и эти записи рассылаются по запросам в другие университеты, колледжи, публичные школы и библиотеки...»

Официальная программа для лектора была составлена лишь на пятницу 22 октября. Она включала встречу с корреспондентом местного радио за завтраком, пресс-конференцию для прессы в одиннадцать утра, ланч с гостями, коллоквиум по проблеме старения в медицинском колледже, отдых в мотеле и лекцию в семь часов вечера, после которой тридцать-сорок минут отводилось для ответов на вопросы. В девять вечера начинался обед, также с гостями, в клубе с видом на озеро и горы.

Незадолго до отлета из Лондона я получил от Гиббса несколько туристических брошюр о городе с его историей, о Большом Соленом озере и о кампусе Университета штата Юта. Основной достопримечательностью города считался величественный замок мормонов и прилегающая к нему площадь. Этот замок строился мормонами почти сорок лет. Сообщив вечером по телефону из забронированного для меня номера в мотеле профессору Гиббсу о благополучном прибытии, я весь день 21 октября провел, осматривая город, замок и прилегающий к нему парк. Ориентироваться в городе было легко, улицы пересекались под прямыми углами и назывались по номерам, как в Нью-Йорке. Главные туристические объекты находились вокруг замка. Вечером я еще раз просмотрел текст лекции, составив план презентации на следующий день.

22 октября все шло по программе. После коллоквиума меня попросили передать слайды и другой иллюстрационный материал секретарю отдела физики, для телевизионной передачи их следовало переснимать. Мне их вернули перед лекцией. Аудитория встретила меня очень тепло. Лекции этой серии широко афишировались, и повсеместно рассылалась особая листовка с краткой биографией лектора, его портретом и рефератом самой лекции. В местных утренних газетах печатались объявления о лекции и краткие статьи о лекторе.

Первую половину лекции я посвятил истории российской и советской науки. Потери

российской науки в период революций и Гражданской войны были очень значительными. Уехали, а часто просто бежали из страны основатель геронтологии В. Коренчевский, известный физикохимик Г. Б. Кистяковский, изобретатель вертолета Игорь Сикорский, социолог Питирим Сорокин, знаменитый экономист В. Леонтьев. Я называл эти имена, так как они хорошо известны американцам. Кистяковский стал вице-президентом Национальной академии США, Леонтьев – лауреатом Нобелевской премии, а именем «Сикорский» обозначалась вся серия американских военных вертолетов. После окончания Гражданской войны политика советского правительства состояла, однако, в очень активной поддержке всех форм образования и научных исследований. С 1921 до 1929 года в СССР возникло много новых научных институтов и академий. Были заложены основы развития новых направлений в атомной физике (А. Ф. Иоффе), космонавтике (С. П. Королев), генетике и географии культурных растений (Н. И. Вавилов), изучении биоценозов (В. И. Вернадский и В. Н. Сукачев), популяционной генетике (С. С. Четвериков) и множества других. Возник широкий фронт новаторских исследований.

Научная политика правительства начала, однако, меняться в 1929 году в связи с принудительной коллективизацией крестьянства и быстрой индустриализацией страны – знаменитыми сталинскими пятилетками. К ученым и инженерам власти стали применять диктат и меры принуждения. Партийное руководство приняло, например, в 1931 году резолюцию, обязывающую Академию сельскохозяйственных наук обеспечить к 1935 году выведение новых сортов озимой пшеницы, пригодных для выращивания в Сибири. Авиационные конструкторские бюро секретной директивой обязали создать к 1937 году высокоскоростные бомбардировщики с удвоенной дальностью перелетов на большей высоте. Невыполнение таких директив в период начавшейся в 1937-м новой волны политического террора вело к появлению псевдонаук и массовым арестам ученых и конструкторов, обвиняемых в саботаже и вредительстве.

Вторая половина лекции характеризовала послевоенный период, когда основным приоритетом для страны стало быстрое овладение атомным и ракетным оружием. Руководство США, уже применившее в августе 1945 года две атомные бомбы, было уверено в своей атомной монополии на десятилетия. Советские физики-атомщики имели в это время не больше килограмма урана. Политбюро поставило перед учеными задачу – создать и провести испытание атомной бомбы до конца 1948 года. Основным фактором, который обеспечил успешное выполнение этой невероятной директивы, было, конечно, существование в СССР большой школы талантливых отечественных физиков, которым предоставили неограниченные возможности, полномочия и любые материальные и финансовые ресурсы. Их усилия дополнялись работой разведслужб, все основные технологические секреты Лос-Аламоса быстро становились известны в СССР. Из оккупированной Восточной Германии в Советский Союз вывезли не только больше ста тонн уранового концентрата, но и почти всех ученых, занимавшихся немецким Урановым проектом. Они успешно разработали в СССР технологию обогащения урана центрифугированием. Первый экспериментальный реактор достиг критичности в декабре 1946 года. Но для создания атомной индустрии требовалось масштабное строительство. Промышленные реакторы и одновременно радиохимический завод по выделению плутония начали строить в 1946 году за Уралом в районе озер в пустынном месте между Свердловском и Челябинском, в 30 километрах восточнее небольшого города Кыштым. Использование рабского труда заключенных (около 70 тысяч), главным образом так называемых

остарбайтеров – репатриированных из Германии советских граждан, прошедших немецкую школу на разных секретных, нередко подземных, военных строительных объектах, явилось решающим фактором успеха. Они трудились днем и ночью под руководством физиков, инженеров и офицеров особого атомного управления МГБ. Одновременно создавались аналогичные объекты для обогащения урана и засекреченный центр в Горьковской области для разработки конструкции атомных бомб и их сборки. Десятки лагерей этого атомного ГУЛАГа не были известны даже А. И. Солженицыну. Никто из них не писал впоследствии воспоминаний. Потерявших работоспособность отправляли отсюда как спецконтингент в отдаленные лагеря Магаданской области. Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС почти не изменил их судьбу. Я знал о них по рассказам Н. В. Тимофеева-Ресовского, который сам в 1947 году был перевезен из карагандинского лагеря в секретный институт «Сунгул» в Свердловской области, где группа вывезенных из Восточной Германии немецких ученых разрабатывала радиохимические технологии для выделения плутония из выгоревших реакторных урановых сборок. Первые военные реакторы работали на природном уране и с графитовыми замедлителями. Директором этого института в 1947 году стал Николаус Риль (Nikolaus Riehl), выдающийся немецкий радиохимик, хорошо знавший Тимофеева-Ресовского еще в Берлине.

В 1950 году за успешное решение ряда проблем Николаус Риль получил звание и золотую медаль Героя Социалистического Труда. В Москве для него построили коттедж, надеясь, что он согласится постоянно работать в СССР. Во время поездки в ГДР в 1955 году Риль с женой через берлинское метро перешли в Западный Берлин и улетели в ФРГ. В 1976 году он жил в Западной Германии. Я с ним дважды разговаривал по телефону. Риль родился в Петербурге в семье немецкого инженера и свободно говорил по-русски. Он писал воспоминания и хотел получить от меня фотографии Тимофеева-Ресовского, Лысенко, Вавилова, Курчатова и некоторых других ученых. Его книга на немецком «Десять лет в золотой клетке» была издана (Riederer-Verlag, Stuttgart) лишь в 1988 году. В 1996 году ее с многочисленными дополнениями и новыми иллюстрациями, но уже посмертно издали в Нью-Йорке («Stalin's Captive. Nikolaus Riehl and the Soviet Race for the Bomb»). О лагеря заключенных в Горьковской области, строивших атомград, Рою рассказывал А. Д. Сахаров.

Выделение плутония из выгоревших урановых реакторных стержней сопровождается накоплением больших объемов жидких радиоактивных отходов, так как отработанные урановые сборки необходимо сначала растворить в концентрированной азотной кислоте. Дальнейшие химические процедуры проводят с нитратными растворами. Для хранения концентрированных радиоактивных отходов была создана система охлаждаемых водой подземных стальных емкостей, расположенных в бетонных бункерах. Технологию хранения жидких радиоактивных отходов в СССР разрабатывали самостоятельно, а не копировали с американской. Осенью 1957 года в этом хранилище радиоактивных отходов произошел мощный взрыв, причины которого не были известны. Несколько миллионов кюри радиоактивных изотопов, в основном долгоживущих – стронция и цезия, были подняты взрывной волной на большую высоту и разнесены в северо-восточном направлении на сотни километров. Примерно с 20 тысяч квадратных километров сельскохозяйственной территории за Уралом пришлось эвакуировать население.

Я впервые узнал об этой катастрофе (ее называли аварией) от моего шефа, профессора В. М. Клечковского, которого как агрохимика и специалиста по радиоизотопам послали в зону аварии в 1958 году для организации секретной опытной станции и дозиметрических

обследований территории. Мой студенческий друг Евгений Федоров, с которым мы начали в 1954 году совместную работу с радиоактивным фосфором (см. [главу 2](#)), уехал в 1959 году в зону аварии на постоянную работу. Очень вредные условия труда компенсировались здесь тройным окладом, длительным отпуском и бесплатным питанием. Об этой аварии рассказывал мне и Тимофеев-Ресовский, который в 1957 году, после амнистии в 1955 году, руководил радиоэкологическими исследованиями в Уральском филиале АН СССР. Его группа рассчитывала, что будет вести наблюдения на загрязненных территориях, но бывшим заключенным не разрешили допуск в загрязненную зону.

На лекции в Солт-Лейк-Сити я упомянул об этой аварии для того, чтобы объяснить, почему всемогущие физики-атомщики в 1958–1959 годах стали поддерживать генетику и радиационную биологию, обеспечивая выход этих отраслей из-под контроля псевдоучений Т. Д. Лысенко. Я не подозревал, что подобная катастрофа могла оставаться не только совершенно неизвестной в США, но и не отраженной во всей мировой научной литературе по атомной энергии. О любых авариях, даже очень небольших, связанных с радиоактивностью, докладывалось на основании взаимных договоров между атомными державами в МАГАТЭ в Вене. Там их изучали и присваивали им разряд, или уровень. Самый высокий уровень имела до 1976 года авария в Уиндскейле (Великобритания) с выбросом 20 тысяч кюри радиоактивного йода, получившая оценку «серьезной» и 5-й уровень по шкале аварий. Эвакуации населения там не было, но вводился кратковременный запрет на местное молоко. Авария на Урале в этой классификации по объему выброса радиоактивности, количеству жертв и масштабу эвакуации населения попала бы с уровнем 6 в разряд катастроф. Это была, таким образом, первая в мире ядерная катастрофа. (Расплавление топлива на атомной станции на Три-Майл-Айленд в 1979 году получило аварийный 5-й уровень. Чернобыль в 1986-м и Фукусима в 2011-м – 7-й. Это тоже были катастрофы.)

Почти все вопросы после лекции касались именно этой аварии. Среди сотрудников отдела физики, судя по вопросам, многие сочли рассказанную мною версию неправдоподобной. Утренние газеты штата излагали содержание лекции очень кратко. Для широкой прессы история неизвестной ранее и успешно засекреченной в Советском Союзе атомной катастрофы могла бы стать сенсацией. Но кто-то уже дал команду ее замалчивать. Отдел физики в Университете Юты занимался множеством проблем и имел более сорока сотрудников, включая физиков-атомщиков. Директор отдела, профессор П. Гиббс, был атомным физиком-теоретиком. Как мне стало известно намного позднее, утром 23 октября он звонил в Ханфордский атомный центр в штате Вашингтон, где в огромных стальных емкостях хранились жидкие высококонцентрированные отходы от производства оружейного плутония, и интересовался мнением его сотрудников о рассказанной мной истории. «Если бы что-нибудь подобное случилось в действительности, то мы бы об этом знали», – объяснили хандфордские авторитеты.

Индиана, Вашингтон и Вермонт

Моя следующая лекция, также о советской науке, планировалась в Университете штата Индиана во вторник 26 октября. Утром в субботу я решил доехать сначала на автобусе до Денвера, а оттуда лететь в Блумингтон. Дорога в Денвер была туристическим маршрутом: почти одиннадцать часов через перевалы, каньоны и горные склоны. В конце октября все вершины были покрыты снегом.

В университете Индианы тоже имелся институт по изучению России и стран Восточной Европы, директором которого был профессор истории Александр Рабинович (Alexander Rabinovich), автор нескольких книг о русской революции. Его основной труд «The Bolsheviks Come to Power» («Большевики приходят к власти») был опубликован в Нью-Йорке лишь недавно, и он подарил мне эту книгу при встрече. Лекция в Блумингтоне была фактически повторением, с небольшими изменениями, той, что я прочитал накануне в Юте. Учитывая явное недоверие физиков к истории о взрыве уральского хранилища ядерных отходов, я изложил ее теперь с большим числом деталей и со ссылкой на рассказ покойного В. М. Ключковского (он умер в мае 1972 года), создателя в загрязненной радиоизотопами зоне опытной станции. Если недоверчивые физики-атомщики, как полагал я, начнут проверять публикации профессора Ключковского даже по общедоступным источникам, то они смогут по американскому реферативному журналу *Chemical Abstracts*, имевшемуся в любой научной библиотеке, быстро убедиться, что в 1968 году В. М. Ключковский и Е. А. Федоров представили на Всесоюзной конференции по экологии доклад «Миграция радиоактивных элементов в наземных биоценозах», который попал в этот реферативный журнал лишь своим заголовком. Ни реферата доклада, ни адреса института, где работали его авторы, в этом универсальном справочнике не было. Физики-атомщики смогли бы понять, что это свидетельствует о секретности данных. (Заголовок доклада попал в *Chemical Abstracts*, по-видимому, на основании содержания программы конференции.)

Моя лекция в Блумингтоне прошла хорошо и продолжалась дольше обычного часа. Недоверия в заданных вопросах не было, даже у физиков.

На следующий день я обсудил с Рабиновичем факт неизвестности Уральской катастрофы. Он сам как историк-советолог понимал возможность засекречивания в СССР даже таких событий, как голод 1932–1933 годов с миллионами жертв на обширных территориях Поволжья, Украины и Казахстана. Книга Рабиновича об Октябрьской революции публиковалась издательством «W.W. Norton & Co» в Нью-Йорке, которое издавало также и книги Роберта Такера. Рабинович пообещал мне, что вместе с Такером порекомендуют своему издателю заказать мне книгу по истории советской науки, которая даст возможность изложить материалы лекции более подробно. (Это обещание было вскоре выполнено.)

В тот же день я вылетел в Вашингтон. Неожиданное приглашение посетить столицу пришло в мае из госдепартамента США от Абрахама Брумберга (Abraham Brumberg) старшего научного сотрудника отдела СССР и Восточной Европы. По информации, которую я получил от друзей в Лондоне, Брумберг был также директором Американского информационного агентства (USIA) и главным редактором журнала *USIA Problems of Communism*, который считался академическим среди советологов. Брумберг в своем письме от 29 июня предлагал мне не лекцию, а нечто вроде семинара:

«Аудитория будет состоять в основном из правительственных чиновников, работающих по делам СССР, нескольких журналистов и людей из местных университетов... Это даст возможность, во-первых, обсудить Ваши и Роя идеи о политическом будущем России и, во-вторых, показать различия между Вами и другими диссидентами, прежде всего Сахаровым, Амальриком и Солженицыным... Задача нелегкая, но я надеюсь, что это Вас не смутит... Я знаю, что это было бы очень интересно для многих людей в Вашингтоне...»

Письмо свидетельствовало о том, что эксперты по делам СССР в Вашингтоне растеряны столь быстрой эмиграцией диссидентов, прежде всего западников и либералов, которые в основном и пользовались поддержкой госдепартамента, осуществляемой по различным каналам. Возможно, Брумберг имел намерение уговорить братьев Медведевых создать общий фронт с Сахаровым, чтобы как-то замаскировать развал прозападной оппозиции. В действительности никакой реальной политической оппозиции в СССР не было, этот мираж создавался американской пропагандой. О лидерах диссидентского движения большая часть населения СССР ничего не знала. Главным источником информации о них служили передачи иностранных радиостанций на русском, причем доверие к «Немецкой волне» было выше, чем к «Голосу Америки». Существенные изменения могли произойти в СССР лишь после ухода Брежнева с политической арены. Долго ждать перемен, наверное, не придется – таков был мой прогноз о политическом будущем России. В этом я ошибся. Однако наша дискуссия в госдепартаменте проходила как конфиденциальная. Я согласился на откровенный обмен мнениями лишь при условии, что он будет не для прессы. Любое сообщение в газетах о том, что Жорес Медведев провел в госдепартаменте семинар по диссидентам, могло вызвать слишком много комментариев в эмигрантской прессе. Инициативу такого семинара неизбежно приписали бы мне самому.

Из Вашингтона я летел в Берлингтон, столицу штата Вермонт. В университете этого штата в пятницу 29-го днем у меня планировался семинар по молекулярным аспектам старения, а вечером все та же лекция о советской науке. В этом, сравнительно небольшом, университете тоже был советологический центр, который возглавлял профессор Роберт Дэниелс (Robert V. Daniels). Он, как и Александр Рабинович, был экспертом по Октябрьской революции. Вместе с приглашением посетить Вермонт я получил от него книгу «The Conscience of the Revolution» («Совесть революции») – о троцкистской оппозиции Сталину и оттиск статьи «The Bolshevik Gamble» («Большевистская авантюра»). Другая книга Дэниелса, «The Red October» («Красный Октябрь»), изданная в 1967 году, у меня уже была. Американские историки имели большие преимущества перед советскими не только благодаря отсутствию цензуры, но и потому, что именно в США в разных университетах (в основном в Стэнфордском) находились обширные архивы временного правительства Керенского, архивы белых армий (Деникина, Колчака, Юденича и других) и архив Троцкого. (При высылке Троцкого из СССР в Турцию в 1929 году ему разрешили вывезти без проверки весь архив, больше двадцати тонн различных документов и бумаг. Сталин решил вычеркнуть Троцкого из советской истории. В СССР в то время архив Троцкого не решилось бы взять ни одно архивное учреждение.) В США хранились также полные архивы некоторых городов (наиболее известен из них архив Смоленска), вывезенные в Германию с оккупированных территорий. Из Германии некоторые из них в 1945 году были отправлены в США.

В Нью-Йорк я возвратился в воскресенье ночным поездом и поселился в уже хорошо знакомом по прошлым поездкам отеле «Рузвельт».

Американцы выбирают Джимми Картера

Американские выборы отличались от советских и британских отсутствием бюллетеней для голосования и соответственно ночного их подсчета. Еще в конце XIX века была изобретена механическая машина для голосования, которая впоследствии много раз модернизировалась – от электромеханической до электронной. Благодаря этому в один и тот

же день проводилось много разных выборов, результаты которых становились известными уже к концу дня. Во вторник 2 ноября в Нью-Йорке происходили выборы не только президента, сенатора и конгрессмена, но и членов муниципальных собраний, судей в Верховный суд и в несколько местных судов. Список кандидатов в разные органы власти составлял целую полосу в *The New York Times* за 1 ноября. Главными, конечно, были выборы президента и вице-президента США. Паре Форд – Дол противостояли Картер – Мондейл. Среди кандидатов были коммунисты и социалисты, но только в городе Нью-Йорк, а не в каких-то штатах.

На улицах Нью-Йорка во вторник 2 ноября было спокойно. Обычный рабочий день. Никаких норм явки не существовало. Кто хочет, тот и голосует, чаще всего это менее 50 % потенциальных избирателей. Рано утром 3 ноября по всей стране объявили: «Победил Картер!»

Из редакционной статьи *The New York Times* от 3 ноября:

«Из почти полной неизвестности лишь год назад интеллигентный и идеалистический кандидат пробил свой путь через все ступени и несмотря на препятствия в собственной партии, где его не поддерживал ни один политический ветеран....»

Хотя большинство оказалось очень небольшим, оно очевидно. За Картера проголосовали больше 40 миллионов американцев... это были рабочие, молодежь, национальные меньшинства и низкооплачиваемые слои населения, городская и сельская беднота...»

Почти пролетарская революция, но с использованием электромеханических машин для голосования. В выборах участвовало около 45 % взрослого населения. Результат четко разделил страну пополам. Почти все индустриальные штаты северо-востока и юго-востока страны посылали выборщиков за Картера. Все западные и юго-западные штаты предпочли Форда.

Уральская ядерная катастрофа

В конце июля 1976 года я получил от британского еженедельного научно-популярного журнала *New Scientist* предложение написать статью о проблемах советской науки. В начале ноября журнал отмечал двадцатилетие своего существования, и по этому случаю готовился особый, юбилейный номер. В это время я уже начал готовить текст лекции для Университета штата Юта и именно этот материал в несколько измененной форме послал в журнал. Перед отъездом в США я уже проверял верстку статьи в выпуске (vol. 72, № 1025), который отправлялся подписчикам и поступал в продажу 4 ноября. В Нью-Йорке в этот день я вышел на знаменитую Пятую авеню, чтобы купить подарок для Риты, отмечавшей 14 ноября свой пятидесятилетний юбилей. В Лондон я вылетел 6 ноября. В пятницу 5 ноября мне предстояла последняя в этой поездке лекция «Frontiers and Breakthroughs in Gerontology» («Новые области и открытия в геронтологии») для широкой аудитории в Университете города Нью-Йорка (CUNY). Декан одного из факультетов, профессор Нейл Маккласкей (Neil G. McCluskey), планировал создать в CUNY центр по геронтологии. Отказаться помочь ему в этом было нельзя, но поскольку его приглашение пришло в сентябре, датой лекции оказался

последний день моего американского турне. За обедом после лекции Маккласкей сказал мне, что мою статью в журнале *New Scientist* о взрыве подземного хранилища радиоактивных отходов комментируют почти все вечерние газеты Нью-Йорка. Одновременно публикуются заявления американских ученых о том, что взрыв в хранилище жидких отходов производства плутония невозможен, ни химический, ни тепловой, ни атомный. Какое-то заявление по этому поводу уже сделал знаменитый Эдвард Теллер (Edward Teller), создатель американской водородной бомбы.

В субботу 6 ноября в аэропорту им. Кеннеди я купил несколько газет на дорогу. В *The New York Times* прочитал сообщение из Лондона. Даю здесь в переводе с английского:

«Д-р Медведев, биохимик, заявлял в статье в журнале “Нью Сайентист”, что радиоактивные отходы, которые подвергались захоронению в секретном уральском атомном центре неглубоко под землей, разогрелись и были выброшены на поверхность, как из вулкана, в 1957 году. В результате этого радиоактивное облако распространилось на сотни километров, и тысячи людей получили разные дозы облучения...»

Заявления советского ученого-диссидента были названы чисто научной фантазией сэром Джоном Хиллом, председателем британского управления атомной энергии... В интервью корреспонденту Пресс Ассошиейшн сэр Джон назвал утверждения д-ра Жореса Медведева чепухой и добавил: “Я думаю, что это результат пустого воображения”.

Сэр Джон сказал, что русские, возможно, захоранивали под землей радиоактивные отходы. Но такие отходы не взрываются... никаких взрывов не может произойти – ни ядерных, ни тепловых...»

Комментарии такого же рода высказывались и другими авторитетами.

Я знал, что взрыв произошел, и с тяжелыми последствиями. Но механизм взрыва оставался неясным. Сравнение с вулканом принадлежало Тимофееву-Ресовскому. После недоверия к этой истории в Университете Юты я постоянно думал о возможных причинах. В итоге возникло предположение, что механизм этого взрыва тот же, что и механизм взрыва ампулы с 20 милликюри радиоактивного фосфата натрия, которую я вскрывал, подрезая ее оплавленный конец напильником в вытяжном шкафу в Тимирязевской академии в 1958 году, – из-за искры. (Без подрезки напильником вскрыть заплавленную ампулу невозможно.) Я делал это в резиновых перчатках и в халате, и стекло вытяжного шкафа защитило меня от брызг. Но отмываться все равно пришлось долго, сначала фосфатными растворами. В концентрированном растворе радиоизотопов происходит под влиянием радиоактивности медленный радиолиз воды, и над поверхностью раствора появляется смесь кислорода и водорода, известная химикам как гремучий газ. После моего объяснения-рапорта об этом происшествии с ампулой и высказанной гипотезы, а также, очевидно, из-за немалого числа аналогичных проблем в других лабораториях рассылка растворов радиоактивных изотопов в примитивных стеклянных ампулах, запаянных явно вручную, была постепенно прекращена. Появились особые кюветы с резиновыми пробками.

Как я узнал через много лет, посетив в 1990 году место взрыва в Челябинской области, после Уральской ядерной катастрофы в 1957 году стальные контейнеры для хранения высокоактивных жидких отходов от производства плутония перестали, как раньше,

закрывать тяжелыми, метровой толщины, бетонными крышками. Теоретическая реконструкция взрыва экспертами, сделанная в 1990 году, включала возможность искры от короткого замыкания в поврежденном терморегуляторе и детонацию нитратных солей. Мощность взрыва по объему выброса оценивалась в 80–100 тонн тринитротолуола.

В воскресенье утром 7 ноября меня встречали в аэропорту Хитроу Рита и Дима. Сын уже начал учебу в университете, выбрав отделение компьютерной инженерии на инженерном факультете одного из лондонских колледжей.

История об Уральской ядерной катастрофе 1957 года, появившаяся накануне в американских субботних газетах, стала сенсацией в Англии именно 7 ноября. Воскресная газета *The Observer* поместила отрывок из моей статьи в *New Scientist* на первой странице и под крупным заголовком. Корреспонденты ежедневных газет, выходящих в понедельник, пытались найти меня для срочных интервью. Институт в воскресенье был закрыт, мой адрес неизвестен, а номер домашнего телефона, зарегистрированного как конфиденциальный, не входил в список лондонских абонентов, которых можно найти через справочное бюро. В понедельник 8 ноября лондонская *The Times* поместила интервью с Джоном Хиллом (John Hill), главой британского атомного ведомства, опровергавшим возможность взрыва хранилища радиоактивных отходов («научная фантазия»), в то время как *The Guardian* напечатала статью знакомого мне научного корреспондента Энтони Такера (Antony Tucker), содержащую разные спекуляции:

«...Мы не смогли найти Медведева для интервью и задать ему вопрос о том, почему он ждал так долго, а не рассказал эту историю раньше... Его коллеги подтвердили, что у него могли быть на это политические причины. Не исключено, что он рассказал о ядерной катастрофе в СССР для того, чтобы обратить внимание на британский проект строительства большого завода в Виндскейле в Камбрии именно для переработки радиоактивных ядерных отходов...»

Я позвонил в редакцию и объяснил Э. Такеру, что никакой связи между моей статьей в *New Scientist* и британскими атомными программами не существует. 9 и 10 ноября противоречивые комментарии в прессе об Уральской катастрофе продолжались. Корреспонденты иностранных новостных агентств в Москве смогли задать вопросы о ней академикам А. Д. Сахарову и П. Л. Капице. Оба они ответили, что им о такой катастрофе «ничего не известно». С другой стороны, в США во многих газетах появилось сообщение с ссылкой на ЦРУ:

«Лос-Анджелес. – Эксперты американской разведывательной службы заявили во вторник, что крупная ядерная авария в СССР около двадцати лет назад представляла собой аварию на реакторе, который вышел из-под контроля, а не взрыв атомных отходов, как заявил на прошлой неделе находящийся в ссылке советский ученый... По данным американской разведки, эта авария произошла в конце 1957 или в начале 1958 года в советском Центре по производству плутония, находящемся в районе Южного Урала...»

Это сообщение перепечатали многие британские газеты, корреспонденты которых продолжали разыскивать меня для комментариев. Но с 10 ноября мы с Ритой уже были в

Италии, чтобы в оставшиеся две недели отпуска немного отдохнуть.

В Италии

Для нашего короткого отпуска мы без колебаний выбрали остров Капри, Неаполь и осмотр Помпеи. Купание в море и пляж стали для нас в Советском Союзе обязательным атрибутом летнего отпуска, который мы почти каждый год проводили в Никитском ботаническом саду возле Ялты. Остров Капри был известен любому советскому школьнику как климатический курорт, где много лет жил и вылечился от туберкулеза Максим Горький. На Капри в гости к Горькому в 1906 и в 1910 годах приезжал Ленин. Они вместе ловили рыбу на удочку и играли в шахматы. Эти встречи изображены на нескольких картинах советских художников, репродукции которых я помнил по почтовым открыткам. На Капри жили в разное время Иван Тургенев, Петр Чайковский, Иван Бунин, Федор Шалапин и другие русские знаменитости.

Из Сорренто до Капри по Неаполитанскому заливу ходил рейсовый катер. В порту нас ждал сюрприз – сделанный в СССР первый в мире быстроходный катер-теплоход на подводных крыльях «Ракета». Он двигался, возвышаясь над водой, со скоростью 60–70 километров в час и доставил нас на Капри минут за сорок. Остров оказался небольшим и ничем особенно не примечательным. Все гостиницы дорогие, рестораны тоже, за вход на искусственные деревянные платформы, заменявшие естественные пляжи, и отдельно за каждый лежак надо было платить. Да и море вдоль берега оказалось грязным. Морские купания явно не были курортной специализацией Капри. По дороге к морю через небольшой парк мы проходили мимо бюста В. И. Ленина. На гостиницах и домах мемориальные доски извещали о живших здесь знаменитостях. Вилла, в которой жил в начале века Горький, находилась на скалистом берегу с красивым видом на залив и Везувий. Владелец ближайшего ресторана, в котором мы решили отметить наш совместный день рождения (мы с Ритой родились в один день, но с разницей в год), узнав, что мы русские, рассказал, что его отец служил поваром у Горького, славившегося своим гостеприимством. Дружившего с Горьким Федора Шалапина приглашали петь многие рестораны Капри. У них в ресторане среди коллекции подарков знаменитостей имелась старинная граммофонная пластинка с записью Шалапина «Есть на Волге утес». Но граммофона, чтобы послушать эту реликвию, давно не было. Я, видно под влиянием местного вина, спел для него первый куплет.

Мой отец очень любил эту величавую песню-балладу и пел ее красивым баритоном по просьбе гостей на семейных праздниках в Ленинграде. С тех пор, с детства, я ее помнил и иногда напевал про себя, вспоминая с большой горечью и отца. «Мама мия!» – воскликнул итальянец. Счет за ужин нам не принесли. «Грацие, синьор... Комплименто!..» – попрощался владелец ресторана. Эти итальянские слова мы уже понимали.

Посетив Голубой грот, основную местную достопримечательность, мы вернулись в Сорренто и оттуда отправились в Неаполь. Итальянская сборная в тот день, 16 ноября, выиграла где-то футбольный матч. Это событие отмечалось непрерывными гудками автомобилей по всему городу почти до утра. Осматривать достопримечательности тоже оказалось не слишком приятно – уже много дней в романтическом городе бастовали мусорщики.

Все наши разочарования компенсировались двухдневным неторопливым осмотром Помпеи. Античный социализм, город без церквей, соборов, мечетей и синагог, в котором

свежесвеженный хлеб и горячую пищу разносили из пекарен и общественных кухонь по домам.

В Риме у меня была запланирована встреча в левом издательстве «Риунити» («Editori Riuniti»), которое как раз в то время выпускало небольшую книгу Роя об Октябрьской революции «La Rivoluzione D'Ottobre Era Ineluttabile?» («Свершение Октябрьской революции было неизбежно?»). На русском языке это был очерк, а не книга. Рой прислал его мне для включения в следующий выпуск альманаха «Двадцатый век». Дополнив очерк еще одной статьей Роя и рядом комментариев, итальянское издательство превратило его в небольшую книгу с бумажной обложкой. В 1977 году отмечалось шестидесятилетие Октябрьской революции, и этот юбилей создавал читательский спрос, наиболее заметный, судя по заказам, в Италии и во Франции.

Владимир Яковлевич Лакшин поднимает перчатку

Когда мы вернулись в Лондон, интерес прессы к Уральской ядерной катастрофе уже угас. Можно было возобновить спокойную работу в институте. В 1977 году мне предстояло участие в двух симпозиумах по проблемам старения, первый – в Голландии, второй – в ФРГ, а также планировалась новая поездка в США на ежегодную конференцию Американского геронтологического общества в Сан-Франциско. Для научных обсуждений хотелось подготовить новые экспериментальные данные. Кроме сравнительного изучения хроматиновых белков в органах молодых и старых мышей, мы включили в анализы и локальные раковые опухоли печени (гепатомы), которые обнаруживаются в популяциях старых животных.

Вечерами и в выходные дни я начал подготовку к изданию второго номера альманаха «Двадцатый век», который по содержанию оказывался интереснее первого. В него входила большая, ярко написанная статья А. Красикова (псевдоним Михаила Байтальского) «Товар номер один» – история водки на Руси и в СССР, отрывки из книги лагерных воспоминаний Александра Лебеденко «Будни без выходных» (из портфеля неопубликованных произведений, поступивших в «Новый мир» и переданных Рою Твардовским в 1970 году) и большой очерк В. Я. Лакшина «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”». Именно этот очерк, как были уверены Рой и я, мог вызвать наибольший интерес как у советских, так и у западных читателей не только потому, что был прекрасно и эмоционально написан, но и благодаря высокой репутации автора, которого иногда, и не без оснований, называли советским Добролюбовым. Лакшин, кроме того, был заместителем главного редактора «Нового мира» и близко общался с Твардовским и Солженицыным. Своими очерками о первых произведениях Солженицына, печатавшихся в «Новом мире», он поднял планку славы писателя с уровня одного из лучших советских до одного из лучших в русской литературе. После разгона редакции в 1970 году Лакшин, оказавшись без работы, согласился занять должность в редакции журнала «Иностранная литература», которую все его друзья рассматривали как временную.

Я познакомился с Лакшиным в 1962 году, и мы быстро стали друзьями. Владимир Яковлевич, помимо множества профессиональных достоинств и талантов, которые ценились в литературном мире и читателями, обладал редким благородством и обаянием. К тому же он был человеком долга и чести.

Когда в 1975 году в Москве начала циркулировать книга Солженицына «Бодался

теленка с дубом», рисовавшая, как я уже писал (см. главу 29), искаженные портреты Твардовского и большинства членов редколлегии «Нового мира», попытки дать какой-то ответ через западную прессу сделали дочь Александра Трифоновича Валентина и Рой. Со стороны членов бывшей редколлегии или писателей, вошедших в литературу именно благодаря Твардовскому, никаких попыток полемизировать с Солженицыным не было. В середине декабря 1975 года я получил от Роя письмо, пришедшее диппочтой из Хельсинки:

«О “Теленке” я больше писать ничего не буду. Тут все же лучше всех и наиболее убедительно мог бы написать обо всем, что касается отношений Солженицына, Твардовского и “Нового мира” и всего этого комплекса, лишь один человек – В. Я. Лакшин. Он и лично задет сильно... Я думаю, что он уже начал что-то писать и у него получится хорошо, не может получиться плохо. Но перед ним стоит сложная психологическая и моральная проблема. Писать и печатать свой очерк или книгу через Агентство Печати Новости – это значит встать в один ряд с Решетовской и заранее поставить себя на Западе в невыгодное положение. Да и здесь это вызовет критику ряда людей, мнением которых В. Я. дорожит. Лучше всего для него действовать через меня и тебя, т. е. по независимым каналам, например через журнал “Двадцатый век”. Но это ставит его под удар партийных инстанций, что сейчас для него также неприемлемо, уже по личным обстоятельствам (два сына, Светлана не работает и, наверное, не сможет работать, у В. Я. обострился артроз тазобедренного сустава, нужна операция, сейчас он в больнице). В таких случаях я не вмешиваюсь и ничего не советую. Пусть решает сам...»

Когда Рой писал это письмо (3 декабря), он не знал, что Лакшин уже закончил свой очерк, который начал писать вскоре после прочтения «Теленка». Очерк несколько месяцев лежал у него в столе. Он никому его не показывал. В начале февраля 1976 года я получил на домашний адрес в Лондоне письмо из Италии, судя по штампу – из Венеции, в большом конверте и без обратного адреса. В письме был очерк В. Я. Лакшина, 45 страниц машинописного текста через один интервал и на обеих сторонах тонкой папиросной бумаги. Рукопись не была подписана автором, сохраняя самиздатный вид. На последней странице стояла дата – 9–30.8.1975. Август Лакшин обычно проводил на юге. В Венеции я знал лишь одного человека, который мог что-либо мне прислать, – Витторио Страда, профессор русской литературы университета Венеции и член Итальянской коммунистической партии. Я ему позвонил. Он подтвердил, что получил рукопись в конверте от Роя, но с ведома и согласия автора, во время недавней поездки в Москву. Мне предоставляется свобода действий. На русском языке я мог опубликовать очерк Лакшина нескоро, следующий выпуск альманаха планировался лишь на начало 1977 года. На итальянском, французском или английском языках опубликовать этот яркий полемический очерк можно было бы лишь после издания переводов «Теленка» – когда предмет полемики станет доступен читателям. О возможном итальянском издании «Теленка» Страда пока ничего не знал. Английское издание также еще не появилось. Однако я знал, что книга переводится.

Я прочитал очерк Лакшина с большим вниманием. Написано ярко, интересно, убедительно, эмоционально:

«...Пусть те, кому попадутся на глаза эти строки, простят мне излишне личный тон – я не статью для журнала пишу, а с прожитой жизнью пытаюсь объяснить... Более десяти лет вся моя личная судьба была связана с журналом А. Т. Твардовского “Новый мир”, да и с Солженицыным, вошедшим в литературу через его дверь...

...В последней книге он прямо оскорбил память человека мне близкого, кого я считал вторым своим отцом, обидел многих моих товарищей и друзей. Главное же, облил высокомерием свою собственную колыбель, запятнал дело журнала, бывшее в глазах миллионов людей в нашей стране и во всем мире достойным и чистым.

Брошен вызов, и я поднимаю перчатку...»

Читать рукопись было нелегко, так как строчки с обратной стороны папиросной бумаги просвечивали. Обильная авторская правка первоначального текста была сделана от руки на полях, но печатными буквами. Но это был оригинальный текст, никто, кроме самого Лакшина, не мог этого сделать. Эта авторская правка меня обрадовала, она могла заменить авторскую доверенность при переговорах с издателями. Объяснить причину осторожности автора было нетрудно. Кроме того, именно такой вид рукописи, весившей всего 40 г и вмещавшейся в обычный удлиненный конверт, свидетельствовал о том, что она была предназначена именно для конфиденциальной отправки и публикации за границей и для возможных переводов. Перлюстрация обычной советской почты и запреты на отправку по почте рукописей, не прошедших цензуру, были западным издателям хорошо известны. Писателям, сознательно уклонявшимся от цензуры Главлита, грозили исключение из Союза писателей и, следовательно, невозможность работы и публикаций.

Я сделал несколько копий очерка и послал Майклу Гленни (Michael Glenney), профессору русской литературы в Бирмингеме, Люси Катала, руководившей отделом переводов с русского в парижском издательстве «Albin Michel», и Витторио Страде, который был консультантом по русской литературе для издательства «Einaudi» в Турине. Как директор «T.C.D. Publication» я просил каждого из них рассмотреть возможность перевода и издания книги Лакшина с рядом дополнительных примечаний, краткой биографией Твардовского и серией подобранных мною фотографий Твардовского, Лакшина и некоторых членов редколлегии «Нового мира», упоминаемых в очерке. Издавать небольшую книгу Лакшина целесообразно было вскоре после появления на французском, итальянском и английском книги самого Солженицына. Я сообщил, что в альманахе «Двадцатый век» очерк будет напечатан в начале 1977 года и что у нас есть мировой копирайт на все публикуемые материалы.

Мне не составило труда определить, что Лакшин сам перепечатал на своей портативной машинке первоначально рукописный очерк, подготовленный вчерне на юге. Папиросная бумага была советского производства, очень тонкая, немного меньшего формата, чем стандартные листы для пишущих машинок. Первый экземпляр, предназначенный для вычитки, был, наверное, на обычной бумаге и на одной стороне листа. Он остался у автора. Второй был передан Рою для самиздатной версии альманаха (он не распространялся и читался лишь узким кругом друзей). Третий готовился особо, именно для отправки за границу. В реальном самиздате рукопись с критикой Солженицына не имела в 1976 году никаких шансов на распространение. Ее могли читать лишь члены бывшей редакционной

коллегии «Нового мира». В прямую переписку по поводу публикации и возможных иностранных изданий я с автором не вступал. Некоторые поправки поступали ко мне через Роя в марте-апреле. Это были указания страниц «Теленка» для множества цитат в книге Лакшина. В западных изданиях все цитаты обычно тщательно проверяются. Даже эти короткие записки шли через Роя и его каналы, а не обычной почтой. Открытая почта перлюстрировалась КГБ, дипломатическая – ЦРУ. Да и Лакшина не посещали иностранные журналисты. Он хотел как можно дольше держать свой проект в секрете. Риски именно для него были велики.

Я пишу об этом столь подробно потому, что после ранней смерти В. Я. Лакшина в 1993 году, в возрасте 60 лет, авторы некоторых работ о нем приписывали появление этого очерка за границей и в переводах на французский и английский стихийным силам самиздата. В действительности В. Я. Лакшин готовил его именно для зарубежных публикаций, а не для самиздата, соблюдая при этом необходимую осторожность. Рассказанная здесь история никому, кроме меня, не была известна. Никакой самиздатной циркуляции этого очерка в СССР не было.

Первой ответила Люся Катала. В письме, а затем по телефону она сообщила, что «Теленок» переводился в Париже с рукописи и был издан в конце 1975 года («Le Chêne et le Veau». Ed. du Seuil). Издательство «Albin Michel», в котором работала Люся, готово срочно издать очерк Лакшина, но до книжного формата его следует дополнить материалами о Твардовском и «Новом мире». 9 июня я подписал договор с директором. В дополнение к основному тексту в книгу были включены «Открытое письмо» дочери Твардовского Валентины, статья Роя с биографией Твардовского и оценкой его роли в русской литературе и очерк Ефима Эткинда о значении «Нового мира» и о его главных авторах (Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Виктор Некрасов, Анна Ахматова, Константин Паустовский и многие другие писатели, известные французам). Участие в этом проекте Ефима Эткинда было очень важно. Его знали в Париже как близкого ленинградского друга Солженицына. Эткинд среди русской эмиграции в Париже имел высокую репутацию объективного литератора.

Французское издание «Vladimir Lakchine. Réponse à Soljénitsyne» вышло в феврале 1977 года, раньше русского. Это была небольшая книга в плотной глянцевой обложке, 182 страницы с вкладкой фотографий. Одна из них запечатлела, как Солженицын и Лакшин 21 декабря 1971 года вели под руки вдову Твардовского Марию Илларионовну к свежевырытой могиле поэта на Новодевичьем кладбище.

С Майклом Гленни я познакомился в 1971 году, когда он приезжал в Москву улаживать некоторые спорные вопросы по сделанному им переводу романа Солженицына «Август Четырнадцатого». Перевод был уже сделан, но назначенная адвокатом Солженицына (по просьбе автора) комиссия из трех экспертов считала, что он требует серьезной доработки. Гленни, уже имевший опыт перевода Солженицына («Крохотки» и третья часть всех глав британского издания «В круге первом»), с предложениями комиссии не соглашался. Членов комиссии, один из которых, Вольфганг Казак (Wolfgang Kasack) из Кельнского университета, был немцем, Гленни не считал для себя авторитетами. (В. Казак, с которым я познакомился в 1974 году, выучил русский язык, находясь как немецкий солдат в плену в СССР в 1944–1947 годах. Он попал в плен, когда ему было семнадцать лет.) Гленни прекрасно знал русский язык со всей его идиоматикой, так как в молодости в 1950-е годы окончил двухгодичную школу русского языка для агентов секретной службы Соединенного

Королевства. (Наверное, около половины всех британских советологов были выпускниками этой школы.) Чтобы мои читатели поняли, почему переводчик Солженицына сразу согласился стать переводчиком В. Я. Лакшина, я приведу здесь отрывок из письма Гленни от 26 февраля 1973 года. Он писал по-русски очень хорошо, но не без грамматических ошибок:

«...Издательство заключило меня в отеле в центре Лондона, где я работал непрерывно по двадцати часов в сутки. К концу этого адского (от напряженности) труда я стал действительно больным, да и не только физически... моя память (для лингвиста самое нужное оружие) очень, и кажется невозвратно, ослабела. Издательство так спешило, чтобы книга выйдет к назначенному сроку... меня лишили возможности вносить поправки в рукопись и в гранки... Я написал два письма Солженицыну с просьбой о разъяснении нескольких исключительно трудных мест в тексте... Я отправил эти письма уполномоченному А. С. в Цюрихе д-ру Хеебу, но никакого ответа не получал... Все переводчики делают ошибки, особенно при длинном и стилистически весьма сложном подлиннике... особенно когда издательство гонит переводчика, обойтись без таких ошибок просто нельзя... Издательство снизило мой гонорар на 40 % – то есть на эквивалент стоимости типографских поправок. Все это являлось огорчительным добавлением к гораздо более тяжелому грузу...»

Гленни посоветовал мне предложить книгу Лакшина издательству Кембриджского университета. Он сам соглашался стать ее переводчиком. Ответ из Кембриджа на мое предложение пришел исключительно быстро. Заместитель главного редактора издательства Майкл Блэк (Michael Black) в письме от 1 апреля сообщал:

«Я очень заинтересован Вашим предложением и хотел бы обсудить его в Кембридже. Не могли бы мы встретиться 8 апреля? Я был бы рад пригласить Вас на ланч.

Мое первое впечатление состоит в том, что обсуждение работ Солженицына в период, когда он сотрудничал с "Новым миром", с дополнительными материалами о Твардовском было бы очень интересным. Но для книжного формата необходимо дополнить полученный материал до 50 000 слов».

Я, конечно, приехал в Кембридж 8 апреля. При обсуждении во время ланча все проблемы были согласованы. Издательство заказывало двум литературоведам университета дополнительные статьи, одну – о Твардовском, вторую – о журнале «Новый мир». Такие статьи могли лишь обогатить очерк Лакшина. Книгу предполагалось довести до двухсот страниц и выпустить в твердом переплете с суперобложкой. Портрет Солженицына на суперобложке создавал для академического издания необходимую рекламу.

После дополнительной переписки и двух встреч в Лондоне Блэк пригласил меня и Майкла Гленни в Кембридж на 14 июля. Через два дня я получил общее письмо от издателя для меня и Гленни. Он предлагал контракт на издание книги тиражом 2500 экземпляров, скромный гонорар авторам (6 % от продаж) и относительно щедрую оплату перевода. Гленни сразу согласился, я тоже. В январе 1977 года я получил из Кембриджа верстку всей

книги на английском, 183 страницы плюс несколько страниц иллюстраций. Все было готово к изданию. Гленни, знавший британского издателя «Теленка», сумел получить верстку английского перевода, законченного в октябре (она уже рассылалась для подготовки рецензий на день выхода), и дал все цитаты из книги Солженицына уже по английскому изданию с указанием соответствующих страниц. Это была большая работа, в очерке Лакшина имелось около восьмидесяти цитат. Английский перевод «Теленка» («The Oak and the Calf»), объявленный к выходу на февраль 1977 года крупным лондонским издательством «Collins and Harvill Press», ожидался со дня на день. Одновременно с ним издательство «Harper & Row» выпускало книгу в Нью-Йорке. Весь первый тираж печатался типографией в США, но для британского издания готовилась своя суперобложка с указанием цены в фунтах (£8.95). Вслед за ним «Cambridge University Press» готовило выход и небольшой книжки Лакшина. Неожиданно для всех в конце января 1977 года мне сообщили из Кембриджа по телефону, что весь тираж книги Солженицына, предназначенный для США, Великобритании, Канады и других англоязычных стран, временно задержан из-за угрозы иска в суд о клевете, предъявленного британскому издателю Солженицына Ольгой Андреевой-Карлайл (Olga Andreyeva-Carlile) и ее мужем Генри Карлайлом (Henry Carlile).

Я был очень удивлен и озадачен таким развитием событий, так как в русском издании книги не содержалось никаких упоминаний об Ольге и Генри Карлайлах. Однако М. Гленни, читавший последнюю верстку книги на английском для сверки цитат, рассказал мне, что Солженицын вставил в раздел «Нобелиана» сноску, в которой обвинял супругов, называя их имена, во множестве грехов: в корысти, обмане, злоупотреблении его доверием и в присвоении почти половины гонорара от мировых продаж романа «В круге первом» на фиктивные расходы. В США, где ответственность за клевету несет автор, а не издатель, подать в суд на автора можно лишь после публикации и распространения книги. В Великобритании все претензии предъявляются издателю. В данном случае британский издатель не мог решиться на распространение тиража, так как продажа книги все равно была бы остановлена до решения суда по иску. Супруги Карлайлы уже имели хорошего адвоката с опытом подобных конфликтов. Его обращение в суд не удалось бы удержать в тайне от прессы. Но это означало бы скандал, и его следовало избежать любой ценой. Даже намек на то, что Солженицын мог кого-то оклеветать, был для его издателей абсолютно неприемлем. История с угрозой судебного иска Солженицыну не выходила поэтому на страницы прессы. Но не появлялась в продаже и сама книга. Нужен был компромисс. В Британии рассмотрение иска по такому делу было бы публичным, могло продолжаться больше года и с высокой долей вероятности решение оказалось бы в пользу Карлайлов.

Конец «секретного круга» Солженицына в США

Заключительную главу («Четвертое Дополнение») книги «Бодался теленок с дубом» Солженицын писал в июне 1974 года уже в Цюрихе. В ней автор раскрыл задуманный ранее стратегический план, осуществление которого могло бы, как он надеялся, предотвратить его высылку из страны даже после публикации «Архипелага»:

«Еще раньше, вслед за русским тотчас, должно было появиться американское издание, мною все было сделано для того, но два-три сухих корыстных человека западного воспитания все обратили в труху, всю Троицыну

отправку 1968 года; американское издание опоздает на полгода, не поддержит меня на перетяге через пропасти – и только поэтому, думаю, наступила развязка. А могло быть, могло бы быть – чуть ли бы не отступление наших вождей, если бы на Новый, 1974 год вся Америка читала бы реально книгу...» (Париж: YMCA-Press, 1975. С. 422–423).

Прочитав в начале 1975 года этот абзац, я не сразу понял, о ком идет речь, кто эти «два-три сухих корыстных человека». Но я уже знал, что «Троицына отправка 1968 года» представляла собой вывоз из Москвы в Париж микрофильмов рукописи всех трех томов «Архипелага ГУЛАГа», организованный Ольгой Андреевой-Карлайл и ее братом Александром Андреевым, внучкой и внуком знаменитого русского писателя Леонида Андреева, бывших тогда доверенными людьми Солженицына.

Микрофильмы, согласно более позднему свидетельству Решетовской, были сняты в начале июня 1968 года на дачке в Рождестве-на-Истье с последней перепечатки в 1500 страниц, сделанной там же в мае 1968 года. Все пленки были помещены в «капсулу» и в таком виде переданы Александру Андрееву. Александр Андреев в то время работал в ЮНЕСКО в Париже руководителем отдела синхронных переводов. Он спрятал микрофильмы в аппаратуре; техническое оборудование агентств ООН не проходит таможенного досмотра, и сотрудников ЮНЕСКО не обыскивают. Копии фоторепродукций с микрофильма были переданы в «YMCA-Press». Согласно инструкции Солженицына, сразу же в 1968 году, был начат державшийся в секрете перевод «Архипелага» на английский, продолжавшийся почти пять лет. Шли секретные переводы томов и на другие европейские языки.

Когда Солженицын в сентябре 1973 года дал через «YMCA-Press» команду немедленно печатать «Архипелаг» на русском и на иностранных языках, он ожидал, что книги начнут появляться одновременно. Он планировал «залп», от которого «не выстоит их держава». Мне рассказывали, что первым, после русского, появилось в январе 1974 года шведское издание. В Швеции, наверное, легче было удержать такой план в секрете и подготовить рукопись для типографии. Русское издание, причем лишь первый том, публиковали в спешке, в сыром виде, без именного и предметного указателей и необходимого словаря с расшифровкой уже часто забытых сокращений и лагерных терминов. (В 1974 году многие читатели не догадывались, что СЛОН означало Соловецкий лагерь особого назначения, не знали, что такое СМЕРШ, ОСО, БУР, ШИЗО и многие другие аббревиатуры.) Американское издание даже первого тома нельзя было печатать с рукописи перевода. Для американских читателей это было не «художественное исследование», а сложное историческое исследование по малознакомому им предмету. Издатель был обязан отрецензировать перевод, провести необходимое редактирование, заказать объяснение терминов и подготовить краткие биографические справки главных действующих лиц, а также, уже по верстке, составить указатель имен и событий. Для продажи книги в Великобритании требовалась и юридическая экспертиза во избежание возможных судебных исков. На все это нужно время. Объем книги увеличивался более чем на сорок страниц различных справочных материалов. Рецензии в прессе заказывали обычно за месяц до выхода книги в продажу. Важна и предварительная реклама. Без нее книга просто не могла пойти в книготорговую сеть. Да и никто не продавал бы в США такие книги в рождественские каникулы «на Новый, 1974 год». По договору Солженицын требовал, чтобы дешевое издание в бумажной обложке поступило

в продажу раньше дорогого в переплете с суперобложкой. Но дешевые издания делают, копируя дорогие. Все это и заняло полгода интенсивной работы десяти редакторов и дополнительного переводчика-англичанина. Им стал Майкл Скаммел, будущий биограф писателя. Добровольный перевод исключительно трудного текста, сделанный Томасом Уитни, действительно требовал проверки и редактирования. «Два-три сухих корыстных человека» – это были Томас Уитни, в прошлом дипломат, девять лет проработавший в СССР, переводчик романа Солженицына «В круге первом», переводивший все три тома «Архипелага» без договора и без финансового вознаграждения, считая за честь быть переводчиком Солженицына, и Ольга Андреева-Карлайл с мужем Генри, писателем и переводчиком, которым Солженицын еще в 1967 году по собственной инициативе во время визита Ольги в Москву доверил вести все свои дела в США и которые полностью были этим заняты почти шесть лет. Именно они и отец Ольги Вадим Леонидович обеспечили вывоз из СССР микрофильма романа «В круге первом» и его перевод и издание в США. Эта самоотверженная работа основывалась лишь на устных конфиденциальных договоренностях во время поездок Вадима, Ольги и Александра Андреевых в Москву. Солженицын встречался с ними на разных квартирах, а иногда вечерами на улицах как с близкими и верными друзьями. Устная договоренность признавалась в США достаточным обеспечением для ведения таких дел.

Все участники этой работы были в шоке, но надеялись, что столь туманная фраза, без раскрытия имен, не будет замечена. Это оказалось иллюзией. В рецензии на русское издание «Теленка», появившейся вскоре в *The New York Reviews of Books* и написанной осведомленной обо всем Патрицией Блейк, имена «корыстных людей западного воспитания» были раскрыты. В их числе оказался и близкий друг Томаса Уитни Гарисон Солсбери, известный писатель и один из редакторов *The New York Times*, посвященный во все дела. Солсбери следил за тем, чтобы не происходило утечек информации. Удержать в США весь этот проект в секрете дольше пяти лет было непросто.

Уитни и Солсбери жили в небольшом городке в штате Коннектикут, супруги Карлайлы – в пригороде Сан-Франциско. Солженицын в сноске, добавленной в английское издание, критиковал перевод, сделанный Уитни, называя его подстрочником, но имя переводчика в сноске не назвал. Солженицын явно не знал, что советская практика переводов, при которой лингвист, знающий тот или иной иностранный язык, готовит сначала подстрочник, то есть дословный перевод, который затем превращает в художественную прозу профессиональный писатель или поэт, в других странах не применяется. В Англии и США всю работу по переводу с русского делает один человек. Английский язык грамматически не столь сложен, как русский. Перевод с русского – это обычно упрощение. Полностью адекватный перевод солженицынского очень сложного слога и новых словообразований на английский невозможен.

Забегая вперед, чтобы не возвращаться в дальнейшем к этой теме, могу сказать, что рассмотрение возникшего конфликта продолжалось несколько лет. Некоторые поправки в ту самую сноску были сделаны лишь в 1979 году. Но они не удовлетворили Карлайлов. На таких делах зарабатывают обычно только адвокаты конфликтующих сторон. Обе книги, Солженицына и Лакшина, вышли в США лишь осенью 1980 года. Немедленно вслед за публикацией «Теленка» Ольга и Генри Карлайлы подали в районный суд Сан-Франциско иск о клевете на сумму два миллиона долларов. Окончательное решение по иску принимал 24 июля 1981 года судья Сан-Франциско Уильям Шварцер (William Schwartzer). Иск был

отвергнут. Небольшая заметка об этом в газете *International Herald Tribune* за 27 июля 1981 года случайно попала мне на глаза, и я нашел ее теперь в папке с договорами на книгу Лакшина. Всего несколько строчек в справочной колонке в русском переводе звучат так:

«Судья Уильям Шварцер постановил в пятницу, что Солженицын в своей последней работе “Дуб и Теленок” не оклеветал художницу и писательницу Ольгу Андрееву-Карлайл и ее мужа Генри, редактора и писателя. В книге Солженицын критикует Карлайлов за их совместную работу по публикации его прежних произведений “В круге первом” и “Архипелаг ГУЛАГ”. Шварцер постановил, что написанное Солженицыным является его мнением и как таковое не может рассматриваться как клевета».

Английский Кембридж меняем на американский

В начале 1977 года первым вышло французское издание книги с очерком Лакшина, а вскоре и русский оригинал во втором выпуске альманаха «Двадцатый век». Английские издания Солженицына и Лакшина оставались замороженными. Зная суровость британских законов о клевете в прессе, я понимал, что «Теленок» без существенной переработки не мог появиться в Лондоне не только из-за иска Карлайлов. Нужно было удалять из книги оскорбительные характеристики некоторых вполне достойных советских писателей и бывших членов редколлегии «Нового мира».

Из книги, по британским законам, следовало удалить и фразу «именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова». В английском тексте она сохранилась. Эта фраза могла считаться оскорблением и по отношению к Нобелевскому комитету и шведскому королю, вручавшему премию Шолохову в декабре 1966 года. М. А. Шолохов был в 1979 году жив и здоров и очень почитался в Европе и в США. «Тихий Дон» считался выдающимся романом XX века.

Возникла перспектива, что «Теленок» будет издан на английском только в США, но не в Англии. Как я уже писал, в США проблемы, связанные с клеветой, решаются иском к автору, а не к издателю. Подождав еще год, издательство Кембриджского университета решило все же печатать книгу Лакшина независимо от судьбы «Теленка». В конце концов, это была академическая книга с небольшим тиражом. В ноябре 1978 года я получил издательский каталог для заказов книг, выходящих с января по июль 1979 года. Аннотация к книге Лакшина «Solzhenitsyn, Tvardovsky and Novy Mir» занимала целую страницу каталога с фотографией, запечатлевшей Солженицына, Лакшина и вдову Твардовского на похоронах писателя. Цена была высокой, характерной для академических изданий.

Дальнейшие события оказались неожиданными. 14 февраля 1979 года я получил письмо от того же М. Блэка из издательства, с которым уже был почти в дружбе. Даю отрывки в переводе:

«Весьма непредвиденные проблемы возникли в связи с книгой Лакшина о Солженицыне... Как вы знаете, все было сделано, предисловие и дополнительные статьи написаны, и вся книга пошла в типографию... Однако при чтении верстки два-три наших сотрудника высказали сомнения, прежде всего они состояли в том, что тон автора гневный и резкий и что он говорит о плохом характере

Солженицына и разных хитрых его действиях. Английские законы о клевете могут дать Солженицыну основание обратиться на нас в суд и выиграть дело... Мы посоветовались с авторитетным адвокатом по таким конфликтам, который знает Солженицына лично и знаком с его отношением к подобным делам. Он подтверждает, что если Солженицын заявит о клевете и о попытке разрушить его репутацию, то суд решит в его пользу и нам придется платить большой штраф».

К письму было приложено заключение адвокатской конторы, датированное 4 декабря 1978 года. Адвокаты получили верстку книги 1 ноября. Очевидно, что какой-то протест поступил в издательство извне. Издатель теперь расторгал контракт. («Мы не можем идти на риск», – писал Блэк.) Это было крупным разочарованием прежде всего для М. Гленни, который проделал столь большую работу по переводу книги. Получив копии переписки, он сразу предложил не сдаваться и искать издателя в США. В наших руках имелась полная верстка книги.

Подробное описание всех наших шагов в США было бы слишком утомительным для читателя. Издатели, с которыми я раньше был знаком (Колумбийского университета, «Нортон» и другие), не решились на заключение договора. Гленни тоже потратил на поиски издательства почти год. В конце концов, не без проблем, контракт был подписан с небольшим университетским издательством Массачусетского технологического института «The MIT Press» в американском Кембридже, университетском городе возле Бостона. Старшим редактором, который проявил смелость, был Рене Оливьери (René Olivieri). Книга Лакшина вышла в США осенью 1980 года, когда я находился там с лекционной поездкой. Оливьери пригласил меня по этому случаю в итальянский ресторан в Кембридже. (Моя дружба с Оливьери, который сейчас в отставке и живет на своей ферме в Англии, продолжается до сих пор.)

Уральская ядерная катастрофа – сообщение из Иерусалима

7 декабря 1976 года мне позвонил Эндрю Уилсон, заместитель главного редактора *The Observer*, с которым мы уже стали друзьями, и сообщил, что в лондонской газете *The Evening Standard* на первой странице опубликовано как сенсация сообщение об Уральской ядерной катастрофе. Заголовок этого сообщения – «Города, которые погибли на сотни лет» – был явным преувеличением. Речь могла идти о деревнях. Но в Англии нет деревень, любой поселок – это уже небольшой городок. На следующее утро я купил все, какие мог, газеты. Сообщения об Уральской катастрофе почти везде были напечатаны на первых страницах. В *The Daily Telegraph*, самой массовой из серьезных газет, сообщение публиковалось под заголовком «Эмигрант видел советское атомное опустошение». К нему прилагалась карта Урала, на которой стрелка указывала возможное место катастрофы.

Все эти сенсационные репортажи шли из Иерусалима, где накануне в газете *The Jerusalem Post* в разделе писем в редакцию было напечатано письмо профессора Льва Тумермана, недавно эмигрировавшего из СССР, который в 1960 году проезжал на автомобиле по шоссе между Свердловском и Челябинском. Статьи в лондонских газетах и в прессе других стран были частично основаны уже на телефонных интервью с Л. Тумерманом, 7 декабря его осаждала вся мировая пресса, радио и телевидение.

Льва Абрамовича Тумермана я хорошо знал, он заведовал лабораторией биофизики в Институте молекулярной биологии АН СССР. Его жену Лидию Шатуновскую знал Рой Супруги были арестованы в 1948 году и приговорены к 25 годам заключения. Их освободили в 1954 году. С Львом Абрамовичем я познакомился в 1965 году, он иногда приезжал в Обнинск на семинары Тимофеева-Ресовского. Я сразу понял, что в 1960 году Тумерман ехал через загрязненную радиоизотопами зону по дороге в Ильменский заповедник, где на берегу озера Миассово Тимофеев-Ресовский проводил свои знаменитые летние школы по генетике. Другого повода ехать в этот район у Тумермана не могло быть. Тумерман и Шатуновская эмигрировали в Израиль в 1972 году. Свое письмо в газету Лев Абрамович написал с целью опровергнуть заявления о том, что ядерная катастрофа на Урале была связана с аварией на реакторе. Именно в то время в Израиле обсуждался проект строительства атомной электростанции. Вырезку из *The Jerusalem Post* я получил от самого Льва Абрамовича вскоре после того, как поговорил с ним по телефону. Он подтвердил, что ехал именно в летнюю школу по генетике. Даю текст его письма в переводе:

«Советская ядерная катастрофа»

Редактору газеты The Jerusalem Post

Сэр,

для того чтобы опровергнуть сообщения прессы (7 и 11 ноября) о том, что серьезная авария в СССР была связана с неполадками атомного реактора, я хочу добавить свидетельства очевидца.

В 1960 году я имел возможность проехать на автомобиле из города Свердловска на Северном Урале в город Челябинск на Южном Урале... Примерно в 100 км от Свердловска дорожные сигналы предупреждали водителей машин не делать остановок на протяжении следующих 30 километров, закрыть окна и двигаться на максимальной скорости.

По обе стороны дороги, насколько мы могли видеть, пространство было "мертвым", не было ни деревень, ни поселений, остались только печи от сгоревших домов. Не было видно ни посевов, ни полей, ни скота, ни людей...

Эта зона считалась "горячей" от радиоактивных загрязнений. Огромная территория, сотни квадратных километров, была пустой и, возможно, непригодной для культивации на многие годы, на десятки, а может быть, и на сотни лет.

Мне впоследствии рассказали, что между Свердловском и Челябинском находится место знаменитой "кыштымской катастрофы", в результате которой сотни людей погибли либо пострадали от радиации...

Я не могу с определенностью сказать, была ли эта авария результатом неправильного хранения ядерных отходов, как утверждал Жорес Медведев, либо аварией реактора, как сообщили американские источники в ЦРУ. Однако все те, с кем я говорил в этой поездке, ученые и местные жители, не имели никаких сомнений в том, что причиной аварии было неправильное и халатное отношение именно к хранению ядерных отходов.

Проф. Л. Тумерман

Председатель британского Управления атомной энергии сэр Джон Хилл, однако, и на этот раз высказал недоверие, утверждая, что ядерные отходы не могут взрываться. В интервью газете *The Times*, опубликованном 23 декабря, он заявил:

«Я не верю, что хранение ядерных отходов в России или где-либо еще может повести к аварии, даже отдаленно напоминающей ту, которая описана в журнале “Нью Сайентист”... Возможно, что в этом районе произошла какая-то авария. Но в настоящее время, когда люди обеспокоены проблемами хранения ядерных отходов, я считаю необходимым заявить, что захоронение радиоактивных отходов не может вести к катастрофе того типа, который был описан в прессе...»

Аналогичные заявления были сделаны в США и во Франции, где именно в это время разворачивались крупные программы по строительству атомных электростанций. Подтверждение Львом Тумерманом именно той картины, которая была представлена в моих лекциях в США и в статье, было очень важным. Но я также понимал, что обсуждение проблемы Уральской катастрофы и всего комплекса вопросов хранения ядерных отходов только начинается. Чтобы опровергнуть утверждения Дж. Хилла, следовало представить более убедительные доказательства. Это, как мне казалось, можно сделать довольно просто, поработав в библиотеке нашего института и заказав по межбиблиотечному обмену статьи советских радиобиологов и радиоэкологов, которые, как я знал, работали в обширной зоне радиоактивных загрязнений. В реферативных журналах *Chemical Abstracts* и *Biological Abstracts* я прежде всего посмотрел, какие публикации в научной литературе в течение последних пятнадцати лет принадлежали моему другу по Тимирязевской академии Е. А. Федорову, которого профессор В. М. Клечковский, мой шеф на кафедре агрохимии и биохимии, уговорил уехать на Урал для постоянной работы на опытной станции, разрабатывавшей методы реабилитации сельскохозяйственных территорий, загрязненных радионуклидами. Первой работой, которую я получил в виде ксерокопии, оказалась статья А. И. Ильенко и Е. А. Федорова «Накопление радиоактивного цезия в популяциях наземных позвоночных» (Зоологический журнал. 1970. Т. 49. № 9. С. 1370–1376). Исследование проводилось с большим размахом. Радиоактивный цезий определялся в популяциях 22 видов млекопитающих в течение двух лет, причем не только мелких, но и крупных. В этом и состояла уникальность результатов. Никто в мире таких исследований не проводил и не мог проводить. Ни у кого не было возможности изучать накопление радиоактивного цезия в популяции косуль (*Capreolus capreolus*), особи которой мигрируют зимой на десятки километров, и в популяциях сибирского колонка и особенно горносталя, очень редкого пушного зверя. Отстрел пяти-шести животных без нарушения популяционного равновесия предполагал работу на очень большой лесной таежной территории с озерами, где обитали десятки особей данных видов. Весь набор из стольких очень редких видов встречался только в лесах Южного Урала и Западной Сибири. Это легко было выяснить по книге «Фауна СССР». Статья Ильенко и Федорова поступила в журнал для публикации в 1969 году. Исследования начались в 1967-м. В статье говорилось, что местность была случайно загрязнена продуктами деления урана десять лет назад.

Теперь я узнал, что кроме моего друга Жени Федорова в зоне Уральской катастрофы работал А. И. Ильенко. Местом работы авторов был указан Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцева АН СССР. Этот институт, где работал Ильенко, был открытым, что облегчало публикацию, да и журнал выпускала Академия наук. А. И. Ильенко опубликовал результаты многих исследований в этой же зоне, часто с соавторами – И. А. Рябцевым, С. И. Исаевым и другими. Таким образом я вышел и на Р. М. Алексахина. Он с соавторами исследовал действие радиоактивных загрязнений, стронция-90 и цезия-137, на лесные биоценозы, определяя сравнительную устойчивость деревьев разных пород к радиоактивному загрязнению их крон и почвы. Загрязнение крон, особенно их верхних ярусов, могло происходить лишь сверху в результате выпадения аэрозоля, образованного горячими частицами. Когда в 1967 году (через 10 лет после взрыва) эти наблюдения начались, хвойные породы уже вымерли от радиации на большой территории. Они замещались березой и кустарниками (лиственные породы более устойчивы к загрязнениям, так как избавляются от радиоактивности при листопаде). В некоторых местах радиоактивность почвы доходила до 4 милликюри на квадратный метр. На квадратный километр это составляло 4000 кюри. Сколько квадратных километров оказалось загрязненными, я не знал. Но если учесть исследование популяций рыб нескольких крупных озер и водоплавающих перелетных птиц, то, по моим предварительным подсчетам, «радиоактивный заповедник», в котором несколько лет работали радиоэкологи, занимал не менее тысячи квадратных километров. Вскоре я увеличил эту площадь в несколько раз.

Юрий Осипович Домбровский

К середине 1976 года я сумел отправить в Москву около двухсот экземпляров первого выпуска альманаха «Двадцатый век», редакторами которого были Рой Медведев и Раиса Лерт. В Советском Союзе к этому времени распространялись в самиздатном варианте уже пять выпусков. Альманах, таким образом, оказался единственным независимым журналом на русском языке, редакторы которого жили в Москве и были советскими гражданами. В Москве, Ленинграде, Киеве и в других городах создавалось много ценных литературных, исторических или публицистических произведений, которые не могли публиковаться в СССР из-за жесткой политической цензуры. Часть из них тем или иным путем попадала в русскую прессу за рубежом, в журналы «Континент», «Время и мы», «Новый журнал», альманах «Память» и другие. Но для публикации своих произведений в этих изданиях, иногда плативших скромные гонорары, авторам из СССР приходилось отправлять свои рукописи за границу с оказией или через иностранных корреспондентов. Это было нелегко и даже опасно. Для публикации очерков или отрывков из литературных произведений в альманахе «Двадцатый век», с печатной русской версией в Лондоне и возможностью перевода на французский, английский, немецкий и другие языки, то или иное произведение можно было передать в Москве Рою Медведеву, Раисе Лерт или кому-то из их друзей. Я уже объяснил Рою, что в Великобритании и в США мне для переговоров с издателями не требуются письменные доверенности авторов. Законную силу в западных странах имели и устные договоренности, основанные на взаимном доверии. Однако для каких-либо финансовых операций для автора необходима была доверенность, хотя бы в форме письма, но с образцом его подписи.

В начале июля 1976 года я получил на институтский адрес довольно толстый пакет от Роя, отправленный с оказией из Стокгольма. В пакете оказалось его письмо от 30 июня и множество пленок микрофильма, около трехсот кадров. Кусочки пленок по пять кадров были сложены в стопку для плоской укладки в плотный конверт. Рой писал:

«С этой оказией я отправляю тебе лучшие главы из романа Юрия Домбровского “Факультет ненужных вещей”. Это продолжение автобиографического романа “Хранитель древностей”, который был напечатан в “Новом мире” в середине 60-х и потом переведен на 7–8 языков. Над новым романом автор работал 11 лет. Роман очень хороший, и по-настоящему литературный, превосходный язык. Но он очень велик. В нем есть боковые сюжетные линии, например дело одного священника, пишущего об Иисусе Христе – на манер Булгакова, а также длинные воспоминания о довоенной жизни, разные любовные истории. Автор передал мне рукопись романа, прося опубликовать его через год (ему – автору – 68 лет, он 22 года провел в заключении и в ссылках и перенес недавно сильный сердечный приступ). Сейчас он заканчивает сценарий и рассчитывает на большой гонорар. Автор дал мне право использовать рукопись по моему усмотрению. Но опять-таки все это устно, хотя и в присутствии жены, что не слишком твердая гарантия. Но за год столь

большой роман невозможно подготовить к печати. Опубликовать его здесь при нынешней конъюнктуре невозможно. Но отдельные главы из романа можно и хорошо было бы опубликовать в нашем альманахе, как это делает “Континент” с главами из романа Гроссмана. Я переснял страниц 300 – это единая сюжетная линия. По другому каналу пошлю скоро еще столько же. Можно включить в наш альманах в несколько номеров. Это очень хорошая проза, и она послужит на пользу альманаху и станет предварительной рекламой роману...»

Я сам с Юрием Домбровским не был знаком и не читал его прежних произведений. Однако через межбиблиотечный абонемент, в котором участвовала библиотека нашего института, я быстро выяснил, что роман Домбровского «Хранитель древностей» действительно публиковался на английском в 1969 году («The Keeper of Antiquities»).

Перевод романа сделал Майкл Гленни, мой новый друг, который как раз в это время занимался переводом очерка Владимира Лакшина (см. [главу 34](#)). Гленни, переведивший на английский произведения Гоголя, Достоевского, Горького и Булгакова, имел в Великобритании репутацию лучшего переводчика с русского. Нашлось в какой-то из британских библиотек и французское издание романа в переводе Жана Катала, с которым я также был в дружбе. Через межбиблиотечный сервис я получил и ксерокопии титульных листов русских изданий двух других книг Юрия Домбровского: «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959) и «Смуглая леди, или Три новеллы о Шекспире» (1969). Обе выпущены в Москве издательством «Советский писатель», но на иностранные языки не переводились.

Спешки с русским изданием некоторых глав не было, автор просил сделать это через год. Но подготовку переводов можно было начинать сразу. Я заказал в частной фотомастерской три крупноформатных копии микрофильма и написал письма Майклу Гленни в Бирмингем и Жану и Люсе Катала в Париж, запрашивая их о возможности переводов.

Ответ от Люси пришел очень быстро, в конце июля:

«Дорогой Жорес!

Получила Ваше письмо от 23. Во-первых, оно нас очень обрадовало сообщением о Домбровском. Ведь “Хранителя древностей” переводил Жан, и это только после его перевода, с большим предисловием, остальные западные издатели стали переводить Домбровского. Мы его хорошо знали в Москве. Он нам показывал куски из 2-й части, но не давал – боялся. Так что новая книга, продолжение “Хранителя”, пойдет обязательно в наше издательство... Мы уезжаем в Перигор отдыхать и пробудем там до середины сентября... Репродукцию текста Домбровского посылайте мне в Париж после 10 сентября...»

Ответ от Гленни, датированный 1 сентября, пришел из США, куда он был приглашен на два года в Университет Южного Иллинойса на должность профессора русской литературы:

«Весть о новом романе Домбровского меня очень обрадовала. В 1969–1970 гг., когда я жил в Москве, мы с ним познакомились. Тогда Юрий Осипович читал мне несколько глав из “Факультета ненужных вещей”. Работа над переводом

“Хранителя” доставила мне большое удовольствие, имею очень высокое мнение о его прозе, поэтому проект перевода “Факультета” меня действительно заинтересует...»

Я отправил Люсе и Майклу фотокопии глав романа и сообщил Роя о готовности прежних переводчиков Домбровского, которых он хорошо знал и сам, заняться его новым романом. Был очень обрадован этому и сам писатель. В октябре мне предстояла месячная поездка в США, и я предполагал обсудить там эту тему с Гленни и издателями. К этому времени были получены от Роя фотокопии еще нескольких глав. Я собрал сведения и о самом писателе. В Советском Союзе он не был ни знаменитым, ни диссидентским и не подписывал каких-либо коллективных протестов. Домбровский родился в Москве в 1909 г. В 1932-м окончил Высшие литературные курсы. В 1933-м Юрий Осипович был арестован и сослан в Алма-Ату, где работал учителем. В ссылке он написал свой первый роман «Державин», который там же и был опубликован, незадолго до следующего ареста в 1939 году. На этот раз Домбровского приговорили к десятилетнему сроку, он отбывал его в колымских лагерях. Редко кто возвращался оттуда живым. В 1943-м, в связи с инвалидностью, Домбровского перевели на положение ссыльного, но снова арестовали в 1949-м, опять в Алма-Ате, по обвинению в космополитизме, и осудили на десять лет, которые он отбывал в одном из сибирских лагерей. Домбровского освободили в 1955-м и реабилитировали в 1956-м.

После этого он с женой Кларой Турумовой смог вернуться в Москву. Роман «Хранитель древностей», отчасти автобиографический, публиковался в «Новом мире» в 1964 году, но не стал сенсацией и замалчивался литературной критикой. Он не выходил отдельной книгой. Тема репрессий уже не поощрялась властями. А в романе описывались репрессии сталинского периода, но все события происходили в 1934–1936 годах в Казахстане. Многие сюжетные линии предполагали продолжение, что было очевидно и Александру Твардовскому, который заключил с автором новый договор на вторую часть и обеспечил его авансом. В 1969 году «Новый мир» анонсировал «Факультет» в плане выпуска. Но продолжение романа, действие которого затрагивало теперь 1937 и 1938 годы, заняло слишком много лет и оказалось острее и оригинальнее.

Во время поездки в США в октябре – ноябре я рассказал о романе Домбровского Ашбелю Грину (Ashbel Green), старшему редактору отдела переводов и вице-президенту издательства «Альфред Кнопф» в Нью-Йорке, который обеспечивал в 1971–1974 годах издание книг Роя и моих. Я также сообщил ему, что Майкл Гленни готов переводить новую книгу. Грин быстро навел справки и объяснил, что «Хранитель древностей», издававшийся на английском в 1969 году, действительно пользовался в США успехом, но умеренным. Читающая публика и издательства Домбровского уже подзабыли. Поэтому сейчас нельзя ссылаться на славу автора. Возбудить интерес у читателей могли лишь художественные и идейные достоинства самого романа. Грин был готов к заключению устного контракта с автором через Роя и его альманах, но только после получения дополнительных материалов. Он тут же написал, что ему нужно для принятия решения:

- а) конспект всего романа с точным указанием объема рукописи;
- б) пробный перевод одной главы и
- в) объективный отзыв о книге, о ее достоинствах и недостатках, с упоминанием о возможности сократить текст без нарушения авторского замысла.

С этими предложениями А. Грин вскоре обратился от имени издательства к М. Гленни. Гленни попросил меня прислать ему полную фотокопию романа и сообщил, что сможет начать перевод весной 1977 года.

В это время в Москве в Институте истории АН СССР работал, находясь в годичной командировке, профессор Принстонского университета Стивен Ф. Коэн, автор книги о Николае Бухарине, изданной в 1974 году в США. Я с ним уже был хорошо знаком. Он часто встречался с Роем и обеспечивал нас дипломатической перепиской через атташе по культуре американского посольства. Я послал Стиву из США письмо для Роя, сообщив о переговорах в издательстве. С романом Домбровского предстояла большая работа, не столько для меня, сколько для Гленни, и он хотел бы получить в качестве гарантии письмо от самого Домбровского, с которым был хорошо знаком. В письме-аэрограмме^[11] от 12 декабря, пришедшем в Лондон из Вены, Рой написал:

«...Домбровский разрешил публиковать в альманахе отрывки. Он, собственно, и всю книгу хочет опубликовать за границей. Но, во-первых, он не хочет сокращать. Во-вторых, он не дает доверенность. Бывшие лагерники всегда боятся составлять письменные документы. У них бывают приступы лагерного страха, когда думают только о себе, это я наблюдал у многих, в иное время достойных людей... Но он клянется, что не будет протестовать по поводу издания».

Копию этого письма я послал Гленни. Вскоре он заключил контракт на перевод с издательством «Альфред Кнопф». Я планировал публиковать отрывки из романа Домбровского в третьем выпуске альманаха «Двадцатый век» в конце 1977 года.

23 марта 1977 года мне позвонил из Нью-Йорка А. Грин и сообщил о телеграмме из Парижа от директора «УМСА-Press» Ивана Морозова. Морозов требовал от американского издательства расторгнуть все контракты по книге Домбровского, так как автор предоставил именно «УМСА-Press» исключительные права на издание «Факультета», полную рукопись которого им привезла из Италии надежная посредница, имя ее он не сообщал. Я объяснил Грину, что у «УМСА-Press» не может быть никакой письменной доверенности от автора. Вскоре я получил копию письма Грина Морозову. Даю отрывок в переводе:

«Отвечая на Вашу телеграмму от 22 марта 1977, я хочу сообщить, что Кнопф и Жорес Медведев обсуждали во время визита Медведева в Нью-Йорк возможность перевода романа Юрия Домбровского. Мы убедились, что Рой Медведев, брат Жореса, находился в прямом контакте с Юрием Домбровским и что автор действительно просил его осуществить публикацию романа.

Ваша телеграмма сообщает, что Медведев не может быть представителем Домбровского. Но имеете ли Вы полномочия от автора на публикацию этой книги на Западе? Если Вы пришлете мне копию такого документа, мы будем рады прекратить наше участие в этом деле».

В конце марта 1977 года мне предстояла поездка в Германию, в Гессен, на симпозиум по проблемам старения. Сначала я поехал в Париж, чтобы зайти в «УМСА-Press»

и убедиться в наличии у них доверенности Домбровского. Такой доверенности не оказалось, но устное согласие автора на публикацию, очевидно, было дано. Конкурировать и спорить с «УМСА-Press» я не хотел. Как я понял позднее из телефонных разговоров с Гленни, весь этот конфликт возник, возможно, в связи с тем, что он, начав перевод романа на английский, решил вступить в личный тайный контакт с автором, которого считал своим другом, чтобы согласовать некоторые сокращения. Это было, по его мнению, важно для успеха романа в США. Многие детали событий и жизни в Алма-Ате в 1937–1938 годах были для американских читателей просто непонятны. Домбровский не хотел никаких сокращений и побоялся вести с Гленни какую-либо переписку. Гленни мог бы, конечно, сделать сокращения без согласования с автором. Он явно не вполне понимал реальностей жизни в СССР, хотя, как я писал раньше ([глава 34](#)), изучал русский язык в конце войны в особой школе британской военной разведки. Ему не следовало контактировать непосредственно с автором, независимо от меня или Роя.

До отъезда в Париж я отправил аэрограмму для Роя Стиву Коэну в Москву через американское посольство в Вене, описав Рою ситуацию и попросив совета. Тоже аэрограммой, от 31 марта, но пришедшей из Хельсинки, Рой сообщил:

«С Домбровским встречаться я не буду, это лишняя трата времени. Он панически боится писать любые поручения, распоряжения, записки... Когда вернется секретарша Эренбурга (она все еще где-то в Италии), я с ней поговорю... О Гленни Домбровский всегда говорил с уважением и хотел видеть его своим переводчиком...»

Секретаршей Эренбурга с 1956 года и до самой смерти писателя в 1967-м была Наталья Ивановна Столярова. Рой с ней познакомился во время нескольких посещений знаменитого писателя, а Эренбург познакомился со Столяровой, когда жил в Париже, – его дочь Ирина была ее подругой. После смерти Эренбурга Столярова стала доверенным секретарем Солженицына. Именно она познакомила его с жившими во Франции сыном и внуком известного русского писателя Леонида Андреева, которые обеспечили тайную переправку за границу микрофильмов произведений Солженицына. Я познакомился с Натальей Ивановной в 1968 году. Она имела двойное – советское и французское – гражданство (родилась в 1912 году в Генуе, окончила школу в Париже и училась в Сорбонне, в СССР переехала в конце декабря 1934 года), поэтому могла свободно ездить за границу. В 1973–1977 годах она проводила по несколько месяцев в Италии, Франции и Швейцарии, где жила ее сестра. Столярова могла даже посещать Солженицына в Вермонте.

Если Домбровский действительно именно ей поручил отдать рукопись романа в «УМСА-Press», то мне можно было оставить все заботы о дальнейшей судьбе его книги. Это издательство считалось наиболее крупным русским издательством в Западной Европе, оно получало поддержку зарубежной Православной церкви и сотрудничало с западными радиостанциями, вещавшими на русском языке. Одновременно я решил отказаться и от составления и публикации в Лондоне третьего и четвертого выпусков альманаха «Двадцатый век». Для меня это была слишком большая трата времени и средств, а в результате я получал лишь конфликты с авторами и с другими издательствами. Профессиональных писателей, таких как Домбровский, Аксенов или Войнович, в первую очередь интересовали авансы и гонорары как единственный источник дохода, а не сам факт публикаций. Рой, безусловно,

совершил просчет, пытаясь включить в тематику альманаха художественные произведения профессиональных писателей. Успех такого проекта требовал больших финансовых субсидий. Мне он был не по силам и не интересен. Рой в Москве тоже прекратил выпуск самиздатной версии альманаха. У него тоже не было для этого финансовых ресурсов. Аналогичные проблемы возникали и с другими профессиональными писателями, которые конфиденциально вели дела сразу с несколькими зарубежными русскими издателями, а при возникновении каких-либо проблем старались настаивать на том, что публикации происходили «без их ведома и согласия». Это спасало их от исключения из Союза советских писателей, членством в котором они все же дорожили. Мы с Роем решили ограничиться лишь публикацией собственных работ.

В заключение этой истории следует сказать, что роман Домбровского «Факультет ненужных вещей» был опубликован в Париже издательством «УМСА-Press» в апреле 1978 года, незадолго до смерти его автора (29 мая 1978 года). Домбровский, однако, успел получить книгу и показывал ее близким друзьям. Французский перевод, сделанный Жаном Катала, вышел в 1979 году и имел большой успех. Он получил в Париже престижную премию лучшей иностранной книги года. В Советском Союзе этот роман на основе старого договора был опубликован в «Новом мире» лишь через десять лет, в 1988 году, и переиздавался несколько раз отдельной книгой до недавнего времени. Однако остановленное телеграммой Морозова издание книги на английском языке долго не возобновлялось. Лишь через восемнадцать лет эта книга («The Faculty of Useless Knowledge») была издана в Нью-Йорке и Лондоне издательством «Harvill Press». Переводил роман Алан Миерс (Alan Myers), который тоже его сократил.

Майкл Гленни умер в августе 1990 года в возрасте 63 лет от инфаркта в Москве, куда приехал в качестве гостя Бориса Ельцина. Гленни был переводчиком на английский первой книги воспоминаний Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему». Английское издание, переведившееся с рукописи и опубликованное в марте 1990 года, немного раньше русского, в Свердловске, имело заголовок «Against the Grain» («Против желания»). Оно оказалось больше и содержательнее русского. Книга издавалась престижным американско-британским издательством «Simon & Schuster» и широко рекламировалась. С этого издания и началось особое внимание к Ельцину в западной прессе.

«Факультет ненужных вещей» несколько раз и большими тиражами выходил в Алма-Ате. Этот роман вошел в десятку лучших русских романов XX века наряду с «Доктором Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и «В круге первом» А. Солженицына. Все они были отвергнуты советскими издательствами и вышли впервые за рубежом.

Рой не прерывал отношений с Домбровским, хотя понимал, что писатель вел с ним не вполне честную игру. Рой прекрасно знал, что психика людей, испытавших столько страданий, повреждается часто необратимо. В настоящее время в Википедии существует версия, будто бы Домбровский умер от побоев уголовников, напавших на него в фойе ресторана ЦДЛ по заданию КГБ именно в связи с публикацией романа в Париже. В 1971 году такой версии не было. Как не было ее и в некрологах, опубликованных в эмигрантской прессе. Она возникла с появлением Интернета и может быть вымышленной. Похороны Домбровского организовал Союз советских писателей с отпеванием по православному обряду (согласно его предсмертной просьбе) в церкви при Кузьминском кладбище. Рой

присутствовал на похоронах и рассказывал мне о них по телефону.

Озера в зоне Уральской ядерной катастрофы

В январе 1977 года я начал работать над книгой по истории советской науки, договор на которую мне предложило в конце 1976 года большое нью-йоркское издательство «W.W. Norton & Company, Inc.». Соиздателем в Великобритании стало «Oxford University Press». Это была первая книга, которую я решил писать сразу на английском языке. Работа шла медленно, так как каждый абзац приходилось проверять на правильность построения фраз, сравнивать их с текстами английских авторов. Содержание книги отражало план моих лекций в США на ту же тему в 1976 году. Формирование советской науки рассматривалось по историческим периодам: 1917–1921, 1922–1928 (период наибольших успехов и международного сотрудничества), 1929–1936 (политическая трансформация и изоляция), 1937–1940 (репрессии и развал) и т. д., до гигантских проектов 1966–1977 годов, финансируемых нефтедолларами. К этому плану добавлялись отдельные главы о разработке советских атомных проектов и об Уральской ядерной катастрофе в сентябре 1957 года.

По последней теме никакой литературы не существовало. Следовало проводить детективную работу, характер которой я объяснил в предыдущей главе. В советских научных журналах за последние 10–15 лет надо было выискивать какие-либо необъяснимо странные исследования по распределению в экосистемах радиоактивных изотопов и обобщать их на основании здравого смысла, составляя также списки авторов и мест их работы. В Британской библиотеке, в разных ее отделениях, все советские научные журналы за послевоенный период располагались в алфавитном порядке на полках в открытом доступе, что облегчало работу. В одну из февральских суббот я поехал в отделение Британской библиотеки в районе Холборн в центре Лондона. Фонд этого отделения состоял из литературы по физике и химии. На одной из полок были выставлены все тома и выпуски советского журнала «Атомная энергия». Я начал их просмотр с выпусков 1958 года. До 1965 года я дошел без каких-либо открытий. Но в № 4 18-го тома за 1965 год мое внимание неожиданно привлекла статья Ф. Я. Ровинского, сотрудника Лаборатории мониторинга природных сред Госкомгидромета, «Способ расчета концентрации радиоактивной примеси в воде и в донном слое непроточных водоемов». У Ровинского была собственная теория и формула возможного распределения изотопов в водоеме во времени, основанная на том, что они постепенно в течение нескольких лет переходят в илистые отложения, очищая воду. В какой-то период наступает равновесие. Он проверял свою формулу данными каких-то чужих отчетов об однократном загрязнении радиоактивностью, в основном стронцием-90, непроточных озер. Суммировались результаты измерений распределения стронция в двух озерах в течение 65 месяцев. Равновесие наступало на 30-м месяце. Последние измерения проводились в 1963 году. Следовательно, измерения начинались в 1957–1958 годах, когда и произошло «однократное загрязнение». В статье говорилось, что «экспериментальными водоемами являлись озера автотрофного типа площадью 11,3 кв. км (первый водоем) и 4,5 кв. км (второй водоем)... Они имеют мощные иловые отложения...»

Столь большие размеры озер делали их географически значимыми. Экспериментально загрязнять их смесью радиоизотопов было бы нелепо – крупные озера обеспечивают местное население рыбой. Но названий озер автор не приводил. Гидрохимический состав воды сильно различался, в воде первого оказалось намного больше кальция, во втором – калия,

магния и хлора. Они образовались, следовательно, на разных геологических породах и не были расположены рядом. При этом, по данным графиков распределения радиоактивности между водой и илом во времени, оба озера были загрязнены радиоактивностью одновременно. Сведений о реальном уровне радиоактивности в воде или в иле в микро– или в милликюри автор не приводил. Непроточные озера такого типа с «мощными», по словам автора, «илистыми отложениями... и с хорошими условиями для развития биомассы и хорошей освещенностью толщи воды» обычно богаты рыбой. По-видимому, в этом районе существовал раньше рыбный промысел. Но рыбные популяции тоже неизбежно загрязнялись радиоизотопами, и не исключено, что на это могли обратить внимание радиоэкологи.

В следующую субботу, уже в другом отделении Британской библиотеки, я стал просматривать советский академический журнал «Вопросы ихтиологии». После двух или трех часов чтения оглавлений и резюме я обнаружил «Краткое сообщение», всего в две страницы, в шестом выпуске десятого тома, вышедшего в 1970 году. В публикации А. И. Ильенко «Накопление стронция-90 и цезия-137 пресноводными рыбами» сообщалось, что автор в 1968 и 1969 годах изучал популяции рыб в неназванном озере, при этом он ссылается на статью Ровинского в журнале «Атомная энергия». Озеро было большим, так как только крупных щук, выловленных для исследования, было 32. Концентрация стронция-90 в озере достигала 0,2 микрокюри на литр воды, то есть была в тысячи раз выше предельно допустимого для питьевой воды уровня; концентрация цезия-137 оказалась почти в десять раз ниже, чем стронция, – 0,025 микрокюри на литр. Даже если это было меньшее из озер, на которых проверял свою формулу Ровинский, то при глубине даже 10 м в нем могло быть около 45 миллиардов литров воды и около 4000 кюри растворенного в этой воде стронция-90, и это через 13 лет после «однократного загрязнения». Илистые отложения озера, судя по графикам Ровинского, могли накопить намного больше этого изотопа. Таких количеств радиоактивных элементов не могло быть в модельных экспериментах. Порядок величин загрязнений оказывался близким к тем, что наблюдались при изучении лесных биоценозов, о которых я упоминал в предыдущей главе. Но одновременно с этим возникал неизбежный вопрос: почему при загрязнении территории продуктами переработки реакторного топлива стронция-90 в среде оказывалось почти в 10 раз больше, чем цезия-137? В отработанном реакторном топливе радиоактивного цезия немного больше, чем радиоактивного стронция. При аварии реактора в Уиндскейле в Великобритании в 1957 году в окружающую среду попало много цезия-137 и очень мало стронция-90. Куда делась большая часть радиоактивного цезия при взрыве хранилища ядерных отходов на Южном Урале? Ответ на этот вопрос я очень долго не мог найти или хотя бы предположить.

Юбилейный 1977-й

Юбилейный год начался с беспрецедентных в истории Советского Союза террористических актов в Москве, совершенных в течение одного часа 8 января. Первый взрыв, с наибольшим числом жертв, произошел в переполненном вагоне метро в час пик (17.33) на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская». Второй и третий взрывы прогремели в центре города. Преступление было хотя и не скоро, но раскрыто, и о нем к настоящему времени есть множество публикаций, которые я здесь анализировать не буду. Важно лишь отметить, что между Роем и многими другими московскими диссидентами сразу возникли серьезные разногласия в объяснении этого события. А. Д.

Сахаров уже 11 января заявил иностранным журналистам, что взрывы в метро и на улицах могли быть провокацией властей для усиления политических репрессий. Рой в письмах мне в Лондон, отправленных по конфиденциальным каналам в конце января, излагал другую версию:

«...Было три взрыва. Первый в метро на перегоне близ станции “Первомайская”. Там мужчина, по описаниям молодой, не старше 20 лет, чернявый с усиками, оставил сумку и выскочил перед закрытием дверей на предыдущей станции. Так что взрывное устройство было на 1–2 минуты. Второй взрыв, это был пакет, положенный в урну для мусора на людной улице 25 Октября. Третий взрыв – в вестибюле одного из учреждений в центре. Общее число жертв – убитых 14, раненых до 70. Выезжали на станцию “Первомайская” Брежнев и Андропов. Брежнев был очень разгневан, ругал КГБ, мол, деньги получаете огромные, а юбилейный год начинается со взрывов (не было взрывов в Москве с 1943 г.). Были составлены портреты-роботы подозреваемых, мужчины и женщины... Это на прошлой неделе. Видимо, на этой неделе следствие продвинулось вперед, поэтому и вызвали Сахарова за клевету. Экспертиза показала, что взрывные устройства и взрывчатка самые примитивные, можно изготовить в любой мастерской... Сначала два дня была всерьез версия о “сионистах”. Но Израиль предложил прислать лучших экспертов по терроризму... Усилен контроль на железных дорогах южного направления... какие-то следы ведут на Кавказ».

Независимо от этих терактов, КГБ явно получил с конца 1976 года более широкие полномочия, и Москву очищали от диссидентов и правозащитников, но в основном путем принуждения к эмиграции. В феврале 1977-го арестовали членов Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова и Александра Гинзбурга. Еще в 1976 году Госбанк СССР отменил практику подарочных переводов из западных стран, которые выдавались получателям в виде сертификатных рублей, принимаемых в валютных магазинах «Березка». Теперь переводы из-за рубежа выдавали только в рублях по официальному курсу, который снижал покупательную способность валют в несколько раз. Это создало множество проблем для тысяч человек, главным образом для тех, кто подал заявление на эмиграцию, а также для некоторых организаций, которые получали финансовую поддержку от родных, друзей или различных фондов. Советским дипломатам и другим работникам советских загранучреждений валюту обменивали на особые чеки, заменившие сертификатные рубли. «Березка» обслуживала теперь лишь иностранцев, туристов, приглашенных, работников посольств, загранработников и корреспондентов. Попытки провозить в СССР непосредственно валюту для неофициального обмена на рубли привели в 1977 году к нескольким достаточно громким судебным процессам, в которых вместо политических обвинений предъявлялись обвинения в незаконных валютных операциях. Эти ограничительные меры лишили и меня возможности оказывать прямую финансовую помощь Рою из его же собственных гонораров, а также нашему Саше и другим родным и друзьям. Мы старались решить проблему с помощью посылок с книгами, вещами, канцтоварами и лекарствами. Но в январе 1977 года стало ясно, что Рите надо опять ехать на родину. У нее и Димы основными проездными документами оставались советские паспорта, но с особой,

заграничной регистрацией. Они годились для поездок и получения визы в любую страну, кроме СССР, то есть той страны, которая их выдавала. Для поездки в Советский Союз Рита следовало получить через ОВИР МВД приглашение от родственников, которые могли гарантировать ей внутреннюю прописку. На этот раз такое приглашение оформила Галя, жена Роя. Она не меняла фамилию при регистрации брака, оставаясь Гайдиной. В Институте эндокринологии АМН СССР, где она работала, многие не знали, что она была женой Роя Медведева. Однако и ей вскоре пришлось узнать, что практикуемая в СССР система заложничества в отношении близких родственников, а иногда и близких друзей политических диссидентов лишала ее многих возможностей, даже в научной работе. Вокруг известных критиков советской политической системы КГБ устанавливал особый карантин, обеспечивая его агентурной слежкой, подслушиванием телефонных и квартирных разговоров и перлюстрацией не только международной, но и внутренней корреспонденции, часть которой перехватывалась и, не доходя до адресата, изучалась в других местах.

В этих условиях все организованные оппозиционные группы, находившиеся в Москве, – Хельсинкская, «Хроника», «Эмнести», Комитет по правам и фонды помощи, ведущие обширную открытую переписку, отчетность, имеющие картотеки, иногда с финансовой документацией, неизбежно оказывались в роли источников информации для КГБ о настроениях в провинции. В 1977 году несколько таких картотек с множеством адресов, в частности Фонда помощи политзаключенным, конфисковывались оперативниками КГБ. В результате были арестованы, например, несколько активистов самиздатного журнала «Евреи в СССР», английская версия которого выходила и в Лондоне.

Вторая поездка Риты на родину

Вылет в Москву рейсом «British Airway» был намечен на 22 апреля, возвращение в Лондон – на 10 июня. На московской таможне, естественно, тщательно обыскали весь багаж и личные вещи Риты, пересчитали ввозимую иностранную валюту, указанную в декларации. Любые новые вещи – подарки для сына и родственников – не облагались пошлиной только в одном экземпляре, за второй уже полагалось платить. Но мы эти правила знали, поэтому пошлину платить не пришлось. Риск возможных провокаций был велик, но с нашей осторожностью реализовать их было трудно. По всем параметрам, которые где-то, наверное, суммировались и обобщались, визит Риты был абсолютно семейным, не имевшим политических целей. Ее письма из Москвы или из Калинина шли обычной почтой через почтовые ящики. Первая открытка из Калинина датировалась 24 апреля, письмо из Москвы – 27 апреля:

«Были вчера с Сашей на Таганке. До чего же они молодцы! “Мастер и Маргарита” – это что-то необычайное. Четыре часа идет спектакль, оч. динамичный, оч. умный... Смотрела и все время думала о тебе и о Димочке, представляя, как бы вы радовались этому чуду...»

В Обнинске Рита навестила Тимофеева-Ресовского, привезла ему в подарок, как и в 1975-м, шоколад. Он был очень рад ее неожиданному визиту. К нему по-прежнему можно было приходиться без предупреждения. Он сам открывал дверь и старых друзей узнавал по голосу и общим очертаниям. Николай Владимирович жил одиноко, но гости приходили к

нему почти каждый день. Его сын, доцент университета, живший и работавший в Свердловске, часто приезжал и нанял отцу домработницу. От Тимофеева-Ресовского поступила ко мне особая просьба – прислать из Англии новый бестселлер «Life after Life» («Жизнь после жизни»), сенсацию, которую я не заметил. Я, узнав об этом по телефону, сразу пошел в книжный магазин, купил три экземпляра, один отправил экспресс-почтой в Обнинск, другой Рою, третий оставил себе. В продаже был уже 19-й тираж, хотя книга вышла лишь около года назад. Это означало миллионы экземпляров. В аннотации на обложке говорилось, что автор, американский психолог Раймонд Моуди (Raymond A. Moody), «описал реальные воспоминания тех людей, которые были уже объявлены клинически мертвыми, описания эти столь сходные, столь яркие и столь неопровержимо позитивные, что они могут изменить взгляды всего человечества на жизнь, смерть и бессмертие души».

Николай Владимирович не верил в конкретного бога и в существование души, независимой от мозга. Но он верил в какой-то высший разум, высшие силы и часто спорил на эту тему. «К сожалению, проверить экспериментально, сохраняется ли твоя душа, никакой другой возможности, кроме смерти, не существует» – эта его фраза запомнилась многим. Книга Моуди могла повлиять на эту интересующую всех тему.

Доктор Моуди сразу же стал знаменитостью, и у него появилось много последователей. Его записи были документальными. (На русский эта книга была переведена в 1980 году.)

В письме о поездке в Обнинск Рита сообщала:

«В электричке встретила А. Н. Летову. Она теперь работает в новом ин-те, недавно организованном на базе Гулякинской группы. Гулякин умер, и возглавляет все это как будто Катя Юдинцева. Вот никогда не поверила бы! Но все еще пока в стадии становления...» (Летова была сотрудницей нашего отдела в ИМР в Обнинске.)

Это была для меня важная новость. Под Гулякинской группой подразумевался коллектив засекреченной лаборатории биофизики Тимирязевской сельскохозяйственной академии, созданной профессором В. М. Ключковским, моим шефом и другом, умершим в 1972 году. Эта лаборатория уже почти двадцать лет изучала экологические и сельскохозяйственные последствия Уральской ядерной катастрофы. Профессор И. В. Гулякин, которого я хорошо знал, преподавал на кафедре агрохимии ТСХА и руководил некоторыми исследованиями в лаборатории биофизики. Катя Юдинцева училась в ТСХА в одной группе с Ритой. Я ее тоже хорошо помнил. Переезд этой лаборатории в Обнинск и ее преобразование в институт означали, что проблема загрязненного радиоактивностью уральского региона получила государственный приоритет. (Институту сельскохозяйственной радиобиологии и радиоэкологии было впоследствии присвоено имя В. М. Ключковского.) Таким образом, письмо Риты добавляло новый институт в список учреждений, за публикациями которых мне надо было следить в поисках материалов по изучению зоны Уральского радиоактивного загрязнения.

В письме от 11 мая Рита рассказала о Дне Победы:

«В Москве мы с Сашей просто ходили по городу, а вечером были в театре Моссовета. Смотрели “Василия Теркина”. Очень хорошо и очень кстати.

Спектакль кончился рано, и мы посмотрели еще салют на пл. Маяковского... О делах Роя ты, наверное, знаешь. Решила я забрать у них Нордика и отвезти его в Калинин...»

В Калининне жил брат Риты Валентин, инженер-химик, имевший четверых детей, все школьники, и работавший начальником цеха на химкомбинате с каким-то вредным для здоровья производством. Он недавно получил для своей семьи трехкомнатную квартиру, но в поселке химкомбината, за городом. В городе, также в трехкомнатной квартире, жила младшая сестра Риты Рая с сыном и дочерью. Она давно была в разводе с мужем. У нее жил и Саша, деля комнату с Андреем, двоюродным братом. К ним и планировала Рита определить нашего любимого эрдельтерьера Норда. У Роя Норд мало гулял и выглядел нездоровым и заросшим. Сашу Норд тоже признавал как хозяина.

В Москве Рита навещала Дудинцевых, Лакшиных, Турчиных (Валентин и Таня нерадостно готовились к эмиграции, срывая старшего сына с учебы на первом курсе МГУ) и Акопянов, наших с Роем школьных друзей по Тбилиси, живших с 1951 года в Москве. У всех были сложные проблемы. Владимир Павлович Эфроимсон, генетик и мой друг и соратник по борьбе с Т. Д. Лысенко, находился в депрессии после смерти жены Марии Григорьевны и не хотел ни с кем встречаться.

Письма от Риты и Роя приходили часто, но хороших новостей не приносили. Многие наши планы помощи Саше, Рою, друзьям и родственникам, основанные на реалиях, существовавших до конца 1975 года, оказались невыполнимыми из-за множества новых ограничений. Даже юридическая служба СССР, занимавшаяся проблемами иностранцев Инюрколлегия, отказывалась обслуживать бывших советских граждан и лиц без гражданства, хотя официально адвокаты Инюрколлегии работали на коммерческой основе.

Перед вылетом в Лондон таможенницы снова подвергли Риту тщательному досмотру в особой комнате. Рассматривали каждую вещь, открывали каждый футляр, проверяли волосы. Одна из таможенниц подняла с пола упавшую бумажку и очень обрадовалась. В ее руке оказалась квитанция Ювелирторга на покупку какого-то золотого изделия. Это была явная инсценировка. «Почему вы не вписали золотую вещь в декларацию, как требуется по закону?» – «У меня нет золотых вещей», – ответила Рита. «Мы должны проверить ваш багаж», – заявила таможенница. «Проверяйте, если хотите, но багаж уже проверяли перед регистрацией». К тому времени багаж, наверное, уже погрузили в самолет, но не исключено, что его и после регистрации проверили еще раз.

Таможенница вышла, очевидно, чтобы позвонить в разные инстанции. Разгрузка британского рейса могла создать много проблем и требовала, наверное, не только распоряжения свыше, но и согласования с британской авиакомпанией. Объяснять британцам столь незначительную причину было, видимо, неловко. Экипаж самолета, уже задержанного на 15–20 минут, знал, что один из пассажиров находится на таможне. Прошло еще 30 минут, но директивы сверху не поступило. Там наверняка и готовили весь сценарий, полагая, что это будет рейс «Аэрофлота». Но британские летчики не собирались улететь без пассажира. Не исключено, что и у них к этому времени имелась своя инструкция. В конце концов советская таможня сдалась и пропустила задержанную пассажирку.

Через полтора часа полета пилот объявил по-английски и по-русски: «Наш самолет пересек государственную границу Советского Союза». Пассажиры ответили дружными аплодисментами.

Мой новый статус

В [главе 28](#), рассказывающей о событиях конца 1974 года и начала 1975-го, я уже упоминал о приглашении на беседу с британскими контрразведчиками, которые задавали мне вопросы на разные темы, и мои ответы неизбежно накапливались в моем досье. В апреле 1977 года мистер Бакстон, с которым я в тот раз беседовал, позвонил в институт и пригласил меня для обсуждения проблем, представляющих «взаимный интерес». Встреча опять происходила в здании министерства обороны и в той же комнате № 055, явно оборудованной звукозаписывающими устройствами. Как и в прошлый раз, на встрече присутствовал и второй собеседник, который не представился по имени или должности. Поскольку меня просили о конфиденциальности, то я не записал тогда ни точной даты, ни характера заданных вопросов. Память многих подробностей не сохранила. Собеседники знали теперь обо мне значительно больше. Одного дня для беседы не хватило, и на следующий день я провел там еще около пяти часов. Разговор был достаточно дружелюбным, узнавали что-то обе стороны. Я вопросов не задавал, но иногда проявлял догадливость насчет тех людей, которые либо по собственной инициативе, либо в таких же конфиденциальных беседах пополняли и мое досье. По характеру вопросов обычно нетрудно догадаться, откуда поступала информация. Около половины источников были, судя по теме допроса, русскими, остальные британцами или американцами. Легко узнавалась эмигрантская среда. Один мой московский знакомый, эмигрировавший в 1972 году и ныне живущий в США, судя по заданным мне вопросам, прислал в британские спецслужбы копию своей статьи «Странная позиция Жореса Медведева», которую он безуспешно пытался напечатать в лондонских газетах. Мне рукописную копию этой статьи, написанной на приличном английском, который автор знал плохо, прислали около года назад из воскресной газеты, отказавшейся ее публиковать. В статье был намек на то, что моя позиция по проблемам разрядки и споры между Роем и Сахаровым, Солженицыным и Максимовым входят в какой-то сценарий властей. Два доноса явно пришли из Москвы и касались действий и заявлений Роя. В Советском Союзе спецслужбы меня никогда не допрашивали, но технология допросов, очевидно, везде одинакова. Среди множества банальных вопросов в ходе беседы неожиданно встраиваются какие-то ключевые, ответ на которые и важен для «следствия».

Первые вопросы неизбежно оказались связанными с публикациями об Уральской ядерной катастрофе, которые обсуждались и в британской прессе. Газетные вырезки на эту тему, получаемые через бюро газетных вырезок, очевидно, оседали и в моем досье. Я рассказал о работах группы Клечковского и миассовских семинарах Тимофеева-Ресовского и, ожидая, что об этом меня могут спросить, принес ксерокопии некоторых статей по радиоэкологии из советских академических журналов. Затем последовало обсуждение взрывов в московском метро и на улицах. Прошло четыре месяца после этого теракта, но ни подозреваемых, ни арестованных все еще не было. Это обеспечивало версии А. Д. Сахарова с намеренной провокации властей – версии, поддержанной и западной, в основном американской, прессой, – определенную монополию. Я рассказал о деталях, которые знал из писем Роя, и попытался объяснить, что подобный особый предлог для политических

репрессий спецслужбам в СССР совершенно не нужен. Столь затянувшееся расследование дискредитирует в большей степени сами спецслужбы, а не политическую оппозицию.

Как и в январе 1975 года, так и теперь можно было понять, что доносы на меня шли в британскую контрразведку главным образом от разных групп НТС вместе с копиями публикаций журнала и издательства «Посев». Поступали в досье и вырезки из эмигрантских газет. В журнале «Посев» за два прошедших года было опубликовано несколько материалов с критикой братьев Медведевых, на которые я не обращал внимания. У меня к НТС имелось устойчиво отрицательное отношение еще до приезда в Англию, и я игнорировал всю эту систему, активную в основном в ФРГ. Еще в сентябре 1973 года Роман Гуль, редактор «Нового журнала», прислал мне выпуск эмигрантского парижского журнала «Народная правда» за 1949 год со статьей Д. Далина «Кризис солидаризма», где приводились выдержки из Программы НТС 1944 года. В Программе содержалась схема построения новой России после поражения большевистской диктатуры:

«Отбор ведущего слоя, в конечном счете, производится не столько путем выдвижения людей на выборах, сколько на основании проверки пригодности людей на практической работе... Глава государства осуществляет и верховное водительство ведущего слоя нации... Правительство не ответственно перед Государственной Думой.... В состав Российской Нации не входят иностранцы, хотя бы они и постоянно проживали в России, и евреи... Евреям предоставляется право или свободно покинуть пределы России, однако, без вывоза капиталов, или же поселиться на территории Российского Союзного Государства в специально отведенной для них области...» (Народная Правда. Париж. 1949. № 6. С. 23.)

Редактором этого журнала был в то время сам Роман Гуль.

Моя научная работа британских контрразведчиков не интересовала.

Так или иначе, но двухдневная беседа с ними сняла какие-то ограничения и открыла возможность для нового статуса моей семьи в Соединенном Королевстве. В июне я получил письмо из иммиграционного отдела министерства внутренних дел с неразборчивой подписью, в котором говорилось о новых возможностях (даю в переводе на русский):

«...ограничительные условия вашего пребывания в Соединенном Королевстве отменены. Вам больше не нужно сообщать в полицию об изменении адреса или работы... Вы теперь свободны оставаться постоянно в Соединенном Королевстве, и вам не нужно разрешений от британских департаментов на изменение места работы по найму в Великобритании и на занятие бизнесом... Вы можете покинуть Соединенное Королевство в любое время и возвращаться без виз...»

Одновременно с этим я получил анкету для оформления нового проездного документа. Вместо годовых удостоверений личности мне полагался теперь Travel Document, предусмотренный Международной конвенцией от 28 сентября 1954 года для поездок во все страны. Двухгодичный срок действия этого документа мог продлеваться. Двадцать чистых страниц отводилось для виз и штампов прибытия и убытия. В июле 1977 года мне проставили в нем многократную визу на въезд в США. Еще в начале года я получил

приглашение принять участие в очередной ежегодной конференции Американского геронтологического общества, которая проводилась с 18 по 22 ноября в Сан-Франциско. Я сразу ответил согласием и был рад снова побывать в Калифорнии и встретить старых друзей.

Книга Роя об Октябрьской революции

Я уже писал в [главе 34](#) про очерк Роя об исторической неизбежности революции в России в 1917 году, который был опубликован в Италии в 1976-м в виде небольшой книги. В этой работе анализировались события, происходившие в течение ста дней после 25 октября 1917 года. В связи с юбилеем революции римское издательство «Riuniti» заказало продолжение. В новом большом очерке, выпущенном тем же издательством как продолжение первой книги, Рой рассматривал события начала 1918 года. В совокупности оба очерка представляли теперь уже полноценную книгу, которую с некоторыми дополнениями можно было предложить для перевода на другие языки. Скромный объем лишь ускорял возможность публикации. По ключевой теме века «Русская революция 1917 года», как оказалось, в западных исторических изданиях не было ни одного труда советского автора. Это крупнейшее событие XX века отражалось на русском и на всех языках народов СССР во множестве трудов, иногда в многотомных иллюстрированных изданиях, но их не переводили и не печатали в США и в Западной Европе, так как эти труды представляли собой очень грубую фальсификацию истории, зачастую с подделкой фотографий, с которых удалялись ретушированием те или иные личности. Фотоальбомы таких фальсификаций периодически публикуются фотографами-историками, среди которых наиболее известен Дэвид Кинг (David King). История Советского государства оказалась еще более явно разделенной на советскую и западную версии, чем это было до 1965 года с генетикой. При этом книги по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, которые во множестве публиковались в СССР и до 1929 года, были запрещены после высылки из СССР Троцкого и арестов троцкистов. Однако и новые книги на эту тему, изданные до 1937 года, снова запрещались и изымались из библиотек после арестов и расстрелов Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Тухачевского, Якира, Блюхера и многих других героев революции и Гражданской войны. Труды о революции, выходявшие в СССР до 1956 года, постигла та же участь после разоблачения культа Сталина. Книга Роя оказалась первой работой советского автора, свободной от всех подобных ограничений.

Написание этой книги, сначала в виде очерков, было отчасти связано с тем, что ее автор, закончивший в 1951 году историко-философский факультет ЛГУ и преподававший десять лет историю в школе, узнавал много нового об Октябрьской революции и Гражданской войне из книг (в том числе воспоминаний участников тех событий), вышедших на русском языке в США, Франции и Германии, которые я ему посылал в течение нескольких лет. Поскольку объем новой книги Роя был небольшим, около 250 страниц, мне удалось быстро заключить контракты с американским, немецким и французским издателями. Уже в следующем году во Франции под названием «La Révolution d'October», а вскоре в Германии («October 1917») и затем в США и Великобритании («The October Revolution») она увидела свет. Верстку английского перевода для издательства Колумбийского университета я вычитывал сам в Лондоне. К тому времени я получил от Роя и нашел в лондонских коллекциях много интересных фотографий 1917 года, которые были включены в книгу. Предисловие написал Гаррисон Солсбери. На другие языки книга

впоследствии переводилась уже с английского издания.

Приглашение в Ок-Ридж и в другие атомные центры

Найденные мною в советских научных журналах сведения об экологических исследованиях, проведенных в зоне сильного загрязнения радиоизотопами, можно было по видовому составу животных и растений достаточно легко отнести к районам Южного Урала. В разных исследованиях этой серии были уже упомянуты с их латинскими названиями около 200 видов растений и животных, и некоторые эти виды встречались в определенных комбинациях только там. Загрязнение радиоизотопами большой территории Урала между Свердловском и Челябинском подтверждалось и свидетельством профессора Льва Тумермана, опубликованным в декабре 1976 в Израиле и перепечатанного в британских газетах. Наибольшее число публикаций по радиоэкологии из данной серии принадлежало А. И. Ильенко с сотрудниками, которые начали исследования в этой зоне лишь в 1969 году. В одной из статей, опубликованных в «Зоологическом журнале» в 1972 году, остались, по-видимому по недосмотру проверочных комиссий или цензуры, слова о том, что «животные для данных исследований вылавливались в заповеднике в Челябинской области, где они находились в радиоактивной среде в течение 14 лет», то есть с 1957 года. То, что главный советский центр по производству плутония для атомных зарядов находится в закрытом городе под названием Челябинск-40, уже давно не было секретом. Именно над этим районом пролетал 1 мая 1960 года американский разведывательный самолет U-2, пилотируемый Гэри Пауэрсом (Gary Powers). Это был не первый полет с целью фотографирования секретных объектов. В 1970-х годах такая фотосъемка без особых проблем осуществлялась уже со спутников.

Однако во всех других публикациях этой серии упоминаний о географической локализации наблюдений, вопреки традициям экологических работ, не было. В Советском Союзе публикация любой статьи, в которой упоминаются радиоактивные изотопы, разрешалась в то время лишь при представлении авторами в редакцию особого акта экспертной комиссии, свидетельствовавшего о том, что в статье «нет данных секретного характера».

Собранные материалы позволили мне опубликовать в *New Scientist* еще одну статью под названием «Facts behind the Soviet Nuclear Disaster» (30.06.1977. Vol. 74. P. 761–764).

В этой статье я привел карту возможной локализации радиоактивных загрязнений: к востоку от города Кыштым через всю Челябинскую и часть Курганской областей на площади около 10 000 кв. км.

В некоторых местах, очевидно близко к эпицентру взрыва, загрязнение оказалось очень высоким, что позволило генетикам группы академика Н. П. Дубинина изучить возможный отбор более радиорезистентных генетических популяций среди одноклеточных почвенных водорослей.

Моя новая статья не могла вызвать каких-либо опровержений, подобных тем, что появились в ноябре прошлого года после первой статьи в этом же журнале. В широкой прессе никаких комментариев на этот раз не было. Но эта проблема, безусловно, обсуждалась уже в более профессиональных кругах. Приводимые в новой статье факты можно было легко проверить.

В конце июля мне в институт позвонил Стэнли Ауэрбах (Stanley I. Auerbach),

представившийся директором отдела радиоэкологии знаменитой Окриджской национальной лаборатории в Теннесси, одной из главных в американском атомном проекте. Эту лабораторию я знал и с другой стороны – там уже давно работала группа по изучению молекулярных аспектов старения. Ауэрбах поинтересовался возможностью моего приезда в США и проведения семинара в его отделе по материалам о Кыштымской аварии.

Термин «катастрофа» он пока не решался произносить и считал, насколько я мог понять из разговора, что загрязнение радиоизотопами какого-то района – несомненный факт, но общая площадь его загрязнения в моей публикации сильно преувеличена. Я ответил, что планирую приехать в США на конференцию Геронтологического общества в конце ноября и буду рад включить Ок-Ридж в свою программу перед конференцией в Сан-Франциско. Примерную дату визита наметили на 7–11 ноября. Вскоре из Ок-Риджа пришло письмо, в котором говорилось, что особенности их лаборатории требуют оформления временного пропуска и для его подготовки мне следует прислать ряд анкетных данных. Перечень необходимых сведений оказался на удивление кратким. К ним надо было приложить и недавнее мое фото. В письме от 1 сентября Ауэрбах сообщил, что мой доклад о «ядерной катастрофе» (он поставил это название в кавычки) назначен на 9 ноября и весь остаток этого дня будет посвящен обсуждению различных проблем с сотрудниками его отдела. На 8 ноября была намечена встреча с работниками отдела биологии и обсуждение проблем старения.

В США несколько национальных лабораторий, фактически крупных институтов в разных штатах, с 1943–1944 годов участвовали в атомных проектах. Кроме того, более мелкие лаборатории и центры этого же профиля существовали и при университетах, государственных и частных. Между ними происходил, очевидно, постоянный обмен информацией. С. Ауэрбах, по-видимому, сообщил своим коллегам о моем согласии подготовить доклад и дискуссию по Кыштымской аварии, так как вскоре я получил еще несколько приглашений для докладов и семинаров на эту же тему. Первым из них было письмо от директора отдела биологии Брукхэйвенской национальной лаборатории (Brookhaven National Laboratory) Ричарда Сетлова (Richard Setlow). Он написал, что «сотрудники нескольких отделов лаборатории занимаются изучением действия радиации на биологические системы и оценкой прошлых и потенциально возможных ядерных катастроф» и они «были бы очень рады», если бы я смог приехать в Брукхейвене для проведения семинара. При этом он приглашал меня остановиться в его доме.

В письме из Аргоннской национальной лаборатории (Argonne National Laboratory) от 18 августа прямо ссылались на сообщение от Ауэрбаха о моем визите в Ок-Ридж и предлагали посетить Иллинойс на пути из Теннесси в Калифорнию для обсуждения в Аргонне тех же проблем.

Уже в сентябре я получил еще одно приглашение, на этот раз из Центра по изучению окружающей среды (Center for Environmental Studies) Принстонского университета в Нью-Джерси. Там хотели провести семинар «с обзором радиоэкологических исследований и советской ядерной программы (включая Уральскую катастрофу)».

Для столь ответственной поездки и встреч с профессионалами мне следовало найти новые факты, причем такие, которые американские радиоэкологи смогли бы проверить не только по публикациям в советских журналах.

К докладам в столь знаменитых атомных национальных центрах США надо было тщательно подготовиться. Я не был профессионалом ни в области хранения радиоактивных отходов, ни в области радиоэкологии. Мое преимущество состояло лишь в том, что я лучше, чем американские коллеги, знал именно советскую радиоэкологию и мог свободно читать русские академические журналы, которые западные ученые явно игнорировали. Экологических исследований в зоне Уральской катастрофы оказалось очень много, они лишь сравнительно недавно были начаты, в большинстве случаев в 1969–1971 годах, и включали разнообразные группы исследователей. Это означало, что они лишь с этого времени были вообще разрешены. (Впоследствии я узнал, что решение Совета министров РСФСР о создании Восточно-Уральского государственного экологического заповедника было принято в апреле 1966 года.) Но многие детали о самом радиоактивном загрязнении оставались засекреченными. Группы ученых из многих институтов Академии наук получили, таким образом, допуск на эту территорию не вскоре после ее аварийного загрязнения, а спустя много лет. Кроме того, они могли исследовать растения и животных, но им не разрешалось осуществлять дозиметрию самой территории. (От радиоактивности, выброшенной в воздух взрывом хранилища отходов и разносимой по территории ветром, распределение аэрозоля осаждением на поверхности неизбежно получается неравномерным, очень высоким в «головной» части и вдоль центральной оси и в местах выпадения осадков.) Поэтому данные радиоактивного загрязнения почвы, приводимые разными группами исследователей, им кто-то сообщал заранее. Цифры часто оказывались одинаковыми в различных публикациях и датировались 1965 годом, когда устанавливались границы заповедника. По составу радиоизотопов также наблюдалось сходство во всех работах, хотя они выполнялись сотрудниками нескольких институтов и публиковались в разных журналах. В лесном биоценозе загрязнение верхнего слоя почвы доходило до 3–4 милликюри на 1 кв. м, это означало 30 кюри на гектар и 3000 кюри на 1 кв. км – колоссальная доза, при которой, как я уже упоминал, хвойные деревья вымирали на большой территории и замещались лиственными породами и кустарниками. Страдали от хронического облучения популяции мышей и других грызунов. Почвоведы обнаруживали гибель различных популяций насекомых, личинки которых развиваются в верхнем слое почвы. Такой сильно загрязненный радиоактивностью район мало подходил для изучения пищевых цепей в лесном биоценозе, так как пищевые цепи нарушались из-за гибели радиочувствительных растительных и животных видов. Этот вывод становился постепенно ясным и для исследователей. Со временем определились две проблемы, для решения которых именно столь загрязненная радиоизотопами территория имела уникальные преимущества. Работа над одной из них могла дать ответ на вопрос: не происходит ли в популяциях животных и растений, долго живущих в радиоактивной среде, генетический отбор более радиорезистентных разновидностей? Второй проблемой, для которой загрязненный регион имел уникальную возможность решения, было, безусловно, определение степени консерватизма перелетных птиц, улетающих на зиму в теплые края.

Гуси, утки, кряквы, чирки и нырки, а может быть, кое-где журавли и лебеди улетали в октябре на юг с многочисленных озер Южного Урала. Челябинскую область выбрали в 1946 году для строительства первого промышленного военного реактора и завода по производству плутония именно благодаря обилию здесь крупных озер, так как урановый реактор требует для охлаждения тысяч тонн воды в час. Вода, охлаждающая реактор, а к 1957 году было уже три реактора, также сбрасывалась в озера вокруг атомного производства. Теперь

радиоактивные водоплавающие птицы, на многие годы заполучившие в свои кости стронций-90, аналог кальция, улетаая каждый год на зимовку (преимущественно в Болгарию, Закавказье, Иран, Турцию, Грецию, Югославию, достигая и Италии), смешивались повсюду с другими стаями птиц. Весной они летят назад, где-то по пути останавливаются и возвращаются в те же места, где происходила их репродукция в прошлом сезоне. Орнитологи всегда изучали такие миграции с помощью кольцевания птиц. Стронций-90 обеспечивал более надежную универсальную метку, так как все особи, проводившие свой брачный период, например, на двух озерах, упоминаемых Ровинским (см. [предыдущую главу](#)), а также их выросшее здесь потомство должны иметь в своих костях определенную специфическую концентрацию стронция-90, которая оставалась постоянной в их пище в течение многих лет.

Я уже говорил, что А. И. Ильенко выбрал в 1969 году одно из озер Ровинского для изучения стронция-90 в рыбных популяциях. Мелкие рыбешки питались здесь планктоном, их в свою очередь поедали более крупные рыбы, и эта пищевая цепочка завершалась щуками (иногда весом от 20 до 30 кг), которые накапливали много стронция-90 в костях и цезия-137 в мышцах. Но на таких крупных озерах обычно вдоль берегов и мелководий всегда живут и водоплавающие птицы. Авторы публикаций сообщали, что на территории заповедника была запрещена охота и рыбная ловля. В 1972 году к работе А. И. Ильенко в этом регионе присоединился орнитолог И. Ф. Рябцев, сотрудник Сибирского филиала Института экологии. Они провели на втором, более крупном из озер, ранее изученных Ровинским, отстрел пяти видов водоплавающих птиц и определили в их скелете содержание стронция-90. Озеро было непроточным, и концентрация радиоактивности в нем не менялась в течение многих лет. На зиму все птицы улетаали на юг. На следующий год весной, когда таял лед, они возвращались. Замысел исследователей был очень прост. Если среди отстреливаемых птиц появлялась чистая, без стронция-90 в костях, значит, она новая, не жившая здесь в прошлом году. Те же особи, в костях которых обнаруживался стронций-90 в определенной концентрации, были возвращенцами, для них именно это озеро, может быть одно из тысяч на Урале, было родным.

Результаты этой, безусловно, очень интересной работы «О гнездовом консерватизме некоторых водоплавающих птиц» публиковались в «Зоологическом журнале» АН СССР совсем недавно, в 1974 году (Т. 53. № 2). У самок кряквы, серой утки и других видов консерватизм был почти абсолютным. Среди 33 забитых самок 32 оказались со стронцием-90 нужной концентрации. У самцов такой преданности не было. Среди 70 забитых самцов 30 оказались чистыми.

Кроме водоплавающих орнитологи изучали в этом же регионе и около 20 других видов птиц, включая перелетных (полевой воробей, сова и другие). Но я выписал все латинские названия и подготовил для *New Scientist* еще одну короткую статью – «Winged messengers of disaster» («Крылатые свидетели катастрофы») и в ней предложил сомневающимся обратиться к орнитологам, знающим, где за южными границами СССР зимуют уральские перелетные птицы. Это более ста разных видов, судя по орнитологическому атласу. В их костях можно обнаружить стронций-90. Может быть, уток или крякв было слишком много, чтобы проследить, куда они улетаают, но за более крупными птицами, гусями и журавлями, а их в богатой озерами Челябинской области около миллиона, проследить можно, тем более что и в Южную Европу они прилетают на большие озера. В публикациях советских авторов концентрация этого изотопа приводилась лишь в условных, а не в физических величинах. Это, как я предполагал, объяснялось слишком высокими ее значениями, не объяснимыми

для опытов с экспериментальной меткой. У птиц кроветворение идет очень интенсивно, и они намного чувствительнее к радиации, чем млекопитающие. *New Scientist* – еженедельный журнал, и я надеялся, что моя статья может появиться еще до моего отлета в США.

Таинственное озеро

Я уже приводил в предыдущей главе опубликованные в 1970 году данные А. И. Ильенко о загрязнении рыбных популяций в непроточном озере, динамику радиоизотопов в котором еще раньше изучал Ф. Я. Ровинский. Из таблиц Ровинского следовало, что в течение первых 35 месяцев после загрязнения концентрация радиоактивности в воде снижалась за счет ее перехода в донные отложения и ил и в последующие 40 месяцев оставалась на одном и том же уровне. Концентрация стронция-90 в воде этого озера, измерявшаяся Ильенко, составляла 0,2 микрокюри на литр, концентрация цезия – 0,025 микрокюри на литр. Через два года А. И. Ильенко опубликовал еще одну, более обстоятельную работу (Вопросы ихтиологии. 1972. Т. 12. № 1. С. 174–178) об исследовании рыбных популяций в другом, не названном, но теперь уже проточном озере. Ильенко изучал концентрацию только цезия-137 в пище и мышцах плотвы и в мышцах щуки, выстраивая пищевую цепочку: вода – пища плотвы – плотва – щуки. Наблюдения продолжались два года. Поскольку щуки питались плотвой, то именно щуки имели максимальную радиоактивность в мышцах. Но она резко варьировала по сезонам: в апреле 1970-го – 7 микрокюри на 1 кг, в августе – почти 30 микрокюри на 1 кг. В свою очередь все эти величины зависели от концентрации радиоактивного цезия в воде озера. В июне 1969 в воде озера обнаруживалось лишь 0,01 микрокюри на литр, в декабре 1969 концентрация подскакивала до 0,04, к апрелю 1970-го снизилась до 0,005 и снова поднялась к августу до 0,03, то есть выросла в 6 раз. Автор статьи не пытался объяснить причины таких колебаний в концентрации цезия-137. Озеро проточное, и в нем динамика другая. Но эти же колебания отражались, хотя и не столь резко, в пищевой цепи, прежде всего в корме плотвы.

Озеро было явно большим, в 1969–1970 годах группа Ильенко выловила для этих опытов 300 щук, и это без нарушения баланса популяционного равновесия. В проточных промысловых озерах Южного Урала вылов всех пород рыб составлял, согласно справочникам, от 16 до 25 кг на гектар в год. Размер озера, в котором изучались вариации цезия, безусловно, измерялся квадратными километрами. Резкие повышения радиоактивности воды, особенно от сентября к декабрю, можно было объяснить лишь тем, что в озеро и в 1969-м, и в 1970 году производился промышленный сброс радиоактивных отходов и это были миллионы кюри. Но куда радиоактивная вода из этого озера уходила? В какую реку? На крупномасштабных картах Челябинской области было видно, что из озерного края, на территории которого был построен атомный центр с тремя реакторами и радиохимическим плутониевым заводом по переработке выгоревшего ядерного топлива, вытекала лишь одна небольшая и неглубокая река Теча длиной около 250 км. Она отводила воду из озер Иртяш (около 50 кв. км) и Кызылташ (около 30 кв. км). Я приготовил цветные фотографии и слайды с крупномасштабных карт Южного Урала для лекций в США. Одно небольшое круглое озеро, наверное около 100 га, без названия, выглядело точкой на предполагаемой территории атомного центра. Сам атомный город, без названия, но с 50 тысячами жителей, на картах не был обозначен.

Через два года фотографиями со спутников это небольшое озеро было

идентифицировано как озеро Карачай, ныне легендарное тем, что в нем содержится 120 миллионов кюри радиоактивных долгоживущих изотопов, среди которых цезия-137 в три раза больше, чем стронция-90. Этих изотопов там значительно больше, чем во всех радиоактивных загрязнениях на Земле, вместе взятых, включая Чернобыль, Фукусиму и полигоны для испытаний атомных бомб. Перелетные водоплавающие птицы, которые садились в прошлом или садятся в настоящее время на водную поверхность Карачая, могут получить летальную дозу облучения за один час. До мест своей зимовки они не долетают. В настоящее время все желающие могут прочитать про озеро Карачай во многих интернетных источниках.

ЦРУ протягивает руку помощи

Эндрю Уилсон, заместитель редактора воскресной газеты *The Observer*, который первым обратил внимание на мою публикацию об Уральской катастрофе в ноябре 1976 года, посоветовал мне написать запрос в Центральное разведывательное управление США и, ссылаясь на недавно принятый там Акт о свободе информации, узнать, есть ли у них об этом какие-либо документы. Не слишком полагаясь на успех, я все же сделал такой запрос, отправив его 22 сентября в Вашингтон заказным письмом. В письмо я вложил оттиски двух статей на эту тему из *New Scientist*, чтобы показать, о чем идет речь. Как объяснил мне Эндрю, к запросу следовало приложить чек на 25 долларов для покрытия минимальных первоначальных расходов. В дальнейшем мне могли предъявить дополнительные счета – работа по рассекречиванию требует расходов. Быстрый ответ датировался 14 октября. Даю отрывки в переводе:

«Центральное разведывательное управление в настоящее время проводит обзор некоторых документов по этому событию и решает вопрос о том, какие из них мы можем предоставить вниманию общественности. Когда процесс рассекречивания будет закончен, мы будем рады прислать Вам копии. Так как некоторые документы появились именно в связи с Вашими публикациями, мы будем рады обеспечить Вас этой информацией бесплатно...»

Джин Уилсон (Gene Wilson), координатор».

Четыре документа пришли ко мне спустя всего лишь два дня. Но это были почти пустые листы, на одном из которых, под номером 48, говорилось о том, что в СССР произошла какая-то авария «типа Уиндскейлской». Еще через два дня пришел отцензурированный документ. Даю в переводе:

«Предмет: Авария на атомной станции в Касли

Дата информации 1957–1958. Дата рассылки 4 марта 1959.

Зимой 1957 произошла авария на атомном заводе в Касли... Все магазины в Каменске-Уральском, которые продают молоко, мясо и другие продукты, были закрыты. Для снабжения города продукты питания через два дня стали привозить на грузовиках и по железной дороге. Их продавали непосредственно с грузовиков, что привело к образованию очередей, напомнивших период войны... Население Каменска-Уральского было напугано слухами о появлении каких-то

заболеваний. Кое-кто из руководящих лиц вызвали общественное возмущение, выходя на улицу только с небольшими счетчиками радиации, которые были недоступны для всех...»

На следующий день в новом фирменном конверте ЦРУ я обнаружил более подробный документ, поступивший в США в 1960-м и распространенный по системе ЦРУ 16 февраля 1961 года. Первые два абзаца были зачернены, их не рассекретили. Текст начинался со стр. 3. В нем сообщались сведения, полученные от неназванного источника из Кыштыма:

«Весной 1958 года... от нескольких людей он слышал, что обширные районы Челябинской области были загрязнены радиоактивными отходами из-за аварии на атомном заводе где-то рядом с Кыштымом, городом в 70 км к северо-западу от Челябинска... Продовольствие, которое привозят крестьяне на челябинский рынок, проверяется на радиоактивность санитарной службой... Проверяются продукты, поступающие в школы и на заводы... Некоторые загрязненные деревни недалеко от Кыштыма, по свидетельству источника, были сожжены, и их жители переселены в новые поселки, построенные правительством. Жителям не разрешили брать с собой никаких вещей, и их увозили только в той одежде, которая была на них...

...река Теча, которая вытекает из озера Кызылташ... стала очень радиоактивной...

В августе 1960... рабочих и служащих послали на сельскохозяйственные работы в район около 50 км севернее Челябинска... Надиров мост через реку Теча был увешан плакатами "Пить воду строго воспрещается. Вода загрязнена..." Во время работы в совхозе служащим запрещалось подходить к реке... Берег был отгорожен проволочным забором с плакатами "Проход воспрещается"...

...атомный объект в Кыштымском районе был известен как почтовый ящик 40».

Все ясно, подумал я, американская разведка работает хорошо и на «местном» уровне. Собирает даже слухи. Добытую информацию в прессу ради сенсаций не дает, чтобы не раскрыть свои источники. На институтском ксероксе я скопировал эти тексты на прозрачные листы для демонстрации через проекционный аппарат и добавил их к набору иллюстраций^[12].

В Нью-Йорк я вылетел в понедельник 23 октября ночным рейсом с промежуточной посадкой в Манчестере. Полет оказывался на час или полтора дольше, но почти в два раза дешевле. В понедельник самолеты в Нью-Йорк улетали наполовину пустыми, деловые люди не теряют в воздухе рабочих дней. Благодаря множеству свободных кресел я смог прилечь и вытянуть ноги. Стюардесса принесла небольшую подушку и одеяло. Самолет приземлился в аэропорту имени Кеннеди около двух часов дня, и я сразу поехал в отель «Рузвельт». Как постоянному клиенту мне теперь полагалась скидка 25 % на оплату номера.

Джимми Картер, новый президент США, не сумел в первый год своего срока изменить экономическое положение в стране. Инфляция возросла в течение года с 5,5 до 6,5 %, безработица достигла 7,5 %. Продолжение кризиса по-прежнему было связано с высокими мировыми ценами на нефть. Новые энергосберегающие технологии еще не получили широкого распространения. Картер, окончивший Военно-морскую академию и занимавшийся после службы во флоте фермерством в южном штате Джорджия, не мог быть компетентным лидером по международным проблемам. Внешняя политика США почти полностью перешла в руки нового госсекретаря Сайруса Вэнса (Cyrus Vance), а отношения с СССР (как и с другими коммунистическими странами, включая и Китай) перешли под контроль Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski), получившего пост национального советника по безопасности и офис в Белом доме. Бжезинский, автор нескольких книг по истории СССР и советской политике, быстро сформулировал для Картера новую, более конфронтационную доктрину по отношению к Советскому Союзу. В своей речи на церемонии инаугурации 20 января (часть которой была написана именно Бжезинским, советником Картера с 1975 года) президент объявил защиту прав человека главным принципом американской внешней политики. За несколько часов до церемонии А. Д. Сахаров передал в посольство США в Москве срочное письмо Картеру. Текст этого письма, по содержанию торопливого и конфиденциального, был, тем не менее, опубликован в *The New York Times* 29 января. Такая неавторизованная публикация могла лишь осложнить положение Сахарова. Газета сообщала, что текст получен из госдепартамента. Ответ Картера Сахарову был датирован 5 февраля. Русский вариант письма был долго неизвестен и даже по «Голосу Америки» передавался обратный перевод с английского. Русский оригинал, но с сокращениями, появился лишь в книге А. Д. Сахарова «Воспоминания» в 1990 году, вышедшей в США через год после смерти автора. По сути, это была записка на одной странице с коротким списком людей, за освобождение которых следовало бороться: Ковалев, Романюк, Джемилев, Светличный, Глузман, Рубан и еще пятнадцать человек. «Подробные сведения о каждом – в “Хронике-Пресс”. Эд Клайн знает все!» – добавлял Сахаров. Попытки опубликовать это письмо в эмигрантской русской прессе окончились неудачей, так как его текст, как стало известно, был передан по дипломатическим каналам из Москвы сразу на английском. Эд Клайн – бизнесмен и финансовый спонсор «Хроники-Пресс». Он также владел издательством имени Чехова в Нью-Йорке, которое опубликовало «Воспоминания» Сахарова. В тексте «Письма Сахарова», который опубликовала *The New York Times* 29 января и транслировали в обратном переводе различные радиостанции, была одна фраза, которая привела к дипломатическому скандалу и вызову Сахарова в Прокуратуру СССР, где его обвинили в клевете на правительство и сделали предупреждение.

Эту фразу я привожу на английском, так как в русский текст, опубликованный в 1990 году (с. 886), она не вошла: «Of special note should be provocation in the Moscow subway, which should be resisted energetically. We compare it with the Reichstag fire in 1933 and the killing of Kirov in 1934». В переводе на русский она звучит так: «Особо надо отметить провокацию в московском метро, в отношении которой следует протестовать решительно. Мы сравниваем

ее с поджогом Рейхстага в 1933-м и с убийством Кирова в 1934-м»).

К этому времени ошибочность и преждевременность заявления Сахарова стали очевидными, так как группа армянских националистов – организаторов и исполнителей взрывов в Московском метро и на улицах, повлекших большое число жертв, была раскрыта в конце 1977 года и осуждена. Сахаров в своей книге обсуждал этот теракт совершенно иначе. Я касался этой темы в [главе 35](#).

1 марта 1977 года в Белый дом на встречу с вице-президентом Мондейлом (Walter Mondale) и президентом США был приглашен Владимир Буковский, советский диссидент. За три месяца до этого, в декабре 1976-го (он находился тогда в психиатрической больнице Института судебной психиатрии им. Сербского в Москве), его обменяли при посредничестве США на лидера чилийской компартии Луиса Корвалана (Luis Corvalán), содержавшегося без суда в одиночной камере в тюрьме в Сантьяго. В 1976 году Луис Корвалан, друг и соратник Сальвадора Альенде и Фиделя Кастро, считался самым известным в мире политическим заключенным. Обмен Корвалана на Буковского осуществили в аэропорту Цюриха 18 декабря. Отсюда лидера чилийских коммунистов на правительственном самолете сразу привезли в Москву на торжественное празднование 70-летнего юбилея Л. И. Брежнева, проходившее в Кремле 19 декабря. Это был особый подарок юбиляру от Юрия Андропова, председателя КГБ. Возможность такого подарка обеспечил отчасти и Генри Киссинджер, поддерживавший дружеские отношения с Пиночетом. Уговорить чилийского диктатора пойти на такой обмен могли только американцы, после переворота в Чили в 1973 году Советский Союз разорвал с Чили дипломатические отношения.

В начале апреля я получил письмо от директора программного комитета знаменитого Венецианского биеннале Карло Рипа ди Меано (Carlo Ripa di Meano), он приглашал меня принять участие в этом фестивале. В декабре 1977 года фестиваль планировалось полностью посвятить диссидентам Восточной Европы и СССР. Ожидался приезд туда Мстислава Ростроповича, Андрея Тарковского и многих других знаменитостей. В программе намечался «круглый стол» советских диссидентов с участием писателей-эмигрантов. Согласие на это дали Андрей Синявский, Виктор Некрасов и Иосиф Бродский. Я ответил, что готов принять участие в «круглом столе».

Через две или три недели на институтский адрес мне пришло «Письмо Буковского представителям эмиграции из СССР» (без даты):

«Уважаемый Жорес Александрович Медведев!

Этим письмом я приглашаю Вас принять участие в совещании представителей эмиграции из СССР, на котором намечается обсудить итоги Белградской конференции 35-ти государств, подписавших Хельсинкское соглашение, и те задачи правозащитного движения в СССР и в эмиграции, которые из них вытекают. Согласно предварительным планам, данное совещание будет создано в Лондоне в августе 1977 года...»

На это письмо я не стал отвечать, так как из него следовало, что ответы надо посылать не самому Буковскому, а Александру Штромасу, эмигрировавшему в Англию в 1973 году советскому юристу, родственнику (по жене) Иосифа Кагана, знаменитого изобретателя нейлоновых плащей, бежавшего в Англию из Литвы в 1946 году. Иосифу Кагану, другу недавно ушедшего в отставку премьер-министра Гарольда Вильсона, был по «прощальному

списку» премьера (Lavender List) присвоен титул барона, дающий пожизненное право заседать в палате лордов. Однако в данный момент (май 1977-го) барон Каган, фабрикант и миллионер, скрывался в Израиле от ареста британской полицией по ряду серьезных финансовых обвинений. (В 1980-м он был арестован Интерполом во Франции и впоследствии осужден на короткий тюремный срок, но с крупным штрафом.) В письме Буковского, странном во многих отношениях, меня больше всего удивила следующая фраза: «Если Вы не сможете принять участие в совещании, то по какой причине (принципиально не желаете; нет времени; заняты в это время другими делами; нет денег на поездку и т. п.)?»

К такому допросу я не был готов. Я сейчас даже не знаю, состоялось это совещание или нет.

Нью-Йорк в 1977-м

В Нью-Йорке первый день я просто ходил и ездил по городу, стараясь отметить какие-либо перемены. Их было немного. Большой магазин на Пятой авеню, вывесивший перед моим отъездом год назад объявление о срочной распродаже в связи с закрытием, так эту срочную распродажу и продолжал, рассчитывая, видимо, на туристов. Брайтон Бич, район Бруклина, где в основном селились эмигранты из СССР, процветал. Русский язык стал здесь доминирующим, торговля и всякого рода коммерция процветали, в некоторых магазинах продавали ностальгические товары из СССР, как промышленные, вроде хозяйственного мыла, так и продовольственные, главным образом овощные и рыбные консервы. Я хорошо пообедал в ресторане «Одесса», заказав борщ и гречневую кашу с грибами. Мне рассказали, что здесь живут уже около 40 тысяч выходцев из России.

На следующий день я посетил издательство «W. W. Norton & Co», с которым в прошлом году был подписан договор на книгу «Soviet Science», и передал редактору рукопись и иллюстрации. Днем были намечены встреча и ланч с Патрицией Блейк, ответственной за советские темы в журнале *Time*. Она продолжала работать над биографией Солженицына, но с угасающим энтузиазмом. Литературное качество прозы писателя, по ее оценке, не возрастало, а снижалось, особенно в недавнем «Узле» «Красного Колеса» – «Октябрь Шестнадцатого». У меня не было по этому поводу собственного мнения, так как этот двухтомный труд был первым из произведений Солженицына, которое я не прочитал. В то время Солженицын перерабатывал и «Август Четырнадцатого», также доводя его до двухтомного объема и осуществляя одновременно «языковое расширение» русской прозы создаваемыми им или существовавшими, но давно забытыми словами из местных диалектов. По его изменившейся исторической концепции источник революции следовало искать не в поражениях России в войне, а в убийстве Петра Столыпина в 1911 году.

Я хотел встретиться с Валерием Чалидзе, моим московским другом, который с 1973 года возглавлял нью-йоркское отделение «Хроники-Пресс» и редакцию «Хроники прав человека» – журнала, освещавшего политические репрессии в СССР (см. [главу 24](#)). Его адреса и номера телефона я не знал, и никто из моих знакомых не мог их сообщить. На мои письма из Лондона Валерий не ответил. Я не исключал, что проблемы у Чалидзе могли возникнуть в связи с неожиданной публикацией в 1977 году «Хроникой-Пресс» довольно большого его труда «Уголовная Россия» (395 стр.), обстоятельной монографии по истории уголовной преступности в России и в СССР. Вполне возможно, что эта книга, дававшая обзор особенностей русских уголовных традиций, воровских артелей, грабителей, убийц,

насильников, их жаргона и кодекса неписаных законов и иерархий, остается и до сих пор единственной в своем роде. Было очевидно, что Чалидзе работал над монографией много лет, начав ее, возможно, задолго до создания им Комитета прав человека в 1971 году, и записал немало свидетельств. Книга была встречена молчанием в эмигрантской среде, хотя вызвала большой интерес. В Нью-Йорке найти Валерия я так и не смог. Патриция Блейк сказала мне, что у Чалидзе возник какой-то конфликт со спонсорами. Не исключено, что перемены были вызваны разводом с женой Верой Чалидзе-Слоним, кузиной Павла Литвинова, второго редактора «Хроники-Пресс». Вера Чалидзе, внучка Максима Литвинова сталинского наркома иностранных дел, переехала в 1976 году в Лондон и работала теперь на Би-би-си.

Я нашел Валерия и его вторую жену Лизу, тогда еще студентку факультета права, лишь через три года и уже не в Нью-Йорке, а в лесах Вермонта, на берегу озера, где он сам строил им же спроектированный дом, охранял свои 500 акров земли с помощью двух больших собак, управлял собственным издательством в Нью-Йорке «Chalidze Publication» и издавал новый журнал «СССР: Внутренние противоречия». В списке изданных им книг были: Коран в переводе на русский, «Толкование сновидений» З. Фрейда, «Наслаждение и долг» и «Страх и трепет» С. Кьеркегора. Он также опубликовал два тома «Воспоминаний Хрущева» «Встречи с Лениным» Н. Валентинова и небольшую кулинарную книгу «Грузинские блюда». Книги эти, все небольшого формата и в бумажных обложках, стоили недешево, но, безусловно, имели спрос. Когда Валерий вез меня с автобусной станции к себе домой, в машине в углублении справа от руля у него лежал заряженный пистолет. «В Вермонте это разрешено законом», – объяснил он.

Брукхейвен и Принстон

Мой семинар в Брукхейвенской национальной лаборатории был назначен на среду 26 октября. Кампус лаборатории находился в Аптоне, недалеко от Нью-Йорка, и я приехал туда вечером 25 октября на автобусе. Ричард Сетлоу, организатор визита, обеспечил меня планом, по которому можно было найти его дом. От автобусной остановки я доехал туда на такси. С Ричардом я был знаком только по переписке и обмену оттисками. Он был биохимиком и интересовался проблемами старения, но в основном изучал мутагенез и карциногенез, связанные с повреждениями ДНК радиацией. Основными объектами его исследований были рыбы, некоторые виды которых имели исключительно высокую чувствительность к радиации. (В природной среде рыб защищает от мутагенной радиации солнца толща воды.)

Брукхейвенская лаборатория, входившая в то время в состав группы лабораторий Комиссии по атомной энергии, была большим и многопрофильным исследовательским центром. У меня, однако, не было времени на осмотр ее подразделений. Мой доклад «Экологические последствия Уральской ядерной катастрофы в 1957 году» («The Ecological Consequences of the Ural Nuclear Disaster in 1957») был назначен на 16 часов в сравнительно небольшой аудитории отдела биологии. В отличие от университетов, доклады в таких лабораториях проходят в закрытом режиме и сведения о них не попадают в прессу. Сотрудники отдела слушали с интересом, задавали вопросы, но не подвергли материал активному обсуждению. Они просто не были достаточно знакомы с проблемой хранения

радиоактивных отходов и с радиоэкологией. План семинаров лаборатории лишь на 24–28 октября включал около пятнадцати докладов, и мое сообщение среди них ничем особенно не выделялось. После этого семинара я сразу же уехал вечерним поездом в Принстонский университет, где мои материалы могли подвергнуться более критическому анализу в Центре по изучению окружающей среды (Center for Environmental Studies).

В Принстоне таксист привез меня в резиденцию для гостей «Palmer House», и весь оставшийся вечер я изучал два обширных документа-отчета – «Wash 1520» и «Wash 1521», которые через Р. Сетлоу были переданы мне из Федерации американских ученых (FAS) ее директором Джереми Стоуном. Я познакомился с Джереми в Вашингтоне в 1974 году, и на этот раз мы снова планировали встретиться в столице после Принстона.

Отчеты, первый из них – о захоронении зараженных грунтов, второй – об испарителе радиоактивных отходов (*Radioactive Waste Evaporator*), представляли собой обзор связанных с этим проблем в Хэнфорде (штат Вашингтон), где в США с 1943 года занимались выделением плутония для военных целей. Это был американский аналог Челябинска-40. Отчеты помогли мне выдвинуть предположение о возможных причинах Уральской катастрофы. Технология хранения жидких отходов после выделения плутония не была мне ранее известна. Американские и британские физики-атомщики отнеслись с недоверием к моим первым сообщениям главным образом потому, что были уверены, что в Советском Союзе хранение жидких высокоактивных отходов от производства плутония осуществлялось таким же способом, как и в США, что делало невозможным детонацию и взрыв емкостей. В том, что советский атомный проект почти во всем копировал американский, сомнений в то время у американских ученых уже не оставалось. В США, как это подробно документировалось в отчетах, концентрированные жидкие отходы после выделения плутония сливались в очень большие, но открытые контейнеры с двойными стенками из нержавеющей стали. При этом отходы периодически разбавляли водой, чтобы компенсировать выпаривание горячего раствора. Разбавлением также предотвращалось кипение, вызываемое теплом радиоактивного распада. Такие разбавления избавляли от необходимости наружного охлаждения контейнеров циркуляцией воды. Радиолитический гремучий газ, неизбежно образующийся в этих растворах, просто вентилировался благодаря отсутствию крышек. Через два-три года такого хранения коротко- и среднеживущие изотопы распадались и исчезали. Температура растворов поэтому снижалась. Остающиеся в растворе радиоактивные стронций и цезий частично разводились и сбрасывались в полноводную реку Колумбия, впадавшую в океан, а частично захоранивались в глубокие траншеи на специально осушенном участке земли. (Загрязнение грунтовых вод на большой площади стало главной проблемой, обсуждавшейся в отчете «Wash-1520».) Ханфордская резервация занимала обширную территорию, и зона хранения радиоактивных отходов составляла около 200 кв. км на высоком берегу реки. Непосредственно на территории этого атомного центра его сотрудники, как я понял после вчерашнего визита в Брукхейвен, не проживали. Их дома находились в окрестных поселках за много миль от центра, и на работу они, естественно, приезжали на своих автомобилях. Челябинск-40 занимал несколько меньшую площадь между тремя озерами, но все его сотрудники с семьями (в 1957 году около 30 тысяч человек) жили там же на огражденной и строго охраняемой территории в 6–7 км от радиохимического завода «Маяк». Его большая труба, как и трубы реакторов, через которые удалялись радиоактивные инертные газы и радиоактивный йод, были им хорошо видны. Жилые кварталы строились недалеко от промышленной зоны и вместе с нею оказывались за

несколькими рядами ограждений из колючей проволоки. В этих условиях нужен был другой, более компактный способ хранения концентрированных отходов, тем более что вытекавшая с огражденной территории река Теча была мелководной и не впадала в океан. На ее берегах, сразу за закрытой зоной, располагались деревни местных жителей, а в долине реки паслись коровы.

Моя гипотеза пока была такова: вместо того чтобы разводить горячий радиоактивный концентрат в больших стальных контейнерах, решили предохранять его от кипения и выпаривания активным внешним охлаждением с помощью циркулирующей воды.

Однако на семинаре в Принстоне, состоявшемся тоже в рабочее время в сравнительно небольшой аудитории, главное внимание было уделено не причинам, а экологическим последствиям аварии. В объявлении о докладе, копию которого я получил лишь в резиденции для приезжих, Уральская катастрофа была названа «инцидентом», имевшим последствия для среды.

Вашингтон

В Вашингтоне я должен был встретиться с моим давним другом Дэвидом Журавским и с Абрахамом Брумбергом, одним из руководителей отдела по СССР и Восточной Европе госдепартамента США. Д. Журавский, профессор истории в Эванстоне, с которым я встречался в каждую из трех моих поездок в США, в настоящее время находился в годичной творческой командировке в знаменитом международном Вильсоновском центре в Вашингтоне (Woodrow Wilson International Center for Scholars). Этот центр предоставлял преподавателям университетов щедрые гранты, служебные квартиры, рабочие кабинеты и секретарей-помощников для написания важных научных трудов. К их услугам была самая знаменитая и наиболее полная в мире Библиотека конгресса США, а также хороший ресторан. Ученые могли приезжать сюда с семьями. В состав центра входил отдельный Институт перспективных российских исследований (Kennan Institute for Advanced Russian Studies). Журавский продолжал здесь готовить свою третью монографию по истории российской и советской науки. На этот раз, после книги о Т. Д. Лысенко, вышедшей в 1970 году, он собирал материалы по истории российской и советской психологии и научной деятельности главных ее представителей И. М. Сеченова и И. П. Павлова. (Это фундаментальный труд Журавского – «Russian Psychology. A Critical History» – вышел в США и в Великобритании лишь через много лет.)

Журавский пригласил меня участвовать в семинаре в Институте Кеннана на общую тему «Влияние политики на науку в СССР», который был намечен на 1 ноября. Для меня благодаря Абрахаму Брумбергу, был забронирован номер в гостинице «Quality Inn», расположенной на Капитолийском холме с отличным видом на здание Капитолия. Столица США мало приспособлена для пешеходов, и это создавало для меня проблемы во время прошлых приездов. Теперь я мог изучить главные достопримечательности города, расположенные на сравнительно небольшом пространстве между двумя авеню – Независимости и Конституции. Поблизости от моей гостиницы находились уже знакомые мне старое и новое здания сената, знаменитый Капитолий и монументальные корпуса Верховного суда и Библиотеки конгресса. В течение трех дней я посетил Национальную галерею, Национальный музей естественной истории и Музей истории и технологии, а также осмотрел вместе с Журавским Библиотеку конгресса. В субботу 29 октября А.

Брумберг, занимавший также пост главного редактора журнала *Problems of Communism* и директора Американского информационного агентства (USIA), в которое входила и радиостанция «Свобода», пригласил нас с Журавским на обед. Во время обеда, затянувшегося до позднего вечера, мы обсуждали политические проблемы, пытаясь оценить перспективы новой американской политики в отношении СССР.

Главные проблемы в реализации доктрины «защиты прав», ставшей приоритетной для руководства США, существовали прежде всего в самой американской администрации. Сайрус Вэнс, новый государственный секретарь, занимавший до этого пост заместителя секретаря по обороне, не хотел усиления конфронтации с СССР и считал важнейшей задачей заключение соглашения о сокращении стратегических вооружений (ОСВ-2). Он был прагматиком. У Вэнса возник конфликт со Збигневом Бжезинским, идеологом и автором разных грандиозных схем. Текущая программа Бжезинского предусматривала усиление конфронтации между СССР и Китаем. Именно поэтому срочная публикация «Письма Сахарова Картеру» показывала, в каком конкретно направлении будет вестись борьба за права человека и что Китай может по этому поводу не беспокоиться. В отношении Китайской Народной Республики США сделали ряд дружественных шагов, главным из которых стал отказ от дипломатического признания Тайваня как Республики Китай.

Брумберг оказался теперь в трудном положении. У него появилось два начальника, которые давали противоположные рекомендации. С Бжезинским он мог бы разговаривать и по-польски, но они не были друзьями. Бжезинский был знатным польским дворянином и сыном дипломата, приехавшего в США в 1938 году. Он был явным русофобом. Брумберг, родившийся в Тель-Авиве в 1926 году и живший в Польше с 1929 года, вместе с родителями бежал из нее от нацистской оккупации в 1939-м в Советский Союз. Сложным путем, через всю территорию СССР, семья Брумбергов приехала в Биробиджан, столицу Еврейской автономной области, которая граничила с Маньчжурией. В то время идиш был в этой области вторым языком и изучался в школах. После начала войны Брумберги через Маньчжурию и Японию добрались к осени 1941 года до Восточного побережья США. Абрахам служил в американской армии. Настоящим родным языком был для него идиш, и в США он иногда писал на нем статьи для журналов и газет. Он свободно говорил и на русском. Журавский мне объяснил, что в американском политическом спектре Брумберг был левым, тогда как Бжезинский крайне правым. Появление Бжезинского в Белом доме лишало Брумберга того влияния на политику США в отношении СССР и Восточной Европы какое он имел при Киссинджере. Но его должность не входила в число сменяемых при переменах в Белом доме.

Моя беседа с Брумбергом и Журавским касалась в основном статей и интервью Роя, публиковавшихся и в американской прессе, где он в довольно острой форме критиковал новую политику Картера. По мнению Роя, новый курс США носил избирательный характер в отношении СССР и мог привести лишь к усилению политических репрессий, так как ассоциировал внутреннюю политическую оппозицию с американской международной политикой. При этом Картер начинал свою деятельность с выступлений против советских лидеров, не завоевав еще никакого авторитета в международной политике. Новый курс Картера критиковался и в европейской прессе, поскольку ни ФРГ, ни Великобритания, ни Франция не могли ему следовать. Критической проблемой для Западной Европы оставался Ближний Восток и необходимость открытия Суэцкого канала, заблокированного уже десять лет.

Брумберг в принципе соглашался с доводами Роя, что президенту США следовало начинать строить свои отношения с главными деловыми и политическими партнерами со встреч или с переписки с лидерами этих стран, а не с оппозицией. Брумберг беседовал с нами как старый приятель, а не как влиятельный чиновник. Это могло означать лишь то, что политика по отношению к СССР формировалась теперь Бжезинским, а не госдепартаментом.

С июня 1977 года в Европе шла очень интенсивная кампания против решения Картера начать размещение на американских военных базах в ФРГ крылатых ракет и так называемых нейтронных бомб – нового вида термоядерного оружия, которое убивало людей мощным нейтронным облучением, а не взрывной волной. Протесты против нового оружия, возвращавшего Европу к холодной войне, намного превосходили по мощности всю кампанию по защите прав человека. (В 1978 году американская администрация была вынуждена отменить программу размещения нейтронных бомб именно в результате протестов.)

Техас. Первая диссертация об экспедициях Николая Вавилова

Вечером 1 ноября я вылетел из Вашингтона в Остин, административный центр Техаса. 2 и 3 ноября в двух кампусах Техасского университета, в Остине и в Далласе, у меня в программе были три лекции на различные темы: о проблемах старения, о радиоактивном загрязнении среды, а также по истории советской науки с общим обзором истории дискуссии по генетике и, прежде всего, участия в ней Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко. Этот визит в Техас был непосредственно связан с весьма необычным событием – появлением у меня в 1975 году аспиранта в Далласе, Барри Коэна (Barry Mendel Cohen), библиотекаря и историка, который готовил докторскую диссертацию на тему «Экспедиции Николая Ивановича Вавилова в Южную и Северную Америку». В Далласе мне предстояла первая встреча с Барри и знакомство с его работой. Каждому диссертанту в США, как и в других странах, требуется научный руководитель. Но по теме, которую начал разрабатывать Коэн в 1973 году, специалистов в США не нашлось. До этого у нас с Барри была активная переписка и беседы по телефону. Предки Барри приехали в США из России, поэтому он достаточно знал русский язык, чтобы читать, но не говорить. Защита диссертации намечалась на 1978 год.

В США известные ученые часто завещают свои личные архивы родному университету, в котором они учились или работали. Таким образом в библиотеку Техасского университета в Далласе попал архив крупного американского селекционера и генетика, одного из основателей экспериментальной селекционной станции в соседней Мексике. Эта станция, недалеко от Мехико-Сити, уже тогда считалась крупнейшим центром селекции новых сортов кукурузы и пшеницы. Николай Иванович Вавилов приезжал туда дважды, в 1930 и 1932 годах, и в последующем вел переписку с ее учеными. (Мексика, по теории Вавилова о географических центрах происхождения культурных растений, считалась родиной кукурузы, тыквы, нескольких видов фасоли и хлопка, сладкого картофеля и папайи.) Три письма Вавилова, отправленных из Ленинграда, Барри Коэн нашел, когда разбирал старый архив и составлял каталог нового. Переписка ученых всегда является наиболее ценной частью таких архивов и бывает богата находками. Эти три письма, в которых содержались вопросы о диких видах подсолнечника и кукурузы и поручения мексиканскому студенту, который

продолжал здесь сбор растений по заданию Вавилова, натолкнули Барри Коэна на идею о сборе и изучении других писем Вавилова ученым США, Канады, Мексики и Центральной и Южной Америки, которые могли храниться в разных библиотеках. К 1976 году он нашел и частично скопировал несколько новых писем Вавилова и смог составить примерную карту его экспедиций и находок. Я сейчас очень жалею, что не попросил Барри скопировать для меня эти письма. Тогда я не сделал это лишь потому, что письма Вавилова были написаны от руки и на очень плохом английском. Легенда о том, что Вавилов свободно владел английским, в которую верил и я, оказалась не совсем верной. Он читал научные тексты свободно, но говорил с трудом. В саратовской гимназии он изучал немецкий. Я предполагаю, что Вавилов посылал свои написанные рукой письма в США не обычной почтой, а через друзей, возможно с помощью американского генетика Германа Меллера, работавшего под руководством Вавилова в 1933–1937 годах в Москве. После 1933 года Вавилову не разрешали выезжать за границу, хотя такие поездки ему как директору ВИРа и вице-президенту Международной генетической ассоциации были необходимы. Личный архив Н. И. Вавилова по всем этим экспедициям (92 папки и 90 записных книжек и блокнотов) был уничтожен НКГБ «как не имеющий ценности» после вынесения ему смертного приговора в июне 1941 года (Центральный архив ФСБ, № 3-2311. Т. 8. С. 191–193). Поиски новых видов, разновидностей и сортов Вавилов вел в Канаде, на юге США, и Мексике, на Кубе, в Эквадоре, Панаме, Сальвадоре, Перу, Боливии, Бразилии, Чили, Уругвае, Аргентине, на Тринидаде и в Пуэрто-Рико. Только из Перу Вавилов отправил в Ленинград около двадцати посылок с дикими и культурными видами картофеля. Из других стран Центральной и Южной Америки пополнили уникальную коллекцию культурных растений в СССР новые виды томатов, подсолнечника, табака, кукурузы, хлопчатника, фасоли, тыкв, арахиса и других культур, для которых именно этот континент был родиной. До открытия Америки их в Старом Свете не возделывали.

Около двух дней мы обсуждали с Барри его работу. Из Лондона я привез для него третье издание фундаментальной книги моего учителя и одного из соратников Н. И. Вавилова Петра Михайловича Жуковского «Культурные растения и их сородичи», изданной в Ленинграде в 1971 году. В ней рассказывалось, какое значение имели находки Вавилова в последующие годы для практической селекции.

Из Далласа я улетал в воскресенье 6 ноября в Нашвилл (штат Теннесси) на встречу с главными американскими специалистами по переработке выгоревшего уранового топлива и хранению радиоактивных отходов от выделения плутония. На востоке Теннесси в небольшом городке Ок-Ридж в 1943 году была создана самая крупная лаборатория знаменитого Манхэттенского проекта.

Окриджская национальная лаборатория

В Нашвилле меня встречал Любомир Гнилика (Lubomir S. Hnilica), профессор Университета Вандербилта и мой старый друг по переписке, с которым я встречался раньше в Париже, Копенгагене и Германии на научных конференциях. Гнилика эмигрировал из Чехословакии в 1948 году. К настоящему времени он стал крупнейшим в мире авторитетом по хроматиновым белкам и только недавно разработал новую методику разделения и идентификации гистонов, которую мы осваивали в Лондоне для изучения

возрастных изменений их спектра в разных органах. 10 ноября мне предстоял доклад по гистонам и старению и в его лаборатории при кафедре биохимии. Он и помог мне с организацией автобусного путешествия в Ноксвилл, недалеко от которого располагалась территория Окриджского центра.

Первый день, 7 ноября, который я провел в этой знаменитой лаборатории, был связан с геронтологией. В биологическом отделе лаборатории уже несколько лет существовала группа, исследующая молекулярные механизмы старения, руководителем которой был Джералд Хирш (Gerald P. Hirsch), с ней мне и предстояло провести семинар. Хирш привел меня в лабораторию около десяти часов утра. Каких-либо явных признаков строгой, а тем более военнизированной охраны атомного центра не было заметно. Никакого высокого двойного забора из колючей проволоки, окружавшего подобные центры в Обнинске, я не увидел. Проверка автомобилей по пропускам проводилась при въезде на территорию. На проходной, расположенной за огромной парковкой, всех на входе и выходе проверяли прежде всего на радиоактивность с помощью экранов, возможно сцинтилляционных, размером в рост человека. Проверка на радиоактивность осуществлялась и при входе в каждое здание. Мой пропуск с фотографией был готов, он вешался на грудь, и на нем крупными буквами было написано: «VISITOR», что означало «гость». В лаборатории работало несколько тысяч сотрудников, и она занимала обширную территорию с множеством зданий. Но общая экскурсия для меня здесь не предусматривалась.

Во время ланча я познакомился с директором отдела экологии Стэнли Ауэрбахом и его коллегами Трабалкой (I. R. Trabalka) и Эйманом (L. D. Euman), с которыми мне предстояли дискуссии в следующие два дня. В 14 часов 8 ноября намечалась общая лекция об Уральской ядерной катастрофе, а вечером 8-го и весь день 9 ноября – дискуссии лишь в отделе экологии, размещавшемся в отдельном корпусе и имевшем около пятидесяти сотрудников.

С. Ауэрбах, основоположник радиоэкологии как самостоятельной отрасли науки, был, конечно, главным авторитетом, который мог определить, каким будет отношение к обсуждаемой проблеме не только в США, но и в других странах. Все атомщики, с которыми мне приходилось спорить с конца прошлого года, были либо администраторами, либо физиками. Им прежде всего хотелось верить, что никакой Уральской катастрофы вообще не было, так как если бы она действительно имела место, то они наверняка должны были хоть что-то об этом слышать. Факт такой крупной аварии, попадавшей по своему масштабу в неизвестный ранее разряд катастроф, менял историю атомной промышленности, военной и энергетической. Признав его, пришлось бы менять составленный МАГАТЭ официальный список реакторных аварий, крупнейшей из которых считалась авария, произошедшая в Уиндскейле в 1957 году, в результате которой пострадало на три месяца лишь производство молока в небольшом районе Англии. Кроме того, следовало пересмотреть некоторые технологии хранения жидких радиоактивных отходов. Каждая страна, являющаяся членом МАГАТЭ, была обязана докладывать этому агентству обо всех авариях. Советский Союз в 1957 году от этого правила уклонился.

Мой доклад 8 ноября прошел в большой лекционной аудитории. Присутствовало не менее 600–700 человек, тема оказалась интересной для всех, а для многих, судя по вопросам, весьма неожиданной. Жорес Медведев был в радиоэкологии, да и вообще во всех атомных областях науки человеком неизвестным. Но присутствовавшие в аудитории специалисты знали о советских исследованиях в этой области еще меньше меня. И теперь им приходилось об этом сожалеть. Я начал лекцию с истории моей работы на кафедре агрохимии ТСХА и с

отъезда на Урал в 1958 году трех моих студенческих друзей и профессора В. М. Клечковского. Друзья исчезли затем на много лет. Я встретил одного из них, Евгения Федорова, лишь на похоронах Клечковского, умершего в 1972 году. Затем я перешел к загрязненным радиоактивными изотопами озерам, рыбам, птицам, млекопитающим, деревьям и насекомым. Муравьи могли жить и в очень сильно загрязненных местах, в которых погибали лесные мыши. При загрязнении почв до уровня в 2 кюри на квадратный метр выживали лишь хлореллы – одноклеточные почвенные водоросли, размножившиеся делением без полового цикла. Все эти данные я иллюстрировал таблицами и графиками из уже опубликованных в советских академических журналах статей. Как я и ожидал, наибольшее впечатление произвели показанные на экране копии документов ЦРУ, полные пустых или зачерненных страниц. Доклад продолжался полтора часа. Когда я закончил традиционным «спасибо за внимание», раздались дружные аплодисменты. Это было неожиданно. В студенческих аудиториях овации иногда случались, но в профессиональных никогда. Эксперты Ок-Риджа понимали, что сами могли прочитать все оригиналы документов ЦРУ давно и полностью. «Почему они нам не показали?» – восклицал в недоумении Ауэрбах. Но это был вопрос не ко мне.

Впоследствии Ауэрбах прислал мне копию своего письма одному из коллег, имя которого он по каким-то соображениям удалил. В письме содержался отчет о моей лекции. И дружескую овацию после нее Ауэрбах объяснял тем, «что персонал лаборатории, нацеленный на решение обсуждаемой проблемы, осознающий будущие последствия и здравомыслящий, понимал, что перед ними человек, который, не будучи экспертом в данной области, старается обратить внимание мировой научной общественности на важную информацию и делает это с немалым риском для самого себя и для своей карьеры...»

На следующий день дискуссия продолжалась в более узком кругу и с участием двух радиологов. Сомнений в реальности крупномасштабной катастрофы в районе Южного Урала у присутствовавших не оставалось. Было очевидно, что эта авария привела к распространению по территории продуктов радиохимической переработки реакторного топлива. Не было сомнений и в том, что Ауэрбах и его коллеги получают и изучат в ближайшее время все относящиеся к этой проблеме документы ЦРУ. В американскую службу спутниковой разведки поступят запросы на фотографии районов Южного Урала, которые будут затем сравнивать с картами прежних лет. Документы ЦРУ и свидетельства Льва Тумермана в декабре 1976 года говорили о сожженных деревьях, эвакуированных жителях. Но кто занимался ликвидацией аварии? Кто разбирает разрушенное хранилище отходов? Для этого требуются тысячи человек и сотни единиц тяжелой техники. Сколько миллионов кюри выброшено вблизи хранилища взрывной волной? Что стало с ликвидаторами? Сколько людей эвакуировано из зоны? Где и как хранились реакторные отходы после 1957 года? Каков был состав радиоизотопов в зоне загрязнения в 1957, 1958-м и в другие годы до начала радиоэкологических исследований? Почему доминирует стронций-90? Куда делись цезий-134 и 137, цирконий-95, рутений-103 и 106, церий-144, которые неизбежно преобладают в жидких радиохимических отходах по крайней мере в течение первых трех-четырех лет? Есть ли в загрязнениях остатки урана и плутония? Радиозкологи появились в зоне лишь через десять лет после аварии, когда изотопный состав загрязнений радикально изменился. Но растения и животные больше всего пострадали именно в первые несколько лет. Когда началась эвакуация жителей? По документам ЦРУ, лишь в 1958 году. На все эти вопросы и многие другие ответов пока не было.

В радиоэкологическом отделе Ок-Риджа была создана группа ученых специально для изучения этих проблем. Ауэрбах обещал, что они будут держать со мной регулярную связь. Для изучения последствий Уральской катастрофы в медицинском аспекте в группу вошел Фрэнк Л. Паркер (Frank L. Parker), сотрудник Университета Вандербильта. В программу группы, помимо изучения документов ЦРУ, входил заказ перевода на английский работ по радиоэкологии, опубликованных в советских журналах. Список сорока публикаций этой серии и ксерокопии многих из них я им передал. Паркеру предстояло найти в советских медицинских журналах публикации, в которых говорилось о различных симптомах лучевой болезни и ее лечении. На финансовое обеспечение всех этих внеплановых проектов, как мне стало вскоре известно от приехавшего в Лондон Паркера, был получен правительственный грант.

ЦРУ раскрывает секреты

Ежегодная конференция Американского геронтологического общества открывалась в Сан-Франциско в пятницу 18 ноября. Мой доклад на одном из симпозиумов стоял в программе на 21 ноября. До конференции и после нее мне предстояло несколько других визитов, встреч с друзьями и коллегами и докладов по разным проблемам в трех штатах. Однако я расскажу о них в следующей главе. Эту главу целесообразно закончить рассказом о неожиданном событии, связанном все с той же Уральской ядерной катастрофой, а именно об официальном раскрытии для американской прессы некоторых секретов ЦРУ.

В субботу 26 ноября я снова находился в Нью-Йорке, на следующей неделе предстояла лекция по проблемам старения в одном из нью-йоркских медицинских колледжей, а весь уик-энд я был свободен. В газетном киоске в холле отеля «Рузвельт» я неожиданно увидел выпуск *The Wasington Post* с сенсационным сообщением на первой полосе: «ЦРУ подтверждает два взрыва на советских атомных объектах в 50-х». Аналогичное сообщение публиковалось и в других субботних газетах, но не всегда на первой полосе. *The Wasington Post* напечатала эту новость как главную, поскольку сама, как оказалось, обратилась в ЦРУ и потребовала предоставить документы по Уральской катастрофе на основании закона о свободе информации. С таким же требованием обратилась в ЦРУ американская общественная группа против атомного оружия, созданная Ральфом Надером (Ralph Nader), и получила такой же пакет рассекреченных документов. (Вернувшись в Лондон, я обнаружил, что эти же документы прислали и мне.) Их было около двенадцати, и они напоминали те, что я получил в октябре: рассекречены они были частично, санированы и не давали полной картины случившегося. Значительная часть информации основывалась на слухах, ходивших среди местного населения. Более профессиональные и компетентные сведения не рассекречивались, очевидно для защиты источников, а может, их вообще не было. Один из взрывов связывался с хранилищем ядерных отходов, другой – с испытанием атомной бомбы в Уральском регионе в связи с военными учениями и имитацией атомной атаки противника. О военных учениях в СССР с применением атомного оружия ходили разные слухи, однако документ ЦРУ сообщал о взрыве водородной бомбы в 20 мегатонн, сброшенной с самолета. Столь мощный взрыв в густонаселенном районе – факт невероятный. Такие взрывы легко фиксируются приборами в разных странах и входят в списки испытаний атомного оружия. Один из документов, составленный по показаниям неназванной женщины, свидетельствовал о существовании в Челябинске секретной больницы, в которой лечили пострадавших от

облучения людей. Сведения, собранные в 1958 и 1959 годах в Челябинской области, свидетельствовали о забое скота и птицы в местных колхозах и совхозах, контроле за продуктами, привозимыми из деревень на рынки, и о запрете охоты и рыбной ловли в обширных районах Урала.

В *The Wasington Post*, а также Ральфу Надеру были предоставлены санированные документы с номерами 1–14, отобранные из какого-то комплекта. Одновременно сообщалось, что в ЦРУ имеются документы по той же проблеме, получившие номера 15–29, которые все еще являются секретными. Сообщались имена сотрудников ЦРУ, несущих ответственность за их секретность. К ним непосредственно следовало обращаться с обоснованием мотивов, по которым та или иная организация желала бы их рассекречивания. У меня таких мотивов не было, однако я не сомневался, что Стэнли Ауэрбах и его коллеги из Окриджской национальной лаборатории смогут без труда их прочитать в полном объеме непосредственно в знаменитом здании ЦРУ в Вашингтоне.

Почему мы стареем

Вечером 9 ноября я вернулся из Ок-Риджа в Нашвилл. На следующий день мне предстоял семинар по гистонам на кафедре биохимии Университета Вандербилта. Визит туда стал результатом многолетней переписки и обмена отписками с профессором Любомиром Гниликой, начатых в 1965 году. Приехав из Чехословакии в США, Гнилика стал ведущим специалистом по гистонам и негистоновым белкам клеточных ядер. В книге «Молекулярно-генетические механизмы развития» (см. главу 6) я дал обзор его исследований еще в период 1960–1966 годов. За прошедшие с тех пор десять лет новые открытия в этой области привели к рождению теории о том, что гистоны – щелочные белки, из которых строятся в клеточном ядре своеобразные чехлы для двуспиральных нитей ДНК, создающих основу хромосом, – определяют не только различие между стареющими смертными соматическими клетками разных органов и тканей, но и различие между соматическими клетками и бессмертными зародышевыми клетками, или зародышевой плазмой, которая связывает непрерывной чередой поколений весь животный мир в течение сотен миллионов лет.

Зародышевые клетки любых животных, из которых формируются через серию делений (митозов и мейоза) сперматозоиды и яйцеклетки, участвующие в процессах полового размножения, имеют до мейоза (редукционного деления) такой же набор генов, как и соматические клетки, из которых в эмбриональном развитии формируются разные ткани и органы: мозг, мышцы, печень, кожа и другие. Но они отличаются от соматических клеток по составу хромосомных белков, прежде всего гистонов, щелочных белков хромосом, богатых лизином и аргинином. При этом при формировании функциональных половых клеток – спермиев и яйцеклеток – гистоны могут частично замещаться другими, еще более щелочными белками. Этот процесс происходит наиболее отчетливо при сперматогенезе, обеспечивая очень плотную упаковку ДНК в головках спермиев. Зародышевая специализация, обеспечивающая смену поколений, могла, согласно этой теории, регулироваться гистонами. До этого уже давно было показано, что смена одного из пяти известных гистонов обеспечивает инактивацию клеточных ядер в эритроцитах земноводных и птиц, у которых ядра клеток не удаляются, как у млекопитающих, при кроветворении.

В лаборатории Гнилики мне предстояло обсудить наши результаты, показавшие, что при старении мышечных клеток некоторых тканей происходит увеличение одной из субфракций лизинбогатого гистона F1. Изменение состава гистонов при старении, а в последующем при канцерогенезе было обнаружено впервые. Но каких-либо теоретических выводов по этому поводу я пока не делал. Визит в лабораторию Гнилики был важен прежде всего потому, что именно здесь начали применять новую методику электрофореза гистонов в гелях, которая позволяла их разделить на значительно большее число субфракций и помогала наблюдать тканевую специфичность их спектра. Нам в Лондоне предстояло теперь использовать эти новые методы для изучения возрастных изменений хроматиновых белков.

Из Нашвилла вечером 10 ноября я вылетел в Чикаго. В пятницу мне предстояла лекция об Уральской ядерной катастрофе, спонсорами которой были Аргоннская национальная лаборатория и отдел биофизики и биоинженерии вместе с Центром по изучению России и

Восточной Европы Иллинойского университета в Урбане. Переписку со мной вел профессор Ховард Дьюкоф (Howard S. Ducoff), один из основателей Общества по изучению воздействия радиации. Здесь уже знали об успехе моей лекции в Ок-Ридже, и каких-либо попыток оспаривать объективность представленных аудитории данных не возникло. На вечер я был приглашен в Центр по изучению России и Восточной Европы, где его директор, профессор Ральф Фишер (Ralf T. Fisher), хотел провести небольшую дискуссию по проблемам антисемитизма в России.

Утром в субботу я уже смог вылететь из Чикаго в Колумбус, столицу Огайо, для встречи с профессором Роналдом Хартом (Ronald W. Hart), директором Биомедицинского центра Государственного университета штата Огайо. Недавно сделанное Хартом открытие видовых различий скорости пострадиационного восстановления лучевых повреждений ДНК, коррелирующей с продолжительностью жизни, активно обсуждалось геронтологами. Фибробласты – клетки, образующие коллаген во всех тканях долгоживущих животных (приматы, кошки, лошади), размножаемые в культуре клеток, как оказалось, быстрее восстанавливали поврежденную структуру ДНК, чем фибробласты короткоживущих животных – мышей, крыс, кроликов. Появились гипотезы, объяснявшие видовые различия продолжительности жизни разной активностью ферментов репарации структур клеточной ДНК. Способность к быстрой репарации повреждений ДНК обеспечивала, по этой гипотезе наследственно более длинную жизнь.

В США, как я убедился по прошлогоднему визиту, бронировать заранее места на авиарейсы из одного крупного города в другой не было необходимости. От предлагаемых встреч и проводов я обычно отказывался. Закончив программу в Урбане, я добрался на автобусе в аэропорт Чикаго и купил билет на ближайший рейс в Колумбус, до позднего вечера они отправлялись через каждые 20–30 минут по мере наполнения самолетов. На короткие расстояния и между небольшими городами летали нередко винтовые самолеты, в салоне которых помещалось не более 20–25 пассажиров. При отсутствии регистрируемого багажа посадка в салон разрешалась и без билета, плату за перелет принимали уже там наличными или по кредитным карточкам. С 1976 года я был обладателем карты American Express, что намного упрощало решение всех транспортных и гостиничных проблем в США.

В Колумбусе 14 ноября, в мой день рождения, мне предстоял дневной семинар по молекулярным проблемам старения. Однако по американской традиции гостеприимства заезжему иностранному гостю предлагали и вечернюю общеуниверситетскую, открытую для всех, лекцию с приемом и обедом. Из моих тем администрация медицинского колледжа выбрала «Положение ученых и науки в Советском Союзе». В письме, которое я получил в конце сентября, Р. Харт предлагал на 15 ноября еще один семинар уже в собственной лаборатории с общей дискуссией о роли ДНК и мутагенеза в процессах старения. Именно этот семинар оказался наиболее интересным и плодотворным. В этой дискуссии с аспирантами и сотрудниками довольно большой группы Харта вырисовывалась интересная картина, а именно что секрет вечной молодости зародышевых клеток в бесконечном ряду поколений состоит в их способности быстро удалять поврежденные участки ДНК, заменяя их полноценными по всей длине полимерной цепочки ДНК. Теперь очень важно было бы определить, каким образом гистоновый «чехол» ДНК открывается в зародышевых клетках для восстановительной работы ферментов репарации ДНК. Но методик для подобных исследований индивидуальных клеток тогда еще не было. Ткани стареют из-за неспособности составляющих их специализированных клеток к делениям и к полноценной

репарации повреждений ДНК. Чем полнее сохраняется способность к молекулярной репарации, тем дольше продолжительность жизни. Но это, безусловно, был лишь один из многих факторов видовых различий по этому признаку.

Из Колумбуса вечером 15 ноября мне предстоял короткий перелет в Мэдисон, столицу соседнего штата Висконсин. В аэропорту меня встречали старые друзья – Раиса Львовна Берг и профессор Джеймс Кроу. Раиса Львовна, об эмиграции которой из СССР в 1975 году я уже писал в [главе 29](#), обязательно хотела по русской традиции встретить меня в аэропорту и везти к себе домой на ужин. Но она не водила машину, и профессор Кроу, в отделе генетики которого Раиса Львовна тогда работала, предложил ей свою помощь, тем более что и формальное приглашение посетить Висконсинский университет исходило от него. С Джеймсом Кроу, хорошо известным генетиком, я встречался в прошлом лишь один раз, на Менделевском мемориальном симпозиуме в Брно в 1965 году.

Раиса Львовна Берг в Мэдисоне

Моя программа в Мэдисоне включала дневную лекцию-семинар по истории генетической дискуссии в СССР и общую вечернюю лекцию об Уральской ядерной катастрофе. И та и другая планировались на четверг 17 ноября. В пятницу я улетал в Сан-Франциско на открывавшуюся там ежегодную конференцию Американского геронтологического общества.

Вечером 15 ноября Раиса Львовна пригласила меня, Кроу и еще нескольких коллег и друзей на обед в свою небольшую квартиру в одном из многоквартирных домов университетского кампуса. Среди ее гостей был и пожилой американец, чисто говоривший по-русски. Как оказалось, это был Генри Шапиро, недавно ушедший в отставку московский корреспондент Юнайтед Пресс Интернэшнл, рапортовавший о всех новостях в СССР с 1937 до 1973 года. Он приехал в Москву в 1933 году для завершения образования (США переживали тогда глубокую депрессию, а Советский Союз быстро развивался). Закончив юридический факультет, Шапиро решил остаться в Москве, тем более что он женился на дочери одного из университетских профессоров, и в 1937 году начал работать в Юнайтед Пресс. Его первые репортажи из Москвы были посвящены показательным судебным процессам в разгар сталинского террора. Он был одним из немногих западных журналистов, получивших пропуск в Колонный зал Дома Союзов, где проходили судебные заседания, на которых доминировал не судья, а генеральный прокурор Вышинский. Репортажи Шапиро во время войны Советского Союза с Германией считались наиболее быстрыми и точными. Он сообщал о встречах Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в 1943-м и в Ялте в 1945-м. Телеграмма Шапиро о смерти Сталина опередила официальное сообщение ТАСС почти на сутки. Шапиро брал несколько интервью у Хрущева и закончил свою репортерскую карьеру сообщениями о встречах Киссинджера и Брежнева. Теперь Шапиро был профессором факультета журналистики и жил в большой квартире в одном доме с Р. Л. Берг.

* * *

Читателю может быть интересно узнать, что именно с Генри Шапиро связано известное многим выражение «два мира, два Шапиро», происхождение которого известно, однако,

немногим. Насколько я помню, шутка-анекдот с таким заголовком появилась на последней странице «Литературной газеты» лет за двадцать до моего приезда в США. Передаю ее по памяти:

«Поздно вечером зимой в одном из переулков Москвы шли два человека. В окне третьего этажа знакомого многим по вывеске над крышей здания ТАСС были видны языки пламени, и из окна шел дым. Один из проходивших, им оказался Генри Шапиро, репортер ЮПИ, помчался в свой офис и дал срочную телеграмму по телетайпу: “Пожар в здании ТАСС в Москве!” Второй прохожий, им оказался москвич Семен Шапиро, бросился к телефону-автомату и вызвал пожарную команду. Два мира, два Шапиро».

Был ли такой эпизод в реальности или его придумали юмористы из «ЛГ», не знаю. Спросить об этом Генри я не решился.

В понедельник 16 ноября Раиса Берг повела меня в свою лабораторию на кафедре генетики. Днем нас с ней пригласил на ланч профессор Кроу. На вечер предстоял визит к Генри Шапиро – он хотел показать собранную им в СССР коллекцию произведений искусства сталинского периода.

Лаборатория Раисы Львовны состояла из небольшого помещения, в котором было два термостата для выращивания на питательной среде в пробирках плодовых мушек дрозофил, стол для микроскопа и биноккулярной лупы и письменный стол. Скрещивание мух лабораторных линий с разными признаками и мутациями (цвет глаз, форма крыльев и т. д.) являлось главной технологией популяционной генетики дрозофилы, и я эту область генетики знал плохо. Но Раиса Львовна была большим энтузиастом и автором гипотезы о существовании глобальных волн, или вспышек, мутационной активности, связанных с колебаниями ультрафиолетовой радиации солнца или с какими-либо другими космическими явлениями. Вся работа по поддержанию многочисленных популяций дрозофил она делала сама, иногда унося пробирки с мухами в свою квартиру. Контраст с тем, что у нее имелось в Новосибирске, был очень значительным. В новосибирском Институте цитологии и генетики Р. Л. Берг возглавляла лабораторию популяционной генетики со штатом сотрудников и аспирантами. Она также читала лекции по генетике в Новосибирском университете.

В 1968 году, как я уже писал ранее, Раису Львовну уволили на пенсию за подписание опубликованного за границей «Письма Генеральному Прокурору СССР» сорока шести ученых с протестом по поводу закрытого суда над Гинзбургом, Галансковым и Добровольским, которых судили за протесты в связи с процессом над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем в 1966 году. Увольнению Берг предшествовало обсуждение ее поведения на ученом совете института. Раиса Львовна отказалась раскаться и сделала протокол заседания ученого совета достоянием самиздата. Увольнение в этом случае было неизбежным и в относительно либеральном Академгородке. Раиса Львовна напрасно надеялась, что к женщине отнесутся мягче и что ее может спасти популярность. Она вернулась в Ленинград, но полноценная исследовательская работа оказалась и там невозможной. В то время Берг исполнилось всего лишь пятьдесят пять лет и ее научный потенциал далеко не был исчерпан. Это и послужило главной причиной эмиграции.

Но в США жизнь и работа Раисы Львовны складывались непросто, хотя и по другим причинам. Прежде всего, сама популяционная генетика перешла за эти годы на новый уровень, требовавший компьютерного моделирования и биохимических анализов профиля ДНК с помощью аналитических установок, с которыми Берг не работала. А молодых помощников, аспирантов и лаборантов у нее не было. Приборы выдавали экспериментатору сложнейшую гамму полосок разной ширины и цвета, среди которых поиски мутаций осуществляли особые сканнеры, а не глаз человека. То же самое делалось и в медицинской генетике. Наследственные аномалии подтверждались анализами ДНК. Генетика реформировалась в геномику. Методическое отставание приводило к изоляции Берг от остальных, в основном молодых, сотрудников. Ее скромный трехлетний грант подходил к концу, и продлить его для 65-летнего ученого, не представившего публикаций по результатам научных экспериментов, было очень сложно. Грант был выдан не под личный проект Раисы Львовны, а выделялся из общего гранта кафедры на работу иностранных гостей. Временный характер финансирования не позволял ей получить медицинскую страховку и кредитную карточку и оплачивать поездки в Европу. Но Раиса Львовна оставалась оптимистом.

В США вопрос о продлении гранта решается в особых комиссиях, которые прежде всего оценивают научную «продуктивность» ученого, чаще всего по частоте цитирования его публикаций в работах других ученых. Американский Институт научной информации публикует два раза в месяц толстые тома «Индекса цитирования» по разным наукам (The Science Citation Index). Характеризуя ту или иную публикацию как важную, про нее могут сказать: «В прошлом году ее процитировали двести раз». Если какое-то имя в «Индекс цитирования» вообще не попадает, а это нередкая судьба авторов публикаций на русском, украинском и многих других языках, то шансов на получение грантов у таких ученых очень мало.

Мэдисонский музей сталинского искусства

Посещение коллекции картин и других произведений советского искусства 1933–1953 годов, собранных Генри Шапиро, стало одним из наиболее запомнившихся мне событий этой поездки. Я провел в квартире Шапиро более четырех часов. В нескольких больших комнатах на всех стенах, почти вплотную друг к другу, висели картины или эскизы с хорошо знакомыми сюжетами: «Ленин провозглашает Советскую власть», «Утро нашей родины», «Ходоки у Ленина», «Сталин и Горький», «Сталин и Ворошилов в Кремле», «Демонстрация в Батуми», «Переход Красной Армии через Сиваш» и десятки других. Не обязательно с ликом вождя, но непременно о счастливой советской жизни, индустриализации, стройках, колхозах или о подвигах на фронте. Я их видел сотни раз. Они висели в клубах, домах культуры, школах и вузах. Репродукции этих картин распространялись десятками тысяч в виде плакатов и почтовых открыток. В главном административном корпусе Тимирязевской академии в дополнение к мраморным скульптурам Ленина и Сталина в вестибюле была и картина с колхозным сюжетом в кабинете ректора.

Как объяснил Шапиро, даже массовые, «клубные», варианты тиражировали с оригиналов профессиональные художники. Плохие копии просто не пропускала цензура. У каждой массовой картины имелся оригинал, как правило, удостоенный Сталинской премии и подписанный достаточно известным художником. Некоторые молодые художники

становились известными благодаря удачному портрету Сталина. Крупное полотно создавалось долго, иногда год-два, и, как правило, выдвигалось Союзом советских художников на Сталинскую премию. Сталин лично посещал каждый год выставку картин-соискателей в Кремле и решал их судьбу. Из своих портретов он очень ценил полотно Ираклия Тоидзе, умело соединившего грузинское с русским в лице вождя. Картины, получившие первую премию, две-три каждый год, закупались в Третьяковскую галерею. Получившие вторую премию, их было четыре-пять, продавались в другие галереи и музеи. Больше всего присуждалось третьих, поощрительных премий по 25 тысяч рублей. Эти картины тоже быстро раскупали. Но один и тот же художник мог свою успешную картину и сам воспроизводить в уменьшенном варианте много раз, спрос на «высочайше одобренное» был очень велик. Ценилось и качество. Встречались великолепные, легко запоминавшиеся полотна. (Я, например, хорошо помню полотно А. Лактионова «Письмо с фронта».) Только подписанные авторами копии с собственных оригиналов висели в кабинетах наркомов и министров, в Кремле и в зданиях ЦК ВКП(б). В республиканских ЦК и Совмина вывешивались оригиналы местных художников, в зданиях обкомов и облисполкомов показывали образцы областного творчества. «Разрешенными вождями» кроме Ленина и Сталина были Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Калинин, Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян, Дзержинский и Буденный. В компанию к вождю попадали Горький, Чкалов, дочь Светлана и дети. Маршалов рядом с генералиссимусом я никогда на картинах не видел.

На столах у Шапиро были выставлены бюсты, статуэтки, вазы, палех, резьба по дереву, фарфор, гравюры и другие произведения искусства этого периода. Шапиро собирал лучшие. Каким образом приобретались экспонаты, я не спрашивал. Я и раньше видел в Лондоне и Париже несколько частных коллекций, собранных в СССР. Бывший посол одной из стран Южной Америки, поселившийся в Лондоне после возвращения из Москвы, показывал мне собранную им коллекцию православных икон. Известной в Лондоне была коллекция фотогравюр Ленина, Сталина, Троцкого и других большевиков, собранная Дэвидом Кингом, самым знаменитым на Западе собирателем советских фотографий. К нему обращались многие издатели и авторы книг по истории. Бывший многолетний московский корреспондент *Sunday Times* Эдмунд Стивенс (Edmund Stevens) вывез из Москвы в Лондон коллекцию самоваров, в которой имелся и золотой самовар, один из двенадцати, заказанных Александром I в Туле в честь разгрома наполеоновской армии. Один из этих золотых самоваров был подарен российским императором в 1816 году знаменитому английскому химику Хамфри Дэви (Humphrey Davy) в награду за изобретение безопасной шахтерской масляной лампы. Он хранится в Королевском институте.

Шапиро собирал не музейные оригиналы, они не продавались и не вошли в каталоги галерей, а подписанные авторами копии или эскизы среднего размера. После смерти Сталина сами художники, нередко талантливые и заслуженные, стремились поскорей избавиться от ими же созданных полотен и эскизов и могли продавать их недорого, особенно за доллары. Я не сомневаюсь, что Шапиро все оформлял легально и на каждый экспонат имелся документ. Продав недавно несколько картин на аукционе, он смог купить дом для своей дочери. Эти картины ценились как исторические памятники ушедшей эпохи. Во многих был очевиден и талант мастеров. Большинство диктаторов и императоров, даже очень долговечных, как объяснил мне Шапиро, не смогли создать культ личности со столь значительным отражением в изобразительном искусстве. Все основные музеи мира хотят иметь оригинальные образцы живописи сталинской эпохи как завершение эры Русской

революции, датируемой историками живописи с 1905 года. Музеи должны правдиво отражать историю. «Зайдите в Метрополитен-музей в Нью-Йорке, там есть три картины из моей коллекции. Они были слишком велики для этой квартиры», – сказал Шапиро. На вечерний обед нас снова пригласила Раиса Львовна.

В Метрополитен-музее на Пятой авеню в Нью-Йорке я действительно увидел вскоре портрет Сталина. Имя художника не запомнил. Но это не был образец Сталинианы. Вряд ли из коллекции Шапиро. Мрачный, подозрительный взгляд уже старого диктатора был обращен на посетителей музея через приоткрытую занавеску заднего стекла большого автомобиля, проезжавшего по Арбату.

Конференция по геронтологии в Сан-Франциско

Ежегодная конференция Американского геронтологического общества открывалась вечером 18 ноября в конференц-зале отеля «Хилтон» в центре города. В этом четырехзвездочном отеле разместились и все участники конференции, им предлагались номера за треть обычной стоимости. Почти сорокаэтажное здание гостиницы было отлично приспособлено для национальных и международных съездов и собраний, а сниженную плату за номера компенсировали аренда множества залов для заседаний и ресторанный сервис. Главный ресторан располагался наверху, с окнами во всю стену, дававшими широкий обзор порта, бухты и Тихого океана.

Во время первого визита в Сан-Франциско в мае 1974 года (см. [главу 25](#)) мою программу здесь определяли Майкл Лернер и Леонард Хейфлик, старые друзья, оказавшие большое влияние на мою судьбу еще в период жизни и работы в Советском Союзе. Майкл умер от рака в июне 1977 года, а Леонард, как я писал ранее (см. [главу 33](#)), потерял работу заведующего кафедрой в Стэнфордском университете из-за конфликта с департаментом здравоохранения в Вашингтоне по поводу прав собственности на созданную им особую линию культуры фибробластов, получившую широкое распространение в вирусологии и геронтологии. Несколько месяцев Хейфлик не имел работы и содержал семью за счет фонда, собиравшего средства по подписке среди членов Американского геронтологического общества. Его проблемы еще не были решены. Он писал мне в Лондон в ответ на мое сообщение о возможной встрече в Калифорнии в ноябре:

«Как Вы знаете, я в настоящее время занимаю должность старшего биолога по клеточным исследованиям в детской больнице в Окленде. Однако моя зарплата и исследовательский грант ожидаются лишь в декабре и лишь в том случае, если грант будет одобрен. Если все будет в порядке, то мы переедем в Беркли или в Окленд в следующем году... Я еще не знаю, когда мой иск к департаменту пойдет в суд... наверняка не раньше чем через год. Затем та или иная потерпевшая сторона имеет право апелляции в Верховный суд. Это добавит еще два года...»

На заседании Геронтологического общества комитет по защите Леонарда Хейфлика, созданный в 1976 году и возглавляемый Бернардом Стрелером, планировал обсудить все эти проблемы.

С Хейфликом и Стрелером я встречался перед открытием конференции. Положение Леонарда оставалось очень трудным, так как семья перебивалась лишь его гонорами за

лекции и консультации по биотехнологии. Долги по кредитам в банке продолжали расти.

Непосредственно на конференции я был занят на ежедневных симпозиумах биологической секции общества. На утреннем симпозиуме 19 ноября, посвященном иммунологии старения, среди нескольких докладчиков выступали и мои старые знакомые – Дэвид Гершон и Рой Уолфорд (Roy Walford), с которыми я встречался в Киеве в 1972-м и в Иерусалиме в 1975-м. На вечернем заседании доклад о роли репарации повреждений ДНК делал Рональд Харт, с ним я недавно познакомился в Университете штата Огайо. 20 ноября председателем симпозиума по роли клеточной регенерации в процессах старения был Хейфлик. Вечерний симпозиум по нейробиологии старения вел Бернард Стрелер. На следующий день председателями симпозиума по генетике и эволюции продолжительности жизни стояли в программе Дж. Сейчер и я. В программе заседания был и мой доклад с возрастных изменениях хроматина («Age changes in chromatin – an overview»). Наибольший интерес на этой сессии вызвал доклад Дж. Хирша из Окриджской лаборатории, показавшего связь между видовой продолжительностью жизни и частотой спонтанных соматических мутаций клеток.

23 ноября собравшиеся в Сан-Франциско геронтологи, около двух тысяч, разъезжались и разлетались по домам. В четверг 24 ноября американцы отмечали День благодарения. По традиции дома собиралась вся семья. Праздник захватывал и пятницу.

Я на эти дни оставался в Сан-Франциско. Моя последняя лекция о науке в СССР планировалась в Нью-Йорке на 28 ноября. В четверг и пятницу хотелось отдохнуть и походить по городу. Сан-Франциско был одним из немногих больших американских городов, в котором туристам не нужен автомобиль. Главной достопримечательностью города являлся старинный канатный трамвай. На нескольких линиях ходили копии первых трамвайчиков XIX века, без прицепов. Они почти всегда были переполнены, туристы висели и на подножках.

В пятницу я решил пройти пешком до знаменитого Чайна-тауна. На одной из центральных улиц прошедший мимо меня и показавшийся мне знакомым мужчина средних лет неожиданно крикнул сзади: «Жорес!» Я обернулся. Что за встреча! Юрий Трифонов, знаменитый советский писатель. Он узнал меня, так как совсем недавно встречался с моим братом-близнецом.

Юрий Трифонов и советский авангард в Сан-Франциско

Когда я познакомился с Юрием Трифоновым в 1963 году, он не был знаменит. Я читал лишь одно из его ранних произведений – повесть «Студенты», напечатанную в 1950 году в «Новом мире». Я и сам завершил в том же году студенческую жизнь. Но повесть мне не понравилась. Она оказалась слишком конъюнктурной, в ней оправдывалось увольнение из института профессора-космополита. Впоследствии Трифонов стыдился этой повести, хотя именно она, удостоенная Сталинской премии третьей степени, открыла для него, 25-летнего дипломника, возможность вступления в Союз советских писателей сразу после окончания Литературного института. Когда, познакомившись позже с Роем, Юрий Валентинович узнал, что мой брат не читал «Студентов», он взял с него обещание никогда ее не читать. Первую реальную известность принесла писателю книга «Отблеск костра», вышедшая в 1967 году и основанная на судьбе его родителей, репрессированных в 1937 году. Его отец, революционер, военный командир в Гражданскую войну и член Военной коллегии

Верховного суда СССР в начале 1930-х, был расстрелян в 1937 году. Мать, арестованная как жена врага народа, вышла на свободу в 1945 году. (При поступлении в институт и в других анкетах того времени Трифонов скрывал аресты своих родителей. Если бы он этого не делал, то его судьба сложилась бы иначе.) Трифонов стал по-настоящему знаменит, написав повесть «Дом на набережной», которая была напечатана в 1976 году в журнале «Дружба народов». Я ее не читал. В Великобритании Трифонова как писателя почти не знали, его романы и повести на английский не переводились. Острых сюжетов у него не было, его жанр – городская проза с множеством бытовых подробностей. Юрий Валентинович, хотя и дружил с Роем, не был диссидентом и не вступал в конфликты ни с властями, ни с руководством Союза писателей. Я говорю это не в укор. Трифонов жил скромно, писал медленно, по многу раз переделывая текст, печатался нечасто. Предпочитал относительно небольшие рассказы и повести, а не романы. Его семья полностью зависела от редких гонораров. Зарубежных гонораров у Трифонова не было. Некоторая материальная устойчивость пришла к нему лишь с повестью «Обмен», напечатанной в «Новом мире» в 1969 году, еще при Твардовском. Режиссер Юрий Любимов превратил повесть в пьесу и поставил в своем знаменитом Театре на Таганке. Спектакль оказался очень популярным и держался в репертуаре довольно долго. Однако Трифонов охотно читал эмигрантскую литературу. Зная возможности Роя, он часто просил его достать книги, доступные только за рубежом. Рой в конфиденциальных письмах нередко просил меня прислать дополнительные экземпляры книг Набокова, Гуля, Замятина, Ремизова, Бердяева и других, подчеркивая, что это для Ю. В.

В Сан-Франциско Трифонов находился по приглашению кафедры славянских языков Калифорнийского университета. Его пригласили на три месяца для серии семинаров и индивидуальных бесед со студентами и аспирантами, изучающими русский язык и русскую литературу, в нескольких кампусах: в Сан-Франциско, Беркли, Дэвисе и Санта-Барбаре. Юрий Валентинович мог вести семинары на русском, так как владел лишь немецким. Его почти везде сопровождал студент, изучавший русский язык. Мы договорились встретиться в субботу, походить по городу и поговорить обо всем. Я улетал в воскресенье в Нью-Йорк, Трифонов возвращался в Москву через три недели.

На следующий день мы неторопливо ходили по центральным улицам. Здесь тоже был свой Бродвей. У одной из больших витрин Юрий Валентинович внезапно остановился. За витринным стеклом были выставлены картины с какими-то явно советскими модернистскими сюжетами. Это, как оказалось, был салон, выставка-продажа современного искусства, в основном советского авангарда. Мы вошли внутрь. В нескольких залах было выставлено, наверное, больше ста разного размера полотен. Некоторые оказались знакомы Юрию Валентиновичу. «Эту картину я видел на выставке в Манеже», – удивился он, показывая на большое полотно. Я понял, что он имел в виду выставку художников-авангардистов в Манеже, которую 1 декабря 1962 года посетили Хрущев и Суслов. Абстрактное искусство привело тогда Хрущева в неопишумый гнев. «Прекратить это безобразие! Что это такое!» – кричал Хрущев, используя, судя по рассказам, и более крепкие выражения. В самиздате впоследствии появился довольно резкий диалог между Хрущевым и скульптором Эрнстом Неизвестным.

Это событие имело исторические последствия не только для советской живописи. Гонения на все формы модернизма и авангарда начались и в других областях искусства. За пятнадцать лет, прошедшие с тех пор, немало художников-авангардистов и скульпторов

уехало из СССР. Их эмиграции обычно не препятствовали. Возле одной небольшой картины с ярким, но непонятным мне сюжетом Трифонов остановился. «Михаил Шемякин, – прочитал он. – Я бы ее повесил в своей квартире. Сколько она может стоить?» – обратился он ко мне. Я попросил у сотрудника салона каталог. Мы нашли в нем и привлекающую внимание Трифонова картину. Название ее я забыл, а цену запомнил – 75 тысяч долларов. Несколько других полотен, перечисленных в каталоге, стоили еще дороже.

Лев Наумович Ланда в Нью-Йорке

В воскресенье вечером мне предстояла в Нью-Йорке встреча со студенческими друзьями Роя – Львом Наумовичем Ландой, профессором педагогики, и его женой Мусей Неймарк, доктором педагогических наук. Они сравнительно недавно приехали в США проведя после эмиграции из СССР почти год в Италии, Голландии и ФРГ. Я раньше Льва Наумовича не знал, но по просьбе Роя занимался его делами уже почти два года, стараясь объяснить и им и Рою, что та сфера педагогической науки, в которой Лев Ланда считал себя основоположником (впоследствии она получила название «ландаматика»), не сможет найти применения в американской средней школе, где обучение детей было значительно хуже европейских стандартов. Существование особой Академии педагогических наук и научных степеней по педагогическим наукам было частью именно советской системы среднего образования, которое строилось не на исторических традициях, хотя они тоже присутствовали, а на основе идеологии под видом особой науки. Я сомневался, что открытия Ланды в детской психологии известны в США. В Советском Союзе у Льва Ланды уже была репутация корифея, ученого с мировым именем, и его довольно большая книга «Алгоритмизация в обучении», изданная в Москве в 1966 году, объясняла, каким образом можно улучшить мыслительные процессы у школьников и ускорить весь процесс обучения.

При Институте психологии Академии педагогических наук РСФСР была еще в 1962 году создана именно для Л. Н. Ланды большая лаборатория программированного обучения. Предметом ее исследований были непосредственно механизмы мышления и формирование мыслительных процессов с заданными свойствами. Ланда мог вскоре рассчитывать на членство в Академии педагогических наук. Но этому помешали семейные обстоятельства. Взрослый сын Ланды Борис, непризнанный художник, влюбился в приехавшую в Ленинград американскую студентку, женился на ней, и они уехали в конце 1975 года в Нью-Йорк. Отсутствие патриотизма у детей отражалось в то время и на судьбе родителей. На очередном конкурсе в Институте психологии Лев Наумович, очевидно именно из-за этого, не был утвержден заведующим собственной лабораторией. Его перевели на должность старшего научного сотрудника, что и послужило поводом для решения эмигрировать на Запад, несмотря на отсутствие гарантий на получение каких-либо должностей. Ланда в прошлом уже побывал во многих странах Европы и свободно владел английским и немецким языками. Но наша встреча в Нью-Йорке, по его очень настоятельной просьбе, имела другую причину. Ему нужна была срочная помощь, моя и Роя, в организации вывоза из Москвы в Нью-Йорк его обширного научного архива, который таможня Шереметьевского аэропорта не пропустила за границу без документа об отсутствии в бумагах сведений секретного характера. Институт, где Ланда работал много лет, создал по его просьбе, незадолго до его отъезда, комиссию по проверке содержимого архива, но дело затянулось, бумаг было очень много, среди них все диссертации его учеников и различные рукописи, вывоз которых за

границу требовал, по советским правилам, разрешения Главлита. На день отлета комиссия работу не завершила. Ланда решил рискнуть и вывезти четыре чемодана архивных материалов без разрешительных документов, но сделать это ему не удалось. Теперь, как надеялся Лев Наумович, его друзья сумеют каким-то образом переслать из Москвы в Нью-Йорк несколько чемоданов, которые оказались у его друга Марка, математика и сотрудника Госплана, провожавшего в аэропорту Льва с женой, когда они вылетали в Вену.

В конце июня 1976 года я получил от Ланды большое письмо с множеством инструкций, которые следовало переслать Рою. Это был список действий, необходимых для отправки за границу его архива. После переезда Ланды из Вены в Италию, уже в августе, я получил от него новое письмо:

«Дорогой Жорес!

Пишу уже из Утрехта. Получили ли Вы мое письмо из Рима и удалось ли Вам переправить мое письмо Марку? Марк плохо слышит и, видимо, не расслышал моих инструкций, которые я второпях давал ему в Шереметьеве перед отлетом. Попросите Роя передать Марку еще раз, что я буду теперь регулярно присылать к нему всяких иностранцев, которые едут в Россию, и пусть он им дает материалы по частям, предварительно сделав микрофильмы или ксерокопии...»

Далее шел список материалов, которые следовало отправлять в первую очередь. Главной в нем была рукопись новой книги самого Ланды «Умение думать и как ему учить», которую он до отъезда уже начал переводить на английский.

Весь этот проект оказался слишком рискованным. Марк, друг Ланды, не понимал необходимости конспирации. Он начал копировать бумаги архива в фотолаборатории Вычислительного центра Центрального статистического управления (ЦСУ). (Фамилия Марка я тогда не знал.) Это стало известно администрации, и последовали увольнения. Возникло и уголовное дело по статье «Использование служебного оборудования для частной работы». Одно из следующих писем от Ланды было паническим:

«Жорес! Мне не дают покоя заботы о том, чем и как можно помочь Марку, как можно предотвратить его арест... если что случится с Марком, я включу в борьбу за него определенные влиятельные силы... в попытке перекопировать мои материалы криминального преступления нет...»

История с архивом Ланды продолжалась очень долго и к концу ноября 1977 года еще не закончилась. Марка не арестовали, но продолжали вызывать к следователю. Выяснилось, что фотолаборатория ЦСУ производила и фотокопирование, возможно за деньги, книг Солженицына. Архив Ланды к тому времени находился где-то в другом месте. Рой просто не мог заниматься тайной отправкой или копированием всех этих бумаг.

27 ноября я был в гостях у Льва и Муси в Бруклине. Они жили в доме, который арендовал или купил в долгосрочный кредит их сын Борис. Все стены в большой гостиной были увешаны картинами, которые Борис и его друзья писали уже в Нью-Йорке. Русский авангард. Будущее Льва Ланды в США теперь уже не казалось мне столь проблемным.

Отправка архива Ланды в США по частям продолжалась больше трех лет. В 1979 году Лев получил профессорскую должность в Университете Нью-Йорка. Картины Бориса Ланды

не имели заметного успеха. В живописи большую роль играют обстоятельства творчества, судьба художника, имя и оригинальность сюжетов. Система обучения, разработанная Львом Ландой (в США она получила название *Landamatics theory*), привлекла внимание, хотя и не сразу. Первые годы в Нью-Йорке были очень трудными. Ландаматику в США нельзя было внедрять через министерство просвещения или академии. Ее можно было лишь рекламировать и продавать в основном в частные школы и колледжи. Со временем, лет через десять, кажется в 1990 году, для этого возникла компания «Landamatics International, New York», которая стала рекламировать новую систему обучения. Ею заинтересовались в основном в системе профессионального обучения. Ни я, ни Рой писем от Льва Наумовича после 1980 года не получали. Это, как я уже знал, было признаком разочарования в Америке. Впоследствии мне стало известно, что Лев Ланда умер в 1990 году в возрасте 72 лет.

Новые гистоны, новый лаборант

Применение новых методов электрофореза гистоновых белков в полиакриламидных гелях, которые были разработаны Любомиром Гниликой в Нашвиле, позволило нам разделить открытую ранее субфракцию лизинбогатого гистона F1 (по новой классификации гистонов она теперь стала H1) на два варианта, которые мы обозначили символами H1 и H1. Разные органы мышей различались по соотношению этих вариантов, и доля одного из них была явно больше у старых животных и в гепатомах. Возрастные изменения на этом уровне могли свидетельствовать о морфогенетическом (программном) контроле процесса старения, во всяком случае у мышей, имеющих эволюционно сокращенную продолжительность жизни. Скорость старения – это приспособительный признак, коррелирующий с процессами репродукции. Природа и естественный отбор награждают долголетием лишь животных с медленными процессами роста и развития особей нового поколения, имеющих многолетний выход на стадию полового созревания.

Моя лаборантка Лиля, русская австралийского происхождения, перешла в 1977 году в аспирантуру и стала работать самостоятельно по теме диссертации и на культурах тканей. На освободившееся место можно было пригласить нового лаборанта. О наличии вакансий в институтах и университетах сообщается в разделе объявлений на последних страницах журналов *Nature* и *New Scientist*. Через две недели после подачи нашим институтом такого объявления в отдел кадров поступило около ста заявлений. Все еще высокая безработица создавала наибольшие проблемы именно для молодых специалистов. Я не имел на этой стадии доступа к личным делам, но в объявлении о вакансии подчеркивалось, что у претендентов должен быть опыт работы по биохимии. Судить о пригодности такого опыта мог, естественно, только сам экспериментатор. Первичный отбор по документам вели в отделе кадров и после этого пригласили для предварительного собеседования десять человек. Из этих десяти кадровики выбрали трех, передав их документы в наш отдел. Теперь им предстояло собеседование со мной, с заведующим отделом и с инженером отдела, проверявшим кандидатов на знание приборов.

Из трех кандидатов я выбрал молодого, явно очень способного человека, недавно закончившего Кембриджский университет со специализацией по биохимии. Мой выбор, как я полагал, решающий, сообщили кадровикам. Кого выбрали заведующий отделом и инженер, я не спрашивал. В Англии, по традиции, не принято вмешиваться в подобные дела. Через две или три недели в моей группе появился новый сотрудник. Им оказалась девушка лет двадцати, не имевшая ни университетского образования, ни опыта работы с животными, ни в биохимии. У нее был небольшой стаж работы в какой-то диагностической лаборатории госпиталя. Такое пренебрежение моим мнением вызвало первый конфликт с британскими кадровиками. Я настаивал на изменении решения. Неопытный и неквалифицированный лаборант мог стать обузой, а не подмогой в работе. После нескольких бесед с инженером отдела и кадровиками причина принятого решения прояснилась. Выбранный мною молодой и квалифицированный выпускник Кембриджа, а туда принимают только лучших и после отборочных экзаменов, родился в Югославии, то есть в коммунистической стране. Он уже получил британское гражданство, но в государственные учреждения, к которым относился и

наш институт, разрешалось, по каким-то секретным инструкциям, принимать на постоянную работу лишь тех, кто родился в Соединенном Королевстве или в его бывших колониях, входивших теперь в Британское содружество наций. Отсутствие опыта у новой сотрудницы оказалось достоинством. Ей могли предложить должность не лаборанта, а младшего лаборанта, то есть с меньшей зарплатой. Экономия бюджетных средств. Права оспаривать такие аргументы у меня не было. Но у новой сотрудницы вскоре обнаружилась аллергия на лабораторных мышей и особенно крыс. Работать с этими животными, а тем более препарировать их органы она не могла.

Венецианский биеннале

В начале декабря, как я уже сообщал ранее, мне предстояла поездка в Венецию для участия в одной из программ Венецианского фестиваля авангардного искусства, организуемого раз в два года, обычно с 15 ноября по 15 декабря. В первую неделю декабря в одном из дворцов Венеции собирался «круглый стол» для обсуждения проблем советских и восточноевропейских диссидентов. Венецианские форумы мирового искусства, начатые еще в прошлом веке, стали столь популярны, что Советский Союз принимал в них участие с 1926 года. В начале XX века именно русское революционное искусство действительно лидировало как авангард мирового. В живописи выдвинулись Марк Шагал, Борис Кустодиев, Василий Кандинский, Наталья Гончарова, Казимир Малевич и многие другие. Возникло новое искусство агитационного плаката. Владимир Маяковский стал представителем революционного авангарда в поэзии, Сергей Эйзенштейн – в кинематографии. В литературе выделялись Евгений Замятин, Борис Пильняк, а несколько позже и Михаил Булгаков. Независимость искусства в нашей стране от текущей политики была ликвидирована в период коллективизации и индустриализации. С запретом на творческие поездки за границу и появлением в Европе фашистских диктатур прекратилось и участие СССР в международных фестивалях. Вторая мировая война прервала проведение каких-либо международных мероприятий, в том числе и Венецианского биеннале. Они возобновились в 1948 году. В 1956 году Советский Союз вновь открыл свой павильон в Венеции.

Сообщение президента биеннале Карло Рипа ди Меаны о том, что фестиваль в 1977 году будет посвящен диссидентам Восточной Европы, вызвало протест со стороны посла СССР в Риме и некоторых других посольств, объявивших это вмешательством политики в культуру. Но ди Меана активно защищал свое решение, утверждая, что искусство нередко создает проблемы для политиков не только на Востоке, но и на Западе. Растущая эмиграция деятелей науки и искусства из СССР и Восточной Европы и появление самиздата свидетельствуют об отсутствии там свободы творчества, и это нельзя игнорировать, так как искусство и наука не имеют границ.

Письмо с приглашением от Рипа ди Меаны было на английском, а полная программа фестиваля на итальянском. Но по упоминаемым в ней именам и терминам я все же смог определить главные ее пункты. Первым пунктом был кинофестиваль с международным жюри. Самиздат в этом виде искусства вряд ли возможен. Все фильмы из СССР и Восточной Европы были продукцией государственных киностудий, но такие советские режиссеры, как Сергей Параджанов и Андрей Тарковский, считались диссидентами. Параджанов, новаторский фильм которого «Тени забытых предков» на тему украинской истории я смотрел, наверное, десять лет назад, находился в 1977 году в заключении. Фильм

Тарковского «Сталкер» я посмотрел лишь недавно в лондонском киноклубе. Он не произвел на меня большого впечатления. Польские, чехословацкие и венгерские режиссеры, упоминавшиеся в программе, не были мне известны.

Значительно больший интерес представляла для меня организуемая выставка книг самиздата и их переводов и изданий на разных языках.

Третьей главной темой фестиваля планировалось изобразительное искусство, живопись и скульптура, и симпозиум по проблемам авангарда, национальных традиций и соцреализма. Для меня во всех этих пунктах программы интерес представляло то, что я смогу увидеть Мстислава Ростроповича, его концерт значился в программе, и Эрнста Неизвестного, имя которого тоже там упоминалось. С Эрнстом Неизвестным я еще не был знаком, но Рой подружился с ним в Москве как раз в тот период, когда скульптор работал над созданием надгробного памятника Хрущеву. Изображение этого памятника на Новодевичьем кладбище мы с Роем выбрали для обложки книги «Хрущев. Годы у власти», и цветной негатив я получил в Лондоне от Э. Неизвестного, который в 1976 году эмигрировал из СССР и жил тогда в Цюрихе. В начале 1977-го он переехал в Нью-Йорк.

В программе биеннале упоминался и Юрий Любимов, режиссер Театра на Таганке. Наука и литература объединялись в один «круглый стол». Здесь в программе стояли имена А. Сахарова, А. Солженицына, А. Синявского, В. Буковского, Р. Медведева, Ж. Медведева, В. Турчина, Л. Плюща, В. Некрасова, А. Амальрика, В. Ерофеева, Е. Эткинда, И. Пеликана, М. Джиласа, Э. Гольдштюкера, В. Гавела, Л. Колаковского и еще многих других. Какой-то общей темы для дискуссии не было. Предполагалось, что в ней примут участие и итальянские писатели, философы, журналисты, а также некоторые советологи из других стран.

Декабрь, конечно, не лучшее время для посещения Венеции. Ветер с моря поднял уровень воды, и площадь Святого Марка оказалась затопленной. Туристы ходили по деревянным настилам вдоль домов. В одном из дворцов дождей находился оргкомитет биеннале. Солженицына здесь не ждали, он на письмо ди Меаны не ответил. Не смог приехать и Эрнст Неизвестный. Любимов и Тарковский не получили разрешения на поездку в Венецию от советских властей. Большим разочарованием для всех стало отсутствие Ростроповича. Его концерты планировались на год вперед, и приглашение от Рипа ди Меаны пришло к импресарио великого музыканта слишком поздно. Но для участия в «круглом столе» приехало очень много диссидентов и эмигрантов, в основном из Франции и США. Программы дискуссии и заранее подготовленных выступлений не было. Оргкомитет намечал лишь общее направление, полагая, что какие-то идеи возникнут спонтанно, в ходе прений. Вокруг большого овального стола собралось, наверное, около сорока человек. Встречу открыл Рипа ди Меана. Всем участникам обеспечили синхронный перевод. Среди итальянских организаторов доминировал Джузеппе Боффа (Giuseppe Voffa), хорошо говоривший по-русски. Герой сопротивления, историк, журналист и писатель, он был признанным авторитетом в Италии по всем советским проблемам. Но он был и членом Коммунистической партии Италии, другом Тольятти и корреспондентом газеты *L'Unita* в Москве. Владимир Максимов произнес резкую речь, оскорблявшую Боффа, а также Андрея Синявского, недавно покинувшего редколлегию «Континента» и создававшего новый русский журнал в Париже. Леонид Плющ, взявши слово, стал критиковать братьев Медведевых. Затем выступил писатель Марк Поповский, недавно эмигрировавший в США. Он привез в Нью-Йорк новую книгу «Дело академика Вавилова», основанную на архивах

КГБ 1940–1941 годов, которую пока никто не брался переводить на английский. Поповский почему-то обвинял в этом меня, предполагая, что именно мне посылали ее на рецензию. Дискуссия быстро переросла в жалобы писателей, недовольных отсутствием интереса к их книгам, и в обычные споры среди эмигрантов. Синявский, которого критиковали больше всех – недовольство вызывали его книги «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя», – покинул заседание после перерыва на кофе. Объединение диссидентов в авторитетную оппозицию режимам Восточной Европы, на что, вероятно, рассчитывали организаторы, быстро становилось иллюзией. На следующий день «круглый стол» уже не собирался. В перерывах я поговорил с Виктором Некрасовым, с которым познакомился в Киеве в 1967 году во время симпозиума в Институте геронтологии. Я жил тогда неделю в гостинице «Днепр», недалеко от элитного дома на Крещатике, где жил Некрасов. Он был одним из авторов «Нового мира», и его телефон в Киеве сообщил мне В. Я. Лакшин. В. Некрасов повесть которого «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году, получила всемирную славу и переводилась на множество языков, уехал в 1974 году во Францию на три месяца по приглашению, но, не вернувшись к 1977 году, все еще не потерял советского гражданства. Он был слишком популярен на родине, особенно в Киеве. В 1976 году я встречался с ним в Париже, где семья его снимала маленькую квартиру в плохом и шумном квартале. Ему тогда было 65 лет, и выглядел он нездоровым. В 1977 году в № 12 и 13 «Континента» закончилась публикация начатых еще в 1976 году довольно подробных заметок Некрасова «Взгляд в нечто» о собственной эмигрантской жизни и о прогулках по Парижу. Но ностальгия по Киеву и даже по Москве и «Новому миру» была очень заметной. Не зная французского, Некрасов оставался во Франции туристом. В заметках он не скрывал, что семья его сильно нуждалась. За работу заместителя редактора «Континента» Виктор Платонович получал 3000 франков в месяц (около 500 долларов), слишком мало для Парижа и недостаточно для поездок в другие страны. Трудности возникали и в отношениях с Владимиром Максимовым.

Я провел в Венеции еще два дня, встречаясь с Витторио Страдой, Пьером Остеллино и Джузеппе Боффой, которые помогали Рою в издании книг в Италии. П. Остеллино лишь недавно опубликовал свои интервью и диалоги с Роем в виде небольшой книги на итальянском (*Intervista sul dissenso in URSS. Laterza & Figli, Roma – Bari, 1977*).

«Круглый стол» в Венеции и встреча с Некрасовым заставили меня задуматься, почему именно писатели оказались в эмиграции в наиболее трудном положении. Они явно не понимали, что положение писателей в СССР, как и в старой России, было иным, чем в западных странах. Литература в СССР, как и вся печатная продукция, щедро субсидировалась государством. Любой литературный журнал и любое издательство существовали за счет государственного бюджета. Чем большим оказывался тираж, тем выше была и бюджетная субсидия. Любые книги, прошедшие цензуру, печатало государство, и они стоили очень дешево, были доступны всем. Не только газеты и журналы, но и романы считались пропагандой. Дешевизна книг распространялась и на зарубежную классику и переводную научную литературу. Авторские гонорары тоже начислялись из бюджета, а не из коммерческой прибыли. В западных странах писатель, как и рабочий, создавал прежде всего прибавочную стоимость для частного издателя. Книги были потребительским товаром и стоили дорого, в десять или двадцать раз дороже их советских аналогов. Это был товар для среднего класса. Научные издания субсидировались университетами и шли в основном в библиотеки. Тиражи книг определялись спросом, гонорар зависел от тиражей.

Читательского спроса на советскую тематику ни в Англии, ни в США не было. Многих сюжетов и ситуаций читатели просто не понимали. Перевод почти никогда не имел литературных качеств оригинала. Жанр триллеров, ставший главным в борьбе авторов за книжный рынок, не был освоен советскими писателями, продолжавшими традиции прошлого века. Советская литература, в отличие от советской музыки, балета или спорта, не стала международным явлением.

Биеннале 1977 года признали неудачей. Звезд и знаменитостей для привлечения туристов не было. Фильмы и живопись оказались средними. Шедевров не появилось. Без государственной поддержки национальных делегаций участники не получили и щедрого приема от местных властей. Главная цель традиционного фестиваля на самом деле состояла не в том, чтобы поддержать диссидентов и оппозицию, а в том, чтобы привлечь в Венецию туристов в несезон, когда они не едут туда по собственной инициативе ради красот и музеев самого города. Гостиницы не заполнились, рестораны пустовали, гондолы и пассажирские катера стояли у причалов. Причины провала, наверное, горячо обсуждались городскими властями. Карло Рипа ди Меана вскоре подал в отставку с поста президента-организатора. Социалистическая партия Италии, членом которой он состоял, направила его на спокойную работу в Европейском парламенте.

Семейные новости и проблемы

В конце 1977 года из Калинина пришла хорошая новость от сына: он женится. Вскоре мы получили и фотографию его невесты Людмилы. Рита собралась лететь в Москву в январе с подарками для новобрачных, однако в посольстве СССР в Лондоне отказались проставить в ее советском загранпаспорте возвратную визу. Поездку отложили на весну, решив, по совету друзей, оформлять ее как туристическую через турагентство британской компартии «Progressive Tours». События разворачивались быстро, и в конце декабря Рой, приглашенный на свадьбу, прислал нам отчет, полный оптимизма. Но возникли и проблемы, главной из которых стал, естественно, вопрос о квартире. В 1978 году мы уже ждали внука или внучку. Пока молодым выделили комнату в трехкомнатной квартире родителей Людмилы. Ее отец, военный летчик, майор, был уже пенсионером. Саша, неудачно пытавшийся в прошлом году поступить в медицинский институт – его не допустили к экзаменам в результате какого-то телефонного распоряжения, – учился на вечернем отделении экономического факультета Калининского университета. Поменяв несколько работ, он устроился мастером по куклам в местном театре. Кукольные театры как раз в то время стали появляться в республиканских столицах и в крупных областных городах, приобретая популярность у населения. Это явление, как я понимаю лишь сейчас, было социальным и стихийным. Жесткие цензурные ограничения, от которых задыхались и деградировали кинематография, театр, драматургия, проза и поэзия, не могли распространяться на кукольные театры и театры миниатюр и сатиры. Кукольный театр Сергея Образцова в Москве и Театр миниатюр Аркадия Райкина в Ленинграде стали исключительно популярными. Воспроизводить и модифицировать оригинальные постановки театра Образцова в других городах было легче, чем копировать или имитировать неповторимое сатирическое творчество Аркадия Райкина. Главным хобби Саши была резьба по дереву, теперь он стал профессионально делать кукол. Работа была творческой, но низкооплачиваемой. Рита начала планировать поездку в СССР на весну 1978 года. Мы хотели оказать молодой семье всю возможную помощь. Наши новые родственники

при этом сразу попали в положение заложников с ограничением прав, о чем они пока не догадывались.

Общая политическая обстановка в Советском Союзе значительно ухудшилась, частично из-за обострения отношений с США, но в большей степени из-за кризиса в самом советском руководстве, вызванного отсутствием конституционных механизмов преемственности власти. Сформировавшаяся после смещения Хрущева осенью 1964 года руководящая элита, оформленная в Политбюро и Секретариат, быстро теряла дееспособность просто из-за старения и болезней руководителей. Алексей Косыгин, возможно самый способный премьер-министр в истории СССР, пострадал летом 1976 года в перевернувшейся на озере одиночной байдарке. Он был физически хорошо тренирован и увлекался греблей. Его спасли в реанимации, но работоспособность не была восстановлена. Физическое состояние Брежнева продолжало ухудшаться, врачи сопровождали его повсюду. Суслов, Устинов и Громыко, члены малого Политбюро, осуществлявшего оперативное руководство, не обладали авторитетом и властью для управления экономикой страны и партийным аппаратом. В этих условиях неизбежно выдвигался на роль лидера Юрий Андропов с руководимым им аппаратом КГБ. В партийной системе усилилось влияние Черненко, человека крайне консервативных взглядов, догматика. В СССР управление страной могло осуществляться лишь через какую-то универсальную и очень дисциплинированную систему власти. Партийная директивная система власти дополнялась государственной исполнительной. Потеря дееспособности одновременно Косыгиным и Брежневым выдвигала на управленческую роль столь же универсальную систему КГБ. Возраставшая власть КГБ проявлялась прежде всего в усилившихся репрессиях и ограничениях.

В 1977 году американское правительство под давлением МИД и КГБ неожиданно лишило всех своих аккредитованных в Москве журналистов услуг дипломатической почты. Диппочтой теперь могли пользоваться лишь сотрудники американского посольства. Не исключено, что госдепартаменту США были предъявлены реальные факты злоупотреблений диппочтой, например нелегальный вывоз из СССР картин, икон и антиквариата. Моя конфиденциальная переписка с Роем, которая в прошлом обеспечивалась журналистами, стала затруднительной. Аэрограммы все же шли диппочтой. В одной из таких аэрограмм, полученной мною из Вены в конце декабря, Рой писал:

«Пришло несколько книг – 1 и 3 тома Мандельштама и 2 тома Ахматовой... Не было тех книг, которые тебе дал Трифонов, и я не знаю теперь, как они придут. Сейчас в США отдано распоряжение об отделении прессы от государственных органов. В газетах у нас написано с некоторым сарказмом, что в США издано распоряжение о запрещении ЦРУ использовать корреспондентов для выполнения каких-либо заданий и о запрещении платить им за добровольно представленную информацию. Но заодно посольство объявило, что корреспонденты не будут обслуживаться посольской почтой, они могут отправлять только такие письма, как это, но у них не будут приниматься пакеты, посылки и бандероли и не будут также и выдаваться. Это фактически лишает их возможности получать книги и для себя, даже такие, какие им нужны для работы, – наша почта не пропустит...»

Я чувствую по разным признакам, что и на меня усиливают давление. Все время приходят сомнительные люди или для установления “связей”, или

предлагают “коммерческие операции”. У некоторых я спрашиваю документы... Пришло Гале шантажистское письмо “Старой Гале от юной Тани” с изображением рогов... Я полностью исключаю в таких делах частную инициативу...»

В аэрограмме от 20 января, полученной из Хельсинки (благодаря корреспонденту *The New York Times*), Рой писал:

«На днях меня посетил майор милиции с сотрудником в штатском. Интересовались – почему я нигде не работаю. Я показал им книги, сказал, что если предложат работу по специальности, то соглашусь. Одновременно милиция была у Копелева, Владимова, Корнилова и Войновича с теми же вопросами. Ходят разговоры, что всем будет предложена эмиграция или ссылка. Но я, конечно, не поеду за границу – пусть судят, если решатся...»

Приемы аналогичного шантажа и угроз применялись и по отношению к А. Д. Сахарову и к некоторым другим слишком раздражавшим власти людям. Все это достаточно широко освещалось в западной прессе. 30 декабря 1977 года Дэвид Шиплер (David Shipler), московский корреспондент *The New York Times*, посвятил проблемам диссидентов в СССР очень подробную статью в этой газете.

В 1976 году, как я писал ранее, запретили посылать подарочные валютные переводы. Денежные переводы советским гражданам выдавались теперь в рублях по официальному курсу шестьдесят копеек за доллар. В то же время на западных валютных рынках и в Израиле за один доллар давали шесть рублей. Возросшая в 1977 году эмиграция в Израиль, сопровождавшаяся продажей собственности, генерировала большие суммы рублей и черный рынок для их обмена на иностранную валюту. С целью прекращения такого обмена в СССР был принят новый закон, запрещающий ввоз рублей из-за рубежа. Этот закон ударил в основном по иностранцам, жившим в СССР, сотрудникам посольств и общественным организациям, получавшим иностранные субсидии. Сразу пострадал, например, Русский общественный фонд помощи семьям политзаключенных, известный в СССР как фонд Солженицына. Его управляющим в СССР был Александр Гинзбург, живший в Тарусе. Как имевший судимость за публикацию «Белой книги» о судебном процессе Синявского и Даниэля он не имел права на прописку в Москве. За границей фондом управляла жена Солженицына. Гинзбурга арестовали и конфисковали крупные суммы рублей и долларов, происхождение которых он не мог оправдать документами, а также картотеки с регистрацией выплат помощи. Формальным обвинением было «уклонение от уплаты налогов», что ограничивало протесты с американской стороны. Советским гражданам теперь вообще запрещалось иметь иностранную валюту без документальных свидетельств ее происхождения.

Солженицын в 1999 году раскрыл технологию пересылки денег А. Гинзбургу:

«И вот доброхотный неоценимый наш друг В. С. Банкул, швейцарский гражданин, стал производить обмен обратный: за франки выкупая наши родные советские рубли... Следующий труд был – перевезти эти деньги через границу в чемодане в Париж к Струве. А Струве всегда знал наших тайных связных по

каналам в СССР... Итак, в Москву тайно привозились многозначные, многотысячные пачки советских денег – и через посредников передавались распорядителю Фонда – им был Алик Гинзбург...» (Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 83).

Переводить Рою через Внешторгбанк в Москву его же собственные гонорары не имело смысла. Главную выгоду от этого получал бы Госбанк. На скупку рублей по спекулятивному курсу и нелегальный ввоз рублей в СССР я никогда бы не пошел, это могло быстро привести к аресту Роя. Нашей главной защитой всегда было соблюдение законов и Конституции. По отношению к нам законы нарушала сама власть. Помощь из Англии стала целесообразной теперь лишь в виде посылок и бандеролей с предварительной оплатой пошлины при отправке. Предметы одежды, некоторые продукты питания (растворимый кофе, английский чай, сухие супы и соки, витамины), книги и все виды канцелярских товаров – все это я посылал как заказные отправления, нередко и страхуя их. Пропаж, обычных в 1973 году, уже почти не было. В московском «черном кабинете» понимали, что конфискация любой заказной или застрахованной бандероли, посланной Рою от меня, обернется для них необходимостью выплаты валютной компенсации отправителю. Рой сообщал мне в письмах регистрационные номера заказных бандеролей, и я проверял их по своим спискам. В нескольких случаях, когда тайные контролеры по каким-то причинам не захотели пропустить к получателю ту или иную бандероль, она возвращалась ко мне с наклейкой: «Адресат не найден». Я отправлял ее снова, добавляя к номеру абонентского почтового ящика альтернативный домашний адрес. У меня сохранилась большая папка квитанций с перечнем отправок. Ксерокопии квитанций я посылал Рою для проверки получения данных номеров. Бандеролями я отправлял ему альбомы разных художников, Оксфордский толковый словарь английского языка, однотомную Колумбийскую энциклопедию, книги Булгакова, Мандельштама, Леонида Андреева, Цветаевой, Ахматовой, Пильняка, Платонова, Искандера, Айтматова, английские детективы и бестселлеры (Грэм Грин, Агата Кристи, Моэм и другие). К упаковкам книг прилагались заверенные почтой списки их названий (это после нескольких случаев пропажи отдельных экземпляров). Кроме книг отправлял я писчую бумагу, копирку, ленты для машинки, скотч, бритвенные принадлежности и лезвия, большие конверты, папки, батарейки для слуховых аппаратов, шариковые ручки и фломастеры, универсальный клей и множество других вещей. Немало посылок и бандеролей шло от нас в Калинин Саше и в семье наших родных. Лакшину я послал трехтомную энциклопедию писателей. Был большой спрос и на некоторые советские издания, недоступные в Москве, но продававшиеся в магазинах советских книг в Нью-Йорке и Лондоне. У меня сохранилась квитанция нью-йоркского книжного магазина об отправке в Москву 4 января 1978 года двух комплектов собрания сочинений Э. Хемингуэя в четырех томах. Самой большой популярностью пользовался однотомник Михаила Булгакова «Романы», изданный в Москве в 1975 году издательством «Художественная литература» с предисловием Константина Симонова. Однотомник объемом 812 страниц включал три романа, из которых первый, «Белая гвардия», публиковался в полном виде впервые через 51 год после его завершения автором. Небольшой тираж, всего 10 тысяч экземпляров, означал, что книга печаталась исключительно для продажи за границей. (Массовыми тиражами книги Булгакова начали выходить в СССР только после 1987 года.)

Время от времени возникали и оказии. Британские, немецкие, шведские или

французские аспиранты, преподаватели университетов, историки или журналисты ездили в Москву для работы по своим научным темам и обращались ко мне с просьбой о контакте с Роем. С ними я обычно посылал Рою и друзьям лекарства, поскольку отправка медицинских препаратов по почте была запрещена.

Булгакиада Владимира Лакшина и Фолкера Левина

Мое поколение советских людей Михаила Булгакова до 1965 года не знало. Те немногие, кому знакомо было это имя, считали, что он драматург, так как некоторые пьесы Булгакова, наиболее известная из них «Дни Турбиных», изредка шли в московских театрах. Сюжет пьесы, основанный на событиях Гражданской войны, не вызывал в 1960-х особого интереса. В театре главное – игра актеров, которая обычно заслоняет и автора диалогов, и даже сюжет. Не стала сенсацией и книга Булгакова «Мольер», вышедшая в 1962 году в серии «Жизнь замечательных людей». Она была написана по заказу издательства «Молодая гвардия» в 1932–1933 годах, но не получила тогда одобрения редколлегии. По некоторым сведениям, эта книга, написанная в виде романа, не понравилась Максиму Горькому, основателю серии «ЖЗЛ». Открытием, однако, стал «Театральный роман», напечатанный в августе 1965 года в «Новом мире», произвел впечатление особый слог легкого и красивого языка автора. Но читатели оказались не подготовленными к той действительно мировой литературной сенсации, которой стал необыкновенный во всех отношениях роман «Мастер и Маргарита». Первая часть романа появилась в декабрьском номере журнала «Москва» в 1966 году. Сравнительно недавняя сенсация солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича» в значительной степени имела характер политической, это произведение выделялось прежде всего темой, а не сюжетом. Роман «Мастер и Маргарита» оказался настоящим литературным вулканом. Уникальная история этого романа, созданного автором в 1928–1940 годах, сейчас достаточно хорошо известна. Яркий талант, выдающийся интеллект, уникальная фантазия и смелость автора быстро обратили на себя внимание издателей, литературоведов и читателей, побудив поиски других произведений писателя, печатавшихся в 1920-х годах частными издателями и забытых либо никогда не публиковавшихся, а может быть, уже утерянных. Старые друзья Булгакова знали, что множество коротких рассказов он, всегда нуждаясь в деньгах, публиковал в период НЭПа в разных газетах и журналах, часто под псевдонимами, ради скромных гонораров. Но в тот период создавались и большие рассказы, повести, пьесы и даже романы. Были заново открыты ныне знаменитые «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Собачье сердце», пьесы «Адам и Ева», «Багровый остров», «Зойкина квартира» «Последние дни Александра Пушкина», «Бег» и другие. Но не все из них могли пройти цензуру даже в 1967 году. Они шли в самиздат и публиковались за границей. (В Англии пьесы Булгакова стали особенно популярны в университетских программах по изучению русского языка и публиковались в 1970–1971 годах особой серией как пособия для студентов.) Быстро обнаружилось, что в основе наиболее долговечной пьесы Булгакова «Дни Турбиных» лежал сюжет из частично автобиографического романа «Белая гвардия», написанного в 1923–1924 годах, но никогда полностью не публиковавшегося.

Открытую золотую россыпь булгаковского литературного наследия постигла судьба любого месторождения драгоценных руд. Крупные, средние и малые самородки были обнаружены быстро, а вот золотые песчинки нужно было вымывать из больших объемов пустой породы. Одним из таких старателей-золотоискателей стал, по-видимому с 1963 года,

наш общий с Роем друг Владимир Яковлевич Лакшин. Он не посвящал других в свое хобби.

Я уже писал о публикации в альманахе «Двадцатый век» в начале 1977 года очерка Лакшина «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”» (см. главу 34), который я получил от автора в начале 1976 года. В начале 1977-го планировалась публикация в альманахе и нескольких литературных очерков Лакшина о произведениях М. Булгакова и им же написанная, по сути первая, литературная биография Михаила Афанасьевича. Поскольку третий выпуск альманаха на русском, как я уже писал, был отменен, очерки Лакшина я переслал в Венецию Витторио Страде. Они были быстро изданы в виде небольшой книги под названием «Di Lakšin su Bulgakov» (Ed. Einaudi, Torino) на итальянском, в переводе и с комментариями самого Витторио, хорошо знавшего Лакшина. Страда был и переводчиком на итальянский главных произведений самого Булгакова.

В середине сентября я получил из Вены переданную с диппочтой аэрограмму от Роя, датированную 5 сентября. Среди разных новостей Рой сообщал:

«Заканчивается подготовка сборника ранних рассказов Мих. Булгакова (рассказы и фельетоны 20-х годов). Хорошо было бы, чтобы составителем согласился считаться какой-либо реальный славист, а не было бы просто псевдонима. Мой друг, который это составляет, не хочет, чтобы его даже подозревали. Его предыдущий сборник вызвал два закрытых заседания партийного бюро. Но потом гл. редактор приехал с “самого верха” и сказал: “Мне посоветовали оставить Л. в покое”. Будет ведь еще публикация у Страды. Поэтому не надо перегружать корабль».

Вернувшись в середине декабря из Венеции, я обнаружил в своей институтской почте большой пакет с немецкими марками. В нем оказалось более сорока коротких рассказов и фельетонов и указание, «в каком порядке их лучше печатать»:

«Рассказы».

«Ханский огонь» (Из «Красного журнала для всех», 1924, № 2).

«Красная корона» (лит. приложение «Накануне», 22 октября 1922 г.).

«Налет» («Гудок», 25 декабря 1923 г.).

«Звездная сыпь» («Медицинский работник», № 29–30, 1926 г.).

Дальше в таком же порядке шли еще сорок заголовков: «Я убил», «Самогонное озеро», «Воспаление мозгов», «Вода жизни» и др. с подразделами: «Москва двадцатых годов. Очерки» и «Маленькие фельетоны “Гудка”». Последним стоял в списке фельетон «Бубновая история» (Гудок. 7 июня 1926 г.)

Все эти рассказы, очерки и фельетоны на злобу дня можно было публиковать только на русском и с комментариями квалифицированного булгаковеда. Я знал лишь двух: Майкла Гленни – моего друга в Англии и Вольфганга Казака – профессора славистики Кёльнского университета. Они же были и переводчиками основных произведений Булгакова, изданных в Англии и ФРГ в 1967–1968 годах.

Майкл Гленни, находившийся в то время в годичной поездке с лекциями в Университете Южного Иллинойса, не мог отвлечься на другую работу, тем более чисто академическую. Но он, как оказалось, тоже был золотоискателем ранних произведений

Булгакова и рад был поделиться своими находками с Лакшиным:

«У меня есть некоторые из ранних вещей, – писал Гленни, – с которых я мог бы снять копии и послать Лакшину через Вас, а именно:

1. *“Багровый остров”. С французского на эзоповский перевел Михаил Булгаков (“Накануне”, Берлин, 1922) (Этот сатирический рассказ есть первоначальный вариант пьесы “Багровый остров”).*

2. *“Записки на манжетах” (Берлин, 1922).*

3. *“Блаженство”. Пьеса в 4-х действиях.*

4. *“Дьяволиада”. Сборник рассказов».*

Гленни, очевидно, не знал, что сборник рассказов «Дьяволиада» уже публиковался в Лондоне в 1970 году пиратским издательством «Flegon Press» Алека Флегона, эмигранта из румынской Бессарабии, который поставил на этом сборнике свой копирайт как первый его издатель. Однако в перечне Гленни оказался рассказ «Китайская история», которого не было у Флегона и который не упоминался ни в одной из библиографий произведений Булгакова.

На письмо профессору Вольфгангу Казаку, заведующему кафедрой славистики Кёльнского университета, мне ответил его коллега доктор Фолкер Левин (Volker Levin). Он писал на русском. Как оказалось, Левин тоже был увлеченным булгаковедом. При этом он не только собирал раннюю прозу Булгакова, но и издал в 1976 году в Мюнхене сборник «Михаил Булгаков. Ранняя неизданная проза» с обстоятельным предисловием, в котором было написано, что «в этой книге впервые собраны ранние прозаические сочинения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), издававшиеся в 1922–1924 годах в берлинской газете “Накануне”».

Среди опубликованных рассказов оказались восемь, которые вошли и в коллекцию В. Я. Лакшина, а также «Багровый остров», о котором сообщал Гленни. Но больше половины находок Лакшина оказались неизвестными Левину. Он как раз планировал поездку в Москву с целью просмотреть в библиотеках и в редакциях подшивки газет «Гудок», «Медицинский работник» и др. за 1922–1926 годы. Поскольку целью Лакшина была именно публикация, без всяких претензий на первооткрывательство, то я сразу отправил Левину полученную мною коллекцию со словами: «Спасибо большое за Ваше письмо и сборник... Вы не можете представить себе, как забилось мое сердце. Вместе с моей коллекцией это будет действительно хорошая книга, намного лучше первого сборника...»

В конце февраля 1978 года я получил новый, уже небольшой пакет. В нем было еще три рассказа Булгакова: «Богема», «Спиритический сеанс» и «Три вида свинства».

Левин, однако, настаивал на том, что он не может быть единственным автором. Неизвестный ему соавтор (я имя Лакшина не раскрывал) должен выбрать псевдоним. Я написал: «Л. В. Светин». Л – это Лакшин, В – Владимир и Светин – по имени жены Владимира Яковлевича Светланы.

В 1978 году в Мюнхене вышел второй том этой серии: «Михаил Булгаков. Ранняя несобранная проза» (München. Verlag Otto Sagner in Kommission. Составление Ф. Левина и Л. В. Светина).

В сборник объемом 250 страниц вошли 52 коротких рассказа Булгакова: 32 – из коллекции, собранной Лакшиным, и 20 найденных Левиным. Обстоятельное предисловие и множество комментариев были написаны Левиным.

В июле 1978 года Левин был в Москве. Вернувшись домой, он написал мне:

«В Москве познакомился с Владимиром Яковлевичем Лакишиным, и у нас получился очень интересный разговор о Булгакове. Он сказал мне, что участвовал в составлении сборника Светина...»

Летом 1978 года вернулся в Англию из США и Майкл Гленни, поселившийся теперь в Бате. В первом после возвращения письме он написал:

«Вам может быть интересно узнать, что в Royal Shakespear Company будет поставлена инсценировка Дней Турбиных Булгакова в моем переводе весной 1979 года в театре Aldwych. Надеемся, что наконец на английской сцене Булгаков получит должное признание...»

Пьеса Булгакова, но под ее первоначальным названием «Белая гвардия» была поставлена и имела большой успех. Она сохраняется в репертуаре театра и до настоящего времени, но в новой версии, сделанной другим переводчиком. Эта постановка открыла английский театр для многих других произведений Булгакова, которые шли и идут в театрах разных городов Королевства. Была создана и театральная инсценировка романа «Мастер и Маргарита».

В июне 1978 года Рой сообщил мне, что его «друг разыскал киносценарий Булгакова на тему “Войны и мира” Толстого. Это около 80 страниц на машинке. Этого текста никто не знает...»

Однако столь крупное, но никогда не публиковавшееся произведение, как объяснил мне Гленни, нельзя было издавать в Англии без разрешения наследников и правопреемников автора. Нужен договор. Жена Булгакова, Елена Сергеевна, с которой В. Я. Лакшин дружил, умерла в 1970 году.

В последующие годы Левин продолжал свои поиски и несколько раз приезжал в Москву. Были опубликованы еще два тома этой серии: «Ранняя неизданная проза» (1981) и «Забывтое» (1983). В библиографию произведений Михаила Булгакова вошло больше двухсот новых названий.

Весной 1999 года французская газета *Le Monde* задала вопрос своим читателям: «Какие книги XX века остались в вашей памяти?» После обработки ответов появился список «100 книг столетия». Этот список не означал сто лучших книг столетия и не совпадал ни со списком ста лучших книг всех времен («The 100 Best Books of all Times»), ни со списком Нобелевских премий по литературе. Но он, безусловно, включал книги, наиболее популярные среди французских читателей второй половины века. В значительной степени он совпадал и со статистикой книготорговли. В него вошли не только художественные произведения, но и книги по всем жизненным проблемам. Единственным художественным произведением русского автора оказался в этом списке роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», изданный на французском в 1967 году. Ни «Тихого Дона», ни «В круге первом» в нем не было, но попала «Лолита» Владимира Набокова (это был перевод с английского оригинала 1955 года. На русский роман переводил сам автор, и русское издание выходило лишь в Нью-Йорке). Набокова в Англии и во Франции считали американским писателем. В

списке *Le Monde* преобладали французские, английские и американские авторы. Были в нем и детективы. «Собака Баскервилей», опубликованная Конан Дойлом в 1901 году, сохраняла свою популярность и в конце века. Среди писателей, произведения которых помнил и я, в этот список кроме Конан Дойла и Набокова попали Джон Стейнбек, Эрнест Хемингуэй, Жан Поль Сартр, Джордж Оруэлл, Уильям Фолкнер, Стефан Цвейг, Томас Манн, Луис Арагон, Агата Кристи, Герберт Уэллс, Генрих Бёлль, Бертольд Брехт, Жорж Сименон, Андре Жид. Почти половина произведений, упомянутых в списке, не были мне знакомы.

Николай Иванович Вавилов и Лондонское королевское общество

Международный генетический конгресс в Сан-Франциско в 1973 году принял приглашение Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова провести следующий конгресс в Москве летом 1978 года. Как член Британского генетического общества я получил в конце 1977 года приглашение на участие в нем и все регистрационные формы. Организацией поездки британских участников занималась международная туристическая компания «Express Boyd Limited», специализирующаяся на обслуживании конгрессов и конференций по всему миру. Я решил представить на одну из постерных сессий по биохимической генетике наше с женой сообщение о хроматиновых белках, но официально зарегистрировал в качестве участника конгресса только Риту. У меня самого не было никаких документов для запроса визы на въезд в СССР. Туристическое агентство просило вместе с анкетами прислать фотокопии первых пяти страниц паспорта и три паспортные фотографии, на основании которых они запрашивали визы. Из экскурсий после конгресса Рита, по моему совету, выбрала Саратов и Ленинград – они были связаны с деятельностью Николая Ивановича Вавилова, занимавшего в Саратовском университете должность профессора сельскохозяйственного факультета в 1917–1921 годах и переехавшего затем в Петроград для заведования Бюро по прикладной ботанике и селекции, преобразованного вскоре в институт. Общий счет за перелеты в Москву и обратно и гостиницы составил 491 фунт.

Решение Международной генетической ассоциации о проведении очередного конгресса именно в Москве было, безусловно, связано с желанием поддержать в СССР возрождение генетики и возврат к традициям Н. И. Вавилова. Это также была своеобразная компенсация за отмененный в 1937 году 7-й Конгресс, который по приглашению Н. И. Вавилова, сделанному в 1932 году в Итаке по поручению правительства СССР, планировался в Москве в августе 1937 года.

В ноябре 1977 года в Саратовском сельскохозяйственном институте состоялся мемориальный симпозиум, посвященный девяностолетию со дня рождения Н. И. Вавилова. В конце января 1978 года мои друзья, участники этого симпозиума, профессор А. И. Атабекова, профессор Ф. Х. Бахтеев и Юрий Николаевич, сын Вавилова, прислали в Лондон в отдел генетики нашего института много фотографий, запечатлевших разные эпизоды симпозиума. Одним из них было возложение венков к памятнику Н. И. Вавилову на Воскресенском кладбище Саратова. (Вавилов, умерший в саратовской тюрьме 26 января 1943 года, был похоронен на этом кладбище в общей могиле, местоположение которой не было найдено. Памятник установили в 1970 году недалеко от входа на кладбище.)

Кроме фотографий я получил вскоре письмо от Юрия Вавилова с необычной просьбой: изучить, по возможности, все обстоятельства избрания Н. И. Вавилова иностранным членом Королевского общества. На 14-м Генетическом конгрессе тоже планировался симпозиум, посвященный Вавилову. Между тем никаких деталей избрания Вавилова членом Королевского общества не было известно. Вавилов в то время находился в камере смертников Саратовской тюрьмы № 1. Знали ли об аресте Вавилова его английские друзья и коллеги? Было ли избрание актом признания научных заслуг или попыткой спасти

выдающегося ученого? Кто именно выдвинул Вавилова для избрания и с какой формулировкой? В Королевском обществе, как уже было известно моим друзьям, разрешалось уставом лишь ограниченное число иностранных членов, в 1940 году – 50. Каждый год появлялось для избрания не более двух-трех вакансий, но критерии для избрания новых членов не были известны. В прошлом членами Королевского общества избирались, еще от России, Александр Ковалевский, Климент Тимирязев, Иван Павлов Дмитрий Менделеев и Илья Мечников. Вавилов был выдающимся ученым, но в прикладных отраслях, имевших национальную окраску. В Королевское общество традиционно избирали представителей фундаментальных, а не прикладных наук.

Юрий Вавилов, восстанавливавший хронологию жизни своего отца, предполагал, что именно избрание в Королевское общество, состоявшееся 23 апреля 1942 года, послужило основным поводом для Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 года «заменить Лупполу И. К. и Вавилову Н. И. высшую меру наказания двадцатью годами лишения свободы в исправтрудлагерях». Этот указ был принят по рекомендации заместителя наркома внутренних дел СССР Меркулова от 13 июня 1942 г. (№ 52/8996). На записке Меркулова имелась карандашная пометка: «Тов. Меркулов, переговорите со мной. Л. П. Берия 31/V.42 и тов. Судоплатов. Доложите т. Берия. Переговорите со мной. М. 9.VI». Эти пометки показывают, что у госбезопасности с конца мая появились сомнения в целесообразности смертной казни. (Все эти выписки из документов НКВД были собраны Юрием Вавиловым и историком Я. Г. Рокитянским.) В. Н. Меркулов, комиссар государственной безопасности 1-го ранга, был в то время первым заместителем Л. П. Берии. К делу Вавилова он не имел прямого отношения, однако внешняя разведка входила в сферу его полномочий. Генерал П. А. Судоплатов в начале 1942 года был начальником 2-го отдела НКВД, ведавшего разведкой, террором и диверсиями в тылу противника. Об избрании Вавилова в члены Королевского общества им, очевидно, стало известно из телеграмм в британское посольство из Лондона. О своем решении Королевское общество сообщило в посольство СССР в Лондоне и в посольство Великобритании в Москве для извещения об этом новых членов. Даты этих сообщений остаются неизвестными. (В «Деле» Вавилова в архиве ФСБ имеется и направленное на имя Берии собственное ходатайство Николая Ивановича от 25 апреля, умолявшего «о смягчении» своей «участи и предоставлении работы по специальности, хотя бы в скромнейшем виде...»). Но на этом ходатайстве нет никаких резолюций и пометок. На практике новый указ был реализован лишь переводом Вавилова из подземной камеры смертников в общую камеру в той же тюрьме. В новой камере имелось окно, и заключенных выводили на десятиминутную прогулку во дворе тюрьмы. Подпавший под этот же указ академик Луппол Иван Константинович, бывший директор Института мировой литературы имени А. М. Горького, арестованный в конце 1941 года и также приговоренный к высшей мере, но днем раньше, 8 июля, содержался в одной камере с Вавиловым. Общим между Лупполом и Вавиловым, кроме этой камеры, было лишь то, что они оба были действительными членами АН СССР и директорами институтов. По делу Вавилова был арестован в Ленинграде в феврале 1941 года также профессор Георгий Дмитриевич Карпеченко, заведующий отделом генетики ВИРА. Он имел международную известность как создатель первых межродовых гибридов методом полиплоидии. Его обвинили в соучастии в шпионской деятельности директора в пользу Англии. На том же судебном заседании Военной коллегии ВС СССР 9 июля 1941 года, где Н. И. Вавилов приговорили «к расстрелу; с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего», был

приговорен к высшей мере и Карпеченко, и приговор привели в исполнение 28 июля 1941 года. Исполнение приговора Вавилову отложили, видимо, по другим обстоятельствам.

По моим, основанным на устных свидетельствах, предположениям, высказанным еще в самиздатной рукописи 1962 года, приговор, оставленный в силе Президиумом Верховного Совета, не был приведен в исполнение благодаря действиям академика Дмитрия Николаевича Прянишникова, учителя Николая Ивановича. На кафедре агрохимии Тимирязевской академии, которой заведовал Прянишников, готовила в то время кандидатскую диссертацию жена Берии Нина Гегечкори. Через нее Прянишников передал письмо для наркома. Однако Берия в июле 1941 года находился в районе Смоленска с чрезвычайными полномочиями по выполнению приказа Сталина о контрнаступлении. Перевод заключенных в октябре 1941 года из внутренней тюрьмы НКВД в Саратовскую тюрьму был связан с паникой в Москве, вызванной событиями на фронте.

Юрий Николаевич Вавилов, с которым я был знаком и дружил с 1961 года, хотел получить копию стенограммы или протокола того заседания Королевского общества, на котором в его члены был избран Н. И. Вавилов. На этом же заседании в члены общества избрали и академика Ивана Матвеевича Виноградова, директора Математического института АН СССР.

Красивое здание Королевского общества в Лондоне я посещал в прошлые годы несколько раз. Это был, по существу, клуб ученых, членами которого состояли в 1978 году около тысячи человек, из них около ста были иностранцами. Никаких особых привилегий, кроме престижа и приоритетной публикации своих трудов, члены общества не имели и должны были платить членские взносы. До 1945 года членами Королевского общества могли быть избраны лишь ученые мужского пола. Устав изменили в 1944 году, и первая женщина, Кэтлин Лонсдейл (Kathleen Lonsdale), кристаллограф, появилась в списках членов лишь в 1945 году.

Я приехал в Королевское общество утром в начале февраля. Пропусков здесь не требовалось, и привратник в ливрее, спросив о цели моего визита, направил меня в гардеробную. Я знал, что архивы в британских научных институтах хранятся обычно в библиотеках. Моя просьба о просмотре архива общества за 1942 год оказалась неожиданной. Одну из сотрудниц, видимо самую пожилую, отправили со мной в подвальный этаж. Там на полках не оказалось коробок с датами 1942 года.

«Мы напрасно ищем, – объяснила мне библиотечарша, – этот дом был частично разрушен бомбардировками в конце 1940 года, как и все здания вокруг... Министерство обороны в ста метрах отсюда было разрушено и Парламент тоже. Бомбили каждый день почти год... Вокруг сплошные руины... Королевское общество не проводило никаких заседаний во время войны... ракеты падали на Лондон до конца 1944-го. Библиотека, архив, картины и все другое имущество хранилось в бункерах на северных окраинах города...»

На следующий день я позвонил в Оксфорд Сирилу Дарлингтону (Cyril Darlington) президенту Генетического общества, с которым познакомился в 1973 году. Он был другом Н. И. Вавилова и очень активно участвовал в дискуссии по генетике в СССР. Дарлингтон уже вышел на пенсию, но активно работал как редактор журнала *Heredity*, им же основанного, и как его автор. Он был членом Королевского общества с 1941 года.

«Никаких выборов и протоколов в 1942 году не могло быть, – объяснил Дарлингтон, – все проблемы решались по телефону... весной 1942-го Герман Мёллер из США сообщил Джону Холдейну, что Вавилов арестован в Ленинграде и сведений о нем нет. У Холдейна и

Мёллера были хорошие связи с Москвой, они же оба коммунисты... Холдейн пытался позвонить в советское посольство, он ведь почетный член русской академии... но с ним не стали разговаривать... Тогда мы и решили представить Вавилова в Королевское общество... Я позвонил Генри Дейлу, он тогда был президентом общества... объяснил ситуацию с Вавиловым... сказал, что Мёллер и Добжанский поддержат наше предложение. Вавилова, наверное, сразу же записали в члены, никаких заседаний тогда не проводилось, все проблемы решали опросом по телефону... подписи Дейла было достаточно... почта работала плохо... адреса часто менялись...»

На мой вопрос об избрании Вавилова вместе с Виноградовым Дарлингтон ответить не смог, он сам об этом слышал впервые. «Наверное, Дейл решил, что нужен второй из другой области, чтобы не было политики... Хорошая идея...»

Дарлингтон также рассказал, что о смерти Вавилова они узнали лишь в конце 1944-го от Дончо Костова из освобожденной русскими Софии. Дончо Костов, известный генетик, был другом Н. И. Вавилова и Георгия Карпеченко. Он с 1932 до 1939 года работал в ВИРе и в Институте генетики в Москве.

Одновременное помилование Вавилова и Луппола остается загадкой. Луппола действительно вскоре перевели в мордовский ИТЛ, где он и умер в мае 1943 года. Причиной смерти Вавилова записан «упадок сердечной деятельности». Незадолго до кончины его перевели в больницу с признаками острой дистрофии.

По моим предположениям, ведомство Меркулова, узнавшее об избрании Вавилова и Виноградова в Лондоне, запросило свое саратовское отделение о состоянии здоровья заключенного. Получив сообщение о том, что два академика содержатся вдвоем в одной камере, решили их вместе и помиловать. Чтобы «не было политики» и подозрений на связь с Королевским обществом.

Долгая реабилитация Н. И. Бухарина

Открытый судебный процесс по делу Антисоветского правотроцкистского блока, открывшийся в Колонном зале Дома Союзов 2 марта 1938 года, завершился вечером 12 марта. Суд удалился на совещание. Приглашенные зрители, около 900 человек, не уходили, оставшись в Доме Союзов на ночь в ожидании приговора. В четыре утра на следующий день заседания возобновились. 18 обвиняемых из 21 были приговорены к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, трое – к длительным срокам лишения свободы. Приговор, после отклонения прошений о помиловании, привели в исполнение в ночь на 15 марта. К началу 1978 года этот приговор не пересматривался, хотя несколько человек из числа осужденных были реабилитированы в разные годы по ходатайствам их родственников.

15 марта 1978 года исполнялось сорок лет со дня смерти Николая Ивановича Бухарина, одного из крупнейших теоретиков марксизма XX века. Труды Бухарина были давно изъяты из всех библиотек СССР и его имя предано забвению. Однако в западных странах популярность Бухарина продолжала расти одновременно с развитием идей еврокоммунизма и демократического социализма, основоположником которых считался именно Бухарин, противник более радикальных моделей социализма в СССР, связанных с именами Ленина Троцкого и Сталина. Коммунистическим партиям в Западной Европе, прежде всего в Италии, Франции, Австрии и Испании, имевшим влиятельные фракции в парламентах нужно было идейно опираться на какие-то реальные явления из исторического опыта

коммунистических стран, прежде всего СССР и КНР. Однако лишь идеи Бухарина, выдвигавшиеся в 1927–1929 годах, – смешанная экономика, продолжение НЭПа и постепенная добровольная коллективизация сельского хозяйства без ликвидации кулачества, – имели привлекательность для еврокоммунистов. К 1976 году Итальянская коммунистическая партия, лидером которой был Энрико Берлингуэр (Enrico Berlinguer), имела реальный шанс на формирование коалиционного правительства. За коммунистов на всеобщих выборах проголосовало больше трети всех избирателей (34,4 %).

В начале 1978 года руководство Итальянской компартии конфиденциально приняло решение о полной реабилитации Н. И. Бухарина. Но вместо каких-либо заявлений по этому поводу итальянские коммунисты хотели объявить об этом, создав телевизионный художественно-документальный фильм «Процесс», к съемкам в котором привлекались известные актеры. В середине февраля я получил из Хельсинки аэрограмму от Роя:

«Пишу через Леню, наверное, последнее письмо по этой линии. Потом будет труднее... Была очень насыщенная неделя. С итальянскими режиссерами фактически составили сценарий 4-часового фильма “Процесс” – о процессе 38-го года – главный герой Бухарин (он на суде вспоминает прошлое). Фильм художественный. У меня дома вдова Бухарина Ларина рассказывала о нем два дня, часов по пять (первый раз за 40 лет) – это фактически ее мемуары. Я нашел единственного оставшегося в живых организатора процесса, который помогал по линии НКИДа и НКВД, он сидел с 40 по 56 г. и рассказал то, что никогда не рассказывал... Я потом сам все запишу в виде исторического эссе “Последние годы Бухарина”. Я все запомнил, и у меня самого есть кое-что еще...»

Через несколько дней я получил еще одну аэрограмму, с датой 23 февраля, опять из Хельсинки и через «Леню» – московского корреспондента АВС Лина Джонса (Lynn Jones):

«Напиши в Италию режиссеру фильма о Бухарине. Вдова Бухарина Анна Ларина рассказала мне еще один эпизод, который хорошо будет показать в фильме... В конце 1936 года к Бухарину на квартиру в Кремле пришло сразу десять сотрудников НКВД с ордером на обыск. Неожиданно зазвонил телефон “вертушка”. Во время обыска телефон не поднимают, но кремлевский телефон поднял работник НКВД, руководивший обыском. В трубке был голос Сталина, попросившего позвать Бухарина. Бухарин взял трубку, а нкведист остался стоять рядом и слышал разговор.

“Как живешь, Николай?” – спросил Сталин. Бухарин растерялся, а потом сказал: “Коба, ко мне пришли с обыском”. “И к тебе пришли? – спросил Сталин и, неожиданно, со злостью сказал: – Гони их всех к чёрту!”

Руководивший обыском работник слышал весь этот разговор. Он немедленно остановил обыск и, извинившись, увел своих людей. После этого Бухарин написал очередное письмо Сталину. Бухарин продолжал ему верить и письма начинал всегда: “Дорогой Коба!”».

Рой сообщал адрес и телефон режиссера Лино дель Фра (Lino del Fra) в Риме. Еще через неделю Рой прислал аэрограммой второй эпизод:

«В конце 1936 года, когда Бухарин уже не выходил из дома, ожидая ареста, ему позвонили из ЦК и просили на следующий день принять Лиона Фейхтвангера в редакции “Известий” (Бухарин все еще был формальным главным редактором). Бухарин подчинился, принял Фейхтвангера в своем редакторском кабинете, познакомил его с работой газеты и с некоторыми сотрудниками...»

Вообще, пусть итальянцы пришлют сценарий – прочтем и по-итальянски. Просто мы сможем добавить некоторые колоритные детали, да и поможем избежать явных неточностей...»

Телевизионный фильм «Nikolas Bukharin on trial» вышел в Италии в 1979-м. Это был сериал, четыре части по часу каждая. Мне сообщил об этом режиссер Лино дель Фра. Он написал, что они очень довольны своей работой: «Личность Бухарина выделяется как наиболее значительная в этот очень мрачный период истории Советского Союза». Фра выражал надежду на появление заказов на английскую версию. Но на другие языки, насколько мне известно, фильм не дублировался.

7 марта я получил и статью Роя о Бухарине, заказанную ему итальянской газетой *La Stampa*. На этот раз пакет пришел от Дэвида Шиплера, московского корреспондента *The New York Times*. Срок аккредитации в Москве «Лёни», нашего наиболее надежного помощника, закончился. В письме Рой писал:

«Моя статья к 40-летию со дня смерти Н. И. Бухарина напечатана газетой “Стампа” в четырех номерах с 15 по 18 марта. Статья в Италии понравилась, к редактору поступило предложение о публикации той же статьи в “Монд” и в “Ди Цайт” и в некоторых других газетах...»

Я получил также предложение от “Риунити” – написать книгу о Бухарине... Я смогу это сделать, но к концу года... Но это будет страниц сто на машинке и некоторые документы, допрос Бухарина на суде и некоторые другие. Это не общая биография и не разбор его взглядов, как у Стива Коэна, а книга под названием “Последние годы жизни Н. И. Бухарина”... я начну с 1934 года, с выступлений Бухарина на съезде ВКП/б/ и на съезде писателей...»

К газетной и телевизионной кампании за реабилитацию Н. И. Бухарина в Италии подключили и профессора Принстонского университета Стивена Коэна, автора капитальной книги о Бухарине «Bukharin and the Bolshevik Revolution», изданной в США в 1974 году и переведившейся на итальянский. Книга Коэна была переведена в США и на русский и издана в 1980 году (С. Коэн. Бухарин. Strathcona Publishing. Royal Oak). С. Коэн частенько приезжал в Москву, был в дружбе с Роем и с вдовой Бухарина Анной Лариной и его сыном Юрой. Анна Ларина, ставшая женой Бухарина в 1934 году, была арестована сразу после казни мужа, хотя обещанием не делать этого Сталин добился его ложных показаний на суде. Ее освободили лишь в 1956 году. Двухлетний сын Юра, получив новое имя, Юрий Борисович Гусман, оказался в детском доме, ничего не зная о своих родителях до двадцати лет. Коэн помогал Лариной и Юре посылками из США, обычно через диппочту в фирменных пакетах *The New York Times*, которые получал в Москве Дэвид Шиплер. Посылки выглядели как отправленные из редакции и поэтому доставлялись без проблем, обычно через Хельсинки. Коэн сумел убедить сына Бухарина написать открытое письмо Берлингуэру, которое было

напечатано в газете *L'Unita* и придало кампании за реабилитацию новый стимул.

Вскоре я стал получать от Роя и первые главы его книги «Последние годы Н. И. Бухарина». Машинописный текст, напечатанный через один интервал и на обеих сторонах листа, приходил в конвертах с марками ФРГ и без обратного адреса.

10 мая кампания за реабилитацию Н. И. Бухарина в Италии внезапно прекратилась. Накануне, 9 мая, был казнен Красной бригадой, марксистско-ленинской террористической организацией, Альдо Моро (Aldo Moro) – лидер христианских демократов и популярный бывший премьер-министр Италии, которого перед этим держали в заложниках 55 дней. Террористы захватили его 16 марта, когда он шел в парламент на голосование по созданию коалиции христианских демократов и коммунистов, которая этими партиями уже была согласована как «исторический компромисс». При захвате Моро группой заговорщиков, переодетых в форму итальянской авиалинии, пять его охранников были убиты. Правительство отказалось вести переговоры с террористами. О смерти Моро появилось затем несколько ложных сообщений, но только 9 мая тело убитого обнаружили в центре Рима в багажнике автомобиля, припаркованного на равном расстоянии от штаб-квартир партий, согласившихся на компромисс. Другие политики и журналисты начали получать письма с угрозами, одним из них был и редактор *La Stampa*. Друг Роя Пьеро Остеллино, соавтор книги о диссидентах, обеспечивавший нашу связь с Италией, тоже оказался под угрозой. В письме от 13 мая Рой сообщал:

«Все итальянцы заняты сейчас внутренними проблемами. Мой друг Остеллино тоже был включен в какой-то список на уничтожение “красными бригадами”, он известный журналист и много писал о террористах... Сейчас он привез сюда свою семью, которая получила угрожающее письмо... Так что Москва представляется ему местом, где царят порядок и законность...»

Мой итальянский друг Витторио Страда написал: «У нас в Италии творится что-то страшное и непонятное. Живем как на вулкане».

Однако начатая в Италии кампания к июню 1978 года приобрела уже международный характер и продолжалась в Великобритании, во Франции и в США. Статью Роя о Бухарине напечатал в мае теоретический журнал британских левых *New Left Review* (№ 109), а вскоре и журнал австрийских социалистов *Zukunft*. Кен Коутс, директор фонда Бертрана Рассела, опубликовал 3 июля в коммунистической газете *The Morning Star* эмоциональную статью о необходимости реабилитации Н. И. Бухарина. Коутс также подготовил от имени фонда обращение ко всем коммунистическим и социалистическим партиям Западной Европы. В Лондоне на сцене Королевского театра была осенью поставлена пьеса «Суд над Бухариным» («*The Trial of Bukharin*»), написанная Энди МакСмитом (Andy McSmith). (Я пропусти премьеру, так как был в это время в США.)

Книга Роя о Н. И. Бухарине вышла в Италии в феврале 1979 года и переводилась на множество языков – обычно с русского оригинала и с дополнениями, которые я продолжал получать до середины 1979 года. Николай Иванович Бухарин был реабилитирован в феврале 1988 года, к 50-летней годовщине со дня казни и к предстоящему в октябре столетнему юбилею со дня рождения. В июне 1988 года посмертно восстановили членство Бухарина в КПСС и в АН СССР. К столетнему юбилею со дня рождения Н. И. Бухарина в начале октября 1988 года в Музее революции открылась постоянная экспозиция, рассказывающая о его

жизни. На открытие выставки были приглашены Анна и Юрий Ларины, а также Рой и Стивен Коэн. В следующем году вышел художественный фильм о Бухарине, две его биографии и книга воспоминаний Анны Лариной «Незабываемое» (М.: изд-во АПН). Политический и экономический кризис сталинистской модели социализма заставлял М. С. Горбачова искать опору для КПСС в идеях казненного соратника и любимца Ленина.

Вена – 1978

Первые месяцы 1978 года мы с Ритой интенсивно работали в лаборатории. В течение года нам предстояло несколько научных выступлений, первое – на 2-м Венском симпозиуме по экспериментальной геронтологии в мае, второе – на 574-й конференции Британского биохимического общества в Бате и третье – с постером на Генетическом конгрессе в Москве. Осенью я также планировал поездку в США для участия в 31-й ежегодной конференции Американского геронтологического общества в Далласе. Главным среди этих выступлений был доклад на Венском симпозиуме. Текст доклада «Возрастные изменения состава гистонов и негистоновых белков хроматина в тканях мышей и крыс» и прения по нему публиковались в «Трудах конференции», а не в «Тезисах». Центр исследований по геронтологии в Австрии возник недавно при ветеринарном и медицинском факультетах университета. В Вене также начал выходить геронтологический журнал на немецком и английском *Aktuelle Gerontologie*.

Там мы планировали провести около десяти дней. Помимо геронтологического симпозиума, предстояла встреча с Лизой Маркштейн, с которой я познакомился еще в Москве в 1969 году. Как я уже рассказывал, Лиза жила во время войны в СССР. Она училась в советской школе, а затем и в МГУ, защитила диссертацию по творчеству М. Горького. Впоследствии стала переводчицей с русского, и среди писателей, произведения которых она переводила на немецкий, были Достоевский и Солженицын. Именно Лиза Маркштейн перевела на немецкий «Архипелаг ГУЛАГ», но в этом случае скрыла свое имя под псевдонимом. Лиза была хорошо знакома с Роем и в 1969 году сумела перевезти из Москвы в Вену микрофильм рукописи книги Роя «К суду истории» (см. [главу 10](#)).

Вторая встреча планировалась по просьбе Роя. Еще в марте он мне написал:

«Я получил приглашение от канцлера Бруно Крайского из Австрии – приехать туда для чтения лекций. Разумеется, я не поеду никуда, так как нет гарантии, что и при таком высоком уровне приглашения мне удастся вернуться обратно. Но может быть, можно будет написать лекции письменно. Может быть, тебе захочется приехать в Австрию и прочесть ряд лекций от нас обоих? В субботу ко мне приехал атташе по культурным и научным связям из австрийского посольства, чтобы передать приглашение канцлера».

Я был встревожен этим приглашением больше, чем Рой. Он явно не знал всех обстоятельств высылки из СССР Солженицына в 1974-м. Тогда эта акция последовала через несколько дней после публично высказанного канцлером Вилли Брандтом приглашения Солженицыну приехать в ФРГ. КГБ и другие спецслужбы не могут выслать какого-либо известного человека из СССР в другую страну, если от лидера этой страны не было приглашения. Высланного без согласия можно отправить назад, если он будет на этом

настаивать. Приглашение от австрийского канцлера показалось мне странным, фигуры такого уровня не занимаются организацией лекций, тем более диссидентов. Странной была и конфиденциальность приглашения, переданного лично через атташе посольства. Поэтому я не исключал, что в КГБ возник план высылки Роя из СССР. Нейтральная Австрия с социалистическим правительством могла быть выбрана не случайно. В КГБ знали также, что Рой владеет немецким.

Из разговора с братом по телефону я узнал, что канцлер Бруно Крайский (Bruno Kreisky) приезжал недавно в Москву и именно там в посольстве по чьему-то совету написал ему приглашение и попросил австрийского посла передать его адресату. Такое приглашение не было публичным, как заявление Вилли Брандта в случае с Солженицыным.

С другой стороны, приглашение Крайского могло быть сделано им самостоятельно и искренне. Один из моих австрийских корреспондентов, Лео Маче (Leo Mache), также в прошлом коммунист и, возможно, работник Коминтерна, сообщил мне недавно, что Крайский в докладе о новой программе партии, опубликованной в печатном органе партии *Arbeiter-Zeitung*, «подробно изложил политические взгляды и позицию» Роя. Маче поздравил моего брата «с той оценкой, которая дана ему в этом докладе». Он прислал мне копию этого доклада на немецком.

Но при всех обстоятельствах неожиданного внимания австрийских социалистов к моему брату мне предстояло обрисовать в канцелярии Крайского реалии и попросить австрийских друзей Роя не выносить никаких оценок Рою и тем более не присылать ему приглашений на уровне главы государства. Это грозило моему брату высылкой из СССР.

Лиза Маркштейн пригласила нас к себе домой. Они с мужем Гейнцем (Heinz Markstein) писателем, жили в очень скромной квартире («Мы же пролетарии», – объяснила она) с душем, но без ванны. Нас спрашивали о Рое, Копелеве и его жене Раисе Орловой, с которыми Лиза давно не виделась. Из-за ее столь активного участия в делах Солженицына ей отказывали в визе для поездки в Москву. Приглашение Рою от австрийского канцлера ее также удивило своим общим характером. «Приглашают всегда для какой-то конкретной лекции на определенную тему и сообщают сроки и условия. А это просто жест», – объяснила она.

В беседе с Маркштейнами неизбежно доминировала тема Солженицына, главным образом его конфликт с адвокатом Фрицем Хеебом, другом отца Лизы. Именно Лиза Маркштейн убедила Солженицына в 1970 году в необходимости юридической защиты от пиратских публикаций и обеспечила заочное подписание договора между Хеебом и Солженицыным (свидетелем подписания стал тогда Генрих Бёлль). В 1976 году Солженицын уволил Хееба, и конфликт между ними стал предметом судебного разбирательства в Цюрихе.

В резиденции канцлера я был принят одним из его помощников. Личной аудиенции у Бруно Крайского я не просил. Помощник не знал деталей, и никаких досье, связанных с приглашением Роя Медведева в Австрию, найти не смогли. Происхождение приглашения так и осталось неясным. Я в короткой записке просил не повторять приглашений, тем более публично, объяснив, что в данном случае они могут стать предлогом для высылки и лишения гражданства.

Программа симпозиума по геронтологии 19–20 мая оказалась очень насыщенной. Наибольший интерес вызвал доклад профессора Фрица Верзара, самого знаменитого европейского геронтолога и создателя первого в Западной Европе Института

экспериментальной геронтологии в Базеле в 1959 году (первый в Европе Институт геронтологии был создан в Бухаресте, второй в Киеве). Успех доклада определялся не только его содержанием, но и личностью докладчика. Верзару, автору более пятисот научных публикаций по физиологии, биохимии и геронтологии человека, в марте 1978 года исполнилось 92 года. За двенадцать лет с нашей первой встречи в Киеве в 1967 году он мало изменился.

Речь Солженицына в Гарварде

Для американцев речь Солженицына на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8 июня 1978 года оказалась, может быть, большей сенсацией, чем «Один день Ивана Денисовича» для нас в СССР. В 1962 году публикация повести в литературном журнале с ограниченным тиражом не имела мгновенного эффекта. 8 июня в США выступление Солженицына транслировали с синхронным переводом несколько общенациональных телеканалов. Живя в США уже почти два года, Солженицын отказывался от многочисленных приглашений, сосредоточившись на литературной работе. В «Узлах» своего «Красного колеса» он подошел к ключевому тому «Март Семнадцатого», который растягивался на многотомник. Однако приглашение от Гарвардского университета нельзя было проигнорировать. Это наиболее престижный и самый старый университет в США. Приглашение было связано также с присуждением писателю почетной степени доктора литературы. Солженицын согласился на выступление, но с необычным условием: полная секретность и отказ от предварительных сообщений в местной и в национальной прессе. Между тем лекцию, хотя и с неизвестным лектором, ожидали с нетерпением, она была традиционной, 327-й в истории Гарвардского университета. Неизвестность имени лектора лишь разогрела интерес к ней. Речь какой-либо знаменитости на церемониях вручения дипломов выпускникам университетов – одна из важных американских традиций. В Гарвардском университете имя лектора не объявляли предварительно лишь в 1947 году, тогда 5 июня им оказался государственный секретарь Джордж Маршалл (George Marshall), объявивший о начале плана помощи послевоенной Европе, знаменитого плана Маршалла.

О том, что лекцию 1978 года будет читать Солженицын, объявили лишь за два дня до мероприятия, когда он приехал в кампус, чтобы познакомиться с университетом и его профессурой. Это стало сенсацией, задержавшей начало презентации. Послушать лекцию захотели теперь не только выпускники, но и все студенты и преподаватели университета. Собралось рекордное за всю историю университета число слушателей, по сообщениям прессы – около 22 тысяч. Лекцию перенесли в один из двориков на подстриженный в английском стиле обширный газон, оборудовав защищенную навесом трибуну, так как на кампус надвигались тучи (дождь действительно вскоре начался, хотя и не сильный). Здесь же разместились телевизионщики и переводчики. Солженицын, однако, позаботился обо всем, он привез текст лекции, отпечатанный на русском и английском языках. Перед лекцией тексты размножили и раздали журналистам. Телетрансляция шла прямо в эфир. Общая идея лекции была понятной из объявленного накануне названия «Расколотый мир» («A World Split Apart»), что обещало глобальную картину.

В Англии никаких сообщений о лекции Солженицына 8 июня не появилось, разница во времени делала это событие слишком поздним для телезрителей Европы. «Голос Америки» напрямую транслировал выступление писателя, донося тем самым до слушателей его

ораторское искусство. На следующий день русский текст лекции передавало и Радио «Свобода». Однако я прочитал этот текст лишь неделю спустя, когда русская служба Би-би-си прислала мне его, готовя дискуссию по ней для своих русских слушателей. Но от участия в радиодebатах я отказался. Комментарии в прессе, особенно американской, были обширными и продолжались очень долго.

По форме и содержанию «Речь в Гарварде», как она теперь известна, была, безусловно, ярким произведением, чем-то сходным с солженицынской нобелевской лекцией. Особенность ее состояла в том, что она в значительно большей степени, чем ранее, была проповедью, выступлением пророка, а не писателя или ученого. Объектом солженицынской критики в лекции оказалась на этот раз вся западная цивилизация, причем начиная с эпох Возрождения и Просвещения. Особой критике подверглась свободная американская пресса. Характер ответных комментариев этой прессы можно было предвидеть. После 8 июня 1978 года Солженицын перестал быть героем сенсаций для западных средств массовой информации. Мне не встречались в последующем и рецензии на новые «Узлы» «Красного Колеса». Приведенные ниже отрывки из «Гарвардской речи» могут объяснить причину разочарования американцев:

«Падение мужества – может быть, самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом, и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии. Этот упадок мужества особенно сказывается в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей... трусость и заискивание кладется в основу государственной политики... Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?»

«Несомненный факт: расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия – народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чем повышение, а в чем и понижение, – и в очень дорогом... Западный образ существования все менее имеет перспективу стать ведущим образцом...»

«Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных – и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр (...). Необходимость дать мгновенную информацию заставляет заполнять пустоты догадками, собирая слухи и предположения, которые потом никогда не опровергаются, но осядут в памяти масс.»

«Сколько поспешных, опрометчивых, незрелых, заблудительных суждений высказывается ежедневно, замораживает мозги читателей – и так застывает (...). много выше утерянное право людей не знать, не забивать свои

божественные души – сплетнями, суесловием, праздной чепухой. Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягощающем потоке информации...»

«...никакое величайшее вооружение не поможет Западу, пока он не преодолеет потерянности своей воли. При такой душевной расслабленности самое это вооружение становится отягощением капитулянту. Для обороны нужна готовность умереть, а ее мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия...»

Тайный отъезд Солженицына из Швейцарии в 1976 году обидел тогда всю эту страну. В последующие годы Солженицын объяснял именно этой обидой множество своих новых проблем, особенно налоговых:

«...семья уехала, поневоле ни с кем не попрощавшись, никак не известясь, и только радовались мы, что обманули КГБ. Мы не задались вопросом: а когда откроется – как это будет выглядеть для Швейцарии?» (Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 76–77).

На «Гарвардскую речь» обиделась почти вся Америка. В тех же поздних воспоминаниях «Угодило зернышко...» Солженицын посвящает этому «непониманию» много страниц. Его удивило и возмутило прежде всего то, что в полном виде на английском языке «Гарвардскую речь» не опубликовали в США ни газеты, ни журналы, хотя было объявлено, что на ее текст нет копирайта. На русском языке полный текст опубликовал в июньском номере (№ 131. С. 205–216) эмигрантский «Новый журнал», выходивший в Нью-Йорке. Сам Солженицын нашел этому явлению простое объяснение:

«Оказывается, и демократия ждет себе лести. Пока я звал “жить не по лжи” в СССР – это пожалуйста, а вот “жить не по лжи” в Соединенных Штатах? – да убирайтесь вы вон!» (Там же. С. 103).

Проблемы Конгресса по генетике в Москве

В ноябре 1978 года мне предстояла новая, уже пятая, поездка в США, главной частью которой намечалось участие в ежегодной конференции Американского геронтологического общества в Далласе. Здесь же в Университете штата Техас планировалась защита диссертации моего американского аспиранта Барри Менделя Коэна, посвященной исследованиям и экспедициям Н. И. Вавилова. Я уже писал об этой диссертации в [главе 37](#). В процессе работы Барри фактически подготовил общую и научную биографию Вавилова, первую на английском языке. Центральной частью этого исследования были, естественно, экспедиции Вавилова по сбору видов и разновидностей культурных растений в географических центрах их происхождения и их природных сородичей и создание в СССР мировой коллекции этих растений, в которой уже к 1937 году насчитывалось около 200 тысяч образцов. Этой коллекцией, сохраняемой и воспроизводимой на опытных станциях ВИРа, пользовались теперь селекционеры всего мира, и аналогичные коллекции для субтропических и тропических культур создавались в селекционных центрах других стран. В какой-то степени так называемая зеленая революция, избавившая азиатский материк от постоянной в прошлом угрозы голода, была логическим результатом использования в селекции и гибридизации растений мирового генофонда, основателем которого считался Н. И. Вавилов. Б. Коэн сделал заявку на доклад о Вавилове на мемориальном симпозиуме на 14-м Международном генетическом конгрессе в Москве, получил грант на эту поездку от Американского фонда науки (National Science Foundation) и письменное подтверждение от президента конгресса Д. К. Беляева о включении своего доклада в программу. Барри планировал также поездку в Ленинград и Саратов, а также посещение некоторых опытных станций ВИРа.

Я упоминал в предыдущей главе о том, что мы с Ритой тоже послали в оргкомитет конгресса заявку на сообщение-постер и сделали через турагентство запрос на визу для Риты. У нее был советский заграничный паспорт, выданный в советском консульстве в Лондоне. С таким паспортом требовались визы не только на въезд, но и на выезд из СССР. Въехать в Советский Союз без таких виз можно было, но на паспортном контроле в аэропорту паспорт могли отобрать. К июлю турагентство «Express Boyd Limited», формировавшее группу научных туристов в СССР, сообщило нам, что в визе для поездки на конгресс отказано. Позднее стало известно, что и тезисы нашего доклада не включены в сборник рефератов постерных сессий. Протестовать по этому поводу мы не стали.

К этому времени у организаторов конгресса появились другие проблемы. Вице-президентами конгресса были американский генетик Джеймс Кроу и советский селекционер академик Н. В. Цицин. Кроу, как я писал ранее (см. [главу 38](#)), руководил отделом генетики Мэдисонского университета. У него на кафедре получила грант Раиса Львовна Берг, тоже подавшая заявку на участие в конгрессе. В письме от 25 июня она сообщила:

«Дела с конгрессом приняли неожиданный, в некотором смысле прискорбный оборот. Кроу отказался ехать и написал Цицину письмо, что расправа с Юрием

Орловым тому причиной. Это письмо будет напечатано в "Science", разослано всем вице-президентам и всем членам Американского генетического общества. Очень мало кто устремится ехать. Кроу написал, что, если решение суда по поводу Орлова будет изменено, он тоже изменит свое решение. Только тому не быть, и Кроу сам не верит, что поможет Орлову своим отказом... Я написала письма Брежневу и Добрынину, прося спасти конгресс и дать для этого амнистию политзаключенным: Орлову, Ковалеву, Щаранскому и Гинзбургу...»

О бойкоте Генетического конгресса в Москве вскоре заявила и группа французских генетиков. К ней присоединились некоторые известные мне британские ученые. Бойкот мог быстро распространиться, так как в Москве именно на июль, за месяц до открытия конгресса, готовились суды над Анатолием Щаранским и Александром Гинзбургом, арестованным в 1977 году. Менять уже рассылаемую программу пленарных заседаний и симпозиумов было поздно. Генетики из Израиля решили ехать и протестовать против судов непосредственно в Москве. Но выдача им виз была приостановлена. Так Генетический конгресс в Москве, запланированный как признание заслуг советской генетики, переборавшей с большими жертвами псевдоучения недавнего прошлого, стал заложником политической конфронтации.

Юрий Орлов

С Юрием Орловым я познакомился в 1972 году на квартире у Валентина Турчина. Орлов, доктор физико-математических наук и член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, только что переехал в Москву из Армении, где много лет работал в Ереванском физическом институте, известном своим уникальным кольцевым ускорителем элементарных частиц. Турчин привлек Орлова к работе советской секции «Международной Амнистии» («Amnesty International»), председателем которой Турчин объявил самого себя. Я подчеркиваю этот факт самоназначения, так как в штаб-квартиру этой организации в Лондоне меня приглашали для консультации и объяснений. Мне сказали, что Турчин действовал без их согласия и даже вопреки их рекомендациям. Создание национальных секций и назначение их руководителей было прерогативой Центра, распоряжающегося финансовыми средствами из различных пожертвований и дотаций, а не местных активистов. Устав «Международной Амнистии» разрешал создание национальных секций лишь в демократических странах. В коммунистических странах, где само участие в деятельности независимых международных организаций могло стать поводом для политических репрессий, разрешалось действовать на свой страх и риск лишь членам-добровольцам в индивидуальном порядке. Они могли протестовать путем переписки по поводу политических репрессий в других странах, но не в своей собственной. Логика этого правила была простой: «Амнистия» создавалась для сокращения числа политических заключенных, а не увеличения.

12 мая 1976 года на пресс-конференции для иностранных журналистов, созванной на квартире А. Д. Сахарова, Юрий Орлов объявил о создании Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которую впоследствии стали называть Московской Хельсинкской группой. Эта группа взяла на себя обязательство наблюдать за тем, как правительство СССР соблюдает соглашение, подписанное в 1975 году в Хельсинки (Helsinki)

Accords) всеми странами Европы и Северной Америки и направленное в основном на сохранение границ уже существующих на этом пространстве государств. В соглашении содержалось множество различных обязательств о соблюдении прав человека в этих государствах, однако никакой организации по наблюдению за их выполнением не было создано. Предполагалось, что таким наблюдением будет заниматься какой-либо комитет ООН. Группа, созданная Юрием Орловым, объявила о своей ассоциации с ООН. С этого времени рапорты Московской Хельсинкской группы о нарушениях правительством СССР взятых на себя обязательств по правам человека стали поступать в ООН за подписью Орлова. Копии этих рапортов раздавались в Москве посольствам и иностранным журналистам. Кроме Орлова в состав членов-учредителей Московской Хельсинкской группы вошли: Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Петр Григоренко, Людмила Алексеева, Валентин Турчин и еще несколько человек. Рой, которому предложили членство в этой группе, отказался. Он возражал против двух пунктов ее Декларации:

«“Группа принимает непосредственно от советских граждан письменные жалобы...” и “Группа намерена обращаться к главам правительств с просьбами о создании международных комиссий для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь ответственной информации...” – Если сами не могут проверить, то какая “международная комиссия” сможет проверить?» – писал мне Рой, объясняя причины своего отказа войти в число учредителей.

С 1977 года сборники документов Хельсинкской группы стали публиковаться в виде небольших брошюр в Нью-Йорке издательством «Хроника-Пресс», главным редактором которого был Валерий Чалидзе. Некоторые из документов печатались и в переводе на английский. Каждый экземпляр объемом 80–90 страниц стоил пять долларов, что делало невозможным обвинение в «субсидиях».

Многие документы о нарушении государством почтовой и телефонной связи, о плохих условиях в местах заключения, о преследовании религиозных семей и др. были абсолютно достоверными. Но в СССР работа группы зашла вскоре в тупик из-за получения множества ложных, явно провокационных, но очень хорошо подделанных жалоб, достоверность которых она не могла проверить. Некоторые ложные сообщения, даже явно сенсационные, все же иногда попадали в ООН и в зарубежную прессу. Многие западные газеты опубликовали, например, сообщение Хельсинкской группы о забастовке рабочих в Рижском порту и об аресте там четырех докеров. Ни забастовки, ни арестов, как оказалось, не было. Фальшивыми были сообщения группы об арестах рабочих в Эстонии. Важно то, что люди, упомянутые в этих сообщениях как арестованные, действительно существовали и впоследствии заявляли о клевете. Были случаи, когда жертвами политических репрессий назывались лица, осужденные за кражи. Юрий Орлов, подписывавший эти сообщения, был арестован и обвинен в «распространении заведомо клеветнических измышлений» по статье 70-й УК РСФСР. 18 мая 1978 года Московский городской суд приговорил Орлова к семи годам лишения свободы и пяти годам ссылки. (Отчет об этом суде под заголовком «На враждебной волне» появился в «Известиях» 19 мая 1978 г.) Орлов получил максимальный срок по данной статье. Жестокость приговора за действия, которые объективно могли считаться лишь ошибками или неточностями, но не клеветой, тем более намеренной, поразила тогда многих. Некоторые западные аналитики предполагали, что жестокость была сознательной. Она, вызывая протесты на высшем уровне, прежде всего в США, создавала

возможность обмена Орлова на какого-нибудь важного советского агента, арестованного в западных странах. Это предположение оправдалось через несколько лет, когда Орлова действительно обменяли на арестованного в США советского разведчика Геннадия Захарова, сотрудника представительства СССР в ООН.

Для меня, тоже стремившегося понять причины новой жестокости по отношению к Орлову и другим диссидентам, было очевидно, что следствие по этому делу, как и по делам Щаранского, Гинзбурга и некоторых других диссидентов, арестованных в 1977 году, проводилось не только 5-м, политическим, управлением КГБ, которое, в частности, готовило высылку из СССР Солженицына и осуществляло слежку за А. Д. Сахаровым и Роем Медведевым. К подготовке дел и к следствию после арестов были подключены 1-е и 2-е главные управления, ведавшие разведкой и контрразведкой. 5-е управление занималось идеологическими диверсиями, и его действия контролировались идеологическим отделом ЦК КПСС. В ходе следствия по делу Щаранского проводились допросы американских журналистов, что означало вовлеченность контрразведки. Разведывательные управления контролировались, в основном политически, а не оперативно, лишь председателем КГБ Ю. В. Андроповым. Поводом для такой смены властных функций стало решение, принятое, возможно, в КГБ, приравнять сообщения на Запад политической информации к передаче секретных сведений. Партийные органы явно теряли способность бороться с оппозицией политическими и административными методами по причине старости и болезней основных лидеров. Возникавший вакуум власти начинал заполняться представителями служб внешней разведки и контрразведки, имена которых, по понятным причинам, не были известны. Этот процесс только начался, но он мог продолжаться много лет.

Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский

Александр Гинзбург, об аресте которого по обвинению в незаконных валютных операциях я уже сообщал в [главе 39](#), предстал перед судом в июле 1978 года, но не в Москве, а в Калуге. Гинзбург жил в Тарусе в Калужской области и по существовавшему законодательству подлежал по данному уголовному делу местной юрисдикции. Но в тот же день в Москве предстал перед судом Анатолий Щаранский, обвиненный в передаче ЦРУ секретных сведений оборонного характера. Эти суды привлекли очень большое внимание западной прессы. Два раза делал заявления в защиту подсудимых президент США Джимми Картер. Обсуждалась возможность торгового бойкота СССР. К настоящему времени по каждому из этих процессов существует обширная литература, а о деле Щаранского и его дальнейшей судьбе написано несколько книг. Поэтому я не буду излагать здесь детали даже по тем вырезкам из газет и журналов, которые уже в июле 1978 года заполнили в моем архиве большую папку.

Заседания суда продолжались несколько дней и демонстрировали исключительную примитивность советского правосудия. Никаких документальных доказательств виновности обвиняемых, улик и результатов экспертиз, не было предъявлено. Не существовало и независимой защиты. Все обвинения базировались на устных показаниях двух свидетелей, по одному на каждое дело. Эти свидетели были явными провокаторами, «раскаявшимися сообщниками». Они, незадолго до арестов обвиняемых, выступали в прессе, обычно в «Известиях», с объяснениями причин своего «раскаяния». Приговоры, как и в случае Орлова, оказались очень суровыми. Гинзбурга приговорили к восьми годам заключения в лагере

строгого режима, Щаранского – к тринадцати годам. Вызывающий характер приговоров был очевидным. Посвящая этим судам почти весь номер от 24 июля 1978 года, американский журнал *Newsweek* сообщал: «американская администрация надеется, что она сможет обеспечить снижение срока Щаранскому и добиться освобождения Гинзбурга в сложном обмене на двух русских, арестованных в настоящее время в Соединенных Штатах по обвинению в шпионаже» (с. 9).

Это предположение оказалось верным. В США были ранее арестованы два советских агента, Р. Черняев и В. Эгерт. Следствие и суды в США тянутся долго. Только в апреле 1979 года эти лица были приговорены за шпионаж к пятидесяти годам заключения каждый. Столь большие сроки делали советских агентов более ценными для обмена. В итоге переговоров между ЦРУ и КГБ через нейтральных посредников двух советских агентов обменяли на пять советских заключенных, томившихся в лагерях. Кроме А. Гинзбурга были освобождены Эдуард Кузнецов и Марк Дымшиц, осужденные в 1970 году на пятнадцать лет лишения свободы каждый по делу о попытке захвата самолета, баптистский проповедник Георгий Винс и украинский националист Валентин Мороз. Все они вышли на свободу, но в западном аэропорту 27 апреля 1979 года. Щаранскому пришлось ждать еще несколько лет. Его обмен на советского разведчика Евгения Землякова, двух чехословацких шпионов, одного польского и одного из ГДР, происходивший 11 февраля 1986 года на мосту Глинике, соединявшем Восточный и Западный Берлин, стал крупным событием и полностью транслировался по всем каналам британского телевидения. Насколько я помню, бывший президент США Джимми Картер прилетел в Берлин и встречал Щаранского на западной стороне моста. Вскоре Анатолий Щаранский улетел в Израиль, сменил имя на Натан, создал новую партию «Сионистский форум», был избран в кнессет и через несколько лет стал министром промышленности и торговли в правительстве Израиля. Гинзбург поселился в Париже, стал обозревателем еженедельника «Русская мысль» и членом редколлегии журнала «Континент».

Приглашение в Лос-Аламос

На август мы с Ритой улетели отдыхать в Грецию. В Афинах оказалось шумно, душно и жарко, и, кроме Акрополиса, полуразрушенного и оголенного от скульптур, и смены караула у здания парламента, из фотографий этой поездки у нас к настоящему времени ничего не сохранилось. В Британском музее в Лондоне, наверное, больше античных греческих скульптур, чем во всей современной Греции. Знакомый греческий геронтолог Д. Лекос (D. Lekos) объяснил нам, что самый богатый музей греческой античной цивилизации находится в Ираклионе, столице Крита, так как на этом острове все раскопки производились лишь после объявления независимости в 1898 году и находки сразу поступали в местные музеи. В столицу Крита мы добрались морем с двумя остановками на других островах. В двадцати километрах от Ираклиона сняли комнату с видом на море у местного рыбака. Каждый день на обед нам предлагали жареную рыбу, которую мы сами выбирали из свежего улова. Рыба, оливки и вино были, судя по экспонатам музея в Ираклионе, главными компонентами диеты жителей античного Крита.

В Лондоне, куда мы вернулись к концу месяца, меня ждала довольно обширная почта. Рой в конфиденциальном письме сообщал о вызове на допрос в КГБ по поводу письма из США от профессора Стивена Коэна, найденного в посылке американской дипломатической

почты, которая якобы по дороге выпала из грузовика. Этот грузовик перевозил посылки для посольства США, пришедшие на Ленинградский вокзал из Финляндии. Пакет в фирменной упаковке был отправлен из Нью-Йорка на имя Дэвида Шиплера, московского корреспондента The New York Times. В этом же открывшемся при ударе об асфальт картонном пакете находились и подарки Коэна вдове и сыну Николая Бухарина и письма для них. Сам Шиплер, которому из отделения милиции сообщили о «случайной находке» по телефону, отказался приехать и забрать ее. Объяснение по этому поводу пришло мне и от самого Коэна из Нью-Йорка. Он просил нас не беспокоиться, так как в посылке были лишь кисти и краски для Юрия Ларина, профессионального художника.

Главным сюрпризом среди накопившейся почты оказалось письмо от Харольда Эгнью (Harold Agnew), директора Лос-Аламосской национальной лаборатории. Он приглашал меня приехать в Лос-Аламос из Альбукерке, где у меня планировались две лекции в Университете штата Нью-Мексико. На медицинском факультете этого университета заведовал отделом биохимии мой старый друг, профессор Роберт Лофтфилд (Robert Loftfield), изучавший, как и я, возможные последствия ошибок синтеза белка. Я переписывался с ним с 1962 года, когда он опубликовал свой довольно сложный метод определения возможной точности синтеза белковых молекул. В недавнем прошлом мы дважды встречались на конференциях в Европе. Узнав, что я буду в ноябре в Далласе, он пригласил меня и в Альбукерке, предложив остановиться в своем, как он писал, «очень большом» доме. Действительно большой дом был Бобу необходим: вместе с родителями в нем жили пятеро из десяти их детей. Сообщение о приезде Жореса Медведева в Альбукерке и лекции о молекулярных аспектах старения появилось в местной газете штата. В связи с этим Эгнью приглашал меня на среду 22 ноября и в Лос-Аламос прочитать общую, открытую для всех сотрудников дневную лекцию об Уральской ядерной катастрофе, а затем принять участие в более детальном обсуждении этого вопроса в узком кругу ведущих специалистов, главным среди которых он назвал Эдварда Теллера. Кто такой Теллер, объяснять не было необходимости. Изобретателя и конструктора водородной бомбы, навязавшего миру новый, самый дорогостоящий виток гонки ядерных вооружений, я конечно же знал, как и историю его научного открытия. Именно Теллер сумел убедить американскую администрацию, что такую бомбу никто в мире не сможет ни изобрести, ни собрать. Все расчеты для такой бомбы производились новым, только что сделанным для данной цели суперкомпьютером, подобных которому нигде еще не было. Атомные бомбы создавались в ответ на германский Урановый проект, но были использованы уже для завершения войны с Японией. Водородные супербомбы планировались тогда лишь для СССР.

Неизвестные ликвидаторы Уральской катастрофы

К лету 1978 года я уже знал от приезжавшего в Лондон Франка Паркера, сотрудника Университета Вандербильта, ожидавшего грант на изучение возможных последствий Уральской катастрофы для здоровья местного населения (см. [главу 37](#)), что между Окриджской и Лос-Аламосской лабораториями возникли разногласия относительно объяснения причин массивного радиоактивного загрязнения обширного района Южного Урала. Радиоэкологи в Окридже соглашались с моим утверждением о взрыве хранилища концентрированных жидких отходов от производства плутония, тогда как эксперты из Лос-Аламоса выдвинули и пытались обосновать версию о неудачном испытании в этом районе

атомной бомбы. Меня, следовательно, приглашали теперь не просто для объективного обсуждения радиоэкологических проблем, а вызывали на ковер, чтобы опровергнуть версию взрыва в хранилище отходов и доказать мою некомпетентность в атомной физике и радиохимии. Каждая из этих лабораторий получила крупный грант на осуществление перевода на английский публикаций в советских журналах. Однако грант на изучение медицинских аспектов проблемы пока не был одобрен.

«Мы еще не получили решения от федеральных агентств, – писал мне Паркер, – к которым обратились с предложением об осуществлении перевода медицинской литературы по радиационным последствиям облучений в Советском Союзе. Когда грант поступит, я буду с вами в контакте относительно совместной работы».

Но у меня не было необходимости ждать какого-то гранта на изучение советских медицинских журналов. В Британской библиотеке я начал просматривать журнал «Медицинская радиология», единственный в СССР, в котором могли публиковаться материалы о действии радиоактивных изотопов на организм человека. Мое преимущество перед Паркером состояло в том, что я знал несколько контрольных имен и общую структуру медицинского обслуживания секретных атомных предприятий. Жизнь и работа в Обнинске неизбежно обеспечивала меня такой информацией. 4-е Главное управление Министерства здравоохранения СССР, больше известное как «кремлевское», обслуживало партийную и правительственную элиту. 3-е Главное управление, полностью засекреченное и известное немногим, обслуживало атомную и космическую отрасли, и Обнинск входил в его систему. Начальником 3-го управления был в 1958–1975 годах генерал-лейтенант медицинской службы А. И. Бурназян. Главным лечебным центром для пострадавших от радиации людей являлась больница № 6 при закрытом Институте биофизики Минздрава в Москве, директором которого с 1962 года был академик Петр Дмитриевич Горизонтов, патофизиолог. Главным врачом этой больницы была А. К. Гуськова, которая до 1960 года работала главврачом в Челябинске-40, обслуживая и комбинат «Маяк», где осуществляли выделение плутония для бомб. В секретном городе находился и филиал Института биофизики, руководителем которого в те же годы был Лев Александрович Булдаков. Эти ученые в 1957–1975 годах опубликовали и в «Медицинской радиологии», и в «Трудах» разных конференций немало результатов исследований, но во всех случаях они были связаны с профессиональными радиологическими заболеваниями людей, работавших на реакторах и в радиохимических лабораториях, или от случайных загрязнений, не имеющих отношения к Уральскому региону и радиоактивным загрязнениям территории. А. К. Гуськова с сотрудниками, например, опубликовала в «Медицинской радиологии» статью (1964. № 8. С. 51–59) о случайном загрязнении нескольких детей полонием-210, ампулу с которым они где-то нашли. Результаты моих поисков показывали, что в системе больниц 3-го управления Минздрава обслуживали лишь штатных работников атомной промышленности и членов их семей. Проблемы здоровья ликвидаторов Уральской ядерной катастрофы и людей, от нее пострадавших, в медицинской литературе не обсуждались. О них ничего не сообщалось ни в статьях, ни в книгах по радиологии и радиационной гигиене. Я уже составлял обширные обзоры о действии стронция-90 и цезия-137 на всех представителей флоры и фауны, знал о выселенных и сожженных деревнях (из рассекреченных материалов ЦРУ и свидетельств Льва Тумермана). Но о ликвидаторах, выполнивших колоссальный объем работ по очистке большой территории промышленной зоны комбината «Маяк» и ближайших к промзоне жилых кварталов от миллионов кюри средне- и долгоживущих радиоизотопов, ничего не

было известно.

В 1977 году британская телевизионная компания «Гранада» («Granada») в своей программе «Мир в действии» решила провести независимое журналистское расследование Уральской катастрофы. Сотрудники компании занялись поиском в Израиле советских иммигрантов, живших в недавнем прошлом в Челябинской или в Свердловской областях. Таких оказалось немного, и лишь двое свидетелей согласились на рассказ за кадром и при условии полной анонимности. Они беспокоились за своих родственников, оставшихся в СССР. 7 ноября 1977 года программа была показана, и я как ее участник получил тексты.

Свидетель «номер один» сообщал:

«Я жил в поселке Копейск, недалеко от Челябинска... В 1954 году я переехал в Свердловск, где начал учебу в Технологическом институте. По выходным дням я иногда ездил в Копейск, чтобы навестить родителей. Я обычно ехал автобусом или попутными машинами, и дорога проходила через район, близкий к Кыштым... В конце 1957 года стали распространяться слухи о том, что в Челябинске-40 произошла очень большая авария, ядерный взрыв, вызванный неправильным хранением радиоактивных отходов атомного предприятия. Вскоре после этого дорога между Свердловском и Копейском была закрыта. Я не мог посещать моих родителей почти год.

Однажды я был в больнице в Свердловске по поводу небольшой операции. Один из моих друзей, врач, сказал мне, что большинство лежавших в больнице являются жертвами Кыштымской катастрофы. Он сказал, что и другие больницы Свердловска переполнены жертвами этой катастрофы. Жертвы этой аварии заполняли не только больницы Свердловска, но и Челябинска. Это большие больницы с сотнями коек. Доктора сказали, что больные страдали от радиоактивных загрязнений. Пострадали тысячи людей, и некоторые из них умерли».

Свидетель «номер два», медсестра, приехала в Кыштым уже в 1967 году. Но последствия аварии, судя по ее рассказу, не исчезли и через десять лет:

«...В сельской местности можно было обнаружить огражденные участки, за оградой – горы земли. Верхний слой почвы, наиболее загрязненный радиоактивными продуктами, сгребался бульдозерами в кучи, и вокруг этих куч делались ограждения. На этих кучах земли тоже росли растения, но они имели очень необычные размеры и формы. Среди местных жителей эти кучи называли “могилами земли”».

На крупномасштабных картах Челябинской области, которые имелись в коллекции Британской библиотеки еще с дореволюционных времен, ближайшими к месту будущей промышленной зоны «Маяка», но уже за ее пределами, были пять небольших деревень: Берендиш, Салтыково, Галикаево, Русская Карболка и Юго-Конево. Это был очень бедный район и, судя по названиям поселений, со смешанным русским и башкирским населением. Жители этих деревень, по-видимому, были эвакуированы, но их было не более тысячи, две трети из них дети. Людей расселяли по окрестным деревням и поселкам после упрощенных

медицинских обследований амбулаторного характера. В больницах Челябинска и Свердловска находились в 1957–1958 годах другие люди, детей там не было. По моим предположениям, пациентами больниц могли оказаться преимущественно ликвидаторы.

Отдельно я начал изучать литературу об аварийных взрывах большой мощности. Этой теме посвящены специальные книги и обзоры, существует международная шкала. Самым крупным индустриальным взрывом на то время считался взрыв в Оппау в 1921 году в Германии, на химическом заводе, производившем аммоний-нитрат как удобрение. Причина детонации хранилища с 4500 тоннами смеси сульфата и нитрата аммония оставалась неизвестной из-за гибели персонала. По расчетам мощности, взрыв затронул не всю массу, а лишь 450 тонн смеси. Небольшой город Оппау, недалеко от Гейдельберга, был почти полностью разрушен, и больше шести тысяч человек потеряли свои дома. Окна домов в радиусе 30 км были выбиты, крыши снесены. 500 человек погибло и более 2000 ранено. При взрыве образовался кратер глубиной 19, шириной 90 и длиной 125 метров. Взрыв был слышен в Мюнхене, в 300 км от Оппау.

Взрыв в Челябинске-40 был связан с детонацией около 100 тонн подсохших нитратно-ацетатных солей, смеси с более сильным взрывным потенциалом. Кратер мог быть и больше, так как хранилище представляло собой подземный железобетонный бункер. Вся огороженная территория, жилые районы, промышленная зона, казармы военной охраны и несколько небольших озер, согласно опубликованному в 1977 году отчету ЦРУ, составляла 2700 кв. км. Разрушения и повреждения в промышленной зоне были неизбежны. Жилая зона на расстоянии 7–10 км от промышленной не могла избежать взрывной волны. Загрязнения радиоактивностью в радиусе 10–15 км, которые происходили от взрывной волны, могли оказаться очень высокими. Ветер понес радиоактивное облако на северо-восток. Но взрывная волна разбрасывала смертельный концентрат во всех направлениях. Взорвался один стальной контейнер подземного хранилища. Но другие, сколько их было – оставалось неизвестным, могли быть повреждены и смещены, а система их водного охлаждения разрушена. Это создавало угрозу новых взрывов в случае накопления в хранилище гремучего газа. Предотвратить новые взрывы и самопроизвольный разогрев концентрированных радиоактивных смесей можно было лишь срочной закачкой больших объемов воды во все полости в подземном пространстве. Следовало бурить скважины и накачивать в них воду для охлаждения и разбавления смеси изотопов. Необходимую для этого технику могли доставить лишь с уральских горнорудных разработок. На это требовалось время. Руководство всеми работами могло осуществляться только на уровне правительственной комиссии с чрезвычайными полномочиями. По устным свидетельствам Н. В. Тимофеева-Ресовского и Н. В. Лучника, которые после освобождения из заключения в 1955 году продолжали работать на биологической станции в Миассове возле Каслей (озеро Миассово тоже было загрязнено, но незначительно, вторичными переносами с ветром, и экологии этих загрязнений посвящены несколько исследований Тимофеева-Ресовского), руководство всеми работами по ликвидации последствий осуществляли министр среднего машиностроения Е. П. Славский, генералы госбезопасности А. П. Завенягин и Б. Л. Ванников и академик И. В. Курчатov. Производство оружейного плутония в стране было, по-видимому, временно остановлено. Многотысячный персонал комбината «Маяк» требовалось эвакуировать. Детей из жилой части секретного города также могли вывезти. Дорожный асфальт, стены и крыши домов следовало многократно отмывать. С оштукатуренных стен корпусов в промышленной зоне, наверное, пришлось отбивать штукатурку, радиоактивный стронций – это аналог

кальция, отмыть его с извести невозможно. Верхний слой грунта, не менее 5–10 см, требовал удаления. Без большого числа рабочих и тяжелой техники (бульдозеров, экскаваторов, пожарных машин для отмыва зданий и крыш, иногда особыми растворами, автоцистерн для отмыва улиц, самосвалов, передвижных подъемных кранов и отбойных молотков) обойтись было нельзя. Их привозили, наверное, со всего Урала. Неизбежно выкапывались многочисленные глубокие могильники для радиоактивного мусора, возможно за пределами промзоны. Соскабливался верхний слой грунта. Привозились десятки тысяч тонн чистой земли для засыпки территории и защиты рабочих от гамма-облучения. Индивидуальный дозиметрический контроль обеспечить было невозможно, индивидуальных электронных дозиметров со шкалой и стрелками тогда еще в СССР не производили, дозы определяли постфактум по почернению фотопленок.

В ЦРУ после анализа последствий этой аварии, ставшей известной ему с 1958 года, в заключительный документ из тех, что были рассекречены в 1977 году, вошел раздел «Рабочая сила». В нем, в частности, было написано:

«В этом районе в 1956 году находился военный персонал из различных военных подразделений. Из них были составлены 16 рабочих батальонов по 1000 человек в каждом. Здесь же находились 25 000 советских солдат генерала Власова, которые во время войны сотрудничали с немцами. Эти солдаты рассматривались как заключенные и тоже были организованы в рабочие батальоны. В дополнение к ним около 60 000 других советских заключенных обоего пола также были заняты в проекте...»

Существование лагеря заключенных (Кузнецлаг) на территории Челябинска-40 в 1957 году подтверждается современными архивными материалами (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 318. Л. 24). Однако численность заключенных в этом лагере на 1957 год указана как 11 038 чел., на 1960-й – 4 200. В Челябинской области в 1957 году находились еще три исправительно-трудовых лагеря, в одном из них, недалеко от города Касли, был закрытый радиобиологический институт «Сунгуль» (название перешло от бывшего там ранее санатория), в котором работали в 1947–1955 годах Н. В. Тимофеев-Ресовский и Н. В. Лучник. Жена Лучника, Надя Порядкова, была нашим другом по Тимирязевской академии, которую она кончала в одной группе с Ритой в 1949 году. В «Сунгуле» работали и немецкие ученые – Н. Риль, К. Циммер, Г. Борн и А. Кач. Начальником института был полковник МВД А. К. Уралец, о нем Тимофеев-Ресовский отзывался всегда положительно. Научным руководителем института с 1951 года был Н. Риль. В 1957 году на базе этого научного центра был создан еще один секретный атомный город, получивший обозначение Челябинск-70 (в настоящее время это город Снежинск). В Челябинске-70 планировали сборку атомных бомб. Это был центр, дублировавший Арзамас-16. В лагере заключенных возле «Сунгуля» находились репатрианты из Германии и те немецкие военнопленные, которых осудили и не вернули на родину. Некоторые подробности об институте «Сунгуль» были мне известны не только от Тимофеева-Ресовского, Лучника и Порядковой, но и от Николауса Риля. В 1977 Н. Риль уже жил в Мюнхене и, выйдя на пенсию, начал писать воспоминания под названием «В золотой клетке». Он обратился ко мне с просьбой прислать ему фотографии Курчатова, Тимофеева-Ресовского, Вавилова, Лысенко и особенно А. Завенягина. Книгу Риля, изданную на немецком в 1988 году, перевел на английский

американский химик Фредерик Сейц (Frederick Seiz), президент Национальной академии США, и издал в Нью-Йорке с дополнительными подробностями уже после смерти ее автора (Stalin's Captive. Nikolaus Riehl and the Soviet Race for the Bomb. N.Y.: American Chemical Society, 1996). Риль, единственный иностранец, удостоенный в 1950 году звания Героя Социалистического Труда по личной директиве Сталина, был ключевой фигурой советского атомного проекта. Именно он раскрыл в мае 1945 года для советских физиков (в Берлин приехали Л. А. Арцимович, Г. Н. Флеров и Ю. Б. Харитон, коллеги И. В. Курчатова, они были одеты в форму полковников госбезопасности) секрет германского хранилища уранового концентрата, позволившего советским физикам в 1946–1947 годах (с помощью того же Рилья, приехавшего с семьей в Москву в июле 1945 года) выделить более 100 тонн чистого металлического урана для загрузки первых урановых реакторов. Именно этот трофейный уран обеспечил быстрое создание в СССР атомной бомбы. В изданных в СССР и Российской Федерации книгах по истории советского атомного проекта ключевая роль Н. Рилья и многих других немецких ученых всегда замалчивалась. Сам Риль, умерший в 1990 году, не стремился настаивать на своем приоритете.

В своих воспоминаниях Н. Риль свидетельствует, что обслуживающий персонал института состоял в основном из заключенных:

«Общую обстановку в институте определяли советские и немецкие ученые. Однако почти все советские ученые были заключенными или, по крайней мере, ссыльными по политическим мотивам. Исключений не было. Среди обслуживающего персонала почти все также были заключенными. Один из них был осужден за убийство. Между собой мы его называли “наш убийца”... Осужденные по политическим делам имели номерные знаки...» (S. 125).

О нахождении в Челябинской области лагерей власовцев архивных материалов найти не удалось. Исправительно-трудовых лагерей для бывших власовцев (это был расширительный термин) и остарбайтеров не могло быть, их направляли не в исправительные, а в особые лагеря, которые входили в другой главк МВД – Главпромстрой. (Главпромстрой и Главспецстрой были переданы в 1957 году из системы МВД в систему Министерства среднего машиностроения, занимавшегося созданием атомной промышленности. Лагерные системы легкоподвижной рабочей силы существовали и в других министерствах.) Для них также создавались спецпоселения, причем чаще всего именно на Урале на угольных разработках и объектах горнорудной промышленности (Кемерово, Прокопьевск, Новокузнецк и др.). Отдельный контингент составляли военнопленные и репатрианты-остарбайтеры, уже имевшие опыт горных и строительных работ в германском рейхе. В 1946 году сформированные из них рабочие батальоны начинали строить и будущие Обнинск и Дубну. В 1946–1950 годах там работали и немецкие военнопленные. Построенные в те годы в этих научных центрах жилые дома и корпуса институтов отличаются особыми типовыми проектами и лучшим качеством, чем те, что строились после 1953 года. На это я обратил внимание, приехав в Обнинск в 1963-м и посетив Дубну в 1965 году. Эти же строительные рабочие могли входить в так называемый спецконтингент, состоявший из заключенных, которые работали на секретных объектах. Сведения об этих формированиях появились лишь после 1991 года, причем в виде воспоминаний, а не архивных документов. После завершения секретных строек спецконтингент обычно отправляли в колымские лагеря, чтобы атомные

секреты не разглашались. В трех томах солженицынского «Архипелага ГУЛАГа» никаких сведений об этих лагерях и спецконтингенте нет. В 1955–1965 годах, когда Солженицын собирал материалы для своей эпопеи, подписка о неразглашении, обычно на 25 лет, имела полную юридическую силу.

Хранилище радиоактивных отходов было подземным. На каком расстоянии друг от друга находились цилиндры-контейнеры из нержавеющей стали и сколько их здесь было, я не знал, но мне казалось очевидным, что спасти и восстановить хранилище концентрированных радиоактивных отходов в условиях 1957 года было невозможно. Вести здесь какие-либо раскопки экскаваторами нельзя из-за угрозы искр, а лопатами, с археологической осторожностью, вряд ли решились, даже с привлечением заключенных. Летальная доза достигалась здесь за минуты. Лично я предполагал, что несколько десятков скважин обеспечили вентиляцию гремучего газа, а накачкой воды разбавили радиоактивный концентрат. Затем над всем этим радиоактивным могильником начали, наверное, насыпать землю, создавая огромный курган. Ликвидация последствий аварии продолжалась, безусловно, и в 1958-м и растянулась на годы.

Пострадавшие от Уральской (Кыштымской) ядерной катастрофы жители окружающих районов в последующие годы регистрировались для периодических медицинских обследований, а после Чернобыльской катастрофы и для денежных компенсаций. Ликвидаторы остались неизвестными и до настоящего времени.

Я лечу в США, Рита в СССР

Хорошая новость пришла от сына Саши из Калинина: 10 октября родилась наша первая внучка. Девочку назвали Машей. Я готовился к отлету в США 31 октября. Рита начала срочно готовиться к поездке на родину. В турагентстве «Progressive Tours» Рита заказала двухнедельную экскурсию в Советский Союз по маршруту Москва – Калинин – Ленинград – Владимир – Москва. Проблем с визой на этот раз не было. «Progressive Tours» организовывало экскурсии совместно с советским «Интуристом». В состав групп входили обычно британские «левые» и пожилые русские из первой эмиграции, желавшие посетить свою родину.

Как и в прошлом году, поездка в США растягивалась на месяц. Кроме приглашений прочитать лекции в Техасе и в Нью-Мексико, требовавшие тщательной подготовки, пришли и другие, от которых нельзя было отказываться, так как они могли иметь какой-то эффект и давали возможность лучше познакомиться с американской системой принятия решений. Одно из приглашений пришло от Совета по международным отношениям, частной некоммерческой организации, ранее мне не известной, но, по объяснению Стивена Коэна, игравшей важную роль в подготовке программ в области международных связей как для демократов, так и для республиканцев. Ее штаб-квартира находилась в Нью-Йорке. Печатным органом Совета был влиятельный журнал *Foreign Affairs*, который внимательно читали политики во всем мире. Членами Совета, а их более тысячи, могли быть представители бизнеса, академических учреждений, прессы, дипломатических служб и армии. В составе Совета, как сообщал мне С. Коэн, числились Гаррисон Солсбери, редактор *The New York Times*, и Джеймс Мейрс (James L. Mairs), вице-президент нью-йоркского издательства «W.W. Norton & Co», с которыми я уже был хорошо знаком. Для обсуждения на заседании Совета 2 ноября мне предложили сделать доклад с анализом влияния политики США в области прав человека на Советский Союз.

Конец 1978 года сопровождался усилением конфронтации между США и СССР не только из-за разногласий по правам человека, но и из-за назревавших международных конфликтов, которые могли привести к военному вмешательству супердержав. Для США серьезнейшая проблема неожиданно и стремительно возникала в Иране, для СССР – в Афганистане.

Иранский шах, имевший в стране абсолютную власть и проводивший проамериканскую политику и экономическую программу государственного капитализма, медленно угасал от лейкемии (лимфомы). Секретный диагноз был известен лишь лечившим его французским врачам. В конце 1978 года жизнь шаха поддерживалась уже только с помощью переливания крови. Болезнь подрывала устои династии, так как старший сын шаха еще не достиг двадцатилетнего возраста, требуемого по традиции для занятия престола. Возникший вакуум власти, сопровождавшийся беспорядками и протестами, могла заполнить лишь исламская верхушка во главе с исключительно популярным аятоллой Хомейни, так как политических партий в стране не было. Армия, формировавшаяся из призывников, а не профессионалов, не могла установить диктатуру. Появлялась уникальная возможность теократической власти с непредсказуемыми последствиями для всего мусульманского мира.

Ни в одной из современных стран религия не являлась главным источником и опорой политической власти и атеизм не рассматривался как преступление. В католической в Средние века Европе был, однако, период господства инквизиции, когда еретиков и «ведьм» пытали и казнили по подозрению в безбожии. Почти абсолютная власть духовенства существовала в Испании в 1481–1498 годах при знаменитом Томасе Торквемаде, главе испанской инквизиции. В Азии Тибет и далай-лама могли до 1950 года служить примером теократии, но достаточно гуманной. Никто не ожидал, что неверие в Бога снова станет преступлением и что политическая власть может перейти в руки духовенства в крупной

современной стране. Между тем именно такая перспектива оказалась к концу 1978 года реальной в Иране, единственной открыто проамериканской стране на Ближнем Востоке. Для США это могло стать катастрофой, и Пентагон готовил различные варианты военного вмешательства для сохранения династии Пехлеви.

Для Советского Союза серьезной международной проблемой оказалась Афганская революция и приход к власти марксистско-ленинской Демократической партии. Удержать власть в отсталой мусульманской стране без массивной военной помощи со стороны СССР эта партия не могла.

В Нью-Йорке

В Нью-Йорке, куда я прилетел к вечеру 31 октября, первым на следующий день был визит в издательство «W.W. Norton». Моя подготовка к докладу в Лос-Аламосской лаборатории оказалась настолько продуктивной, что я, фактически за сентябрь-октябрь, написал небольшую книгу «Уральская ядерная катастрофа», рукопись которой, в отличие от недавно изданной книги о советской науке («Soviet Science»), была на русском языке, а не на английском. Я рассчитывал, что она, может быть и с сокращениями, попадет в самиздат в СССР и таким образом будет пополняться. Предлагал я эту рукопись и издательству «W.W. Norton», обещая активное сотрудничество с переводчиком. Перевод терминов я сделал уже в рукописи. Некоторые дополнения можно было включить при редактировании перевода. 1 ноября договор на издание был подписан, и вечером того же дня Дж. Мейрс, мой редактор и издатель, пригласил меня и переводчика Джорджа Саундерса (George Saunders) на обед в ресторан. Был приглашен и С. Коэн, живший в Нью-Йорке. Как я понял во время обеда, эти трое американцев дружили со студенческих лет. В молодости они были марксистами, и этим объяснялись их интерес к СССР и знание русского языка. У Стива Коэна имелись и российские корни. Его дед иммигрировал в США из Литвы в начале века.

Коэн, как оказалось, тоже недавно стал членом Совета по международным отношениям, и ему было поручено представить меня на заседании на следующий день. Члены Совета, как правило, люди занятые, и заседание рассчитывалось на семьдесят пять минут: пять минут на представление, двадцать на доклад и пятьдесят на дискуссию. Неофициальный обмен мнениями продолжался во время обеда в том же здании Harold Pratt House на 68-й улице. Список приглашенных, около шестидесяти человек, я получил перед началом заседания в 17.15. Представителей прессы не было, дискуссия считалась конфиденциальной.

Текст выступления я заранее не готовил. Политику Картера по защите прав человека я считал совершенно неэффективной, прежде всего потому, что она носила избирательный характер, формулировала свои принципы лишь в отношении Советского Союза, не распространяясь на другие страны, и не являлась продолжением каких-либо традиций в американо-советских отношениях. Наиболее резко американская администрация отреагировала (отменив даже два торговых контракта) на дело Щаранского. Подняв ставку в политической игре сразу слишком высоко, но в вопросах, которые для всего остального мира, безусловно, казались очень мелкими, негосударственными и касавшимися людей, почти никому не известных, американская администрация лишала себя возможности вести какие-либо прямые переговоры с советскими лидерами по всем другим международным проблемам. В 1972–1974 годах, когда между администрациями США и СССР установился открытый и плодотворный политический диалог, президенты Никсон и Форд решали все

проблемы путем прямых переговоров с Брежневым, встречаясь в дачных резиденциях и демонстрируя дружбу. Генри Киссинджера приглашали даже на «царскую» охоту на кабанов в Завидово. (Стрелять по животным и даже брать в руки ружье он, впрочем, отказался. Не захотел и поплавать вместе с Брежневым в его домашнем бассейне.) У Картера никаких личных контактов с советскими лидерами не было, даже по телефону. Обмен мнениями мог осуществляться лишь на уровне госдепартамента и советского Министерства иностранных дел, а различные заявления Картера воспринимались даже в МИДе как его личная позиция и оставались обычно без ответа. О каком-то позитивном влиянии политики Картера на положение в СССР не могло быть и речи. После суда над Анатолием Щаранским Картер личным приказом отменил уже согласованные ранее поездки в Москву американского министра здравоохранения и социальных служб, делегации по делам охраны природы и ряд других визитов. Возникла угроза ликвидации американского павильона на ежегодной Московской книжной ярмарке в сентябре. Появился проект о запрете на продажу зерна в СССР. Но в Советском Союзе в 1978 году собрали очень хороший урожай зерновых. Возражали и экспортеры: такая мера, создавая излишки зерна в США, могла снизить мировые цены. Эти акции помогали лишь консерваторам из Идеологической комиссии ЦК, которые всегда выступали против расширения культурного обмена с Западом.

Из вопросов и кратких комментариев присутствовавших на моем докладе в Совете по международным отношениям я мог понять, что Картер не пользуется в этом кругу ни уважением, ни авторитетом.

Коннектикут и другие штаты. Александр Некрич в Гарварде

В пятницу утром я приехал поездом в город Сторрс в штате Коннектикут, в университете которого была объявлена моя лекция об Уральской ядерной катастрофе и о проблемах охраны окружающей среды. Спонсорами визита были биологи и Центр по изучению славянских и восточноевропейских стран. В этом Центре работал профессор Рудольф Токес, которого я знал по прошлым приездам в США. Токес, иммигрант из Венгрии, считался в США главным специалистом по диссидентам. Он так же, как и я приходил к выводу о том, что личное вмешательство американского президента в судьбу отдельных людей могло лишь помешать созданию более широкой внутренней оппозиции.

На субботу и воскресенье я поехал в близкий отсюда американский Кембридж, чтобы встретиться с историком Александром Моисеевичем Некричем, другом Роя. Я уже писал ранее, что А. Некрич, прославившийся своей книгой «1941. 22 июня», изданной в Москве в 1965 году, эмигрировал из СССР в 1976 году. Познакомился я с ним в 1966-м, когда он приезжал в Обнинск, чтобы прочесть лекцию в обнинском Доме ученых. Несколько раз мы встречались в 1977 году в Великобритании, где Некрич провел почти полгода, ожидая визу в США. Его приглашал туда на год Гарвардский университет, но в визе с правом на работу в США ему отказывали как бывшему члену КПСС. Друзья из США писали Некричу, что преодолеть это препятствие очень просто, нужно лишь письменно объяснить, что вступление в ВКП(б) в 1943 году было вынужденным, «по приказу». Некрич категорически отказывался. «Я в Советском Союзе должен был все время врать, – говорил он мне как-то в Лондоне, – неужели и здесь мне нужно снова врать и скрывать свою биографию? Я вступал в партию добровольно, на фронте, и гордился членством...» В конечном итоге, по ходатайствам коллег, Некрич получил визу, но с какими-то ограничениями.

Наша встреча была очень теплой. Несмотря на субботу, Саша повел меня на кафедру, а не домой. Семейных проблем Некрича я не знал. Рой сообщал в одном из писем, что перед отъездом Саша развелся с женой и уезжал один. Детей у них не было. Кабинет Некрича, большой, наполненный книгами, был, по сути, частью библиотеки Русского исследовательского центра:

«Вот видишь, какой у меня офис, – похвастался Некрич, – а вот денег не платят. Грант кончился, а получить должность в Гарварде нереально... Тебе проще, в биологии вы все коллеги, друг другу помогаете, предмет ведь необъятный... А в советологии мы все конкуренты, слишком много в Штатах советологов. В каждом университете есть центр, многие дублируют друг друга. Здесь, в Гарварде, все решает Ричард Пайпс, польский русофоб... он фальсифицирует историю уже с Киевской Руси...»

Некрич еще до отъезда из Москвы закончил книгу «Наказанные народы» о депортациях в 1943–1944 годах калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев и крымских татар в Казахстан и в Среднюю Азию. Книга, сравнительно небольшая, не распространялась в самиздате, автор готовил ее для издания за границей. Она вышла в начале 1978 года в Нью-Йорке на русском языке в издательстве «Хроника», а затем и на английском («The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of The Second World War». W. W. Norton & Co). Автор, безусловно, надеялся, что она будет иметь успех и широкое распространение. Книг по этой проблеме еще не было. Но судьба небольших, в основном мусульманских (за исключением калмыков-буддистов), народов СССР, как оказалось, представляла для американцев лишь академический интерес. Для них это был незначительный эпизод Второй мировой войны, и без того наполненной трагедиями и перемещениями миллионов людей. К тому же и в США, причем по инициативе Рузвельта, в 1942 году тоже проводились депортации и в концлагерях содержались потенциально враждебные меньшинства, прежде всего американцы японского происхождения с западного побережья, о чем американцы хотели бы забыть.

«В Штатах нет историков на зарплате старших или младших сотрудников, – объяснял мне Некрич, – только преподавательские должности. Нужно вести какой-то курс, читать лекции, формировать класс студентов. Нужно стать членом факультета... получить постоянную должность, а я пока гость. Шансов на постоянную работу нет, и вакансий нет. Да и систематического курса у меня нет. В Москве ведь моей главной темой в институте была не советская история, а внешняя политика Англии... кандидатскую и докторскую я защищал по Великобритании... Здесь это никому не нужно...»

Ужинали мы в ресторане. Саша не сожалел о том, что эмигрировал. В Москве у него не было перспектив на публикации, хотя почти до самого отъезда он сохранял должность старшего научного сотрудника в Институте всеобщей истории АН СССР. Его не увольняли, так как он в политических акциях не участвовал. Но его главная, плановая книга «Политика Англии в Европе, 1941–1945 гг.», законченная в 1974 году, не печаталась в издательстве АН СССР, хотя была одобрена и стояла в плане выпуска. Эту книгу никто не стал бы печатать и в Англии или в США, хотя уже по другой причине – из-за отсутствия спроса и коммерческой выгоды. Публикации сугубо академических трудов в США субсидируются университетами.

Другие проблемы Некрича были бытовыми. Его беспокоило прежде всего отсутствие медицинской страховки и перспектив на пенсию. Он также не мог получить кредит на покупку квартиры, просто по возрасту. Саша был на пять лет старше меня. Скромные заработки он имел от внутренних рецензий для нескольких издательств и редких семинаров-

консультаций по приглашениям из других университетов. Он был готов и учительствовать в каком-либо частном колледже, преподавать общую историю, но свободно владел лишь немецким, а не английским. С эмигрантами из СССР Некрич почти не общался.

(В последующие годы А. Некрич так и не смог получить в США постоянную должность. Вместе с Михаилом Яковлевичем Геллером, историком, эмигрировавшим из СССР, Некрич написал и издал в 1982 году двухтомный труд по истории СССР «Утопия у власти», переведенный впоследствии и на английский. Больше я с Некричем не встречался и был очень огорчен, увидев в сентябре 1993 года некролог. Для историка возраст 73 года – это зрелость, а не старость.)

6 и 7 ноября мне предстояли две лекции в Мичиганском университете. Меня, как было указано в программе, встречали днем в воскресенье в аэропорту Детройта и повезли в Анн-Арбор. Мичиганский университет – один из крупнейших в США. В его Медицинском центре был недавно создан Институт геронтологии. Мне предстояла здесь открытая вечерняя лекция по проблемам генетического контроля процессов старения. В кампусе существовал и обязательный для больших университетов Центр по изучению СССР и Восточной Европы, и меня уже несколько раз в прошлом приглашали сюда для общей дискуссии. Неизбежно тема, которую директор Центра Деминг Браун (Deming Brown) выбрал, исходя из моих возможностей, оказалась той же, что и в Нью-Йорке, – о новой политике Картера.

Очень активная дискуссия возникла по проблеме торгового и технического бойкота. Именно в то время одно из решений Картера стало разорительным для одной американской компании в Техасе. 19 июля 1978 года Картер, желавший наказать СССР за суды над Щаранским и Гинзбургом, приказал министерству торговли отменить лицензию на продажу в СССР особого компьютера (Sperry Univac Computer System), который был изготовлен в Техасе по заказу ТАСС. Это была сделка на 6,8 миллионов долларов. Инженеры фирмы изучали в Москве специфические потребности ТАСС, связанные с подготовкой к Олимпийским играм. Компьютер был уже готов и ожидал отправки. Президент компании Пауль Льет (Paul Lyet) протестовал, заявляя, что такую же систему заказал раньше и уже получил советский «Аэрофлот», общего эмбарго на эту систему не вводилось. В сентябре стало известно, что руководство ТАСС решило срочно заказать аналогичный компьютер у французской компании. Директива Картера оставила продавца с непроданным товаром, а покупателя с деньгами. (5 апреля 1979 года агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что Картер отменил запрет и разрешил продажу компьютера ТАСС. Однако там он был уже не нужен. Продать эту систему кому-то еще, возможно, не удалось. «Мы получили экспортную лицензию, но потеряли сделку», – заявил представитель фирмы (US lifts computer sales ban // The Guardian, April 7, 1979)).

Даллас

Даллас, куда я прилетел 14 ноября, в день своего рождения, – город большой и очень богатый, но для человека без автомобиля плохо приспособленный. Меня встречал в аэропорту Барри Коэн, у которого на 15 ноября была намечена защита диссертации о научных достижениях Н. И. Вавилова (см. [главу 37](#)). В день прилета в плане стояла первая лекция на тему, предложенную Центром здоровья (The University of Texas Health Science Center at Dallas). Сотрудники департамента медицины хотели услышать сравнительный

анализ эффективности и качества медицинского обслуживания в Советском Союзе и Великобритании на базе личного опыта лектора. Серьезный доклад на подобную тему был для меня непосильным, ни той ни другой системы я профессионально не изучал. Но мне подготовили список вопросов: о проблемах семьи, родильных домов, вакцинации детей, профилактике туберкулеза, скорой помощи, санитарного контроля и другие. Бесплатное медицинское обслуживание в СССР и Великобритании вызывало определенную зависть в США, особенно – внимание к проблемам детского здоровья. Бесплатные ясли, детские сады, пионерские лагеря, дома отдыха и санатории существовали как реальность лишь в СССР. Но американцы были все же уверены, что их собственная система платной, но страховой медицины быстрее продвигала в практику новейшие достижения науки и повышала престиж врачебных профессий. Больницы США не только обеспечивали лечение, но и приносили прибыль. Не меньшие прибыли получали и страховые компании. «Индустрия болезней» – так определял американскую медицину один из моих друзей. «Дороже, но лучше» – такое мнение я слышал очень часто, но не от коллег-геронтологов. По ожидаемой продолжительности жизни американцы обычно приводили статистику отдельно для белого и афроамериканского населения, что затрудняло сравнение с Европой.

Защита диссертации Б. Коэна состоялась в среду 15 ноября. Открытых защит с оппонентами и тайным голосованием ни в Англии, ни в США не проводят. Готовая рукопись диссертации проходит экспертизу и обсуждается в отсутствие соискателя, но в присутствии его руководителя несколькими авторитетами – в данном случае по истории науки. Затем соискателю задают вопросы, и решение выносится консенсусом четырех-пяти ученых, обычно профессоров, и оформляется протоколом. Никаких утверждающих высших аттестационных комиссий, подобных советским, не существует. Ученые степени не дифференцируются по наукам. Престиж ученой степени зависит от репутации присудившего ее университета. Для Барри Коэна, библиотекаря университета, наличие ученой степени не меняло статуса и не отражалось на зарплате. Но вскоре он стал директором библиотеки в другом кампусе того же университета.

Ежегодная конференция Американского геронтологического общества проходила с 16 по 20 ноября по традиции в отеле «Хилтон». В Далласе его здание оказалось красивой цилиндрической стеклянной башней в центре города. Из Техаса я улетал в воскресенье 19 ноября, за день до последнего заседания. Мое участие в конференции было очень скромным – двадцатиминутное сообщение на секции по биохимическим изменениям органов при старении. Главными темами для обсуждения на пленарных заседаниях и симпозиумах на этот раз оказались клинические и социальные проблемы старости. Богатые штаты в США знамениты и своими больницами, и это, наверное, учитывалось при составлении программы конференции.

Лос-Аламос

В Альбукерке, куда я прилетел из Далласа, меня встречал профессор Роберт Лофтфилд, предпочитавший теперь, чтобы его называли Боб. Вся Америка с недавнего времени переходила на короткие имена: Лен, Рик, Рон, Пол и т. д. С Бобом приехала и Кэти Роббинс (Cathy Robbins), сотрудница главной утренней газеты города *Albuquerque News*, которая передала мне несколько газетных вырезок с сообщениями о моих лекциях. Главное внимание прессы привлекло выступление в Лос-Аламосе в среду 22 ноября. Еще в начале

ноября факультет медицины Университета штата Нью-Мексико разослал по всем газетам штата листовку с программой моих лекций и справкой о лекторе, а также подготовил небольшой рекламный плакат с портретом и краткой биографией. Первая лекция 20 ноября «Молекулярные аспекты геронтологии» входила в какую-то престижную программу ежегодных лекций. Вторая, о политике Картера по правам человека, объявлялась как общеуниверситетская. Но третья лекция в Лос-Аламосе, которая привлекала наибольшее внимание прессы, не была открытой для широкой публики, да и сама Лос-Аламосская лаборатория, расположенная, наверно, в 40–50 км от города на горном плато, считалась закрытой территорией. Сотрудники и студенты университета не могли туда приехать.

Лофтфилд привез меня из аэропорта в свой большой дом. В конце недели в США отмечался День благодарения, и вся большая семья Боба собиралась в доме родителей. Одна из дочек прилетела из Норвегии, откуда шли корни всего семейства. Я оставался у них гостем до воскресенья.

Вечером Боб дал мне пачку газетных вырезок. Мой приезд в Нью-Мексико неожиданно оказался сенсацией – главным образом потому, что в этом штате находилось несколько крупных хранилищ реакторных твердых, остеклованных, и жидких концентрированных отходов от производства плутония. Я об этом раньше не знал. Мой доклад об Уральской катастрофе, общие положения которого газеты могли найти в прежних публикациях, вызвал острые столкновения в прессе между сторонниками и противниками атомного оружия.

Наиболее крупное, рассчитанное на тысячелетия хранилище долгоживущих отходов от ядерных производств и атомных электростанций находилось в пещерах в горах Невады, в сейсмически безопасном районе, недалеко от нового полигона для испытаний атомных бомб. Первый такой полигон был в Нью-Мексико. Именно здесь проводилось испытание «устройства» в июле 1945 года. В Нью-Мексико в 1978 году имелось четыре хранилища ядерных отходов, одно где-то в горах, другое в пустыне, глубоко в древних солевых пластах. Количество хранилищ отходов с развитием атомной энергетики росло по всей стране, и их эксплуатация стала одной из крупных отраслей частного бизнеса, создавая таким образом рабочие места. Поэтому тема лекции, предполагавшая возможность взрыва хранилища ядерных отходов, волновала местных жителей.

Одна из местных газет, *Albuquerque Journal*, опубликовала за день до лекции в Лос-Аламосе две статьи, в первой было краткое и неточное изложение моих прежних публикаций об Уральской аварии, другая объявляла Медведева чокнутым:

«Медведев заявляет, что в конце 1950-х взрыв в хранилище ядерных отходов в Советском Союзе загрязнил больше тысячи квадратных миль территории и убил много людей... но, насколько мы знаем, ядерные отходы любого типа не могут взрываться... Мы спросили авторитетных ученых: могло ли такое случиться? Все ответили без колебаний, что подобное невозможно...»

Этому ссыльному русскому нужно задать некоторые действительно сложные вопросы... Но, вместо того чтобы задать этому шарлатану такие вопросы, утренние газеты атакуют Харольда Эгню, директора Лос-Аламоса... Мы спросили ведущих ученых Лос-Аламоса, что они думают. Они все как один считают, что Медведев творит мистификацию... Ядерные отходы не взрываются.

Для профессора университета Лофтфилда привозить к нам в Нью-Мексико

Моя первая лекция по молекулярным аспектам старения, состоявшаяся в большой аудитории медицинского факультета, прошла очень хорошо. Лектора представил собравшимся профессор Лофтфилд. В конце заседания профессор Леонард Наполитано (Leonard M. Napolitano), директор Медицинского центра и декан, вручил мне неожиданный подарок – большую картину местных индейских художников «Изгнание злых духов». Вместо красок индейцы-аборигены используют мелкий цветной или крашеный песок. Художник, как мне объяснили, рисует кончиками пальцев.

Лос-Аламосская национальная лаборатория, как известно, главный центр знаменитого Манхэттенского проекта по созданию атомной бомбы. Первый научный директор этой лаборатории Роберт Оппенгеймер полагал, что применение атомного оружия для завершения войны с Японией могло бы стать и окончанием всей военной атомной программы. Однако этого не произошло, и в США, уже по инициативе Эдварда Теллера, приступили к созданию водородной бомбы и многих других вариантов атомного и термоядерного оружия. Историческим парадоксом является то, что именно из этой лаборатории главные секреты по конструкции атомной и водородной бомб сумели получить разведывательные службы СССР и, несколько позже, Китая.

Эдвард Теллер, родившийся в Венгрии и получивший образование в Германии, эмигрировал в США в 1935 году. Он не принимал серьезного участия в создании атомной бомбы. Но уже с 1944 года он формулировал идею водородной, термоядерной бомбы и занимался ее теоретической разработкой. Роберт Оппенгеймер, «отец» атомной бомбы, известен как противник этого проекта. В период маккартизма, когда против Оппенгеймера были выдвинуты обвинения в антиамериканской деятельности, Э. Теллер 28 апреля 1954 года, выступая на слушаниях, дал явно несправедливые и, по существу, ложные показания против Оппенгеймера, фактически объявив знаменитого физика «угрозой национальной безопасности». Оппенгеймер был лишен допуска к секретным работам, что означало увольнение. Все крупные физики мира прекратили после этого любое общение с Теллером. Ему был объявлен негласный бойкот. Суд по делу Оппенгеймера и конфликт с Теллером отражены в десятках книг, пьес и даже в кинофильмах, где Теллер обычно представлен как зловещая фигура. В 1978 году ему исполнялось 70 лет и он уходил в отставку.

Пропуск в эту секретную лабораторию мне не понадобился, поскольку меня все время сопровождал ее сотрудник. Из Альбукерке в Лос-Аламос мы прилетели на небольшом самолете. Главный кампус располагался на плато и был невидим с основных дорог штата. Боб Лофтфилд еще раньше настоял на том, что будет меня сопровождать на лекцию и на дискуссию. Мне он объяснил, что эта лекция тоже спонсировалась университетом и что на встрече «с этими бомбоделами» мне обязательно нужен свидетель и защитник. Он оказался прав.

Небольшой салон самолета, на котором мы прилетели в Лос-Аламосский аэропорт, не имел иллюминаторов, поэтому, только выйдя из самолета, я смог увидеть, сколь громадна территория лаборатории, занятая многочисленными зданиями и сооружениями. Большинство сотрудников, их было, наверное, несколько тысяч, здесь же и жили со своими семьями. Но никаких экскурсий для меня не предусматривалось. Легкий ланч с кофе, и уже

В 13.30 лекция в Большой физической аудитории.

Как и в Ок-Ридже год назад, я говорил около полутора часов. Во времени меня не ограничивали. Зная о недоверии и даже недоброжелательстве аудитории, я с самого начала излагал только факты, доступные проверке. Рассказал о моем друге профессоре агрохимии В. М. Ключковском, которому в 1958 году было поручено создать опытную станцию по реабилитации сельскохозяйственных земель по следу радиоактивного облака. Изложил содержание опубликованных в 1976 году свидетельств профессора Льва Тумермана, который, проезжая в 1960 году через загрязненную зону по дороге из Свердловска в Миассово, видел пепелища сожженных деревень. Слайд с крупномасштабной картой Челябинской области показывал маршрут Тумермана и район расположения между тремя озерами секретного города Челябинск-40.

В копиях документов, рассекреченных ЦРУ, упоминались города Кыштым, Касли, река Теча, названия двух озер и город Каменск-Уральский, более чем в 100 км к северо-востоку от озера Кызылташ, вблизи которого располагался секретный атомный город. Загрязненный район затрагивал и соседние Свердловскую и Тюменскую области. Ближайшие к возможному месту взрыва деревни Берендиш, Салтыково, Галикаево и Русская Карболка были, как я предполагал, именно теми сожженными поселениями, мимо которых проезжал в 1960 году Тумерман на пути в Миассово. Сохранилось заметное с дороги здание мечети недалеко от башкирской деревни Берендиш. В 1978 году все эти сведения сотрудники Лос-Аламоса могли легко проверить по картам этой территории, составленным по снимкам со спутников. В Ок-Ридже, как я узнал от приехавшего в Лондон Фрэнка Паркера, изучавшего медицинские аспекты Уральской катастрофы, это уже делали и обнаружили десять или одиннадцать деревень, обозначенных на старых картах, но не выявлявшихся на спутниковых фотографиях.

Вторая часть лекции была посвящена радиоэкологическим данным, полученным в Челябинской области, загрязненным радиоактивными стронцием и цезием озерам, рыбам, лесным животным, перелетным птицам, насекомым и почвенной флоре и фауне. В заключение я продемонстрировал около двенадцати документов ЦРУ по Кыштымской катастрофе. Аплодисментов, которых я удостоился в Ок-Ридже год назад, в Лос-Аламосе не было.

Вопросы, их было немного, касались моей гипотезы о причинах взрыва. Я ответил, что никаких новых объяснений у меня нет. Детонация, безусловно, могла произойти от взрыва радиолитического гремучего газа. Но в каком состоянии находился концентрат после осаждения плутония и какова была полнота выделения плутония, я не знал. Технология хранения отходов производства плутония не могла в СССР копироваться с американской в Ханфорде, так как территория, отведенная в Челябинске-40 под промышленную зону, была сравнительно небольшой и не имела водного стока, кроме мелкой речки Теча, на берегу которой было много деревень, расположенных близко к воде. Контейнеры с концентрированными отходами хранились под землей, а не на поверхности, как в Ханфорде. Именно поэтому распространявшиеся в Челябинской области слухи о взрыве сравнивали его с извержением грязевого вулкана.

После лекции Х. Эгню предложил мне кофе и встречу с коллегами. В соседней комнате меня ждали четверо сотрудников. С одним из них, Эдвардом Теллером, меня познакомили еще перед началом лекции, а здесь мне представили Уильяма Страттона (William Stratton), Дэнни Стиллмана (Danny Stillman) и Самнера Барра (Sumner Barr). Все они

пожали руку и моему опекуну и защитнику Бобу Лофтфилду, присутствие которого, безусловно, прибавляло мне уверенности.

Наша дискуссия продолжалась около трех часов. Больше всего вопросов задавали Теллер и Эгню, причем именно Теллер был иногда агрессивен. «Вы не имеете права... Вы запугиваете людей... Вы злоупотребляете доверием... Вы не понимаете физику...» и т. д. Сначала присутствовавшие пытались устроить мне экзамен по радиохимии. Думаю, что я его легко выдержал. Никто не мог отрицать того, что первым процессом для выделения плутония является растворение реакторных выгоревших урановых блоков (тепловыделяющих элементов – ТВЭЛов) в азотной кислоте. Осаждение металлов нейтрализацией создавало нитраты. Азотнокислые соли – это селитра, компонент пороха.

Мои собеседники очень плохо знали радиоэкологию и радиобиологию. Они не понимали, что приводимые в публикациях уровни загрязнения территорий и водоемов не могли быть экспериментальными. Оспаривать фактические данные было невозможно. Но Теллер настаивал на том, что загрязнение могло произойти от неудачного испытания атомной или водородной бомбы, даже где-то очень далеко от Челябинской области. Случайный порыв ветра, циклон, смерч в комбинации с дождем или снегом могли, по его мнению, принести часть радиоактивности от взрыва бомбы именно сюда. При этом Теллер предполагал, что источником всех этих радиоизотопов на Южном Урале мог стать новый советский ядерный полигон для испытаний атомных и водородных бомб на Новой Земле, разделявшей Баренцево и Карское моря в Арктике. В качестве возможного прецедента он приводил неожиданные последствия испытания американской водородной бомбы с эквивалентом 15 мегатонн тринитротолуола на атолле Бикини 1 марта 1954 года. Часть радиоактивного облака была прижата к земле ветром в 20 милях от места детонации и избирательно загрязнила территорию в 7000 кв. миль, растянувшуюся на 330 миль от атолла. «Если бы это не был Тихий океан, то возникла бы необходимость эвакуации населения, чтобы избежать опасности радиоактивного поражения».

Будет ли издаваться моя книга?

Я улетал из Альбукерке в Нью-Йорк в воскресенье 26 ноября. Моей последней остановкой перед возвращением в Лондон был Принстон, где Стив Коэн организовывал еще одно обсуждение политики Картера по правам человека. В аэропорту провожавший меня Боб Лофтфилд купил мне в дорогу толстый воскресный выпуск *Albuquerque Journal*. Раскрыв газету в салоне самолета, я сразу увидел статью о моей лекции в Лос-Аламосе под заголовком «Катастрофа ядерных отходов – это рекламный трюк для книги» (через агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл она рассылалась по всему миру):

«Los Alamos (UPI). Директор Лос-Аламосской научной лаборатории заявил в субботу, что сообщения ссыльного русского ученого о катастрофе ядерных отходов двадцать лет назад в Советском Союзе являются противоречивыми и предназначенными для рекламы книги об этом предполагаемом инциденте... Медведев уже два года работает над книгой о так называемой Уральской катастрофе... Русский генетик выступал на прошедшей неделе с несколькими лекциями в Альбукерке, но подвергся серьезной критике во время визита в Лос-Аламос...»

Директор Лаборатории Харольд Эгню и д-р Эдвард Теллер основательно раскритиковали доклад Медведева... Эгню сказал, что Медведев сделал противоречивые заявления, не смог предоставить никаких фактических материалов и уклонялся от конкретных вопросов, задававшихся другими учеными...

Теллер, противник договора о запрете ядерных испытаний, заявил, что доклад Медведева и его публикуемая книга создают широкое, но совершенно неоправданное беспокойство среди американских граждан...

Теллер и Эгню оба заявили, что загрязнение столь большой территории в 1000 кв. миль радиоактивными отходами совершенно невозможно. Медведев делает много будоражающих заявлений, не имея для этого никаких оснований... Он лично не знает ни одного конкретного человека, который бы пострадал... Через каждые четыре фразы он заявляет, что скоро появится его книга и мы всё узнаем, когда купим ее...»

Каким образом Теллер и Эгню получили информацию о моей книге, я не знаю до сих пор. Я никому о ней не говорил, полагая, что публикация должна стать неожиданностью. Возможно, сведения о книге были получены от издателя. В Англии права на публикацию книги «Nuclear Disaster in the Urals» приобрело по договору с «W.W. Norton» небольшое лондонское издательство «Angus and Robertson». Для него в Нью-Йорке должны были выпустить отдельный тираж с указанием на суперобложке цены в фунтах. В декабре в Лондоне я уже читал и редактировал первые главы, переведенные на английский Джорджем Саундерсом. Книга получалась небольшой, около двухсот страниц с иллюстрациями и копиями документов ЦРУ. Работа шла быстро. Но в конце января, когда перевод был готов, возникли какие-то проблемы. Директор лондонского издательства сказал мне, что рукопись хотел посмотреть Джон Хилл, глава британского Управления по атомной энергии.

Дж. Мейрс, мой редактор в Нью-Йорке, сообщил, что Хилл просит их задержать издание, так как считает, что его ведомство совместно с американскими коллегами должно посмотреть рукопись на предмет отсутствия клеветы. Он имел на это право, так как в первой главе было написано, что поводом для начала работы над книгой послужили именно сделанные в конце 1976 года заявления Хилла, считавшего мою информацию «научной фантазией». Я понимал, что работу над изданием теперь остановят, хотя для американского издателя не было необходимости согласовывать публикацию книги с британским политиком. Но Хилл был очень влиятельной фигурой. Готовый в середине февраля перевод книги не пошел в типографию. Возникла конфликтная ситуация. Но мои друзья из фонда Бертрана Рассела, лоббирующие запрет атомной бомбы, тоже решили действовать. В начале марта я получил письмо от лейбористского члена парламента Робина Кука (Robin Cook), предложившего провести слушание по Уральской катастрофе в парламентской энергетической комиссии. Он приглашал для участия в нем и Джона Хилла:

«Я хотел бы сообщить Вам, – писал Кук, – что Джон Хилл написал мне после моего заявления в парламенте, что он сейчас уже не отрицает, что инцидент имел место, но он считает, что это было неудачное испытание ядерной бомбы, а не взрыв отходов от ядерных производств...»

Кук приглашал меня на встречу с ним в здании парламента. Мы договорились по телефону на 3 апреля. Я подготовил Куку копию с рукописи английского перевода книги. Лейбористы были в Великобритании правящей партией, и Кук, избранный в парламент от Эдинбурга, являлся одним из лидеров ее левого крыла. (В последующие годы он занимал важные посты в оппозиции и в правительстве.)

Непредвиденное событие глобального масштаба повлияло на публикацию моей книги и без слушания в британском парламенте. В ночь на 28 марта 1979 года произошла авария на атомной станции Три-Майл-Айленд в Пенсильвании, первая крупная катастрофа в истории мирной ядерной энергетики. Из-за ряда недостатков в конструкции АЭС и ошибок в действиях персонала подверглась расплавлению значительная часть активной зоны реактора. Лишь серия случайностей предотвратила взрыв реактора и спасла сотни тысяч американцев от угрозы срочной эвакуации.

Через две недели Дж. Мейрс позвонил мне из Нью-Йорка: «Жорес! Мы отправляем “Уральскую катастрофу” в типографию. Печатаем в приоритетном режиме...»

Иранская революция изменила мир

До 1979 года в современном мире произошли лишь две радикальные политические революции, повлиявшие на судьбу всего человечества: Французская революция 1789 года, обозначаемая обычно как буржуазно-демократическая, и Российская, или Октябрьская, революция 1917 года, провозглашенная как пролетарская и социалистическая. Иранская, или Исламская, революция 1979 года оказалась третьим глобальным потрясением того же масштаба. Ее влияние на весь мир сказывается до настоящего времени. Абсолютная и прозападная монархия в Иране была фактически военной диктатурой, так как не опиралась на какую-либо реальную историческую династию и земельную аристократию. Власть шаха обеспечивалась армией и секретной полицией. Династия Пехлеви была установлена лишь в 1925 году в результате военного переворота, организованного генералом кавалерии Резой Савадкухи, в недавнем прошлом командира казачьей персидской дивизии. Эта дивизия, созданная сначала как бригада еще в XIX веке по инициативе России и обучавшаяся по российским казачьим уставам, была главной опорой российского влияния в Персии. В сентябре 1941 года Реза-шах был свергнут Красной Армией, оккупировавшей северный Иран и Тегеран. Южную часть Ирана оккупировала британская армия, вторгшаяся из Ирака. На престол шахиншаха Сталин и Черчилль поставили тогда 22-летнего сына Реза-шаха, принявшего имя Мохаммед Реза Пехлеви. Я в то время жил в Тбилиси и оказался свидетелем того, как в этот город в тяжелый и критический период немецкого наступления на Москву неожиданно стали поступать большие потоки иранского продовольствия и других товаров. Вторжение в Иран осуществлялось в основном силами Закавказского военного округа. Оккупация Ирана была очень важной стратегической операцией, нейтрализовавшей Турцию, потенциального союзника Германии. Через Иран стали с 1942 года поступать в СССР основные потоки американской военной и продовольственной помощи по программе ленд-лиза.

С 1 февраля 1979 года Иран был провозглашен республикой. В течение нескольких месяцев борьбы между разными группировками власть в стране перешла к исламским фундаменталистам-радикалам, и по новой конституции Иран был объявлен Исламской республикой. Верховным духовным и политическим лидером страны стал аятолла Хомейни. В стране начался массовый религиозный, политический и этнический террор против врагов Аллаха. Влияние США и Западной Европы на внутреннюю и внешнюю политику Иран полностью прекратилось. Однако реальный политический и экономический кризис для всего западного мира и Японии начал развиваться уже в ноябре 1978 года, незадолго до отлета шаха из Тегерана «на лечение» в США. Иран, производивший в начале года 5,5 млн баррелей нефти в день, занимая по экспорту нефти второе место в мире после Саудовской Аравии, почти полностью прекратил добычу нефти в результате всеобщей забастовки нефтяников. Десятки пустых танкеров ждали возле морских терминалов. Мировые цены на нефть, и без того высокие, снова пошли вверх. В декабре 1978-го началась нефтяная паника – скупка нефти по всему миру для создания стратегических резервов. Мировые цены на нефть поднялись в январе 1979-го на 50 %, в феврале – на 100 % и продолжали расти. В течение 1979 года мировые цены на нефть выросли с 13 до 34 долларов за баррель. Новый

экономический кризис тяжелее всего отразился на Великобритании. В общем балансе «Бритиш Петролеум» иранская нефть составляла в 1979 году больше 40 %. Инфляция, снизившаяся в 1977 году с 15 до 8 %, снова повысилась к концу 1979-го до 18 %. За этим неизбежно последовал рост безработицы. На всеобщих выборах 4 апреля 1979 года победили, как и ожидалось, консерваторы. Формирование нового правительства королева поручила Маргарет Тэтчер. Экономическая ситуация в Советском Союзе, напротив, улучшалась, благодаря возросшему потоку нефтедолларов.

Оборванная повесть Бориса Пильняка

В декабре 1978 года Рой в конфиденциальном письме сообщил, что «наш друг» решил опубликовать неизвестный ранее и неоконченный рассказ Бориса Пильняка «Заштат», который мне пришлют в ближайшее время. При этом, как писал Рой, «наш друг» не хочет, чтобы его даже подозревали в организации этой публикации. Мне было ясно, что под «нашим другом» подразумевался В. Я. Лакшин, собиравший неопубликованные, запрещенные или забытые произведения русских писателей, погибших в терроре 1930-х годов. Условие означало, что имена Медведевых также не должны упоминаться, так как наше сотрудничество после появления ответа Лакшина Солженицыну в альманахе «Двадцатый век» (см. [главу 34](#)) стало хорошо известно. Я уже осуществлял год назад издание сборника забытых рассказов Михаила Булгакова, собранных Лакшиным (см. [главу 39](#)), соблюдая условие полной анонимности собирателя. Однако с публикацией рассказа Бориса Пильняка за границей без разрешения Главлита риск для Лакшина потерять работу члена редколлегии «Иностранной литературы» был намного выше по той простой причине, что Пильняк, арестованный в 1937 году и реабилитированный в 1956-м, оставался частично запрещенным писателем и в 1979-м. Многие его произведения не переиздавались и не были известны большинству советских читателей. Я сам впервые прочитал несколько из них лишь в Лондоне. Они воспроизводились разными эмигрантскими и университетскими издательствами с редких русских оригиналов 20-х годов, найденных иногда в библиотеках оккупированной в 1945 году Германии. До 1930 года между СССР и Германией существовали дружеские отношения. В Берлине, где тогда оказалось наибольшее число эмигрантов из России, до 1925 года выходила лояльная СССР газета «Накануне», имевшая берлинскую и московскую редакции и свое еженедельное «Литературное приложение». В Берлине нередко печатали свои рассказы и стихи М. Булгаков, В. Катаев, С. Есенин, М. Зощенко и другие. В то время советские писатели могли относительно легко выезжать за границу. Пильняк сумел побывать не только в Германии и США, но даже и в Японии.

Первый однотомник «Избранных произведений» Бориса Пильняка (М.: Художественная литература, 1976), напечатанный тиражом 30 тысяч экземпляров, я купил уже в Лондоне. В обширной вступительной статье готовивший том В. В. Новиков, доктор филологических наук, подчеркивал, что далеко не все произведения писателя целесообразно воскрешать именно по политическим соображениям:

«Идейные шатания Пильняка... приводят к политическим ошибкам. В 1926 году он публикует в журнале “Новый мир” “Повесть непогашенной луны” (о смерти командарма Гаврилова на операционном столе). Это – необъективное, искажающее советскую действительность произведение. Горький резко

отозвался об этом рассказе, написанном, по его мнению, уродливым языком... Редколлегия журнала признала публикацию повести “явной и грубой ошибкой”» (с. 17).

Новиков, однако, не сообщил, что такое «признание» редколлегии было результатом конфискации всего тиража журнала (тогда 27 000 экз.), осуществленной по указанию Политбюро. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 мая 1926 года объявило повесть Пильняка «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии». Не разъяснял Новиков и того, что любой читатель в 1926 году сразу понимал, что прототипом командарма Гаврилова был легендарный Михаил Фрунзе, народный комиссар по военным и морским делам, и что события, рассказанные в повести, действительно происходили. После смерти Фрунзе на операционном столе на ключевой пост наркомвоенмора назначили К. Е. Ворошилова, друга Сталина.

К числу «порочных, искажающих советскую действительность произведений Пильняка» В. Новиков отнес и повесть «Красное дерево», изданную в Берлине в 1929 году.

Пока во главе Идеологического отдела ЦК стоял М. А. Суслов, полной литературной реабилитации Б. Пильняка как советского писателя не могло быть. В 1979 году в связи со столетием со дня рождения Сталина Брежнев, Суслов и другие консерваторы в ЦК КПСС готовили партийную и государственную реабилитацию «великого вождя».

Через несколько дней на мой институтский адрес пришел большой конверт из Мюнхена. В нем оказался текст рассказа Пильняка «Защитат» с предисловием-объяснением «Последний рассказ Бориса Пильняка», подписанным Р. Ж.:

«Рассказ “Защитат” не был закончен и оборвался арестом писателя, погибшего в лагере. Рассказ оборван как раз на том месте, где с явным скептицизмом говорится о процессах “Промпартии” и “Трудовой крестьянской партии”, – автор понимал фальшивость “дел” и связывал ее с неудачами “Первой пятилетки”. Сейчас можно только гадать – может быть, рассказал кому-либо Пильняк о своем замысле, в 1937 этого уже было достаточно для доноса и ареста. Может быть, это была бы повесть, судя по дате, Б. Пильняк начал писать ее за 2 месяца до ареста. Сюжет рассказа или повести автобиографичен. Борис Пильняк вырос в среде ветеринаров и врачей. Его отец Андрей Вогау (“Пильняк” – это псевдоним), из немцев Поволжья, был земским ветеринарным врачом. Главный герой рассказа тоже земский ветеринарный врач.

После ареста писателей их архивы, как известно, конфисковывались. Рукопись рассказа “Защитат” была найдена в 1961 г. в личном архиве известного партийного деятеля сталинских лет А. С. Щербакова... Он был работником аппарата ЦК ВКП(б). С 1934 года он был назначен оргсекретарем Союза писателей СССР, во главе которого тогда стоял Максим Горький. Щербаков был полномочным политическим комиссаром Союза писателей. Именно поэтому он получал, очевидно, из НКВД на “оценку” рукописи арестованных писателей, среди которых оказался и неоконченный рассказ Пильняка. В 1961 году, когда рассказ был обнаружен, Пильняк был уже реабилитирован. Рукопись была передана А. Т. Твардовскому, но напечатать ее ему все же не разрешили... В 1970 г., когда Твардовский был смещен из “Нового мира”, он не оставлял многих рукописей в

архивном сейфе редакции – он раздавал их тем, кто лучше мог бы сохранить и напечатать в будущем то или иное произведение...»

В предисловии В. Новикова к однотомнику «Избранные произведения» и в полученном мною «Предисловии», подписанном Р. Ж., сообщалось, что Борис Пильняк «умер в лагере в сентябре 1941 года». Эта дата смерти повторялась и в западных исследованиях творчества Пильняка. Более поздние биографии писателя, написанные после раскрытия архивов НКВД сообщают, что Пильняк был обвинен в шпионаже и террористических замыслах, приговорен 21 апреля 1938 года к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день на расстрельном полигоне в Коммунарке.

В переписке того времени я сообщал Рою в письме от 8 января 1979 года:

«Рассказ Пильняка я послал в “Новый журнал” в США. Другого подходящего места для него нет. В “НЖ” хотя и сидят консервативные старики, но все же это люди с принципами и не продажны, как в “Континенте”. Там же в “НЖ” будет напечатан и пенсионный очерк...»

Последнее было намеком на очерк Роя «Хрущев на пенсии», раскрывавший историю публикации мемуаров Хрущева в США.

Для использования в передачах на русском языке я передал копию рассказа «Заштат» в русскую редакцию Би-би-си.

А для возможного перевода на английский послал копию рукописи «Заштата» Майклу Скаммелу, редактору журнала *Index on Censorship*, печатавшего произведения авторов разных стран, запрещенные цензурой. Своих собственных комментариев к тексту, которые могли бы отличаться от сделанных Роем, я не добавлял по условиям полной анонимности.

Сам я увидел в этом рассказе Пильняка намного более крупный и рискованный замысел, чем попытку поставить под сомнение легитимность процессов Промпартии и Трудовой крестьянской партии, которые упоминались в рассказе с некоторой иронией.

«И совсем под Новый год, – в Москве тогда только что отошел процесс промдеятелей, и московские газеты назревали кондратьево-чаяновским процессом, <...> пришли в заштат два новеньких автомобиля...»

Действие рассказа происходило, таким образом, в декабре 1930 года. Понятием «заштат» автор обозначал российскую глубинку, небольшой городок, вокруг степь, далеко от железной дороги. Сюжет рассказа, рукопись которого обрывалась уже на 12-й странице, не был ясен ни Рою, ни Лакшину, ни тем более в русской редакции Би-би-си. Для меня было очевидно, что «Заштат» задумывался не как рассказ, а как повесть, и достаточно большая. Написанное было лишь черновиком-наброском начала. Замысел мог понять только читатель, знающий хоть немного зоотехнику и проблемы коллективизации крестьян в период 1928–1933 годов. Развернуться этому замыслу помешал арест писателя.

Главные герои повести, уже пожилой ветеринарный врач Иван Авдеевич Гроза и санитарный врач Лавр Феодосович Невельский, на собрании для обсуждения пятилетнего плана в 1928 году расходились между собой в предсказаниях того, как повлияют пятилетка и коллективизация на болезни лошадей и скота, эпизоотии, частые в этом районе. Невельский предсказывал, что они будут успешно искоренены, Гроза как ветеринар заявлял, что они

останутся. Через три года в город приехал матрос-комиссар, проводивший здесь коллективизацию. Ветеринара Грозу срочно вызвали к нему на допрос:

«— Не узнаешь меня, Иван Авдеевич?! Мы вот тут стенограммы читаем, — это вот помнишь, когда мы составляли первый пятилетний план, — ты тогда говорил, что эпизоотии останутся. Они и остались. Что можешь сказать в свое оправдание?»

— Здравствуйте. Узнаю. Были и остались, как я и говорил.

— Ты нам посоветуй, что можешь сказать в свое оправдание. Мы вот сегодня Невельского арестовали...»

На начале допроса ветеринара Грозы текст обрывался. 28 октября 1937 года арестовали самого Бориса Андреевича Пильняка. Не исключено, что за ним уже много лет велась достаточно плотная слежка. О его замыслах могли знать и без доносов.

Совершенно отчетливый «ветеринарный» характер сюжета, разворачивавшийся вокруг эпизоотий «по ящурам, по сибирке, туберкулезу, вагиниту, сыпу и мыгу», не оставлял сомнений в том, что назревал в событиях повести и какой-то процесс против местных ветеринаров и санитаров, которых собирались обвинить во вредительстве. Аресты среди ветеринаров и зоотехников в те годы, и особенно в 1937-м, были не редкостью.

Здесь следует вспомнить, что основной проблемой коллективизации в 1930 году стало резкое сокращение поголовья лошадей, коров, свиней, овец и даже домашней птицы. Именно в этом году повсеместно наблюдались «перегибы в коллективизации», попытки обобществить жилые постройки, домашний скот и птицу. Как заявил Сталин, срочно решивший замедлить этот процесс и обвинить в «перегибах» местные власти, «кулачество вело агитацию за убой скота перед вступлением в колхозы, убеждая крестьян, что в колхозе скот “все равно отберут”». Сталин подчеркивал, что в колхозах по директивам Политбюро «не обобществляются... жилые постройки, часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица» («Головокружение от успехов» // Правда. 2 марта. 1930).

Тем не менее резкое сокращение поголовья всех видов сельскохозяйственных животных продолжалось и даже ускорилось именно в 1931–1933 годах. В 1928 году в СССР насчитывалось 66,8 млн голов крупного рогатого скота, в 1929 – 58,2, в 1930 – 50,6, в 1931 – 42,5, в 1932 – 38,3, в 1933 – 33,5 млн (Народное хозяйство: Статистический ежегодник. 1956. С. 128). По лошадям, свиньям и овцам сокращение поголовья оказалось еще более значительным. Забой скота в связи с коллективизацией, безусловно, происходил. На Украине и на юге РСФСР свирепствовал к тому же голод, унесший жизни нескольких миллионов крестьян. Кормить скот в голодающих областях было нечем. Борис Пильняк добавлял своим «Защатом» к этой страшной трагедии и падеж скота от вспышек заболеваний, эпизоотий, неизбежных при «обобществлении», то есть при объединении животных, рассредоточенных раньше по частным хозяйствам и изолированных друг от друга, в общие колхозные стада и содержания их в не приспособленных для этого помещениях. Болезни отдельных животных распространялись в таких случаях на все обобщественное стадо. (Поголовье скота в СССР восстановилось до уровня 1928 года лишь в 1965 году и уже благодаря импорту кормов.)

Рукопись рассказа «Защат», переданная Лакшину, очевидно, А. Т. Твардовским, была, видимо, частью заготовок и заметок для повести, задуманной давно. Это был смелый, даже

дерзкий проект, сравнимый с «Повестью непогашенной луны». Жизнь писателя была оборвана на 44-м году.

Александр Зиновьев в эмиграции

В феврале 1979 года мне предстояла поездка во Флоренцию на семинар по современным проблемам марксизма, который организовывал Джузеппе Боффа, один из главных теоретиков Итальянской коммунистической партии, известный также своими книгами о Сталине и Хрущеве и по истории СССР. Боффа несколько лет работал в Москве в качестве корреспондента газеты *L'Unita* и хорошо говорил по-русски. Меня пригласили во Флоренцию для того, чтобы я представил на семинаре доклад Роя, заказанный ему ранее. По материалам семинара предполагалось издать сборник. В 1979 году исполнялось сто лет со дня рождения Троцкого и Сталина, и эти юбилеи европейские коммунисты объединяли, но не для противопоставления их друг другу. В Западной Европе по каким-то глубоким экономическим и политическим причинам наблюдалось общее отступление левых партий со сменой их стратегии. На теоретическом уровне это проявлялось в критике отдельных течений – ленинизма, сталинизма, троцкизма, маоизма – как радикальных и связанных с узко национальной спецификой и в отступлении к более общим политическим и экономическим теоретическим концепциям классического марксизма и европейского демократического социализма.

Боффа сообщил мне в письме, что он пригласил во Флоренцию и Александра Зиновьева, недавно приехавшего в Мюнхен советского философа и марксиста, автора переведенной и на итальянский книги по изучению логики «Капитала» и логических основ в других трудах Маркса и Энгельса.

Рой познакомился и подружился с Зиновьевым в 1977 году, после его увольнения из Института философии АН СССР за публикацию в Швейцарии сатирического «социального» романа «Зияющие высоты». Эта книга стала в 1976 году сенсацией для советских эмигрантов. Автор никогда не был диссидентом и был известен лишь в узком кругу советских философов, так как работал заведующим отделом в Институте философии по проблемам логики. Он заведовал кафедрой логики в МГУ, имел степень доктора философских наук и звание профессора. Логика в произведениях Маркса была и темой его кандидатской и докторской диссертаций. Рой писал мне о проблемах Зиновьева, и довольно часто, и заказывал для него некоторые книги. Он относил Зиновьева к категории «диссидентов от обиды»:

«Им лично нанесли обиду, и они решили “отомстить”. Зиновьев стал диссидентом лишь после того, как его не избрали в члены-корреспонденты АН СССР и не пустили на конгресс по математической логике в Хельсинки. А он ведь действительный член Академии наук Финляндии...»

В письме от 4 августа 1978-го Рой сообщал:

«Зиновьев уже в Мюнхене, не лучшее место для бывшего советского офицера, да и немецкого он не знает. Он тебе напишет или позвонит. Я с ним много беседовал в последние месяцы. Хорошо, если он удержится в позиции

независимого ученого. Но в Мюнхене появятся иные влияния и воздействия... Приглашение у него было не на постоянную работу, а для чтения лекций... В интеллектуальном отношении А. Зиновьев стоит несравнимо выше Ю. Орлова или В. Турчина. В его "Высотах" есть страниц 200 "балласта" совсем пустого материала, малопонятного даже здесь. Еще страниц 150 довольно злого и несправедливого зубоскальства. Но есть и страниц 300 превосходной сатиры. Это скорее черновик, чем готовая вещь. Но она будет существовать в сокращенных изложениях...»

Сам я «Зияющие высоты» тогда еще не прочитал. Книга была слишком толстая, больше шестисот страниц. Рецензий никто мне не заказывал, да я их и не встречал. В 1976 году я прочитал лишь две-три вводные страницы и перелистал остальные. Мне не слишком понравилась лексика, местами непристойная. Слог не был литературным. По стилю это не сатира, а скорее карикатура, не роман, а публицистика. Действие происходило в городе Ибанск:

«Ибанск есть никем не населенный населенный пункт, которого нет в действительности... Речку Ибанючку вдоль и поперек перегородили... и она стала гордостью ибанчан...»

Но в книге было немало интересных мыслей и пародий на людей, которых я знал: Солженицына, Галича, Евтушенко, Сахарова, Синявского, Неизвестного, Шафаревича, Любимова и других. Как герои книги они скрывались под псевдонимами: Правдец, Певец, Распашонка, Ученый, Дзурушник, Мазила, Шизофреник, Режиссер и т. п. Некоторые псевдонимы – Мыслитель, Неврастеник, Паникер, Член, Клеветник, Болтун, Литератор и ряд других – я не смог с определенностью разгадать. Судя по контексту, они подразумевали писателей, поэтов и социологов, известных в СССР. Я отложил чтение всей книги до будущих времен. В конце 1978 года появилась и новая книга Зиновьева в том же стиле – «Светлое будущее».

Во Флоренции я встретил Александра Александровича незадолго до начала семинара в одном из зданий университета. Он меня узнал первый – по сходству с братом. С новых проблем Роя, о них я буду писать позже, начался наш разговор. Я представил Зиновьева подошедшему к нам Витторио Страде, профессору русской литературы. Зиновьев чувствовал себя достаточно свободно среди участников, здесь были французы, англичане и немцы. Он хорошо говорил по-английски. Александр Александрович рассказал мне, что успел за шесть месяцев побывать почти во всех странах Западной Европы. Его уже лишили советского гражданства. С тем же докладом «О социальном статусе марксизма» он выступал 23 декабря в испанском университете Алькала.

Доклад Зиновьева стоял, насколько я помню, в программе третьим. Он читался на русском с синхронным переводом. Вопросов докладчику не задавали. Итальянцы восприняли доклад с вежливым спокойствием. Я бы не стал излагать здесь аргументацию Зиновьева, сочтя ее недоразумением (он не понял характера аудитории), если бы вскоре весь текст доклада не был опубликован в журнале «Континент» (1979. № 20. С. 209–229).

«Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возник как претензия на

научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой занимался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он все же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится... наговорил обо всем столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо бы было бросить на исправление его ошибок и нелепостей...» (с. 212–213).

«Ни одно понятие в марксизме (буквально ни одно!) не удовлетворяет логическим правилам построения научных понятий. Ни одно утверждение марксизма не может быть проверено по правилам проверки научных утверждений...» (с. 215).

«Марксизм оказался в высшей степени удобным вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, он успеха иметь не мог бы... а для властей марксизм дает чудесный метод оправдания любой их пакости. Любой руководящий кретин может сделать вклад в эту “науку”...» (с. 218–219).

После обсуждения проблем европейского марксизма Зиновьев перешел к характеристике советского, отраженного уже и в философии. Здесь он был еще более резок:

«...беззастенчивое воровство из науки и философии Запада... Советская философия производит мощные потоки идеологических помоев...»

Вернувшись в Лондон, я решил просмотреть более внимательно «Зияющие высоты». Книгу уже записывали в классику:

«Родство книги с мировой сатирической кладовкой бросается в глаза: веет чем-то знакомым – историком города Глупого Щедриным, бытоописателем города N Гоголем, исследователем Океании Орвеллом, обличителем Единого Государства Замятиным, утопистом Фурье, путешественником Свифтом...» (Г. Андреев // *Континент*. 1977. № 13. С. 319).

Герман Андреев, московский учитель литературы, – это Герман Фейн, который эмигрировал в 1976 году и жил теперь в ФРГ. Он знал Зиновьева до эмиграции.

Наиболее карикатурно выглядел в «Высотах» Правдец:

«Предложение Правдеца отказаться от официальной идеологии детски наивно, говорит Карьерист... “Правдец, что же это все-таки такое?” – спросил Мазила. “Не ищи аналогий, – сказал Болтун. – Их нет. Правдец – это огромный человек-ребенок, несправедливо, жестоко и бессмысленно обиженный...”

“...Книга окончена, – сказал Правдец, – что дальше?” “Надо экземпляр спрятать здесь, а другой передать туда”, – сказал Друг. “Лучше два”, – сказал другой Друг...”

...Самым крупным событием Ибанска явилась публикация на Западе книги Правдеца... Книга действительно произвела ошеломляющее впечатление на Западе...

...Как сообщила официальная пресса Ибанска, Правдеца справедливо наказали... Сочинение Правдеца действительно антиибанское...

...По западному радио передали интервью Правдеца...

...Правдец есть жертва обстоятельств, хотя и играет роль пророка... потому и претендует на роль наставника и судьбы...

...Правдеца выгнали по воле народа... Народ не любит, когда о нем говорят правду. Теперешнее правительство Ибанска прогрессивнее своего народа...»

Я не привожу здесь страницы цитат, так как вся история с книгой Правдеца разбросана по разным, многочисленным коротким эпизодам. «Зияющие высоты» представлены читателю как «обрывки рукописи, найденные случайно на заброшенной мусорной свалке».

В рассказе о другом, легко узнаваемом персонаже немного больше сатиры:

«Вернувшись из Франции, Распашонка реализовал чемодан духов и дамского белья и затем уехал на месяц в санаторий по путевке Органов отдохнуть и подвести итоги своих впечатлений. Итоги вылились в поэме:

*“Погодите, доберемся и до вас,
Жизнь счастливую построим без прикрас.
Пережитков буржуазных вас лишим,
Не понравится – тому башка кишим.
Не позволим наших братьев угнетать,
Нашу нефть у них безденежно качать”».*

О диссидентах:

«Кому первому пришла идея создания нелегального машинописного журнала Срамиздат?..

*“...Срамиздатовцам вlepили от пяти до семи”, – сказал Неврастеник.
“Совсем немного. С ними поступили гуманно”, – сказал Журналист».*

О театре:

«Огромной популярностью в этот период пользовался театр на Ибанке. Полное его название – Малый Неакадемический Полухудожественный Театр Правды и Комедии на Ибанке имени Органов. Народ называл его просто Ибанкой... Душой театра был Режиссер, мозгом – Брат, совестью – Распашонка...

Первоначально театр был студией самодеятельности при Органах...

...Зрителей битком. Половина – иностранцы, другая половина – стукачи, третья – остальные...

Со сцены летят слова: Репрессии, Расстрел, Концлагерь, Палачи... И зал раздражается бурными аплодисментами...

...Это был одновременно Якобыльский клуб, Кумвент и Винсовет интеллигентского движения Ибанска».

Певец пишет из Франции:

«Из музеев модернистов я бреду,
С ресторана-ль далеко за полночь то-па-ю
И доселе, как в горячечном бреду,
С удивления вокруг глазами хло-па-ю.
Если жрать захочешь, что захочешь жри,
Одевайся как взбредет от обалде-ни-я.
Недоволен – речь любую говори,
Выражай без опасений убежде-ни-я.
И с ранья до самой пол-но-чи,
И живут же, твою мать, эти сво-ло-чи».

Мазила просит разрешения на поездку в Париж:

«Ах, дайте только мне свободу,
Я мир сумею победить,
На удивление народу
Шедевр невиданный слепить».

«Зияющие высоты» Зиновьев закончил, как сообщается в предисловии, в 1975 году. «Светлое будущее», вторая книга Зиновьева, законченная в 1976 г. и вышедшая в 1978-м в том же швейцарском издательстве «Editions l'Age d'Homme», была по содержанию и стилю продолжением «Зияющих высот». В 1977-м автор пополнил эту серию очень большой книгой «В преддверии рая». Явно начинался многолетний сериал, и в нем были очевидны элементы графомании. В этих трех книгах было немало общих героев: Клеветник, Писатель, Террорист, Ученый и другие. Но очень много и новых имен. Большинство из них являлись обобщениями и не имели прототипов.

Рой Медведев – кандидат в депутаты

Статья 106 Конституции СССР гласила: «Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР».

Однако система выдвижения кандидатов в депутаты и все другие процедуры выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей в Конституции не были прописаны. Они устанавливались «Положениями о выборах», которые Центральная избирательная комиссия публиковала незадолго до истечения срока полномочий Верховного Совета прежнего созыва. В конце 1978 года происходила последняя сессия Верховного Совета 9-го созыва, и на 4 марта 1979 года назначались новые выборы.

В середине января я получил от Роя аэрограмму, которая пришла из Гамбурга:

«...Здесь возникла небольшая организация “Выборы-79”, в нее входят около 30 человек, и это все рабочие и служащие. Они просили дать согласие на выдвижение меня кандидатом в Верховный Совет СССР. Они хотели выдвинуть Сахарова, но он отказался, так как думает, что это провокация. Возникла и

другая группа, которая выдвигает Г. Владимова...»

Вскоре пришел, уже обычной заказной почтой, «Протокол заседания организации «Выборы-79» по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР»:

«...Собрание членов общественной организации “Выборы 79” единогласно постановило: “выдвинуть кандидатом в депутаты в Совет Союза ВС СССР по Свердловскому избирательному округу г. Москвы Медведева Роя Александровича, по профессии историка и философа, кандидата педагогических наук, проживающего по адресу...”»

Протокол подписали: председатель организации В. В. Сычев, фотограф, и секретарь В. Г. Баранов, шофер. К протоколу прилагался список членов организации, включавший тридцать человек, с указанием занятий: семеро рабочих, две студентки, четыре домохозяйки, два учителя, два дворника, ювелир и другие, все простые советские граждане.

В Совет Национальностей этой же организацией была выдвинута Агапова Людмила Григорьевна, инженер-механик.

На каждого кандидата были приготовлены проекты листовок с биографиями. Была подготовлена и листовка «Обращение к избирателям».

Кроме того, соответственно правилам, выдвигаемые кандидаты составили совместное «Заявление для печати», в котором благодарили за доверие и давали согласие баллотироваться. В нем были и некоторые пояснения для избирателей. Распространение такой листовки среди избирателей являлось вполне законной акцией. В «Заявлении» говорилось:

«Известно, что на территории любого избирательного округа имеется множество предприятий и организаций, которые формально имеют полное право выдвинуть своего кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. При этом как Положение о выборах, так и форма избирательных бюллетеней (“оставьте имя одного кандидата, другие вычеркните”) предусматривают возможность выдвижения нескольких кандидатов по любому избирательному округу...»

Следующим шагом должна была стать регистрация кандидатов в Избирательной комиссии. Для передачи бумаг в эту комиссию инициаторы выбрали группу рабочих, шофера и домохозяйку. Как писал мне впоследствии Рой, «появление группы рабочих вызвало в Избирательной комиссии веселое оживление. Председатель Комиссии прямо спросил членов группы – знают ли они, в какой стране живут? Но документы были составлены по всем правилам, их пришлось принять для рассмотрения...»

Через несколько дней В. В. Сычеву сообщили, что группа «Выборы-79» не имеет права на выдвижение кандидатов, так как она не зарегистрирована в городском или районном исполкоме. Сычев и Баранов срочно обратились в юридическую консультацию для оформления такой регистрации. После долгих поисков по книгам законов обнаружилось, что порядок подобной регистрации предусмотрен лишь «Положением о добровольных обществах» от 10 июня 1932 года, утвержденным Постановлением СНК РСФСР 10 июля 1932 года. Это Постановление было найдено в томе XII Систематического собрания законов и решений Правительства РСФСР, изданном в 1969 году (с. 668–675).

Группа «Выборы-79» составила новый устав по всем правилам и с признанием руководящих указаний ЦК КПСС. Устав был передан на утверждение и регистрацию в Свердловский райисполком. Решение по этому ходатайству не принималось. Руководители группы направили жалобу в Центральную избирательную комиссию. Жалоба не рассматривалась. Между тем наступал и день выборов. Теперь всё решали сами избиратели. У каждого из них было право вычеркнуть в бюллетене для голосования имя официального кандидата (им была в Совет Союза балерина Бессмертнова) и заменить ее именем Роя Александровича Медведева. Во втором бюллетене в Совет Национальностей могла быть вписана и Агапова. Все тридцать членов группы «Выборы-79», взяв открепительные талоны в собственных избирательных округах, так и сделали. Сюда же, в Свердловский избирательный округ, пришли еще несколько десятков человек с открепительными талонами и проголосовали за Медведева и Агапову. Весь день 4 марта, как рассказывал Рой, ему звонили знакомые и незнакомые люди и сообщали, что они проголосовали за него в Свердловском округе. Друзья каким-то образом подсчитали, что Рой в итоге получил около 150 голосов. До необходимого большинства не хватало около ста тысяч.

Как выяснилось позже, попытка выдвинуть Роя Медведева на этих выборах была предпринята и по Сочинскому избирательному округу. Инициативу проявила группа ветеранов Великой Отечественной войны. Однако заказное письмо, содержащее просьбу на его согласие, пропало в пути и не дошло до адресата. Но весь этот избирательный эксперимент не прошел незамеченным. С начала февраля за ним начала следить и западная пресса. Репортажи из Москвы появились в *The New York Times*, в *The Washington Post* и во многих европейских газетах. Возник хороший повод для объяснения практики выборов в СССР и функций Верховного Совета. Были какие-то передачи по радио. Хотя неофициальные кандидаты потерпели поражение, опыт перехода от диссидентской активности к более традиционной оппозиционной не пропал даром.

На заседании группы «Выборы-79» по итогам кампании было принято решение расширить организацию и назвать ее «Выборы-80» – для подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР в следующем году. В 1981 году ожидалась и выборы в Московский Совет депутатов.

В массивной стене однопартийного тоталитаризма возникла небольшая трещинка. Но ее заметили. Очень скоро началась интенсивная, но скрытная кампания анонимного шантажа инициаторов группы «Выборы-79» и ее кандидатов в депутаты. Репрессий не было, но шло сильное вытеснение активистов из страны. В середине 1979 года секретным Постановлением ЦК КПСС Комитету госбезопасности были даны чрезвычайные полномочия для подготовки Москвы к Олимпийским играм. КГБ и МВД получили право на выселение из Москвы всех проблемных жителей: бомжей, наркоманов, лиц, состоящих на учете в психдиспансерах, цыган, лиц, имевших судимость по разным статьям. В большом городе это десятки тысяч человек. Была значительно увеличена спецгруппа «Альфа» при 5-м Главном управлении КГБ, созданная несколько лет назад по инициативе Ю. Андропова для защиты международных спортивных соревнований от терроризма (после событий в Мюнхене в 1972 году). КГБ теперь не нужно было согласовывать все свои акции с ЦК КПСС. Сотрудники госбезопасности получили большую свободу действий.

В конце октября я получил короткое письмо из Нью-Йорка с обратным адресом: Bronx, Eastburn Ave. Это самый бедственный район города. В письме было написано:

«Уважаемый Жорес Александрович!

Вам пишет тот самый Вадим Баранов, который участвовал в кампании “Выборы-79” и вместе с другими выдвигал Роя Александровича и Людю Агапову в кандидаты депутатов ВС СССР. Я был секретарем организации, председателем – Володя Сычев, который также выехал на Запад 16 октября, где он, я пока не знаю...»

Религиозные диссиденты

В конце апреля Рой сообщил мне, что в Москве в течение недели прошло около пятидесяти обысков и три ареста, связанных в основном с религиозными проблемами. Среди арестованных оказался друг Роя священник Глеб Павлович Якунин.

«У нас с ним были некоторые общие дела, – писал Рой. – Он живет в соседнем доме и часто заходил ко мне. Он человек очень трезвый, понимающий и лишенный диссидентских склок и пристрастий. Дома осталась жена с тремя детьми. Но она довольно твердая женщина и переносит все стойко. Обыски были и по квартирам их родственников и на даче. При таком способе что-то для обвинения найдут. Сейчас обвиняют по статье 70. Якунин выступал в защиту прав верующих, и многие из его писем и обращений будут рассматриваться как клевета. Очень усилился нажим и на Дмитрия Дудко и в его приходе, и здесь в Москве. Во время обысков конфисковывались молитвенники и иконы, радиоприемник и магнитофон и провели личный обыск жены и дочери...»

Глеб Якунин был одним из основателей созданного в 1976 году Христианского комитета защиты прав верующих в СССР. Он также обращался с открытыми посланиями к Патриарху.

До 1979 года я был мало знаком с проблемами религии в СССР и в других странах, включая и Великобританию. Но именно в 1979-м религиозные доктрины, объединявшие большие массы людей не только против коммунистических, но и против либеральных идеологий, вышли на уровень государственных проблем во многих странах, оттеснив на второй план конфликты и противоречия холодной войны. Для советских лидеров, с трудом справлявшихся с управлением собственной страной, возникли две новые угрозы. Исламская революция в Иране, сопровождавшаяся радикализацией ислама, вела к возрождению религиозности не только в соседнем с Ираном Афганистане, но и в мусульманских советских республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. Второй неожиданной религиозной угрозой, уже с Запада, стало избрание нового папы римского, которым стал польский кардинал Кароль Войтыла, принявший имя Иоанн Павел II, первый почти за пятьсот лет папа неитальянского происхождения. Иоанн Павел II, занявший ватиканский престол в относительно молодом возрасте (58 лет), был исключительно образованным, принципиальным и одаренным человеком. Он имел степень доктора богословия и свободно владел одиннадцатью языками, включая русский. Иоанн Павел II оказал огромное влияние на развитие политических событий не только в Польше, но и во всех странах Восточной Европы, а также в Советской Прибалтике. В Гданьске коллективная молитва портовых рабочих стала, например, формой их протестов и забастовок. Два верховных религиозных деятеля, аятолла и папа римский, благодаря своим личным качествам выдающихся проповедников имели в последующее десятилетие, возможно, большее влияние на судьбу мира, чем светские политические лидеры. Однако возрождение религиозных ценностей создало много новых конфликтов между разными конфессиями в некоторых государствах –

бывших колониях, созданных в недавнем прошлом по искусственным колониальным границам.

Чрезвычайные полномочия КГБ

Я уже говорил в предыдущих главах о том, что снижение эффективности политического руководства страной в результате старения и болезней бессменных партийных лидеров вело к возрастанию роли КГБ в общей системе управления страной и к усилению личного влияния Юрия Андропова. Были расширены штаты госбезопасности во всех союзных республиках. 5 июля 1978 года КГБ, образованный в 1954 году как комитет при Совете министров СССР, был преобразован в КГБ СССР, что значительно повысило статус этой организации. Расширились и ее полномочия. Одним из главных факторов возвышения КГБ, получившего право на самостоятельные акции без обязательного согласования с Политбюро или Секретариатом ЦК КПСС, стала подготовка к проведению в Москве в 1980 году XXI летних Олимпийских игр.

Основное постановление Политбюро о выдвижении Москвы в качестве претендента на проведение Олимпиады принималось в 1971 году. Тогда это был важный шаг для демонстрации «открытости СССР» и готовности советских лидеров к разрядке. К 1978 году ситуация изменилась, и Олимпийские игры рассматривались уже как угроза стабильности, а не как триумф советской государственной системы. Кардинальные изменения в организации Олимпийских игр стали неизбежными после террористического акта на мюнхенской Олимпиаде 5 сентября 1972 года, в результате которого были убиты одиннадцать израильских спортсменов.

Главная ответственность за безопасность Олимпийских игр была возложена на КГБ, хотя ранее общий порядок на разных спортивных мероприятиях, в том числе и международных, обеспечивался в основном силами МВД. Начальник 5-го Главного управления КГБ генерал Ф. Д. Бобков и его первый заместитель генерал И. П. Абрамов вошли в состав Советского олимпийского комитета. В структуре 5-го управления КГБ был образован специальный «олимпийский» отдел. В общей программе безопасности Олимпийских игр планировалась и зачистка Москвы от антиобщественных элементов и криминала, которых КГБ и МВД имели теперь право выдворять из столицы и других городов (Киев, Ленинград, Таллин), где планировались олимпийские состязания. Подобная зачистка, затрагивавшая десятки тысяч человек, не могла осуществляться на практике без различных форм сотрудничества КГБ и МВД с разными криминальными структурами, за которыми всегда ведется контроль. Само административное выселение из Москвы тысяч людей без судебных решений являлось юридически незаконной акцией. В категорию антиобщественных элементов неизбежно могли попасть и политические диссиденты. С другой стороны, КГБ и МВД вступали в какую-то кооперацию, может быть и временную, с криминальными авторитетами. В какой-то мере такая кооперация правоохранительных органов с организованной преступностью существовала, по-видимому, и раньше. В преступном мире тоже присутствуют осведомители спецслужб. Для меня это стало очевидным при наблюдении за теми криминальными акциями, которые предпринимались в 1972–1973 годах по отношению к Солженицыну, в основном с целью вынудить его к отъезду за границу ради безопасности его семьи. Частью подобных акций была отправка анонимных писем писателю и его жене Н. Д. Светловой, содержавших угрозы расправы и искаженные

подробности их личной жизни. Это был совершенно явный психологический шантаж, в реализации которого участвовали и заказчики и исполнители. Два собственных ответа на этот шантаж Солженицын опубликовал в Приложениях к книге «Бодался теленок с дубом» (Париж, 1975. С. 581, 605):

«В КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Посылаю Вам копии двух дурно-анонимных писем, которые, впрочем, у Вас имеются по службе.

У меня нет досуга вступать с Вами в детективную игру. Если данный сюжет будет иметь продолжение в виде новых эпизодов, я предам публичности как его, так и предыдущие настойчивые приемы Вашего ведомства в отношении моей частной жизни.

*Солженицын
2 июля 1973 г.».*

«КГБ, ЭКСПЕДИТОРУ ПОЛЯКОВОЙ

В прошлом письме, полученном Вами 3 июля, я же предупредил, что сюжет с бандитами слишком ясен, его благоразумнее прекратить. Своим третьим письмом, да еще таким злым, Ваше ведомство вынудило меня к интервью.

Если увидите Ивана Павловича Абрамова, передайте ему, пожалуйста, это.

*Солженицын
31 августа 1973 г.».*

Я не знаю, каким образом Солженицыну стали известны полномочия И. П. Абрамова. В 1970 году, после моего освобождения из Калужской психиатрической больницы, Роя вызвали на 20 июня в приемную КГБ на Кузнецком мосту для беседы, суть которой сводилась к тому, что весь этот психиатрический эпизод был недоразумением и «перегибом» местных властей. Собеседник Роя представился как генерал Теплов Иван Павлович. Рой уже тогда понял, что фамилия Теплов была вымышленной.

В 5-м Главном управлении КГБ 1-й отдел занимался наукой и культурой, и именно там рождались идеи о том, какие акции следует предпринимать по отношению к ученым и писателям, примкнувшим к оппозиции. Двух Иванов Павловичей в этом отделе не могло быть. Генералом мог оказаться лишь начальник отдела.

Моральный террор и провокации

Первое непристойное письмо в стихах оказалось в почтовом ящике Роя в конце сентября 1978 года. «Жил на свете славный Рой...» После этой строки шли нецензурные выражения. Рифмовать строки анонимный автор все же умел. Письмо оскорбительно задевало жену брата и даже наших двоюродных сестер в Тбилиси, Аллу и Энну.

*«Рой-писатель благородный,
Критикует быт народный».*

Поклонницы Роя беседуют между собой:

«Мы с тобою обе б,
Обе служим в КГБ».

Выявление других задетых заняло несколько дней, некоторым, как оказалось, послали не только копии, но и самостоятельные сочинения с другой тематикой:

«Съезжу в Ясную Поляну,
Улечу на Сахалин,
Чтоб развеять тяжкий сплин...»

«Ездит в Ясную Поляну,
Льва Толстого хвалит спьяну...»

Это подразумевался В. Я. Лакшин, который действительно летал два года назад на Сахалин, готовя очерк о поездке туда А. П. Чехова летом 1890 года. В Ясной Поляне иногда проводились семинары литературных и театральных критиков.

«Для него сама Наташа,
Цирковая... наша,
...Ейный Жора,
Рожа краше помидора».

Здесь намекали на писателя Георгия (Жору) Владимова. Отец его жены Наташи в прошлом работал в Московском цирке. У Владимова на одной щеке было красное пятно от ожога. Везде упоминались лишь имена, фамилий не было. В стихах обходились без глагольных рифм.

В конце октября брат сообщил мне:

«Всего про Роя было три похабных письма, но каждое из них размножилось в десятках экземпляров и рассылалось в самые разные адреса. Письма отправляются из разных районов Москвы, но напечатаны всегда на одной машинке... Самодеятельность я полностью исключаю».

В числе адресатов кроме Владимовых и Лакшиных оказались Лев Копелев, двое университетских друзей Роя, а также несколько старых большевиков, бывших заключенных, из числа авторов самиздатного альманаха «Двадцатый век». Копии прислали также жене Роя и даже его сыну Саше, очевидно, чтобы создать напряжение в семье. Оскорбительные куплеты затрагивали разными намеками каждого из них. Адрес на конвертах был написан обычно печатными буквами, чтобы скрыть почерк. Обратных адресов не ставили.

Как выяснилось вскоре, кампания анонимного шантажа семьи писателя Владимова началась еще раньше, с мая, независимо от Роя, причем не только в стихах, но и в прозе. Жене Владимова писали ее «бывшие поклонники». Доставили на квартиру и фотокомпромат на Георгия Владимова, сделанный явно путем монтажа. Владимов, как профессиональный писатель с литературным образованием, определил, что и сатирическая проза, и стихи не были работой любителя. Автор или авторы знали и лагерный жаргон. У Владимовых появились конкретные подозрения, основанные на знании авторами анонимок некоторых давних эпизодов их жизни. Владимов в молодости работал в питомнике служебных собак, о чем никто из его близких друзей не знал. Теперь это раскрывалось в стихах. Причиной шантажа Владимова могли быть не только его литературные произведения. После отъезда в США Валентина Турчина Владимов согласился занять ставший вакантным пост председателя московского отделения «Эмнести Интернэйшнл». Небольшая, но яркая и оригинальная повесть Владимова «Верный Руслан» об овчарке лагерной охраны была недавно напечатана издательством НТС «Посев» в ФРГ. (Анонимный автор именно поэтому раскрывал прошлую работу Владимова со служебными собаками МВД.) Рой приходил к выводу, что КГБ решил прекратить деятельность в Москве организованных оппозиционных групп: Хельсинкской, «Эмнести» и других. Такая же кампания запугивания велась и по отношению к А. Д. Сахарову и Елене Боннэр.

Лев Копелев и его жена Раиса Орлова приняли решение об отъезде в ФРГ. Копелев, литературовед, был германистом, свободно владел немецким и имел в Германии много друзей. Его пригласили для чтения лекций в Кельн.

Кроме почтового шантажа стали применяться и другие акции давления, в частности отключение телефона, иногда на неделю и дольше, а также перехват бандеролей из Лондона, даже заказных. В марте 1979 года Рой написал очередной протест в Международный почтамт с перечислением номеров пропавших отправок и копиями квитанций с датами отправки, которые привезла ему Рита осенью 1978 года. Некоторые задержанные бандероли стали приходить, хотя и с большим опозданием. В противном случае пришлось бы платить компенсации уже по моим жалобам в британскую почтовую службу. Обычные, не заказные, письма, посылавшиеся Рою, например, из Италии, Франции или США, к нему не приходили. Перехватывалась и исчезала значительная часть писем из других городов СССР. Пропадали и письма самого Роя, которые он отправлял обычной почтой в Лондон.

Устраивались провокации и другого рода. В одном из конфиденциальных писем того периода Рой сообщал:

«Ко мне приходили два человека из провинции с вопросом – “одобряю ли я, если они похитят секретаря обкома и будут требовать в обмен освобождения Орлова и Гинзбурга...” Вообще приходит много сомнительных лиц, несколько раз предлагали купить у меня валюту по выгодному курсу...»

Недоносительство о подготовке преступных актов считалось в Уголовном кодексе РСФСР отдельным преступлением. Но сообщать о таких предложениях в органы Рой тоже не мог. Такие же проблемы возникали и у других диссидентов, и дело заканчивалось нередко эмиграцией, часто поспешной и непродуманной. Трудностей с выездом уже не было. Путь в Вену упростился. Но иногда возникали проблемы уже в Вене. Несколько раз я получал в Лондоне письма оттуда с просьбой о срочной помощи. Приведу здесь лишь один пример, не

называя имени автора:

«...моя милая супруга попала в метро контролерам как безбилетная... Составили протокол и выписали штраф на 150 шиллингов. Сразу же мы наплевали на этот протокол, а квитанцию бросили в урну. Но вот через полтора месяца мы получили вызов в полицию, где теперь уже вручили квитанцию на 700 шиллингов и напомнили, что в случае неуплаты будет тюрьма. Танечка моя уже 60 часов в тюрьме. Я соберу здесь, но прошу срочно прислать нам в долг...»

Я позвонил Рою. Он этого человека, шофера, диссидента из рабочих, знал и встречался с ним в Москве. Я отправил в Вену чек экспресс-почтой. Вскоре тот же шофер попросил 500 долларов на оплату нелегального перехода из Австрии в ФРГ по горным тропам. Из Вены легально эмигрантов отправляли лишь в Израиль или в лагерь перемещенных лиц в Италии. В ФРГ беженцы из СССР могли сразу получить политическое убежище и пособие. Вот еще одно письмо:

«В Вене есть лица, делающие бизнес на переброске через горы, но требуют \$300 с носа. Нас трое, \$400 у нас есть. Недостает 500... Помогите! А заодно сообщите адрес Александра Исаевича, обращусь и к нему, а что мне еще делать? Чай, он не последнее доедает. Извините за наглость в обращении. Больше ничего не смог придумать...»

На это письмо я не стал отвечать. Через несколько месяцев пришло новое письмо от того же шофера, но уже из Австралии. Там он водил большой грузовик на дальние маршруты через весь континент. Жаловался на жару и скуку («поговорить не с кем...»). Жена работала медсестрой в Мельбурне.

О генерале КГБ Иване Павловиче Абрамове я через несколько лет узнал из какой-то заметки в газете «Известия». Абрамов упоминался как заместитель генерального прокурора СССР. Переброска кадров из КГБ на руководящие посты во все правоохранительные органы стала при Ю. В. Андропове обычной практикой.

Книга «Атомная катастрофа на Урале» издается в ФРГ, Италии, Англии и США

Книгу «Атомная катастрофа на Урале» я готовил в августе – октябре 1978 года на русском, а не на английском, с определенной целью. Понимая, что ее издание может столкнуться с трудностями в странах, обладающих атомным и термоядерным оружием и производящих для этого плутоний (Франция, Великобритания и США), я намеревался вести и независимые переговоры с немецкими и итальянскими издательствами. В 1978 году в Италии не существовало даже программ по развитию атомной энергетики. В ФРГ успехи в создании АЭС были скромными по сравнению с ГДР, где АЭС строились по советским проектам.

Первым, уже в марте 1979 года, появилось немецкое издание, «Atomkatastrophe in der UdSSR», выпущенное гамбургским издательством «Hoffmann und Campe» в дешевой бумажной обложке. Каждую неделю издательство присылало мне множество рецензий из

разных газет. В авторитетном еженедельнике *Die Zeit* рецензия с моим фото заняла целую полосу. обстоятельные рецензии печатались и в научно-популярных журналах. Издательство пригласило меня приехать в Гамбург для телевизионного интервью и нескольких интервью для радио. Я провел в Гамбурге почти неделю. В апреле поступило в продажу и итальянское издание «Disastro Atomico in URSS», выпущенное издательством «Vallecci» во Флоренции. Несколько теле- и радиоинтервью в связи с этим планировалось в Риме, Милане и Турине.

Английское издание «Nuclear Disaster in the Urals» поступило в продажу в США и Англии в июне. Рецензии быстро появились во всех основных газетах, а вскоре и в научных журналах *Science*, *Nature* и *New Scientist*. Би-би-си предложила дебаты с моим участием. В рецензиях, на ТВ и в радиодebатах обычно излагалась история всей проблемы и сообщалось, что в 1976 году первое известие об атомной катастрофе в СССР и о радиоактивном загрязнении большой территории британские специалисты назвали «научной фантазией» и «плодом больного воображения» Жореса Медведева. Очень профессиональный очерк-рецензия появился в либеральном журнале американских физиков-атомщиков *The Bulletin of the Atomic Scientists*. Ее написал мой знакомый из Университета Вандербильта Фрэнк Паркер, который, как я упоминал ранее, вошел в окриджскую группу по изучению последствий Уральской катастрофы. Из справки об авторе очерка я узнал, что Ф. Паркер в недавнем прошлом возглавлял отдел МАГАТЭ по переработке реакторных отходов. Другие рецензенты также были авторитетными физиками-атомщиками. Лондонская студия популярной американской телепрограммы «60 минут» (С.В.С. News) показала двадцатиминутную беседу со мной, снятую и записанную в Гайд-парке. Однако наиболее важным свидетельством серьезного отношения экспертов к появившейся книге стало письмо из Королевского института международных отношений, более известного как Чатэм Хаус (Chatham House): меня приглашали на доклад и дискуссию с участием специалистов в области атомной физики и атомной энергетики, а также бизнесменов – представителей этой отрасли и членов правительства, всего около тридцати человек. Среди них был Хэмиш Грей (Hamish Gray), министр энергетики, и сэр Джон Хилл, глава Британского управления атомной энергии, в прошлом мой главный критик. Изложенная мной в книге версия взрыва хранилища отходов от производства плутония для атомных бомб не вызывала теперь сомнений.

Однако американские атомщики из Лос-Аламоса попытались эту версию опровергнуть. И не столько аргументация, сколько репутация этого центра, колыбели атомной бомбы, сделала их статью, опубликованную в журнале *Science*, новой сенсацией.

Гипотеза Лос-Аламоса

Во вторник 30 октября Дж. Мейрс, мой редактор из нью-йоркского издательства «Norton», сообщил мне по телефону, что *The New York Times* опубликовала большую статью четырех ученых из Лос-Аламосской лаборатории, опровергающую мою версию Уральской катастрофы. Они, по словам Мейрса, утверждали, что обширное радиоактивное загрязнение стало результатом испытания водородной бомбы. Факсов в то время в нашем институте не было, поэтому получить копию статьи прямо из Нью-Йорка я тогда не мог. Но в центре Лондона в некоторых газетных киосках больших гостиниц продавались главные газеты мира, которые доставлялись ночными авиарейсами. Статья под заголовком «Четверо физиков отрицают советскую атомную аварию» («4 Physicists Challenge Report of Soviet Aton

Accident») начиналась на первой странице и продолжалась, с картой части СССР и моим фото, в середине номера. В ней излагалось содержание статьи четырех авторов (одним из них был директор Лос-Аламосской национальной лаборатории Х. Эгню, ставший и президентом General Atomic Company), опубликованной в пятницу в журнале *Science* (*W. Stratton, D. Stillman, S. Barr, H. Agnew. Are Portions of the Urals Really Contaminated? // Science Vol. 206, 423–425*). В течение двух-трех дней изложение этой статьи, иногда с дополнительными комментариями и под разными заголовками, появилось в британских газетах и в газетах других стран (в моем архиве есть статья на эту тему даже из арабской газеты).

Четверо авторитетных американских физиков утверждали, дополняя свои аргументы картами и анализом ветровых потоков в арктических районах, что загрязнение радиоактивностью Южного Урала могло произойти в результате выпадений, вызванных осадками, дождем или снегом, из огромного радиоактивного облака, которое могло прийти сюда с нового полигона для испытания водородных бомб, созданного на Новой Земле. Никаких фактических данных в статье не было. Бездоказательная гипотеза. Не было сведений и об испытаниях бомб на Новой Земле. Метеорологические условия и карты циркуляции арктического воздуха брались из базы данных наблюдений над Канадой и севером США, а их траектории воспроизводились лишь для 1976 года. Расстояние от Новой Земли до Челябинской области составляет больше 2 000 км, и ветры здесь имели иные направления, информации о которых за 1957 год просто не было. Следует также отметить, что каждое испытание термоядерных бомб на Новой Земле регистрировалось в Норвегии. Норвежские эксперты следили и за продвижением радиоактивного облака, опасаясь приближения его к собственной территории. Испытательные взрывы проводились в условиях, когда возможность заноса радиоактивности на материк оказывалась минимальной. (На Новой Земле действительно производили 10 октября 1957 года подводное испытание водородной бомбы мощностью в полторы мегатонны. Измерения радиоактивности от выпадений показали, что к февралю 1958 года загрязнения радиоактивным цезием захватили часть Кольского полуострова и создали проблемы для оленей, питающихся зимой лишайниками. В юго-восточном направлении локальных выпадений не было.) Главный аргумент против моей версии физики из Лос-Аламоса привели в последнем абзаце своей статьи:

«Нам трудно поверить, что при загрязнении площади такого масштаба это событие не обсуждалось подробно, и не одним лицом, в течение более 20 лет».

То есть они повторили слова Эдварда Теллера во время наших дебатов в Лос-Аламосе в прошлом году. Он не мог тогда понять, каким образом советские атомные секреты держались в тайне намного дольше, чем американские.

Открытия ученых Ок-риджа

Статья ученых из Лос-Аламоса вызвала возмущение радиоэкологов Окриджской национальной лаборатории, которые с 1977 года, независимо от меня, начали с большим размахом изучать советскую радиоэкологическую литературу по радиоэкологии 60-х и 70-х годов. На переводы и аналитическую работу они получили правительственный грант (см.

[главу 37](#)). Они читали более полные версии документов ЦРУ. Дополнительно к этому Окриджская лаборатория как авторитетный государственный институт имела доступ к секретным фотоснимкам этого района, сделанным со спутников. Эти снимки они могли сравнивать с крупномасштабными военными картами Южного Урала до 1957 года. Таким образом они могли установить, какие именно деревни и поселки в Челябинской области перестали существовать. (При переселении жителей дома обычно сжигались.) Они также изучали характер возникших вокруг секретного центра Челябинск-40 новых гидротехнических сооружений. Разрешающая способность спутниковых снимков была достаточно высокой и позволяла, например, идентифицировать заброшенную мечеть возле покинутого башкирского села.

С директором радиоэкологического отдела Ок-Риджа Стенли Ауэрбахом у меня установилась регулярная переписка. Все проблемы радиоэкологии он и его коллеги понимали лучше меня. Но у них возникали разнообразные и неожиданные вопросы. Они не могли, например, понять, что такое ОНИС и ВУРС, явные аббревиатуры, которые промелькнули, очевидно по недосмотру цензора, в какой-то русской публикации. Я объяснил, что эти сокращения означают Опытную научно-исследовательскую станцию, созданную моим бывшим шефом профессором В. М. Ключковским недалеко от объекта, и Восточноуральский радиоактивный след – обозначение загрязненной зоны, введенное в 1966 году при принятии правительством решения о создании там государственного радиоэкологического заповедника.

Ауэрбах и его коллеги заканчивали в ноябре обстоятельный отчет о результатах своих исследований. Такие отчеты, хотя и не секретные, рассылаются лишь заинтересованным лицам и учреждениям, но не публикуются в открытой печати и не комментируются в прессе. Теперь, после статьи физиков из Лос-Аламоса, Ауэрбах решил опубликовать сокращенное изложение отчета в том же журнале *Science*. В начале декабря я получил от него письмо и копию отчета (*J. R. Trabalka, L. D. Eymann, S. I. Auerbach. Analysis of the 1957–58 Soviet Nuclear Accident. ORNL-5613. Oak Ridge National Laboratory, 1979*) в виде большого формата: брошюры в 30 страниц с иллюстрациями. В письме он сообщал о том, что получено разрешение на публикацию сокращенной версии в *Science*:

«...Сокращенная версия уже послана в журнал, и мы ожидаем публикации в течение ближайших двух месяцев. Мы решили не критиковать в ней статью Страттона и других из Лос-Аламоса. Мы полагаем, что материалы нашего отчета говорят сами за себя.

Вы можете заметить, что мы включили сэра Джона Хилла в список для рассылки нашего отчета. Но он, безусловно, прочитает и статью в Science. Публикация в этом журнале придаст нашему отчету больший авторитет...»

Публикация краткой версии Окриджского отчета задержалась до июля 1980 года. Ее появление (*Science*. 18 July 1980. Vol. 209. № 4454. P. 345–353) вызвало множество положительных комментариев. Это был весьма своеобразный научный детектив, аналогов которому в этом самом читаемом в мире научном журнале раньше не появлялось. Список использованной литературы в статье включал более двухсот публикаций (в отчете – более трехсот). Авторы, благодаря своей компетенции в радиохимии и возможностям фотосъемки из космоса, раскрыли ряд деталей аварии и ее последствий, которые не были и не могли

быть известны мне. Они нашли в советской научной литературе почти в четыре раза больше публикаций, связанных с аварией, чем я нашел при подготовке книги. Для них был сделан перевод «Трудов Уральского филиала АН СССР» и докладов различных конференций. Я кратко упомяну здесь лишь несколько открытий, сделанных Ауэрбахом и его коллегами. Следует сказать, что и в последующие тридцать лет в российской научной литературе так и не появилось более компетентного анализа Уральской катастрофы.

Не одна, а три радиационных проблемы

Сравнение крупномасштабных карт территории между Свердловском и Челябинском в период 1936–1954 годов с картами той же местности, сделанными на основе спутниковых снимков в 1973–1974-м, показало, что в этом районе исчезло более тридцати небольших и средних сельских поселений. Очистилась от населения территория примерно в 2 000 кв. км, но в виде полос, идущих в двух направлениях в форме перевернутой цифры 7. Короткая полоса территории, с которой эвакуировали население семи деревень, тянулась примерно на расстояние 50 км на юго-восток по течению и строго вдоль русла реки Теча до поворота ее течения на северо-восток. Исчезли деревни и на правом, и на левом берегах реки, за исключением самого крупного в этом районе села Муслюмово на левом берегу. (На берегах Течи до впадения ее в реку Исеть было 39 сел, расположенных близко к реке. Местное население использовало речную воду для питья и приготовления пищи, для полива огородов, бытовых нужд и водопоя скота.) Вторая, более длинная полоса, освобожденная от населения, протянулась в северо-восточном направлении на расстояние около 100 км, приближаясь к городу Каменск-Уральский. В этой полосе исчезли 28 селений.

Река Теча до 1954 года вытекала из большого озера Кызылташ, вблизи которого строились секретный город и промышленная зона. Ближайшим к зоне селом было Метлино, затем шли села Теча-Брод, Назарово и Старо-Осаново. Эти села исчезли вместе с 25 км самой реки Теча. Для сброса воды озера Кызылташ был выкопан глубокий обводный канал, соединившийся с Течей ниже по течению. Прежнее русло реки в 25 км от озера перегородила большая и широкая плотина-дамба, за которой образовались два водохранилища площадью около 40 кв. км, входивших теперь в закрытую зону атомного города.

Авторы Окриджского отчета пришли к выводу, что долина реки Теча загрязнялась сбросами радиоактивности с комбината по выделению плутония в озеро Кызылташ еще до взрыва хранилища радиоактивных отходов в 1957 году. Когда выселяли жителей из прибрежных сел и создавался каскад водохранилищ, установить не удалось.

Большая зона выселения к северо-востоку, около 1000 кв. км, была, по-видимому, осью ВУРСа, территорией, наиболее сильно загрязненной от взрыва хранилища отходов в 1957 году. По всем данным, это было одномоментное загрязнение, то есть взрыв. Именно здесь, как предполагали авторы отчета, проводилась большая часть опубликованных радиоэкологических исследований. Недалеко от бывшего села Метлино появились крупные здания институтского типа. Предположительно, здесь располагалась теперь ОНИС, то есть опытная станция Ключковского.

Большинство исследований действия радиации на флору и фауну было связано с загрязнением стронцием-90, содержание которого в почве в 1000 раз превышало содержание цезия-137. Однако несколько исследований те же группы ученых проводили на значительно

большей территории, включавшей озеро и лес, и уровень загрязнения там был ниже, и соотношение между этими двумя изотопами иное. Это был какой-то другой район, но явно не экспериментальный.

В настоящее время следует сказать, что заключения радиоэкологов из Ок-Риджа, сделанные в 1979 году, были подтверждены, но лишь через 14–15 лет после снятия советской секретности. Долина реки Теча действительно загрязнялась сбросами радиоактивных продуктов в Кызылташ, начавшимися еще в 1949 году. Строительство плотин и обводных каналов началось в 1954 году после запуска в зоне новых реакторов и увеличения объемов сброса радиоактивности. В искусственных водохранилищах накопились к 1960 году сотни миллионов кюри радиоизотопов. Плотины (был создан каскад) несколько раз надстраивались и укреплялись. Это были земляные дамбы, и радиоактивные растворы через них все-таки просачивались. Радиоактивные загрязнения по рекам Исеть, Тобол, Иртыш и Обь доходили до Карского моря. Жителей ближних к закрытой зоне сел начали переселять лишь после того, как у некоторых из них диагностировали хроническую лучевую болезнь. Максимальная средняя доза у отселенных жителей Метлина была 170 бэр на человека. У жителей Старо-Осанова – 120 бэр (В. Ларин. Комбинат «Маяк» – проблема на века. Московский Экопрессцентр, 2001).

Район загрязнения в северо-восточном направлении возник в результате взрыва хранилища радиоактивных отходов осенью 1957 года. Третье обширное загрязнение возникло весной и летом 1967 года из-за сильной засухи. Зима была малоснежной, весна очень сухой и ветреной. Из-за быстрого испарения воды в расположенном на территории зоны мелководном непроточном озере Карачай, в которое сбрасывались промышленные радиоактивные отходы, уровень воды понизился на 30 см. Оголилось дно вдоль берегов, и радиоактивная пыль с высыхающих донных отложений стала разноситься ветром преимущественно в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях. Эти загрязнения распространились по площади 1800 кв. км.

Советский Союз накапливал радиоактивный цезий-137

В отработанном реакторном топливе соотношение стронция-90 и цезия-137 примерно 1:1, а в загрязненной почве ВУРСа 1000:1. Общий выброс радиоактивности при взрыве хранилища оценивался в 20 млн кюри. Это был в основном радиоактивный стронций. Куда делся радиоактивный цезий? Окриджские радиоэкологи и радиохимики пришли к выводу, что на советских комбинатах по производству плутония выделялся не только плутоний, но и цезий-137, мощный источник гамма-излучения. Цезий-137 можно использовать в медицине при лучевой терапии (цезиевые пушки), иногда – в пищевой промышленности для стерилизации продуктов питания. Но на такие цели не требуются десятки миллионов кюри. Так что в этом была какая-то военная тайна. (Через много лет мне рассказали ныне покойные друзья, работавшие в этой зоне, а затем и в Чернобыльской, что цезий-137 действительно до 1960 года накапливался и складировался «на всякий случай».) Возникло предположение, что ядерные державы готовили не только атомные и водородные, но и цезиевые бомбы, известные как грязные бомбы. Но этот аспект проблемы американские ученые не обсуждали. Они признавали, что цезий-137 выделялся и в США, но «в меньших объемах».

Авторы ORNL-5613 очень подробно останавливались на применяемых в СССР технологиях переработки выгоревшего реакторного топлива. Для выделения цезия-137 в 1957 году применялся метод с использованием аммония (ammonium alum process):

«Особенность этой технологии состоит в том, что жидкие отходы в итоге содержат значительные объемы аммоний-нитрата (NH_4NO_2). То, что это взрывчатый материал, хорошо известно, менее известно то, что взрываться может и концентрированный раствор, особенно горячий, в смеси с органическими компонентами, ацетатом. Контейнер объемом от 1000 до 3000 кубических метров, наполненный на две трети концентрированным (от дву- до восьмимольным) раствором аммоний-нитрата, может выделить от 0,1 до 1,0 килотонн эквивалента ТНТ...»

Авторы ссылались на учебник по взрывчатым веществам «The Science of High Explosives» (1958).

Советские публикации уже 1990-х годов сообщали о том, что взрывной эквивалент аварии составлял от 70 до 100 тонн тринитротолуола, низший предел возможности.

Ауэрбах и его коллеги утверждали, что современные методики выделения плутония из реакторного топлива включают денитрификацию, то есть удаление нитратов.

26 октября 1979 года Эндрю Уилсон, заместитель главного редактора воскресного еженедельника *The Observer*, сообщил мне по телефону, что в журнале *Now!* только что напечатана сенсация о катастрофе в СССР. «Выброс спор антракса (сибирской язвы) из секретного центра бактериологического оружия. Умерли несколько тысяч человек!» Он сказал также, что отправляет мне с курьером этот номер журнала и что они хотят получить мои комментарии.

Сибирская язва в Свердловске

Через час журнал *Now!* с сенсационным сообщением уже лежал на моем столе в институте. Это был недавно основанный, популярный, но крайне консервативный еженедельник для публикации всевозможных сенсаций. Доставленный мне номер возвещал об очередной мировой сенсации уже на обложке: «Русская катастрофа секретной бактериологической войны». В подзаголовке к статье, снабженной картой СССР, было написано:

«Русские пытались скрыть аварию на секретном бактериологическом заводе, от которой погибли сотни и серьезно пострадали тысячи. Дэвид Флойд раскрывает ужасные события, которые произошли в Новосибирске».

Статья в *Now!* удивила меня прежде всего явно ложной информацией, которая быстро могла быть опровергнута любым западным советологом, знающим историю СССР. Эпидемия неизвестной скоротечной болезни, если верить этой статье, поразила весной 1979 года Новосибирск в результате утечки «бактерий из секретного бактериологического института, созданного в Сибирском отделении Академии наук СССР... Несколько тысяч людей умерло от таинственной болезни... Секретный институт возглавляют д-р Кнорре, член-корреспондент АН, и д-р Салганик, специалист по молекулярной биологии... Академгородок – это закрытый город, в котором проводятся наиболее секретные исследования...»

Сибирский Академгородок, где я впервые побывал в 1962 году, был открытым для иностранцев научным центром АН СССР. Его начали строить в 1957 году в 20 км от Новосибирска. В настоящее время в нем работали (по обмену и находясь в командировках) несколько иностранных ученых, в том числе Корнелия Франде (Cornelia Franke), цитолог из Гейдельберга, с которой я, как и с ее руководителем в Новосибирске Леонидом Корочкиным, был в переписке. Рудольф Салганик и Дмитрий Кнорре были моими приятелями, именно от них я получил в 1962 году приглашение переехать в Новосибирск на работу (см. [главу 3](#)). Салганик работал в Институте цитологии и генетики, Кнорре – в Институте органической химии. Салганик, специалист по нуклеиновым кислотам, участвовал в Международных конгрессах по биохимии в Париже в 1975-м и в Копенгагене в 1976 году. Никакого секретного бактериологического института в Академгородке не существовало и не могло существовать. Такие институты могли быть лишь в системе Министерства обороны и в местах, закрытых для иностранцев. Между тем сообщения о смертоносной эпидемии в Новосибирске, со ссылкой на публикацию Дэвида Флойда, уже передавались по радио русской службой Би-би-си, радиостанцией «Свобода» и другими агентствами новостей. Вскоре, однако, последовало опровержение в виде интервью Рудольфа Салганика, заместителя директора Института цитологии и генетики. Рудольф написал и мне, попросив опровергнуть заявления Флойда.

Цель столь явной фальшивки была мне в то время непонятна. Позднее я пришел к

выводу, что она запускалась именно для того, чтобы быть опровергнутой, дискредитируя при этом и иностранные передачи на русском языке. Я связывал ее и с уже проявившейся ранее способностью Д. Флойда на разные сенсационные выдумки.

Следует отметить, что в 1979 году в 25 км от Новосибирска в поселке Кольцово был создан Всесоюзный институт молекулярной биологии и вирусологии, в котором изучались и патогенные вирусы. Такие центры возникают обычно вдали от городских кварталов. Директором этого института стал химик Лев Степанович Сандахчиев. Институт административно не входил в состав Академгородка.

В 1980 году последовало, однако, неожиданное продолжение этой истории, но в другом варианте. Смертоносная эпидемия, согласно статье, опубликованной в январе в журнале «Посев» за подписью Н. Н., была перенесена из Сибири на Урал и превратилась в реальную «эпидемию сибирской язвы в Свердловске в апреле-мае 1979 года», возникшую в результате аварии на секретном заводе в закрытом военном поселке № 19 на юго-западной окраине города:

«Облако спор бактерий сибирской язвы прошло над деревней Кашино. Первые умершие зарегистрированы 4 апреля. После этого от 30 до 40 человек умирали каждый день в течение следующего месяца...»

Некоторые подробности создавали впечатление, что локализованная вспышка сибирской язвы в Свердловске действительно имела место. Н. Н. сообщал, что в одном из районов города к югу от военного поселка № 19 провели вакцинацию жителей. Достоверность других сообщаемых деталей (секретная кремация всех трупов и выдача родственникам пустых гробов для имитации похорон) вызывала сомнение. Автор утверждал, что ответственным за эпидемию был особый штамм бактерии V-21 или U-21. Через четыре недели эта же история, но без подробностей, появилась как сенсация на первой странице немецкого таблоида *Bild Zeitung*. В марте об эпидемии в Свердловске кратко сообщил британский научный журнал *Nature*, в апреле – американский *Science*.

В мае 1980 года эпидемия сибирской язвы в Свердловске была официально подтверждена научной статьей «Эпидемиологический анализ заболеваний сибирской язвой в Свердловске», опубликованной в советском «Журнале микробиологии, эпидемиологии и иммунологии» (№ 5. С. 111–113). Авторы статьи И. С. Безденежных и В. Н. Никифоров были известными эпидемиологами, которых направили из Москвы в Свердловск для организации необходимых мероприятий. Статья признавала вспышку сибирской язвы в Свердловске, однако объясняла ее заболеваниями скота в эндемичном по сибирской язве уральском регионе и неофициальной продажей мяса больных животных населению. Статья поступила в редакцию 28 августа 1979 года, то есть задолго до сенсационной публикации в *Now!*. Эпидемия сибирской язвы не была секретом и для жителей города, в апреле и мае в газете «Вечерний Свердловск» публиковались различные предупреждения для населения.

Серьезная дискуссия о характере и причинах эпидемии сибирской язвы в одном из районов Свердловска возобновилась лишь через много лет, в 1992 году. Она продолжается и до настоящего времени, особенно интенсивно в Интернете. Возникло несколько новых гипотез. Число жертв, судя по архивным данным больниц и захоронений, не превышало 80 человек.

Однако в русле моих воспоминаний вся эта история, начавшаяся с публикации в *Now!*,

стала решением загадки Дэвида Флойда, специального корреспондента по коммунистическим делам газеты *The Daily Telegraph*.

Дэвид Флойд, Андрей Вознесенский и Булат Окуджава

Имя Флойда я впервые увидел в газете 9 августа 1973 года, то есть на следующий день после того, как мне зачитали в консульстве СССР текст Указа ВС СССР о лишении меня гражданства и конфисковали мой паспорт. И первым об этом сообщил утром 9 августа на первой странице *The Daily Telegraph* именно Дэвид Флойд, «корреспондент по коммунистическим делам». Судя по некоторым деталям статьи, он мог узнать об этом лишь непосредственно от сотрудников советского консульства в Лондоне. Вечером 8 августа я никому, кроме Риты и Димы, об этом не говорил, намереваясь сделать заявление на следующий день для русской службы Би-би-си. В других утренних газетах сообщение о лишении меня гражданства появилось 10 августа на основании сообщения ТАСС. Мой домашний телефон почти никто тогда не знал, а справочная служба его никому не раскрывала. Но свою информированность Дэвид Флойд объяснял телефонным разговором именно со мной. «Лучше жить в Великобритании, чем в советской тюрьме», – сказал якобы Флойду Жорес Медведев. Между тем никакого телефонного разговора с Флойдом не было, и приписанная мне фраза была выдуманной. Второй раз я обратил внимание на Флойда в феврале 1974 года, когда читал его репортажи из Франкфурта-на-Майне о высылке Солженицына. Судя по их содержанию, Флойд сумел поговорить с высланным писателем в доме Генриха Бёлля. В марте 1974 года Флойд передавал сообщения уже из Цюриха. Он оказался в окружении Солженицына, предложив ему услуги секретаря и переводчика. Начал он оказывать такие услуги и жене писателя, поскольку свободно говорил по-русски. В воспоминаниях Солженицына Флойду посвящено несколько страниц:

«А тут – после интервью CBS неудачливый в нем переводчик Дэвид Флойд, корреспондент “Дейли телеграф”, стал теперь писать мне, и приезжал – говорил, что другой мечты в жизни не имеет, как переехать ко мне и стать моим секретарем. Я отказал. Тут он стал уговаривать встретиться с польским эмигрантом Леопольдом Лабедзем, который жаждет создать Международный Трибунал, судить советских вождей» (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1998. № 9. С. 82–83).

Встреча с Лабедзем и Флойдом состоялась. Солженицыну предлагали возглавить такой «трибунал». Он предложение отклонил, заподозрив провокацию, и был очень возмущен, когда детали обсуждения с ним идеи «трибунала» опубликовал немецкий журнал *Der Spiegel*. В тех же очерках Солженицын пишет:

«С меньшей вероятностью допускаю, что истекло от Лабедзя, с большей – что от Флойда» (Там же).

Я писал в предыдущих главах о Патриции Блейк, американской журналистке и писательнице, занимающейся советской тематикой во влиятельном американском и международном еженедельнике *Time*. С 1971 года Блейк по договору с крупным

издательством готовила литературную биографию Солженицына. Публикация «Архипелага ГУЛАГа» и высылка Солженицына из СССР вносили в эту работу неизбежные коррективы и делали необходимым прямое сотрудничество с писателем. Я встречался с П. Блейк несколько раз в 1973 году в Лондоне, и у нас возникла регулярная доверительная переписка. В мае 1974 года мы виделись с Патрицией и в Нью-Йорке. В недавнем прошлом она несколько лет работала корреспондентом *Time* в Москве и была знакома или дружна со многими писателями и поэтами. В августе 1974 года я получил от Патриции очередное письмо, в котором она сообщала, что Солженицын согласился встретиться с ней в Цюрихе. Блейк готовила репортаж о Солженицыне для своего журнала, а в письме, в частности, писала:

«Time оплачивает мою поездку... Слава богу, билет стоит \$839! Но журнал ждет интервью... Я прилетаю в Цюрих 18 августа. Моя встреча с АИ назначена на 21 августа. Я буду жить в отеле "Baig au Lac" до 22 августа. Я позвоню Вам из Цюриха до и после встречи... Надеюсь, что АИ согласится встретиться со мной несколько раз, но это сомнительно...

Я только что узнала неприятную новость о том, что Дэвид Флойд будет в Цюрихе примерно в это же время. У него предстоит встреча с женой АИ 19 или 20 для обсуждения интервью с АИ в будущем. Я надеюсь, что мы не столкнемся где-либо. Если Флойд узнает о моем приезде, он вполне способен использовать наше знакомство в прошлом, чтобы помешать моей встрече с АИ. В любом случае я не хотела бы встречаться с Флойдом, тем более в этом доме...»

Причина беспокойства Патриции по поводу возможной встречи с Флойдом в доме Солженицына была для меня тогда непонятна. В итоге Патриция смогла побеседовать с Солженицыным о разных делах и взять у него интервью. С Флойдом она не встретилась. Только через несколько месяцев в письме от 10 декабря она объяснила мне причину своего конфликта с Флойдом:

«...Дэвид Флойд. Я не встречаюсь и не разговариваю с ним больше десяти лет. Наши отношения испортились, когда я узнала, что Флойд вложил деньги во "Флегон Пресс" (который тогда начал печатать журнал "Студент" в Лондоне) и что он дружит с Флегоном. Хотя Флойд порвал отношения с Флегоном через несколько лет, но до этого он помог Флегону организовать грубую провокацию против Андрея Вознесенского. Еще до того, как Флойд отошел от Флегона, "Студент" опубликовал статью об Окуджаве – это еще одна провокация, – объявив Окуджаву добровольным сотрудником "Студента", из-за этого у Окуджавы были крупные неприятности. Я никогда не могла понять, глупец Флойд или кто. Большинство моих британских коллег поддерживают отношения с ним, но это, как Вы, наверное, заметили, английская вежливость даже по отношению к своим заклятым врагам... это в Англии считается цивилизованными отношениями. Мы, американцы, наверное, не столь цивилизованны...»

У меня дома лежало несколько номеров выходившего в Лондоне журнала «Студент» – как следовало из подзаголовка, журнала авангарда советской литературы, за 1964–1969 годы,

которые я раньше просматривал, но внимательно не читал. В этом не очень регулярно выходившем издании публиковались рассказы и стихи советских писателей, которые не были опубликованы в СССР и иногда ходили в самиздате. Алек Флегон за счет издательства отправлял в Москву и в Ленинград британских студентов, изучавших русский язык, специально для сбора таких произведений, нередко очень интересных. Публикуя их в своем журнале впервые, Флегон объявлял свой мировой копирайт, зарабатывая на продаже прав. Это было открытое литературное пиратство. («Студент» прекратил свое существование после присоединения СССР в 1973 году к Всемирной конвенции об авторском праве.)

Провокация, о которой писала Патриция Блейк, состояла в том, что Флегон собрал в течение двух-трех лет разные, тогда еще не опубликованные стихотворения и поэмы о любви очень популярного советского поэта Андрея Вознесенского и опубликовал их в Лондоне в конце 1965 года в виде небольшого сборника «Мой любовный дневник» (132 с.). Особенность этого пиратства состояла в том, что у Флегона оказались не только рукописи, но и магнитофонные записи стихов, которые читает сам автор. В то время в магнитофонных записях широко распространялись и песни Александра Галича, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и других поэтов. Публичные выступления поэтов, иногда в узком кругу, но нередко и в больших аудиториях, были новым способом избежать цензуры, возможной лишь для печатных произведений. Весь тираж флегоновского сборника Вознесенского быстро разошелся. У меня его не было. Близкий друг Патриции Блейк, британский литератор и переводчик Макс Гейворд (Max Hayward) пытался через суд остановить публикацию, но проиграл это дело. Патриция была в дружбе и с Вознесенским, и с Окуджавой, а Макс Гейворд переводил на английский некоторые их стихотворения. Издания Флегона почти всегда выделялись какой-нибудь вульгарной выходкой. В данном случае в рекламе сборника Вознесенского говорилось: «Книга содержит стихи, не опубликованные в СССР или подвергнутые цензурным сокращениям. Из-за иллюстраций книгу нельзя давать детям или рекомендовать школьным библиотекам...»

Список иллюстраций и подписи к ним, безусловно не авторские, содержали непристойности.

Провокация Флегона по отношению к Булату Окуджаве состояла не только в публикации стихов и текстов песен без разрешения автора, но и в выпуске в продажу в Лондоне в 1964 году «Первой долгоиграющей пластинки Булата Окуджавы, 23 песни за 4 доллара или 25 шиллингов». «Высылаем по почте также и пластинку с песнями из сталинских концлагерей. Цена \$1,50», – сообщалось в рекламе.

В разных выпусках журнала «Студент» публиковалась произвольная смесь стихов, прозы, эротики, частушек, лагерного фольклора, анекдотов «армянского радио» и так называемого народного юмора. Среди авторов пиратского улова Флегона в СССР встречались и далеко не авангардные Долматовский, Каверин, Инбер, Эренбург, Коротич, Евтушенко и другие.

В тот период Дэвид Флойд был партнером Флегона. Я не рассматривал это пиратство как политически мотивированное. Обычная контрабанда. Из Советского Союза с еще большим размахом нелегально вывозились картины модернистов, старинные иконы, самовары, антиквариат, палех, монеты, марки и даже медвежьи шкуры. Первые выпуски газет «Правда» и «Известия» и петроградские плакаты 1917–1918 годов продавались на аукционах как музейные экспонаты.

Уже из некролога Флойда, опубликованного в *The Daily Telegraph* 29 августа 1997 года,

я узнал, что он близко общался с советскими невозвращенцами – писателями Анатолием Кузнецовым, Леонидом Финкельштейном и балериной Натальей Макаровой, помогая им оформлять политическое убежище. Именно Д. Флойда издательство «Новости» выбрало для параллельного перевода на английский язык воспоминаний Раисы Горбачевой «Я верю...», вышедшей в СССР и в Англии в 1991 году. В английском издании заголовки сменили на «I Nore...» («Я надеюсь...»). Флойд перевел на английский и книгу знаменитого разведчика КГБ Олега Туманова «Туманов: Признания агента КГБ», русское и английское издания которой вышли в 1993 году.

Оккупация Афганистана и зерновой бойкот

Случайно советские лидеры выбрали именно 25 декабря для вторжения в Афганистан или нет, я не знаю. В странах Запада и в США отмечали Рождество, главный праздник года, газеты не выходили 25 и 26 декабря, в программах радио и телевидения плохие новости не предусматривались. Я узнал о вторжении лишь 27 декабря, после сообщений по радио о том, что новым, четвертым в течение года президентом Афганистана стал Бабрак Кармаль, недавний заместитель премьер-министра, обратившийся к советскому руководству с просьбой о военной помощи. Подробности свержения, вернее убийства, президента Хафизуллы Амина отрядом спецназа КГБ, штурмовавшим президентский дворец Тадж-Бек стали известны значительно позже. Свержение Амина не вызвало особой реакции, так как он сам пришел к власти несколько месяцев назад, убив своего предшественника, харизматического лидера революции Нур Мохаммада Тараки и многих его соратников.

От обсуждения военных и политических проблем советского вторжения в западных СМИ я отказывался, поскольку понимал, что мои высказывания на эту тему неизбежно попали бы в передачи на русском из Англии и США и могли поставить в трудное положение живущих в СССР брата и сына. Но я считал себя свободным в обсуждении других тем, возникших в связи с военным вторжением в Афганистан. Первой из них оказалось эмбарго на продажу зерна в СССР, введенное президентом США Картером 4 января, второй – высылка Андрея Дмитриевича Сахарова в Горький, осуществленная 22 января.

В Великобритании быстрая оккупация Афганистана, совершенная в основном воздушно-десантными частями Среднеазиатского и Туркестанского военных округов, вызвала панику прежде всего в лондонском Сити. Биржевой индекс резко пошел вниз, цены на золото стали, напротив, быстро подниматься. Это было признаком паники среди политической, финансовой и бизнес-элиты. За неделю золото подорожало в несколько раз, установив рекорд. Вторжение Советской армии в Афганистан воспринималось в те дни в Лондоне не как стремление советских лидеров обеспечить приход к власти в соседней стране послушного лидера, а как бросок к Индийскому океану и угрозу бывшим британским колониям Пакистану и Индии, границу с которыми перекрывала теперь советская десантная бригада. В США оккупация Афганистана была воспринята как угроза Ирану и другим странам Персидского залива, а также как ответ на военное сближение между США и Китаем, направленное против СССР. В течение недели между членами НАТО шли срочные консультации.

4 января 1980 года президент Картер сделал свое знаменитое заявление о введении эмбарго на продажу зерна в СССР:

«...17 миллионов тонн зерна, заказанные Советским Союзом дополнительно к объемам зерна, которые мы обязались поставлять в СССР на основе пятилетнего соглашения, не будут отправлены. Это зерно не предназначено для питания, оно должно быть использовано как кормовое, для скота... Я также намерен уменьшить тот негативный эффект, который это решение может оказать на американских фермеров. Подготовленное к продаже зерно будет удалено с экспортного рынка в резерв правительства и оплачено по рыночным ценам. Это зерно будет использовано для помощи бедным странам и производства бензоспирта в США... Мы надеемся, что другие страны – экспортеры зерна не компенсируют эти объемы поставок продажами в Советский Союз...»

В Советском Союзе рекордный урожай зерновых, 237 млн тонн, был получен в 1978 году. В 1979-м урожай упал до 179 млн тонн и государственные заготовки сократились на 30 млн тонн. Это и привело к дополнительному заказу в США 17 млн тонн кормового зерна (кукурузы, соевых концентратов и мягкой пшеницы). Непосредственной и быстрой реакцией на заявление Картера стало, однако, падение мировых цен на кормовое зерно на 10–15 %, от чего пострадали главным образом американские и канадские фермеры. Надежды Картера на то, что другие страны – экспортеры зерна последуют примеру США, не оправдались. До конца января Министерство внешней торговли СССР подписало контракты на поставку пшеницы из Аргентины и Франции, кукурузы из Австралии и сои из Бразилии. По статистическим данным мировой торговли, опубликованным позже, советские закупки кормового зерна в 1980 году оказались лишь на 1 % ниже запланированных. В 1981 году зерновое эмбарго было отменено, но советский импорт американского зерна в прежних объемах не восстановился. Анализ показал, что мировой рынок зерновых функционировал независимо от решений отдельных политических лидеров. Американское кормовое зерно поступало в СССР, но теперь через экспортных перекупщиков в Западной Германии.

Зерновое эмбарго, введенное Картером, неожиданным образом сказалось на моих планах. В феврале 1980 года я получил письмо от президента университета Айовы, где был большой сельскохозяйственный факультет. Меня приглашали прочитать цикл лекций о советском сельском хозяйстве и обещали экскурсию по нескольким фермам. Именно этот «кукурузный» штат оказался главным противником зернового эмбарго и больше всего от него пострадал. Я приглашение принял. Это определило на несколько лет новую тему и для моей внеплановой работы. Я рад был, что мое сельскохозяйственное образование могло теперь найти полезное применение. В дополнение к «Известиям» я подписался через магазин советских книг в Лондоне на газету «Сельская жизнь».

К тому же в ноябре на юге Калифорнии в Сан-Диего собиралась очередная ежегодная конференция Американского геронтологического общества. Так что мне предстояла новая поездка в США, где я решил заодно понаблюдать за американскими выборами в начале ноября. По всем прогнозам, Джимми Картер не имел шансов на второй срок. Республиканцы могли получить большинство в обеих палатах американского конгресса.

Горьковская ссылка А. Д. Сахарова

Вторжение в Афганистан, как и прежние советские военные операции с политическими целями – в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году, – означало в условиях

однопартийной диктатуры решимость властей к быстрому пресечению всех возможных протестов внутри собственной страны.

Рой понимал, что любое его заявление с критикой действий правительства, тем более переданное по иностранному радио, могло привести к немедленному аресту с обвинением в измене Родине. Иллюзий на этот счет не было. Если КГБ получил свободу действий для физической ликвидации правящей группировки в соседней стране, это означало, что внутри собственной никаких церемоний не будет. Но у нас не было еще и ясности относительно целей и причин этой операции с учетом ситуации в мире. Альтруизм в международной политике невозможен. Главным глобальным конфликтом по-прежнему оставалась холодная война. Прозападной ориентации, тем более безоговорочной, у Роя не могло быть. Афганистан не представлял собой единую нацию и после свержения монархии в 1973 году утратил стабильность и нейтралитет. Территорию страны населяли более десяти разных народов: на юге доминировали пуштуны, на севере – таджики, узбеки, туркмены и хазары. Таджиков в стране было почти 6 млн, на 2 млн больше, чем в Таджикской ССР. В то время и Рой и я рассматривали советскую поддержку Апрельской, или Саурской, революции в Кабуле, исходя из общей ситуации в азиатском регионе. А она усложнилась в 1978 году в результате оккупации Камбоджи вьетнамской армией и свержения там прокитайского режима Пол Пота. Китайский ответ-урок в виде вторжения в феврале 1979 года армии КНР во Вьетнам, с направлением на Ханой, вызвал сильное беспокойство в Советском Союзе, имевшем с Вьетнамом договор о дружбе и взаимной помощи. Китайские и советские войска начали концентрироваться в непосредственной близости от границы. Новый китайский лидер Дэн Сяопин посетил в 1979 году Вашингтон с целью договориться о союзе с США против СССР. В таких условиях возможность войны с Китаем значительно возрастала и становилась главной угрозой. Тяжелые последствия оккупации Афганистана для самого Советского Союза в то время не были очевидными.

С конца декабря напротив подъезда в доме, где на верхнем этаже жила семья Роя, стал постоянно дежурить «москвич» с включенным для обогрева двигателем и с тремя пассажирами. «Москвич» не был еще признаком опасности. Для более серьезных объектов наблюдения использовали «Волгу», обычно с четырьмя пассажирами. Телефон в квартире Роя отключили. Иностранцы корреспонденты туда не приходили, очевидно понимая, что никаких интервью не будет. Вторым местом в Москве, где иностранные корреспонденты могли получить комментарии по поводу вторжения советских войск в Афганистан, была квартира А. Д. Сахарова. Они, видимо, полагали, что Нобелевская премия мира присужденная Сахарову в 1975 году, обеспечила ему полный иммунитет от репрессий. В последующем Сахаров сам рассказал о своих действиях:

«...4 января позвонил Тони Остин, корреспондент американской газеты "Нью-Йорк Таймс". Он попросил разрешения приехать для интервью. Я согласился. Тони рассказал ряд последних сообщений из Афганистана и задал мне вопросы о моей оценке создавшегося положения и путей его исправления... статья Остина много раз передавалась американской радиостанцией "Голос Америки" и, по-видимому, произвела впечатление... 14 января ко мне обратился корреспондент американской телевизионной компании Эй-би-си Бирбауэр с просьбой о телеинтервью и передал вопросы. 17 января состоялось телеинтервью... приехало несколько операторов. Заснятую пленку и

магнитозаписи, включая, кажется, видео, они должны были немедленно взять на аэродром... Две машины с гэбистами стояли вплотную к машине телевизионщиков... Никаких инцидентов, однако, не было; американцы беспрепятственно уехали...» (Париж, 1990. С. 734–735).

22 января А. Д. Сахаров был задержан на улице, доставлен в Прокуратуру СССР и ознакомлен с указом о лишении его всех правительственных наград и с постановлением о высылке в Горький – «место, исключавшее контакты с иностранными гражданами...»

В одном из жилых домов на окраине города Сахарову и Боннэр была предоставлена четырехкомнатная меблированная квартира на первом этаже, но без телефона. Детали высылки продумывались кем-то в КГБ до мелочей, чтобы уменьшить возможность протестов зарубежных и отечественных ученых. Горький был выбран не случайно. Сахаров почти двадцать лет работал в секретном центре Арзамас-16 в Горьковской области и часто бывал в областном центре. Сахарова не уволили из института, где он вел исследования по теоретической физике. Сохранили зарплату и оклад за звание академика. Сотрудники могли приезжать в Горький на консультации. Адрес ул. Гагарина, д. 214, кв. 3 свидетельствовал о хорошем районе – имя Гагарина присваивалось лишь элитным новым улицам. Боннэр не имела ограничений на поездки в Москву и на любые встречи. Различные заявления Сахарова, передаваемые через Боннэр и через приезжавших к Сахарову родственников и некоторых друзей, продолжали публиковаться в зарубежной прессе. Но прямых контактов с иностранными журналистами уже не было. Официально эта акция называлась в прессе «административной высылкой».

А. Д. Сахаров сумел вскоре составить «Заявление» от 27 января, распространенное в начале февраля Боннэр среди иностранных корреспондентов в Москве. Я не знаю, зачитывали ли его текст зарубежные радиостанции, вещающие на русском языке, но в широкой прессе на английском его не публиковали. В своем «Заявлении» А. Д. Сахаров не только выразил протест по поводу незаконной высылки без суда, но и высказался по ряду международных проблем: агрессии в Афганистане, поддержки советскими лидерами «террористического режима в Эфиопии и в некоторых других странах... сохранения своих военных формирований на Кубе...» и др., а также пожаловался на ограничения в научной работе и на отсутствие телефонной связи с Москвой и Ленинградом:

«Телефонная связь с Москвой и Ленинградом блокирована, мы ни разу не смогли позвонить маме моей жены... Не смог я также позвонить своему коллеге-физику, очень уважаемому советскому ученому... Действия советских властей грубо нарушили мое основное право получать и распространять информацию – статью 19 Всеобщей Декларации прав человека... я требую, чтобы Лизе Алексеевой (невеста сына Боннэр. – Ж. М.) была предоставлена возможность немедленно покинуть СССР, выехав вместе с моей тещей Р. Г. Боннэр...» (Там же. С. 891–892).

Публиковать столь обширное заявление в широкой прессе было невозможно без множества пояснений. По характеру информации оно не было предназначено и для советских радиослушателей. Из газеты *The Times*, куда в феврале поступил этот документ, его передали в еженедельный многотиражный журнал *Nature*, но и там не стали печатать.

Небольшой Комитет в защиту Сахарова, созданный бывшими советскими учеными, эмигрировавшими на Запад, решил созвать конференцию в Гааге, чтобы громко выразить свой протест. Инициаторами были профессора Михаил Штерн и Эдуард Лозанский. От журнала *Nature* на конференции в Гааге присутствовала Вера Рич, комментатор журнала по проблемам советской науки. Ее короткий репортаж о конференции в Гааге был напечатан в журнале лишь 11 сентября. В октябре редакция получила из США письмо-протест А. Д. Сахарова на английском языке. Это письмо было полностью опубликовано в выпуске журнала от 13 ноября. Ему была посвящена и необычно большая, на двух страницах, редакционная статья «Как говорить о Сахарове и др.?», полная недоумений.

Редактор *Nature* Джон Мэддокс, с которым я был знаком с 1973 года, пригласил меня перед этой публикацией, чтобы посоветоваться. Он оказался в трудном положении. Отказ от публикации письма Сахарова был невозможен. Но и публикация письма не обеспечивала его автору никакой поддержки. Сахаров требовал, чтобы все материалы о нем согласовывались с его родственниками и представителями, жившими в США. Основная часть письма касалась уже не высылки в Горький, а выступлений других ученых в Гааге и самой этой конференции:

«...Я полагаю, что участники конференции и ее организаторы искренне желали помочь и мне, и другим жертвам репрессий. Но спешка в ее организации и допущенные в связи с этим ошибки сделали эту конференцию почти полностью бесполезной...» (Там же. С. 112).

Сахаров протестовал также по поводу заметки Веры Рич о конференции в Гааге, содержащей «возмутительные» неточности. Весь этот спор Сахарова с редакцией журнала и с организаторами конференции в его защиту вряд ли сейчас имеет смысл обсуждать. Я привожу его здесь лишь для того, чтобы объяснить, почему со стороны британских ученых протестов по поводу высылки А. Д. Сахарова в Горький не было. Вскоре британские газеты получили «Открытое письмо в защиту Андрея Сахарова», составленное Еленой Боннэр. Это письмо также не публиковалось, так как содержало совершенно нереальные требования:

«...Бизнесмены и политики, журналисты и ученые, просто честные люди, приезжавшие посмотреть Россию и Сахарова... Я призываю вас в судах, правительственных и общественных комиссиях своих стран под присягой давать показания о содержании ваших бесед с Андреем Сахаровым, о том, что он говорил о самых важнейших проблемах современности. От вашей памяти и от вашей настойчивости сегодня зависит жизнь моего мужа... я прошу западных коллег Сахарова не общаться с молчащими (советскими учеными), какими бы лично они ни были милыми и талантливыми людьми» (Там же. С. 895).

Горьковская ссылка А. Д. Сахарова растянулась на шесть лет.

Василий Аксенов – Отъезд в США

В начале октября 1979 года Рой прислал мне письмо, в котором передал просьбу Василия Аксенова выяснить судьбу в Италии ожидавшегося там нового издания книги Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Я уже писал в [главе 32](#) о приезде Аксенова с мамой в

Париж в конце 1976 года и об их переговорах с издательством. Рой писал:

«Меня очень просил В. Аксенов узнать – почему издательство Мондадори не издает книгу Евг. Сем. Гинзбург “Крутой маршрут” (все три части). Евг. Сем. заключила договор еще три года назад, и рукопись у них уже больше двух лет. Все это было подтверждено еще при первом (и последнем) посещении Евг. Сем. Парижа. Но никаких известий и никакой информации на этот счет нет. У В. Аксенова появляются мысли об отъезде в Европу. Но я уговаривал его этого не делать... У него достаточно известности, чтобы его издавали на Западе, но не слишком мешали жить здесь...»

Лондонский представитель издательства «Мондадори» Элизабет Стивенсон объяснила мне, что после издания в 1977 году второго тома, вышедшего с кратким изложением первого – сенсации 1967 года, но уже подзабытого, они не могут издавать опять эту же книгу, но уже в трехтомном варианте. Многотомные издания на такую тему не имеют в Италии шансов на коммерческий успех. Пока нет и предложений на переводы второго тома, который издавался в Милане и на русском.

В конце ноября Рой снова сообщал об Аксенове:

«...Насчет эмиграции Аксенова здесь говорят уже многие корреспонденты. Я с ним имел долгую беседу. Он не принял еще окончательного решения, но опасается преследований и травли после выхода в свет его романа “Ожог”, написанного давно и лежащего за границей у “Ардиса”. Сейчас он переводится на несколько языков и появится сразу и на русском, и на английском, и на французском. Я не читал роман и поэтому не могу судить о возможной реакции. Но вот Битов издал за границей свой “Пушкинский дом” и не был исключен из ССП и издает что-то новое здесь. Тут вовсе не все запрограммировано».

Роман Андрея Битова, о котором писал Рой, был опубликован издательством «Ардис» в США в 1978 году. Я его не читал. Он представлял собой новое течение в литературе, возникшее недавно и названное постмодернизмом. Я с ним был мало знаком. К этому течению причисляли себя Эдуард Лимонов («Это я, Эдичка») и Саша Соколов («Школа для дураков»). Массовый читатель, воспитанный с детства на классиках, воспринимает такую литературу с трудом. Эти произведения нелегко переводить на другие языки.

Через три или четыре месяца после этого письма Роя Василий Аксенов и его вторая жена Майя были уже в Лондоне. В одном из колледжей Лондона защищалась диссертация, посвященная новаторскому по литературному стилю творчеству Василия Аксенова. Соискателем докторской степени была Ольга Хейг (Olga Haigh), преподаватель русского языка и литературы. В прошлом она преподавала литературу в Москве, а в Лондоне оказалась, выйдя замуж за британского стажера в МГУ. В своей диссертации она ставила Василия Аксенова на один уровень с Владимиром Набоковым. В издательстве «Ардис» выходили в 1980-м сразу два романа Аксенова, «Ожог» и «Золотая наша железка», а в 1981-м и «Остров Крым». Аксенов обозначал свой литературный стиль термином «сюрреализм». На публикацию английского перевода «Ожога» был через американского адвоката подписан

договор. Русские книги «Ардиса», связанного с Мичиганским университетом, считались в США академическими и печатались обычно тиражом в тысячу экземпляров, половина которого уходила в бесплатный распределитель русских книг «Universal Book Exchange», имевший отделение и в Лондоне. Но я не стал объяснять эти детали Аксенову. Вася и Майя были полны энтузиазма. Их путешествие в США включало остановки не только в Англии, но и во Франции, Италии и Швейцарии.

В следующий раз я встретил Василия Аксенова уже в Вашингтоне.

Постоянная работа

В начале ноября 1979 года я получил из Медицинского исследовательского совета (MRC) письмо с предложением перевести существовавший между нами трудовой договор, пятилетний срок которого кончался в декабре, на постоянную основу. В случае согласия мне надлежало составить на трех страницах ориентировочный план исследований на ближайшие три года. Одновременно повышался и мой статус по шкале старших научных сотрудников, имевшей три или четыре градации. Это означало небольшое увеличение зарплаты. Моя лаборантка Линда Робсон также могла теперь пройти переквалификацию с младшего лаборанта на лаборанта. Со временем я мог выдвинуть ее и на должность старшего лаборанта, обычно требующую высшего образования. Для нее в этом случае прибавка к зарплате оказывалась более существенной. Особенность британской системы научных исследований состояла в том, что старший научный сотрудник и его группа, в моем случае она включала Риту и Линду, имели почти полную самостоятельность в планировании и проведении опытов, а также в их финансировании, хотя и скромном. Заведующий отделом генетики Робин Холлидей руководил собственной группой из пяти человек, которая изучала процессы старения, но не на лабораторных животных, а на культурах клеток, в основном фибробластов человека (клетки соединительной ткани, синтезирующие коллаген). В отделе кроме меня работали еще четверо старших научных сотрудников, каждый с самостоятельной темой – по генетическим и биохимическим моделям старения двух видов простейших грибов, выращиваемых в культуре, и одного вида одноклеточных животных. Процессы старения во всех этих моделях имели морфогенетический характер генетически запрограммированной смерти, наступавшей в конце репродуктивного цикла. Эти процессы были предметом изучения для генетики, но не для геронтологии. Главным инструментом для работы моих коллег был микроскоп. В Англии биохимические аспекты старения высших животных изучала лишь наша группа. С генетикой нас связывало то, что мы изучали белки клеточного ядра, образующие комплексы с ДНК. Большинство исследований процессов старения, проводившихся в британских университетах и институтах, имели клиническую направленность. В Великобритании не создавались самостоятельные лаборатории или кафедры геронтологии, хотя такие кафедры или институты уже существовали во всех других странах Европы. В Англии направления своих исследований по традиции определяют сами ученые, в континентальной Европе – соответствующие государственные структуры. К этому времени в мировом научном сообществе произошло разделение *гериатрии* – науки о возрастных болезнях человека и о проблемах старости в человеческом обществе, включая социальные, и *геронтологии* – науки о биологии старения растений и животных. В Великобритании такого разделения пока не произошло. Британское Общество по изучению старения входило в Международную ассоциацию гериатрии.

Такая обособленность Великобритании от остального мира именно в изучении проблем старения создавала определенную уникальность и моей группе. За шесть лет жизни и работы в Лондоне я смог принять участие почти в двадцати конгрессах, конференциях и симпозиумах по геронтологии, проведенных во многих странах, кроме Великобритании. Однако в Великобритании были традиционно очень сильны биохимия и генетика. Если бы

Медицинский совет не предложил мне постоянную должность, то нам с Ритой, скорее всего, пришлось бы переехать либо в Голландию, либо в США. В Западной Европе именно Голландия имела наиболее обширную программу исследований биологии и биохимии старения.

Теперь в нашей жизни возникала определенная стабильность. По британским законам мне обеспечивалась постоянная работа до выхода на пенсию в ноябре 1991 года. У меня появились основания и для следующего шага – подачи заявления о натурализации, главной процедуры для получения британского гражданства. Преимущества британского паспорта, дающего право свободного безвизового въезда в большинство стран мира, достаточно очевидны. Получение виз для поездок в Венгрию, Польшу, Румынию и Чехословакию при этом значительно упрощалось. Я мог запрашивать визу и в СССР для участия в международных конференциях. Однако ближайшая возможная поездка туда предстояла лишь в 1984 году, когда в Москве намечалось проведение 16-го Общеευропейского биохимического конгресса. 13-й конгресс Европейской федерации биохимии (FEBS) собирался в августе 1980 года в Иерусалиме, и мы с Ритой планировали в нем участвовать.

Как получить британское гражданство

Резидент Великобритании имел право ходатайствовать о гражданстве лишь после пяти лет жизни в этой стране при наличии безупречной репутации и владении английским языком. Важным также было отсутствие не только судимости, но и любых конфликтов с полицией, даже штрафов за нарушение правил дорожного движения. При этом претендент на гражданство должен предоставить доказательства финансовой обеспеченности в виде зарплаты на постоянном месте работы или дохода от бизнеса. Альтернативой мог служить и капитал в одном из британских банков, минимальная сумма которого составляла в 1980 году 200 тысяч фунтов стерлингов.

В юридическом отделе одного из книжных магазинов я купил брошюру, в которой перечислялись и подробно разъяснялись все этапы процесса натурализации в соответствии с принятым в 1948 году законом (British Nationality Act 1948). Обратившись в министерство внутренних дел, я получил обширную, на шести страницах, анкету ходатайства о натурализации, к которой был приложен счет на оплату процедурных издержек на сумму 85 фунтов, а также две подробные инструкции по заполнению анкет и перечень необходимых документов (свидетельство о рождении, свидетельство о браке, свидетельства о рождении детей, копии документов с места работы, копии банковских счетов и др.). Я получил также бланк с текстом присяги на верность Королеве Елизавете Второй и ее наследникам и преемникам. Этот текст следовало произнести, положив правую руку на Библию, перед судьей, либо юристом – комиссаром по присягам, либо нотариусом, которые заверяли своей подписью и печатью факт данной присяги. (Для мусульман предусматривалась какая-то другая процедура без Библии.)

Мое ходатайство о натурализации должны были на специальных бланках поддержать четыре британских гражданина, каждый из которых свидетельствовал о том, что он родился в Соединенном Королевстве, является домовладельцем, близко знает меня много лет (указать сколько), а также о том, что я человек добропорядочный и благонадежный. Эти граждане были обязаны при необходимости предоставить обо мне дополнительные сведения. Дача ими неверных показаний рассматривалась как преступление, наказуемое

лишением свободы.

В основную анкету я вписал сведения о своих родителях (год и место рождения и смерти, национальность к моменту смерти), семейное положение и все адреса проживания в течение последних десяти лет. Следовало сообщить о поездках в другие страны. Особая графа посвящалась моим намерениям в будущем. На следующей странице надо было внести сведения обо всех судебных делах, когда-либо возбуждавшихся против меня в Великобритании или в других странах, включая автомобильные правонарушения, и обо всех некриминальных исках в отношении меня в Соединенном Королевстве.

Кроме того, претендент на британское гражданство должен опубликовать за свой счет объявление о своем намерении в отделе объявлений общенациональной или региональной газеты по определенной форме. Для меня это означало дать объявления в пяти местных газетах северного Лондона (*Hendon Times*, *Mill Hill Times* и др.). В объявлении говорилось, что Жорес Александрович Медведев, проживающий по такому-то адресу, подает заявление министру внутренних дел на получение гражданства, и любой человек, который знает причины и основания для отказа мне в этом, может послать подписанное заявление и свои возражения в отдел по делам гражданства министерства внутренних дел.

Были или нет какие-либо отклики на мое объявление или возражения, я не знаю. В каждом номере этих газет, выходивших тогда два раза в неделю, в разделе официальных новостей появлялось с десятков таких объявлений, и на их публикацию была даже очередь. Я ждал своего объявления больше двух месяцев. Оно появилось 25 сентября 1980 года в *Hendon Times* на 25-й странице. Собрав копии страниц с моим объявлением из других газет, я отправил все документы и анкеты вместе с собственным письмом от 4 октября в министерство внутренних дел. Теперь оставалось только ждать ответа. Никаких напоминаний я не посылал и телефонных запросов не делал ни в 1981, ни в 1982, ни в 1983 годах.

Проверка на лояльность

Чиновники из министерства внутренних дел получили мое заявление с документами 5 или 6 октября. Я был уверен, что на меня там существовало какое-то досье, по материалам которого можно было проверить заполненные анкеты и запросить при необходимости дополнительные сведения. Таких запросов не поступало.

Но имело место кое-что неожиданное. 1 ноября 1980 года я получил от брата заказное авиаписьмо в плотном конверте средних размеров, в котором кроме письма было несколько сложенных пополам машинописных страниц рукописи статьи о советско-китайском конфликте. (Эти конверты я же и посылал бандеролями Рою из Лондона. В СССР плотных и прочных конвертов, удобных для почтового обмена оттисками статей, в то время не производили.) Конверт был вскрыт с некоторыми повреждениями, после чего помещен в прозрачный пластиковый пакет, на котором стоял особый штамп британской почты с пометкой для получателя: «Этот пакет был вскрыт почтовой службой для таможенной проверки».

Через несколько дней второе письмо от брата с окончанием статьи было получено тоже в пластиковом пакете с такой же пометкой. 12 ноября заказной пакет, отправленный из Москвы не авиа-, а обычной почтой, снова вскрывали, судя по штампу, в Дувре, и стандартная наклейка на обороте конверта от таможни извещала получателя о том, что

пакет был вскрыт, проверен и снова заклеен. То же самое повторилось и со следующим письмом, проходившим проверку опять в Дувре 24 ноября. Так продолжалось до конца декабря. Ни в прошлые, ни в последующие годы моя почта столь явно не вскрывалась и не проверялась. Но и в ноябре-декабре проверялась лишь почта из Москвы, только от брата и приходившая в плотных, среднего размера коричневых конвертах с какими-либо короткими рукописями. Обычные письма весом до 20 г никогда не проверялись.

Можно было предположить, что моя корреспонденция оказалась включенной в какой-то список на проверку. Меня это не беспокоило, и я даже не сообщал Рою, что некоторые его письма вскрываются в Англии. В Москве у него, как и у некоторых других людей, например у Льва Копелева и Георгия Владимова, главной проблемой был периодический полный перехват их корреспонденции. Они писем из-за рубежа вообще не получали. Пропадала и значительная часть внутренней почты. В Великобритании система проверки корреспонденции была иной. В начале 1981 года газеты обратили внимание на выступление в парламенте Яна Микардо (Ian Mikardo), лейбориста, избранного в палату общин от самого бедного юго-восточного района Лондона. В газете *The Guardian* его речь опубликовали под заголовком, гласившим, что перехват почты осуществляется в грандиозных масштабах.

Микардо заявлял, что почтовая служба в Лондоне «имеет большой отряд мотоциклистов, которые занимаются перехватом корреспонденции». В его избирательном округе постоянно проверяется корреспонденция книжного магазина «The Freedom Bookshop».

По словам Микардо, в Лондоне четыреста адресатов поставлены на постоянную проверку. В значительно большем масштабе проводится прослушивание телефонных разговоров:

«463 телефонных номера подслушивались с разрешения министра внутренних дел в прошлом году... выделен бюджет в 1 370 000 фунтов стерлингов для отдела, который этим занимается... 150 человек заняты этой проверкой, обеспечивая материалами MI5...» (The Guardian. 1981. April 2. P. 7).

MI5 – это английская контрразведка.

Такое заявление давало мне некоторое представление и о собственных проблемах. Разборка корреспонденции в Англии ведется сначала по первым трем буквенно-цифровым знакам почтового кода, в моем случае это NW7. Эту почту привозят в районное почтовое отделение Милл Хилл, где корреспонденцию сортируют по конкретным улицам и переулкам (три следующих знака кода), а затем раздают почтальонам. А почтальоны сами уже сортируют письма в соответствии со своим маршрутом от дома к дому по той или иной улице. Для проверки моей почты курьер на мотоцикле должен был рано утром приезжать в местное почтовое отделение и забирать определенные пакеты уже у почтальона. Вряд ли в нашем благополучном районе для среднего класса кто-либо еще находился под контролем спецслужб. Однако письма, вскрывавшиеся в Дувре, доставлялись в Англию по железной дороге или морскими судами. Стало быть, первичный разбор писем производился, по-видимому, вручную в почтовом вагоне поезда или в почтовой каюте парома. На контроле у сортировщиков были какие-то имена. Отобранные письма и бандероли отправляли из Дувра куда-то на проверку, а затем возвращали в тот же поток, где уже портовые почтовые службы наклеивали пометку для адресата. Тотальной проверки всех писем и пакетов,

отправлявшихся из Советского Союза в Англию, безусловно, не было. Сделать массовую почтовую цензуру секретной в Великобритании невозможно. Нужны крупные ассигнования. Но необходимость выборочного контроля почтовой корреспонденции не вызывала сомнений. Из других стран по почте постоянно поступали в Великобританию запрещенные законом материалы и контрабанда. Дания распространяла по всему миру порнографические фильмы. Из Голландии присылали марихуану, из Таиланда и Индии – аналоги дорогих патентованных лекарств, но уже местного производства, из Китая – пиратские музыкальные записи, из Колумбии – кокаин, из Пакистана – афганский героин. Из Гонконга отправляли по всему миру поддельные «швейцарские» часы и ювелирные изделия. По почте на разные адреса могли приходиться и фальшивые банкноты. Где-то решили проверить на всякий случай и переписку между братьями Медведевыми. Но быстро закончили. Причины были понятны. В эмигрантской русскоязычной прессе, прежде всего в «Посеве», «Континенте» и «Новом русском слове», о нас с Роем публиковалось немало вздорных заявлений, большую часть которых я игнорировал. Иногда печатались и явные фальшивки. Я с их авторами в споры не вступал. Все это, наверное, где-то собиралось и анализировалось. Выводы от проверки нашей почты остались мне неизвестными. Но сертификат о натурализации я получил лишь в мае 1984 года. Оформление моих скромных дел заняло три с половиной года. С 14 июня у меня в столе уже лежал британский паспорт с номером В 235952. Но просить визу для участия в XVI Европейском биохимическом конгрессе в Москве было уже поздно – он открывался 25 июня. Наше, включенное в программу, постерное сообщение о возрастных изменениях состава хроматиновых белков там представила Рита.

Айова – кукурузная столица мира

В 1980 году план моей, уже шестой, поездки в США выстраивался вокруг визита в Университет штата Айовы, где во вторую неделю ноября мне предстояло прочитать три открытых лекции о проблемах сельского хозяйства в СССР. Особый интерес вызывали у меня обещанные две или три экскурсии на американские фермы неподалеку от кампуса университета в небольшом городе Эймс. Это были кукурузные или кукурузно-соевые фермы с откормом свиней. Других ферм в Айове к 1980 году уже не осталось, так как именно эти кормовые культуры и свинина приносили местным фермерам максимальные прибыли. Мировые цены на кормовое зерно поднялись в 1972 году после рекордного заказа из СССР 20 млн тонн (советские заготовители, приехав в США, осуществили через посредников столь массивные закупки до повышения цен). В 1979 году общий советский импорт кукурузы и сои достиг 30 млн тонн. Ни одна другая страна в мире, а может быть, и все они вместе взятые не покупали у фермеров Айовы столько кукурузы и сои, как СССР. Общий экспорт зерновых из США составлял в то время 71 млн тонн в год, и больше половины этого объема приходилось на кукурузу. Урожай 1980 года в Айове был очень хорошим, в СССР – значительно ниже среднего. Отсутствие заказов на импорт зерна в 1980 году, блокированных введенным президентом Картером в январе эмбарго в наказание за вторжение в Афганистан, стало основной причиной фермерского кризиса в Айове и в соседних штатах.

Однако мой интерес к визиту в Айову стимулировался не только этой картиной, которая открывалась мне лишь в процессе подготовки к лекциям. «Кукурузная революция» в СССР в период правления Хрущева пришла именно из Айовы. Мы с Роем посвятили этому одну из глав нашей книги «Хрущев. Годы у власти», изданной в США в 1976 году (см. [главу 31](#)).

Хрущев, как известно, познакомился с фермером и бизнесменом из Айовы Росуэллом Гарстом (Roswell Garst), приехавшим в составе делегации американских фермеров на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве в 1955 году. Между ними, чем-то похожими друг на друга по темпераменту и любви к кукурузе, завязалась дружба и переписка. Во время первого официального визита Хрущева в США в сентябре 1959 года он решил посетить ферму Гарста. Это необычное для официальных визитов событие стало в то время мировой сенсацией и очень широко освещалось во всех странах. В СССР массовым тиражом была издана книга «Лицом к лицу с Америкой», которую я хорошо помнил. Однако попытки Хрущева сделать кукурузу одной из главных зерновых и кормовых культур в СССР не имели большого успеха. К 1980 году производство кукурузы в СССР снизилось с максимума в 14 млн тонн в 1965 году до 10 млн тонн, тогда как производство пшеницы возросло с 75 до 100 млн тонн. В США в это же время, наоборот, производство пшеницы снизилось до 70 млн тонн, тогда как производство кукурузы достигло 190 млн тонн. Расширению посевов кукурузы в СССР мешали климатические условия и отсутствие специализированной техники для ее возделывания. Основными кормовыми злаками в СССР оставались овес и ячмень.

Вторым, новым для меня местом в США был город Сан-Диего – самый южный в Калифорнии. С 20 по 23 ноября там проводилась ежегодная конференция Американского геронтологического общества. На одной из секций конференции 22 ноября планировалось и мое сообщение о возрастных изменениях хроматиновых белков. Этот визит был особенно интересен в связи с посещением в Сан-Диего Института Солка, расположенного в районе Ла-Холья, и встречей там с Фрэнсисом Криком и Лесли Оргелом (Leslie Orgel). С Оргелом несколько раз посещавшим наш институт в Лондоне, я был хорошо знаком. Он разрабатывал другую версию теории о роли ошибок синтеза белков при старении, выдвинув идею катастрофы ошибок синтеза белков для объяснения лимита Хейфлика – ограниченности числа делений фибробластов в клеточной культуре.

Я вылетал в Нью-Йорк 6 ноября, уже после американских выборов, проходивших 4 ноября. Победа Рональда Рейгана была давно предсказана, однако полученное им большинство оказалось беспрецедентным. Одновременная победа республиканцев на выборах в сенат означала конец разрядки и новый виток гонки вооружений. Моей первой остановкой в США был небольшой город Эссекс Джанкшн в штате Вермонт, где находились управление знаменитой компании по сборке больших компьютеров IBM и завод, производящий полупроводники. Меня еще в апреле пригласили туда на лекцию о советской науке со специальной просьбой рассказать об организации научных исследований в СССР в сравнении с американской системой. Однако Р. В. Гэмперт (R. W. Gampert), координатор по науке, просил меня «обсуждать этот вопрос, не затрагивая проблем советской политики, и избегать обсуждения американской внешней политики». «В серии наших лекций, – предупреждал он, – следует сосредотачиваться на научных и технологических вопросах...» В конце письма он сделал небольшое добавление: «Я уверен, Вы знаете о том, что м-р Солженицын почти наш сосед».

На пути в Айову из Вермонта мне предстояла пересадка в Чикаго. Оттуда я летел на маленьком самолете (со мной летело не больше двадцати пассажиров) на небольшой высоте, так что очень удобно было наблюдать сверху сельскохозяйственный ландшафт Среднего Запада. Лесов и других природных пейзажей здесь не осталось, лишь поля, уже убранные, и дороги.

Университет штата Айова входил в число самых крупных и престижных в США. Здесь, вдали от больших городов, не было гуманитарных факультетов и кафедр по изучению СССР и стран Восточной Европы. Этот университет считался лидирующим в США по сельскохозяйственным дисциплинам и ветеринарии. О Советском Союзе в Айове знали мало. Каких-либо старых друзей или постоянных корреспондентов у меня здесь не было. Из бесед и встреч до первой лекции я понял, что на знаменитую в Айове ферму Гарста ехать не придется. Друг Хрущева умер в 1977 году, и его ферма перешла к наследникам. Весь штат Айова находился в ноябре 1980 года в состоянии психологической и экономической депрессии, банкротства и дефолта. Рекордный урожай кукурузы не могли продать. Мировые цены на зерно оказались ниже себестоимости его производства. Наполовину упала и цена земли. Большинство фермеров не могли расплатиться по кредитам, взятым в банках весной на покупку удобрений, гербицидов и гибридных семян. Инфляция в США в 1980 году достигла 20 %, кредиты давались не менее чем под 25 %. Сбережений при такой инфляции почти никто не создавал. Важен был оборот с прибылью от продажи урожая. От риска неурожая покупалась страховка. Начиналась конфискация ферм за долги, разорялись мелкие банки. (В США каждый штат имел собственную сеть мелких аграрных банков.)

Мои лекции слушали с интересом, иногда с удивлением, но по всем эпизодам истории СССР – в преломлении к местным проблемам. Фермеры Айовы в 1980 году не были столь же уверены, как их отцы 25 лет назад, в преимуществах американской модели сельскохозяйственного производства. Первая лекция по истории коллективизации, проиллюстрированная графиками и таблицами, вызвала недоумение: как это советские лидеры не могли понять, что сельское хозяйство невозможно развивать принудительными мерами? Колхозно-совхозная система напоминала им рабовладельческое прошлое юга США до гражданской войны – большие плантации, для обработки которых привозили из Африки черных невольников. Аудитория не могла понять, что такое «обязательные государственные заготовки и поставки», и задавала вопросы:

- Зачем проводить принудительные госпоставки, если крестьяне производят свои продукты для городов и для продажи?
- Почему фермеры продают продукты правительству ниже их себестоимости?
- Что такое «трудодень»?
- Почему фермер не может иметь в собственности плуг и трактор?
- Даже лошади запрещены частным владельцам, – отвечал я на этот вопрос. – В СССР нет фермеров, лишь сельхозработники и часто на натуральной оплате.

Нелепым казалось американцам и то, что земля в СССР не имела собственников и коммерческой стоимости. Они также не представляли, что сельское население в России и в 1980 году в значительной степени зависело от натурального производства продуктов питания на арендуемых у колхоза приусадебных участках.

Однако во время экскурсий на местные фермы, занявших три дня, критические замечания возникали прежде всего у меня. Опыта работы в колхозах я не имел, но мои знания об эффективном сельском хозяйстве формировались в период учебы и работы в Тимирязевской академии на факультете агрохимии и почвоведения. Это была школа академика Д. Н. Прянишникова, объединявшая российский и европейский опыт. Мы знали, что в мировой истории сельского хозяйства первой революцией было объединение земледелия и кочевого животноводства еще до нашей эры, позволившее использовать навоз как основное удобрение почвы. Пастбища, сено и солома были поэтому важными

компонентами воспроизводства сельского хозяйства. Второй революцией считалось введение севооборотов культур, третьей – включение в севообороты трав и клевера, усваивающих атмосферный азот. Применение химических удобрений началось сравнительно недавно, в СССР – лишь 50–60 лет назад, и лишь дополняло основные факторы сохранения плодородия почв.

В Айове не было пастбищ и сена или соломы. Не было и севооборотов. Весь штат чередовал только кукурузу и сою. Некоторые фермы практиковали монокультуру. Пшеницу или овес здесь не сеяли. Не выращивались овощи, даже картофель. Лук, морковь и томаты привозили сюда из Калифорнии, картофель – из Айдахо. Молочных ферм в Айове почти не было. Свиной и другой скот содержали в тесных закрытых помещениях типа пеналов, на комбикормах. Для более быстрого роста им делали инъекции синтетических аналогов гормона роста. От болезней в корм добавляли синтетические антибиотики. Навоз не вносился на поля, а смывался как токсичный отход в какие-то отстойники. Ценный для растений аммоний уходил в атмосферу как аммиак, «тепличный» газ. Кукуруза, обработанная гербицидами и пестицидами, не годилась и на силос. Гибридные и откалиброванные семена кукурузы покупались фермерами каждый год. Химические удобрения применялись в огромных количествах, разрушали структуру почвы и вымывались весной грунтовыми водами в реки и озера. Часть нитратов к этому времени переходила в нитриты, канцерогенную свободнорадикальную форму. Пить воду из-под крана весной не рекомендовалось, особенно детям. Нитриты блокируют гемоглобин. Огромные птицефабрики существовали как отрасль пищевой промышленности, независимо от ферм. Птичий помет, лучшее природное удобрение, не собирали и не вносили в почву. Никаких органических удобрений и компостов в почву также не вносили.

Забегая вперед, скажу, что к весне 1981 года президент Рейган отменил эмбарго на продажу зерна Советскому Союзу. Однако восстановить советский импорт не удалось. Импорт зерна из Аргентины превысил импорт из США. Кризис на фермах «кукурузного пояса» продолжался много лет. К 1984 году задолженность американских ферм банкам оценивалась в 200 млрд долларов. Чтобы остановить разорение именно «кукурузных» фермеров, производство этой культуры облегчили путем государственных субсидий (до 5 млрд долларов в год) и переработки кукурузы в спирт и в фруктозно-глюкозный сироп для энергетических напитков.

Сан-Диего и Институт Солка

Ежегодная конференция Американского геронтологического общества в Сан-Диего собрала более двух тысяч участников. На этот раз, исходя из местных особенностей, главными темами для обсуждения на пленарных и на многих секционных заседаниях были выбраны психологические и социальные проблемы пожилых людей. Особенность национальных геронтологических конференций в США состояла в том, что для участия в них регистрировались не только члены общества, но и большое число просто пожилых и старых людей, надеявшихся узнать на заседаниях что-либо для себя полезное. Пленарные заседания общества были открытыми для всех. Южная Калифорния считалась районом, куда стремились переселяться, продавая или закладывая страховым компаниям (постепенная выплата стоимости в форме дополнительной пенсии) свои семейные дома в северных и промышленных штатах, относительно состоятельные пенсионеры. Менее состоятельные

также стремились прожить свою старость в южных краях и у моря. Но они обычно выбирали более дешевую Флориду. В Южной Калифорнии и прибрежных районах Флориды существует множество элитных поселков для пожилых и старых людей, где им обеспечено медицинское обслуживание, есть спортивные площадки и бассейны для купания, а также церкви и другие сооружения для верующих. В США в то время не было принято оставлять семейные дома в наследство детям и внукам. Пожилые люди, интенсивно поработав до пенсии, старались обеспечить свою старость максимальным комфортом. Сан-Диего был курортным городом круглый год. Осенью и зимой различные национальные и международные мероприятия проходили здесь почти каждую неделю. Поэтому в городе было построено большое здание для всяческих собраний и съездов (Convention Center), а гостиницы обслуживали в основном туристов.

Каких-либо интересных для меня симпозиумов по теоретическим проблемам старения, которыми отличалась конференция Геронтологического общества в Сан-Франциско три года назад, на этот раз не планировалось. Программу и том с рефератами всех сообщений (The Gerontologist. 1980. Vol. 20, № 5, part II) я получил в Лондоне до отлета в США.

Из города Де-Мойн, столицы Айовы, я прилетел сначала в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с моим старым другом Бернардом Стрелером. В Сан-Диего мы поехали уже вместе на его двухместной спортивной машине. Стрелер недавно стал увлекаться изучением механизмов работы мозга и теперь был участником симпозиума по возрастным изменениям умственных способностей человека.

Для меня интерес представляла не только конференция, но и визит в Институт Солка. Именно в эти годы он приобретал мировую известность как центр биотехнологии, новой отрасли генетических манипуляций. «Genentech», самая крупная в настоящее время в мире биотехнологическая компания, основанная в Сан-Франциско в апреле 1976 года, не была до 1980 года широко известна. Легальность и этичность трансгенных технологий (искусственная пересадка новых, чужих участков ДНК в ядра яйцеклеток животных и растений) оспаривались в то время даже в США, отчасти по религиозным мотивам (не следует менять созданное Богом). Однако именно в 1980 году Верховный суд США признал легальность патента «Genentech» на трансгенный микроорганизм, который продуцировал инсулин человека. Это был первый в истории патент на новую бактерию. Различные генетические манипуляции можно было теперь в США запатентовать и получить авторское право на трансгенные организмы. Гены, то есть участки ДНК, превращались в коммерческий продукт. Курс акций компании после решения Верховного суда поднялся на Нью-Йоркской бирже в три раза за двадцать минут, добавив к ее капиталу 100 млн долларов. Новые биотехнологические компании, нередко лишь на базе идей, а не достигнутых результатов, возникали теперь почти каждую неделю, и некоторые из них обещали создание геропротекторов – лекарств от старости. Плодились и псевдонауки, одна из них вскоре оформилась в Общество антистарения. Появилась и Академия антистарения.

Институт Солка был большим частным исследовательским центром, основанным в 1960 году Джоунасом Солком (Jonas Salk), знаменитым иммунологом, разработавшим в 1953–1954 годах первую успешную вакцину против полиомиелита, неизлечимой до этого болезни, уносившей десятки тысяч жизней, в основном детей. Главными направлениями исследований в новом институте были молекулярная биология, генетика, иммунология и вирусология – в приложении к медицине. Кампус института стал сам по себе знаменит как шедевр современной архитектуры. Джоунас Солк остался здесь работать, возглавив отдел

иммунологии. На руководство исследованиями по молекулярной генетике он пригласил в 1976 году из Кембриджа Фрэнсиса Крика, первооткрывателя двуспиральной модели ДНК и лауреата Нобелевской премии. Лесли Оргел, с которым я познакомился в Лондоне в 1975 году, работал в Институте Солка с 1964 года. К 1980 году он стал более известен своими гипотезами происхождения жизни, в разработке которых участвовал и Ф. Крик. Одна из них предполагала возможный занос нуклеиновых кислот на Землю из космоса метеоритами (гипотеза панспермии).

Ф. Крик, Л Оргел, Р. Харт и я обсуждали разные проблемы старения применительно к ДНК во время ланча в одном из ресторанов кампуса. Харт, на исследованиях которого по корреляции репарационных способностей ДНК с продолжительностью жизни разных видов животных я останавливался в [главе 39](#), в 1980 году работал уже в Арканзасе. Беседа вращалась вокруг неожиданной, только сейчас поднявшейся волны генетических манипуляций с ДНК микробов, растений и животных – генетическая инженерия рождалась на наших глазах, и наиболее быстро именно в Сан-Диего. За предыдущую неделю в Сан-Диего были зарегистрированы как акционерные общества более двадцати новых биотехнологических компаний, уже начавших продавать свои акции. (Продажа акций, нередко лишь под обещания, является наиболее легким способом создания первичного капитала.) Половина этих компаний регистрировала свой юридический адрес в Ла Холье. Некоторые обещали своим акционерам невозможное. Л. Оргел предположил, что главной причиной привлекательности Сан-Диего и соседства с Институтом Солка для манипуляторов генами был именно Фрэнсис Крик, автор двойной спирали ДНК. Институт Солка и работавший в нем самый знаменитый в мире генетик делали Сан-Диегс respectable адресом для регистрации новых, никому не известных компаний по генетическим манипуляциям. В США существовала фетишизация юридических адресов для частного бизнеса. Так, книжным издательствам важно было размещаться в Нью-Йорке на Пятой авеню, где на каждом этаже многих небоскребов они существовали в страшной тесноте. Но мир знал, что такое Пятая авеню. Адрес на Уолл-стрит способствовал успеху финансовых и страховых компаний. Нефтяные компании концентрировались в Далласе. Самые знаменитые адвокатские конторы были сосредоточены в центре Чикаго, нередко рядом друг с другом. Для регистрации новых компьютерных и технологических компаний выбиралась Силиконовая долина возле Стэнфорда. Нэшвилл – это «музыкальный город». Хорошие адреса можно было купить и без всякого офиса. Это могла быть комната в квартире. Я уже знал биотехнологическую компанию, производившую в Индии из местных трав крем для омоложения кожи лица. Тюбики наполнялись в Дании, но на них ставили калифорнийский адрес Сан-Диего и очень высокую цену в долларах. «В дешевые средства от старения никто не верит», – объяснял мне один из ее основателей.

Проект новой книги

В Нью-Йорке, куда я возвратился в конце ноября, в издательстве «W.W. Norton & Co» (5-й этаж небоскреба № 500, то есть первого дома в пятом квартале Пятой авеню – уникальный адрес) Джим Мейрс, мой редактор и вице-президент издательства, передав мне отчеты по продажам прежних книг и выслушав рассказ о поездке в Айову, предложил новый проект – книгу по истории сельского хозяйства России и СССР. Книг на английском на эту тему еще не было, даже в переводах. На следующий день мы подписали договор. Это оказался для

меня очень сложный проект. Книга вышла в Нью-Йорке и Лондоне лишь в 1987 году. Несколько раз работа на время прерывалась. Книгу под названием «Soviet Agriculture» («Советское сельское хозяйство») я писал сразу на английском. Первые машинописные тексты глав корректировала и набирала на компьютере Марго Лайт, наш лучший друг в Лондоне. Она преподавала в Лондонской школе экономики и политических наук историю СССР. Марго часто ездила в Москву и встречалась с Роем. Она приехала в Англию из Южной Африки, как и мы, в 1973 году, и тоже, как ожидалось, на время. Марго была соратником Нельсона Манделы, томившегося тогда в тюрьме, и активным членом созданного им движения Африканский национальный конгресс, все еще нелегального. Я посвящал эту книгу своим покойным учителям, профессорам Тимирязевской сельскохозяйственной академии Д. Н. Прянишникову, П. М. Жуковскому, Н. А. Майсурияну и Б. А. Голубеву.

Предисловие к главе о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском

Изложенные в этой главе материалы не публиковались в биографиях Тимофеева-Ресовского. Они не вошли и в документально-художественную повесть Даниила Гранина «Зубр» о жизни Николая Владимировича, и в две книги «Воспоминаний», основанных на устных рассказах Тимофеева-Ресовского, которые были записаны в разное время на магнитофонную ленту и опубликованы после его смерти.

Жизнь Тимофеева-Ресовского слишком тесно переплеталась с многими историческими событиями Второй мировой войны и с разработками атомного оружия в США, Германии и СССР. Объективных и полных данных о самих этих событиях нет до настоящего времени, и каждая из стран – участниц войны создала собственную ее историю. Николай Владимирович и в Германии, примерно с 1937 года, и в СССР с 1947 года находился под постоянным контролем спецслужб, который осуществлялся с помощью осведомителей и оперативного прослушивания. Он это знал и всегда принимал во внимание: сразу менял тему разговора, если в его рабочий кабинет входил кто-то не из своих. Жертвой слежки в Германии стал его старший сын Дмитрий, арестованный гестапо в 1943 году. Все, что известно в настоящее время о жизни Тимофеева-Ресовского, – это либо выборочная информация о нем из опубликованных статей и книг его учеников, друзей и коллег, либо хотя и обширная, но нередко тенденциозно искаженная информация, предоставленная его противниками и недоброжелателями, использовавшими архивы спецслужб СССР и ГДР. Некоторые истории из жизни Тимофеева-Ресовского воспроизведены А. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГе» не только по памяти об общей камере в Бутырской тюрьме, но и по более обстоятельным рассказам во время встреч Александра Исаевича с Николаем Владимировичем в Обнинске в 1965–1967 годах.

Лично я не смог бы написать настоящий документальный очерк о нем по тем сведениям, которыми располагал в период нашей совместной работы в Обнинске, включая и рассказы самого Николая Владимировича. До встреч и бесед в 1974–1980 годах с Карлом Циммером в ФРГ и Максом Дельбрюком в США, коллегами Тимофеева-Ресовского по историческому совместному открытию молекулярной природы генов, а также с Николаусом Рилем, близким другом Николая Владимировича и ключевой фигурой немецкого и советского атомного проектов, у меня не было объективного понимания многих событий в жизни Тимофеева-Ресовского до 1955 года. После книги «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», изданной в Лондоне в 1971 году (The Medvedev Papers. Macmillan Ltd), в которой одна из глав посвящена ряду событий из жизни Тимофеева-Ресовского, связанных с присуждением ему международных научных премий, я не думал, что мне придется возвращаться к этой теме снова. Но в начале мая 1981 года мне позвонил из Дейвиса (Калифорния) профессор Мелвин Грин, главный редактор международного журнала Genetics, и попросил срочно написать некролог:

«Наш журнал не может без некролога. Это дело чести и совести всех генетиков. Умер последний титан классической генетики! Некролог всегда должен писать человек, лично знавший покойного, ученик, друг или коллега.»

Нужен портрет, масштаб личности, а не библиография... По некоторым деталям мы вам поможем... В Москве все его ученики и соавторы, кому я звонил и писал, Бочков, Иванов, Воронцов, отказались... Даже Эфроимсон... Беляев в Новосибирске тоже отказался, хотя он сейчас председатель Международной ассоциации генетических обществ... На письма в Академию и в институты никто не отвечает».

На подготовку некролога мне предоставили два месяца.

Похороны в Обнинске

Николай Владимирович умер в клинике Института медицинской радиологии 28 марта. Я узнал об этом из письма Роя, отправленного 2 апреля. В начале этого письма Рой сообщал с подробностями о неожиданной смерти друга и писателя Юрия Трифонова, а затем добавлял: «Умер в тот же день и Тимофеев-Ресовский. Мне сообщили лишь о самом факте, но не о подробностях. Сообщений в газетах пока не было, видимо появятся только в биологических журналах...»

О смерти Трифонова я уже знал, некролог появился в «Известиях» 31 марта. *The New York Times* напечатала большую статью о похоронах писателя 1 апреля и о гражданской панихиде в Доме литераторов.

Через неделю Рой прислал вырезку из «Московской правды» с извещением о смерти Тимофеева-Ресовского, помещенным в разделе объявлений. Некролога с подписями не было.

Последние сведения о Тимофееве-Ресовском я получил сложным путем, при посредничестве двух физиков и Роя, в октябре 1980 года от моего обнинского друга Николая Работнова, в прошлом работавшего вместе с Валентином Турчиным в теоретическом отделе Физико-энергетического института (ФЭИ). Работнов был одним из составителей популярных сборников «Физики шутят» и «Физики продолжают шутить» (1966, 1968), вышедших в издательстве «Мир» под редакцией В. Турчина. Работнов, как и некоторые другие физики в Обнинске, изредка навещал Тимофеева-Ресовского, одиноко жившего в своей квартире. Адрес Николая Владимировича знали в Обнинске многие, и к нему гости издавна приходили без приглашений. 7 сентября 1980 года Тимофееву-Ресовскому исполнилось 80 лет. Я послал Николаю Владимировичу письмо с поздравлениями и английский детектив. Он сам уже не мог читать, но его молодые друзья приходили читать ему научные и литературные журналы и книги. В юбилейный день Работнов зашел к Тимофееву-Ресовскому, чтобы поздравить его лично. Никаких официальных церемоний никто не устраивал. (Семидесятилетие Николая Владимировича организовывал академик Б. Л. Астауров с большим числом гостей в банкетном зале ресторана «Пекин».) Мне передали, что Тимофеев-Ресовский чувствовал себя плохо и встречал немногих гостей, сидя в кресле. Он страдал от эмфиземы легких и других проблем, худшей из которых он сам называл камни в почках, вызывавшие сильные боли. Недавно он перенес сложную операцию. Каждый месяц Тимофеев-Ресовский ложился в клинику при институте для обследования и лечения. О последующих событиях в Обнинске я узнавал постепенно в течение двух-трех месяцев из разных источников.

Николай Владимирович оказался в очередной раз в больнице в конце февраля. Он уже знал, что домой не вернется. Чаще других его навещали Александр Ярилин, которого я

помнил как аспиранта отдела генетики, и Кирилл Склобовский, сотрудник отдела фармакологии ИМР. Из Москвы приезжали Владимир Иванов и Анатолий Тюрюканов, бывшие старшие сотрудники нашего отдела. Часто приходил Александр Борисов, в недавнем прошлом научный сотрудник, а теперь служитель церкви. Именно его Николай Владимирович попросил привезти из Москвы священника для исповеди и причастия. Как я уже писал ранее, Николай Владимирович был человеком религиозным, хотя в церковь не ходил. В Обнинске церковей не было, ближайший действующий храм находился в Малоярославце. В начале марта для исповеди умирающего приехал Александр Владимирович Мень, знаменитый в то время протоиерей, богослов и проповедник, автор нескольких книг по истории христианства. Младший сын Тимофеева-Ресовского Андрей жил и работал в то время в Свердловске. Похороны назначили на 31 марта. С этим торопились, чтобы избежать большого числа приезжих ученых из Москвы и Ленинграда.

Директора ИМР, профессора А. Ф. Цыба, куда-то уехавшего, замещал профессор Б. А Бердов, главный хирург клиники. Через много лет он вспоминал:

«...Запрет на прощание с покойным в ИМР был наложен первым секретарем обнинского горкома КПСС И. В. Новиковым. Он, вызвав меня к себе, сказал: “Смотри в оба, чтоб никакого шума! Соберется махровая компания диссидентов и может устроить антисоветский митинг! Нельзя этого допустить!”» (Лит. газета. 12–18 марта 2003).

Дирекция ИМР первоначально объявила, что прощание с покойным состоится в траурном зале морга. Это вызвало негодование академика О. Г. Газенко, директора Института медико-биологических проблем, собиравшегося на похороны. В этом институте, более известном как Институт космической медицины, Тимофеев-Ресовский в 1970–1975 годах читал еженедельные лекции по генетике и радиобиологии, а впоследствии консультировал его сотрудников у себя дома. Институт входил в секретное Третье управление Минздрава СССР и занимался, помимо проблем космической биологии, подготовкой космонавтов к полетам и обследованием их здоровья после возвращения на Землю. Газенко, как и другие академики-атомщики и ракетчики, не был широко известен. Но на неизбежно случавшихся подобных церемониях он обычно появлялся в генеральском мундире с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и орденами. Прощание срочно перенесли в конференц-зал института. Однако речей и выступлений не готовили. Место для своей могилы после похорон Елены Александровны в апреле 1973 года выбрал сам Николай Владимирович – на Кончаловском кладбище Обнинска, рядом с женой.

Когда у свежей могилы остались лишь близкие друзья и немногочисленные родственники, Александр Борисов совершил погребальный православный обряд прощания, но в сокращенной символической форме.

Проблемы с некрологом

Причина отказа советских коллег от написания некролога была мне хорошо понятна. Отправлять любую статью в США без цензуры и одобрения партийных инстанций они не решались. Написать правду было непросто, а легенды и купюры, обычные в таких случаях для советских биологических журналов, не подходили для американских. Правдивое

изложение ключевых событий жизни Тимофеева-Ресовского, прежде всего в 1945–1955 годах: арест и допросы в Берлине, следствие в Москве, обвинение в измене Родине, суд в Москве с приговором к десяти годам лишения свободы, пребывание в Карлаге в Казахстане, приведшее к пеллагре и частичной потере зрения, а затем в Сунгульской «шарашке» вместе с немецкими учеными – все это Главлит не разрешил бы. Реальной и полной картины того периода никто и не знал. Тимофеев-Ресовский не был реабилитирован, поэтому все прошлые обвинения нельзя было просто объявить клеветническими. Некоторых обстоятельств собственного ареста не знал и сам Николай Владимирович. О содержании допросов и очных ставок он никогда не рассказывал. Многие друзья и коллеги Тимофеева-Ресовского, как и я, слышали его устные рассказы и о Бутырской тюрьме, и о лагере, и о трехнедельном этапе «караванной скоростью» из Караганды в Москву в арестантском купе стальной вагона. Эти рассказы сохранились в записях на пленку и были воспроизведены в посмертных воспоминаниях через много лет (Тимофеев-Ресовский Н. В. Из воспоминаний. М.: Прогресс, 1995):

«...36 человек в купе! Кормили раз в день солеными ершами... пить давали два раза в сутки по полкружки... Не помню, как доехал до Москвы. Не помню, как меня выгружали... Помню, приехал я в шикарную больницу МВД на шикарной машине... полуголый, несмотря на зиму, 25 градусов мороза, а на мне остатки двоих драных брючек солдатских, и подкладка из-под бушлата на голое тело, и опорочки на босу ногу. Язвы замороженные образуются, к штанам прилипают. Я помнил еще, что жену зовут Лелька, а как имя-отчество – забыл. Как сыновей зовут – забыл. Забыл свою фамилию. Что меня Николаем зовут – помнил, а как по батюшке – забыл... Последняя стадия пеллагры – удивительно приятная вещь. Лежишь, уже есть не хочется, ничего не хочется... А меня, оказывается, интравенозно кормили глюкозой, какими-то аминокислотами... все интравенозно» (с. 335–336).

Этот же рассказ, но с многими объяснениями и примерами других случаев, впервые опубликовал А. И. Солженицын в 1973 году в первом томе «Архипелага ГУЛАГа».

До рассказа Николая Владимировича Солженицын знал лишь один случай, когда в купе находились 35 арестантов. Но это был короткий этап из Куйбышева до Челябинска в 1945 году.

В конце марта 1945 года Первый Белорусский фронт, которым командовал маршал Г. К. Жуков, находился в 50 км от Берлина и готовился к штурму. Главные сотрудники Института мозга в Берлин-Бухе уже уехали в западные районы Германии, за Эльбу, которые занимали американские и британские дивизии. В Восточной Германии действовали подпольные немецкие организации по эвакуации важных нацистов в безопасные места: в Испанию, Португалию и Южную Америку. Вывозились ценности, золотой запас, алмазы, платина, иностранная валюта и важнейшие документы. Уничтожались архивы. В концлагерях, находившихся на территории Рейха, убивали и сжигали узников, разрушая затем и крематории.

Старший сын Тимофеева-Ресовского Дмитрий (Фома) находился в то время в концлагере Маутхаузен на территории бывшей Австрии. Его перевели туда в августе 1944 года из берлинской тюрьмы. Жив он или нет, никто не знал. Последнее письмо с квитанцией о получении передачи от родителей датировалось декабрем. Концлагерь

Маутхаузен считался самым большим на территории Германии и самым страшным. В центральном отделении в Линце и в сорока лагпунктах, разбросанных по всей территории Верхней Австрии, в начале 1945 года находилось около 300 тысяч заключенных. Труд узников использовался в добыче и обработке гранита, в рытье подземных тоннелей и строительстве бункеров для перевода ключевых военных производств в безопасные от бомбежек места.

Судьба сына, студента-биолога, которого он очень любил (Фома, родившийся в Москве в 1923 году, внешне и по характеру был похож на отца), была абсолютной и главной заботой Николая Владимировича. От отчаяния он начал ездить в берлинскую православную церковь, чтобы молиться о спасении сына. Винил себя, что не уберег Фому, о подпольной работе которого по организации помощи советским военнопленным он знал. Даже поощрял и помогал изготовлением фальшивых справок на бланках института. Возможность спасения или хотя бы какой-то определенности приближалась. В Верхнюю Австрию тоже входили союзные армии и приближались к Линцу, с запада – американцы, с востока – дивизии Второго Украинского фронта.

Тимофеев-Ресовский не был наивным человеком и, несмотря на русский патриотизм, возвращаться в Советский Союз не собирался, понимая, что окажется там в тюрьме. Отклонив в 1937 году формальную рекомендацию консульства СССР в Берлине на предмет возвращения, он, по законам того времени, перешел в категорию «изменника» (категории «невозвращенец» в 1937 году не существовало). Советские паспорта супругов не продлили, а конфисковали. Николай Владимирович и Елена Александровна получили германские удостоверения лиц без гражданства. На последний перед началом войны Международный конгресс по генетике в Эдинбурге Тимофеев-Ресовский приезжал с таким удостоверением. Предложение о принятии германского гражданства Николай Владимирович отклонил.

В марте 1945 года он мог с семьей достаточно легко уехать из Берлина в Гамбург или Бремен. Его ученик и друг Макс Дельбрюк, эмигрировавший в США в 1938 году, сообщил что имя Тимофеева-Ресовского включено в список особо важных ученых Уранового проекта, которым американское военное командование должно обеспечить перелет в США или в Англию. Дельбрюк как бывший немецкий физик был привлечен к составлению этого списка. Главная цель США в этом большом и приоритетном проекте состояла в том, чтобы лишить Советский Союз возможности использовать германские технологии создания атомного оружия и баллистических ракет. Нацисты именно поэтому продолжали столь упорно сопротивляться и на востоке и на западе, несмотря на очевидное свое поражение, так как питали надежду, что новое поколение баллистических ракет, становившихся межконтинентальными, и атомные бомбы, реальность появления которых определялась месяцами, а не годами, смогут спасти их от капитуляции. Геббельс строил свою пропаганду на обещании применить «секретное оружие». Производство металлического урана в Германии продолжало нарастать, в основном в Ораниенбурге, северо-восточнее Берлина, и к марту 1945 года достигало трех-четырёх тонн в месяц. Руководителем всех заводов по производству чистого урана был профессор Николаус Риль. Он же был и автором патентов на технологию очистки урана.

Риль, родившийся в Санкт-Петербурге в 1901 году в семье немецкого инженера, переехал в Германию в 1918-м. Его мать была русской. Еще с 30-х годов он стал близким другом Тимофеева-Ресовского. Известна совместная публикация 1941 года Риля, Тимофеева-Ресовского и Циммера по биологическому действию радиации (*Die Naturwissenschaften*).

№ 42/43. С. 623). Риль был членом национал-социалистической партии (это было обязательно для руководителей производств) и входил в высшие круги германской военной машины. Он спас сына Тимофеева-Ресовского от неминуемого расстрела в берлинской тюрьме. После неудавшегося покушения на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года всех заговорщиков, а затем и всех членов антифашистского Сопротивления казнили в тюрьмах без всяких судов. Благодаря Рилью Фому удалось спасти от казни, но не от концлагеря. В 2003 году по архивам КГБ был составлен сборник документов «Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского» (составители Я. Г. Рокитянский и др.). Опубликованный в нем протокол допроса Тимофеева-Ресовского в ночь на 15 декабря 1945 года, который вел майор В. А. Гарбузов, содержит такую фразу Николая Владимировича:

«Штезман Э. и Риль Н., директор научного отдела фирмы “Ауэргезельшафт”, имели друзей, связанных с руководящими лицами Гестапо и СС... Штезман и Риль ручались за мою благонадежность, и благодаря их вмешательству (так я думаю) мой сын был избавлен от смерти, а я от ареста гестапо» (с. 326).

Очень обстоятельная вводная статья Якова Рокитянского в этом сборнике о Тимофееве-Ресовском (с. 6–162) дает наиболее подробную и объективную картину германского периода в жизни Николая Владимировича. Однако этот сборник был издан ограниченным тиражом 1000 экземпляров и поэтому не очень известен.

В начале войны большой Институт мозга в Берлин-Бухе был переведен в какое-то другое управление и засекречен. Отдел генетики и биофизики, которым руководил Тимофеев-Ресовский, остался открытым и в том же здании, получив самостоятельный статус. В марте 1945 года директор Института мозга и многие его сотрудники покинули Берлин. Они уезжали в Мюнхен, во Франкфурт-на-Майне и в другие города. Возможно, что и Тимофеев-Ресовский подумывал об отъезде. Иллюзий в отношении перспектив работы в СССР у него не могло быть. Ситуация внезапно изменилась вечером 15 марта, когда в доме Тимофеева-Ресовского неожиданно появился Николаус Риль. Он выглядел страшно испуганным, в пыли и в копоты, с испачканным лицом.

Просьба Рилья к другу еще более удивила: он хотел, чтобы его тайно спрятали в здании отдела генетики, почти пустовавшем, «до прихода русских... и чтобы никто об этом не знал». «Меня хотят ликвидировать американцы», – объяснил он. Первые дни Риль жил в подвальном этаже дома Тимофеева-Ресовского, затем где-то еще. Семиэтажное здание Института мозга почти пустовало.

Николаус Риль и 120 тонн урана

Ораниенбург, небольшой промышленный город примерно в 20 км к северу от Берлин-Буха, был главным центром рейха по производству уранового концентрата (уран-оксида) и чистого металлического урана. Получение чистого металлического урана включало несколько стадий обогащения руды, выделение урановых концентратов, затем – урана и доведение его до абсолютно чистого металла. Любые примеси могли поглощать нейтроны и гасить цепную реакцию. Всеми технологическими работами руководил на этих заводах Николаус Риль. В городе под его контролем находился также завод по производству тория.

Немецкий проект атомного реактора для наработки плутония предусматривал использование тяжелой воды в качестве замедлителя нейтронов при цепной реакции деления урана. Это, по расчетам, обеспечивало значительно меньшую критическую массу урана для начала реакции, чем при использовании графитовых замедлителей, выбранных американцами. Запуск урановых реакторов в Германии в начале 1945 года задерживался не из-за недостатка урана, а из-за проблем с тяжелой водой. Экспериментальные реакторы уже существовали. Урановая руда добывалась в Чехословакии и в южных районах Восточной Германии, и все стадии ее обогащения и превращения в уран осуществлялись в будущей советской зоне оккупации, определенной Ялтинским соглашением трех держав. Теперь одной из главных задач США и Великобритании стало лишение Советского Союза этих урановых ресурсов. В США знали, что в СССР не было ни урана, ни урановых рудников. Международная политика США планировалась в расчете на то, что их монополия на атомную бомбу продержится до 1955–1960 годов.

Решение о полной ликвидации Ораниенбурга было принято, по-видимому, в феврале, после разрушения Дрездена. Налеты на Дрезден 13 и 15 февраля британских и американских воздушных армий (около 1200 бомбардировщиков) осуществлялись по ночам, бомбили город с большой высоты. Первоначально целью налетов было разрушение железнодорожного узла и промышленного района на окраине, но она не была достигнута. Пострадал, с большими жертвами гражданского населения, главным образом исторический и культурный центр города. Налет на Ораниенбург планировался поэтому как дневной и с прицельной бомбардировкой с небольшой высоты, что грозило потерями самолетов. Но других возможностей для полной ликвидации урановых и ториевых производств не было.

15 марта в 14.50 при ясной погоде 8-й воздушный флот США начал свою крупнейшую операцию. 617 бомбардировщиков, в основном «летающих крепостей», сбросили на видимые сверху цели 1552 тонны фугасных бомб и 178 тонн зажигательных. Значительная часть бомб имела замедленное действие. Они взрывались не от контакта, а пройдя через здание. Бомбы замедленного действия парализовали работу спасателей и пожарных команд и разрушали подвалы и бомбоубежища. Число жертв этой бомбежки, вошедшей в историю войны как третья по интенсивности, остается неизвестным (*Richard Davis. Bombing the European Axis Powers: 1939–1945. Air Univ. Press*).

Однако бункер, в котором находились Николаус Риль и инженерный персонал заводов, не пострадал. Рискнув жизнью, люди уходили, минуя пылавшие руины.

Где именно в Бухе скрывался Риль в апреле, мне не известно. За атомщиками охотились не только американцы, но и гестапо. Для особо важных промышленников существовали бункеры вокруг горной резиденции Гитлера в Австрии. Связь Рилия с внешним миром осуществлял Карл Циммер. Он был сотрудником Тимофеева-Ресовского в отделе генетики Института мозга и одновременно сотрудником Рилия по проблемам радиационной защиты. Циммер с 1941 года стал членом так называемого Уранового клуба и руководил секретными исследованиями по общей теме «Возможность радиационных поражений и как защититься от них при работе с урановыми продуктами». Циммер, однако, в беседе со мной утверждал, что никогда не был на заводах в Ораниенбурге.

Николаус Риль не питал иллюзий относительно целей полного разрушения урановых заводов. Он знал, что в оккупированных американцами и британцами областях Западной Германии шла охота на немецких физиков. Были арестованы знаменитые физики-атомщики Отто Ган (*Otto Hahn*), друг и учитель Рилия и консультант по его диссертации, а также лауреат

Нобелевской премии Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg) и несколько других, и их куда-то увезли. Контакты с ними были потеряны. Как стало известно позднее, их доставили в особую тюрьму британской разведки Farm Hall, возле Кембриджа, и лишили связей с внешним миром. Все разговоры там прослушивались и записывались на пленку. Немецкие атомщики не были нужны для американского проекта, но их следовало изолировать – германские секреты хотели уберечь от русских. Немецкие ученые находились в изоляции в течение семи или восьми месяцев. Выборочные отрывки их разговоров были впоследствии опубликованы.

Хотя Ораниенбург был разрушен, германские запасы урана и уранового концентрата не пострадали. Они хранились в разных местах вокруг Берлина. Главный склад находился в поселке Цехлин в 80 км севернее Берлина. Риль и Циммер понимали, что осведомленности об этом делает их потенциальными мишенями и американских и советских спецслужб. Разница состояла, однако, в том, что американцы хотели уничтожить эти урановые запасы вместе с оставшимся в Восточной Германии персоналом Уранового клуба, тогда как русские хотели ими завладеть. При этом сами члены Уранового клуба представляли для них не меньшую ценность, чем уран и урановый концентрат. Им предстояло участвовать в создании в СССР заводов по производству урана.

В Советском Союзе в распоряжении Игоря Курчатова имелся в это время один килограмм урана, накопленного в Институте редких и чистых металлов АН СССР по технологии Зинаиды Васильевны Ершовой, в то время кандидата технических наук.

Американские охотники за членами Уранового клуба не знали о том, что Николаус Риль жив и скрывается в Бухе. Не знали об этом и в гестапо. Сам Риль не сомневался, что его могли разыскивать лишь для того, чтобы похитить или ликвидировать.

Тимофеев-Ресовский встречается с Завенягиным, заместителем Берии

Тимофеев-Ресовский часто рассказывал о своей встрече в Бухе с Авраамием Павловичем Завенягиным, в то время генерал-лейтенантом НКВД и первым заместителем наркома Лаврентия Берии. И отзывался Тимофеев-Ресовский о Завенягине очень высоко. Именно Завенягин, согласно этим рассказам, хотел сохранить буховскую лабораторию генетики со всеми русскими сотрудниками и перевезти ее в СССР. Я слышал эти рассказы много раз. Даниил Гранин, часто приезжавший в Обнинск для записи рассказов Николая Владимировича, через много лет воспроизвел один из них в знаменитом романе «Зубр» ([глава 34](#)):

«Когда Завенягин, посетив Бух, познакомился с Зубром, он безошибочно оценил значимость этого человека, ценность его работ и всего коллектива лаборатории, что досталась нам в полном составе, в целостности и сохранности...»

Я и сам не имел оснований сомневаться в этой версии.

Вклад Николауса Рилья в советский атомный проект

Действительную причину приезда Завенягина в Бух раскрыл мне лишь весной 1979 года Карл Циммер во время нашей встречи в Гейдельберге. (Я тогда приезжал в ФРГ в связи с

выходом в Гамбурге моей книги об Уральской ядерной катастрофе.) Сразу после капитуляции Германии 8 мая (для СССР 9 мая) Николаус Риль именно через Циммера вступил в контакт с советским командованием. Все детали Циммер не рассказывал. Понять, о чем идет речь, военные не могли, но дали ему 11 или 12 мая возможность поговорить по телефону с Москвой. В своих воспоминаниях, которые были написаны до 1970 года, но частично опубликованы через много лет, Риль сообщал (далее в двойном переводе – с немецкого на английский и с английского на русский):

*«В середине мая 1945 года два полковника НКВД неожиданно приехали в Бух из Берлина вместе с моим другом К. Г. Циммером, который в это время активно работал в моей научной организации и одновременно в Институте мозга в Берлин-Бухе... Очень скоро выяснилось, что это были не настоящие полковники. Они оказались физиками, одетыми в полковничьи мундиры. Один из них был Л. А. Арцимович, другой – Г. Н. Флеров... Вскоре приехал третий известный физик – Ю. Б. Харитон, в слишком большой военной фуражке...» (Nicolaus Riehl. *Stalin's Captive*. P. 71–72).*

Через два-три дня Риль встретился и с Завенягиным. Встреча Завенягина с Тимофеевым-Ресовским была, очевидно, жестом вежливости, демонстрацией либерализма для немецких ученых. Подробности своих переговоров с «полковниками», продолжавшихся несколько дней, Риль никогда не раскрывал. Он лишь сообщал, что первой работой, которую ему поручили, было руководство разборкой развалин Ораниенбурга, чтобы извлечь из-под разрушенных заводских зданий сохранившееся оборудование, материалы и документы. А сохранилось очень многое. Места для разборки завалов указывал Риль. Эту работу проводил две недели саперный батальон. Общее наблюдение за ходом работ осуществлял Завенягин. (В разных книгах по истории советского атомного проекта, изданных через много лет, утверждалось, что запасы немецкого урана были обнаружены именно при этих разборках развалин, что не соответствует действительности. Металлический уран и урановый концентрат хранились в других местах, раскрытых для группы Завенягина именно Рилем и Циммером.)

В эти дни Завенягин мог убедиться, что Риль очень твердый человек и никакие угрозы на него не подействуют. Несколько «полковников», объяснявшихся с Рилем не очень вежливо, получили немедленный отпор и были по его требованию отстранены или получили выговор. Риль просто отказался с ними разговаривать. По словам Циммера, условия своего сотрудничества по проблеме урана Риль ставил очень определенные и жесткие. Он должен иметь в России относительную свободу и те же полномочия, что и в Германии. Поехать он соглашался лишь с женой и двумя дочерьми. Основные специалисты должны быть из его команды. Без группы опытных немецких физиков работа была бы невозможна. Определялись также их заработки и степень свободы. Гарантию выполнения этих условий Риль хотел получить не от Завенягина и не от Берии, а от Сталина, при этом устную гарантию вождя он считал недостаточной. И требуемая гарантия, судя по развитию событий, была получена.

Вот что говорил Тимофеев-Ресовский в своих воспоминаниях, записанных в разное время, но опубликованных лишь в 1995 году, о немецких коллегах Риля:

«...человек 20 было... они по договору специалисты. До 52-го включительно у них был договор. Они получали колоссальное жалованье. Риль, который приехал к нам с высоким званием научного консультанта всего объекта нашего, получал 12 000 в месяц, это была зарплата министра высокой категории – СССР, а не РСФСР» (Из воспоминаний. М.: Прогресс, 1995. С. 340).

Я предполагаю, что секретное «трудовое соглашение» до сих пор хранится в сейфе какого-нибудь швейцарского банка и находится под контролем адвокатской фирмы. В швейцарский банк, по-видимому, перечислялись оклады и премии немецких инженеров, химиков и металлургов. Известно, что все премии они получали в твердой валюте. В Советском Союзе они получали пайки, а не ходили по магазинам. До конца 1947 года в СССР существовала карточная система. По соглашению они могли возвратиться в Германию через определенные сроки. Информация, появившаяся через много лет в немецких и американских источниках, о том, что Риль был арестован в Берлине и принужден к сотрудничеству, не соответствует действительности. Принуждение или угрозы в этом случае негодились. Только взаимное доверие, добровольное согласие и материальное поощрение могли обеспечить достижение цели. (Риль привык курить только лучшие гаванские сигары. Было оговорено, что его потребности в гаванских сигарах будут удовлетворены.) Советскому Союзу нужен был не только уже накопленный уран, стране требовалось создать отрасль по производству урана из урановой руды. Только добровольное сотрудничество с Николаусом Рилем позволило СССР испытать первую атомную бомбу в 1949 году. Плутоний для этой бомбы был получен из того урана, который привезли из Германии в мае 1945 года.

Н. Риль вылетел в Москву 9 июня 1945 года с семьей и несколькими ключевыми сотрудниками (около пятнадцати), также получившими гарантии. Риль упоминал в своей книге двоих: Г. Вирта (Gunteer Wirths) и Г. Тиме (G. Thieme). Они получили в 1949 году Сталинские премии и ордена Трудового Красного Знамени. В настоящее время известны и имена других. В Москве семью Рилей поселили на особой даче, которую в 1943–1944 годах занимал фельдмаршал Фридрих фон Паулюс после капитуляции его армии в Сталинграде. Эта дача была построена до революции миллионером Рябушинским. Однако ни Риль, ни Циммер, возвратившись в 1955 году сначала в ГДР, а затем переехав в ФРГ, никогда не настаивали на своих заслугах в создании советского атомного оружия и приоритете в создании урановых производств. В неизбежных интервью для немецкой или американской прессы и для исследователей истории атомного оружия они давали разные объяснения, иногда отрицая добровольность сотрудничества. Риль в СССР сохранял относительную свободу. Сталин был осведомлен о его работе. Когда 18 ноября 1949 года Л. Берия, И. Курчатова, А. Завенягин, Ю. Харитон и другие (более тридцати человек), награжденные 29 октября за успешное испытание атомной бомбы званиями Героев Социалистического Труда, написали Сталину благодарственное письмо, подготовленное каллиграфическим почерком в одном экземпляре, Сталин в левом верхнем углу документа написал вопрос: «Почему нет Рилля (немец)?». Риль тоже был удостоен звания Героя Социалистического Труда, и ему уже были вручены 16 ноября медаль Золотая Звезда и орден Ленина. Остается неизвестным отказался ли Риль участвовать в подготовке письма или Берия и Завенягин – организаторы верноподданнического обращения – решили не показывать его немецкому коллеге. Он вряд ли подписался бы под письмом с обещанием Сталину «с еще большей энергией и самоотверженностью работать над дальнейшим развитием... и отдать все силы и знания,

чтобы с честью оправдать Ваше доверие».

Полный текст Постановления СМ СССР от 29 октября, опубликованный в книге «Атомный проект СССР» (1999. Т. 2. С. 556), в отношении Риля говорит:

«84. РИЛЯ Николая Васильевича, доктора, начальника лаборатории, руководителя разработки и внедрения в производство технологии изготовления чистого металлического урана:

*– представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда;
– премировать суммой 350 000 руб. (помимо выданной ранее части (50 %) премии в сумме 350 000 руб. и автомашины “Победа”).*

Присвоить доктору Рилю Н. В. звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Установить доктору Рилю Н. В. двойной оклад жалованья на все время его работы в данной области.

Построить за счет государства и передать в собственность доктору Рилю дом-особняк или дачу, с обстановкой...»

И. В. Курчатов, «руководитель работ по созданию атомных реакторов», награждался по более высокой категории: 500 000 рублей и автомашиной ЗИС-110. Самую высокую награду получил Харитон Юлий Борисович, «главный конструктор атомной бомбы...»: 1 000 000 рублей и автомашину ЗИС-110. К подаренному автомобилю полагался и шофер на государственной зарплате.

В 1954 году Риль получил и Ленинскую премию, а также особую премию Средмаша и в качестве подарка от Маленкова и Хрущева – дачу в Абхазии недалеко от Сухуми.

Арест Тимофеева-Ресовского. Карлаг, Электросталь и Сунгуль (1945–1947)

Тимофеева-Ресовского арестовали ночью 13 сентября. Его рассказы об этом событии варьировали в зависимости от собеседника. Но причину ареста Николай Владимирович не скрывал: он сопротивлялся демонтажу и вывозу в СССР сложного оборудования, особенно нейтронного генератора и других установок для облучения животных. В то время трофейные команды работали на всей территории Восточной Германии. Каждый советский вуз или научно-исследовательский институт посылал свою команду. Профессорам выдавали форму полковников, доцентам – майоров, аспирантам – лейтенантов. Рабочие бригады формировались на месте из остарбайтеров. Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где я тогда заканчивал первый курс, за два месяца до падения Берлина отправили отряд, состоявший из двенадцати профессоров во главе с экономистом, профессором С. Г. Колесневым. Нужно было обследовать восточные территории, отходившие по Ялтинским соглашениям Польше. Уже в марте 1945 года из оккупированных Красной Армией территорий вокруг Бреслау (сейчас это Вроцлав) стал прибывать в учебные хозяйства Тимирязевки племенной немецкий скот: лошади-тяжеловозы, породистые свиноматки и хряки, а также сельхозтехника и многое другое. В мае для физиологов растений прибыла разобранная лаборатория искусственного климата с большой теплицей, для ботаников – новый гербарий и микроскопы, для кафедр химии – наборы реактивов и приборы.

Библиотека ТСХА пополнилась за счет библиотеки Лейпцигского университета. Студенты, и я в том числе, работали на разгрузке товарных эшелонов, прибывавших в Москву. Каждая такая трофейная команда, а их были сотни, имела свои приоритеты. Демонтировались и отправлялись в СССР заводы: автомобильный (Опель), оптический, химические и другие. Институт по изучению мозга в Бухе, в составе которого был и относительно небольшой отдел генетики и биофизики, освобождался от оборудования московским Институтом мозга АМН СССР, директором которого был в то время академик Семен Александрович Саркисов. А. И. Солженицын со слов Николая Владимировича в Бутырской тюрьме в 1946 году запомнил и потом записал некоторые подробности:

«В 1945-м году советские войска вошли в Бух (северо-восточное предместье Берлина), Тимофеев-Ресовский встретил их радостно и целеньким институтом... Приехали представители, походили, сказали: – У-гм, пакуйте все в ящики, повезем в Москву. – Это невозможно! – отпрянул Тимофеев, – все погибнет! Установки налаживались годами! – Гм-м-м., – удивилось начальство. И вскоре Тимофеева и его заместителя Царапкина арестовали и повезли в Москву... Теперь президент научно-технического общества 75-й камеры бодрится, что он нигде не допустил ошибки» (Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1973. С. 592.)

Постановление на арест было составлено наспех 27 сентября: «...выехал в научную командировку в Германию и оттуда не возвратился, т. е. изменил Родине...»

Постановления на арест утверждались разными начальниками, высшим по чину был генерал армии В. Н. Меркулов, нарком госбезопасности СССР.

Вслед за Тимофеевым-Ресовским в начале октября был арестован в Бухе и Карл Циммер, которого несколько раз допрашивали через переводчика. В это же время арестовали и генетика Сергея Романовича Царапкина, друга и заместителя Тимофеева-Ресовского, и других русских сотрудников института. Их объединили в одно дело. Циммера как немецкого ученого вместе с немецкими коллегами Борном и Катчем выделили в особое производство. Их обвинили в «саботаже демонтажа ценного оборудования института». Обвинение сформулировала новая комиссия, в которой главную роль играл полковник медицинской службы НКВД Г. М. Майрановский, главный токсиколог НКВД, изучавший яды, действующие на нервную систему и мозг. В декабре русских заключенных перевели в Москву. Судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Тимофеева-Ресовского и Царапкина происходило в Москве 4 июля 1946 года. Приговор, лишение свободы в ИТЛ сроком на десять лет с конфискацией имущества, объявили к ночи в тот же день.

Карл Циммер и другие немецкие сотрудники Тимофеева-Ресовского – А. С. Катч и Г. Борн – после множества допросов в Берлине были отправлены в лагерь немецких военнопленных в Красногорске, недалеко от Москвы. Весной 1946 года Николаус Риль, уже создавший на базе завода «Электросталь» возле Ногинска завод по производству металлического урана, который выдавал по тонне урана в неделю, приобрел достаточный авторитет. Завенягин, выполнявший по линии НКВД все требования Рилия, и Борис Ванников – по линии СНК получили от Рилия просьбу, которую они не могли проигнорировать. Риль заявил, что Циммер, Борн (радиохимики по урану) и Александр Катч (медик) должны быть включены в исследовательскую группу на заводе «Электросталь»:

«Русские привезли этих ученых в Электросталь и включили в мою группу. Однако было очень трудно оправдать их присутствие на урановом заводе. Я старался доказать, что радиохимия и радиобиология должны участвовать в урановом производстве. Но это было нелегко. В результате все трое отправились в институт в Сунгуль, как только он был создан. Здесь они смогли работать более профессионально...» (Riehl... P. 121–122).

Завенягин уже знал, что спорить с Рилем по таким вопросам бесполезно.

Команде Рилия предложили по прибытии в Москву срочный тур по Уралу и Сибири для выбора подходящего металлургического завода, который можно было бы быстро переоборудовать в урановый. Риль от такой экскурсии отказался. Он настаивал, что они согласны работать лишь вблизи Москвы или Ленинграда. Сотрудника Рилия Г. Вирта отправили в конце июля осматривать завод в Красноярске. Атомные бомбы, сброшенные на Японию, завершили споры о выборе места. В августе 1945-го Риль выбрал завод «Электросталь» недалеко от Ногинска в 60 км к востоку от Москвы. Этот военный завод, производивший реактивные снаряды для «катюш» и бомбы, решением Государственного комитета обороны от 30 августа передали в Главпромстрой НКВД. Он стал известен как завод № 12. Было разрешено начать монтаж оборудования без рабочих чертежей по эскизам. Высокочастотные вакуумные электропечи, огнеупорные тигли и многое другое привезли из-под развалин Ораниенбурга. (Первый экспериментальный реактор в СССР Ф-1 был запущен в декабре 1946 года Игорем Курчатовым полностью на уране, привезенном из Германии. Блоки урана, покрытые алюминиевой оболочкой, – ТВЭЛы – привозили из Ногинска. Критичность была достигнута на 45-й тонне (см.: *Жежерун И. Ф.* Строительство и пуск первого в Советском Союзе атомного реактора. М.: Атомиздат, 1978).

В начале 1947 года Циммеру и Катчу удалось узнать, что Тимофеев-Ресовский находится в ИТЛ Карлаг. К этому времени Риль довел производство чистого урана до 2 тонн в неделю и был при этом абсолютно незаменим, так как ключевая группа инженеров-металлургов была немецкой. Большая часть рабочих завода состояла из заключенных-остарбайтеров. Циммер и Риль понимали, что их друг погибнет в Карлаге. Тимофеева-Ресовского записали в группу Циммера, и просьба о его переводе в «Электросталь» поступила к Завенягину. Распоряжение Завенягина о доставке Тимофеева-Ресовского в Москву поступило в МВД, но, очевидно, через посредников и не как приоритетное. Завенягин в это время был заместителем Берии по 1-му Главному управлению, а не МВД. Только этим можно объяснить многодневный этап в Москву в переполненном стольпинском купе, который лишь чудом не погубил уже сильно ослабленного в лагере узника. Перевод Тимофеева-Ресовского на урановый завод не был освобождением и оформлялся как перевод из одного ИТЛ в другой. Поэтому и отправка была этапом. В Ногинске существовал свой ИТЛ (Ногинский ИТЛ, или Строительство 713). В 1947 год здесь работали 3150 заключенных, в 1948-м уже 8280 (данные архивов МВД). Из арестантского вагона Тимофеева-Ресовского, находившегося в бессознательном состоянии, отправили вместе с другими сначала в медсанчасть Бутырской тюрьмы «на разборку» и уже оттуда через два дня в особую больницу МВД.

Существует легенда, автором которой частично был сам Николай Владимирович, о том, что Завенягин ничего не знал о его аресте и приговоре. Я, как и другие, не имел в то время оснований в ней сомневаться. Д. Гранин в «Зубре» создал из нее сюжет:

«Когда Завенягин хватился, Зубра найти не могли; а может, и вправду затерялись документы, как объясняли потом. Во всяком случае, разыскивали его больше года и нашли лишь в начале 1947 года, доставили в Москву, а оттуда направили на Урал. И стал он там заниматься тем, о чем договаривался с Завенягиным...» (глава 34).

Сейчас для меня очевидно, что Завенягин, ничего не понимавший в генетике, после Берлина не вспоминал о Тимофееве-Ресовском. Если бы его везли из Карлага как важного эксперта для научной работы по особому приказу, то не впихнули бы в «купе», многие пассажиры которого не вынесли путешествия.

Вторую легенду сочинили ученики Тимофеева-Ресовского В. Иванов, Н. Ляпунова и Ю. Богданов к юбилейной статье для журнала «Генетика» в 2000 году:

«...из-за неразберихи с потоками заключенных в Бутырской тюрьме в Москве Тимофеев-Ресовский провел около полугода в страшном Карагандинском лагере МВД, дошел до глубокой дистрофии, перенес пеллагру, частично потерял зрение, по счастливой случайности был найден в этом лагере и специальным курьером доставлен в Москву, где его лечили в “кремлевской” больнице МВД...» (Т. 36. № 10. С. 1421).

Со «спецкурьерами» МВД важные заключенные ездили обычно в купе без посторонних.

В действительности главные усилия в поисках Тимофеева-Ресовского, пропавшего в ГУЛАГе, предпринимались Циммером, Борном и Катчем, его друзьями и коллегами, после начала их работы по контрактам на заводе «Электросталь». Риль им помогал. Регулярно запрашивала все инстанции жена Николая Владимировича Елена Александровна, оставшаяся в Бухе и не имевшая о муже никаких сведений. Потеряться Тимофеев-Ресовский не мог. В тюрьмах и лагерях они были вместе с Царапкиным. Царапкин тоже попал в Карлаг. Но он как биолог оказался там лаборантом в медсанчасти, а не на общих работах. Его затребовал из лагеря в Сунгуле уже Тимофеев-Ресовский. К. Циммер рассказывал мне об этом после прочтения романа «Зубр» в 1987 году (он хорошо владел русским). Первые выпуски журнала с этим произведением Гранин сам привез в Лондон, где я с ним встречался. Писатель работал над ним много лет, и оно проходило через Главлит. Всю правду Гранин писать еще не мог.

В 1947 году завод № 12 производил тонну металлического урана в день, в десять раз больше, чем заводы Ораниенбурга. Н. Риль, вместе с Циммером, Катчем и Борном, предложил создать в СССР самостоятельную лабораторию по радиобиологии продуктов деления урана. В число возможных сотрудников включили и Царапкина. Для создания такой лаборатории МВД выбрал собственный санаторий возле озера Сунгуль на Южном Урале. Выбор определялся тем, что неподалеку, восточнее Кыштыма и Каслей, уже началось строительство главного в СССР центра по производству плутония для атомных бомб – завода № 817, получившего впоследствии обозначение Челябинск-40. Официально решение возглавляемого Берией специального комитета при Совете министров СССР об организации Лаборатории Б на базе санатория «Сунгуль» было принято 11 апреля 1947 года. Завенягин был одним из семи членов этого комитета. Решения спецкомитета утверждались Сталиным и сразу принимались к исполнению. Спецкомитет имел в Госбанке СССР открытый счет. В

Сунгуле на объекте 0211 Тимофеев-Ресовский, Царапкин и Циммер очень плодотворно работали с лета или осени 1947 до 1955 года. Научным директором объекта назначили в 1950 году Н. Рилья. Завод № 12 мог уже работать без него. (Сунгуль через десять лет был преобразован в Челябинск-70. Сейчас это красивый город Снежинск с 50 тысячами жителей. Местные краеведы, не желая считать основателем своего города Лаврентия Берию, обратили недавно внимание на Николауса Рилья.)

Некролог для *Genetics*

Статью-некролог для *Genetics* я послал редактору Мелвину Грину в начале августа. В сборе и оценке работ Тимофеева-Ресовского по генетике дрозофилы мне очень помогла Раиса Львовна Берг, приславшая подробное перечисление его наиболее важных открытий по мутациям. Я также консультировался с друзьями Николая Владимировича – Максом Дельбрюком, Оке Густафссоном и Гансом Штубе. Благодаря этому я и сам смог лучше оценить значение Тимофеева-Ресовского для генетики. Дарвин открыл роль мутаций в эволюции. Мендель доказал, что мутации происходят в наследственных частицах – генах. Морган обнаружил, что гены локализованы в хромосомах. Циммер, Тимофеев-Ресовский и Дельбрюк доказали в 1935 году, что гены – это большие молекулы. Идентификация генов с ДНК и «двойная спираль» Уотсона и Крика – это следующие этапы молекулярной биологии, родившейся в 1935 году.

Карл Циммер тоже готовил некролог для журнала *Mutation Research*. В области мутаций более крупного авторитета, чем Тимофеев-Ресовский, в мире не было. Моя статья «Nikolai Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky (1900–1981)» была опубликована в январе 1982-го (Vol. 100. P. 1–5).

В Москве обстоятельная статья-некролог, написанная группой друзей и коллег Тимофеева-Ресовского (Л. А. Блюменфельд, М. В. Волькенштейн, Н. Н. Воронцов, О. Г. Газенко, В. И. Иванов), была напечатана в журнале «Молекулярная биология» в ноябре 1981-го (Т. 15, вып. 5. С. 1194–1198):

«...скончался один из величайших биологов современности... Советская и мировая наука потеряла одного из наиболее ярких ученых-энциклопедистов... широта ученого-энциклопедиста сочеталась с даром блестящего педагога и воспитателя, с талантом полемиста...»

В изложении событий в жизни Николая Владимировича начиная с 1941 года авторы пошши, однако, на некоторые искажения истины. Отказ от возвращения на родину в 1937 году не упоминается. Николаус Риль у авторов попал в число «антифашистски настроенных ученых». Трагический десятилетний период в жизни Николая Владимировича, включая арест, суд и Карлаг, полностью пропущен. Весь период работы на Урале в сунгульской секретной лаборатории с 1947 до 1955 года авторами некролога тоже не упоминается. Не было в этой статье и фотографии ученого. Публикация портретов разрешалась Главлитом лишь для реабилитированных. Винить авторов в таких искажениях и купюрах, конечно, нельзя. То был компромисс с цензурой.

Посмертной реабилитации Тимофеева-Ресовского удалось добиться лишь в 1992 году. Решение об этом вынес прокурор отдела по реабилитации жертв политических репрессий Н.

Сироткин, и его утвердила помощник генерального прокурора РФ Г. Ф. Весновская. 100 лет со дня рождения великого ученого в 2000 году можно было теперь отметить широко и достойно.

Завершая эту главу-очерк, хочу признать, что среди всех ученых, с которыми мне довелось общаться в Советском Союзе, в Европе и в Америке, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, безусловно, был наиболее яркой и талантливой личностью.

НОВЫЙ ВЫЗОВ ИЗ MI5

В начале апреля 1981 года меня по телефону пригласили в министерство обороны в комнату 005, где я уже бывал в 1975 и в 1977 годах для длительных бесед (см. [главу 28](#) и [главу 36](#)). Было ясно, что со мной снова хотят поговорить работники британской контрразведки, известной как MI5. Я предполагал, что приглашение связано с недавно поданным заявлением на получение британского гражданства и что со мной, как и раньше, будет беседовать мистер Бакстон, ведущий досье на Медведева. Однако все оказалось иначе, два моих собеседника, не представившись, объяснили, что это не допрос, а беседа.

Меня попросили рассказать о знакомстве с Александром Штромасом, юристом, эмигрировавшим из Советского Союза в Великобританию в 1973 году. Судя по заданным вопросам, мои собеседники были уверены, что я и мой брат с Александром Штромасом лично знакомы и имели с ним какие-то дела в Советском Союзе. Я сказал, что ни Рой, ни я со Штромасом никогда не встречались. В 1973 году я получил через знакомых письмо от Штромаса, только что приехавшего в Англию, в котором он задавал вопросы о гонорарах за книги академика А. Д. Сахарова, объяснив это тем, что Андрей Дмитриевич просил его как юриста разобраться в проблемах копирайта на его публикации. Я попросил брата, который в то время часто встречался с Сахаровым, подтвердить полномочия Штромаса. Рой вскоре ответил, что Сахаров никаких поручений ему не давал. Однако такая просьба могла, по предположению Роя, исходить от Елены Боннэр, которая в основном занималась подобными делами и знала Штромаса. В ответном письме Штромасу, отправленном по почте, я ответил, что готов передать ему копии всей переписки по делам Сахарова, если получу такую просьбу от Андрея Дмитриевича. На этом мои прямые связи со Штромасом обрывались. Однако время от времени я встречал его статьи в русской эмигрантской прессе и его имя среди участников разных эмигрантских мероприятий. До отъезда в Англию Штромас не был диссидентом. Его легко состоявшийся выезд из СССР, без лишения гражданства, мой брат объяснял ходатайством влиятельных родственников в Великобритании.

Приехав в Англию, Штромас хотел получить академическую должность в каком-либо университете Лондона и в связи с этим распространял биографическую справку о своих научных заслугах. В 1970–1972 годах он читал лекции в Институте международных отношений и был исполняющим обязанности директора Института криминалистики МВД. Штромасу дважды отказали в получении британского гражданства. В настоящее время у него есть какой-то заменяющий паспорт документ от посольства «литовского правительства в изгнании».

Однако в 1980 году я переписывался со Штромасом в связи с проблемой представительства Советского Союза в Чрезвычайном совете мира (*Emergency World Council*), назначающего Правительство Мировой Федерации с резиденцией в Гааге. Сам я недавно отказался войти в состав этого мирового правительства представителем от СССР аргументируя отказ тем, что живу в Великобритании. Одновременно я возражал против предложения Штромаса, входившего в состав Чрезвычайного Совета представителем «независимой» Литвы, включить в этот совет от СССР Владимира Буковского, Андрея Амальрика и Петра Григоренко, так как они, как и я, не были гражданами этой страны. От

Советского Союза в составе Чрезвычайного Совета Мира числился с 1975 года А. Д. Сахаров. В то время мне были известны два мировых правительства, так как они вели со мной переписку. Второе формировалось Мировой Ассоциацией Федералистов в Вирджинии. Кроме этих двух, имелось еще несколько подобных организаций: четыре в США и две в Индии. Они поддерживали свою деятельность пожертвованиями доноров, подписками на свои издания и членскими взносами.

Несмотря на высокую деловую репутацию британской контрразведки, она о существовании в Гааге Мирового правительства ничего не знала. Великобританию в Чрезвычайном Совете Мира представлял Арнольд Тойнби (Arnold J. Toynbee), историк писатель и бывший директор Королевского института международных проблем. Александр Штротас, как мне объяснили собеседники, попал в сферу внимания МИ5 лишь как близкий родственник недавно приговоренного к десяти месяцам тюрьмы лорда Кагана. Жена Кагана, ставшая теперь леди Каган, была урожденной Маргаритой Штротас. Именно она обеспечила своему младшему брату визу для эмиграции в Соединенное Королевство.

Барон Каган и Гарольд Вильсон

Джозеф (Иосиф) Каган стал рыцарем в 1970-м и лордом в 1976 году по спискам, представленным королеве премьер-министром Гарольдом Вильсоном, лидером лейбористов. Вильсон, помимо многих политических заслуг, был известен и тем, что способствовал присвоению аристократических титулов, прежде всего личным друзьям и финансовым спонсорам, что обеспечивало им не только почет, но и политическое влияние. Кроме того, титул лорда означал членство в палате лордов, а работа в ней предусматривала приличное жалованье. Каган (в то время Каганас) родился в Ковно (ныне Каунас) в 1915 году, когда Литва входила в состав Российской империи. Его семья имела там крупный текстильный бизнес. Эти текстильные фабрики продолжали работать после присоединения Литвы к СССР в 1939 году и после оккупации Литвы германской армией в 1941-м. Однако сам Иосиф оказался в гетто и затем в концлагере. Именно в гетто Каган женился в 1943 году на Маргарите Штротас. В течение девяти месяцев в 1943–1944 годах молодожены прятались на чердаке бывшей семейной фабрики, спасая свою жизнь. Им помогал друг-литовец. Младший брат Маргариты, Александр, ему было тогда 10 лет, находился в концлагере для детей, из которого сумел бежать.

В 1945 году Каган переехал в Бухарест, а оттуда в Англию. В Англии, получив кредит, он создал текстильный бизнес в пролетарском районе Западного Йоркшира. В 1951 году Каган, будучи талантливым инженером-текстильщиком (он в молодости окончил университет в Англии), получил патент на изобретенную им теплую и водонепроницаемую ткань ганнекс, из которой его компания Kagan Textile Limited начала делать плащи, приобретающие исключительную популярность. Ганнекс представлял собой ткань из нейлона, но с шерстяной подкладкой. Крупные заказы на плащи из ганнекса последовали от армии и полиции. Гарольд Вильсон, лидер лейбористов, избранный в палату общин от этого округа, носил только эти плащи, сделанные по его фигуре. Путешествуя по миру, Вильсон дарил такие плащи, тогда модную новинку, лидерам других стран, включая Н. Хрущева, Л. Джонсона и Мао Цзедуна, что делало этой продукции необыкновенную рекламу. Каган, в свою очередь, оказывал финансовую поддержку Лейбористской партии и обеспечивал бюджет парламентской резиденции Вильсона в Йоркшире. Он также финансировал его

избирательные кампании. Между Каганом и Вильсоном возникла личная дружба. Плащи из ганнекса изредка носили королева и ее муж принц Филипп. Агентурное наблюдение за Каганом, как выяснилось позднее, велось уже много лет. В Лондоне у него была квартира, которую Вильсон часто посещал. В этот период, в 1973 году, приехал в Англию и Александр Штротмас, работавший в Москве в одном из институтов Министерства юстиции. Именно приезд Штротмаса, получившего вскоре какую-то должность по политологии в Университете Сэлфорда (University of Salford), усилил уже существовавшую озабоченность британской контрразведки по поводу дружбы Кагана и Вильсона. Александр Штротмас по какой-то семейной линии был связан с Антанасом Снечкусом, первым партийным лидером Литовской ССР, правившим этой республикой в 1940–1941 и в 1944–1974 годах. Рой сообщал мне, что Александр Штротмас стал в 1944 году приемным сыном Снечкуса. Жена Снечкуса имела со Штротмасами родственные связи. Отец Александра, Юргис Штротмас погиб в Каунасе во время погромов, последовавших сразу после оккупации города немецкой армией. В каунасских погромах погибли около 10 000 человек.

В 1973 году, когда Штротмас поселился в Англии, Снечкус все еще был первым секретарем ЦК КП Литвы и близким другом Михаила Суслова. (Снечкус умер в 1974 году.) Все эти связи не прошли, по-видимому, мимо внимания MI5. Вильсон оказался первым премьер-министром Великобритании, резиденцию которого на Даунинг-стрит начали прослушивать спецслужбы. 16 марта 1976 года Г. Вильсон неожиданно, без объяснения причин, объявил о своей отставке, вступившей в силу с 5 апреля. По существовавшей традиции уходящий в отставку премьер имел привилегию представить королеве список кандидатов на получение дворянских званий. Именно в этом списке оказался и Каган, уже как барон.

Какое-то мелкое дело о краже бочек с краской индиго было возбуждено против Кагана и его сына осенью 1977 года. Семья, не став дожидаться суда, бежала в Израиль, который не подчинялся ордерам Интерпола на арест. О Кагане, казалось, вскоре забыли. Потеряв через три года бдительность, лорд Каган осенью 1980 года приехал по каким-то делам во Францию, где был немедленно арестован и отправлен в Лондон. В субботу 13 декабря 1980 года все лондонские газеты взорвались крупными сенсационными заголовками на первых страницах: «Каган – связь с КГБ», «Каган: КГБ и шахматы» и т. п. На следующий день более подробные статьи появились и во всех воскресных газетах. Публикация подробностей стала возможной после решения суда в Лидсе, признавшего лорда Кагана виновным в краже краски и неуплате налогов на прибыль, полученную от ее перепродажи, и приговорившего его к десяти месяцам тюремного заключения и крупному штрафу. Однако главный интерес все газеты проявляли не к этому мелкому делу, а к выявленному во время суда факту давней дружбы Джозефа Кагана с работником советского консульства в Лондоне Ричардом Вайгаускасом (Richard Vaigauskas), которого еще в 1971 году британская разведка идентифицировала как полковника КГБ и руководителя шпионской сети в Англии. В 1968–1971 годах Каган и Вайгаускас часто встречались, сначала в шахматных кафе Лондона, а затем в квартире Кагана, играя в шахматы и разговаривая при этом на литовском языке. В 1971 году Вайгаускас вернулся в СССР. После его отъезда из Британии были высланы 104 работника советского посольства, консульства, торгпредства, «Интуриста», «Аэрофлота» и других агентств, которых обвинили в шпионаже. Это был крупнейший шпионский скандал в истории двух стран. Однако наблюдение за Каганом продолжалось, и приезд в Англию Штротмаса не мог поэтому остаться без внимания разведки.

В Англии не любят шпионских скандалов, особенно связанных с политиками. Репутация парламента и правительства должна всегда оставаться безупречной. Шпионский аспект этого скандала, подхваченный газетами, не рассматривался в суде. Был, однако, сделан документальный телефильм с кадрами о встречах двух литовцев, полученными явно от MI5 (Yorkshire TV documentary), и показан в Лидсе 12 декабря. Я его не видел. Но газет помещали кадры из этого фильма. Обвинения по ассоциации, без доказательств, британские суды не рассматривают. Не исключено, что между лордом Каганом и контрразведкой была достигнута договоренность о признании вины по мелкому делу, возможно и не криминальному, чтобы избежать более серьезных обвинений и крупного политического скандала. Согласно репортажу *Daily Mail*, «Каган признал вину в краже и подделке отчетов, включавших краску деним на сумму 189 000 фунтов стерлингов. Он украл краску у собственной компании и продал ее за границей...»

Учитывая тот факт, что Каган был мультимиллионером и собственником (вместе с женой) крупной текстильной компании, версия о краже краски ради небольшой выгоды не выглядела убедительной. Отбыв наказание, лорд Каган появился в палате лордов и участвовал в ее работе до конца своей жизни. Рыцарский титул был у него отобран королевой после суда, а пожизненный титул барона могла отобрать лишь палата лордов. Оснований для этого не было найдено. Оставались популярными и плащи из ганнекса.

Связь отставки Вильсона с делом Кагана в британской прессе никогда не обсуждалась, поскольку оба они могли обвинить через суд автора такой версии в клевете. Мне, однако, рассказывали, что непосредственным поводом для отставки стал отказ MI5 от направления в резиденцию Вильсона на Даунинг-стрит секретных документов, которые он раньше регулярно получал. На некоторых из них требовалась его подпись. Премьер-министр британского правительства был, таким образом, лишен допуска к материалам разведки и контрразведки. Чтобы предотвратить спекуляции о недоверии, Елизавета Вторая устроила уходящему в отставку Вильсону торжественный прощальный обед. Такой чести удостоивался в прошлом лишь Уинстон Черчилль.

Юбилей А. Д. Сахарова

21 мая 1981 года Андрею Дмитриевичу Сахарову, жившему в ссылке в Горьком, исполнялось 60 лет. В Советском Союзе никто к этому юбилею не готовился, но в Великобритании было решено показать по первой программе Би-би-си телевизионный художественный фильм о Сахарове. По предварительному сценарию он делился на три части, от испытания изобретенной Сахаровым первой советской водородной бомбы в 1953 году до ссылки ученого в Горький. В Англии в то время работали четыре главных общенациональных телевизионных канала – BBC1, BBC2, ITN и Channel 4. Первые два были государственными, без рекламы, но с платой за антенну, два других – коммерческими и с рекламой. К 1981 году о Сахарове как о лауреате Нобелевской премии мира было опубликовано несколько очерков с биографиями. Некоторые из его собственных публикаций также являлись автобиографическими. По этим материалам был подготовлен сценарий из трех частей. Первая из них включала создание и испытание водородной бомбы, конфликт с Хрущевым по поводу испытания супербомбы на Новой Земле, конфликт с Лысенко на выборах в Академию наук в 1964 году и начало политической активности. Это был период до 1971 года. Вторая и третья части сценария включали борьбу за права человека, участие в

протестах на судах, кампанию за свободу эмиграции, Нобелевскую премию мира и ссылку в Горький. Поскольку фильм был художественный, Сахарова и других героев играли актеры.

В декабре 1980 года автор сценария и режиссер приехали ко мне для консультации. В Лондоне, кроме меня, не было людей, лично знавших Сахарова в период 1964–1972 годов. Кроме того, Жорес и Рой Медведевы появлялись в фильме как собеседники Сахарова в его квартире. Роль близнецов должен был исполнить один и тот же артист. Работа над фильмом уже начиналась. Московское бюро Би-би-си провело съемки в Москве, в частности и того элитного квартала, где жил Сахаров. Но в январе 1981-го, когда съемки уже начались, неожиданно возникли проблемы. Как оказалось, жившие в Бостоне сын Елены Боннэр Алексей Семенов и дочь Татьяна Янкелевич заключили эксклюзивный договор на фильм о Сахарове с какой-то крупной американской киностудией. Узнав о подготовке ВВС1 трехсерийного фильма на ту же тему, американская киностудия и бостонские родственники Сахарова потребовали прекратить работу, заявив, что они обладатели копирайта на сценарий на данную тему. Возник конфликт, требовавший юридического решения.

Продолжение истории с фильмом ВВС будет понятно из моего письма Рою от 26 января 1981 года:

«...Би-би-си уже несколько месяцев готовит фильм о жизни Сахарова – его будут показывать здесь в связи с 60-летием А. Д. в мае этого года. Но Ефрем Янкелевич, который представляет Сахарова на Западе, пытается запретить Би-би-си работу над фильмом, так как студия не заключала с ним официального договора и не обязывалась платить семье Сахарова никаких гонораров... Янкелевич передал “исключительные права” на все фильмы о Сахарове какой-то фирме в Голливуде... Здесь ведь все можно продавать... Би-би-си теперь решило подготовить лишь первую часть сериала, о том, как Сахаров вошел в диссидентство – период шестидесятых и начала семидесятых. На все события до 1973 года никакого копирайта не может быть, да и Боннэр со своими детьми тогда еще в жизни Сахарова не появлялась. Сценарист теперь думает, что последние годы хорошо известны и наиболее интересно показать, как крупный ученый-атомщик порвал с этой системой и с производством бомб. В фильме будут играть артисты, и там будут сцены и моей встречи с Сахаровым в сентябре 1964, выступление Сахарова в АН СССР в 1964 и т. д. Они также покажут и встречу А. Д. с тобой, его работу над “Размышлениями...”, встречи с Турчиным, Чалидзе и др. – в общем, ранний период... Боннэр там не будет. Би-би-си считается на Западе лучшей телекомпанией по качеству фильмов, и их фильм, наверное, будет успешнее американского... Но они просили узнать ряд деталей... Им нужно знать отчество первой жены Сахарова Клавдии и имена его дочерей, сын – Дима, а дочерей я не помню. Сценарист звонил Чалидзе и Турчину, но они тоже не помнят...

Также им нужно знать адрес квартиры возле института, где А. Д. жил до 1972 года, и, если возможно, адрес в Жуковке... можно позвонить сыну или дочке...»

Все детали Рой узнал. Дочерей Сахарова звали Таня и Люба, первую жену – Клавдия Алексеевна. Фильм о Сахарове (около 70 минут) я смотрел два раза, сначала цветной, на

большом экране, на предварительном просмотре в студии, затем дома в юбилейный день. У нас тогда все еще был черно-белый экран, и регулярно мы смотрели лишь «BBC News». Фильм, снятый американской киностудией, я не видел.

Новый кризис

Экономический кризис в западных странах и в Японии, начавшийся после Исламской революции в Иране и советского вторжения в Афганистан, заметно усилился в результате нападения иракской армии на Иран в сентябре 1980 года. Эта война явно планировалась как блицкриг, так как у Ирана после свержения монархии не было боеспособной армии. Бомбардировками иракской авиации были разрушены нефтеперегонный завод и несколько экспортных терминалов. В течение первых месяцев была оккупирована большая и богатая нефтью пограничная иранская территория. Однако Иран сумел выдержать первый натиск, и к марту 1981 года война вступила в затяжную окопную фазу, нарушив при этом экспортные возможности этих главных нефтедобывающих стран, поскольку были повреждены и выведены из строя нефтепроводы. Цены на нефть опять пошли вверх, достигнув нового рекорда. В Великобритании безработица к середине 1981 года поднялась до 10 %, в США до 8 %. Пытаясь побороть начавшуюся рецессию денежной эмиссией, администрация США довела инфляцию в стране до 13 %. В Великобритании правительство консерваторов имело другой важный резерв финансовой стабилизации – приватизацию национализированных лейбористами после 1945 года ключевых отраслей промышленности – судостроительной, автомобильной, угольной, химической, сталелитейной и других. Этот процесс, растянувшийся на много лет, вел к снижению инфляции (с 12 % в 1981-м до 8 % в 1982-м и до 4,6 % в 1983-м), но не безработицы.

Советская экономика, которая до 1965 года ориентировалась на автономное и взаимосвязанное развитие всех жизненно важных отраслей промышленности независимо от мировой конъюнктуры, в брежневский период перешла на экспортно-импортную модель, которая казалась значительно проще в управлении и эффективнее. Новая модель развития приобретала все большую и большую популярность и у населения, убеждавшегося в том, что импортные потребительские товары почти всегда разнообразнее и качественнее отечественных. Многих потребительских товаров не первой необходимости в СССР вообще не производили. Импортные потребительские товары быстро стали привычными в быту всех слоев населения. Советский Союз постепенно встраивался в мировую экономику, не снижая при этом уровня конфронтации холодной войны и не отменяя государственную монополию на внешнюю торговлю.

Благосостояние разных стран определяется множеством исторических факторов. В большинстве случаев высокий уровень жизни населения в некоторых так называемых развитых странах обеспечивается не столько производительностью труда, сколько специфическим сверхдоходом, не имеющим отношения к производительной экономике. Для Греции, Франции и Италии, например, важными факторами их экономического процветания являются древняя история, хороший климат и морские побережья. Для Швейцарии – ее строгий нейтралитет и международные финансовые услуги. В Соединенных Штатах расходы бюджета могут постоянно превышать доходы просто за счет того, что доллар США стал мировой валютой. Жители Великобритании и до настоящего времени не исчерпали тех богатств, которые были накоплены в стране в колониальный период. С другой

стороны, бедность многих стран также имеет исторические, географические и нередко демографические причины. Влияет на экономику и религия, особенно религиозные запреты.

Из современных стран, где основой благосостояния является прежде всего производительный труд, можно выделить Германию и Японию. Исторические причины для этого хорошо известны – провал их попыток военного захвата ресурсов остального мира. Потерпев поражение, эти страны освободили свои бюджеты от военных расходов.

В условиях общей пестрой картины мировой экономики Советский Союз постепенно начал делать главным источником благосостояния страны ее нефтяные и газовые ресурсы. Отказ от экономической автономии и взаимосвязанного развития всех отраслей, созданных сталинскими пятилетками, мог бы быть оправданным при отсутствии политической и военной угрозы. Расширение в СССР всех форм потребления преимущественно за счет экспортных прибылей от продажи природных ресурсов было рискованным экспериментом и основывалось лишь на уверенности советских лидеров в том, что мировые цены на эти ресурсы будут все время повышаться. Для 1979–1982 годов этот прогноз, казалось, находил подтверждение. Кризис, инфляция и безработица в западных странах оборачивались ростом благосостояния населения в СССР. Квартиры, газ, водо- и теплоснабжение всему населению страны предоставлялись бесплатно. Все формы образования были бесплатными. Государство субсидировало населению транспорт и продовольственное снабжение. Субсидировались издательства, книготорговля, пресса, радио и телевидение, театры и киностудии, санатории и дома отдыха, детские сады и ясли. Субсидировались цены на электроэнергию и на бензин. Телефонное обслуживание населения в пределах городов было бесплатным. Почта субсидировалась и бесплатно доставляла по адресам все подписные издания. Колхозы и совхозы получали безвозвратные кредиты на покупку удобрений и сельхозтехники. Постоянно расширялась сеть бесплатного медицинского обслуживания, лечебного и профилактического. Главным источником этого благополучия стали растущие прибыли от экспорта нефти и газа. В период с 1968 до 1980 года экспорт нефти, нефтепродуктов и природного газа вырос почти в десять раз, превысив половину всего экспорта. По добыче нефти и газа Советский Союз вышел на первое место в мире. При этом экспорт в общем балансе внешней торговли всегда превышал импорт, что избавляло страну от валютных кредитов.

Однако другие социалистические страны – члены СЭВ, не имевшие природных ресурсов для экспорта, входили в энергетический кризис с большими политическими потрясениями. Это прежде всего относилось к Польше, которая в последнее десятилетие поддерживала рост внутреннего потребления и социальных расходов в основном с помощью внешних займов. В начале 1981 года, в условиях сильной инфляции и падения жизненного уровня населения, страна столкнулась с неизбежностью дефолта на свой внешний долг, приблизившийся к 30 млрд долларов. К концу года в Польше были распущены многие профсоюзы, введено военное положение и установлена диктатура генерала Ярузельского. В Венгрии резкое повышение цен на продовольствие и потребительские товары было смягчено частичной приватизацией и появлением смешанной экономики. В Румынии, имевшей собственную добычу нефти, также были введены жесткие меры по сокращению потребления и всех субсидий. Экономический кризис в Восточной Европе оказался более тяжелым по последствиям, чем в Западной.

После XXVI съезда КПСС, завершившегося в Москве в марте 1981 года избранием Леонида Брежнева генеральным секретарем и оставившего почти без изменений Политбюро ЦК КПСС, и Рой и я стали получать, в основном от левых журналов, заказы на аналитические статьи о Брежневе и его «эпохе», явно вызванные ожиданием близкого конца его правления. В США, видимо в сотрудничестве с другими странами НАТО, как мне рассказывали американские советологи, существовала спецслужба, которая постоянно следила за состоянием здоровья ключевых лидеров мира по всем доступным для этого показателям. Ясность речи, мимика, подвижность, появление морщин и пигментных пятен на лице, седины в волосах, тучность и множество других внешних признаков при увеличении и сравнении изображений на большом экране позволяют осуществлять достаточно точную диагностику и давать прогнозы. Во время зарубежных поездок лидеров и вождей в резиденциях и отелях, где они останавливаются, их мочу собирают для тщательного анализа (возможно, и в некоторых помещениях ООН, куда на пленарные заседания приезжают обычно главы государств). Таким образом легко поставить диагноз и дать прогноз на развитие диабета, подагры, болезней печени и почек, атеросклероза и множества других аномалий обмена веществ. Подслушиваются также разговоры лечащих врачей, всегда сопровождающих лидеров. У Мао Цзедуна, не выезжавшего из Китая, по внешним признакам была задолго до его смерти диагностирована болезнь Паркинсона. У президента Египта Насера в цветущем возрасте был нарушен обмен жиров и сахара и развивался сильный атеросклероз сосудов ног. У президента Алжира Х. Бумедьена был обнаружен хронический вирусный гепатит и т. д. Самым здоровым из коммунистических лидеров считался Фидель Кастро.

У Брежнева уже в 1968 году обнаруживался склероз сосудов мозга, возможно связанный с нередкой работой по ночам и со слишком интенсивным курением. Врачи были обеспокоены, и Брежнева обязали сократить курение, для этого его снабдили портсигаром, который открывался только раз в час. Скрыть эту проблему во время зарубежных поездок было невозможно. На нее обратил внимание даже Ричард Никсон в 1973 году во время дружеского визита Брежнева на его ранчо в Калифорнии:

«Брежнев демонстрировал типично русское сочетание высокой дисциплинированности в одних случаях с ее полным отсутствием в других. Забавным символом такой несовместимости был его новый смешной портсигар с вделанным в него счетчиком, который автоматически выдавал одну сигарету в час. Это был способ, которым он боролся с непрерывным курением. В начале каждого часа он церемонно вытаскивал выданную сигарету и закрывал портсигар. Потом, спустя несколько минут, лез в карман пиджака и доставал другую сигарету из обычной пачки, которую тоже носил с собой. Таким образом он мог продолжать привычное непрерывное курение до тех пор, пока не срабатывал счетчик, и он мог достать заслуженную сигарету из портсигара... (The Memoirs of Richard Nixon. New York, 1979. P. 433).

Проблемы с мозговым кровообращением и курением неизбежно сопровождалась бессонницей. Брежнев начал принимать разнообразные, часто сильнодействующие снотворные, причем не всегда перед сном. Он мог неожиданно заснуть и днем. Эта зависимость была легко диагностирована при поездках Брежнева в США в 1973 и 1974

годах. Все синтетические лекарства, принимаемые человеком, или продукты их распада частично выделяются почками.

В каких-то секретных меморандумах западных спецслужб указывалось, что 1981 год мог стать последним в жизни советского лидера. Журналы и газеты, заказывая статьи о Брежневе, просили подвести итоги его правления и назвать наиболее возможного преемника. Первую такую статью-интервью я подготовил еще в конце 1979 года для теоретического журнала британских левых *New Left Review* (№ 117. Р. 3–29). Вопросы мне прислали в письменной форме, и я мог отвечать на них подробно с цифрами и объяснениями. Наибольшие трудности представляли последние вопросы: «Кого вы считаете наиболее возможным преемником Брежнева в современном руководстве? Считаете ли вы, что уход Брежнева сигнализирует коренные изменения в советской политике в 80-е годы?»

Советская практика «престолонаследия» предусматривала автоматический переход власти в партии к второму секретарю ЦК КПСС, ответственному за идеологию, то есть к Михаилу Суслову. Однако состояние здоровья Суслова, который был на четыре года старше Брежнева, не обещало такой перспективы. Брежнев не был диктатором и не имел слишком явных фаворитов в руководстве страны. По различным проблемам он передавал полномочия своим коллегам, и именно это предотвращало какую-либо борьбу за власть в Политбюро, даже при явно больном лидере. По проблемам экономики основные решения принимал Косыгин, по идеологии – Суслов, по партийному аппарату – Черненко, по международным делам и госбезопасности – Андропов, по военным проблемам – маршалы Гречко и Устинов. Республиканским лидерам Брежнев предоставил полную свободу в их вотчинах. Хрущев приезжал в столицы республик как строгий ревизор, Брежнев – как почетный гость. Мой выбор в предсказании следующего лидера пал на Юрия Андропова, «который занимался международными проблемами в Секретариате до назначения руководителем госбезопасности. В последние годы Андропов аккумулировал наибольшую власть... партийная бюрократия не любит потрясений и предпочтет лидера, который сможет занимать высший пост по крайней мере 10–12 лет» (Там же. С. 28).

В 1979 году Юрию Владимировичу Андропову исполнилось 65 лет. В ЦК КПСС он представлял молодое послевоенное поколение, которое приходило на партийную работу через комсомол, а не с производства, как поколение Косыгина и Брежнева. В западные страны с официальными визитами он никогда не ездил, и о состоянии его здоровья ничего не было известно.

Лев Копелев в ФРГ

Лев Копелев, писатель-литературовед, близкий друг Солженицына и Твардовского, выехал в ФРГ в ноябре 1980 года по приглашению Генриха Бёлля для чтения лекций и работы в архивах. Копелев был также другом Владимира Лакшина, Роя и моим, и я несколько раз писал о нем в предыдущих главах этих воспоминаний. Сомнений в том, что его лишат советского гражданства, не могло быть. И случилось это очень быстро и без всякого предлога. Необычным было лишение гражданства и жены Копелева – при отсутствии каких-либо поводов. Возможно, что по каким-то признакам и по переписке для КГБ стало очевидным, что Копелев и его жена Раиса Орлова могут неожиданно вернуться в Москву. В письме от 5 февраля 1981 года Рой писал:

«Посылаю сегодня бандероль с вырезками и двумя подписными изданиями: “Ведомости Верховного Совета” и “Сборник постановлений”. В одном есть Указ о лишении Копелева и Орловой гражданства... В литературной среде говорят, что Копелев в ФРГ чувствует себя не очень хорошо. Немецкое издание его книги “Хранить вечно” имело небольшой тираж. Книга “И сотворил себе кумира...” пока не переводилась. И Лев и Рая очень интересны как люди, собеседники и публицисты. Но литераторы они слабые. Копелев, наверное, лучший в СССР специалист по немецкой классике. Но в Германии русские эксперты по Гёте, Гейне, Шиллеру или Брехту вряд ли нужны...»

Книги, о которых писал Рой, издавались на русском в США издательством «Ардис». Тиражи не превышали 1000 экземпляров.

Положение Копелева в ФРГ осложнялось и тем, что его жена Раиса Орлова, специалист по американской классике, не знала немецкого языка. Однако в Москве у них не было никаких перспектив. Копелева исключили из КПСС еще в 1968 году за подписание протеста против вторжения в Чехословакию. В 1977 году за письмо в защиту А. Д. Сахарова его исключили из Союза советских писателей. Это означало полную невозможность печататься и потерю всех заработков. Льву Зиновьевичу было уже 68 лет, Раисе Орловой – 62. Пенсии у них были очень скромными. Но и отъезд в эмиграцию для человека в возрасте 68 лет тоже создавал множество проблем, прежде всего финансовых и жилищных. Жизнь в ФРГ требовала значительно больше денег, чем в СССР. После нескольких лекций в разных городах ФРГ супруги действительно собирались вернуться в Москву. Теперь этот путь был им отрезан.

До 1980 года у меня с Львом Зиновьевичем была довольно регулярная переписка. Он отправлял свои письма и статьи для публикаций с okazиями или через диппочту посольства ФРГ в Москве. Я отвечал заказными или тоже через диппочту, а также с оказией. Копелев активно сотрудничал с Роем в публикации самиздатного альманаха «Двадцатый век» в 1975–1977 годах, и я получил тогда несколько его очерков. Три больших очерка, один из них с полемикой по поводу солженицынского «Письма вождям Советского Союза», я смог опубликовать в английском, немецком, французском и итальянском изданиях альманаха и послать через Роя автору небольшую сумму долларов. Через Роя я посылал Копелеву разные книги и иногда лекарства. Я ожидал, что Лев Зиновьевич мне позвонит из ФРГ или напишет. В ФРГ я бывал два-три раза в год, обычно для участия в конференциях и симпозиумах, и иногда встречался там с некоторыми советскими диссидентами, уехавшими из Москвы. Чаще всего я встречался с Германом Наумовичем Фейном, другом Роя, бывшим школьным учителем русской литературы и специалистом по Толстому. Он свободно, с детства, владел немецким. В 1975 году Фейн эмигрировал в Израиль, а затем, не без трудностей, переехал в ФРГ. Здесь он тоже стал преподавать русскую литературу, но уже в Гейдельбергском университете. Много лет Фейн не мог получить паспорт гражданина ФРГ, так как не был этническим немцем. Он часто публиковал свои статьи, рецензии и очерки в русской эмигрантской прессе, выбрав для этого псевдоним Герман Андреев. У меня с Германом Наумовичем установились дружеские отношения и регулярная переписка, и он два раза, приезжая с женой в Лондон, останавливался в нашем доме.

Однако от Копелева ни писем, ни звонков не было. Его судьбой интересовались в Москве многие друзья, но он не писал ни Рою, ни Лакшину, ни другим общим друзьям. Я не

знал ни его адреса, ни номера телефона. Возможно, что постоянного адреса у него еще не было. Молчание столь общительного человека удивляло, но по нескольким историям других эмигрантов я понимал, что это означает разочарование и проблемы, прежде всего финансовые. В июле 1981 года я полетел на несколько дней в Нюрнберг на симпозиум по старению. Там находился один из первых германских институтов геронтологии, и я бывал в этом городе почти каждый год. В Нюрнберге мне удалось узнать, что Копелев получил грант якобы от Вуппертальского университета (Вупперталь – небольшой город к востоку от Дюссельдорфа) для исследований по теме «О многовековых связях России и Германии». (Позже выяснилось, что грант был не от университета, а от частных фондов.) Копелев и Орлова писали только родственникам, у них в СССР остались две взрослые дочери и внуки. Но друзьям-писателям они, очевидно, не хотели писать о своей работе в городке, о котором многие из них не знали. «Многовековые связи» были все же односторонними. Со стороны русских к немцам и другим западным народам с древних времен всегда проявлялся значительно больший интерес, чем наоборот. Копелев получил в университете звание профессора и нескольких ассистентов в помощь. Но эта работа не имела прямого отношения ни к литературе, ни к литературоведению. Это была социальная история.

Вскоре появились академические издания на немецком языке, объяснявшие, какую роль в разные века, начиная с IX–XI, немцы сыграли в развитии российской культуры, науки, искусства, техники, военного дела и государственного устройства. Пик приходился на времена Петра Первого и Екатерины Второй. Было издано несколько томов. Три заголовка (в переводе на русский) – «Германия и немцы в русской письменности от летописей до Карамзина и Болотова. IX–XVII», «Образы России и русских в немецкой письменности IX–XVII» и «Германия и немцы в творчестве русских авторов XIX века» – дают представление о тематике этих исследований. На другие языки эти работы, насколько мне известно, не переводились, и я их не читал. Влияние европейских наций на развитие России никогда не вызывало сомнений. Аналогичные темы можно было бы разрабатывать в Швеции, Голландии, Греции, Англии, Франции, Италии и в других странах, причем не только европейских. Важным было то, что немецкое или шведское влияние никогда не перерастало в дружелюбие. Искреннее дружелюбие и интерес к русским и к русской культуре в Европе больше всего чувствуются во Франции, Греции, Италии и Голландии. В Германии русских не любили, как, впрочем, и других славян. Герман Фейн, встречавшийся с Копелевым, объяснил мне, что Копелева больше всего раздражали частые антисемитские высказывания коллег, которые были обычным явлением среди немцев старшего поколения. Копелев был популярен прежде всего как русский германист, даже германофил, а не как автор книг о жизни в СССР или прототип антифашиста и лениниста-идеалиста Льва Рубина в романе Солженицына «В круге первом». В ФРГ Льву Копелеву (в действительности не Зиновьевичу а Залмановичу) приходилось скрывать, что он еврей. Сохранившиеся у немцев его поколения антисемитизм и бытовая юдофобия, естественно, угнетали Копелева. В Германии его везде представляли как русского и узнавали по необыкновенно большой седой, «толстовской» бороде. Получить гражданство ФРГ иностранцам было практически невозможно. Законодательство и конституция ФРГ не разрешали гражданство даже тем, кто там родился, если они не были этническими немцами. Это создавало проблемы прежде всего для турок, которых приглашали с 1950-х как новых оstarбайтеров на постоянную работу. Потеряв в двух войнах очень заметную часть своей исторической территории, отошедшей Польше, Чехословакии, Советскому Союзу, Франции и Бельгии, и оказавшись в Германии,

разделенной на ФРГ и ГДР знаменитой Берлинской стеной, немцы теперь очень сильно ограничивали любую ассимиляцию. Но Копелеву и Орловой выдали германские паспорта уже летом 1981 года «в порядке исключения», за заслуги перед Германией. При этом предупредили, чтобы они не сообщали о получении паспортов в интервью или в прессе, чтобы это не стало прецедентом. О выдаче им немецких паспортов ходатайствовал Вилли Брандт, бывший канцлер ФРГ и лидер социал-демократической партии.

Я случайно встретил Льва Зиновьевича в Москве в июне 1991 года на Красноармейской улице возле дома № 21. Это был дом писателей, и я выходил из квартиры В. Я. Лакшина. Копелев, прежде живший в этом доме, тоже навещал там одного из старых друзей. Мы обнялись и были очень рады встрече. Копелев теперь жил в Кёльне, но одиноко. Раиса Орлова умерла от рака в 1989 году. И Копелеву и мне, почти одновременно, вернули в 1990 году советское гражданство. Он приехал в Москву, чтобы восстановить пенсию, но жить в Москве не планировал. Большинства прежних дружеских связей Копелев не восстановил, с Роем, Лакшиным и бывшими сотрудниками «Нового мира» не встречался. Он умер в Германии в 1997 году.

Желтый дождь

В воскресенье вечером 13 сентября 1981 года мне позвонил Джонатан Стил, журналист из *The Guardian*, ответственный в газете за советскую тематику, и попросил прокомментировать только что сделанное на пресс-конференции в Западном Берлине заявление Александра Хейга (Alexander Haig), государственного секретаря США. В полученном в редакции телетексте цитировались слова госсекретаря:

«В течение некоторого времени мировая общественность была озабочена постоянно поступающими сообщениями о том, что Советский Союз и его союзники используют летальное химическое оружие в Лаосе, Кампучии и Афганистане... Теперь мы располагаем вещественным доказательством из Юго-Восточной Азии, – образцы, которые были проанализированы... Было обнаружено, что эти образцы содержат очень высокие концентрации трех микотоксинов – ядовитых веществ, которые не встречаются в природной среде этих стран и которые высоко токсичны для людей и животных...»

Дж. Стил, с которым я был знаком с 1973 года, знал русский и много раз приезжал в Советский Союз, навещая обычно и Роя. Сейчас он звонил из редакции, в воскресенье сотрудники готовили к выпуску номер на понедельник. Заявление госсекретаря США было сенсацией и готовилось на первую полосу газеты. В другом разделе газеты публиковались комментарии экспертов, которых опрашивали по телефону. Я знал, о чем идет речь, так как различные обвинения и репортажи о применении Вьетнамом химического оружия при оккупации Лаоса и Камбоджи публиковались довольно часто в 1979 и 1980 годах на основании рассказов беженцев из этих стран. Содержание рассказов сводилось обычно к тому, что на отдаленные горные деревни, населенные племенами хмонгов, которые были союзниками США во вьетнамской войне, с низколетящих самолетов и вертолетов сбрасывались в виде аэрозольного облака какие-то отравляющие смеси, выпадавшие на землю мелкими желтыми каплями. Образцы желтых пятен от этих осадков на листьях растений, на камнях и на других объектах доставлялись в разные токсикологические лаборатории Таиланда, США, Англии и Канады, но до сих пор все анализы и тесты на присутствие в этих пятнах известных экспертам отравляющих веществ давали отрицательный результат. Между тем беженцы утверждали, что от желтого дождя болели и умирали сотни людей. Публиковались фотографии язв на коже детей, вызванных таким дождем. Микотоксины, образуемые плесневыми грибами, не входили раньше в число ядов, пригодных для военных целей. Заявление Хейга меняло характер проблемы.

Я объяснил Стилу, что Хейг как бывший генерал не понимает самого предмета дискуссии. Микотоксины, я это знаю еще из учебников ботаники и биохимии растений, образуются низшими грибами, и, например, пенициллин и другие антибиотики тоже относятся к микотоксинам. Некоторые роды этих грибов, особенно фузариум, паразитирующие на злаках, хлопке и вообще на растительных остатках, образуют более токсичные соединения, которые можно обнаружить, например, в гнилом картофеле и в

других овощах или при хранении зерна в сырых помещениях. Ими можно и отравиться, но лишь в том случае, если съешь испорченный продукт. Все такие микотоксины не могут не присутствовать в субтропиках Юго-Восточной Азии, их споры всегда есть в почве. Это сложные органические соединения, антибактериальные по эволюционному происхождению, и в природных средах они быстро распадаются. Для человека они обладают значительно меньшей токсичностью, чем токсины в некоторых видах высших грибов, растущих в лесу, которые появились в процессе эволюции именно как защита от поедания животными. Я попросил Стила в случае ссылки на меня в его статье сказать, что основная специализация Жореса Медведева – биохимия растений. Он об этом не знал. На следующий день, купив кроме *The Guardian* и другие газеты, я обнаружил, что комментарии британских токсикологов, к которым обращались за объяснениями журналисты, были не менее скептическими, чем мои. Британское агентство химической защиты имело, однако, сведения о том, что упомянутые Хейгом микотоксины относятся к группе трихотеценов, нередко обнаруживаемых в заплесневелой муке или в зерне с повышенной влажностью и при плохом хранении. На больших хлебозаводах муку, особенно импортную, иногда тестировали на присутствие микотоксинов. Отравления от заплесневелых продуктов не приводили обычно к летальному исходу. Самым сильным считался Т-2-микотоксин, но летальная для человека доза в расчете на чистое вещество измерялась десятками миллиграммов, что исключало эффективность распыления его в аэрозольной форме с самолетов.

Газета *International Herald Tribune*, которую я получал по подписке, тоже сообщала на первой полосе о выступлении Хейга. Но одновременной сенсацией оказались и массовые демонстрации в Западном Берлине против американской политики.

Заявление госсекретаря США в сентябре не получило, даже в США, немедленного подробного разъяснения. Журнал *Science* в редакционной статье отнесся к обвинениям скептически, назвав их «преждевременными» (2 октября, с. 34). Однако в ноябре *The Wall Street Journal* в редакционных статьях трех последовательных номеров, посвященных желтому дождю, обвинил в этом военном преступлении СССР:

«Советский Союз уже давно вовлечен в разработку и производство химического и биологического оружия. Советы использовали химическое оружие в Йемене в 1960-е годы и используют в настоящее время в Камбодже, Лаосе и Афганистане... Доказательства этому убедительны» (3, 6, 13 ноября 1981).

Американским журналистам стало также известно, что «убедительные доказательства» были представлены американским биохимиком Честером Мирочей (Chester J. Mirocha), профессором патологии растений Университета Миннесоты, лаборатория которого была одной из нескольких, получивших на анализ «желтые пятна» на листьях растений, доставленных в США из Лаоса службой разведки Таиланда. Из шести пятен, впервые проанализированных в Миннесоте не химическими, а спектроскопическими методами, пять дали положительную качественную реакцию на трихотеценовые микотоксины. Химические методы анализа, или выделение самих токсинов, оказались невозможными из-за ничтожных количеств самого «желтого вещества» в высохших пятнах на листьях, доставленных из Лаоса. Проблема «желтого дождя» стала настолько сенсационной и загадочной, что службы химической защиты некоторых других стран начали тоже посылать своих экспертов в Лаос, Кампучию и Таиланд для независимых обследований пострадавших беженцев и местного

населения и для сбора образцов желтых пятен, которые продолжали периодически появляться в районах поселений лаотянских хмонгов, чаще всего при тихой погоде и при отсутствии каких-либо налетов вьетнамских самолетов. Но желтые капли при безоблачной погоде явно падали с неба, прилипая к поверхности листьев, камней и к крышам домов. «Желтый дождь» существовал, это был не миф, а реальность.

В январе 1982 года один из сотрудников британского центра по химической и биологической защите впервые посмотрел на вещество желтых пятен под микроскопом. К его удивлению, оказалось, что основным компонентом пятен, объясняющим их желтый цвет, является пыльца растений. Об этом открытии сообщили американскому правительству. Центр в США, занимавшийся этой проблемой (The U.S. Army Chemical Research and Development Center), проверил свою коллекцию образцов и подтвердил результат. Однако американские эксперты по химической защите сделали заключение, что это искусственная смесь, специально разработанная для двойного действия. Первичные влажные капли, как они предположили, попадают на кожу, через которую токсин может проникать в кровь. Пыльца при высыхании капель на листьях и других поверхностях создает легкую пыль, которая попадает в организм человека при дыхании, и токсин таким путем попадает в легкие. Пыльца (размеры зерен от 10 до 20 микрон) служит в этом случае носителем токсина.

Проблема «желтого дождя» приобретала особую остроту именно в это время, потому что число беженцев-хмонгов из Лаоса, переплывавших через реку Меконг в Таиланд, спасаясь от «нового оружия», превысило 150 000 человек. Лагерь беженцев переполнялись, и правительство Таиланда, не справляясь с таким потоком, требовало, прежде всего от США, расселения этих людей. Война в Лаосе в 1965–1973 годах между вооруженными ЦРУ отрядами хмонгов и регулярной армией Северного Вьетнама была секретной. Участие в ней вооруженных ЦРУ отрядов хмонгов не объявлялось. Сводки об операциях, нередко серьезных, не публиковались. Лаос считался суверенной и нейтральной страной, и присутствие там американских спецподразделений было незаконным. Но именно по территории Лаоса проходила знаменитая тропа Хо Ши Мина, по которой Северный Вьетнам отправлял в Южный своих бойцов и военное снаряжение для операций против американской армии. Эта тропа решила исход всей многолетней войны. Секретный характер войны привел, однако, к тому, что ООН и Красный Крест не признавали своей ответственности за судьбу хмонгов. Американская администрация, в свою очередь, пыталась возложить ответственность за поток беженцев на Советский Союз и тайно применяемое новое химическое оружие.

22 марта 1982 года госдепартамент опубликовал подробный отчет «Химическая война в Юго-Восточной Азии» для конгресса США, в котором суммировались обвинения Советского Союза в нарушении Женевского протокола 1925 года и Конвенции ООН 1972 года о запрещении химического и биологического оружия. Готовилось представление этих обвинений в ООН. Но об открытии пыльцы растений в каплях желтого дождя пока никто не знал. Результаты этих открытий были засекречены.

«Ученые и ядерная война» – конференция в Нью-Йорке

В начале июня 1982 года мне предстояла поездка в Нью-Йорк для участия в конференции на тему «Общественные науки и ядерная война», организуемой Нью-Йоркским

и Рутгерским университетами, но объявленной как национальная. В декабре 1981 года мы с Роем, откликнувшись на призыв Эдварда Томпсона, одного из лидеров кампании против ядерного оружия, опубликовали в британском левом журнале *New Left Review* (№ 130. P. 5–22) статью «The USSR and the Arms Race» («СССР и гонка вооружений»), в которой гонка ядерных вооружений и холодная война рассматривались в историческом аспекте на примерах, как оказалось, малоизвестных или уже забытых в США. Эту статью в январе 1982 года перепечатал более массовый и влиятельный еженедельный американский журнал *The Nation*, также имевший левую ориентацию. Именно в связи с этой публикацией я получил в конце февраля приглашение принять участие в конференции с докладом на эту же тему. Судя по предварительной программе, организаторами конференции были не представители политических групп и движений, а авторитетные ученые. Предстояло обсуждение множества тем, включая и проблему ядерных отходов. Имена некоторых участников были мне знакомы. Конференция финансировалась разными фондами. (Уже по приезде в Нью-Йорк я узнал, что основными спонсорами конференции были супруги Уилбур Ферри (Wilbur Ferry) и Кэрол Бернштейн Ферри (Carol Bernshtein Ferry), очень богатые пацифисты и филантропы. Благодаря Уилбуру Ферри я получил билеты на самолет почтой на домашний адрес в Лондоне. В Нью-Йорке мне предоставили номер не в гостинице, а в клубе Йельского университета. Здесь я впервые увидел кабельное телевидение, предлагавшее десятки разных программ.

Конференция открывалась в Университетском центре в пятницу 5 июня, а мой доклад стоял в программе на пленарном заседании в субботу утром. В течение трех дней на пленарных и секционных заседаниях конференции обсуждалось более ста докладов. По ее окончании я планировал провести в США еще неделю и побывать в Гарвардском университете по приглашению профессора Мэтью Мезельсона (Matthew Meselson), биохимика и молекулярного биолога, с которым в 1980-м мы обсуждали в переписке проблемы, связанные с эпидемией сибирской язвы в Свердловске (см. [главу 45](#)). Мезельсон, помимо своей основной работы по структуре ДНК, являлся консультантом Американского агентства по контролю вооружений как специалист по проблемам биологического и химического оружия.

Мэтью Мезельсон и «желтый дождь»

Я познакомился с Мэтью Мезельсоном в октябре 1974 года во время моего первого посещения Гарвардского университета, тогда еще в связи с обсуждением поправки Вэника и Джексона в сенате США (см. [главу 27](#)). Мезельсон был уже хорошо известным биохимиком, и его открытие молекулярных механизмов восстановления повреждений в ДНК имело большое значение и для теорий старения на молекулярном уровне. Впоследствии мы с ним переписывались, обсуждая, в частности, в августе 1980 года происхождение эпидемии сибирской язвы в Свердловске. Мезельсон, не веривший в то время в версию утечки спор бактерий из секретной военной лаборатории, обратился ко мне с вопросами и весьма сложной просьбой:

«Каким образом, по Вашему представлению, советские органы здравоохранения и правительство могут реагировать на эпидемию кишечного антракса? ...Какие меры будут приняты и как это событие может быть

представлено в прессе и в научной литературе? ...Нет ли у Вас текста газетных статей и плакатов, появившихся в связи с этой эпидемией для предупреждения жителей города? Например, не могли бы Вы найти тексты статей, напечатанных в "Вечернем Свердловске"? ...Я был бы очень Вам обязан, если бы Вы прислали мне не только русские оригиналы, но и их английский перевод...»

Живя в Лондоне, заполучить вечернюю газету из Свердловска полуторагодовой давности было, конечно, невозможно. Знакомых в Свердловске ни у меня, ни у Роя не было. Даже если бы кто-то чудом смог найти такую реликвию в России, советская почтовая цензура не допустила бы ее отправки за границу. Областные газеты, тем более из закрытых для иностранцев городов, запрещены к отправке в другие страны. Но американцам такие проблемы были непонятны.

На этот раз при встрече с Мезельсоном не менее трудные вопросы, связанные с «желтым дождем», задавал я. Распыление микотоксинов как отравляющих веществ в форме аэрозоля с самолетов, даже низколетящих, казалось мне невозможным. Их и без того невысокая токсичность разводится в воздухе в тысячи раз. Они токсичны в пище, а не в воздухе.

Мезельсон, как оказалось, был вовлечен в пока еще секретную дискуссию о происхождении желтых пятен. Именно он рассказал мне об открытии пыльцы, из которой состояло это желтое вещество. Цвет его определялся каротиноидами, желто-оранжевыми растительными пигментами, всегда присутствующими в цветках растений. Максимальная концентрация каротиноидов обычно обнаруживается в пыльце. К заявлениям госдепартамента о применении Советским Союзом и Вьетнамом микотоксинов в качестве боевых отравляющих веществ Мезельсон относился крайне скептически. Он как биохимик был готов провести анализ белков и ДНК пыльцы в желтых пятнах. В 1982 году существовали методы, позволявшие определять видовой профиль ДНК в ничтожных количествах биологического материала. (Именно в это время были открыты методы анализа ДНК, которые вскоре стала использовать полиция для идентификации преступников. Для этого достаточно было около 60 нанограмм материала.) Однако на просьбы Мезельсона прислать в его лабораторию образцы желтых пятен для анализа ДНК пока отвечали отказом. Через три месяца, в сентябре 1982 года, по телефону, но с условием конфиденциальности, Мезельсон сообщил мне сенсационную новость: он получил для анализа несколько образцов желтых пятен на листьях растений, систематически доставляемых из Лаоса. Они действительно состояли из пыльцы множества разнообразных растений. Но эта пыльца, в отличие от реальной, не содержала белков и ДНК. Это были пустые оболочки пыльцевых зерен разного размера и формы. Каротиноидные пигменты, локализованные в оболочках пыльцевых зерен, частично сохранились, а вся протоплазма, включая ядра, исчезла. Мезельсон передал образцы желтых пятен своему другу Питеру Эштону (Peter Ashton), профессору ботаники Гарвардского университета, для идентификации.

Как известно многим, существуют «Определители растений» – руководства для ботаников, позволяющие определять вид растений даже по одному листочку. Менее известно то, что вид растения можно определять и по пыльце. Размеры, форма, частота и длина выступов, иногда типа микроколючек, цвет и тонкая структура оболочки пыльцевых зерен уникальны для каждого вида.

Открытия Питера Эштона и Томаса Сили решают проблему

Питер Эштон изучил образцы желтых пятен на листьях, доставленных из Лаоса. Его экспертное заключение оказалось неожиданным, но не вызывавшим сомнений. Пыльцевые зерна в желтых пятнах были от субтропических растений, типичных для Юго-Восточной Азии. Это заключение противоречило всем версиям ЦРУ. В начале 1983 года в Гарвардском университете по инициативе Мезельсона собрался секретный семинар, на который пригласили не только сотрудников американского военного центра, изучавшего эту проблему и готовившего все материалы для прежних заявлений госдепартамента, но и двух профессоров, поддерживавших своими тестами официальную версию, а именно Честера Мирочу из Миннесоты и Джозефа Розена (Joseph D. Rosen), биохимика из Рутгерского университета.

В связи с возникшими во время семинара разногласиями Эштон и Мезельсон пригласили из соседнего Корнеллского университета молодого энтомолога Томаса Сили (Thomas D. Seely), который изучал поведение пчел и других коллективных насекомых в разных регионах мира. Сили был уже широко известен своей оригинальной теорией коллективного разума (swarm intelligence), который позволял примитивным насекомым, собравшись в определенное сообщество, вести с помощью разделения труда очень сложную жизнь, совместно защищаясь от врагов и природных невзгод. Сили, осмотрев образцы желтых пятен на листьях растений, предположил, что по форме, размерам и цвету они очень похожи на экскременты пчел из рода *Apis*.

Пчелы, собирающие мед и питающиеся пыльцой растений, никогда не очищают кишечник в гнездах, а всегда делают это в полете. Их экскременты состоят в основном из оболочек пыльцевых зерен. Пчелы этого рода встречаются и в Юго-Восточной Азии, где Сили недавно был в экспедиции и изучал поведение ос. Предположение Сили объясняло отсутствие ДНК и белков в пыльце, обнаруженной в желтых пятнах. Зерна пыльцы служили главной пищей пчел и переваривались в их кишечнике. Оболочки пыльцевых зерен, состоящие из пектинов, пропитанных кератиноидным веществом, не перевариваются, хотя сохраняют проницаемость для воды и ферментов.

Объяснялся также и тот факт, что в разных желтых пятнах, собранных в Лаосе, всегда был широкий ассортимент пыльцевых зерен. Даже два пятна на одном листочке могли содержать разные наборы пыльцевых зерен. Эта находка Питера Эштона опровергала версию о том, что «желтый дождь» создавался человеком.

Моя поездка в США и новая встреча с Мезельсоном

В конце марта 1983 года мы с Ритой вылетели в США для трехмесячной поездки, начинавшейся во Флориде и заканчивавшейся в Канаде. Это был наш академический отпуск, полагавшийся в Великобритании научным сотрудникам раз в семь лет. Мы планировали побывать во многих университетах и институтах, где проводилось исследование хроматиновых белков и процесса старения. В Гарвардском университете по приглашению Русского центра 25 мая мне предстояло провести семинар. Официальное приглашение от директора этого центра Адама Улама (Adam B. Ulam) не предлагало определенной темы («по вашему выбору», говорилось в нем), но по телефону Улам сказал, что они хотели бы провести обсуждение инициатив Юрия Андропова. А я, естественно, планировал и

посещение Биологического центра, и встречу с Мэтью Мезельсоном.

Конфликтная дискуссия о «желтом дожде» к этому времени перешла в серьезную конфронтацию. 24 февраля 1983 года по этому вопросу состоялось специальное слушание в сенате США, которое, подтвердив официальную версию, выдвинуло эту тему на самый высокий уровень. Начали выходить и книги, отражавшие разные позиции. Материалы, собранные ЦРУ, общедоступным языком изложил в своей книге «Yellow Rain: The Journey Through the Terror of Chemical Warfare» (Evans & Co. New York) известный американский историк Стерлинг Сигрейв (Sterling Seagrave). Критика этих материалов была представлена в книге австралийского социолога Гранта Эванса (Grant Evans) «The Yellow Rainmakers. Are Chemical Weapons being used in S.E. Asia?» (Verso Edition, London. 1983), который с 1979 года изучал проблему непосредственно в Юго-Восточной Азии. М. Мезельсон был одним из консультантов Эванса.

Встреча с Мезельсоном состоялась в клубе факультета на условиях конфиденциальности. Он объяснил мне, что на него оказывается давление с просьбой не выступать со своими разъяснениями в открытой прессе, тем более в научной. В 1982 году происходило массовое переселение хмонгов из тайландских лагерей беженцев в США и, по просьбе США, в некоторые другие страны. В США уже расселили по разным штатам около 120 тысяч хмонгов, по несколько тысяч приняли Франция, Канада, Австралия, Аргентина и некоторые другие страны. Эти переселенцы составили больше трети всех хмонгов, живших до 1975 года в Лаосе. Расселение хмонгов мотивировалось для граждан западных стран тем, что у себя на родине они подвергаются истреблению с помощью нового химического оружия. По мнению Мезельсона, все это уже напоминало массовый психоз, из которого не было разумного выхода. Правительство США и ЦРУ не хотели или не могли «потерять лицо» без серьезных последствий, признав собственные ошибки. Однако Мезельсон все же решил сделать свои выводы открытыми, так как противоположная сторона продолжала распространять собственные аргументы. Да и случаи новых выпадений токсичного «желтого дождя» на горные деревни в Лаосе не прекратились. Остановить психоз можно было лишь открытой дискуссией. Через несколько дней, 31 мая, на ежегодной конференции Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for Advancement of Science – AAAS) в Детройте он вместе с Эштоном и Сили должен сделать доклад на тему «Сравнение желтого дождя с экскрементами пчел». Тезисы этого доклада на трех или четырех страницах Мезельсон передал и мне.

Желтый дождь продолжается

Доклад Мезельсона и его коллег на ежегодной конференции AAAS в Детройте не стал сенсацией. Широкая пресса его просто не заметила. Эти конференции слишком многолюдны, работают десятки секций, заслушиваются больше тысячи разных докладов и сообщений. Суть доклада Мезельсона по его заголовку была большинству участников непонятна. Но противники Мезельсона не могли оставить его выступление без последствий. Материалы новой полемики я читал уже в Лондоне.

Джозеф Розен, профессор Рутгерского университета, опубликовал 19 августа в *Science*, основном печатном еженедельнике AAAS, письмо-статью с результатами спектроскопического анализа вещества желтых пятен, доставленных из Лаоса. Методом масс-спектропии он сумел качественно идентифицировать наличие трех Т-2-

микотоксинов и полиэтиленгликоля, синтетического растворителя и эмульсификатора. Наличие такой смеси исключало его природное происхождение.

Мезельсон с коллегами – к Эшгону и Сили присоединился и Джулиан Робинсон (Julian Perry Robinson), британский ученый, специалист по биологическому и химическому оружию, – быстро написали ответ под заголовком «Происхождение желтого дождя» («Origin of Yellow Rain»), который был напечатан в одном из следующих номеров *Science* (28 октября. Т. 222. С. 366–368). Авторы подчеркивали, что выводы, сделанные Джозефом Розеном, основаны на анализе одного случайного образца желтого пятна, переданного в Лаосе солдатом-хмонгом корреспонденту ABC News, от которого через частную лабораторию капсула была получена Розеном. В статье говорилось:

*«Проблема слишком серьезна, чтобы решать ее на единичном анализе случайного образца... В нашем распоряжении были 15 образцов желтых пятен, доставленных из Лаоса... все образцы содержат пыльцу, идентифицированную как принадлежавшую растениям, произрастающим в Юго-Восточной Азии... По всем показателям, цвету, консистенции, набору пыльцевых зерен, пятна от желтого дождя очень напоминают натуральные экскременты пчел рода *Apis*. Много разных видов этих медоносных пчел встречается в Юго-Восточной Азии... Цвет фекальных депозитов пчел на листьях варьирует от слабо-желтого до оранжевого и размеры от 1 до 10 миллиметров, то есть они не отличаются от желтых пятен от предполагаемых химических атак в Лаосе. В пяти доставленных из Лаоса желтых пятнах нами обнаружены грибы (*fungal hyphae*) и в нескольких других – волоски пчел... Если образцы желтого дождя – это экскременты пчел, то сообщения о том, что они сбрасываются с самолетов, должны быть пересмотрены...»*

Статья произвела очень большой эффект. *Science* – наиболее читаемый во всем мире научный журнал. Изложение статьи с комментариями опубликовали многие газеты в США и в Европе. Я был уверен, что дискуссия о «желтом дожде» закончена. Мезельсон и его соавторы объяснили почти все загадки, кроме одной, на что им быстро указали оппоненты: о возможности атак с воздуха говорил характер распределения желтых пятен на местности. Одни участки на камнях, листьях, иногда на крышах домов были густо покрыты желтыми пятнами, другие, и их было намного больше, оказывались чистыми. Концентрированный и локальный характер выпадений, определявшийся как «атака с воздуха», не был объяснен. Чтобы найти ответ на поставленный вопрос, у Мезельсона не было другого выхода, кроме организации научной экспедиции в Таиланд и Лаос. Выпадения «желтого дождя» там все еще случались, и это явление нужно было наблюдать на месте. В марте 1984 года, как я узнал позднее, Мезельсон и Сили с двумя ассистентами вылетели в Таиланд. На месте к ним присоединился таиландский специалист по пчелам Акратанакул (Pongthep Akratanakul). Результаты их исследований были опубликованы в сентябре 1985 года в журнале *Scientific American*, который переводится на многие языки, включая русский. С тех пор выводы Мезельсона никем не были опровергнуты, хотя дискуссия о «желтом дожде» продолжается и до настоящего времени.

Открытие, сделанное Сили, Мезельсоном и их коллегами в Таиланде, стало результатом наблюдений за поведением пчел в этом регионе. Коллективные гнезда пчелиных семей, каждая из многих тысяч особей, были в окружающих лесах или в парках многочисленны. Большие гнезда медоносных пчел свисали с веток деревьев. Как оказалось, эти большие семьи совместно очищают свой кишечник в особых многосемейных коллективных очистительных полетах, происходящих раз в несколько дней. Рой пчел, поднявшийся на высоту до 80 метров, не виден человеку с земли. Но выпадения «желтого дождя» можно наблюдать даже в окрестностях Бангкока. Поскольку статья Мезельсона с соавторами была переведена на русский и публиковалась в русской версии журнала в феврале 1986 года, я ограничусь здесь лишь одной цитатой:

«В деревне Хуамонг (в Таиланде) мы осматривали в бинокли территорию вокруг двух деревьев, на одном из них было около 30 гнезд пчел, на другом более 80... Неожиданно цвет некоторых гнезд стал более светлым: сотни тысяч пчел покидали свои гнезда. Через мгновение капли пчелиных фекалий начали падать на нас, на каждого из нас упало около дюжины капель... Пчел, пролетающих над нами, мы не увидели и не услышали. Ливень фекалий начался в 5 ч. 17 мин. утра и продолжался примерно 5 минут. Плотность фекалий на крыше нашего автомобиля “лендровер” составила 209 на кв. метр. Свежие фекалии были липкие, разные по размеру и цвету... эти ливни и осадки очень похожи на ливни и желтые пятна, вызванные так называемым желтым дождем...

...Мы уверены в происхождении желтого дождя: это явление природы, а не продукт человеческой деятельности».

Уолтер Кронкайт в хрущевской пятиэтажке

Хрущевская пятиэтажка на улице Дыбенко, в которой жила семья Роя, была построена в 1963 году в лесопарковом северном пригороде Москвы. Между ее подъездами и домом напротив росли деревья и кустарники. Опытные итальянские и американские журналисты приезжали к Рою без предупреждения и часто городским транспортом: на метро до станции «Речной вокзал», а затем автобусом до улицы Дыбенко. В подъезде было пятнадцать квартир, так что входить и выходить могли не только гости Роя. Рой жил на пятом этаже, что затрудняло установку прослушивающих устройств. Их можно было установить лишь на чердаке, который не запирался.

10 ноября московский корреспондент самой влиятельной американской телевизионной компании CBS News приехал к Рою на большой машине и поставил ее возле подъезда. Гость, которого он привез, был Уолтер Кронкайт (Walter Cronkite), самый популярный телеведущий, который сообщал и комментировал в течение двадцати лет в ежедневной вечерней программе главные новости дня. В 1981 году он ушел с должности телеведущего и стал специальным корреспондентом CBS. Как телевизионный журналист Кронкайт пользовался в США максимальным доверием публики и безусловно оказывал влияние на общественное мнение и на политику в своей стране. Кронкайт считался человеком прогрессивных взглядов. К Рою он приехал для общей беседы, а не для официального интервью. Они обсуждали различные проблемы около трех часов. Кронкайт был в СССР впервые и нуждался в объяснениях. Даже квартира Роя на пятом этаже в подъезде без лифта представляла для него интерес. Москва в конце 1981 года была источником множества важных новостей. Конфиденциальное письмо, которое я вскоре получил от Роя, пришло по разным каналам в трех экземплярах. Последний из них содержал приписку от руки на полях:

«Сегодня было сделано предупреждение как в 75 (о якобы клевете). Я его игнорировал. Около моего подъезда вырубili все кусты и деревья, чтобы лучше наблюдать, кто ко мне приходит. Я буду писать очерк о Брежневe – но кончу в декабре...»

Очерк о Брежневe Рой писал по заказу британского журнала *Marxism Today* («Марксизм сегодня»). (Его опубликовали в мае 1982 года.)

Приезд У. Кронкайта в Москву был связан с телевизионным репортажем CBS News парада на Красной площади 7 ноября. Американские аналитики предполагали, что это мог быть последний парад в присутствии на трибуне Мавзолея Л. И. Брежнева. Порядок, в котором выстраивались остальные представители руководства страны на этой трибуне, никогда не был случайным. Справа от Брежнева стояли Николай Тихонов, новый премьер, который выглядел старше Брежнева, и Константин Черненко, руководитель Общего отдела и Секретариата ЦК КПСС. Брежнев не мог поднять правую руку для приветствия выше плеча.

К середине 1981 года в Москве и Ленинграде уже не осталось каких-либо организованных оппозиционных групп по защите прав человека. Их участники находились в заключении, в ссылке или в эмиграции. Такая же судьба постигла религиозных активистов и националистов. Однако небольшие оппозиционные марксистские кружки все еще возникали, и некоторые из них пробовали издавать самиздатные сборники или альманахи. Теперь пришел конец и этим группам, так как предметом их критики стал духовный паралич власти, свидетельствующий о неспособности существовавшего в стране руководства к осуществлению необходимых реформ. Пороки однопартийной и идеологической государственной системы становились слишком очевидными. Управление экономикой страны усложнялось в связи с развитием новых энергосберегающих и компьютерных технологий. Советский Союз начинал заметно отставать от США и Западной Европы по качественным показателям во всех отраслях промышленности. Рост импорта потребительских и продовольственных товаров открыл советский внутренний рынок и для высокой западной инфляции. В начале 1981 года были заметно повышены цены на многие потребительские товары. В продовольственных магазинах, даже в Москве, стояли очереди. В то же время мировые цены на нефть, основную статью советского экспорта, достигнув пика в 1980 году, упали к концу 1981-го на 10 % и продолжали снижаться. В условиях экономических трудностей в Советском Союзе обычно усиливались репрессии и ограничения.

Рой сообщил мне, что у него перестали принимать для отправки в Лондон бандероли с книгами:

«Я послал тебе несколько журналов. Книги послать не смог, их надо показывать в Комиссию по культурному обмену при Ленинской библиотеке. Раньше этот порядок существовал лишь на издания до 1929 года. Теперь распространили на все издания, даже переводные. Конечно, я не буду ходить в эту Комиссию с 2–3 книгами, а подожду, когда наберется 7–8 книг...»

В следующем письме Рой сообщил об аресте Бориса Кагарлицкого, талантливого молодого публициста и журналиста, создавшего небольшой левосоциалистический кружок в МГУ и выпускавшего самиздатный журнал «Социализм и будущее». С Кагарлицким была, через Роя, переписка и у меня. Он прислал несколько своих очерков для публикации в левых британских журналах. Обвинение «в заведомой клевете» грозило ему пятью годами лишения свободы. (До суда дело не дошло в связи с политическими переменами в стране. Однако, оказавшись на свободе, Кагарлицкий не мог публиковаться или преподавать даже в школе и несколько лет работал в Москве почтальоном.)

В сентябре Рой рассказал мне по телефону о вызове в КГБ нашего общего друга Леня Карпинского, наиболее крупной фигуры среди либеральных марксистов, который в недавнем прошлом был вторым секретарем ЦК ВЛКСМ и членом редколлегии «Правды».

Карпинский был сыном одного из старейших деятелей ВКП(б) Вячеслава Карпинского, близкого друга Ленина по швейцарской ссылке. Этой дружбой объяснялось и имя Леня. (В то время появлялись и Марлены и Владлены.) Окончив философский факультет МГУ в 1952 году и вступив в партию, Леня быстро сделал карьеру в комсомоле. В 1962 году он был уже секретарем ЦК ВЛКСМ по пропаганде, главным редактором журнала «Молодой коммунист» и членом редколлегии «Комсомольской правды». В то время его отец, академик АН СССР и

Герой Социалистического Труда, был жив. (Он умер в 1965 году в возрасте 85 лет.) Я познакомился с Карпинским именно в то время в связи с заказанным мне «Комсомольской правдой» очерком о Н. И. Вавилове и о генетической дискуссии (см. [главу 3](#)). Лен производил на собеседника сильное впечатление оригинальностью своих мыслей. В беседах он высказывал множество смелых и верных суждений, публикация которых в прессе была невозможна из-за цензуры. Свобода слова в СССР существовала лишь в доверительных беседах.

В 1965–1967 годах именно в аппарате ЦК КПСС вокруг первого заместителя заведующего отделом пропаганды Александра Яковлева сформировалась группа молодых марксистов и талантливых публицистов, наиболее заметными фигурами в которой были Лен Карпинский, Юрий Карякин, Александр Бовин, Георгий Арбатов, Федор Бурлацкий и Георгий Шахназаров. Если бы в КПСС существовала какая-либо внутривнутрипартийная демократия, то эта способная группа теоретиков и политологов имела бы шансы на продвижение в руководство. У них были дружеские отношения с прогрессивными социологами и экономистами. Возможно, что именно эти перспективы кого-то беспокоили и послужили причиной разгрома молодых партийных либералов по самому незначительному поводу. Вместе с Федором Бурлацким, тоже членом редколлегии «Правды», Лен в 1967 году написал очерк «На пути к премьеру», в котором критиковались методы и практика театральной цензуры. Попытка опубликовать его в «Правде» кончилась неудачей. Публикации в «Правде» считались директивными и находились под особым контролем. Карпинский как бывший секретарь ЦК ВЛКСМ отдал очерк в «Комсомольскую правду», где он был напечатан. В то время я его и прочитал. Реакция партийных верхов была быстрой. Бурлацкого и Карпинского после объявления партийного выговора уволили из редакции «Правды». После двух лет на второстепенных должностях в «Известиях» Карпинский получил должность заведующего в одной из редакций партийно-государственного издательства «Прогресс», выпускавшего в основном переводы советских книг для продажи за границей.

В 1969 году Лен Карпинский написал очень яркий очерк «Слово – тоже дело» и передал его Рою для возможного распространения в самиздате под псевдонимом Л. Окунев. Автор очерка критиковал попытки реабилитации Сталина, особенно настойчивые именно в 1969 году – в связи с девяностолетием со дня рождения диктатора. Карпинский хотел распространить очерк широко, но еще не знал, как это сделать. В результате очерк появился и в одном из выпусков «Политического дневника», который Рой выпускал для узкого круга друзей. В 1971 году вместе с другими ежемесячными выпусками «Политического дневника» я микрофильмировал его в Обнинске и отправил микрофильмы в Голландию в издательство имени Герцена. Два тома избранных материалов «Политического дневника» были опубликованы в 1972 и 1975 годах, однако очерк Л. Окунева не включили в эти издания из осторожности. Он был опубликован лишь в 1982 году при переводе избранных материалов «Политического дневника» на английский в сборнике «An End to Silence»: «Words Are Also Deeds» (N.Y.: W.W. Norton. P. 299–310). В этом издании уже раскрывалось и авторство Карпинского, ставшее известным в Москве с 1975 года.

Материалы самиздата собирали и анализировали не только в ЦРУ, но и в 5-м Главном управлении КГБ. Для экспертов этого управления стало очевидным, что в рядах оппозиции появился новый, весьма осведомленный автор, способный писать профессионально, талантливо и убедительно. Основная мысль очерка состояла в том, что идея, выраженная

словами в достаточно яркой форме, способна влиять на сознание и поведение людей. Эту же мысль, как известно, развивал в начале века и Ленин, создавая газету «Искра». Специфический слог очерка и заложенные в нем мысли были свидетельством зрелости автора как умелого пропагандиста. И его следовало найти. Под подозрение попали несколько журналистов, но доказательств не находили в течение многих лет. В тексте Окунева содержалось много ярких выражений, интересных и запоминающихся примеров. Литературно-публицистический почерк автора был индивидуален. Проблема для КГБ состояла в том, что в столь свободной форме можно было писать лишь в самиздат. Все подозреваемые публиковались и в общей прессе, неизбежно упрощая и стандартизируя при этом свои тексты.

В 1975 году, как мне рассказал Рой, Лен Карпинский, готовя к публикации сборник своих очерков и рецензий, возможно по неосторожности, дополнил один из них несколькими удачными параграфами и мыслями из «Слово – тоже дело». Эта вставка не прошла мимо внимания цензора Главлита, проверявшего верстку сборника. Сборник не был подписан в печать.

Карпинского вызвал в КГБ начальник 5-го Управления генерал Филипп Бобков и сделал ему пока предупреждение, которое Лен решил игнорировать. Именно в это время он и его друзья готовили издание альманаха своих теоретических работ по философии, политологии и истории, в составлении которого принимал участие и либеральный экономист Отто Лацис. Их планы были раскрыты, возможно, в результате прослушивания телефонных разговоров Карпинского. Он жил в квартире отца в правительственном Доме на набережной, где наверняка прослушивались все квартиры. Последовали обыск, конфискация рукописей, неизбежное исключение из КПСС и увольнение из издательства. Несколько лет Лен оставался без работы, поддерживая жизнь семьи продажей книг из большой библиотеки отца.

В начале 1980 года итальянское коммунистическое издательство «Riuniti» предложило Рою подготовить новую биографию Хрущева. Наша с Роем небольшая книга «Хрущев. Годы у власти», изданная в 1976 году, не была биографией. В то же время интерес к личности Хрущева сохранялся. Биографию Хрущева, как я вскоре выяснил, были готовы издавать в Югославии, Англии и США. Рой сообщил в «Riuniti» о своем согласии. В конфиденциальном письме от 21 сентября он писал мне:

«...Теперь о биографии Хрущева. Книга будет биографией по годам. Я напишу часть до 1953 года, это мне легко по ряду материалов. Я уже написал “Юность”, “Хрущев в 20-е годы”, “На партийной работе в Москве” (1932–1937)”, “На Украине” (1938–1941). Читаю местные и республиканские газеты. По периоду с 1953 до 1964 напишет Лен Карпинский. Он был в эти годы вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, потом зав. отделом “Правды”, лично знает Хрущева, Суслова и многих других, знает события из первых рук, знаком со всей семьей Хрущева. Зять Хрущева Аджубей был в “Комсомолке” его подчиненным... Мы одинаковых взглядов... Карпинский – сын друга Ленина Вячеслава Карпинского...»

В декабре 1980 года я заключил договор на книгу «Хрущев» с «Riuniti». В январе 1981-го был заключен договор и с издательством «Blackwell» в Оксфорде, а затем и с издательством «Zalozba» в Любляне. По опыту прошлых лет я знал, что в других странах предпочтут

переводить с английского, а не с русской рукописи или с итальянского перевода, который ожидался раньше других. Английское издание я предполагал редактировать и немного дополнять или сокращать – интересы западных читателей были мне лучше известны. Семья Хрущева передала Рою много фотографий.

Однако работа над книгой вскоре приостановилась. Лен Карпинский задерживал передачу Рою своих глав, не объясняя причин. Соглашаясь на этот проект, Лен, безусловно, полагал, что ему, безработному, беспартийному и нуждавшемуся, терять больше нечего. Его творческий потенциал требовал выхода, который можно было найти лишь на международном уровне. Он, однако, ошибался. Как оказалось, Лен с детства страдал от сахарного диабета. Два раза в день, утром и вечером, ему требовалась инъекция инсулина. При выездах из Москвы он мог делать инъекции сам. Наборы ампул и шприцов обеспечивала поликлиника. О болезни Лена знали лишь немногие. Несмотря на проблемы с работой, прикрепление к элитной поликлинике ЦК ВЛКСМ сохранялось. Врач этой поликлиники и личный друг, в распоряжении которого находилась история болезни, конфиденциально сообщил Лену о возможности его перевода в обычную районную поликлинику. Конечно, инъекции инсулина продолжались бы, больных диабетом лечат без исключений. Но инсулин «для всех» не импортировался из Дании, его получали из поджелудочных желез отечественных свиней.

Рой завершил работу над книгой о Хрущеве в конце 1981 года без участия Карпинского. Но сотрудничество с семьей Хрущева, в основном с его сыном Сергеем, сохранилось. Лен Карпинский смог возвратиться к активной творческой работе лишь в 1989 году, сначала как политический обозреватель, а с 1991 года как главный редактор очень популярной тогда газеты «Московские новости», что потребовало и восстановления членства в КПСС. Карпинский умер в 1995 году от осложнений диабета. Я узнал об этом из некролога, опубликованного 26 июня в лондонской газете *The Independent*.

Смерть генерала Цвигуна

Смерть Семена Цвигуна, первого заместителя председателя КГБ, 19 января 1982 года привлекла внимание западной прессы лишь после публикации некролога в «Правде» и в «Известиях» со словами «после тяжелой и продолжительной болезни». Между тем Цвигуна видели бодрым и здоровым в парадной форме месяц назад – на торжествах по случаю 75-летия Брежнева 19 декабря 1981 года. Под некрологом не было подписей Брежнева, Суслова, Черненко и Тихонова, которые полагались «по штату» в случае смерти генерала армии и члена ЦК КПСС. В связи с этим Рою позвонили несколько знакомых московских корреспондентов западных газет. Причин смерти Цвигуна Рой тогда еще не знал, но отсутствие подписи Брежнева под некрологом объяснял каким-то серьезным конфликтом в руководстве страны. Цвигун был личным другом Брежнева еще с 1945 года, когда Брежнев возглавил ЦК КП(б) Молдавской ССР. В КГБ СССР Цвигун был назначен в 1967 году одновременно с Андроповым, как «око государево». Андропову в то время поручался политический контроль за работой КГБ. Три его заместителя, ведавшие разведкой и оперативной работой внутри страны, Цвигун, Г. К. Цинев и В. М. Чебриков, были старыми друзьями Брежнева.

Через несколько дней Рой уже знал причину смерти Цвигуна и сообщил мне по телефону: самоубийство. Цвигун застрелился вечером у себя на даче.

Смерть Михаила Суслова

О смерти Суслова 25 января от инсульта стало известно на следующий день. В стране был объявлен трехдневный траур, как и после смерти Сталина. Суслов в партийной иерархии был вторым лицом после Брежнева. Именно Суслов в октябре 1964 года выступал инициатором и организатором смещения Хрущева и выдвижения Брежнева. Рой в нашей конфиденциальной переписке сообщал мне, что приступ высокого кровяного давления, приведший к госпитализации, а затем и к инсульту, произошел у Суслова после заседания Секретариата ЦК КПСС:

«...рассматривались ряд крупных дел о коррупции в очень высоких эшелонах власти. К таким перегрузкам старый и больной Суслов не был готов... Как раз после трудного разговора с Семеном Цвигуном, предмет и характер которого мы уже не узнаем, у Суслова повысилось давление, и он оказался в больнице на улице Грановского. Инсульт произошел уже в больнице, где начались процедуры, которые поначалу улучшили его состояние... следили за работой сердца, так как Суслов перенес инфаркт миокарда в 1976 году. Врачи не разрешали ему работать больше четырех часов в день. В кремлевской больнице на Грановского у него была постоянная личная палата, в которой он нередко ночевал после заседаний в ЦК... Все основные решения о диссидентах, арест Орлова, высылку А. Зиновьева, ссылку Сахарова и другие, принимались при участии Суслова».

Суслов был на четыре года старше Брежнева. Он обеспечивал преемственность власти между Брежневым и Сталиным. Смерть Цвигуна и Суслова позволила Юрию Андропову не только принять быстрые и самостоятельные решения по делам о коррупции и злоупотреблениях, которые были давно разработаны в КГБ, но и осуществить на следующий день после похорон аресты А. А. Колеватова, руководителя управления цирками, и артиста цирка Бориса Буряце, близких друзей Галины Брежневой, дочери генсека, санкцию на которые «в интересах стабильности» отказывался давать Суслов. Об этих делах и вообще о коррупции людей из близкого окружения Брежнева в настоящее время существует обширная литература и написано несколько детективных романов. Поэтому у меня нет необходимости чем-то эту историю дополнять. Хочу лишь кратко остановиться на тех фактах и лондонских наблюдениях, которые в СССР или в России, возможно, не были известны.

Роберт Максвелл и «Pergamon Press» – издатели для членов Политбюро

В марте или в апреле 1973 года, вскоре после приезда в Лондон, я посетил книжный магазин «Collet's», где продавались советские книги, их переводы на английский и книги британских авторов по истории России и СССР. Здесь можно было купить также различные советские журналы и газеты. Я уже знал от Робина Холлидея, заведующего отделом генетики, в котором мы с Ритой тогда начали работать, что Ева Коллет (Eva Collet Ricket), владелица этого магазина и шести других в Лондоне, была миллионершей, членом компартии Великобритании и тещей самого Холлидея. В то время ей было около 80 лет. В последующие годы я с ней встречался на семейных юбилеях Робина и его жены Дианы. Робин также рассказал, что книготорговая фирма Collet's получила недавно льготный

кредит, всего под три процента годовых, от «Международной книги» в Москве на строительство нового большого здания для книжного магазина. Такое здание в несколько этажей, раз в десять просторнее прежнего, рядом со знаменитым книжным магазином «Foyls» и недалеко от Оксфорд-стрит, действительно появилось через несколько лет. Я стал частым его посетителем. Те или иные необходимые мне советские научные книги, справочники и художественную литературу на русском можно было теперь заказывать здесь по каталогам, не обременяя Роя покупкой их в Москве и отправкой по почте. Здесь же оформлялась подписка на советские газеты и журналы. Большой отдел в новом здании магазина был отведен для произведений советских партийных лидеров. Продавались, и не дешево, «Избранные произведения Леонида Брежнева» в четырех томах, не только на русском, но и на английском, в твердых переплетах, на хорошей бумаге, с суперобложками. Богато иллюстрированное юбилейное издание «Leonid Ilych Brezhnev. A Biography. Institute of Marxism-Leninism» (Pergamon Press. Oxford) также стояло на полке. Эта книга, изданная в связи с 70-летием генсека в 1976 году, печаталась, как я узнал из очень критической рецензии в одной из газет, с большим размахом: 20 тысяч экземпляров в твердом переплете и 80 тысяч в мягкой обложке. «Кто может покупать такие скучные книги?» – удивлялся рецензент. Это была первая авторизованная биография Брежнева на английском языке. Здесь же продавались на русском и английском документальная повесть Брежнева «Малая земля» и отдельно – подарочный вариант всей трилогии военных повестей Брежнева.

В новом здании магазина продавались и английские издания трудов других советских лидеров: два тома избранных речей и выступлений Михаила Суслова, двухтомник – Алексея Косыгина, однотомники – Черненко, Кириленко, Подгорного, Андропова, Гришина и других членов Политбюро с портретами авторов. Стояли на полках также и переведенные на английский тома сочинений партийных лидеров соцстран – Николае Чаушеску, Владислава Гомулки, Яноша Кадара, Тодора Живкова и Эриха Хонеккера. Все эти тома печатались в Англии крупнейшим в Европе издательством научной литературы «Pergamon Press», владельцем и президентом которого был Роберт Максвелл (Robert Maxwell), бывший член парламента от Лейбористской партии, а теперь книгоиздатель и владелец нескольких британских газет. По некоторым сведениям, капитал его книжной и газетной империи приближался к миллиарду фунтов стерлингов.

Английские переводы сборников речей и статей советских лидеров можно было купить только в этом магазине. Никакой коммерческой выгоды продажа таких книг в Англии или в США не могла принести. Несколько десятков экземпляров могли купить университетские библиотеки, но они, как правило, заказывают их по каталогам по более низким ценам. Я не сомневался в том, что высокое полиграфическое качество изданий и их относительно большие тиражи в пять-шесть тысяч экземпляров оплачивались как заказные через субсидии от правительства СССР. Львиную долю тиража везли в Москву, распределяли по главным государственным и партийным библиотекам и ставили на полки в служебных и домашних кабинетах самих авторов. Возможно, их отправляли и в посольства СССР в разных странах. Важно было именно то, что эти тома вышли не в советских Госполитиздате или «Прогрессе», а в солидном британском издательстве в Оксфорде и их тексты переводили с русского на хороший английский профессиональные британские переводчики. Именно это обстоятельство придавало английским изданиям сборников речей и докладов Брежнева и его соратников особую престижность (как полагали, наверное, авторы этих книг и те, кто продвигал их издание за границей). В библиотеке Лондонской школы экономики и

политических наук я смог убедиться, что вся программа «Pergamon Press» по изданию английских переводов «трудов» советских партийных лидеров начиналась не с Брежнева, а с Хрущева.

Книги имели копирайт авторов и издательства, а это означало, что они издавались на основании договоров. Впоследствии я узнал, что авторы получали авансы и гонорары, так как тираж реализовывался с прибылью для издательства. Но суммы авансов и гонораров были относительно скромными, в пределах нескольких тысяч фунтов. Престиж был важнее для авторов. Отделы «Международной книги» или Книготорга, занимавшиеся импортом, покупали отпечатанные тиражи, обеспечивая прибыль издательству. Роберт Максвелл почти монополизировал книготорговый рынок переводов не только политической, но и научной литературы с русского и с других восточноевропейских языков благодаря особым соглашениям с «Международной книгой» и другими агентствами, по которым он получал ту или иную советскую книгу или журнал еще в верстке, то есть до выхода в свет. Он мог таким образом опережать своих возможных конкурентов. Советский Союз до 1973 года не входил во Всемирную конвенцию об авторском праве. Опубликованную в СССР книгу, будь то научная монография или художественное произведение, могли переводить и издавать в других странах без всяких договоров. Передавая «Pergamon Press» верстки книг и журналов до их выхода в свет в СССР, «Межкнига» обеспечивала Максвеллу приоритет. Тридцать советских наиболее важных академических журналов в английских переводах издавались для всего мира именно Максвеллом. Переводы журналов чаще всего делались в Москве во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ). Я мог убедиться в том, что советский журнал «Атомная энергия» и его переводной вариант «Soviet Journal of Nuclear Physics» появлялись в Британской библиотеке почти одновременно. Подписку на такое очень дорогое издание осуществляют сотни университетских библиотек и национальных лабораторий по атомной энергии по всему миру. В отличие от книг членов Политбюро, немало советских научных книг могли иметь коммерческий успех и в переводах. Это относилось, например, к двухтомным изданиям «Избранных трудов» академиков П. Л. Капицы, Л. Д. Ландау, Н. Н. Семенова, В. А. Энгельгардта и некоторых других ученых, имевших международный авторитет, а иногда и Нобелевские премии. При высоких ценах прибыль для западных научных издательств начиналась после продажи первой тысячи экземпляров. Покупали чаще всего университетские и национальные библиотеки. Р. Максвелл приезжал в Москву с группой редакторов несколько раз в год для отбора материалов непосредственно в научных издательствах. Его очень привлекали разные справочники. Отобранные им материалы отправлялись в Англию без проверок. Не исключено, что некоторым авторам он привозил авансы и гонорары. Максвелла встречали на высшем уровне. Я тогда видел в каком-то журнале фотографию встречи Максвелла с Брежневым в связи с вручением генсеку его книги. К 1980 году «Pergamon Press» считалось самым большим в Европе издательством научной литературы на английском языке. Среди более чем тысячи издаваемых им журналов был и геронтологический, «Experimental Gerontology», основанный Алексом Комфортом в 1965 году, в котором публиковались и мои статьи^[13].

Я познакомился с Робертом Максвеллом в сентябре 1957 года в Париже на международной конференции ООН – ЮНЕСКО по применению радиоактивных изотопов в научных исследованиях (см. главу 2). Труды этой конференции в четырех томах издавались как заказные издательством «Pergamon Press», и все участники получили заранее правила

для авторов по подготовке рукописей и иллюстраций. Переводы докладов советских участников делались заранее в Москве. В одном из зданий университета, где находился оргкомитет, две или три комнаты отвели этому издательству. Максвелл сам принимал авторов и собирал папки с рукописями. Одним из его помощников в просмотре материалов для издания оказался Питер Кэмпбелл (Peter Campbell), британский биохимик и исследователь синтеза белков, с которым я познакомился на заседаниях. Конференция продолжалась две недели, и я заходил в издательские комнаты несколько раз. Максвелл, высокий и подвижный, оказался очень общительным и жизнерадостным человеком. Он неплохо говорил и по-русски, причем явно не с английским акцентом, и был почти моего возраста, может быть на год-два старше. На его визитной карточке перед именем стояло воинское звание капитана. Кэмпбелл объяснил мне, что Максвелл действительно капитан запаса британской армии. Он по национальности чех, бежал после оккупации Чехословакии в 1938 году во Францию, затем в 1940 году в Великобританию. Вступил в британскую армию добровольцем. Участвовал в высадке десанта в Нормандии, отличился в боях, имеет боевые награды. Его родители, сестра и другие родственники, бежавшие из оккупированной Чехословакии в Венгрию, погибли в Освенциме в 1944 году. Поскольку Максвелл свободно владел несколькими языками (чешским, словацким, польским, русским, венгерским и немецким), то он оказался очень ценным сотрудником для британской контрразведки. В 1945 году его отправили в Берлин. Ему уже присвоили звание капитана. Но его чешское имя Ян Хох было неподходящим для британского разведчика, поэтому его сменили на Роберт Максвелл. Из Берлина и других городов Максвелл, уже по собственной инициативе, отправлял в Англию грузовики, наполненные немецкими научными книгами и журналами. Кто-то ему объяснил, что во время войны, с 1939 по 1945 год, тома знаменитых немецких журналов по химии, физике, металлургии, оптике, фармацевтике и другим областям науки и техники, в которых Германия оставалась лидером, не поступали в европейские и американские университетские библиотеки. Теперь эти пробелы можно было восполнить. То был первый деловой проект капитана Максвелла – распределение и продажа немецких научных книг и журналов. Он оставался в Германии до 1947 года. «Pergamon Press» как полноценное издательство появилось в 1951 году, и его сотрудничество с «Международной книгой» расширило диапазон изданий и обеспечивало стабильную прибыль. Значительная часть издательских расходов покрывалась теперь из бюджета СССР.

Второй раз я встретился с Максвеллом летом 1961 года на 5-м Международном биохимическом конгрессе в Москве. После необоснованного возвращения мне издательством «Наука» рукописи «Синтез белков и проблемы онтогенеза» (см. [главу 2](#)) я решил попробовать издать ее в переводе в Англии или в США. Монографий по этой теме на английском еще не было, так как ключевые открытия были сделаны лишь недавно. Переписку по поводу издания я начал именно с «Pergamon Press» и с Р. Максвеллом. Он был единственным западным издателем, с которым я был лично знаком. Я также знал, что большую часть переводов научных книг с русского издает «Pergamon Press», и поэтому считал (как выяснилось вскоре, очень наивно), что это издательство наиболее подходящее и для меня. Незадолго до конгресса я отправил Максвеллу с оказией переведенное на английский подробное оглавление своей монографии, напомнил о наших встречах в Париже и предложил издать перевод книги в Великобритании. Питера Кэмпбелла я посоветовал в качестве рецензента. Максвелл быстро ответил официальным согласием и предложил встретиться в МГУ. Как оказалось, Труды Биохимического конгресса, два или три тома

рефератов и 12 томов симпозиумов, по заказу оргкомитета тоже издавало «Pergamon Press».

Максвелл приехал в Москву незадолго до начала конгресса, и его издательство открыло офис в главном здании университета для встреч с авторами и сбора рукописей. Я встречался с Максвеллом не один раз. Он сам предложил принести ему рукопись и объяснил, что все материалы конгресса поместятся в багажнике его «Роллс-Ройса». Кэмпбелл тоже был участником конгресса, и мы пообедали втроем в профессорской столовой МГУ. Беседа была дружеской и доверительной. Максвелл сказал нам, что его особое отношение к России объясняется очень просто. Чешское село на границе с Польшей, в котором он родился, было до 1918 года частью Австрии, с 1919-го оно вошло в Чехословакию, а в 1945 году было передано в состав Украины вместе с Закарпатьем. Так Советский Союз стал его родиной. Он мечтает поехать в родные места и встретиться со школьными друзьями. После заключительного заседания и закрытия конгресса, покидая главное здание МГУ, я решил посмотреть свою почтовую ячейку в вестибюле. В ней оказалась толстая папка с рукописью моей книги. Никакого письма не было, лишь надпись: «Ж. Медведеву». По ячейкам почту распределяли сотрудники секретариата конгресса. Максвелл вернул мне рукопись без объяснений, что было нарушением элементарной этики. Видимо, он сам задумался, а может, ему объяснили другие, что рукопись поступила к нему от автора, а не через «Международную книгу» или советское издательство, а заключать договора напрямую с авторами он не решался. До сих пор помню, как я стоял с папкой на ступеньках главного здания МГУ, обманутый, преданный, удивленный и готовый к худшим последствиям. Я не мог понять, почему Максвелл не решился взять мою рукопись. Только через два или три дня, обсуждая возникшие проблемы с Ричардом Сингом, британским биохимиком, который, задержавшись в Москве еще на неделю и посетив Тимирязевскую академию, увез мою рукопись в Великобританию (см. [главу 2](#)), я понял, насколько Р. Максвелл финансово зависит от особых льгот, которые предоставляют ему именно в СССР. Когда я показал Сингу прежнее письмо от Максвелла, он объяснил мне, что по британским издательским правилам оно равноценно официальному контракту, которое издательство не имело права нарушать в одностороннем порядке.

В последующем жизнь и работа Роберта Максвелла несколько раз меняли свои направления. С 1964 по 1970-й он был членом парламента от Лейбористской партии. На выборах 1970 года проиграл консерватору и снова занялся издательским бизнесом. Теперь как бывший политик-социалист он стал встречаться с советскими и восточноевропейскими лидерами. В 1985 году подружился с Михаилом и Раисой Горбачевыми. Благодаря этому смог в 1988 году посетить свое родное село Солотвино в Тячевском районе. Издательская империя Максвелла разрасталась и распространилась в США, Германию, Францию, а затем и в Венгрию и Чехословакию. На короткий срок она стала крупнейшей в мире. В Англии Максвелл стал владельцем национальной газеты *Daily Mirror*, в США купил *The New York Daily News* и американское отделение крупного и знаменитого издательства «Macmillan». Но империя Максвелла в конечном итоге накопила и колоссальные долги банкам. Появление персональных компьютеров и Интернета оказалось губительным для многих традиционных газет и журналов. Книжные издательства и книжные магазины тоже разорялись или объединялись. Уменьшилась посещаемость библиотек.

Роберт Максвелл погиб в море в ночь на 5 ноября 1991 года, упав в воду с борта собственной яхты недалеко от Канарских островов. Пропажу магната обнаружил капитан яхты лишь утром и подал сигнал тревоги. Тело, далеко отнесенное морским течением, долго

не могли найти. Поиск вели несколько вертолетов и множество судов. Это событие стало сенсацией во всех вечерних новостях 5 ноября и утренних газетах 6 ноября. Об успехе поисков сообщила на первой полосе газета *The Guardian*, написав, что «тело Максвелла было обнаружено рыболовецким судном в 19–20 милях от Грандо, соседнего острова возле Гран-Канарии – более чем в 100 милях от местонахождения яхты...»

Гроб с телом привезли по просьбе семьи в Иерусалим. Похороны на Масличной горе 10 ноября имели статус почти государственных. С речью выступил премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Присутствовали, по сообщениям газет, лидер оппозиции и многие члены кнессета.

Основанная Максвеллом система издания трудов коммунистических лидеров была расширена еще при его жизни. К ней были подключены и другие издатели. Очень сильно возросли суммы авансов авторам при подписании договоров. Но их платили теперь не из госбюджета СССР, а из других, неизвестных фондов. Аванс за однотомник воспоминаний Андрея Громько, вышедший на английском в 1989 году, составил, как мне рассказал знакомый издатель в Лондоне, полмиллиона фунтов стерлингов. Другие контракты обеспечивали авторам еще более высокие платежи. Публичное вручение Ельцину аванса в 250 000 фунтов стерлингов в виде специально изготовленного крупноформатного чека Барклайс Банка за заказанную, но еще не написанную книгу воспоминаний я сам наблюдал в 1989 году по Би-би-си. Началась продажа за большие суммы прав на переводы или проекты книг других советских политиков на немецкий, французский, японский и даже голландский. Знакомый директор голландского издательства «De Naam» спрашивал меня по телефону, представляет ли интерес книга, права на издание которой в Голландии ему предлагали за большую сумму. Название книги «Перестройка» было уже всем понятно без перевода. Я ответил, что не читал ее.

Для оформления договоров в Лондоне было создано специальное литературное агентство. Переводы с русского книг времен перестройки, не очень интересных британцам, продолжали появляться в течение почти десяти лет. Я видел на витрине большого книжного магазина на Пиккадилли сменявшие друг друга книги Гайдара, Шеварднадзе, Бакатина, Рыжкова, Явлинского, Бурбулиса, Хасбулатова, Лебеда, Костикова, Примакова, Яковлева, Попова, Лужкова, Собчака и многих других.

Rule, Britannia!

В 1982 году Великобритания все еще оставалась колониальной державой, хотя термин «империя» почти не применялся. Актом Парламента в 1981 году были определены 14 зависимых или заморских территорий, среди которых большинству британцев были известны лишь Бермуды, Каймановы острова и остров Святой Елены, последний главным образом потому, что в 1821 году там умер Наполеон. В число колоний входил Гибралтар. Оставался колонией и основной остров Гонконга, но срок столетней аренды прилегающих к нему территорий континентального Китая истекал в 1998 году, и переговоры о передаче британского мандата КНР уже были начаты. О том, что колонией Великобритании являются Фолклендские острова в Южной Атлантике, многим британцам, особенно молодым, не было известно. Не знал этого и я. Население Фолклендского архипелага не превышало 2000 человек, их единственным занятием было овцеводство. Других отраслей экономики здесь не было. Холодный климат и бедные почвы на безлесных островах не позволяли развивать земледелие.

Экономические проблемы Великобритании в 1981–1982 годах продолжали нарастать, сопровождаясь рекордным ростом числа безработных, которое достигло 3,2 миллиона человек. Популярность правительства Маргарет Тэтчер падала, и на очередных парламентских выборах консерваторы, по опросам общественного мнения, неизбежно терпели поражение, уступая власть блоку лейбористов и либеральных демократов. Британская политическая система работала по принципу «качелей» и была легко предсказуема. Палата общин избирается на срок не более пяти лет. Для Тэтчер он заканчивался в начале мая 1984 года. Но она могла объявить досрочные выборы в любое, благоприятное для себя, время. Начатая консерваторами программа сокращения бюджетных расходов, сокращения регулирования финансовой системы и приватизации основных государственных отраслей экономики (угольной, металлургической, судостроительной и энергетической) продолжалась и не могла быть остановлена. По темпам она выходила на пик лишь в 1984 году, с 3,5 миллионами безработных. Лейбористы проиграли выборы в 1979 году с 6 % безработных. Консерваторов ожидали выборы с 12 % безработных и на фоне открытого противостояния всех профсоюзов правительству. Спасти Тэтчер, не получившей еще титула «железной леди», могло лишь чудо. Оно и произошло в неожиданной для всех форме – оккупации аргентинской армией Фолклендских островов.

Экономическое положение самой Аргентины было в начале 1982 года намного хуже британского. Среди развитых капиталистических стран оно оказывалось наиболее критическим. Демократических «качелей» здесь не было. Страной правила военная хунта, альтернативой которой могла стать лишь социалистическая революция. Инфляция на уровне 140 %, самая высокая в мире, девальвация национальной валюты и угроза дефолта по огромному внешнему долгу в 37 миллиардов долларов делали эту альтернативу вполне реальной. Спасти положение могла лишь успешная военная кампания. Вспышка патриотизма – это самое мощное политическое оружие для преодоления любого кризиса. Никто в Аргентине не ожидал, что Великобритания окажется способной вести военные действия за десять тысяч миль от собственной территории.

Поражение в этой короткой войне спасло Аргентину и от революции, и от дефолта. Глава хунты генерал Леопольдо Гальтери (Leopoldo Galtieri) ушел в отставку, и Международный валютный фонд обеспечил стране отсрочку в выплате долгов. Победа в войне позволила Тэтчер объявить досрочные выборы в парламент на июнь 1983 года. При безработице на уровне 13 %, самой высокой в послевоенный период, консерваторы завоевали в палате общин 397 мест, оппозиция (лейбористы, либералы и социальные демократы) – 232.

О хлебе насущном

В главе 46 я уже сообщил о том, что в конце 1980 года подписал договор с нью-йоркским издательством на книгу о сельском хозяйстве СССР. Интерес к этой теме возник в США в связи с введением президентом Картером эмбарго на продажу зерна в СССР. Для меня эти проблемы всегда были интересны. Теперь возник стимул для исторических исследований и обобщений. В отличие от западных экономических теорий, включая и марксизм, считавших главным фактором успешного развития цивилизаций рост городов и промышленности, я был убежден, что основным постоянным условием развития цивилизаций являлись воспроизводимые и возраставшие сельскохозяйственные ресурсы.

Захват новых сельскохозяйственных земель был важной целью многих войн, начиная с тех, которые вела Римская империя. Мореплавание и торговля в течение нескольких тысячелетий обеспечивали в основном обмен сельскохозяйственными продуктами. Для изготовления большей части потребительских товаров – тканей, одежды, обуви и др. – требовалось сельскохозяйственное сырье. Монгольская империя просуществовала несколько веков, отнимая продукты земледелия у оседлых наций. Сельскохозяйственные ресурсы остались главным фактором международной политики и в XX веке. Оккупация Японией Маньчжурии, а затем и вторжение в Китай в 1936 году, как и нападение Германии на Польшу в 1939-м и на Советский Союз в 1941-м – для расширения «жизненного пространства» – были прежде всего попытками захватить чужие природные ресурсы для «высших рас», развитие которых нельзя было обеспечить в их собственных исторически сложившихся границах.

Российское крестьянство было уникальным из-за природных условий. Восточные цивилизации, китайская и индийская, развивались в теплом климате и при обилии осадков. Восточнославянские племена, вытесненные кочевниками с плодородных степных черноземных земель между Доном и Днепром на север, вынуждены были вести хозяйство на подзолистых лесных почвах. Сельскохозяйственные угодья создавались здесь с большим трудом путем выжигания лесов. Зола служила и удобрением. Несмотря на огромные размеры территорий, пригодных для распашки, площадей всегда не хватало. Трудности культивации земель привели к появлению деревенских поселений и крестьянских общин. Долгая зима способствовала развитию в селах разных ремесел, существовавших в Западной Европе лишь в городах.

Основными культурами для восточных славян стали рожь, овес и лен, урожаи которых из-за бедных почв и континентального климата с коротким летом и редкими дождями почти всегда были низкими. Лесные продукты, грибы, ягоды и орехи были важной частью диеты. Охота и рыбная ловля дополняли традиционную диету животными белками. Русский народ в массе своей оставался бедным, крестьянским и крепостным на 200–250 лет дольше, чем

французский, английский, голландский или испанский. Действительно стихийная Февральская революция в России в 1917 году была крестьянской, а не пролетарской. Одной из причин революции стала сильная инфляция, снизившая объемы закупок хлеба для армии и городов, и введение так называемой зерновой монополии, позволившей правительству отбирать запасы зерна не только у крупных хозяйств, но и у крестьян. Февральская революция сопровождалась захватом крестьянами помещичьих земель. После революции продовольственная торговля почти прекратилась. После отречения Николая Второго от престола царские банкноты обесценились, а продавать зерно за керенки крестьяне не хотели. Конфискация зерна у крестьян продотрядами для нужд городов – продразверстка, введенная Временным правительством, не смогла обеспечить нужд столицы. С хлебных бунтов в Петрограде началась Октябрьская революция с ее Декретом о национализации всех земель, крестьянских, помещичьих и церковных. Частная собственность на землю была отменена. Распространение уже большевистской продразверстки на юг привело к восстаниям казаков и к расширению Гражданской войны.

К началу 1982 года я завершил вчерне историческую часть книги «Soviet Agriculture», охватившую период до 1941 года. Главный, неожиданный для меня, но основанный на статистике вывод состоял в том, что коллективизация крестьянства не решала проблемы продовольственного снабжения страны, а отвечала требованиям индустриализации. Производство продовольствия, особенно животноводческих продуктов, в период с 1929 по 1939 год не возросло, а уменьшилось. При этом из деревень ушли в города миллионы крестьян, обеспечив промышленные стройки дешевой и подвижной рабочей силой. В питании населения, даже деревенского, доля животноводческих продуктов упала к 1939 году по сравнению с 1924-м. Уменьшилось и потребление хлеба. Дефицит хлебных калорий компенсировался картофелем. Реальное увеличение продовольственных ресурсов произошло лишь в рекордно урожайном 1940 году. Возобновился и экспорт зерна, по иронии судьбы – прежде всего в Германию.

Далее мне предстояло рассмотреть послевоенные проблемы в сельском хозяйстве СССР и проанализировать их по отраслям (зерновые и технические культуры, животноводство, механизация, удобрения и т. д.). Именно в это время стало известно, что майский пленум ЦК КПСС собирается в Москве для обсуждения и принятия новой радикальной Продовольственной программы, рассчитанной на две пятилетки и нацеленной на возвращение продовольственной независимости страны. Осуществить ее планировалось путем преимущественных инвестиций в сельское хозяйство нечерноземной полосы Среднерусской равнины. Подготовка Продовольственной программы велась по инициативе Брежнева в течение двух лет.

Необходимость реформ стала очевидной после низких урожаев зерновых в 1979 и 1980 годах и катастрофически низкого в 1981-м. Импорт зерна достиг 46 млн тонн в год и при падающих ценах на нефть требовал внешних займов и кредитов.

До 1972 года Советский Союз обходился без импорта зерна. Однако рост городского населения и развитие промышленности, особенно в восточных и северных районах, требовали увеличения товарных продовольственных запасов. Но росту их производства не способствовала колхозная система принудительного труда – советский вариант крепостного права, при котором крестьянская семья не только отработывала «барщину» в колхозе, но и платила «оброк» в виде налога на арендуемые у колхоза приусадебные участки. Функции помещиков выполняли теперь председатели колхозов и сельсоветов, секретари райкомов и

чиновники райисполкомов. Невыполнение обязательного минимума работ рассматривалось как преступление и вело к сокращению или конфискации приусадебных участков, арендуемых у колхоза. До 1956 года невыполнение колхозником обязательного минимума трудодней было основанием для исключения из колхоза и высылки в отдаленные районы СССР. (Эта крайняя мера была введена в 1948 году на Украине по инициативе Хрущева и активно применялась.) Государственных трудовых пенсий колхозники не получали. Их пенсии были символическими и часто лишь в виде натуроплаты. Отсутствие паспортов у советских крестьян ограничивало их права на передвижение по стране. Институт прописки не позволял колхозникам находиться в городах дольше трех дней и лишал их квалифицированного медицинского обслуживания. Таким образом, колхозники были лишены значительной части тех прав, которые по Конституции и на практике предоставлялись городским жителям. Проводить сельскохозяйственное освоение новых восточных территорий путем создания там колхозов было невозможно. На старых территориях число колхозов после 1945 года постоянно сокращалось, главным образом из-за их разорения. Сельскохозяйственный труд при постоянно низких закупочных ценах на все виды продовольствия был нерентабельным. Отсутствие у колхозов прибыли тормозило применение новой техники и удобрений, которые следовало закупать у государства.

Освобождение советских крестьян от введенной в 1932 году крепостной зависимости началось лишь в 1974 году, когда вышло Постановление Совета Министров СССР о введении единых паспортов для всех жителей СССР. Завершить процесс всеобщей паспортизации планировалось в декабре 1981 года. По некоторым подсчетам, из беспаспортного крепостного состояния были освобождены более 50 миллионов человек – в два раза больше, чем по манифесту Александра II в 1861 году.

До 1981 года шел постоянный отток населения из деревень. Молодые люди после обязательной службы в армии не возвращались домой и не вступали в колхоз. Девушки покидали деревни, поступая в городские учебные заведения, вербуясь на молодежные стройки или просто выходя замуж за городских. Громадный отток сельского населения из нечерноземной зоны произошел в период 1956–1964 годов при освоении целинных земель Казахстана и Южного Алтая, где создавались только совхозы, а не колхозы. Бывшие колхозники, уехавшие на освоение целины, переходили в категорию рабочих совхозов, приобретая право на регулярную зарплату и паспорт. Отток трудоспособного населения из деревень происходил и по системе лимитов – найма по договорам на низкооплачиваемые и тяжелые работы в городах или в отдаленных районах. «Лимитчики», жившие в общежитиях, оказывались наиболее бесправной частью населения. Возможность получить статус рабочих и свободное трудоустройство появлялась обычно через пять лет. Система «лимитчиков» служила альтернативой ГУЛАГа.

В мае 1982 года, за несколько дней до открытия пленума, Брежнев лежал в больнице на улице Грановского. Поскольку это недалеко от Кремля, то заседания Политбюро для обсуждения проектов различных решений происходили прямо в больничной палате. Текст доклада был подготовлен помощниками и аппаратом, но внятно произнести его на пленуме генеральный секретарь был не в состоянии, длинные слова и термины Брежнев не выговаривал до конца. Закончив доклад, Брежнев снова оказался в больничной палате. Западная пресса комментировала на следующий день не столько Продовольственную программу, сколько избрание на вакантный после смерти Суслова пост секретаря ЦК КПСС по идеологии Юрия Андропова. Проблема престолонаследия была решена, и явнс

неожиданным образом для большинства западных прогнозистов.

Как стало известно позднее, Андропов перед переездом-возвращением на Старую площадь, где он работал до 1967 года, собрал прощальное заседание всех генералов разведки в штаб-квартире 1-го Главного управления в Ясеневе на юге Москвы. Поблагодарив их за работу, он дал понять, что лишь поднимается во власти, оставаясь их руководителем. В здании на Лубянке Андропов собрал Коллегию КГБ и представил всем нового председателя, генерал-полковника Виталия Федорчука, почти неизвестного в Москве человека, возглавлявшего до этого КГБ Украины. КГБ СССР лишился политического влияния и возвращался к статусу военной спецслужбы. В отличие от Брежнева с его реальным коллективным, хотя и клановым руководством, Андропов не намеревался делить свою власть с коллегами по Политбюро.

Смерть Брежнева

После майского Пленума ЦК КПСС Брежнев оставался в больнице еще месяц, а затем до конца лета отдыхал в своей южной резиденции на Черном море. Здесь его навещали партийные лидеры стран СЭВ – Г. Гусак, Э. Хонеккер, В. Ярузельский, Ю. Цеденбал и другие, которые имели собственные, подаренные им дачи неподалеку. Об этих визитах сообщала и пресса. Нужно было продемонстрировать не только солидарность, но и личную дружбу коммунистических вождей. 7 ноября, как всегда, Брежнев появился на трибуне Мавзолея, 9 ноября приезжал в ЦК КПСС для встречи с Андроповым. В ночь на 10 ноября Брежнев умер во сне от инфаркта миокарда. Два раза в недалеком прошлом он уже оказывался в состоянии клинической смерти, из которой его выводила группа реанимации, повсюду сопровождавшая генсека в специально оборудованном автомобиле. Но ночью реаниматоров поблизости не оказалось. В 8 часов утра дежуривший в тот день сотрудник охраны Владимир Собаченков, обнаружив Брежнева без сознания, начал массаж сердца (все члены охраны были обучены методам реанимации), но было уже поздно.

Смерть Брежнева держалась в тайне до следующего дня. О ней могли сообщить народу лишь после вечернего заседания Политбюро, которое выносило решение о кандидатуре нового генерального секретаря и назначало также и председателя похоронной комиссии. На пост генерального секретаря был рекомендован Юрий Андропов. Но официальное избрание нового лидера на Пленуме ЦК КПСС могло произойти лишь после похорон. Им председателем похоронной комиссии объявили утром 11 ноября: Андропов Юрий Владимирович. Похороны были назначены на 15 ноября.

Вечером 11 ноября мне позвонил Эндрю Уилсон, заместитель главного редактора воскресной газеты *The Observer*:

«Жорес! Мы решили посвятить номер нашего иллюстрированного приложения похоронам Брежнева. Наш фотокорреспондент вылетает в Москву и будет фотографировать всю церемонию... Ведь такого не было уже тридцать лет после смерти Сталина... Мы хотели бы, чтобы вы дали нам комментарии всего ритуала и сравнили бы его с ритуалом похорон Сталина... В следующем после похорон воскресном журнальном приложении мы дадим весь этот материал...»

Все воскресные газеты в Англии распространяются вместе с крупноформатными иллюстрированными журналами, по 60–80 страниц в каждом, как с новостным, так и с разнообразным развлекательным материалом. Такие журналы вызывают даже больший интерес у обывателя, чем сама газета. Мне предлагали дать репортаж для подобного приложения *Observer Magazine*. Рано утром, кажется в 6.30, 15 ноября, с учетом трехчасовой разницы во времени, в одной из студий Телевизионного центра ВВС велась прямая трансляция Московского телецентра с Красной площади всей церемонии похорон, которая, если судить по похоронам Сталина 9 марта 1953 года, могла занять около трех часов. В лондонской студии собралось более пятидесяти человек: журналисты, политики, сотрудники посольств, возможно и представители спецслужб. Всем им обеспечивался синхронный перевод через наушники.

Похорон Сталина я не видел. Телевизоры в Москве в 1953 году были редкостью. Мы с Ритой снимали тогда комнату в подмосковных Химках, телевизора у нас не было. Я слушал трансляцию похорон по радио, у меня был хороший по тому времени радиоприемник. Недели через две я смотрел и кинохронику похорон, ее показывали перед началом фильмов во всех кинотеатрах Москвы. Звучал знакомый всем нам голос Левитана. Гроб с телом Сталина подняли в 10 часов офицеры кремлевского полка, между ними шли, лишь прикасаясь к гробу, ближайшие соратники вождя. С многочисленными венками гроб вынесли из Колонного зала Дома Союзов и установили на орудийном лафете. Не слишком многочисленные награды Сталина несли из Дома Союзов до Мавзолея на бархатных подушечках прославленные маршалы и генералы. Первыми в этой процессии несли два высших полководческих ордена «Победа», за ними Золотую Звезду Героя Советского Союза и ордена Ленина. Траурный митинг открывал и закрывал Хрущев, председатель похоронной комиссии. Первым выступил Маленков, вторым был Берия, третьим, наиболее эмоциональным и запомнившимся, оратором неожиданно оказался Молотов, бывший, после ареста и ссылки жены Полины Жемчужины в 1949 году, в опале.

В настоящее время многое из того, что я увидел 15 ноября 1982 года на большом экране телецентра в Лондоне, воспринимается и комментируется по-разному. Поэтому я приведу здесь перевод с английского тех комментариев, которые были опубликованы в иллюстрированном очерке «Funeral in Moscow» («Похороны в Москве») 28 ноября 1982 года:

«Смотря похороны Брежнева по телевизору в Лондоне, я прежде всего обратил внимание на то, насколько весь ритуал и выступления были лишены каких-либо эмоций, даже по сравнению с похоронами партийного идеолога Михаила Суслова, проходившими на Красной площади лишь 10 месяцев назад. Разница с похоронами Сталина в марте 1953-го, которые я помню, была еще значительней... Речи на похоронах Сталина звучали искренно и были полны восхвалениями “отца народов”, “гения”, “величайшего полководца”, “великого лидера коммунизма”... Короткие речи на похоронах Брежнева характеризовали покойного лишь “выдающимся” и почти не говорили о его заслугах... Создавалось впечатление, что Юрий Андропов, председатель похоронной комиссии, запретил все предположения о том, что Брежнев оставил нам пример для подражания...»

«Речь Андропова была лишь коротким введением для четырех последующих выступлений: Устинова, министра обороны, академика Александрова, за которым получили трибуну партийный секретарь Днепродзержинска – города, в котором

родился Брежнев, и 40-летний рабочий-шлифовальщик московского завода, молодость которого безжалостно подчеркивала старческий вид людей, стоявших возле него. На похоронах Сталина последовательность речей была знаменательна, Маленков, Берия, затем Молотов – в то время номера Один, Два и Три, правящая тройка. Хрущев был тогда номером Четыре. В понедельник 15 ноября от Политбюро выступали лишь Андропов и Устинов, и это не было случайностью. Это показывало, что у власти в СССР стоит теперь дуумвират, состоящий из бывшего председателя КГБ и министра обороны... Содержание всех речей косвенно показывало, что Брежнев был достойным человеком, но слабым лидером... при нем процветала коррупция, работали плохо, не было дисциплины... Как только гроб с телом Брежнева опустили в могилу, траурную музыку внезапно сменил четкий военный марш... Во время объявленных трех минут молчания лидеры на трибуне Мавзолея не стояли неподвижно, а менялись местами и что-то говорили между собой... Нарушения протокола начались еще раньше. По всем традициям, даже для не столь важных похорон, награды покойного несут офицеры, каждый орден на отдельной подушечке из красного шелка. Ордена Брежнева несли в беспорядке, по несколько на каждой подушечке и самый высший из орденов, «Победа», где-то посередине...» (How they buried Leonid Plyich // Observer Magazine. November, 1982. P. 18–24, 26).

С орденами и медалями Брежнева кремлевский похоронный церемониал был демонстративно нарушен. Это был сигнал, понятный для всех. Леонид Брежнев, закончивший войну в 1945 году генерал-майором в должности начальника политотдела 18-й армии, имел шесть боевых наград, четыре ордена (два Красного Знамени, Красной Звезды и Богдана Хмельницкого) и две медали. Все остальные из более чем ста орденов и медалей, выставленных в Колонном зале, были получены покойным после войны, а орден «Победа», высший полководческий орден, учрежденный в 1943 году, Брежнев получил в 1978 году по Указу Президиума Верховного Совета, председателем которого был он сам. (Первый орден «Победа», учрежденный в 1943 году, был присужден Г. К. Жукову «за освобождение Правобережной Украины», второй – начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому, третий – Сталину, четвертый – маршалу К. К. Рокоссовскому «за освобождение Польши».) Четыре Золотые Звезды Героя Советского Союза, первая из которых была вручена Брежневу в 1966 году, четвертая в 1981-м, ставили его на первое место в списках Героев. Маршал Г. К. Жуков тоже имел четыре Золотые Звезды, но в списках по алфавиту он шел вторым. Маршалы К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский и другие, имевшие по три Золотые Звезды следовали теперь за Брежневым.

Нарушение церемониала с орденами, безусловно, санкционировалось Андроповым. Золотые Звезды Героя сгруппировали по две на подушечку и здесь же прикрепили Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Но к каждой Золотой Звезде присуждался и орден Ленина, и еще три ордена Ленина были получены независимо от званий. Группировать ордена Ленина не решились, по-видимому, из уважения к лику вождя революции. На каждый орден Ленина выделили отдельную подушечку. Их несли генералы. Остальные ордена группировались в беспорядке, и орден «Победа» был сдвоен с каким-то другим. Но и в этом случае «орденская» процессия, состоявшая из сорока четырех офицеров, в основном полковников, оказалась наиболее длинной.

По моему мнению, которое я в то время не высказывал в прессе, Брежнев страдал не просто гипертрофированным тщеславием, усилившимся после 1969 года вместе с укреплением власти, но и развившимся на его основе синдромом нарциссизма, исключительной самовлюбленности. Эта болезнь имеет разные формы, и главы государств, тем более недемократических, попадают в группу риска. То, что Брежнев не мог пройти мимо зеркала, не оглядев в нем внимательно самого себя, было замечено еще при его первых визитах в США. Брежнев стал очень ревнив, собирал отзывы о самом себе и к концу жизни был уверен, что он не только великий полководец, но и великий писатель, ученый и философ. Академия наук СССР присудила ему в 1977 году Золотую медаль имени Карла Маркса, которую лишь раз в три года присуждали «за выдающиеся достижения в области общественных наук». Но такой же медали были удостоены Михаил Суслов и Константин Черненко.

Конец эпохи застоя

Серьезные аномалии в общей политике «коллективного руководства» Брежнева начали появляться в 1974 году, когда я уже жил в Лондоне. Замечать их я стал еще позже, работая над книгой о советской науке. Примерно с 1975 года началось неожиданно щедрое финансирование всех академий. Некоторые престижные научные проекты приобретали неоправданный характер гигантизма. В этот период много новых научных институтов появилось прежде всего в столичных городах – в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку, Ереване, Ташкенте. В Москве возникли институтские здания-дворцы, отделанные мрамором, с зимними садами и небывалых доселе размеров: Институт кардиологии, Онкологический центр, Институт биоорганических соединений, Институт медико-биологических проблем и много других, по две-три тысячи сотрудников в каждом. Началось проектирование сверхмощных систем в физике и в космонавтике. Один из проектов намечал постройку в Протвине, недалеко от Серпухова, самого большого в мире синхротрона – ускорителя протонов с кольцевым подземным туннелем для вакуумной трубки длиной 21 км, примерно равной кольцевой линии Московского метро. Для Президиума АН СССР начали проектировать высотный дом-дворец на правом берегу Москва-реки. Это было явное подражание Сталину, оставившему потомкам высотное здание Московского университета и застроенный новыми большими зданиями институтов АН СССР юго-запад Москвы.

Нефть, по добыче которой (600 млн тонн в год) Советский Союз вышел на первое место в мире, продолжала дорожать до 1980 года и вместе с природным газом давала Советскому Союзу почти половину всех экспортных доходов. За десять лет (1970–1980 годы) баланс внешней торговли вырос почти в десять раз, обеспечивая четверть бюджетных расходов. Весь импорт Советского Союза в 1960 году составлял 5 млрд «инвалютных» рублей, в 1970-м – 10 млрд и 45 млрд в 1980-м. Уровень жизни населения, безусловно, возрастал, и именно это было основным фактором политической стабильности. Главными стройками десятилетия стали длиннейшие в мире газопроводы и нефтепроводы, а также атомные электростанции. Производство электроэнергии в стране возросло в три раза. Советский социализм формировался как потребительское общество с упрощенной экономикой, основанной на добыче и продаже природных ресурсов. В таком обществе идеологические и религиозные проблемы отступают на второй план. Рост благосостояния создавал у основной массы населения равнодушие к политическим проблемам. Заметно ослабли централизация

власти и контроль партийных структур за работой правительства. Этому способствовало и то, что премьер-министр Алексей Косыгин, ставший наркомом еще до войны, был независимой фигурой.

Однако стихийно формировавшаяся новая модель экономики вступила в явное противоречие с предусмотренной Конституцией государственной монополией внешней торговли. Министерство внешней торговли СССР было «общесоюзным», и отдельные республики могли осуществлять свои внешнеторговые операции лишь под его контролем. Это министерство просто не могло справиться со столь сильно возросшими экспортно-импортными потоками огромной страны. Развитие всех видов коммуникаций и торговли вступило в противоречие с централизованным приоритетным снабжением потребительскими товарами и продуктами питания прежде всего столиц и городов-героев. Явления, которые в то время характеризовались как «коррупция на высшем уровне», были в основном попытками руководства некоторых союзных республик, прежде всего Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Эстонии и Латвии, и некоторых областей и краев тайно осуществлять независимые от Москвы экспортно-импортные операции для лучшего снабжения собственного населения. Слабость центральной власти приводила к самозарождению частного предпринимательства и подкупу чиновников всех уровней. Эти явления противоречили сформировавшейся при Сталине модели СССР, которая была рассчитана на полную экономическую независимость страны (а после войны – группы социалистических стран) от «капиталистического окружения».

«Эпоху застоя», или «самое спокойное десятилетие» правления «позднего» Брежнева, со всей его коррупцией, некоторые вспоминают сейчас с ностальгией. Однако сам Брежнев как личность по-прежнему не привлекает к себе какого-либо внимания историков. Именно исключительная серость и слабость руководства стали причиной инерционного развития России, потому что мощный разгон экономическому росту страны в разные эпохи обеспечивали более сильные лидеры: Петр Первый в XVIII веке, Александр Второй в XIX, Столыпин в начале XX и Сталин после 1929 года.

---

notes

См.: *Юрий Вавилов*. В долгом поиске: Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых: Сборник документов и воспоминаний. М.: изд. ФИАН, 2008. С. 122–128. Это редкое издание, напечатанное на средства автора тиражом 500 экз.

Строительство Главного туркменского канала было начато в 1951 году. Но победа над пустыней оказалась не по силам ослабленной войной стране. После смерти Сталина строительство заморозили, а затем отменили.

В 1968 году Столетов, министр высшего образования РСФСР и заведующий кафедрой генетики МГУ, получив на отзыв из издательства «Молодая гвардия» книгу о Вавилове из серии «Жизнь замечательных людей», попросил в личной беседе с ее автором Семеном Резником удалить из текста положительную характеристику академика Тулайкова (*Семен Резник. Дорога на эшафот. Париж – Нью Йорк: Третья волна, 1983. С. 15*).

Через много лет я узнал, что в 1942 году во время войны Волстенхолм, опытный хирург, спустился на парашюте в расположение югославских партизан маршала Тито. Вместе с ним было сброшено и оборудование для военно-полевого госпиталя. Он работал в горах Югославии почти два года, и его жена Душанка была сербским врачом этого госпиталя.

Сергей Королев умер 14 января 1966 года в возрасте 59 лет на операционном столе во время рутинной операции по удалению полипов прямой кишки. Эту слишком затянувшуюся из-за осложнений операцию проводил лично министр здравоохранения СССР профессор Б. В. Петровский, бывший в прошлом хирургом.

Лишь недавно стало известно, что 18 января 1970 года на заводе «Красное Сормово» в Горьком при испытании реактора для подводной лодки К-320 произошел выброс радиоактивности, в результате которого облучились сотни человек. Быстрая смерть наступила у трех рабочих, десятки других умерли позже от острой лучевой болезни. Дозиметрию не проводили, так как рабочие из цеха, их было около тысячи, в панике разбежались, даже не сняв спецодежды. Об этой аварии стало известно лишь после истечения срока подписки о неразглашении. Пострадавшие рабочие и участники ликвидации последствий объединились в общество «Январь-70», добиваясь улучшения медицинской помощи и компенсаций (см.: Чернобыль на «Красном Сормове» // Российская Федерация сегодня. № 8. 2004).

Книги на английском языке обязательно должны печататься в США и в Великобритании разными издательствами, которые заключают между собой соглашение о разделе рынка продаж. Законы, связанные с юридическими претензиями к публикациям, существенно различны в Англии и в США. В Англии за точность всей информации в книге несет ответственность издательство, в США – автор книги. При этом используется чаще всего один и тот же набор, но делаются разные суперобложки.

В. П. Эфроимсон умер в 1989 г. в возрасте 80 лет. Отрывки из его книги стали публиковаться в журнале «Человек» в 1997 году. Полная версия книги «Генетика гениальности» была опубликована в 1998 году в московском информационно-издательском агентстве «Русский мир» под названием «Гениальность и генетика».

Высокоскоростной электропоезд.

Александр Улановский, участник Октябрьской революции и Гражданской войны, был также работником Коминтерна. В 1949 году он был арестован и оказался в одном лагере с Якубовичем. Реабилитирован в 1956 году.

В настоящее время такой вид почтовых отправлений не используется. Аэрограмма представляла собой тонкую полоску голубой бумаги, на одной стороне которой писали текст письма, затем ее вкладывали в легкий конверт, заклеивавшийся по бокам. Почтовая марка уже была напечатана на адресной стороне. Аэрограммы подлежали приоритетной отправке.

Эти копии см. в книге: *Жорес Медведев. Атомная катастрофа на Урале*. М.: Время, 2017. С. 91–99. – *Примеч. ред.*

В 2000 году в этом же журнале был опубликован написанный мною некролог «Alex Comfort (1920–2000) known and unknown». Vol. 35. P. 897–900.